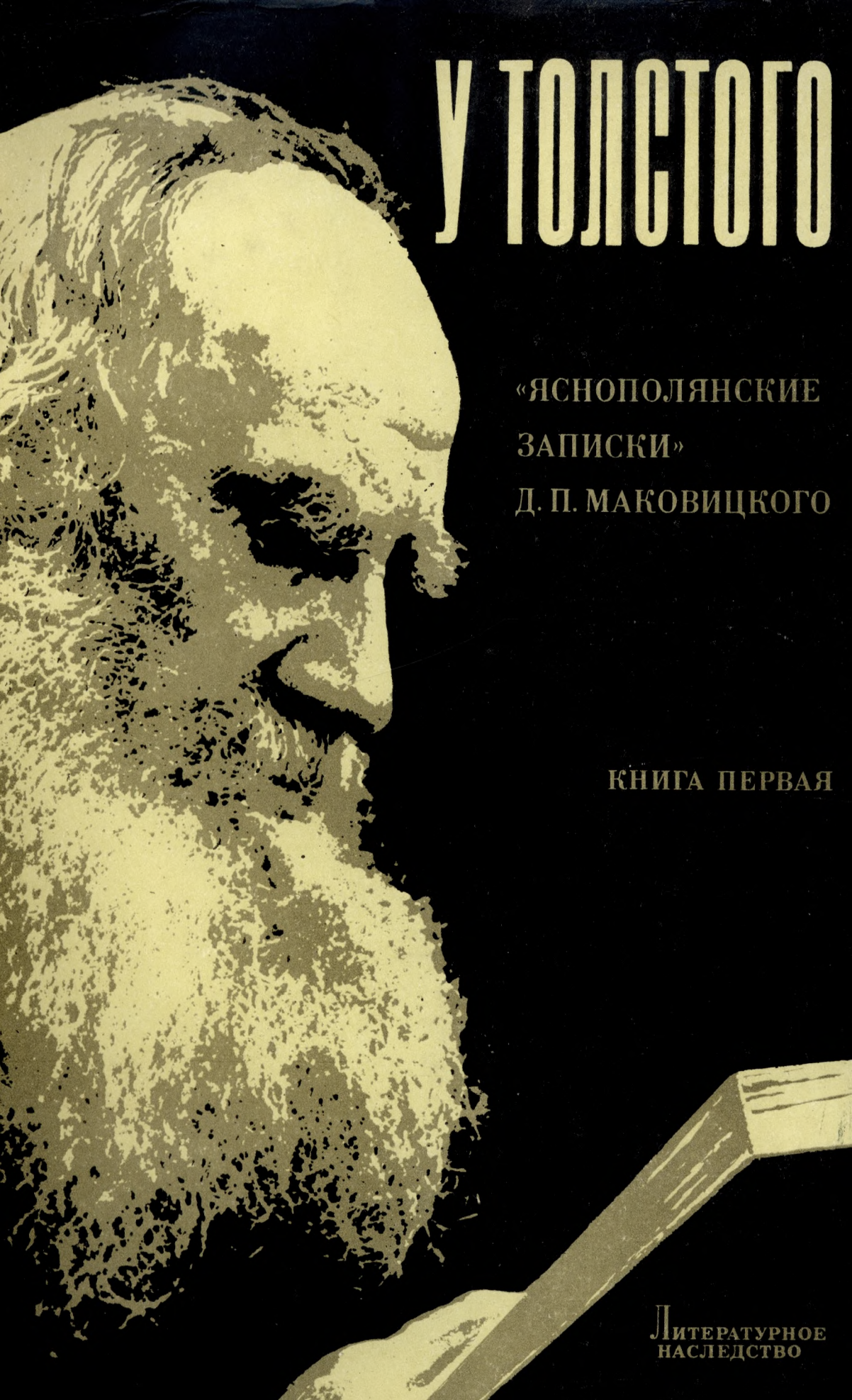


У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Настоящий том «Литературного наследства», в четырех книгах, посвящен публикации обширного дневника - хроники о Л. Н. Толстом его домашнего врача, секретаря и друга, словака по национальности, Д. П. Маковицкого. Он прожил в Ясной Поляне с конца 1904 по 1910 г. и сопровождал Толстого в его последней поездке, прервавшейся в пути болезнью и смертью писателя на станции Астапово. Маковицкий дал своему дневнику название «У Толстого 1904—1910». Но в литературе он получил известность под именем «Яснополянские записки».

Дневник Маковицкого — документ единственный в своем роде, источник первостепенной важности. Это летопись всего, что на протяжении своей жизни в Ясной Поляне, возле Толстого, видел и слышал Маковицкий; это хронограф жизни Толстого не только по дням, но часто буквально по часам; это широкая панорама быта яснополянского дома. Это и исторический памятник эпохи, своеобразно отражающий те годы, в которые он создавался,— годы русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей вслед за ее поражением полосы реакции. Главная и ценнейшая особенность дневника Маковицкого — множество приведенных в нем разговоров и высказываний Толстого, записанных либо синхронно их произнесению, «стенографически», либо по свежей памяти, «протокольно». «Яснополянские записки» — единственный источник, в котором с таким изобилием и с такой документальной достоверностью воспроизведена устная речь писателя, почти непрерывно звучит его живой голос.

Часть записанных Маковицким разговоров и высказываний Толстого падает на бытовые и автобиографические темы, в том числе ретроспективного содержания; другая — относится к невообразимо широкому кругу идейных интересов писателя. В этих высказываниях — отклики Толстого на вопросы морали, религии, философии, искусства, литературы, истории, науки, и больше всего на острейшие социальные и политические вопросы современности.

Вступительные статьи к публикации осмысляют основное содержание дневника в системе мировоззрения Толстого, определяют место и значение «Яснополянских записок» среди других дневников и мемуаров о Толстом, знакомят читателя с личностью и биографией Маковицкого, а также с историей создания «Записок». Публикация сопровождается примечаниями к отдельным местам текста и комментированными указателями. Последние помещаются в заключительной, четвертой, книге тома.

Как всегда в томах «Литературного наследства», издание «Яснополянских записок» богато иллюстрировано.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТЫЙ

В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ
Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

У ТОЛСТОГО
1904-1910

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» Д. П. МАКОВИЦКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

1904—1905

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 9

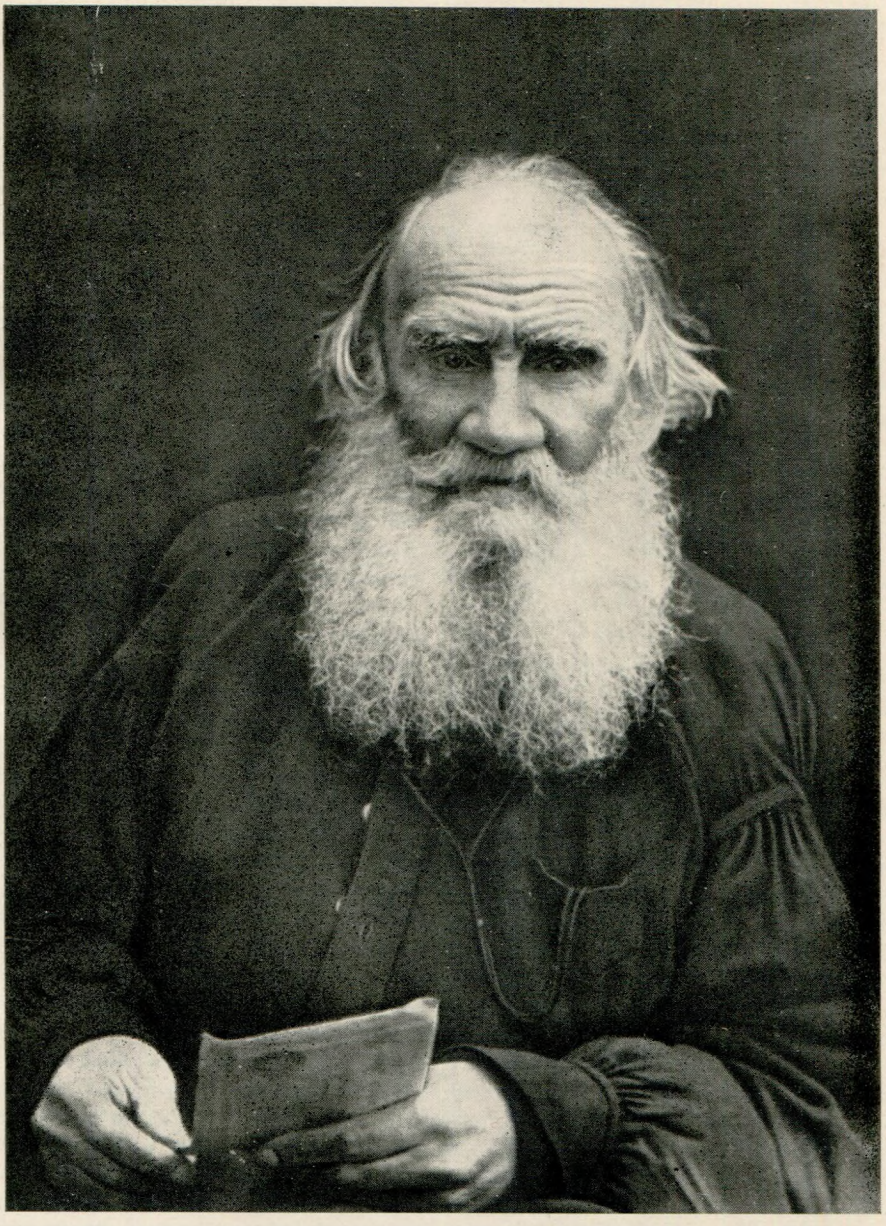
Издание «Яснополянских записок»
подготовлено при участии
Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва),
Карлова университета (Прага),
Института литературоведения Словацкой Академии наук
(Братислава)

Редакционная комиссия издания
С. А. МАКАШИН, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Л $\frac{70202-100}{042(02)-78}$ Б3-29-27—78 3603020410

© Издательство «Наука», 1979 г.



Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография, 1910

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том «Литературного наследства», в четырех книгах, посвящен публикации обширного дневника о Льве Николаевиче Толстом его домашнего врача и друга, словака по национальности Душана Петровича Маковицкого. Он прожил в Ясной Поляне вместе с Толстым с конца 1904 г. по 1910 г. и сопровождал писателя в его последней поездке, прервавшейся в пути болезнью и смертью на станции Астапово.

Маковицкий дал своему дневнику заглавие «У Толстого. 1904—1910». Но в литературе возникло и укрепилось второе название дневника — «Яснополянские записки». Оно сохранено в настоящем издании как подзаголовок к авторскому наименованию.

«Яснополянские записки» — документ единственный в своем роде, источник первостепенной важности. Это летопись всего, что на протяжении шести лет видел и слышал Маковицкий в Ясной Поляне, возле Толстого; это хроника жизни Толстого не только по дням, но буквально по часам; это широкая панорама быта яснополянского дома; это и интересный памятник эпохи, своеобразно отражающий те кризисные для страны годы, в которые он создавался, — годы русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей вслед за ее поражением полосы реакции.

Главная и ценнейшая особенность дневника Маковицкого — множество приведенных в нем высказываний и мыслей Толстого. Маковицкий записывал слова Толстого отчасти синхронно их произнесению, отчасти по свежей памяти вечером или ночью того дня, когда они были сказаны. Некоторые первичные записи, не разобранные и не перебеленные сразу, приводились в порядок и включались в дневник спустя день-два, а иногда через несколько недель, месяцев и даже лет. Нередко в одном приводимом речевом периоде Толстого («абзаце») Маковицкий соединял его мысли, которые в действительности были высказаны расчлененно, в ответ на несколько последовательных вопросов или возражений, оставшихся незаписанными. Эти особенности дневника, указанные самим Маковицким в «Предисловии автора» (см. ниже), служат предупреждением не усматривать *во всех* приведенных высказываниях Толстого вполне аутентичной, стенографической их передачи. Метод и техника записей, применявшиеся Маковицким, не были совершенными. Но чего не было у него — это недостатка в страстном желании расслышать, запомнить и по возможности полно и точно воспроизвести все, что было сказано Толстым. Он неукоснительно строго следовал правилу-заданию, сформулированному им еще в 1894 г. в дни первого общения с Толстым и рождения замысла «Яснополянских записок»: «В своих заметках буду всегда и во всем правдив и, насколько могу, точен; буду записывать только то, что сам видел или слышал; о чем достоверно не буду знать — о том записывать не буду». Важно указать и подчеркнуть, что Маковицкому в его записях разговоров Толстого оказывали по его просьбе помощь многие из непосредственных участников и свидетелей этих разговоров. Их имена названы в «Предисловии автора». К ним нужно присоединить еще имя жены Льва Николаевича, Софьи Андреевны. Как свидетельствует ее «Ежедневник», Маковицкий нередко обращался к ней за проверкой своих записей.

Часть записанных Маковицким высказываний Толстого падает на бытовые и автобиографические темы, в том числе и ретроспективного содержания; другая относится к необозримо широкому кругу идейных интересов писателя. В этих высказываниях — отклики Толстого на вопросы морали, религии, философии, искусства, литературы, истории, науки, а больше всего на острейшие социальные и политические вопросы современности. Источниковедческая ценность записанных Маковицким суждений и оце-

нок Толстого неоспоримо велика, особенно тех из них, содержание которых не отражено в каких-либо других документах.

Правильное понимание идеологически сложного материала «Яснополянских записок» предполагает восприятие этого материала в системе мировоззрения и образа мышления Толстого и их основного противоречия, исторически и диалектически осмысленного Лениным: «зеркало русской революции», отражение могучего народного протеста и, вместе с тем, «зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни...» *

Для правильного понимания взглядов и суждений Толстого в документе, относящемся к периоду первой русской революции, существенно иметь в виду особенности смысла, который он вкладывал в термины «революция», «революционер». На это несколько раз обращает внимание сам Маковицкий. Например, в специальном примечании к записи от 6 апреля 1906 г. он поясняет: «В «Обращении к русским людям» Л. Н. пишет, что под революционерами он подразумевает всех тех людей, «начиная от самых миролюбивых конституционалистов до самых воинственных революционеров, которые хотят заменить существующую правительственную власть другою, иначе организованной и составленной из других лиц властью»». Действительно, в соответствии с духом своего времени, Толстой называл революционерами не только деятелей революционных партий, но и нередко представителей всех слоев общества, так или иначе стремившихся к изменениям в управлении страной, начиная от некоторых наиболее шумных кадетов до всякого рода анархистов, террористов и иных сторонников методов насилия. Революционерами называет он и всех сколько-нибудь активных или просто сознательных представителей крестьянского социального протеста.

Важное значение для понимания ряда мест публикуемого текста имеет также правильное понимание толстовской религиозной фразеологии. В высказываниях Толстого, записанных Маковицким, немало говорится о «религии» и «боге». Однако эти понятия имеют для Толстого не буквальный религиозный смысл. Они одна из форм выражения и мотивировок постоянных этических и философских исканий писателя, далеких от мистицизма, религиозного догматизма и конфессиональности.

Один из самых сложных и духовно бесстрашных людей, когда-либо существовавших, Толстой полон противоречий и многих, до конца идущих и поражающих неосведомленного читателя крайностей в суждениях и оценках. В своих писаниях, особенно в своих гениальных художественных творениях, Толстой умел до известной степени согласовывать эти противоречия и смягчать или вовсе снимать эту «экстрему». Под гораздо меньшим самоконтролем находились его устные высказывания, его слова, произносимые в непринужденном, заранее не подготовленном и чаще всего полемически заостренном разговоре. Об этом знали и об этом предупреждали и сам Толстой и «стенограф-протоколист» его живой речи Маковицкий. Как-то Чертков сказал Толстому, что он резко говорил о революционерах. По поводу этого упрека присутствовавший при разговоре Маковицкий записал в дневнике: «Лев Николаевич не возражал и сказал, что он всего того, что о революционерах говорил, не написал бы. Во-первых, говорил необдуманно, а что писал, то обдумал бы». В другой раз Маковицкий внес в свой дневник такое признание Толстого: «Гете говорит: «Лучше думаю, чем говорю, лучше говорю, чем пишу, лучше пишу для себя, чем для публики». Я думаю, что наоборот: что пишу для опубликования яснее, полнее (определеннее) — обращаю внимание на точку зрения всех людей, чем то, что пишу для себя или что говорю. В сказанном мешается хорошее — важное с бессодержательным, слабым» (17 мая 1905 г.). Со своей стороны и Маковицкий предупреждал будущих читателей дневника: «Эти мои записки о Льве Николаевиче очень недостаточны <...> Пусть они никого не удерживают от чтения самих сочинений Льва Николаевича...» (8 апреля 1905 г.). Маковицкий сделал эту запись в начале своей жизни в Ясной Поляне, когда он еще плохо владел русским языком, когда еще вел свой дневник на словацком языке и не всегда мог правильно понять и точно передать суждения Толстого. Впоследствии он изменил в положительную сторону свой взгляд на достоинство Записок. Но сделанное им предупреждение поверять для сколь-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 206 и 212.

ко-нибудь определенных выводов и заключений записанные им высказывания Толстого суждениями на те же темы в сочинениях писателя сохраняет свое принципиальное значение для всего дневника и для всех читателей, к нему обращающихся.

Настоящее издание является первой оптимально полной публикацией «Яснополянских записок» в их авторской редакции, текст которой критически установлен и комментирован. До сих пор в разное время, начиная с 1922 г., небольшими частями и не по первоисточнику, а в литературной обработке публиковались, за малым исключением, записи лишь первых месяцев пребывания Маковицкого в Ясной Поляне *.

Оговорка об оптимальной (а не абсолютной) полноте и критически установленном тексте необходима потому, что как по своему содержанию, так и по текстологическим особенностям дневник Маковицкого не требует публикации in extenso и не поддается ей. В нем есть записи, не имеющие отношения к Толстому и, вместе с тем, не представляющие сколько-нибудь значительного интереса в каком-либо другом отношении. В письмах к друзьям и знакомым сам Маковицкий не раз признавал, что «немыслимо» представить себе совершенно полную публикацию дневника. «Мне некогда разбираться, что важно и что неважно,— говорил Маковицкий,— записываю все. Пусть редакторы берут, что им нужно». Несовершенное же знание Маковицким русского языка определило смысловую неясность, темноту и грамматическую неправильность многих мест подлинника. Задачей текстологов и редакторов было по возможности устранить эти недостатки, предельно бережно отнесясь при этом к записям речи Толстого. Но устранить методами аналитического исследования, «критики текста», а не способом свободного редактирования, «литературной обработки». Задача эта оказалась чрезвычайно сложной. Решение ее потребовало применения особой текстологической и источниковедческой методики и нескольких лет труда.

Научный аппарат издания состоит из трех разделов: 1) вступительные статьи, 2) примечания к отдельным местам текста и 3) указатели. Задача статей — определить необходимый угол восприятия Записок в ракурсе эпохи и толстовского мировоззрения, оценить их место и значение среди других дневников и мемуаров о Толстом, дать представление об основном содержании этого в целом трудно обозримого документа, наконец, познакомить читателя с личностью и биографией его создателя и с длительной предысторией публикации Записок. Примечания к отдельным местам текста носят в основном справочный характер — реально-исторический, источниковедческий и библиографический. В необходимых случаях в примечаниях поясняются или корректируются неточности и ошибки записей, которые нельзя было устранить текстологически. Примечания помещаются в конце каждой из четырех книг издания. Указатели произведений и замыслов Толстого, имен собственных (комментированный указатель), периодических изданий и иллюстраций охватывают все материалы публикации и печатаются в четвертой книге.

Подлинники публикуемых материалов хранятся в СССР и ЧССР — в архивах Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва) и Музея Památník národního písemnictvi (Прага). Заключительные шесть тетрадей дневника с описанием последних дней Толстого, от 29 октября до 7 ноября 1910 г., находятся в собрании племянника Маковицкого, также Душана Маковицкого-младшего (Братислава). Они предоставлены им для настоящего издания при посредничестве С. Колафы.

Тексты «Яснополянских записок» к печати подготовили и примечания к ним написали: А. С. Мелкова — 1904—1905 годы; О. А. Голиненко — 1906 год; И. А. Покровская — 1907 год; Б. М. Шумова — 1908 год; Т. Н. Волкова — 1909 год; Н. И. Азарова — 1910 год, январь — май; С. А. Розанова — 1910 год, июнь — ноябрь.

Указатели составила А. М. Малахова при участии А. С. Усачевой.

В текстологической работе и переводе на русский язык словацких текстов приняли участие доцент Карлова университета С. Колафа и научные сотрудники Ин-

* Подробнее см. ниже в справке: «Источники текста. Принципы публикации. Библиография».

ститута литературоведения Словацкой Академии наук в Братиславе Д. Дюришин и Э. Пановова. Переводы других иноязычных текстов сделаны Т. Н. Волновой и редакцией «Литературного наследства».

Справки для примечаний по материалам личной библиотеки Толстого в Ясной Поляне подготовила А. Б. Векслер при участии В. В. Иоточкиной. Справки для примечаний, относящихся к чешским и словацким материалам, подготовил С. Колафа.

Иллюстрации подобрали и подписи к ним составили О. Е. Ершова, Т. К. Поповкина и Л. В. Щербухина; часть иллюстраций предоставил С. Колафа. Изготовил фотографии В. А. Иванов.

Работа над изданием была бы невозможна без активного содействия дирекции Государственного музея Л. Н. Толстого и особенно Рукописного отдела Музея и его заведующей З. Н. Ивановой, а по другим материалам, относящимся к Ясной Поляне, — Н. П. Пузина.

Редакция приносит благодарность К. Н. Ломунову, Л. Д. Опульской и А. И. Шпфману, оказавшим помощь в работе над этим изданием своими отзывами и советами.

Местонахождение документальных материалов и иллюстраций, хранящихся в Государственном музее Л. Н. Толстого (Москва), в подписях не указывается.

С чехословацкой стороны в административно-организационной работе принял участие, на первоначальном этапе, М. Бакош, директор бывшего Института мировой литературы и языков Словацкой Академии наук.

Редакторы издания:

От «Литературного наследства» — С. А. Макашин (руководитель всех работ), Л. Р. Ланский и Н. Д. Эфрос;

от Государственного музея Л. Н. Толстого — Э. Е. Зайденшнур;

от Института литературоведения Словацкой Академии наук (Братислава) и от Карлова университета (Прага) — С. Колафа.

СТАТЬИ

ТОЛСТОЙ В ДНЕВНИКЕ МАКОВИЦКОГО

ЭПОХА. МИРОВОЗЗРЕНИЕ. БЫТ

Статья В. Ф. Асмуса*

«Яснополянские записки» Душана Петровича Маковицкого — огромный и чрезвычайно добросовестный труд. Он создан человеком, который, живя в доме Толстого, пристально наблюдал последние годы жизни писателя в кругу его семьи и многочисленных посетителей, русских и иностранных, навещавших яснополянскую усадьбу. Изо дня в день Маковицкий писал «яснополянскую летопись» жизни Толстого. Однако Душан Петрович был не только бесстрастным летописцем. Он глубоко любил, почитал Толстого и, войдя в круг обитателей Ясной Поляны, быстро завоевал полное доверие Льва Николаевича и стал одним из наиболее близких и преданных ему друзей. Такое же доверие, расположение, любовь он заслужил и у всех членов семьи Толстого.

Время, когда Маковицкий поселяется в яснополянской усадьбе и начинает вести свои беспримерные записи о днях и трудах великого писателя, было нелегким для России, для Ясной Поляны и для самого Толстого. Шла злосчастная русско-японская война, начиналась первая русская революция. Толпившиеся вокруг трона и близкие к нему безответственные авантюристы навязали России казавшуюся им легкой войну на Дальнем Востоке. Она была задумана как громоотвод против революции. Однако к этой войне Россия была не подготовлена ни в военно-стратегическом, ни в техническом, ни в политическом, ни в экономическом отношении. Эта всесторонняя неподготовленность уже в самом начале нападения японцев привела к тяжелой и оскорбительной для военного престижа государства неудаче — к гибели коварно торпедированных в ночной темноте, на рейде Порт-Артура, двух крупнейших военных кораблей — броненосцев «Ретвизан» и «Цесаревич». Вскоре неподготовленность эта обнаружилась со всей трагической очевидностью. Вместо небольшой, короткой и легкой для России победоносной войны возникла тяжелая, дорогостоящая, затяжная борьба с превосходно вооруженным и превосходно подготовившимся противником, тщательно продумавшим план агрессии. Неудачи на море сопровождались рядом неудач на суше. За катастрофой на Порт-Артурском рейде последовали неудачи сухопутной армии, отступавшей к северу по Уссурийской железной дороге.

В центральной России, отделенной громадным расстоянием от дальневосточного театра военных действий, все эти неудачи, неуклонно множившиеся, производили гнетущее впечатление. Призывы главнокомандующего генерала Куропаткина к терпению удивляли, раздражали общество и — главное — не сулили никакого изменения к лучшему. Запасы терпения быстро истощались, а неудачи и производимое ими тягостное впечатление все усиливались.

Настроение в стране было подавленное. Хотя и скупо, в печать проникали сообщения о больших потерях на фронте. Особенно тяжелы и пугающи были эти сведения для семей мобилизованных крестьян, которым цели и задачи войны были совершенно непонятны, чужды и враждебны, которым война представлялась как огромное народное бедствие. Когда Маковицкий появился в Ясной Поляне, война уже давно разгорелась и, чем далее, приобретала все более зловещий характер.

---

* Настоящая статья — последняя работа выдающегося советского философа и литературоведа, профессора Валентина Фердинандовича Асмуса, одного из старейших, с 1935 г., авторов «Литературного наследства». Смерть застала автора за этой работой, которая осталась не вполне законченной и была завершена С. А. Макашиным на основе других работ В. Ф. Асмуса о Толстом.

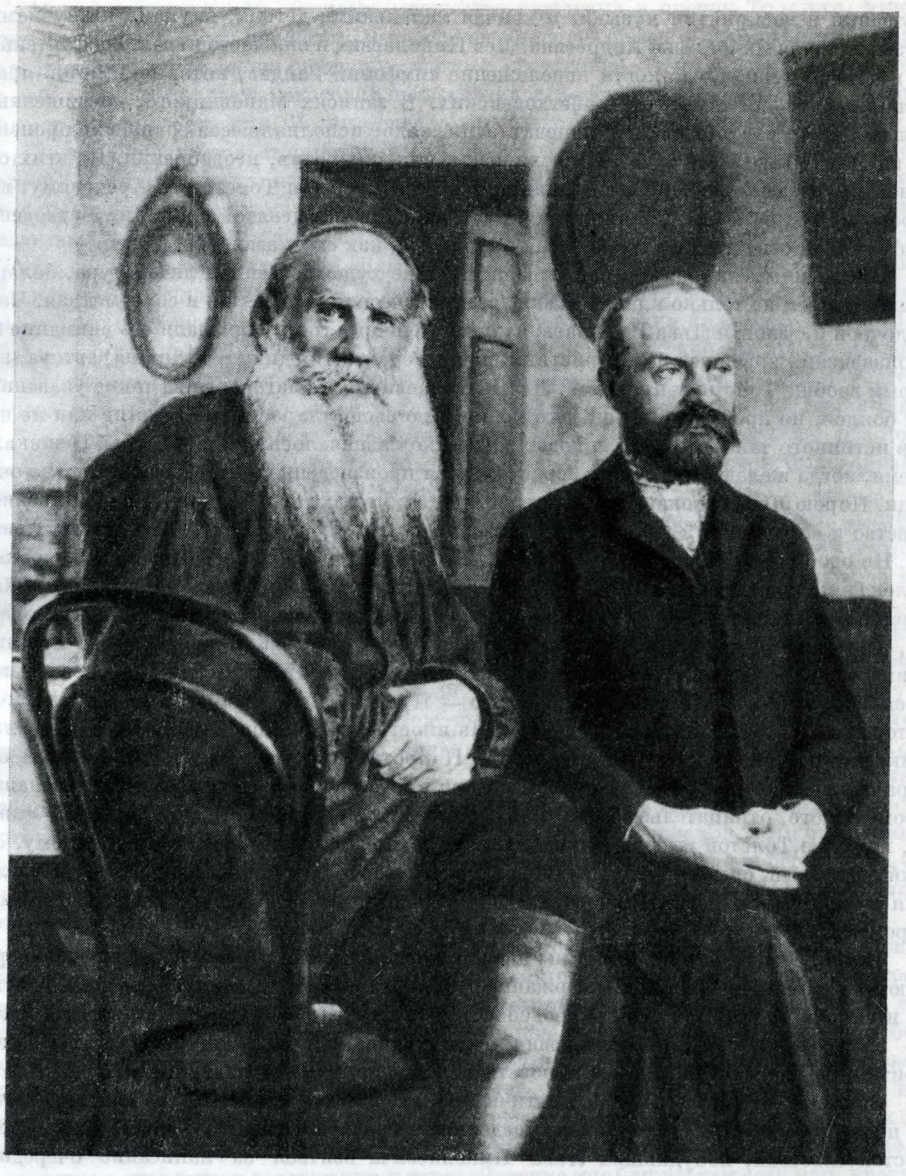
Вскоре к событиям войны присоединились, а затем и сменили их еще более грозные события революции 1905—1907 гг. А затем страна вошла в полосу глубокой реакции, в тяжелые годы «торжества победителей» — годы полицейских репрессий и террора, третьеиюньской монархии, столыпинской реформы и «веховщины», знаменовавшей поворот либеральной интеллигенции от демократии к сотрудничеству с царизмом, уход от общественных идеалов в сферу индивидуализма, к проповеди идеализма и религии.

Толстой, вопреки провозглашаемым им призывам к отказу от всякой политики, вопреки настойчиво повторяемым им заявлениям «газет не читаю», «политикой не интересуюсь», «о современных событиях больше писать не буду», пристально и тревожно следил за всеми событиями и настроениями трудного времени и писал одну за другой статьи на острые политические и социальные темы. Часто приезжавшие в Ясную Поляну — из Тулы, из Москвы и других мест — родственники, гости Толстых и другие посетители привозили с собой множество сообщений и слухов, которыми жадно питалось и волновалось в то время общество. Сообщения и слухи эти не располагали к оптимизму — ни военному, ни политическому. Маковицкий, появившийся в усадьбе Толстого в октябре 1904 г., но поселившийся в ней на постоянное жительство в декабре, быстро вошел и погрузился в эту атмосферу волнующих известий, часто недостоверных или неудостоверенных. Он старался не вносить в свою «хронику» рассказов о непроверенных вещах и событиях, и в целом это ему удавалось. Но обстановка в Ясной Поляне не всегда предоставляла возможности для проверки доходившей сюда информации. Отдельные неточности и ошибки не могли не проникнуть в его дневниковые записи.

Что же, в главнейшем, удалось Маковицкому передать в своей огромной рукописи?

Прежде всего Записки детально и достоверно воспроизводят внешние формы течения жизни в Ясной Поляне. Это сложное течение давно заведенной жизни передается подробными ежедневными записями обо всех его общих и постоянных явлениях и о множестве конкретных и эпизодических. Как кадры в киноленте, возникают и проходят перед читателем, день за днем, картины яснополянской жизни, ее повседневного обихода...

Не прекращается поток приезжающих в усадьбу Толстого разного рода посетителей, в том числе корреспондентов газет и журналов как русских, так и иностранных. Нередко приезжают именитые гости: Мечников, Танеев, Леонид Андреев, Нестеров, Репин, Короленко, Паоло Трубецкой... Вспыхивают и длятся часами беседы и споры по общественно-политическим и религиозным вопросам. Все чаще и острее вмешивается в ход этих бесед и споров и резко, открыто высказывает свои суждения, мнения и оценки жена Толстого Софья Андреевна. Часто появляется из Москвы и играет Льву Николаевичу Шопена, Бетховена и других композиторов пианист Александр Борисович Гольденвейзер. А после музыки Лев Николаевич садится с тем же Гольденвейзером за шахматную доску. Он играет увлеченно и огорчается, когда проигрывает. Почти каждодневно Лев Николаевич совершает, пешком или верхом, прогулки в окрестностях Ясной Поляны по окружавшим ее дорогам и лесным тропинкам. Прогулки эти всегда исполнены для него радости жизни («В каком восторге я! Какой восторг испытываю особенно утром!..»). Неусыпно следит за здоровьем Льва Николаевича и, может быть, поэтому не любит его продолжительных прогулок и отлучек из яснополянского дома Софья Андреевна. Она боится его падения с лошади, увечий. Боится она и возможности свидания Льва Николаевича во время этих отлучек с проживавшими неподалеку его единомышленниками (прежде всего Чертковым), которых она едва переносила, а иногда просто не допускала их появления в яснополянском доме. Регулярно доставляется и долго разбирается огромная почта — приходящие со всех концов света письма, телеграммы, книги, журналы, газеты. Каждое утро собираются у яснополянского дома крестьяне-просители за денежной и всякой иной помощью. Нередко появляются и посетители-крестьяне другой категории, пришедшие или приехавшие, иногда издалека, побеседовать с Толстым о земле, о вере, о боге, о правительстве, о начавшейся в стране революции. Таким посетителям не было никогда отказа ни в приеме, ни в беседе, ни в



ТОЛСТОЙ И МАКОВИЦКИЙ
Ясная Поляна, 28 марта 1905 г.
Фотография М. Л. Оболенской

совете. Некоторых из них Толстой уводил к себе наверх и подолгу там с ними разговаривал. Суждения крестьян о текущих событиях интересовали его самым живым и непосредственным образом, и отклик на них у Толстого был также самый живой и непосредственный.

Огромную роль в жизни и в обиходе дома Ясной Поляны играло искусство: музыка, пение, пляски. Играли, пели, плясали все: хозяева и гости. Сам Лев Николаевич любил «притоптывать» и «пританцовывать». Маковицкий оставил немало записей, в которых отразилась любовь к музыке обитателей Ясной Поляны. Это была на редкость музыкальная, одаренная, восприимчивая к музыке семья, начиная с самого Льва Николаевича, способного в буквальном смысле слова испытывать трепет, потрясение при

слушании и восприятии музыки, и кончая маленькими детьми, внуками и внучками. Музыкальна была и Софья Андреевна. Лев Николаевич и она часто играли на фортепьяно в четыре руки, в частности переложение симфоний Гайдна, которые Толстой чрезвычайно любил и ценил выше бетховенских. В записях Маковицкого, посвященных музыке, часто рассказывается о впечатлении, какое исполнявшееся сочинение произвело на Льва Николаевича, о его восхищении или, напротив, неодобрении. Из этих отзывов мы узнаем много нового — например, об отношении Толстого к Аренскому, которого он очень любил, или о причинах его неприязни к девятой симфонии Бетховена, в которой он отвергал искусственный, нарочитый, как ему казалось, трагизм.

Неизменным вниманием пользовалась также художественная литература, больше проза, притом не только классическая, реалистическая XIX в., но и современная. Часто дочери и сыновья Льва Николаевича или столичные гости обращали его внимание на произведения новейшей беллетристики, например, на «Поединок» Куприна, автора, который вообще Толстому нравился. Лев Николаевич был благодарен за такие указания. Он боялся, не пропустил ли он чего ценного по своей старости, не заметив или не поняв истинного таланта среди молодых. Нередко назначалось или само собой возникало время, когда желающие собирались и слушали произведение, читавшееся вслух по очереди. Порою Лев Николаевич прерывал чтение в местах, коробивших его нравственное чувство и эстетический вкус или представлявшихся ему скучными, бессодержательными. Не одобрялся Леонид Андреев и писатели-«декаденты». Иногда им противопоставлялся Горький («Андреева я не могу читать, недостает терпения. Это не то, что Горький»). Вместе с тем некоторые рассказы Леонида Андреева получали довольно высокую оценку, а Горький чаще воспринимался отрицательно. Как лучший современный прозаик в иностранной литературе порою назывался Анатоль Франс. Повторно перечитывались — обычно с восхищением и любовью — Пушкин, Тютчев, Фет, а из современных авторов — Чехов, особенно «Душечка». Из иностранных авторов часто перечитывался Диккенс, особенно «Давид Копперфилд». Напротив, «Мартин Чеззльуит» того же автора осуждался как произведение, в котором почти все выведенные в нем персонажи, кроме одного, отрицательные. Читались также «Листья травы» Уолта Уитмена — книга, которую Толстой высоко ценил. Записки Маковицкого содержат, по-видимому, самый обширный, среди других дневников и мемуаров о Толстом, материал для определения круга чтения Льва Николаевича в его последние годы. Круг этот был поистине огромен.

Наряду с внешними формами яснополянской жизни Записки прекрасно передают силу, напряженность и содержание духовных интересов, царивших в доме Толстого и вокруг Толстого: высокий уровень умственных запросов, которыми жил не только глава дома — сам Лев Николаевич, но и входившие в поле его интеллектуального притяжения другие обитатели и посетители яснополянской усадьбы.

Записки содержат сведения почти обо всех творческих работах и замыслах Толстого последних шести лет его жизни. Сведения эти разнообразны. Сообщается о фактах и обстоятельствах, побудивших Льва Николаевича взяться за написание очередной статьи, о ходе работы над нею, о чтении ее по рукописи в домашнем кругу, об истории ее печатания, об отзывах критики после обнародования статьи и о многом другом. Интересны записи высказываний Льва Николаевича, свидетельствующие, что, несмотря на его погруженность, в последние годы, в публицистику, художник никогда не умирал в нем. «Всегда так бывает, — говорил Лев Николаевич,— что хочется то делать, к чему уже сил нет. И мне хочется писать художественное, а зубов нет» (12 октября 1908 г.).

Но бóльшая часть Записок посвящена разговорам Толстого с постоянными обитателями и многочисленными посетителями яснополянского дома. Перед читателем проходит множество самых различных людей, взволнованно переживающих то, что творится в огромной стране,— острый кризис ее военной истории, а затем еще более острый кризис политической и социальной жизни. Все чувствуют значительность происходящих и надвигающихся событий, но никто не знает, к чему они приведут и чем они закончатся. Быть может, менее всего знает это сам Толстой. Да он и не пытается предсказывать — ни себе, ни родным, ни близким их будущее.

Маковицкому удалось записать множество суждений и оценок Толстого, относящихся к самым разным вопросам. Высказанные непосредственно, ex abrupto, без предварительного обдумывания предмета, часто в обстановке спора, эти суждения несут на себе в ряде мест печать некоторой недосказанности, фрагментарности мысли, а также полемического заострения. И они нередко вступают в противоречие друг с другом.

Толстой знал, что часто противоречит самому себе, но вовсе не боялся этих противоречий. Он полагал, что избегать противоречий свойственно не живым людям, чутко откликающимся на запросы жизни, а только людям непрямодушным, безнадежным педантам и ограниченным тупицам. Когда один из собеседников заметил Толстому, что Ницше часто противоречит себе, Лев Николаевич, относившийся враждебно к взглядам немецкого философа, все же сказал в ответ: «Это хорошо, это значит, что Ницше был искренний человек» (17 августа 1908 г.). Но противоречия не были у Толстого необузданными капризами строптивого ума, они вытекали из глубин мысли, стремившейся охватить все отношения и явления жизни, представить их себе во всей полноте их проявлений, в их исчерпывающей реальности, всегда диалектически противоречивой. К Толстому можно применить слова, сказанные им о Платоне Каратаеве: «Часто он говорил противоположное тому, что говорил прежде, но и то и другое было справедливо».

С другой стороны, при более широком взгляде, в характере изменений мыслей и оценок Льва Николаевича ясно проявляется в самой их противоречивости некоторая последовательность и закономерность. В последние два десятилетия незадолго до того минувшего столетия в Толстом преобладал интерес к тем вопросам мировоззрения, которые он сам называл «метафизическими» — философские вопросы о природе, о жизни и смерти, о боге и человеке. Это — вопросы, которым посвящены его религиозно-философские трактаты: «Исповедь», «В чем моя вера», «О жизни», «Царство божие внутри вас» и примыкающие к ним статьи. Напротив, в последующие годы, отраженные в летописи Маковицкого, на первый план выдвигаются вопросы, хотя и называемые Толстым «религиозными», но в существе своем этические и социально-политические, отвлеченно же философские ослабевают, стушевываются. Такие изменения в интенсивности интереса и внимания к различным общественным и философским вопросам были вполне естественны. В стране бушевала никогда до того ею не переживавшаяся революция. Она протекала на фоне бедствий большой по масштабам, крайне кровавой войны. И это не могло не волновать писателя.

Первые военные неудачи поднимают в Толстом патриотическое чувство. Он тяжело воспринимает их, в нем поднимает голос бывший артиллерийский офицер, бесстрашно стоявший в Крымскую войну на четвертом бастионе Севастополя, ненавидящий врагов родины, желающий, несмотря на все свои идеологические соображения, победы русскому оружию и в глубине души на эту победу уповающий. Он не изменяет своим убеждениям и верованиям. Он считает начавшуюся войну безумной, ужасной и преступной. Но он не хочет русского бесславия, гибели тысячи тысяч русских простых людей, унижения и позора России. Он говорил в дни войны, и Маковицкий записал не одно высказывание такого содержания и тона: «Русские мне ближе: там дети мои, крестьяне; 100 миллионов мужиков заодно с русским войском не желают поражения. Это непосредственное чувство» (26 марта 1905 г.). Душа его раздирается в противоречиях. Он уверен, что русская армия сражается хорошо, лучше японской, но что командование у нее плохое, совершенно чуждое народу и его интересам. Писатель, написавший «Войну и мир» и утверждавший наперекор военным историкам и авторитетам, прежде всего иностранным, что Бородинская битва была не поражением Кутузова, а его победой, он не склонен был считать результаты сражений под Ляо-Янем (Ляояном) и Мукденом доказательством окончательного поражения и негодности русского войска. И в этих сражениях он был склонен находить прекрасными действия русской армии и осуждал только высшее командование, которое оказалось неспособным довести удачное вначале ведение битвы до перелома и конечной победы. Он отказывал Куропаткину в гениальности, которой, как он думал, был наделен Кутузов, но восхищался качествами русского солдата, верил в его воинскую доблесть, высокие нравственные качества. Записки Маковицкого отражают эти противоречия и колебания Толстого. В них Толстой пред-

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. ОБЩИЙ ВИД УСАДЬБЫ
Фотография К. К. Буллы, 7—8 июля 1908 г.

стает как патриот, как горячо любящий родину свидетель ее несчастий, глубоко сострадающий народу, несущему на себе все тяготы, все бедственные последствия кровавой авантюры самодержавия.

Историческим фоном последующей части Записок является революция 1905—1907 гг. Толстой с огромной остротой восприятия пережил все ее этапы — подъем и кульминацию, спад и поражение. Революция, как и война, ворвалась в жизнь толстовского мира, захватив Льва Николаевича и его большую семью со всеми существовавшими в ней и продолжавшими существовать и развиваться внутренними противоречиями, трудностями и несуразицами.

Когда начались и стали развиваться со всевозрастающей силой и ожесточением рабочие и крестьянские волнения, столкновения с полицией забастовщиков, демонстрантов, Лев Николаевич, чутко приглядывавшийся к происходившему в стране, первым из обитателей Ясной Поляны понял, что происходящее есть революция, что она уже началась и что борьба идет за захват власти в стране. Когда 12 февраля 1905 г. приехавший в Ясную Поляну сын Толстого Илья Львович сказал отцу: «Будет революция», Лев Николаевич отозвался: «Она уже есть».

В различных губерниях и уездах начинались и все больше ширились стихийные восстания крестьян против помещиков. Все чаще бесчинствовала возглавлявшаяся подонками, а кое-где и полицией черная сотня. В Южной и Юго-Западной части империи вспыхивали погромы еврейского населения. Многие помещики уезжали или собирались уезжать за границу со своими семействами, переводя деньги в иностранные банки. Большинство остававшихся в своих усадьбах чувствовали себя крайне неуверенно, боялись погромов и поджогов.

Все эти волнения, тревоги, колебания настроения доходили до Ясной Поляны не только через прессу и корреспонденцию, но и через рассказы и сообщения многочисленных посетителей усадьбы. Поглощенный своей внутренней духовной работой, своими литературными заботами и делами, Лев Николаевич стремился уединиться от всего «внешнего», старался не вникать в кипевшие вокруг события и порождаемые ими тре-

ДЕРЕВНЯ ЯСНАЯ ПОЛЯНА
Фотография К. К. Буллы, 7—8 июля 1908 г.

воги и волнения. Он хотел бы жить «в идеальном мире добра». Но это плохо удавалось ему. «Живешь в идеальном мире добра,— говорил он,— а кругом правительство, революционеры, грубые поступки народа ⟨...⟩, сознательное непризнание духовных начал...» (28 сентября 1908 г.). Записки Маковицкого наглядно показывают, как бушевавшие в стране события захватывали и волновали страстную и в годы старости натуру Толстого и как много усилий требовалось от него, чтобы хоть на время отстраниться от обжигающей стихии революции и тех мыслей и чувств, которые она порождала в его сознании как горьких, так и исполненных просветления и надежд.

Лишь внешне, в бытовом обиходе Лев Николаевич оставался верен давно установившемуся в яснополянском доме порядку, которым продолжала энергично и властно управлять Софья Андреевна. В общем жизнь Ясной Поляны продолжала протекать относительно спокойно. Взрослые сыновья Толстого жили в своих имениях гораздо менее спокойно. Они полагали, что хотя безопасности и спокойствию родителей ничто не угрожает, однако у них не было такой же уверенности относительно себя самих. Они были убеждены в том, что огромное уважение крестьян ко Льву Николаевичу, несомненно, оградит его от всяких эксцессов и насилий, от всяких покушений.

Действительно, крестьянские волнения непосредственно Ясной Поляны почти не коснулись. Хотя по деревне разбрасывались прокламации, призывавшие к захвату урожая, насильственных действий и выступлений не было. Но Лев Николаевич в глубине души допускал возможность таких действий и как-то наедине сказал Душану Петровичу: «Если поломают эти рамы, портреты — мне ничуть не будет жаль. Только за Софью Андреевну. А будет жаль, если их ⟨крестьян⟩ будут наказывать» (4 февраля 1906 г.). Иной была позиция Софьи Андреевны. По ее настоянию для охраны усадьбы и насаженного вокруг большого яблоневого сада был вызван стражник («черкес»). В окрестностях усадьбы, на прогулках — пеших и конных — Лев Николаевич стыдился показываться людям на глаза. Софья Андреевна решительно стояла за защиту усадьбы и ее угодий. Она взяла на себя охрану материальных интересов семьи, детей. Лев Николаевич и тут продолжал следовать своим взглядам — не противился злу насилием.

На этот раз носителем и исполнителем зла он считал не только действия властей, но и деятельность Софьи Андреевны, ее охранительные меры и распоряжения, а также свою пассивную покорность ее требованиям и действиям. Он сгорал от стыда и негодования на самого себя и на весь строй, породивший в людях ужасное взаимное ожесточение, страсть к убийству, озверение. Чем более напряженной, грозовой становилась атмосфера в стране и вокруг Ясной Поляны, тем больше стремился он сосредоточиться на своей работе, уйти от окружающего в свой духовный мир. Но, как уже сказано, это, по существу, никогда не удавалось ему, хотя объективные обстоятельства и шли навстречу желаниям Толстого. В разгар революционной борьбы влияние Толстого, интерес к нему в определенной мере ослабли, корреспонденция уменьшилась, тропа посетителей в Ясную Поляну сузилась, внимание к нему печати пошло на убыль. «Заговор молчания» — определял Толстой отношение либеральной и демократической прессы к его статье 1905 г. «Великий грех». Даже единомышленники Льва Николаевича навещали его реже, и общие беседы его с ними были нечасты. Когда писатель Наживин сказал Толстому, что именно теперь, в дни революции, он, Толстой, должен возвысить свой голос, Лев Николаевич ответил с присущей ему беспощадностью правды по отношению и к самому себе, что его голос не будет сейчас слышен: «комариный писк» (1 мая 1906 г.). Он находил, что в русском обществе, увлеченном политикой, господствует трепет перед «либералами» и «революционерами» и что трепет этот есть даже у Черткова. Лев Николаевич даже писал ему об этом. Сам он от этого трепета был свободен.

«Записки» не передают отношение Толстого к революции как неизменное и однажды навсегда сложившееся. Оно изменялось у Толстого, и на разных ее этапах суждения Льва Николаевича по некоторым вопросам и явлениям революционных событий предстают различными, вплоть до явной противоположности. Однако общие и принципиальные позиции в отношении революции и ее непосредственных последствий всегда зависят от отношения Толстого к народу, крестьянству.

Указывая на определяющее значение крестьянства — «мужиков» — в революции, Лев Николаевич говорил: «...это (у них) теперь прорвалось сознание несправедливости. Ненависть, которая копилась веками за обиды, выразилась теперь» (8 июля 1908 г.). И еще: «...вся революция держится на недовольстве крестьян» (21 ноября 1908 г.). Толстовское понимание революции 1905—1907 гг. как крестьянской отразило одну, действительно важную черту этой революции. На это значение толстовского понимания первой русской революции указал Ленин. «Толстой,— писал он,— велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,— действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» *. Крестьянский характер русской революции позволял иногда Толстому надеяться на другие ее результаты, нежели те, буржуазно-демократические, к которым приводили революции на Западе, начиная с Французской революции 1789 г. «Не может быть,— записал Маковицкий одно из относящихся сюда высказываний Толстого,— чтобы такая сильная, продолжительная революция привела бы только к тому, что было сто лет тому назад. Следует ожидать никак не повторения того, что было, а того, что будет уничтожение насильственного правления, что будет положение без правительства ...» (4 ноября 1906 г.).

Другими словами, Толстой надеялся, в какие-то моменты, что русская революция может привести к безгосударственной форме общественного устройства, содержанием которого будет благо всех людей. В толстовском политическом скептицизме и анархизме, в недоверии ко всякой власти, ко всякой форме государственного устройства, ко всякому применению насилия в общественной жизни еще раз отразилось отношение патриархального крестьянства к новому, формально «освободившему» его (фактически

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210.

же еще более разорившему и поработившему) государственному порядку пореформенной капиталистической России. Явная и огромная ошибка Толстого была в том, что опыт прошлого и наблюдения над настоящим он догматически переносил на будущее. Из того, что все революции, имевшие место до начала XX столетия, не могли устранить неравенство и угнетение трудящихся, Толстой заключал, будто и впредь невозможна никакая революция и никакая форма государственного устройства, которые отвечали бы интересам всего трудового народа.

Не сочувствуя методам революционного преобразования общества как методам насильственным, Толстой сочувствовал тому отрицанию существующего социального и политического строя, которым руководились деятели революционного движения. При этом Толстой не сомневался, что в начавшейся в 1905 г. борьбе между революцией и самодержавным правительством победит в конечном счете не правительство, не самодержавие, а новый ход развития русской жизни, начатый революцией, хотя он и не представлял себе, к чему может привести это новое развитие. «...Вам,— с такими словами обращался Толстой к правительству в разгар революционных событий,— не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Всё это отжило и не может быть восстановлено» (т. 36, с. 304). Близкие по содержанию высказывания Толстого записывает и Маковицкий: «Старый порядок проходит,— говорил Лев Николаевич,— и пассивность, терпеливость русского народа проходят; что́ создастся — неизвестно» (18 мая 1906 г.)

Временами в Толстом возникало убеждение, что правительство во всем должно уступить требованиям революционного народа. После разговора с двумя молодыми «революционерами-босяками» Толстой сказал Маковицкому, что ему полезно было с ними поговорить, и пояснил, почему: «Мне сегодня стало ясно, что правительству надо уступить всем требованиям революционеров〈...〉 Хуже теперешнего положения дел,— полагал Толстой,— не будет. Теперь правительство в роли опекуна, мешающего взволнованному народу» (13 августа 1906 г.).

Но в победу вооруженного восстания, вооруженной борьбы народа против правительства и против его армии Толстой совершенно не верил. Он не верил в способность восставших безоружных крестьян и рабочих к военной организации, к правильным военным действиям и к невозможной без такой организации и без таких действий победе. Быть может, в этом скептицизме и неверии сказался военный опыт и военный профессионализм Толстого — отличного артиллерийского офицера, привыкшего в сражениях и стычках на Кавказе наблюдать действия кадровых войск и храбрых и фанатичных, но необученных горцев.

Как бы то ни было, но военная борьба революционеров с правительственными войсками представлялась Толстому чем-то вроде борьбы плохо вооруженных и неопытных партизан с хорошо подготовленными и хорошо снабженными оружием и боевыми припасами отрядами регулярной армии.

Возражения, выдвигавшиеся Толстым против революционного разрешения назревшего в жизни русского народа кризиса, возражения, в высшей степени характерные для учения Льва Николаевича о непротивлении злу насилием, сочетались у него с ощущением исторического значения происходивших событий. В ответ на часто возникавшие в дворянско-помещичьей среде яснополянских гостей и собственной семье Толстого разговоры об «ужасах» революции, Лев Николаевич, с резким отрицанием относившийся ко всяким формам насилия как правительственного, так и революционного, тем не менее не раз говорил: «Все хорошо, все хорошо. Это — growing pains*. Как в жизни человека есть периоды болезненные, так и в жизни народов» (2 сентября 1907 г.). И еще, в более глубоком и широком обобщении: «Наша цивилизация — одна из многих, она идет к концу. Надо начинать с нового пути» (3 июля 1905 г.). «Великим делом» революции он считал распространение книг, просвещения (20 сентября 1906 г.). Он находил, что уровень умственного развития крестьян сильно вырос. После

* муки рождения (*англ.*).

получения письма крестьянина Подмарькова он не только сказал, что тон этого письма — тон вполне образованного человека, но что таких, как Подмарьков, в деревне теперь множество (8 октября 1906 г.). Вообще он находил, что революция принесла большие перемены в народе. Иным из них Лев Николаевич сочувствовал: «Становится людей все больше понимающих» (17 июля 1908 г.). Другие перемены удивляли и огорчали его, в частности то, что, по его наблюдениям, «религиозное чувство так быстро исчезло у русского народа» (3 октября 1906 г.). Но и отрицательные оценки итогов революции не были у Толстого абсолютными. Они часто сопровождались важными оговорками, как, например, в таких записанных Маковицким словах Льва Николаевича: «Смуты теперешние до сих пор не улучшили, а только ухудшили положение народа. Этим не сказано, что они должны кончиться ничем» (14 января 1908 г.).

Отвергая насильственную революцию как метод решения социальных вопросов, Толстой вместе с тем не уставал возвышать на весь мир свой голос против террора самодержавного правительства. В Записках отмечены все такие выступления Льва Николаевича. Отмечены в них и его сочувственные, а не только отрицательные высказывания о революционерах. «Им в одном нельзя отказать,— говорил Лев Николаевич:— у них есть искреннее негодование против зла» (17 мая 1908 г.). Он называл революционеров «святыми людьми» по сравнению с теми деятелями власти, которые боролись с ними методами военных судов и казней (11 июля 1908 г.).

Из политических вопросов периода революции, а точнее — периода ее отступления, когда использование легальных возможностей в борьбе с самодержавием приобрело существенное значение, в Записках Маковицкого довольно подробно отразились споры в яснополянском доме о буржуазных либеральных партиях и о Думе.

Чем более взволнованной становилась реакция масс на происходившие события, тем более Лев Николаевич стремился укрепиться в своем убеждении, будто русское крестьянство, народ остаются и останутся чуждыми политической борьбе. «Русский народ,— говорил он,— смотрит на участие в правлении, как на грех. Совестные люди избегают должностей старосты и других» (13 мая 1905 г.). Народ возложил власть на царя, а сам сторонится собственного участия во власти, сторонится борьбы за власть. Он не признает и не ищет своего права на власть и видит в ней не право, а обязанность. Только эту обязанность он возлагает не на себя, а целиком на царя. Временами Толстому казалось, что самодержавию приходит конец, что оно уже утратило былую историческую опору в народе, что династия Романовых будет свергнута, что «через двадцать лет» (оказалось — через одиннадцать!) Николай II, которого он считал слабоумным, лживым и злым человеком, не будет больше царем. Временами же, не заглядывая в будущее, Толстой полагал, что самодержавие, которое он так страстно ненавидел и так глубоко критиковал, все же «пока свойственно народу» (5 февраля 1906 г.), еще находящемуся «в положении детства» (3 декабря 1908 г.). Народ, крестьянство, по мнению Толстого, не за парламентарное правление, не за конституционные формы власти, как они сложились на буржуазном Западе. Формы эти чужды русскому народу. Поэтому к политическим партиям либерального толка, к конституционалистам, особенно к кадетской партии, Лев Николаевич относился крайне отрицательно. Он не верил в их способность приблизить для народа хотя бы минимальное улучшение его положения, условий его жизни, близких к рабскому существованию. Особую неприязнь он чувствовал к таким либеральным деятелям, как Петрункевич. Он не отрицал их известной популярности, полагал вполне возможным и дальнейшее усиление их политической роли, но считал их пустыми болтунами, а их красноречие — лживой адвокатской риторикой, краснобайством, пусканием пыли в глаза.

Делясь с Маковицким своими мыслями о Думе, Лев Николаевич предвидел: «Эта Дума в истории не оставит впечатления, потому что она не выразитель воли народа» (10 мая 1906 г.). В успехи думского парламентаризма он не верил. Он хорошо знал, какой огромный круг вопросов стоял на историческом череду давно назревшего государственного и общественного переустройства страны. Предстояло решать вопрос из вопросов — о земле, затем о войске, о печати, о рабочем законодательстве, об окраинах — Польше, Финляндии. Эти и другие капитальные проблемы давно назрели и ждали своего решения. Но Толстой предсказывал, что Дума ни в коем случае не сумеет

сладить со стоявшими перед страной задачами, предсказывал «полное фиаско Думы» (24 апреля 1906 г.). От зашедших как-то в Ясную Поляну рабочих, участников сходок, он слышал, что Государственной думы для них, рабочих, уже мало, хотят осуществления социализма. Одни, полагал Толстой, будут хотеть «социалистического», т. е. в его понимании безгосударственного, устройства, другие — республики. «Я думаю, — записал Маковицкий слова Толстого,— мы стоим на пороге большого переворота, в котором Дума никакой роли играть не будет» (31 декабря 1908 г.).

Главнейшим из главных и неотвратимым вопросом, стоявшим перед вовлеченной в революцию Россией, Толстой считал вопрос земельный. «...Революция только тем и хороша,— записал Маковицкий слова Льва Николаевича,— что указала на земельный вопрос» (21 ноября 1908 г.). Через все Записки проходят записанные Маковицким высказывания Толстого по земельному вопросу. Это было время, когда ему все еще представлялось, будто единственно верное — обоснованное, многообещающее и справедливое — решение этого вопроса найдено американским экономистом и социологом Генри Джорджем. Толстой был убежден, что это решение — вполне в духе русского народа, поскольку русский народ, крестьянство признает, что земля не может быть чьей-нибудь, не может быть частной собственностью.

Основные идеи Генри Джорджа, приковавшие к себе внимание Толстого, вызвавшие его горячее сочувствие к нему и на целый ряд лет сделавшие его единомышленником и последователем американского экономиста, были: во-первых, отрицание частной собственности на землю и, во-вторых, идея единого прогрессивного подоходного налога как средства для достижения национализации земли. Толстой не устает пропагандировать эти идеи перед посетителями яснополянского дома, излагает их в своих статьях и письмах, полемизирует, защищает их против нападок и возражений иностранных и отечественных критиков. Его особенно привлекает легкая, как он первоначально думал, практическая применимость проекта Генри Джорджа к безмерным российским масштабам крестьянского земледельческого хозяйствования, а также удар, который этот проект, будь он осуществлен, мог бы нанести неравенству крестьян при распределении между ними земельных участков и при их дальнейшем использовании. Толстому казалось, будто неравенство земледельцев будет с введением в силу проекта Генри Джорджа устранено вполне прочно и радикально. Он лишь позднее увидел, что при попытке осуществления проекта неизбежно должны будут возникнуть не предвиденные в нем трудности и противоречия, сводящие на нет достижения задуманных и казавшихся легкоосуществимыми целей и выгод для земледельцев.

Проект Генри Джорджа был единственным проектом крупной аграрной реформы, который Толстой принимал всерьез, который он действительно изучал и осуществлению которого даже пытался практически содействовать. Его внимание от идей Генри Джорджа несколько отвлекли масштаб и размах революционных событий в России, особенно в русской деревне. Когда Маковицкий приехал в Ясную Поляну и стал вести свои Записки, интерес Толстого к проекту Генри Джорджа начал уже слегка ослабевать, его взгляд на проект становится более критическим. Все же, однако, тема Генри Джорджа и его проекта занимает в Записках большое место.

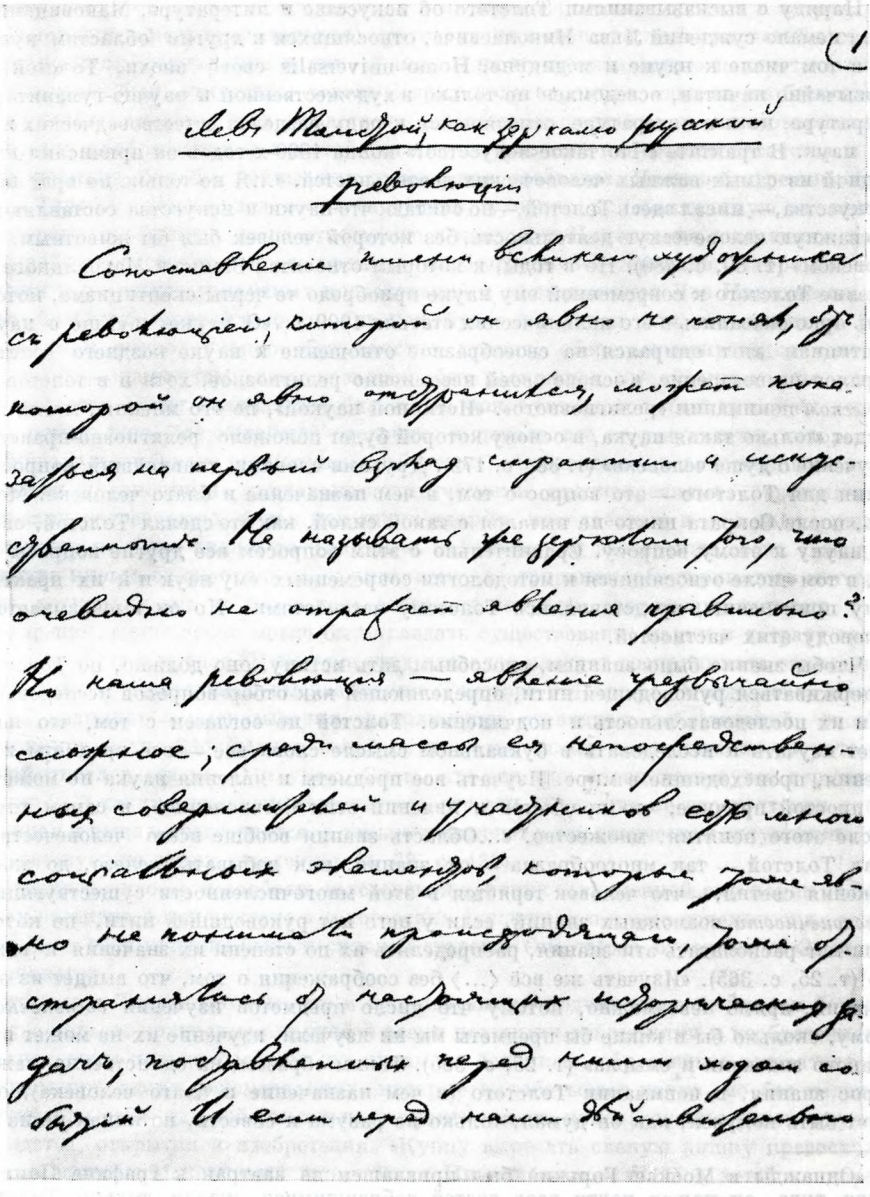
Но если Толстой не мог полностью увлечься идеями Генри Джорджа, то еще в меньшей мере мог он принять те экономические и социально-политические теории и рекомендации, которые принадлежали идеологии научного социализма. Никак нельзя сказать, что Лев Николаевич не проявлял интереса к вопросам социализма и коммунизма как в историческом плане, так и применительно к современности,— он просто недостаточно глубоко вникал в них. Имея в виду существовавшие тогда в России и на Западе социалистические партии, со всеми различиями и оттенками между ними, программными и тактическими, Толстой однажды сказал: «Социализм прекрасен, только это 〈...〉 такая каша! Как сделать, чтобы распутать это?» (29 апреля 1908 г.). В другой раз Маковицкий записал слова Льва Николаевича о социалистах — делегатах Штутгартского конгресса социал-демократов (среди них находился и В. И. Ленин): «Они хотят из людей дурных сделать добродетельное общество» (2 сентября 1907 г.). Но, сочувствуя социализму в собственном своем понимании этого идеала человеческого общежития, Толстой был неизменно и резко полемичен по отношению к тем способам

борьбы за социализм, которые определялись учением Маркса. Он знал, что «Марксом была установлена борьба классов» (11 ноября 1906 г.). Он правильно отметил у Маркса стремление строить теорию коммунизма на научных основах в отличие от утопических социалистов, которых он — в общем верно — считал идеалистами в понимании исторического процесса. Однако понимание этого важнейшего отличия не сделало суждения Толстого о Марксе ни более основательными, ни более компетентными, ни более верными, хотя бы в важнейших, крупнейших деталях. Суждения Льва Николаевича о Марксе редко встречаются в Записках, и нет основания думать, что Маковицкий их замалчивает или что они ускользнули от его внимания. Там, где он их отмечает или передает, он делает это с той же добросовестностью, честностью, объективностью протоколиста, с какой он воспроизводит все остальное.

Толстой, конечно, понимал, что у Маркса ставятся вопросы, представляющие и для него величайший интерес. Это были в существе своем те же вопросы, о которых он так страстно беседовал с Герценом в Лондоне во время частых встреч с ним весной 1861 г. Но к решению этих вопросов Толстой подходил с позиций, характерных для его патриархально-крестьянского способа мышления, имевшего мало общего со способом мышления основателя научного коммунизма и его последователей. Толстой отрицал открытые Марксом объективно-исторические законы общественного развития, полагая, что движение человечества к совершенству должно определяться ростом религиозно-нравственного сознания в людях. Разделявшееся Толстым с массами русского крестьянства стремление «уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...»* ставило его в лагерь противников Марксова учения о пролетариате и его роли в творчестве истории, в строительстве социализма. Обращаясь к марксистам, Толстой писал в статье 1905 г. «Великий грех»: «Да ведь русский народ весь земледельческий и хочет оставаться таким, зачем же ему все то, что вы предлагаете и что может быть нужно промышленным народам» (т. 36, с. 471).

Общеизвестна определенность и резкость оценок Льва Николаевича, не знавшего никаких оглядок на авторитеты. Он называл эти черты своего характера «самомнением», осознавал их как один из самых больших своих недостатков и в своих автопризнаниях не раз говорил о том, что необходимо вести с этим недостатком борьбу. «Мой порок, с которым борюсь,— говорил он Маковицкому,— это остаток во мне самомнения» (21 марта 1905 г.). Но, несмотря на эту «самокритику», Толстому часто было совершенно чуждо смирение и скромность как в столкновениях с идейными оппонентами, так и в его суждениях об абсолютных вершинах культуры. Широко известно, как проявлялись эти черты характера и личности Льва Николаевича в его взглядах на искусство. Записки Душана Петровича дополнительно иллюстрируют эти особенности писателя. В Записках приведено немало суждений Льва Николаевича о великих произведениях и людях искусства и литературы, прямо-таки поражающих своей очевидной необоснованностью и резкостью. Таковы, например, его суждения о том, что в последних сонатах Бетховена музыка всюду, едва только начавшись, остается без продолжения и завершения или что девятая симфония «это не музыка, а то, что погубило музыку», или что роспись Сикстинской капеллы («Сотворение мира» и «Страшный суд») — «ужасная гадость», или что у Тургенева и Горького «никакого мировоззрения не было» (6 мая 1906 г.), и т. д. Эти и подобные им суждения вызывающи в самом прямом смысле слова. В них та же запальчивость, задор страстно-полемической и в годы старости натуры Льва Николаевича, а с другой стороны — то же «сектантское», одностороннее, что вплелось в его взгляды из его учения и что давно известно по его оценкам Шекспира и Данте, Микеланджело и Бетховена: «Из фальшивых репутаций»,— говорил в таких случаях Лев Николаевич (27 января 1906 г.). Но в то же или иное время, и это важно подчеркнуть, — он высказывал и другие суждения, в которых признавал условность подобных своих оценок. «Рафаэль, Бетховен, Шекспир, Данте, Гете,— говорил Лев Николаевич,— не подходят к моей оценке, которую-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 211.



Лев Толстой, как зеркало русской революции

Сопоставление имени великаго художника съ революціей, которой он явно не понял, отъ которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственнымъ. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революція — явление чрезвычайно сложное; среди массы ея непосредственных совершителей и участников есть много соціальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящаго, тоже отстранялись от настоящих историческихъ задачъ, поставленныхъ перед ними ходом событій. И если перед нами дѣйствительно

СТАТЬЯ В. И. ЛЕНИНА «ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
Автограф, 1908 г., л. 1.

я предъявляю к искусству, тогда как мне самому искусство — я этого стыжусь — близко и дорого» (5 января 1908 г.) *. Маковицкий записал немало определений искусства Толстым. В основном они варьируют ранее известные его требования, чтобы искусство выражало «такое состояние души, которое было бы общее всем», соединяло бы всех (10 апреля 1908 г.).

* В какие разительные противоречия вступали порою суждения Толстого об искусстве с непосредственным восприятием его, показывает одна из множества относящихся сюда иллюстраций — следующий рассказ из неизданной рукописи покойного пушкиниста М. Д. Беляева «Воспоминания об Алексее Максимовиче Пешкове и его окружении». Рассказ был записан со слов А. М. Горького:

Наряду с высказываниями Толстого об искусстве и литературе, Маковицкий записал немало суждений Льва Николаевича, относящихся к другим областям культуры, в том числе к науке и медицине. Homo universalis своей эпохи, Толстой был чрезвычайно начитан, осведомлен не только в художественной и научно-гуманитарной литературе, но и в литературе, относящейся к ряду разделов естествоведческих и точных наук. В трактате «Что такое искусство?» конца 1890-х годов он причислял науку к одной из самых важных человеческих деятельностей. «...Я не только не враг науки и искусства,— писал здесь Толстой,—но считаю, что науки и искусства составляют самую важную человеческую деятельность, без которой человек был бы животным, а не человеком» (т. 30, с. 480). Но в годы, к которым относятся Записки Маковицкого, отношение Толстого к современной ему науке приобрело те черты скептицизма, которые столь ярко сказались в его полемических статьях 1909 г. «О науке» и «Еще о науке». Скептицизм этот опирался на своеобразное отношение к науке позднего Толстого, опирался на воззрение, в основе своей несомненно религиозное, хотя и в толстовском *этическом* понимании «религиозного». «Истинной наукой», по его мнению, могла быть и будет «только такая наука, в основу которой будет положено религиозно-нравственное учение о душе человека» (т. 38, с. 172). Другими словами, главнейший вопрос познания для Толстого — это вопрос о том, в чем назначение и благо человека. Может быть, после Сократа никто не пытался с такой силой, как это сделал Толстой, свести всю науку к этому вопросу. Сравнительно с этим вопросом все другие вопросы знания, в том числе относящиеся к методологии современных ему наук и к их практическому применению, представлялись Толстому частностями. Но он высказывается и по поводу этих частностей.

Чтобы знание было знанием, способным дать истину, оно должно, по Толстому, придерживаться руководящей нити, определяющей как отбор вопросов исследования, так и их последовательность и подчинение. Толстой не согласен с тем, что наука может изучать и исследовать в буквальном смысле слова всё — все предметы и все явления, происходящие в мире. Изучать все предметы и явления наука не может по той простой причине, что предметов и явлений этих бесчисленное, в самом точном смысле этого понятия, множество. «...Область знания вообще всего человечества,— писал Толстой,— так многообразна — от знания, как добывать железо, до знания движения светил,— что человек теряется в этой многочисленности существующих и *в бесконечности* возможных знаний, если у него нет руководящей нити, по которой бы он мог располагать эти знания, распределять их по степени их значения и важности» (т. 25, с. 365). «Изучать же всё ⟨...⟩ без соображения о том, что выйдет из этого изучения, прямо невозможно, потому что число предметов изучения *бесконечно*, и потому, сколько бы и какие бы предметы мы ни изучали, изучение их не может иметь никакого значения и смысла» (т. 25, с. 365). Таким образом, на единственно важный вопрос знания, в понимании Толстого (в чем назначение и благо человека), ответ может быть получен, как он думал, только из разума и совести, но никак не из спе-

---

«Однажды в Москве Горький был приглашен на завтрак к графине Паниной. Придя туда, он нашел почти всех гостей собравшимися, ждали только Толстого. Наконец, пришел и он, и хозяйка просила всех садиться за стол. За столом речь зашла о происходившем тогда в Москве цикле бетховенских концертов, вызывавших общий интерес и восхищение. Слушая общую беседу, Толстой вдруг начал говорить о том, что глухой Бетховен не мог быть не только гениальным, но даже просто хорошим музыкантом. Наискось от Горького сидел за столом Танеев, и когда Горький взглянул на него, то заметил, что он едва-едва сдерживает себя, чтобы не возражать Толстому. Но вот завтрак окончен, и гости переходят в гостиную. Танеев молча идет к роялю, подымает крышку и начинает играть одну из сонат Бетховена. Играл он ее в этот раз как-то особенно хорошо. При начале сонаты Толстой стал тихо и осторожно бродить по гостиной, останавливаясь перед висевшими по стенам картинами. Потом, остановившись перед картиной Розы Бонёр, он начал машинально водить пальцем по контурам изображенной на ней собаки. Затем сел на диван и закрыл лицо руками, из-под которых вскоре по его щекам и бороде потекли обильные слезы. Когда Танеев кончил. Толстой отнял руки от лица, улыбнулся как-то по-детски и, не обращаясь к кому-либо определенному, сказал: «Ну и что же? — Ну, старый дурак и больше ничего!» — Сообщено «Литературному наследству» М. И. Беляевой.

циальных, экспериментальных и лабораторных исследований, к тому же обычно дорогостоящих, требующих от государства и от народа больших средств и затрат.

Толстой не замечал капитального противоречия в своих взглядах на «истинное», в его представлениях, содержание науки, знания и на их практическую ценность и значение. Он готов был «отпустить» человеческому роду огромное, едва ли не бесконечное время, необходимое ему для нравственного совершенствования и самосовершенствования, для приближения к простой жизни, не знающей контрастов богатства и бедности, насилия, борьбы, войны, для достижения равенства. Чаемое безгрешное будущее — Толстой ясно видел это — отступало, уходило в неразличимую из сегодня глубь грядущих времен, но по отношению к нему Лев Николаевич соглашался на самую крайнюю расточительность времени, на безграничное терпение. Напротив, в отношении к результатам научных исследований и экспериментов Лев Николаевич проявлял большую нетерпеливость. Он как будто не видел или не понимал, как ревниво, как скупо, упорно, безжалостно хранит, оберегает природа от человека свои тайны — даже там, где, казалось бы, раскрытие их ей ничего не стоит, а человечеству сулит величайшие блага. Он как будто готов был требовать, чтобы наука немедленно, без малейшей отсрочки, выдавала все те результаты, которых от нее ожидало и требовало страждущее от болезней, подавленное хозяйственными и техническими трудностями, социально-политическими противоречиями, бедствиями и незадачами человечество. А так как таких скорых, немедленных и во всем успешных результатов не было видно, то Толстой в полемическом заострении своих взглядов переходил иногда от скептицизма к нигилизму, к отрицанию общепринятого значения науки, поскольку она не могла дать ответа на вопросы, разрешение которых, с его точки зрения, единственно могло бы оправдать существование науки и затрату требуемых ею средств и трудов. В системе этих взглядов следует воспринимать записанные Маковицким отрицательные высказывания Толстого о Пастере, Менделееве, Мечникове, о медицине — высказывания, исполненные очевидных заблуждений, ошибок и непримиримости. Это были в своей сути те же самые высказывания, о которых Толстой писал в статье «О науке»: «Знаю, что эти мои слова покажутся верующим в науку ⟨...⟩ таким страшным кощунством, что эти верующие не удостоят мои слова вниманием и даже не рассердятся, а только пожалеют о том старческом оглуплении, которое явствует из таких суждений» (т. 38, с. 139).

Противоречивость и слабость толстовской критики современной ему науки очевидны, как очевидно и присутствие в толстовских суждениях о науке полемических заострений. Но в этой критике была и сильная сторона. Она также отражена в Записках Маковицкого.

Это мысль Толстого о том, что в существующем, подчиненном интересам богатых обществе польза, приносимая наукой и всеми научными открытиями и изобретениями, доступна одним только богатым, но никак не беднякам, обреченным оставаться без помощи и при одних рекомендациях, которые вырабатывает наука, но без надежды получить для себя, для действительного практического использования рекомендуемые ею средства, открытия и изобретения. «Купцу вырезать слепую кишку превосходно умеют,— записал Маковицкий слова Льва Николаевича,— но 50% детей из народа раньше года погибает, а в воспитательных домах — 80%» (4 января 1905 г.). Сказанное о хирургии и педиатрии относится Толстым также к биологическим и медицинским исследованиям, к курортологическим и бальнеологическим рекомендациям, к диетическим методам оздоровления и лечения тружеников фабрик и сельского хозяйства. В обществе, в котором, как в обществе капиталистическом, всякая реальная власть есть власть денег, только деньги и могут содействовать сбережению и исправлению здоровья, его восстановлению и сохранению в гигиенических и санитарных условиях. Дело же подлинной науки, полагал Толстой, служить всем людям, благу всего человечества.

Толстой смешал неравенство социальных условий использования благ цивилизации с содержанием этих благ и с присущей ему запальчивостью мысли перенес на самую науку то, что было лишь результатом присвоения в капиталистическом обществе выгод и достижений науки одними богатыми людьми.

Критика Толстым опытной науки не означала, однако, абсолютного отрицания им ее принципиальной благотворности и ее большой будущности. «Я убежден,— писал он в 1893 г. В. В. Стасову,— что уже теперь будущность земледелия не в работе силою животных и не в выведении особых выездных пород их, а в ручном и машинном, приводимом в движение паром, электричеством, ручной силой земледелии, производящим многое на малом пространстве...» (т. 66, с. 390). Толстой заинтересованно следил за развитием современных ему наук — физики, химии, математики, естествознания и, как это отмечено в Записках Маковицкого, горячо приветствовал такие их достижения, как таблица химических элементов Менделеева, физиологические теории Павлова, изобретение аэроплана, кинематографа и пр. Отвергая присвоение науки и ее практических результатов господствующими классами, порицая ученых за их «безразличие» к тем «нравственным интересам жизни», которые он считал главнейшими, Толстой по существу стоял за демократизацию науки, за ее приближение к насущным нуждам простых людей.

На страницах Записок немало высказываний Льва Николаевича ретроспективного содержания, представляющих существенный интерес для его биографии. Среди них — ряд признаний о его отношении к разным направлениям и деятелям русской общественной мысли XIX столетия.

На одно из первых мест ставятся декабристы. Об их вкладе в духовную жизнь России, об их подвиге, их личностях Толстой говорит с восторгом и умилением.

Столь же неизменным, больше того, всевозрастающим было его восхищение Герценом. Он понимал, что революция открыла для русского культурного общества огромное явление Герцена, который был противоестественно и насильственно закрыт для русского общества, и Толстой радовался этому открытию. Он ощущал «в глубине» Герцена «религиозную натуру» («Он был в глубине религиозный»), т. е. в понимании Льва Николаевича натуру, исполненную поисков духовно-нравственных ценностей.

Иначе относился Толстой к другим революционным демократам и к народникам. «Современники Некрасова, Чернышевский, Михайловский,— говорил Лев Николаевич,— они всегда были мне очень неприятны». Но пояснял далее: «Очевидно, не либерализм их меня отталкивал. Перед Герценом я всегда преклонялся, а здесь какая-то серединность, журнальная либеральность» (26 ноября 1908 г.). Толстой полагал, будто из статей названных им авторов нельзя «слепить» «ничего цельного, что можно было бы назвать мировоззрением». Эту кажущуюся ему невозможность сложить отдельные, рассыпанные в отдельных статьях публицистов «Современника» и «Отечественных записок» мысли в целостное, стройное мировоззрение Толстой объяснял тем, что они и подобные им писатели были прежде всего журналистами: все, что они писали, имело характер журнальных статей и писалось на злобу дня. В силу существовавших тогда в русской печати цензурных условий и притеснений они вынуждены были о многих вещах и вопросах совершенно умалчивать, а о других если и говорить, то лишь иносказательно. Отсюда являлись недомолвки на каждом шагу. А так как им приходилось всегда рассчитывать на определенную публику, читателей определенных журналов, то им казалось, что публика эта и без слов должна была expressis verbis * понимать все, что они хотели сказать ей. Значение, которое им приписывалось и придавалось в обществе, по мнению Толстого, не соответствовало их действительным возможностям и средствам. Такие люди, как Чернышевский, Михайловский, очень многого не знали, полагал Толстой, многого не понимали и игнорировали. Такой игнорируемой ими областью Толстой считал прежде всего область религиозных вопросов, которые у него во многом совпадали с вопросами этическими, относящимися к сфере нравственного самосознания, совпадали с тем, что он называл «истинной наукой». Совпадение это явствует уже из перечня лиц, которых Толстой считал отцами «истинной науки». Это Кришна и Будда, Конфуций и Лаотсе (Лао-цзы), Сократ, Эпиктет и Марк Аврелий, Христос и Магомет. Упоминания этих исторических, мифологических и полумифологических имен часто встречаются в записанных Маковицким суждениях Толсто-

* отчетливо (*лат.*).

го. Для него это имена провозвестников и учителей той мудрости, которая учит главному — в понимании Льва Николаевича — как следует жить.

Очень свежи и дают много нового те места Записок, в которых Лев Николаевич признает влияние, какое на его духовное развитие имели славянофилы. В автобиографических страницах Толстого и литературе о нем не много свидетельств, которыми с такой определенностью подчеркивалась бы значительность, серьезность этого влияния, существенность его для духовной биографии Льва Николаевича.

О славянофилах Лев Николаевич говорил с воодушевлением и с таким уважением, с каким при Маковицком он не говорил ни о ком, кроме как о русском народе, декабристах и Герцене. Он соглашался с тем, что в славянофильстве имеются враждебные ему элементы — монархизм, национализм, православие, гегельянское оправдание существующего. Но одновременно находил в нем нечто очень ценное, самобытное, русское. Славянофильство, утверждал он,— система, выработанная, последовательная, стройная. Оно не принимает западных теорий, главное же в нем — преклонение перед народом. Враждебные Толстому стороны славянофилов, в частности православие, также объяснялись Толстым исторически, характером их отношения к народу. Они «верили в православие,— говорил Лев Николаевич,— вместе с народом. Оно тогда имело право на существование. Тогда стомиллионный народ верил в него» (12 мая 1909 г.).

Лев Николаевич лично знал всех выдающихся славянофилов, но особенно высоко ставил из них Ю. Ф. Самарина, Хомякова, Аксаковых. Из Аксаковых ему ближе всего был старший, Сергей Тимофеевич, далекий от доктрины своих сыновей и их единомышленников. Говоря о славянофилах, он подчеркивал, что он сам «admirateur * народа», что он был и остался им.

«Никто из русских,— говорит Толстой,— не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния, как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков» (13 апреля 1906 г.). Даже в брошюрах сына Хомякова, Дмитрия Алексеевича, о самодержавии и православии он находил и ценил черты самобытности: «Каждый чувствует,— записал Маковицкий со слов Толстого,— что это новые, свои мысли, а не версты печатной бумаги, как говорит Рёскин» (13 апреля 1906 г.).

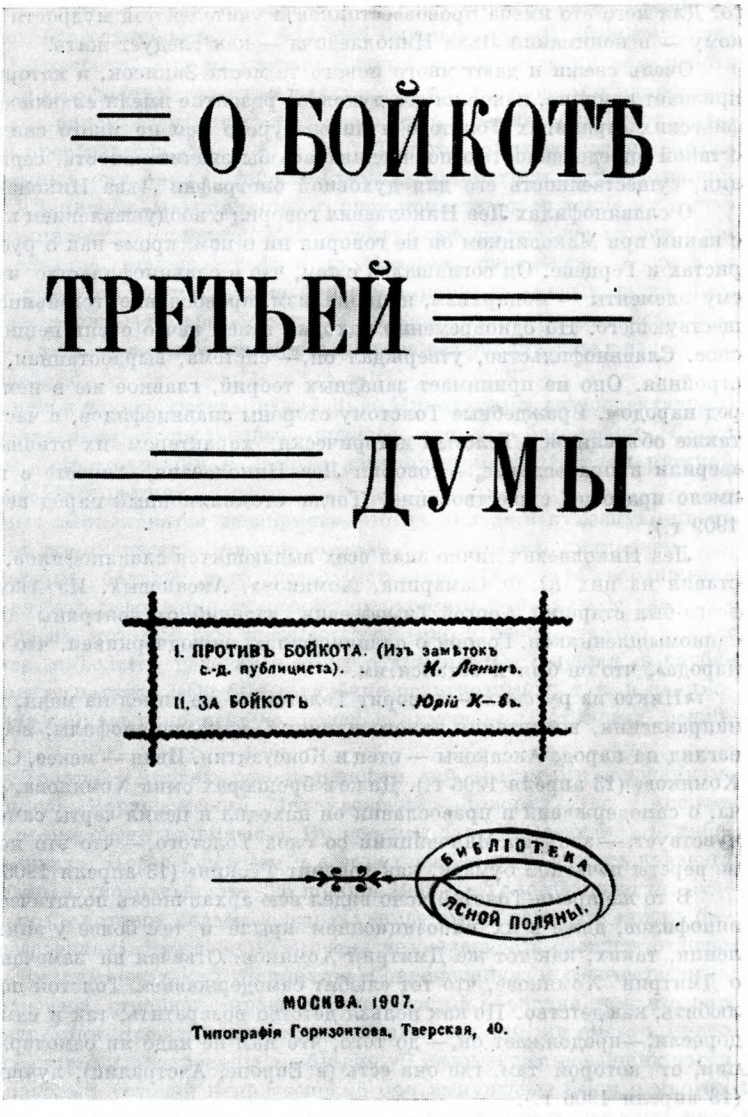
В то же время Толстой ясно видел всю архаичность политических убеждений славянофилов, даже в их оппозиционном крыле и тем более у эпигонов этого направления, таких, как тот же Дмитрий Хомяков. Отвечая на замечания С. А. Стахович о Дмитрии Хомякове, что тот «любит самодержавие», Толстой поясняет: «Его можно любить, как детство. Но как нельзя детство возвратить, так и самодержавие. Мы уже доросли,—продолжает он,— до того, что нам не надо ни самодержавия, ни конституции, от которой там, где она есть (в Европе, Австралии), лучшие умы уже уходят» (13 апреля 1906 г.).

Здесь под «конституцией» Толстой разумеет ограниченную конституционными установлениями буржуазную парламентарную монархию или буржуазную же парламентарную республику — вроде тех, которые существовали в то время в Англии и Франции.

Парламентарное конституционное государство, был убежден Толстой, новая, по сравнению с абсолютизмом, форма политического обмана. Оно возникает на основе обмана народа и в своей сути есть та же власть денег. Ни в Англии, ни во Франции, ни в Америке парламенты не принесли ни земли народу, ни уничтожения милитаризма. Настоящего представительства народа в политических учреждениях Запада, даже самых конституционных и демократических по форме, по существу, нигде нет. Нет нигде и подлинной свободы. «За границей,—записывает Маковицкий слова Толстого,—тот же произвол, только в законной форме» (10 октября 1908 г.). И еще: «Англичане гордятся, что у них personal freedom **, но у них такое же и еще худшее рабство, чем в России» (20 января 1905 г.). В критике буржуазных институтов Запада, как и капи-

---

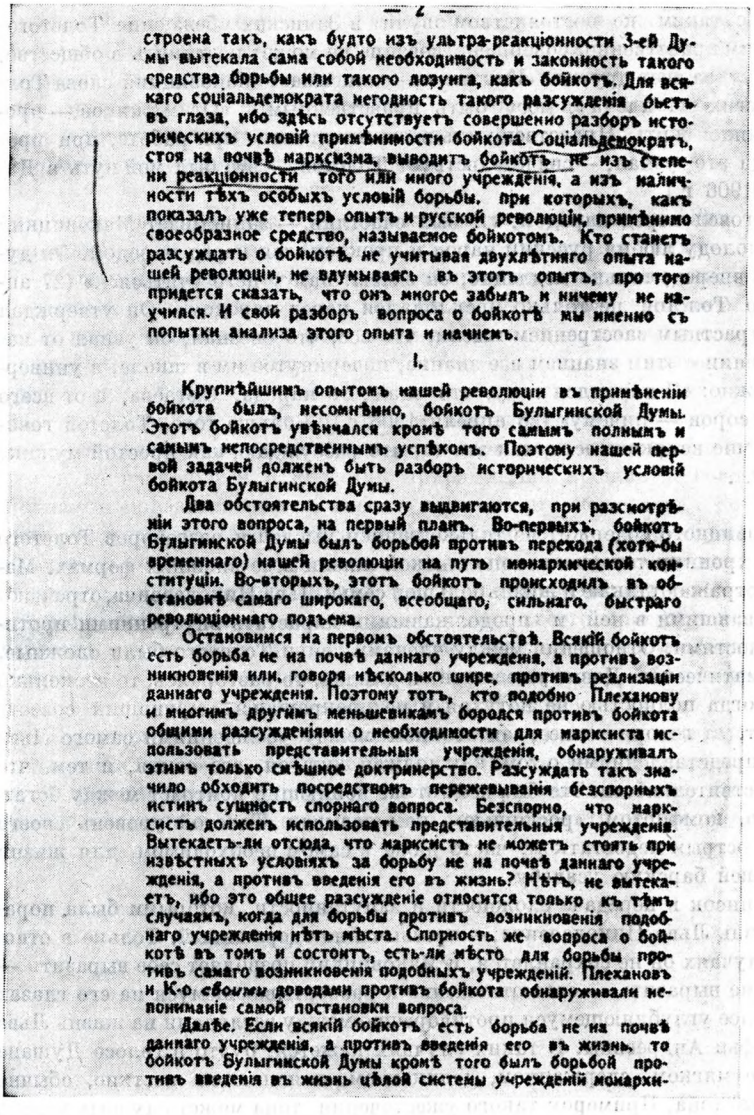
* восторженный почитатель (*франц.*).
** свобода личности (*англ.*).



БРОШЮРА «О БОЙКОТЕ ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ» СО СТАТЬЕЙ В. И. ЛЕНИНА «ПРОТИВ БОЙКОТА (ИЗ ЗАМЕТОК С.-Д. ПУБЛИЦИСТА)»
Нелегальное издание. Петербург, 1907
Обложка. Обозначенное на ней место выпуска «Москва» вымышлено.
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна».

талистических форм насилия и угнетения в собственной стране, сказались сильнейшие и лучшие стороны мировоззрения Толстого: горячее сочувствие народу, превосходное знание реальных экономических условий и отношений крестьянской жизни, свобода от обольщений и предрассудков либерализма, умение разоблачать софизмы публицистической, философско-исторической и экономической апологетики капитализма. Все эти качества, сообщившие деятельности и публицистике позднего Толстого мировое значение, нашли свое отражение в яснополянской летописи Маковицкого.

Но в записанных им высказываниях Льва Николаевича в полном соответствии с объективной правдой нашли отражение также заблуждения и ошибки в его могучем социальном критицизме. Личность Толстого, столь обстоятельно запечатленная автором «Яснополянских записок», предстает преисполненной трагических противоречий, в



— 2 —

строена такъ, какъ будто изъ ультра-реакціонности 3-ей Думы вытекала сама собой необходимость и законность такого средства борьбы или такого лозунга, какъ бойкотъ. Для всякаго соціальдемократа негодность такого разсужденія бьетъ въ глаза, ибо здѣсь отсутствуетъ совершенно разборъ историческихъ условій примѣнимости бойкота. Соціальдемократъ, стоя на почвѣ марксизма, выводитъ бойкотъ не изъ степени реакціонности того или иного учрежденія, а изъ наличности тѣхъ особыхъ условій борьбы, при которыхъ, какъ показалъ уже теперь опытъ и русской революціи, примѣнимо своеобразное средство, называемое бойкотомъ. Кто станетъ разсуждать о бойкотѣ, не учитывая двухлѣтняго опыта нашей революціи, не вдумываясь въ этотъ опытъ, про того придется сказать, что онъ многое забылъ и ничему не научился. И свой разборъ вопроса о бойкотѣ мы именно съ попытки анализа этого опыта и начнемъ.

I.

Крупнѣйшимъ опытомъ нашей революціи въ примѣненіи бойкота былъ, несомнѣнно, бойкотъ Булыгинской Думы. Этотъ бойкотъ увѣнчался кромѣ того самымъ полнымъ и самымъ непосредственнымъ успѣхомъ. Поэтому нашей первой задачей долженъ быть разборъ историческихъ условій бойкота Булыгинской Думы.

Два обстоятельства сразу выдвигаются, при разсмотрѣніи этого вопроса, на первый планъ. Во-первыхъ, бойкотъ Булыгинской Думы былъ борьбой противъ перехода (хотя-бы временнаго) нашей революціи на путь монархической конституціи. Во-вторыхъ, этотъ бойкотъ происходилъ въ обстановкѣ самаго широкаго, всеобщаго, сильнаго, быстраго революціоннаго подъема.

Остановимся на первомъ обстоятельствѣ. Всякій бойкотъ есть борьба не на почвѣ даннаго учрежденія, а противъ возникновенія или, говоря нѣсколько шире, противъ реализаціи даннаго учрежденія. Поэтому тотъ, кто подобно Плеханову и многимъ другимъ меньшевикамъ боролся противъ бойкота общими разсужденіями о необходимости для марксиста использовать представительныя учрежденія, обнаруживалъ этимъ только смѣшное доктринерство. Разсуждать такъ значило обходить посредствомъ пережевыванія безспорныхъ истинъ сущность спорнаго вопроса. Безспорно, что марксистъ долженъ использовать представительныя учрежденія. Вытекаетъ-ли отсюда, что марксистъ не можетъ стоять при извѣстныхъ условіяхъ за борьбу не на почвѣ даннаго учрежденія, а противъ введенія его въ жизнь? Нѣтъ, не вытекаетъ, ибо это общее разсужденіе относится только къ тѣмъ случаямъ, когда для борьбы противъ возникновенія подобнаго учрежденія нѣтъ мѣста. Спорность же вопроса о бойкотѣ въ томъ и состоитъ, есть-ли мѣсто для борьбы противъ самаго возникновенія подобныхъ учрежденій. Плехановъ и К-о *своими* доводами противъ бойкота обнаруживали непониманіе самой постановки вопроса.

Далѣе. Если всякій бойкотъ есть борьба не на почвѣ даннаго учрежденія, а противъ введенія его въ жизнь, то бойкотъ Булыгинской Думы кромѣ того былъ борьбой противъ введенія въ жизнь цѣлой системы учрежденій монархи-

СТАТЬЯ В. И. ЛЕНИНА «ПРОТИВ БОЙКОТА (ИЗ ЗАМЕТОК С.-Д. ПУБЛИЦИСТА)»
Страница с пометами Толстого
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

сложном и мучительном переплетении разума и предрассудков, слабых и сильных сторон. До конца жизни не переставала его тревожить мысль о путях радикального обновления общественного строя России, коренного улучшения положения «земледельческого народа», и до конца жизни он не переставал исповедовать философию непротивления злу насилием, оставаться «на точке зрения патриархального, наивного крестьянина» *. Совершенствование внешних форм и условий общественной жизни (политических и социальных) должно прийти и придет — так верил Толстой — соответственно совершенствованию нравственному, в основе которого лежит непротивление злу насилием. Через все Записки Маковицкого проходят, бесконечно повторяясь и варьируясь, высказывания Толстого на эту тему.

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 40.

Вместе с тем с таким же постоянством звучит в Записках убеждение Толстого, что проповедуемое им нравственное совершенствование не может наступить в обществе, где одни люди живут за счет других. «Как же я,—записывает Маковицкий слова Толстого,— сидя у других на плечах, могу быть нравственным?» «От мужиков,— продолжает он,— научился жить. Нравственность возможна только при работе, при простоте жизни. Когда это узнал, —свидетельствует Толстой,— это был мой путь в Дамаск» (11 января 1906 г.)

Толстой благоговел перед народом. «Я был счастлив,— записывает Маковицкий его слова,— что смолоду любил русский народ и преклонялся перед народом. Он духовно растет, идет вперед, только медленно; *он знает*: нам у него учиться...» (27 апреля 1905 г.). Но Толстой не только преклонялся перед народом. Он утверждал с присущим ему страстным заострением мысли, что все, что он знал, он узнал от народа и что в сравнении с этим знанием все знание, почерпнутое им в школе, в университете, было ничтожно: «Я научился тому, что́ знаю, от народа, Сютаева; а от всего синедриона профессоров — ничему» (28 апреля 1906 г.). Больше того, Толстой говорил: «Если что во мне великого есть, так это то, что рассуждаю, как простой мужик» (31 октября 1905 г.).

Дневник Маковицкого содержит не только записи мыслей и разговоров Толстого и «протокольную» хронику течения яснополянской жизни в ее внешних формах. Материалы дневника отражают также и жизнь большой семьи Льва Николаевича, отражают со всеми существовавшими в ней и продолжавшими нарастать внутренними противоречиями и трудностями. Отношения между членами семьи Толстого были сложные, напряженные, драматические. Давно уже возник и длился, то разгораясь, то несколько ослабевая, но никогда полностью не потухая и не прекращаясь, мучивший совесть Толстого конфликт, а говоря точнее, антагонизм между убеждениями самого Льва Николаевича, его представлениями о том, как должен жить он, его семья, и тем, что происходило в действительности. Это был все тот же вопиющий контраст между богатством и бедностью, комфортом, «роскошью», как называл Толстой уровень своего существования, и острым недостатком, часто даже в самом необходимом, для жизни деревни, окружавшей барскую усадьбу.

Общий тон Записок в передаче сложности и запутанности, которыми была поражена семейная жизнь Льва Николаевича,— чрезвычайно сдержанный. Только в относительно редких случаях он не сохраняется, и Маковицкий позволяет себе выразить — вернее не в силах не выразить — свое отношение к развертывающемуся на его глазах и, чем далее, все более углубляющемуся противоречию между взглядами на жизнь Льва Николаевича и Софьи Андреевны. В таких случаях кажется, будто в голосе Душана Петровича, вообще мягком, сдержанном, деликатном, появляются жесткие, обычно ему не свойственные тона. Примером такого ужесточения тона может служить запись об одной беседе Льва Николаевича с единомышленниками, состоявшейся 7 августа 1906 г. Маковицкий характеризует эту беседу как «приятный разговор единомышленников, не прерываемый противоречащими вставками Софьи Андреевны, совсем противоположно думающей и постоянно невоздержанной в выражении своего несогласия во всех беседах и разговорах Льва Николаевича». И дальше Маковицкий записывает свое наблюдение, что иногда Софья Андреевна в присутствии Льва Николаевича излагает собственные свои мысли, приписывая их самому Льву Николаевичу, хотя они и не соответствуют образу его мышления. Так как обычно при этом Лев Николаевич не опровергает ее, то посторонние свидетели принимают сказанное ею за чистую правду и распространяют это в своих беседах и переписке. Душан Петрович даже находил, что близкие Льва Николаевича должны разоблачать в таких случаях искажение правды и восстанавливать истину.

В целом, однако, тяжелых сторон в отношениях между Софьей Андреевной и Львом Николаевичем Душан Петрович в своих Записках касается мало и деликатно. Исключение — последняя часть Записок, относящаяся к драме ухода Льва Николаевича из Ясной Поляны и предшествующим событиям. Здесь, в условиях предельного напряжения трагически нараставших событий, Маковицкий нередко утрачивает по

отношению к Софье Андреевне объективность, которую, казалось, должен был сохранить хотя бы как врач. Ведь Софья Андреевна, как это было очевидно для всех, переживала в это время резкое обострение своего нервного заболевания. И все же записи Маковицкого в целом правдиво воссоздают не только хронику последних дней, часов и минут Толстого, но и всю исполненную драматизма и смятения обстановку в яснополянском доме накануне и в дни его ухода.

Заканчивая эту краткую характеристику «Яснополянских записок», скажем несколько слов о том, чего не следует искать в них.

Душан Петрович безукоризненно искренен и правдив в своих записях. Но было бы напрасным делом ждать от него хотя бы попыток характеризовать лица, которые проходят перед читателем его яснополянской летописи, или осмыслить — исторически и биографически — записываемые события, факты, разговоры. Скорее он счел бы предъявление таких требований к своему труду совершенно необоснованным. Он сознательно подавляет в себе литератора, исследователя, мемуариста с их личностными или объективными оценками и возвышает свою роль «стенографа» и «протоколиста». Он совсем не равнодушен к красотам природы, но, прожив у Толстого несколько лет в одном из поразительных по красоте природы уголков средней России, оставил очень мало свидетельств своего восхищения, более того — своей восприимчивости к этой красоте. В поле его наблюдения находилось множество людей самого различного темперамента, нравственного склада, умственного своеобразия. Но они «прошли» через это поле, оставив лишь «протокольный» след своего присутствия. Способность запечатления неповторимости, своеобычности характеров и событий не была дана Душану Петровичу, да он, как сказано уже, и не ставил перед собою такой задачи. Он хотел создать и создал «документ»—«хронику» о Толстом.

И в этом своем качестве «Яснополянские записки» в литературе о Толстом останутся единственным в своем роде памятником скромной преданной дружбы, результатом внимательнейшего учета устных высказываний, мыслей и слов живой речи великого писателя в последние годы его жизни, вплоть до предсмертных минут.

Д. П. МАКОВИЦКИЙ

Биографический очерк С. К о л а ф ы (Прага) *

Душан Петрович Маковицкий родился 10 декабря 1866 г. в словацком городе Ружомбероке [1]. Отец его, образованный человек, был представителем молодой словацкой буржуазии, недовольной господством в стране венгерских правящих кругов, проводивших политику ассимиляции словацкого народа. С юных лет Маковицкий горячо любил Россию. Его друг и ровесник Альберт Шкарван писал в своих воспоминаниях: «В годы моей юности к России были устремлены все упования словацкой молодежи, жестоко лишенной, как известно, под венгерским ярмом, всех возможностей для развития. Вдобавок все видные словацкие деятели издавна указывали нам на северного брата не только как на представителя великой внешней силы, но и как на щедроодаренный народ <...> Нас вдохновляла Россия как страна великого будущего и свободы. Мы, словацкие юноши,— все, без исключения,— придерживались русофильских взглядов» [2]. В русле этих настроений находился и Маковицкий, с отрочества увлекавшийся русской литературой, изучавший русский язык, мечтавший побывать в Москве.

После окончания гимназического курса Маковицкий уехал в Прагу и поступил на медицинский факультет Карлова университета. В студенческие годы он находился под сильным влиянием взглядов видного словацкого общественного деятеля и писателя С. Гурбана-Ваянского и русских славистов — А. С. Будиловича, А. И. Добрянского, В. И. Ламанского и других. Учением Толстого он тогда не увлекался. Время от времени молодой человек посещал университетские города Германии и Австро-Венгрии, слушал лекции, знакомился с культурной жизнью зарубежных стран. В Москву Маковицкий впервые приехал в марте 1890 г. и прожил здесь около трех недель. Эта первая встреча с Россией оставила в нем неизгладимый след. Впечатления его были многообразны. Ему привелось быть свидетелем студенческих волнений в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии и видеть полицейскую расправу над студентами. В аудитории московского Исторического музея он слушал лекцию профессора Н. А. Зверева о Толстом. В «Записках из Москвы», опубликованных Маковицким по возвращении на родину, он отмечал: «22 марта я на лекции проф. Зверева, в амфитеатре Исторического музея, о Льве Николаевиче Толстом как художнике. Он отнес его к категории таких писателей, как Шекспир и Гёте, рисующих общее душевное состояние, а не таких, как Гоголь, Сервантес и Диккенс, создающих типы» [3]. Это первое упоминание о Толстом в опубликованных сочинениях Маковицкого.

Возвратившись в Прагу, Маковицкий писал своему отцу: «Тебе очень понравятся «Исповедь», «В чем моя вера» и «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого. Если представится возможность, прочти. Из всего написанного Толстым эти статьи тебя больше всего заинтересуют. Это итог размышлений шестидесятилетнего человека о том, как нам следует жить» [4].

С этого 1890 г. в мировоззрении и деятельности Маковицкого начинает проявляться влияние этических взглядов Толстого. Маковицкий проводит в жизнь прежде всего внешние стороны этих взглядов. Он выступает против употребления спиртных напитков, мяса, табака, в своей личной жизни руководствуется принципами «нравственного самоусовершенствования». В этом отношении к нему во многом применимы слова Ленина

---

* Все переводы цитат со словацкого языка принадлежат автору статьи.— *Ред.*

о последователях Толстого, которые превращали «в догму как раз самую слабую сторону его учения» [5].

Первым словацким последователем толстовского учения был А. Шкарван, учившийся, как и Маковицкий, на медицинском факультете Карлова университета (см. публикацию его дневников и воспоминаний в т. 75 «Литературного наследства»). Кружок Шкарвана, сформировавшийся в конце 1880-х годов, занимался в это время пропагандой учения Толстого, переводил и издавал его сочинения. В конце 1890 г. члены кружка, среди которых уже был Маковицкий, обратились к Толстому с письмом. «Сегодня получил письмо от студентов из Праги, которые просят рукопись большого Евангелия, чтобы его напечатать,— сообщал Толстой Черткову.— У меня нет рукописи — есть одна, и та не дома — и я решился обратить этих студентов к вам. Я думаю, что вы им найдете эти рукописи и пошлете им или укажете им, к кому им обратиться ⟨...⟩ Прилагаю их письмо» (т. 87, с. 64). «Милостивые государи, — отвечала молодым людям 2 января 1891 г. по поручению Толстого Татьяна Львовна,— отец мой считает некоторые из своих сочинений неоконченными, к ним принадлежит и краткое и пространное изложение Евангелий, и поэтому сам не печатает этих сочинений и не принимает мер к их распространению, но вместе с тем и не препятствует их печатанию и распространению даже и в том виде, в котором они теперь». И Татьяна Львовна добавляет, что нужные им рукописи они могут получить у Черткова в Россоши [6].

Ответить на пересланное Толстым письмо словацких студентов Чертков поручил своему единомышленнику, близкому знакомому Толстого Е. И. Попову. С той поры Маковицкий и Шкарван оживленно переписываются с Поповым. Он пересылает им списки неопубликованных сочинений Толстого и другие материалы для перевода на словацкий язык. Члены кружка переписываются и с самим Толстым, сообщают ему сведения, которые могут заинтересовать его, например, о движении назаренов в Венгрии. В этот период Маковицкий перевел на словацкий язык ряд произведений Толстого («Для чего люди одурманиваются», «Суратская кофейня», «Крейцерова соната» и др.) и проектировал издание библиотечки в двух сериях — по образцу московского «Посредника» — под названием «Poučné čítanie» (для народа) и «Poučná bibliotéka» (для интеллигентных читателей).

Кружок Шкарвана, несмотря на скромность своих начинаний, навлек на себя бурю негодования в Словакии и в Венгрии. Статья С. Гурбана-Ваянского «Лев Толстой как еретик», опубликованная в 1894 г. в ответ на сочинение Толстого «Христианство и патриотизм», рельефно характеризует отношение буржуазно-либеральных слоев Чехии и Словакии к Толстому и его последователям. Прославленный памфлет Толстого Ваянский назвал «покушением на совесть каждого порядочного славянина». Толстого он резко осудил за отрицание церкви, нации, брака, любви, закона, искусства, поэзии, за «нападки на величие русского народа и царя». По его словам, Толстой «растоптал надежду на вечную жизнь, на спасение» [7].

Приступая после окончания университета к практической деятельности врача, Маковицкий испытывал потребность уяснить себе нравственную сторону своего будущего поприща. «Завтра уезжаю в Россию к Толстому ⟨...⟩ Еду туда не из любопытства, не для развлечений, не с легким сердцем — еду потому, что должен сделать это: что-то толкает меня»,— писал он своей племяннице Богдане Шкультеты 25 августа 1894 г. [8] В позднейшем письме к самому Толстому от февраля 1896 г., оставшемся неотправленным, Маковицкий об этом говорит более подробно: «Я сначала пришел к вам из отчаяния, видя, что в другом учении нет смысла, нет любви, а меня к любви бессознательно тягло. Я полагал ваше учение только нравственным, о боге, между тем вы мне сказали, что главное, важное — бог и что на любви к нему зиждется любовь к людям. И я только тогда начал искать бога и продолжаю искать его. По мере нахождения, познавания его, перестаю зиждать свою жизнь на авторитет ваш и перестаю бояться — видеть пустоту того, что будет, когда вы земную жизнь окончите» [9].

Маковицкий пробыл в Ясной Поляне в 1894 г. семь дней — со 2 по 8 сентября. В напечатанной спустя четыре года статье-дневнике «У Л. Н. Толстого» он следующим образом описал свой первый приезд в яснополянскую усадьбу и свою первую встречу с Толстым:

«Было девять часов. Навстречу мне вышел слуга и спросил, чего мне нужно. «Лев Николаевич еще не встали (или не вышли)», — заявил он мне. Вдруг вышел Толстой и заговорил со мной (не знаю, как). Я сказал, кто я, словак из Венгрии, приехал, чтобы увидеть его. «Мне очень приятно»,— сказал он и пожал мне руку. Предложил мне оставить вещи на лавочке, т. к. в доме еще не окончена уборка, и провел меня на веранду. Перемолвился несколькими словами с крестьянином во дворе, о чем-то его просившим. Вырвал листок из записной книжки, набросал несколько слов и отдал крестьянину, который пошел с ним к управляющему. Потом он вернулся ко мне. «Вы хорошо говорите по-русски; где вы научились?». Задал мне еще несколько вопросов и затем заметил: «Я скоро вернусь, только несколько минут погуляю». Он спустился с другой стороны и, пройдя вдоль фасада, повернул в парк. Я не спускал с него глаз, пока он не скрылся за деревьями. И только тогда очнулся от забытья. Ощущение блаженства охватило меня: «Ну вот, досталось тебе счастье увидеть Толстого, поблагодари бога. Какой простой, тихий и милый человек! Но как он стар и дряхл! Он представлялся мне издали гораздо более молодым и здоровым. На самом деле это сгорбленный, изнуренный трудом старец, с таким усталым, грустным лицом, словно он испытывает боль. Глаза у него глубокие, серые, спокойные, взгляд приветливый; у него густые, широкие брови, он широкоплеч, когда-то был высок, крепок; он лыс; носит ненакрахмаленную крестьянскую блузу, подпоясанную ремнем; борода — почти по пояс, бела, как молоко» [10].

Из других мест цитированной статьи видно, что уже в этот свой первый приезд в Ясную Поляну Маковицкий пытался заручиться у Толстого поддержкой в национально-освободительной борьбе словаков.

Толстой с первой встречи полюбил молодого словака. 22 августа ст. ст. того же года он сообщил В. Г. Черткову, что приехал «некто Маковицкий, славянин, один из тех студентов, которые переписывались с Евгением Ивановичем ⟨Поповым⟩, когда он жил у вас в Ржевске⟨...⟩ Маковицкий очень мне был интересен. Они, Славяне, угнетены и всю духовную энергию употребляют на борьбу с этим угнетением; но борются они оружием угнетения: отстаивают свою национальность против чужой национальности, свое исповедание, свой язык, свои выгоды. И все это делают они через споры, журналистику, через интриги, кружки, общества, выборы в сейм и т. п.» (т. 87, с. 284—285). И несколько дней спустя, 3 сентября, Толстой писал тому же Черткову: «Событие интересное для меня было приезд сюда из Венгрии славянина доктора Маковицкого. Он пробыл у нас неделю и поехал к Поше *, чему я очень рад. Он один из тех, с которыми переписывался Евгений Иванович. Он, как я его понял, чистый, кроткий и религиозный человек» (т. 87, с. 287).

После возвращения на родину Маковицкий приступает к врачебной деятельности в городе Жи́лина (Северо-Западная Словакия). Его сотрудник, единомышленник и друг Шкарван в 1896 г. по приглашению Черткова уезжает к Толстому [11], но в следующем 1897 г. вместе с Чертковым высылается властями из России и с тех пор, вплоть до 1910 г., скитается по Западной Европе. Маковицкий продолжает действовать один. Он поддерживает интенсивную переписку с Толстым и его русскими друзьями. За свой собственный счет он издает восемнадцать выпусков словацких переводов сочинений Толстого и других писателей в серии «Poučné čítanie»; он издает в собственном переводе «Пора опомниться», «Богу или мамоне», «Чем люди живы» Толстого и его же «Краткое изложение Евангелия» и др. Последний из этих трудов напечатан на чешском языке, а вводная статья Толстого — «Как читать Евангелие и в чем его сущность»—на словацком языке, в переводе Шкарвана. В другой серии «Poučná bibliotéka» Маковицкий печатает в переводе Шкарвана «Христианское учение» и в собственном переводе «Для чего люди одурманиваются», «Крейцерову сонату», «Воскресение». По совету Толстого Маковицкий пишет брошюру «Назарены в Венгрии» [12]. Толстому было известно, с какими трудностями приходилось встречаться Маковицкому в своей переводческо-издательской деятельности. «Не унывайте о том, что жизнь наша не такая, какою бы вы желали ее видеть, — писал ему Толстой 11 сентября 1895 г.— Это участь всех тех, кто стремится к христианскому совершенству» (т. 68, с. 175).

---

* П. И. Бирюкову.— *С. К.*

Осенью 1897 г. Маковицкий едет к больному Шкарвану в Англию, а оттуда по просьбе находившегося там же Черткова направляется вновь в Ясную Поляну. На этот раз он проводит здесь всего два дня — 28 и 29 ноября. «Нынче утром приехал Маковицкий, милый, кроткий, чистый. Много радостного рассказал про друзей»,— записал Толстой в своем дневнике 28 ноября (т. 53, с. 166). И через несколько дней, 2 декабря: «Главное, за это время был Душан, которого я еще больше полюбил. Он составляет с Славянским Посредником центр маленькой, но думаю, что божеской работы» (там же, с. 168). «Разговаривал с Душаном. Он сказал, что так как он невольно стал моим представителем в Венгрии, то как ему поступать? Я рад был случаю сказать ему и уяснить себе, что говорить о толстовстве, искать моего руководит⟨ель⟩ства, спрашивать моего решения вопросов — большая и грубая ошибка. — Никакого толстовства и моего учения не было и нет, есть одно вечное, всеобщее, всемирное учение истины, для меня, для нас особенно ясно выраженное в евангелиях» (там же).

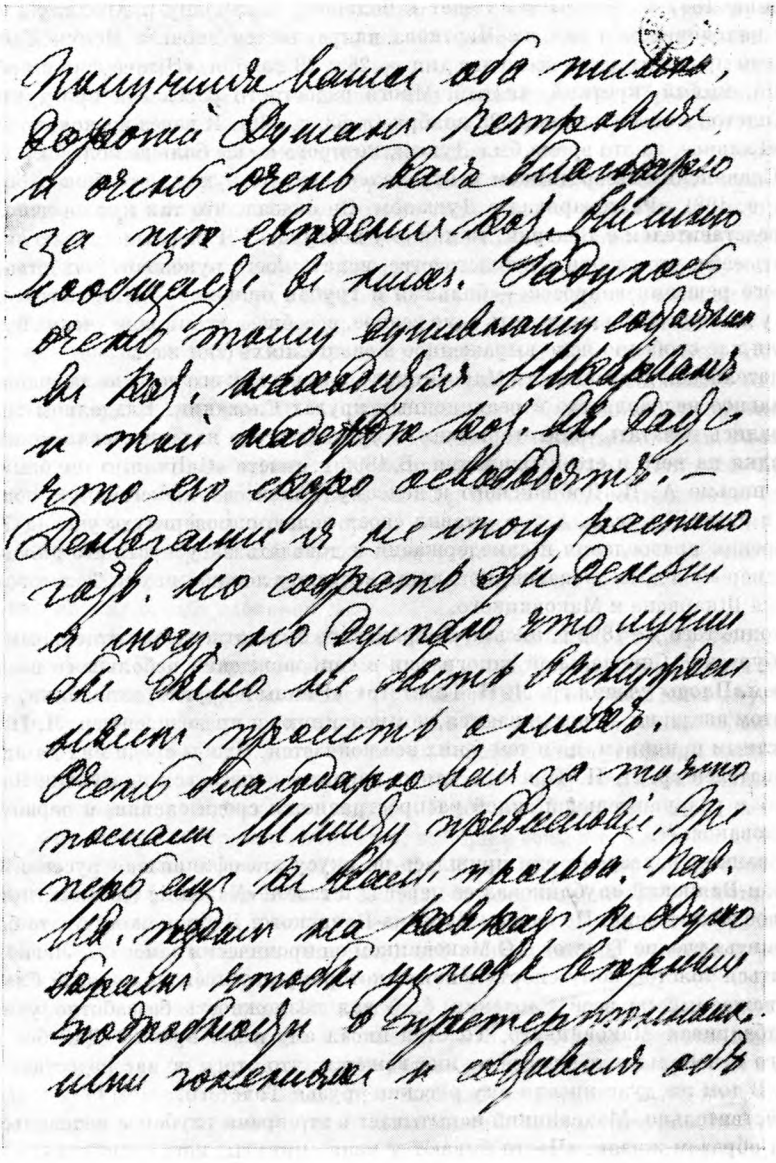
Издательская деятельность Маковицкого, так же как его поездка за границу, вызывали сильное недовольство в реакционных кругах Словакии. Владельцы типографий отказывались печатать, книготорговцы — продавать его издания, священники усилили нападки на него и его публикации. В 1896 г. газета «Gali̇čanin» опубликовала открытое письмо А. И. Добрянского к некоему «Алексею Алексеевичу», под которым имелся в виду Шкарван. Автор ставил своей целью опровергнуть учение Толстого с точки зрения православия и самодержавия и доказать пагубность его для молодежи. Как пример «молодых словаков, попавших в пучину ложной науки Толстого», он привел имена Шкарвана и Маковицкого.

В конце того же 1896 г. письмо Добрянского было отпечатано отдельным изданием в петербургской Синодальной типографии в сопровождении небольшого введения под заглавием «Плоды учения гр. Л. Н. Толстого». «Немцы и другие западники,— говорилось в этом введении,— восхищаются, комментируют и превозносят гр. Л. Н. Толстого по известным причинам, но и тем у них все кончается. Чтобы среди них нашлось много последователей гр. Л. Н. Толстого, этого, вероятно, опасаться не нужно. Зато учение Толстого с разрушительной силой распространяется среди славян, в первом же ряду среди словаков» [13].

Словацким консерваторам пришлась по вкусу эта официозная русская брошюра. С. Гурбан-Ваянский опубликовал ее перевод в газете «Národnie Noviny», присоединив к ней свое заключение. По словам Гурбана-Ваянского, Добрянскому будто бы удалось «разгромить» учение Толстого. О Маковицком он иронически замечал: «Легко, конечно, предаваться толстовскому спорту юноше, которому его преисполненный благородства отец, уважаемый во всей Словакии ⟨...⟩ дал возможность беззаботно учиться...» [14]

Подбадривая Маковицкого, Толстой писал ему в это время: «Дай бог вам всего хорошего и побольше твердости — мне кажется, что этого в вас недостает...» (т. 69, с. 182). В том же духе писали ему русские друзья Толстого.

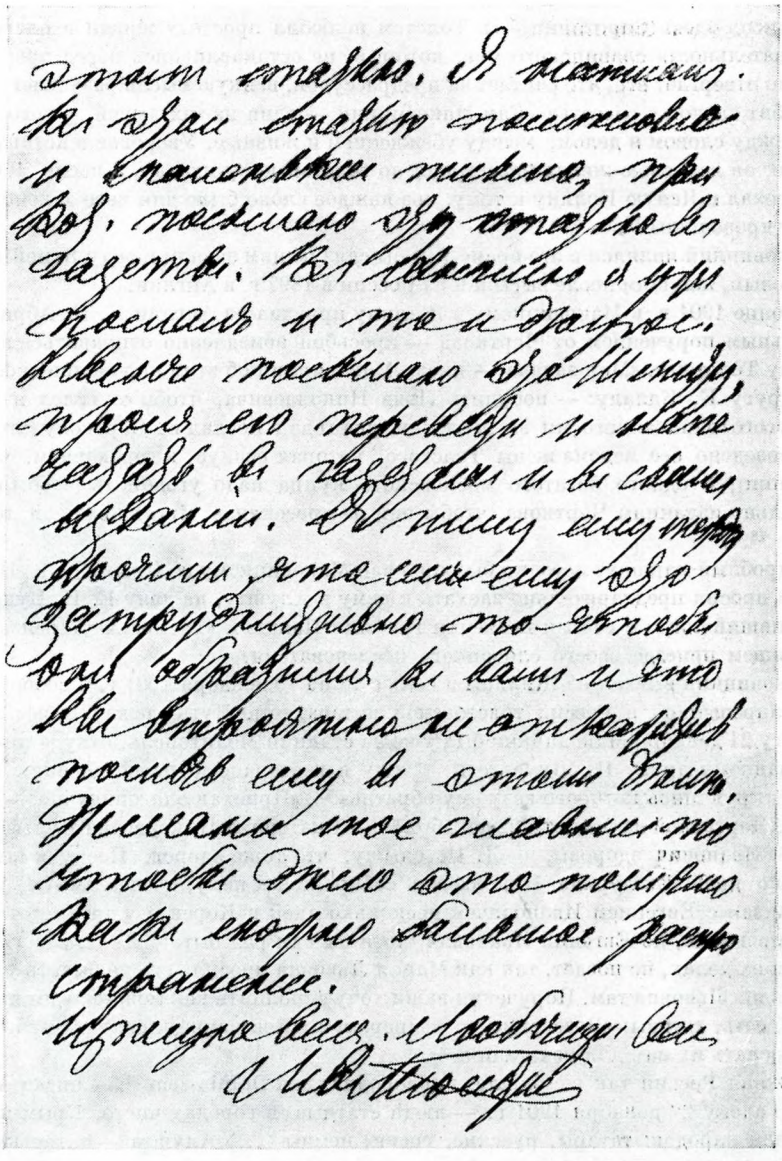
Действительно, Маковицкий испытывает в это время глубокое недовольство собой и своим образом жизни. «Часто бывают у меня минуты, когда удобства, которыми я пользуюсь, для меня мучительны ⟨...⟩, и мне хочется, чтобы моя жизнь была более заполнена трудом и лишениями. Тогда я смог бы лучше проповедовать свою веру, чем теперь, ибо я не так живу, как следовало бы»,— писал он Шкарвану (1901) [15]. Эта требовательность к себе, родственная настроениям самого Толстого, была, в сущности, чрезмерна: Маковицкий жил очень скромно, много и самоотверженно работал, оказывал медицинскую и материальную помощь нуждающимся. Трудовые люди — в городах и деревнях Словакии — относились к нему с огромным уважением и любовью. Что же касается общественной деятельности в более широком масштабе, то она была совершенно закрыта для Маковицкого. Он вынужден был прекратить издание словацкого «Посредника». Печатные органы разных направлений отказывались публиковать его статьи и переводы. Он не только подвергался ожесточенным нападкам со стороны всех словацких партий — консервативной, клерикальной, либеральной,— против него ополчились и венгерские власти, пуская в ход репрессии. В 1903 г. в доме Маковицкого полиция дважды производила обыск, у него конфисковали множество книг (среди которых могли быть и книги с дарственными надписями Толстого, Чехова и



ПИСЬМО ТОЛСТОГО К МАКОВИЦКОМУ ОТ 25 СЕНТЯБРЯ 1895 г.
Автограф
Архив музея Památník národního písemnictví, Прага

других выдающихся деятелей культуры). Имя Маковицкого неоднократно попадает в секретные сводки политической полиции «О национальных и социалистических движениях», составлявшиеся для венгерского премьер-министра Ш. Тисза [16].

Но чем больше суживается для Маковицкого возможность работы в своей стране, среди своего народа, тем активнее сотрудничает он с Толстым и его русскими и зарубежными последователями. К нему поступают книги Толстого, издаваемые в Англии и Швейцарии, Маковицкий поддерживает связь с лицами, включенными в тайную сеть для их распространения (одним из деятельных участников этого дела был известный языковед и славист, в то время профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ). Из Жилины Маковицкий рассылает в разные места России эти запре-



щенные в ней книги. На его жилинской квартире останавливаются русские друзья Толстого, едущие из России на Запад или обратно. Здесь побывали посетители из разных стран — В. А. Лебрен, А. Син-Джон, Х. Н. Абрикосов, А. Н. Сиротинин, И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. Е. Струменский и др. С 1898 г. Маковицкий поддерживает связи с членом РСДРП В. Д. Бонч-Бруевичем, жившим в эмиграции в Швейцарии. От него получает он социал-демократическую литературу, в частности, литературный, научный и политический журнал «Жизнь». На основе материалов, полученных от Маковицкого и Шкарвана, Бонч-Бруевич, интересовавшийся социально-оппозиционными течениями в сектантстве, написал работу «Назарены в Венгрии и Сербии» и в 1905 г. издал ее в Москве (под псевдонимом *В. Ольховский*).

Летом 1904 г. в словацком городе Ма́ртин (Турчански-Свети-Ма́ртин) с Маковицким познакомился и навестил его затем в Жи́лине историк А. Н. Сиротинин. Этой встрече он посвятил впоследствии в своей книге 1913 г. «Славяне и Россия» целую главу под названием «Друг Толстого». «Искренний, прямой, последовательный Маковиц-

кий,— писал здесь Сиротинин,— в Толстом полюбил простоту жизни и благородную последовательность славянского ума, который, не останавливаясь перед препятствиями, смело отвергает все, что считает за предрассудок, всякую мысль развивает до конца и не любит сделок с совестью. Сам Маковицкий — один из тех людей, у кого нет пропасти между словом и делом, между убеждением и жизнью. Уверовав в истину учения Толстого, он всю свою жизнь перестроил по толстовскому идеалу, а после 1905 г. * и сам переехал в Ясную Поляну к тому, чье каждое слово было для него законом и чуть ли не откровением» [17].

Маковицкий *являлся в это время как бы связующим звеном* между Ясной Поляной и Чертковым, жившим после высылки из России в 1897 г. в Англии.

В конце 1901 г. к Маковицкому в Жилину приехал из Англии Х. Н. Абрикосов со специальным поручением от *Черткова — просьбой немедленно отправиться в* Крым к больному Толстому. «Моя задача,— писал Маковицкий об этом поручении своему чешскому другу К. Калалу: — побудить Льва Николаевича, чтобы он велел изготовить копии всего написанного им за последние два года и послал их Черткову (это должно быть проведено без ведома жены Толстого, которая ревнует к чертковцам, что у них есть копии), а одного богатого московского купца надо уговорить, чтобы он помог материально изданиям Черткова, чтобы они не пресеклись. Миссия важная, только бы удалась» [18].

Подробный маршрут поездки был прислан Маковицкому из Крыма Е. И. Поповым, который просил предварительно заехать к нему в Алушту, на дачу Е. Н. Вульф. Толстой, живший тогда с семьей в имении графини Паниной «Гаспра» в Кореизе, знал о предстоящем приезде своего словацкого последователя.

Маковицкий выехал из Жилины в ночь с 18 на 19 декабря 1901 г. С собой он повез много запрещенной в России толстовской литературы. Путь лежал через Краков. В субботу 21 декабря Маковицкий был уже на станции Мелитополь, откуда писал своему словацкому другу И. Шкультеты: «Сижу в ресторане и читаю дневник Толстого 1897 года, рукопись которого везу ему обратно» [19]. «Приехал благополучно,— сообщал он А. К. Чертковой из Алушты 22 декабря [20]. — Екатерина Николаевна Вульф, ее дети, Евгений Иванович здоровы, о Л. Н. слышу, что тоже здоров. Поеду к нему через несколько дней. Екатерина Николаевна собирается к нему, поедем вместе. Я думаю, что поживем с Евгением Ивановичем несколько дней в Кореизе у татар и что́ нужно будем списывать, но Евгений Иванович, хотя бы сам рад быть с Л. Н. и поговорить с ним о своих делах, не поедет, так как Мария Львовна просила его не бывать у них, так как Татьяна Львовна там. Поручения ваши хочу исполнить как можно будет наилучше. У Л. Н. есть, готовы: «Воззвание к офицерам» и «Воззвание к солдатам», и ⟨он⟩ намерен послать их вам для печатания» [21].

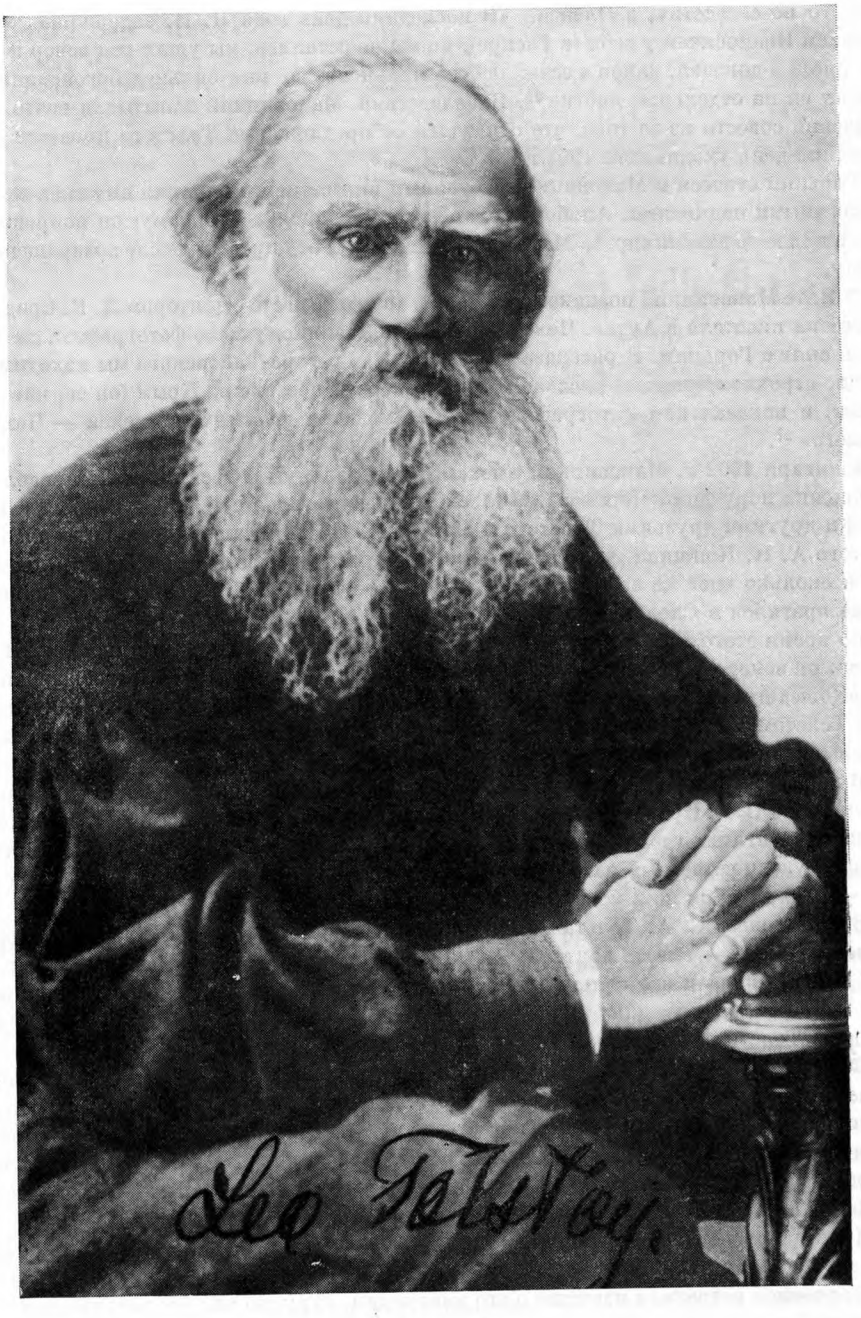
«Южная Россия так же богата, плодородна, как Dolnia-zem [22];— писал Маковицкий И. Галеку 27 декабря 1901 г.,— люди статные, в городах чисто. Крым интересен смешением народов: татары, русские, греки, немцы ⟨...⟩ Алушта — татарская и греческая деревня, около нее и на побережье несколько русских деревень. Черное море до сих пор постоянно бурлит, ветры неслыханные, так и кажется, что унесет нас вместе с домом» [23].

В четверг 26 декабря Маковицкий выехал из Алушты в Ялту в сопровождении Е. И. Попова. Оба они, вероятно, поселились на даче художника Г. Ф. Ярцева, жившего там вместе с доктором Л. В. Срединым. Маковицкий провел в Ялте 10 дней — с 26 декабря 1901 по 4 января 1902 г. За это время он посетил Толстого в Кореизе пять раз: 27, 28, 29, 31 декабря и 1 января. Во время этих посещений Маковицкий выполнил ряд поручений Черткова. 31 декабря он показал, а позднее подарил Толстому альбом рисунков «Размышления о катехизисе» чешского художника Эмиля Холарека, изданный в Праге в 1901 г. Альбом этот, заказанный Маковицким у пражского издателя Б. Кочи, был выслан в Алушту через Петербург на имя Е. И. Попова. По словам Маковицкого, Толстому очень понравилась эта работа чешского художника [24].

В тот же день, 31 декабря, Маковицкий вместе с Е. И. Поповым посетил Горького,

---

* В действительности, в конце 1904 г.— *С. К.*



ТОЛСТОЙ

Москва, 1896

Фотография фирмы Шерер и Набгольц с автографической подписью Толстого: «Leo Tolstoy».

Архив «Matice slovenská», г. Мартин

жившего по соседству, в Олеизе. «В последний день года Л. Н. задерживал меня с Евгением Ивановичем у себя (в Гаспре), но мы не остались, мы ушли под вечер к Горьким. Здесь я доказал, каков я есть: любознательность во мне сильнее богоискания»,— записал он на отдельном листке [25]. Впоследствии Маковицкий испытывал нечто вроде угрызений совести из-за того, что отказался от предложения Толстого провести с ним последний день уходившего 1901 г.

Горький отнесся к Маковицкому с теплым вниманием и подарил ему свои книги с дарственными надписями. Альбом Холарека понравился и Горькому; он попросил достать и для него экземпляр *. Маковицкий исполнил эту просьбу после возвращения на родину.

В Ялте Маковицкий познакомился и с Чеховым. Вместе с доктором Л. В. Срединым он посетил писателя в Аутке. Чехов подарил Маковицкому свою фотографию, на которой он снят с Горьким. В рассказе «На пиру» И. Грегора-Тайовского мы находим следующие строки: «Душанко рассказывал нам о своей поездке в Крым (он ее, наверно, опишет) и показал нам фотографию двух знаменитых русских писателей — Чехова и Горького» [27].

4 января 1902 г. Маковицкий выехал в центральную Россию, чтобы продолжить выполнение поручений Черткова. В Москве он встретился с И. И. Горбуновым-Посадовым и другими друзьями Толстого и Черткова. По приглашению единомышленника Толстого А. Н. Коншина, участвовавшего в делах издательства «Посредник», он погостил несколько дней на его хуторе в Калужской губернии. В конце января Маковицкий возвратился в Словакию.

Во время этого пребывания в России Маковицкий вел подробный дневник. На основе его он вскоре написал большую статью «У Л. Н. Толстого. 1901/2», к сожалению до нас не дошедшую. Найдены только остатки одной тетради с обозначением: «3-е путешествие к Толстому» [28]; большинство страниц вырвано, на уцелевших листах сохранились лишь выписки из дневников Толстого.

В июле—августе 1903 г. Маковицкий вновь побывал у Черткова в Англии, где познакомился с П. А. Кропоткиным. В 1904 г. он отправился в Швейцарию, затем опять к Черткову в Англию, где вторично встретился с Кропоткиным. По поручению Черткова он снова, уже в четвертый раз, едет к Толстому в Ясную Поляну и живет здесь восемь дней — с 26 октября по 2 ноября.

В этот приезд С. А. Толстая предложила Маковицкому остаться в Ясной Поляне в качестве врача — вместо доктора Д. В. Никитина, который был лечащим врачом Льва Николаевича и его семьи. Маковицкий с радостью согласился. Он съездил ненадолго к себе на родину для устройства дел и, возвратившись в Россию, поселился в усадьбе Толстого.

Переездом в Ясную Поляну в конце 1904 г. завершился сложный период личной биографии и духовного развития Маковицкого. Маковицкий горячо любил свою родину, но эмиграция представлялась для него в это время единственным выходом. «Сознаю свой долг быть полезным родному народу и стремлюсь уяснить себе путь, на котором я должен трудиться, к которому устремлены мои духовные помыслы»,— так разъяснял сам Маковицкий в письме к отцу уже из России смысл своего решения [29].

Мучительно переживал молодой врач разлуку со своими постоянными пациентами — тружениками Жилины и окрестных деревень. Рабочие, ремесленники и крестьяне с огорчением встретили известие о его эмиграции. «Трудно мне без вас; так долго мы с вами не беседовали! — писал в сентябре 1905 г. Маковицкому в Ясную Поляну словацкий крестьянин М. Войтек.— Лишь тот сможет это понять, кто потеряет друга, близкого по духу, и благодетеля, как это случилось со мной и окружающим меня словацким народом. Ведь мы, словаки, считаем, что вы для нас уже потеряны. Этими словами, уважаемый господин и дорогой друг мой, я никак не хочу укорять вас за то, что вы покинули свой народ и переехали на чужбину. От словацких националистов нередко приходится слышать укоры за то, что вы покинули свой народ и уехали за границу.

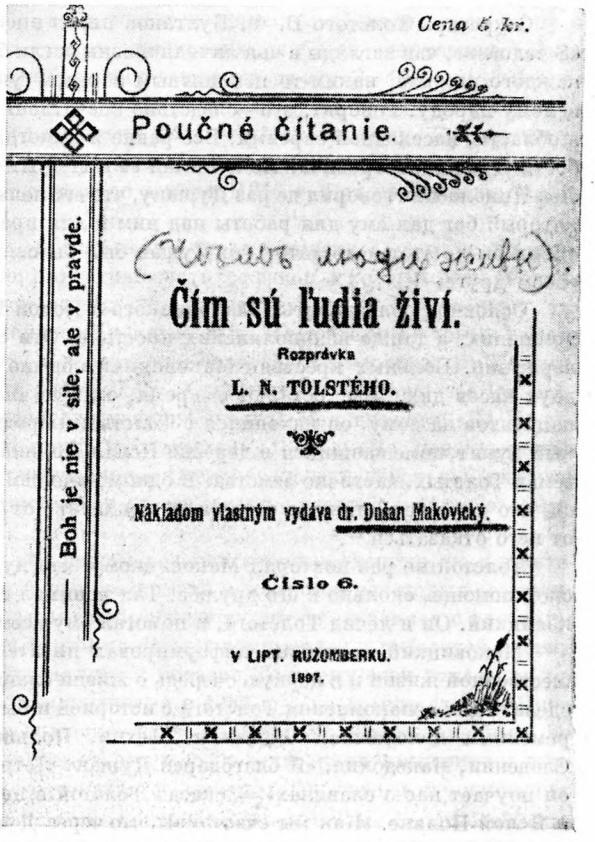
---

* Маковицкий (вероятно еще из Крыма) написал письмо в Прагу издателю альбома Б. Кочи с просьбой переслать один экземпляр (со скидкой) Горькому [26].

РАССКАЗ ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»

Издание Маковицкого, на словацком языке (Ружомберок, 1897)

Обложка
Экземпляр из личной библиотеки Толстого
Музей-усадьба Ясная Поляна



Дело, для которого вы покинули нас, я считаю добрым делом,— вам остается только продолжить начатое. Никто в этом не должен ни мешать, ни препятствовать вам. О вас в нашем народе говорят много хорошего. Многие уже спрашивают меня, когда вы вернетесь в Жилину. Я никому дать ответа на этот вопрос не могу. Вам самим хорошо известно, что наш народ привык к вам и считает вас словно своим отцом. Все жалеют о вашем отъезде. Так что, если можете, возвращайтесь поскорее в Словакию» [30].

Маковицкий приехал в Ясную Поляну 18/30 декабря 1904 г. и прожил бок о бок с Толстым шесть лет, до самой кончины писателя, а затем оставался здесь еще десять лет, до 1920 г.

Маковицкий поселился у Толстого уже совершенно сложившимся человеком, с установившимися взглядами. Россию он знал сравнительно неплохо, но при близком соприкосновении в годы революционного кризиса она открылась ему с новой стороны. В течение долгого времени яснополянский врач продолжал, однако, смотреть на многое через прежние очки. Положение крестьянских масс в России он идеализировал. Одна из причин идеализации — недостаточно полные и глубокие выводы Маковицкого из его сопоставительных наблюдений над жизненным уровнем русских крестьян и находившихся в еще большей нужде и бесправии крестьян словацкой деревни. Маковицкий утверждал, будто первые находятся в лучших условиях и «вообще не так бедны». По его словам, среди яснополянских крестьян не было «ни богатых, ни бедных» и жили они не в нужде, а даже в достатке. Такие необоснованные выводы содействовали, со своей стороны, упрочению в консервативном мировоззрении Маковицкого настроений протеста, осуждения и неприязни ко всем, кто в той или иной степени поддерживал революцию или требовал радикальных реформ. Неприязненное чувство он, в частности, питал к евреям, которых было немало среди революционеров и которые, как он полагал, в своих корыстных целях нарушают спокойствие страны и общества.

Секретарь Толстого В. Ф. Булгаков писал впоследствии в своих воспоминаниях: «В человеке, чьи взгляды и чья личная жизнь могли бы служить завидным примером для каждого из нас, каким-то непонятным образом укоренилось недоброжелательство к целому народу. Говорят, это—следствие впечатлений детства, проведенного в Венгрии, в области, населенной евреями. Все равно я никогда не мог понять этой странной слабости Душана Петровича. Не понимал ее и Лев Николаевич и никто из окружающих. Лев Николаевич говорил не раз Душану, что его нелюбовь к евреям — это тот материал, который бог дал ему для работы над ним и для преодоления в себе этого недостатка. «Если бы не этот недостаток, то Душан был бы святой»,— говорил Лев Николаевич о своем друге» [31].

Основной обязанностью Маковицкого в Ясной Поляне было лечение Толстого, его домашних, а также яснополянских крестьян. Эти свои функции он исполнял самоотверженно. Больных крестьян Маковицкий обычно принимал с восьми часов утра до двух часов дня. Все остальное время, если не было необходимости посещать своих пациентов на дому, он находился с Толстым и среди близких Толстому людей. Лечебный пункт, помещавшийся в деревне Ясная Поляна, содержался на средства частично семьи Толстых, частично земства. В одном из писем к Шкарвану Маковицкий жаловался, что ему очень тяжело «получать жалованье от Толстых» и что он намерен вскоре от него отказаться [32].

Толстой не раз повторял Маковицкому, что нуждается не столько в его медицинской помощи, сколько в его дружбе. Так понимал свою роль возле Толстого и сам Маковицкий. Он и лечил Толстого, и помогал ему всем, чем только мог.

Маковицкий постоянно информировал писателя о событиях международной общественной жизни и в первую очередь о жизни славянских народов. Ему удалось много сделать для ознакомления Толстого с историей и бытом, культурой, литературой и современным положением Словакии, Чехии, Польши, Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении, Македонии. «Я благодарен Душану Петровичу за все, но особенно за то, что он поучает нас о славянах»,— сказал Толстой в первый год пребывания Маковицкого в Ясной Поляне. «Как мы счастливы, что через Душана Петровича знаем таких интересных людей, как славяне»,— заметил он в другой раз.

«Я здесь нахожусь не напрасно,— писал Маковицкий на родину.— Я и сам развиваюсь в духовном отношении, расширяется мой общественно-политический кругозор, знакомлюсь с различными русскими и зарубежными деятелями и в то же время возбуждаю в них некоторый интерес к словакам, славянам ⟨...⟩ У русских я обнаруживаю гораздо больше сочувственного внимания к славянам, любви к ним, чем в первые свои посещения. Чертков шутливо-радостным тоном сказал мне, что моим рассказам следует приписать то, что в своей новой статье («Великий грех») Лев Николаевич пишет о «русском славянском народе» (до сих пор он этого нигде не писал, он никогда не сопоставлял русских и славян с западными неславянскими народами); то же и в отношении его занятий Хельчицким (он написал о нем статью и в «Круге чтения» уделил ему самое большое место), и то, что он в последние месяцы так часто говорит о славянофилах и советует их читать своим французским и английским посетителям» [33]. Эту сторону деятельности Маковицкого в полной мере оценил секретарь Толстого В. Ф. Булгаков. «Душан Петрович любил русский национальный характер и Россию вообще. Он был славянофилом и руссофилом старого консервативного толка. Он считал, что славяне должны объединиться вокруг России. Душан Петрович старался привлекать внимание Толстого к жизни и положению малых, угнетенных славянских народов, в частности Чехии и Словакии. Если Толстой получал приветствие от какого-нибудь славянского съезда или объединения, то Душан Петрович ревниво следил за тем, чтобы Лев Николаевич соответствующим образом на приветствие откликнулся. Он вообще играл роль своего рода «адвоката славянства» в Ясной Поляне и в России» [34].

Ведя обширную переписку с многочисленными корреспондентами из разных стран мира, Толстой нуждался в помощниках — особенно в помощниках, хорошо знавших иностранные языки. Таким именно был Маковицкий, который знал немецкий, французский, английский, словацкий, венгерский, польский и ряд других языков. Тотчас же по приезде в Ясную Поляну Маковицкий по просьбе Толстого стал писать под его

диктовку и по его поручению письма в Россию и за границу. «Немало писем пишу я корреспондентам Толстого либо по своему усмотрению, либо по поручению Льва Николаевича», — сообщал Маковицкий своему чешскому другу Я. Яначеку 3 февраля 1905 г. [35]

Приведем пример эпистолярного диктанта Толстого Маковицкому. Пример интересен и тем, что содержит еще не бывшее в печати письмо Толстого. Оно обращено к некоему А. фон-Бальтербергу и продиктовано в марте 1910 г. Вот что записал Маковицкий со слов Толстого:

«Я считаю невозможным делать предложение ⟨предположение?⟩ о мировых процессах, рассматриваемых объективно. Важно нам знать тот закон, к которому мы должны следовать в этой жизни. И это самое важное для нас и доступно нам, и я считаю, что этим мы и должны ограничиться в вопросах религиозных. В определении того, что есть жизнь мира и что есть наша жизнь, я совершенно совпадаю во взглядах с Кантом, к⟨оторы⟩й говорил: цитата — эпиграф книги Л. Н. «О жизни» («Zwei Dinge erfüllen...»).

На рукописи диктанта имеются следующие пометы Маковицкого: «Л. Н. поручил ответить», «Л. Н. диктовал ответ Balt⟨erberg⟩у 1910» и «По поводу статьи Balt ⟨erberg⟩а». Переписав начисто текст и вписав в него обозначенный большой эпиграф из Канта, Маковицкий отправил письмо от своего имени по адресу: «Angela Baltz-Balterberg. Zürich, Schweiz [36].

Маковицкий помогал Толстому не только в ведении корреспонденции, но и в литературной работе. По просьбе Толстого он переписывал рукописи и некоторых его сочинений, и даже по нескольку раз. К этим своим обязанностям он относился с глубоким пиететом. Ему посчастливилось быть одним из первых слушателей и читателей многих произведений Толстого. В 1906 г. он записал и показал Толстому свои замечания по поводу статьи «О значении русской революции», а в 1909 г.— по поводу статьи «Пора понять» [37]. Относясь враждебно к революции, ко всем не только революционным, но и оппозиционным силам, Маковицкий выступал в этих замечаниях защитником консервативного лагеря, что вызвало возражение со стороны Толстого и столкновения с ним.

В 1906—1908 гг. в Словакии поднялась волна национально-освободительного движения против вековых притеснителей — правящих классов феодально-буржуазной Австро-Венгрии. Представители словацкой общественности не раз обращались к Маковицкому с просьбой привлечь к словакам сочувственное внимание Толстого. «У него было намерение поговорить об этом в одной из своих новых работ, — сообщал Маковицкий на родину.— Если он пожелает, то напишет. Настаивать, уговаривать его не могу. Из виду, однако, не упущу» [38].

Эти слова свидетельствуют о том, что Маковицкий был далек от каких-либо поползновений использовать дружеское отношение к нему Толстого для прямого воздействия на писателя, для навязывания ему тем и т. п. В то же время оговорка, сделанная Маковицким, показывает, что он и не отказывался от акцентирования в разговоре с Толстым тех вопросов, в частности славянского, которые его интересовали. Беседам с Маковицким на «славянские темы» принадлежит, нужно думать, решающая роль в том, что Толстой написал статью о чешском средневековом философе П. Хельчицком, что он включил в «Круг чтения» большие выдержки из его сочинений, что на основе одного чешского рассказа он написал «Шута Палечека». В связи с этими беседами находится, возможно, и возникновение одной из последних работ Толстого — «О социализме», написанной по поводу письма, полученного от редакции чешской газеты «Mladé Proudy» (т. 38, с. 592; т. 58, с. 524).

Но главным делом Маковицкого в Ясной Поляне, главным делом его жизни, обеспечившим ему благодарную память грядущих поколений, стало ведение ежедневных Записок, в которых он с удивительным трудолюбием и тщательностью воспроизводил все слышанное и виденное им в продолжение нескольких лет в доме Толстого.

До него этим никто систематически не занимался, хотя необходимость подобного дела была очевидна многим современникам.

Избранная Маковицким форма документально-протокольных дневниковых записей была для него вполне закономерной. Маковицкий не обладал ни сколько-нибудь

выраженным литературным талантом, ни глубоким умом, способным к обобщениям. Прекрасно зная границы своих возможностей, он говорил: «Я не умею писать статьи (а если когда и напишу, то не умею ее отшлифовать, либо же трачу на это массу времени)» [39]. С тем бо́льшим упорством развивал поэтому Маковицкий свою природную память, наблюдательность, отрабатывал методику повседневных записей. Записи эти Маковицкий чаще всего делал незаметно для собеседников на карточках, которые постоянно держал в правом кармане своего пиджака. За день у него набиралось множество таких драгоценных карточек. По ночам, когда в Ясной Поляне все затихало, Маковицкий садился за письменный стол и воскрешал на основе этих карточек облик прошедшего дня, переписывая в развернутом виде первичные наброски на отдельные листы и проставляя на них даты. Эти листы складывались им в хронологическом порядке. Когда же их набиралось достаточное количество, он переписывал их в специальные тетради. Точно так же составлял он в свое время упоминавшиеся выше «Записки из Москвы» 1890 г., Записки «У Л. Н. Толстого» в 1894 г., до сих пор не найденные «Путевые записки» о пребывании в Ясной Поляне в 1897 и в Крыму в 1901—1902 гг., а также Записки о четвертом посещении Толстого в октябре-ноябре 1904 г. Этими приемами пользовался он с первых дней своего постоянного пребывания в Ясной Поляне до самой смерти Толстого в Астапове.

Толстой знал, что Маковицкий записывает его высказывания. «Я грешен: пишу дневники, этим оправдываю свое пребывание у вас; может быть, будут полезны»,— сообщил Маковицкий Толстому (18 апреля 1907 г.). Этот факт не вызывал со стороны Толстого каких-либо принципиальных возражений.

«Яснополянские записки» — грандиозная хроника последних шести лет жизни Толстого, биографический документ исключительного, неповторимого значения. Это вскоре было осознано многими современниками, особенно из окружения Толстого. Пример Маковицкого вызвал волну подражаний. «Теперь пишут записки и секретарь Л. Н-ча Гусев и Чертков,— сообщал Маковицкий И. Шкультеты 26 января 1909 г.— Гусев пишет вследствие моих настояний, Чертков пишет, как мне кажется, благодаря моему примеру. А то сколько раз он ни начинал,— не выдерживал долгое время. Извини меня за самовосхваление» [40].

Толстой любил и уважал Маковицкого. «Желал бы быть Душаном Петровичем!— сказал он 17 июля 1906 г.— Ах, он все занят, всем нужен». На страницах «Яснополянских записок» мы найдем много аналогичных высказываний.

Маковицкий сопровождал Толстого в его последнем странствии и оставался при нем до последней минуты его жизни.

После смерти Толстого Маковицкий, оставшийся жить в Ясной Поляне, продолжал усиленно трудиться над своими Записками. Публикация их была его заветной мечтой *.

В начале первой мировой войны Маковицкий был арестован за подписание им антивоенного воззвания «Опомнитесь, люди-братья» и с января по декабрь 1915 г. сидел в тульской тюрьме. Арест Маковицкого вызвал протест ряда представителей интеллигенции. Группа академиков из Отделения русского языка и словесности (среди которых был А. А. Шахматов) обратилась 3 марта 1915 г. со следующим письмом к товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому:

«Мы, нижеподписавшиеся члены названного Отделения, а также разряда изящной словесности, имевшего в своем составе почетного академика гр. Л. Н. Толстого, встревожены постигшею Д. П. Маковицкого участью. Мы помним о том значении, какое имел Д. П. Маковицкий в личной жизни нашего великого писателя, и о неоценимых услугах, оказывавшихся им в течение многих лет гр. Л. Н. Толстому» [41].

В марте 1916 г. Маковицкий, ложно обвиненный в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, вместе с другими лицами, подписавшими упомянутое воззвание, был предан в Москве военному суду, но оправдан. В своих показаниях на процессе Т. Л. Толстая следующим образом охарактеризовала отношение Маковицкого к России: «Я еще хочу сказать о любви Душана Петровича к России: он был, так сказать, звеном между Венгрией и Россией и считался там русофилом. На днях, когда его выпустили на поруки,

* См. об этом ниже, на стр. 70—75.

я посмотрела на него, такого старого, бледного, слабого, и спросила его: «Душанчик, где вы свою жизнь окончите?» И он сказал, что не в Венгрии, куда он вернуться не может из-за своей любви к России, так как там за последнее время было 4000 казней за русофильство〈...〉 Он всегда выражал свою любовь к России» [42].

Вернувшись в Ясную Поляну, Маковицкий переселился из дома Толстых в деревню и стал все свои силы нераздельно отдавать служению крестьянам. Жил он здесь очень уединенно, прекратив почти все связи с друзьями и внешним миром. «Революция, война волнуют, — писал он летом 1917 г. своей бывшей помощнице в яснополянской амбулатории О. В. Завалиевской, которой он диктовал свои «Яснополянские записки» при перепечатке на машинке.— Но все больше сторонюсь их, ухожу в христианское мировоззрение и понимание Л. Н.» [43]

Но как ни старался Маковицкий избегать участия в развернувшихся событиях, ему приходилось искать свое место в революционной обстановке и высказываться о ней. Все эти годы продолжалась работа над «Яснополянскими записками», в том числе и редактирование их, по просьбе Маковицкого и, с его участием, Гусевым.

В апреле 1917 г. в Сибири из пленных чехов и словаков, служивших в войсках Австро-Венгрии, стал формироваться особый корпус, сыгравший в следующем, 1918 г. активную контрреволюционную роль во время гражданской войны в России. Командование корпуса попыталось привлечь Маковицкого на службу в качестве военного врача. Планы и действия чехословацкого корпуса, сама цель его создания, противоречили взглядам Маковицкого. Он послал решительный отказ. Отказ был мотивирован в духе толстовского учения. «Милые братья,— писал Маковицкий в апреле 1918 г. в Омск,— опомнитесь, освободитесь от ужасного равнодушия этого заблуждения (заблуждения, что борьба, животная борьба, может быть свойственна и не губительна человеку), и вы узнаете радость, благо, святость жизни, не нарушимые ничем: ни нападками других людей — потому что нападки эти будут только поводом усиления любви, ни страхом смерти — потому что для любви нет смерти». [44]

И он советовал солдатам и офицерам чехословацкого корпуса отказаться от военной службы, жить трудовой жизнью в Сибири и осуществлять на деле заветы Толстого. Эта позиция Маковицкого не была забыта чехословацкой буржуазией и явственно сказалась на отношении к нему после его возвращения на родину в 1920 г.

Октябрьскую революцию Маковицкий встретил без озлобленного и враждебного чувства. Отмечая в своем дневнике, что привилегии помещиков, чиновников, рантье, купцов и пр. сходят на нет, Маковицкий записал 2 декабря 1917 г.: «Идея господства одной нации над другой этой войной кончается, как и человека над человеком, господина-эксплуататора» [45]. В том же дневнике он записал 5 декабря 1917 г., что советские власти решили передать помещичьи имения «под опеку земского волостного управления» [46]. 11 апреля 1918 г. Маковицкий записал: «На этой неделе делили в нашей округе крестьяне общинную, покупную (частную собственность) и барскую землю. Местами доходило до схваток, но не 〈до〉 кровопролитий, и, наконец, разделили. Не совсем справедливо, но обстоятельно, с компромиссами. У не работающих дома (живущих в Москве, Туле) отняли землю, у более зажиточных малодетных семей отняли и делили одинаково мужчине, женщине, взрослому и младенцу. Женщины — впервые» [47]. Из этого Маковицкий сделал вывод, что «теперь земля в центральной России (и вообще в Великороссии) довольно справедливо распределена, нет не только крупных собственников (капиталистов, помещиков, светских и духовных сановников), но нет даже большой разницы между крестьянами, земля у всех и почти поровну [48].

Весной 1919 г. Маковицкий заболел сыпным тифом, свирепствовавшим в округе. Целых семнадцать месяцев был он прикован к постели. Ему пришлось в это время преодолеть, кроме тифа, еще ряд тяжелых заболеваний: воспаление легких, воспаление почек, ишиас, экзему. Крестьянская девушка из Ясной Поляны М. К. Орехова, помогавшая ему и раньше в лечебнице, самоотверженно ухаживала за ним все это время. Вскоре Маковицкий женился на ней. По мере выздоровления он снова стал интересоваться политической жизнью России. 10 июля 1920 г. Маковицкий с одобрением упоминает в своем дневнике о победоносной борьбе Красной Армии против польских интервентов. Здесь же мы находим запись о приезде в Ясную Поляну двадцати двух участни.

ков II Конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего в Москве в июле 1920 г., и о разговоре с ними Маковицкого [49]. В августе того же 1920 г. чешская писательница-коммунистка Гелена Малиржова беседовала с Маковицким. Она опубликовала, несколько позднее, в чешской коммунистической газете «Budé Právo» статью, озаглавив ее «Памяти честного противника, Душана Петровича Маковицкого». Малиржова отмечала, что Маковицкий в признании Советской власти «шел еще дальше, чем сама дочь писателя» Татьяна Львовна и что из уст Маковицкого она не слышала «ни одного гневного слова против большевиков» [50]. Маковицкий был свидетелем гражданской войны. Как видно из его дневниковой записи от 4 августа 1920 г., он внимательно следил за победами Красной Армии [51].

Маковицкий признавал положительными результатами революции уничтожение поземельной собственности, «санкционированного капитализма, частнособственнического владения фабриками, угольными копями, железными дорогами, пароходами», рост крестьянской инициативы, сокращение рабочего дня, разрешение национального вопроса и т. д. Любопытно отметить, что к числу положительных факторов он относил не только отсутствие в продаже алкогольных напитков, но и почти полное прекращение международной торговли, обесценение денег. Но, следуя своим взглядам, он отрицательно отзывался о применении революционного насилия, о восстановлении торговли, железнодорожной связи и пр. [52]

Маковицкий был далек от правильного понимания происходивших событий. Он полагал, что крушение старого общества, старой цивилизации явится преддверием «царства божия на земле» — в том виде, в каком представлял его себе Толстой. Сохранился черновик обращения Маковицкого к наркому просвещения А. В. Луначарскому. В обращении содержались такие рекомендации: «Большевикам ввести в школе Азбуки и книжки для чтения Л. Н. «Для чего люди одурманиваются», «О вегетарианстве» (первая степень), устранить введенные разрешения и не вводить новых на выезд в Петербург и Москву, на покупку и провоз продовольствия» [53].

Перемещение городского населения в деревню, прекращение торговли, ликвидация современной технической цивилизации, возрождение натурального сельского хозяйства на патриархальной основе — вот о чем мечтал Маковицкий. Его утопия была объективно реакционна, но вражды к Советской власти он не питал. Он был к ней ближе, чем к буржуазному обществу, которое постепенно стало ему совершенно чуждо и враждебно. В Советской же России он по-прежнему имел возможность беспрепятственно жить и работать.

* * *

Со времени последней поездки Маковицкого на родину прошло почти десять лет. Не раз собирался он возвратиться домой. На первых порах ему мешала работа над завершением «Яснополянских записок», потом — первая мировая война, болезни и гражданская война в России. Только летом 1920 г. создались условия для поездки в Словакию. Покидая Ясную Поляну в сентябре 1920 г., Маковицкий еще далеко не выздоровел. Почти все свои книги и рукописи, в том числе «Яснополянские записки», он оставил в московском Музее Толстого. Транспорт пленных, с которым ехали Маковицкий и его жена, покинул Москву в первые ноябрьские дни 1920 г. и через Нарву направился в Ригу. Оттуда они перебрались в Штеттин. Затем — снова посадка в поезд. До родного Ружомберока Маковицкий добрался только 21 ноября.

Годы пребывания в России оказали на Маковицкого глубокое и разностороннее влияние. Он духовно вырос, горизонт его расширился. Возвратившись на родину, он очутился в чуждом ему мире, он словно вернулся в прошлое, давно им преодоленное. В Чехословакии, только что возникшей на развалинах Австро-Венгерской империи, установился буржуазный строй. Многие из бывших почитателей и последователей Толстого, бывших друзей Маковицкого, стали видными государственными деятелями, финансистами, промышленниками и свои прежние увлечения сдали в архив. Планы Маковицкого о возобновлении словацкого «Посредника» казались им не только не нужными, но и нелепыми. Буржуазные газеты предприняли тщетную попытку использовать Маковицкого в борьбе против Советской России. Это обстоятельство не

ТОЛСТОЙ В КРУГУ РОДНЫХ И ЗНАКОМЫХ. СРЕДИ НИХ МАКОВИЦКИЙ
Слева направо: Толстой, Н. Л. Оболенский, А. И. Архангельский, Т. Л. Сухотина, Н. Л. Оболенская, М. Л. Оболенская, П. А. Буланже, Е. В. Оболенская, Маковицкий и А. Л. Толстая. Гаспра, 27—31 декабря 1901 г.
Фотография С. А. Толстой

могло не осложнить и без того трудное положение Маковицкого. Ему, человеку тяжело больному, лишенному средств к существованию (все свое состояние он давно уже роздал на общественные нужды), теперь приходилось крайне тяжело. О состоянии Маковицкого, о его нелегких раздумьях дают представление его письма этого времени.

«Отдаться медицинской практике, собственно говоря, мне и не хочется,— писал он в январе 1921 г. своему другу Ф. Веселы.— Я предполагал было заниматься переводами и изданием «Pouč̌né čítanie», но мне необходимо добывать себе хлеб насущный. Тогда уж лучше частная практика ⟨...⟩ Неприятно и совестно добиваться государственной службы, получать жалованье. Моя жена, слава богу, скромная женщина и придерживается одинаковых со мною религиозных взглядов. Ей никак не удается привыкнуть к здешним местам, горы душат ее, а люди кажутся бессердечными. В Ясной Поляне ее окружали личности глубоко душевные, лучшие представители великой России. Таких людей у нас, конечно, нет» [54]. И в другом письме: «Там нас рассматривали как людей, достойных внимания, здесь же мы — меньше горошины. То, что в нас наиболее заслуживает внимания,— никто не оценит, это никому здесь не нужно» [55]. И другому чешскому другу, Я. Яначеку, также последователю Толстого, Маковицкий писал: «Я все еще не нашел, где обосноваться: и материальные затруднения, и ощущение старости, и сознание, что ослабел, лишился воли, энергии...» [56]

Эти переживания усугубили болезненное состояние Маковицкого. С 8 февраля 1921 г. он лечится на курорте Пьештяни в Словакии. Здесь, в полном одиночестве, его отчаяние достигло предела. Положение казалось ему совершенно безысходным. 12 марта 1921 г., по возвращении в родной Ружомберок, он кончает жизнь самоубийством.

Душан Петрович Маковицкий оставил добрую память о себе на своей родине. О нем там теперь напечатаны статьи и книги. Маковицкий навсегда связал свое имя со Львом Толстым, который в последний год своей жизни записал о нем: «Душан все больше и больше привлекает меня своей серьезностью, умом, знанием, добротой»[57].

«Яснополянские записки» — драгоценный труд о Толстом. Вместе с тем это и вечный памятник самому создателю этого огромного труда, Душану Петровичу Маковицкому.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. наше сообщение «Материалы о Толстом в Чехословакии. Пражский архив Д. П. Маковицкого», в *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 593—607.

[2] A. Škarvan. Rozpomienky o Tolstom. Рук.— Literárny archív Matice slovenskéj в г. Martin (далее сокр. *LAMS*), ф. А. Шкарвана.

[3] «Zápisky z Moskvy od Dušana Makovického». Besedy.— Slovenský zábavnik, I. Ružomberok, 1890. См. журнал «Predvoj» (Bratislava), 1967, № 44.

[4] J. Rotnágl a V. Bulgakov. S Tolstým. Památce Dušana Makovického. Tranoscius v Liptovskom sv. Mikuláši. 1946, s. 9.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210.

[6] Местонахождение письма к Толстому от словац. студентов неизв. Отв. Татьяны Львовны от 2 янв. 1891 г. находится в собр. автора настоящей ст. в Праге.

[7] «Národnie noviny», 1894, № 84, 19.VII.

[8] Рук. Музей Pamatník národního písemnictví в Праге (далее сокр. *PNP*).

[9] Там же. Здесь и далее русские тексты Маковицкого даются без устранения грамматических погрешностей.

[10] «U L.N. Tolstého». Dr. Dušana Makovického. Turčiansky Sv. Martin, 1898, s. 1—2. Отд. оттиск.

[11] Заметки и восн. А. Шкарвана о его пребывании в России опубл. в *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 121—166.

[12] D. Makovický. Nazarénové v Unrách.— «Naše Doba», 1896, N 11—12.

[13] «Плоды учения гр. Л. Н. Толстого», кн. 1. СПб., 1896, с. 7.

[14] «Národnie noviny», 1897, N 74.

[15] Рук. *ГМТ*, ф. А. Шкарвана.

[16] Kemény K. Gábor. Iratok a nemzetiségi kérdes tör ténetéhez Magyorországon a dualismus Korában, IV, 1903—1906. Budapest, 1966, s. 178—179.

[17] А. Сиротинин. Россия и славяне. СПб., 1913, с. 334.

[18] Rotnágl a V. Bulgakov. S Tolstým. Památce D. Makovického. Op. cit., 1946, S. 36; В. Ф. Булгаков. Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы. Тула, 1970, с. 84.

[19] Рук. *LAMS*, ф. Д. П. Маковицкого. В эту поездку Маковицкий, вероятно, отвез обратно Толстому рукописи его дневников, кот. взял для Черткова в Ясной Поляне во время своего пребывания там в 1897 г. (см. S. J. Kolafa. K souhvězdí ruské literatury. Praha, 1967, S. 150).

[20] *ЦГАЛИ*, ф. 552, ед. хр. 8626.

[21] «Воззвание к офицерам» и «Воззвание к солдатам» получили при доработке названия «Офицерская памятка» и «Солдатская памятка».

[22] Dolnia zem — словацк. назв. южной равнинной Венгрии.

[23] Материалы И. Галека в бумагах его дочери Е. Галековой в Праге.

[24] D. Makovický. Lev Tolstoj o Holárkových. «Reflexích z katechismu.— «Samostatnost», 1902, № 56, 2, VII; «Čas», 1902, n. 184, 6.VII.; *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 599—601.

[25] Архив Д. П. Маковицкого в собрании его племянника Д. Маковицкого в Братиславе (Далее собр. *ADM*).

[26] Это письмо было опубл. нами в *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 599—600. В качестве адресата там ошибочно назван А. Хайн.

[27] J. Gregor-Tajovský. Na hostine.— «Národnie noviny», 1902, N 45. 19.IV. Подробнее см. в нашей кн. S. J. Kolafa. K souhvězdí ruské literatury. D. Makovický u Tolstého, Čechova a Gorkého. Praha, 1974.

[28] *ГМТ*, ф. Д. П. Маковицкого.

[29] A. Mráz. L. N. Tolstoj u Slovákov. Bratislava, 1950, s. 29—30.

[30] Рук. *ADM*.

[31] В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960, с. 117.

[32] Письмо от 22 апр. 1907 г.— *ГМТ*, ф. А. Шкарвана.

[33] Это письмо без указ. адресата опубл. в кн.: J. Rotnágl a V. Bulgakov. S Tolstým. Op. cit., S. 45—46.

[34] В. Ф. Булгаков. Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы. Тула, 1970, с. 203.
[35] Рук. *PNP*, ф. Я. Яначека.
[36] Рук. *PNP*, ф. Д. П. Маковицкого.
[37] «Яснополянские записки». Запись от 6 декабря 1909 г.
[38] Маковицкий — Л. Мойшу, февр. 1908 г. Рук. *PNP*, ф. Д. П. Маковицкого.
[39] Из письма к А. С. Суворину (1905). Рук. *PNP*, ф. Д. П. Маковицкого.
[40] Рук. *PNP*, ф. П. Шкультеты.
[41] Рук. *PNP*, ф. Д. П. Маковицкого.
[42] Рук. *ГМТ*, ф. Н. К. Муравьева.
[43] Письмо от 4 августа 1917 г. Рук. *ГМТ*, ф. Д. П. Маковицкого.
[44] Письмо к И. Марковичу от 26 апр. 1918 г. Рук. *ГМТ*, ф. Д. П. Маковицкого.
[45] Рук. *ADM*.
[46] Там же.
[47] Там же.
[48] Рук. *ГМТ*, ф. Д. П. Маковицкого.
[49] Рук. *ADM*.
[50] H. Malířová. Památce čestného odpůrce Dušana Petrviče Makovického.— «Rudé právo», 1921, N 63, 16.III.
[51] Рук. *ADM*.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] Письмо от 21 янв. 1921 г.— Рук. *PNP*, ф. М. Калмы-Веселы.
[55] «Slovenská Politika», 1921, N 68, 24.III.
[56] Письмо от 7 февр. 1921 г. Рук. *PNP*, ф. Я. Яначека.
[57] Запись в дн. 23 янв. 1910 г. (т. 58, с. 11).

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ»

ИХ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ДНЕВНИКОВ О ТОЛСТОМ. ОБЗОР ОСНОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ

Статья Э. Е. Зайденшнур*

1

Мемуарно-дневниковая литература о Толстом огромна [1]. Публикуемые в настоящем издании «Яснополянские записки» Маковицкого обогащают эту литературу документом первостепенной важности, уникальным по своему содержанию, да и по своему объему. Толстого подчас стесняло и тяготило то, что многие посетители, особенно корреспонденты газет, побывав в Ясной Поляне, немедленно сообщали в печати о встрече с писателем и излагали свои беседы с ним. Однажды корреспонденту, приехавшему к нему в Бегичевку во время работы его на голоде осенью 1891 г., Толстой сказал: «Обо мне, т. е. как я ем, что говорю, что делаю, что сболтну,— об этом обо всем не пишите ничего. Это совершенно не важно. Но еще и вот почему это не нужно и даже вредно. Я знаю, что меня читают, слушают. Но разве в живом разговоре, в споре, в семье и среди близких своих я не могу пошутить, посмеяться, сказать необдуманное слово, обидное, иногда неверное, чтобы просто не сказать, глупое. А потом вдруг это подхватывают и на весь мир печатают. Я этого боюсь, мне это очень неприятно, я просто мучаюсь этим. Господа, да ведь я же сам умею писать и что накипало и перебродило во мне, что ум мой подтвердил и что перешло в убеждение,— это я и сам скажу, и сам напишу и напечатаю. К чему же это всё ... И приходится прятаться, отмалчиваться,— и все это так тяжело» [2].

А через восемнадцать лет Толстой повторил ту же просьбу, обращаясь ко всем, кто собирает его письма и ведет записи о нем [3]. Возможно, это было вызвано тем множеством воспоминаний и интервью, которые в 1908 и 1909 гг. печатались в связи с восьмидесятилетием Толстого [4].

Но, несмотря на не раз высказывавшиеся протесты Толстого, мало кто упускал случай рассказать о встрече с писателем, записать разговор с ним. Корреспонденты русских и зарубежных газет продолжали незамедлительно публиковать свои интервью с писателем, разные люди — печатать воспоминания много лет спустя, восстанавливая по памяти беседы с Толстым. Таких воспоминаний, начиная с молодости Толстого и до последних часов его жизни, опубликовано бесчисленное количество; немало еще и неопубликованных. Однако самые авторитетные мемуары не могут сравниться по достоверности с дневниками и письмами современников.

«Вот за Гете каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и — наврут». Так сетовал однажды А. П. Чехов в беседе с М. Горьким [5]. И действительно, очень немногие из тех, кто подолгу жил возле Толстого или часто встречался с ним, вели ежедневные записи, эти драгоценные для истории документы.

Прежде чем говорить о дневниках, которые систематически велись близкими Толстого, надо назвать эпизодические записи о встречах с Толстым других лиц, которые вообще вели свои дневники, независимо от Толстого.

Так, в обширном дневнике А. В. Жиркевича, военного юриста, малоизвестного писателя, много страниц посвящено трем его встречам с Толстым в Ясной Поляне в 1890, 1892 и 1903 годах. При первой встрече подробно записана была беседа о суде и

---

* Глава 7-я, «Предыстория публикации», написана совместно со Ст. Колафой.

наказании; но больше всего места в записях отведено беседам, спорам о литературе и искусстве, причем записывал А. В. Жиркевич, особенно при второй встрече, главным образом высказывания только Толстого [6].

Весьма интересны записи о Толстом в дневнике мужа его старшей дочери, М. С. Сухотина. Они охватывают время с конца 1901 г. до конца 1910 г. Записи эпизодические. Крым, Ясная Поляна, Кочеты — те места, где М. С. Сухотин проводил продолжительное время с Толстым и записывал свои непосредственные впечатления о Толстом, об обстановке его жизни и свои беседы с ним. Темами их разговоров чаще всего бывали литература, искусство и текущие политические события [7].

Отрывочные заметки о беседах с Толстым почти исключительно о литературе и искусстве за годы 1886—1910 содержатся в дневниках его ближайшего друга В. Г. Черткова и многолетнего знакомого П. А. Сергеенко [8].

Нельзя не посетовать, что такие близкие Толстому люди, как П. И. Бирюков, И. И. Горбунов-Посадов и В. Г. Чертков, связанные с ним многолетней дружбой и находившиеся в постоянном общении с Толстым, не вели систематических записей. Каким это было бы драгоценным дополнением к их обширной дружеской и деловой переписке!

Из окружавших Толстого людей известны девять человек, которые систематически вели дневники, почти исключительно посвященные Толстому. Это жена писателя, его дочери, учителя детей Толстого, его секретари.

При оценке дневников и мемуаров важно знать, кто их автор. Если личность выдающаяся, самобытная,— интересен сам автор, его восприятие и оценки того, что он видел, с кем встречался, его личная жизнь, творческая деятельность. Если же автор сам по себе ничем не замечателен, на передний план выдвигается объект наблюдения: значительность людей, с которыми он встречался, важность событий, участником или свидетелем которых он был.

Дневники, которые вели окружавшие Толстого лица, интересны прежде всего, чтобы не сказать — исключительно, объектом наблюдения. В центре внимания авторов всегда был Толстой, близость его и побуждала вести записи.

В первую очередь надо назвать дневники С. А. Толстой, которые она вела с 8 октября 1862 г. до 9 ноября 1910 г. Даже в первые годы записи велись не систематически, с очень большими перерывами,— иногда за месяц бывали две-три записи. Позднее бывало лишь по несколько записей в год, а в иные годы (1869, 1884, 1889, 1896, 1906, 1907) — не записано ничего.

По содержанию записи делятся на две группы. К первой относятся «записи повествовательного, или точнее, фактического характера, дающие краткий отчет о прожитом дне, отмечающие события, заслуживавшие с точки зрения писавшей внимания». Записи второй группы, «не заключая в себе почти никаких фактов, являются чисто лирическими излияниями или, вернее, жалобами на себя, на мужа, на все окружающее». Так М. А. Цявловский охарактеризовал дневники С. А. Толстой в предисловии к первой их публикации. И далее он писал, что к писанию дневника Софья Андреевна «обращалась в периоды особенно неспокойные, как к средству излить накопившиеся чувства, безрадостные и недобрые». По определению самой Софьи Андреевны, записи этого рода удовлетворяли «потребность сосредоточиться и выплакаться, выписаться в журнале» (ее запись 22 апреля 1864 г.). Подобных записей особенно много в дневниках самых последних лет. Несмотря на своеобразный, порой тяжелый характер многих записей, дневники С. А. Толстой сохраняют большое значение для истории жизни Толстого и его творчества.

К дневникам С. А. Толстой за первые годы ее жизни в Ясной Поляне примыкает тетрадь, озаглавленная «Мои записи разные для справок». Это, собственно, особый дневник, содержащий нерегулярные записи 70-х годов и одну — за 1881 г. Они рассказывают о творческих поисках Толстого между «Войной и миром» и «Анной Карениной», содержат заметки об «Анне Карениной» и «Декабристах», материалы для биографии Толстого. Тетрадь эта имеет первостепенное значение для истории творчества Толстого, тем более что сам Толстой в 70-е годы не вел дневника систематически [9]. Второе весьма существенное интересное дополнение к дневнику С. А. Толстой —

«Ежедневник», который она вела с 1893 до 1919 г., записывая очень кратко главные события каждого дня в яснополянском доме [10].

В 1878 г. начала вести дневник старшая дочь Толстого Татьяна Львовна. Ей было тогда 14 лет. Первая запись — 28 октября 1878 г. Последняя сделана 13 декабря 1932 г. Дневник дочери не был посвящен целиком отцу, но прекрасно воссоздает атмосферу жизни семьи Толстых в разные периоды, и, разумеется, немало записей связано непосредственно с отцом, с его общественной и писательской деятельностью [11]. К дневнику Т. Л. Толстой примыкают ее очерки, известные под заглавием «Друзья и гости Ясной Поляны» (М., 1923). Важно теперь отметить, что вдохновителем этих очерков был Д. П. Маковицкий. «Посвящаю эту книгу умершему другу своему Душану Петровичу Маковицкому — бывшему врачу и другу моего отца»,— писала Татьяна Львовна в предисловии к своей книге. «Отчасти по настоянию Душана Петровича я набросала эти очерки,— продолжала Татьяна Львовна.— Душан Петрович никогда не пропускал случая умолять каждого близкого Льву Николаевичу человека записывать все, что он мог вспомнить о Льве Николаевиче или из разговоров с ним. Если при Душане кто-нибудь начинал рассказывать какой-либо эпизод из жизни Льва Николаевича, Душан тотчас же приходил в волнение и умолял записать рассказанное. «Вы сделайте это сейчас, не откладывая, пойдите и сейчас запишите, а то вы забудете»,— говаривал он. Многим он дарил тетради, в которых просил вести «записник» о Льве Николаевиче. По причинам, которые здесь не место приводить, я не записывала за отцом его разговоров и поступков, и я не вполне осуществила мечту Душана Петровича о «записнике». Но мне хотелось сделать ряд набросков с лиц, посещавших отца. Собранные в этой книге очерки были написаны случайно, в разное время и по различным поводам, главным образом, по поощрению Душана Петровича».

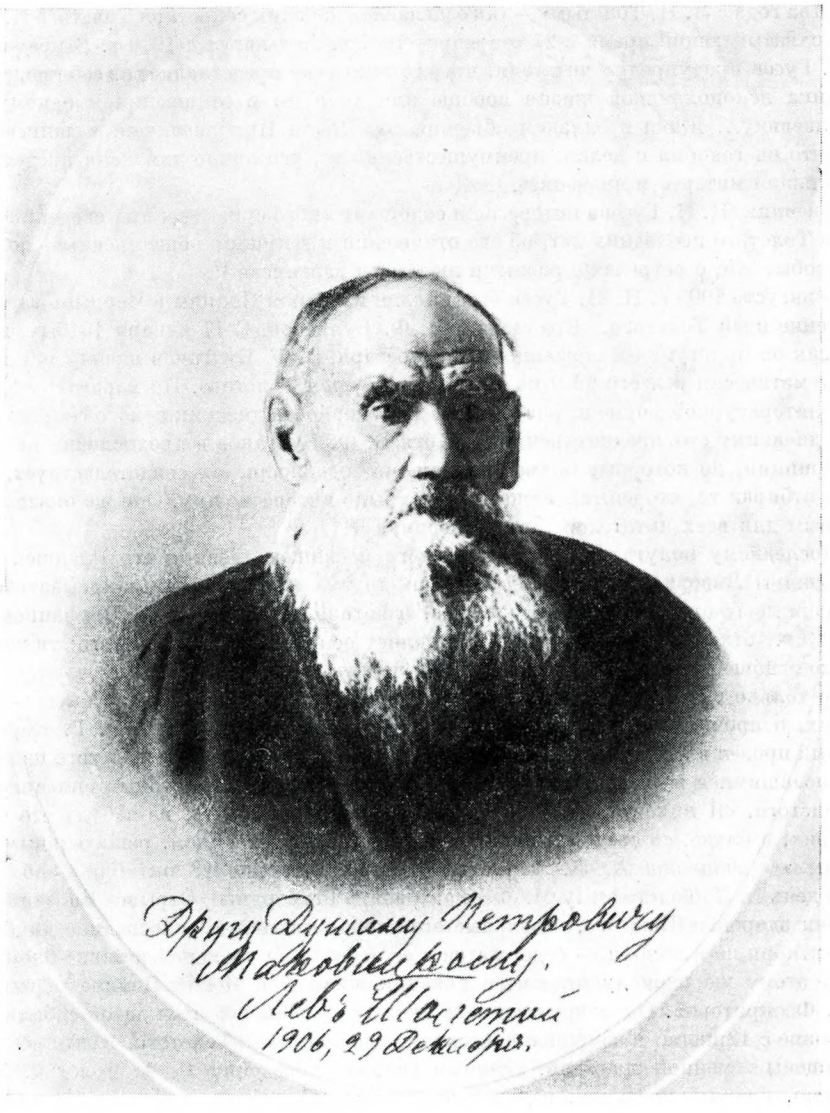
Вела дневник и вторая дочь Толстого, Мария Львовна. Содержание его неизвестно. В 1912 г. муж ее, Н. Л. Оболенский, сжег рукопись. Из его письма к П. И. Бирюкову можно предположить, что в дневнике преимущественно были записи о личных переживаниях Марии Львовны [12].

Филолог И. М. Ивакин, по отзыву Толстого «прекрасный и очень умный человек» (т. 63, с. 40), оставил Записки за время с сентября 1888 г. до 1889 г., которые, как свидетельствует С. Л. Толстой, «видимо, писались под непосредственным впечатлением виденного и слышанного». В эти Записки входит его дневник с 24 июня по 16 августа 1885 г. Ивакин воспроизвел образ жизни в Ясной Поляне, сохранил суждения Толстого о писателях и литературных произведениях [13].

Летом 1894 г. в Ясной Поляне учителем сыновей Толстого был преподаватель литературы В. Ф. Лазурский. За июль—август этого года он вел ежедневные записи, а затем — эпизодические, при встречах с Толстым в 1895—1900 гг. Как и авторы названных выше дневников, он наполнил свои записи высказываниями Толстого об искусстве. Он рассказал о работе Толстого над статьями об искусстве и о том, как он помогал Толстому в этом труде [14].

С 1897 г. начал вести дневник, посвященный исключительно Толстому, пианист А. Б. Гольденвейзер. Он бывал хоть и частым, но все же только гостем Ясной Поляны; его записи велись с большими перерывами, которые отчасти заполнялись письмами, полученными из Ясной Поляны. В те дни, которые он проводил с Толстым, он записывал все наиболее интересное, что происходило в его присутствии. В каждый свой приезд в Ясную Поляну А. Б. Гольденвейзер много играл по просьбе Толстого, и ни в одном из известных дневников не встретится столько суждений Толстого о музыке, которую он страстно любил и называл «стенографией чувств», оценок музыкальных произведений, композиторов, исполнителей, сколько записал А. Б. Гольденвейзер.

«Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет)» — под таким заглавием дневник опубликован. В предисловии к дневнику А. Б. Гольденвейзер счел нужным отметить, что он записывал «главным образом слова Льва Николаевича, а частью и события его личной жизни», стараясь избегать выбора того, что ему казалось «с той или иной точки зрения значительным или интересным», и не заботился «о связности отдельных записей между собой». Автор добавил, что дневник его «ни в какой мере не является литературой», а «его цель — быть документом».



ТОЛСТОЙ

Ясная Поляна, 9 октября 1902 г.

«Фотография фирмы Шерер и Набгольц с дарственной надписью Толстого:«Другу Душану Петровичу Маковицкому. Лев Толстой 1906, 29 декабря»

«Matice slovenská», г. Мартин

Первый том охватывает годы 1897—1909, второй — полностью посвящен одному 1910 г., и в нем подробно и довольно тенденциозно представлена яснополянская трагедия. Описание семейной драмы Толстого производило такое тяжелое впечатление, что старшая дочь Толстого, прочитав второй том, сказала: «Так все тяжело и, в конце концов, несправедливо. В сущности все правильно записано, но тенденциозно подобраны факты, как и в книге В. Г. Черткова «Уход Толстого». Это правда, в которой нет правды» [15].

А. Б. Гольденвейзер приезжал в Астапово, и записи тех дней нельзя читать без волнения. Дневник заканчивается 9 ноября, днем похорон, и затем записью о приезде в Ясную Поляну через месяц после похорон [16].

«Два года с Л. Н. Толстым» — так озаглавлен дневник секретаря Толстого Н. Н. Гусева, охватывающий время с 27 сентября 1907 г. до 1 августа 1909 г. В предисловии Н. Н. Гусев предупредил читателя, что его книга «не представляет из себя подробного дневника яснополянской жизни вообще или хотя бы в отношении к одному Льву Николаевичу... Живя в близком общении со Львом Николаевичем, я записывал из того, что он говорил и делал, преимущественно то, что лично для меня представляло наибольший интерес и значение».

Дневник Н. Н. Гусева интересен и содержит много существенных сведений о творчестве Толстого последних лет, об его отношении к текущим общественным политическим событиям, о встречах с разными людьми и переписке [17].

В августе 1909 г. Н. Н. Гусев был выслан из Ясной Поляны в Чердынь за распространение идей Толстого. Его сменил В. Ф. Булгаков. С 17 января 1910 г., первого дня, как он приступил к обязанностям секретаря, В. Ф. Булгаков начал свой дневник и систематически вел его до 9 ноября, дня похорон Толстого. По характеру записей, по их литературной форме и, разумеется, достоверности дневник нового секретаря близок к дневнику его предшественника. Хотя В. Ф. Булгаков в предисловии не разъяснил принцип, по которому он вел записи, но содержание их свидетельствует, что он также отбирал то, что считал важным и что было интересно ему. Оно же оказалось интересным для всех читателей этого дневника [18].

Последнему полугодию жизни Толстого посвящен дневник его младшей дочери Александры Львовны. «Уже несколько раз друзья просили меня записывать кое-что из жизни моего отца, его слова и, главное, его отношения с матерью». Эта запись 25 июня 1910 г., открывающая дневник, определяет основное содержание его: тяжелые семейные отношения, особое внимание к поведению С. А. Толстой. Встречаются, конечно, но только единичные записи суждений Толстого об отдельных посетителях, о писателях, о прочитанных книгах; довольно полно записана беседа с В. Г. Короленко, который провел в Ясной Поляне 6—8 августа; упоминается работа Толстого над статьями, писавшимися в последнее время. Завершается дневник подробным описанием ухода Толстого. «Я никогда, сколько бы мне ни пришлось жить, не забуду его фигуры в дверях, в блузе, со свечой в руках и светлым, светлым лицом, решительным и прекрасным»,— записала А. Л. Толстая. Последняя запись 28 октября — об отъезде в этот день А. Л. Толстой и В. М. Феокритовой в Шамордино. Отрывочные записи о состоянии здоровья Толстого, отдельные его слова, сказанные в последние дни жизни, с 28 октября по 6 ноября,— содержатся в ее небольшой записной книжке-блокноте [19].

К этому же периоду относится дневник жившей в Ясной Поляне переписчицы В. М. Феокритовой. Он открывается 24 июня, записаны под этой датой события, происшедшие с 12 июня, и закончен в Астапове в день смерти Толстого. Почти все записи посвящены семейной трагедии, главным образом поведению С. А. Толстой. Каждое ее слово, каждый поступок, каждый шаг отмечались. Даже при записях отдельных фактов, не связанных с основной темой ее дневника, В. М. Феокритову интересовала реакция на них не Толстого, а Софьи Андреевны, причем всегда с намерением осудить ее. Дневник настолько тенденциозен в отборе материала, что временами теряется вера в достоверность записей. К нему еще больше, чем к дневнику А. Б. Гольденвейзера, подходят слова старшей дочери Толстого: «Это правда, в которой нет правды» [20].

2

При всем своеобразии перечисленных дневников, каждый из них является вкладом в жизнеописание Толстого. Но из всех этих документов выделяется дневник Д. П. Маковицкого, озаглавленный им «У Толстого. 1904—1910», известный в толстоведении под названием «Яснополянские записки». Выделяется не только по объему (в настоящем издании занимает около 2 200 стр. за шесть лет), но главным образом по характеру записей.

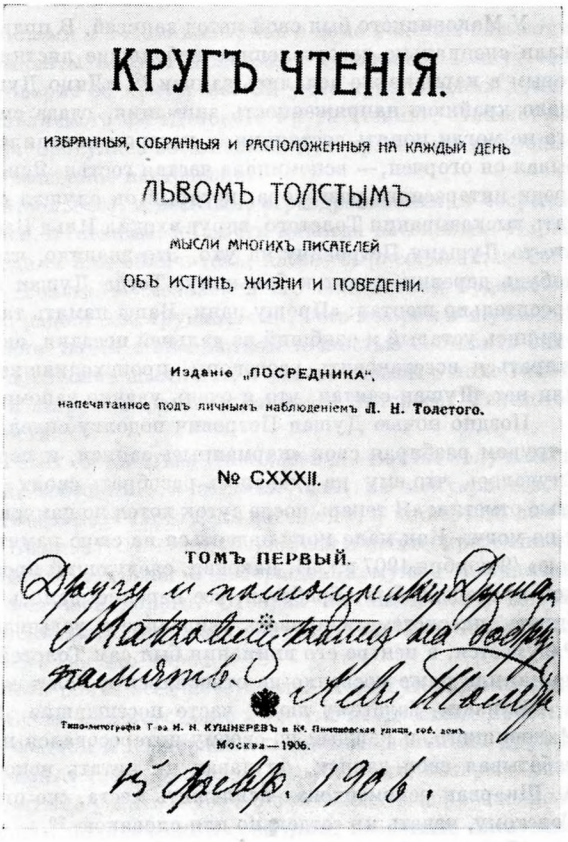
Душан Петрович Маковицкий, приглашенный к Толстому в качестве его домашнего врача, приехал в Ясную Поляну в конце 1904 г. Он был уже очарован личностью Толстого, с которым до того встречался, начиная с 1894 г., четыре раза [21]. «Каким

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «КРУГА ЧТЕНИЯ» (МОСКВА, 1906) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ТОЛСТОГО МАКОВИЦКОМУ:

«Другу и помощнику Душану Маковицкому на добрую память. Лев Толстой. 15 февр. 1906».

Титульный лист

Собрание С. Колафы, Прага



КРУГЪ ЧТЕНІЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ И РАСПОЛОЖЕННЫЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ

МЫСЛИ МНОГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБЪ ИСТИНѢ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНІИ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА",

напечатанное подъ личнымъ наблюденіемъ Л. Н. Толстого.

№ CXXXII.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Другу и помощнику Душану Маковицкому на добрую память. Лев Толстой

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº. Пименовская улица, соб. домъ.

Москва—1906.

15 февр. 1906.

представлял себе Льва Николаевича из его сочинений — искреннейшим, достойнейшим, добрейшим, даровитейшим, разумнейшим, святейшим, таким его и нашел и узнал, и в продолжении времени знакомства он не только не упал в моих глазах, а, наоборот, я все замечал новые достоинства в нем» [22].

Наряду с обязанностями домашнего врача, а, по желанию Толстого, также и врача деревни Ясная Поляна и всех окрестных деревень, Маковицкий вел дневник, видя в этом свою первейшую обязанность и считая, что именно этим он оправдывает свое пребывание у Толстых. «Может быть, будут полезны»,— говорил он о своих дневниках (18 апреля 1907 г.). И не ошибся.

До последней минуты жизни Толстого Маковицкий оставался при нем. Когда Толстой скончался, «Душан Петрович первый подошел к кровати отца и закрыл ему глаза» — такую запись оставил присутствовавший при кончине Толстого его старший сын [23]. И все происходившее до этой минуты отражено в «Яснополянских записках».

«В отношении к моему отцу,— говорил С. Л. Толстой,— он был другом, врачом, нянькой, иногда секретарем, иногда спутником по прогулкам. Он был другом всей нашей семьи» [24]. Надо добавить к этому — он стал летописцем последних лет жизни Толстого, и с честью выполнил эту обязанность. Шесть лет изо дня в день вел он свои записи. Причем первые три года (октябрь 1904 г.— сентябрь 1907 г.), т. е. до того времени, когда Н. Н. Гусев по совету Д. П. Маковицкого [25] начал свой дневник, Маковицкий был единственным постоянным летописцем. Ведь за этот период в дневнике С. А. Толстой имеется одна лишь запись за 1905 г., а в обоих дневниках А. Б. Гольденвейзера и М. С. Сухотина всего 79 записей за три года.

В предисловии к своему дневнику Маковицкий определил свою задачу: записывать, как жил Толстой «в своей повседневной жизни», что далеко не всегда отражено даже в его собственных дневниках, записывать для тех, кому дорого знать о Толстом все [26]. И от намеченной программы Маковицкий не отступал.

У Маковицкого был свой метод записей. В правом кармане его пиджака всегда лежали специально заготовленные небольшие листки плотной бумаги и карандаш, которым в кармане же делались записи [27]. «Лицо Душана Петровича в это время выражало крайнюю напряженность внимания, глаза смотрели куда-то вдаль. Незнавшие его не могли понять состояния, в котором находился Душан Петрович» [28]. «И как же бывал он огорчен,— вспоминала частая гостья Ясной Поляны С. А. Стахович,— когда среди интересного разговора, который он слушал с таким напряжением, чтобы записать высказывания Толстого, вдруг входил Илья Васильевич и, наклонившись, шептал что-то Душану Петровичу на ухо. Это значило, что приехали за доктором из какой-нибудь деревни, зовут к больному. Тогда Душан тоже тихонько подходил ко мне и просительно шептал: «Прошу пани, Ваша память так хороша...» Это значило, что, вернувшись усталый и озябший из дальней поездки, он придет ко мне и будет с моих слов стараться восстановить разговоры, происходившие без него. Не знаю, справедливо или нет, Душан считал, что я очень удачно запоминаю и передаю слова Толстого» [29].

Поздно ночью Душан Петрович подолгу сидел в своей комнате внизу, за столом, с трудом разбирая свои «карманные» записи, и переписывал их на отдельные листы. Случалось, что ему не удавалось разобрать своих записей, и сам он однажды с горестью отметил: «Я теперь после суток хотел по памяти записать, поправить, дополнить— и не могу. Как мало могу надеяться на свою память. Хорошо, что сейчас же записываю» (9 ноября 1907 г.). И, наконец, следующий процесс: с листов, текст которых в какой-то степени был обработан, все переписывалось в тетради. Он не стремился ни отбирать, ни систематизировать увиденное и услышанное даже в пределах одного дня. Разумеется, в центре его внимания был сам Толстой, те же события и беседы, которые прямо или даже косвенно не относились к Толстому, он опускал.

Близкие Толстому люди, часто посещавшие Ясную Поляну, знали о дневнике Маковицкого, и каждый по-своему интересовался им. Позднее, когда Маковицкий обрабатывал свои записи, он давал их читать некоторым и выслушивал их советы: А. Шкарван рекомендовал исключить места, «не относящиеся к делу», т. е. к самому Толстому, издать их «отдельно для словаков» [30].

«Смело выбрасывай и уничтожай все лишнее и незначительное»,— советовал со своей стороны А. Лебрен [31].

С. М. Белинький, переписывавший на «ремингтоне» уже исправленные Маковицким записи, выражал сомнение, нужна ли та или другая деталь, на что Маковицкий отвечал: «Мне некогда разбираться, что важно и что неважно, записываю все. Пусть редакторы берут, что им нужно» [32].

А. К. Черткова упрекала Маковицкого, что «ужасно недоброжелательно и несправедливо» говорит о Черткове и «настоятельно» просила, чтобы эти «оскорбительные» места «были уничтожены». В том же письме она обращалась к Н. Н. Гусеву с просьбой «помочь» ей «уговорить» Маковицкого снять места, если даже записи были «точны» [33]. Нет возможности установить, в какой мере выполнил Маковицкий требования А. К. Чертковой.

Н. Н. Гусев, обрабатывавший «Яснополянские записки», также предостерегал Маковицкого от записей лишнего. «... Те места, где описывается о Льве Николаевиче как о личности: как он гулял, болел, играл в шахматы и т. д., не скажу менее значительны, но совершенно ничтожны по сравнению с другими, в которых записано, как его высшая, божественная природа проявляла себя во всевозможных случаях жизни»,— писал ему Н. Н. Гусев 19 июня 1914 г.

Маковицкий до конца оставался верен своему методу. Для него не существовало важного и неважного,— все, относящееся к Толстому, важно, и все, записанное о Толстом, он сохранил.

Не заботился Маковицкий и о стройности и связности рассказа. Начав с утреннего выхода Толстого из спальни, он последовательно записывал все, что происходило в течение дня вплоть до позднего вечера, когда семья расходилась. И так каждый день в продолжение шести лет.

Мы видим Толстого за работой, узнаем много его собственных суждений о своем творчестве; мы слышим повседневные беседы с многочисленными посетителями, в кру-

гу семьи, с друзьями, с светскими гостями и с «темными», как в доме Толстых называли единомышленников Толстого. Музыканты играют Толстому, художники пишут его портреты, и в это время писатель говорит об искусстве. Он учит крестьянских детей, проверяя на них доходчивость составляемого им «Детского круга чтения», отвечает на многочисленные письма. Толстой на прогулке, восхищающийся красотами природы, которая всегда приводила его в возвышенное настроение.

Мы видим Толстого и бодрым, и больным, и веселым, и раздраженным, и сосредоточенным, и радостным, и борющимся, и гневным, но почти никогда пассивным. Перед читателем встает не только проповедник или обличитель, каким вырисовывается Толстой в некоторых мемуарах, но Толстой — человек в его ежедневной будничной жизни, с его тревогами, волнениями, радостями, трудностями, с его юмором и шутками.

По дневнику Маковицкого можно почти с абсолютной точностью составить список книг, прочитанных Толстым за последние шесть лет, и узнать отзывы о них. Такой список рассказал бы о необычайной широте и разносторонности интересов Толстого, сохранявшихся до глубокой старости.

«Жаль, что никто не записывает всех гостей Льва Николаевича. Вот бы получилась интересная смесь племен, наречий, состояний»,— записал один из мемуаристов [34]. А однажды сам Толстой записал в Дневнике: «Часто меня посещают, и четвертого дня я вздумал записать, кто да кто были? Были: 1) От Гиля убившийся в шахте крестьянин. Я послал его к Гольденблату. 2) Потом солдатка о возвращении мужа. Я написал ей прошение. 3) Потом ребята с железной дороги. Отобрал им книжки. 4) Потом барыня из Тифлиса о религиозном воспитании. Высказал ей, что думал. В понедельник, вторник тоже не меньше посетителей. Так что хорошо» [35].

Маковицкий, и только он, записал почти всех посетителей Ясной Поляны за последние шесть лет жизни писателя. Среди них крестьяне и другие неизвестные простые люди, приходившие к Толстому за советом и поддержкой, единомышленники и друзья Толстого, журналисты и корреспонденты газет, русских и зарубежных, которые, особенно в 1905—1906 гг., приезжали, чтобы узнать и тотчас публиковать корреспонденции об отношении Толстого к текущим политическим событиям, известные писатели, ученые и общественные деятели.

Какая напряженная жизнь старого Толстого проходит перед нами! Ни одного дня — даже во время нездоровья — без работы над своими произведениями, без чтения книг, без писем, без бесед на волнующие темы современной жизни.

Толстой вдруг решает не читать газет, но не выдерживает и, как только получается, обычно по вечерам— почта, читает их и делится своими впечатлениями.

А вскоре, в связи с событиями 1905 г., он скажет: «Надо собирать газеты!» (26 октября 1905 г.). Однажды признал, что «положительная, светлая» сторона газет та, «что что творится на всех концах мира, все делается известным человечеству» (около 25 октября 1908 г.). В последнее его пребывание проездом в Москве, в сентябре 1909 г., Толстого, по его же признанию, «больше всего поразило» то, «что на извозчике едет и читает газету, стало быть, она ему нужна. Ведь это не шутка следить за всем, что делается в мире» (31 января 1910 г.).

Толстой возмущается новой декадентской литературой, а в то же время его тревожит мысль, что он, может быть, не понимает «чего-нибудь, что молодые понимают, как старики не понимали Пушкина, Ломоносова, Карамзина, хотя,— говорил Толстой,— старики всегда негодуют на молодых, но этого не следует делать» (20 мая 1908 г.). Он старается читать новое. «А то старик брюзжит, может случиться, что он прозевает доброе, что, может быть, есть. Старики не понимали Гоголя. Достоевского совсем не оценили»,— говорил Толстой (7 августа 1908 г.).

И Маковицкий все наблюдает, слушает, записывает.

Маковицкий поселился в Ясной Поляне во время русско-японской войны, которая настолько волновала Толстого, что он «тихонько от всех» ездил верхом в Тулу за почтой, за последними телеграфными известиями. В эти месяцы С. А. Толстая писала: «Мы тихо живем в Ясной, но жизнь всего мира и всей России доходит до нас со всех сторон и очень волнует» [36].

Заполненный и существенными, и малозначительными фактами, и множеством

деталей и бытовых зарисовок, дневник Маковицкого правдиво воссоздает обстановку Ясной Поляны, насыщенную общественно-политическими интересами и событиями современной жизни.

Известно, как во время русско-японской войны тяжело отозвалось в душе Толстого падение Порт-Артура, как огорчали его поражения русских. В это время Маковицкий записал слова Толстого: «Я себя поймал: когда Россия уступила Кульджу, мне было жаль, зачем уступила, раз уже имела ее. Патриотическое чувство» (24 декабря 1904 г.). Точность этой записи подтверждается дневниковой записью Толстого через неделю. «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм» [37].

После войны — революция. Время новых потрясений и душевных тревог Толстого. «В доме политическими событиями все встревожены, расстроены, горячатся, спорят»,— записал Маковицкий 22 октября 1905 г.

Хотя Толстой и писал, что, «чем больше разгорается революция, тем сильнее хочется уйти в себя и не участвовать не только делом или словом, но и обсуждением этого злого дела» [38], однако «уйти в себя» он не мог. Неотступно тревожившие его вопросы политической жизни были едва ли не главной темой взволнованных бесед, раздраженных, а порой гневных споров. И Маковицкий подмечает: «О чем днем спорили, говорили, о том Л. Н. вечером писал в своей статье » (31 декабря 1905 г.).

В эти годы Толстой создает страстные статьи, самые заглавия которых говорят о взволнованности автора: «Одумайтесь!», «Об общественном движении в России», «Единое на потребу», «Как освободиться рабочему народу?», «Великий грех», «Что же делать?», «Обращение к русским людям: к правительству, революционерам и народу», «О значении русской революции», «Единственное возможное решение земельного вопроса».

Многие мысли Толстого, дошедшие до читателей отчеканенными в статьях 1904—1906 гг., встречаем в Записках Маковицкого в их первоначальной, часто более резкой форме, когда Толстой в пылу спора не задумывался над способом выражения своих убеждений. Бывали случаи, когда непосредственно после записанных Маковицким горячих разговоров в зале Толстой, уходя к себе в кабинет, вносил высказанные им вслух суждения в рукопись статьи, над которой в то время работал, а при дальнейшей обработке либо переделывал их, либо вовсе исключал, и они сохранились только в черновых редакциях.

Душевное состояние Толстого, отразившееся в записях Маковицкого 1905—1907 гг., в полной мере можно определить словами В. И. Ленина: «Не волноваться происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции нельзя...» [39] Толстой тогда четко сформулировал свое отношение к текущим событиям, объявив себя в этой революции «в звании, добро и самовольно принятом на себя адвоката стомиллионного земледельческого народа». «Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь,— писал Толстой,— всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую. На всякие же насилия и убийства, с какой бы стороны ни происходили, смотрю с омерзением» [40].

Толстой не мог сочувствовать насильственной борьбе, он осуждал деятельность эсеров-террористов, он был убежден, что такие приемы бесцельны. Он верил в путь «пассивного неучастия» в правительственных и вообще в политических «насилиях», независимо от того, с чьей бы стороны они ни совершались. Эти мысли проходят в его письмах, дневниках и статьях той поры. Об этом же он много и резко говорил и спорил в своем доме, что нашло широкое отражение в записях дневника Маковицкого.

Наряду с резкими высказываниями о революции Маковицкий сообщает и такие противоречащие им чрезвычайно интересные суждения Толстого о революционной современности: «Все хорошо, жизнь идет!» (19 ноября 1905 г.), «Русская революция расшатала все основы, на которых они (Вильгельм II и западные государства) стоят. Ведь это слава богу!» (15 ноября 1905 г.), «Какое время! Много злобы, озлобления от революции, но и пропасть добра: свобода печати, могут читать Герцена, декабриств. Все это скажется через двадцать лет, когда молодежь, от которой это было скрыто, будет действовать» (10 марта 1906 г.). И еще: «Старое правительство не годится. Мне, как историку, видно то, что может произойти из настоящей революции:

дальнейший шаг в уничтожении насилия. Уничтожение крепостного права был первый такой шаг» (4 ноября 1906 г.).

Толстой «советовал записывать современное.— Это будет драгоценнейший исторический материал» — так отметил Маковицкий 30 марта 1906 г. слова Толстого.

И в годы революции и позднее, в годы реакции, Маковицкий записал много яснополянских разговоров о земле, в несправедливом пользовании которой таилось, по убеждению Толстого, основное зло. Всегда выдвигалась при этом теория Генри Джорджа, хотя вера в нее Толстого постепенно ослаблялась.

По записям Маковицкого можно проследить, как глубоко волновал Толстого аграрный закон 9 ноября 1906 г., эта столыпинская реформа, проведенная после поражения революции 1905 г. «Как хочет переделать старые деревенские порядки столыпинское правительство? — писал В. И. Ленин.— Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли» [41].

Эта реакционная реформа была предметом жарких споров в Ясной Поляне не только в 1906 г., но вплоть до 1909 г., когда Толстой определил ее как «безнравственный, развращающий народ закон 9 ноября», назвал его «нелепыми правительственными мерами уничтожения общины и установления мелкой земельной собственности» и ввел срое суждение в художественное произведение «Сон», посвященное вопросу о земле. «Мы ничего не умеем выдумать, как закон 9-го ноября, разрушающий вековые устои русской общины, старающийся разрушить в сознании народа, признающем общей принадлежность земли всему народу, имеющий только одну цель разорить народ, привить ему соблазн земельной исключительной собственности. Все только для того, чтобы этот ваш граф с 10 000 десятин мог бы сказать мужику, у которого пять десятин: у тебя пять десятин, а у меня 10 000, мы одинаково собственники» [42].

Все эти мысли о земле, позднее сформулированные Толстым в его произведениях, он много раз высказывал в беседах и спорах до конца жизни, а Маковицкий записывал их в своем дневнике.

20 февраля 1907 г. открылась Вторая государственная Дума. Маковицкий записал ряд высказываний о ней Толстого. Все они, собственно, свелись к тому же, что Толстой ответил за месяц до того на телеграфный запрос петербургской газеты «Свободный труд»: даст ли Дума «хоть каплю счастья народу»,— «Никакая Дума не может дать блага народу» [43]. А уже в марте, прочитав сообщения газет о Думе, Толстой сказал: «Видно, что из этого ничего не выйдет. Гадкое, мелочное тщеславное все их говорение» (15 марта 1907 г.).

Известно, что в 1905 г., взбудораженный вооруженной борьбой революционеров, Толстой возвращается к замыслу, которым был занят 25 лет тому назад,— воспроизвести в художественном произведении эпоху декабристов. Много замечательных высказываний Толстого о декабристах мы узнаем благодаря записям Маковицкого. Прочитав присланные ему В. В. Стасовым документы из секретного архива, Толстой сказал: «Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу» (23 января 1905 г.). Через два дня новая запись: «Это были люди все как на подбор. Как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их повытаскал» (24 января 1905 г.). И позднее Толстой не раз возвращался к декабристам, отмечая убежденно их влияние на решение капитального вопроса русской жизни, о крепостном праве: «Освободили крестьян не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы» (8 мая 1905 г.). Эту же мысль он высказал в статье «Великий грех» [44]. Замысел произведения о декабристах и на этот раз не осуществился.

Во время одного из разговоров в 1906 г. о том, что Толстой в последних статьях слишком резко обрушивается на царское правительство, дочь его Мария Львовна сказала: «Думаю, надо бы выпустить резкие места о правительстве из прежних сочинений. Папа́ мог бы их изменить». Маковицкий же, что делает ему честь, немедленно возразил: «Не нужно. Это историческое, то есть Лев Николаевич высказался в них так, как тогда думал» (6 октября 1906 г.). Быть может, Маковицкий помнил записанные им в прошлом (1905) году слова Толстого о том, что его беспокоили резкие выражения о царях в «Едином на потребу». «А теперь,— сказал Толстой,— желаю, чтобы их

как можно больше читали» (19 мая 1905 г.). Возражение Маковицкого, сделанное Марии Львовне, одно из многих свидетельств объективности его записей. Сам Маковицкий наряду с другими деятелями словацкого национально-освободительного движения, ориентировавшимися на помощь России, с пиететом относился к царскому самодержавию, но не считал возможным в угоду собственным взглядам в чем-либо смягчить противостоящие суждения Толстого.

После поражения революции, когда революционеры погибали в тюрьмах, на каторге и виселицах, Толстой вновь сострадает им. В статье «Не могу молчать» он говорит правителям: «Вам-то уж никак нельзя упрекать революционеров... вы делаете много такого дурного, чего они не делают... Если есть разница между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу» [45]. И вскоре Маковицкий фиксирует пространный разговор о текущих событиях, во время которого собеседник Толстого осуждал революционеров, а Толстой вдруг воскликнул: «Почему вы меня заставляете нападать на революционеров? Я не хочу на них нападать!» (12 июня 1909 г.).

3

В яснополянском быту в годы 1904—1910 общественно-политическая жизнь страны да и мира занимала огромное место. Не было, кажется, события, которое не получало бы отклика в доме Толстого и отзвука в «Яснополянских записках» Маковицкого.

Но, как писал Толстой еще в «Войне и мире», жизнь между тем «с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей» [46] шла, как и всегда, своим чередом. В Записках Маковицкого старательно фиксировалось и это все.

В кругу семьи Толстой нередко вспоминал отдельные эпизоды из детства и молодости. «Воспоминания в старости так отчетливы», — говорил он (8 августа 1906 г.). Интересны эпизоды из жизни Толстого, которые, вероятно, возникали в его памяти в связи с первой его биографией, которую тогда писал П. И. Бирюков. Эти отрывки воспоминаний запечатлены только в Записках Маковицкого.

«Престиж царя у народа упал. В 1840 году при закладке Храма Спасителя помню чувство восторга, был влюблен в царя, мы ждали, что царь выйдет из дворца. Тут кто-то закричал, что царь вышел задним ходом, мы бросились туда, я первый. Извозчик чуть не задавил, выхватил меня». Л. Н. видел «издалека» Николая I (17 июля 1906 г.). Возможно, что это впечатление двенадцатилетнего мальчика ожило, когда Толстой более чем 25 лет спустя описывал восторг Пети Ростова на Красной площади в день приезда Александра I.

Отзвуки еще одного детского воспоминания, записанного Маковицким, появились в «Войне и мире»: «Говорили о Д. А. Милютине... *Л. Н.*: Он один из виновников моего военного направления: брата уговорил (т. е. Н. Н. Толстого). Он в 40-м году приехал с Кавказа.

Кто-то спросил: «Сюда в Ясную?»

Л. Н.: Нет, мы были у его брата Владимира, которого хорошо знали, прекрасно рассказывал. Мы смотрели на него снизу вверх. Приехал Дмитрий Милютин с золотым оружием за храбрость. А мы были у его брата в гостях и ходили подсматривать в щелку на это оружие и старшего брата Милютина и восхищались им» (26 октября 1906 г.). Как это напоминает утреннюю сцену на следующий день после приезда Николая Ростова с Денисовым [47].

Однажды Толстой вспомнил, что в Угрюмах в одном доме было четыре лошади. «Когда они линяли, надо было их мазать. При них ночевал мужик. Он рассказывал, как пришел домовой в конюшню: «Сначала ударил лошадь по хребту, а потом навалился на меня и начал меня давить и душить»». (10 марта 1905 г.). Этот эпизод вошел в «Поликушку», гл. XV — сон старика Дутлова.

На какой-то вопрос П. И. Бирюкова Л. Н. ответил: «Слышал я,— это факт,— что казак, который убежал в горы и абреком стал и убивал казаков, соскучился, пришел в деревню и дался прямо в руки, и его казнили, повесили, и он твердо спокойно

умер» (31 декабря 1904 г.). Этот «факт» Толстой использовал в черновой редакции «Казаков» [48].

Чрезвычайно интересно воспоминание Толстого о Бакунине: «Я имел удовольствие содействовать побегу Бакунина. Бакунин был при Муравьеве вроде чиновника, но не мог отлучаться без разрешения министерства. Я попросил Ковалевского, управляющего Азиатским департаментом, и он выхлопотал его» (2 декабря 1906 г.).

Подобных воспоминаний немало в этих ценнейших Записках.

Маковицкому не раз удавалось воссоздавать прелестные живые сцены. В 1908 г. 80-летний Толстой у себя в кабинете читал корректуру второго тома своей биографии, написанной его близким другом П. И. Бирюковым. Прервав чтение, он вышел в залу, где сидели домашние и гостившие в те дни друзья, воскликнув: «Что за чудо случилось со мной... Подите, пойдемте все. Я вам почитаю сон, какой я видел сорок три года тому назад.

Повел нас в кабинет, сел в кресло, нам показал напротив него на диван садиться и подал Леониду Дмитриевичу корректуру:

— Я не верил бы, если бы это не со мной случилось! Я тогда занимался охотой, хозяйством, был глуп до невозможности, всякие забавы — и вдруг такое!

И Леонид Дмитриевич прочел записанный Л. Н. в 1865 году сон о том, что русскому народу предстоит освободить землю от собственности. Когда Леонид Дмитриевич дочел, Л. Н., как бы все еще не верилось ему, сказал с удивлением:

— Это то же, что пишу теперь, даже тут,— а писал я тогда скверным языком,— а тут тот самый язык, каким теперь пишу» (16 апреля 1908 г.).

Поводом к радостному волнению Толстого послужило его же собственное рассуждение, которое, как он отметил в Записной книжке 13 августа 1865 г., представилось ему во сне. Основную мысль его он выразил тогда (в 1865 г.) так: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности». И дальше, развивая эту мысль, Толстой заявил, что русский народ отрицает «собственность поземельную» и что русская революция «будет против поземельной собственности» [49]. П. И. Бирюков включил всю запись в биографию. Совпадение мысли, владевшей им в молодости, с тем, как он чувствует теперь, через 43 года, о несправедливости частной земельной собственности, привело его в восторг, которым он не мог тотчас же не поделиться с близкими.

Много весьма интересных высказываний Толстого, связанных с его творчеством, с творческой историей художественных произведений последних лет запечатлел Маковицкий. За год до смерти Толстой как-то сказал: «Вечером уже писать не могу, мысль не работает, вечером только читать хочется, да мечтать, о чем надо писать» А вскоре появилась запись о том, как Толстой вечером, «играя в винт, охал. С. А. Стахович спросила его, почему охает. Л. Н. ответил, что пишет художественное 〈он писал в это время «Нет в мире виноватых»〉 и перед ним проходит «множество картин, как грезы, и он не может их схватить» (4 ноября 1909 г.).

В незаконченной повести «Нет в мире виноватых» участвует учитель-революционер. Из записей Маковицкого узнаем, что Толстой расспрашивал Н. Н. Гусева, «каким образом сочиняются революционные брошюрки, в чем состояло распространение революционной литературы, может ли он в своей новой беллетристической работе дать такое занятие учителю в деревне» (27 мая 1909 г.) [50].

В записях Маковицкого отмечены неизвестные до сего времени неосуществленные замыслы Толстого, которые он сам нигде не отметил. Например, намерение написать статью «Единственное возможное решение социального вопроса» (13 декабря 1906 г.); замысел возник вскоре после окончания статьи «Единственное возможное решение земельного вопроса».

Спустя год — новый замысел: «Это одна из тех вещей — мечта, которые не напишу, как там, на Западе, люди — рабы своих же законов, меньше свободны, чем в России. За границей верхушки блестят, а беднота скрытнее, чем у нас, но ее не меньше» (15 ноября 1907 г.).

Хочется привести еще отмеченное Маковицким признание Толстого о Хаджи-Мурате. Кто-то прислал Толстому в подарок портрет Хаджи-Мурата, писанный по

дереву. «Такого я его себе представлял,— сказал Толстой.— Хаджи-Мурат — мое личное увлечение» (8 июня 1905 г.).

Не раз Маковицкий подхватывал совсем, казалось бы, мелкие случайные замечания Толстого. А как дополняют они суждения Толстого, его тонкие требования к мастерству художника!

Прочитав в приложении к «Новому Времени» стихотворение малоизвестной поэтессы Веры Рудич, Толстой сказал: «Стихотворение, как стихотворение, только один эпитет нехороший. Прочтите, найдите, какой». Никто из присутствовавших не смог найти. Тогда Л. Н. указал: «Гнется яблонь в золотых плодах» и сказал: — Яблоки золотые никогда не бывают. Пишут это зачем? В деле искусства нужна близость к совершенству, а если этого нет, то не стоит писать» (4 августа 1909 г.).

Рассказывая о письмах Тургенева к Полине Виардо, Толстой заметил: «Есть в них художественные подробности: как в дождливую погоду утка с мокрой перепонкой ноги чешется» (4 октября 1906 г.).

А отзывов Толстого о писателях и поэтах разных времен и народов разбросано в Записках Маковицкого множество.

Толстой до конца жизни сохранял интерес к самым различным явлениям жизни. Вот один только вечер 3 июня 1909 г. Услыхав от Маковицкого рассказ о железнодорожном рабочем, который, вернувшись из Японии (он был в плену), стал применять в своей работе те технические достижения, которые узнал там: с помощью приспособленного им рычага сам поднимал тяжелейшие бревна, 80-летний Толстой сказал: «Если буду жив, непременно съезжу к этому рабочему».

Вслед за тем был разговор о предстоящем суде над телятинским крестьянином, назвавшим иконы деревяшками. «Непременно поеду на суд»,— воскликнул Толстой.

В том же 1909 г. происходил автомобильный пробег по Тульскому шоссе. Узнав об этом, Толстой вышел на шоссе специально для того, чтобы посмотреть. Водители машин узнали Толстого и приветствовали его.

Интересен записанный Маковицким разговор о воздухоплавании. «Воздухоплавание получит общее распространение. Подумать: это уничтожит все дороги»,— резюмировал Толстой (19 июля 1909 г.).

Толстой любил жизнь. И в самые последние годы наряду со все чаще появляющимися мыслями о смерти и стремлении «уйти из обстановки господской» (1 сентября 1909 г.) то и дело прорываются у него восклицания: «Как ни трудно, как ни слаб, а жить хорошо».

Восьмидесятилетний Толстой записал однажды в Дневнике: «Люди много раз придумывали жизнь лучше той, какая есть, но, кроме глупого рая, ничего не могли выдумать» [51]. Вот эту неизбывную сохранившуюся до конца любовь Толстого к жизни и природе тоже запечатлел Маковицкий в своих Записках.

Как-то за обедом «Лев Николаевич рассказал, куда ездил верхом — к Провалам: «Я нынче выехал 79-ти лет, приехал к Засеке, стало лет 70, потом чудная дорога, тишина, лес, солнце, Провалы,— стало лет 40; я благодарил бога. Потом — 13. Чудная прогулка. Это удовольствие верхом, смирная лошадь, солнце, зелень, живой души не встретил, круг — верст пятнадцать». И затем, когда семейные решили завтра пойти по этому же пути, Толстой заметил: «Но вы будете в компании; хоть в какой приятной,— одному умилительна эта прогулка» (4 августа 1907 г.).

В другой раз Толстой опять за обедом рассказал: «С нижнего пруда вытаскивали пни и увозили. К одному, тяжелому, позвали на помощь девок. Пели «Дубинушку», и каждым разом новое, новый стих. Я не устоял и стал с ними тянуть канат и ухать» (8 апреля 1906 г.).

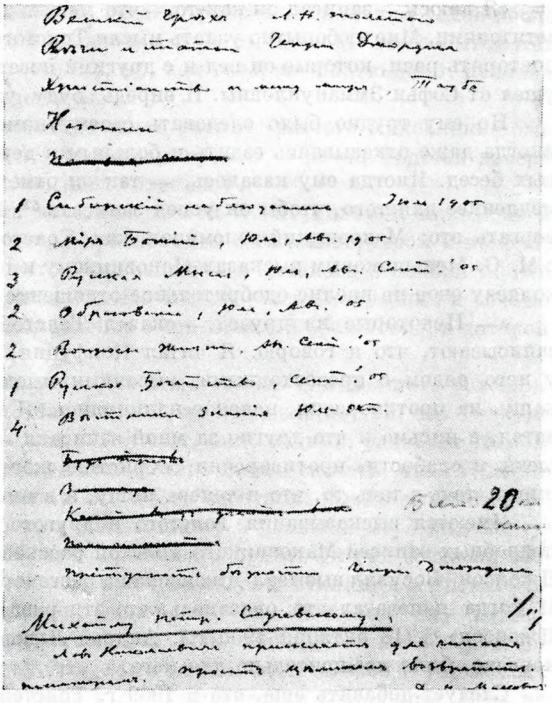
В разговор о произведениях Льва Львовича, о приезде В. Г. Черткова вдруг врывается восклицание Толстого: «Посмотрите закат солнца, посмотрите же! Малиновое, пурпуровое. Этого я никогда не видал!» (18 апреля 1907 г.).

В один из тех дней, когда Толстой взволнованно писал знаменитую статью «Не могу молчать» и был полон мыслями о ней, он неожиданно вечером стал рассказывать о том, как после прогулки у него стало хорошо на душе, и весна в природе. «Какой восторг, так хорошо, так хорошо! Еду и смеюсь. Точно мне 15 лет!» (15 мая 1908 г.).

ЛИСТ, ВЛОЖЕННЫЙ В ТЕТРАДЬ X МАКОВИЦКОГО С ЗАПИСЯМИ ОТ 14 ОКТЯБРЯ — 7 НОЯБРЯ 1905 г.

Автограф

Текст письма к М. П. Случевскому (последние строки листка), написанного Маковицким по поручению Толстого. В опубликованный список писем по поручениям не вошел



Через год. Весна 1909 г. Толстому 81 год. Он поехал на прогулку верхом. Маковицкий, как это часто бывало в последние годы, сопровождал его также верхом, следуя за ним поодаль. Маковицкий записал в тот же день:

«По Горелой Поляне Л. Н. кружил молодняком по извилистой тропинке, быстрой рысью. Зорька ⟨лошадь Маковицкого⟩ рвалась за Делиром ⟨на котором ехал Толстой⟩ и делала козла. Я попросил Л. Н. не ехать рысью. После мне было совестно. Л. Н. очень смелый и ловкий ездок, спускался по кручам в овраги, перепрыгивал ручьи. Мне приходилось слезать и проваживать свою лошадь за повод» (8 мая 1909 г.).

А вот живая сценка иного характера. Дочь Толстого поехала с Маковицким в Тулу удалять зуб. «Между столбами и первым мостиком,— пишет Маковицкий,— обогнали гуляющего с понурой головой, напряженно думающего Л. Н., с палочкой в руке. Как увидел нас, ехавших по другой параллельно проложенной дороге, побежал, чтобы перед мостиком, где обе дороги сходятся, поравняться с нами, и так и бежал шагов длинных сорок. Мы его дождались. Сказал Александре Львовне, чтобы не была в нерешительности, а взяла себя в руки, и тогда сразу решится. Ухватился за спинку саней, стал на полозья и проехал так с нами несколько десятков шагов; лошади шли шагом. Потом по просьбе Александры Львовны соскочил» (8 декабря 1908 г.).

Еще один эпизод, запечатленный в Записках. Маковицкий должен был поехать к больной в другую деревню; чтобы не утруждать мужика везти Маковицкого обратно на своей лошади, Толстой предложил вместо своей прогулки в лес повезти его к больной. «В поле был ужасный ветер. Правил Л. Н. почти всю дорогу великолепно. Ехали возле колеи по узкому гладкому месту. Лошадь не сбивалась, и Л. Н. ее не понукал, не дергал, только чуть-чуть направлял. И тут знаток и художник»,— закончил Маковицкий запись (1 марта 1910 г.).

4

Как же сам Толстой относился к Запискам Маковицкого, которых он никогда не читал, но знал, что они ведутся? Подчас Толстого стесняло присутствие все записывающего Маковицкого, и сам летописец не раз чувствовал это.

«Я каюсь,— записал он как-то,— что мешаю Л. Н. свободно разговаривать с посетителями. Мне любопытно узнать мысли Толстого, и сижу тут, а ему при мне неловко повторять речи, которые он вел и с другими посетителями. Сегодня я по этой причине ушел от Софьи Эммануиловны. И впредь буду уходить» (4 сентября 1905 г.).

Но ему трудно было следовать своему намерению. Он продолжал записывать, иногда даже отказываясь ездить к больным в деревню, чтобы не пропустить интересных бесед. Иногда ему казалось, — так он отметил однажды,— что Толстой говорит медленнее для того, чтобы он успел записать [52]. Нет данных подтверждать или опровергать это; Маковицкий вспоминал, как Толстой после продолжительной беседы с М. О. Меньшиковым высказал Маковицкому и присутствовавшему там же С. Д. Николаеву свое не вполне одобрительное отношение к подобным записям.

«— Некоторые из друзей,— сказал Толстой,— в том числе Душан Петрович, записывают, что я говорю. Я читал Конфуция, которому я в подметки не гожусь, у него рядом с превосходными, высокими мыслями — каша; главное на это — эту кашу, на противоречия, неясное накинулись. Я признаю своим только то, что я печатал, а письма и что другие за мной записали — нет. В письмах мало ли что напишешь в слабости, противоречии. «Христианское учение», что десять лет тому назад писал, точь-в-точь то, что и теперь пишу, а в письмах — противоречия» (1909 г.).

Имеются высказывания Толстого и другого рода. В беседе с сыном по поводу подробных записей Маковицкого Толстой рассказал, что «есть такая книга Босуэлл и Джонсон. Босуэлл вызывал Джонсона на разговоры — он был его друг — и записывал. И когда напечатал, то оказалось, что эти разговоры интереснее всего, что написал Джонсон» [53] (13 октября 1906 г.). Андрей Львович сообщил это Маковицкому, что, конечно, было поощрительно для него.

Следует добавить еще, что в 1909 г. Толстой получил от издательства Дитерихс в Лейпциге «Goethe Kalender auf das Jahr 1909». В продолжение нескольких вечеров он читал его, неоднократно делясь с близкими своими впечатлениями. В письме в издательство Толстой благодарил за календарь и сообщал, что его «особенно» заинтересовали «разговоры Гете с разными лицами. В этих разговорах,— писал Толстой,— я нашел для себя много нового и ценного» [54]. А разговоры Гете, записанные Эккерманом, Толстой читал еще в 1897 г., находил в них много интересного «и для искусства» (т. е. для статьи «Что такое искусство?», над которой тогда работал), и «для изучения старости» [55].

Маковицкий — не Босуэлл и не Эккерман, да он и не ставил своей задачей записывать только интересные разговоры, он записывал все, соблюдая при этом неизменное требование: «В записках чтобы не было приторности и лести» [56].

Иногда он сам вызывал Толстого на разговоры по вопросам, его лично интересующим, главным образом о близких ему славянских народах. И Толстой сказал однажды: «Мы счастливы, что через Душан Петровича знаем таких интересных людей, как славяне» (26 августа 1909 г.).

Маковицкий был безгранично предан Толстому и в прямом смысле дорожил каждым его словом. Надо сказать, что и Толстой платил ему любовью. Много записей о нем встречаем в дневниках Толстого. «Что за милый, удивительный по добродетели человек. Учиться у него надо. Я не могу без любовного умиления о нем думать»,— записал Толстой в 1909 г.[57] Толстого удивляло только, как «вместе с признанием основ любви» в нем уживается реакционное мировоззрение, и иногда он упрекал его [58].

5

Известная до последнего времени рукопись дневника Маковицкого заканчивается записью 28 октября 1910 г., т. е. днем ухода Толстого из Ясной Поляны. Когда уже завершалась подготовка настоящего издания, одним из участников его, доцентом философского факультета Карлова университета С. Колафой были обнаружены в частном собрании у племянника Маковицкого, живущего в Братиславе, заключительные шесть тетрадей с описанием последних дней жизни Толстого — с трех часов ночи на 29 октября до 6 часов 5 минут утра 7 ноября [59]. Очевидно, в пути из Ясной Поляны

до Астапова и в астаповские дни Маковицкий делал отрывочные записи, а уехав после смерти Толстого временно на родину, восстановил по этим записям все события тех дней и изложил их в той же форме дневника, но, как говорил Маковицкий, начиная с 3 ноября не в строгой последовательности.

С момента отъезда из Ясной Поляны и до самой смерти Толстого Маковицкий был неотлучно при нем, заботился о нем. «Душан разрывается»,— писал Толстой дочери из Оптиной Пустыни на следующий день после отъезда [60].

Об этих трагических девяти днях известны записи А. Л. Толстой, приехавшей в Шамордино 30 октября, В. Г. Черткова, приехавшего в Астапово утром 2 ноября, С. Л. Толстого и Т. Л. Сухотиной-Толстой, приехавших в Астапово 3 ноября [61]. Все это более поздние воспоминания об этих днях. Но только теперь подробные и точные записки Маковицкого дают полное представление о той тяжелой обстановке, в которой очутился и умирал Толстой.

Последние месяцы в Ясной Поляне создались невыносимые для Толстого условия, которые привели его к решению уйти. Маковицкий, не предполагавший, что Толстой навсегда покидал свой дом, уезжая ночью с Толстым, был, видимо, захвачен одной только мыслью помочь Толстому скорее уехать. И надо прямо сказать, что глубокий драматизм обстановки вместе с деловыми и бытовыми заботами, вызванными неожиданным решением Толстого, не позволили Маковицкому в должной мере выполнить в этот день и во все последующие дни свои обязанности врача. Он сам сознавал это и, не щадя себя, много раз ставил себе это в упрек. Он видел и отметил в записях, что в момент отъезда «Л. Н. был встревожен, непокоен», он «пощупал ему пульс. Пульс 100. Может, что приключится»,— подумал Маковицкий, но не задержался на этой мысли, не пришло ему в голову, что, быть может, естественное в тот момент нервное возбуждение Толстого связано было и с его физическим состоянием. Ведь не случайно он именно теперь описал чрезвычайно трудную для Толстого прогулку верхом накануне. Во время этой прогулки Толстой, подъехав к глубокому оврагу, вынужден был сойти с лошади, и пока Маковицкий переводил лошадей, Толстой с трудом, придерживаясь за стволы деревьев и ветки, сидя, спускался по снегу, затем «переполз по льду и на четвереньках выполз на берег», поднимался, задыхаясь и тяжело дыша, и Маковицкий в связи с этой прогулкой отметил, что Толстой уезжал теперь из дома «утомленным, не выспавшимся». Нетрудно ведь допустить, что этот случай не прошел бесследно для здоровья Толстого.

Маковицкий видел, что с самого начала пути Толстой находился в сильном нервном возбуждении. Когда, отъехав в пролетке из Ясной, Маковицкий хотел посмотреть, накрыты ли у Толстого ноги, Толстой «почти закричал» на него и в дальнейшем пути «особенно неохотно» принимал услуги, которые раньше принимал спокойно.

Записи Маковицкого говорят и о том, что мысль о Софье Андреевне сильно тревожила Толстого с момента отъезда. Когда ехали еще по деревне, «Л. Н., до сих пор молчавший, грустный, прерывающимся голосом сказал, как бы жалуясь и извиняясь, что не выдержал, что уезжает тайком от Софьи Андреевны». Отъехав от Щекина, в вагоне «Л. Н. сказал: — Что теперь Софья Андреевна? Жалко ее».

Из Оптиной Пустыни Толстой писал Черткову: «Я не похвалюсь своим и телесным и душевным состоянием, и то, и другое слабое, подавленное» [62]. В тот же день записал в Дневнике: «Очень тяжело было весь день, да и физически слаб» [63]. 30 октября Толстой сказал Маковицкому, что чувствует «слабость и вместе с тем сонливость». К вечеру ему «стало холодно», но и это, как пишет сам Маковицкий, «не обратило особого внимания».

Приехавшие в Шамордино Александра Львовна и В. М. Феокритова были, по словам Маковицкого, в паническом страхе. Они настаивали, что «надо бежать дальше и чем скорее». Толстой не хотел. «Он сидел, накинув на себя фуфайку, холодно было ему, и был молчалив после прочтения писем», привезенных ему из Ясной Поляны. Выслушав рассказы дочери о состоянии Софьи Андреевны, об опасениях, что она может утром приехать и поэтому надо скорее уезжать отсюда, Толстой ответил: «Надо обдумать. В Шамордине хорошо», и рассказал, что уже снял себе избу в деревне. «Не хочу вперед загадывать».

Панический страх приехавших передался, видимо, и Маковицкому. Все они были растеряны, и эта растерянность и страх не позволили подумать о главном, о физическом состоянии Толстого. Оно тревожило сестру его, и на вопрос Е. В. Оболенской, гостившей тогда в Шамордине у матери, можно ли ехать, поскольку Толстой чувствует слабость, Маковицкий ответил: «Можно, слабость прошла», хотя, по его же словам, сам Толстой «решил утром не ехать, что он устал и хочет спать». Наутро поехали и «ехали под страхом встретить Софью Андреевну». В пролетке по дороге из Шамордина Толстой расспрашивал возницу о гостинице в Козельске, говорил, что можно бы остановиться отдохнуть. И здесь Маковицкий упрекает себя: «И никто из нас не поручил ямщику свернуть к гостинице. Догадайся я спросить Л. Н-ча, как он себя чувствует, может быть, Л. Н. признался бы в недомогании... Но я не обратил внимания, не подумал, что Л. Н., может быть, по слабости хочет остановиться, и мы, не останавливаясь, поехали на вокзал». Слезая с пролетки, Толстой «слегка пошатнулся», но Маковицкий это «приписал торопливости и оцепенению ног». Нет сомнения, что Толстой уже был болен. В Козельске сели в поезд, не приняв еще решения, куда ехать. В пятом часу Толстой стал жаловаться на холод, озноб, температура дошла до 39°. «Л. Н. дрожал и стонал». Лишь теперь Маковицкий, опасаясь воспаления легких, решил остановиться на первой большой станции. Это было Астапово, куда приехали 31 октября в 6 час. 35 мин. вечера. Толстой находился уже в тяжелейшем состоянии. Начальник станции И. И. Озолин не без риска для себя принял Толстого в свой дом. Но никто из сопровождавших в обстановке нарастания с каждым часом растерянности и страха перед ожидавшимся приездом Софьи Андреевны не подумал создать в этом доме хотя бы минимальные условия, необходимые для тяжело больного Толстого. Маковицкий не раз упрекал себя, что мелькавшие у него мысли о том, что́ необходимо было сделать для некоторого облегчения положения, «как являлись, так и заглохали». И даже 1 ноября вечером, когда Толстой, посмотрев на градусник, показавший 38°, сказал: «Ну, мат! Не обижайтесь!», Александра Львовна спрашивала, можно ли будет ехать завтра или послезавтра, и выясняла у Озолина возможность предоставления Толстому отдельного вагона.

Толстому необходим был абсолютный покой, а приехавший 2 ноября Чертков «слишком много утомлял Л. Н. разговорами и чтением писем, на которые Л. Н. диктовал ответы. А я его недостаточно предупреждал»,— сетует опять Маковицкий.

Всех преследовала только одна мысль: Софья Андреевна может настигнуть. И самого Толстого не переставала тревожить мысль о Софье Андреевне. Полученная 1 ноября успокоительная телеграмма от Черткова об ее положении была приятна Толстому. В тот же день он писал С. Л. и Т. Л. Толстым: «Прощайте, старайтесь успокоить мать, к которой я испытываю самое искреннее чувство сострадания и любви» [64]. Первый вопрос к приехавшей утром 3 ноября Татьяне Львовне был: «Кто остался с мама?», и он «долго расспрашивал, желая знать все подробности», а на слова дочери «...может быть тебе лучше не говорить, ты взволнуешься», отец «очень энергично» перебил ее и «слезящимся, прерывающимся голосом сказал: «Говори, говори, что же для меня может быть важнее этого!» И стал дальше расспрашивать. А позднее он сказал ей же: «Многое падает на Соню. Мы плохо распорядились» [65].

Официальные бюллетени, публиковавшиеся в газетах, сообщали сведения о состоянии здоровья Толстого, но только записи Маковицкого дают представление о тех тяжелых условиях, в которых находился больной Толстой. «В первые дни было холодно в комнате». «Ночью тараканы и мыши шумели. Есть и клопы». «Очень промахнулись, что с самого начала не упорядочили свое дежурство, все трое толпились... мешали Л. Н. спать». «Не догадались обзавестись мягкой обувью, не смазали дверей». Трудно связать эти свидетельства Маковицкого с телеграммой А. Л. Толстой к А. М. Хирьякову: «Обстановка самая покойная и удобная» [66]. Маковицкий очень точно определил, что все окружающие были «напряженные, взвинченные, усталые», были «перепуганы, забитые, тревожные, несмелые, опасающиеся». Все это, конечно, усугубляла тяжесть и обстановки и состояния Толстого. Только вечером 2 ноября, когда наступило крайне тяжелое состояние Толстого, вызвали доктора Д. В. Никитина, который приехал 3-го. А 5-го приехал доктор Г. М. Беркен-

СЕКРЕТАРИ ТОЛСТОГО: Ю. И. ИГУМНОВА, Н. Н. ГУСЕВ, В. Ф. БУЛГАКОВ И МАКОВИЦКИЙ

Фотография, 15 марта 1913 г.

гейм, «привез лекарства, приспособления, кислород» и стал приводить в порядок комнату больного.

В ночь на 3 ноября приехала С. А. Толстая. Она не была допущена к Толстому, и он о ее приезде не знал.

На протяжении шести лет пребывания в Ясной Поляне Маковицкий проявлял большой такт и мало касался в своих записях семейных отношений Толстого. Но в записях последних месяцев и особенно трагических последних дней писателя все чаще и чаще появляются резкие высказывания относительно Софьи Андреевны: что она будто бы притворялась больной, страдающей, что «все кругом устали от ее притворства и раскусили ее». Он, врач, казалось бы, должен был понимать, что болезненная истерия, которой страдала Софья Андреевна, дошла за последние месяцы до крайнего напряжения, что истерическая реакция под влиянием сильных раздражителей, имевших место в доме, приняла предельно острые формы. Вероятно, Маковицкому был известен диагноз профессора невропатолога Г. И. Россолимо, сделанный 20 июля 1910 г., отметившего в данный момент эпизодическое обострение ее нервного заболевания. Тот факт, что диагноз был вписан в записную книжку Черткова, наводит на мысль, что Чертков сообщил профессору сведения о состоянии Софьи Андреевны; только одна первая встреча с больной не могла дать данных для полного диагноза [67]. Важно сопоставить этот диагноз с свидетельством доктора психиатра П. И. Растегаева, который по просьбе Сергея Львовича приехал в Ясную Поляну на следующий день после ухода Толстого и вместе с Софьей Андреевной приехал в Астапово. Он не решился ввиду короткого времени наблюдения дать полную клиническую картину ее болезни. Он отметил только «в самых общих чертах», что под влиянием тех или иных условий у нее могут обостряться припадки душевного расстройства [68].

Однако несмотря на такие заключения, Маковицкий в записях последних дней повторил суждения тех, которые, по словам Татьяны Львовны, давали «фальшивую картину» отношений ее родителей между собой и «пристрастный искаженный» портрет матери [69]. Через 25 лет после смерти Толстого Сергей Львович в связи с под-

готовкой к печати последнего тома Дневника матери писал Татьяне Львовне: «Я старался выяснить истинное положение дел и думаю, что стоял на такой же беспристрастной точке зрения, как и ты. Несомненно, наша мать была больна и сильно больна истерией. Надо удивляться, что Чертков, Саша и даже Душан не признавали этого... Лучше других нашу мать понимал отец. Он понимал, что она больна, одинока и несчастна, и он ее, несмотря ни на что, жалел и любил». И Сергей Львович был «доволен» тем, что в своем предисловии к Дневнику матери за 1910 г. высказал свое отношение к «разладу» между родителями и этим «возразил Черткову, Гусеву и К°» [70].

Эти признания старших детей Толстого, его «истинных друзей», как назвал их отец в предсмертном письме, вносят необходимые коррективы в те места заключительной части Записок Маковицкого, где речь идет о Софье Андреевне и об отношении к ней окружающих в дни умирания Толстого.

6

Сделанный обзор основного содержания Дневника Маковицкого может дать некоторое представление о характере этого документа. Записи не систематизированы; каждый день Толстого воспроизведен последовательно от утра до вечера. Мы видим Толстого не изолированно с его собеседником, но в естественной обстановке его дома, мы часто слышим живую разговорную речь Толстого, а не приглаженную, литературно обработанную, какою она подчас звучит в дневниках его секретарей, не говоря уж о мемуарах.

Поселившись в конце 1904 г. в Ясной Поляне, Маковицкий еще плохо знал русский язык, и первые полтора года записи вел на словацком языке. Только речь самого Толстого, о точности передачи которой он особенно заботился, почти всегда записывал словацким алфавитом, но русскими словами. С середины 1906 г. большая часть записей на русском языке, а в 1907 г. Маковицкий уже перешел в основном на русский язык.

Надо помнить, что Маковицкий усовершенствовал свое знание русского языка в Ясной Поляне и прежде всего в доме Толстого. Вот почему в его записях так часто встречаются слова и обороты народного говора Тульской губернии, а также те именно, которые он слышал у Толстых. Он прислушивался к их речи.

«Хорошо говорят у Толстых, правильно, выразительно, художественно, особенно сам Л. Н. Он не говорит на *а*. Читает так, что и не заметишь, что читает из книги, как будто рассказывает. Интонация мастерская», — записал Маковицкий в один из первых дней пребывания в Ясной Поляне (31 октября 1904 г.).

В дневниках и произведениях Толстого встречаются именно те слова, которые Маковицкий услышал и точно сохранил в живой речи Толстого. Такие слова, как: намедни, деется, отдавна, мне сдается, выпростаться, здоровываясь, памятование, сильнеть, хужеть, пользительно, одинакие и многие, многие другие, а также выражения: солнце западало, погорелые крестьяне (а не погорельцы), опропагандированные рабочие, соступившиеся молодые люди, мереть от голода, угóльный камень (вместо: краеугольный), яблочный сад (а не яблоневый) и т. п. Всего не перечтешь. Подобные же обороты вошли, естественно, и в текст самого Маковицкого.

Часто встречающиеся в его тексте обороты: «Л. Н. ничего не работал», «Л. Н. ничего не спал», «Л. Н. остарел», «Л. Н. пересматривал книгу» — также множество раз записаны в дневнике самого Толстого.

«Яснополянские записки», пожалуй, единственный источник, в котором почти всегда без приглаживания и литературной отделки звучит разговорный язык Толстого.

Вот один пример из множества подобных:

Маковицкий записывает слова Толстого, после того как он прочитал вслух рассказы Куприна «Allez» и «Ночная смена»:

«Вы,— сказал Л. Н. Репину,— это знаете лучше, чем я, что в произведениях художества, живописи, музыки не должно быть ни одной фальшивой ноты, черты. Если в музыке через десять тактов попадается один фальшивый звук — все пропало. У Куприна ничего фальшивого нет.

— Что в искусстве самое главное? Кто знает? — спросил затем Л. Н.

Говорили разное. Софья Андреевна из-за круглого стола, за которым она шила, сказала: — Чувство меры.

— Вот, вот,— сказал Л. Н. — Во всяком искусстве главное чувство меры» (26 сентября 1907 г.).

Совсем иначе записал, т. е. обработал этот разговор, в своем дневнике Н. Н. Гусев: «По окончании чтения Л. Н. сказал: — Во всяком искусстве главное — чувство меры. В живописи после девяти верных штрихов один фальшивый портит все. Достоинство Куприна в том, что ничего лишнего» [71].

Надо оговориться, что не всегда Маковицкому удавалось записать слова Толстого с такой точностью, особенно много затруднений у него было в первые годы. Сам Маковицкий отмечал это. Например, 25 декабря 1904 г. он записал: «Толстой так не говорит, как я записываю. Он выражается кратко, сильно, ни одного лишнего слова; слово соответствует представлению. Никто не говорит так определенно, как он».

Однако не только сравнение записей Маковицкого с записями дневников других лиц, но и свидетельство Н. Н. Гусева подтверждает, что «несмотря на недостаточное знание русского языка, дневник Маковицкого оказался самым лучшим по точности передачи слов и выражений Льва Николаевича».

Существенным преимуществом Записок Маковицкого перед дневниками других лиц является подробная запись почти каждого дня. Так, например, 8 марта 1909 г. в дневнике Гусева отмечено только, что Толстой продиктовал «трогательный ответ» священнику и «по окончании диктования» говорил по поводу стремления священника вернуть Толстого к церкви [72].

В дневнике Маковицкого в этот день: рассказ Толстого про полученное письмо с вопросом о происхождении человека, на которое Толстой ответил [73]. Суждение Толстого о Гоголе, отзыв о «Коляске»; чтение Толстым журнала «Былое»: «очень интересно, очень интересно, просто не оторвешься». Толстой «с волнением и потрясением» рассказал о судебном деле, сообщенном ему Н. В. Давыдовым (о смертной казни мальчиков 17 и 19 лет, «попавшихся в экспроприации»), и разговор в связи с этим.

Еще один день:

19 марта 1909 г. Н. Н. Гусев записал, что «за обедом был разговор о насилии» и одну фразу Толстого в связи с этим [74].

У Маковицкого в этот день: разговор о браке в связи с женитьбой А. Шкарвана; записи о посетителях: крестьянин-калмык с чтением своей пьесы, революционерка и беседа Толстого с ней, его отзыв о ней и разговор в доме, вызванный ее посещением; первое впечатление Толстого о сборнике «Вехи», полученном в этот день; отзыв о произведениях, напечатанных в новом номере журнала «Образование»; разговор с И. И. Горбуновым-Посадовым о продолжении народных изданий в «Посреднике»; о выставке В. Д. Поленова в Петербурге; о землевладении, в связи с записью в этот день в дневнике Толстого о Генри Джордже; разговор об Арцыбашеве.

Неизвестно, читали ли раньше в семье Толстого Записки Маковицкого, но после смерти Толстого Маковицкий просил об этом. Оценки родных утверждают то главное, к чему стремился Маковицкий: точность, правдивость его записей.

«Читала Ваши Записки с большим удовольствием и интересом. Так и слышишь, как говорил Лев Николаевич. Все правдиво, верно и благородно. В одном месте речь Льва Николаевича так мне его напомнила, что я даже заплакала»,— писала Маковицкому С. А. Толстая [75]. Старший сын Толстого, Сергей Львович, писал ему же: «Ваши записки очень ценный материал для биографии моего отца; они особенно интересны в сыром, необработанном виде. Поэтому их в этом виде следовало бы иметь в Толстовском музее» [76]. Эту просьбу Маковицкий выполнил.

Можно по-разному относиться к «Яснополянским запискам» Д. П. Маковицкого. Можно негодовать на его реакционное мировоззрение, невольно в какой-то степени отразившееся на отдельных записях, особенно в 1905 г. Можно упрекать его за излишество маловажных фактов, подчас затрудняющих чтение. Но одно несомненно — это подлинный документ, правдиво, на широком общественном фоне воссоздающий

последние годы жизни Толстого. Маковицкий не обдумывал формы, и дневник его полон жизни.

Только поистине преклонение перед Толстым дало Маковицкому силы и терпение вести от часа к часу свои записи. Пусть не все оказалось одинаково ценным, но он стремился запечатлеть все, чему был свидетелем. Он сделал то, чего никто из окружавших Толстого людей не сделал.

7

Мысль о публикации Записок возникла у Маковицкого и его ближайших друзей еще при жизни Толстого. Вскоре после приезда в Ясную Поляну Маковицкий предлагал А. С. Суворину присылать еженедельно в «Новое время» сведения о том, «что читает и говорит Лев Николаевич о текущих событиях, о жизни» [77]. Ответ А. С. Суворина неизвестен; публикаций таких в его газете не было. Друг Маковицкого Альберт Шкарван, живший тогда в Швейцарии, сообщил Маковицкому в письме от 11 декабря 1907 г. о том, что он начал переводить с словацкого на русский язык первые тетради Дневника (он получал за это гонорар от Маковицкого) и советовал к 80-летию Толстого начать печатание Записок. «И ты не хотел первоначально приступить к публикации своих Записок, как ты мне об этом писал? К примеру, в будущем году по случаю 80-летнего юбилея? — писал А. Шкарван Маковицкому в письме от 26 декабря 1907 г.— Это было бы хорошо. Я не понимаю, что может тебя задерживать в их издании теперь? В таком случае, если бы ты был с этим согласен, я бы их сразу же переводил на немецкий язык» [78]. Шкарван перевел первые тетради, но публикация их не началась.

Находившийся в ссылке в Чердыне (село Корепино) Н. Н. Гусев просил Маковицкого прислать ему Записки. Маковицкий отвечал ему 16 октября 1909 г.: «Я бы тебе послал свои записки. Ты можешь делать из них другие записки для Черткова (вроде бывших твоих) и посылать их ему, мне же мои тетради возвращать (если их и поправишь, проредактируешь, очень буду благодарен, это мне будет заодно и школа писания и русского языка)» [79]. Но с отправкой Записок он медлил, «всё хотел вперед попользоваться ими: написать письмо из Ясной Поляны в словенскую ревю * и дополнить их с лоскутков не переписанных»,— объяснил он причину задержки в письме от 22 апреля 1910 г.[80] В ответном письме от 7 мая 1910 г. Гусев писал: «Кроме того, что они интересны мне самому, мне хотелось бы сделать из них выдержки для Чертковых, чтобы отплатить им хоть чем-нибудь за их необыкновенную заботливость обо мне ⟨...⟩ Разумеется, в выписках для Чертковых я буду очень, очень тщательно сообразоваться с тем, что можно и чего нельзя сообщать людям посторонним». И далее писал: «На каждую тетрадь мне вполне достаточно одной недели, так что через неделю после получения я мог бы отсылать тетрадь обратно» [81].

Просьбой к Гусеву о редактировании Записок Маковицкий выразил свое доверие и к личному секретарю Толстого. Однако сохранившаяся переписка Маковицкого с Гусевым дает основание предположить, что Маковицкий начал посылать Гусеву свои Записки только в 1911 г.

Вскоре после смерти Толстого скончался отец Маковицкого, и он выехал на родину. После похорон Маковицкий вернулся в Ясную Поляну, мотивируя свое возвращение исключительно предстоящей обработкой своих Записок и подготовкой их к печати. Кроме тетрадей, в которые Маковицкий в свое время переписывал первоначальные записи, сохранилось много разрозненных записей на отдельных листках, относящихся к разному времени. Все это предстояло привести в порядок. Зная уже теперь довольно хорошо русский язык, Маковицкий стилистически исправлял свои первые записи, дополнял их записями с отдельных листков, проверял даты по «Ежедневнику» С. А. Толстой. Для проверки достоверности своих записей он посылал их многим посещавшим Толстого лицам с просьбой проверить, точно ли записаны им беседы с Толстым, просил присылать ему записи или публикации бесед и разрешить использовать

* Т. е. в «словацкую ревю». Речь идет о журнале «Slovenské pohl'ady».— *Ред.*

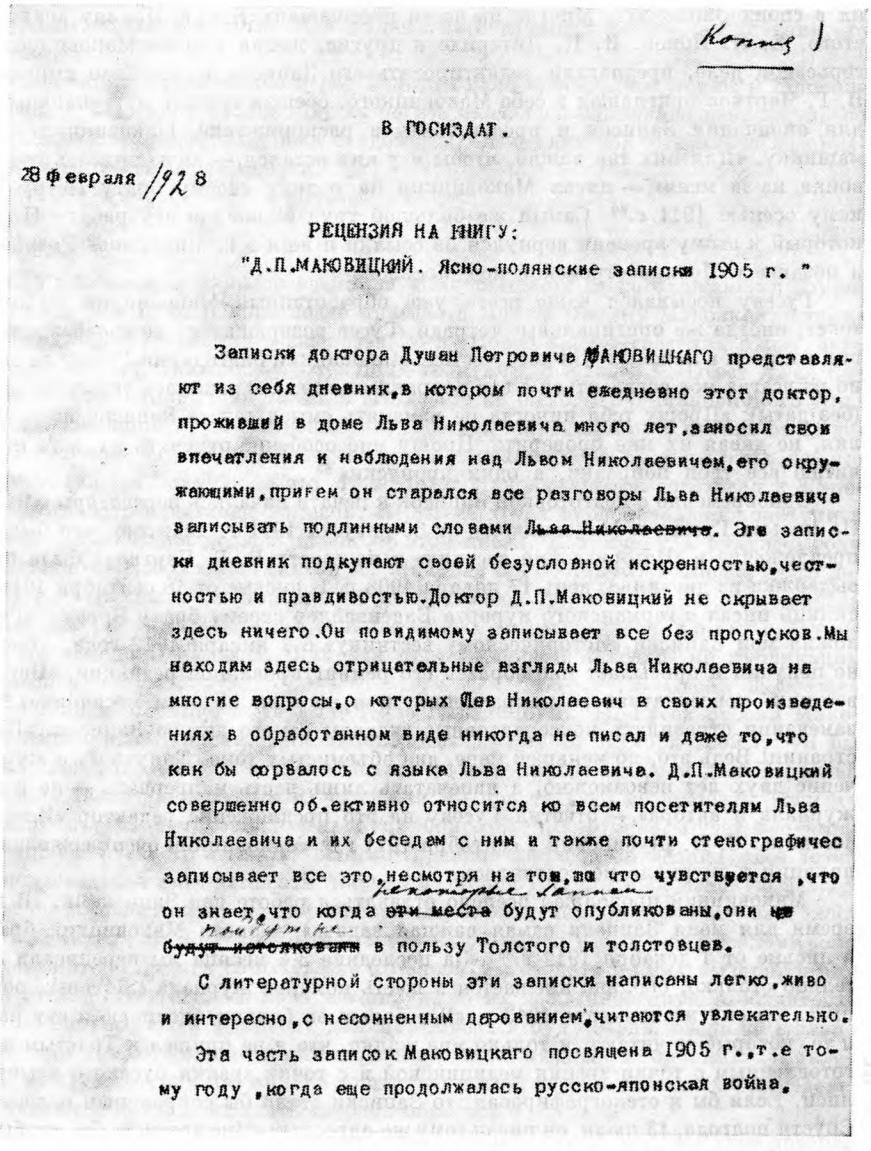
их в своих Записках. Многие из часто посещавших Ясную Поляну знакомых Толстого, Е. И. Попов, И. К. Дитерихс и другие, желая помочь Маковицкому в этом серьезном деле, предлагали редактировать его Записки и частично выполняли это. В. Г. Чертков приглашал к себе Маковицкого, обещая создать материальные условия для окончания Записок и предоставить в распоряжение Маковицкого пишущую машинку. «Для них так важно, чтобы я у них остался,— даже описать не могу. Вся война из-за меня»,— писал Маковицкий на родину своему брату Петру Маковицкому осенью 1911 г.[82] Самый же большой труд вложил в эту работу Н. Н. Гусев, который к этому времени вернулся из ссылки и жил в г. Михайлове Рязанской губ., а позднее в Лосиноостровской под Москвой.

Гусеву посылался чаще всего уже обработанный Маковицким машинописный текст, иногда же оригинальные тетради. Гусев возвращал их со своей правкой и ставил вопросы в неясных для него местах. Маковицкий благодарил Гусева за его работу, но не всегда мог согласиться с его исправлениями. Сохранилась его записка к Гусеву (без даты): «Прошу тебя никогда не изменять смысл текста Записок из-за разномыслия, не давая их мне проверить. Прошу мне особенно отмечать их, а то я иногда не читаю все твои поправки, а одни пропуски»[83].

Одновременно с подготовкой Записок к печати начались переговоры с издателями. Из письма Гусева к Маковицкому от 30 августа 1911 г. известно, что было послано предложение в «Исторический вестник» и по совету В. Г. Черткова была приложена выдержка из дневника: день 17 января 1908 г. В письме от 18 сентября 1911 г. Маковицкий писал с германского курорта Баденвейлер своему брату Петру: «Гусев предложил мои Записки «Историческому вестнику» с 1 января 1912 года, ответа он еще не получил и присылает мне образец его реингтированной редакции. «Исторический вестник» консервативного направления, и я настоял на этом месячнике»[84]. В этом замечании отразились консервативные взгляды самого автора Записок. «Пять тысяч страниц! Ведь это, по меньшей мере, два объемистых тома. Тянуть их в журнале в течение двух лет невозможно, а напечатать лишь часть и прервать — не в интересах журнала и автора»,— ответил Гусеву на это предложение редактор «Исторического вестника» С. Н. Шубинский 1 сентября 1911 г.[85] Маковицкий очень сожалел, что публикация в журнале не состоялась.

Маковицкий продолжал всецело отдаваться работе над Записками. «В настоящее время для меня Записки самая важная задача»,— писал Маковицкий брату Петру в письме от 1 декабря 1912 г.[86] «За последние 3-4 месяца мы переписали приблизительно столько, сколько вмещается в шесть номеров журнала «Slovenské pohl'ady»,— писал он ему же в январе 1913 г. «Все больш ея больше оцениваю я эту работу, как и те, которые ее читают, и только мне жалко, что я не пришел к Толстым лучше подготовленным с точки зрения медицинской и с точки зрения русского языка и скорописи. Если бы я стенографировал, то Записки стали бы сокровищем человечества»[87]. Спустя полгода, 13 июля, он писал тому же адресату: «Мне хотелось бы, чтобы труд мой был как можно более выразительным и совершенным, чтобы в нем было как можно меньше ошибок, чтобы он был написан подлинно по-русски (а не журналистским языком). Настоящие литераторы: секретарь Гете Эккерман работал над своими Записками о нем семь лет, Гусев два года, Булгаков год, но их Записки по сравнению с моими коротки и не настолько пестры по содержанию»[88].

Подготовка издания к печати оказалась настолько сложным делом, что у Маковицкого возникали сомнения, удастся ли ему завершить ее при жизни. 11 февраля 1912 г., сообщая брату Петру, что привлеченный им к редактированию Записок Гусев работает «добросовестно и с большим удовольствием», Маковицкий делал следующие «завещательные распоряжения» в отношении издания: «Если случится так, что я вдруг умру, прошу поручить ему, Гусеву, завершение редактирования Записок. Платить ему за работу с 15 января (января русского) по 50 рублей в месяц. Записки надо издать по-русски и за границей в полном виде у Отты или в «Възраждане» и в «Посреднике» (у Ив. Ив. Горбунова). На русское заграничное издание, на печатание и бумагу отпустить 3000 крон, они окупятся с лихвой. Истинное значение Записок выявится в полном бесцензурном издании. В них содержатся исключительно важные



Коппз 1

В ГОСИЗДАТ.

28 февраля 1928

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

"Д.П.МАКОВИЦКИЙ. Ясно-полянские записки 1905 г."

Записки доктора Душан Петровича МАКОВИЦКАГО представляют из себя дневник, в котором почти ежедневно этот доктор, проживший в доме Льва Николаевича много лет, заносил свои впечатления и наблюдения над Львом Николаевичем, его окружающими, причем он старался все разговоры Льва Николаевича записывать подлинными словами Льва Николаевича. Эти записки дневник подкупают своей безусловной искренностью, честностью и правдивостью. Доктор Д.П.Маковицкий не скрывает здесь ничего. Он повидимому записывает все без пропусков. Мы находим здесь отрицательные взгляды Льва Николаевича на многие вопросы, о которых Лев Николаевич в своих произведениях в обработанном виде никогда не писал и даже то, что как бы сорвалось с языка Льва Николаевича. Д.П.Маковицкий совершенно об.ективно относится ко всем посетителям Льва Николаевича и их беседам с ним и также почти стенографичес записывает все это, несмотря на то, на что чувствуется, что он знает, что когда эти места будут опубликованы, они не будут истолкованы в пользу Толстого и толстовцев.

С литературной стороны эти записки написаны легко, живо и интересно, с несомненным дарованием, читаются увлекательно.

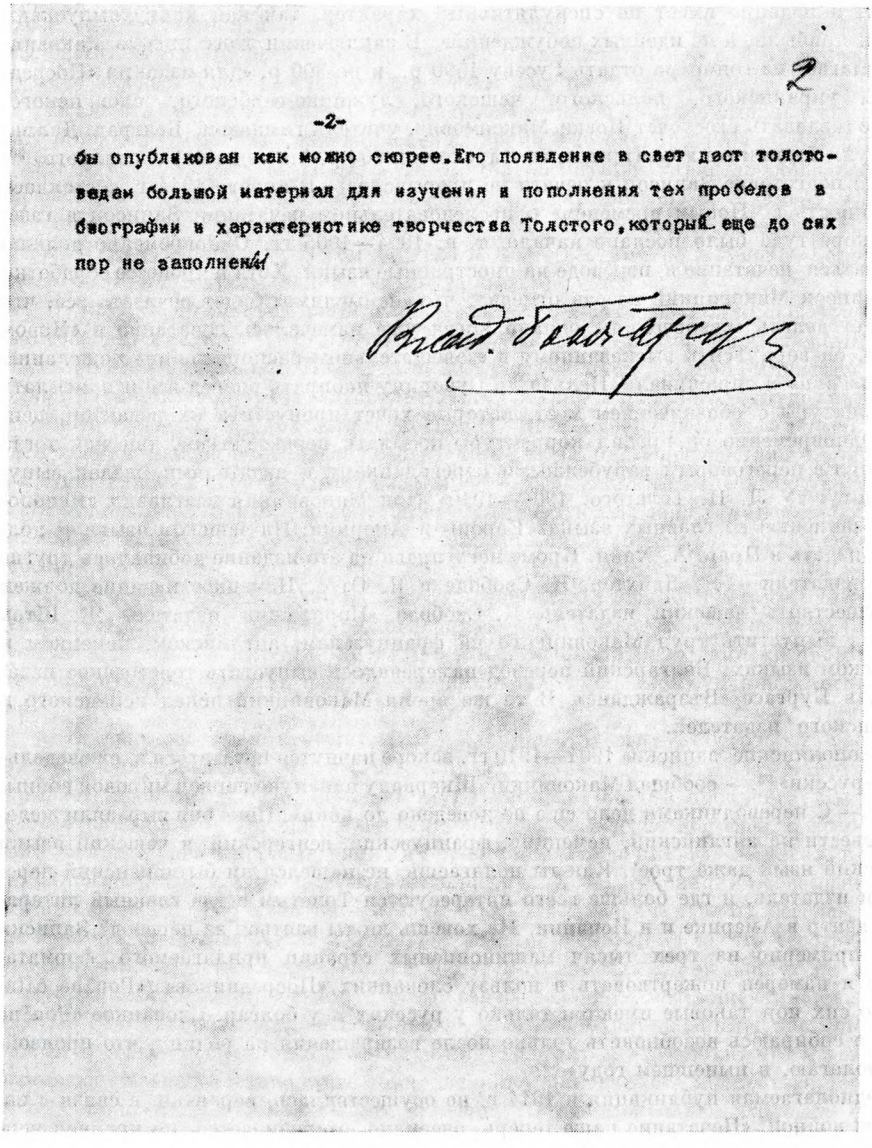
Эта часть записок Маковицкаго посвящена 1905 г., т.е тому году, когда еще продолжалась русско-японская война,

РЕЦЕНЗИЯ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА НА «ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» МАКОВИЦКОГО, ПОДГОТОВЛЯВШИЕСЯ К ПЕЧАТИ ГОСИЗДАТОМ, 1928

Страница первая

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

суждения Л. Н. о царях, о государственных и общественных деятелях, исторических событиях. В дневниках и письмах Л. Н. они не повторяются». Далее Маковицкий выражает уверенность, что Гусев в Записках не допустит или допустит только в самой незначительной степени изменения или умолчания некоторых резких суждений Л. Н., которые «допустили бы почтенный и добрый Горбунов (все еще либерал), Чертков, милый Е. И. Попов (который тоже редактировал часть Записок)». «Завещательные распоряжения» заключаются словами: «За немецкий, английский и французский переводы можно выручить тоже немало денег. Вообще Записки кажутся мне намного лучше, чем я сам ожидал» [89].



-2-

бы опубликован как можно скорее. Его появление в свет даст толстоведам большой материал для изучения и пополнения тех пробелов в биографии и характеристике творчества Толстого, которые еще до сих пор не заполнены.

РЕЦЕНЗИЯ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА НА «ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ» МАКОВИЦКОГО, ПОДГОТОВЛЯВШИЕСЯ К ПЕЧАТИ ГОСИЗДАТОМ. 1928

Страница последняя с автографической подписью В. Д. Бонч-Бруевича
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Еще более конкретно Маковицкий повторяет эти пожелания и указания в письме к брату от 16/29 сентября 1913 г.: «Если случится так, что я не закончу работу, прошу тебя передать Записки Гусеву, пусть он завершит редактирование и публикацию их. А если умрет Гусев, то Федору Алексеевичу Страхову (с ним я об этом не говорил, но он согласится), редактору Свода мыслей Толстого у Черткова. Напечатать сначала в журнале (ежемесячнике), а потом отдельной книгой у Ив. Ив. Горбунова (в «Посреднике»), журнал «Исторический вестник» (консервативный) давал два года назад по 75 р. за печатный лист; печатных же листов у меня сто (и даже больше ста). Горбунову же предоставить по цене, которую он сам назначит, даже даром. «Посредник» увяз

в долгах, и издание имеет не спекулятивный характер, так как книгу выпускают не во имя прибыли, а из идейных побуждений». В заключении этого письма Маковицкий предлагает из гонорара отдать Гусеву 1500 р., и по 300 р. «для издания «Посредников»... украинского, польского, чешского, лужицко-сербского, словенского, сербского (издавать его хочет Иован Максимович, учитель гимназии, Белград, Далматинская ул., 7), или же хорватского, болгарского и 600 р. ⟨на издание⟩ словацкого» [90]. Работа по подготовке Записок к печати не прерывалась. В апреле 1914 г. состоялась договоренность с «Новым временем» о последовательном печатании Записок в газете [91]. Вскоре туда было послано начало, т. е. 1904—1905 гг. Одновременно должно было начаться печатание в переводе на иностранные языки. Хотя в процессе обработки своих Записок Маковицкий не раз отмечал, что «немыслимо» будет печатать все, что надо будет делать «извлечения», однако, когда уже намечалось печатание в «Новом времени», он вернулся к высказанному в «завещательном распоряжении» пожеланию *полного издания* и спрашивал: «Нельзя ли Суворину набирать вперед всё и присылать мне корректуры с обозначением мест, которые хочет пропустить их редактор, цензор»[92]. Одновременно он просил корректуры посылать переводчикам, так как тогда же вступил в переговоры с зарубежными переводчиками и издателями, желая выпустить книгу: «У Л. Н. Толстого. 1904—1910» (так Маковицкий озаглавил «Яснополянские записки») на главных языках Европы и Америки. На чешском языке ее должен был издать в Праге А. Хайн. Кроме него права на это издание добивались другие чешские издатели — Я. Лайхтер, К. Свобода и Я. Отто. Немецкое издание должен был осуществить чешский издатель К. Свобода. Парижский издатель Ж. Шток собирался выпустить труд Маковицкого на французском, английском, немецком и итальянском языках. Болгарский перевод намеревалось выпустить толстовское издательство в Бургасе «Възраждане». В то же время Маковицкий искал испанского и американского издателей.

«Яснополянские записки» 1904—1910 гг. вскоре начнутся печататься в еженедельнике по-русски» [93],— сообщал Маковицкий Шкарвану накануне первой мировой войны, в 1914 г.— С переводчиками дело еще не доведено до конца. Пока они выразили желание перевести на английский, немецкий, французский, венгерский и чешский языки (на чешский язык даже трое). Как ты полагаешь, не нашелся ли бы испанский переводчик и издатель, и где больше всего интересуются Толстым и где главный литературный центр в Америке и в Испании. Не хочешь ли ты взяться за перевод? Записки состоят примерно из трех тысяч машинописных страниц прилагаемого формата. Гонорар я намерен пожертвовать в пользу словацких «Посредников» («Poučné čítanie»). До сих пор таковые имеются только у русских и у болгар. Словацкое «Poučné čítanie» я собираюсь возобновить только после возвращения на родину, что произойдет, я полагаю, в нынешнем году» [94].

Предполагаемая публикация в 1914 г. не осуществилась, вероятно, в связи с начавшейся войной. «Печатание наше теперь, очевидно, отсрочивается, по крайней мере на несколько месяцев»,— писал Маковицкому Гусев 7 августа 1914 г. Однако и Маковицкий и Гусев продолжали работать. «Записки понемногу двигаются, хотя летом задерживала работа, а последний месяц не всегда хватало спокойствия для занятий. Теперь я дошел до 4 августа 1909 г., как раз дня моей ссылки»,— писал Гусев Маковицкому 24 ноября 1917 г.[95] Тогда же возобновились попытки публикации. Прежде всего Маковицкий и Гусев старались получить из редакции «Нового времени» рукопись начала Записок, посланную туда в 1914 г., что, по-видимому, не удалось. Вплоть до июня 1920 г. Маковицкого тревожила судьба этого экземпляра. В письме от 26 декабря 1918 г. Гусев сообщил Маковицкому, что В. Г. Чертков выразил желание печатать Записки, «разумеется, без всяких сокращений и изменений с его стороны», что народный комиссар просвещения А. В. Луначарский заключил с Чертковым условие о печатании, и далее Гусев спрашивал, согласен ли Маковицкий дать свои записи первого года Черткову [96]. Печатание должно было осуществляться «Обществом истинной свободы в память Л. Н. Толстого в Москве». Но и на этот раз публикация не состоялась.

В конце 1919 или начале 1920 г. возникла мысль о печатании Записок в издательстве «Задруга». Маковицкий в это время после болезни собирался уезжать на родину.

Узнав об этом, Гусев просил его «поместить» Записки у него на хранение. «Если же,— писал он,— оставишь в Ясной Поляне, то устрой так, чтобы можно было в случае надобности взять это мне» [97]. Перед отъездом Маковицкий передал их в Толстовский музей в Москве. Увидеть свой труд в печати ему не пришлось.

После его смерти в издательстве «Задруга» в 1922 и 1923 гг. вышли в двух небольших книжках «Яснополянские записки» за время с 26 октября 1904 до 9 марта 1905 г. в литературной обработке Н. Н. Гусева. Далеко идущий характер обработки текста отразился в надписи на одной из этих книжек, подаренной В. А. Жданову: «Дорогому Владимиру Александровичу Жданову от почти что автора этой книги. Н. Гусев. 31 окт. 1923 г. Москва» [98]. В том же 1923 г. в третьем номере журнала «Голос минувшего» были напечатаны записи за 2—24 октября 1905 г.

В 1928 г. была предпринята попытка продолжить печатание «Яснополянских записок» в Госиздате. Мы не располагаем сколько-нибудь определенными сведениями об этом начинании. Известно лишь, что рукопись предполагавшегося издания (один выпуск) была набрана. По свидетельству старшего научного сотрудника Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве А. И. Шифмана, в архиве Гусева находились гранки набора этого неосуществленного издания. Впоследствии по их тексту в «Яснополянских сборниках» за 1955, 1958 и 1960 гг. были напечатаны небольшими частями дневниковые записи, непосредственно следующие за опубликованными в двух книжках издательства «Задруга», т. е. с 10 марта по 29 апреля 1905 г. Все тексты в обработке Гусева.

К несостоявшемуся изданию 1928 г. относится впервые публикуемая здесь рецензия В. Д. Бонч-Бруевича на посланную ему Госиздатом рукопись, подготовленную к печати: Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки 1905 г. Отзыв этот представляет интерес общей, принципиальной оценкой «Яснополянских записок».

«Эти записки-дневник,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич,— подкупают своей безусловной искренностью, честностью и правдивостью. Доктор Д. П. Маковицкий не скрывает здесь ничего. Он, по-видимому, записывает все без пропусков. Мы находим здесь отрицательные взгляды Льва Николаевича на многие вопросы, о которых Лев Николаевич в своих произведениях в обработанном виде никогда не писал, и даже то, что как бы сорвалось с языка Льва Николаевича. Д. П. Маковицкий совершенно объективно относится ко всем посетителям Льва Николаевича и к их беседам с ним и также почти стенографически записывает все это, несмотря на то, что чувствуется, что он знает, что, когда некоторые записи будут опубликованы, они пойдут не в пользу Толстого и толстовцев(...). Все это вместе взятое делает эту часть дневника, как и другие уже опубликованные и, к сожалению, еще не опубликованные, настолько интересным и важным вкладом в дело изучения Толстого и его эпохи, что я всецело высказываюсь за напечатание этого тома дневника Маковицкого полностью, без малейших сокращений, в самом скором времени. Кстати прибавлю, что было бы очень желательно, чтобы дневник Д. П. Маковицкого и в остальных своих частях, еще ныне неопубликованных, был бы опубликован как можно скорее. Его появление в свет даст толстоведам большой материал для изучения и пополнения тех пробелов в биографии и характеристике творчества Толстого, которые еще до сих пор не заполнены» [99].

Этими словами соратника В. И. Ленина, выдающегося государственного и литературного деятеля В. Д. Бонч-Бруевича мы и окончим изложение предыстории осуществляемой, наконец, в настоящем издании публикации «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Воспоминания о Толстом учтены далеко не полностью, ввиду того, что в толстовской библиографии до советского периода имеются чрезвычайно серьезные пробелы. Полная библиография имеется только за годы 1845—1870: это первый том «Биобиблиографии», составленный В. С. Спиридоновым (М.— Л., «Academia», 1933). В первой печатной библиографии, составленной Ю. Ю. Битовтом (М., 1903), охватывающей период 1852—1903 гг., немало пропусков. После 1903 г. имеются лишь частичные списки за 1908, 1912 и 1913 гг. Ретроспективная библиография за 1871—1917 гг.— насущ-

ная задача толстоведения. За пореволюционный период имеется полная библиография.

[2] М. Майков. У Л. Н. Толстого в голодный 1891—92 год («Биржевые ведомости», 1903, № 233, 28 августа).

[3] Дневник, 25 августа 1909 г. (т. 57, с. 124).

[4] См. запись Д. П. Маковицкого от 3 сентября 1908 г.

[5] М. Горький. Собр. соч., т. 14. М., 1951, с. 281.

[6] «Встречи с Л. Н. Толстым». Из дневника А. В. Жиркевича. *ЛН*, т. 37—38, с. 417—442. Беседа с Толстым о суде и наказании в 1890 г. опубликована в книге А. В. Жиркевича «Пасынки военной службы». Вильно, 1912.

[7] «Толстой в последнее десятилетие своей жизни». По записям в дневнике М. С. Сухотина.— *ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 141—236.

[8] Слова Л. Н. Толстого, записанные В. Г. Чертковым (1907—1910).— «Ежемесячный журнал», 1916, №№ 1—3, 5; «Толстой о литературе и искусстве». Записи В. Г. Черткова и П. А. Сергеенко (*ЛН*, т. 37—38, с. 524—565).

[9] Дневники Софьи Андреевны Толстой (в четырех частях). Под ред. С. Л. Толстого. Примечания С. Л. Толстого и Г. А. Волкова. Предисловие М. А. Цявловского (к 1-й и 2-й частям) и С. Л. Толстого (к 3-й и 4-й частям). М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1928—1936. Цитаты приведены из предисловия М. А. Цявловского, ч. 1, с. VII, ч. 2, с. V.

[10] «Мои записи разные для справок» опубликованы в ч. 1 «Дневников» С. А. Толстой (упом. изд.). «Ежедневники» за 1905—1919 гг. опубликованы в т. 2 «Дневников» С. А. Толстой (М., 1978).

[11] Отрывки из дневника Т. Л. Сухотиной опубликованы в «Биографии Толстого, составленной П. И. Бирюковым», т. III. Берлин, 1921 (о ее работе с Толстым на голоде, октябрь-ноябрь 1891 г.); в сб. «Толстой. Памятники творчества и жизни», 3. М., 1923, с. 64—79 (о встрече ее с К. П. Победоносцевым по делу молокан 4 февраля 1898 г.); в ст. В. А. Жданова «Старшая дочь Толстого» запись о встрече с М. И. Калининым в 1919 г. в Ясной Поляне (сб. «Л. Н. Толстой. Статьи и материалы», VII. Горький, 1970, с. 150); в «Неделе», 1972, № 25 — несколько отрывков за разные годы опубликованы Т. Н. Волковой из подготовляемого ею полного издания дневника. Выписки, относящиеся непосредственно к Толстому, копии которых хранятся в архиве Гусева, опубл. А. И. Шифманом в «Новом мире», 1973, № 12, с. 170—202.

Весь дневник до записи 9 ноября 1919 г. издан в переводе на англ. и франц. языки (The Tolstoy home Diaries of Tatiana Sukhotin Tolstoy». Transl. by Aleg Brown. N. Y., Columb. Univ. press, 1951; Tatiana Tolstoi. Journal. Trad. de russe par Banine. Préface d'André Mourois. Paris. 1953).

[12] Письмо Н. Л. Оболенского к П. И. Бирюкову от 5 июня 1912 г. (*ГМТ*).

[13] «Толстой в 1880-е годы». Записки И. М. Ивакина. Вступительная статья С. Л. Толстого (*ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 21—124).

[14] Дневник В. Ф. Лазурского (*ЛН*, т. 37-38, с. 443—503).

[15] В. А. Жданов. Старшая дочь Льва Толстого.— «Ученые записки Горьковского ун-та», вып. 102. «Л. Н. Толстой. VII». Горький, 1970, с. 153.

[16] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. т. I. М., 1922; т. II. М., 1923. Первый том переиздан. Гослитиздат, 1959. После 1910 г. Гольденвейзер приехал в Ясную Поляну через 25 лет, это было 21 ноября 1935 г., когда Союзом писателей СССР была организована поездка в связи с 25-летием со дня смерти Толстого. Войдя в зал, где он так часто и много играл Толстому, Гольденвейзер, облокотясь на рояль и закрыв лицо руками, зарыдал. Я была свидетелем этой волнующей сцены, и мне захотелось напомнить ее.

[17] Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., изд. «Посредник», 1912. Отдельные записи, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны, вышли отдельной книжкой под заглавием: Н. Н. Гусев. Лев Толстой против государства и церкви. Не напечатанные в России места из записок бывшего секретаря Л. Н. Толстого «Два года с Л. Н. Толстым». Berlin, J. Ladyschnikow-Verlag ‹1913›, 96 с. Второе издание дневника (М., изд. Толстовского музея, 1928) содержит записи только за время с 27 сентября 1907 г. до 26 июля 1908 г. Последнее издание (М., 1974) охватывает весь период 1907—1909 гг., но с сокращениями.

[18] В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., изд. т-ва И. Д. Сытина, 1911 г.; 2-е изд.— 1918 г.; 3-е — 1920 г. Последнее издание, значительно дополненное, — М., Гослитиздат, 1960.

[19] Дневник А. Л. Толстой и ее занисная книжка не опубликованы (*ГМТ*).

[20] Дневник В. М. Феокритовой не опубликован (*ГМТ*).

[21] См. выше статью С. Колафы «Д. П. Маковицкий. Биографический очерк», с. 34 и сл. наст. тома.

[22] Записка Д. П. Маковицкого на отдельном листке, вероятно, предназначавшаяся для предисловия к дневнику (*ГМТ*).

[23] С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956, с. 265.

[24] Из показаний С. Л. Толстого в 1916 г. на процессе «толстовцев», подписавших воззвание против войны (*ГМТ*).

[25] См. сообщение С. Колафы «Пражский архив Д. П. Маковицкого». *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 603, и его статью в настоящем томе, с. 45.

[26] Д. П. Маковицкий. «Яснополянские записки». Вып. 1. М., «Задруга», 1922, с. 16—17. См. в настоящем томе с. 89.

[27] Подобным же образом вел свои записи А. Б. Гольденвейзер. См. его предисловие к указанному изданию.

[28] С. М. Белинький. Воспоминания о Д. П. Маковицком. Рукопись (*ГМТ*).

[29] Сообщила Т. Н. Волкова со слов С. А. Стахович.

[30] Письмо А. Шкарвана Маковицкому из Ланси (Швейцария) от 11 декабря 1907 г., подл. по-словацки (*ГМТ*).

[31] Письмо Маковицкому без даты (*ГМТ*).

[32] Указ. воспоминания С. М. Белинького (*ГМТ*).

[33] Письмо А. К. Чертковой к Н. Н. Гусеву и Маковицкому от 18 сентября 1913 г. К письму приложены выписки из дневника Маковицкого, вызвавшие недовольство А. К. Чертковой (*ГМТ*).

[34] М. П. Новиков. Письма крестьянина («Международный толстовский альманах о Толстом». 2-е изд. М., 1909, с. 227—228).

[35] Дневник, 29 июля 1904 г. (т. 55, с. 70).

[36] Письма С. А. Толстой к Т. Л. Сухотиной от 31 января 1904 г. и 4 февраля 1905 г. (*ГМТ*).

[37] Дневник, 31 декабря 1904 г. (т. 55, с. 111).

[38] Письмо В. Г. Черткова от 10 ноября 1905 г. (т. 89, с. 28).

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 193.

[40] Письмо к В. В. Стасову от 18 октября 1905 г. (т. 76, с. 45).

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 77.

[42] Л. Н. Толстой. (По поводу приезда сына Генри Джорджа) — т. 38, с. 71; «Сон», черновая редакция — т. 38, с. 368, 451.

[43] Т. 77, с. 17.

[44] См. т. 36, с. 228.

[45] Т. 37, с. 85, 91, 92.

[46] «Война и мир», т. II, ч. 3, гл. 1.

[47] «Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XXI и т. II, ч. 1, гл. 1.

[48] См. т. 6, с. 257, 258, 259, 153—175.

[49] См. т. 48, с. 85.

[50] В дневнике Н. Н. Гусева «Два года с Л. Н. Толстым» (М., 1912) этой записи нет.

[51] Дневник, 1 января 1908 г. (т. 56, с. 90).

[52] Запись на отдельном листке без даты.

[53] Толстой имел в виду книгу Джемса Босуэлла: Boswell. The Life of Samuel Johnson.

[54] Письмо Толстого к Т. Вейхеру от 27 мая — 19 июня 1909 г. (т. 79, с. 207).

[55] Письмо Толстого к П. И. Бирюкову от 13 апреля 1897 г. (т. 70, с. 68).

[56] Запись на отдельном листке (*ГМТ*, Архив Н. Н. Гусева).

[57] Дневник, 9 сентября 1909 г. (т. 57, с. 136).

[58] Дневник, 11 сентября 1910 г. (т. 58, с. 102); свидетельские показания А. Л. Толстой на процессе «толстовцев» 1916 г. (*ГМТ*, архив Н. К. Муравьева).

[59] В статье С. Богоявленского, опубликованной в «Молодом коммунаре» (Воронеж, 12 апреля 1967 г.), ошибочно указано, будто большая часть «бесценных воспоминаний» Маковицкого, «хранившаяся в подвале его родного дома (...), бесследно исчезла». Обнаруженные теперь последние тетради, по-видимому, завершают полностью сохранившиеся «Яснополянские записки».

[60] Письмо к А. Л. Толстой от 29 октября 1910 г. (т. 82, с. 218).

[61] А. Л. Толстая. Об уходе и смерти Л. Н. Толстого («Толстой. Памятники творчества и жизни», 4. М., 1923, с. 131—184); В. Г. Чертков. О последних днях Л. Н. Толстого. М., 1911; Т. Л. Сухотина-Толстая. Воспоминания (*ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 244—286); С. Л. Толстой. 1910 год. О последних месяцах и днях Л. Н. Толстого (в его кн.: «Очерки былого». Тула, 1965, с. 235—288).

[62] Письмо В. Г. Черткову от 29 октября 1910 г. (т. 89, с. 233).

[63] Т. 58, с. 125.

[64] Т. 82, с. 223.

[65] Указ. воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой, с. 283, и письмо ее к М. С. Сухотину от ноября 1910 г., опубл. в кн. С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1965, с. 272—273.

[66] «Смерть Толстого по новым материалам». М., 1929, с. 22.

[67] Листок из записной книжки В. Г. Черткова (*ГМТ*).

[68] С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1965, с. 276—277.

[69] *ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 244.

[70] Письмо С. Л. Толстого к Т. Л. Сухотиной-Толстой от 26 июля — 6 августа 1935 г. (*ГМТ*).

[71] Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912, с. 32.

[72] Там же, с. 257.

[73] Письмо В. И. Виткевичу от 9 марта 1909 г. (т. 79, с. 105).
[74] Н. Н. Г у с е в. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912, с. 264.
[75] Письмо С. А. Толстой к Маковицкому от 14 октября 1912 г. (*ГМТ*).
[76] Письмо С. Л. Толстого к Маковицкому от 14 июня 1912 г. (*ГМТ*).
[77] С. К о л а ф а. Материалы о Толстом в Чехословакии (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 606).
[78] Бумаги Маковицкого в собрании его племянника Душана Маковицкого в Братиславе. (*ADM*).
[79] *ГМТ*, ф. Н. Н. Гусева.
[80] Там же.
[81] Там же.
[82] *ADM*.
[83] *ГМТ*, ф. Н. Н. Гусева.
[84] Literárny archív Matice slovenskej в г. Мартин, ф. Маковицкого (*LAMS*).
[85] *ГМТ*, ф. Н. Н. Гусева.
[86] *LAMS*.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же.
[90] *ADM*.
[91] Об этом сообщил Гусеву А. М. Хирьяков в письме от 15 апреля 1914 г. (*ГМТ*).
[92] Черновик записки Маковицкого (без даты), адресованной, возможно, Н. Н. Гусеву (*ГМТ*).
[93] Маковицкий имел в виду «Иллюстрированное приложение к «Новому времени».
[94] *LAMS*, ф. А. Шкарвана.
[95] *ГМТ*, ф. Маковицкого.
[96] Там же.
[97] Там же.
[98] Экземпляр находится в архиве В. А. Жданова.
[99] *ЛБ*, ф. 363, к. 57, ед. хр. 31, л. 1. Документ сообщил и подготовил к печати С. Колафа.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА. ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

ЭДИЦИОННО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА*

Цель настоящего издания — опубликовать критически установленный и комментированный (статьи, примечания, указатели) текст яснополянского дневника Маковицкого за весь период его жизни у Толстого, с 26 октября 1904 г. по 7 ноября 1910 г., т. е. по день смерти писателя.

Авторское название дневника — «У Толстого. 1904—1910». Однако в толстоведческой литературе укрепилось другое его название — «Яснополянские записки». Под этим названием начиная с 1920-х годов публиковались некоторые небольшие части дневника (в литературной обработке Н. Н. Гусева). Вследствие данного обстоятельства в настоящем издании сохраняются оба заглавия. Первые два года, с конца 1904 г. до последних месяцев 1906 г., Маковицкий вел дневник на словацком языке, за исключением, однако, передачи речи Толстого. Его слова записывались по-русски, но словацким письмом (графикой). Перейдя с конца 1906 г. на русский язык и письмо, Маковицкий лишь изредка прибегал — единичные выражения и слова — к помощи родного словацкого языка. Эти языковые пласты и инкрустации были сняты на последующих этапах работы их переводом на русский самим Маковицким и его другом А. Шкарваном (см. ниже п. 5 и 6).

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

1. Б и л е т и к и.— Первоначальные записи «стенографического» характера на листках плотной бумаги, находившихся в кармане Маковицкого (см. в наст. кн. ст. Э. Е. Зайденшнур, с. 44). Известно местонахождение около 800 билетиков. Из них 293, с записями разных лет, хранятся в *ГМТ* (вложены в тетради, см. ниже); остальные 500 с записями преимущественно 1910 г.— в *PNP*.

Несмотря на принципиальную текстологическую важность билетиков, содержащих первичные записи, их приходится считать условными источниками текста. Практически они недоступны прочтению; их мог разбирать только сам Маковицкий.

2. Л и с т ы.— Поздно вечером Маковицкий принимался за дешифровку своей скорописи на билетиках и за перенос записей уже в несколько обработанном виде на листы большого формата. Известно лишь 450 л., с записями 1905, 1907, 1909 и 1910 гг.— *PNP*.

3. Т е т р а д и о р и г и н а л ь н о г о т е к с т а.— После того как накапливалось определенное количество листов, Маковицкий еще раз переписывал находящиеся в них тексты, шлифуя их, в тетради (обычного «школьного» формата). Сохранились 72 тетради оригинального текста (4957 л., исписанных большей частью с двух сторон). Из них: 8 тетрадей (794 л.) с записями 19 сентября 1904 — 20 марта 1905 г.; 8 ноября — 1 декабря 1905 г.; 21 ноября — 31 декабря 1909 г.; 18 апреля — 1 июля и 13 сентября — 26 октября 1910 г. — *PNP*; 58 тетрадей (3959 л.) с записями 21 марта — 7 ноября 1905 г.; 28 декабря 1905 г.— 20 ноября 1909 г.; 12 января — 18 апреля и 3 июня — 14 сентября 1910 г.— *ГМТ*.

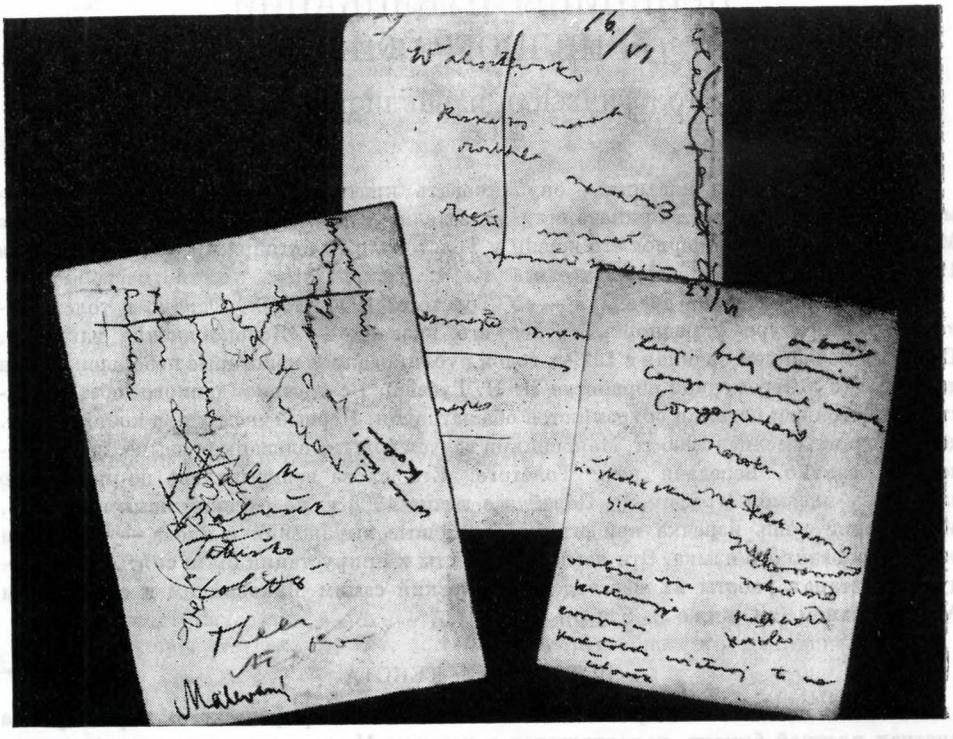
6 тетрадей (204 л.) с записями 28 октября — 7 ноября 1910 г.— *ADM* (ксерокопии — *ГМТ*).

Примечание. Текст трех тетрадей с записями 21 сентября 1907 г.— 30 марта 1908 г. правлен Н. Н. Гусевым.

4. Р а з р о з н е н н ы е л и с т к и с отдельными записями, предназначенными для доработки основного текста,— *ГМТ*.

---

* Условные сокращения, использованные в наст. справке:
ГМТ — Рукописное отделение Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).
PNP — Фонд Д. П. Маковицкого в Музее Památník národního písemnictví (Прага).
ADM — Бумаги Д. П. Маковицкого в собрании его племянника, также Душана Маковицкого (Братислава).



БИЛЕТИКИ С ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМИ ЗАПИСЯМИ МАКОВИЦКОГО

Монтаж

Тетради переводного текста А. Шкарвана (автограф). Выполненные А. Шкарваном в 1907 г. переводы со словацкого на русский записей за 27 октября 1904 — 24 марта 1905 г.: 8 тетрадей (482 л.).— *ГМТ*.

Примечание. Текст с правкой Маковицкого и Н. Н. Гусева.

6. Тетради переводного текста Маковицкого (автограф). Выполненный Маковицким в 1912 г. автоперевод со словацкого на русский записей за 4—18 октября и 8 ноября — 1 декабря 1905 г. и копии его же рукой («переписанные начисто», как помечено Маковицким) записей за 28 декабря 1905 г.— 9 мая 1906 г., 14 января — 14 февраля и 21 сентября — 20 декабря 1909 г.: 10 тетрадей (82 л.).— *ГМТ*.

Примечание. Текст с правкой Н. Н. Гусева.

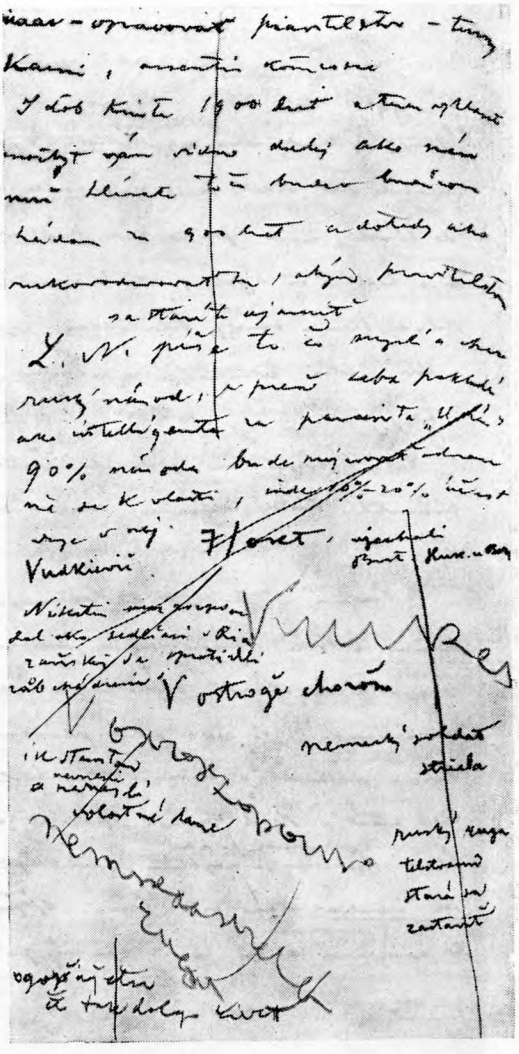
7. Тетради со списками (копиями) текста рукой неизвестного (Казимира?) за 21 ноября — 31 декабря 1909 г.: 6 тетрадей (115 л.).— *ГМТ*.

8. Машинопись I (диктант Маковицкого). Тексты записей за 27 октября 1904 г.— 27 октября 1910 г., продиктованные Маковицким в 1912—1914 гг. С. М. Белинькому, О. В. Завалиевской и частично В. М. Феокритовой, осуществлявшим перепечатку на «ремингтоне». Диктовались тексты тетрадей, указанных в пункте 3 (кроме 6 тетрадей с записями за 28 октября — 7 ноября 1910 г.), 5 и 6. Всего 6346 л. — почти все в *ГМТ*; в *PNP* хранится машинопись, сделанная лишь с двух тетрадей с записями за 18 апреля — 1 июня 1910 г. (60 с.) и об уходе Толстого из Ясной Поляны (70 л.).

Примечание. В процессе диктовки Маковицкий, с одной стороны, вносил в текст тетрадей ряд исправлений и дополнений, а с другой, исключал некоторые записи, главным образом такие, которые содержали отрицательные характеристики здравствовавших в то время лиц. Весь текст сверен Маковицким после машинки, т. е. авторизован.

ЛИСТ С ПЕРВИЧНОЙ РАСШИФРОВКОЙ МАКОВИЦКИМ ЗАПИСЕЙ, СДЕЛАННЫХ НА БИЛЕТИКАХ

Записи 1905 г. на словацком языке



9. Машинопись II (литературная обработка Н. Н. Гусева).— Текст записей за октябрь 1904 — март 1910 г., отредактированный и литературно обработанный Н. Н. Гусевым.— *ГМТ.*

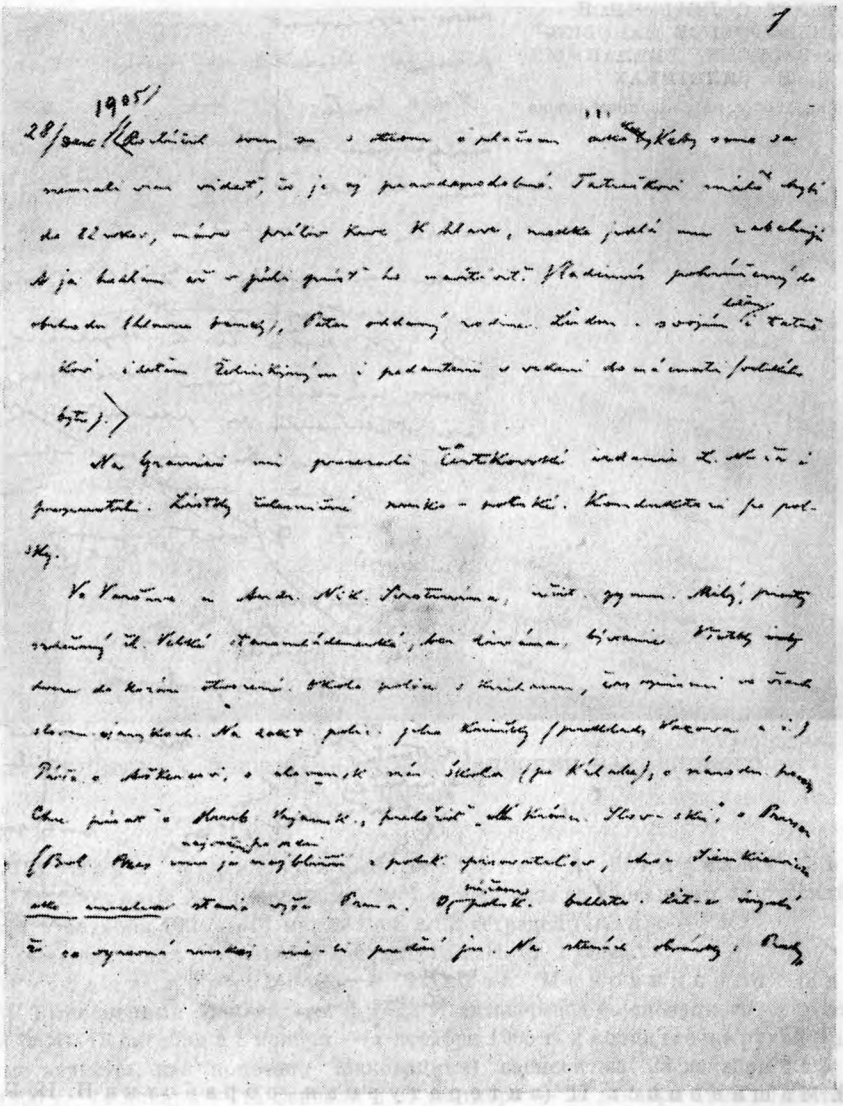
Примечание. В тексте ряд дополнений и изменений, внесенных рукой Маковицкого.

10. Машинопись III (перевод С. Н. Газовой).— Перевод со словацкого на русский записей за 10 февраля — 20 марта 1905 г. и за 21 ноября — 31 декабря 1909 г. Перевод и копии были сделаны С. Н. Газовой (женой Р. Я. Якобсона) в Праге в середине 1920-х годов с подлинников *PNP* по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича.— *ЦГАЛИ.*

11. Д. П. Маковицкий. «Яснополянские записки», выпуск первый, Москва, 1922. Экземпляр с поправками и добавлениями Н. Н. Гусева, сделанными, вероятно, в связи с предполагавшимся вторым изданием Записок. Исправления на с. 1—39.— *ГМТ.*

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ

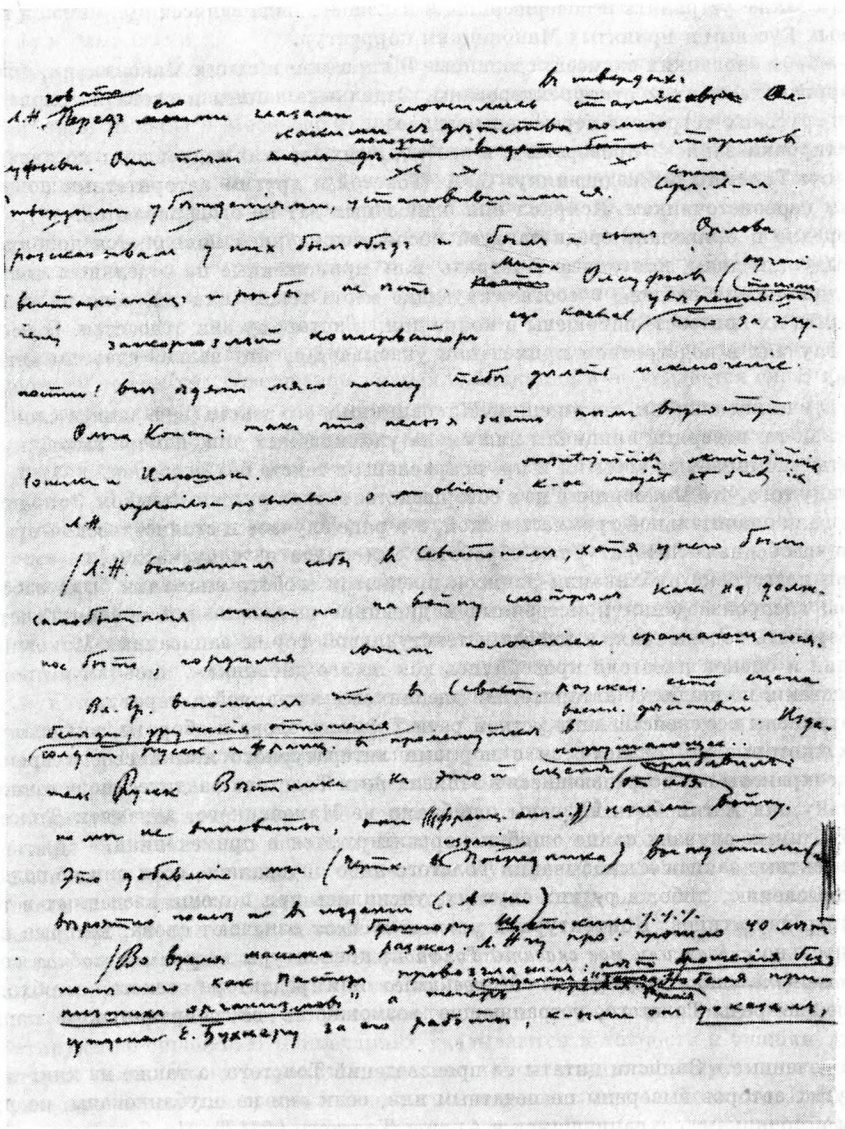
В качестве *основного текста* публикации принята *последняя авторская редакция Записок — машинопись I* (см. п. 8), а не литературная обработка их, осуществленная Н. Н. Гусевым (см. п. 9). К такому решению, отвечающему требованиям научной тек-



СТРАНИЦА ТЕТРАДИ МАКОВИЦКОГО С ОБРАБОТАННЫМИ И ОТРЕДАКТИРОВАННЫМИ ЗАПИСЯМИ, ПЕРЕНЕСЕННЫМИ С ЛИСТКОВ

Запись на словацком языке

стологии, пришел и сам Н. Н. Гусев, который должен был принять участие в подготовке настоящего издания. Незадолго до своей смерти он писал в редакцию «Литературного наследства» (С. А. Макашину): «Решение ваше о печатании «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого глубоко порадовало меня. То, что не удалось сделать ни самому Д. П., ни мне, сделает теперь «Литературное наследство». Когда я освобожусь немного, мы продолжим разговор о моем участии в этом столь дорогом для меня деле. Но уже сейчас могу ответить на главнейший из ваших вопросов. Я пришел к *окончательному выводу*, что Записки необходимо печатать не по тексту моей литературной обработки их, а по тексту Маковицкого, им самим продиктованному с оригиналов в 1912—1913 гг. переписчику В. Г. Черткова — С. М. Белинькому...» (Аналогичного содержания письмо Н. Н. Гусева с датой 7 января 1967 г. получил Э. Г. Бабаев, тогдашний зам. директора по научной части Гос. музея Л. Н. Толстого).



СТРАНИЦА ТЕТРАДИ МАКОВИЦКОГО С ОБРАБОТАННЫМИ И ОТРЕДАКТИРОВАННЫМИ ЗАПИСЯМИ, ПЕРЕНЕСЕННЫМИ С ЛИСТОВ

Запись на русском языке

Однако положенная в основу публикации авторская редакция, над которой Маковицкий продолжал работать все годы после смерти Толстого, вплоть до возвращения на родину в 1920 г., не могла быть воспроизведена in extenso. Подготовка текста к печати потребовала сложных работ по критическому его установлению.

Главные из этих работ:

Весь текст Записок сверен с *тетрадями оригинального текста*, что дало возможность устранить не замеченные самим Маковицким ошибки его диктанта, переписки и последующей сверки.

Весь текст Записок был далее сверен с редакторским вариантом Гусева, что позволило выявить ряд дополнений, внесенных в этот вариант самим Маковицким (его

рукой), а также устранить несовершенства и неясность ряда записей при помощи предложенных Гусевым и принятых Маковицким корректур.

Переводы словацких записей, сделанные Шкарваном и самим Маковицким, сверены с оригиналами их и откорректированы. Отдельные записи и слова на словацком языке в «русских тетрадях» переведены заново.

Датировки записей проверены и в необходимых случаях исправлены по дневнику и письмам Толстого, «Ежедневнику» С. А. Толстой и другим авторитетным документальным первоисточникам. Исправления ошибочных дат не оговариваются.

Нередко в оригинале среди записей последующих дней появляются дополнения к предыдущим дням, вписанные в тетрадь или приложенные на отдельных листках. Такие дополнения введены в соответствующие места текста или же, если не удалось определить их контекст, помещены в конце дня, к которому они относятся. В необходимых случаях в подстрочном примечании указывается, что записи сделаны автором позднее.

Фактические ошибки, допущенные Маковицким в его тексте (не в записи слов Толстого), как-то: неверные инициалы или имена упоминаемых лиц, номера газет, журналов, даты упоминаемых событий и пр. исправлены в тексте без оговорок.

Ввиду того, что Маковицкий не в совершенстве владел русским языком, Записки его потребовали значительной грамматической, а в ряде случаев и стилистической правки. Однако «свободная» литературная обработка материала не допускалась.

При подготовке публикации Записок предметом особого внимания была забота о качестве воспроизведения приведенных в дневнике высказываний и слов Толстого. Достоверность содержания, а иногда и текстуальной формы записанных Маковицким суждений и оценок писателя проверялись как по его дневникам, письмам и произведениям, так и по наиболее авторитетной дневниково-мемуарной литературе.

Сохранены все свойственные устной речи Толстого слова и обороты, включая и те из них, которые не согласуются с нормами литературного языка своего времени. Также сохранены все встречающиеся в записях речи Толстого фактические неточности, поскольку они могли быть вызваны ошибками не Маковицкого, а памяти Толстого. В необходимых случаях такие ошибки корректируются в примечаниях.

Дефектные записи высказываний Толстого либо опускались, если они не поддавались осмыслению, либо, в редких случаях, уяснялись при помощи введенных в текст конъектур двух типов. Конъектуры в *угловых скобках* означают слова, которые предположительно *сказал или мог сказать Толстой*; конъектуры в *круглых скобках* содержат *пояснительные примечания Маковицкого* или редактора текста, необходимо уточняющие речь Толстого, устраняющие возможность ее неправильного понимания.

Включенные в Записки цитаты из произведений Толстого, а также из книг и статей других авторов выверены по печатным или, если они не опубликованы, по рукописным источникам, сохранившимся в Архиве Толстого (*ГМТ*). Необходимые исправления внесены без оговорок. Если же ошибки в цитировании источника допущены в речи самого Толстого, они сохранены в основном тексте и корректируются в примечаниях.

Приведенные в дневнике тексты писем Толстого или цитаты из них, а также тексты писем, полученных Толстым, выверены по подлинникам *ГМТ*, необходимые исправления внесены без оговорок.

Названия произведений Толстого, обозначенные в оригинале сокращенно, дополнены без особых обозначений (*Кр. чт.— Круг чтения*). Названия произведений, приведенные в оригинале неполно («*Царство божье*»), в тексте не дополняются; в Указатель произведений Толстого они введены с неполными названиями оригинала и со ссылкой на включенное в Указатель полное название («Царство божие» — см. «*Царство божие внутри вас*»).

Принятое в оригинале обозначение имени Толстого только инициалами: *Л. Н.*— сохранено. Но собственные имена других лиц, обозначенные в оригинале сокращенно или только инициалами (если они без фамилий) дополнены. Уменьшительные имена лиц из окружения Толстого — Жозя, Ляня, Поша и др. сохранены лишь в прямой

речи. Во всех других случаях, за исключением имен детей, они заменены полными именами и фамилиями.

Иностранные имена, приведенные в оригинале на соответствующем языке: а) оставляются в транскрипции подлинника, если они малоизвестны и даны без наращений («у Euphrassi на бале в Москве»); б) переведены на современную Толстому и употреблявшуюся им транскрипцию, если эти имена широко известны или даны в записях с наращениями, т. е. в системе русской грамматики, с русскими падежными окончаниями («у Waliszewsk'ого» заменено на «у Валишевского»).

В письмах к друзьям и знакомым Маковицкий не раз признавал, что «немыслимо» представить себе совершенно полную публикацию его дневника. «Мне некогда разбираться, что важно и что неважно,— говорил Маковицкий,— записываю все. Пусть редакторы берут, что им нужно». Действительно, как сказано выше, в предисловии «От редакции», дневник Маковицкого и по своему содержанию и по текстологическим особенностям не требует совершенно полной публикации и не поддается ей. В нем есть записи и документальные материалы, не имеющие никакого отношения к Толстому. Есть в дневнике и записи, публикация которых представляется нецелесообразной по ряду других соображений. При подготовке дневника к печати из него были исключены записи: а) *дубликатные*, оставшиеся в тексте случайно, по недосмотру или в расчете на последующий выбор редактором одного из предложенных вариантов; б) *плохо записанные*, не поддающиеся уяснению, хотя бы в основном смысле; в) *не относящиеся к Толстому* и, вместе с тем, не представляющие сколько-нибудь существенного интереса в каком-либо другом отношении; г) *интимные* — относящиеся к семейной драме Толстого, болезням писателя и членов его семьи и некоторые другие. Сделанные редакцией купюры в тексте не обозначаются и в примечаниях не оговариваются.

К купюрам относится также изъятие некоторых из приложенных Маковицким к соответствующим разделам Дневника писем, полученных Толстым, и ответов на эти письма самого Толстого и Маковицкого по поручению Толстого. Переписка эта духовно-религиозного содержания в подавляющей своей части уже известна в печати по «юбилейному» 90-томному Собранию сочинений и писем Толстого. Все письма Толстого напечатаны там полностью по автографам, а наиболее интересные письма к Толстому использованы в примечаниях. В отличие от купюр, обозначенных выше, пропуски приложенных к записям дневника эпистолярных материалов всюду оговариваются в примечаниях, со ссылками на тома «юбилейного издания», в котором опубликованы соответствующие материалы из переписки Толстого.

Задача примечаний к отдельным местам текста — дать в лаконичной форме необходимые библиографические, источниковедческие и отчасти реально-исторические и корректирующие справки. В примечаниях указываются неточности и ошибки дневника, которые нельзя было устранить текстологически, и идентифицируются с оригиналами упоминаемые иногда кратко и неясно произведения и письма Толстого. Источниковедческие справки приведены по возможности систематически и полно лишь по отношению к одному источнику — личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне (*ЯПб*). При упоминании книг, которые получал и читал Толстой, каждый раз сообщается, сохранились ли данные книги в библиотеке и имеются ли на них маргинальные пометы Толстого и дарственные надписи авторов.

Личные имена в примечаниях не поясняются, а выносятся в сводный комментированный Указатель в четвертой книге настоящего издания, там же печатаются Указатель упомянутых в дневнике произведений и замыслов Толстого и Указатель периодических изданий.

Списки условных сокращений (названия книг и периодических изданий), примененных в примечаниях, печатаются в конце каждой из книг настоящего тома.

Как всегда в «Литературном наследстве», издание дневника Маковицкого сопровождается воспроизведением иллюстрированных материалов, художественных и документальных, непосредственно относящихся к содержанию тех или иных записей. Многие из этих материалов воспроизводятся впервые.

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные более или менее крупные хронологические фрагменты из дневников Маковицкого о Толстом напечатаны на русском и словацком языках, в следующих изданиях:

М а к о в и ц к и й Д. П. Яснополянские записки, вып. 1. Ред. Н. Н. Гусев. М., «Задруга», 1922, 102 с.

Записи с 26 октября 1904 г. по 20 января 1905 г.

М а к о в и ц к и й Д. П. Яснополянские записки, вып. 2. Ред. Н. Н. Гусев. М., «Задруга», 1923, 84 с.

Записи с 21 января по 9 марта 1905 г.

«1905—1906 год в Ясной Поляне (Из записок Д. П. Маковицкого)». Ред. Н. Н. Гусев.— «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 3—28.

Записи с 2 по 28 октября 1905 г.

Dr. Dušan M a k o v i c k ý. Jasnopoljanské zápisky. Vybral a preložil dr. Dušan Makovický ml. Preklad z vydania N. N. Guseva.— «Prúdy», 1923, N 1, c. 29—33; N 2, c. 82—91; N 3, c. 134—148; N 5—6, c. 286—290; N 7, c. 356—360; N 9—10, c. 472—483.

Записи с 1 января по 8 марта 1905 г.

Dr. Dušan M a k o v i c k ý. Jasnopoljanské zápisky. Preložil, vybral a sostavil dr. Dušan Makovický ml. (Výbor zápiskov z roku 1910).— «Prúdy», 1924, N 1, c. 11—20; N 3, c. 154—162; N 5, c. 286—291.

Записи с 25 февраля по 15 мая 1910 г.

D. P. M a k o v i c k ý. Jasnopoljanské zápisky. Upravil N. N. Gusev. Z ruštiny preložila Anna Tesková. Díl I. Praha, 1924, 227 s.

Записи с 26 октября 1904 г. по 9 мая 1905 г.

М а к о в и ц к и й Д. П. Яснополянские записки. Ред. Н. Н. Гусев. Публикация С. М. Брейтбурга.— В кн. «Яснополянский сборник». Тула, 1955, с. 293—321.

Записи с 10 по 31 марта 1905 г.

М а к о в и ц к и й Д. П. Уход Льва Николаевича. Публикация Н. Н. Гусева.— В кн. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. М., 1955, с. 319—322.

Фрагменты из записей 1904—1905 гг.

То же (переиздание). М., 1960, с. 171—196.

М а к о в и ц к и й Д. П. Яснополянские записки. Публикация Н. Н. Гусева и А. И. Шифмана.— В кн. «Л. Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958 (Музей-усадьба Ясная Поляна), с. 177—203.

Записи с 1 по 17 апреля 1905 г.

М а к о в и ц к и й Д. П. Яснополянские записки. Ред. Н. Н. Гусев.— В кн. «Яснополянский сборник, год 1960-й». Тула, 1960, с. 164—186.

Записи с 19 по 29 апреля 1905 г.

«День из жизни Льва Толстого.— Из «Яснополянских записок»». Публикация С. Колафы.— «Литературная газета», № 33 от 14 августа 1968 г.

Запись 10 апреля 1908 г.

«U L. N. Tolstého 1904—1910. Tolstoj uprostřed první ruské revoluce v zrcadle Jasnopoljanských zápisků. D. Makovického». Připravil Š. J. K o l a f a.— «Ruský jazyk», 1967—1968, N 9, s. 422—426; N 10, s. 452—462.

Записи с 18 мая 1906 г. по 11 октября 1910 г.

«Lev Nikolajevic Tolstoj a ruská revolúcia v zrkadle Jasnopolianských zápiskov D. Makovického.— U L. N. Tolstého 1904—1910». Z rukopisu vybral a upravil Š. J. K o l a f a.— In: «Lev Nikolajevič Tolstoj». Bratislava, 1968, s. 37—62.

Записи с 22 января по 3 декабря 1906 г.

В цитатах и в кратких пересказах-аннотациях рукопись Маковицкого использована в книге «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1891—1910» Н. Н. Гусева. М., 1960.

Редакция «Литературного наследства»

ДНЕВНИК

Подготовка текста и примечания А. С. Мелковой

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В 1909 г. ко мне пришел один раз близкий Льву Николаевичу человек С. Д. Николаев, и мы разговорились с ним о моих Записках. Через некоторое время к нам пришел Л. Н. и, узнав, о чем мы говорили, сказал:

— Я вас, друзей своих, прошу, когда меня не станет, помнить об этом: не придавайте большого значения тому, что я говорю в разговорах. Я иногда говорю зря, необдуманно, под впечатлением минуты... К письмам я отношусь с большей осторожностью, но вполне ответственным чувствую себя только за то, что отдаю в печать и что побывало у меня в корректурах.

Эту же самую мысль Л. Н. записал у себя в дневнике 25 августа 1909 г. в еще более решительных выражениях: «Очень прошу моих друзей, собирающих мои записки, письма, записывающих мои слова, не приписывать никакого значения тому, что мною сознательно не отдано в печать». Далее Л. Н. объясняет, чем вызваны эти его слова: «Читаю Конфуция, Лао-тзе, Будду (то же можно сказать и об Евангелии) и вижу рядом с глубокими, связанными в одно учение мыслями — самые странные изречения: или случайно сказанные, или перевранные. А эти-то именно такие странные, иногда противоречивые мысли и изречения и нужны тем, кого обличает учение. Нельзя достаточно настаивать на этом. Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носятся с ними, как с самым важным авторитетом».

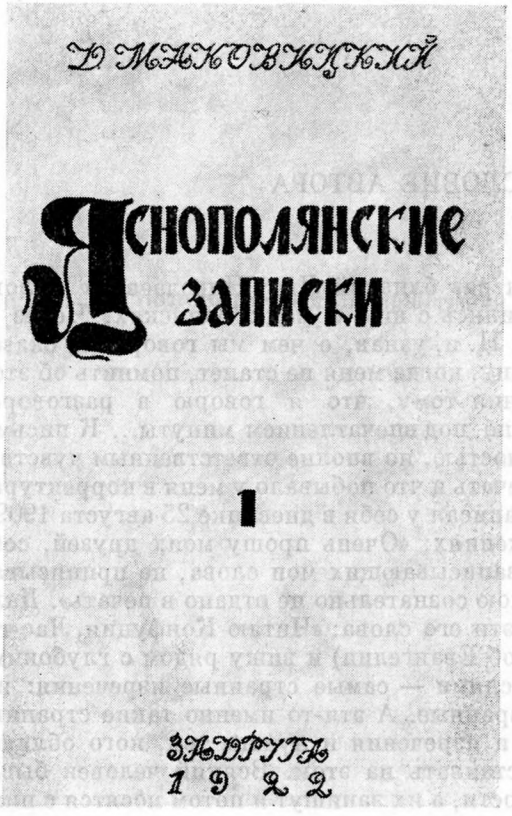
Так относился сам Л. Н. к своим словам и, разумеется, не мог относиться иначе. Но мы, все те, кому дорого не только учение его, но дорог был он сам, с его во все проникавшим умом и за все страдавшим сердцем, мы не можем так относиться к тому, что он говорил. Нам дорого знать, как жил он в своей повседневной жизни, как проводил в жизнь свое учение о любви при своих бесчисленных встречах с людьми самыми разнообразными по общественному положению, взглядам на жизнь и душевным свойствам; чему радовался и чем огорчался; как отзывался на волновавшие всех общественные события, как судил о тех или других литературных произведениях и т. д., и т. д., все то, что далеко не вполне высказано в его книгах и даже в дневнике записывалось им не всегда.

Я начал записывать слова Л. Н. сначала для чешских и словенских * друзей и для биографов Л. Н., потом продолжал записывать потому, что те, кто лучше меня мог это делать, не делали этого; затем уже втянулся в эту работу.

Записывал я иногда по памяти, иногда же во время разговоров старался незаметно записывать все, какие успевал, отдельные выражения и целые мысли, сказанные Л. Н. Когда расходились спать, я садился за переписывание того, что в течение дня записал на листках, стараясь по этим записям восстановить нить разговора. К сожалению, довольно часто я не успевал переписать все в ту же ночь: или бывал нездоров, или очень усталый и переписывал на второй или на третий день, а иногда и позднее. Переписывая даже на второй день, я многого не мог уже вспомнить. (Вследствие поздней переписки в датах некоторых чисел могут быть ошибки на день

---

* Т.е. словацких.— *Ред.*



ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ «ЯСНОПОЛЯНСКИХ ЗАПИСОК», 1904—1905 гг.
«Задруга». Вып. 1. Москва, 1922.
Обложка

или на два *). Некоторые дни совсем не успевал переписывать и только через несколько лет, уже после смерти Л. Н., переписал их с черновых записей. (Такие дни указаны в примечаниях.) При этом, разумеется, большую часть записанного не мог вспомнить, многое не мог и разобрать. За все шесть лет ни разу не перечитал, не дополнял и не исправлял записанного.

Записывать мне приходилось не всегда, так как часто, приблизительно один день из каждых пяти-шести дней, меня не было в Ясной Поляне, в остальные дни некоторые часы также часто бывали заняты.

Слова тех лиц, с которыми говорил Л. Н., я не записывал подробно; от этого в моих записках Л. Н. часто говорит больше, чем его собеседники, и говорит как будто с апломбом, стараясь внушить собеседнику свою мысль. На самом деле бывало обратное: собеседники Л. Н. говорили больше, чем он, и часто именно они говорили с апломбом, стараясь заставить его согласиться с их мнением. Л. Н. же только отвечал на их слова. У меня часто в одном абзаце соединены мысли Л. Н., высказанные им в ответ на несколько последовательных вопросов или возражений собеседников, у меня не записанных. Полагаясь на память, я надеялся, что в будущем, на досуге, восстановлю то, что говорили собеседники Л. Н-ча, и сообразно с этим расчленю его слова. Но сделать это сначала не было времени, а после уже не мог вспомнить.

Л. Н., спустя некоторое время после моего приезда в Ясную Поляну, узнал, что я записываю его слова, и мне бывало иногда неприятно сознавать, что я, может быть, стесняю его беседу, как бы оказывая давление на

* Эти ошибки в настоящем издании устранены.— *Ред.*

МАКОВИЦКИЙ

Рисунок (итальянский карандаш) И. Е. Репина с автографической надписью художника: «1907. 28 сент. Ясная Поляна».

Matice slovenská, г. Мартин

«... Когда ⟨Репин писал меня⟩, вошел Л. Н., подошел к Илье Ефимовичу, посмотрел портрет, сказал: «Глаза ему сердитые написали. Смягчите».— Запись от 28 сентября 1907 г.

1904

26 октября. Я приехал к Льву Николаевичу в Ясную Поляну с поручениями от Черткова. Пробыл я здесь с неделю *.

Л. Н. я застал в зале, где были в сборе семейные и гости. Л. Н. здоров и свеж. С зимы 1901—1902 гг., когда я его видел после болезни в Крыму [1], он на вид помолодел. Радушен, в прекрасном настроении, в состоянии духовного подъема. Какой у него хороший цвет лица! Как он держится прямо! Руки мускулистые.

Я передал Л. Н. письмо Владимира Григорьевича.

— Боюсь писем Черткова,— сказал Л. Н. и ушел к себе в кабинет читать его. Через несколько минут вернулся опять в залу, говоря:

— Письмо Черткова прекрасное. Я вполне согласен с его взглядом, что если нет свободы воли, тогда нет и бога [2].

Усевшись, стал разглядывать две великолепные записные книжки — подарки от Чертковых — и расспрашивать про них.

Сообщая о Чертковых, я сказал, что у них много народу и, кроме Анны Константиновны, все едят за одним столом.

Л. Н.: Как это хорошо! Как мне это нравится! Они всегда так. Когда уезжали из Петербурга, набралось множество провожающих, и все они ели у Чертковых; как просто это выходило [3]. В этом им завидую.

Записные книжки, которые прислал ему Чертков, понравились Л. Н.; шутя сказал:

— Что мне писать (в них), Юлия Ивановна?

Юлия Ивановна: Екатерину (II).

Л. Н.: Этакую гадость не буду [4]. Буду детское [5].

— Я все это время был занят одной этой работой,— сказал Л. Н.,— не выпускал ни капли мысли в другую работу. Два-три месяца не читал газет, и как это хорошо! Я чувствовал от этого больше облегчения и уяснения мысли, чем после того как бросил курить. О войне и политике знаю только понаслышке.

Л. Н. расспрашивал про Кропоткина, которого я посетил, и, главное, что́ он говорит про войну с Японией. Я передал то, что мне рассказывал Кропоткин: «25-го января (7 февраля),— говорил он,— встретил редактора «XIX Century». «Слава богу, что не будет войны»,— говорю ему.— «Как не будет? Война будет начата через 5—6 часов. Вчера замерз владивостокский порт» [6]. Через несколько дней говорил с японским посланником в Лондоне: «Уже имеете Корею!» — «Что же нам Корея? Мы хотим Пекин».— «А где же хотите сделать китайскую стену?» — «На Урале»». Потом Кропоткин говорил: «Россия не может мириться с Японией, пока не победит. Теперь японцы требуют флот, Порт-Артур, Харбин, Владивосток, всю Приморскую область и контрибуцию в миллиард рублей.

---

* Записи до конца октября оформлены Маковицким позднее.— *Ред.*

Россия должна победить (но Кропоткин не уверен, что победит). Русские сражаются мужественно, никто не ожидал такого сопротивления, геройства. Япония выставила в бой уже все свои войска. Японские бумаги котируются на бирже — надежный барометр — ниже, чем русские. «Я знаю,— говорил мне Кропоткин,— есть две воинствующие нации: Япония и Германия. Что́ Германия сделала с Францией? 30 лет ее топтала. Бисмарк хотел ее еще раз разгромить; жалел, что не взял Шампань и 15 миллиардов [7]. Франция не только остановилась в развитии, но пошла назад. Только теперь поднимается — начинает проводить отделение церкви от государства».

— Жалею, что у Кропоткина такое чувство к японцам, что не доверяет хорошему, что в них есть, и не старается действовать на это у них,— сказал Л. Н.— Кант, которого я теперь много читаю и очень люблю, говорит, что если хочешь подействовать на другого, то действуй (влияй) на задатки хорошего в нем. Удивительно, что Кропоткин, анархист, за государственную войну. Мне государственная точка зрения, как и национализм, патриотизм, совсем чужды, я свободен от нее. On ne peut régner innocemment *.

Я рассказывал дальше, что потом Кропоткин заговорил о едва не вспыхнувшей войне между Англией и Россией; это было около 21 октября (3 ноября), дней через 10—12 после того как около Доггер-банка, в Северном море, посередине между Англией и Данией, из эскадры Рожественского ночью стреляли во флотилию гулльских рыбаков [8]. «Какая ужасная ненависть против России в Англии,— говорил Кропоткин,— правда, только у одной партии, у чемберленистов-джингоистов. Как неистовствуют «Times», «Daily Mail» из-за гулльского инцидента. Я рад, что опасность войны устранилась. Страшное напряжение».

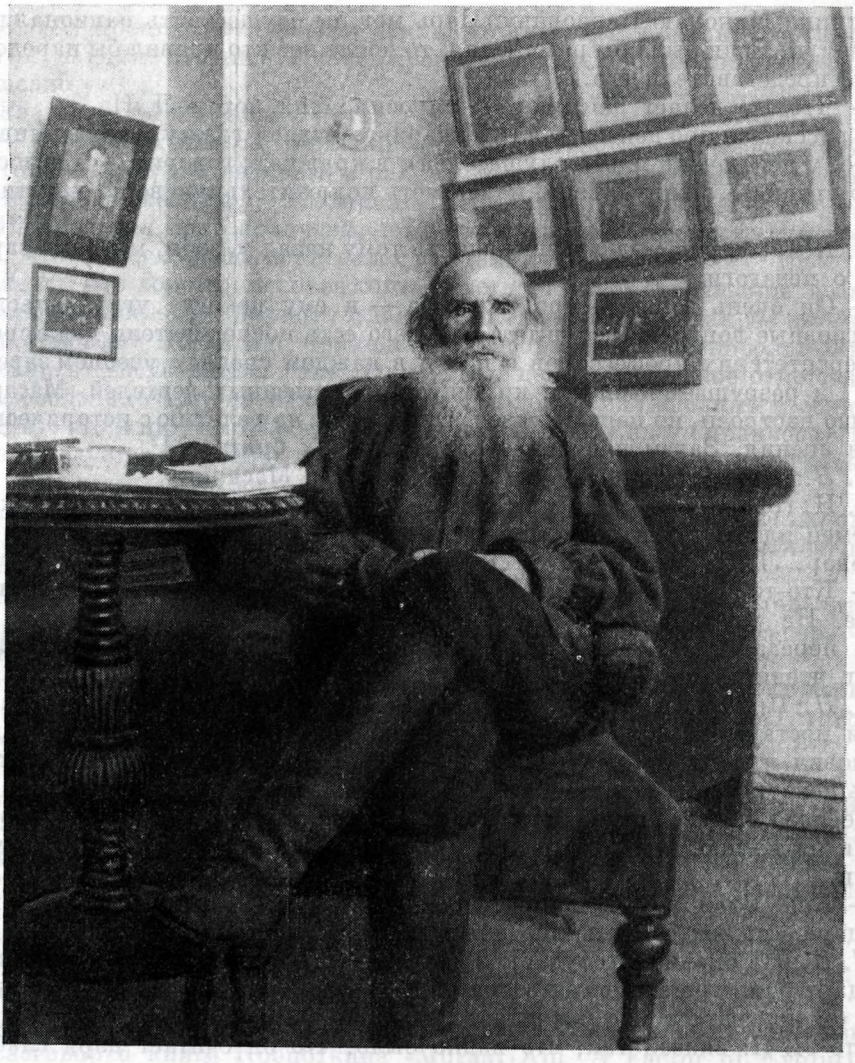
Кропоткин живет писательством. Написал книгу о взаимной помощи животных — «Mutual Aid» [9]. Его война очень волнует, мучит. Трегубов говорит, что Кропоткин в душе не за насилие. Кропоткин твердит многое только потому, что партия, которой он вождем, его обязывает так выражаться. В душе же он человек добрый, и сам перед собой, и перед Чертковым, и ему подобными держится другого мнения (против насилия). Глаза у него правдивые, тон серьезный. Кропоткин признает, что в России, где половина помещичьей земли заложена, легче всего решить земельный вопрос национализацией по Генри Джорджу. «Кто же это должен сделать? Царь? Парламент? Парламент будет победой буржуазии, опять господ. Это может сделать только революция, а тут мы со Львом Николаевичем расходимся,— говорил Кропоткин.— Ведь освобождение крестьян было проведено в России из-за страха перед пугачевщиной: с 1848 по 1856 происходили крестьянские бунты. Пока мы будем господами и будем иметь рабов, дотоле будут войны. Пока будет власть в руках царских или буржуазии, до тех пор будут войны. Герцен сказал: «Так вы не хотите социализма! Если не будет братства, то будет тридцатилетняя война» [10].

На это Л. Н. сказал:

— Социализм — это только один из симптомов; война будет, пока не все люди будут работать, и пока будут одни люди других бить по зубам, и пока будет земельная собственность; но не будет войны только тогда, когда у людей будет религиозное сознание. Жаль, что такие люди, как Кропоткин, пренебрегают религией, смотрят на религию, как на что-то отжитое. И parti oblige **. Он от этого (пропаганды революции) не может отказаться, может быть, потому, что ему пришлось бы отказаться от своего прошлого. Это так, как архиерею, который 30 лет жизни посвятил на то, чтобы сделаться архиереем, отказаться от церкви. Это трудно.

---

* Нельзя царствовать невинно (*франц.*).
** партийность обязывает (*франц.*).



ТОЛСТОЙ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ
Ясная Поляна, 1904
Фотография.

«Л. Н. здоров и свеж. С зимы 1901—1902 гг., когда я его видел после болезни в Крыму, он на вид помолодел».— Запись от 26 октября 1904 г.

Кто-то сказал:

— Не было бы революции (Французской), где мы были бы теперь? Не было бы благодатных приобретений революции в Европе.

— Я думаю, наоборот,— сказал Л. Н.,— было бы лучше. После революции правительство поднялось. Представители революции пошли на компромисс. Идеи Французской революции: уничтожение земельной собственности, введение подоходного налога, уничтожение милитаризма — не осуществились. Робеспьеры, Мараты — и после них Наполеон, Буланже, Чемберлен. Против Чемберлена — большинство английского общества, однако что он делает! (Вел войну с бурами.) Если у нас был бы парламент, то о земельном вопросе кто стал бы говорить? Сошел бы с очереди, и пришли бы на очередь вопросы о постройке технических школ, сооружении

памятника Николаю Павловичу. Царь мог бы осуществить национализацию земли. Если была бы революция, то после нее кто правил бы народом? Какие представители его?

— Что же делает Масарик? — спросил меня потом Л. Н.

Я рассказал про деятельность Масарика: издает газету, учит в университете (у него очень много слушателей), в кружках, говорит, что недостаточно отрицать ложную веру, надо иметь положительную веру, христианство.

Л. Н.: Масарик был лет двенадцать тому назад у меня, мы разговаривали о педагогии [11].

— Он очень занят,— продолжал я,— и ему некогда углубляться в религиозные вопросы (вас читать). У него есть последователи даже среди университетских профессоров и почти в каждом среднем учебном заведении. Он разрушает идолов и критикует общественных деятелей. Масарик хорошо настроен, но нерелигиозен. Он смотрит на религию с исторической точки зрения. Зачем навязывать нам чешских братьев? [12]

Л. Н.: Это все хорошо, что вы говорите о Масарике.

Л. Н. говорил, что в начале Русско-японской войны был у него какой-то немец или маджар * из Австро-Венгрии со своею женою, записал их разговор. Л. Н. читал его в «Русских ведомостях» [13].

— Кто-то прислал мне из Лондона все сочинения Канта на немецком языке. Не Чертков ли? [14] — спросил Л. Н.

Я передал Л. Н., что Чертков желал бы, чтобы Л. Н., составляя «Круг чтения», не считался с цензурой.

Л. Н.: При составлении «Круга чтения» имею в виду именно нецензурное и постараюсь сохранить то, что вычеркнет цензура. Приедет Иван Иванович, и он будет цензуровать, а может быть, лучше подавать целиком: пусть цензура выпускает [15]. Некоторые мысли авторов изменены, так что их не надо переводить с оригинала. Но таких одна тысячная. Многие мысли не помню, чьи они, и они будут без подписи, так же как и мои мысли.

— Еще Владимир Григорьевич советовал бы вам написать о войне государю, но вы сами лучше знаете, писать ли,— сказал я.

Л. Н.: На письма к государю я махнул рукою и ничего не имею сказать государю; ничего не имею и против того — это можете сказать Черткову,— если он напечатает мое последнее письмо к нему (царю) [16].

Это Л. Н. сказал так, что видно было, что он считает царя слабым человеком, который не то что другим, но и самому себе помочь не может.

Л. Н.: Царю не стану писать. Разве я могу сестру свою убедить переменить ее взгляды? [17] Если бы я знал царя, то видел бы, что и его убедить нельзя. Напрасно ему писать.

— Теперь извините,— сказал Л. Н.,— буду сплетничать: Бирюков и Шкарван — они помирились? Общались при вас?

— Нет; по-моему, тут жены виноваты.

— Как это жалко и удивительно. Поша (Бирюков) говорил, что он старается, чтобы при ссоре враждебное чувство было доведено у него до нуля; чтобы оно, сколько раз его ни умножать, все-таки оставалось бы нулем... Да, две семьи не могут жить вместе, как две прялки не могут быть вместе уложены **.

Абрикосов спросил, как Владимир Григорьевич?

Я ответил, что возбуждение у него длилось долго и он был жалкий, растерянный.

---

* Л. Н. так произносил это слово («мадьяр»). Так же писал А. С. Хомяков, и так произносят сербы, болгары.

** Л. Н-чу, очевидно, вспомнились народные поговорки: «Две косы — и рядом и в кучке, а две прялки — никак», «Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь».

Л. Н.: До того у него бывает сильный духовный подъем. Этим страдания окупаются. Его письмо какое прекрасное. Да, оно именно после спячки написано.

Разговор Абрикосова с Л. Н.

— Можно жениться только вследствие страсти, когда женитьба не противоречит нравственности и разуму. А по (одним) разумным соображениям нельзя жениться,— говорил Л. Н.

Я рассказал про Саранчева, который живет у Чертковых. У него idée fixe, что он нехорошо поступал с людьми.

Л. Н.: Это хорошо, человек тогда чувствует к *себе* отвращение, а мания преследования — это дурно, тогда человек занят собою. Как же вы Саранчева утешили? Когда мне приходилось говорить с душевнобольными, то удавалось действовать на них. Они умеют ценить серьезное отношение к ним, особенно если они находятся долго в доме умалишенных и если они заметят, что к ним не относишься, как к больным. Как у Саранчева, Черткова чередуется угнетение духа с подъемами его, так и у меня, и у всякого. Иногда просто не в состоянии думать.

О жене Черткова Анне Константиновне Л. Н. сказал, что она малодушна. Спросил, очень ли она ждет свою сестру Ольгу Константиновну.

Л. Н. спрашивал меня про Е. И. Попова.

Л. Н.: Евгений Иванович увлекается математикой, у него поразительные открытия по геометрии. Индус нашел закон теоремы Пифагора, а он сделал дальнейшие выводы из него [18].

Еще спросил о духоборцах и одном казаке, отказавшемся от военной службы и уехавшем с духоборцами в Америку. О Коншине Л. Н. говорил с любовью и удивлением.

Потом спрашивал о назаренах [19], а затем обо мне лично:

— Вы женаты? Отца огорчает, что ко мне поехали? Продолжаете издавать? [20] Как же это вы не приехали прямо к нам? Зачем останавливались в Туле? — он мне два раза задал этот вопрос.— Как я рад видеть вас! Когда вы были у нас в первый раз? Помню, вы были тогда в сером пальто. Что вы делали в Туле?

— Отдыхал с дороги, записал свою беседу с Кропоткиным.

— Как долго вы беседовали с ним?

— 35 минут.

Л. Н.: Я прочел бы, если бы она (беседа) появилась на русском языке.

Разговор о книге Кропоткина «Mutual Aid. A Factor of Evolution».

— Кропоткин желает вам здоровья, энергии,— передал я Л. Н-чу.

Софья Андреевна уехала в то утро, когда я приехал; не увидел ее. Приехав, застал в Ясной Оболенских.

Мария Львовна спросила меня:

— Как находите отца?

— Очень хорош! Здоров. Молодец.

— Точно помолодел. В Крыму ведь какой был! Прямо не верится... С ложки я его кормила. Вы знаете, недавно умер дядя, брат отца, от рака. Отец тогда сильно страдал за него, ходил за ним и хуже выглядел [21]. А теперь — удивительно! Каждый день верхом ездит.

Три дня о войне ужасные известия. Недавно произошел бой у Ляояна. Кто-то ввиду таких ужасов войны высказал сомнение, есть ли прогресс человечества и не идем ли мы назад.

Л. Н. сказал:

— О прогрессе нельзя судить так. Прогресс идет по спиральной линии. Как на пароходе, который тянет за собой барки, надо наблюдать за силой пара: если есть пар, то, значит, есть и движение. Нельзя судить по внешним явлениям, есть ли движение или нет, а надо справляться, что́ говорили мудрецы тысячи лет тому назад и что́ теперь.

Назывались явления, свидетельствующие о регрессе человечества.

Л. Н. на это возражал:

— Сократ был единицей, и истина (его взгляды) была только маленькой кучке доступна, а сейчас эти мысли доступны многому множеству. Вспомните времена Ивана Грозного, когда в Москве на пиках гнили головы людские.

Заговорили о ницшеанстве. Я сказал:

— Ницшеанство — оно, главным образом, у вас, в России, и в Германии; у нас, в Австро-Венгрии, его нет.

Л. Н.: Оно уже слабеет, прошло. Мне эта легенда, как Христос подходил к бесноватому и бес сказал ему: «Ты меня мучаешь», очень нравится. Так и теперь бес — Ницше, национализм, патриотизм,— слыша Христа, мечется [22].

Л. Н. гулял в валенках. Было скользко. Рассказывал, как баба с телегой не могла взобраться на гору, лошадь скользила. Он с проезжающим мужиком помог ей.

Л. Н. играл отлично в волан и еще во что-то другое.

К концу вечера пошли шутки, игры, пение.

Александра Львовна выучилась писать на пишущей машинке так быстро, что поспевает почти каждое сказанное слово Л. Н. записать, и он теперь любит диктовать ей.

27 октября. Приехала В. В. Нагорнова. Мария Львовна рассказывала о том, как бабы плачут, провожая солдат на войну. Она сказала им: «А у них-то, у японцев, матерей-то разве нет? Они разве добровольно идут на войну?»

Абрикосов ехал с ранеными солдатами. Японцы лежали рядом с русскими. «Давай, будем писать домой»,— сказал русский. «Мне некому. Никого дома не осталось. Отец, брат в солдатах, мать при обозе». Один солдат хвастался, сколько он убил японцев, китайцев.

На слова Абрикосова «Но убивать же грех» солдат сказал: «Они ведь некрещеные,— все равно, что собаки».

Л. Н. заметил:

— Какое злое внушение происходит от крещения: люди отличают себя от других!

Приехал И. И. Горбунов. За обедом Л. Н. говорил о физиологе Павлове, получившем премию Нобеля, о книге Сеченова, в которой проводится мысль, что мы много едим, не отличаем аппетит от голода. Лишняя пища вредит, вызывает болезнь.

Еще говорил о книжке берлинца, изобретшего аппарат для воздухоплавания; нужен лишь акционерный капитал, чтобы изготовить его.

— Наш друг Архангельский очень болен, Ляня (Абрикосов) посетил его,—сказал Л. Н.

Л. Н. говорил далее:

— Настоящее есть соприкосновение прошлого и будущего. Его нет. Вне времени же человек свободен.

— Редко у кого (у одного на тысячу) найдется религиозное сознание, что не должно противиться злу. Все думают сейчас о том, какие из этого выйдут последствия для государства. Самые ученые люди придают объективным делам значение, но не признают религиозного сознания. Масарик не признает непротивления злу, а это основа христианского учения.

— Об убийстве Сипягина [1] нельзя судить с той точки зрения, что положение облегчилось; можно было предвидеть, что дальнейшее терпение открыло бы глаза на более глубокие причины и способы излечения государственного зла.

— Если бы высшие государственные власти спросили совета у меня,— говорил Л. Н.,— я бы им свободы религии не посоветовал, потому что этим правительство подрубило бы сук, на котором сидит. Свобода же слова — да, от этого оно ничего не потеряет.

— Можно указать писателей, у которых имеется религиозное настроение. К таким писателям принадлежат Диккенс, Гюго, Руссо. Никогда не теряет нравственной точки зрения и Кант.

Л. Н. хочет написать катехизис для детей, но не в вопросах и ответах. 22 сентября начал было писать «Свет во тьме», но не было охоты продолжать [2].

Л. Н.: У немецкого народа отношение к религии внешнее, лучшие из них идут в церковь, русский народ настроен более религиозно; да и у славян вот назаренство.

Л. Н. говорил о книгах: «Unto this Last» Рёскина, «That Great Lying Church» и «Winstanley» Моррисона-Давидсона [3].

Л. Н. передал мысль Сергея Николаевича: «Музыка есть воспоминание того, чего никогда не было, и мечты о том, чего никогда не будет». Другой раз сказал: «Музыка — это стенография чувств» [4].

Л. Н. получил письмо от японца Изо Абэ, социалиста, о том, что статья «Одумайтесь!» из «Times» переведена на японский язык и напечатана в газете «Heimin Shimbun Sha» («Простой народ»). Изо Абэ пишет: «Мы — социалисты, а в то же время противники войны. Нам трудно выступать против нее, но, несмотря на преследования, мы делаем все, что можем. Желая, чтобы вы всегда были здоровы и способны к борьбе против войны, остаюсь искренно вашим. И з о-А б э» [5].

Абрикосов рассказал Толстому, что его дедушка советовал ему, умирая: «Не ищи, не добивайся правды, а то попадешь в яму — Ясную Поляну».

Л. Н. было неприятно слышать это. Я его пожалел при Иване Ивановиче: «Сколько ему неприятностей, сколько вражды против него, как он один идет против всего мира».— «Но зато и сколько радости, любви он испытывает. Чей голос слышен так во всем мире, как его?» — сказал Иван Иванович.

29 октября.

Л. Н.: Когда я сегодня просматривал все собранное мною для «Круга чтения», мне стало неприятно и совестно, что сам я пишу такие вещи, а жить так не умею.

Я привез Л. Н. книгу Моррисона-Давидсона «The New Book of Kings»[1].

Л. Н.: Как же мне-то он «The New Book of Kings» не прислал? Он всегда присылает, что напишет [2]. Он резко пишет и как хорошо!

И Л. Н. рассказал из этой книги о том, как в Англии епископы голосовали в парламенте в пользу хлебных пошлин и против улучшения положения народа, а в Америке — против уничтожения рабства, и какие были ужасные законы о рабочих в Англии: принцип ужасный — люди отдавались в рабство на десять лет. А если кто убежит, его наказывали жестокие законы. Генрих VIII повесил 70 тысяч бродяг за то, что они не работали (уклонялись от рабского труда) [3].

Книгу Давидсона-Моррисона «The Annals of Toil» Л. Н. посоветовал И. И. Горбунову дать перевести и издать [4].

Л. Н. прочел нам немного из этой книги, начиная с 477 страницы.

— Давидсон-Моррисон,— сказал Л. Н.,— пишет, как Герцен: блестяще, игриво, бойко, но так же, как Герцен, предполагает, что читатель знает современные события. Мне и старым людям, современникам Герцена, понятны его намеки, но молодым нужны комментарии. То же и относительно Давидсона-Моррисона. Давидсон-Моррисон — мирный анархист. Как медленно пробиваются такие люди, которые не желают иметь ничего общего с правительством!

Л. Н.: Надо поместить в «Круге чтения» Рёскина о торговле. Также из Генри Джорджа, Давидсона-Моррисона... Какая интересная биография Гаррисона, составленная Чертковым! [5] Борьба за освобождение негров испортила, ослабила в нем стремление к общему. Одному негру, бежавшему на Север, он указал путь и дал ему нож и револьвер, чтобы защищать себя. Это меня опечалило.

— Я вспомнил про «Завоевание Перу» Прескотта. Помню, что перуанцы стояли выше, чем напавшие на них испанцы-разбойники [6].

— Какой Чаннинг великолепный! — сказал потом Л. Н.

Дальше я не расслышал. Всё перебивают Л. Н.

«Церковь упразднена, заменена всемирным общением». Такую заметку сделал Л. Н. карандашом на полях «Die Religion» Канта, изд. «Reclam», стр. 97[7].

Л. Н.: У Канта ясный ум, но очень трудный слог, и он иногда неточно выражается. Чаннинг выражается точнее. Когда Кант написал свою книгу о религии, духовенство пришло в ужас и Фридрих II написал ему, чтоб он отказался от своих взглядов на религию и не читал об этом лекции Кант ответил ему: «Отказаться от своих взглядов не могу, но перестану читать лекции». У Канта «категорический императив» — то же, что религиозное сознание.

— Сейчас продиктую кому-нибудь завещание ацтекского мексиканского короля,— сказал потом Л. Н.

Л. Н. прочитал нам вслух «Из завещания мексиканского царя» [8].

30 октября. Татьяна Львовна написала воспоминания о Ге. Хочет писать и о других частых посетителях отца: о Репине, Тургеневе, Стасове [1].

У Л. Н. есть почитание предков — их портретов, посаженного ими леса, сада...

Л. Н. поощряет работать над «Кругом чтения» всех семейных. Над «Кругом чтения» работали Наталья Леонидовна, Мария Львовна, Наталья Михайловна, Александра Владимировна, Юлия Ивановна, Варвара Валерьяновна, Х. Н. Абрикосов, Горбунов, Александра Львовна.

Л. Н. опять просил нас, чтобы мы строго критиковали его мысли и указывали на неясности, неточности. Он часто видит, что люди, которые не понимают его или которым кажется, что он ошибается, поддакивают ему, или молчат, или делают вид, что они понимают его.

— Будьте настоящими друзьями. Люди, торопящиеся понять, хуже всех поймут; таков Лёва (Лев Львович),— сказал Л. Н.

Л. Н. упомянул Ламеннэ, Хельчицкого, Бруно, Гуса, Серве, сказал:

— Ламеннэ религиозный, немного революционер.

Приехала Софья Андреевна; говорила, что войной в Петербурге даже не интересуются.

31 октября. Воскресенье. Катались на четырех санях.

Мария Львовна рассказывала, что лучшие воспоминания у нее — это о том времени, когда она работала вместе с бабами и одевалась по-крестьянски; как во время работы уставшие бабы песни пели, а после плясали. Как она раз помогла мужику надеть колесо на телегу; как он был благодарен ей за это; просто беседовали, он не знал ее и принял за крестьянскую девку. Но потом узнал, т. к. пришла баба, назвала ее по имени и отчеству, и сейчас же у него переменилось отношение к ней на отношение мужика к барыне.

Ехали мы возле кладбища. Мария Львовна сказала:

— Как это странно видеть Льва Николаевича таким крепким и бодрым, а в Крыму он умирал. Думал, что умирает, говорил мне о завещании. Я кормила его с ложечки, так как он не в состоянии был поднять руку, поднести ложечку к губам. Отец не будет здесь лежать,— Мария Львовна показала на кладбище,— он просил мать, чтобы его похоронили в лесу,

указал место. Софья Андреевна и Ясная Поляна вылечили его. Здесь он чувствует себя очень хорошо. После Крыма посвежел здесь. Когда Лев Николаевич вернулся из Крыма в Ясную Поляну, сказал: «Я точно свою старую одежду надел».

Мария Львовна любит животных. У Марии Львовны одухотворенное лицо. Это больше всякой физической красоты. Смирение, услужливость, тактичность, внимательность.

Лесков как-то заметил, что в присутствии Марии Львовны хочется сказать: «Отойди от меня, я человек недостойный».

Л. Н. спросил меня, слежу ли я за развитием медицины.

— К сожалению, нет.

— Но читаете медицинские газеты? Почему же не читаете? — спросил Л. Н.

— Много практики и много читаю политической прессы.

— Это вы бросьте; у вас, наверное, отец, братья читают газеты, от них услышите все новое, важное. А то вы целый месяц читаете газеты, а результат какой?

Вечером Л. Н. говорил:

— Сегодня я читал Сютаева [1], Архангельского [2]. Начал выписывать из Сютаева. Как он хорошо отвечает на возражение, что если мы не будем употреблять насилие, то турки завоюют нас: «Победи ты турка в себе, и тогда, когда мы будем так жить, сами турки придут к нам, чтобы жить по-нашему».

Л. Н. читал больше часа, а затем другие — еще час читали «Кому служить?» Архангельского.

— Люблю вслух читать сочинения, о которых хочу создать себе представление, какое впечатление они произведут на других,— сказал Л. Н.— Переношусь в слушателей, замечаю, ясно ли им, следят ли, не скучно ли им. Некоторые места у Архангельского были растянуты, много метафизики, я сокращал. Много хорошего, искренно и горячо написано, язык прекрасный. Архангельский лучше Эмерсона. Его мысль та, что насилие, которым хотим установить благоустройство (извне на людей действовать), портит людей. У нас был кучер, который после нас служил у мирового судьи. Был самолюбив, попал в тюрьму, тюрьма его совсем испортила, научился там худому. В каждом человеке есть божественное начало, действуйте *на это*.

— Вечером уже писать не могу,— сказал Л. Н.,— вечером только читать хочется да мечтать, о чем надо писать. Вы, молодые, тоже чувствуете усталость вечером?

— Хочется написать катехизис для детей. Усвоение взглядов истины проложит в их душе путь, по которому им легче будет двигаться, жить. Слова «бог» буду по возможности избегать, к этому пусть сами доберутся, пусть это вытекает из того, как они должны жить.

Мария Львовна рассказывала: Мария Александровна спросила пастушка: «Где бог?» — «На небушке».— «Нет, в душах наших».— «Больно он-то в нас нуждается»,— возразил ей пастушок.

Абрикосов рассказывал про Татры, о Гавласе (Havlas) [3], про медведей, простоту жизни у нас, про наш семейный дом (как он все помнит!), как мы едим за большим столом, по одну сторону — семья, по другую — приказчики.

Л. Н. спросил меня про отца. Я сказал, что отец удивительно подвигается, физически слаб, но духовно свежий. Он уже все понимает по-вашему, за исключением трех вопросов. Вот эти три вопроса: 1) непротивление злу, 2) незабота о завтрашнем дне, 3) целомудрие.

— Да ведь это те самые идеалы, которых *вполне* исполнить нельзя. Незабота о завтрашнем дне связана со свободой воли: для себя надо жить

в настоящем, нет прошедшего и будущего, а для других (семья — расширение личности) надо стараться думать о прошедшем и будущем. Так эту мысль записал и в дневник [4].

Л. Н. (Абрикосову, поручая работу для «Круга чтения»): Вы пересмотрите английские календари и выберите из них практические советы для тех дней, в которых собраны разные мысли, отвлеченные, для простого народа скучные. Пускай он найдет хоть практический совет на этот день. Я выбрал таких практических советов всего три — пренебрегал ими, между тем они нужны. Например: «Не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня». Из Москвы надо достать «Иоанна-Воина» [5], павликиан... Как я благодарен вам, что вы мне их напомнили,— сказал Л. Н., обращаясь ко мне.— Я помню историю: Феодор был повелитель войска, которое истребило павликиан, и после спросил оставшегося в живых старика, во что они верят? «Вот во что»,— и сам Феодор стал павликианином.

— Вы никогда не охотились? И братья нет? — спросил меня Л. Н.— Это атавизм — преследовать зверя. Медведи у вас большие? Семья ваша большая? Отцу сколько лет? Значит, разница со мною пять лет.

Л. Н. (мне): Я очень рад, что вы остались. Вечером устаю мыслить, мысль не работает, не соображаю, что̀ надо.— О статье: — Я знаю, что вы статью о назаренах прекрасно составите. Перепишите письмо Шкарвана, я его прочел, поместим [6].

Хорошо говорят у Толстых: правильно, выразительно, художественно, особенно сам Л. Н. Он не говорит на «а». Читает так, что и не заметишь, что читает из книги, как будто рассказывает. Интонация ма́стерская.

1 ноября. Вечером Л. Н. читал вслух из «Записок из Мертвого дома» Достоевского отрывки об орле и других животных и о том, как в больнице умирает каторжник [1].

Я получил телеграмму из дому — зовут к заболевшему тифом племяннику. Л. Н. спросил меня, о чем говорит телеграмма.

2 ноября. Л. Н., прощаясь со мной:

— Приезжайте, голубчик!

Как я забываю слова Толстого! В общем за эту неделю, что я пробыл здесь, я не записал и половины и никак не могу вспомнить забытое.

18 декабря. В день Сильвестра [1], о полуночи, при крепком морозе — 30° R — приехал я вторично в этом году из Засеки в Ясную *.

19 декабря. Утром я спросил Абрикосова, правда ли то, что было в газетах про Л. Н., что он упал с лошади и поранил себе ногу. Абрикосов подтвердил это и сказал, что Л. Н. после этого пролежал полдня на кушетке.

Зашла речь о том, что Андрей Львович получил «Георгия», и Абрикосов рассказал, что Л. Н. говорил: «Это он получил за то,— нескромно с моей стороны,— что он мой сын».

Глебова (мать А. В. Толстой) была у Марии Федоровны (вдовствующей императрицы), которая удивлялась, что сын Толстого на войне. Глебова сказала ей: «В наше время дети поступают по-своему, а не так, как родители желают».

По словам Абрикосова, «Круг чтения» все еще не кончен. Статья Шмита об анархизме показалась Л. Н. негодной для «Круга чтения» [1], вато из «Отказа» Шкарвана взял письмо и «Почему нельзя служить военным врачом» [2]. Шкарван писал Л. Н. про Бирюкова, какой он жадный и лицемерный [3]. Абрикосов сказал: «Если он пишет про это, должно быть, у него злое чувство к нему». Письмо не понравилось Л. Н., Марии Львовне, Абрикосову.

---

* Позднее приписано: «В этот раз я приехал в Ясную по приглашению Софьи Андреевны на 3—4 месяца. Но остался на годы».

Л. Н. говорил, что мудрых мыслей много, их нельзя исчерпать, всегда можно найти новые и новые. Он взял много из Спинозы, Паскаля. Еженедельных статей уже больше 60. О Гусе написал Л. Н. кратко [4]. Он предложил Русанову выбрать для «Круга чтения» мысли из его (Л. Н.) сочинений и прислать ему, чтобы он их исправил [5].

Л. Н., кажется, не совсем здоров. Большие холода, до —31° R. Хотя он выходит гулять, но жалуется, что воздух слишком холоден для дыхания.

Около 10 часов Л. Н. вернулся с прогулки. Свежее лицо, озябший; усы, борода в сосульках. Я онемел от радости, впиваясь в него глазами, и долго не мог прийти в себя.

— Здравствуйте, Лев Николаевич. Как поживаете? Здоровы ли?

Он прошел в свою комнату, оставив дверь открытою. Я ее тоже не закрыл и спустился вниз по лестнице. За завтраком сидели: Софья Андреевна, Мария Львовна, Александра Львовна, Наталья Леонидовна.

К 3 часам мы встретились с Л. Н. в дверях: он шел гулять, а я возвращался от ребенка Михаила Львовича.

— Где вы были? — спросил он меня.

— Гулял немного,— ответил я (это была неправда).

— Какой вы седой! Я иду гулять.

Пошел, хорошо укутанный, с раскладной палкой для сиденья, и велел прислать за ним сани.

Мария Львовна прочитала Михаилу Львовичу и мне две страницы из «Хаджи-Мурата», которые Л. Н. сегодня исправил: воспоминания Хаджи-Мурата о своем сыне Юсуфе, когда он в последний раз видел его. Как Юсуф вверх бросал охотничьего сокола [6].

В «Новом пути» Философова (в ноябрьском номере) Гиппиус, жена Мережковского, описывает в повести «Suor Maria» свое посещение Ясной [7]. По-моему, хорошо.

После ужина я читал Л. Н. и Абрикосову письмо Яначека о Немраве (немец, отказавшийся от военной службы в Австрии) [8]. Л. Н. был заинтересован и пересказал все в другой комнате Марии Львовне.

Л. Н.: Такие одинакие! Придется ему страдать. Удивительно то, что он половой.

На то, что Галек, Хлумский доставляют Немраве книги для чтения, Л. Н. ничего не сказал. Слушал же очень внимательно и поправлял меня, когда я переводил письмо на русский язык.

— От Душана Петровича будем учиться по-русски,— сказал Л. Н.— У него такие же особенные выражения, как и у нас, но или звучат смешно, или их нет в литературном языке, употребляют их мужики, например, dotýkatsa — дотрагиваться.

Потом Л. Н. говорил о мнении Хэйга, что мясо и légumineux * — бобы, горох, чечевицу — не следует употреблять, т. к. они создают вредную мочевую кислоту. Рассказал содержание его статьи [9], передав существенное, как он это умеет. Читал многие из его сочинений (они находятся в библиотеке) [10]; он в переписке с Хэйгом и придерживается его советов.

После спрашивал меня про отца и братьев. Я ему рассказал про моего брата Петра, заболевшего сердцем от волнения.

— Да, в этом я уверен, что волнения развивают сердечные болезни; на себе испытал,— сказал Л. Н.

Приехавшую из Москвы М. А. Маклакову Л. Н. расспрашивал о 2-й и 3-й эскадрах [11] и об ожидаемой конституции. Меня спрашивал о том, что думают за границей об ожидаемой в России конституции. Когда я сказал ему, что некоторые словацкие газеты на основании собственного опыта не ждут от нее ничего хорошего для народа, Л. Н. сказал:

---

* бобовые (*франц.*).

— Хорошо делают, они правы.

День был очень холодный — 20° R и больше. Получено письмо Л. Винера с автобиографией [12].

Л. Н. работал очень усиленно и написал множество писем [13].

В деревне свирепствует скарлатина в тяжелой форме.

20 декабря. У Л. Н. насморк. Утром не гулял, ходил в халате по зале. Ответил Макгоуану, корреспонденту «Standard», на его телеграфный запрос: писал ли он царю и если писал, то что? Л. Н. ответил: «Слух ложный, письма не писал» [1].

Макгоуан спутал письмо кн. Трубецкого с письмом гр. Толстого [2].

По этому поводу Л. Н. заметил про газеты:

— Какая это суета, как в деле Дрейфуса. И что же может выйти? Ничего. Правительство не откажется от своей власти. Спиноза говорит, что есть два способа познания: один внешний (опыт, наблюдение), второй — внутренний (совесть, божеское). Первый всеми силами стараются развивать, вторым пренебрегают [3].

— Можно не иметь религиозного сознания,— прибавил Л. Н. и рассказал следующее из своей жизни:

— До «Войны и мира», когда мне было тридцать с лишним лет, Страхов прислал мне Эпиктета на французском языке [4]. Я прочел и подумал, что это всё — старое, известное. Когда впоследствии развилось у меня религиозное сознание, я читал снова Эпиктета и мне он был дорог; я нашел в нем точь-в-точь то же самое, что я перечувствовал, передумал.

Вечером Л. Н. читал вслух из Давидсона-Моррисона о двух родах социализма. Он сказал:

— Как хорошо Давидсон-Моррисон предвидел будущее: государственный социализм (т. е. социализм, признающий власть государства) — детство; анархический социализм (который не признает никакой власти) — возмужалость [5]. Писал он в 1896 году, и теперь уже так есть (один социализм — прошлое, другой, анархический — будущее).

21 декабря. У Л. Н. насморк продолжается, бронхит хуже, чем вчера. Он кончил «Круг чтения» и в три часа принес его и отдал Абрикосову, чтобы тот там еще что-то переместил и послезавтра увез с собою в Москву для передачи Горбунову.

Я рассматривал в «The Review of Reviews» иллюстрацию: страшный русский редут под Ляояном, где во время ночной атаки погибло 3 000 японцев. Л. Н. заинтересовался и тоже смотрел (окопы в три ряда и три-четыре ряда густой колючей проволоки) [1].

— Ужас,— сказал Л. Н.— Мы тут рассуждаем об ужасах войны, а они там, солдаты, все свое внимание обращают на обувь (остро-каменистая почва), чтоб не быть босыми, и на ямы, в которых спят; офицеры же, как Андрюша, заняты отличиями и потехами.

— Вы что делаете? — спросил меня Л. Н.— Боюсь, что вам скучно будет.

— Нет, я занят. У меня даже много дел.

— Каких?

— Теперь привожу в порядок аптеку, изучаю медицину, пишу письма, перевожу для «Круга чтения» из Гуса, Масарика, Коменского.

Всякий раз, как Л. Н. выходит к нам, у него есть вопрос к каждому из нас. Когда он слышит нас с Абрикосовым громко разговаривающими, сейчас же спросит, о чем мы говорим.

Л. Н. поручил вчера Абрикосову ответить Шкарвану на его письмо, т. к. ему самому некогда [2]. Сказал, что дел у него прибавляется обратно пропорционально убавлению сил.

Софья Андреевна говорила, что Л. Н. не любит беречь себя. На это он сказал, что если бы он всегда придерживался ее советов, его давно уже не

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ДОМ

Фотография С. А. Толстой, 16 февраля 1906 г.

«В день Сильвестра, о полуночи, при крепком морозе — 30° R.— приехал я вторично в этом году из Засеки в Ясную».— Запись от 18 декабря 1904 г.

было бы в живых. Какие бы ни были у него боли в печени, как бы ни был Л. Н. слаб после болезни, если только в состоянии преодолеть это, всегда далеко ходит пешком или ездит верхом.

Вечером Л. Н. говорил о японском монахе, который на религиозном конгрессе в Чикаго (где он представлял несколько монастырей) играл выдающуюся роль; теперь же поехал на войну, чтобы побуждать солдат к храбрости, говоря им: «Есть два дела, ради которых стоит жить: это — разум и истина, за которые теперь воюет Япония, вот и боритесь за них». Николай Леонидович заметил на это: «То же самое, что и у нас и везде».

После обеда Л. Н. дал Абрикосову прочесть вслух рассказ Арцыбашева «Смерть Ланде» в новом номере «Журнала для всех» [3]. Сначала ему не нравилось, останавливал Абрикосова, велел выпускать, дальше читать и потом сказал: «Оставьте. Неискренно. Язык ненатуральный, и скучно». Но Николай Леонидович, который пришел позже, утверждал, что рассказ хорош. После вечернего чая Л. Н. опять дал читать Александре Львовне, и действительно нашлись места, о которых сказал: «Вот это искренно» (об аресте, о том, как заключенный укорял Ланде, что тот не протянул ему руки, когда он погибал), и решил завтра дочитать до конца.

Л. Н. из-за сильного насморка не мог читать вслух, не мог читать даже про себя. Прислушивался к беседам других, принес Диккенса, полистал немного, смеялся над его остротами. Между прочим, сказал:

— Не надо принимать без критики изречения (мысли) известных авторов, как не надо пренебрегать изречениями неизвестных, не знаменитых людей. Эту мысль я вчера записал себе.

Николай Леонидович говорил про «L'Ere Nouvelle» и про Армана (Armand). Хвалил журнал за то, что обращает внимание на всякие отказы от

военной службы, на высказывания против государства (в последнее время: Ибсена), сказал, что у него сотрудники Кропоткин, Давидсон.

— Удивительно,— добавил он,— что анархизм так медленно принимается и распространяется.

Л. Н.: Да, медленно.

Николай Леонидович: Говорят, Арман — рабочий. Средств «L'Ege Nouvelle» не имеет никаких, из двухнедельного журнала переходит на ежемесячный. Дмитрий Васильевич был у него. Я поехал бы в Париж только ради того, чтобы познакомиться с ним (Арманом).

22 декабря. Среда. Приехала семья: старушка Е. Ф. Юнге (урожденная графиня Толстая) с сыном, молодым человеком, у которого невралгия желудка.

Л. Н. спросил его, что с ним было. Почему невралгия?

— Желудок был у меня всегда в исправности, и вдруг боли, и только когда я принял кокаин, прекратились.

— Кокаин делает вред,— сказал Л. Н.,— не надо принимать его. Надо протерпеть. Какие страшные боли бывали у меня! Лежишь в холодной комнате, и всего в пот бросает.

Перед обедом был у Л. Н. отставной капитан. Абрикосов спросил Л. Н., может ли его впустить. Поговорили недолго в кабинете, после того капитан напился чаю в библиотеке и уехал. Л. Н. дал ему 3 рубля.

Сегодня утром я принес Л. Н. «Лабиринт света и рай сердца» Коменского [1].

— Я читал Коменского, и он меня отталкивал — не помню, почему,— сказал Л. Н.

Он взял книгу в руки, стал читать, потом перелистывать.

— Да, это аллегории — не люблю. По той же причине не нравится и описание путешествия Буниана [2],— сказал он. — Когда важное дело, надо тем проще выражаться. Иногда можно, как Христос,— притчами.

Дальше пересматривал. После пяти минут отдал мне книгу:

— Это мне не нравится, аллегоричностью отталкивает.

За чаем (в 3 часа) Л. Н. хвалил присланные ему в рукописи «Диалог» и два стихотворения в прозе Капниста. («Диалог» — это разговор мужика с художником на выставке картин; мужик говорит, что картины — это ненужная роскошь и за все это берется с мужиков.)

— Замечательно даровитый, ему только 17 лет,— сказал Л. Н.

Марии Алексеевне Л. Н. поручил составить биографию Паскаля [3]. За чаем говорил и о нем, какой он цельный и последовательный.

Спрашивал меня про больных в Ясной, понимают ли меня.

— Да, стараюсь говорить медленно.

— Они напряженно слушают, поймут,— сказал Л. Н.

Вечером Л. Н. продолжал читать вслух из «Журнала для всех» скучный рассказ [4].

— Боюсь, вы соскучитесь у нас,— сказал мне Л. Н.

— Нет. Только недоволен собой, что начинаю читать пустяки вроде «The Review of Reviews».

23 декабря. Утром был журналист из Тифлиса. Вечером приехал Фролов, семинарист из Владимира, 18-летний юноша, чтобы прочесть Л. Н. свои статьи «Кто я» и «Что вне меня», в которых изложено его мировоззрение.

— Удивительно, что он выражает то же, пишет о том же, о чем я, 76-летний старик,— сказал Л. Н.— Он, как молодой человек, ищет сочувствия. Я ему советовал не писать сочинения, а выражать свои мысли в трех строках или на трех страницах. Приятное у него лицо. Спрашивал, что делать, продолжать ли учиться? Я ему советовал не продолжать учение, а стать учителем, тогда у него будет досуг читать.

Мария Алексеевна говорила, что надо остерегаться босяков.

Л. Н.: Я никогда не слыхал, чтобы босяки нападали.

Мария Алексеевна опять говорила свое.

— Я никогда не слыхал,— повторил Л. Н.

Л. Н. получил из Америки стенной календарь с портретом Джонса и его изречениями. Джонс в качестве головы города Толидо на практике проводил непротивление. Кросби писал про него Л. Н-чу. Джонс умер молодым [1]. Еще Л. Н. получил извещение о смерти Г. О. Миллера, присланное друзьями умершего. Миллер во многом совпадает с Л. Н. Он просил, чтобы его поскорее похоронили, не беспокоя людей; чтобы тело его сожгли, чтобы не грустили по нем, а жили так, как жил он, радуясь жизни и живя для других.

Был разговор о спиритизме. Л. Н. сказал, что никаких спиритических чудес нет: если стол вертится, значит, его толкают, и т. п.

Шла речь про письмо Л. Н. о конституции (в Филадельфию, в «North American Newspaper»), по которому «Московские ведомости» заключили, будто Толстой против конституции, замолчав, однако, что он против нее по христиански-анархистским мотивам [2].

Софья Андреевна устраивает в Москве концерт с благотворительной целью.

— Жаль, что вы не услышите мой концерт,— сказала она Абрикосову.

— Мы ему расскажем, когда вернемся,— шутя сказал ей Л. Н.

Софья Андреевна спорила с Александрой Львовной о том, как нужно брать на фортепьяно сильные аккорды: нужно ли надавливать только пальцами или всей рукой и нужно ли при этом нагибать верхнюю часть тела. Л. Н., прислушавшись к их разговорам, шутя сказал, что следовало бы нарисовать такую карикатуру, где пианист, когда берет аккорды, подымает ноги вверх и стоит на руках.

Шла речь про М. А. Шмидт.

Л. Н.: Если буду жив, то ее навещу завтра. Надо думать про смерть. При прошлой болезни я видел, как это хорошо, если не боишься смерти.

Мария Львовна рассказала мне, что Л. Н. говорил, что у него поколебалась бы вера в бога, если бы не было равновесия счастья и несчастья в жизни всех людей. Все мы — во всей нашей жизни, не только земной — одинаково счастливы и несчастливы. У дяди Сережи была трудная жизнь, он был неверующий и страшно страдал, но, умирая, издавал звуки: «Ах! ах!», как будто увидал что-то, что-то понял. Может быть, он в эти минуты испытывал такое благо, которое искупило все его страдания...

Еще Мария Львовна рассказала, что когда-то Татьяна Львовна отдавала свою землю в Овсянникове * мужикам в аренду по низкой цене, и арендная плата вносилась в общую кассу для помощи тем, у кого пала лошадь, кто погорел, и т. п. В первый год платили исправно и разумно тратили деньги: раз помогли нескольким погорелым односельчанам, в неурожайный год купили овса на семена, выкопали общественный пруд. Но потом, видя, что контроля над деньгами нет, перестали платить и даже стали барышничать арендой. Когда Татьяна Львовна вышла замуж, она продала всю пахотную землю мужикам по 100 р. за десятину. Мужики за год аренды и после покупки очень поправились: не ходят на сторону, перестали пьянствовать.

— Я тоже,— сказала Мария Львовна,— хочу так поступить: отдать свою землю крестьянам, только буду сама собирать аренду и расходовать на их нужды.

---

* В пяти верстах от Ясной Поляны.

24 декабря. Утром Л. Н. с владимирским семинаристом. Подарил ему свой переплетенный, единственный в Ясной экземпляр «Христианского учения» и другие книги.

Позднее с восторгом говорил о нем Марии Александровне и Павлу Ивановичу, называя его философом.

После завтрака я пошел к Марии Александровне [1], семинарист — до Засеки — со мной. Он происходит из Нижегородской губернии, из крестьянской семьи; хотел бы попасть в университет. Л. Н. же советовал ему стать учителем и учиться, приобретать образование частным образом. Не знает, что делать *.

У Марии Александровны застал И. К. Дитерихса.

Мария Александровна не была рада моему приходу: ей не нравилось, что меня гоняют к ней; говорила, что каждую зиму так хворает, что это проходит. Незадолго до меня приехал Л. Н. верхом, согрелся в передней, пошел минут на пять к Марии Александровне (после он мучился — не причинил ли ей волнения), поговорил с ней и скоро уехал.

Мария Александровна сказала мне:

— Когда хорошенько подумаю о словах Льва Николаевича, всегда нахожу, что он прав; иногда мне кажется, что он ошибается, но, подумав хорошенько, убеждаюсь, что это я не понимала дела.

Придя домой, я застал П. И. Бирюкова. С шести часов Л. Н. был почти непрерывно в зале и недолго у себя с Бирюковым. Шел горячий спор Сергея Львовича с Л. Н. Сергей Львович хотел, чтобы Л. Н. высказался в том смысле, что конституция — очень желательный шаг вперед от абсолютизма. Л. Н. же говорил, что агитация земств в обществе в пользу конституции есть напрасная трата сил; люди знают нечто более хорошее, что надо делать. Если бы всякий из этих людей заботился о себе, о том, как ему самому надо жить, они поступали бы лучше и делали бы более нужную работу. Надо стараться каждому улучшать свою жизнь, а не думать о других — о пропаганде. О последствиях, о производимом этой внутренней работой эффекте нечего думать. Мнение других тоже неважно, надо работать перед богом. Герцен сказал: «Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасать мир, спасать себя; вместо того, чтобы освобождать человечество, себя освобождать,— как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!» [3]

— Если бы была введена конституция,— сказал Л. Н.,— меня это порадовало бы, как меня радует свежий снег, когда санный путь плохой. Конституция — это маленькое дело в движении человечества вперед, ⟨такое же, как⟩ религия, наука, искусство, война. А тут эту маленькую вещь ставят выше всего, а другими пренебрегают. Агитация — это известная деятельность, конституция — мера, которую может ввести правительство.

Л. Н. приводил мысль из «Круга чтения» о деспотизме и олигархии [4].

— Каким обманом создается большинство,— говорил Л. Н.,— и то, что́ это большинство решает, должно быть авторитетно, обязательно, священно, должно быть законом. У Долгорукова 12 000 десятин, и он агитирует в пользу конституции, хотя знает, что лучше было бы отдать землю мужикам. Его ведет тщеславие и 99% других — тоже.

---

* Позднее приписано: «Через полгода он принес Л. Н. свою большую статью, которая Л. Н. не понравилась [2]. Еще через год-полтора он опять был в Ясной, весь охваченный революционным настроением. Он шел пешком, без денег, на юг к своему другу, главное, для того, чтобы своими глазами видеть, что делается в наиболее революционно настроенных местностях России, и, думаю, самому возбуждать народ и участвовать в «освободительном движении». Хотя он и был увлечен революционной деятельностью, он все-таки еще сомневался, достигает ли она своих целей. Когда он уходил, глаза его горели, на серьезном лице было выражение: «погибать — так погибать». Больше мы про него ничего не слыхали. Вероятно, погиб где-нибудь».

Л. Н. говорил, что никакими изменениями внешних форм человеческой жизни вообще и, в частности, русского государства, нельзя достигнуть того благополучия, которого можно достигнуть внутренней работой каждого отдельного человека над своим самоусовершенствованием. Что, может быть, материально и были бы некоторые улучшения, но что забота об этих материальных делах, несомненно, задерживала бы внутреннюю работу человека, потому что он отвлекался бы в другую сторону. И что если бы его (Л. Н.) спросило правительство, что ему делать, то он сказал бы — дать то, чего все требуют, потому что это бы всех успокоило, умиротворило. Так, например, если бы несколько человек собрались пахать, а вдруг их повели бы подметать двор; очень приятно иметь чистый двор, только нельзя заниматься этим, когда нужно пахать. Когда люди занимаются самоусовершенствованием и достигли некоторого развития, то попутно достигаются и материальные выгоды. Когда люди хороши, то нет нужды напирать на это (т. е. на материальные улучшения). Пример — духоборы.

Тут Сергей Львович сказал, что при хороших формах жизни (правления) и люди будут лучше.

Л. Н.: Наоборот — тогда люди будут соблазняться теми формами и будут отвлекаться от внутренней работы, что и видно на других странах, где все те же грехи.

Сергей Львович: Не надо только советовать обществу добиваться конституции путем насилия, агитации, раздражения.

Л. Н.: Они не имеют никаких средств заставить царя отказаться от своей власти, так что все это, собственно, лишь только пустые разговоры, так как правительство даст лишь то, что хочет дать.

Я: Сколько же было вас на съезде в Москве? [5]

Сергей Львович: 102 представителя помещиков.

Л. Н.: Но ведь народа 130 миллионов, и их никто не спрашивал, какого они мнения.

Еще Л. Н. говорил, что он не может знать, будет ли от конституции лучше.

Сергей Львович: Все-таки не будет жертв: молокан, духоборов, штундистов. Зачем нужны страдания?

Л. Н.: Будем действовать, чтобы их не было. Но нужны ли они, это другое дело. Смерть Христа...

Сергей Львович: Ты ведь одобряешь Генри Джорджа, а его устройство — ведь тоже внутренняя политика.

Л. Н.: То, что его проект достигается насилием, это его недостаток.

Спор шел очень горячий. Сергей Львович ходил взад и вперед по комнате, прерывал речь Л. Н., весь красный, как рак, и, ужасно взволнованный, спорил и с Николаем Леонидовичем, который был целиком на стороне Л. Н-ча. Л. Н. тоже не уступал, не прощал Сергею Львовичу ни одной ошибки, на все ему возражал.

— Ты горячишься,— говорил Л. Н.,— потому, что хочешь горячиться...

Дело дошло до того, что у Л. Н. сжималось горло и он говорил тонким голосом, прерываясь, задыхаясь и чуть не плача; хотел было уже пойти в свою комнату, но остановился на пороге и опять отвечал. Он ушел бы уже раньше, но его задержал Бирюков, ставя ему те же вопросы, клонящие к тому, чтобы получить от Л. Н. ответ, что конституция все-таки лучше монархии и что поэтому надо желать ее как шага вперед. Но Л. Н. не дал этого ответа.

— Лев Николаевич, не признавая правительства, будучи анархистом, не может желать перемены формы правления,— сказала Мария Львовна,— и это надо бы было приписать в конце телеграммы «American Newspaper» (Philadelphia).

Сергея Львовича сердило, что «Московские ведомости» мутят общественное мнение, обманывают публику неверным толкованием этой телеграммы Л. Н.

Сегодня Брайан прислал свою книгу «Under Other Flags» с надписью Л. Н-чу [6]. В книге две иллюстрации: на одной — Л. Н. с Брайанами, отцом и сыном; на другой — посередине Л. Н., направо — папа Пий X, слева — Николай II. Брайан считал в то время царя за самого сильного из монархов в Европе. Когда за обедом Бирюков рассказал об этой иллюстрации Л. Н-чу, тот сказал, улыбаясь:

— Да, я протестую против этой компании.

Л. Н. поручил Марии Львовне написать о чем-то Кросби и в этом письме поблагодарить Брайана за книгу.

Ю. И. Игумнова рассказала, что Брайан приезжал к Л. Н. в декабре 1903 г. Он приехал утром, когда Л. Н. занимался, а в 12 ч. должен был уехать, т. к. на другой день ему было назначено свидание с императором Николаем II. Л. Н. прервал свои занятия и вышел к нему. Поговорив с Л. Н., Брайан решил остаться до вечера и телеграфировал в Царское Село отказ.

В вопросе о недопустимости насилия Брайан вполне сошелся с Л. Н.

— Брайан был серьезный,— сказал Л. Н.— Мне странно, что он может претендовать на президентское кресло. По своим взглядам он очень исключительный американец.

В разговоре с Бирюковым Л. Н. выдвигал американцев: Чаннинга, Эмерсона, Гаррисона. Говорил, что черпал много (для «Круга чтения») из теософского журнала «The World's Advance Thought», который редактирует женщина Люси Малори. Вспомнил про теософа Гартмана. Корректура «Круга чтения» будет длиться четверть года — полгода. Сказал, что он сам будет вести ее [7].

В полночь приехал Дунаев.

И. К. Дитерихс: Когда я узнал, что Порт-Артур сдан [8], у меня гора свалилась с плеч. Стесселя я знаю лично, суровый человек, без каких бы то ни было нравственных свойств, готовый расстрелять 1000 солдат. Говорят, Порт-Артур держался Смирновым. Обвиняли Ухтомского, ездившего с дарами в Пекин.

Л. Н. сказал:

— Я себя поймал: когда Россия уступила Кульджу, мне было жаль, зачем уступила, раз уже имела ее. Патриотическое чувство.

25 декабря. Утром был у Л. Н. еврей из Одессы интервьюировать его насчет сионизма и территориализма (переселения евреев в Уганду). Разговор был напряженный, серьезный, утомительный. Сионизм, оказывается, сильнее всего среди русских евреев. Территориализм симпатичнее Л. Н., чем сионизм, поддерживающий еврейскую исключительность и догматизм. Л. Н. вспоминал трех евреев, которые были ему симпатичны (Минора не было между ними). Минору-младшему дал рекомендацию к Тургеневу [1], другому — к Кросби. Вспомнил, что, когда он изучал еврейский язык с раввином Минором и они дошли до слова Yahve (Иегова), Минор сказал, что он не смеет произнести это слово, и вместо него сказал: «Адонай».

Л. Н. рассказывал о детстве, вспоминал, как его старший брат Николай забавлял их, рассказывая про Фанфаронову гору и муравейных братьев. Чтобы взойти на Фанфаронову гору, нужно было, во-первых, стать в угол и не думать про белого медведя; во-вторых, пройти, не оступившись, по щелке между половицами, и, в-третьих, в продолжение года не видать зайца, ни живого, ни мертвого.

Софья Андреевна дала Бирюкову читать свои дневники, которых у ней много, особенно с того времени, когда Л. Н. болел в Крыму. Вспоминала, что он был тогда пять месяцев опасно болен и она ходила за ним каждую

ночь до 4 ч. утра. Иногда в продолжение двух с половиной часов непрестанно делала ему массаж, часто засыпая при этом и вздрагивая.

У Л. Н. было сильное желание остаться в живых. Это желание и спасло его. Был необычайно терпеливый, кроткий, но и exigeant *, хотел то одно, то другое. В Крыму ухаживали за Л. Н. два врача, через день приезжал и городской врач [2].

Л. Н. прочел вслух большую выдержку из книги Макиавелли «Государь» о том, что цари должны притворяться благодетелями народа, озабоченными его благом. Он дает совет, как нужно царствовать ⟨царю-завоевателю⟩: или разорять народ («это делают Романовы, Николай II»,— заметил Л. Н.), или строго соблюдать конституцию (существующие в завоеванных странах учреждения), или поселиться среди завоеванного народа [3].

Потом Л. Н. прочел вслух два рассказа на французском языке про смерть Екатерины (удар); два сообщения, одно — поляка-монаха (кажется, Калинки) [4].

Л. Н. сказал:

— Все ищу, чем держится правительство; что делает возможным, чтоб царствовали такие люди, как Наполеон или развратная, ограниченная, злая Екатерина, как могла она водить мир за нос в продолжение 30 лет?..

Ответил, что находит причину в государственной машине, посредством которой достигается повиновение людей.

Бирюков сказал, что тем, кто служит, нужна какая-то власть, какая бы то ни было, а то им некому служить. Поэтому не разбирают, кто царствует.

Л. Н.: Петр III и Павел были лучше, чем какими их представляют, потому что убили их и надо было их оклеветать, чтобы оправдать себя. Наоборот, Екатерина, Александр I были гораздо хуже, чем их описывают.

Об Александре I Л. Н. сказал, что он не был таким просвещенным, каким его историки изображают: он был человек хитрый, лукавый.

Николай Леонидович сказал, что теперешний Николай, говорят, тоже в глаза соглашается, но делает по-своему. Речи свои к войску произносит смело.

Л. Н. дал прочесть нам, «пока дамы не пришли», как он выразился, письмо Стасова о книгах с выпиской из одного документа, посвященного Екатерине, хранящегося в Публичной библиотеке [5]. Молчание. Л. Н., пока мы читали, уходил к себе. Вернувшись к нам, он спросил: «Прочли? Не тошнило?»

— Действительно, блевать хотелось,— сказал И. К. Дитерихс, который и читал вслух это письмо.

П. И. Бирюков: Китайцы были у вас?

Л. Н.: Нет, и жалею, что не имею возможности поговорить с ними. Вот японцев сколько было [6].

Бирюков упомянул про работы двух китайцев, писавших, что Л. Н. ссылается на их мудрецов и согласен с ними. Дунаев вспомнил про какого-то китайца во Владивостоке, который говорил его знакомым с большим уважением и знанием про Толстого.

Дитерихс рассказывал, как он путешествовал из Канады в Нагасаки с японцами, которые, узнав, что он знаком с Л. Н., расспрашивали про него и очень заинтересовались его фотографической карточкой, которая оказалась у него.

А. Э. Юнге рассказывал подобное же. Его мать ехала в Италию, и в вагоне начался разговор про Толстого, который вызвал большой энтузиазм.

---

* требовательный (*франц.*).

Л. Н. пишет философское сочинение — опыт изложения своего вероучения [7].

Л. Н. так не говорит, как я записываю. Он выражается кратко, сильно, ни одного лишнего слова; слово соответствует представлению. Никто не говорит так определенно, как он.

26 декабря. Хотя гостят здесь Бирюков, Дунаев, Сергей Львович, Дитерихс, Л. Н. занимается, как всегда. Перечитывает Бирюкова «Биографию Толстого». Сказал, что хотел бы написать про свою жизнь художественно. Например, у Берса имеется описание его путешествия с братом Николаем по Волге [1]. Об этом можно бы написать целую книгу. Когда ехал с Кавказа в Дунайскую армию, ехал через Ясную; тогда здесь было очень просто, все четыре брата ночевали на полу [2]. Какие воспоминания!

За завтраком Софья Андреевна предлагала мне побольше есть и удивлялась, как я мало ем. Я сказал, что ем в два раза больше, чем у себя дома, потому что у них кухня очень вкусная.

— Этому я рада.

Рассказывала мне, что отец ее был гофмедик, мать — тульская, было их восемь человек детей. Воспитывались они очень практично, хозяйственно, по очереди варили, исполняли работы по дому, сами шили себе платья, которые получали уже скроенные. Вот на такой, когда ей было 18 лет, женился Л. Н. Когда она приехала в Ясную, тут ничего не было. Нечего было есть. Все нужно было заводить.

Софья Андреевна говорила, что из всех посетивших Л. Н. людей самый милый, умный и красивый человек — это Кросби; что она влюбилась в его душу, так он подкупил ее своими качествами. В Ясной он пробыл день, приехал в Москву и застал ее в саду. Рассказал про то, что творится в Ясной, и спросил: «Знаете ли вы, что̀ я там видел самое замечательное?» — «Льва Николаевича»,— сказала я.— «Нет. Ванечку. Он, когда вырастет, или превзойдет Льва Николаевича своим гением, или умрет рано».

— Этой своей чуткостью, что он так быстро понял даровитость и доброту Ванечки, он подкупил меня,— рассказывала Софья Андреевна.— Я зашла к нему в номер — в доме у меня был тогда беспорядок — и разговаривала с ним про философию и другое [3].

— Ванечка за семь лет своей жизни прямо воспитал меня,— продолжала Софья Андреевна.— Он не мог перенести, когда люди при нем сердились. Он таким родился, говорил о том, о чем не читал и не слышал. Когда я принесла ему коробку шоколада, он, во-первых, поднес Илье Васильевичу и слугам и, глядя на меня, сказал.....* Когда была елка, спросил: «Почему же это нам? У нас всего довольно, почему это не слугам и мужикам?» Раз он искал меня и нашел меня, плачущую, в зале.— «Почему плачешь, мама̀?» — «Твой папа̀ обидел меня». Тогда он, ничего не сказав, пошел ко Льву Николаевичу, влез на диван, обнял ему шею руками и сказал: «Об одном прошу тебя, папа̀, никогда не обижай мама̀». (Это рассказал и Л. Н.) Раз няня недостаточно тепло одела его, и я бранила ее, что ребенок может простудиться и заболеть. «Не сердись, мама́. Разве не легче умереть, чем видеть, когда люди сердятся?» Он был похож на Машу и Льва Николаевича. Он говорил: «Я сам чувствую, как я похож на папа̀». Я с тех пор, как Ванечка умер, живу только наполовину.

В каком-то журнале попалась фотография Мережковской-Гиппиус в декадентском платье, похожем на мужской костюм. По этому поводу разговор коснулся ее. Александра Львовна рассказывала про Мережковскую:

— Декадентски одетая; когда говорила с отцом, то делала это с снисходительностью.

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н. сказал про Мережковского, что он балуется верой. Это хуже, чем если человек занимается верой из славолюбия, честолюбия или корыстолюбия.

Мережковский написал книгу о Достоевском и Толстом, видна в ней враждебность к Толстому [4]. Жена же Мережковского писала, что и перед приездом ее муж с любовью относился к Л. Н. и что он уехал с той же любовью, с какой приехал [5].

Александра Львовна: Мережковскую бы взять за шиворот и выбросить ее!

26 декабря я был отозван к больному ребенку, поэтому не присутствовал при разговоре Л. Н. с Дунаевым и Бирюковым.

27 декабря. Морозный день. Л. Н. утром выходил гулять, хотя жалуется, что «в горле давит». Ему нездоровится. После полудня не выходил. «Даже не хочется»,— сказал он. Когда же увидел, что поднимается метель, сказал, что рад, что не пошел гулять. С Марией Алексеевной шутил за чаем: «Д[illegible]т с вами петь не буду».

Было много больных: человек 12—15. Из амбулатории я пришел без четверти три. Когда я завтракал, пришел Л. Н., спросил, много ли больных, чем болеют, и меня: «Вы здоровы?» (Абрикосов говорил мне, что до моего прихода Л. Н. рассказал, что видел меня во сне: я откуда-то пришел и хотел подняться на лестницу, но не мог, был нездоров.)

В 3 часа Л. Н. сел за завтрак и разговаривал с Дунаевым; после присел к столу только что приехавший с Дальнего Востока корреспондент «Руси» Попов, раненный навылет в грудь под Ляояном.

Дунаев: Вот мое мнение о Стесселе оправдывается, у него семь денщиков, и ни одного непоротого.

Корреспондент: Да, он грубый, и его супруга тоже.

Л. Н.: Что же теперь там делается?

Корреспондент: По-моему, да и по мнению многих, кампания проиграна. И это ничего: будут самые обширные реформы. Выйдет на благо России. А если бы мы выиграли, то власть правительства стала бы еще сильнее. Эти три министра-генерала получили бы еще большую власть [1].

Л. Н.: Будут ли реформы — сомневаюсь, выйдет ли благо — нельзя знать. Верный прогресс человечества один — в области духовной, в самоусовершенствовании каждого отдельного человека. И человек может двигать только себя одного, а не других реформами. Количество и связь причин, влияющих на движение человечества, огромны, так что нельзя предсказать и смешно приписывать известной внешней реформе важное влияние на движение человечества. Возьмем наш рост, одного индивидуума, какие разные и переплетенные были влияния на нас. Прогресс есть, но он нам не виден, как и рост дуба; иногда он идет по спирали.

Корреспондент: Слава русского оружия померкла. Надеялись, что лучшая армия у нас.

Л. Н.: Какая тут слава, только позора бы не было.

Корреспондент: Вначале не было другого имени японцам, как «япошки», «обезьяны».

Л. Н.: Это всегда так было: в Севастопольскую кампанию, в Франко-немецкую.

Корреспондент: Но японцы победили лишь потому, что организация наша была ужасно плоха.

Л. Н.: То же оказалось во время Севастопольской и Турецкой войны. Я уже тогда об этом писал [2]. Да и у англичан в бурской войне было то же самое. Это не изменяется. Я с самого начала видел в японцах нацию, поразительно <?> воинственную, какие являлись в известные времена — Кира, Александра, Карла XII, Фридриха Великого. Будет ли ей победа

полезна — вопрос. Германии она не была на пользу. Также и Франции — то, что она проиграла, было скорее на пользу ей.

— Когда вас ранили, было больно? — спросил Л. Н.

Корреспондент: В первый момент.

Л. Н.: Как палкой ударит, помню с Севастополя.

Корреспондент: Да, точно поленом. Упал. Пуля была хороша, пробила грудь, через лопатку вылетела.

Попов рассказывал, что в Иркутске по распоряжению Куропаткина казармы чистятся и приготовляются под больницы. Странное чувство, когда подумаешь. В общем все были разочарованы ходом войны.

Л. Н.: Всегда так было.

Корреспондент: Японцы, думаю, не разочарованы.

Л. Н.: Японцев-то видели?

Корреспондент: Нет, не удавалось, кроме как при Ляояне, где я был на самой передней батарее, из которой осталось в живых всего пять человек. Японцы стреляли с полутора тысяч шагов.

Дунаев: До штыков не доходило?

Корреспондент: Это только ночью.

Л. Н.: Какие это нелепые описания рукопашен, «грызни» друг друга!

Дунаев: По Драгомирову, штык — молодец. Об этом вы, Лев Николаевич, давно еще спорили с Драгомировым [3].

Л. Н.: Штык только для пугания.

Корреспондент: Куропаткин в ноябре все время ждал нападения японцев. В Мукдене делались ежедневно распоряжения и приготовления для приема раненых. Они сошлись, но не нападают друг на друга: ни японцы, ни русские не чувствуют себя достаточно сильными для нападения.

Сегодня получена телеграмма от Андрея Львовича (еле можно было понять, так была переврана, как все телеграммы оттуда — с Дальнего Востока), что приедет в половине января; что лошадь ударила его в затылок (вынимали кость); голова у него побаливает. Корреспондент говорит, что виделся с ним; что он не приехал сразу потому, что, получив «Георгия», не хотел сейчас же уехать, чтобы не было разговоров.

Сегодня приехали Софья Николаевна, жена Ильи Львовича (с дочерью и двумя мальчиками), младший Сухотин, Горбунов. Сергей Львович уехал в Крым.

Перед обедом (до шести часов) Л. Н. разговаривал с И. И. Горбуновым насчет «Круга чтения».

— 22 дня лишних,— сказал Л. Н.— Их надо распределить и поместить на такие дни, в которых говорится о специальных темах, например, про вегетарианство. Таким образом, прибавится чтения на эти дни и будет сильнее. Для дней воскресных тоже есть восемь лишних рассказов. Сами выбирайте. Надо быть осторожным с Марксом, издателем сочинений Чехова, у которого я взял два рассказа, и Глазуновым, издателем Тургенева, у которого взял два стихотворения в прозе и два сокращенных рассказа.

Л. Н. попросил корреспондента «Руси», чтобы он зашел к издателям и попросил у них разрешения перепечатать в «Круге чтения» рассказы Чехова, Тургенева, хотя бы за деньги, вырученные от «Круга чтения» [4].

Корреспондент «Руси» уехал в Петербург.

* Вечером, от половины седьмого до половины двенадцатого, Л. Н. оставался в зале за круглым столом. П. И. Бирюков задавал ему вопросы о его молодости. Л. Н. отвечал, я записывал и записанное передал Бирюкову. Отвечая на его (Бирюкова) вопросы, Л. Н., между прочим, рассказал, что Александра Николаевича (Александра II) он встречал два раза,

---

* Дальнейшее, до разговора о прогрессе, переписано мною с черновых записей через восемь лет.

не кланялся ему. Раз на лестнице фотографического заведения; у него было испуганное лицо, как у травленого зайца.

О своем заграничном путешествии Л. Н. рассказал:

— Герцен дал мне письмо к Прудону, поставил меня с ним в самые близкие отношения, и к Лелевелю. У Лелевеля вместо звонка чернильница,— и отворил старик. Я ему привез поклон от Герцена, он меня принял, рассказывал мне про старину... [5]

Н. Л. Оболенский, по желанию Л. Н., прочел вслух из словаря Брокгауза биографию Лелевеля. Лелевель участвовал в подготовлении польского восстания, в 1830 г. был членом Временного правительства, в 1831 г. эмигрировал за границу.

Л. Н. внимательно слушал, переспрашивая то, что не расслышал, и по окончании чтения сказал:

— Хорошо. Кто это написал?

Статья подписана: *В. М-н* (В. А. Мякотин).

И. И. Горбунов напомнил, что когда-то в Ясной Поляне был член партии «Земля и воля», артиллерийский офицер. Л. Н. смутно помнил это.

— Вы в Дрездене были,— спросил П. И. Бирюков,— классические картины галереи произвели на вас впечатление?

— Никакого,— ответил Л. Н.,— то есть я еще находился под гипнозом, что надо восхищаться. Выжимал, дулся... ничего не вышло.

— Чичерин рассказывал, что вы в Брюсселе занимались тем, что собирали картинки,— сказал А. Н. Дунаев.

— Эти картинки премилые, жанровые,— ответил Л. Н.— Это искусство, а Мадонна Рафаэля не есть искусство. Я был в 61-м году в Брюсселе...

Мария Львовна спрашивала, что бы ей перевести. Л. Н. сказал:

— Давидсона-Моррисона «The New Book of Kings» надо перевести. Может быть, пройдет (т. е. через цензуру).

Л. Н.: Я сорок лет тому назад записал и теперь тоже такого мнения,— может быть, ошибаюсь,— что прогресса нет [6]. То, что в деле истинного прогресса — духовном совершенствовании — было идеалом тому назад 2000 лет, то и сейчас есть. Реальная жизнь — духовная; телесное существование — только прибавление.

Л. Н. пишет про деспотизм [7].

— Перечитываю в первый раз свое сочинение «Царство божие...»,— сказал Л. Н. на этих днях.— Оно мне нравится. Там то же самое, о чем теперь пишу. О государстве хорошо написано...

Я сказал Илье Васильевичу (лакею), чтобы он, когда делает что-нибудь в зале и Л. Н. в то время говорит, не стучал, как, например, сегодня стульями или, как в Гаспре, тарелками. Л. Н. не любит, если шумят возле него: у него слабый голос, часто покашливает, голова у него побаливает, ему трудно переносить шум. Я это вижу.

— Хорошо, человек забывает,— сказал Илья Васильевич.

— Знаете ли вы, Илья Васильевич, что Лев Николаевич — самый выдающийся человек со времен Христа?

— Да, миролюбием, кротостью. Раньше, чем хотят проявить гнев, воздерживаются. Человек двенадцать лет служит, мало ли что бывает? Но я никогда сердитого слова от них не слышал, косого взгляда не видал. Величайший человек. Таких, пожалуй, мало будет.

— Я же думаю, что не только теперь, но и никогда не было на Руси такого человека. Людей добрых, самоотверженных, кротких на Руси много, только мы не знаем про них, но с таким умом нет другого.

28 декабря. Л. Н. выглядит бодро, лицо свежее, гладкое, спокойное, нет в нем усталости. От 3 до 5 часов ездил верхом. До того аккомпаниро-

вал снохе Софье Николаевне, которая пела. За обедом беседовал с ней о музыке.

— Музыка должна утишать, умилять, а не возбуждать страсти, — говорил он. Еще сказал, что она играла что-то томительное и после страстное и что такою не должна быть музыка. Вспомнил про какую-то певицу в Москве, которая пела «сашикайте огни». Сказал, что Стасов, музыкальный критик, ничего не понимает в музыке.

Меня Л. Н. спрашивал о близком ему по взглядам писателе Эугене Шмите. Когда я рассказал то, что знал о нем, Л. Н. заметил:

— Да, у него запутанный язык.

— Он хочет привести в систему ваше учение,— сказал П. И. Бирюков.

— Он видит в нем *этот* недостаток? * — спросил Л. Н.

— Да.

29 декабря. Перед полуночью Л. Н. спросил меня:

— Это вы писали Черткову о письме к государю?

— Да, даже два раза — он (Чертков) вторично спрашивал **.

Л. Н.: Как же это он не обратился ко мне? Он поторопился, напечатал без пояснения [2], вышло неделикатно. Это мне неприятно, не в смысле гонения — это было бы приятно, но тут indiscrétion ***. Я не хотел говорить об этом при Софье Андреевне, она расположена нехорошо к Черткову. Пред ней я один ответствен, не Чертков.

— Сегодня сделал десять шагов по снегу, устал,— сказал Л. Н. — Это старческая слабость. Но тут,— он указал на грудную кость и на левую линию parasternalis,— чувствую боль, пульс нехорош.

До этого говорил, какая прелесть — верхом ездить:

— Иногда не хочется, но когда проеду версты две, то рад, что поехал. Сашина лошадь (Делир) не спотыкается, у ней ноги крепкие, и всегда веселая. Обыкновенно езжу к Козловке, не доезжая до железной дороги, сверну налево, к шоссе, к мосту, потом налево через лес к купальне и оттуда нашим лесом домой. Круг в десять верст.

Бирюков спросил, жив ли еще Мухортый?

— Нет. Тоже смирная, добрая была лошадь.

Л. Н. получил длинное письмо от С. Т. Семенова про Чертковых, про Пунгу и Димочку. Димочка ему не нравится [3].

Л. Н.: У Семенова важнее то, что он добровольно поселился в деревне, живет там и работает, чем его писательство. Его еще манят всякие соблазны, вроде того, что Париж хочется повидать. Мы это уже испытали (кажется, единственная выгода богатства), для него же это еще соблазн.

Читал вслух письмо мужика, который помнит освобождение крестьян, и присланную им поэму-сатиру на освобождение мужиков [4].

— Хорошо написано, недурно,— сказал Л. Н.

Вел разговор с М. М. Сухотиным про внутреннее сознание и опыт:

— Их нельзя смешивать,— сказал Л. Н.— Сознание реально, опыт нереален. У материалистов же обратно.

Читал вслух из «Volkserzieher» (№ 1, 1 Jan. 1905. Berlin) статью Вейса (друга Эгиди) о смерти, о том, что нет смерти и ее нечего бояться. (По богословию же смерть и труд — наказания.)

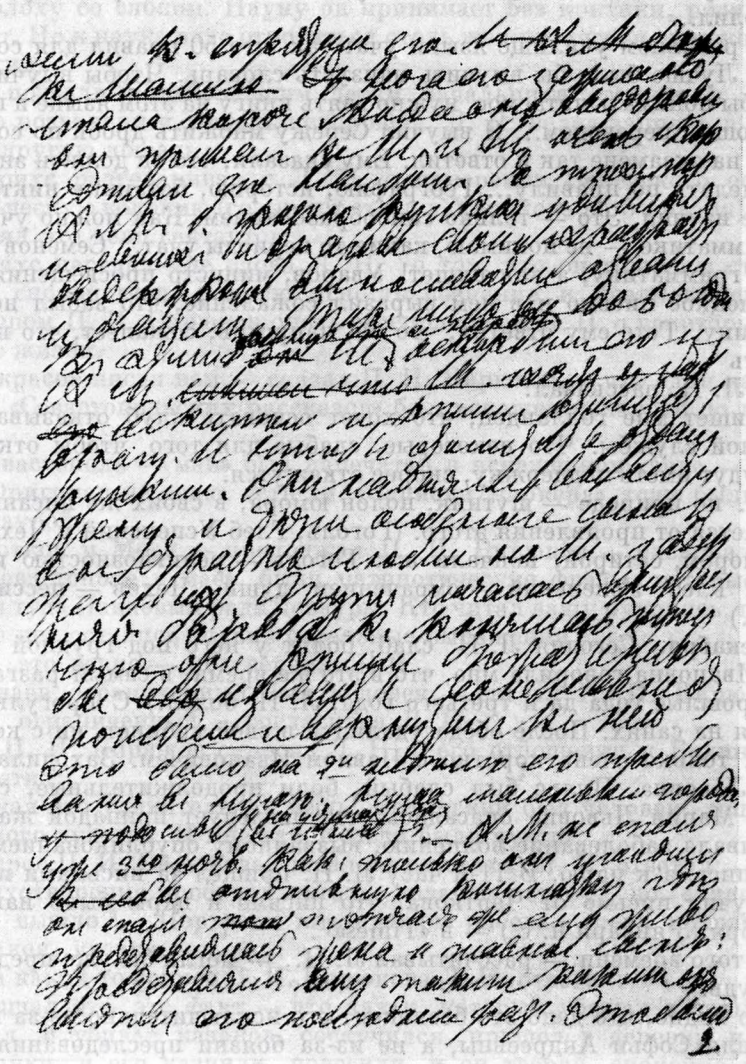
Александре Львовне сказал, чтобы она не брала для переписки то, что он писал сегодня, т. к. не писалось ему и он недоволен тем, что написал.

---

* Сам Л. Н. не считал «недостатком» это отсутствие системы в своем учении, говоря, что философы обыкновенно искусственно подгоняют свои учения под какую-нибудь придуманную ими систему.

** Письмо, написанное Л. Н-чем во время его болезни в Крыму и напечатанное теперь Чертковым. Л. Н. как-то мне сказал, что Чертков может его напечатать, и я сообщил ему об этом [1].

*** бестактность (*франц.*).



РУКОПИСЬ «ХАДЖИ-МУРАТА». ЛИСТ ИЗ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ. 1896
Автограф

«Мария Львовна прочитала Михаилу Львовичу и мне две страницы из «Хаджи-Мурата», которые Л. Н. сегодня исправил: воспоминания Хаджи-Мурата о своем сыне Юсуфе, когда он в последний раз видел его. Как Юсуф вверх бросал охотничьего сокола». — Запись от 19 декабря 1904 г.

* Потом расспрашивал Софью Николаевну, где учатся ее дети, и по этому поводу высказал некоторые свои взгляды на узаконенные программы и методы обучения.

— Почему правительство заботится о школах?— сказал он.— Как смешно, что правительство управляет образованием, предписывает программу и не терпит другой. Понимаю, что оно не хочет, чтобы учили скопческие взгляды или революционные... Когда я был попечителем тульского

* Дальнейшее, до окончания записи этого числа, переписано мною с черновых записей через восемь лет.

реального училища и хотел ввести обучение английскому языку, министр не позволил...

— В реальном училище языки учат так, что 50 правил для сочетания 49 слов. Лучше было бы выучить наизусть словарь. Чтобы выучить язык так, чтобы понимать читаемое, нужно взять книгу на этом языке и прочесть ее с хорошим переводом... Я выучил Сережу множить дроби по соображению. Он на экзамене так и ответил. Ему сказали, что он должен знать правило и делать по правилу... Географию, историю, ботанику никто в гимназии не изучил. Это — только самообразованием. Как можно учить русской грамматике — не понимаю, какие-то периоды учат... Семенов никогда не учил грамматику, а как пишет! Уваров, министр просвещения, писал Гете немецкое письмо и в нем выразил сожаление, что забыл немецкую грамматику. Гете ему ответил, что он, напротив, сожалеет, что не может ее забыть [5].

Еще Л. Н. рассказал:

— Пишет мне голландец, что хочет основать клуб отказывающихся от военной службы. Что некоторые, слабые для того, чтобы отказаться, когда будут иметь поддержку, скорее откажутся.

Л. Н. по природе — шутник, полон юмора, в своих же писаниях воздерживается от проявления этого. (Гоголь, Глеб Успенский и Чехов начинали юмором, сатирой, кончали же: Гоголь — религиозностью и мистицизмом, Глеб Успенский — омрачением души, Чехов — пессимизмом, грустью.)

30 декабря. Сегодня Л. Н. слаб, болит у него под грудной костью. (Юлия Ивановна говорила мне, что в это же время, в самый разгар зимы, в оба прошлые года да и третьего года, Л. Н. болел.) С прогулки Л. Н. вернулся на санях. После обеда удалился в свой кабинет, ни с кем не беседовал, только очень коротко с Павлом Ивановичем. Заходила к нему Мария Львовна. Пульс был слабый, боли продолжительные, слабость, изжога; Мария Львовна опасалась, что последует припадок жабы. Она приписывала заболевание волнению, вызванному опубликованием без его ведома письма к царю. В 11-м часу Л. Н. пришел за письмами и сказал, что получил письмо от Черткова, что письмо к царю было напечатано 21 декабря (3 января н. с.) — в «Times» [1].

— С того времени,— рассчитывал Л. Н., — могли бы уже предпринять что-нибудь.

Было видно, что дело это беспокоит его исключительно из-за неприятностей для Софьи Андреевны, а не из-за боязни преследования. (Л. Н. ожидал, что власти его как-нибудь накажут.)

Л. Н.: Чертков пишет, что его мать уезжала и он в последнее время с нею оставался, поэтому не мог писать. Должно быть, это дело Анны Константиновны, что письмо было так скоро напечатано; она ведь либералка.

— Да, она революционерка,— подтвердил Бирюков.

Л. Н.: Она не так религиозна, как Владимир Григорьевич.

31 декабря. После обеда Л. Н. ездил верхом к Марии Александровне. Приехали: Дитерихс, два младших Сухотиных. За обедом Софья Андреевна заметила, что основателем Московской консерватории был Л. Н. После Московской была основана Петербургская. Рассказывал это же и сам Л. Н. Павлу Ивановичу [1].

Л. Н. рассказывал про прочтенную им книгу Джемса, которую привез ему Абрикосов: «The Varieties of Religious Experience» [2].

— Это книга, каких много в английской литературе: ходят около христианства. Если кто говорит об экономии, никому не приходит на ум провозгласить ненормальным его душевное состояние; если же о религии, то сейчас начинают рассуждать о ненормальности душевного состояния.

Автор спрягает религию с наукой по значению, которое они имеют в жизни, как блоху со слоном. Науку он принимает без критики, религию же критикует. Но к науке надо относиться столь же критически, как ко всему, и к религии.

Меня позвали к заболевшим детям начальника станции в Засеку. Видя, что розвальни и лошадь нехорошие, Л. Н. велел запрячь в домашние сани другую лошадь.

Дитерихс разговаривал с Л. Н. о намерении Беневского основать земледельческую колонию (созывают съезд в Харькове на 5 января). Л. Н. не поощрял это дело сектантов.

Дитерихс передал мне слова Л. Н. о том, что он только в старости приобрел спокойствие, полную ясность сознания и уравновешенность.

* Вечером П. И. Бирюков опять расспрашивал Л. Н. о некоторых фактах из его жизни.

— Некрасов писал вам,— сказал П. И. Бирюков,— что один какой-то из ваших «Севастопольских рассказов» был искажен цензурой до неузнаваемости.

— «Севастополь — май» был напечатан в искаженном виде,— сказал Л. Н.— Оригинал не знаю, есть ли. «Записки маркера» тоже были искажены цензурой.

— Чертков и Моод,— продолжал П. И. Бирюков,— раскопали, что там, в «Севастополе в мае», были патриотические фразы, которые были вставлены туда Панаевым ради цензуры. Кто читал вашу рукопись, говорили, что из нее остались только отдельные выражения [3].

— Да, это верно,— подтвердил Л. Н.

— Панаев ограниченный был человек,— сказал П. И. Бирюков.

— Да, ограниченный,— согласился Л. Н.

Затем П. И. Бирюков спросил Л. Н. о его отношении к Белинскому. Л. Н. ответил:

— Какая это удивительная вещь! Белинский был человек, лишенный религиозного чувства. И мне такие люди были чужды...

На вопрос П. И. Бирюкова, писал ли он стихи, Л. Н. ответил:

— Стихотворения пробовал писать: казачки встреча, но, слава богу, ничего не вышло [4]... Портреты карандашом рисовал очень похоже: тетушку, лакея, казака...

Еще на какой-то вопрос П. И. Бирюкова Л. Н. ответил:

— Слышал я — это факт,— что казак, который убежал в горы и абреком стал, и убивал казаков, соскучился, пришел в деревню и дался прямо в руки, и его казнили, повесили, и он твердо, спокойно умер [5].

О своем отношении к крепостным крестьянам Л. Н. сказал:

— Кажется, у меня того греха нет, чтобы я отпускал за деньги; а оброк брал, этот грех у меня на душе есть.

О немецком народном писателе Б. Ауэрбахе (которого он посетил в Дрездене в 1860 г.) Л. Н. сказал:

— Ауэрбах мне очень нравится. Сейчас читаю его «Denkersleben». Он историю Спинозы по точным данным романизировал... [6] Мне было очень приятно: он был старый человек, я — молодой, и он ласково встретил меня.

В Киссингене (где он был в том же 1860 г.) Л. Н. познакомился с писателем Юлием Фрёбелем (автором «Системы социальной политики»).

— У него был друг Франц, революционер,— рассказал Л. Н.,— я им обоим говорил о русских крестьянах, об общине... Они не соглашались со мной. Когда я говорил им об Ауэрбахе, Франц презрительно отозвал

---

* С этого места до анекдота о Николае II идет переписанное мною с черновых записей через восемь лет.

ся о нем, потому что он еврей. Это юдофобство в революционере так меня оттолкнуло. Фрёбель был тоньше...

— Мне хочется свое и ваше,— сказал Л. Н-ч Бирюкову.— У вас [7] все факты идут одинаково, а у меня в воспоминании одни — как Монблан, а другие — как муравейные кучи...

(Под влиянием расспросов П. И. Бирюкова Л. Н. опять стал писать свои воспоминания.) [8]

Разговор перешел на теперешнее общественное движение. Л. Н. сказал:

— Так и вижу, как будет конституция... Есть превосходное место у Тэна, что́ такое конституция. Уже на выборах выбирают людей, которых не знают, но которые умеют себя рекламировать... [9] Борьба партий... Тут ничего похожего нет, чтобы отстаивать интересы народа...

Л. Н. рассказал анекдот про Николая Александровича (Л. Н. в разговорах обыкновенно называл русских царей по имени и отчеству: Николай Павлович, Александр Александрович и пр., а не Николай I, Александр II, III и пр.). Когда царь был в Париже и его торжественно принимали улицы Парижа, крича: «Vive l'Empereur! Vive l'Impératrice!» *, кто-то громко крикнул: «Vive la dame à gauche!» **.

---

* «Да здравствует император! Да здравствует императрица!» (*франц.*).

** «Да здравствует фаворитка!» (*франц.*— буквально: «дама слева»).

1905

1 января. Л. Н. слаб, и ему слишком шумно от гостей. Утром он выходил гулять, утром и после обеда ездил верхом. Приехали Скороходов с сыном и Илья Львович. Скороходов приехал затем, чтобы спросить у Л. Н. насчет сына. Мать хочет, чтобы он учился, отцу же неохота, да и пахарь он хороший. Прочел Толстого, Марка Твена. Что́ есть важного в литературе, у них имеется в доме. Отец им доволен. Умеет сапожничать и столярничает. Сыну 19 лет. Л. Н. одобрил, чтобы остался земледельцем. Софья Николаевна сказала, что Л. Н. завидует родителям, у которых трудолюбивые дети. Насчет школы Л. Н. ответил, что тут рассуждать нечего: «Коли есть охотники до свободной школы, тогда учить надо и можно» [1].

Потом Л. Н. подробно расспрашивал о земле в Уфе, о тамошних способах хозяйства. Скороходов, видимо, оправдывал себя в том, что у него есть машины и т. п., что не все исполняет ручным трудом. С сыном он приехал, чтобы показать ему, как люди живут, и чтобы показать его Л. Н. и узнать, достоин ли он получить «аттестат зрелости».

Л. Н. обратился к Скороходову-младшему с вопросом:

— Религиозные вопросы не тревожат вас?

— Нет.

— Как же это возможно? Отец умирать будет. Как же не думать: «Кто я, куда пойду?» Мы здесь, как на пароходе. Надо жить, имея в виду, что нас высадят на последней станции и что надо слушать капитана; но он может высадить нас и раньше. Надо слушаться бога в себе, «своей совести».

Зашла речь о декабристах.

— Два раза переставали интересовать меня художественные сочинения,— сказал Л. Н.— В первый раз в 1875 году, когда я писал третью часть «Анны Карениной», и еще в 1878 году, когда я писал «Исповедь» [2].

Л. Н. (*Бирюкову*): Декабристы были религиозные, самоотверженные люди. Все более и более я их уважаю. Волконский, генерал-адъютант, богатый человек, и он шел на это дело, зная, что завтра его закуют.

Скороходов спросил насчет Ницше.

Л. Н.: Не читайте. Это ловкий фельетонист, но не философ. Читайте Канта, Шопенгауэра, Спинозу, Руссо.

Позже Л. Н. сказал мне:

— Вы слышали о Скороходове? Это хороший, правдивый человек. Он уже лет 20 живет на земле.

Скороходов рассказывал, что самая любимая книга у сектантов на Кавказе — это Хельчицкого, которую списывают [3], и сочинения Генри Джорджа. Трехрублевое академическое издание Хельчицкого «Сети веры», по словам Скороходова, разошлось, главным образом, среди кавказских сектантов.

Л. Н.: Если мужчине пришлось говорить с высокопоставленным лицом, то он непременно будет рассказывать, что́ это лицо говорило; если же даме, то как оно было одето.

2 января. Уехала Аннушка (Анна Ильинична), симпатичная, как ее мать. Вечером приехал князь Д. Д. Оболенский, 65-летний старик, друг Л. Н.

Л. Н. читал вечером от 11.15 до 11.45 выдержки из «Les origines de la France contemporaine» Тэна о том, что люди, выбирая конституционных представителей, отдают незнакомым и обыкновенно самым ненадежным людям власть не только над внешней, но и над внутренней своей жизнью.

Л. Н. говорил, что если переменят форму правления, то выберут Петрункевича, а Петрункевич и компания не стоят выше царя. Мирский — такой же офицер, как царь. Он (Л. Н.) не понимает, как Николай может править стомиллионным народом, не спрашивая совета. Как Николай мог затеять маньчжурскую, Чемберлен — бурскую войну или китайскую, точно так же будут и петрункевичи делать то же самое. Менять Николая на Петрункевича, на конституцию — это тот же вздор, как если бы предложить вместо православия — пашковство, или скопчество, или Army of Salvation *.

Л. Н. говорил, что он не стал бы менять, а искал бы лучшего... Петрункевича же возможность стать министром непременно приведет к компромиссам.

Разговор коснулся того, какого происхождения некоторые современные государственные люди в России.

Д. Д. Оболенский: Иван Грозный казнил семерых Оболенских-Серебряных, от восьмого пошла теперешняя фамилия Оболенских. Одному из них Грозный сжигал на животе книгу, пока не прожег ему живот, и тот скончался.

Л. Н. пишет про конституцию. «Конституция,— говорит он,— замаскированная форма насилия; монархизм — явная, видная, и с ней легче бороться» [1].

Бирюков думает, что конституции не будет. Против нее: 1) консерваторы; «Московские ведомости»; часть богатых купцов; кулаки из народа; полиция, которая боится потерять свои выгоды; 2) революционеры-социалисты; 3) крестьяне, которые хотят земли и знают, что у конституционного правительства труднее получить ее; 4) люди религиозно-нравственного направления. За конституцию только либералы и социал-демократы, которые надеются получить власть, как в Германии.

3 января. Как вчера, так сегодня, Л. Н. читал Диккенса и хвалил его. Хвалил, как он описывает бурю и кораблекрушение [1]:

— Лучше, чем Гомер в «Одиссее».

Вечером были Булыгины. Ночью уехал Бирюков. Л. Н. чувствовал слабость. Рано (в 11 часов) лег спать. Ел меньше обыкновенного. Согласился, чтобы врач обследовал его, но совсем пассивно, только ради жены. Врача поблагодарил.

Спросил меня, что я делал. Когда я ответил ему, что просматривал и приводил в порядок иностранные письма, он сказал: «Вы просительные письма прямо бросайте, потому что они неинтересны».

Жаловался, что нет сил работать, старость одолевает его, сказал: «Надо привыкать».

4 января. Сегодня приехали Гольденвейзеры.

Среди иноязычных писем — в одном от A. Jina из Ружодола в Чехии было завещание Ф. Л. Ригера ** [1]. Я прочел одно место из него Л. Н-чу, и он вспомнил, что Ригер, Палацкий, Добрянский присутствовали на Славянском съезде в Москве [2].

---

* «Армию спасения» (*англ.*).

** Общественный и политический вождь чехов, скончавшийся в 1904 г.

— Когда думаю про славян (западных),— сказал Л. Н.,— то думаю, что им так же, как евреям, нужно стать интернациональными. Их угнетают немцы, маджары. Не надо сопротивляться, а терпеть. Но это не значит, что им надо отказаться от своего богатого языка и переменить его на какой-нибудь немецкий.

Л. Н.: Я читал в английской брошюре Benjamin (женщины) о том, что надо постоянно вызывать бога в себе для того, чтобы он присутствовал в нас. Это молитва. И еще — что надо уважать душу ребенка, так как это будущая могучая сила [3].

Я сказал, что уважать душу ребенка учит и Масарик.

Мария Львовна: Люди очень склонны насиловать душу ребенка, обижать его, учить злу, пренебрегать им.

Александра Львовна принесла рукопись Л. Н., в которой было очень много поправок. Л. Н. объяснял ей свои поправки и жалел ее, боялся, что она не сможет хорошо переписать рукопись [4].

— Как в нашем сознании медленно и незаметно произошла перемена,— сказал Л. Н. Марии Львовне,— и ты из ребенка стала женщиной, а я — стариком, так и в народе меняется сознание; и, когда должна произойти перемена в народе, он выкидывает всякие глупости, вроде Маньчжурии, декадентства. Теперь приходим к сознанию, что государство не нужно, что оно учреждение отжитое.

После двух партий шахмат, около 8 часов, Л. Н. начал читать Коркунова про государственное право [5], и это чтение настолько взволновало его, что у него грудь заболела. Взял книгу с собой в комнату, чтобы продолжать чтение, и решил оставить ее для себя. После вечернего чая был спор.

Л. Н.: Обо всем пишут, только того не скажут, что́ такое государство на самом деле. Раньше писали, что это божеское учреждение, позже, что это contrat, договор; теперь объясняют его экономическими условиями. Это все равно, что сказать, что людей с жандармами ссылают в Якутскую область, потому что хлеб дорог... Говорят об «субъекте» и «объекте», чего никто не понимает.

Михаил Михайлович стал объяснять, что такое «субъект» и «объект», говоря, что «объект» есть договор, например, купчая. Л. Н. шутил по поводу «объекта», спросил, может ли «объект» танцевать?

— Юридические науки только засоряют ум,— сказал он.

Михаил Михайлович защищал науку, особенно медицину.

Л. Н.: Медицина не приносит никакой пользы. Купцу вырезать слепую кишку превосходно умеют, но 50% детей из народа раньше года погибает, а в воспитательных домах — 80%.

Михаил Михайлович: Вот и это вы узнали через статистику, ту же науку.

Л. Н.: От деревенских баб узнал.

Михаил Михайлович: А вот Пастер...

Л. Н.: Если бы Пастер в 1850 году этим занимался, ну, пускай; но нынче гораздо более важные проблемы на очереди. Я восстаю против того, чтобы религии провозглашали себя церковью, и на меня нападают за это, говорят, что я атеист; я восстаю против того, чтобы теперешняя наука (теперь смеются над кровопусканием, через 50 лет будут смеяться над бациллами) считалась непогрешимой истиной (она ведь меняется), и на меня нападают, что я противник науки; я же против лжи в науке. Есть известная последовательность в делах, и ее дает внутреннее мировоззрение. Полоть — вещь хорошая, но если хлеб в пол-аршина — не станем полоть. Я писал об этом.

5 января. Л. Н. слаб, но гулял и ездил верхом. Вечером рассказывал Гольденвейзеру, что́ пишет про государство: государство — виной того,

что возможно такое, как маньчжурская война. Потемкин задумает греческий вопрос, а девка Катька — индийский, Ухтомский — маньчжурский, и неизвестно, какие еще последуют.

Мне поручил ответить Горбунову относительно «Круга чтения» [1]. Горбунов хотел исключить «Душечку» Чехова из «Круга чтения», говоря, что «Душечка» слишком шутливо написана и что это как будто не идет к «Кругу чтения». Л. Н. настаивал, что «Душечку» надо поместить.

— Чехов был тупого мировоззрения [2], но чуткий художник,— сказал Л. Н.,— как Мопассан, он своим поэтическим чутьем угадывал истину. Он шутливо хотел рассказать про любовь Душечки, но привязанность, любовь к любимому существу — самое трогательное, что есть в женщине.

— Читали ли вы «Душечку»?— обратился он ко мне.

— Нет.

— Девушка вышла замуж за антрепренера. Она стала заниматься театром, продавала билеты, и главное в мире был для нее театр. Овдовела. Вышла замуж за торговца лесом, и главное было для нее — торговля лесом. После связалась с женатым ветеринаром, стала интересоваться жемчужной болезнью и т. п. Ветеринар отдал ей своего ребенка, и она привязалась к нему всем сердцем. Чехов хотел пошутить над этим свойством привязанности, любви, самоотверженности женщины. А это ведь самое могучее их свойство! Воспитание детей, воздействие на мужа, домашние заботы — этого мужчина не может так хорошо исполнять. Один фельетонист писал о женщинах, что они могут делать все то, что могут мужчины, и еще сверх того такое, чего не могут мужчины. Я не имею ничего против женщин-учительниц или врачей, но это не их главное призвание.

Софья Андреевна говорила про яснополянцев:

— Яснополянцы веселы, сыты. Каток они себе очищают. Половина деревни катается на скамейках. Хороводы. Маски. Ходят на заработки — к шоссе — яснополянские девушки всегда получают работу, так как они крепкие и ловкие, получают 40 копеек в день. Мы никогда не эксплуатировали их и не давали им бедствовать. Когда дочери были в Рязанской губернии и ходили по избам, то в первые дни плакали, видя мрачность и нужду крестьян [3].

Гольденвейзер играл на фортепиано [4]. Мария Львовна и Николай Леонидович распрощались со всеми, утром уедут.

6 января. Утром уехали милые Оболенские, вчера вечером — Алеша Сухотин и Гольденвейзер.

В 10 часов Л. Н. вернулся с прогулки. Чудный день! Солнце сияло, безветрие, глубокий снег.

Вчера Л. Н. поручил мне ответить Горбунову на вопросы о «Круге чтения». Сегодня я ему принес письмо, когда он завтракал [1].

Л. Н. хочет написать письмо Горбунову о «Душечке» Чехова в виде предисловия к рассказу в «Круге чтения» [2].

Софья Андреевна рассказывала (со слов дочери министра при Александре I, Завадовского, которая это сообщила ее — Софьи Андреевны — дедушке), что мать Л. Н. так хорошо умела рассказывать сказки, что во время придворных балов все ее слушали, никто не хотел танцевать.

Александра Львовна сказала отцу, что его дожидаются трое новобранцев, хотят денег:

— Зачем же им давать? Они сыты, молоды; разве на баловство? И тогда придется всем давать. На Косой Горе их человек 1200 *.

Л. Н.: А как же они говорят?

Александра Львовна: По-русски.

---

* За неимением места в казармах часть запасных, потребованных тогда на действительную службу, разместили в свободных помещениях для рабочих чугунного завода на Косой Горе, на полдороге между Ясной Поляной и Тулой.

Л. Н. вышел к ним и, поговорив с ними, вынес им книжечки.

Л. Н. пошел гулять на Горелую Поляну и велел прислать ему вслед к 4 часам лошадь к мосту, на шоссе.

За обедом восхищался, какая чудная погода. Узнавал у Александры Львовны насчет стенографии. Мне говорил, что в «Courrier Européen» есть статья про славян в Венгрии, но не мог ее найти; не нравилась ему статья Бьёрнсона, что Франция виновата в войне на Дальнем Востоке, т. к. одолжила России восемь миллиардов для военных целей [3].

Юлия Ивановна рассказала, что Гедгофт * писал о том, что китайский консул во Владивостоке — большой поклонник Л. Н.

От китайцев Л. Н. не получил еще ни одного письма, ни один китаец еще не посетил его.

За обедом Л. Н. рассказывал, что́ он читал из Диккенса. Рассказывал довольно подробно и с юмором о том, как на пароходе две женщины родили, как детей своих перепутали.

У Софьи Андреевны так болят глаза, что даже сам Л. Н. пришел ко мне за советом, очень озабоченный, и позже еще раз звал меня наверх из-за лекарства Софье Андреевне.

Сегодня и сам Л. Н. нездоров.

— Неприятно мне,— сказал он,— что не могу по вечерам делать хоть мелкую работу. А хочется.

Л. Н. получил письмо от семинариста Фролова (В. Д.) из Владимира, полное юношеского восторга и надежды на свои силы; думает написать новую работу (о боге?) [4]. Другое письмо — тоже от Фролова (А. Н.), славянофила. Он признает, как Соловьев, опасность желтой расы. Читал «Одумайтесь!», и ему не верится, что это мог написать Л. Н. [5]

Я обратил внимание Л. Н. на письмо молодого австралийца, который негодует на церковь и государство. Пишет, что если иногда и попадет хороший человек в парламент, то он похож на здоровое яблоко, попавшее в кучу гнилых,— испортится.

Л. Н.: Это в стране, где самое передовое государственное устройство.

Поблагодарил меня, что я принес ему это письмо [6].

— А вот немецкие письма — самые неинтересные,— сказал Л. Н.,— все просят автограф.

7 января. Сегодня после обеда приехали А. А. Стахович и Г. А. Стахович, молодой юрист, кажется, 22 лет, а также Сергей Львович из Крыма. Разговор о конституции.

Вечером в половине десятого Л. Н. пришел в залу. Я только что сел за стол и начал было рассматривать иллюстрации «Нового времени» [1].

— Что вы? Не могу смотреть на этих солдат; они напоминают мне новобранцев, которых встретил сегодня. Шли, пели песни и в такт размахивали руками — так неестественно. Я чувствовал, что вырабатывается из них грубая машина. Лошадь пугалась, и я чувствовал, что, если бы она понесла, они бы остались равнодушны. Сегодня мне плохо. Не работалось. Все меня преследовали эти солдаты.

Потом сказал:

— Пойдемте, дам вам Бондарева. Я пересматривал его для «Круга», но ничего не выбрал [2]. Он на букве Ветхого Завета основывается, это отталкивает.

Я: Горбунов хочет издать его в «Посреднике» [3].

Л. Н.: Возьмите к себе, потом отдайте Сереже, пусть он отдаст Горбунову. Не знаете, где письма Бондарева? Впрочем, там мало интересного — я все с точки зрения пригодного для «Круга чтения».

---

* Бывший врач Л. Н-ча, литовец, теперь военный врач во Владивостоке.

За вечерним чаем Л. Н. передавал содержание рассказа Диккенса, который никак не может достать; писал и в Англию о нем [4]. Рассказ о том, как дети воспитывают взрослых. Девочка учила в своей школе стариков. Одного она поставила в угол за то, что все в карты играет, проигрывает последние деньги, а у него семья. Другого поставила в угол на колени; у него дурная привычка за столом с бокалом в руке произносить речи. Сколько она им ни говорила, не исправляются.

Присутствовавшие при этом рассказе М. А. Стахович и Сергей Львович, смеясь, указывали друг на друга.

— Перечитываю Диккенса, ищу для «Круга чтения» [5]. До сих пор не удалось найти. А как хорошо он пишет! — сказал Л. Н.

Стахович спросил про Марка Твена. Л. Н. невысокого мнения о нем.

— А Теккерей?

На это Л. Н. ничего не сказал, лишь отмахнулся.

Л. Н. еще раз рассказал целиком весь рассказ про кораблекрушение и другой, как родились два мальчика на судне. Мне показалось, что только для того, чтобы не было разговоров и споров про конституцию. Раньше шел разговор про войну. Стахович говорил, что радовался бы миру и что если бы было Собрание, то не было бы войны, Собрание голосовало бы против войны. Сергей Львович того мнения, что оно будет в мае.

Стахович: Я уступил бы все японцам, все, что они пожелают, заплатил бы контрибуцию.

У Сергея Львовича есть чувство патриотизма, он и Сахалин не хотел бы отдать.

— Берегите моего мужа!— сказала мне Софья Андреевна, уезжающая на два дня.

Л. Н.: Как Софья Андреевна торопится, когда должна уезжать, так ее дедушка не торопился, приговаривая: «Не торопись, успеешь», и он опаздывал к поездам. Таким мне представляется Куропаткин с его кунктаторством. Он должен был отстоять Порт-Артур.

Стахович: Сил не было. Пробовал. Был и подъем духа в армии, а побили.

Л.Н.: Солдат писал Тане о японцах: «Упористые». Видно, войско не презирает их, а уважает.

Про царя думают (у Толстых, те, кто у них бывает), что он единственный плохо осведомленный о положении войны человек. Подают ему односторонние сведения.

По поводу «Истории» Валишевского Л. Н. говорил про Екатерину:

— Эта ограниченная, глупая, неграмотная (письма к Вольтеру писала не она, а Андрей Шувалов), истерическая, развратная женщина погубила тысячи жизней и миллионы денег. Люди слушаются каждого, кто ухватился хоть за пуговицу государственной машины.

Я спросил Л. Н.:

— Как это Екатерина 30 лет водила мир за нос?

— Повиновение власти, авторитету, человека человеку,— сказал Л. Н.

— А что должно быть вместо этого?

— Жить надо *своим* разумом, совестью. Христос, Будда должны только помогать.

Л. Н. через Стаховича просил передать Горбунову, чтобы он из «Круга чтения» выбрал лучшее и составил новый календарь [6].

Л. Н.: Сколько радости доставила мне эта работа («Круг чтения»), какая она была легкая, сколько я начитался!

Получены иностранные письма: от директора Théâtre Comique и автора драмы «Россия и Япония», в которой среди действующих лиц и Толстой. Часто обращаются к Л. Н. люди с тем же настроением, как мытари к Иисусу [7], часто просят последние его портреты. Пишет купец из Лиссабона,

ТОЛСТОЙ ПЕРЕД ВЕРХОВОЙ ПОЕЗДКОЙ
Ясная Поляна, 12 января 1905 г.
Фотография С. А. Толстой

гимназист-болгарин из Варны [8]. Женщина, вдова из Америки, пишет, что в биографии ее отца отмечено, что он (Louis Frédéric Marindin, родившийся в 1798 и умерший в 1851 г. в Лозанне) был воспитателем Толстых. Спрашивает: не у них ли это? [9]

Эльмер Моод сообщает, что присутствовал, когда играли «Власть тьмы» в Royalty Theatre в Лондоне. Драма не имела желаемого успеха; он думает, что английская публика посещает театр ради «amusement» * [10].

Л. Н. играл в волан с Александрой Львовной. Очень ловко. В половине 12-го ночи пошел гулять. Была лунная ночь.

8 января. Сегодня Софьи Андреевны не было дома.

В 11 часов вечера пришла Александра Львовна от Л. Н. и сказала, что его знобит. Я зашел к нему. Он читал Диккенса «Old Curiosity Shop» и хвалил из начала приблизительно 30 страниц, сказав, что глава о тюрьме годилась бы для «Круга» [1]. Пульс был у него 72. В комнате у него было холодно. Сегодня не топили. От Юлии Ивановны я узнал, что топят через день. Л. Н. сам желает иногда не топить; так было и сегодня.

Он спросил у меня, не скучаю ли я, что́ я делал? Я ответил, что переводил выписки из Масарика и других авторов, и прочел ему слова Бисмарка.

— Ах, это удивительно, удивительно,— сказал он.— Достаньте мне это по-немецки, и если книга недорога, то купить бы ее. Бисмарк был энергичный, умный. Где бы это поместить в «Круге чтения» [2]? Хороших мыслей много, никогда не исчерпаешь их.

В 12 часов ночи пришел пить чай и опять спросил:

— Это вам друг-учитель [3] прислал?

---

* забавы (*англ.*).

— Нет, механик Яначек, с которым мы сблизились благодаря «Крейцеровой сонате».

Я рассказал Л. Н. про отца и мать Яначека. Они крестьяне, нет у них прислуги, и у них поразительно уютно, чисто. Успевают хозяйские работы исполнить, за скотом ходить, дом в порядке держат. Сын им летом помогает. Отец больше всего любит читать исторические книги и все зло видит в кознях Рима. Он крестьянин-протестант.

— Когда чехи окатоличились?

— В 1619—1780 годах. Во времена Марии-Терезии еще преследовали их (протестантов).

— То, что антиреформация удалась, что власти смогли заставить чехов изменить веру, доказывает, что она была у них слаба; истинную веру нельзя покорить. Это было изменение веры, как во времена Карла II (английского) — из протестантства в католичество и снова в протестантство. Каким же образом принуждали их?

— Кто был не католик, тот не мог владеть имением, должен был выселиться; проповедников же казнили.

— Хорошо бы достать книгу о церковных преследованиях, начиная с павликиан и до сих пор, хотя в книгах описывается внешнее притеснение, а не психология внутреннего изменения.

— Я могу попросить друга, учителя гимназии в Праге, а тот — Масарика.

— Что же Масарик! Он робкой мысли, он ищет авторитетов, несамостоятельный человек. Я это замечал, когда мы разговаривали. Он тогда был протестантом.

Еще Л. Н. спросил про его семью, детей: сколько их?

Л. Н. поправлял мою русскую речь (например, studoval — изучал). В разговоре о религиозных преследованиях чехов Л. Н. упомянул про Гуса:

— Вот Гус — какой пример. И его понимали уже в его время! Как фамилия этого герцога?

— Хлумский.

Спросил про Холарека:

— Что же тот художник, альбом которого вы мне подарили? Замечательный художник [4].

— Вот мы с вами поговорили,— сказал мне Л. Н. в заключение и подал руку на прощание. У меня осталось впечатление, что это был с его стороны нарочитый разговор, для того чтобы отвлечь меня от расспросов о его здоровье.

9 января. Л. Н. слаб, после завтрака ушел к себе, уединился, не хотелось ему даже гулять, клонило ко сну. Но через четверть часа все-таки вышел и пошел гулять. До завтрака разговаривал со мною про историю нового времени, про Фердинанда II, Леопольда II, Марию-Терезию; просил принести ему из библиотеки Иловайского [1] и еще кое-что по истории послереформационного времени.

Позже я спросил Л. Н., как он себя чувствует?

— Слаб, это старость,— ответил он.— Когда мне было лет 35, бывали дни, что мне не хотелось работать, но это случалось со мной раз в четыре месяца, а теперь все чаще.

С 3.30 до 6 часов я искал книги в библиотеке. За обедом я застал Буланже. Он не состарился, серьезный, деловитый, скромный, приятный. Пришел Л. Н. и, увидя его, очень обрадовался. Буланже спросил его, как ему живется?

— Хорошо, как следует. Успешно подвигаюсь к смерти, — сказал Л. Н., мягко улыбаясь.— Но слаб, и боли у меня около сердца. Перебоев нет, но, как у Тургенева, есть играние сердца. А занимаюсь молодыми меч-

тами: написать на воскресенья короткие рассказы; тем 20 есть [2]; работа легкая, только в ущерб другой, тяжелой работе, которою занят нынче (о государстве и религии) [3].

— Сделайте это, Лев Николаевич.

Затем Л. Н. сказал:

— У Скороходова прекрасный сын, скромный, молчаливый, умный. Были у бабушки, не нравилась ему там обстановка; так же и в Ясной Поляне. Пахарь. Ответы у него короткие, разумные, лицо интеллигентное.

Буланже сообщил Л. Н., что «Посредник» хочет основать свою типографию с капиталом в 35 000 р.; хотят хорошо платить рабочим; думают издавать газету, притянуть к газете Пругавина. Его книга (о сектантах в тюрьмах и др.) появится в «Посреднике» [4].

Л. Н. относительно этих новых затей «Посредника» сказал:

— Зачем это? Чтобы печатать Левины статьи? Газета, чтобы прибавить пустословие? Передайте Горбунову о «Душечке», чтобы он ее не опускал, а напечатал в «Круге чтения»: Чехов хотел поднять на смех женщину и описал шутливо ее привязанность к мужу и ребенку. Но вышло, как у Валаама: он должен был трижды проклясть евреев, а он их благословил, после того как заговорила ослица [5]. Так и Чехов как художник описал то, что есть в женщине самого прекрасного: замужество, любовь к мужу и ребенку; этого мужчины не могут, одни женщины. И именно потому, что это описано с юмором, оно и мило, и действует так же, как Карл Иванович *. Пускай женщины идут в учительницы и доктора, они это могут, но, когда они замужем, тогда первое дело — семья.

— Я с удовольствием написал бы второй раз в Филадельфию телеграмму [6],— сказал Л. Н.— Получаю возражения, например, от Великанова — очень умное письмо [7].

Буланже: Меня Левина статья ** не огорчила. В этом вижу свой прогресс.

Л.Н.: Не читаю газет, не раздражаюсь.

Буланже: Какую глупость он пишет и где! «Московские ведомости» ликовали, что вы с ними заодно, в одном лагере. Воспользовались телеграммой в «North American Newspaper» по-своему, выбрали то, что для них годится: то, что против либералов [9].

Л. Н.: Моя линия — кривая, и по пути она пересекает линию «Московских ведомостей», чтобы после пересечь линию крайне радикальных партий.

Буланже: Если бы был коэффициент, выражающий, насколько каждый человек живет на плечах других людей... вот я, исполняющий полезную работу за жалованье...

Л. Н.: Я питаюсь своим трудом и принципами стараюсь не нарушать существующее, а жить соответственно внутренним требованиям (форма сама установится).

— Авторитет-то у меня только потому и есть, что не иду по начертанной дороге, а по собственной, и не могу иначе.

— Мужик, когда он везет дрова в Тулу, делает разумную, осмысленную работу; если он не будет работать, жена будет ругать его, нечего будет есть семейству, но интеллигенция живет в постоянной суете, суматохе, раздражении, развлечении. Мне вспоминается история про зайца. Х. охотился на зайцев; подай ему утром четырех, он не примет их, ему

* В «Детстве» Л. Н.

** Статья Л. Л. Толстого в «Новом времени» о том, что войну нужно продолжать (после падения Порт-Артура), и другая — империалистическая: что русскими будут и Индия, и Египет [8].

хочется волнения; или Y. играет в карты не из-за выигрыша (выигрыш без игры ему неинтересен), но для того, чтобы было развлечение. Жизнь интеллигенции — пустая жизнь, жизнь мужика — осмысленная.

— Те, кто желают конституцию, чем же они живут? 1) Жалованье; 2) аренда [10]; 3) капитал, фабрики, протежированные государством. Мужики против конституции. Павел Иванович говорит, что против конституции: 1) консерваторы; 2) революционеры (социал-демократы); 3) религиозные люди; 4) мужики, говорящие, что царь отнял у господ крепостных и отнимет и землю (ждут этого с уверенностью), так как знают, что если господа захватят власть, то земли от них не получат. Мужики же хотят прежде всего земли. До сих пор нет органа, который высказывал бы желания народа. Мне кажется, что непротивление злу теперь уже не такая дикая мысль, как 20 лет тому назад. Как вы думаете, Душан Петрович? — спросил Л.Н.

— Да, в чешских газетах этот вопрос не сходит с очереди.

Л. Н. в самом начале спросил Буланже:

— Что нового?

Буланже: Конституционалисты болтают про свободу слова, печати, но дальше им нечего сказать. Витте назначен, он пойдет на известные уступки.

Л. Н.: Это меня не порадовало бы.

Буланже: Витте честолюбивый, но он единственный, который годится к этой должности. Тут нужно сочетание ума, смелости, хитрости.

О газете, задуманной «Посредником», Л. Н. сказал:

— Перепечатывать Эразма Роттердамского, Дидро, Руссо, Вольтера. Художественный отдел выпустить совсем. Широкие слои читателей желают общеобразовательных статей.

Л. Н. с Буланже вечером об Абрикосове:

— Ему хочется устроить семейную жизнь, вот и прекрасно, пусть женится. Отец Абрикосова прислал мне книгу Джемса о религиях. Он рассматривает их извне, как ученый наблюдает движения у музыканта, что̀ тот делает руками, смычком. Какой тупой народ — ученые!

Л. Н. рассказывал, что Стахович и Сергей Львович тоже хотят издавать, как Буланже, еженедельную газету политико-сельскохозяйственно-гигиенического содержания. Стахович был у Святополка-Мирского, спрашивал его, почему он не дает свободу слова и печати? Есть же у него суды, есть и свои органы: «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время», которые все равно будут отстаивать свое.

— Но наши министры,— сказал Л. Н.,— боятся подшучивания, к чему англичане совсем привыкли.

Буланже вспоминал, что как раз на днях будет 20 лет с тех пор, как был основан «Посредник»[11]. Он нашел письма Л. Н. о затее еженедельной газеты, в которой должны были принимать участие Крамской, Репин, Л. Н., Ге. [12]

— Как люди в то время загорелись желанием служить народу! —сказал Буланже.

— Да, весна пробуждения,— сказал Л. Н.— Во время Черткова был выбор строгий в «Посреднике», только самое хорошее попадало туда [13].

Буланже: Теперь появится в «Посреднике» книга Стасова о Ге; напечатаем также и «Исповедь», «В чем моя вера?» [14] В этой суматохе проскользнет.

10 января. Ночью приехал Андрей Львович из Мукдена с «Георгием».

Л. Н. встретил его, не одобряя, что он оставил пост, хотя Андрей Львович объяснил, что вернулся потому, что не может дольше служить

из-за головных болей и головокружений, которые у него остались после того, как его ударила лошадь.

Софья Андреевна слышала вечером в Москве, что генерал-губернатору Голицыну телеграфировали из Петербурга, что войсками было убито на улицах 3 000 человек (из 65 000 стачечников). Царь удрал в Царское Село.

После того, что̀ Софья Андреевна рассказала, хотя Л. Н. этому не верит, он заметил:

— Только две вещи себе представляю: могут быть или хорошая, мирная конституция, или же отчаянная революция, которую подавит правительство, и все будет опять так, как было.

Когда Л. Н. пришел к обеду, он сказал, что всю ночь не спал... «Давно себя так плохо не чувствовал; теперь (от 4.30 до 6) тоже не мог уснуть». На вопрос Александры Львовны, как ему, ответил: «Плохо».

В амбулатории был сегодня 55-летний мужик из Ясенок, мальчиком посещал школу Л. Н. Он рассказывал о том, какой был Л. Н. добрый, как он на масленицу катался на санях с мальчиками, как, женившись, привел жену в школу показать ее ученикам и сколько им дарил разных вещей. Тогда у него учились 12 учителей (в числе которых был и А. С. Суворин, будущий издатель «Нового времени»), и Л. Н. тогда был мировым посредником [1].

Юлия Ивановна: Вчера Павел Александрович Буланже говорил о печатных машинах.

Л. Н.: Будут все больше и больше печатать, человек все услышит, все сможет узнать, что творится в данную минуту в Исландии, Калифорнии. Этого же надо избегать.

Мы шли с Александрой Львовной в амбулаторию молча через аллею.

— На этих березах будут нас вешать,— прервав молчание, сказала она.— В Туле 12 000 новобранцев, сколько фабричных; если будет революция, что̀ они будут делать! Ужас!

Вечером Л. Н. разговаривал с Андреем Львовичем про Маньчжурию, про войну, с 9.30 до 11.45. По словам Андрея Львовича, японцы плохо стреляют и берут храбростью. Куропаткина у нас не любят за то, что при Ташичао не пустил в ход 4-й корпус и уступил при Ляояне.

Л. Н. чувствует себя плохо: у него боли, давит на сердце. Ему снилось, что ночью кто-то сжимает ему грудь коленями, проснулся. Тоска у него в такое время. Раньше, когда не мог спать, ему впрыскивали морфий, ему не хотелось бы снова это делать. В полночь были боли, давление.

— Хорошо так,— сказал Л. Н.,— к смерти приближаюсь.

11 января. Вторник. Л. Н. этой ночью стало легче. В 12.30 он спустился вниз; Ваня согрел ему суп.

После обеда долго гулял. Далеко зашел. Сани должны были придти за ним в осинник к пчельнику, но по недоразумению не пришли. Устал, особенно под конец своей ходьбы, идя вверх по аллее. За обедом был бодрее, живее, веселее. Софья Андреевна говорила по этому поводу, как долго уже Л. Н. чувствует близость смерти. Потом о вернувшемся вчера сыне Андрее, что весь день провели с ним вместе, как во время его детства. Говорила, как ей пригодились ее дневники, что читала ему из них (про то, что случилось за время его отсутствия) [1]*. Андрей Львович жаловался ей, какой он несчастный, что он затем только и поехал на войну, чтобы быть убитым; что теперь, возвращаясь, сам хотел убить себя. Мать на это сказала ему: «Ты потому несчастен, что живешь нехорошо; живи иначе, и ты будешь счастлив; но убивать себя в твоем положении — глупость. Это все

---

* Со слов: «Андрей Львович» до конца абзаца — записано на венгерском языке. — *Ред.*

равно, как если бы я отчаивалась сегодня из-за того, что вчера была сердитая. Из моей вчерашней злости следует только то, что сегодня я должна быть лучше. Так и ты».

Л. Н. добавил:

— Совершенно верно. Я прямо чувствую, что обязан быть счастливым. Если я несчастлив, сам виноват. Нам все дано, чтобы быть счастливыми.

Снова зашел разговор про петербургское побоище.

Софья Андреевна: Газеты пишут, что много убитых и раненых. Не понимаю, как могут солдаты стрелять по своим же, по рабочим. Вот если бы Андрюша был там в войсках, а я с Левой шла по улице, и он стал бы стрелять по матери? Как это возможно?

Л. Н.: Это вот как. Во время Кромвеля англичане разделились на две партии: на пуритан и протестантов — и истребляли друг друга. Кромвель, а в числе его сторонников и Мильтон, казнили короля (Карла I). Когда позже восцарствовал его сын, он мстил всем тем, кто голосовал за казнь отца, и велел казнить даже их жен. Карл (II) преследовал дома католиков, а испанским, французским и другим королям, у которых занимал деньги для свадьбы, говорил, что он католик и что он окатоличит всю Англию. Диккенс то и дело пишет о том, как бесстрашно умирали на эшафоте герои, что́ они говорили; возбуждает отвращение к королям, но он внушает чувство патриотизма [2].

В 9.30 вечера за чаем Андрей Львович рассказывал Л. Н. про донских казаков, про волков, древние орудия.

В 10.30 привезли большую почту. Юлия Ивановна прочитала вслух известие об уличных смутах в Петербурге. 76 убитых, 203 раненых [3]. Проволочные баррикады.

— Что будет теперь с арестованными рабочими?— спросила Юлия Ивановна.

— Как они не понимают, что ничего не выйдет из этого?! — воскликнул Л. Н.

Юлия Ивановна: Если бы они действовали все вместе, а не по разным пунктам!

Л. Н.: Тогда было бы еще больше убитых. Те, которые смущают рабочих, воображают себе, что вызовут внимание у правительства, но правительство...

Юлия Ивановна: Но царь ведь должен знать, что делается.

Л. Н.: Царь не свободен. Он всякую минуту говорит другое, безответственно. Слушается дядей, матери, Победоносцева. Он жалкий, ничтожный, даже недобрый.

Андрей Львович спросил Л. Н., хорошо ли поступает Святополк-Мирский, идя навстречу требованиям общества и прессы [4].

— Прекрасно поступает.

12 января. Утром приехал С. Е. Струменский, вечером — Пузин.

Л. Н. ездил верхом в Тулу постричься, отдать телеграмму Андрея Львовича и за почтой. Вернулся в 7.30. Когда приехал, имел усталый вид. Пообедавши, не лег спать, а читал. В 9 часов Александра Львовна пришла сказать, что отец обижается, что наверху никого нет, что, когда обедал, хотел поговорить со Струменским и что хочет мне дать поручение. Мы пошли в залу, и Л. Н. позвал меня к себе, позже и Струменского. Дал мне несколько писем и телеграмм.

Л. Н.: Они спрашивают мое мнение о событиях в Петербурге (9 января); я не хотел отвечать, а сейчас думаю ответить; может быть, отвечу; оставьте телеграммы неотвеченными до завтра.

Когда здесь был Скороходов, он рассказывал, что в Уфе живет двойник Л. Н. Его фотография была выставлена в витрине. Один офицер разбил окно и разорвал портрет.

В своем воззвании против Русско-японской войны геленджикские земельные колонисты рекомендовали, без разрешения Л. Н., подписи под протестом отсылать Л. Н. в Ясную [1]. Он посоветовал не делать этого, и они позже выпустили этот пункт воззвания. Но в связи с этим Л. Н. получил два ругательных письма: от полковника и от анонимного офицера.

По этому поводу был разговор. Л. Н. говорил:

— Нужно самоусовершенствование на основе религиозного сознания. Борьба с правительством, озлобление противно любви и тем самым нехорошо, отвлекает от самоусовершенствования, потому что нельзя служить двум господам, нельзя сразу два дела делать, и что же выйдет из этих уличных сражений? (Так начинались все революции.) Уже и теперь — страдания, и сколько их еще будет!

— Какие люди будут править при конституции? Дело не в людях и не в форме правления. Если бы царь спросил меня, то я ответил бы ему: «Дайте конституцию». Но обществу не советую этим заниматься, ибо это идет в ущерб самоусовершенствованию.

— Галя и Ольга Константиновна недовольны моей телеграммой в Филадельфию. Чертков советует коротких ответов не давать, а то они путают, приводят в заблуждение людей [2].

— Советую вам прочесть Диккенса «A Child's History of England». Он останавливается там на казнях, негодует, ругается — «his Sowship Henry VIII» * [3]. Это неприятно. Требовать от правительства, чтобы оно уступило свою власть,— нельзя, оно не уступит. Остается одно из двух: или уничтожение, убийство, террор, так что правящие разбегутся, и тогда наступит анархия, или — личное самоусовершенствование. Люди видят, как правительство правит, внешними средствами достигает своей цели, делает, что хочет; и они тоже заражаются этим, хотят тем же путем насилия добиться скорых результатов. Но это так же невозможно, как пересаживать большие деревья, срубая их; надо пересаживать самые маленькие (и с корнями), тогда наверное вырастут. Человек пренебрегает натуральным, самым могущественным средством, роняет свое достоинство, приспособляясь к известной форме. Нужно же прежде всего свое достоинство, свою свободу сохранять. Судить не буду, убивать не буду, подати платить не буду; нужна готовность к принесению жертв. Человек должен делать свой долг, и если он будет делать его не ради эффекта, ⟨не⟩ради видимых близких целей, ⟨не⟩ради внешнего, тогда и сделается то переустройство, что нужно. Раньше, со времен Гомера, спрашивали совета у стариков; теперь спрашивают курсисток, молодежь. Французская литература льстит женщинам и молодежи; у нас ждут от них нового слова! Гете верно говорит насчет старцев, что они мудрее тем, что обогнали свой век. Меня не интересует то, что будет в 1910 году, а то, что будет через 70 лет. Если бы те, кто боролись за Французскую революцию, могли видеть последствия дальнейших 70 лет, какое это было бы разочарование!

13 января. У Ильи Васильевича пневмония уже четвертый день. Вместо него за столом прислуживала сегодня яснополянская девушка, 16-летняя Даша. Когда она подошла с блюдом к Андрею Львовичу, то поздоровалась с ним такими словами: «Здравствуй, папаша!» (Андрей Львович крестил ее, когда ему было 11 лет) и поцеловала его. Всем это очень понравилось **.

---

* «его свинство Генрих VIII» (*англ.*).

** Позднее приписано: «А Л. Н. с умилением вспомнил об этом несколько месяцев спустя».

Буланже привез известие о побоищах в Петербурге и о назначении Трепова генерал-губернатором Петербурга с властью и полномочиями, которые просто бесстыдны и прямо вызывают к дальнейшим демонстрациям. Далее рассказывал о прокламациях правительства, расклеенных в Москве, в которых лгут, что рабочие беспорядки в Петербурге — японско-английские махинации [1]. Л. Н. выслушал это без всякого замечания, но было видно, что он негодует на это лицемерное лганье и бесстыдство.

Струменский спросил Л. Н., вправе ли народ просить у царя свободу слова, исповедания, народное представительство, землю. Ведь народ имеет право «челобития», т. е. непосредственно говорить с царем, даже с государственной точки зрения. Поэтому петербургские рабочие, отправившиеся 9 января к Зимнему дворцу, поступили правильно. Л. Н. ответил на это:

— Царская власть — это известное учреждение, как и церковь, куда собак не впускают. С царем приходится обращаться по известным, строго определенным формам. Все равно, как во время богослужения нельзя спорить со священником, так и всякое обращение к царю, помимо установленного, не допускается. Если бы царь хотел это сделать, он давно мог бы. У него есть способы узнать мнение народа. Есть земства, которые высылали своих представителей к нему, но царь не выслушал их; как же он выслушает рабочих электротехнического завода? После них придут посланные от приказчиков, потом от «Московских ведомостей», и т. д. Царь не может выслушивать петербургских рабочих, он узнаёт о происходящих делах своим порядком и делает то, что ему кажется подходящим. Как я не могу всеми делами заниматься, с которыми ко мне обращаются люди, так и он. Ведь какая сложная государственная машина! Вчера я был в Туле, чиновник отсылал телеграммы. В один день одних официальных телеграмм было в дрянной Туле такая куча (он показал высоту в ладонь). Вот Павел Александрович знает, что значит огромность дела, даже в таком учреждении, как управление железной дороги. Что же тут значит голос петербургских рабочих? Читаю историю — как мы ее не знаем, а то, что знаем, знаем так плохо,— Тэна о революции Французской, Диккенса (об английской)... и читал из него о Генрихе VIII и советовал Николаю Леонидовичу перевести. Началось во Франции так же: пришла толпа к Людовику XVI, женщина нахлобучила ему шапку свободы на голову, он не сопротивлялся, поправил ее на себе. Швейцарская лейб-гвардия оттеснила толпу и освободила его [2]. Но тут курсистка могла бы побить его по лицу (намек на то, что рассказывал Буланже о курсистке, публично ругавшей царя и правительство).

Струменский: Говорят, что если бы вы, Лев Николаевич, присоединились тогда к морозовскому (московского купечества) движению, если бы вы подписали петицию [3] и лично передали бы ее царю, то из этого могла бы быть конституция и это могло бы прекратить войну и освободить землю.

Л. Н.: При конституции затеют новую войну (как на Филиппинах, в Трансваале), а что касается земельного вопроса, так его правительство, как в Америке и Англии, всегда сдвинет с очереди, или же не дай..... * Русский народ ждет, что царь, как взял у помещиков крепостных, так отнимет у них и землю. Если же будет конституция и придут к рулю адвокаты, болтуны, живодеры, помещики (прогоревшие), то ему земли не получить. Земельный вопрос может быть решен окончательно только безнасильственным путем. Теория Генри Джорджа может быть осуществлена насильственным путем, но тогда она будет некрепка; крепка же она будет тогда, когда народ, отрешившись от насилия, будет религиозно отказываться от поддержки земельной собственности так же, как он отказывается

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

сейчас от грабежа. Пока же в крайних случаях неизбежно прибегать к покупке земли, к приобретению права собственности на землю.

Л. Н.: Французская революция сначала стала снимать стрéлки, а потом уже отдельные колесики (государственной) машины; и когда их все поснимали, то была такая каша с Маратами, Робеспьерами, что когда Наполеон восстановил другую, грубую, похожую на первую, но гораздо худшую машину, то ему были благодарны. У нас конституция не будет уменьшением насилия, а скорее увеличением его.

Струменский говорил о том, как мало еще отказов от военной службы; больше всего их в России.

Л. Н.: Вы вот говорите, что мало отказов от военной службы, а я не особенно горюю о том, что идея не осуществляется людьми на деле. Раз мысль высказана разумно и ясно, то она уже осуществлена; и следить за дальнейшим ее развитием, применением — неинтересно и не нужно.

14 января. Сегодня не было новых гостей. Струменский уехал рано утром. Л. Н. жалел, что не попрощался с ним. Софья Андреевна спросила, не шпион ли он?

— Нет,— сказал Л. Н.

— А что он?

— Адвокат.

— Он недалекий человек.

Вчера Буланже рассказывал про письма солдат из Маньчжурии, как они в них жалуются, что голые, голодные.

Л. Н. заметил, что это вряд ли так, что это преувеличение:

— Вот Андрюша говорит, что продовольствование хорошо обставлено. Они не умеют писать, не умеют высказаться в письмах. Пишут поклоны, а кроме этого думают, что им надо еще жаловаться.

Вечером Софья Андреевна рассказывала о каких-то распоряжениях нового генерал-губернатора Трепова в Петербурге и негодовала.

Юлия Ивановна сообщила Л. Н., что Никифоровы, отец и сын, арестованы в связи со студенческими беспорядками. Арестованы были они одну-две недели тому назад в Москве.

Софья Андреевна заговорила про Победоносцева, что он болен. Л. Н. полюбопытствовал, сколько ему лет. Посмотрел в Брокгаузе и прочел вслух характеристику его взглядов [1]:

— Какое мировоззрение! Вот на каких идеях воспитан Николай II! Это точь-в-точь то, что он делает.

Л. Н.: Писал мне сын продавца водки, которого отец ведет к тому же, а сыну совестно этим заниматься. Хотел бы учиться. Я хотел ответить ему, но дело это мне далекое и некогда.

Л. Н. принес пять писем, написанных им сегодня вечером [2]. Ждут родственницу Софьи Андреевны, Веру Кузминскую, из Ниццы.

Л. Н.: Я боялся, что она приедет раньше и я не успею написать эти письма, а она приезжает только завтра. Я рад, что кончил их.

Потом он спрашивал про Илью Васильевича, вспомнил про «банки» и «мушки» и сказал:

— Осунулся. Лицо у него какое-то черное.

15 января. Вчера вечером уехала Софья Андреевна. Сегодня приехали Орлов и Наживин с женой; вечером — И. К. Дитерихс, а ночью Вера Кузминская. Андрей Львович уехал в Тулу. Много больных. В Ясной в десяти домах брюшной тиф.

Из Болгарии (Софии) обратилась к Л. Н. Мария Розенталь с просьбой прочесть философское сочинение ее мужа. Л. Н. сказал, что он прочел его и что думает, что книга не будет иметь успеха, поэтому не советует печатать [1].

Вечером с 6 до 10 часов шла беседа с Л. Н.; потом он читал нам свою новую статью о деспотизме («Единое на потребу»). Говорил о Карпентере, о том, что он анархист. «Бондарев — табачная держава» [2]. Потом перешел на Сютаева и вспомнил его слова: «Их полмиллиона, нищих-то. Ну, разберем их по себе. Я не богат, а сейчас возьму двоих».

— Это он так натурально и уверенно сказал,— прибавил Л. Н.— Вот решение социального вопроса [3].

Наживин рассказывал о безземелии полтавских крестьян. Л. Н. удивлялся этому. Еще рассказывал, как строят для душевнобольных заведение, в котором одна только кухня стоит 30 000 р., возле же — недоедающий, голодающий, пьянствующий (отчего и сходят-то с ума) народ, тот самый, на чьи средства строят сумасшедшие дома.

Иосиф Константинович мне рассказал, что Л. Н. отговаривал духоборцев покидать Россию и делал сообщение по этому поводу через Олсуфьева царю [4].

Л. Н.: Ницше — декадент, а Скороходову он засел в голову.

Л. Н.: Если бы теперь отдали народу землю, какая пошла бы слава, Россия стала бы первым примером для мира. Владивосток, Петербург какое получили бы значение!

Наживин: Мне было приятно, когда Порт-Артур пал.

Л. Н.: А мне нет. Во мне еще живет атавизм — патриотизм, с которым я, разумеется, борюсь.

Л. Н.: Как тяжело бывает простым людям отказаться от авторитета Священного Писания. В Бондареве, например, до конца было живо это поклонение Писанию.

Наживин: Вы лично знали Бондарева?

Л. Н.: Нет. Я обратил на него внимание, прочитав заметку Глеба Успенского, которому Бондарев прислал свое сочинение и который посмеивался над тем, что Бондарев отдал свое сочинение в музей в Минусинск [5]. Между тем у Бондарева было в мизинце больше ума, чем у ста Глебов Успенских. Мы ушли от церкви и смотрим на нее свысока, извне, но мы сидим в другой церкви, в церкви непогрешимой науки, которая хуже церкви (дарвинизм). Хотелось бы мне написать о науке, и напишу, если буду жив.

Наживин рассказал, что он переводит Карпентера «The Civilisation: its Cause and Cure» [6], но он думает, что цензура вряд ли пропустит, т. к. там встречается слово «анархизм». Карпентер — анархист, он сходится с Толстым по многим вопросам: о браке, науке.

Л. Н. заметил, что у англичан есть твердость и решительность, например у Карлейля, Рёскина, Карпентера. «Civilisation» Карпентера Л. Н. не читал [7].

Наживин спросил Л. Н., может ли он присоединить к своему переводу перевод Л. Н. о современной науке? [8]

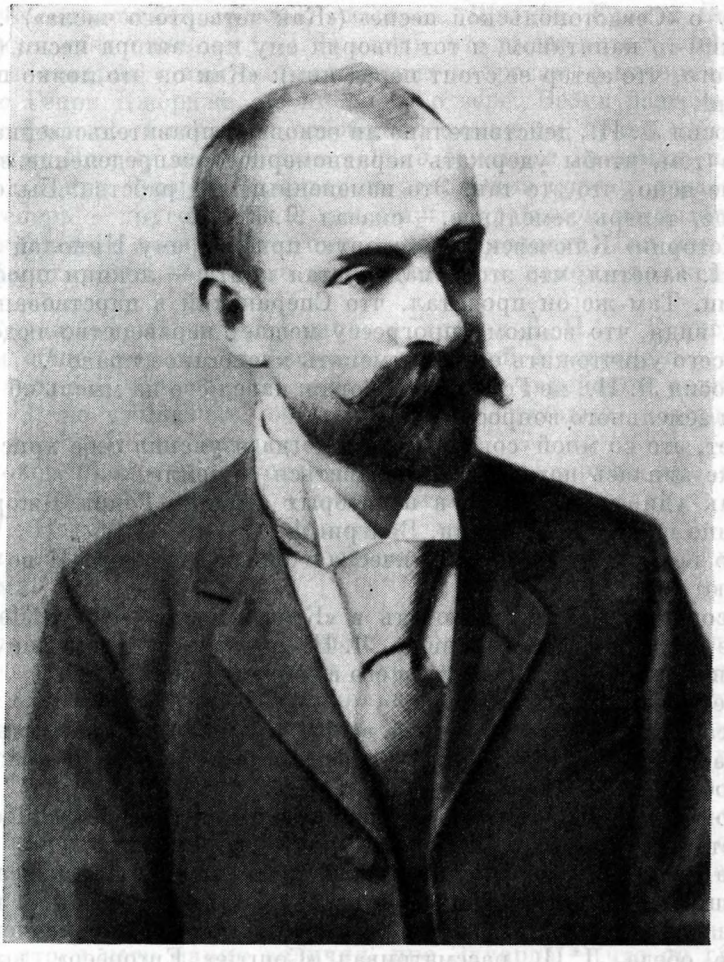
— Да.

Л. Н.: Вольтер сказал, что цель правительства — грабеж посредством убийств [9].

«Помни, что ты человек прежде, чем жена»,— вот слова Л. Н-ча Ольге Константиновне, которая обезличилась через супружество, желая уступчивостью образумить и удержать мужа. Эти слова Л. Н. и окружающая среда у сестры в Christchurch ободрили ее. Она поставила крест на прошлом и решила жить по-новому как мать и человек [10].

16 января. Я не записывал, дежурил возле Ильи Васильевича до 4.30 ночи.

17 января. Уехал Иосиф Константинович, остались Н. Л. Оболенский, Александра Львовна, Вера Кузминская, Юлия Ивановна, Николай Ва-



МАКОВИЦКИЙ
Жилина, 1905
Фотография Матильды Рек
Собрание С. Колафы, Прага

сильевич. Илья Васильевич болеет девятый день. Л. Н., несмотря на боли в желудке, весел, бодр и шутит. Пришла дантистка из Тулы пешком, чтобы посоветоваться с ним, чему ей учить 14-летнего сына. Л. Н. говорил с ней в библиотеке, после же дал ей книги «Посредника».

Вечером Л. Н. вспоминал о своей жизни на Кавказе.

— Помню, кунак Садо рассказывал мне, как он крал лошадей у еврея: «Он храпит, слышно через стену, а я в то время лошадей вывел» [1]. Еще Л. Н. говорил про кавказцев, как они крадут лошадей, скот для того только, чтобы отличиться. Девка не пойдет за того, кто таким образом не отличился.

Еще рассказывал Л. Н., как он подсел в сани к телятинскому мужику и тот сейчас же стал рассказывать ему, как он украл пару лошадей у помещика, как их продавал. Конокрадство — это мания, страсть, как карты. «Которая лошадь мне понравится, та уж моя»,— говорил мужик.

Другой мужик сказал Л. Н-чу: «Которым деревом полюбуюсь, то мое». Л. Н. сердечно улыбнулся при этом, как на днях, когда рассказывал

Бирюкову о «Севастопольской песне» («Как четвертого числа») [2]. Шел он раз с каким-то капитаном, и тот говорил ему про автора песни (конечно, не зная того, что автор ее стоит перед ним): «Как он это ловко подобрал, сукин сын!»

Я спросил Л. Н., действительно ли основная правительственная задача состоит в том, чтобы удержать неравномерное распределение земли?

— Мне ясно, что это так. Это измененный вид рабства. Было рабство крепостное, теперь земельное,— сказал Л. Н.

Об «Истории» Ключевского, которую прислал ему Николай Леонидович, Л. Н. заметил, что это самая пустая книга — лекции профессора с шуточками. Там же он прочитал, что Сперанский в царствование Александра I, видя, что всякому прогрессу мешает неравенство людей, хотел прежде всего уничтожить его — отменить крепостное право [3].

Я спросил Л. Н., не Генри ли Джордж навел его на мысль об огромной важности земельного вопроса?

— Нет, это со мной совершилось, когда я уяснил себе христианство. Сейчас же явилась потребность избавиться от земли.

— Как удивительно, что в некоторых странах Генри Джорджа еще совершенно не знают (в Чехии, Венгрии)!

— Это потому, что есть политическая борьба (партии). И во Франции мало знают его.

Я посоветовал Л. Н. включить в «Круг чтения» «Козу» Лескова [4] и о защите животных Григоровича. Л. Н. не помнил ни то, ни другое и спросил про последнее, читал ли я его в собрании сочинений.

— Нет, отдельной брошюрой.

Александра Львовна заметила вчера, что надо бы запрячь Белку в легкие салазки. Л. Н. ответил, что нельзя, что для этого нужно шесть-восемь собак.

— Помните ли, как архиерей едет на собаках в рассказе Лескова «На краю света»? [5] — спросил Л. Н.

Вчера же Л. Н. говорил, что наконец-то нашел у Диккенса рассказ, подходящий для «Круга чтения», и передавал его содержание: как отчим убил (сначала только в мыслях) своего пасынка (свою падчерицу).

После обеда Л. Н. рассматривал «Courrier Européen», вырезки из французских газет из Ниццы о событиях в Петербурге (8—9—12 января). Спрашивал про флот Рожественского, про разбирательство гулльского инцидента [6], про мукденское сражение, которое, по сведениям русских газет, началось успешно, а по сведениям из Берлина, на всем фронте идет с поражением русских. (На все это отвечала Л. Н-чу Юлия Ивановна.)

Такие известия, как о побоищах в Петербурге, о сражениях под Ляояном, на Шахэ, о падении Порт-Артура, Л. Н. очень близко принимает к сердцу, хотя этого не показывает. Он при этом долго молчит, смотрит вдаль.

Л. Н. спросил, что мне пишут из дому. Я сказал, что у нас как раз идут выборы в сейм, и такое это тяжелое время для нас, что я рад, что я не там. Я рассказал всю процедуру венгерских выборов. Л. Н. был удивлен моим рассказом о преследованиях деревенских общин, о фальсификации протоколов, о ловле выборных ночью жандармами и т. д.

— Это бы следовало именно теперь описать.

— Таких сочинений у нас много, где это все описано.— Я принес из библиотеки Калала «Unterdrückung der Slovaken» [7].

Л. Н. полистал, почитал и сказал:

— Вот какая книга!

Потом он простился и пошел спать (очень рано, был 11-й час).

18 января. Утром Л. Н. спросил меня, была ли у Гуса жена, говорил о женщинах — помощницах мужей, о женах декабристов, о Кларе Франциска Ассизского [1].

Пополудни, в 4 часа, приехал бывший революционер, уже 15 лет заведующий павловской артелью слесарей, Штанге. Едет к Святополку-Мирскому с предложением [2]. Л. Н., видя, что имеет дело с политиком, законником, говорил с ним о практических вопросах, о материальном прогрессе, о Генри Джордже, но ни слова о вере. Велся разговор о земле. Л. Н. настаивал на главном: освободить землю от права собственности.

Штанге: Почему освобождать только землю, а не землю и фабрики?

Л. Н.: Генри Джордж отвечает на это: «Один корсар ограбил 300 лет назад, теперь — другой. Закон тем старым грабежом не интересуется, а вновь украденное возвращает тому, у кого украдено. Так как земельная собственность есть воровство постоянное, то закон должен ее отменить» [3].

— Евреи бывают четырех типов,— сказал Л. Н.;— 1) космополиты, которым общее дороже еврейского (Григорий Моисеевич — милый, но не религиозный человек); 2) выбирающие из еврейской религии самое высшее; 3) не думающие, обрядные евреи, деловые, которым гешефт важнее всего; 4) сионисты.

Разговор продолжался от 6 до 12 часов; говорили про положение России, о Земском соборе, о дискредитировании России.

Л. Н.: Земский собор нужен царю, это его дело.

Штанге: Я приехал к вам посоветоваться, как нам быть в теперешнее время.

Л.Н.: Всё жить.

Штанге: Я читал ваше письмо в Америку и досадовал, что мы, русские, узнаем через Америку, что́ думает Толстой о нас, и очень опечалился. В продолжение нескольких дней я не мог очнуться. Даже сейчас мне еще больно и стыдно за то, что вы заодно с «Московскими ведомостями» (они присваивают себе вас), что вы против добрых стремлений.

Л.Н.: Конституция будет означать отвлечение внимания от земельного вопроса и от самоусовершенствования. Мы, русские, счастливы, что ясно сознаем негодность ⟨нашего⟩ правительства. Канадец же — мне писал такой — гордится английским правительством.

Про Николая II Л. Н. сказал, что он слабоумный; про Вильгельма II — что у него мания величия; про Эдуарда — что он груб.

Штанге: Витте хочет, чтобы сбыт русской сельскохозяйственной промышленности не был konkurrenzunfähig *. С этой целью у него план— создать сословие фермеров; мирское владение землей само уничтожится.

Прощаясь со Штанге, Л. Н. сказал ему:

— Желаю вам, чтобы вы подействовали на добрых людей.

После ухода Штанге, в 5 часов, был разговор о том, как мы танцевали. Иосиф Константинович пел армянскую песню, Л. Н. и сам подхватывал, притопывал ногами в такт танцевальной песне.

19 января. Утром приехал Davitt, вождь ирландцев, и корреспондент «New York World» Mackenna. Пробыли всего час. Вопросы были у них заготовлены, ответы стенографировали [1], обо всем спросили и успели вернуться к поезду, который приходит в Тулу после 12 часов.

Дэвитт был у Толстого летом [2]. Л. Н. сейчас же узнал его и мило принял. Дэвитт был сначала рабочим, потом членом парламента, вождем ирландцев. Когда началась бурская война, он отказался от членства в парламенте.

Они приехали от десяти американских газет спросить Толстого, как он смотрит на внутреннее положение России, на петербургские события. Л. Н. сказал им то же самое, что он сказал вчера Штанге и что он

---

* неконкурентоспособен (*нем.*)

пишет в своей статье «Об общественном движении в России». Наконец, он спросил их, какой они веры?

Дэвитт: Свободный католик, не признающий ни папы, ни священников.

Мэккенна: Родился католиком, теперь же ближе всего к Эмерсону и, пожалуй, к вам (Толстому).

Дэвитт рассказал, что он был у великого князя Владимира, который сказал ему, что это он с согласия царя велел стрелять в демонстрантов 9 января; он говорил о демонстрации со злобой, бил кулаками об стол, рассказывая про все это. Но царь, по его (кн. Владимира) словам, был огорчен совершившимся.

Дэвитт спросил Л. Н., верит ли он, что царь огорчен?

Л. Н.: Нет, не верю, потому что он лгун.

Дэвитт: Можно ли это напечатать?

Л. Н.: Пожалуйста... лучше нет. Сам в статье пишу так [3], но от иностранца... (*Дальше я не расслышал.*)

О Владимире Александровиче Л. Н. сказал, что положение его будет тяжелое: в России он будет бояться покушений, за границей же будут избегать его.

Когда Дэвитт уехал, Л. Н. сказал про него:

— Приятный, милый человек. Когда иностранцы говорят мне комплименты, то бывает неприятно, а от него — нет. Видно, что он говорит естественно.

Дэвитт просидел девять лет в тюрьме. Он руководил landleague* в то время, когда борьба ирландцев с Англией была наиболее обостренной.

Другой, бывший с Дэвиттом корреспондент,— тоже ирландец. Они не говорят ни одного слова по-русски. Их переводчик остался в Туле. Когда он приехал в другой раз с Робертсоном [4], то рассказывал, что оба они, и Дэвитт, и Маккенна, заплатили по 600 р. за отправленные ими телеграммы.

Я вспомнил, что Ренан, сам будучи бретонцем, описывал бретонцев и что они своими духовными свойствами очень сродни славянам.

Л. Н. сказал, что ирландцы скорее похожи на гасконцев: живые, энергичные.

Л. Н. велел Александре Львовне переписать начисто его статью «Об общественном движении в России»; дальше он уже не будет исправлять ее.

Сегодня мы читали, что под Мукденом русских убито 10 000, японцев же — 5 000, и также про папу, что он прислал двух своих гвардейцев к царю спросить его, не может ли он в это трудное время помочь ему советом.

Л. Н. заметил по этому поводу:

— Вот надо учиться — сначала спросить, а не прямо письма писать с советами [5].

Л. Н. рассказал, что он получил письмо от Анненковой, что ее мужа, юриста, война совсем расстроила [6]. Еще он получил сегодня открытку со своим портретом с пририсованными рогами и руганью.

Я спросил его, не по поводу ли это телеграммы в Филадельфию?

— Нет, это старое. Это священниками офанатизированные люди посылают.

Л. Н. нравилась статья Александра Хэйга, книгу которого о питании постоянно вспоминает и сам ее придерживается: «The True Cause of Physical Degeneration» by Dr. Al. Haig [7].

---

* земельной лигой (*англ.*).

Вечером мы, я и Н. В. Орлов, читали вслух рассказ Наживина «В сумасшедшем доме» [8]. Л. Н. рассказ понравился: «Хорошо»,— сказал он.

Л. Н. получил от Черткова вырезки из английских газет о событиях в Петербурге, Москве, Риге и др. городах, а также множество книг, газет и писем. На два из них поручил ответить мне. Г. М. Попов из Йорктона просит Л. Н. помочь через Святополка-Мирского освободить двух 75-или 77-летних стариков, сосланных в Якутскую область на Нотору [9]; в другом письме — самоучка просит позволения лично доставить свои стихи.

Юлия Ивановна рассказала Л. Н. про разбирательство гулльского инцидента (шведский капитан утверждает, что стреляли в его пароход) и про сражение под Мукденом.

20 января. Перед обедом приехал корреспондент «Manchester Guardian» [1], родом из Новой Зеландии, изучавший теологию в Берлине и там же научившийся русскому языку. Он уже два месяца в Петербурге, хорошо говорит по-русски, ему 28 лет. Зовут его Harold Williams, милый, скромный, ученый человек, знает 24 языка: классические, еврейский, санскрит, романские, германские, славянские, малайско-гавайский, новогебридский, маорийский.

Я застал Л. Н. с корреспондентом и Юлией Ивановной у стола. Корреспондент говорил по-русски, запинаясь, тихим голосом. Л. Н. отвечал ему очень внятно, медленно. Вильямс так же, как Маккенна, близок Л. Н. Разговор шел про веру, после перешел на конституцию. Л. Н. говорил, что внешние формы сложатся соответственно внутреннему духовному состоянию. Если люди подымутся религиозно-нравственно, то и внешние формы установятся соответственно этому. Англичане гордятся, что у них personal freedom *, но у них такое же и еще худшее рабство, чем в России.

Л. Н.: Англичанин появляется на свет, и у него нет ни куска земли, он не может ступить на траву, должен платить налоги на содержание городских оркестров, должен, если заболеет заразною болезнью, лечиться непременно в больнице, а не дома. В Америке говорили о свободе и владели двумя миллионами рабов; и теперь, пока земля в исключительной собственности одних, тоже нет свободы, а есть десять миллионов хронически голодных, раздетых, бесприютных. У нас, в России, есть надежда, что земля будет освобождена от собственности, а у вас ее нет.

Еще говорили про экспедицию в Тибет, на Филиппины, про буров и о текущих событиях.

Вильямс сказал, что Петрункевич лучше всех.

Л. Н.: Это вы им делаете плохой комплимент. Петрункевича я знаю, знаю его семейную жизнь [2]. Шипова, Долгорукова и др. ведет тщеславие и честолюбие. В Польше выслужившийся чиновник или прибалтийский немец-карьерист, член Сената или Государственного совета, будет говорить, что дело народа он «носит в сердце своем»; так и эти господа.

Зашла речь о петербургском побоище.

Вильямс говорил, что рабочие не стреляли и что вели себя неумело, не знают способов демонстраций, как французы. Они огорчены. Все слои общества очень ожесточены против правительства. Наверно, будет революция.

Л. Н.: Может быть, что будут убийства царя, Сергея, Владимира.

Л. Н.: Смерти нас не раздражают, а то, что мы хотим, чтобы иначе было, и хотим сильных ощущений. Барыни ходили по Петербургу,

* свобода личности (*англ.*).

чтобы видеть кровь или хоть лежащих без чувств — то же самое, чему поддакивает литература. Но сенсационного мало, оно быстро исчерпается и надоест. 200 убитых раздражают нас, а постоянное умирание 50% детей — нет. Журналист приспособляется к газетному направлению, пишет всякий вздор. Было бы хорошо, если бы журналисты забастовали, было бы меньше вранья.

Вильямс: Ну, а если бы адвокаты, доктора? Это было бы плохо для народа.

Л. Н.: Кто знает? Может быть, было бы хуже, а может, и лучше. Доктора развелись на моей памяти, раньше люди жили и умирали без докторов. Смерть — не зло, зло — это *дурная жизнь*.

— В Англии, кажется, не осталось журналистов, все приехали сюда смотреть революцию,— сказал Л. Н.— Зачем вы журналист?

— Надо чем-нибудь жить. Я хотел посвятить свою жизнь работе на пользу маорийского народа.

— Мой друг Якоби занимался инородцами. Тунгусы будто не вырождаются,— сказал Л. Н.

— У вас им, инородцам, лучше живется, чем под англичанами. Маори вымирают!*

За обедом и после обеда беседовали о литературе. Говорили про «Жизнь Фивейского» Андреева. Л. Н. сказал: «Искусственное» [3].

— Розеггера знаете? — спросил Л. Н.— Тоже искусственное. Гете сказал: «Greif in die Mitte mit kecker Hand, wo du's auch packst, dort ist's interessant» [4]. Для чего выискивать темы, как Ибсен, Метерлинк?.. Бьёрнсон лучше.

Вильямс: Поленца с тех пор, как вы обратили на него внимание, больше читают [5].

Говорили про «Schandfleck» Анценгрубера.

Вильямс: При девицах неудобно рассказывать.

— Это из жизни,— сказал Л. Н. и рассказал содержание повести [6].

— Литература существовала прежде как Kammermusik **, для небольшого круга богатых, праздных людей и по ихнему вкусу, теперь она дошла до приказчиков и должна создаться для широких слоев простонародья соответственно его требованиям. Этой литературы пока нет.

Затем Л. Н. высказал еще несколько суждений о философии и литературе:

— Торо сказал: «Спешите прочесть лучшие книги. Их немного, и может случиться, что пройдет жизнь ваша и вы их не прочитали» [7]. Дядя Софьи Андреевны читал только критику, был au courant *** всего, что говорилось в салонах.

— Очень благодарный труд — популяризировать Канта. Философию я признаю; она и религия — одно и то же, только с разных сторон. Скверное направление началось только от Лейбница, Гегеля, теперь Ницше, у нас — Соловьев. Соловьев балуется религией. Это самое худшее. Религия может быть средством пропитания попа, но не баловством. Как Микеланджело на каких угодно пяти пунктах

---

* Л. Н. рад был слышать это и вспомнил своего умершего друга Якоби, который уже стариком посвятил остаток своей жизни сибирским инородцам, поселился среди них и старался облегчить их жизнь. Л. Н. при мне вспоминал о Якоби несколько раз и очень высоко ценил его.

** камерная музыка (*нем.*).

*** в курсе (*франц.*).

нарисует фигуру, так и Соловьев: что хочет доказать, то доказывает, растягивает веру на все лады.

— Диккенс — мировой гений. Он оживляет даже неживые вещи: «Море смеется». Подражают ему у нас Наживин, Горький. Теперешние молодые писатели не знают чувства меры. Они дают говорить героям столько и такие вещи, которые они не могли бы наговорить. Байрона я не мог до конца дочитать. Его герои говорят то, что он решил наперед вложить им в уста. Я из учтивости к вам не хотел говорить о нем. Дочь Карамзина рассказывала мне, что она слышала от Пушкина: «Моя Татьяна поразила меня, она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал» [8]. Пушкин создал ее и создал ее такой, что она не могла поступить иначе. У Горького же герои поступают так, как он предписал им. У Горького нет ни одного доброго лица, у Чехова их пропасть (дети), также у Диккенса, Гюго... У Горького не чувствуется доброты, нежности.

Кто-то сказал, что у Горького добрый тип — старик в «На дне».

— Ну, это искусственно,— сказал Л. Н.— «На дне». Мне не понравилось.

И Лонгфелло вспомнили. Л. Н. он нравится. Вильямс заметил про него, что он иногда расплывчатый до бесконечности.

Л. Н.: В Америке в 40—50-х годах была плеяда религиозно-философских поэтов, писателей. Самый глубокий из них — Эмерсон. Это были: Чаннинг, Паркер, Гаррисон, Торо, Баллу, позже Генри Джордж. Но американцы их почти что не знают. Я их спрашиваю: «Читали Генри Джорджа?» — «Нет, но я слышал об нем»,— вот как мне отвечают.

Л. Н.: Статьи Син-Джона люблю, он оригинален.

Вот еще некоторые отдельные мысли, высказанные Л. Н. в разговоре с Вильямсом.

Л. Н.: Через сотни лет люди будут управляться не насилием. Кант говорит: «Если мысль ясно сознана и выражена, все равно, как будто это уже сделано, она будет осуществлена».

— Доброе дело можно делать только усилием. Без усилия, по привычке, делать добро нельзя: это привычка, а не доброе дело. Доброе дело достигается усилием, но нельзя остановиться, надо дальше идти, снова делать усилия.

— В вагоне говорили о том, можно ли развестись супругам. Один говорил, что в греческих книгах написано и так и этак. Мужик сказал: «Я по-гречески не знаю, но по-божьи, так, как труднее, поступать».

— Кант сказал, что время и пространство — формы нашего познания[9]. Будем вечно жить — нельзя сказать, потому что мы теперь живем вечно. Иисус сказал: «Прежде, нежели был Авраам, Я есмь» [10].

Все это было сказано Л. Н. в ответ на вопрос Вильямса, верит ли Л. Н. в личного бога и вечную жизнь?

Вильямс: Есть личный бог?

Л. Н.: Личность ограничена. Бог — всё, чего мы сознаем себя частью: любовь, правда.

И еще:

— Разум может догадываться, но определить не может.

Л. Н.: Содействовать, чтобы вместо насилия люди руководились разумом и добровольным согласием,— это дело жизни. Служить этому направлению — это служба человечеству.

Вильямс: В парламенте можно служить народу, есть же такие члены парламента.

Л. Н.: Они портятся, создавая законы, проводимые насилием, собирая подати и распределяя деньги от податей. Торо сказал: «Не буду платить податей, а то мой доллар пойдет на поддерживание рабства, на войну с бурами». Большинство англичан было против этой войны, правительство, Чемберлен — на смертном одре он будет повторять слова Бисмарка [11] — все-таки вело ее.

Вильямс: Нет, большинство не было.

Л. Н.: Надо быть самобытным. Каждая личность — единственная в своем роде, пускай и проявляется по-своему!

— Когда я написал «В чем моя вера?», то я получил письмо от Гаррисона-сына, что его отец тоже пришел к non-resistance* [12]. Это очень обрадовало, ободрило меня, что не я один, а до меня и другие люди познали это в Евангелии.

— Вот у квакеров какое прекрасное учение, а золотой телец как погубил их. Bellows хотел соединить богатство с христианством. Bellows еще с кем-то были у Александра Александровича (Александра III), просили, чтобы не преследовали сектантов. Их просьба осталась без последствий [13].

Вильямс: Karlhoff учит, что Иисуса не было.

Л. Н.: Быть может, это Verus [14]. Пока я не читал его книги, я не думал про то, жил ли Иисус или нет. Его доказательства важные, но я ни за них, ни против них. Гете говорил, что нет так дурно написанной книги, как Евангелие [15]. Я сам давно чувствовал, что жизнь Иисуса бедно и слабо описана, есть лучше описанные жизни: жизнь Алексея, человека божия, Симеона Столпника [16], Будды. Verus говорит: «Первыми написаны послания Павла — 40 лет после рождения Христа; в них говорится о христианах и про Спасителя, который воскрес из мертвых. После, когда число христиан значительно возросло, создалась легенда о Мессии, нагорная проповедь и т. д. Тацит пишет про христиан, но ни слова о Христе. Joseph Flavius пишет историю евреев для императора, пишет в ней про христиан, но не про Иисуса. Позже было прибавлено место и про Иисуса — чувствовали потребность этого,— и это, оказывается, подделка».

Еще вот что говорил при Вильямсе Л.Н.:

— В русском народе более христианского чувства. Я приписываю это тому, что читали раньше других народов Евангелие (по-старои или церковнославянски). (Другие народы лишь с Лютера.) Средний англичанин и русский одинаковы. Наверное могу сказать: все люди равны.

— Христианин свободен в поступках. Я написал басню про посягательство Победоносцева на свободу совести: Орел — ласка.

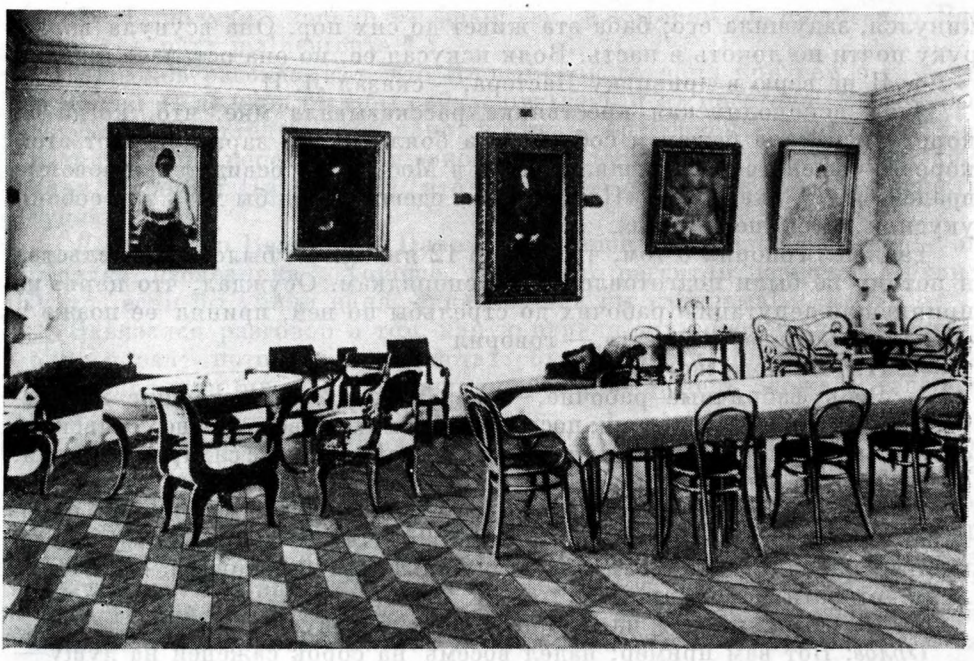
— Надеяться на внешние формы и препятствовать внутреннему самоусовершенствованию — беда. Христианин должен проявлять доброе чувство (не сердиться, служить другим, любить).

Л. Н.: Католицизм враждебен христианству.

Вильямс: Но заслуги реформации надо признать.

---

* непротивлению (*англ.*).



ЗАЛ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ДОМЕ
Фотография К. К. Буллы. 7—8 июля 1908 г.

Л.Н.: Никаких. Англиканство — шаг назад. Генрих VIII хотел жениться, а по законам католической веры не мог, вот и принял англиканскую, и по его желанию — все. Христианство, где оно есть, там оно свободно. Истинная вера угнетением крепнет.

Л. Н. читал Вильямсу из Макиавелли. Под конец Вильямс спросил Л. Н., чем мог бы служить ему.

Л. Н.: Пишите мне с Филиппин, что вы там делать будете. С Филиппин был у меня Местиц, бывший губернатор на Яве. Прочтя мои сочинения, он отказался от государственной должности. Писал мне индус, у него друг, заболевший лепрой (проказой). Спрашивает, не знаю ли я, кто может взяться за лечение [17].

Мы с Вильямсом были в школе Александры Львовны. Он удивлялся, как интересно учение по «Книге для чтения» и как свободно дети читают и хорошо пишут! Дети остаются в школе, покуда сами хотят. Немецкой муштровки, которая русским так противна, в этой школе и помину нет.

21 января. Вечером Л. Н. рассказывал, что был у него шведский писатель, написавший статью про Стриндберга и Толстого. Л. Н. заметил, что Стриндберг — вроде Пшибышевского и психопат.

Приехал купец, русский, сочиняет стихи. Он прочел Л. Н-чу одно стихотворение, в котором ругает его: «Я ведь был огорчен вами».

Вечером приехал Тенишев, предводитель мценского дворянства, зять Трепова, человек правительственной точки зрения.

Л. Н. читал вслух вечером при Тенишеве три рассказа Чехова, один — про борьбу охотника с волком [1]. Тут же Л. Н. рассказал, как бешеный волк на Кавказе укусил его бульдога и тот тоже взбесился [2]. Еще рассказал, как на Козловке бешеный волк искусал урядника и мужика и как они оба взбесились. Как баба, на сына которой этот волк

кинулся, задушила его; баба эта живет до сих пор. Она всунула волку руку почти по локоть в пасть. Волк искусал ее, но она осталась жива [3].

— Я не верю в прививку Пастера,— сказал Л. Н.

Одна яснополянская крестьянка рассказывала мне, что, когда ее корову искусала бешеная собака, она боялась, что заразилась от этой коровы бешенством, и решила ехать в Москву на освидетельствование врачей. Л. Н. сказал ей: «Напрасно ты едешь. Меня бы хоть три собаки укусили, я бы не поехал».

Тенишев говорил о том, что с 5 по 12 января не было правительства и потому не были подготовлены к беспорядкам. Осуждал, что царь, не принявший депутацию рабочих до стрельбы по ней, принял ее позже [4]. «Это непоследовательность»,— говорил он.

Л. Н. был того же мнения:

— Ведь фабричные рабочие,— сказал Л. Н.,— настоящие кавалеры в сравнении с мужиками; последний из них живет лучше сельского старосты. У старосты нет таких сапог; он не пьет чай с сахаром, как они.

Присутствующий художник Орлов заспорил с Л. Н., говоря:

— Да, так живут холостые, те, которые живут в фабричной квартире. А то, получая 1 рубль 10 копеек, то есть 25 рублей в месяц, семейный рабочий живет сам-сём. Мужики живут по-свински отчасти по лени, отчасти по привычке.

Л. Н.: Мужик идет на фабрику по соблазну.

Орлов: Вот вам пример: надел восемь на сорок саженей на душу — полдеревни в Москве.

Тенишев говорил еще о том, что, если бы сменилось правительство, оно сейчас же заключило бы мир на теперешних условиях Японии; а теперь истощенная Япония должна вести войну еще, по крайней мере, полгода. Японцы требуют Корею, Сахалин, разоружение Владивостока и один миллиард.

Л. Н.: У японцев нет средств для того, чтобы требовать контрибуцию.

22 января. Утром приехал Бирюков, возвращавшийся из Петербурга и Москвы; привез известие, что общество очень желало бы, чтобы Л. Н. написал офицерам и солдатам, что они не должны были стрелять в своих в Петербурге, Риге и других городах.

Л. Н.: Об этом я писал уже 20 раз [1]. Это трюизм. Чтобы офицеры не отстаивали интересы своего сословия, говорить офицерам: «Не стреляйте в своих» — это все равно, что говорить попам об евхаристии. Они не верят в нее, не отстаивают ее, как вещь разумную, но они — «credo quia absurdum est»* [2].

— Анненкова писала про девушку, умиравшую от чахотки,— сказал Л. Н.— Обыкновенно такие не сознают близости смерти. Эта же сознавала, наставляла сестру. Просветлела, не чувствовала никакого страха, спокойно умирала [3]. Вот в этом настоящая жизнь. Либерализм же отвлекает от внутренней работы, позволяет жить легкомысленно. Либерал оправдывает себя тем, что он делает полезное дело. Тенишев в качестве предводителя дворянства состоит также и членом воинского присутствия, отбирает новобранцев. Ведь это чувству противно смотреть те сцены. Но он считает себя более нравственным, чем другие; говорит, что он не будет размножать чиновничество, т. е. палач, который оправдывается тем, что он делает менее больно, чем другие палачи.

23 января. В Туле забастовали рабочие. В паспорта пишут им, чтобы их не брали нигде на работу.

---

* «верю потому, что это нелепо» (*лат.*).

Л. Н. получил письмо от француза, в котором он пишет про Россию: «Le pays malheureux» *.

Бирюков рассказывал, что Иловайский говорил при нем о том, что Николай II должен был бы сейчас отказаться от престола. Все ему советуют: и Вильгельм II, и папа, и князь Трубецкой — сместить Куропаткина. Еще передавал Бирюков, что Владимир Александрович, дядя царя, угрожал Николаю II, что задушит его, если он даст конституцию.

Л. Н.: Петр Великий и Павел I установили порядок, что царь определяет наследника [1]. Хорошо, что теперь регентом назначен Михаил. А то, если бы убили царя, такая пошла бы кутерьма!

Завязался разговор о том, какую играли роль преображенцы в истории царей; потом о декабристах: будь с ними Измайловский полк, они исполнили бы свое. Тогдашняя обстановка очень схожа с теперешней.

Вечером, когда я пришел, в 8.45, Л. Н. читал вслух проект русской конституции Батенькова 1824 г. Батеньков просидел 19 лет в одиночном заключении, царь «забыл» про него нарочно, издевался над ним, присылая ему в тюрьму пряники. Батеньков пришел к сознанию, что душа его свободна, и так громко расхохотался над тем, что царь заключил ее, что прибежала стража посмотреть, что такое случилось [2].

Л. Н. спросил Бирюкова, помнит ли он из Герцена проповедь священника **, которого Николай I велел привезти из Архангельска и заключить в крепость.

Бирюков привез Л. Н. от Стасова документы о декабристах из тайного архива. Л. Н., почитав их, сказал:

— Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу.

Говорили о том, что иностранные деятели собирают подписи под петицией в защиту Горького [4].

Бирюков передал содержание шведского рассказа о том, как офицер, принужденный начальством командовать стрельбой в стачечников, застрелился. Бирюков думает, что подобными рассказами можно воздействовать на офицеров и солдат.

Л. Н. сказал, что таким способом на них можно действовать внушением и в обратном направлении, т. е. чтобы они стояли за царя, чтобы предупреждали большее кровопролитие меньшим кровопролитием, подавляя бунт своевременно. Что нужно будить бога в людях: это самый лучший способ действования.

Приехал Андрей Львович из Петербурга, привез известие, что потери в сражении при Сандепу — восемь-десять тысяч человек. Гриппенберг утверждает, что мог бы окружить японцев, если бы Куропаткин не велел ему отступать [5].

Раньше Л. Н. защищал русский народ, утверждая, что он более христианский, чем западные народы, потому что с давних времен читает Евангелие. Теперь же утверждает, что правительство у него скверное потому, что сам он отстал, сам более испорченный или более младенческий, чем западные народы.

Бирюков полемизировал с ним на эту тему, говоря:

— Славянские народы презирают власти; на должности старшин и судей порядочные люди не идут, за границей же наоборот.

Л. Н.: По вечерам я устаю и слаб, так что не могу писать.

---

* несчастная страна (*франц.*).

** Аналогия речи-проповеди митрополита Иоанну Грозному [3].

Л. Н. приписал к своей статье одну - две страницы, в которых подчеркивается позиция анархизма: непризнание права собственности, насилия государства [6].

24 января. Опять была речь о декабристах, о том, как Жуковский и другие извергами ругали декабристов, какие неприятности им делали [1].

— Их обращение к Николаю (поведение),— сказал Л. Н.,— было куда смелее и достойнее адреса теперешнего московского дворянства! [2]

Л. Н. сказал про декабристов:

— Это были люди все как на подбор, как будто магнитом провели по слою сора с опилками и магнит их повытаскивал. Мужицкого слоя магнит этот не дотрагивался.

Потом Л. Н. сказал П. И. Бирюкову, что у него есть некоторые художественные сюжеты, которые бы ему хотелось разработать.

Бирюков: Мне все-таки более близки ваши религиозно-философские произведения, чем художественные. Но теперь особенно такое настроение в обществе, что ваши религиозно-философские произведения не по времени; их просто игнорируют, потому что заняты общественными делами. Теперь можно привлечь внимание общества к вашим статьям только вашими художественными произведениями, которые могут послужить как бы рекламой — как будто колокол прозвонит, и общество вспомнит, что есть Толстой, который что-то говорит.

— Я всегда так на это и смотрел,— согласился Л. Н.— Я весь роман «Воскресение» только для того писал, чтобы прочли его последнюю главу. Если в моих художественных произведениях есть какое достоинство, то только то, что они служат рекламой для тех мыслей, которые там попадаются. С этой целью я и хочу поместить в «Круг чтения» мелкие рассказы для «Недельных чтений» [3].

В «Круг чтения»:

Все сказки Л. Н. (Reclam*),
легенды,
притчи,
«Живые мощи» Тургенева (Reclam),
одно стихотворение в прозе ⟨Тургенева⟩,
«Орел» из «Мертвого дома» Достоевского,
(?) Декларация Гаррисона,
«Завещание мексиканского императора»,
Давидсона-Моррисона,
«Дорого стоит» Гюи де Мопассана,
Что-нибудь из Диккенса,
Что-нибудь из Виктора Гюго,
Л. Н-ча
Декабрь
Смерть отца,
Темы художественные,
Батеньков,
Лунин,
Новые мелкие рассказы [4].

25 января. За завтраком Л. Н. сказал Бирюкову:

— Английская книга («From Theology to Religion»), от которой я мало ждал, оказалась интересной [1].

За обедом Л. Н. спрашивал у Юлии Ивановны, что нового? Ему ответили: «В Варшаве волнения; по русским газетам, 130 убитых. За-

---

* Для рекламы (*англ.*).

мазали русские надписи на вывесках. В Лодзи ждут волнений». В Вильно, Ковно, Лодзи и Варшаве объявлено положение усиленной охраны.

— Не могу не сочувствовать полякам, как их обижают,— сказал Л. Н.

Бирюков заметил, что поляки — умный народ.

В Тамбове собирают на церковь в память принятия государем депутации рабочих! После побоища в Петербурге!!

Л. Н.: Читаю Уоллеса о дарвинизме [2]. Какая нелепость — дарвинизм! Поразительное сходство церкви с наукой. Выставляют свой авторитет, а между собой спорят, и не о главном, а о мелочах, не имеющих никакого значения: о божественности или человечности Христа (как будто это не безразлично), и тому подобное. Когда Сережа учился, Страхов меня тогда просвещал, он рассказывал мне про четвертое состояние вещества (твердое, жидкое, газовое и эфирное). Я ему верил. Вдруг Сережа сказал: «Богданов учил нас, что все это вздор. Эфирное состояние — такая же гипотеза, как воображаемая величина в математике, без которой нельзя обойтись». А вот еще — споры о медицине: при аллопатии существует гомеопатия.

Вечером были: Бирюков, Орлов, Андрей Львович, М. В. Сяськова, Вера Александровна, Юлия Ивановна, Софья Андреевна и я.

Юлия Ивановна говорила:

— В газетах пишут, что отзовут Куропаткина.

Андрей Львович: Папа́, какого ты мнения о Куропаткине?

— Думаю,— сказал Л. Н.,— не следует его отзывать, как старого кучера всегда лучше держать, чем менять. Когда он был назначен, я не имел к нему доверия. Он был при Скобелеве начальником штаба, значит, был хороший, деловой человек; если бы он был хороший полководец, то был бы начальником отряда. Куропаткин, наверное, читал Наполеона, Мольтке: есть некоторые общие приемы.

Андрей Львович: Его не любят, потому что трудно добраться к нему.

Л. Н.: Несчастный человек Николай!

Андрей Львович: Победоносцев ему внушил, что он не может отказаться ни на волос от своей власти. Уже поезд был приготовлен в Царском Селе. 9 января царь хотел было выйти поговорить со стачечниками, но Владимир и Сергей Александрович не пустили его.

Л. Н.: Николай Михайлович (великий князь) хвалил царя, что он благосклонный и что они преклоняются перед ним [3].

— Скажите Хилкову, чтобы он читал декабристов. Никогда не было такой организованной силы. Успеха у них не было по русской доброте, по отвращению к кровопролитию.

Л. Н. читал вслух японскую сказку; окончив, сказал:

— Все они дурные.

Про себя Л. Н. сказал:

— Утром я чувствую себя ребенком; когда проедусь верхом — мне лет 40; вечером — старик.

Софья Андреевна вспомнила, что у Euphrussi на бале в Москве была пряжка за 60 000 р.

Л. Н.: Простые немки носят булавку. Я люблю простой немецкий народ. Они славные. Когда я ходил пешком по Швейцарии ...[4] Рабочий народ везде одинаковый.

Библиотека в Ясной Поляне очень содержательная; в ней книги религиозно-нравственного направления — не только русские, но и английские, французские, немецкие, греческие, латинские, еврейские;

меньше польских, итальянских, чешских, испанских, скандинавских; мадьярских и на других языках — по нескольку экземпляров.

26 января. К обеду приехал Сергей Львович. Рассказывал про тульское земское собрание: все либералы вышли из него. В Петербурге рабочие жгли киоски.

Кто-то: Почему?

— Потому что там висели портреты Романова. Стрельба в мирных рабочих сделала из них революционеров; она их революционизировала.

Л. Н. про себя сказал сегодня:

— Обратно пропорционально уменьшаются силы и увеличивается количество дел, которые хочется сделать.

Бирюков приехал из Тулы, побывал там у Ивана Васильевича, бывшего лакея Л. Н. на Кавказе, примешивающего в свою речь французские фразы. Но узнал от него мало о Л. Н.

Л. Н.: Прочел я письмо Пестеля [1] и ответил на 51 вопрос [2].

* Говорили об отношении духоборов к животным. Л. Н. сказал, что то, что они отпускают животных, это так и должно быть.

— Духоборы — начало нового народа,— сказал Сергей Львович.— Самостоятельные, гордые. Места, где они живут теперь, соответствуют по положению и климату Оренбургу. Северный участок лесистый, южный — степь, Принц-Альберт — степь.

Потом Сергей Львович рассказал, как духоборы в ледоход переправляли англичанина через реку. Переправившись, он дает им монету— не берут, две — не берут, весь кошелек — не берут. Пошли с ним за версту к переводчику и через переводчика объяснили, что они послужили даром.

Кто-то сказал, что в книге Фильдинга «Душа одного народа» сказано, что бирманцы держат кур, но не убивают их [3].

— У Олсуфьева все лошади умирали дома, не продавали их,— заметил Л. Н.— Жозя рассказывал, как Марья Александровна любит коров.

Вечером Сергей Львович с Л. Н.

Сергей Львович: Чувствую себя несвободным, другие также, поэтому надо домогаться свободы. Свободы слова, печати, свободы собраний и представительного правительства.

Л. Н.: Свобода берется, а не дается; последствия какие будут (от конституции), не могу определить. А ваши Петрункевичи, какая это гарантия? Ничего нового, все такое, которое даже там — в малых государствах, где оно есть, не оправдывается, пережито, хотят его бросить. Где же в огромной России — конституцию (какое дело будет тем людям)? Понимаю, когда Крапивенский уезд столкуется с Епифанским о дорогах, с Тулой об университете — это натурально, по нуждам.

Сергей Львович: Мирский 22 губернаторов хотел сменить.

Л. Н.: Они тормозят, глупости делают.

Речь была о каком-то высокопоставленном сановнике, который болен; его возят в присутственное место.

Сергей Львович: Надо ограничить самодержавие — ввести конституцию, установить республику **.

Л. Н.: Самодержавия нет. Правит известная группа людей, а ты хочешь, чтобы правила другая, из людей, которые такие же застарелые, ни к чему не годящиеся.

---

* Дальнейшее, до записи 27 января, взято из *ЯЗ*, II, с. 10—11 и из разрозненных листов старой машинописи.— *Ред.*

** Запись дается в реконструкции. В подлиннике: 1) Ограничить самодержавие, 2) республику, 3) конституцию.— *Ред.*

— Ты говоришь о благе народном, к которому приведут перемены форм. Я о том не знаю. Если будет ограничение действий правительства (достойное человека) — не быть судьей, не платить податей, не идти в солдаты — это будет иметь последствия, какие нужно (какие будут, не могу определить).

— Соединенные Штаты... отсутствие пережитков— королей или царей.

— Порядки хотят вводить, от которых в Соединенных Штатах, Франции, Англии хотят освободиться.

— Теперь негодуют на войну, а завтра они повезут русских людей убивать в Индию; три четверти года тому назад те же самые благоговели перед царем, желали войны, а теперь готовы идти на молебен (о ее окончании).

Сергей Львович: Свободы нет.

Л. Н.: Нет, я чувствую себя свободным. Могут мне отсечь голову за мои речи, поступки, но я свободен.

Л. Н.: Какие это представители (депутаты), спроси Душана Петровича об венгерских выборах в сейм.

Сергей Львович: Но это в Венгрии.

Л. Н.: В Северной Америке, в Англии — то же: деньги, клики. Либералы не знают даже такой «мелочи» — освобождения земли от собственности.

Сергей Львович: Тебе легко говорить о свободе, но покажи практический способ, что́ теперь осуществлять.

Л. Н.: Не касаться вещей, которые тебя не касаются, которые далеко, а исполнять свое перед богом. Устройство государственного правления на 187 плане. Важнее, как с тобой, с Ваней поговорю, как ем, сплю, одеваюсь.

Сергей Львович: Когда переедешь через Торунь [4], видишь другой свет, там совсем иначе, хотя один народ — поляки. Или в Финляндии.

Л. Н.: То же видишь и в Прибалтийском крае.

Сергей Львович: Я сделаю замечания к статье твоей о деспотизме. Будешь ли читать их?

Л. Н.: Не обещаю. Твои взгляды мне знакомы. Теперь получил от пашковца письмо об искуплении [5]. Что же, я буду читать его доводы?

27 января. Л. Н. хвалил Карпентера «Civilisation: its Cause and Cure» и предполагал, что это новое сочинение, говоря, что Карпентер — смелый мыслитель.

Вчера хвалил La Boëtie «Discours sur la servitude volontaire» [1]:

— В истории литературы сказано об нем, что он написал это ради красноречия, ради упражнения в красноречии,— сказал Л. Н.

— Переведу мышей,— сказала Софья Андреевна. Л. Н. на это:

— А я переведу Карпентера. (Мышей Л. Н. выпускает.)

Потом он прочел мне из Карпентера о медицине.

Шла речь о Маньчжурии.

Л. Н.: Последствием этой войны будет сближение Запада с Дальним Востоком.

Андрей Львович: Уже и сейчас по трактирам — китайцы-повара. Они валят к нам.

Л. Н.: Европейцы же, наверное, стремятся к ним.

*О ком-то говорили. Мария Васильевна жалела ее, что она постоянно думает о смерти.

---

* Отсюда до конца этого дня идут записи с разрозненных листов и переписанные Маковицким с черновых рукописей через восемь лет.— *Ред.*

Л. Н.: Это хорошо о смерти думать. Не минует нас.

Л. Н. вспоминал свое путешествие, пока железных дорог не было: когда ехал за границу в первый раз, прощался на Мясницкой в почтовой постройке [2].

Отвечая на вопросы П. И. Бирюкова, Л. Н. рассказывал про свою поездку по донским степям [3]:

— Дорога твердая, ровная, как макадам, а по сторонам ковыль серебристый; тут и там кустики дикой вишни... Какие прелестные степи с этим серебристым ковылем!..

О своем переезде в Казань (когда ему было 13 лет) Л. Н. рассказал:

— Когда ехал в Казань, со мной было восемь томов «Monte-Cristo» Дюма. Можно было хорошо читать, глаза хорошие, молодые... Даже и не видел дороги...

Сергей Львович спросил, тут ли его книга рассказов Анатоля Франса и что в ней хорошего. Л. Н. прочел только один из них. Передал содержание рассказа «Кренкебиль», который хочет поместить в «Круг чтения» (это стихийная сила суда, власть полиции и растерянность жертв; успокоится на мысли, что так должно быть) [4].

Л. Н. хвалил перевод своих писем, сделанный Адольфом Гессом в «Deutsche Rundschau» [5].

Заговорили о русских сектантах.

Л. Н.: Писал мне из Канады казак Шутов. Все его данные (адреса, надежды) перебраться за границу были: спросить в Млаве еврея Янкеля. Я ему сказал, что там Янкелей столько, сколько у нас Иванов. Он проездом в Канаду остановился в Ясной.

— Скороходов хорошо отзывался о хлыстах,— сказал Л. Н.

— Это факт исторический,— заметил П. И. Бирюков,— что русские сектанты никогда не восставали с оружием в руках: ни раскольники, ни штундисты, ни духоборы. Все они терпеливо переносили преследования, как павликиане.

Л. Н. опять вспомнил историю Феодора, который истреблял павликиан и потом сам стал павликианином.

29 января. Утром был здесь грузин, М. К. Кипиани, приехавший для того, чтобы рассказать Л. Н. о социальном движении среди грузинских крестьян *.

Н. В. Орлов спросил Л. Н.:

— Обрадовались, что осуществляются ваши идеи?

— Да, это здравый смысл народа проявляется.

Вечером Л. Н. говорил о нем (Кипиани), какой он милый, как он хорошо рассказывает, как это заинтересовало его, хотя Л. Н. как раз в то время был не в духе: нездоровилось ему, т. к. ночью не спал, печень болела, но хотелось работать (мысли у него роились). Грузин этот говорил, что нет тюрьмы от Кутаиса до Иркутска, в которой он не побывал бы в течение 12-летнего своего заключения.

— Это милейший народ, эти грузины, и умные, и кроткие, и добрые, как Накашидзе,— сказал Л. Н.— Они такие роскошные, небережливые. Следует записать то, что он говорил. Хотя он говорил, что выдача организации может им повредить. Беллами не выдумает так хорошо, как тут теперь осуществлено: по совместному согласию, по совести и по Христу перестроена у них вся жизнь.

Л. Н.: Сейчас пришла девушка, точно просительница, она послала мне письмо: «Я необразованная девушка, получила наследство в 100 000 рублей, что мне делать?» Сейчас пойду к ней, очень интересно.

---

* См. в «Свободном слове», № 16, статью, написанную на основе моих записок [1].

Когда Андрей Львович уезжал, Сергей Львович говорил ему, зачем он берет с собой столько вещей:

— Отдай как багаж — по крайней мере, на десять рублей меньше будет стоить.

— Нет, возьму с собой хоть до Москвы, не стану перепаковывать. Что такое — лишних каких-то три рубля!

Л. Н.: Три рубля — большие деньги.

Два матроса из эскадры Рожественского писали Л. Н-чу, что, читая на корабле Евангелие, отказались от военной службы. Их вернули обратно в Кронштадт, там и сидят. Просят, чтобы Л. Н. выхлопотал для них разрешение на чтение Евангелия в тюрьме [2].

* Вечером Юлия Ивановна сказала, что завтра приедет француз (Саломон); уже давно не было французов, только всё англичане.

Л. Н. заметил:

— Как мало читаю теперь по-французски: что меня нового интересует, больше всего появляется по-английски, потом по-немецки, а только после по-французски. У немцев нет новых мыслей (у англичан — да). Они (немцы) пишут блестяще критику, беллетристику, но все это старое. (Англичане смелые в мыслях.)

— Получил письмо от Кросби и от Рали,— сказал потом Л. Н.— Какие мелкие интересы у Кросби и у образованных людей. Пишет о представлении «Воскресения» в театре; о судье, который с ума сошел, когда осудил человека на смерть. А гурийцы — какие важные дела затронули**. К тому, что пишу, то есть о религии, администрации, правительстве,—иллюстрация, в статью помещу. О гурийцах я уже слышал раньше; кто это мне рассказывал? Скороходов?

Юлия Ивановна заметила, что не он.

Л. Н.: Галя огорчена убийствами в Петербурге; пишет, что мне о том писать (в Петербурге, по официальным данным, убито 73, в первые сутки умерло — 18). А в Ляояне, а инде каждый день сколько гибнет. Правительство уступить не может. Они (революционеры) не видят, что они победить не могут, что сил мало.

Была речь о Новикове. Л. Н. сказал:

— Недобрый человек.

Л. Н. вспоминал с восхищением о Кавказе, видно было, как милы ему эти воспоминания, как радостно, счастливо протекала его жизнь там.

— На Кавказе,— говорил Л. Н.,— я вращался благодаря обстоятельствам, и брат Николай так ⟨мной⟩ руководил, между простым народом. В Тифлисе духаны, в них баранина висела — свежая, жирная—для таких, которые ⟨ее⟩ едят, — самая привлекательная; висели гроздья винограда; за ними сальная свеча горела, сосульки из муки и виноградного сока.

Сергей Львович заговорил о чешском написании, как о таком, которое русские должны бы присвоить себе, когда пишут латинскими буквами свои имена, географические названия, телеграммы за границу, названия телеграфических и почтовых станций. Но Л. Н. невнимательно слушал и ничего на это не заметил. Вера Александровна рассказывала о горничной, которая пошла в ее колье в театр; как она испугалась, когда ее встретила. Рассказывала это со смехом и со злобой.

Л. Н.: Это было жалко.

Ночью Андрей Львович уезжал в Петербург на три месяца готовиться к офицерскому экзамену. Через год хочет вернуться в Маньчжурию, в войско. Л. Н., когда с ним прощался, давал ему советы, предостерегал его.

---

* Отсюда до конца дня восстановлено автором впоследствии по черновым записям.— *Ред.*

** Гурийцы перестали арендовать и обрабатывать помещичьи земли, перестали обращаться к полиции и судам и завели свою администрацию.

Л. Н.: Карпентер (в книге «Цивилизация, ее причины и излечение») смотрит на цивилизацию как на болезнь. Народы, которые ее усваивают, начиная от римлян, приблизительно после тысячи лет, слабеют, гибнут. Теперь Англия пришла на степень, на которой видны признаки разложения: упадок нравственности.

У садовника А. Д. Соанса украли корову. Вечером об этом говорили и гадали, кто это мог сделать. Садовник подозревает одного, другие — другого.

Л. Н. сказал:

— Кто украдет, имеет грех, а у кого украдут, имеет два. Народная пословица.

30 января. Сегодня приехал Саломон. Рассказывал, что царь принял Льва Львовича и говорил с ним о Земском соборе. Лев Львович, как известно, писал ему о том, что надо бы созвать Земский собор.

Л. Н. знал об этом письме уже раньше, и когда Штанге был у него с проектом Земского собора Нижегородской думы, с которым он ехал к Мирскому, то Л. Н., которому проект понравился, посоветовал ему (Штанге) заехать ко Льву Львовичу.

Вечером, после обеда, Л. Н. беседовал с Саломоном.

Л. Н.: Ну, что нового у вас, во Франции?

— Доносы министра Андре на офицеров, воспитывающих своих детей в католичестве.

Л. Н.: Вот вам fraternité, égalité! *

Саломон: Не читали вы про Сиветона в «Matin»? [1]

— Я газет не читаю.

— Год тому назад даже много читали. Помню, ездили даже из-за газет в Тулу.

— Мне так приятно было, когда перестал читать газеты, как когда бросил курение. А теперь, когда мне рассказывают, что́ пишут газеты, точно вдыхаю дым чужой папиросы. Когда я составлял «Круг чтения», я был на такой высоте мысли, и это оттолкнуло меня от газет, и я перестал их читать... «Круг чтения» будет важен тем, что укажет на писателей. Вот у вас, во Франции, Lamennais и La Boétie публика, наверно, мало читает. Как бросается в глаза сходство между Lamennais и Mazzini. Mazzini перешел из революционерства в христианство. Lamennais—из католичества, из христианства в революционерство.

Саломон: Я Мадзини не знаю.

Л. Н.: Есть хорошая английская биография Mazzini [2].

Потом Л. Н. спросил, что есть нового, хорошего во французской литературе? Саломон ответил:

— Братья Margueritte прекрасны. Pierre Loti «Vers Ispahan. Voyage en Perse» [3]. Поэты пишут просто, выражаются ясно, декадентство бросили.

Л. Н.: А у нас оно процветает.

Саломон: Общество имени Руссо в Женеве издает его корреспонденцию.

Л. Н.: Нет хорошей биографии Руссо, кое-чего недостает. Он достойнее Вольтера, который гнулся перед Фридрихом, Екатериной. Этим он делал большой вред. Писал историю, в которой восхвалял Екатерину, выставляя ее такой, какой она не была. Надо выяснить у Руссо его занятие собою под старость, его малодушие.

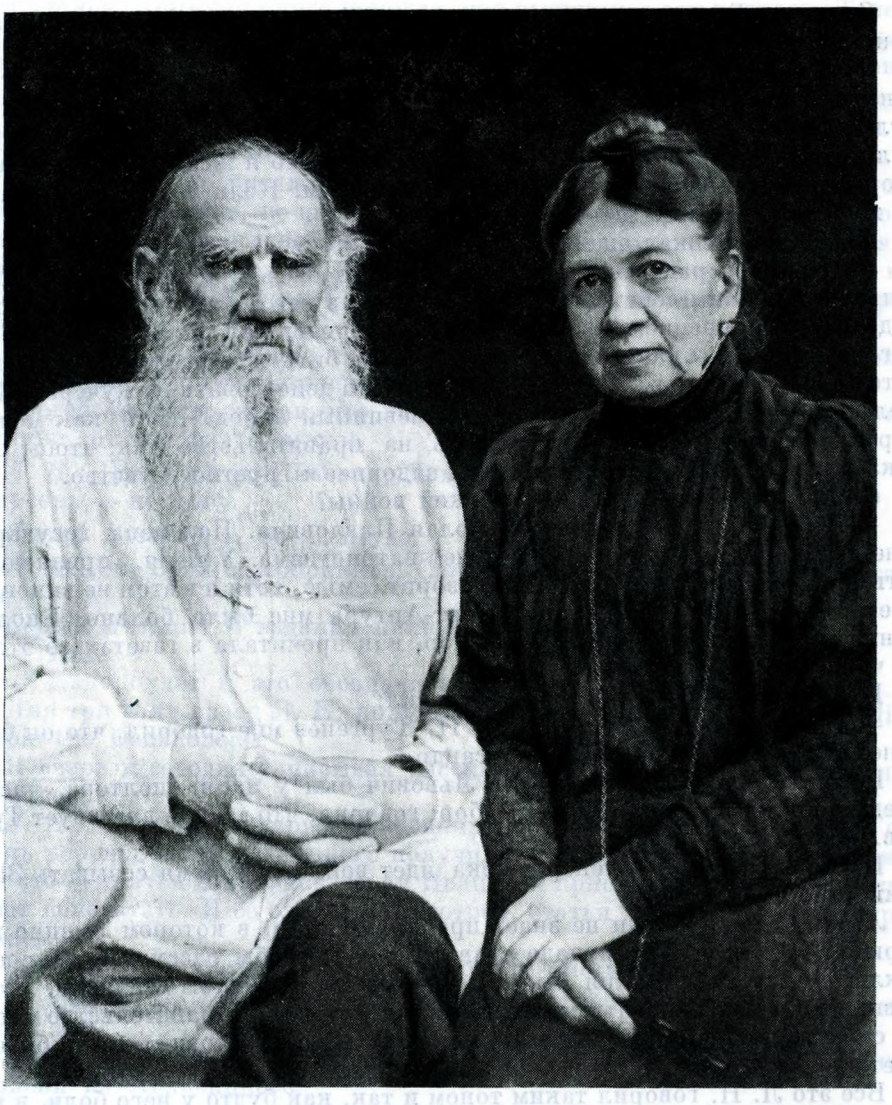
Еще Л. Н. говорил про Мопассана:

— Мопассан пишет так, как будто говорят сами его герои, как Диккенс. Кое-что похожее есть у Некрасова. Руссо fait le style**, Вольтер — менее, Дидро — еще менее. Паскаль мне нравится.

---

* братство, равенство! (*франц.*).

** щеголяет стилем (*франц.*).



ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ
Ясная Поляна, 26—31 июля 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова

В 8 часов вечера, возвращаясь от больного, я встретил у подъезда бледного, лет 25-ти человека.

— Можно ли видеть Льва Николаевича? У меня личная просьба к нему. Пожалуйста, передайте ему это письмо.

Л. Н. (*вскрыв конверт*): Ах, это опять тот булочник!

Спустился вниз к нему. Вернувшись, сказал Юлии Ивановне:

— Хотите познакомиться? — и подал ей карточку: «Леон Дикий»! [4]

Юлия Ивановна: Опять был здесь, что же спрашивал?

Л. Н.: Спросил, как можно сделаться хорошим писателем? Я думаю, что он душевнобольной.

Вечером за чаем Л. Н. рассказал Саломону и другим присутствовавшим в зале про гурийцев; о том, что здравый смысл народа привел их к анархическому образу жизни.

Саломон: Русские радуются потерям. C'est incompréhensible, irritant pour nous *.

Л. Н.: Не понимаю их. Им следует быть прямо против правительства, а не только против войны, а они идут на войну. Недавно собаки вспугнули зайца; я желал, чтобы его не поймали, но, будь я охотником, я травил бы его. Маша напала на меня из-за того, что я желал, чтобы лучше взорвали Порт-Артур, нежели отдали японцам. Коли берешься воевать, то жертвуй собой за дело.

Потом продолжал еще:

— Тем, кто радуется поражениям, надо быть прямо против правительства, надо им действовать прямо против него, а не через потери народа. Ищу сравнение... Это вроде того,— продолжал Л. Н. после короткого молчания,— как если бы седок стал бить кучера другого седока, а тот — кучера этого. Почему же не прямо действовать на кучера? Как желать того, чтобы терпел и погибал невинный народ? Да и как может поражение на войне подействовать на правительство так, чтобы оно отказалось от своей власти? У меня задорное и грустное чувство.

Сергей Львович: А после Крымской войны?

— Та кончилась смертью Николая Павловича. Перемена государя. Мне странно, что у моих сыновей нет патриотизма. У меня, признаюсь, есть, как и семейное чувство. Это позорит семью, хотя я в этом не виноват, мне больно (стыдно). Падение Порт-Артура мне было больно. Вполне понимаю Гагарину, которая с тех пор, как прочитала в газетах об этом, не читает газет.

По поводу Гагариной Л. Н. добавил:

— За ней ухаживал Александр II. Тургенев мне говорил, что он был у нее, когда к ней пришел Александр.

Шел разговор о том, что Лев Львович был у царя (полтора часа); предлагал ему созвать Земский собор; говорил, что теперь властвует Трепов.

Царь ответил, что теперь, пока идет война, не время созывать Земский собор.

Л. Н.: Жаль, что он не знает проекта Штанге, в котором именно говорится, что теперь-то и надо созвать собор, чтобы рассудить вопрос о заключении мира. У царя была бы опора. Собор мог бы сейчас же остановить войну и установить приемлемые условия мира. Правительство могло бы сказать японцам: «Если не принимаете (наших условий), тогда будете иметь дело со всем русским народом».

Все это Л. Н. говорил таким тоном и так, как будто у него боли в печени. Наверное, ему нездоровилось. Весь вечер был не очень словоохотливый и переходил от одной темы к другой. Говорил более тихим голосом, чем обыкновенно, и обращался почти исключительно к Саломону. Саломон говорил большей частью по-французски. Л. Н. тоже отвечал ему иногда на французском языке, но скоро переходил на русский.

Саломон рекомендовал Л. Н. книгу Сабатье (другого Сабатье — не того, который написал про Франциска Ассизского) о религии [5].

Л. Н.: Я в это время читал в «New Book of Kings» о Карле II, сумасшедшем, который управлял Англией 25 лет, и Давидсон-Моррисон говорит про него, что, сходя с ума, он почти лучше правил, чем бывши при уме. Также я читал «Les origines de la France contemporaine» Тэна. С ним я не совсем согласен насчет того, что он утверждает, что принципы революции ложные, потому что не удались; они не удались потому, что были введены насилием. К ним ведь теперь возвращаются: прогрессивные налоги, отделение церкви от государства.

---

* Это непостижимо, вызывает у нас раздражение (*франц.*).

Саломон: Коммуна много помогла, она выдвинула эти вопросы. Теперь нынешнее культурное дело приближается к цели. Во французском парламенте открыто голосовали за предложение закона об отделении церкви от государства.

Саломон затем спросил:

— А Мишле читали?

Л. Н.: Я давно читал. Мишле, Маколей не используют вполне все исторические данные, не исчерпывают их и в то же время они не художники [6]. Читал также декабристов. Как похожи друг на друга Charles I, Louis XVI и Николай II, обстоятельства — тоже. Та же faiblesse*, нерешительность, полумеры. Louis не знал, верить ли Мирабо? То верил ему, то нет.

Л. Н. просил Саломона узнать у Валишевского, достоверно ли описание смерти Катьки (Екатерины II)?

Сергей Львович сказал, что надо бы в «Круге чтения» обозначать источники, откуда взяты мысли.

Л. Н.: Что взял из Паскаля, Ламеннэ, могу указать, а что взял из Эмерсона,— не могу.

Сергей Львович: А из Талмуда?

Л. Н.: Это брал из сборников. Список литературы, впрочем, составлен.

Сергей Львович: И издания книг указаны?

— Нет.

— Надо будет и это обозначить.

Дня три тому назад Л. Н. получил большую книгу Моода «A Peculiar People the Doukhobórs» [7].

Я вчера и сегодня записывал рассказ М. К. Кипиани о возрождении гурийцев.

Л. Н.: Получил гектографированную статью о словаках, читал ее, очень хороша [8]. И Хельчицкого получил [9]. Все прислал Иван Иванович. Вот это — статья Шкарвана. Иван Иванович прислал мне для прочтения, хочет напечатать. Я ее слегка просмотрел, статья хорошая, очень понравилась.

Сегодня Л. Н. получил первые пробные листы «Круга чтения» [10].

31 января. За обедом: Л. Н., Вера Александровна, Юлия Ивановна, Орлов и я.

Выйдя из своей комнаты, Л. Н. обратился ко мне. В руках он нес выписки из Хельчицкого:

— Я вчера читал его и отметил места (для «Круга чтения») [1].

За столом он спросил Веру Александровну:

— Умеешь писать?

Та растерялась:

— Как же, умею.

— А скоро умеешь? Читал Карпентера — ах, как он хорошо пишет — и буду тебе диктовать по-русски для «Круга чтения» [2].

— Нынче,— сказал Л. Н.,— лежал и думал: «Напишу гурийцам, Накашидзе, что это важно, что́ они делают, чтобы они продолжали» [3].

— Статью о словаках прочитали? — спросил я Л. Н.

— До одной четверти. Статья хорошая, только уж слишком он доволен ими, восхваляет их [4].

— Много словаков? — спросил Л. Н.— Смешиваются ли они с мадьярами? Депутатов сколько у них? А чехов сколько? В Вене, говорят, много прислуги чешской. А румын, немцев, евреев? А у тех есть свои

---

* слабость (*франц.*).

депутаты? — Вот вопросы, которые задавал мне Л. Н., удивляясь таким фактам, например, что немцев-чехов в Вене 320 000, или тому, как они германизируются.

Я рассказал, как австрийское правительство строит железные дороги, как поощряет индустрию в немецких городах, вследствие чего там наплыв рабочих и конкурентов-славян, которые потом тонут среди немцев.

— Ведь правительство делает эту национальную борьбу,— сказал Л. Н.— Подумайте, если бы отсутствовало правительство, так было бы нравственное соперничество и смешивание на границах (окраинах). Странное дело, что Венгрия, которая, пока была частью Австрии, все эти гонения испытала на себе, причиняет те же страдания своим народам. Удивительно, что держится Австрия, страна, где столько наций и земель со столькими противоположными интересами. Ей уж в начале девятнадцатого века сулили конец. Удивительная инерция.

Еще я сказал про словаков, что их в Америке четверть миллиона.

— И не перестают выселяться туда? — спросил Л. Н.

— Нет, переселение это даже усиливается в последние годы. Вот если бы русское правительство или общество сделало для них Сибирь доступной! — сказал я.

Л. Н.: Они сами должны отправить ходоков, например, в южную область Алтая, в Минусинскую область.

В 10.30 за чаем Л. Н. сказал мне, чтобы я почитал ему биографию Хельчицкого [5].

— Прекрасно изложена,— сказал он, когда я читал.— Кто это написал?

— Яначек.

— Перепишите это, но надо исправить русский язык. Сходство судьбы Хельчицкого с Лао-тзе: истории их жизней неизвестны, а они оба основали высокие религии. О Хельчицком до середины прошлого столетия не знали, в словарях не упоминался.

Когда я читал Хельчицкого, переводя ex-abrupto* с чешского, затрудненно и с остановками, он не терял терпения, хотя, видимо, был ужасно уставшим и нездоровым, но все-таки слушал и следил за читаемым с большим интересом, спрашивая слова, которых не понимал.

1 февраля. После обеда. Приехавшая утром из Москвы Софья Андреевна рассказывала, что царь сказал Льву Львовичу: «Ваш отец — великий человек, но вместе с тем фантазер, например о земле».

Л. Н.: Я рад, что Лева ему сказал, чтобы бросил курение и питье. Это важное дело. Если он бросит, хорошо сделает. За ним перестали бы курить и пить придворные, офицеры и так далее.

— Царь торгует водкой,— сказал Л. Н., негодуя.— Это срамит его в глазах народа.

Про своего брата Михаила (бывший наследник) царь сказал, что тот не пьет и не курит.

Софья Андреевна говорила о Марии Львовне и Николае Леонидовиче, говорила, как скучно у них в Пирогове:

— Я бы повесилась. Не могла бы там жить.

Л. Н.: А я им завидую. Там тихо, а здесь вечная суматоха. Вчера был единственный день, что никто не приехал.

Софья Андреевна: Ну и сегодня.

Л. Н.: Сегодня ты приехала. Сашу ждем. Все-таки беспокойство.

Софья Андреевна спросила, что делать с брошюрами? Отдельно их записывать нельзя не потому, что трудно ей было бы это, а потому, что они

---

* сразу, без приготовления (*лат.*).

много места заняли бы в библиотеке; поэтому отдаст их переплести книгами.

Л. Н. посоветовал разложить отдельно по пакетам — английские, французские, немецкие, рассортировав их по годам, и так записывать их.

Софья Андреевна: Я так и делала, только год не обозначала.

Софья Андреевна каждые два месяца укладывает в библиотечные шкафы книги и брошюры, полученные за это время Л. Н. и не помещающиеся больше на подзеркальном и другом столе в зале. Их накапливается 100—200. Софья Андреевна вписывает их в каталог библиотеки. Так как с этим много хлопот, да и места для них не хватает, и шкафы все новые нужны, то Софья Андреевна тщательно выбирает, что записать в каталог, что, не записывая в каталог, связать в пачки и поставить в библиотечные шкафы, а что совсем бросить.

Среди брошюр Л. Н. увидал одну спиритическую и тут же рассказал анекдот, как при спиритическом сеансе у горничной пропал рубль. На другой день медиум заговорил и сказал, что если ничего не имеют против, то он просит этот рубль для него оставить.

Л. Н. к Юлии Ивановне:

— Письмо к Накашидзе отослали? [1]

— Нет, плохо копировалось, оно еще в прессе.

Я: Я писал вчера Кипиани. Он мне оставил свой петербургский адрес, прося написать ему, как вы отзоветесь о гурийцах.

Л. Н.: Жаль, что мне вчера не сказали (Л. Н., наверное, писал бы ему, а не Накашидзе). Написали ему, что я с восхищением рассказываю про них и волнуюсь?

— Да.

Л. Н.: В Петербурге узнают про них, он будет там рассказывать. Только интеллигенты этого движения не оценят, на них это не произведет должного глубокого впечатления, другое дело — манифестация на улицах Петербурга.

Я: Как духоборов: интеллигенция не оценила их.

Л. Н.: Интересно — интеллигенты доводят нравственные требования до крайности, ставят себе идеал: не платить податей, отказываться от денег, от воинской повинности — но не выдерживают. Народ же ставит себе средние требования, как гурийцы, с которыми идут и женщины,— ведь они идут вследствие давления,— но выдерживают.

Орлов: Когда духоборы узнают о гурийцах, будут жалеть, что эмигрировали.

Л. Н.: Да, духоборы отказывались от военной службы. Их наказывали за это, разоряли.

Л. Н.: Crosby пишет, что Kenworthy нападает на него за то, что он препятствует распространению его книг в Америке [2]. У него мания преследования, как у Руссо. Он затеял дело против Моода, поссорился с Чертковым. Только меня оставляет в покое, только на меня не обижается.

Юлия Ивановна спросила, может ли отослать «Часовщика» Винеру.

Л. Н.: Неоконченный, только первые листы для образца шрифта, каким должно печатать «Круг чтения» [3].

Вечером, в 10 ч., Л. Н. вышел гулять. Зная, что на деревне есть бешеная собака, я пошел за ним, захватив с собою палку, и шел шагах в пятидесяти сзади него. Возвращаясь обратно, Л. Н. увидал, что кто-то идет сзади, остановился и, когда я подошел, заговорил со мною про Хельчицкого. Сказал, что он отметил в статье Яначека места для «Круга чтения», но что хорошо было бы в эту статью ввести подлинные слова

самого Хельчицкого. А оба текста нельзя там публиковать. Спрашивал, много ли у нас самоубийств, сумасшедших? Позже, за чаем, спрашивал, какие болезни попадаются чаще всего в амбулатории? Когда я сказал, что туберкулеза мало, заметил: «Зато в Москве много».

Дома за чаем Л. Н. принес и дал мне английскую брошюру «Hidden Words» [4].

— Вот о бегаизме,— сказал он.— Напыщенные слова. Посмотрите и сейчас увидите, что́ оно.

2 февраля. Перед обедом Л. Н. заглянул в амбулаторию. Спросил двух больных, что с ними и откуда они, и через две-три минуты ушел. Это он, гуляя и идя мимо, заглянул к нам. Мало больных.

В час дня приехал И. К. Дитерихс. В четверть второго вышел Л. Н. и беседовал с ним. Софья Андреевна записывала на отдельные карточки для библиотеки брошюры, которые Л. Н. выбрал, как более важные.

Софья Андреевна вспоминала журнал («Русскую мысль»?), что в год стоит 16 р. и что в нем нет ничего, а сколько хороших книг за эти деньги можно купить.

Л. Н.: Павленкова «Жизней замечательных людей» (по 25 коп.).

Иосиф Константинович рассказывал, что сестра [1] пишет ему из Англии, как они убиты известиями из России. Его родственники (дядя, тетя в Туле) — консерваторы, которые раньше ругали японцев, не находили им имени, говоря, что надо их уничтожить, теперь против войны, читают «Русские ведомости» и ругают правительство.

Л. Н.: Ругательства теперь общие, это заразительно, надо остерегаться...

— Читаете «Courrier Européen»? — спросил меня Л. Н.— Там статья об отделении церкви от государства в Японии. Сиогун [2] поддерживал буддизм, преследовал синтоизм. Когда одержал верх микадо — по синтоистской вере, наследник богов,— он стал поддерживать синтоизм и преследовать буддизм. Буддизм — глубокое нравственное учение, синтоизм — идолопоклонство. Вот это не к чести ваших японцев,— сказал Л. Н. Иосифу Константиновичу, который восхвалял японцев.— Еще там статья об исламе: об улемах [3], которые соединяются в общества, чтобы противодействовать влиянию, которое производит слабый султан. От улемов можно ждать чего-нибудь, синтоизм не имеет будущности. Калиф замещает пророка! Микадо — наместник богов, у нас — мощи, царь, у католиков — папа! Как образованные люди могут терпеть все это! Мой знакомый был прав, говоря, что умереть легко, человек уходит из мира сумасшедших.

Л. Н. кратко рассказывал Иосифу Константиновичу о гурийцах, сказав при этом:

— Когда люди начинают сообща действовать, то становятся более нравственными; когда же люди становятся более религиозными, более нравственными, то соединяются к общей жизни.

Иосиф Константинович рассказывал про Куропаткина. Из Закаспийского края он выгнал всех поляков, служивших на железной дороге, евреев, у армян же отнял поставки на армию.

Еще Иосиф Константинович рассказывал про Туркестан и вообще про магометанские народы: какие они правдивые, не лгут, не клевещут друг на друга. Говорил, что какой-то его знакомый привез известие из Петербурга, что рабочих для депутации к царю будили ночью, одевали и уводили в полицию, а оттуда к царю. Царь встретил их бледный, с перекосившимся лицом, вынул бумагу, прочел речь, повернулся и ушел. Юлия Ивановна говорила, что Земский собор, по слухам, будет созван. Л. Н. ничего на все это не сказал.

Я передал Л. Н. известия об отказавшемся от военной службы Немраве [4], которые Л. Н. очень тронули. Слов Л. Н. по этому поводу не помню, но смысл был тот, что такие личности, как Немрава, побуждаемые только внутренним убеждением, делают много добра.

Вчера, 1 февраля, вечером, Л. Н. сказал: «Иду писать воспоминания. Я решил ежедневно вечером по странице писать, хоть как-нибудь».

3 февраля. Л. Н. зашел нарочно ко мне в комнату спросить меня, как дела.

Л. Н.: Обыкновенно говорят: когда хорошо, тогда счастлив. А жить счастливо — это обязанность. Когда хорошо живешь, тогда жизнь хороша.

Приехал Хрисанф Николаевич. Говорил с Л. Н. про свое свадебное путешествие; сказал, что я отговариваю его ехать в Геную, а советую лучше поехать к словенцам и на хорватское (Адриатическое) приморье. Л. Н. одобрил мой совет.

4 февраля. «Как ваше здоровье? Как вы это скрыли инфлюэнцу?» — расспрашивал меня Л. Н. ласково и с видимым интересом.

После обеда я рассказал Л. Н., что в «Courrier Européen» от 10 февраля (н. ст.) напечатано, что великий князь Владимир получает от казны шесть миллионов франков в год, и, кроме того, у него четыре миллиона своих. Еще он получает в качестве члена Государственного совета семьдесят тысяч. Все Романовы, их тридцать (не считая царя), получают шестьдесят миллионов франков.

— Это уже прикрашено. «Courrier Européen» старается все худое в России преувеличивать. Я свободен от того, чтобы досадовать на подобные сообщения, чтобы интересоваться политикой и сенсационными известиями,— сказал Л. Н., радостно улыбаясь.

Видно было, что то, что он не читает газет, действительно облегчает ему жизнь.

— Я получил паспорт (заграничный),— заявил Хрисанф Николаевич.

Л. Н.: Поезжайте, серьезно, в славянские земли. Лизанька будет против, а вы все-таки только туда поезжайте. Италия, Ривьера — все это известно. А тут новые места, сохранившийся народ, интересный. Я бы, на вашем месте, туда поехал. Я благодарен Душану Петровичу за все, но особенно за то, что он поучает нас о славянах. Нам, русским, за исключением отдельных лиц, славянофилов, для которых это специальное изучение, о славянах мало известно, и мы должны спрашивать, сколько их, какие они, где они живут, и так далее. Все, что знаю о них, это по «Краледворской рукописи», которая, как оказалось, подложная [1]. Но я так и думал с самого начала: так же, как и «О полку Игореве» [2]. Это сочинено на гомеровский, эпический лад. Мне не нравятся и «Нибелунги», они не поэтичны. Старорусские же былины очень люблю: «Добрыня», «Садко», «Микула Селянинович», «Илья Муромец»... — И он вспоминал подряд много былин, так что стали искать в зале книгу архангельских былин [3], но ее там уже не оказалось.

Л. Н., который в начале разговора стоял, присел к столу и перевел разговор на Диккенса, говоря, что читает его с чрезвычайным интересом и умилением, с радостью, почти наивной, особенно те места, где Диккенс описывает детей. Рассказывал смешные подробности. Юлия Ивановна хотела было помочь ему продолжить рассказ, но он остановил ее, прося не рассказывать того, чего он еще не успел прочесть.

— Там он (Диккенс) сидит в моей комнате, дожидается меня. Как хорошо!— сказал Л. Н.— Он любит слабых и бедных и везде презирает богатых. Странно, он часто описывает воров. Воровка отбирает у девочки ее одежду, дает ей старую шляпу; надевая шляпу, девочка зацепила ею за свои кудри. Воровка берет ножницы, хочет срезать у девочки волосы,

но удерживается, потому что вспоминает кудри своей дочери, когда та была маленькая [4].

Кучер привез из Тулы огромную почту: около 12 повесток на заказные письма, больше 20 обыкновенных писем и столько же бандеролей.

— В молодости почта была мне приятна, теперь — нет, скорее боюсь, что принесет мне неприятные известия,— сказал Л. Н.

Ночью должна приехать Александра Львовна (вероятно, вместе с тетей и двоюродной сестрой), поэтому Л. Н. с Верой Александровной сговорились поехать ей навстречу, решали, сколько нужно будет саней, сколько кучеров...

Л. Н. ездил два раза им навстречу. Поезд опоздал. Приехали Т. А. Кузминская, М. А. Эрдели и Александра Львовна. Привезли известие, что Сергей Александрович убит бомбой в 3 часа пополудни в Кремле [5]. Убиты были Сергей Александрович, кучер и девочка, шедшая мимо. В здании Судебных установлений выбиты все окна.

Александра Львовна при этом рассказала про студентов, с которыми ехала, как они радовались и говорили, что это начало революции.

Л. Н. был потрясен этим известием; видно было, что он прямо физически страдал, говорил:

— Что же, после убийства Александра II лучше стало? Есть и были Треповы, которые вынюхают, засадят, перевешают участников убийства. Все: Лева, Стахович и так далее — учат, учат, а сами не умеют своих дел вести, не умеют самовар поставить, жить.

Говорили, что Лев Львович написал царю второе письмо, ждет ответа, только через месяц приедет сюда. Царь с ним согласен, и Лев Львович ждет, что его совет о Земском соборе будет иметь громадные последствия [6].

Л. Н.: Царь со всеми согласен. Был у него Победоносцев, он сказал ему: «Я с вами согласен», после пришел Витте: «Да, я с вами согласен». Присутствующая жена (царица) говорит ему: «Как же ты согласен с ним, он ведь говорит противоположное Победоносцеву?» — «Я и с тобой согласен»,— сказал царь.

Т. А. Кузминская говорила про Гапона.

Л. Н.: Его письмо к царю напускное, фразерское, противное.

Александра Львовна: Царь сказал Леве, что депутация рабочих чуть не растрогала его...

Л. Н.: Царь не должен был принимать депутацию рабочих. Да она и не имела права на это, разве ей доверил это стомиллионный народ? После нее могли прийти депутации извозчиков, потом... всех их принимать?!. Для этого есть известная форма: у царя свои ⟨формы⟩ управления, через них он должен узнавать волю народа. Я эти формы не одобряю, но царь-то должен придерживаться их. Когда пришла депутация к Людовику XVI, женщина, вроде нашей курсистки, надела ему фригийскую шапку на голову и велела отплясывать «Карманьолу». С трудом растолкали толпу.

Александра Львовна рассказала со смехом, как один из офицеров, командовавший отрядом, стоявшим на улице, поднял курсистку на лошадь и отколотил.

Л. Н. остановил ее, прося не рассказывать об этом, и быстро переменил разговор, видимо, ему неприятный. Был уставший, ужасно расстроенный, глаза у него блестели, как в лихорадке, и глубоко ввалились.

Наверное, никого в России это известие (об убийстве Сергея Александровича) не заставило так задуматься над судьбой страны, как Л. Н-ча.

— Ужасная вещь! — восклицал он несколько раз в разговоре с Софьей Андреевной.

5 февраля. Утром уехали Кузминская и Эрдели в Кочаки, ночью — Хрисанф. Утром вместе с Хрисанфом смотрели «Порку» Орлова [1].

Орлов: Я спросил Льва Николаевича, согласился ли бы он идти от имени крестьян в Земский собор. Ответил, что да, пошел бы [2]. Однако убийство Сергея Александровича как подействовало на Льва Николаевича! Когда убили Гумберта [3], писал, чему тут удивляться, убивают же Ивана, Сидора, к этому ведь приготовляют солдат...

Л. Н. сказал по поводу этого убийства (Сергея Александровича):

— Ужасно, хуже будет.

Т. А. Кузминская рассказывала про стачку рабочих. На Путиловском заводе было отлито 500 пушек, и нужно было что-то с ними сделать раньше, чем они остынут. Просили рабочих закончить работу. Отказались. Так что пушки нужно было снова кинуть в плавку. У Суворина семь дней не печатались газеты [4]. Водокачка сильно охранялась полицией. Хотели ее уничтожить.

Л. Н.: Тенишев здесь высказывал мнение из лагеря Трепова, что Мирский должен был накануне 9 января поставить войска на заставах, не впускать рабочих. Сделали бы это, не было бы кровопролития.

Л. Н. думает, что это интрига против Мирского.

Орлов: Английское ярмо не так тяжко, как русское. Английское правительство не вмешивается в дела веры.

Л. Н.: Английское правительство такое же скверное, как наше. Вот «The Shame of Nineteenth Century. A Letter to the *Times*», 24 декабря 1900 by Blunt,—и Л. Н. прочитал из этого «письма» вслух, как английское правительство разорило богатую сто лет тому назад Индию, Китай, Африку [5].

— А Тибет — какая это мерзость!— говорил Л. Н.— Тибетцы не соглашались впустить к себе иностранцев. Английское правительство послало им какую-то телеграмму. Они не отвечали. Тут оно почувствовало себя обиженным и сейчас же выслало посольство с войсками, которые убили тысячи тибетцев* [6].

Кузминская: Когда пал Порт-Артур, я плакала. Тебе как было?

Л. Н.: Мне было обидно. А вижу молодых людей, которым это нипочем. Саломон говорил, что заграничные русские революционеры радуются поражениям русских войск. Он удивляется этому.

— Как же, по-твоему, не следовало сдавать Порт-Артур?— спросила Т. А. Кузминская.

Л. Н.: Я сам был военным. В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать.

Потом говорили о настроении русской интеллигенции.

Кузминская рассказывала очень хорошо. Между прочим, говорила про семейство Челышевых, тульских старосветских помещиков, про их детей, сына и дочь (16-ти и 15 лет), что они одеваются не по моде. Старшая дочь не замечает своей красоты и не заботится о ней и вообще о своей внешности. Она учит 20 детей, лечит (крестьян), по вечерам сама учится.

Л. Н. это было приятно. Он расспрашивал подробности про них.

Заговорили о военных. Кузминская говорила, что солдаты обожают Куропаткина, т. к. он очень заботится о них: два раза в день они получают горячую пищу, получают одежду, обувь. Л. Н. подтвердил, что госпитали хорошо обставлены.

Андрей Львович говорил, наоборот, что Куропаткина не любят. Кузминская ужасалась русским поражениям.

Л. Н. рассказал, что́ было в войне 1805—1807 гг., что́ во Франции 1870 г. Поражение было для Франции даже выгодным.

---

* Это было в 1903—1904 гг. После английское правительство взыскало с тибетцев расходы этого похода.

—Все занимаются теперь политикой,— сказал Л. Н.— Это самое легкое. Саша говорила, что Лева весь занят ею (политикой). Дома он не в духе и резок. А важно жить хорошо, правильно направлять свою жизнь, важно то, как относиться к лакею, ребенку. Соответственные формы сами вытекают из жизни (личностей).

За обедом рассказывали о попутчиках Александры Львовны — технологах, которые обсуждали убийство Сергея Александровича, говорили, что они подозрительны.

Л. Н.: Надо читать Дебогория-Мокриевича [7], чтобы знать, как такого рода убийства осторожно и тайно подготавливают.

Потом перешел на Французскую революцию.

6 **февраля. Воскресенье.** Утром приехал И. И. Горбунов с первой корректурой «Круга чтения». С 9 до 9.45 беседа в столовой Л. Н-ча с Иваном Ивановичем главным образом об убийстве Сергея Александровича. Иван Иванович рассказывал, что он созвал друзей поговорить о теперешних событиях, и, когда заявил им, что не заодно ни с правительством, ни с революционерами и либералами, жена первая выразила согласие с ним. На другой день он получил письмо с упреками, почему он не помогает либералам и революционерам.

Л. Н.: Я тоже получаю подобные письма, только меня причисляют к Каткову. В такие времена искушения надо соблюсти свое *я*. Я за бога и ни за правительство, ни за либералов. Люди пренебрегают одной вещью — своим *я*, которое свободно. Все делают планы, как осчастливить других, а про свое *я* забывают. Я живу в счастливых условиях и продолжаю именно в интересах освобождения блюсти и развивать свои мысли, которые позже, когда наступит время, будут полезны.

Л. Н. получил письмо из Москвы от Евгения Чирикова; он негодует на то, что Л. Н. сказал английскому корреспонденту, что надо совершенствовать самого себя и что «никакой свободы рабочим не надо». Он упрекает Л. Н., что ему, барину, в Ясной Поляне очень удобно совершенствовать себя, но будь он прикован к тачке, будь он в тюрьме, голодай он, тогда он почувствовал бы гнет правительства [1].

Горбунов рассказывал о предстоящем процессе Ростовцева из-за распространения сочинений Л. Н. (особенно изданий Черткова). Защитником должен быть Муравьев. Это будет первый суд гласный [2].

За завтраком Л. Н. читал вслух из корректур «Круга чтения». Прочел из Торо: «Торопитесь читать хорошие книги», и затем из Шопенгауэра, который ругает скверные книги [3].

Л. Н.: Он мастер ругать.

— Не могу даже высказать, какой я свободный с тех пор, как я перестал читать газеты,— сказал Л. Н.

— Даже журналы не читаешь? — спросила Кузминская.

— Даже журналы. Есть Диккенс, Гюго, Эмерсон, Ченнинг.

— Но эти скучны.

— Мне не скучны,— сказал Л. Н.,— меня они интересуют. А современных — Горького, Андреева — не стоит читать. У меня выписано 30 рассказов Чехова, из них есть хорошие детские—«Детвора» [4]. Один из них сильный, но грязный — «Ведьма». Напоминает Лермонтова «Тамань» *.

---

* Вот этот список рассказов Чехова, отмеченных Л. Н.:

1-го сорта: «Детвора», «Хористка», «Драма», «Дома», «Тоска», «Беглец», «В суде», «Ванька», «Дамы», «Злоумышленник», «Мальчики», «Темнота», «Спать хочется», «Супруга», «Душечка».

2-го сорта: «Беззаконие», «Горе», «Ведьма», «Верочка», «На чужбине», «Кухарка женится», «Канитель», «Переполох», «Ну, публика», «Маска», «Женское счастье», «Нервы», «Свадьба», «Беззащитное существо», «Бабы».

Список этот составлен не из всех рассказов Чехова.

(*Окончание примечания на следующей странице.*)

УГОЛОК КАБИНЕТА ТОЛСТОГО С ПОРТРЕТОМ ДИККЕНСА

Фотография В. Шафенберга, 1970

Музей-усадьба Ясная Поляна

«Как вчера, так сегодня Л. Н. читал Диккенса и хвалил его «Диккенс—мировой гений». «Там он сидит в моей комнате, дожидается меня. Как хорошо!», — сказал Л. Н». — Записи от 3, 20 января и 4 февраля 1905 г.

Кузминская спросила:

— Что читать?

Л. Н.: Достоевского, у него есть шедевры — «Записки ⟨из Мертвого дома⟩». Гоголь хорош.

После полудня мы гуляли с Верой Александровной. Вечером, после обеда, Л. Н. читал вслух «Душечку» Чехова, со смехом и с грустью. Два раза переставал из-за смеха и давал Ивану Ивановичу, чтобы тот читал. Конец же с трудом дочел до конца, так сжимало ему горло от грусти. Он встал, немного отошел, вытер слезы. Потом прочел свое предисловие к «Душечке». Опять был тронут до глубины души. Читая, в чем призвание женщин, чего мужчины не могут (самопожертвование), чуть не зарыдал и кончил со слезами. Кузминская одобрительно высказалась об этом свойстве женщин.

Потом Л. Н. спросил, не будет ли обидно почитателям Чехова, что он пишет про него: что он хотел высмеять женщину, но бог поэзии взял верх и он описал ее прелесть, самопожертвование [6].

Софья Андреевна: Позволят ли наследники Маркса перепечатать «Душечку»?

Л. Н. долго не отзывался на это; только значительно позже, когда все стали расходиться, сказал Ивану Ивановичу:

Л. Н. ценил «Тамань» по отделке. Лермонтов раз 30 ее переделывал. Федоров в Румянцевском музее показывал Л. Н-чу большую книгу черновиков «Тамани», а вся повесть страниц в десять. Это я слышал от М⟨ихаила⟩ С⟨ергееви⟩ча ⟨Сухотина⟩.[5]

— Напишите им, что я им даю свое предисловие взамен права напечатать «Душечку». Попов (корреспондент «Руси») бегал к издателям по этому поводу. Они требовали, чтобы я сам, лично, обратился к ним за разрешением; мне же это неловко [7].

Л. Н. по утрам в 8 часов занимается гимнастикой.

С 10 до 11.30 говорили про декабристов.

Л. Н.: Декабристы были намного сильнее теперешних либералов и революционеров: имели на своей стороне войско.

Кузминская рассказывала, как газеты удручают ее мужа.

Л. Н.: А мне как легко без них. Старый я человек, привычка читать письма и газеты за утренним кофе была у меня всегда сильна. Я думал, трудно будет отвыкнуть. Решив, однако, не читать, как раньше не курить, стало даже приятно.

Потом Л. Н. спросил Кузминскую насчет гулльского инцидента. Она утверждает, что все русские, с Кладо во главе, которые дежурили в ту ночь, видели собственными глазами, что там были японские миноноски[8]. Сын Кузминской рвется на войну и отправляется с третьей эскадрой. Ее зять тоже хочет ехать.

Л. Н.: Так и следует, раз они солдаты. Но трудно теперь отыгрывать. Надо сознаться, война проиграна, и покаяться, что в нее пустились.

Л. Н. хвалил Ивану Ивановичу рассказ Наживина «В сумасшедшем доме», потом передавал ему темы 28 задуманных рассказов.

— Вот какими мечтами занимаюсь,— сказал Л. Н.— Поша мне верно говорил, что это были бы колокольчики, привлекающие внимание.

7 февраля. С Верой Александровной ездили в Тулу Т. А. Кузминская и М. А. Эрдели, смотрели «Порку» Орлова, а потом в кабинете Л. Н. снимки с других картин Орлова. Удивлялись некоторым лицам, где их подобрал. За «кабатчиком» для картины «Освящение кабака» он ездил в Тамбовскую губернию. Снимки с его картин «Освящение кабака» и восьми других висят в кабинете Л. Н.

— Я не знаю ни одного живописца, который бы так знал и воспроизводил русский народ, как Орлов,— сказал Л. Н.

Этот Орлов совсем серьезно говорил вчера, что он должен будет искать себе какое-нибудь место при железной дороге, чтобы прокормить семью (шестеро детей, шести — шестнадцати лет, приемыш, мать, теща, иногда и шурин с пятью детьми). Стыдно России! Третьяковская галерея перестала покупать его картины, но покупает декадентские!

Вчера вечером приехал к Л. Н. корреспондент «Matin» — француз Бурден [1]. Когда он уезжал сегодня, Л. Н. сказал ему: «Dites à Pétersbourg que je suis tranquille. Je tiens avec Pascal, qui a dit: «Il y a des gens qui savent et sont tranquilles; il y a des gens qui ne savent pas, et ils sont aussi tranquilles; il y a des gens qui croient qu'ils savent, et ils bouleversent le monde»» *[2].

Корреспондент этот рассказывал, что после убийства Сергея Александровича царь отмахивается от всего и бегает от людей, как будто с ума сходит. Хоронить великого князя будут в Кремле, так как в Петербурге боятся его хоронить (от Зимнего дворца до Петропавловской крепости далеко). Владимир, Алексей, Мария Федоровна, Победоносцев, Трепов, Лопухин получили угрожающие письма.

Л. Н. пересматривал с Иваном Ивановичем корректуру «Круга чтения». Л. Н. позвал для этого случая и меня к себе в кабинет, чтобы я, присутствуя, запомнил из сказанного Иваном Ивановичем то, что Л. Н. мог бы забыть.

---

* «Скажите в Петербурге, что я спокоен. Я согласен с Паскалем, который сказал: «Есть люди, которые знают и — спокойны; есть люди, которые не знают и тоже спокойны: есть люди, которые думают, что знают, и они-то мутят мир»» (*франц.*).

Уехали Т. А. Кузминская, М. А. Эрдели, И. И. Горбунов и корреспондент «Matin».

8 февраля. За ужином Л. Н.:

— Написал я письмо французу, корреспонденту «Matin», чтобы он не писал про гурийцев, чтобы не повредить им [1]. Еще если бы он сам от себя писал, но он это свяжет со мною. Вот он будет в Москве на похоронах Сергея Александровича.

Софья Андреевна: Французы бывают живые, милые, а этот был какой-то деревянный. Теперь мы остались без гостей. После таких милых гостей, как эти (Татьяна Андреевна, М. А. Эрдели), грустно, их никто заменить не может.

Приехал Петр Алексеевич (Сергеенко) из Петербурга, привез письмо Льва Львовича к матери, записанное в его записную книжку. Софья Андреевна пожелала иметь его в переписанном виде. Вера Александровна взяла записную книжку и пошла его переписывать. Л. Н. ей вслед: «Не смотри, секрет!» (планы Льва Львовича).

Петр Алексеевич рассказывал, что убийство Сергея Александровича не произвело в Петербурге никакого эффекта; после 200 убитых (9 января) интерес исчерпался. Еще рассказывал про Гапона, о котором писал Файнерман Л. Н-чу, что этот человек не революционер, не баррикадист и не религиозный [2].

Сергеенко: Правда, что в нем нет ничего христианского. Он ведь священник, а человек легкомысленный. Когда ему было 26 лет, у него умерла жена, и в него влюбилась великая княгиня и хотела сделать архиереем. После этого его послали в монастырь в Крым.

Л. Н. опять говорил:

— Как хорошо не читать газет, скольких огорчений избегаешь! Я вчера говорил Ивану Ивановичу: «Сколько злобы и ненависти в газетах. Если бы человек мог уменьшить их, тогда бы хорошо, он сделал бы свое, а так хоть не надо их слушать, не осквернять себя». Я перестал читать газеты. Вчерашний случай побуждает меня к тому, чтобы не принимать и корреспондентов. А хорошо бы перестать читать и письма.

Л. Н. говорил П. А. Сергеенко о деле Ростовцева и Н. Н. Иванова, которое должно разбираться в этом месяце в Воронеже.

Л. Н.: Ростовцев — старик, только добра желающий. Прокурор это знает. Вчера я читал обвинительный акт. Как он подло сочинен! [3] Кто же поступает подлее: те ли, которые в Петербурге стреляли в рабочих, или эти судьи, прокуроры!

Горбунов рассказывал, что забастовавшие железнодорожники Виндаво-Московской дороги заявили между прочими требованиями и то, чтобы срок работы ряда чиновников был бы сокращен с шести до пяти часов. Это передавал Л. Н. другим, как пример того, куда ведет сокращение рабочего времени, о котором крестьяне и знать не желают, исполняя в страдную пору свой осмысленный труд до изнеможения.

Л. Н. чрезвычайно вежлив, не любит беспокоить напрасно. Входя в комнату, всякий раз стучится и извиняется за беспокойство. Принимая в моей комнате шведа, извинялся, что он позволил себе позвать его ко мне. Услуги неохотно принимает. За подарок охотно одаривает, например: меня — за Холарека, Фролова — за ножик, вдову Маркса — за «Душечку».

9 февраля. За завтраком Софья Андреевна читала из газет, что их знакомый, Н. В. Теплов, убил своего пятилетнего сына, а потом себя. В письме, которое он оставил, пишет, что он занимался наукой, но что в том положении, в каком он находился, он не может служить науке, а для того, чтоб его сын не страдал (неврастенией, как отец), он убил его [1].

Л. Н.: Прямое сумасшествие! Представить себе, что он должен в науке что-то сделать и что пятилетнее дитя — неврастеническое! Надо жить естественно, неврастении не будет!

Под вечер я ездил в Бабурино. Вез меня Федор Еремычев. Я спросил его, как он познакомился с графом. Он рассказал, что 24 года тому назад его отцу машина оторвала ногу, когда он в пьяном виде шел по рельсам. Л. Н. отправил его в Тулу, платил за него в больницу [2], нанимал рабочих для его полевых работ, корову дал, похоронил.

— Мне тогда полтора года было,— говорил он.— Заботился о нас, как отец родной. И с графиней к нам ходили.

— На картине Н. В. Орлова «Порка» палач — дурачок. Почему это?— спросила В. А. Кузминская.

— Все они дураки,— сказал Л. Н.— А у нас учат на уроках закона божия учителя, пресса, что палачи — это люди, как следует.

Наживин писал Л. Н-чу: «Вот было бы хорошо, если бы вы составили для детей программу чтения — список лучших книг, переход от самых детских к все более и более трудным, так, чтобы все нужное для истинной жизни знание ребенок и юноша мог получить дома» [3].

10 февраля.

Сергеенко: Вы не ходите гулять со Львом Николаевичем?

Я: Нет, он ведь тогда думает.

Сергеенко: Да, Лев Николаевич тогда создает свои сочинения. Знаете, вы—первый врач здесь, к которому Л. Н. относится дружески. Гетгофт был совсем противоположных взглядов.

За ужином Сергеенко рассказывал, что японцы стреляют по русским позициям у Мукдена из тех пушек, которые они забрали в Порт-Артуре; что они обошли русских на 300 верст к северу; что свои позиции, которые должны были брать русские, они поливали ночью водою, затем замаскировывали лед и расстреливали на нем штурмующие русские полки; что сами они почти не имеют кавалерии, русская же кавалерия среди холмов не может быть использована.

Л. Н.: Давно я говорил, что кавалерия не нужна. Штурмы немыслимы, картечью их отобьют. Нужно только немного казачества для разъездов.

Зашла речь о Диккенсе. Сергеенко спросил Л. Н.: читая его теперь, вспоминает ли он первое впечатление от него?

Л. Н.: Нет. Он для меня точно новый. В молодости я прочел его, зачитывался им, как Руссо, Шопенгауэром.

Сергеенко: Не он ли имел на вас главное влияние?

Л. Н.: Нет, Стендаль, как я уже много раз говорил.

Сергеенко: Вы были у него (Диккенса) в Англии?

Л. Н.: Не посмел, да и плохо говорил я по-английски. (Поехал я на Запад с целью узнать о воспитании.) Это теперь так: если жена не нравится, женятся на другой; если хотят узнать человека, идут к нему без стеснения. Видел я Диккенса в Большой зале, он читал о воспитании [1]; я тогда разговорный английский язык мало понимал, знал его только теоретически, читая.

Потом еще с Александрой Львовной и Юлией Ивановной припоминали почти всего Диккенса, причем Л. Н. постоянно восклицал: «Как хорошо, как хорошо!»

Л. Н.: Тургенев — он часто ошибался — прочел критику на Диккенса в «Athenæum» (был такой английский литературный журнал) про описание Диккенсом сбора винограда под Mont Cervis и по этой критике судил, что он деланный, пишет манеры ради. А именно это описано хорошо. Критик так написал, и Тургенев дал себя обмануть. Колечка Ге верно сказал, что критика — рассуждение глупого об умном. Диккенс — гений, раз в сто лет родятся такие, его же критик давно забыт.

Я спросил Л. Н., не думает ли он, по совету Наживина, составить дальнейшее чтение для молодежи, продолжение его «Книг для чтения»?

Л. Н.: Да, это бы мне хотелось. Это нужнее, чем спектральные анализы. Но при составлении «Книг для чтения» я не руководствовался никакой идеей, никакими религиозными соображениями.

Сергеенко: В «Круге чтения» много о любви. А слово «любовь» выражает различное. Надо бы и различные слова, например: «предпочтение».

Л. Н.: «Предпочтение» — отношение любовей. Этого нельзя. Язык нельзя переделать. Он веками образуется. У французов для любви к богу слово «charité» — тут в сторону к милосердию.

Сергеенко: Нельзя «любить колбасу», у немцев для этого другое выражение.

Сергеенко показывал свою коллекцию фотографий и картин, изображающих Л. Н., и также и групп с ним. 1 500 штук [2]. Он возмущался тем, что Суворин опубликовал портрет Л. Н., подписав: «Наш Лев Николаевич». «Это неуважение к личности Льва Николаевича. Это он сделал за 30 сребреников, чтобы продать на 1 000 экземпляров больше!»

После ужина Софья Андреевна читала вслух из газеты, что в Баку мусульмане напали на армян, сотни человек ранили [3].

Л. Н.: Это кровная месть.

Л. Н. (*мне*): Видели ли вы книгу о назаренах? [4] Хорошая книга. Кто это Ольховский?

Я: Бонч-Бруевич.

Софья Андреевна прочитала в газетах, что какая-то великая княгиня (имени я не расслышал) приехала на похороны Сергея Александровича.

Л. Н. ее вспомнил, говорил, что она была хорошая девица.

— Я поступил,— сказал он,— когда знакомился с ней [5], не так, как полагалось: она подала мне руку, я пожал ее, а полагалось поцеловать руку. А я этого терпеть не могу. Теперь ей 45 лет. Она выставила свои бриллианты — им цена семь миллионов — в пользу раненых. Должна была бы продать их за полмиллиона, а деньги пожертвовать.

После обеда Л. Н. попросил меня сравнить корректуру «Круга чтения» с черновиком. Под некоторыми мыслями нет подписей, про одну из мыслей вспомнил, что она — Сенеки. Просил, чтобы я сравнил и проставил подписи.

Пока я сидел в соседней комнате за этой работой, Л. Н., Сергеенко и Юлия Ивановна разговаривали в столовой.

— Как хорошо на свете жить! — воскликнул, вздохнув, Л. Н.

— Действительно?— спросил Сергеенко.

— В самом деле, мне прекрасно.

Сергеенко вспомнил, что читал в газетах о том, сколько фазанов застрелил Вильгельм II; что он в общей сложности потратил на это год жизни.

Тут Л. Н. вставил:

— А я на лошади проездил несколько лет: с 17 лет до сих пор в среднем по три часа в день, в молодости по восемь—десять часов, выходит семь лет. И не жалею об этом. Самое лучшее. Отлично идет душевная работа.

Сергеенко: Лучше, чем пешком?

— Пешком устаешь.

— А править лошадью не отвлекает?

— Нет, на велосипеде отвлекаешься. Нынче ехал из Дёминки лесом пять верст к Козловке и к Овсянникову. Как хорошо! Но нужно было смотреть на дорогу, везде были ямы, а лошадь их боится.

Потом Л. Н. прочел письмо крестьянина о современном положении России. Просит Л. Н-ча опубликовать его вне России.

11 февраля. С утра был здесь Luis Morote, петербургский корреспондент «Heraldo di Madrid», самой распространенной мадридской либеральной газеты, член парламента. С ним переводчик из Петербурга. Мороте — благородный, располагающий к себе человек, держит себя с достоинством. У него красивое смуглое лицо с большими карими глазами. На вид ему лет 40.

За обедом Л. Н. о них:

— Я их боялся. Я думал, что наложу себе замок на рот, но они были интересны. Мне испанец симпатичен. Он член парламента. Образованный, гораздо образованней, чем многие английские корреспонденты. Я спросил его про Генри Джорджа — он знал, все читал. Назвал министра, который подал проект об обобществлении земли и который вследствие этого должен был подать в отставку. Молодцы испанцы! Есть один испанский писатель — предшественник Генри Джорджа.

Л. Н. попросил, чтобы ему выслали его сочинения *.

— У них процветает католицизм,— говорил Л. Н.— Социализма в Испании почти что нет; в парламенте нет ни одного социалиста, а анархисты есть, в парламенте их трое, они мирные анархисты, без насилия. Они против консерватизма, католицизма, милитаризма; проповедуют крайние взгляды анархизма. Так, как у нас в России. Во время кубинской войны погибло 200 000 — это много на 20 миллионов жителей. Колоний у них теперь нет. С миром, говорящим по-испански, они в близких сношениях. Он был на Кубе во время последнего восстания и говорил против войны [1]. За это на него так озлобились, что он только чудом спасся. Это было в начале войны. Испанцы — самобытный народ.

— Как досадно, что предисловие к «Кругу чтения» потеряно,— сказал Л. Н.— Не найдется ли оно у Черткова? Вот следовало бы переписывать в двух экземплярах.

В полдень уехал Сергеенко (пробыл здесь три дня); вечером — Орлов (гостивший три-четыре недели) и приехавшая сегодня баронесса Боде.

Вечером Л. Н. дал мне корректуры «Круга чтения»; в 11 часов ночи беседовал с баронессой о политике. Она говорила, что теперь Россия не удовлетворится Земским собором, а будет требовать конституцию. Тогда анархистам делать будет нечего.

Л. Н.: Анархисты будут и против конституции, но либералы останутся без дела. Я читал подлинный следственный материал по делу декабристов [2]. Пестель был за республику. Анархисты и против республики. Matthew Arnold в своем описании путешествия по Америке пишет: «Я хвалил американцу их правительство. Американец ответил: «Наше правительство хорошо тем, что оно отсутствует (не вмешивается). У вас всякие обязательства, пережитки: король и т. д. Наши общины, округа, штаты сами собой управляют»».

— Не знаю Тёккера (Tucker). В последнем номере «Свободного слова» есть о нем [3], надо прочесть, чтобы иметь о нем понятие.

Когда баронесса Боде уезжала, Л. Н. сказал ей:

— Говорите поменьше о политике.

12 февраля. Суббота. Холодный день. Иней. Л. Н. проехал верхом 20 верст.

За обедом Л. Н. сказал:

—Завтра Гольденвейзер отвезет корректуру «Круга чтения». Иван Иванович сам должен приехать. Я обещал ему выслать эту «неделю», хотя и не кончил еще. Хотелось бы новые «Недельные чтения» написать.

Л. Н. получил письмо из Москвы от младшего Вогюэ с вопросом, мо-

---

* Мороте в скором времени исполнил эту просьбу Л. Н-ча.

жет ли он приехать? Л. Н. телеграфировал ему, что да[1]. Александра Львовна спросила:

— Ты примешь его? Я его бы не приняла.

— Да, приму. Я перед его отцом виноват. Он писал мне, а я ему даже не ответил [2].

Приехал Илья Львович.

Илья Львович: Ночью Стессель проедет через Тулу. Какого ты мнения о Стесселе? Дурно поступил, что отдал Порт-Артур?

Л. Н.: Дурно. С военной точки зрения, нельзя так делать. Охота — глупая и дурная вещь. Из-за лисицы сломать ногу лошади — дурно, но если уже идешь на охоту, то нельзя лисицу прозевать.

— Будет революция.

— Она уже есть.

— Весной (через месяц-два) будут восстания мужиков против помещиков. Землю возьмут, помещиков вырежут.

— Этого не будет.

— Да, ясенские из уважения к тебе этого не сделают, другие же сделают.

— Нет. Мужики не станут этого делать. Поднять можно загипнотизированных фабричных рабочих (но не мужиков).

— Социалисты бьют на землю, проповедуют национализацию.

Илья Львович рассказывал, что когда он высказался на одном собрании, что желал бы, чтобы перемена совершилась мирным путем, то против него все поднялись, особенно социалисты. Говорят, что надо убить еще 40 лиц: великих князей, Победоносцева, Трепова.

Юлия Ивановна сказала мне, что Л. Н-чу надоел «Круг чтения», что он должен его кончить к сроку — как только начнут приходить корректуры, а ему хотелось бы еще вписать свои новые дни.

Л. Н.: Lucy Mallory — спиритка, а как хорошо пишет! [3] Нужно писать сжато, но так, чтобы все было высказано.

Когда приезжали гости, все рассказывали, что́ нового в Петербурге и Москве. И в письмах тоже были такие новости, о которых в другое время пишут лишь в газетах. Мне было жаль покидать вечером общество. Я часто дремал от усталости.

13 февраля. Был с Александрой Львовной в Крутом у двух больных. Как они нам были благодарны. Я чувствовал себя счастливым посл. сделанной работы. Оттуда поехал в Малахово к больной бабе. Из Пирогова слышен хоровод — мощные, веселые песни! По дороге домой мы два раза заблудились. Холодно, темно, но тихо; глупая лошадь все сворачивала с дороги. Дома мы нашли младшего Вогюэ.

Л. Н. уронил корректуру «Круга чтения» и никак не мог привести ее в порядок. Отдал ее Юлии Ивановне.

— Говорят,— сказала Юлия Ивановна,— что в некоторых практических делах он очень неловок. Когда у него теряется страница из работы или из корректуры, он приходит в отчаяние, не знает, что делать, волнуется и удивляется, как это другие находят. В иных же делах он, наоборот, очень практичен; например, в Крыму (во время болезни) он нашел способ, как его поднимать, держать, перекладывать с постели на кресло и т. п.

С 10.30 вечера Л. Н. был с Вогюэ. Вогюэ говорил о Дрейфусе.

Л. Н.: Я задумывался над тем, почему несправедливость по отношению к Дрейфусу волнует людей, а ужасы, совершаемые в дисциплинарных батальонах и тюрьмах, в Neuilly, возле Парижа,— нет. Их не видят, не знают о них.

Младший Вогюэ не знал ни о существовании французских дисциплинарных батальонов, ни о тех жестокостях, которые там творятся.

Л. Н.: Le catholicisme en France m'étonne. Bourget, monsieur votre père, Brunetière sont des catholiques *.

Вогюэ объяснил, почему его отец — католик. Это оттого, что его предки были ярыми католиками, c'est de l'atavisme **.

Потом Л. Н. говорил о борьбе французского правительства с конгрегациями и удивлялся тому, что оно поступало «contre la liberté, contre le priincipe de la liberté» ***. Он осуждал его образ действия.

Вогюэ рассказывал Л. Н-чу что-то о французской армии, о том, из каких слоев набираются офицеры. О том, что приверженцы Дрейфуса стояли за конгрегации; что его отец очень уважал Льва XIII.

У Л. Н. сегодня было много работы с корректурой «Круга чтения». Он спешил с нею, обещал ее сдать Ивану Ивановичу не позднее сегодняшнего дня, хотел сдержать слово, но в то же время хотелось ему написать вместо «Часовщика» и еще некоторых «чтений» новые рассказы.

Как у Толстых часто говорят про лошадей и собак, интересуются их жизнью! Л. Н. знает до тонкости нрав своей лошади, на которой ездит, и собак, которые его сопровождают. Александра Львовна тоже. Сегодня она была не в духе, т. к. Жучку искусали собаки.

Поздно вечером Л. Н. передал Юлии Ивановне письма. Последнее время приходит очень много писем. Позавчера Вера Александровна привезла с тульской почты по 18-ти повесткам 18 заказных писем! Многие просят автограф. Просьба исполняется только в тех случаях, когда посланы марки. Некоторые просящие автограф даже и свои письма посылают без марки. Л. Н. объяснил Вогюэ, что иногда отправка писем обходится в два рубля, посылка автографов всем обошлась бы в 100 р. Этих денег хватит бедной семье на год жизни.

14 февраля. За обедом Вогюэ, Л. Н., Александра Львовна, Юлия Ивановна.

Л. Н. рассказывал:

— Ехал я на лошади. Ничего не видел, слышу визг, потом хрипение Жучки: напала на нее собака. Повернул к ней, но уже один добрый человек освободил ее. Она бежала, голова в крови, вся искусанная, на трех ногах. Белка — рядом с ней, голова в голову, и так все время, до самого дома, словно сочувствовала ей.

Александра Львовна: Душан Петрович удивляется, что у нас много о животных говорят. Теперь опять.

Л. Н. прочел изречение Шопенгауэра, помещенное в «Круге чтения»: «Думать, что животные не чувствуют, и не сочувствовать им — важнейший признак варварства» [1].

Л. Н. разговаривал с Вогюэ по-французски. Вогюэ, перебивая Л. Н., задавал ему разные незначительные вопросы. Говорили о Тургеневе, Достоевском (знакомых его отца), о Киселеве (послé в Париже в 50—60-х гг.). Вогюэ говорил, что Тургенева трудно переводить на французский язык. Льва Николаевича легче, и спросил:

— А как с французского на русский?

Л. Н.: С французского на русский трудно, с немецкого легче.

Л. Н. жаловался на трудности с корректурой.

Л. Н.: Я делаю маленькие и большие усилия не сердиться. Иван Иванович обещал заняться корректурой «Круга чтения», Павел Александрович тоже, а корректура самая скверная — полна ошибок, местами непонятна, надо сличать с черновиком, подыскивать, так как даже дни перепутаны. Совсем устал. Много марал.

---

* Католицизм во Франции меня удивляет. Бурже, ваш отец, Брюнетьер — католики (*франц.*).

** это атавизм (*франц.*).

*** «против свободы, против принципа свободы» (*франц.*).

Л. Н.: «Божеское и человеческое» потерялось. Чертков его не получил [2].

Юлия Ивановна: Отсылал его Павел Александрович.

Л. Н.: Предисловие к «Кругу чтения» потерялось.

Александра Львовна: Что же, копии нет?

— Нет.

— Так у Черткова должна быть.

— Предисловия не так жаль.

Вогюэ: Вы любите Шопенгауэра?

Л. Н.: Да.

Вогюэ (*Юлии Ивановне и Александре Львовне после черного кофе*): А, вы в волан играете, я это очень люблю.

Александра Львовна плохо видела, пошла за очками.

Л. Н. (*Вогюэ*): Remplacez- la ... * В волан играть — надо быть не эгоистом, хорошо подавать.

Видя усталый вид Л. Н-ча, я спросил его, как он себя чувствует.

Л. Н.: Чувствую себя усталым, дурное расположение духа, усталость, сонливость. Работа не идет, а ее много. Потому и сержусь. (Намек на то, что говорил только что об Иване Ивановиче и Буланже.)

Странно слышать англичан, австралийцев, французов, шведов, разговаривающих с Л. Н. по-русски. Как мир движется! 50 лет тому назад для французов существовал один город (Париж) и одна нация (своя). Немцы их копируют со времен Бисмарка.

Выйдя из своего кабинета, Л. Н. прошелся по зале, поиграл в волан. Потом сел за круглый стол. Вогюэ подсел к нему. Заговорили о Золя.

Л. Н.: Я читал «Germinal», «La Terre», а больше не читал. Boyer мне больше нравился, чем Legras [3].

Каким-то образом перешли к вопросу о гонорарах. Бурже получает за роман 30 000 франков от журнала, а кроме того еще от издателя книги.

Л. Н.: Тургенев, Достоевский получали 100 рублей за лист.

Вечером, от 9.30 до 11, за чаем, разговор по-французски (изредка Л. Н. по-русски).

Л. Н.: Правда ли, что офицеры получают по 200 франков?

Вогюэ: В провинции так — 240, в Париже — свыше 300. На это можно жить... но трудно. Капитаном можно стать лишь через десять лет.

Не знаю, в какой связи, Вогюэ начал рассказывать, сколько он получает в месяц от отца.

Л. Н. ему сказал:

— Кант говорит, что есть только одно настоящее наслаждение — отдых после труда (прогулка или музыка); блага, получаемые за деньги,— это не настоящее наслаждение [4].

Вогюэ: Я, к сожалению, не богат.

Л. Н. ответил ему, что богатство не нужно. На что Вогюэ сказал:

— Автомобили, путешествия — ведь это полезно.

Л. Н.: Чтобы проводить время не скучая. Я, слава богу, живу в деревне. В большом городе не стал бы жить.

— Cela enlise **.

— Меня бы тоже enliserait ***. В большом городе деньги потеряли цену. Мы с Тургеневым обедали у Дюссо, счет — 12 рублей. На эти деньги в деревне купишь корову, молодую лошадь. Я заплатил Растопчину 25 рублей за Лидию (кличка лошади). «Le sou — est le travail des autres» ****.

---

* Замените ее (*франц.*).

** Это засасывает (*франц.*).

*** засосало бы (*франц.*).

**** «Копейка — это чужой труд» (*франц.*).

Л. Н.: Памятник Виктору Гюго поставили?

— Нет. Роден над ним работает.

— Не будет голым?[5] Шаляпин фотографирует свои голые руки.

Говорили о Мопассане.

Л. Н.: «Une vie», я думаю, автобиографическое [6].

Вогюэ: Почему вы думаете?

— Очень сердечно описано.

— Это его отец и мать. Он мать нежно любил. Отец был невоздержанный, как он.

— У вас есть знаменитый портретист Bonnat.

— Он писал портрет моего отца, Ренана и... Какого вы мнения о Puvis de Chavannes?

— Искусственен. L'Hermitte и Jules Breton — это здоровая реакция. Будь они русские, они не удивляли бы; но во Франции они удивляют, поражают. Только они хорошие художники, остальные ничтожны. Во Франции, где Париж так развращает, они изображают крестьянскую жизнь... Millet изобразил самое простое — как копают картофель, и это навсегда останется искусством [7].

Раньше Л. Н. обратился ко мне:

— Хэйг мне написал и прислал свои книги, а также одну другого автора. Пишет мне, что его теория и вегетарианство распространяются в Англии [8]. Я не доживу, но вы, быть может, доживете: через сорок лет люди, по крайней мере, нашего, образованного круга, не будут есть мяса. Вегетарианство ведь появилось не сразу, но оно развивается. Оно началось на моей памяти, 20 лет тому назад. Как на него все нападали: говорили, что человек сотворен не травоядным, а мясоядным; такие уж у него зубы, кишки. Теперь бросили это; даже врачи, как Хэйг, доказывают естественность питания без мяса. Я говорю, что есть три зла на свете: алкоголь, мясо, никотин.

Л. Н.: Работается хорошо днем, после сна. Ночью после целого дня нельзя так ясно мыслить. Во время работы один творит, другой критикует, а при работе ночью — критик спит. Я вполне согласен с Руссо, что лучшие мысли приходят ночью, когда человек после сна просыпается, утром и во время прогулок. У мысли есть зенит. Иногда схватишь ее, когда она только что выступает,— тогда она не будет так сильна, ясна, как в зените; иногда — когда она уже миновала зенит и слабеет (Л. Н. не говорил: «миновала», «слабеет», это не буквально его слова) *.

Вогюэ: Вы никогда ничего не писали ночью?

Л. Н. (*подумавши немного*): Ночью я писал план «Власти тьмы». Можно определить, какие книги написаны ночью. Диккенс и Руссо писали днем, Достоевский — ночью (в его романах в первых главах уже сказана вся суть, дальше — только размазывание, повторение), Байрон писал ночью. Шиллер, когда писал, вшивал полбутылки шампанского и мочил ноги в холодной воде — и в произведениях это чувствуется. В них есть преувеличения.

Вогюэ: Курение вредно? Каким образом?

Л. Н.: Ослабляет мышление и делает неясным выражение.

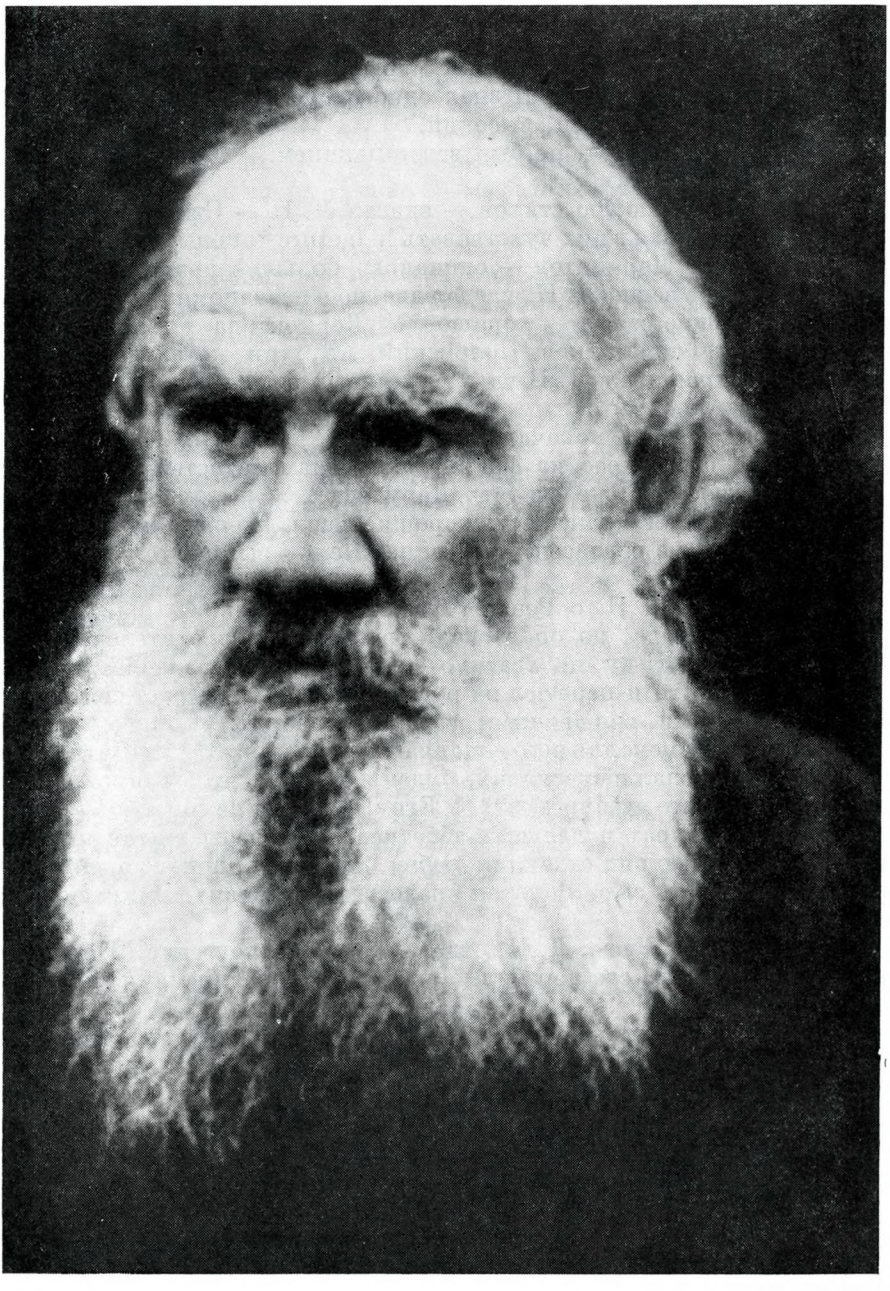
Вогюэ: Мой отец, когда пишет ночью, с десяти до четырех курит русские папиросы одну за другой, не переставая.

Л. Н.: Так, пожалуйста, передайте ему от меня, что этого не следует делать и чтобы он бросил курение.

Когда я хотел налить Л. Н. четвертую чашку чаю, он сказал:

---

* Сам Л. Н. всегда старался схватывать приходившую ему новую мысль в ее зените и не ленился иногда раз пять в течение ночи зажигать свечу и записывать новые мысли.



ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 1905
Фотография А. М. Бодянского

— Нет, чай за разговором—вроде курения.— И, обращаясь ко мне:— Как вы развратились у нас!

Л. Н.: Вегетарианских столовых много в Париже?

Вогюэ: Есть, но немного. Я знал одного русского вегетарианца, Владимира Соловьева: бледный, высокий.

Л. Н.: Но он рыбу ел, не был вегетарьянцем...

Заговорили о стихах.

— Я вообще не люблю стихов,— сказал Л. Н.— Стихи должны быть очень хороши. Нельзя в них чувствовать la facture *, подыскивание рифм... Тютчев, Пушкин, Лермонтов — одинаково большие поэты. У Пушкина слабы его большие вещи (Л. Н. назвал две, но я не запомнил), «Онегин» — хорошо, небольшие стихи — хорошо. У Лермонтова «Демон» — слабо. Потом падение: Фет, Майков, Полонский, Апухтин, потом декаденты.

Вогюэ расспрашивал Л. Н-ча о различных французских писателях...

— Доде вы любите?

Л. Н. отрицательно покачал головой.

Вогюэ: Кто был у вас из французских знаменитостей-писателей?

Л. Н.: Никто, если не считать Деруледа [9].

Л. Н.: У Анатоля Франса есть хорошие вещи. Но с его материализмом и социализмом я не согласен. «Crainquebille» — вы знаете?

Вогюэ: Да.

Вогюэ спросил Л. Н. о Ренане, хвалил его стиль.

Л. Н.: Стиль — да, но он в своих взглядах отвратителен, affreux, immoral... ** (Л. Н-чу не хватило французских выражений, раза два он не мог вспомнить и перешел на русский язык.) Он играет святыми для человека чувствами, священными вещами, говорит: «Tout est possible, même Dieux»***. Иисус для него—«le charmant docteur»****. «Шутку сыграл с нами тот, кто послал нас в жизнь, будем жить так, чтобы было как можно менее заметно, что мы dupés» *****. Его «L'Abbesse de Jouarre» — отвратительна [10]. Аристократ и девушка-аббатиса заключены вместе в тюрьму; в ночь перед казнью они отдаются любви. Это мышь, попавшаяся в мышеловку, может жрать сыр. Вольтер нравственнее Ренана. Диккенс особенный, выдающийся.

Сравнивая его с Гюго, Л. Н. отдавал ему предпочтение. Начал сравнивать, но тут Вогюэ его перебил. Через некоторое время я спросил его об этом.

Л. Н.: Гюго отталкивает пафосом. Диккенс форсирует юмор, что, конечно, является недостатком, ошибкой; когда он в ударе, выходит великолепно, когда же принуждает себя к юмору — целые главы получаются вялые.

Вогюэ стал спрашивать Л. Н., какую жизнь он вел в молодости, светскую? Когда начал работать?

Л. Н.: С 18-ти лет до 24-х была игра в карты, охота... а перед женитьбой... — Л. Н. отвечал по-французски сдержанно, вяло, словно с неохотой, может быть, потому, что слишком молодой, несерьезный человек его спрашивал.

Л. Н.: Вчера должен был приехать наш друг-музыкант (Гольденвейзер); я даже рад, что он не приехал. Музыка меня волнует: слезы; сердце сжимается. Другие искусства: поэзия, скульптура, живопись — не так.

15 февраля. Вернувшись в половине первого домой, я увидал стоящих перед домом крестьян. Они дожидались Л. Н. Слепой мужик лет 50-ти

---

* технику (*франц.*).
** ужасен, безнравствен (*франц.*).
*** «Все возможно, даже бог» (*франц.*).
**** «милый учитель» (*франц.*).
***** одурачены (*франц.*).

подал мне записку (что он погорелец) для передачи графу. Я позвал его к себе погреться, пока выйдет Л. Н. В четверть третьего Л. Н. пришел за ним ко мне. Дал ему денег. Это был умный мужик, как часто бывают слепые. Спрашивал меня, что слышно о войне. Жаловался на нужду: одну десятину, мол, обрабатывает, хлеба не хватает. Было бы три десятины, и продавать могли бы. Жаловался на общину, что если богатый человек не даст, так и взять негде. Я сказал ему, что взять ему негде потому, что к земле приступу нет.

— Как это отнять землю у господ?— говорил он.— Некоторые отдают с удовольствием, вот как граф, он за ней не гонится, бери. Сергея Александровича убили из-за денег. Московский комитет собрал шесть миллионов, а он послал четыре. Морозов послал четыре вагона одеял для больных, а он позволил себе продавать их на вокзале. Вот за что на него негодовали. Через это самое голову ему и сшибли.

Как русские крестьяне хорошо знают о том, что делается.

За завтраком Л. Н.:

— Уехал француз (Вогюэ-сын). Пример того, как аристократия слабеет. Но он вообще неумный... Вогюэ-отец стал писать романы, но, кажется мне, они у него неудачные [1].

Я: Он попал в Академию за то, что написал «Le roman russe» [2], осветил французам новый мир, русскую литературу. Ему посчастливилось стать членом Академии.

Л. Н.: Сорок их, подобрать трудно, попадают теперь и слабые. Раньше были значительнее; или же мне молодые теперь не кажутся такими, потому что стар стал.

— Работа медленно идет. Хоть бы статью кончить [3],— говорил затем Л. Н.— В старости не то, что слабеет ум, этого я не скажу; сам наблюдаю — ум сильнее, есть опыт, но промежутки слабости чаще наступают. В молодости раз в два месяца, теперь же через день. Вечером уже не могу умственно работать, разве в виде исключения.

— Не включите ли вы в свою работу,— спросил я,— к цитате из Макиавелли [4] цитаты из Победоносцева, чтобы показать, какие идеи управляют Россией.

— Нет... Из цитаты из Макиавелли видно, что правители не могут быть добрыми, как принято их считать. Он объявляет войну, его именем казнят. Как же ему быть добрым!

Вчера вечером Л. Н. рассказывал еще о молодом Вогюэ, как тот удивлялся, что Л. Н. не бывает при дворе и не верит в божественность Христа.

— Совсем «дикий парижанин», нечитающий. Хотят его женить, ищут для него невесту с приданым. Бог знает, как он распутно жил, а жениться хочет на девушке, воспитанной в монастыре. Говорил мне, что он идеалист, что денег не жалеет, что презирает «compter les sous»*. Знаком со всеми послами.

16 февраля. Приехали из Москвы Софья Андреевна и Ф. А. Страхов. Вчера первые два случая оспы в Ясной Поляне.

Л. Н. (к Федору Алексеевичу): Вы не волнуетесь? Современные события не волнуют вас?

Страхов: Нет, я не поддаюсь течению.

Л. Н.: В такое время надо сохранять ⟨спокойствие⟩. Мой шурин[1], консерватор, который в остзейских провинциях как прокурор привлекал к ответственности пасторов, венчавших перешедших в православие (обманутых), и их лишали за это места, ссылали,— вот такой теперь стал либералом. Своего ничего нет, плывет по течению.

Страхов тоже вспомнил о ком-то, кто плывет по течению.

---

* «считать копейки» (*франц.*).

Сегодня обвенчались Х. Н. Абрикосов с Н. Л. Оболенской. Вспоминали о них после ужина.

Софья Андреевна: Попался бедный Хрисанф!

Вера Александровна: Да и Наташа попалась.

Софья Андреевна: Да, попались оба.

Л. Н. (*позже*): Жаль их. А стареть хорошо. Да и ваши средние годы хороши. Жизнь — поступок. Воспоминания милы, потому что это я, как резина, растянутая и стянутая. Сам себе строишь жизнь.

Вера Александровна: Как могут быть воспоминания детства хороши, если ты была тогда такая глупая?

Л. Н.: Напротив, умная. С твоим братом Мишей, когда он был мал, мы философствовали, и он довольно хорошо понимал; теперь ему 30 лет, и он не понимает, ему мешают лишние знания.

Л. Н.: Еврей служит в армии, тяжело ему, хотел бы отказаться. Спрашивает меня, что ему делать? Что же ему ответить? — Л. Н. говорил это с участием в голосе.— Что ему посоветовать? Дело важное. Хочу ему ответить [2].

Немного погодя Л. Н. сказал:

— Скоро наступит время, когда я никому не буду отвечать. Нет смысла. Спрашивают совета. На это ⟨есть⟩ шутка: «Советов спрашивают для того, чтобы им не следовать».

Страхов: Моя жена говорит: «Слава богу, что молодость прошла, ничего в ней хорошего нет».

Л. Н.: Это женское отношение к слову. Женщины — хотя тут их две, скажу при них — нечестно относятся к слову. Говорят то, чему не верят и чего не думают, они охотно руководятся чувством; мужчина говорит то, что велит разум. «Говори лишь тогда, когда говорить лучше, чем молчать»,— это в «Круге чтения» [3].

Ф. А. Страхов передавал непроверенные слухи: во-первых, будто Горького в тюрьме застрелил жандарм, получивший от него оплеуху за скверное обращение с арестантом; во-вторых, будто убийцу Сергея Александровича его товарищам удалось освободить. Пришли за ним переодетые жандармами. Еще он рассказывал, что в Петербурге на случай смены правительства был составлен список новых министров: Горький — просвещения [4].

Страхов рассказывал, что Андреев, Чириков и другие арестованы. Андреев своим «Красным смехом» еще до напечатания (читая его) заработал 7000 р.

Л. Н. сказал о нем («Красном смехе»), что он хорош и нужно его распространять.

Л. Н.: Что вы из его (Андреева) жизни знаете? Я ему писал, что в теперешнее время не могу с ним увидеться. Его брат привез книгу и дожидался здесь — с ножом к горлу — ⟨я⟩ должен был просмотреть [5].

Федор Алексеевич: Могу ли быть вам полезным при «Круге чтения»?

— Да, проредактируйте его. Знаю, что вы это хорошо сделаете.

Написать Фр. Тупому в Соединенные Штаты и послать «Крейцерову сонату» в пяти экземплярах.

17 февраля. Утром приехала Софья Николаевна.

Я сегодня в амбулатории не сердился, были мною довольны и больные, и я сам. В четверть четвертого я отправился в Засеку к больному ребенку телеграфиста; назад я приехал с Л. Н., который, услышав, что я там, подождал меня. По дороге Л. Н. спрашивал меня про больного; пожалел, что старый лес с южной стороны просеки весь в одном месте вырубают; поручил мне ответить на немецкое письмо из Америки (сказал

мне весь текст по-немецки) [1], любовался лошадью (Гордым), на которой мы ехали, и разговаривал о ней с Адрианом. День ясный, тихий — около пяти градусов мороза. Когда мы приехали домой, Л. Н. удивился, что я был в одном пальто; не укорял меня, но видно было, что его обеспокоило мое легкомыслие.

Обед: праздничное настроение. Александра Львовна рассказывала о вчерашней свадьбе Абрикосовых:

— Церковь полна народу. Дома девки пироговские величали Наташу до хрипоты в голосе. Кучера и лошади все в лентах. Молодые покатили в Геную. Хрисанф Николаевич был в старом костюме и не в крахмальной рубашке. В церкви во время церемонии они даже смеялись, не могли удержаться.

Александра Львовна спрашивала меня об оспе, как она начинается. У нее пузырьки на языке; боится, что это начало.

— Да, у тебя, наверное, оспа,— шутя сказал Л. Н.

Александра Львовна читала в «Холодном доме» Диккенса, как девушка заболела оспой и осталась рябой [2].

Все они (Вера Александровна, Софья Андреевна) боятся оспы; спрашивали меня, не сделать ли прививку оспы. Л. Н. решительно отсоветовал, сказав: «Глупости».

После ужина Л. Н. диктовал перевод из Карпентера о медицине [3]. Говорил:

— Есть два способа борьбы с болезнями. Один — в том, чтобы закалять себя, чтобы болезнь не пристала (гигиенический образ жизни); другой — в том, чтобы, заболев, лечить болезнь. Теперешняя медицина это последнее и делает, как раз это и выдвинула на первый план. Первый способ медленный, но более существенный.

Страхов, который сегодня правил первую корректуру «Круга чтения», говорил Л. Н. о некоторых местах из Шопенгауэра, которые он находит сомнительными: например, что характер человека неизменен; в действительности, под влиянием учения Христа человек изменяется. Л. Н. посоветовал выпустить три строчки (две мысли Шопенгауэра) [4]. Потом Страхов говорил, что в «Круге чтения» после евангельской цитаты — «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»,— следует: «Нужно любить только бога и ненавидеть только себя».

Л. Н.: Лучше выпустить первое (любить только бога), чем то, что надо себя ненавидеть; это слова Паскаля [5]...

Софья Андреевна: Я себя так ненавижу.

Страхов вспомнил Хельчицкого:

— Зеленовский им зачитывается, прямо оторваться от него не может; как охотно читают его сектанты! Сестра во всем Петербурге нашла один экземпляр, его я дал Зеленовскому.

Л. Н.: Удивительно, как такие произведения, как Хельчицкого, Лабоэти, «Учение 12-ти апостолов», остаются незамеченными... Что глубже в борозду зарыто, того долго не замечают. (*К Софье Николаевне*): Знаешь, кто был Хельчицкий? — Рассказал вкратце.

— Книга Лабоэти появилась после Варфоломеевской ночи,— рассказывал Л. Н.— Критики смотрели на нее как на упражнение в красноречии; считали его софистом, который не верит и пишет без глубокого убеждения. Французы не знают Лабоэти. Вогюэ я о нем даже и не спрашивал — наверное, не знает. Монтень написал некролог Лабоэти, он высоко ставил его дарование. Лабоэти был судьей, умер в молодом возрасте.

Под вечер Л. Н. сказал:

— Хорошие книги, талантливо написанные, авторам которых было что сказать, начиная с «Горя от ума» и до настоящего времени, цензура не пропускала, и они стали тем более известными, тем больше их читали.

Господам Амфитеатровым нечего возмущаться цензурой (их запрещенных книг все равно читать не будут).

Страхов говорил о ходатайстве немцев за Горького и о том, что его выпустили на поруки (10 000 р. собрали писатели) [6].

Л. Н.: Почему немцам Горький так нравится? Не понимаю, отчего такое заблуждение.

Страхов: Потому что он в России считается лучшим писателем, вот они его и распространяют.

Л. Н.: Немцы пишут блестяще, цитируют старых авторов, но нового им сказать нечего.

Л. Н. процитировал Страхову слова Бисмарка [7] и сказал:

— Никогда я не писал о том типе людей, к которым принадлежит Бисмарк. Он был безнравственный, страстный, сильный. Таким был и Бэкон, который был, кроме того, и лживым. Некрасов, Б.<?> были прямые, Федор Толстой-Американец — этот к старости так молился, что колени и руки себе ободрал.

Страхов спросил:

— А Наполеон — нет?

Л. Н.: Где же, у него пульс был 40. Наполеон принадлежал к разряду людей, как Мольтке,— холодный, расчетливый. Он (Наполеон) взял одно равенство и думал, что все христианство, это — égalité на пушках.

Вспоминали Н. С. Кашкина *. Л. Н. рассказал, почему он служит судьей. Ему 70 лет, богатый, друг Достоевского, Петрашевского (Фурье, Phalanstère) **.

18 февраля. Приехали И. И. Горбунов и С. Д. Николаев. Они рассказывали, что в Гурию послано войско, что в Москве полиция хочет устроить шествие к месту убийства Сергея Александровича и вербует для этого своих людей. Можно опасаться, что студенты будут манифестировать против и что полиция натравит на них этих людей.

Вечером Л. Н. читал свою длинную статью «Единое на потребу». Ему нездоровилось, сначала читал с чувством, потом все больше и больше спешил и стал читать монотонно. Места, где он обличает царей за их преступную жизнь, читал тише и быстрей. Софья Андреевна ему во время чтения и по окончании напомнила, чтобы смягчил выражения о царях [1].

В «Courrier Européen» 24 февраля (н. ст.) статья Л. Н. о значении отказов от военной службы, о гурийцах и о ренегатстве [2].

Семья Толстых почти никогда не бывает одна. Они привыкли говорить при чужих все, т. е. говорить между собой о таких вещах, о которых можно говорить и при чужих. Они не прячутся... Какая деликатность в отношении гостей к семье и семьи к гостям господствует в Ясной! Нет почти никакой искусственности, жеманности. Приветливость в той мере, в какой она естественна либо неизбежно нужна с обременительными гостями.

19 февраля. Еще только один месяц остается мне пробыть здесь [1]. Как эти два месяца быстро пробежали! Раньше я позволял себе поощрять славян, например Галека, Масарика, чтобы они посещали Толстого; теперь я их отговариваю от этого. Л. Н. трудно с посетителями; он должен утруждать себя беседой с ними, тратить время, которого у него так мало для нужной ему работы.

Приехала Варвара Валерьяновна. По поручению Л. Н. я передал ей его предисловие к чеховской «Душечке» и взял у нее статью по поводу телеграммы [2], которую Л. Н. ей тоже, наверное, сам дал.

---

* Л. Н. познакомился с Кашкиным в 1853 г. в Железноводске; потом они постоянно виделись в 1856 и 1857 гг. в Москве. Они были на «ты». Кашкин пережил Л. Н-ча; он умер в 1914 г.

** Фаланстер (*франц.*).

За завтраком Вера Александровна и М. А. Шмидт говорили о том, как Л. Н. доволен, что Страхов ему помогает; хорошо бы, если бы подольше остался.

За обедом: Софья Андреевна, Варвара Валерьяновна, Вера Александровна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Иосиф Константинович, Федор Алексеевич.

Л. Н.: Меня в Севастополе поражало, как могут старые, седые люди этим делом (войной) заниматься. Когда я туда приехал, я стал искать начальника артиллерии, чтобы явиться к нему... Мне его показали. Он сидел грустный, с обвислыми усами, на бревнах. Это был преемник Меншикова (который проиграл сражение на р. Альма) — Кишинский [3]: «Зачем вы сюда приехали?» — спросил он меня.

Юлия Ивановна рассказала, что японцы у Телина обошли русских, разрушили мост и на несколько верст железную дорогу.

Иосиф Константинович рассказал, что его брат, который служит в штабе, в начале войны был убежден, что русские побьют японцев и что надо наступать; теперь же пишет, что нельзя ни атаковать японцев, ни защищаться от них.

Софья Андреевна: Говорят, Куропаткин ищет смерти, не хочет возвращаться в Россию. Почему не сознается, что нельзя выиграть войну?

Иосиф Константинович: Он думает: «А может быть, японцы сделают какую-нибудь ошибку?»

Л. Н.: Играет кто-нибудь из вас в шахматы? Я иногда играю с Гольденвейзером. Он все время во всю силу, я — небрежно, иногда даже умственно отдыхаю и думаю: «Вот он ослабеет (перестанет внимательно следить)», а он все с той же внимательностью, расчетливостью, точностью. Так и японцы — точно, обдуманно, а наши — кое-как.

Иосиф Константинович: Если бы наших вел Бисмарк!

Софья Андреевна: Мольтке.

Л. Н.: Да, Мольтке.

Софья Андреевна: А он (Куропаткин) любит семью. Не хотелось ему на войну.

Раньше Л. Н. вспомнил сказку Салтыкова о двух генералах на острове и рассказал ее содержание [4].

Ф. А. Страхов передал содержание рассказа Салтыкова «Рождественская сказка». Мальчик слышит в церкви проповедь священника о том, что надо жить по правде, и под влиянием ее хочет так и жить. Но все окружающие, в том числе и тот самый священник, который говорил проповедь, внушают ему, что это только так проповедуется в церквах, а на самом деле жить по правде невозможно. Мальчик от сильного потрясения заболевает и умирает [5].

Потом говорили про Андрея Львовича.

— Он во всем искренний,— сказала о нем пополудни Варвара Валерьяновна.— Я его люблю, и все, и Лев Николаевич.

Говорили, что офицерский экзамен в Петербурге обойдется ему в 3 000 р., что там взяточничество. Принуждают брать страшно дорогие частные уроки, после чего «с гарантией» сдают экзамен.

Л. Н. не принимал участия в разговоре, а только грустно улыбался.

Зашла речь о вел. кн. Константине Константиновиче, которого считают либералом и даже революционером. Когда его кто-то (Миронов) попросил о ходатайстве, он ответил, что это могло бы только повредить ходатаю. Константин Константинович — президент Академии наук, но он без дарований, необразованный. Страхов вспоминал, что писал Драгомирову и получил ответ. Оригинал пропал при обыске у Дунаева. Копия есть.

Л. Н. сказал, что у него есть письмо от Победоносцева:

— После убийства Александра Николаевича я писал Александру Александровичу, чтобы он не казнил убийц, чтобы не начинал царствования казнями. Сергей Александрович, в то время 25-летний молодой человек, взялся передать письмо Александру Александровичу. Я не мог понять, как это произошло, что он (Победоносцев) ему его не передал прямо.

Позже Победоносцев писал Л. Н-чу, что он не отдаст письма царю, что его (Победоносцева) Христос — Христос силы и истины, а не слабости [6].

Л. Н.: Сегодня я получил письмо от Эйленштейна и прошу Душана Петровича ответить ему, где я писал о Генри Джордже [7]. Как это радостно, что люди им интересуются.

С семи до половины десятого Л. Н. проверял со Страховым его поправки в «Круге чтения». Привезли большую почту из Тулы, много рукописей, книг, журналов, писем. Л. Н. роздал: Вере Александровне прочитать французские стихи; Иосифу Константиновичу — восточное, Александре Львовне — экономическое, Софье Андреевне — то, что ее интересует; кое-что — мне. Некоторые рукописи передал Юлии Ивановне, чтобы их вернула и ответила, что ему некогда их читать.

— «Simplicissimus» отвратителен — одна кровь. Стасов мне прислал французскую книгу о Екатерине [8]. Будь я восемь человек, я прочел бы ее, но я одна восьмая человека,— сказал Л. Н. Александре Львовне.

Л. Н. был в хорошем настроении. Когда Александра Львовна и Вера Александровна играли на гитарах, ударял в такт рукой об руку и даже подошел посмотреть, как я плясал казачка.

Л. Н. попросил Иосифа Константиновича прочесть кавказские сказки, повести.

Л. Н. получил письмо на немецком от молодого японца, который изучал философию и ходил в православную церковь. Пишет, что он не может верить в олицетворенного бога и в воскресение. Спрашивает, можно ли, не веря в это, быть христианином? Он читал «Одумайтесь!» и сам против войны. Однако, когда он проповедует свои взгляды, на него нападают, говоря, что японцы должны защищаться, иначе русские раздавят Японию.

Л. Н.: Пишет с японскими витиеватостями, тонкостями, комплиментами [9].

20 февраля. Воскресенье. Приехавший утром А. Б. Гольденвейзер сообщил слух, будто царь провозгласил что-то вроде конституции [1]. Л. Н. встал раньше обыкновенного, гулял, когда еще не было 9 часов. За чаем исправлял со Страховым для «Круга чтения» цитату из Лихтенберга, которая была переведена очень плохо. Продиктовал свой перевод [2]. Страхов спросил его, кто переводил Руссо? Л. Н. ответил, что Руссо он сам переводил с оригинала [3].

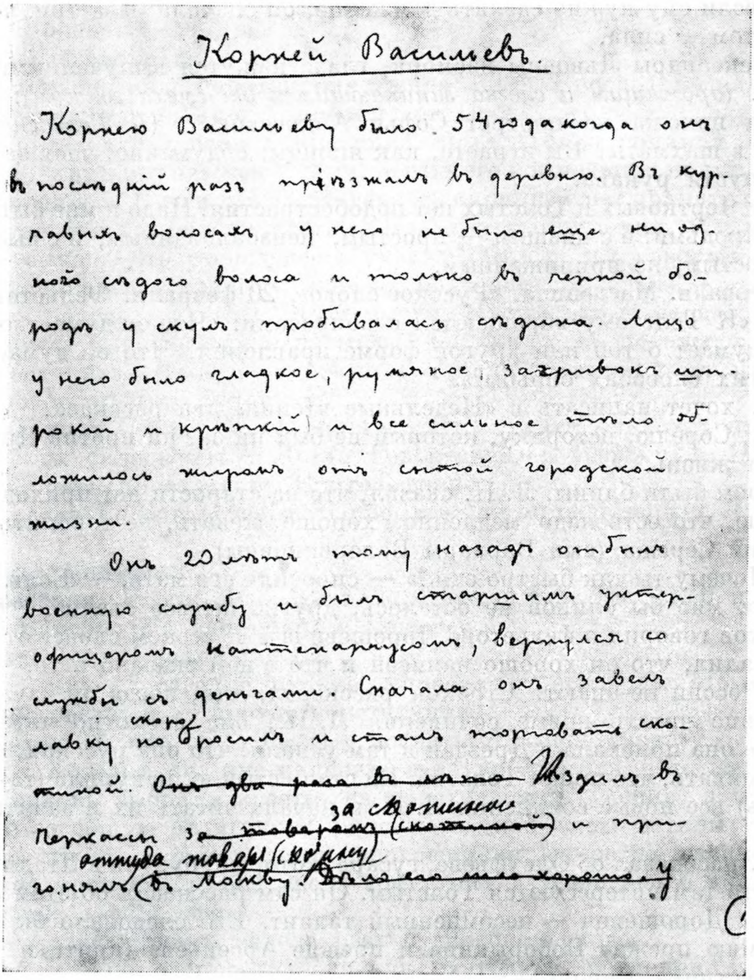
За обедом было одновременно много разговоров. Я ни одной связной фразы не уловил из того, что говорили между собой Л. Н. со Страховым.

Шкарван мне пишет, что у него умерла мать. Я сообщил о ее смерти Л. Н-чу, рассказал, что она понимала сына, не мешала ему отказаться от воинской повинности.

Л. Н.: Да... да... она была у Чертковых, ее знали Чертковы, она знакома была с Чертковым. Ее полюбили [4].

Л. Н. посоветовал Варваре Валерьяновне прочесть и перевести «The New Book of Kings», где разбираются один за другим английские короли. Про Викторию сказано, что ее заслуга в том, что она не вмешивалась в государственные дела. Об Эдуарде ничего. Книга издана в год его коронации.

Иосиф Константинович: Эдуард, когда был наследником, был страшный пьяница и распутник; теперь, став королем, или действительно изменился, или только делает вид, что изменился.


Корней Васильевъ.

Корнею Васильеву было 54 года когда онъ въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ деревню. Въ курчавыхъ волосахъ у него не было еще ни одного сѣдого волоса и только въ черной бородѣ у скулъ пробивалась сѣдина. Лицо у него было гладкое, румяное, затылокъ широкій и крѣпкій и все сильное тѣло обложилось жиромъ отъ сытой городской жизни.

Онъ 20 лѣтъ тому назадъ отбылъ военную службу и былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ каптенармусомъ, вернулся со службы съ деньгами. Сначала онъ завелъ лавку, но бросилъ и сталъ торговать скотиной. ~~Онъ два раза въ мѣсяцъ~~ Ѣздилъ въ Черкасси за ~~товаромъ (скотиной)~~ и пригонялъ ~~оттуда товаръ (скотину)~~ въ Москву ~~Дѣло его шло хорошо~~. У

РАССКАЗ «КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ»

Копия рукой Маковицкого с исправлениями Толстого, л. 1, февраль 1905 г.

Л. Н. рассказал из Шекспира о Генрихе V и его друге Фальстафе; как они вместе кутили и обворовывали купцов, пока он был принцем. Когда же он стал королем и Фальстаф пришел к нему, он не хотел с ним знаться [5]. Англичанам такая нравственность нравится. «В молодости пусть бесится, а после женитьбы надо быть солидным». Шекспира критики хвалили за его злые пьесы и этим открыли двери другим драматургам.

Л. Н. спросил Страхова о молоканах. Страхов ответил, что это люди, верующие в авторитет Библии. Они упрекали его, что раз он не верит в Библию, значит он не верит ни в жизнь вечную, ни в бога.

Л. Н.: Это они, как англичане. Удивительно, с какой тупостью англичане верят в букву. Да, они, молокане, закоснелые.

Семилетний Сережа играл в волан с Юлией Ивановной, подпрыгивал. Л. Н. с улыбкой наблюдал за ним, смеялся, глядя на его радостную игру.

— У него больше силы, чем у нас,— сказал он Иосифу Константино-

вичу,— если ему нужно сделать движение, он сначала раза три подпрыгнет. В этом — сила.

У Александры Львовны насморк, глаза кажутся выпученными.

Л. Н. (*дрожащим и слегка запинающимся от смеха голосом*): Теперь ты стала похожа на портрет Софьи Андреевны *. (*К Гольденвейзеру*): Сыграем в шахматы? Вы играете, как японцы: обдуманно, шаг за шагом, а я — спустя рукава.

Как у Чертковых и Толстых нет подобострастия! Надо и мне быть таким со всеми людьми: и с низшим — простым, неизбалованным, и с высшим — тоже простым, не приниженным.

21 февраля. Масленица. «Русское слово», 20 февраля. Фельетон Дорошевича. «К Толстому обращаются с вопросами: «Что он думает о войне? Что он думает о той или другой форме правления? Что он думает о тех или других способах борьбы?»» [1]

Л. Н. хочет написать в «Недельные чтения» два рассказа.

Л. Н.: Сорелю, историку, который не был ни за, ни против Дрейфуса, отравили жизнь.

Вечером были блины. Л. Н. сказал, что на старости лет приходит к заключению, что есть надо медленно, хорошо жевать, не торопиться, как маленький Сережа (сын Варвары Валерьяновны).

— «Почему ты так быстро ешь?» — спросила его мать.— «Если бы я ел медленно, мне бы блинов не осталось, другие бы все съели».

Страхов говорил о фельетоне Дорошевича в «Русском слове» от 20 февраля, хвалил, что он хорошо написан и что в нем сказано и то, что Толстого в России не знают. Страхов рассказал, что, когда он давал своей племяннице читать новые сочинения Л. Н., она неохотно читала их. Когда же она приехала в Дрезден и там узнали, что она русская, ее стали расспрашивать, что пишет Толстой. Ей стало стыдно, накупила (там можно получить) все новые сочинения Л. Н. и начала читать их и зачитывалась ими.

Л. Н. рассказал об Олсуфьеве, гусаре, который, будучи в Италии, удивлялся, что там интересуются Толстым. Он сам рассказал об этом Л. Н.

Л. Н.: Дорошевич — несомненный талант. Его следовало бы избрать в Академию прежде Боборыкина и прежде Арсеньева (критика, сотрудника «Вестника Европы») [2].

Страхов: Он выше Амфитеатрова?

Л. Н.: Фу, как можно! Когда я читаю рассказ или критику, я всегда спрашиваю: «Что за человек ты, который пишешь? Что ты можешь дать мне?» Амфитеатров — дерзкий. Я у него ничего не нашел.

Страхов: У него есть и хорошие рассказы.

И. он рассказал их содержание.

Л Н. спросил меня:

— Каковы причины такого частого воспаления слепой кишки? Прежде не замечали, чтобы так распространялась эта болезнь. Король Эдуард, Орлов, Мария Маклакова, Коля.

Я ответил, что эта болезнь приписывается обжорству, избытку мяса.

Л. Н. хвалил Хэйга и говорил, что тот радуется распространению вегетарианства.

После чая Л. Н. попросил Александра Борисовича сыграть что-нибудь. Он сыграл пять вещей Шопена и одну Аренского. Л. Н. хвалил и был, видимо, растроган, взволнован; пересаживался с места на место, потом попросил еще сыграть, и Александр Борисович сыграл (по просьбе

---

* Софья Андреевна писала тогда портрет Александры Львовны, очень неудачный, потом стала писать копию со своего портрета, тоже очень неудачно. Л. Н. подсмеивался над обоими этими портретами.

Страхова) кое-что из декадентской музыки, а затем одну вещь Аренского и одну Шопена.

Л. Н. разговорился о музыке:

— Напрасно мало ценят Рубинштейна; он был последний из крупных композиторов; в нем есть и старое и новое. После него пошло декадентство. Когда Танеев играл свои композиции, я ничего не понимал — что это такое? Моцарт швыряет жемчугами, то есть его композиции полны прекрасных ⟨мелодий⟩... В сонатах Бетховена со скрипкой нет драматизма, как в других, но больше мелодичности... Недавно я определил, что такое музыка: музыка — это стенография чувств [3]. Когда мы говорим, говорим с одушевлением, с восторгом, плачем, подчеркиваем слова — эти состояния души передает музыка, но не мысли. Музыкальные народы, как цыгане, и простой народ поют напевы без слов или слова искажают. Вагнер, желая соединить музыку со словами, ослаблял ее, а он думал, что творит что-то новое, музыку будущего.

Маленькому Сереже Л. Н. складывал из бумаги японских птиц и научил его их складывать [4]. Когда Гольденвейзер уезжал, Л. Н. приглашал его опять приехать на Благовещение.

Я спросил Гольденвейзера, записывает ли он разговоры с Л. Н. о музыке?

— Да, записываю.

22 февраля. Утром Л. Н. ходил с Александрой Львовной на лыжах. Уехала Варвара Валерьяновна с Сережей.

После обеда Страхов с Л. Н.

Л. Н. получил сегодня письмо, упрекающее его в том, что он на стороне консерваторов — против конституции.

Страхов: Нужно было бы ему послать «Русское слово» [1].

Л. Н.: Хотелось бы мне написать о науке, что она — то же, что церковь. Церковь выбрала кое-что из христианского учения, а провозглашает это за общую религию; и наука дает лишь часть истины, а провозглашает, что это вся истина, и непогрешимая; самое же главное — как жить, она пропускает; она ввела софистику в теологию, в юриспруденцию и даже в философию.

Вера Александровна завела речь о «Русском слове».

Страхов: Оно распространено так благодаря священнику Петрову. Один книготорговец мне говорил, что теперь мало покупают книг (а только газеты), кроме священника Петрова [2]. Он проповедует не православие, а христианские истины.

Л. Н.: Лихтенберг говорит, что самое вредное — это немного измененные истины [3]. Таковы истины Петрова.

Вечером говорили про Лескова.

— У Лескова многословие,— заметил Л. Н., но хвалил его рассказы: «Шуба»*[4], «О людях, которые ждали пришествия Христа» (жены спрятали одежды), «Крестьянин, который верил», «Коза».

Страхов передал содержание двух рассказов своей сестры, которые годились бы для «Круга чтения»: о кучере и «Без привычки» (брат навестил сестру-помещицу. Поехали в лес. Услыхали, что кто-то рубит лес. Брат пошел накрыть вора — видит бедную бабу с ребенком. Ему стало неловко, и он осторожно вернулся к сестре. Сказал, что никого там нет) [6].

Л. Н.: Лесков мне говорил о «Петербургской газете»: «Плохая, лакейская газета, но очень распространенная». Он писал в ней. Там появился его рассказ о людях, ждавших Христа [7].

Страхов: Худеков получает 100 000 рублей.

---

* Л. Н. взял из этого рассказа в «Воскресение»: старика (вызванного в суд), у которого украли ковер[5].

Л. Н.: Ну как же после этого не хвалить литературу?

— Щедрина — о мальчике, который слушал проповедь,— надо бы в «Круг чтения»,— сказал Л. Н.— «Круг чтения» не такой, какой мог бы быть. Можно было бы много больше собрать хорошего.

Л. Н. прочел вслух естественно, словно не читал, а рассказывал, «Козу» («Томление духа») Лескова.

— Хорошо, только размазано,— сказал он.

Страхов спросил о смысле рассказа «На краю света».

Л. Н.: Очень хорошо противопоставлены простая, искренняя вера и поступки, согласно с нею — у тунгуса и искусственные — у архиерея. У Лескова нет чувства меры. И у Горького нет. Лесков берет «Пролог», пишет по нему вариации, но искажает [8].

Страхов спросил Л. Н., готово ли «Божеское и человеческое»?

— Да.

— А что тут божеское и что человеческое?

— Три жизнепонимания. Больше ничего [9].

Л. Н. пришел в полночь вниз, принес статью Страхова «О мысли, слове и деле».

— Длинна и скучна,— сказал он.

Из писем, которые Л. Н. получил 21 февраля (н. ст.): от Э. Моода, который послал ему три книги Карпентера — «Civilisation», «England's Ideal» и «Angel's Wings» (слабые). Он пишет, что ни в «Encyclopædia Britannica», ни даже в «Literary Year-Book» на нынешний год Карпентер не упоминается. «Карпентер,— пишет Моод,— в настоящее время наиболее выдающийся и лучший из реформаторов индивидуалистической школы в Англии» [10]. И далее: «Мне бы хотелось, дорогой великий учитель, чтобы вы знали, как ценят ваши книги в Лондоне, особенно в среде интеллигенции».

«Толстой — светоч России»,— пишет ему по поводу 9 января американец (так названо одно из присланных им стихотворений). [11]

«Приободрите ваш народ, Вы являетесь единственной великой душой, которая может им управлять»,— пишет гречанка.[12]

Д-р Kyri из Вены прислал Толстому воззвание «Auch eine Stimme für Maxim Gorki» *: «Человечно ли это,— говорится в воззвании,— требовать для него (Горького) другого правосудия? За него вовсе не должны были подавать своего голоса люди «с положением и значением», но должны были смело и активно выступить те, для освобождения которых он призван и которых до сих пор как раз эти люди, «с положением и значением», презирали и унижали. Слаб был бы тот герой, который позволил бы себя «освободить» по особой милости, благодаря ли нашему «протесту» или же благодаря самому царю России. Главным «залогом» Горького в правдивости его убеждений является его жизнь. Только тот бессмертен, кто умирает за свое дело!» [13]

Баба Бхарати, выдающийся индийский философ и учитель (брамин), автор книги «Кришна, бог Любви», главный представитель Индии на Международном конгрессе в октябре 1904 г., пишет Л. Н-чу: «Мой уважаемый махатма! «Махатма» значит по-санскритски «Великая душа». И это то, чем вы являетесь всем своим существом. Вы единственный действительно великий человек на этом ослепленном властолюбием и самодовольством материалистическом Западе» [14].

Студент из Гейдельберга, Johannes Kordes, спрашивает Л. Н., ехать ли ему призываться на военную службу в Россию и там отказаться, или же просто остаться в Гейдельберге? [15]

---

* «Еще голос в защиту Максима Горького» (*нем.*).

W. H. Nachtrieb хочет назвать свою новую аптеку Толстовской аптекой. Ждет ответа [16].

Сегодня после обеда Александра Львовна пришла, задыхаясь:

— Душан Петрович! Папа́ сидит в кресле, не шевелится. Не знаю, уснул ли. Идите, посмотрите.

Л. Н. спал, сидя в кресле в своем кабинете. Ночью он поздно ложится, днем слишком много работает. В коридоре ждала Вера Александровна: «Я так испугалась!»

Л. Н. сказал как-то (о Флобере):

— «Сентиментальное воспитание» и соблазн духовной гордости, «Искушение св. Антония». Талантливее всего написана «Madame Bovary».

Л. Н.: Завоевание материального могущества есть не что иное, как искушение для народа.

23 февраля. Среда. Я был с Александрой Львовной в Воробьевке у обгоревшего. Оболенские телеграфировали, что приедут. Обед. Блины. Л. Н. советовал Александре Львовне истопить печку, напечь со школьниками блинов и угостить их, а потом заложить трое саней и повезти их кататься.

— Я так делал со школьниками,— рассказал Л. Н.— Раз — это было после освобождения крестьян, в 1861—62 годах, — съехалось больше ста учеников, приехали из соседних деревень.

— Знаете, Душан Петрович,— сказал потом Л. Н.,— из какой муки блины? Из гречневой.

— Ваши японцы, Юлия Ивановна, осрамились,— сказал Л. Н.

Юлия Ивановна в недоумении раскрыла рот, попыталась возразить, что они ведь удачно обходят русские войска.

Л. Н.: Осрамились в романах. Плохо пишут. Ни одного выдающегося писателя у них нет. Просвещение народу дает религия, а у них она бедная. Они усвоили себе самые дурные, грубые, внешние военные приемы...

Страхов: Вы помните Кониси?

Л. Н.: Кониси перевел Лао-тзе внешне, в содержание не вник [1]. Письма, которые я от них получаю, или наивные (один спрашивает: «Христос воскрес? Воскреснем ли и мы телесно?»), или.....*

Страхов: Вы поедете в Париж? Вам ставят там памятник. Приглашают вас [2].

Л. Н.: Как хорошо, что в старости человек становится к этому равнодушен. А в молодости я не бывал равнодушен.

Страхов: Я думаю, если бы вы были молоды, вам тоже было бы неприятно присутствовать при открытии памятника.

Л. Н.: Я рад, что приезжают Маша, Лизанька: не сегодня-завтра помрешь, хочется их видеть.

Вера Александровна и Александра Львовна стали играть на гитарах.

Страхов: Эти цыганские песни — те же народные мотивы, но измененные. Не люблю.

Л. Н.: А я их всегда люблю. Удивительно музыкальный народ — цыгане, и у них (указал на меня) они есть. Знают они у вас ноты?

— Молодые знают.

Л. Н.: Это как неграмотные мужики. У них память хороша. Неграмотные мужики помнят, на какой десятине сколько уродилось три года, восемь лет тому назад. Скучаете, Душан Петрович?

Я: Каким образом?

Страхов: Как же здесь можно скучать? В Урюпине женщины часто скучают [3].

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н.: Да, когда нет занятий. Принесите корректуру, еще раз пересмотрю. Вечером может кто-нибудь приехать.

Вечером пришли от Марии Александровны: одноногий мужик, умный, простой, несмущающийся, и портной (А. А. Корзиков). Разделяют взгляды Л. Н. Портной не хочет платить податей. За это у него могут продать машину (зарабатывает 40—60 коп. в день), корову. Говорил о спорах с попами. Л. Н. его отговаривал от таких споров, говоря, что с попами надо обращаться, как с детьми. Они уж так воспитаны.

Читали вслух письмо Л. Н. царю из Гаспры.

Л. Н.: Теперь бы я уже не стал писать царю. Когда Чертков его опубликовал, мне показалось это неделикатным. Но он (царь) не ответил мне ни на одно письмо: теперь я доволен, что оно было опубликовано.

Ночью уехал Ф. А. Страхов.

Какие порядочные люди — прислуга у Толстых. Доверяют им, вот они и ведут себя прекрасно.

24 февраля. «Manchester Guardian» 8 февраля напечатала следующий отчет о беседе своего корреспондента Гарольда Вильямса с Толстым: *

«Говоря о движении, возникшем в России для достижения конституции, Толстой сделал следующее замечание:

«Это движение опасно и бесполезно, потому что сбивает народ с правильного пути. Конституция не может привести ни к какому улучшению положения; она не может принести свободы. Все правительства держатся на насилии и угрозах, а это противно свободе. Человек истинно свободен только тогда, когда никто его не может заставить делать то, что он считает дурным, и истинное направление для каждого человека в том, чтобы удерживаться от участия в каких бы то ни было правительственных делах: отказываться служить в армии, не принимать никакой службы, зависящей от правительства, и, наконец, каждый день и всегда делать добро. Агитация в пользу конституции может привести только к обманчивым результатам. Народ в действительности ничего общего не имеет с конституцией. Те, которые теперь занимаются агитацией, не знают народа и, несмотря на все их заявления о своей любви к нему, на самом деле очень мало заботятся о народе и даже презирают его. Народ желает одного: земли. Я думаю, что самое лучшее было бы созвать Земский собор.

— Но как же вы согласуете эту мысль с несправедливостью всей политической системы?

—Ох! — сказал Толстой,— я хочу только сказать, что царь делает глупость с точки зрения своих интересов, не созывая Земского собора.

Сын, Лев Львович, и Штанге подали проекты (о Земском соборе), последний — разработанный».

В «The New York World» (№ от 3 февраля) опубликована следующая телеграмма специального корреспондента газеты Mackenna:

«Т у л а, 2 февраля. О современном кризисе в России Толстой сказал: «Преступление, совершенное в Петербурге, ужасно (9 января). Оно втройне отвратительно: тем, что правительство предписывает убивать народ, тем, что солдаты стреляли в своих.

— Вы помните, что, когда женщины из народа нахлобучили на голову Людовику XVI шапку свободы и пригласили его взяться с ними за руки и танцевать, он не согласился. Точно так же народ в Петербурге не мог ожидать, чтобы царь появился перед ними, и агитаторы это прекрасно знали.

— Но если народ увидит, что царь не оправдал его надежд, не поднимется ли он тогда?

---

* Далее, до конца отчета, дается в переводе с английского.— *Ред.*

— Как он может? Как он может выработать план борьбы? Как вести сношения для организованного восстания? Как устоять безоружным против организованной военной силы, которая ставит дисциплину выше совести и не останавливается перед многочисленными братоубийствами? Никогда не будет в России вооруженной, всенародной революции. Сознательно или бессознательно, народ знает, что к добру ведет не оружие и убийство, но духовное просвещение; знает, что единственный допустимый и целесообразный способ действия есть пассивное сопротивление и борьба путем воспитания».

В «The Standard» от 3 февраля также помещена беседа Л. Н. с корреспондентом Дэвиттом о современном движении в России (Дэвитт был в Ясной Поляне вместе с Маккенна, 19 января). Корреспондент пишет:

«Я сообщил Толстому, что я приехал для того, чтобы в точности узнать его взгляды на недавнее воскресное кровопролитие в Петербурге и его мнение о ближайшем исходе событий в России. Он ответил:

— Я получил вопросы относительно выражения моих взглядов на это почти из всех стран. Я готовлю общий ответ в форме письма, который я надеюсь выпустить в свет через несколько дней. Я могу сказать от своего имени этим путем больше, чем каким-либо другим.

В ответ на другие вопросы Толстой сказал:

— Кажется, что петербургских рабочих уверили в том, что царь, увидев пятнадцать тысяч народа, примет таким образом их петицию. Студенты воображали, что царь может вспомнить случай из первого периода Французской революции, когда то, что началось собранием невооруженного народа, кончилось красной шапкой свободы и восстанием. Но это не оправдание для войск, стрелявших в мужчин, женщин и детей. Виновники войны с Японией, очевидно, были также виновниками и этой жестокости. Оба преступления проистекают от зла насильственного правительства. Если великий князь Владимир дал приказ стрелять, если царь одобрил это, тем хуже для обоих участников такого преступного дела.

— Не предвидите ли вы, что последствием этих убийств и поранений в Петербурге будет то, что русский народ прибегнет к каким-либо революционным средствам? — спросил я.

— Нет. Массы русского народа не понимают революции в этом смысле. Кроме того, они слишком бедны для того, чтобы купить оружие, между тем как правительство может легко подавить такую попытку, если бы она была сделана. Только малая часть народа думает о восстании. Прибегнув к насилию для того, чтобы избавиться от своих бедствий, они были бы совершенно так же неправы, как и царские войска. Никакая великая или благотворная реформа не может произойти в России этим путем. Англия и Америка эксплуатируют народ точно так же, как это делают правящие классы в России, только способы эксплуатации различны. Что нужно русскому народу, в том же самом нуждаются и другие народы,— именно: уничтожение всех принудительных законов, дающих возможность меньшинству властвовать над большинством,— меньшинству, собирающему для этой цели налоги, содержащему солдат и отбирающему землю у народа для своих личных выгод.

— Революция в России наступит,— продолжал Толстой,— но она наступит путем распространения умственного и экономического воспитания и особенно путем того, что люди будут производить революцию в их собственной личной жизни и проникаться истинно религиозным духом. Но во всяком случае землю народ должен иметь».

Сегодня у Л. Н. был корреспондент филадельфийской «North American (Newspaper)». Он Л. Н. очень не понравился: «Ничего не читал,

ничего не знает». Сегодня должна была появиться в «Times» статья по поводу телеграммы [2].

Приехала мать Николая Леонидовича.

Софья Андреевна сказала, что чувствует себя немного лучше.

— Значит, много лучше,— добавила Александра Львовна.

Раньше Л. Н. прочел вслух допросы декабристов из тайного архива.

Третьего дня Л. Н. обработал по яснополянскому библиотечному экземпляру т. XVI «Полного собрания сочинений» Лескова, издания «Нивы», «Козу» * (рассказ «Томление духа») и назначил его для «Круга чтения». Но на следующий день сказал Страхову, что не поместит его в «Круг чтения» [3].

А. А. Корзикову и Листовскому из Черниговской губернии Л. Н. сказал, что он не любит три рода писем: 1) просительные, 2) относительно автографов, 3) с рукописями.

Л. Н. говорил, что просят у него ежедневно около 2 000 р. Большую часть просительных писем Л. Н., не показывая никому, сам уничтожает. Но их еще много и много остается. Между письмами, которые отложены, есть письмо от японца, изучающего в американском университете богословие. Прочитав сочинения Л. Н., он хочет бросить богословие и вернуться на родину; просит денег на дорогу. Какой-то сиятельный генерал из Петербурга, лечащийся за границей, проиграв 80 000, просит 1400 р., чтобы закончить лечение. Студенты различных университетов и политехникумов просят денег, чтобы учиться, и т. д.

Бразилец спрашивает мнения Л. Н. о самоубийстве, просит биографические данные, автограф [4].

Поэт из Люксембурга (из Diekirch) прислал немецкие стихи против войны, написанные под впечатлением слов Толстого в книге Бурдона «En écoutant Tolstoï» [5].

Georges Huguet, председатель Общества Толстого в Дижоне, посылает устав Общества и просит Толстого быть его почетным председателем [6].

24-го за обедом: Елизавета Валерьяновна о свадьбе Абрикосова с Наташей, что это было как-то странно.

Л. Н.: Поговорим об этом потом. Все, кто знают Абрикосова, любят его. Таких, как он, мало. Они поехали в Вену. Куда оттуда, не знали еще сами.

Л. Н.: Был у меня корреспондент «North American (Newspaper)», расфранченный, жилет какой, перстень, цепочка. Ограниченный, необразованный человек. Ничего не понимал. Спросил его, есть ли у него Торо? — Да.— Что вы его читали? — Он пробормотал, что не помнит. Евангелия тоже не знал (о фарисее и мытаре). Его внешность указывала, кто он.

Елизавета Валерьяновна спросила, правда ли это, о той англичанке в Крыму, которая ничего не читала из сочинений Толстого.

Юлия Ивановна: Это была русская! Дорошевич смягчил.

Елизавета Валерьяновна: Я читала этот фельетон Соне. Очень хорош. Он советует интервьюерам читать твои сочинения, тогда им не нужно будет приезжать с излишними вопросами.

Старцев (не то он, не то она, ни из одного предложения нельзя разобрать) из Баку пишет, чтобы я заставил Толстого написать о том, что там творится. Подкатывают бочки с керосином, поджигают дома, полиция и казаки смотрят на это [7].

---

* *Коза* — наверное, чех (чешский брат), как и лекарь в «Братьях Карамазовых» (Герценштубе).

Peter Ostergaard, издающий в Берлине «Führende Geister», просит автобиографию и фотографию Толстого. Пишет об этом уже в третий раз.

Л. Н.: Ответьте ему, что мне некогда, пусть обратится к Сергеенко [8]. А вот еще второе письмо от масона, может быть, я ему сам отвечу, а не то — ответьте вы. Вся эта литература, интервьюеры, аферы!.. Приезжает совершенно непонимающий человек, журналист с переводчиком; все это стоит тысячи, чтобы получить сенсационные, интересные сообщения. Некогда с ними заниматься. Что они обо мне напишут? Если бы еще это могло привести к чему-либо особенному, полезному, я бы, пожалуй, нашел время для этого; но они эти книги составляют только затем, чтобы заработать деньги. Вот английское издание «Who is who»: биографии, известия об актрисах, писателях — все это вместе.

Л. Н. показал нам журнал «Am rauhen Stein. Maurerische Zeitschrift», Heft 3, со статьей «Leo Tolstoi und die K. K.» — von Br. Werckshagen (S. 111—119) и сказал:

— Не догадаетесь, что это такое, масонство, по ихнему способу выражения. Масон посылает мне эту книжку, где статья обо мне. Находит, что я масон, и совершенно справедливо. Христианство, очищенное от всяких обрядов, братство людей — все это масонство [9].

Л. Н. спросил Елизавету Валерьяновну, есть ли в Пирогове наст?

— Когда я вернулся из Крыма, он был тут, как мраморная доска,— говорил Л. Н.— Я пошел в сад и сел на выступ дерева.

Л. Н. утверждал, что теперь здесь нет наста. Александра Львовна доказывала обратное. Потом рассказывала о поездке на лошадях, чудесной езде. Она умеет рассказывать.

Л. Н. (*Елизавете Валерьяновне*): Коля занимается политикой? Если бы те, которые совершили убийство Сергея Александровича, встали во главе правительства, было бы не лучше, а хуже.

— Я хотел зайти к Марии Александровне проститься с Листовским и Корзиковым,— сказал потом Л. Н.

Страхов поправлял корректуру «Круга чтения». Л. Н. был его работой очень доволен.

— Работает основательно, хотя и медленно,— говорил Л. Н.

После ужина за чаем Л. Н. разговаривал с Елизаветой Валерьяновной (она за последние три года заметно постарела, стала спокойнее, душевнее, приятнее; видно, что они теперь ближе с Л. Н., чем раньше в Крыму; старость — духовные интересы). Говорили об Абрикосовых.

Потом Л. Н.— о Жемчужникове и еще вспомнил о ком-то:

— Шутник был. Нарочно задел на улице министра Панина и извинился.— «Ничего, молодой человек!» — ответил ему Панин. Но тот на следующий день опять пошел к нему извиняться.

Елизавета Валерьяновна: Это как в рассказе Чехова — один чихнул на высокопоставленное лицо.

Л. Н.: Чехов отсюда взял сюжет [10].

Л. Н.: Газеты не стоит читать. Ведь те, которые их пишут,— такие же, как сегодняшний американец! Есть столько нужного дела, что даже некогда. Вот у Душана Петровича — в день 20 больных! Мне очень помог старичок-плотник, который сказал: «Когда люди дерутся в кабаке, прибавь шагу, чтобы не видеть» [11]. Так и про войну в газетах не читать.

25 февраля. Пятница. Утром приехали Дунаев, Сергей Львович, Никитин, к вечеру И. К. Дитерихс, Николаев. Софья Андреевна встала (после болезни).

От четверти десятого до половины одиннадцатого Л. Н. с нами за круглым столом.

Говорили о Корзикове.

— Он сильный, работящий, неувлекающийся. У него помер ребенок, он его сам похоронил,— сказал Л. Н.

И. К. Дитерихс показал Л. Н. фотографию Soyen Shaky в «The Open Court» [1], это заставило Л. Н. разговориться о японцах.

— Вот Дмитрий Васильевич и Сергей Дмитриевич кое-что своеобразное собою представляют, с ними интересно поговорить, что-то новое узнаешь; так же и народы разные. Японцы, со сколькими я ни говорил, ничего нового не дают, разве — шимозу (мелинит). Они очень скоро усвоили себе практические изобретения (даже опередили всех), но в религии у них нет ничего своего. Их Soyen Shaky так же сумел исковеркать буддизм, как попы христианство. То, что они сделали такие успехи в материальных делах, указывает скорее на некоторые духовные недостатки, чем на преимущества; точно так же, как для того, чтобы разбогатеть, нужна узость взглядов и стремление сколачивать рубль за рублем (у них духовных запросов нет).

Л. Н.: За всю жизнь мне не удалось поговорить с китайцем. Я слышал, что Ли Хун-чанг хотел приехать ко мне, но его отговорили, что это было бы неприлично, что он представитель государственной власти.

Говорили об испанцах.

Л. Н.: Война стоила им 200 000 жизней.

Сергей Львович: Нам война до сих пор тоже уже столько стоила.

Л. Н.: В ⟨испанском⟩ парламенте два анархиста. Барселонский анархист написал книгу о том, что насильственное правительство есть пережиток. Мороте обещал мне ее прислать. Другой анархист, когда был министром, предложил проект национализации.

Дунаев: Как же он мог быть министром, если он анархист?

Л. Н.: Этого я не знаю.

Еще говорили о вагоне бомб, о 500 револьверах, конфискованных полицией. Бомбы — круглые, величиной с большой апельсин, со всех сторон торчат шипы.

Иосиф Константинович: В Саратовской губернии агенты-провокаторы натравливают народ на господ.

Сергей Львович: Помогают революционизировать его. Все-таки тех свобод, которые уже вошли теперь в общественную жизнь (свобода собраний, слова), назад не возьмут, нельзя.

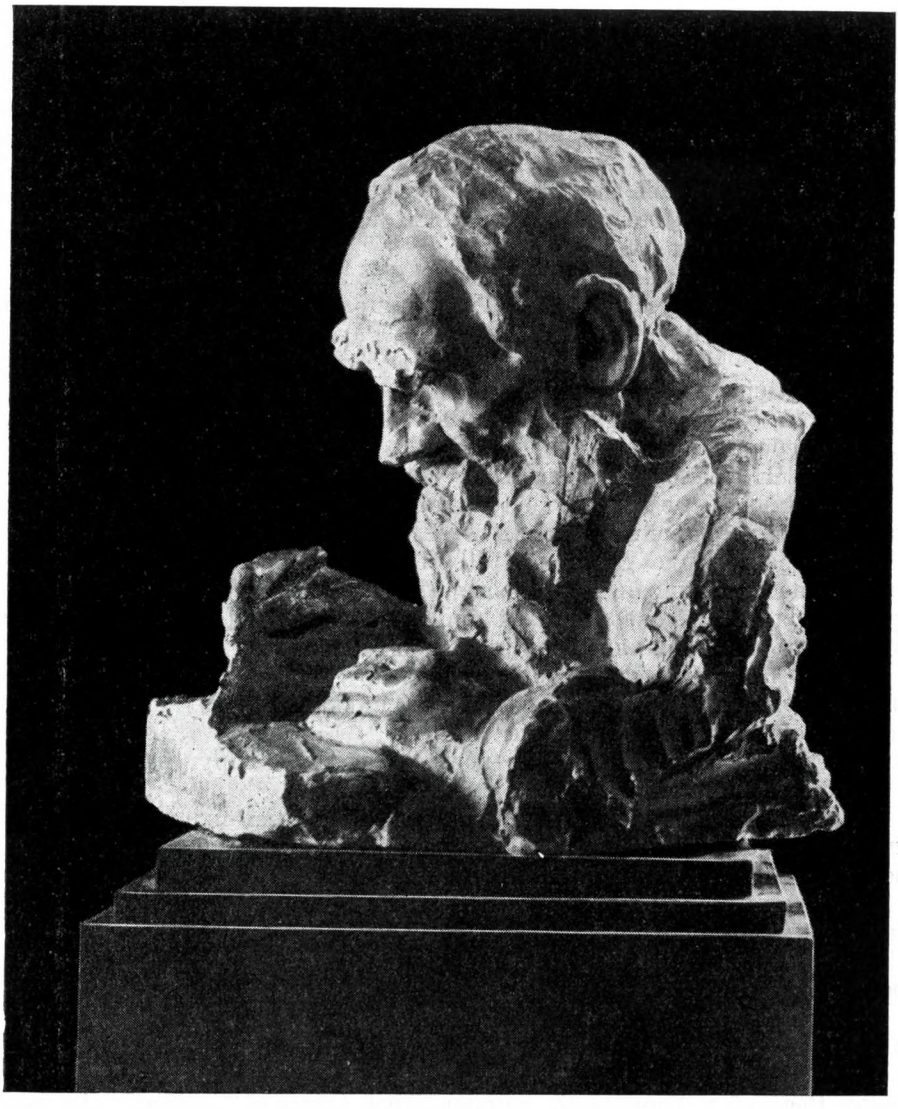
26 февраля. Вчера вечером Л. Н. говорил о Паскале, как интересна его биография. Способности к математике он унаследовал от отца. Отец не позволял ему больше двух часов в день заниматься науками, хотел сделать из него светского человека. Влюбленность в женщину — чистая [1].

Дунаев: Вчера военный совет решил собрать еще трехсоттысячную армию и послать на Дальний Восток. Не удастся, не пойдут. Теперь уже знают, на что идут. Раньше не знали, да и Порт-Артур еще держался.

Иосиф Константинович и Дмитрий Васильевич о царе. За полчаса он лишь несколько слов сказал инженеру, строившему памятник Александру III: «Порт-Артур вы будете вновь строить». С министром Булыгиным в течение пяти часов то же самое. Психопат!

Ночью уехал Николаев. Это правдивый, добрый человек. Он говорил, что распространяет идеи Генри Джорджа и впредь хочет их распространять среди крестьян. Крестьяне больше сделают, чем интеллигенция. Л. Н., говорят, однажды указывал на недостаток системы Генри Джорджа: «Что будет, если у крестьянина, например, его хозяйство сгорит,— как будет он платить подать?» Однако Генри Джордж и об этом пишет (в письме к папе): «В подобном случае община придет ему на помощь».

Сегодня не было никаких споров. С утра всех предупредили, чтобы не возбуждали спора. Л. Н. так не любит спорить и так при этом волнуется. У Толстых никогда не говорят спокойно, даже между собою.



ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ

Скульптура (гипс) Н. А. Андреева, 1905

«Сегодня приехал скульптор Андреев... Л. Н. писал, а он в его кабинете лепил его».— Запись от 6 марта 1905 г.

Для ответов на письма и исполнения всех просьб Л. Н. не хватило бы и личного секретаря.

Один псаломщик сказал мне про Л. Н.: «Глаза у Льва Николаевича хорошие. Когда его слушаешь, хочется дальше слушать».

Шестой день масленицы. Дунаев пек блины школьникам Александры Львовны. Л. Н. велел им передать, чтобы ехали в лес, там не так ветрено. Катались на трех санях. Я два раза ездил к дьячихе. Был у нее с семи до половины десятого. Вечером прерывистая беседа. Я был усталый, сонный, и спина у меня болела, лег в 11 часов, ничего не записав.

Иосиф Константинович и Никитин выбирали, по поручению Л. Н., самые популярные места из «Круга чтения» [2]. Как Л. Н. заботится о своем труде! Все в доме лентяйничают, только он один постоянно работает.

Рассказывали новости: под Мукденом японцы вытесняют русских с позиций. Погибло их больше, чем при Ляояне. Запасы из Мукдена увозят.

27 февраля. Дунаев передавал разговор пленного японского офицера с Монастыревым: «Что думаете, побьем вас?» — «Нет». — «Почему?» — «У вас нет честных людей».

После обеда: Мария Александровна, Елизавета Валерьяновна, Софья Андреевна, Вера Александровна, Александра Львовна, Юлия Ивановна, Дунаев, Сергей Львович, Никитин и я. Разговор о войне, отступлении от Мукдена [1]. Мария Александровна рассказывала ужасы (о раненых и т. д.), Дунаев — о проводах запасных. Один оставил мать, жену, четверых детей, ожидается пятый. У одной женщины от горя молоко пропало, грудной ребенок помер.

Л. Н.: Что за охота терзаться? Если бы этим можно было помочь, тогда это имело бы смысл, а то только так волноваться?! У каждого свои дела, надо их спокойно делать.

Опять разговор о Диккенсе. Л. Н. рассказал содержание того, что читал: одна лондонская дама позвала к себе бедную прохожую женщину переобуться. Та рассказывает ей про свою судьбу. Дама ей сочувствует. Вдруг гостья приложила ее руку к своим глазам [2].

— Это такой жест, который говорит,— сказал Л. Н., и у него глаза наполнились слезами, и голос задрожал. Через некоторое время уже спокойным голосом сказал:

— Что за... как у Моцарта: пóшло, пóшло, и вдруг небеса.

Потом говорили о «Красном смехе».

Л. Н.: Я его не читал, только перелистывал. Здесь сидел брат Андреева, ждал ответа; я написал ему, что некоторые места сильны. Все остальное искусственно, неясно и неопределенно.

Елизавета Валерьяновна: Я ничего не поняла. Оба эти брата сумасшедшие, и автор в придачу.

Сергей Львович: Если бы кто-нибудь описал лишь то, что в действительности делается!

Л. Н.: Да, описать действительность серьезно и правдиво, ничего не изменяя в ней, как это делают для бóльшего эффекта.

За чаем Дунаев излагал Л. Н-чу (Л. Н. спросил его) торговый договор между Россией и Германией, заключенный Витте и Бюловом. По поводу этого договора в иностранном журнале была карикатура в двух картинах: Бюлов и Витте встретились на морских купаньях. I. *Бюлов*: Как же насчет пошлин? — Витте исчезает под водой. II. *Витте*: Как же насчет займа? — Бюлов исчезает под водой.

Л. Н. спросил, во сколько обошлась война.

Дунаев: По официальным данным, до 1 января — 850 миллионов. Если теперь заключат мир, то еще во столько же обойдется, да еще контрибуция.

Л. Н.: Но у японцев до сих пор нет основания ее требовать.

Дунаев: Это на вашем веку третья большая война?

Л. Н.: Да.

— А венгерская?

— Но эта была маленькая [3].

Дунаев: Как патриотический дурман славы разгорелся в эту войну; да и в турецкую, помню.

Л. Н.: Это всегда во время войны. В статье «Единое на потребу» я высказываю мысль, что в русском народе и обществе устанавливаются

два новые взгляда: 1) что падает вера в церковное догматическое учение и ее место занимает религиозное сознание, 2) что русский народ способен к самоуправлению и не нуждается в правительстве [4]. Я хотел описать это в романе о поселенцах в Маньчжурии: они устроили там деревни, даже попа себе достали, но никакого правительства у них не было. Когда русские с войсками проникли в Маньчжурию, они послали им становых, открыли кабаки. У англичан, напротив, чувствуется потребность в правительстве. Лева получил письмо от канадца, который полемизирует с его взглядами, что английский народ — старый, отживший, а русский — молодой и ему принадлежит будущее; канадец ругает Леву (*Сергей Львович:* «Поделом ему!») и гордится английским патриотизмом канадцев; пишет, что они могут выставить против России 500 000 войска.

Сергей Львович: Англичане завладели миром, и главное, мирным путем. Их язык всемирный.

⟨Л. Н.⟩: Какой славный, энергичный, веселый народ — ирландцы.

Зашла речь о Дэвитте.

Софья Андреевна: Обещал послать мне интервью и не послал.

Л. Н.: В Англии и Франции уже совершилось то, что аристократия вырождается, умные люди происходят из средних классов и из народа. Это так, хотя и пытаются доказать, что английская аристократия духовно и умственно не пала.

Л. Н.: Был у меня слесарь из Тулы. Говорил ему о «Круге чтения» и начал ему читать выдержки из Рёскина. Трудно для понимания, я даже не дочитал и тут же решил, что надо составить популярные мысли отдельно *. Замечали ли вы, что каждый писатель пишет для известного слоя читателей? Я теперь для европейско-русского, главное, европейского общества, для образованных кругов. Это плохо?!

Говорили о том (Александра Львовна рассказывала), что пойманы четыре телятинских и два яснополянских мужика, которые украли корову у садовника Соанса.

Дунаев: Что же, на каждого пришлось по три рубля? (Дунаев объяснил кражу корыстолюбием мужиков.)

Л. Н.: Это спорт.— И Л. Н. рассказал, как один телятинский мужик хвастался перед ним конокрадством.

Сергей Львович вчера рассказал, как он, будучи земским начальником, осудил конокрада на один год в острог, хотя и не было вполне доказано, что это он украл.

Должна появиться статья по поводу телеграммы («Об общественном движении в России») [5]. Юлия Ивановна и остальные ждут, как в газетах будут ее ругать.

Сергей Львович на этот раз не говорил и не спорил с отцом о конституции.

Кажется, Л. Н. закончил сегодня «Единое на потребу» [6].

28 февраля. Приехала милая, с детским, добрым лицом Мария Львовна с Николаем Леонидовичем. Первый вопрос Сергея Львовича к Николаю Леонидовичу: «Когда нас повесят?» Николай Леонидович рассказал, что у них мужики убеждены, что, как только кончится война, сейчас же будут делить землю, поэтому они теперь настроены серьезно, не пьют. К одному управляющему явились прямо с просьбой-предложением: «Давайте делить землю». Тот не растерялся и прочитал им циркуляр, в котором говорится, что мятежи устраиваются на японские деньги. Мужики ушли.

---

* Поручил вчера Иосифу Константиновичу и Никитину выбрать их, а мне — вложить их на места.

Николай Леонидович и Сергей Львович думают, что революция будет уже потому, что зима была без снега и три четверти озимых придется перепахивать.

Сегодня был здесь М. П. Новиков. Л. Н. долго с ним говорил, дал ему прочесть «статью по поводу телеграммы» (написанную на машинке). С собой дал ему корректуру «Круга чтения» (с 1 января до 20 февраля); хотел дать «Одумайтесь!» и последние номера «Свободного слова», но не оказалось дубликатов. Дал ему книг (изд. «Посредник»). Доставка заграничных изданий сочинений Л. Н. не производится, разве случайно кто-нибудь привезет один или несколько экземпляров той или другой книжки. Чертков регулярно посылает Л. Н. заказными бандеролями все свои новые издания в одном экземпляре, некоторые посылает еще в письмах. Большими же партиями через границу до сих пор никто не перевозил. Иных русских заграничных изданий своих сочинений Л. Н. совсем не видел (например берлинских); не видел он также многих французских (о немецких и говорить нечего) переводов своих сочинений.

«Сжато и все⟨!⟩» — вот motto * Л. Н. при работе.

Вечером за чаем Сергей Львович рассказывал о своем свадебном путешествии: Смирна, Корфу, Марсель, Кембридж, Париж (четыре месяца) [1].

Л. Н.: Я люблю мусульман, их обращение, достоинство, живописность.

Л. Н. читал вслух Диккенса, после него Мария Львовна. Сидевшая возле нее свекровь плохо ее понимала. Когда же она сама начала читать вслух, не понимала Мария Львовна. Зашел разговор об английском языке. Сергей Львович сказал, что американцы не понимают англичан и наоборот; что иногда два разговаривающих спрашивают друг друга: «How do you spell it?» **

Л. Н. о выговоре англичан:

— Кто-то сказал, что англичане пишут «барабан», а выговаривают «Смит».

Опять говорили о войне и японцах. Говорили о тех приемах, которые употребляются японцами: об их ночных атаках, переодеваниях в русские мундиры; о том, что они не останавливаются ни перед какими потерями, лишь бы достигнуть цели, и т. д.

Л. Н.: У русских есть рыцарство, известные предания; японцы же прибегают к разным способам, лишь бы истребить больше русских.

Мария Львовна: Мне японцы противны. Я их ненавижу.

Л. Н.: Я перед ними ставлю вопросительный знак.

Николай Леонидович: А помнишь Лодиана, который выдавал себя за американского инженера и пришел к тебе с карточкой: «Discuteur philosophique, chimique, téolog⟨ue⟩» ***, и т. д. Мы смеялись. Первый его вопрос был: позволят ли ему посмотреть тульский оружейный завод? Глаза косые, скулы выдаются, ничего не понимал. Saint John говорил, что Лодиан плохо говорил по-английски, и презирал его. Потом он показывал свою карточку в китайском костюме, с косой — совершенный китаец. Говорил, что это нарядились, снимались шутя. Пел песни, похожие на те, какие пели японцы, приезжавшие после него. Он был, наверное, японский шпион [2], как и те, которых ты застал в питомнике в Засеке. И те приезжали смотреть тульский оружейный завод [3].

1 марта. Сегодня было множество больных. От четверти девятого до четверти двенадцатого у дьячихи, потом до половины шестого у меня было 24 новых и около 20 старых больных.

За столом говорили о портрете Александры Львовны, сделанном Софьей

---

* девиз (*итал.*).

** «Как вами это пишется?» (*англ.*).

*** «Оратор по философским, химическим, богословским вопросам» (*франц.*).

Андреевной. Л. Н. советовал совсем его уничтожить (сначала же пошутил, что хорошо бы его вместо чучела поставить в огород, чтобы лошади туда не ходили).

Я не разобрал, в какой связи Л. Н. заговорил о тупости ученых, о том, что они ничего не понимают, кроме своей специальности (ни в религии, ни в нравственности).

Л. Н. говорил, что биографию Победоносцева написал его враг; он изложил в ней все его взгляды, выписав их из «Московского сборника» и других его сочинений [1].

Я никогда не видел, чтобы Л. Н. вышел из терпения или хотя бы поморщился в разговоре с каким-нибудь глупцом, неприятным или надоедающим ему человеком.

Под Мукденом ранено 1300 русских офицеров и 40 000 солдат, около 25 000 убито. Ужасная, кровавая война! Л. Н-чу тяжело слушать разговоры о Мукдене. За обедом Николай Леонидович завел о нем речь, но Л. Н. сейчас же переменил разговор. Несколько дней тому назад было то же самое.

Вечером на столе лежал ремингтонный экземпляр «Усмирения уральских казаков» 1876 г.[2] В Казалинск Туркестанской области выслали из Уральской области казаков-старообрядцев за неповиновение начальству, за отказ принять общую воинскую повинность. Против них были высланы войска. На одного казака было двое солдат. Их насильно вывезли в Туркестан. Они пассивно сопротивлялись, но не отплачивали насилием. Тысячи семей последовали за ними. В 1883 г. царь дал «амнистию»: тем, кто раскается в своих заблуждениях, разрешалось вернуться на родину. Ответили: «Раскаиваться не будем».

Л. Н. получил немецкое письмо от одной женщины из Ясс. Она вполне согласна с «Крейцеровой сонатой», которую только что прочла; нашла в ней свои собственные мысли [3].

Очень приятный семейный разговор в узком кругу, не затрагивающий общественных событий.

Л. Н. рассказывал исключительно анекдоты, семейные и общественные воспоминания, остроумно, с юмором, как всегда. На вопросы о войне Л. Н. не отвечает уже в течение недель ни слова. Очевидно, последние поражения ему причиняют страдания, и он не хотел о них говорить.

Сегодня Л. Н. получил почтовую посылку с книгами от Бодуэна о польском восстании 1830 г. и другие по истории Польши. Был очень рад.

Л. Н. поручил Дмитрию Васильевичу составлять «Календарь для народа» по корректуре «Круга чтения» 25 февраля — 1 марта (а начал его было по черновику).

Александра Львовна ходит в амбулаторию помогать мне с того самого времени, как я начал жить в доме Толстых. Мне говорили, что, когда домашние спросили Л. Н., согласен ли он на то, чтобы в доме жил постоянно врач, он дал свое согласие только с тем условием, чтобы врач принимал больных крестьян из окрестных деревень. Сегодня вместо Александры Львовны мне помогала Мария Львовна.

Мария Львовна спросила меня, что мне пишут из дому. Она вообще милая, внимательная, и Елизавета Валерьяновна тоже. Сегодня она помогала в амбулатории и составляла изложение русских писем.

2 марта. Л. Н. дал мне черновики «Круга чтения», вынутые для «Народного календаря», и просил положить на прежнее место. Дал мне прочесть свой немецкий ответ Тамуре, прося указать ему ошибки его немецкого языка:

— Это интересно, какие я сделал,— сказал Л. Н. и добавил:— Хотел я ему написать еще, что синтоизм — это установление для правительственных целей, а не религия, не учение о смысле жизни [1].

Софья Андреевна прочитала вслух газетное заглавие «О мукденских боях».

Л. Н.: Какое-то новое слово «бой», ⟨раньше⟩ говорилось: «сражение»[2]. Андрюша тоже говорил о «боях». Haig мне написал и послал брошюры. Хотелось бы мне ответить ему, но есть нехорошие вещи в его сочинениях[3]. Он думает, что надо воспитать здоровую, крепкую породу людей. Какое это заблуждение: mens sana in corpore sano *. Я бы не хотел быть здоровым. Я мог хотеть этого когда-то давно. Физические силы и духовный рост относятся друг к другу, как основание к вершине конуса. Духовный рост совершается, когда физические силы слабеют, и в той мере, как они слабеют. Если бы какой-нибудь волшебник предложил мне молодость, здоровье, я отказался бы.

Мария Львовна: А я хотела бы.

Л. Н.: Ты еще не перешла через Рубикон.

3 марта. Я спросил Л. Н., почему он перестал делать гимнастику. Не потому ли, что желает быть способнее к духовной работе? Я сказал, что, по-моему, только после физической работы и телесной усталости дух работает превосходно.

Л. Н.: Я иногда себя упрекаю, когда занимаюсь гимнастикой: зачем я это делаю? Духовной работе лучше, чем работа мышц, способствуют вегетарианство, правильное пищеварение, хороший сон. После сна приходят хорошие мысли.

Говорили о конституции, о различных ее формах. О японской Л. Н. сказал, что это вовсе не конституция: все решает микадо. Говорили также о гомельском гимназисте, искали его письмо, не нашли (Л. Н. хотел его прочесть вслух).

Л. Н.: Получил письмо от Bouvier относительно Общества Ж.-Ж. Руссо. Общество образовалось в Женеве, хотят издавать полностью «Confessions» (стало быть, некоторые места были выпущены), а также более полную корреспонденцию Руссо: найдены новые его письма[1]. И сын Мадзини мне пишет, хотят праздновать l'anniversaire (столетие со дня рождения Мадзини). И о Мадзини и о Руссо хотелось бы мне написать, ответить им[2].

Я вспомнил о памятнике Вольтеру в Ферне и сказал, что на надписи нет главного — что он открыл людям глаза на церковь.

Л. Н.: Неужели?

Я: Наверно, духовенство оказало влияние на составление надписи.

Л. Н.: Да, я там был. Помните... «Deo» и памятник Вольтеру — пирамида с отломанной верхушкой?[3]

По поводу письма от Е. И. Попова Л. Н. заговорил о Евгении Ивановиче, его нежности, больших дарованиях, способностях к математике, о его идее школы, о личном нравственном влиянии на детей.

Евгений Иванович пишет, что Шкарван нуждается в заработке, хочет перевести «Предисловие к «Душечке»» Л. Н-ча и «Душечку» на немецкий язык[4].

Л. Н. перед самым обедом сказал мне:

— Я думал о вчерашнем вашем вопросе насчет mens sana. Я недостаточно ясно выразился. После вам скажу.

Вечером ждали Льва Львовича, но приехала только С. А. Стахович из Петербурга.

Л. Н.: Насколько я прежде любил слушать петербургские новости, настолько теперь не люблю.

Софья Александровна рассказала, что в иностранных газетах пишут, что русские помещики пашут землю на девушках.

---

* здоровый дух в здоровом теле (*лат.*).

Л. Н.: Корреспонденты нравственно падают. Но хорошая сторона их деятельности в том, что они соединяют людей.

Софья Андреевна прочла вслух газетное суждение о Л. Н., что он в нынешнее время, полное беспокойства и стремления к политическому освобождению, не идет вместе с конституционалистами, а проповедует свысока мораль [5].

Л. Н.: По мнению материалистов, мораль вытекает снизу, из общения людей между собой.

Кто-то сказал, что чай вреден, но употребление его быстро распространилось: 40 лет тому назад крестьяне его еще не пили.

Л. Н. сказал, что чай, вероятно, оказывает действие, способствующее пищеварению; каким вкусным кажется чай человеку, наработавшемуся в страдную пору полевых работ.

— Я спросил богомолку,— рассказал Л. Н.,— сколько дней ей нужно идти пешком до Киева. Она мне ответила: «На чаю 12 дней, а без него дольше».

Целый день я был занят с множеством больных (в Ясенках, в Графских Дворах, в Кочаках).

То, что теперь делают гурийцы, это то, о чем пишет Л. Н. По этому поводу он сказал:

— Всегда у меня так получается: когда я пишу о чем-нибудь теоретическое рассуждение, я в то же время узнаю, что то же самое где-то кем-то совершается в жизни [6].

4 марта. Лев Львович пишет, что после поражения под Мукденом в Петербурге большое уныние. Куропаткин потерял одну треть армии: 93 000 человек.

Вечером приехали Михаил Львович и Александра Владимировна. Привезли новости. Телин взят японцами. Л. Н. взволновало это сообщение, но он не сказал ни слова, только переспросил и замолчал.

Позднее приехал Тан, писавший про канадских духоборцев. Он пробыл восемь лет в колымской ссылке *[1]. Говорили о гурийцах: войска, которые туда были посланы по требованию крупного дворянства и городов, были задержаны по дороге: нет, дескать, восстания, насилия. Мелкие помещики работают сами, крупные же призывают солдат. Подобное движение есть и среди армян в Эриванской и других губерниях.

Тан рассказывал, что говорил с московскими фабрикантами, дворянством, чиновничеством, купечеством.

— Ежегодно,— сказал он,— призывают в армию 300 000 рабочих, которые нас защищают.

Л. Н.: Есть 120 миллионов земледельческого народа, который, как я знаю, заполнит их места. Начать земельный вопрос — решится и этот (рабочий). А заплатами только порвешь целые места. Это то же самое, как сначала не хотели признавать освобождения крестьян. Клали заплаты, начиная с Екатерины.

Еще Тан рассказывал Л. Н. про Суровцева из Костромской губернии. Он 17 лет просидел в Шлиссельбурге, а затем также был сослан в Колымск, научился здесь садоводству. В Колымске одичал, не признавал покупок (пуд хлеба стоит 15 рублей). Зимой сам себе рубил дрова. Вегетарианствовал **. Колымск — 2800 верст от Якутска, там мороз 50°, топор хрупким становится. Там дикие гуси садятся на дома, масса куропаток. В Колымск приходит почта три раза в год.

---

* Колымский округ Якутской области (величиной с полторы Германии), 6000 обывателей — 300 русских, 2000 якутов, 700 юкагиров, ламутов, 1500 чукчей.

** Он вегетарианствовал на том основании, что убийство было для него ужасно. Он полагал, что люди убивают людей только потому, что убивают животных для поедания их.

Тан: Я записал там сотни песен, сказок [2]. У тамошнего народа нет ни умствований, ни этики. Они шаманского вероисповедания. Импульсивные люди, легко могут убить человека, обокрасть, но так же легко и вернуть украденное, они щедрые.

Л. Н.: Количество умственных впечатлений у человека, живущего в лесу и сидящего в Публичной библиотеке Британского музея, одно и то же.

Потом говорили о положении России.

Тан: Положение безвыходное. Японцы наступают. Дать свободу печати — радикалы будут писать так, что произведут революцию; дать свободу собраний — то же самое.

Л. Н.: Из каждого положения есть выход. Вспомним то время, когда распоряжались Дантон, Робеспьер и спустя десять лет Наполеон. Я не говорю, что надо ожидать подобного и у нас. Но я думаю, что после этой войны последует большой духовный подъем, настанет перемена — не правительства — переменятся формы жизни.

На слова Тана о необходимости сокращения рабочего времени городских рабочих Л. Н. сказал:

— Я вопроса о рабочем времени не понимаю.

Л. Н. спросил, имеет ли будущность Колымский край?

Тан: Нет. Только в том случае, если землю можно было бы согреть.

Опять заговорили о японцах.

Тан: В Японии много художеств, как в Италии. Похожа на нее. Страна без канцелярщины, без полиции; у нас же 9/10 государственной работы — канцелярщина.

Л. Н.: Да и другого у них нет: рыцарства в войне. Всегда были известные нации воинственнее других, перед которыми другие не устояли: Кир, Александр Македонский, Фридрих II, Наполеон, Мольтке; теперь — японцы.

Л. Н. вспомнил, что Эдвин Арнольд тоже жил в Японии, но жил там по-японски [3].

Тан спросил, что надо теперь делать.

Л. Н.: Теперь особенно важно не терять спокойствия, не позволять себе увлечься озлоблением. Жить по голосу совести; тогда человеку все легче и легче будет жить, и он и в смерти будет видеть добро.

Тан: Но ведь мир зол, люди злы, как управлять ими, как обуздывать их, исправлять?

Л. Н.: Мир настолько зол, насколько я сам зол. Раз двадцать случалось со мной в жизни, что то, что я считал злом, послужило мне к добру. Все меньше и меньше зла нахожу я в жизни; все больше и больше блага, и наступит смерть — высшее благо.

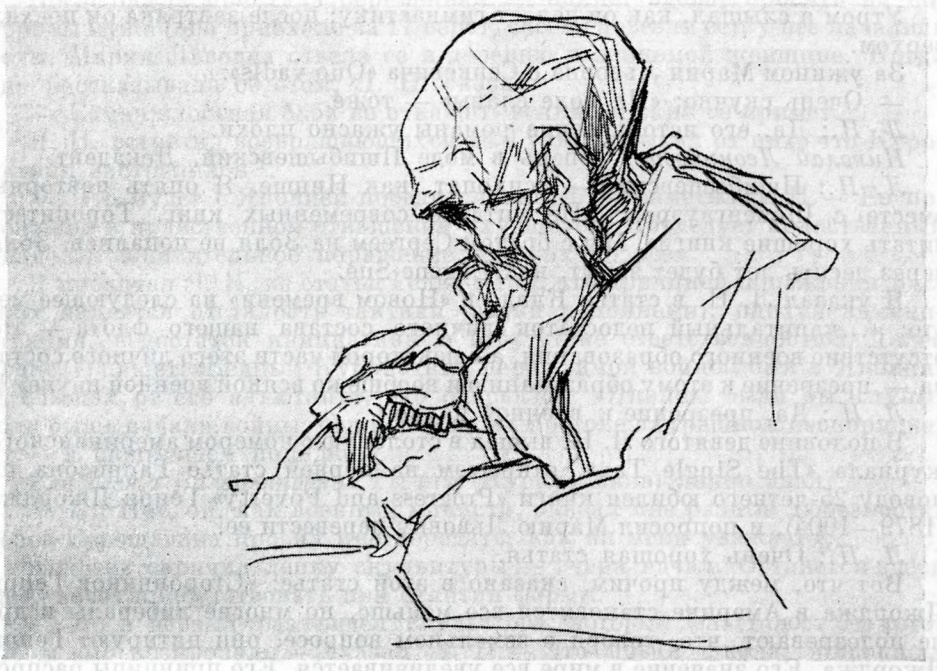
Тан — кроткий, неозлобленный. Он, испытавший на своей шкуре мороз в 57° и — в Верхоянске — в 64°, первый спокойно осветил Л. Н-чу, почему ненавидят правительство.

5 марта. Вечером Л. Н. читал рассказ Авиловой — понравился ему [1]. Рассказывал разные вещи, потом шла общая семейная беседа.

Были: Михаил Львович с женой, С. А. Стахович, Мария Александровна, Оболенские, Елизавета Валерьяновна. Говорили о жизни колымских ссыльных, похожей на жизнь Робинзона, об Америке. Америка — новая страна, где нет феодалов, династий, церкви, преданий, а рабство такое же, как и в Турции; одна треть рабочих без работы, накапливание земельных владений...

Николай Леонидович: Там ужасная продажность в судах. Знают, сколько стоит какой процесс, такую сумму и несут в Вашингтон. Тресты всегда выигрывают.

Куропаткина отозвали.



ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ
Набросок (тушь) Н. А. Андреева, 1905

«Варшавский дневник» сообщает: из девятнадцати солдат, отказавшихся быть солдатами, пять расстреляно, двоих оправдали, остальных сослали на каторгу [2].

Михаил Львович сказал, что, когда убили Сергея Александровича, он чуть ли не ревел.

Л. Н. рассказывал о том, что он читал о политических убийствах в книге Дебогория-Мокриевича; затем вспомнил какого-то своего крымского (севастопольского) товарища, который впоследствии стал варшавским губернатором, и других знакомых из правительственных лиц. Л. Н. знал Мезенцова, был с ним на *ты*.

— Это был добродушнейший малый,— сказал Л. Н.— Был добр к друзьям; наверное, к прислуге, а по службе был строг. Мезенцова убил Кравчинский-Степняк. Мезенцов и ему подобные люди думают о том, что́ им скажет царь и что́ они ему ответят, что́ скажет царица, и т. д. Сколько приготовлений нужно для такого убийства (как Мезенцова — шефа жандармов), как тяжело, сколько опасностей связано с ним для заговорщиков. Любая женщина, дворник могут их выдать.

Когда приезжали гости, без конца рассказывали новости, и как интересно!

6 марта. Воскресенье. Сегодня приехал скульптор Андреев, уехал Михаил Львович.

Сегодня ночью, с 5-го на 6-е, около половины второго, пришел ко мне Л. Н. с окровавленной рукой. Гася лампу, он «по-ребячески» (по его выражению) махнул рукой и порезал себе палец о ламповое стекло. Вытекло много крови. Должно быть, ослабел. Я перевязал ему руку. Когда он ушел, я жалел, что не пошел его проводить и не посоветовал ему напиться воды.

Утром я слышал, как он делает гимнастику; после завтрака он поехал верхом.

За ужином Мария Львовна о Сенкевича «Quo vadis»:

— Очень скучно; «На поле славы» — тоже.

Л. Н.: Да, его исторические романы ужасно плохи.

Николай Леонидович: Теперь в моде Пшибышевский. Декадент.

Л. Н.: Пшибышевский — психопат, как Ницше. Я опять повторяю вместе с Шопенгауэром: «Не читайте современных книг. Торопитесь читать хорошие книги». Мы с братом Сергеем на Золя не попались. Золя через десять лет будет забыт, как Eugène Sue.

Я указал Л. Н. в статье Кладо в «Новом времени» на следующее место: «...капитальный недостаток личного состава нашего флота — это отсутствие военного образования, а в некоторой части этого личного состава — презрение к этому образованию и вообще ко всякой военной науке» [1].

Л. Н.: Да, презрение к военной науке.

В половине девятого Л. Н. вышел в столовую с номером американского журнала «The Single Tax», открытом на первой статье Гаррисона по поводу 25-летнего юбилея книги «Progress and Poverty» Генри Джорджа (1879—1904), и попросил Марию Львовну перевести ее.

Л. Н.: Очень хорошая статья.

Вот что, между прочим, сказано в этой статье: «Сторонников Генри Джорджа в Америке становится все меньше, но многие либералы и др. не подозревают, что, говоря о земельном вопросе, они цитируют Генри Джорджа. Его значение в мире все увеличивается. Его принципы распространились по всему свету. Суждения, которые приводились раньше только в специальных джорджевских изданиях, нынче повторяются всей прессой». Я думаю, что то же самое происходит с Л. Н. и его учением.

Николай Леонидович читает японский роман, очень плохой; в нем женщины ведут разговоры о войне.

Л. Н.: Да, они восхищаются войной, а вот Кладо пишет, что причина поражения русских — это неохота к военному образованию.

На круглом столе лежала раскрытая книга: «Дневник Башкирцевой и ее переписка с Мопассаном» [2]. Читала ее Софья Андреевна.

Л. Н. (*к Елизавете Валерьяновне*): Когда читаешь Александра Македонского, знаешь, что это старое; а Башкирцева — знаешь, что 30 лет назад была молодая, красивая, была недавно,— а где она?

За чаем разговор о театре. Елизавета Валерьяновна спросила, в чем содержание «Призраков» Ибсена? Никто не ответил.

Елизавета Валерьяновна: Я не знаю.

Л. Н. (*шутливо*): Это ничего. На том свете не спросят... У него во всех пьесах идут на гору...

Андреев надеется в три дня вылепить бюст Л. Н.

Л. Н. писал, а он в его кабинете лепил его. Это не мешало Л. Н., т. к. и Андреев работал, ничем не отвлекая его, и только смотрел на него. Но вечером Л. Н. все-таки заперся от него. «Чтобы не входили к нему»,— пояснила Андрееву Софья Андреевна.

Теперь уже к Л. Н. не приходит столько людей, как в 1880—90-х годах, с одним и тем же вопросом: «Как жить, что делать?» Теперь спрашивают больше о том, как бороться с правительством, что делать, чтобы изменить существующий политический и общественный строй?

7 марта. Утром, когда я перевязывал Л. Н. палец, он сказал:

— Mens sana in corpore sano. Тут душа как будто в зависимости от тела. Но душа в слабом теле может быть и бывает сильной. Источник всего — это душа. Когда душа слаба, то здоровое тело будет объедаться, распутничать, а обратно — тело влиять на душу ⟨не может⟩. Источник всего — душа. Тут различие между христианством и язычеством.

После обеда приехала беременная женщина, вдова, просить на похороны мужа (она приехала за 17 верст, соседи довезли ее), у нее начались роды. Мария Львовна отвела ее в деревню к знакомой женщине. Когда она рассказывала об этом, Л. Н. сказал:

— Самая злостная баба не откажет, всякий мужик ее примет.

Л. Н. встретил возвращающихся из Тулы, услыхал от них, что Куропаткин застрелился [1].

— Что будет с Японией-победительницей? — заметил Л. Н.— Ее положение в нравственном отношении ухудшится. Последует нравственный упадок... Удивительное поражение русских во всем.

Я прочитал Л. Н. из статьи Гедке о том, что причиной поражения русских является отсталость тактики (атаки колоннами), плохая администрация, недостаток инициативы и отсутствие ответственности [2]. Далее Гедке (?) пишет: «Бедный Куропаткин перед самой войной был в Японии. Я слышал от его адъютанта, что он сказал: «Японцы были бы глупы, если бы не начали войны; наши войска на Востоке в страшном беспорядке, их — в наилучшем порядке»».

Елизавета Валерьяновна: Ты его (Куропаткина) лично знал?

Л. Н.: Нет, он, как военный министр, оказал мне разные любезности: через Верещагина просил мне передать, как он меня уважает [3].

Андреев окончил лепку скульптуры — вчера начал. Останется здесь еще, хочет присутствовать при отлитии формы.

— Это я первый раз видел скульптора, который делает бюст без того, чтобы ему позировали,— сказал Л. Н.— Это новая школа: живопись-скульптура — она передает выражение. Старая греческая скульптура поклонялась плоти. Теперь скульптура не имеет того значения, как живопись. Она строит памятники. Во времена греков и римлян памятники обожествляли императоров (императоры были земные боги). Теперь нечего изображать. Христа — нельзя. Нужна вдохновляющая идея, а ее нет. Памятник современного императора, не говорю уже о нашем, но Вильгельма, какое он имеет значение? Он ничем не выдающийся генерал... Головы им не удаются... панталоны тоже. Скульптура имеет гораздо меньшее значение, чем живопись.

— «Бетховена» (Макса Клингера) вы видели? — обратился Л. Н. ко мне.

— Нет. Кажется, это в Берлине? [4]

Андреев хочет еще вылепить маленький бюст и руку Л. Н. [5]

— Хельчицкий у вас? — спросил Л. Н.— Надо будет его послать Горбунову. Кто-нибудь из них скоро приедет.

8 марта. Мария Львовна, когда увидала, что я спешу в лечебницу, сказала:

— Не лечите стольких, сократите свою работу! Епишка-казак, когда папа́ писал, думал, что все это прошения: «Не пиши, брось»,— говорил [1].

Л. Н. и я получили через Бодуэна де Куртенэ кипу чертковских изданий; я — письмо и фельетон его в прекративших свое существование «Наших днях» [2].

У Л. Н. вчера и третьего дня болела печень и была изжога; кажется, и сегодня тоже. Вечером почти что не выходил. Привезли из Тулы почту. Л. Н. вышел, рассказал, какие получил письма. Принес журнал «The Open Court», раскрытый на странице с изображением машины и турка, который играет в шахматы (с Наполеоном, Екатериной II) и все выигрывает. На картинке виден был спрятанный шахматист [3].

9 марта. 8 марта Л. Н. взялся за старую работу «Кто я?» [1]. По вечерам пишет «Воспоминания».

— Братьев идеализирует,— сказала Мария Львовна, переписывая вчера его работу [2], а наверное, они такие и были, самобытные, с особыми

взглядами, так непохожие на теперешних молодых людей, шаблонных.

Л. Н. просматривал «Les Annales» и «Weltspiegel» (третьеразрядный иллюстрированный журнал), несколько номеров которого кто-то послал ему.

Я читал книгу Кросби «Edward Carpenter: Poet and Prophet» [3].

Л. Н. (*ко мне*): Что читаете?

Я: Об Эдварде Карпентере.

Л. Н.: Я прочел в книге Кросби о моравских братьях (в Огайо), от которых индейцы приняли принцип непротивления злу [4]. Эти-то их не тронули, а истребили индейцев американцы, вместе с их начальником, который не защищался, будучи убежден, что не следует защищаться насилием. Надо бы было это перевести, но для «Круга чтения» не годится, это только отрывок.

Л. Н. попросил принести ему биографию Хельчицкого [5]. Я ее не исправил, не дополнил (хотя Л. Н. несколько раз говорил, что хочет дать ее в «Круг чтения»); мне стало стыдно, я очень смутился. Но Л. Н., прочитав ее, не упрекнул меня ни одним словом. А тяжело было бы мне услышать от него упрек. Л. Н. необыкновенно деликатен: никого не обижает (даже если человек этого заслуживает) и не признает ни «гнева справедливого», ни «упрека справедливого». Я никогда не слышал, чтобы он сделал кому-нибудь саркастическое, колкое замечание, если человек не сделал того, что должен был сделать. А это часто-часто случалось; то затеряют его рукописи, письма, книги; то забудут, встречая его на прогулках, взять тулуп; то опоздают или же приедут не туда, куда было нужно.

Л. Н. (*вечером за чаем*): Прочел биографию Хельчицкого и «Вступление к «Сети веры»» [6]. Неполная, неудовлетворительная, надо бы из большего количества источников составить новую. Какая замечательная личность! Знаешь Хельчицкого? — обратился Л. Н. к присутствовавшей Елизавете Валерьяновне.— В конце XIV века, еще до Гуса [7], и как он понимал христианство, отвергал церковь и государство — то, к чему мы приходим теперь. Надо самому составить.

Николай Леонидович: Скороходов говорил, какое влияние оказывает Хельчицкий на крестьян, как они охотно его читают.

Я напомнил, какая кроткая душа была у Хельчицкого, нельзя сравнить с ним Кальвина, Лютера.

Л. Н.: Да, и останется неизвестен миру из-за своей скромности.

На столе, как и прежде, лежала книга «Дневник Башкирцевой и ее переписка с Мопассаном», с портретом ее во весь рост в начале книги.

— Как искусственно все у нее: и держится, и одета,— сказал Л. Н., взглянув на портрет (кажется, это замечание относилось и ко всей книге, к тому, как написана).

Л. Н. рассказал, что третьего дня, споткнувшись, он так качнулся, что упал. А сегодня встретил, идя по узкой дорожке к скотному двору, возле колодца, где поят скот, стадо коров с быком. Бык на него покосился и засопел.

В 10.45 Л. Н. пошел к себе еще поработать, потом вернулся, ему было слишком жарко в его комнате (18°), сказал, что было бы достаточно топить у него через день, и пошел пройтись немного, чтобы освежиться. Он простился со мной, но я все-таки пошел за ним. У меня явилось какое-то опасение за него, чтобы он не упал или чтобы какая-нибудь деревенская собака не бросилась на него. Когда Л. Н. услыхал, что кто-то идет за ним, он остановился, а я крикнул ему: «Это я, не обращайте на меня внимания!» Л. Н. мне ответил:

— Вы тоже вышли погулять? Идите впереди меня, вы быстрее ходите.

— Нет, Лев Николаевич, я пойду за вами.

Л. Н. приласкал Белку и Цыгана, которые побежали за ним, и пошел через сад, скотный двор и верхний сад к дому. На скотном дворе он подождал меня (вероятно, чтобы я не боялся собак) и сказал:

— Странно, что в коровнике свет; наверно, корова телится.

Около дома Л. Н. спросил меня, давно ли я не получал известий из дому, и был удивлен, что я уже месяц ничего не получаю.

— А вы часто пишете?

— Нет, редко.

Юлия Ивановна получила с Кавказа слатвин (целебную грязь). Зашел разговор о кавказских курортах.

Л. Н. сказал, что в его время это были просто источники — колодцы, с кружкой на цепочке; к ним вели дорожки. Теперь там, должно быть, великолепные курорты, ⟨всё⟩ изменилось!

— Ах, как там жилось! — сказал Л. Н.

Софья Андреевна спросила, красивее ли Кавказ, чем Крым?

Л. Н.: В молодые годы я жил там просто. Возле дома в тени стояли десять соломенных ульев. Там, сказала мне хозяйка, я могу пить чай.

Кто-то: А что, пчелы не кусались?

— Нет, южные пчелы не жалят, я там и сидел постоянно [8].

Из комнаты Веры Александровны послышалась игра на балалайках.

Л. Н. сказал игравшим:

— На прогулке меня все время преследуют ваши напевы, и я их насвистываю.

Мария Львовна: Меня тоже.

Сегодня Мария Львовна рассказывала мне, что говорила с отцом о смерти и вечной жизни. Она сказала, что ей нравится буддийское воззрение, что чем больше человек живет для бога в этой жизни, тем легче будет ему жить в последующих жизнях. Л. Н. на это сказал ей:

— Человек не должен соединять понятие о вечной жизни с понятием о своей личности. Вечная жизнь существует в нашем воображении; когда же нас не будет, она будет продолжать существовать. Вся жизнь человека в том, что он с самого рождения все больше и больше отказывается от животной жизни, в смерти же получает совершенное освобождение от нее. Будет ли потом буддийское переселение душ, этого знать нельзя.

После этого разговора Л. Н. сказал:

— Все это мне предстало яснее.

В «Русских ведомостях» № 62 статья о грузинах [9]. Они надеются, так же как и поляки, финны и армяне, что язык их будет признан равноправным, что не будут назначать к ним чужих чиновников и что Черноморское побережье будет предоставлено для их колонизации. В настоящее время беспорядки происходят вследствие того, что грузинам не дают землю (отдают ее русским колонистам) и держат поэтому жандармов (обходятся в два миллиона в год); кроме того, почти на всем южном Кавказе постоянное военное положение.

Л. Н.: Все это обходится государству дороже, чем если бы оно удовлетворило требования грузинских крестьян, а порядка все-таки нет. За эти деньги это было бы вполне возможно.

Лебрен пишет мне, что через год на Кавказе, наверное, будет восстание.

10 марта. Л. Н. ездил в Тулу. Туда и обратно верхом (узда была разорвана). В половине пятого Л. Н. вернулся. Погода чудная. Привез из Тулы почту: какой-то немецкий иллюстрированный журнал с фотографией военных барабанщиков.

— Люди сумасшедшие,— заметил Л. Н. по этому поводу. Потом опять заговорил о моравских братьях в Огайо (на которых я обратил его внимание в книге Кросби «Tolstoy and his Message»), о Хельчицком.

Л. Н. привез мне «Pokroková Revue»; потом спросил меня, что в нем есть интересного. Я ответил, что только статья Фр. Климы о школах национальных меньшинств [1].

За обедом Л. Н. сказал:

— Как нехорошо в Туле, как везде видно, что народ обманывают: солдаты, кабаки, церкви. Возил меня ⟨по Туле⟩ пироговский извозчик; рассказывал, что брата его на войну взяли, полк в Рязани стоит; у него трое детей, а у самого извозчика — шестеро. Дал он брату 50 рублей на дорогу. Отца хоронили — истратили 50 рублей; батюшка за помин и прочее 18 рублей взял. Водка. Как обманут народ!

Я сказал, что в «Круг чтения» очень мало попало из Кальвина и Лютера [2].

Когда в четверть одиннадцатого я пришел наверх, Л. Н. читал вслух из «Сети веры» Хельчицкого «О городах».

В зале сидели все домашние, а также Елизавета Валерьяновна с Юлией Ивановной и Мария Львовна с мужем. Л. Н. читал очень внятно, выразительно, медленно, сильным голосом. Когда Л. Н. читает, кажется, будто он говорит свое,— такая естественная у него интонация. Он читал довольно долго, иногда останавливаясь, чтобы выразить свое удивление и согласие; слушатели тоже хвалили. Чтение было прервано приездом гостей. Но Л. Н. все-таки успел спросить дочь и зятя, есть ли у них «Сеть веры». Они ответили, что есть гектографированный экземпляр и что они читали его.

— Удивительная книга! — сказал Л. Н.— Есть обо всем. 20 лет ее не читал. И теперь читаю с новым вкусом. Перевод хороший. У вас,— обратился к Оболенским,— она есть?

— Есть литографированная.

— Что такое «сброд»? «Сброд», наверное, сословие [3].

— Мне писал о ней Масарик [4]. До тех пор она была неизвестна (одни историки ее знали), и в свое время Хельчицкий имел мало влияния. Гус с ним не соглашался и полемизировал с ним теми же приемами, какими полемизировали с ним католики. Хельчицкий был образованный человек. Надо будет отмеченные места выписать. Попрошу Веру. Пишут, что вальденсы имели на него влияние [5]. Но я могу сказать, что Хельчицкий самостоятельный. Он просто христианские истины высказывал.

— Тебя раздражает? — спросила Мария Львовна, расхаживая по зале.

Л. Н. сидел за столом — Софья Андреевна и Елизавета Валерьяновна приготавливались к отъезду. Л. Н., прочтя Хельчицкого, как всегда после чтения вслух, был взволнован.

— Наташа меня лишила большей части Хрисанфа [6]. Я с моими 80-ю годами совсем не понимаю, зачем это они делают, зачем? Совсем бесполезное занятие,— с добродушной улыбкой сказал Л. Н.

Л. Н. вспомнил, что, проезжая сегодня в Туле через Кремль, увидел толпу: извозчик сказал ему, что это возле клеток с медведями и волками; Л. Н. сам, по близорукости, их не видел.

Мария Львовна пожалела медведей, которым приходится тоскливо сидеть в грязных, тесных клетках.

Л. Н. напомнил о том, как медведи мягко, легко и ловко ходят и бегают.

— И этот,— сказал Л. Н., указывая на медвежью шкуру-ковер,— так бегал.

Затем Л. Н. рассказал:

— Раз мы с Николаем охотились на медведя. Николай застрелил его, когда он полез через колоду. Он был такой же величины, как и этот, только не такой черный. Мы его отдали петербургским гвардейцам.

Гвардейцы были грубые, богачи, взяли его, а не должны были бы его брать: мы охотились на одного, а они на двух медведей, соединились вместе для охоты; Николай застрелил «их» медведя.

Николай Леонидович: Теперь здесь лоси *. Они очень сильные, ногами могут затоптать. Но они трогают только тогда, когда их подстрелят.

Л. Н.: Да.

Николай Леонидович: Они такие дикие, что их нельзя приручить.

Л. Н.: Можно. Как же приручили лошадей, оленей? Люди более чуждались в них, чем теперь, и были сильнее и терпеливее. Наверно, много людей погибло при этом.

Мария Львовна вспомнила диких лошадей в самарской степи и самую степь; ночи в степи в кибитке; как видны были звезды сквозь щель, оставленную от жары, чтобы не было душно; как пахла трава; ржание лошадей среди ночи. Она была там, когда ей было 22 года, с братом Львом [7].

Л. Н. вспомнил дикого жеребца — необычайно сильный, грудь узкая,— как прибегал на бугры и ржал.

Мария Львовна: А сколько сусликов было в степи!

Л. Н.: Их не схватишь, очень ловки.

Потом вспоминали тушканчиков.

Л. Н.: Их и борзой собаке не догнать и не поймать: так быстро они бегают и такие изворотливые; хвост у них лопаткой, с хохолком на конце.

Потом перешли на ласок.

Л. Н.: В конюшнях, чтобы в них не водились ласки, держат козлов. Ласки бегают по лошадиным хребтам, играют с их гривами, наутро у лошадей гривы спутаны, лошади в поту от страха и нервности. Народ же приписывает это домовым.

Л. Н. вспоминал:

— В Угрюмах было четыре лошади. Когда они линяли, надо было их мазать. При них ночевал мужик. Он рассказывал, как пришел домовой в конюшню: «Сначала ударил лошадь по хребту, а потом навалился на меня и начал меня давить и душить».

Я: Это описано в «Поликушке» [8]. Удивительно, что у нас это совсем так же рассказывают.

Л. Н.: Снится им, а рассказывают словами других — так, как слышали (берут рассказанное другими для своих рассказов). Разница между сном и действительностью та, что сон, если сейчас же его не вспомнишь — забудешь; а то, что случилось в действительности, можешь вспомнить и позже.

Елизавета Валерьяновна уехала в Москву. Л. Н. прощался с ней так сердечно, словно на целую вечность. С ней уехала Софья Андреевна.

Л. Н. говорил в дни накануне и после 9 января, что именно в такое тревожное время нужно сохранять спокойствие и не поддаваться озлоблению.

11 марта. Я попросил Л. Н. дать мне переписать отмеченные им места из Хельчицкого [1]. Л. Н. изъявил согласие и, отдавая мне Хельчицкого, передал также письмо Зигмунда Пиннера из Берлина, который просит его уже в третий раз написать предисловие к немецкому переводу Кросби. Л. Н. поручил мне ответить ему, что не напишет, некогда [2]. Пошел пешком прогуляться. За обедом Александра Львовна спросила Л. Н., что такое метеор? Л. Н. объяснил. Потом начал искать в энциклопедическом словаре, и сначала Александра Львовна, потом Николай Леонидович и, наконец, он сам прочли всю статью о метеорах, очень длинную (на 5—6

* Лоси водились вблизи Ясной Поляны, между железной дорогой и шоссе, к югу от большой дороги. Л. Н. ездил нарочно туда, чтобы их видеть, но не видел.

столбцах), очень ученую, с массой научных терминов, особенно химических [3]. Как Л. Н-ча такие вещи, как метеор, еще и теперь интересуют!

Л. Н. докончил «Домби и сын», сказал, что конец условен. Начал читать «Николая Никльби» [4].

Выйдя к чаю, он сел ко мне за маленький стол; расспрашивал меня о том, как были уничтожены чешские братья, почему их учение не распространилось и знаю ли я историю Чехии; почему книга Хельчицкого не имела влияния. Я отвечал то, что сам знал, и предложил запросить пражских друзей и выписать книгу Denis [5].

Л. Н.: Не стоит, я еще справлюсь в энциклопедическом словаре.

Сел пить чай. Вспомнил книгу Кросби «Message», места о моравских братьях и о вожде индейцев, который не признавал «просящему дайте», а потом все же и этому учил, и согласно этому поступал [6]. Но Л. Н. и Марии Львовне такое объяснение не понравилось: «Вопрос-то слишком важный», «Тут что-то не то». И Л. Н. попросил Марию Львовну перевести эти два места.

Потом опять перешел на Хельчицкого.

Л. Н.: Христианство отрицать нельзя, жить же согласно ему люди неспособны; остается замалчивать его; так делалось и делается.

Я: Все же Хельчицкий единственный в христианском мире, который так ясно понял и изложил всю суть христианского учения.

Л. Н.: Да. Хельчицкий постиг всю глубину христианского учения, изложил его ясно и указал причины, почему его испортили. Теперь начинают понимать, но ведь прошло 500 лет со времени Хельчицкого. Ballou, Garrison брали за основу одно лишь непротивление злу, у Хельчицкого же оно— между прочим; он отдает дань своему времени, признавая троицу и т. д., но это неважно. Он так ясно и полно, не обращаясь к авторитету бога, но основываясь на разуме, излагает практический способ жизни, как источник, дающий высшее благо в жизни. Выдержки из «Сети веры» нужно будет отпечатать отдельно. Их будет слишком много [7].

Сегодня вечером за чаем Мария Львовна, Вера Александровна, Юлия Ивановна, Николай Леонидович. Сравнивали Юлию Ивановну с собакой Белкой (Л. Н. сказал, что она на нее похожа), Александру Львовну — с теленком, Веру Александровну — с осой, Софью Андреевну — с курицей, Великанова — с ястребом...

12 марта. Во вчерашних «Русских ведомостях» сообщение, что Министерство внутренних дел постановило освободить сосланных и заключенных за веру (72 духоборца, униаты, католики и т. д., в общем около 500 человек), приостановить процессы за веру и не начинать новых [1]. Когда утром Л. Н. вышел и спросил, что нового, я рассказал ему это.

— Это хорошо,— сказал Л. Н.

Вечером за обедом он заговорил об этом; ради этой статьи Л. Н. впервые после семи месяцев опять читал «Русские ведомости». Прочитал эту статью и еще другую о себе — Молоствова (Морякова). Он был летом здесь. «Похвальная, неприятная»,— сказал Л. Н.

Я заметил, что теперь надо было бы освободить Малеванного из казанской психиатрической клиники.

Л. Н.: Да, Бонч-Бруевич утверждает, что он нормален.

Николай Леонидович: И Бирюков так о нем пишет [2].

Мария Львовна: В газетах заговорили о земельном вопросе. В «Русском листке» фельетон о крестьянских волнениях в Дмитриевском уезде Курской губернии [3].

Я упомянул, что в сегодняшних «Русских ведомостях» было сообщение о вооруженном сопротивлении прибалтийских (лифляндских) помещиков крестьянам [4].

— Что-то из этого выйдет? — сказал Л. Н.

Л. Н.: Саше и не нужна стенография. Она так быстро пишет на ремингтоне. Я ей с небольшим замедлением читал — продиктовал две страницы [5].

Вечером Л. Н. очень поздно и на короткое время пришел к чаю. Сказал:

— Это вот, что выпустят из тюрем, возвратят из ссылки и прекратят преследование за религиозные убеждения, очень хорошо. Припоминаются мне слова Герцена о том, что в 1825 году изъяли из обращения самых лучших русских людей и заключили их в крепости, тюрьмы или сослали [6]. Теперь возвратятся самые лучшие люди из народа. Только вряд ли выдержат государственные люди. Христианство несовместимо с государством. Тут трагизм...

Николай Леонидович: Да, у нас в России; но квакеры сжились с американским правительством. Они приспособились. Там формы государства мягче; не замечаешь, как им подчиняешься. Но у духоборов есть по общему соглашению свое правление.

Л. Н.: Да, но без насилия; в этом-то и дело. Во времена Хельчицкого... но теперь христианство проникает в народ. Портной из народа, который недавно тут был, не хочет платить податей [7], в солдаты не идут... Как отнесется к ним правительство?

Николай Леонидович рассказывал, что волнения в Севске Орловской губернии начались с разорения большого имения купца, где был ненавистный управляющий, который убежал. Там перебили даже лошадей, коляски облили керосином и сожгли:

— Нет у правительства людей, которые бы занялись решением земельного вопроса.

Л. Н.: Найдутся люди, которые этим займутся, хотя бы из тщеславия будут этим заниматься.

Как Л. Н. и его семья, Оболенские, сами помещики, хотят, чтобы крестьянам сделалась доступной земля. На свое собственное обеднение при этом они не смотрят. Трогательно слушать их, вникать в их мысли, соображения.

Когда я пришел к чаю, Мария Львовна рассказывала Юлии Ивановне и Николаю Леонидовичу о Бегичевке — о голоде; как Алехин и прочие рассуждали о том, можно ли деньгами помогать, и пришла целая толпа говорить об этом с Л. Н. Как трудно было варить обед на 20 человек! [8] Там не было ни Ильи Васильевича, ни.....* и при той утомленности такие напряженные разговоры!

13 марта. Вечером после обеда Л. Н. поздно вышел и очень быстро ушел опять в свой кабинет.

Я передал ему привет и благодарность за его последнюю статью от Степана Струменского, который сегодня ночью проедет через Засеку на Дальний Восток.

Л. Н.: Иван Иванович прислал «Предисловие» к «Кругу чтения»; нужно дополнить некоторые места и послать ему [1]; припомните мне вечером, чтобы ушло.

Я: Как мало, почти никаких, суждений реформаторов — Лютера, Меланхтона, Кальвина, Цвингли — попало в «Круг чтения» [2]. Это показывает, как мало могут они дать нашему времени.

— Это были люди половинчатые, то же самое, что либералы, совсем то же,— сказал Л. Н.— Из них нечего взять.— Через некоторое время: — А из Хельчицкого можно было бы поместить очень многое в «Круге чтения», если бы он у меня был раньше (книгу «Сеть веры» он получил лишь тогда, когда «Круг чтения» уже начал печататься) [3].

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

14 марта. Перед завтраком Л. Н. зашел в лечебницу, где заинтересовался женщиной, страдающей головокружением. Расспрашивал все подробности. За остывшим завтраком говорил о ней и вспоминал теорию равновесия — отолиты в лабиринте (знал о них от специалиста, который оперировал Татьяну Львовну [1]). После завтрака Л. Н. поехал на лошадях к Марии Александровне.

«The Globe» просит мнение Л. Н. о грозящей опасности от разводов [2].

Сегодня был у Л. Н. молодой священник из одного уезда Тульской губернии. Вечером Л. Н. сказал о нем:

— Нерелигиозный, хочет сбросить свой сан. Но раньше желает найти себе место.

15 марта. Под вечер пришли к Л. Н. трое рабочих. Они рассказывали, что подрядчик задержал им заработную плату (75 р.) и паспорта; они не могли пойти на другую работу и должны были платить за харчи.

— Что тут конституция? — сказал Л. Н.— Тут конституция ничего не поделает, потому что везде могут быть такие безнравственные люди.

Юлия Ивановна спросила, что обозначает словацкое название воздушного пирога — lačná pýcha?

Л. Н. так пытался угадать: «Лачна»—алчущий, «pýcha» — пихать.*

— Словацкие слова можно понять,— сказал Л. Н.,— только не знаешь, правильно ли понял, не имеют ли они другого значения. Русский язык богат, но в последнее время портится. Газеты и фабричные, научившиеся в городе новым словам, портят его. Бабы еще говорят чисто.

Я спросил, что значит «голо̀мя» (в Пирогове слышал в значении «давно»)? [1]

Л. Н.: Недавно я слышал от мужика, что он отделил своих сыновей: «Все трое на своих столах». Стол — престол, князья — «на столе» (владычествуют).

Приблизительно около 10 марта Звегинцева говорила, что нужно было бы перестрелять и перевешать как можно больше крестьян. На возражения отвечала: «Что же жалеть о 2 000, когда этим можно предотвратить 100 000 смертей? Л. Н. сказал на это:

— Какой-то социалист советовал основать всемирную республику — жертв всего лишь 2 000 000. На возражение, что это слишком много, он ответил: «Но ведь из этого числа нужно вычесть 200 000, которые приходятся на китайцев и японцев, которых ведь нельзя считать за людей» [2].

E. John Solano хотел приехать к Л. Н. спросить, как ему поступить: на его земле в Индии живет 100 000 человек — его рабов [3].

Вечером после чая Мария Львовна, Юлия Ивановна и я. Мне очень хотелось спать. Л. Н. принес мне три письма: немецкое, польское и русское; следовало бы ответить на многие письма [4]. Я в последнее время совсем перестал это делать (ему это неприятно).

Л. Н.: Я не могу быть спокоен, когда в комнате один — грустно, плохо чувствую себя — вот прежняя жизнь (буддийское понятие прежних жизней). Помню, Сергей звал меня в Пирогово. Я не хотел ехать. Силой взял меня. За Двориками я вышел из повозки, сказав, что не поеду. Он уехал без всяких угрызений совести, что мне придется теперь зря идти десять верст пешком. А мне, когда он уехал, было невыразимо грустно (сердце разрывалось). А если бы я ему припомнил — ой, как он вскрикнул бы.

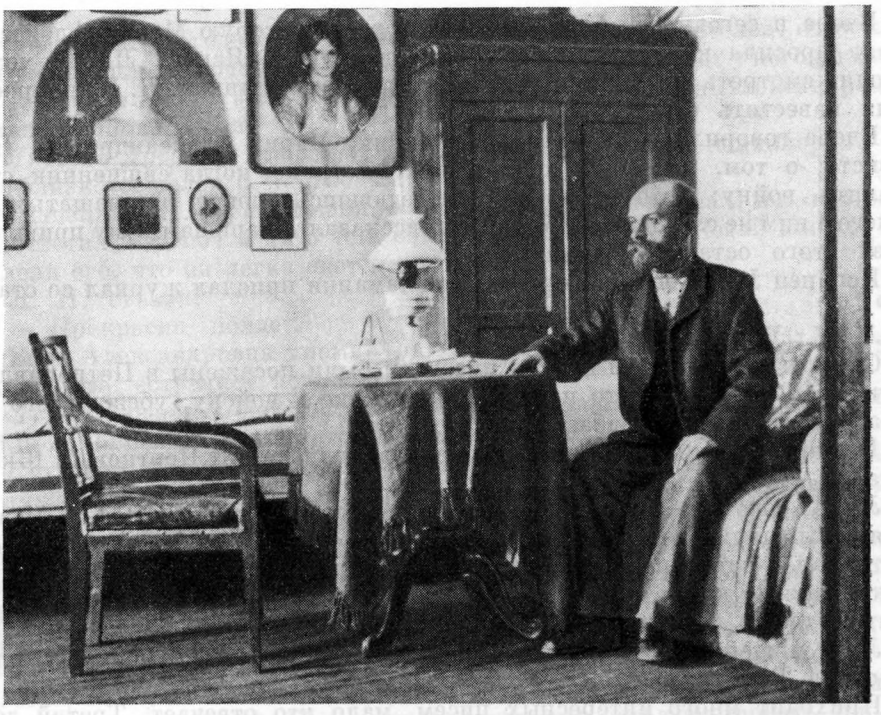
Я спросил Юлию Ивановну, ответил ли Л. Н-ч Трегубову.

— Нет, велел отложить [5].

Л. Н. (*ко мне*): Шмиту не писали? Ему я напишу. Вы ведь тоже? Как он (с высокой точки зрения) смотрит на то, что происходит в России и Япо-

---

* «алчущая гордость»: lačný — голодный; pýcha — гордость (*словацк.*).



МАКОВИЦКИЙ В НИЖНЕЙ БИБЛИОТЕКЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДОМА
Любительская фотография, 1905

нии! [6] У нас еще не время писать об этом. В самом процессе войны мало кто — избранные — способны видеть, что мы пробуждаемся к духовной жизни, что русские не хотят и не должны воевать и этим стоят выше японцев. Японцам трудно будет.

Я: Вы сказали о французах, что им поражение было выгодно.

Л. Н.: Я не читаю газет, но знаю, что Германия, Англия, Франция чувствуют беспокойство перед Японией (становятся ее врагами, так как чувствуют в ней опасность для себя).

Я: Да, сегодня в газетах сообщается, что американцы или будут воевать с японцами из-за Филиппин (они в них нуждаются), или же продадут их японцам за деньги, которые те получат с русских.

Юлия Ивановна: Японцы хотят обеспечить себе путь к будущему. Контрибуция, говорят, им не так важна.

Л. Н.: Подумать, ведь японцы на нашей памяти появились. (Рассказал, как в 1868 г. микадо отнял политическую власть у сиогунов — начальников военных сил страны, которые ее себе постепенно присвоили.) Так неожиданно явятся и другие расы, Африка! Тут был один полуголландец с Явы [7]. На Яве и других островах 36 миллионов жителей, как в Японии.

Л. Н.: Я читал о Елизавете Петровне. У этой блудницы были десятки любовников, она была тайно обвенчана с пастухом-хохлом Разумовским, которого русская партия назначила ей в мужья. Ей уступила его Нарышкина. Его брат Кирилл был отправлен учиться за границу; в 18 лет он был назначен президентом Академии наук. У этого Разумовского было 44 000 крепостных [8].

Л. Н. говорил о Диккенсе, рассказывал Марии Львовне целые эпизоды ясно, подробно.

Вчера и сегодня Л. Н. говорил о корове, которую Мария Александровна просила купить для нее у крестьянина в Ясной. Л. Н. ходил сегодня смотреть ее. Хозяин этой коровы болен водянкой. Л. Н. попросил меня навестить его.

Вчера говорили о 14-летнем племяннике Марии Александровны, гимназисте; о том, как он запротестовал на уроке, когда священник стал хвалить войну; потом он, не исповедавшись, пошел причащаться, и ничего с ним не случилось; об этом он рассказал товарищам. Ему пришлось из-за этого оставить гимназию.

Испанец José Roca de Togores из Саламанки прислал журнал со статьей [9].

Л. Н.: Кто же будет читать? *

Слух, что Горький и другие писатели были посажены в Петропавловскую крепость за то, что написали воззвание к войску, убеждая его отказаться стрелять в забастовщиков.

16 марта. Был Дубов (из Сочи, Кавказ), приехал от Черткова и Шкарвана.

Л. Н. уже 10—14 дней жалуется на печень, мало работает. Между десятью и двумя выходит из кабинета. Вчера в три четверти первого завтракал с нами; позавчера я зашел к нему около двенадцати, он прохаживался по комнате. Сегодня без четверти час вышел к Дубову и, вероятно, около десяти минут говорил с ним.

Л. Н. начертил Дубову, уходящему к Иосифу Константиновичу, план дороги в Таптыково.

Приходит много интересных писем, мало кто отвечает. Третий день лежит больной Николай Леонидович.

«La Semaine Littéraire» (Genève) просит для анкеты мнение Л. Н. об отказе от воинской повинности по велению совести [1].

Вашингтонский пресвитерианский пастор спрашивает мнение Л. Н. о причинах ослабления сознания греха [2].

Парижский католический священник-социалист — о возможности примирения христианского учения о непротивлении злу с признанием насилия и борьбы за права человека, провозглашенные социализмом [3]. Одна дама из Калифорнии, член «Sunshine», «общества угнетенных», описывает цель их общества: быть добрым к людям, в особенности к слепым, калекам, узникам, одиноким, старикам, навещать их, писать им, посылать им пожертвования.

За завтраком Л. Н. обратился к Дубову (который приехал от Черткова с целью распространять книги Толстого в России):

— Когда запретили «В чем моя вера?», Готье сказал мне, что это временно, что через 10—20 лет ее свободно будут читать [4]. Это время наступает.

Дубов: Теперь, если на границе находят у человека революционную литературу, ее лишь отбирают, но его не арестовывают. У меня только один экземпляр «Христианского учения» [5]. Надо будет мне еще прислать. Ведь можно посылать большему числу библиотек.

Л. Н. мягкий, добрый. Для тех из приходящих к нему людей, которые понимают его и живут для того же, что и он, он безгранично доступен: посвящает им много времени, в ущерб своим занятиям, как, например, сегодня Дубову, недавно Новикову, Листовскому и Корзикову. Никому

---

* Ему (Л. Н.) хотелось, чтобы кто-нибудь прочел эту статью и познакомил его с ее содержанием. Статья эта так и осталась непрочитанной, желание Л. Н. не было исполнено, как это было и во многих других случаях вследствие недостатка досуга и внимательного отношения к его желаниям со стороны тех людей, которые были около него.

не отказывает. Сегодня было около десяти крестьян-просителей: один просил — на уплату податей (8 р.), единственную корову хотят у него продать.

За обедом Мария Львовна, Александра Львовна, Вера Александровна, Юлия Ивановна и я.

Л. Н. (*о Дубове — его зовут иначе* *): Он был революционером, потом близко сошелся с Чертковым; он очень скромный.

Сначала Л. Н. спросил меня, о чем я с ним разговаривал, и я, как всегда, ответил, что почти ни о чем: слишком мало времени были вместе. Все жалели его, что он легко одет и плохо обут, без калош.

Л. Н. сказал:

— Прекрасно пойдет.

Вера Александровна упомянула, что он собирается идти в Петербург, и спросила, есть ли у него деньги?

Л. Н.: Наверное, есть; он так одевается (донашивает одежду, пока можно) принципиально, а не потому, что у него нет денег.

Сутковой (Дубов) не хотел, чтобы Иосиф Константинович отвез его в Тулу, а пошел пешком в 4.30 утра, весь промокший еще со вчерашнего дня.

Л. Н.: Бедный Орлов, читали вы его письма? Картиной своей ** недоволен, сознает, что она нехороша. Хочет переделать ее. Ее сняли с выставки через несколько дней; он хочет ее подарить «Кружку любителей» (семья пожертвовавшего картину получает после его смерти поддержку от этого кружка). В Америке картина не продана [6]. Жалею, что не написал Кросби. Тот, кто туда повез выставку, обанкротился. Несчастье, как у Ге *** [7]. Он, наверное, совсем в долгах, ищет занятий (не художественных) ****. Сытин предложил ему иллюстрировать библейскую историю, он тяготится этим (ему скучны Адамы и Евы), а это ведь лучше, чем в церквах писать; это легенды, басни, туда он может внести свое понимание. Юлия Ивановна, напишите ему, что я хочу ему ответить,— но не знаю, сделаю ли,— что ничего дурного нет в этой работе [8].

Я спросил:

— У Чертковых говорили, что вы изменили свой взгляд на «Распятие». Правда ли это?

Л. Н.: Да, но только по непосредственному чувству. Не хочется смотреть на него, но мысль художника одобряю [9].

Я: Мне больше всего нравится «Христос в Гефсиманском саду» [10]. Каждый человек пережил подобное состояние: словно сердце у него охвачено смертельной печалью.

Л. Н.: Мне — «Выход после вечери» [11]. По Эмерсону, Иисус здесь был одинок (далек от бога) и хотел молитвой установить единение. Такое одиночество чувствуют только те, кто бывали близки к богу. Но за отчаянием следует умиление. Об этом я не думал, а надо подумать и изложить.

— Присланы мне вырезки,— сказал Л. Н.— Посмотрел две итальянских, увидал — «мистицизм». Почему у меня видят мистицизм? Для них религиозность (христианство) — мистицизм... Какое это заблуждение науки, совсем как у церкви. Когда я буду большим,— с улыбкой продолжал Л. Н.,— напишу основательнее, шире, подробнее о науке. Es wird damit Unfug getrieben *****. Какие запутавшиеся люди — например, вчерашний священник. Он моих сочинений не читал, только в «Миссионер-

---

* Сутковой.— *Ред.*

** «Порка».

*** Н. Н. Ге отправлял за границу показывать свою картину «Что есть истина?»

**** Н. В. Орлов хотел тогда поступить на железную дорогу. Говорим о месте в 800 р., которое искали или нашли ему друзья, но почему-то дело расстроилось. Это тот русский художник, которого Л. Н. ценил выше всех других.

***** Этим злоупотребляют (*нем.*).

ском обозрении» («К духовенству») [12]. Но спросил он, о чем я писал? Нет. Он запутался в науке: дарвинизм, технические вопросы, у него голова забита этим.

— Помнишь, Вера,— сказал Л. Н.,— как я тебя уронил; танцевал с тобой здесь, в зале, на паркете.

Вера Александровна: Не помню.

— Мне тогда было очень неприятно.

Л. Н-чу помогают в работе не по обязанности, не за плату, не по принуждению, но по доброй воле; таким образом работа получается лучше, добросовестнее, и нет положения хозяина и служащих.

17 марта. У Толстых все читают каждый день Евангелие: прислуга, нянюшка, Александра Львовна в школе.

Сегодня пришла пешком из Тулы немка-гувернантка, хотела видеть Л. Н.!

Софья Андреевна вернулась из Москвы: никто ничего не знает, ни что будет с войною, ни что делается в политике в Петербурге. Всюду плохое настроение, беспокойство. Сегодня в газетах: в Варшаве брошена бомба в казарму городовых, в Ливадии разорили дом Удельного ведомства, а в Ялте — полицейское управление, выпустили арестантов; Московско-Курская железная дорога собирается забастовать.

Все высшие учебные заведения закрыты [1], ни из одного не выйдут с экзаменами! Может быть, еще только из Московской консерватории. Фельдшерицы плачут. Многие добиваются возможности закончить учение, последние гроши истратили.

Л. Н. кислый вот уже дней 12 настолько, что Софья Андреевна даже стала жаловаться:

— Скучно здесь, все молчаливые.

Л. Н.: Давайте поспорим с Душаном Петровичем, будет живее.

А несколько дней тому назад пошутил:

— Что с тобой, Маша, Душан Петрович тебя обидел?

Л. Н. несколько раз навестил Николая Леонидовича; ему уже лучше.

Мария Львовна сказала Л. Н., что Александра Львовна грустна, что ее мучают Телятинки * и пр.; что она (Мария Львовна) этому просто рада бывает, когда после постоянной веселости вдруг становится грустно. Л. Н. подтвердил, что и он всегда рад бывает у себя такому настроению.

18 марта. Софья Андреевна написала полное чувства открытое письмо против войны, сначала против взглядов сына Льва Львовича (но от этого ее отговорили дочери), а потом против войны вообще [1].

Дней шесть тому назад, вечером, Л. Н. взял в руки листки, изданные Комиссией по распространению гигиенических знаний в народе (о чесотке, о скарлатине). Не понравились ему — многословное теоретизирование.

— Мог бы прямо написать: «Ходи к доктору». Надо написать совет, как лечиться, и сказать: «Когда так будешь делать, не делай уже ничего другого».

Три дня тому назад Л. Н., говорят, сказал Марии Львовне, что все его сыновья пишут против его взглядов, только один Илья, слава богу, этого не делает. Но когда Николай Леонидович хотел ответить на ложное истолкование его взгляда (по поводу телеграммы в американскую газету), Л. Н. попросил его оставить это: по-видимому, потому, что не любит, когда кто-либо из его семьи пишет за или против него.

Л. Н. зашел ко мне:

— Что, Душан Петрович, как поживаете? Мне хотелось бы знать про ваше душевное состояние. Никогда не знаешь, когда вам грустно, когда скучно.

---

* Телятинки — недавно купленное Александрой Львовной имение.

Сегодня Л. Н. повеселел. В 8 часов пришел к Оболенским «под своды», рассказывал много из истории, больше всего об Иване IV и о Елизавете Петровне. Просил принести о них (19 и 20 том «Истории» Сергея Соловьева) [2]. При Елизавете Петровне, во время войны с Фридрихом II, в одном только сражении было потеряно 25 000 солдат. В России тогда было 20 000 000 жителей. Елизавета Петровна вставала в 4 часа дня, а ложилась в 7 часов утра.

— Сколько вам лет? — спросил Л. Н. сначала Марию Львовну, потом меня.— Как вы сравнительно молоды. Вы еще не замечаете быстрого движения времени. Жизнь уходит, как падающая тяжесть: чем ниже падает, тем быстрее. Уже ровесники померли, сам становишься слабее, а хорошо, что она не стоит. Так человек видит, что не нужно строить личных планов. Мечников говорит, что старость происходит от артериосклероза. Артериосклероз — это один из симптомов старости, но старость от того, что жизнь исчезает.

— Пойду читать Валишевского,— сказал Л. Н., уходя к себе.— У него искусственный французский язык.

Л. Н. рассказывал о крепостном праве:

— Тягло с дома: мужик с лошадью, жена — работница. Некоторые ⟨помещики⟩ забирали и очень молодых, и стариков. Девок ⟨я⟩ покупал; кажется, не продавал никогда, но купил, когда брал Ясную Поляну от Багурина. Дал 30 рублей отступного помещику Багурину.

Прислали мексиканскую газету «El Mundo». В ней статья о Толстом, что он мистик [3].

Л. Н.: Для них религия является мистицизмом; то же самое говорил тульский священник, который тут был на днях.

19 марта. Ждали пришедшие просить «на погорелое место». До обеда в амбулатории никого не было.

Вчера Л. Н. сказал мне, что ему хотелось бы знать, о чем я думаю. Во-первых, отказаться от квартиры или нет,— это беспокоит меня; во-вторых, я решил не читать газет и не читаю; в-третьих, вчера вечером начал читать «Что же делать?» [1] и решил продолжать читать произведения Толстого; в-четвертых, сегодня утром я попробовал ответить Бодуэну де Куртенэ на развиваемую им мысль, что «Толстой играет на руку реакционерам», и мне удалось довольно хорошо изложить объяснения [2]. Все это меня ободрило. Утром в амбулатории я начал записывать вопросы к Л. Н.

После обеда я был в усадьбе Звегинцевой у садовницы. Таял снег, дорога была ужасная. Вечером гостья — бывшая певица [3]. Она живо рассказывала Л. Н. о гулльском инциденте, обсуждающемся в Париже, о Сиветоне, об отвратительных жестокостях французов в Конго, о способах сохранения красоты лица, о m-me Viardot.

Кладо убежден, что на Доггер-банке были японские торпиллеры *. Русская дипломатия замолчала это, т. к. из-за этого могла бы произойти война. Л. Н. согласился с тем, что из-за этого могла бы начаться война.

Нелидов говорил хорошо по-французски, медленно излагал и производил эффект на прессу. Англичанин — сжато и неправильно по-французски; может быть, на англичан и немцев и произвел бы впечатление, на французов же нет.

— Это ужасное практическое подтверждение низости уровня цивилизации,— сказал Л. Н. — Хотя я теоретически знал, что цивилизация — самое ужасное, что австралийский дикарь стоит нравственно выше бульварного парижанина, но это меня поражает.

Певица рассказывала еще про комиссию, которая изучает вопрос о парижском Русском университете.

---

* миноноски (от франц. torpilleur).

Л. Н.: Русский университет в Париже совершенно ни к чему; теперь доступны книги по разным отраслям, можно дома читать (не надо в Париж ездить лекции слушать) [4].

Зашла речь об отношениях Тургенева к m-me Viardot. Софья Андреевна убеждена, что они были чистыми. Певица же говорила, что не знает, были ли они таковыми или нет; говорила, что m-me Viardot, у которой действие непосредственно следовало за каждой задуманной мыслью, подчинила себе слабовольного Тургенева; рассказала два характерных эпизода. Л. Н. рассказал третий: в Баден-Бадене m-me Viardot играла перед будущим императором Вильгельмом I, а пятидесятилетний Тургенев играл перед ним роль не то слуги, не то шута [5]. Толстому тяжело было это вспоминать. Он рассказывал так, как будто бы сам присутствовал при этом, словно сам это пережил, а не слышал от других.

Л. Н.: M-me Viardot теперь 94 ⟨!⟩ года; ее брат Гарсиа, изобретший ларингоскоп, тоже жив, ему 100 лет [6].

Софья Андреевна: Вот и ты можешь прожить 100 лет.

Л. Н. прочел нам стихи, присланные ему 15-летней девушкой.

— Что ей ответить? — сказал он.— «Талантливо, но бросьте, ничего путного из этого не выйдет».

Певица рассказывала о Бальмонте, как он по-напускному, по-декадентски разговаривает в обществе.

Софья Андреевна (*о нем*): Он неумен.

Л. Н.: Бальмонт глуп [7].

20 марта. Утром приехали Сухотины.

М. С. Сухотин (*за завтраком*): Я должен сказать, что порадовался убийству Плеве.

Л. Н. (*со стоном страдания*): Нет, нет, нет! За все это время было одно радостное для меня событие — гурийцы.— И он начал подробно о них рассказывать.

Михаил Сергеевич передавал слова Анатоля Франса: «Великий князь нашел способ для прекращения беспорядков: повесить нескольких рабочих на глазах у их товарищей. А я придумал еще лучший способ: повесить великого князя перед его братьями».

Л. Н. очень остерегается внушать свои взгляды или влиять посредством своего авторитета; он старается лишь убеждать, старается, чтобы в каждом, кто одинаково с ним мыслит, вера исходила бы из его собственного убеждения, чувствования, понимания и размышления.

В письмах, полученных за последнее время, у Л. Н. просят статьи в разные журналы и газеты [1]. Общество вегетарианцев (абстинентов) — несколько подбадривающих строк для прочтения на банкете [2]; молодые люди просят совета — идти ли им призываться [3], жениться ли; спрашивают мнение о сжигании трупов.

«The Hindoos are more serenely and thoughtfully religious than the Hebrews. They have perhaps a purer, more independent and impersonal knowledge of God. Their religious books describe the first inquisitive and contemplative access to God; the Hebrew Bible a conscientious return, a *grosser* and more personal repentance. Repentance is not a free and fair highway to God. A wise man will dispense with repentance. It is shocking and passionate. God prefers that You approach him thoughtful, not penitent, though You are the chief of sinners. It is only by forgetting yourself that You draw near to Him.

The calmness and gentleness with which the Hindoo philosophers approach and discourse on forbidden themes is admirable.

...The Vedant teaches how, «by forsaking religious rites» the votary may «obtain purification of mind».

...The Vedas contain a sensible account of God.

The religious and philosophy of the Hebrews are those of a wilder and ruder tribe, wanting the civility and intellectual refinement and subtlety of the Hindoos» *[4].

Когда я дал это прочесть Л. Н., он прочел все очень медленно и внимательно, некоторые же строки, особенно понравившиеся ему,— вслух.

— Очень хорошо, — похвалил он.— Я журнала (дневника) Торо не читал, надо бы выписать его.

— Каким же образом? — спросил я.

— Через Ивана Ивановича.

— Вы того же мнения, что Торо? — спросил я.

— Да. Только мы знаем еврейскую Библию всю, а он из Веданты выбирает самое возвышенное. Если взять все, тогда окажется, что там оно так же перемешано с суеверием, как у евреев. Учение же пророков очень высокое.

21 марта. Сухотин говорил сегодня:

— Раньше мы смотрели со злорадством на англичан, что их высмеивают из-за бурской войны; теперь та же участь постигает нас за границей.

Вот двоякого рода отношение к земельной собственности: когда у Львова рубили лес (стоимостью в 200 000) во Льгове Курской губернии, он сам упрашивал присутствовавшего с войском губернатора не стрелять и вообще не употреблять насилия. Курляндские же бароны сами вооружились и вместе с лесничими пошли против крестьян и сами стреляли в них.

Дитерихс рассказывал, как в Епифанском уезде (Тульской губернии) произведен разгром имения Игнатьева. Игнатьев обещал продать мужикам землю по 125 р. с десятины, потом приехал какой-то кулак, и Игнатьев продал ему по 150 р. с тем, что земля, бывшая до сих пор в аренде у крестьян, останется до срока у них в аренде; покупатель же начал строиться на этой земле. Из-за этого и произошел разгром.

Был разговор о том, что крестьяне перестали покупать землю, не платят аренду, ждут того, что земля отойдет к ним. Дитерихс тут же рассказал, как ведется пропаганда среди крестьян: с одной стороны — революционеры, с другой — попы с амвона.

Л. Н.: У народа свой разум. У них свои заботы: скот надо кормить, сбрую чинить, кто-нибудь болеет в семье,— как это метко выразил Глеб Успенский в своем рассказе «Власть земли».

Я: Христианин не может оставаться на одной ступени, а должен все время делать усилие, становиться чище и самоотверженнее, в этом христианство, и в этом и жизнь. Стало быть, христианство и настоящая жизнь — одно и то же?

---

* Индусы веруют гораздо более ясно и глубокомысленно, чем евреи. Познание бога у них, вероятно, гораздо чище, независимей и безличней. Их религиозные книги описывают пытливое и созерцательное обращение к богу; еврейская Библия — это добросовестное возвращение, *более грубое* и более личное покаяние. Покаяние вовсе не есть свободный и благой путь непосредственного обращения к богу. Мудрый человек обойдется без покаяния. Оно преисполнено волнения и страсти. Бог предпочитает, чтобы вы приближались к нему вдумчиво, не каясь, хотя бы вы были самым главным грешником. Только совершенно забыв о себе, вы становитесь ближе к нему. Спокойствие и мягкость, с какою индусские мыслители подходят к запретным темам и обсуждают их, восхитительны.

... Веды учат, как, «отказываясь от религиозных ритуалов», приверженцы могут «достичь очищения разума».

... Веды содержат в себе здравомыслящее суждение о боге.

Религия и философия евреев — религия более дикого и грубого племени,— им не хватает вежливости, и умственной изысканности, и тонкости индусов» (*англ.*).

Л. Н.: Да.

Я: Но я этого не в состоянии понять.

Л. Н.: Вы хорошо понимаете. Это как плавающему, чтобы удержаться на воде, надо делать движение (усилие). Вот Страхов об этом пишет, что нельзя легкомысленно относиться к страданиям: «Мы со всех сторон обставлены ими для нашего же блага. Захотел спуститься ниже достигнутого нравственного уровня — страдания. Захотел подняться выше этого уровня — страдания (например, гонения). Захотел стоять неподвижно на одном месте — страдания от укоров совести. И вот, когда эти укоры становятся более невыносимыми, чем само страдание, тогда человек подвигается вперед, совершенствуется нравственно» [1].

Л. Н.: Что, Душан Петрович, о чем думаете?

— У меня вопрос к вам.

— Расскажите потихоньку.

— Не могу при других.

Он позвал меня к себе, и я сказал ему, что Бодуэн де Куртенэ упрекает его за то, что он играет на руку реакционерам, и что я хочу ответить ему, сравнивая правительство с монополией — церковью.

— Хорошее сравнение! Меня не смущает,— продолжал Л. Н.,— что меня распекают. Мой порок, с которым борюсь,— это остаток во мне самомнения. Нападения же на меня с разных сторон, что я иду с реакционерами, заставляют меня не забывать, что важен только бог, а не мнения людей. Мои взгляды таковы, что и либералы, и консерваторы, и социалисты могут находить в них, что я говорю в их пользу. Я убедился, что только во взглядах тупых и ограниченных людей может не быть противоречий.

Еще сказал Л. Н. в продолжение этого:

— Славянофилы правы, но не они это выдумали, а взяли из сознания народа, который в старосты, старшины выбирает самых дурных людей, ставя свои отношения к семье, к соседям гораздо выше занимания должностей. Это уже у Сократа есть: хочешь править народом? А сам собой править умеешь? Меня упрекают в сочувствии к самодержавию. А мне оно отвратительно.

— Как я рад вас видеть,— сказал он в заключение,— вы все молчите, а у вас идет, как вижу, работа очень сильная. Это хорошо. Как я рад этому!

Л. Н-ча после Севастопольской войны приглашали в Китай обучать войска *.

Вчера вечером уехала певица Муромцева. Сегодня мне нездоровилось и не пошел в лечебницу. Вечером привезли почту из Тулы. Открывая письма, Л. Н. сказал Сухотину:

— Могу сказать, мало приятного, скорее неприятное.

Вчера Л. Н. не выходил из комнаты, сегодня же ходил гулять далеко, хотя трудно ему было ходить. Дней 12 уже страдает желудком, печенью.

Михаил Сергеевич принес толстую книгу о спиритизме. Л. Н. сказал про спиритизм, что путает людей, как вивисекция, которая, в конце концов, ничего не дала.

Мария Львовна: Почему же это?

Л. Н.: Ненормальность положения этих животных (при опытах).

Перед обедом Л. Н. осматривал лошадь, которую Александра Львовна хотела купить; лошадь стояла, заложенная в розвальни. Л. Н. осмотрел ее со всех сторон, потом взял вожжи в руки, стал на колени в розвальни на солому, мужик тоже, тесно возле него, и тронул лошадь. Вернувшись, сказал Александре Львовне:

---

* Это, насколько помню, сам Л. Н. говорил.

ТОЛСТОЙ, М. А. ШМИДТ и А. Н. ДУНАЕВ
Ясная Поляна, 28 марта 1905 г.
Фотография М. Л. Оболенской

— Сильная рабочая лошадь, но рыси у нее нет, все подпрыгивает.

Четыре дня тому назад покупал на деревне корову для Марии Александровны, шла тогда речь про животных. Л. Н. сказал тут, между прочим:

— Старея, люди становятся добрее к животным. И то, что они испытывают, внушением передают молодым.

Вспомнил, не знаю, по какому поводу, Трегубова, бывшего надзирателем духовного училища, который в 1888 г. по случаю празднества крещения Руси думал отнять у процессии мощи, которые будут носить во время крестного хода, и бросить их в Днепр, закричав при этом: «Выдыбай, Перуне, выдыбай!». При этом должен был бы быть и Л. Н., сидящий на коне. Трегубов наивно думал этим уничтожить суеверие.

После обеда Л. Н. играл в шахматы. Михаил Сергеевич передал содержание карикатуры в «Simplicissimus». Избитый еврей в австрийском парламенте, где всё вверх ногами: «К чему русским конституция?» (т. е. вот для чего) [2].

Л. Н.: У нас будет хуже.

Татьяна Львовна сказала, что вот в других странах Европы много было сделано добра; какие там были люди в 40-х годах!

Николай Леонидович: Это не потому, что там конституция. Больше всех дали человечеству те, кто умер за истину, но тогда не было конституции. Генри Джордж говорит, что в странах, где самая широкая и демократическая конституция, коррупция такая ужасная, какой не бывает при олигархии.

Татьяна Львовна: У меня знакомый англичанин, хорошо знающий Португалию. Там очень свободная конституция и ужасная коррупция.

Л. Н.: Как же! Там министр сделал предложение о национализации земли.

Михаил Сергеевич: В Дании ввели телесные наказания.

Михаил Сергеевич принес «Компас», журнал молодежи.

За чаем Л. Н. прочел вслух из «Русской мысли» первое сочинение Чехова — пародию на В. Гюго [3], но прочел всего одну страницу.

Л. Н.: Подражание нехорошо, портит самостоятельную мысль. Паскаль говорит, что есть три разряда людей (по-моему, четыре): 1) которые имеют мысли, 2) которые не имеют своих мыслей, но умеют выбирать хорошие мысли и подражать им в жизни, 3) которые не имеют хороших мыслей, но думают, что имеют, 4) которые не умеют выбирать хороших мыслей. Первые два разряда хорошие, третий — самый худший [4].

Михаил Сергеевич рассказывал очень интересно про политических, бежавших из иркутской тюрьмы через подкоп. Бежало девять, трое были пойманы.

Л. Н. рассказывал из истории Петра, Елизаветы Петровны, Екатерины II, потом перешел на «The New Book of Kings» и сказал:

— Карл II, Генрих VIII [5]. Какие это были негодяи, негодяи из всех негодяев, Кромвель же — властолюбивый, лицемерный, жестокий. Карл — слабый, как наш Николай, который без всяких убеждений, при этом лицемерный, лживый.

Александра Львовна и Вера Александровна играли на балалайках. Л. Н. просил их продолжать и открыть дверь в той комнате, где они играли, но они перестали.

В пять часов должен приехать Гольденвейзер со скрипачом [6]. Л. Н. любит слушать, когда он играет сонаты со скрипачом.

Видя, что я читаю рукопись «Усмирение уральцев», Л. Н. сказал:

— Ах, это страшное дело! Я был в то время в Самаре, говорил с Крыжановским [7], который наказывал их; он говорил, что нельзя было поступить иначе *.

Какие интересные документы у Л. Н.! Этот составлен был для него одним офицером.

22 марта. Вчера ночью выпало много снега, а утром — оттепель. В лечебнице всего 9—12 человек. Переписал я Хельчицкого.

После обеда Л. Н. повел Марию Львовну и меня помочь ему привести в порядок книги, бумаги в его кабинете. Мы отобрали книги (приблизительно 150), по которым Л. Н. составлял «Круг чтения», связали их вместе и сложили в ящик под письменным столом. Издания Черткова — отдельно.

Вырезки из газет, интересные письма, статьи, рукописи, чужие книги — некоторые из них Л. Н. отдал Марии Львовне — тоже были приведены в порядок и отложены. Когда мы кончили, Л. Н. с облегчением сказал:

— Теперь можно уже и умереть.

Я отнес книги в библиотеку, чтобы завтра уложить их по порядку. Спустилась и Софья Андреевна и стала вписывать их в каталог, укладывать на полки, удивительно энергично и ловко. Из 36 томов Лескова не хватало одного тома, пошла искать его по всем комнатам и — нашла!

---

* В 1876 г. уральские казаки-старообрядцы отказались служить солдатами. Их насильственно тащили из домов, привязывали к верблюдам и гнали в Закаспийский край. За ними следовали в 1000 повозках их семьи. В 1883 г. Александр III обещал помиловать тех, кто будет просить об этом, но никто не просил. Сказали: «Силой вы нас погнали сюда, силой и везите обратно». Вот пример пассивного сопротивления. Женщины тоже выказали большую стойкость, не назвали имен мужей, не признались, кто их родные, так что начальство рассылало наугад: мужа в Актюбинск, а семейство в Самарканд или наоборот.

В 10.30 привезли почту из Тулы. Л. Н. пересматривал письма: два из них были с надписями: «Толстову».

— Как только «Толстову», с удовольствием смотрю,— сказал Л. Н.— Красивым почерком и на хорошей бумаге — неинтересное; скверный почерк, скверная бумага — от мужика и, наверно, интересно.

23 марта. За завтраком Александра Львовна и Вера Александровна поссорились, говорили друг другу резкие слова, ни одна, ни другая не хотели перестать, так что вмешалась Софья Андреевна.

Л. Н. сказал Александре Львовне: «Нехорошо»,— и перевел разговор на другое.

Приведу содержание некоторых интересных писем, полученных Л. Н. за последнее время.

James Young (Миннеаполис, штат Миннесота) просит надписать английское и русское издания сочинений Толстого и, если Толстой согласен, вышлет человека с книгами в Ясную [1]. Издательство в Барселоне сообщает, что готовится издавать собрание сочинений Л. Н. на испанском языке по парижскому édition Stock [2].

Японец-теолог T. Matsumoto (Hasmer Hall, Hartford, штат Коннектикут) пишет, что разделяет взгляды Л. Н. (признает непротивление злу насилием), очень хотел бы видеть его, но не имеет возможности приехать и просит несколько строк и фотографию [3].

Письмо от Helen Bingham (Millwood, Mill Valley, Marin Go, штат Калифорния) со вложением ее статьи, в которой она называет Л. Н. «сердцем России» [4].

Эрнест Кросби (Rhinebeck, Нью-Йорк) пишет Л. Н-чу:

«I am very hopeful that Russia may soon lead the way to a greater degree of freedom and brotherhood. The land question seems so much more simple and obvious with You and the people understand it better. Russia may yet be the freest of countries and show us all the way.

E. H. Crosby. «Chicago», 18 febr. Rhinebeck, N. Y. U.S.A.» * [5]

Садовник A. R. Wills из Cheshaut (Англия) спрашивает: как делить заработок между собой и рабочими? Деньги откладывать для себя нехорошо, копить их и употреблять на «добрые дела» тоже не считает правильным.

От имени «Comité de Défense des intérêts nationaux et de conciliation internationale» ** (задача Комитета планомерно сближать лучших людей доброй воли всех стран) сенатор Estournelles de Constant пишет из Парижа: «Nous venons de vous demander d'être des nôtres en qualité de Membre d'Honneur» — «notre devoir était de nous adresser à celui que tous les peuples revendiquent comme un des leurs»,— пишет d'Estournelles de Constant, sénat⟨eur⟩. Paris ***[6].

24 марта. Сегодня Л. Н. отвечал одному мужику, спрашивающему его: «Докуда будем тащить опрокинутую телегу?» — и вышла у него целая статья [1].

После обеда мы вдвоем с Марией Львовной продолжали приводить в порядок книги у Л. Н. Полного комплекта чертковских изданий нельзя

---

* «Очень надеюсь, что в скором времени Россия сможет пойти по пути большей свободы и братства. Земельный вопрос, кажется мне, гораздо проще и яснее поставлен у вас, и народ лучше его понимает. Россия еще может стать самой свободной из всех стран и показать нам всем дорогу». Кросби. «Чикаго», 18 февр. Ринбек. Н⟨ью⟩-Й⟨орк⟩. США (*англ.*).

** «Комитета защиты национальных интересов и международного примирения» (*франц.*).

*** «Мы обращаемся к вам с просьбой быть нашим почетным членом» — «нашим долгом было обратиться к тому, кого по праву все народы хотят видеть своим» (*франц.*).

было собрать. За обедом была речь о том, что́ разрешается Татьяне Львовне есть [2]. Позволено ей восемь блюд, в том числе ветчина. Николай Леонидович удивлялся этой диете. Вспоминали про других врачей, позволяющих есть один рис, и то только раз в сутки.

Л. Н. сказал:

— Если бы слушать всех критиков, из «Нови» или от «Отцов и детей» ничего не осталось бы; то же самое и насчет еды, если слушаться всех докторов.

Л. Н. вспомнил, что когда он путешествовал по Швейцарии, то платил три франка за полный пансион в отеле [3]; потом вспоминал про англичан.

Татьяна Львовна: Путешествующие англичане — самые противные из англичан.

Затем заговорили о П. Гр. Дашкевиче. Л. Н. спросил, как он относится к насилию. Татьяна Львовна сказала, что насилие он признает только в случаях самозащиты.

Л. Н.: Вот об этом-то и сказал Иисус: «Вам сказано: «Око за око», а Я говорю вам: «Не противься злому»» [4].

Вечером после чая Л. Н. спросил меня про Бодуэна де Куртенэ, какой он человек. Я смог сказать только то, что слышал про него от Шкультеты, что он считает его человеком неискренним. Потом спросил про Урсина, бывшего у него, который говорил, что он христианских взглядов (в понимании Л. Н.), а потом перешел в католицизм [5]. Л. Н. высказал свое удивление этим и добавил:

— Тут должны быть какие-нибудь личные соображения.

Я вспомнил, как на вопрос о своей квартирной плате Бодуэн де Куртенэ не захотел солгать и сказал правду, что́ вызвало большие неприятности с домовладельцами.

Л. Н.: Одна такая подробность достаточно характеризует человека.

Я: У Бодуэна де Куртенэ нет ненависти к русским; поэтому поляки недолюбливают его; такой человек среди них редкостный. У них раздувают ненависть против России пресса, монахи и вообще католическая церковь.

Л. Н.: Да, но главное — русское правительство.

Я: Да, главное, правительство. На днях я читал в газетах, что прусское правительство требует угнетения поляков и всякий раз противится, как только русское правительство делает им какие-нибудь послабления. Когда поляки жаловались на угнетение, один высокий сановник сказал, что русские это должны делать, так как Пруссия не хочет позволить, чтоб Россия дала полякам волю.

Л. Н.: Да, они это чувствуют в Познани. У Валишевского я читал, что только Екатерине, немке, могла придти мысль разорвать польский народ на три части; славянский правитель этого бы не сделал. Как же польскому народу, разорванному, возродиться? Будь он весь в одном только государстве русском, ему бы легче было возродиться.

Я: Я тоже читал где-то, что на подавление свободных стремлений поляков в России Пруссия влияла в 1870-х годах.

Л. Н.: Да. Мне известно, это и при Николае Павловиче она так действовала.

Я: Россия хоть не действовала на другие страны, чтоб они угнетали слабые народы, как это делает Германия по отношению к России и Австро-Венгрии.

Л. Н.: Я недавно вам говорил, что мне стало ясно, что славянофильский взгляд на участие в правительстве правилен, что русский народ выбирает в старшины и старосты худших людей и не заботится о том, как они работают.

Я: Это подтверждает и взгляд русских людей на отношение русского правительства к полякам, финнам. Они не сочувствуют правительственному угнетению этих народов.

Л. Н.: У нас войну ведет правительство, и русские люди могут не сочувствовать ей, но за бурскую войну были ответственны члены парламента и их избиратели. И они должны были оправдывать ее как государственную необходимость, идти на компромисс. Раз человек оправдывает одну кривду, отступает от части правды, то он отказывается от всей правды. Участие в государственном правлении способствует развращению морали в конституционных странах. Разве можно представить себе участие нравственно-религиозного человека в правлении, хотя бы лишь в форме участия в выборах?

25 марта. Благовещение. Утром приехали М. С. Сухотин, Дунаев, Гольденвейзер со скрипачом Сибором. Дунаев рассказывал о том, какой же царь плут.

Сегодня я не пошел в амбулаторию из-за дождя, оттепели и большого праздника. Уверяли меня, что больные не придут. Я получил письмо от И. И. Горбунова-Посадова. Он узнал от Шевченко, что я уезжаю из Ясной; просит посетить его в Москве. Хорошее, дружеское, трогательное письмо.

За завтраком разговоры о холере, которая будто бы уже в Тверской, Ярославской, Владимирской губ. Съезд врачей в Москве по борьбе с холерой с 21 до 23 марта рассуждал обо многом, кроме холеры; кажется, что решительных результатов не дал. Обсуждался вопрос о прививке противохолерной сыворотки [1]. В Японии три года тому назад холеру прививали 400 тысячам человек, которые будто бы в 12 раз менее заболевали, чем непривитые.

После завтрака Л. Н., который больше молчал, только с Сибором говорил о сонатах Вебера, пошел пройтись в лес с Дунаевым, Гольденвейзером, Сибором, Александрой Львовной и Верой Александровной. Когда все вернулись, Л. Н. остался еще погулять один и вернулся через полчаса. Обед был какой-то торжественный, веселый — много блюд. Л. Н. опять мало говорил.

С половины восьмого — концерт. Сперва соната Шуберта, потом три Вебера (третья — веселая, как славянско-венгерская), потом две Моцарта. Л. Н. хвалил: «Как хорошо!» и благодарил: «Какое удовольствие вы нам делаете!»

В шубертовской сонате нравился Л. Н. «Менуэт», напоминавший чешский мотив, и финал. Л. Н. сказал, что это малорусская песня.

Софья Андреевна была восхищена и сказала, что Л. Н. любит Вебера.

Л. Н.: Восхитительно! Последнее совершенно растрепало меня.

— Для папá это совсем не полезно. Он до того расстраивается, что плачет,— сказала Мария Львовна.

После перерыва играли какую-то бетховенскую сонату. После нее «Крейцерову сонату».

Л. Н.: Первая часть сильная — самое сильное, что есть; третья часть бессодержательная, не мелодичная.

Потом играли «Ноктюрн» Шопена, испанские танцы Сарасате.

Л. Н.: Французов — Сен-Санса, Годара — напрасно презирают. Они мелодичны. Теперь такое время, что французскую музыку презирают, а Рихарда Штрауса, которого никто не понимает, любят. Григ искусственный.

Л. Н. хотел, чтобы еще играли венгерские танцы Брамса, сказав: «Народные танцы все хороши» [2].

Л. Н. был необыкновенно благодарен музыкантам. Сибор был скромен. Л. Н. дал ему портрет с надписью [3]. Сибор уехал.

Дунаев говорил о войне на Дальнем Востоке, потом о революции. Он говорит ярко, точно, убедительно и увлекательно. О продолжении войны сказал, что, во-первых, не будет денег; во-вторых, солдаты не пойдут, послали 700 000 человек, из них 500 000 солдат; хотят послать еще столько же; в-третьих, пройдет больше года, пока их туда доставят: железная дорога не провозит в день больше тысячи.

Л. Н.: Наполеон, когда собрал 500 тысяч, то со всей Европы. А теперь должны идти новые 500 тысяч на верную гибель, как и те.

Дунаев: Армия на Дальнем Востоке разгромлена. Из 380-тысячной армии после Мукдена Линевич собрал всего 130 тысяч [4]. О целых полках нет вестей. Значительные события совершаются.

Л. Н.: Да, важные времена переживаем.— И спросил Дунаева: — Что финансы?

Дунаев ответил, что денежные операции остановились, и рассказал подробности.

Дунаев говорил, сколько негодных для военной службы солдат послали на Дальний Восток. Врачи их даже не осматривали. Только в Харбине у них находили туберкулез, хронический ревматизм, люэс и т. д. Там их оставляли и возвращали домой. Сколько будет калек, нищих после войны! Война стоит ежедневно три миллиона рублей. За эти деньги можно было бы выкупать ежедневно 20 тысяч десятин и отдавать крестьянам *.

Потом говорили о том, что Витте, пока был министром, привлек на 800 миллионов рублей иностранного, большей частью бельгийского капитала в Россию, давал льготы иностранным промышленным предприятиям, что акции их значительно пали.

Дальше в разговоре коснулись высших учебных заведений, которые все закрыты и должны оставаться закрытыми до 1 сентября.

Дунаев говорил, что месяц тому назад в Курске полиция раздала мужикам палки, чтобы бить студентов и гимназистов, и сама стояла тут же и смотрела. Когда же губернатор велел перестать бить, перестали [5]. Это аналогично использованию вражды между татарами и армянами в Баку.

Говорили еще о том, что происходит в Баку. Там междоусобная резня армян с татарами. Убито 350 армян, 240 татар. Несколько лет тому назад в Тифлисе тоже было убито 200 армян [6]. Дунаев говорил, что грозит восстание на Кавказе. В «Сыне отечества» описано, что́ происходит в Гурии [7]. Польша возмущена.

Дунаев рассказывал, как мутят народ сыщики и попы с амвонов против либералов. Сыщики распространяют прокламации о том, что либералы хотят отнять у народа землю и все права, которые он получил от Александра III [8]. Какие? Рассчитывают, что народ не думает. Натравливают людей на отдельных лиц: врачей (прямо подстрекают громить больницы), адвокатов.

Л. Н.: Чем эта свалка кончится? Одно делать нам: устраниться от нее, участия в этой свалке не принимать.

Разговор о Сутковом. Л. Н. о нем сказал:

— Сутковой был революционером, сошелся с Чертковым, теперь он моих взглядов.

26 марта. Дунаев, Гольденвейзер, Сухотины... Вечером Л. Н. читал Дунаеву, Гольденвейзеру и мне свой ответ крестьянину о перекувыркнутой телеге. Письмо резкое. О богатых и начальстве, о кабатчиках, ростовщиках, господах говорит, как о вшах и всякой нечисти.

---

* Как японцы знали Россию до войны, видно из фельетона Вас. И. Немировича-Данченко в «Русском слове» от 25 марта. Они были поражены способностями русского народа и негодностью бюрократии.

Кончив чтение, Л. Н. сказал:

— В нем нового ничего. Двадцать лет твержу одно и то же.

В половине десятого стали играть в винт. Л. Н., Татьяна Львовна, Дунаев и Гольденвейзер.

Потом разговор о том, что интеллигенты российские сочувствуют японским победам. Татьяна Львовна рассказывала, как сестры, С. А. и М. А. Стахович, «аж плакали», что брат их радуется, когда выигрывают японцы и проигрывают русские. Спорили с ним. (Вспомнили, что Татьяна Львовна сама радовалась, когда Порт-Артур был сдан, во-первых, потому, что думала, что будет конец войне; во-вторых, что правительство побеждено.) На это Николай Леонидович теперь ей возразил, что *мы* с солдатами нашими и с правительством в такой связи, что их отделять нельзя. Мы тогда могли бы отделить себя от правительства, если бы стояли выше его.

Об этом завязался общий оживленный разговор. Л. Н. сказал:

— Русские мне ближе: там дети мои, крестьяне; 100 миллионов мужиков заодно с русским войском, не желают поражения. Это непосредственное чувство. А что либералы говорят и ты (*к Татьяне Львовне*) — это извращение.

Л. Н. перебивали, одновременно с ним говорила и Татьяна Львовна, и нельзя было расслышать все, что он сказал.

Пришла книга Сулержицкого «Духоборы в Канаде» [1].

Л. Н.: Рад бы прочесть — некогда.

Еще говорили о ссыльном в Нижнеколымске, просидевшем много лет в Шлиссельбургской крепости (о котором выше рассказывал Тан) [2], что он повесился. То же самое сделал Засулич, зять Никифорова, и еще один знакомый Дунаева.

Еще о войне.

Л. Н.: Хотя не читаю газет, но знаю, что в англичанах и американцах пробуждается боязнь перед японцами и что державы не дадут им окрепнуть при заключении мира.

Потом Дунаев читал вслух из «Нового времени» от 25 марта «По Гурии» [3]. Л. Н. слушал очень внимательно длинное чтение, был взволнован, лицо посинело, как у больного.

Л. Н.: Надо бы издать «Где выход?», «Неужели это так надо?», «К рабочему народу» и четвертое («Письмо к крестьянину») вместе в одной книжке [4].

27 марта. Ночью потянул мороз. Проталины и дороги замерзли. Утром Л. Н. возвращался с прогулки, когда я шел в лечебницу. Встретились. Л. Н., как какой-нибудь наш словацкий добрый старик, не может пройти мимо человека, чтобы не поклониться или не поговорить с ним. Он не имеет западной сдержанности. Хотя мы уже виделись в зале, снова остановился и спросил, как я себя чувствую и как погода.

Пополудни я застал Марию Александровну у Толстых.

Вспоминали, что Струменский месяц тому назад, проезжая Тулу, говорил, что Л. Н. своей статьей «Великий грех» сделал великую услугу: либералы и социал-революционеры начали включать в свои программы вопрос земли, и вообще этой статьей он обратил внимание всех на необходимость создать для народа возможность обрабатывать землю и поднять свое человеческое достоинство — не исполнять безнравственные требования правительства: подати, армия.

За обедом была речь о Жучке и других собаках.

Л. Н.: В старости начинаешь понимать животных и любить их. Я понимаю Агафью Михайловну, которая на старости лет кормила в печурке и тараканов.

Мария Львовна позвала меня в залу сняться с Л. Н. Там была М. А. Шмидт. Шел разговор о трех событиях, о которых пишется в газе-

тах (*Л. Н.*: «Которые доказывают, что люди — сумасшедшие»): первое — открыт заговор — посадить Бонапарта на французский престол (*Л. Н.*: «За то, что его дед убил множество людей!»); второе — суд над матросами, которые отказались служить на корабле, идущем на Дальний Восток; принимая во внимание смягчающие вину обстоятельства — их невежество (*Л. Н.*: «Они полагали, что нельзя убивать даже во время войны»), их осудили на два года [1]; третье — введение патриаршества; патриарх должен поддерживать царскую власть [2].

— Это дети,— сказал Л. Н. в заключение,— и какие злые дети!

Уехали Дунаев, Сухотин и Н. М. Сухотина.

Привожу отдельные отрывочные фразы Л. Н., сказанные при разных разговорах:

— Новиков — недобрый.

— Надо самоусовершенствование, перемена правительства ни к чему не приведет.

Со слов Иосифа Константиновича:

— Все хорошие русские женщины воображают, что они православные, а они еретички. «Но ведь я не могу признать Николая Чудотворца, например»,— говорят они.— «Вот, вот, какое же вы имеете тогда право считать себя православной? Это как если бы вы выдернули из бочки два обруча и воображали, что бочка цела, залепив ее бумагой. Вы не смеете выдергивать из православия ничего» (если убеждены, что вы православные).

— Смысл моей деятельности пусть будет разъяснение смысла жизни себе и другим, решение вопроса земли, детская смертность (чтоб она была прекращена), алкоголизм, курение, невоздержанность, гнев мужа, процессы, роскошь — не должны иметь места. «Non multa, sed multum». «Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait!» *

28 марта. Вчера и ночью выпало много снега: мороз, санный путь, метель. Утром, в 7 часов, с Марией Александровной в Скуратове был у больного мужика и у нее. Очень тяжелый путь. Лошадь застревала в снегу, несколько раз падала. Сама она иногда перед собою двигала груду снега, нужно было выходить и расчищать его.

Л. Н., несмотря на глубокий снег, пошел погулять и вернулся в санях.

Пополудни приехал Тургенев,— кажется, товарищ председателя Сельскохозяйственного общества в Москве, которое, если не ошибаюсь, вынесло резолюцию против действий правительства и издало ее в 15 тысячах экземпляров без предварительной цензуры.

Л. Н., кажется, в 12.45 оторвали ради Тургенева от работы.

Тургенев дал ему читать какой-то революционный красноречивый листок или письмо. И сам говорил либерально о конституции, о протестах и т. п., что раздражило Л. Н.

Меня при этом не было, но слышал от других, что Л. Н. сказал Тургеневу: надо принять во внимание, что его оторвали от работы, что ему семьдесят шесть лет и что ему жалко самого себя, т. к. его самого мучит, что он разволновался. После обеда Л. Н. был с Тургеневым мил, терпелив, снисходителен, добр.

В семь приехал Илья Львович и уехал Тургенев.

Тургенев приезжал с письмом политических заключенных в Шлиссельбурге, которые просят о заступничестве, желая, чтобы Л. Н. написал статью против телесных наказаний; боятся, что их будут сечь.

---

* «Немного, но многое» (*лат.*). «Если б молодость знала, если б старость могла!» (*франц.*).

За чаем в 10 часов Илья Львович рассказал историю одной девушки, 15 лет тому назад влюбившейся в женатого старика, писателя, отчаявшейся (подробности отвратительные) и после одного-двух лет прекратившей с ним сношения и занявшейся акушерством, а теперь отравившейся морфием. Она хотела ехать сестрой милосердия на Дальний Восток, но сразу ее не приняли, а ждать она не хотела. В. А. Кузминская заступилась за нее:

— Если бы она вышла замуж, может быть, была бы счастлива.

— Счастье,— сказал на это Л. Н. (медленно, с глубоким убеждением),— достигается попутно. Не надо искать своего счастья — плохо будет. Но надо хотеть исполнять волю того, кто меня послал, надо хотеть быть полезным. *Устроить* себе счастливую жизнь — этого («что можно устроить») я не понимаю.

Сын (Илья Львович) спросил:

— Зачем (хотеть быть полезным)? Говорят об эволюции жизни; низшему человеку счастье — сытость, высшему — и то, и то.

Л. Н.: Этих вопросов: «зачем», «эволюция» — не признаю (они мне неизвестны). Я знаю, *что* добро, *что* зло и как поступать.

— Какие же тут доказательства, что *так* жить надо и *что* добро и *что* зло?

— *Что*? На это три доказательства: первое — внутреннее, совесть говорит; второе — опыт всей жизни моей (тогда был я счастлив, когда жил *так* для других); третье — мудрость мира, от Сократа до Рёскина, так же говорит. Так жить, чтобы не было дурно; не надо ожидать, что будет восхитительно. А ищи счастья себе — будет неспокойствие, мучение. Мне помогла притча о виноградаре и работниках[1]. Мы здесь работники пославшего нас, а не хозяева, как мы себе воображаем. Н. Н. Страхов не хотел думать о смерти, боялся ее.

Софья Андреевна отозвалась с другого стола:

— И Тургенев такой был, боялся ее.

Немного погодя Л. Н. спросил:

— Кто этот старик-писатель?

Илья Львович: Не назову его.

Л. Н.: Хорошо, и не надо.

Илья Львович: Я его раньше почитал, но с тех пор вижу, что он глуп, ничтожен и плохо пишет.

Позднее Л. Н. сказал:

— Уже не напишу ничего нового, сил нет. Хотелось бы мне о науке. Она в наше время то, что церковь,— та же непогрешимость.

Мария Львовна: А Щуровский! Когда ты с ним, папа́, говорил о религии, отделывался шутками, ничего не понял, не хотел понять. Был religion-proof *.

Л. Н. (*к Марии Львовне*): Есть сознательная религия и религия по доверию. Между ними, двумя крайними, всевозможные сочетания обеих. Кто загипнотизирован в обратном — в церковной вере, науке, тому трудно пробудиться, понять другое миросозерцание.

Еще речь шла о следующем:

Николай Леонидович: Что будет, Лев Николаевич, с Тургеневым?

Л. Н.: Нельзя знать, но похоже, что он идет на верную погибель.

Илья Львович уехал ночью.

29 марта. Пополудни приехал Михаил Львович. Разговор о земле.

— Земельная собственность доживает последние дни,— сказала с убеждением Татьяна Львовна.— За границей думали, что уже настал ее конец.

---

* непроницаем для религии (*англ.*).

Николай Леонидович: Она пережила свое время. У Строгановых девять миллионов десятин; у царя — Бийский, Барнаульский, Кузнецкий уезды; у Юсупова 19 имений, которых он и не видал. Терещенко крестьянские погромы причинили три миллиона убытка. Это отплата за военную экзекуцию и сечение мужиков лет 10—15 тому назад, когда он у них отнял лес.

Л. Н. нездоровится, перебои, за обедом молчал. За чаем подошел ко мне и сказал:

— Перечитывал нынче Хельчицкого, избранные места которого вы переписали. Это едва ли не самый сильный из реформаторов. Для сравнения прочел Лютера. Лютер — узкий, ограниченный. Хельчицкий не опровергает догматы, но, видимо, не придает им важности. Выписками из второй части, где о жизни святых, напрасно я вас затруднял. Особенно важно то место, что христианский закон совсем может заменить гражданский закон в обыденной жизни.

Зашла речь о Шаляпине. Жалованье его 45 тысяч рублей.

Л. Н.: Что за неприличное вознаграждение! За тысячную часть крестьянин сколько работы должен сделать!

Говорили, что его отец, крестьянин Вятской губернии, продолжает обрабатывать землю. Что сын посылает ему иногда деньги, но отец у него не просит.

Л. Н.: Рад бы поговорить с его отцом. У Шаляпина лицо вятчанина.

Михаил Львович рассказал, что у них есть медвежонок и дети с ним играют.

— Очень милый зверек,— сказал Михаил Львович.— С тех пор, как он у нас, я не мог бы идти охотиться на медведя. Как стрелять в такого умного зверя! Когда медведь вырастет и начнет становиться диким, пущу его в казенный лес вблизи нас.

Л. Н.: А там есть медведи?

Михаил Львович: Нет.

Л. Н.: Скучно ему будет, да и погибнет. Надо пустить, где есть.

30 марта. Вчера вечером были у Л. Н. перебои, сегодня утром у него усталый вид. Пополудни поехал верхом. Перед обедом спросил меня:

— Чье короткое предисловие к «Сети веры»?

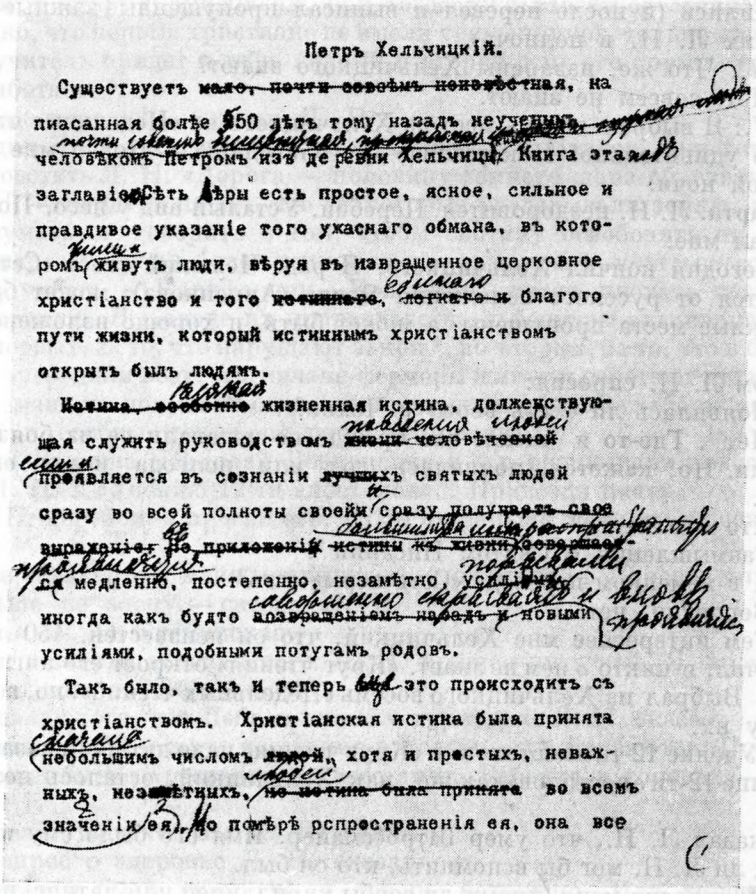
— Вероятно, Хельчицкого.

— Я тоже так думаю. И по складу языка судя [1].

Приехал Романов, один из будущих сотрудников ежедневной газеты «Русский народ» для рабочих, которую предполагает издавать Лев Львович. Длинноволосый, нижегородец. Еще не сотрудничал в газетах. Статей Л. Н. о рабочем вопросе не знает. Газета должна быть, во-первых, чисто русская, славянская, объединяющая русских, состав сотрудников чисто русский. Во-вторых, на христианских началах.

Он уже поговорил с Л. Н. и передал мне, что Л. Н. не сочувствует газетам, называет их проституцией. Он хочет поговорить еще о рабочем вопросе, об основании земледельческих колоний, куда переселять городской пролетариат, и о Витте, которого группа людей хочет просить царя лишить возможности занимать какой-либо высокий пост. Они хотят разоблачить царю его деятельность, называют единственным виновником войны, говорят, что он намерен разрушить общинное владение землей.

Л. Н. обещал, если будет у него время, написать «Пожелание» для первого номера газеты [2]. Хотя Лев Львович других взглядов, часто противоположных взглядам Л. Н., но Л. Н. его любит. Присоединился к мысли об устройстве земледельческих колоний. Ермолов обещал участок земли между Петербургом и Москвой. В Сочинском округе есть разделенные участки; переселенцы выбирают и получают 100 р. на постройки.



Петръ Хельчицкій.

Существуетъ ~~мало, почти совсѣмъ неизвѣстная~~, на писанная болѣе 350 лѣтъ тому назадъ неученымъ ~~почти совсѣмъ безграмотнымъ~~ человѣкомъ Петромъ изъ деревни Хельчицы. Книга эта ~~подъ~~ заглавіемъ Сѣть вѣры есть простое, ясное, сильное и правдивое указаніе того ужаснаго обмана, въ которомъ живутъ люди, вѣруя въ извращенное церковное христіанство и того ~~истиннаго~~, легкаго и благого пути жизни, который истиннымъ христіанствомъ открытъ былъ людямъ.

~~Истина, особенно~~ жизненная истина, долженствующая служить руководствомъ ~~жизни человѣческой~~ проявляется въ сознаніи ~~лучшихъ~~ святыхъ людей сразу во всей полноты своей, сразу получаетъ свое выраженіе, но ~~приложеніе истины къ жизни совершается~~ медленно, постепенно, незамѣтно, усиліями иногда какъ будто возрожденіемъ назадъ и новыми усиліями, подобными потугамъ родовъ.

Такъ было, такъ и теперь ~~было~~ это происходитъ съ христіанствомъ. Христіанская истина была принята ~~сначала~~ небольшимъ числомъ ~~людей~~, хотя и простыхъ, неважныхъ, ~~незамѣтныхъ~~, ~~но истина была принята~~ во всемъ значеніи ея, но ~~помѣрѣ~~ распространенія ея, она все

СТАТЬЯ «ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ»

Машинопись с правкой Толстого, л. 1, 1905

«К Хельчицкому Л. Н. написал вчера предисловие, сегодня поправил его — поправок мало». Запись от 1 апреля 1905 г.

Л. Н. спросил меня:

— Говорили с Романовым? Он, как все, которые приходят, разумеется, моих сочинений не читал. Пришел поговорить о рабочем вопросе, а я написал о том четыре больших сочинения.

За обедом Татьяна Львовна вспоминала про какие-то очень вкусные овощи, которые разводит Сабатье — тихий, добрый, скромный человек.

Л. Н.: Сколько добрых людей на свете, на их счастии — несчастье не известных никому.

Потом Л. Н. опять говорил о Хельчицком.

— Хельчицкий,— сказал Л. Н.,— остался нечитанным и неизвестным потому, что предшествовал своему веку. Показал, как должно жить по Христу: принимай или брось. С государством соединить христианскую жизнь нельзя, надо его оставить. Людям оставалось одно — молчать. Так и сделали. Хельчицкий был гораздо сильнее своего предшественника Гуса и следовавшего за ним Лютера.

Л. Н. просил сравнить русское предисловие к «Сети веры» с чешским.

Русское показалось ему сокращенным, как это и было в действительности. Л. Н. следил сперва по чешскому, а я по русскому тексту, потом мы

переменились (я после перевел и выписал пропущенные важные места и принес их Л. Н. в полночь).

Л. Н.: Что же, назарены Хельчицкого знают?

— Нет, совсем не знают.

Л. Н.: Я выбрал восемь мест из Хельчицкого на «Недельные чтения» [3]. Как это удивительно! Покорнейше вас благодарю.— Подал мне руку.— Покойной ночи.

31 марта. Л. Н. нездоровится. Перебои. Усталый вид у него. После обеда сказал мне:

— Сегодня кончил Хельчицкого. Я рад. Чешский текст «Сети веры» отличается от русского изложения Ягича (Анненкова): может быть, самые важные места пропущены, а может быть, и хорошо изложено содержание.

Потом Л. Н. спросил:

— Появилась ли «Сеть веры» в Чехии?

— Нет [1]. Где-то я читал, что прежде не издавали ее из боязни конфискации. Но, кажется, появилась год или полгода назад его «Постилла».

— Что это такое?

— Размышления о Святом Писании [2].

— А в немецком переводе «Сеть веры» есть?

— Вероятно, нет.

— Тем интереснее мне Хельчицкий, что он неизвестен. 450 лет тому назад учил, и никто о нем не знает. «Круг чтения» откроет его англичанам, немцам. Выбрал из Хельчицкого восемь «Недельных чтений», но, вероятно, сокращу их.

— «Учение 12-ти апостолов» в «Круг чтения» надо дать,— сказал Л. Н.[3] —«Учение 12-ти апостолов» так же, как Хельчицкий, осталось незамеченным.

Я сказал Л. Н., что умер Штроссмайер. Имя его было ему известно, но вряд ли Л. Н. мог бы вспомнить, кто он был.

Л. Н. спросил меня, пишут ли сербы кириллицей или латинским шрифтом и понимают ли они по-чешски.

В 10. 45 Л. Н. встал из-за стола и ушел в свой кабинет.

1 апреля. Л. Н. все нездоровится, перебои, плохо спит. Утром рано встает. Сегодня в 9 часов пошел гулять. Ждал старичок владимирский 77 лет, безродный, бывший николаевский солдат-севастополец; ходит по миру, идет в Киев, приятного выражения лицо, чисто одетый. Л. Н. сказал ему, чтобы пошел чай пить в черную кухню. Когда Л. Н. с прогулки вернулся, старичок уже ушел. Вечером Л. Н. жалел: «Такой случай, не поговорил с ним».

Какой у Л. Н. цивилизацией пренебрегаемый нравственный закон: с прохожими поговорить, и одарить их книжками, и утешить.

После обеда Л. Н. упомянул сначала о старичке, потом о восьми «Недельных чтениях», которые выбрал из Хельчицкого и которые надо отправить Черткову для заграничного издания [1] вместе с менее годными рассказами Авиловой и т. п.

Л. Н.: Как трудно найти хорошее, в Диккенсе все не нашел. У Гюи де Мопассана есть много хорошего, но одно — «Одиночество» — совсем хорошее [2].

К Хельчицкому Л. Н. написал вчера предисловие, сегодня поправил его — поправок мало [3]. Сегодня писал предисловие к «Учению 12-ти апостолов», и отмечал, и поправлял места, которые войдут в «Круг чтения». Остальное велел выписать отдельно — войдет в виде примечаний.

Рассказал вкратце историю «Учения 12-ти апостолов». Сочинение имеет два названия. Нашел его в 1883 г. Вриенний в одном сборнике. Оно упо-

минается в старых рукописях, как тогда уже известное сочинение. Из него видно, что первые христиане не имели священников, только епископов. «Когда учитель придет к тебе, первый и второй день его корми, третий — пусть работает» [4].

— Как хорошо! — сказал Л. Н.

Сегодня Л. Н. получил письмо от Веригина и Мэвора. Они хотят приехать, посетить Л. Н. «Дорога — половину земного шара объехать,— сказал Л. Н.— Веригин пишет, что те, которые разделывали землю, не перестают думать и говорить о том, чтобы скотину освободить от работы, и хотят переселиться в более теплое место, где можно заняться садоводством. Думают о Калифорнии, Колумбии, хотят поехать посмотреть и в Австралию. В Канаде их правительство и фермеры-англичане не любят, во-первых, за то, что нарушают закон *, во-вторых, за то, что в благосостоянии опередили всех. Англичане-фермеры живут и работают отдельными семьями, машины покупают отдельные лица для себя, а духоборы работают общиной и сообща покупают паровые машины» [5].

Мария Львовна, Николай Леонидович и я переписывали новое предисловие Л. Н. к «Учению 12-ти апостолов» [6]. Привезли почту.

У Л. Н. перебои; я просил его, чтобы он раньше ложился и позже вставал.

— Не знаю. Это у меня привычка — ⟨ложиться⟩ в 12 часов или после 12; раньше не засну,— сказал Л. Н.

Уехала В. А. Кузминская.

В три четверти двенадцатого Л. Н. пришел пить чай. Я прочел ему письмо ко мне от Лебрена.

По поводу того, что Лебрен пишет о гурийцах, Л. Н. сказал:

— Если гурийцы ждут восстания в России, они ошибаются. По-моему, его не может быть. Крестьяне не восстанут. Рабочие в городах — может быть [7].

2 апреля. Приехал И. К. Дитерихс.

На вопрос о здоровье Л. Н. сказал:

— Вечером было хуже, но и теперь нехорошо. Или хорошо, как я говорю: ближе к концу, как следует. Думаю, желчь. Раз боли здесь (указывая под ребра), попробую меньше двигаться. Выйду только на террасу.

Вид у Л. Н. сосредоточенный, страдающий, лицо как бы похудевшее, глаза усталые; неразговорчив, ушедший в себя.

— Был здесь Романов, молодой человек, приехавший в Москву, которому я будто бы восемь лет тому назад посоветовал идти в Урюпинскую колонию на Кавказ. В Москве, среди рабочих, он пропагандировал идею уйти в деревню и заниматься земледелием. Показывал мне книжку, которая имеется у каждого, кто вносил месячные взносы. Всего их было десять тысяч [1]. Гапон должен был сделать то же самое в Петербурге, но там на него накинулись революционеры и толкнули его на свой путь.

Иосиф Константинович: Что же Романов говорил про него (Гапона)?

Л. Н.: Он считает его психически больным. Он (Романов) моих сочинений не читал. Говорил, что не имел возможности их достать. Он знаком с Левой, мог их получить для чтения. Но это мне не неприятно, даже приятно. Если бы мои сочинения всех людей интересовали, был бы знак того, что они несерьезны. Совершенно прав Шопенгауэр, когда говорит, что

---

* Нарушают закон тем, что не живут в гомстедах. По закону каждый 18-летний мужчина, желающий земли, получает гомстед в 160 акров с условием, что в течение трех лет будет его обрабатывать и строиться на нем. Духоборы желали строиться общинами. Тогдашнее канадское правительство согласилось на это. Правительство переменилось на консервативное, которое опять потребовало, чтобы заняли и обрабатывали всю землю, но потом согласилось на общины.

глупые книги читаются большинством людей, потому что большинство людей глупо [2].

— Черткову,— сказал еще Л. Н.,— намерен писать, что напрасно издает газету [3]. Лучше направить силы на издание книг. Газета — самый плохой способ для выражения нужных знаний. Для писания серьезного нужно спокойствие, время, а газету надо составлять наскоро, что же туда можно писать? «Свободное слово» читают десятки, сотни, а надо бы миллионам узнавать...

Иосиф Константинович: А сколько хлопот, беспокойства доставляет составление номера! Как трудно выбирать из массы получаемых сведений то, что годится!

Л. Н.: Думают, что много сведений нужно. Эти «преследования баптистов» — все это старо.

Л. Н. встал из-за стола, подошел к Татьяне Львовне, лежавшей на кушетке, погладил ее по лицу и спросил, не худо ли ей? Потом направился в кабинет; по дороге остановился и сказал:

— Иван Иванович писал, что они с Николаевым были на сельскохозяйственном съезде. Николаев читал из моей статьи «К рабочему народу» о Генри Джордже. Не знают его [4]. Но Марксом интересуются, того Янжул и компания знают, а Генри Джорджа — нет.

Был разговор о том, что после Сергея Александровича осталось 470 миллионов рублей! Когда бомба разорвала его, говорили саркастически, что нашли одну его руку в казначействе, другую в Красном Кресте. Л. Н. просто не верилось, ужаснулся этой цифре.

Сегодня Л. Н. не выходил после полудня. За обедом у него усталый вид. Николай Леонидович и Мария Львовна сваливают болезнь Л. Н. на концерт. Л. Н. музыка очень волнует, действует ему на сердце. Его болезнь сердца не на органической, а на нервной почве. И последний раз, когда он был болен, этому также предшествовал концерт. Л. Н. почти плачет, когда играют, до того его музыка трогает.

Утром грустное событие: щенок Мушки упал в колодец. Его доставали оттуда с таким усердием, как если бы это был человек, но вытащили уже мертвым, на полминуты опоздали. Пробовали его качать, в теплой воде отогревать — напрасно. Авдотья Васильевна и Александра Львовна наплакались. Всем нам было жалко щенка; Мушка и другие щенки притихли и не играли, как обыкновенно.

— Авдотья Васильевна,— сказал Л. Н.,— как она (Мушку) жалеет, а ведь собака. А мне это натуральным кажется. Я говорю, когда мать жалеет (своих детей), что она жалеет, как собака.

Л. Н. с Иосифом Константиновичем гуляли по зале:

— Пять верст прошли,— сказал Л. Н.

Вечером за чаем Л. Н., Татьяна Львовна, Юлия Ивановна, Иосиф Константинович и я. Говорили о Канаде, Кавказе, Алтае, Ферганской области: что это за чудесные края! А потом о политических событиях.

Л. Н.: Бакинское дело поехал разбирать Кузминский, он законник [5]. По письму Лебрена, это такое же дело, подстроенное полицией, как кишиневское. Кони расследовал дело крушения царского поезда (под Борками). Рассказывал очень подробно, что это был несчастный случай — взрыв парового котла [6]. Вполне ли ему верить? Он раз сбился. Экзекуция Неклюдова над крестьянами в Орловской губернии, описанная в «Царстве божием»,— это дело было представлено царю, и в нем приводилось, что начали бунт бабы, но так как бабы освобождены от сечения, были наказаны мужики [7]. Царь будто бы карандашом приписал: «Им бы и подсыпать». Я не хотел верить этому; Кони сказал, что он мне этот документ вышлет. Не прислал.

Какой Л. Н. внимательный к правде! Л. Н-чу рассказывают обо всех злодеяниях, крупных воровствах, передают сенсационные известия, а он их не рад слышать. Когда заходит речь на злобу дня (про политику, конституцию, революцию, юдофобство, о славяно-немецкой борьбе, стрельбе в народ), Л. Н. меняет разговор: «Ну его, давайте поговорим об ином», и заводит разговор о плодородии, красах Кавказа, о жизни животных. Сегодня, пока Л. Н. не появился среди нас, был разговор о разных стражниках, каких заводят: города Ялта, Тула — милицию; отдельные лица, Терещенко — казаков; Гагарин — осетин-лесников; екатеринославские угольные бароны — черкесов.

По какому-то поводу Л. Н. сказал:

— Много слышал, читал, занимался переселенцами. Те, которые имели маршрут и поддержку правительства, обыкновенно ходили неудачно, а которые шли сами, на свой риск, тем удавалось; шли так, что на лето оставались у киргизов косить и сеяли пшеницу, а на другое лето, идя дальше, увозили ее с собой... [8]

Л. Н.: Хотят ввести патриаршество, чтобы ослабить царскую власть. Устройство нравственной жизни должно бы лежать в основе, а оно орудие борьбы партий. Так и реформы Гладстона * казались самыми нужными, но были проведены в интересах его партии; если бы противоположные законы были бы выгодны ей (партии Гладстона), то проводились бы. В Америке можно достать все, что покупается за деньги. Но нельзя достать того, что не поддается оценке на доллары и пенсы.

3 апреля. Воскресенье. Приехал П. А. Буланже. Л. Н. и все изъявили удивление, что так давно не был. За обедом темы разговора: война, наследство Сергея Александровича, письмо Лебрена, семья Павла Александровича (его дочь принесла из гимназии список новой «Марсельезы»).

Письмо А. Н. Шараповой о детях Бирюкова (Л. Н. желал бы, чтобы Бирюков сам приехал). Письмо дал для ответа Павлу Александровичу [1].

О напечатании в России «Учения 12-ти апостолов» с новым предисловием Л. Н-ча. Павел Александрович хочет в Петербурге через Пругавина представить его в цензуру [2]. Л. Н. жалеет, что Чертков не имеет средств: у него две написанные работы Л. Н., которые должны бы выйти («Единое на потребу», «Ответ петербургскому мужику») [3]. За чаем Л. Н. сказал:

— Раньше, а теперь еще больше разделяю взгляд славянофилов на отвращение русского народа к участию во власти: он справедливый. В старосты выбирают самых «негодных» людей, старого закала крестьян в старостах не видать: грешно. У нового поколения есть честолюбие, особенно женщины любят, если их мужья попадут в старосты. При самодержавии мы не участвуем в действиях правительства, а англичанин, выбирающий депутатов, не может не чувствовать себя виновником бурской войны и не искать оправдания [4].

Павел Александрович рассказывал, что в Москве все занимаются политикой, матери ходят на собрания слушать речи о конституции и бросают дома; гимназисты тоже.

Л. Н.: Из речей и статей в газетах ничего не выйдет. Чтобы что-нибудь вышло, надо новую мысль, а чтобы она выработалась, нужна тишина, время, а конституционалисты пишут и говорят речи поспешно.

Л. Н. спросил Павла Александровича, говорят ли что о земле?

— Нет, только что нужна конституция, которая даст возможность крестьянам изъявить свои желания.

---

* Гладстона из всех политиков Л. Н. больше всех уважал.

— Совершенно такое же непонимание, как в 1820-х годах,— сказал Л. Н.— Тогда одни декабристы говорили об отмене крепостного права, а другие, масса, не думали о том, не интересовались или не понимали (и не считали это возможным или нужным). Теперь, когда понимаем, как мучили людей, не понимаем той жестокости, а через 30—50 лет будут ужасаться нашей жестокости (одиночное заключение...)

Л. Н. спросил Павла Александровича, есть ли среди его знакомых люди его взглядов?

Павел Александрович: Нет ни между близкими, ни между друзьями. На меня сердятся за мое неучастие в движении за конституцию. Врачи, адвокаты, гимназисты ораторствуют на сходках, говорят, что не могут спокойно заниматься, пока не будет дана конституция.

Л. Н.: Из Тулы Арбузов, член губернской земской управы, мне поручил передать через Иосифа Константиновича, что он меня уважает, но что не разделяет моих взглядов на нынешнюю задачу русского человека, но что его сын, 18-летний гимназист восьмого класса, разделяет их. Я думаю, между молодыми скорее такие найдутся.

Л. Н.: Что люди идут на Дальний Восток воевать, виновата ⟨государственная⟩ машина, посредством которой меньшинство может заставлять большинство исполнять свою волю. Власть над другим человеком — причина, ⟨позволяющая⟩ не только заставлять мучить и убивать других людей, но и принуждать людей мучить самих себя. А достигать того, чтобы люди по воле начальствующих должны были убивать друг друга, нельзя иначе, как лишь обманом, ложью и, главное, жестокостью. Так всегда поступали и не могут не поступать все властители. Когда мы жалеем их, ⟨как⟩ добрых людей, мы не правы. А филантропы пользуются доходами с фабрик за счет самих рабочих. А те люди, которые идут на государственную службу, чтобы служить народу, делать лучшими законы..... *

Был разговор о Генри Джордже.

Л. Н.: Письмо Генри Джорджа к папе я прежде не читал, а это одно из главных его сочинений. Меня отталкивало от чтения то, что это папе писано. Бедный папа — попался. Его бледное социалистическое поползновение в «Энциклике» Генри Джордж по пунктам разбил. Но видно, не раз делает уступки, снисходителен к папе [5].

Страхов сказал, что Л. Н. писал «О значении русской революции» под впечатлением «Самодержавия» Хомякова.

Вспоминали бывшего недавно писателя Тана.

Л. Н. сказал:

— Ненависть Тана к правительству понимаю. На своих плечах вынес страдания от него. Тан вспоминал о костромиче Суровцеве, который около двадцати лет провел в Шлиссельбурге и в ссылке в Колымске, вегетарианствовал, выводил в парниках капусту и огурцы. Про другого рассказывал, что устроили ему побег; в ту ночь, когда должен был уйти, застрелился. Не видел, к чему жить. В тюрьме у человека идут мысли в каком-то кругу.

4 апреля. Приехали Сухотины, Андрей Львович из Петербурга.

За завтраком Татьяна Львовна рассказывала описанный в фельетоне Дорошевича в «Русском слове» (3 апреля) случай о замуровании заживо свыше двадцати раскольников-беспоповцев их единоверцем Ковалевым для того, чтобы во время переписи они не были записаны на листки, присланные из Петербурга [1].

Л. Н. возмутился поверхностным пониманием Дорошевичем религиозного сознания; сказал:

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

— Это самое высшее... Ему, Дорошевичу, далеко до религиозного чувства, он выказывает неуважение к религиозному чувству. Их (раскольников) побудило оно, но в неправильной форме выразилось.

Андрей Львович рассказывал петербургские, московские новости, связанные с войной.

Другие шумели, перебивали Л. Н. Он выпил чашку чаю и вышел из-за стола. Гулял по зале и комнатам и в три четверти одиннадцатого ушел в кабинет.

Татьяна Львовна боится, что помрет родами, и сегодня за обедом несколько раз заводила об этом разговор и просила родных в случае ее смерти исполнить разные ее поручения.

Л. Н. решительно ее остановил (как я еще до сих пор не слыхал):

— Не говори глупостей! Я тебя люблю...

Татьяна Львовна замолкла.

Л. Н. (*ко мне*): Какое интересное, смешное немецкое письмо получил. Читали? Общество «Concert Direction» приглашает прочесть шесть лекций в Берлине, Мюнхене и Вене и за это предлагает 20 тысяч франков, и, кроме того, еще две-три лекции в Париже и в Лондоне — тоже 20 тысяч, и путешествие в первом классе — luxus [2].

5 апреля. Брат прислал мне вырезку из венской газеты о немецком переводе статей Пругавина о сектантах и спрашивает, правда ли то, что Пругавин написал о Рахове? Л. Н. помнит смутно, что Рахову сделали что-то ужасное [1].

Милош Крно просит, чтобы Л. Н. написал статью о словаках. Озрен Субботич из Vukovar прислал мне перевод из Горького.

Приехали Фельтен и А. П. Сергеенко. Фельтен — милый, восторженный, деловитый, протестант, не хочет служить солдатом, хочет в Англию к Чертковым. Сергеенко желал бы быть книгоношей, скромный.

Л. Н. после завтрака с ними:

— Мотив наших действий должен быть служение богу, а не рассуждение. Можем себе представить, что человек, который откажется от военной службы, может это сделать по внешним причинам для получения одобрения людей, которых уважает, а другой может наоборот поступать, хоть и быть солдатом, но при этом жить лучше, чем тот. Такой случай был: один из первых отказавшихся стал после управляющим большого имения, и его дальнейшая жизнь показала, что у него религиозного сознания и не было.

Говорил почти с осуждением о книге, которую готовит Петр Алексеевич о нем. Л. Н. удивлялся, что он это пишет, считал это ничтожным делом, поражался, что есть такой интерес к нему, какой ему приписывает «Concert Direction», интерес к внешнему. Сказал:

— То будет книга для праздных и богатых людей. На что пишет? [2]

Рассказывал молодому Сергеенко и Фельтену, что вчерашнее письмо «Concert Direction» вызвало у него смех. По Шопенгауэру, смех вызывается сопоставлением противоположного.

Читали вслух рассказ Ильи Львовича. Л. Н. сказал о нем, что хороший, что обращает внимание на нужное. Конец должен был бы быть другим: не то, чтобы консерватор стал либералом, но чтобы он возродился в христианстве [3].

Разговор по поводу одного письма: Иоанн Кронштадтский не пишет ругательных писем к Л. Н., только в проповедях упоминает его.

Л. Н.: Иоанн Кронштадтский лучше Петрова, он цельный. Ему наговорили, что он чудотворец, он верит этому; глупый, но цельный, а священник Петров обедни служит...

Привезли почту из Тулы: телеграмма «Berliner Tageblatt». Просят несколько строк о Шиллере по поводу 100-летия со дня смерти.

Л. Н.: Я очень люблю Шиллера. Некоторые места у него лучше, чем у Гете. Но я не умею это написать [4].

Письмо от Кросби. [5] Между прочим, пишет, что желал бы найти оправдание перед своей совестью в том, чтобы посетить Л. Н., но что не может manufacture one *.

Л. Н. сказал о Кросби:

— Был международным судьей в Каире. Женился на богатой, писал мне; для голодающих послал пять тысяч, приехал ко мне и просил совета, что он должен делать. Наивный, хороший человек. Я советовал ему в Соединенных Штатах распространять мысли Генри Джорджа. Он этому посвятил пять лет.

В «Новом времени» 3 апреля о том, как Д. А. Толстой в 1886 г. хотел заключить Л. Н. в суздальский монастырь, как за него заступилась перед царем А. А. Толстая. Пишут об этом по воспоминаниям А. А. Толстой в «Вестнике Европы» [6].

Николай Леонидович вспомнил, что Плеве будто бы ехал к царю с предложением заключить Толстого в тот самый день, когда его (Плеве) убили [7].

В Ясной Поляне я никогда не слыхал неделикатного обращения, там всегда говорят: «Сделайте, как хотите», «Позовите меня» или «Можно меня не звать», «Мне все равно».

Я просил работу у Л. Н.— снова переписать Хельчицкого, что должна была сделать Александра Львовна.

— У вас есть своя работа,— сказал Л. Н.,— но перепишите вычеркнутые места из «Учения 12-ти апостолов». Я уже два дня не писал (перебои) и очень рад. Нынче ездил в Тулу и очень хорошо чувствую себя **.

Это мне говорил Л. Н. вечером, когда пили чай, а после двух партий в шахматы и чтения статьи «Non-resistance» (в «Review of Reviews») он сидел один, подальше от нас в кресле и думал.

Л. Н.: По новому закону правительство содержит англиканские школы. Нонконформисты не хотят платить подати за них. До сих пор у 1600 секвестрировали имущество, а около 100 сидят в заключении [8].

Потом присел к столу, шутил и предложил играть в винт вместе с Николаем Леонидовичем, Татьяной Львовной, Андреем Львовичем. За винтом тоже шутил, пил липовый цвет, похваливал его, рассказывал воспоминания детства, как клали закладный камень Храма Спасителя в 1839 г. [9] Смотрели из дома Милютиных, видели весь парад, Николая Павловича, Преображенский полк. Л. Н. вспомнил, как собака их знакомых тогда заблудилась в лабиринте камней и пропала. Говорил, что Николай Павлович не любил войны, потому что она портит строй. Солдат любил для парада.

Михаил Сергеевич читал из «Вечерней почты» от 3 апреля передовую статью о том, как И. С. Аксаков в 1861 г. негодовал на Манифест и Положение об освобождении крестьян, во-первых, потому, что земля признана собственностью господ и что крестьяне должны платить за нее выкуп. Земля должна бы быть признана собственностью тех, кто на ней работает, а выкуп нужно было дать господам с податей, которые все жители платят. Во-вторых, потому, что то же самое признали относительно государственных крестьян. Это вроде того, как если бы за деревом не признать земли, на которой оно растет [10].

Л. Н. проповедует, что настоящее благосостояние только в духовном и нравственном смысле и что оно заключает в себе и материальное, и в

---

* измыслить ее (*англ.*).

** Л. Н. ездил верхом в Тулу и обратно, хотя вчера говорил, когда у него были перебои, что надо беречь себя.

соответствии со степенью этого благосостояния возникают и условия, социальные или политические.

Сегодня Л. Н. получил ругательное письмо с нехорошим рисунком, без марки, заплатил штраф — 98 коп.

Л. Н.: Читал в «Review of Reviews» интервью Горького. Горький против революции ⟨против использования ее результатов буржуазией в своих интересах⟩. «Во Франции после революции последовал один Наполеон, у нас бы их последовало двадцать» [11].

6 апреля. Тает. По яснополянской улице и прешпекту глубокие промоины.

Филька ездил за почтой верхом; после завтрака я попросил Л. Н. дать мне что-нибудь для переписывания. Искал, но ничего не дал, нет у него пока ничего.

Хельчицкий у него еще не закончен, а «Учение 12-ти апостолов» будут печатать с книжки.

Л. Н. за обедом рассказывал, с кем встретился: с тремя странниками, двумя оборванцами, один из них — бывший кавалергард.

— Этакие,— вставил Николай Леонидович,— говорят, особенно низко опускаются.

Л. Н. вспоминал, какие перемены произошли за его жизнь:

— Когда я шел возле Косой Горы, вспоминал времена, когда не было ни шоссе, ни железной дороги. Шоссе было проложено в 1837 году. Тогда (Л. Н. назвал кого-то) говорил, что с шоссе будет видно Тулу. Хотелось бы мне идти туда и туда, в Москве в.....* в Никольское, в Пирогово — померли.

Садясь за шахматы, Л. Н. спросил меня, не неприятно ли мне что-нибудь?

— Нет, только я сам себе неприятен.

— Почему?

— Так.

— Это хорошо, когда неприятен себе,— сказал Л. Н.

В «Русских ведомостях» сообщение о том, сколько потеряли в цене русские процентные бумаги: от 15 до 28 процентов, т. е. от одного до двух миллиардов рублей [1].

Кто-то затронул вопрос о контрибуции.

Николай Леонидович: Контрибуции не будет, если не будет революции у нас. Если же будет революция, то заключат мир на любых условиях.

Л. Н.: Вчера читал «Review of Reviews». Там длинная интересная статья о том, что японцы не смогут требовать контрибуции. Есть возможность продолжать войну с ними, пока они не отступят! [2]

Кто-то сказал, что в «Encyclopædia Britannica» 19 столбцов о Толстом [3], а об Эдварде Карпентере совсем не упоминается. Сколько будет в «Научном словаре» («Slovnik naučný») Отто? [4]

За чаем сестры упрекали Александру Львовну за то, что она выпила на станции в Туле стакан пива.

— Так же, как тебе неприятно смотреть на девушку, когда ее молодые люди заставляют пить и когда именно самые невинные попадаются и пьют, так и на тебя было неприятно смотреть. А от тебя требуется больше. Когда мы были в твоем возрасте, мы были записаны в Общество трезвости [5],— говорили сестры Александре Львовне. Она оправдывалась.

Вошел Л. Н. и сказал Александре Львовне:

— Благодарить должна, а не обижаться. Кому какая радость говорить кому-нибудь неприятность?

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Л. Н. (*Михаилу Сергеевичу*): Когда проснешься от сна, то видишь, что то, что тебе снилось, был ряд воспоминаний, а казалось тебе во сне реальным. Не так ли будет и при нашей смерти, что это будет так же пробуждение от сна из ряда воспоминаний и что реального не было, а были воспоминания? Я вас знаю, как ряд воспоминаний, когда вы были молоды, когда женились...

Л. Н. был в веселом расположении духа. Раздавал автографы, предложил играть в винт.

Когда расходились в полночь, Л. Н., подавая мне руку, спросил, что меня мучит?

— Ленив. Сегодня убил полдня чтением всякой всячины.

— Это временами бывает, что не работаешь, но всегда на пользу. После того мысли яснее, лучше работают. Я думал, что что-нибудь другое. Я в молодости много времени терял даром и теперь иногда.

Затем мы говорили о Масарике. Л. Н. привел следующую характеристику Рёскина, сделанную английским писателем: «Главный недостаток Рёскина — туманное церковно-христианское понимание требований жизни, которое сделало для него возможным соединить нравственные идеалы с эстетическими,— остался в нем до конца и ослаблял его учение», и прибавил, что нечто подобное можно сказать и про Масарика.

8 апреля. Пятница. Л. Н. говорил за завтраком:

— Как я счастлив, что живу в деревне. Теперь съезд о печати [1]. О чем же им ⟨журналистам⟩ говорить? Что же может быть яснее: свобода печати, и если кто клевещет, на то есть суд — говорю с их точки зрения. Теперь начинают группироваться различные партии, видно, что сильнейшая — консервативная. Ей же надо стоять за свободу печати. Правительство может на это согласиться. Ведь консервативная партия будет его защищать, и она будет тем сильнее, когда будет свобода печати и когда тем самым отпадет подозрение, что ей покровительствует правительство.

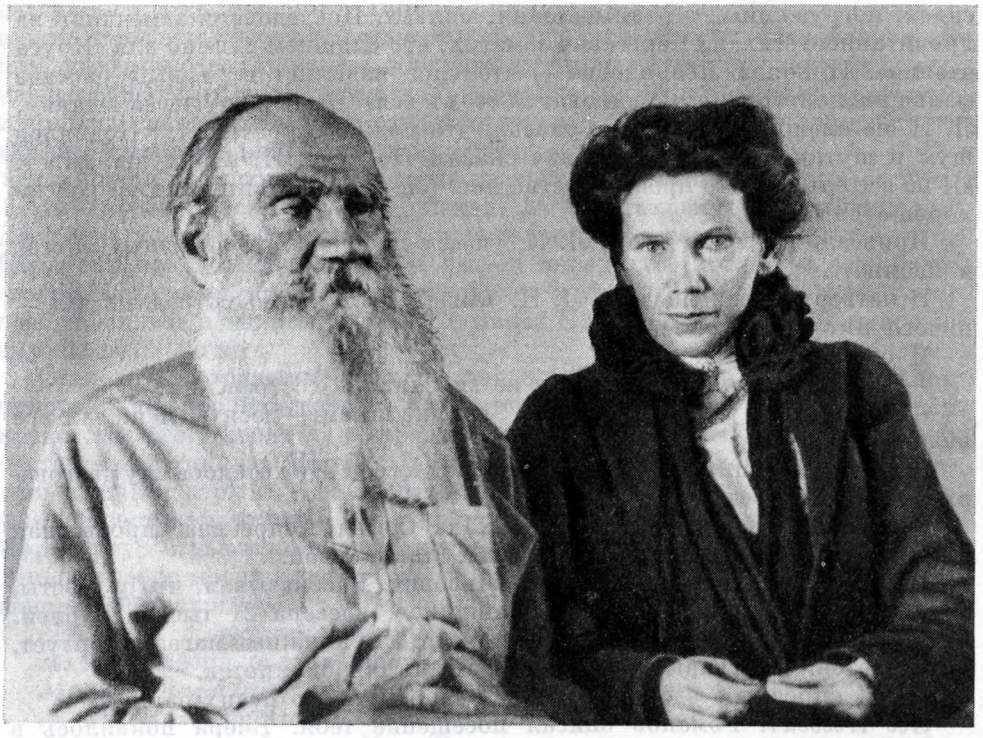
Я сказал Л. Н., что ответил Мооду: 1) что духоборы из Якутской области еще не освобождены и 2) что их там не 200, а 72 [2].

Л. Н.: Он более прав. Их скорее 200, так как с ними и другие отказавшиеся. Просматривал его книгу. Он нападает на духоборов и кичится непризнанием непротивления [3]. Как странно, что он хочет христианства без непротивления! Оно (непротивление) ведь идеал, вполне не осуществимо, как каждый идеал, но видеть его, стремиться к нему нужно [4].

Письма Л. Н. получает: во-первых, просительные; во-вторых, просьбы об автографах; в-третьих, выражение благодарности, любви, согласия с его взглядами, доброжелательства; и, в-четвертых, ругательные (как вчера от одного и того же священника по нескольку раз); в-пятых, вопросы о вере; в-шестых, вопросы о теперешнем положении России; в-седьмых, просьбы о литературных советах, пересылают ему рукописи для чтения; в-восьмых, семейные, дружеские.

Эти мои записки о Л. Н. очень недостаточны, мало чего дают определенно, ясно, верно, исправно. Пусть они никого не удерживают от чтения самих сочинений Л. Н. Бывает так, что иной, желающий узнать о каком-нибудь сочинении, читает не самоё сочинение, а то, что о нем пишут другие. Относительно Л. Н. пусть никто так не поступает. Пусть не удовольствуются тем, что говорят о нем другие. Они могут ошибаться даже и в том случае, если это самые искренние и способные — а этих свойств я у себя не нахожу. К Л. Н. следует относиться, как к Христу. Недостаточно того, что говорил о нем искренний Франциск Ассизский или непогрешимый папа, но идешь к Евангелию, к словам, переданным им.

За обедом Л. Н. рассказывал, что опять была эта баба ясенецкая, несчастная, у нее пять человек детей, муж ранен. Получала пенсию, теперь



ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ М. Л. ОБОЛЕНСКОЙ
Ясная Поляна, 26—31 июля 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова

мужа освободили от военной службы, поместили в больницу, а ей пенсию прекратили. Она, действительно, очень нуждается.

Николай Леонидович говорил, что сегодня приходили просить два погорелых со старым фальшивым свидетельством. Когда он им сказал, что они ведь не погорели, они стали вертеться. Дал им по 20 коп., были очень довольны.

Л. Н.: Зачем ты им дал? Я не дал бы им.

По этому поводу Михаил Сергеевич рассказал о подобных проделках мужиков: как один пришел, говорил, что дочь выдает замуж, получил 25 р., а это была неправда, и т. п.

Я засмеялся на рассказ об одной такой проделке. И разговор принял такой тон, как будто все приходящие просители — обманщики. И общее настроение было легкомысленное. Может быть, почувствовав несправедливость этого, все замолкли и задумались.

Л. Н.: Есть рассказ о ⟨патриархе⟩ Иерусалимском. Когда он раздавал милостыню, один, получивший медную монету, переоделся и опять попросил — получил опять, переоделся и опять попросил. Тогда ⟨патриарх⟩ Иерусалимский велел дать ему золотой. Раздатчик дал и сказал ⟨патриарху⟩ Иерусалимскому: «Он уже получил». ⟨Святой ответил:⟩ «Я думаю, что это сам Христос искушает меня» [5].

В три четверти девятого Л. Н. вышел из кабинета в залу и прочел вслух отрывок из «Братьев Карамазовых» — «Поединок». Читает он как великий художник. Место, где офицер дает пощечину денщику, читал сильным голосом; где офицер жалеет о том, что сделал, — рыдал и глотал слезы. Когда закончил, был очень растроган. Лицо в морщинах, усталый;

сидел, погруженный в размышления, молчал. Последовали замечания на прочитанное: Михаил Сергеевич заметил, что слишком длинно для «Круга чтения»; Николай Леонидович — что слог извилист и первый рассказ фальшив; повторения: «Я виноват за всех и вся». Были и другие замечания. Л. Н. не вмешивался, только сказал, что можно сократить... [6] Поднялся шум и шутки. Михаил Сергеевич сказал что-то Л. Н. и получил ответ: «Я не все слышу. Это преимущество мое» (Л. Н., действительно, не совсем хорошо слышит).

Привезли почту из Тулы. Л. Н. ушел с письмами (15 заказных) к себе в кабинет.

В четверть двенадцатого Л. Н. вышел пить чай. Смотрел письма — ничего интересного.

Я спросил Л. Н.:

— Как это случилось, что вы не виделись с Достоевским?

— Случайно. Он был старше лет на восемь—десять. Я желал его видеть.

Л. Н. взял чашку чаю, баранки и ушел к себе. Не хотелось ему разговаривать. Хотел остаться наедине.

9 апреля. Суббота. Утром приехала Софья Андреевна, пробывшая десять дней в Москве, вместе с М. А. Маклаковой.

Вечером в 8 часов приехал Лев Львович. Рассказывал, что у газеты, которую затевают издавать, 400 пайщиков, внесена 21 тысяча рублей. 50 человек предлагают даром сотрудничать. Его книжный магазин торгует, развивается. Поступают заказы от земств для библиотек.

Л. Н. спросил о здоровье Доры Федоровны и о beaux-parents *.

Лев Львович: Романов описал посещение тебя. Вчера появилось в газете. Пишет, что ты холодной водой облил мещан... [1]

Л. Н.: Был здесь Романов представиться мне, что он молодой писатель. Я ему ответил холодно, что мне это неинтересно. Умный, и есть в нем крестьянское. Его дело в Москве — собрать десять тысяч членов ‹в общество для помощи рабочим›... важное, важнее писания в газеты.

Л. Н., сначала игравший в шахматы, подсел к столу ко Льву Львовичу и Софье Андреевне. Поговорил немного, ушел, жалуясь, что устал от ходьбы, далеко гулял сегодня. Но через некоторое время вернулся. Лев Львович рассказывал о М. А. Стаховиче, вернувшемся с Дальнего Востока, где он был председателем дворянского санитарного отряда Красного Креста. Он наблюдал штыковой бой в бинокль; видел, как наступают друг на друга и расходятся, и опять наступают, и кружатся один около другого, как загипнотизированные, колют в воздух.

Л. Н.: Это привидение.

Лев Львович: Как привидение? Ведь он это видел.

— Мало ли привидений бывает!

— А как же происходит штыковой бой?

— Столкнутся, и одни испугаются и начнут бежать. Так же, как атака кавалерии.

За чаем Лев Львович рассказывал об актерах, об их тяжелом положении в Петербурге: никто не ходит в театр.

Л. Н.: Ты живешь в городе, я в деревне. Как странно в городе жить! Суета, заняты тем и другим, спорят, поучают, нет времени жить; театры, сходки.

— Получил письмо от Накашидзе,— продолжал Л. Н.,— подробно описывает гурийское движение. Земельную собственность признают только за теми, кто ее обрабатывает сам. Генри Джорджа не знают. 123 человека выселили, дворяне их оговорили. Они народ горячий, не выдерживают

* тесте и теще (*франц.*).

пассивного сопротивления. Террористы начали злоупотреблять (как все власть имеющие) своей властью, и собравшиеся на сход потребовали от них, чтоб они отдали оружие, и угрожали им, что с ними не захотят иметь ничего общего; если же они отдадут оружие, их будут считать братьями и примут в свою среду. Они отдали оружие [2]. И крестьянин один пишет: «Если будете еще брать запасных, сделаем революцию».

Со Львом Львовичем Л. Н. долго разговаривал потом в своем кабинете.

10 апреля. Воскресенье. Приехал М. А. Стахович, вернувшийся с Дальнего Востока. Здоровый, жизнерадостный и остроумный человек. Поцеловались с Л. Н-чем. Л. Н. вышел ненадолго, когда мы сидели за столом, поговорил коротко со Стаховичем и ушел. Был или усталый, или возбужденный и немного желтый с лица. На чей-то вопрос ответил, что ему не работается.

Стахович восторженно рассказывал о Владивостоке, о великолепной пристани, прекрасном городе. Когда он там был, вернулись два из трех крейсеров, без «Рюрика», в страшном виде. Броня на «Громобое» висела местами, как тряпки; 380 убитых и раненых. Сестры милосердия поднимались на ballon captif *. Стахович рассказывал о том, как Алексеев отбирал у Владивостока и отдавал Порт-Артуру пушки из укреплений. А все-таки Порт-Артур был не укреплен в начале войны, так же как Ясная Поляна. Японцы легко могли его занять. О Рожественском говорил, что он совершенно бесстрашный.

Л. Н. (*об Алексееве*): Никто о нем ничего не слыхал. И сразу ..... **

Л. Н. спросил о духе войска.

Михаил Александрович: Войско не хочет отступать.

Л. Н.: Не говорится об измене, как в Севастополе?

Михаил Александрович: Нет. Японцам служит счастье, нам — наоборот.

У Л. Н. были два бывших мастера балета, которые начали жить простой трудовой жизнью.

Л. Н. рассказывал о мужиках, которых встретил сегодня на прогулке верхом. С одним ехал долго рядом. Передал многое из того, что мужик рассказывал по дороге, и передал его говором — замечательно хорошо, живо, характеристично, как настоящий артист. Вечером винт. С четверти 12-го до 12 (рассказала мне на другой день Мария Львовна) горячий спор между Л. Н. и Николаем Леонидовичем, с одной стороны, и Львом Львовичем и Софьей Андреевной, с другой, о Генри Джордже. Л. Н. было от него тяжело на сердце.

Какой скромный Л. Н.: почти во всех комнатах яснополянского дома, как смеркается, зажигают лампы, только в кабинете Л. Н. нет. У него зажигается только небольшая (ночная) лампочка, и он сам зажигает свечи в ней, которые, когда уходит обедать или чай пить, гасит [1].

11 апреля. Понедельник. После обеда, как бы в праздник: Лев, Андрей, Михаил Львовичи, все три дочери, оба зятя и М. А. Маклакова. Л. Н. искал биографию Генри Джорджа, составленную его сыном [1]. Был у Александры Львовны. Играл в шахматы. Потом Михаил Сергеевич читал вслух статью «Священник Герасим Иванович Цветков» А. Пругавина [2].

Я в это время вошел.

Л. Н. (*мне*): Вот мы прочли о Цветкове. Поразительно, что наши священники, которые боролись за внешнюю независимость их от недуховного главы и не пошли дальше, за это несли такие страдания. Он еще заточен?!

Лев Львович играл на фортепьяно, Михаил Львович — на балалайке.

---

* привязном аэростате (*франц.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Играл и заунывную русскую песню. Потом Мария Алексеевна пела. Л. Н. слушал сначала в кабинете, просил не закрывать дверей.

Потом Л. Н. пришел к чаю, слушал и сам советовал, что петь: Рубинштейна, Чайковского. Был веселый, шутил, ходил кругом из комнаты в комнату через залу, коридор, руки засунув за пояс. Он смеялся над тем, как Михаил Львович приставал во время перерывов (в Дворянском собрании) к Михаилу Сергеевичу — говорить о телятах; представлял, как Михаил Львович кнутом по голенищу хлопает.

— Вот,— Л. Н. показывал на стол,— получена кипа пустых книг *. Одна биографическая в хорошем переплете. В новой книге «Monist» статья о китайском письме, надо прочесть [4].

Взял книгу и довольно долго читал и показывал нам рисунки китайского письма, изображающие ухо, глаз, рот, книгу (соединение рисовальной «кисточки» и слова «говорить»), черепаху, слона и т. д.

— У них, должно быть, вследствие такого письма своеобразный склад мышления,— сказал Л. Н.

Пришел Аля Сухотин проститься с Л. Н-чем. Л. Н. спросил, вернется ли он еще; потом, вероятно, недовольный тем, что сегодня не поговорил с ним, спросил его, знает ли он, кто такие айны. Аля знал.

Л. Н.: Жалко их, вымирают. Тут в «Monist» — прошлом номере — была статья о них с картинками. Они похожи на русских, славян, и один — было его изображение — на меня. Они милые, мирные. Соприкосновение с цивилизацией, водка, столкновение с кулаками, которые у них скупают шкуры за бесценок,— у каждого дикого народа есть свои понятия о чести,— их развращают, разоряют. Какого они племени, неизвестно [5].

Аля: Якуты и буряты не вымирают.

Л. Н.: Аркадий Иванович Якоби — я его посетил в Харькове после того, как сорок лет не видел [6], — бросил профессуру и в Сибири заботился об инородцах, изучал их и старался помогать.

Лев Львович: Воспоминания пишешь, папа?

Л. Н.: Давно не писал. Надо настроение, а то выходит слабо. Писал о братьях, хотел их изобразить. Начал с Дмитрия хронологически, о некоторых лицах прислуги [7]. Но не в состоянии был так продолжать. Надо выбирать отдельные сцены, описывать самые яркие эпизоды.

Лев Львович: Пиши о братьях, обо всем, а главным образом, воспоминания о себе; это самое важное.

Л. Н.: У меня много других должностей. Кончил «Единое на потребу». С год занят изложением религиозного учения для детей [8]; Алеша (Аля) уже вырос из того возраста, а для Феди (Дорика)... Написал целый том... Я хотел написать катехизис общей религии... но не удалось. Надо самому ясно сознавать. Выбрал из всего очень мало. Приходит мне на ум роман Джордж Элиот (Л. Н. назвал его, я не расслышал). Таня, помнишь? Доротея, девушка, хотела выйти замуж за человека, который делает какое-нибудь общеполезное дело; вышла за старого человека, пишущего историю религии. Переписывает ему, помогает отыскивать книги, а тот пишет, пишет — и ничего не выходит [9].

Эту ночь мне снилось, что Софья Андреевна делала ужасную сцену из ревности. Мне это так же живо представилось, как и Доротея, которой никогда не видал, а она ближе мне, чем знакомые женщины, которых близко знал.

Пришел Михаил Сергеевич, говорил, что в Брокгаузе и Ефроне не нашел определения Кармы [10].

Л. Н.: И Боэти там нет. Нужно бы приобрести большой Larousse [11]. Так посмотрите маленький Larousse [12]. В библиотеке есть старая француз-

* Между ними была книга «An Ideal City» [3].

ская «Энциклопедия» [13], можно ею пользоваться и до сих пор по истории, математике, астрономии. В Брокгаузе и Ефроне читал: «Религия» и другие статьи о религии. Писали их Соловьев и Трубецкой [14]. Статьи о религии, которые историко-философские,— сойдут, но которые о религии и о философии — растянутая болтовня. Уверен, что в немецком Брокгаузе объективнее написано. Здесь эти господа внесли свои взгляды, которых никто не знает и не хочет знать.

Лев Львович: Я читал «Национализм» [15] и тоже был неудовлетворен. А говорят, что русский Брокгауз полнее немецкого и что многие статьи из него перевели в немецкий.

Л. Н.: Когда хочешь ехать?

Лев Львович: Завтра. Уже тут потерял два дня. Хватит с меня. Что велишь сказать в Петербурге?

Л. Н.: Стасову привет, надо бы ему возвратить книги — но это будут дублеты.

Лев Львович: Наверно. Он с Ильясом собирается посетить Ясную [16].

Л. Н.: Буду очень рад.

Лев Львович: Какая великолепная Публичная библиотека! Какие залы! В одной из них говорил речь Горький [17].

Л. Н.: Слышал с двух сторон. Сергеенко рассказывал, что они уж поделили министерства, чтобы не были не подготовлены в случае переворота: Горький — министр просвещения [18].

Лев Львович: Было тревожное время. Положение менялось каждый час. Думали, что революция пойдет на французский лад, а я думаю, что пойдет, как в Швеции: постепенно. Там тоже парламент произошел из земского собрания.

Пришли прощаться Михаил Львович, Михаил Сергеевич. И Лев Львович простился с матерью, хотя уезжает только завтра в 11 часов дня.

Л. Н.: В Москве передай: жду Ивана Ивановича и Страхова. Страхов — философский ум. Ясно, корректно корригирует.

12 апреля. Вторник. Л. Н. как-то не в духе, но не выказывает этого; когда же бывает болен, не жалуется, терпит, не хочет, чтобы другие вместе с ним страдали.

Л. Н. от физического утомления не заболевает, а от душевных волнений, огорчений, музыки заболевает. На следующий день после концерта сказал: «Перебои от вчерашней музыки. Продолжалось четыре часа, и перед тем два дня была музыка. Теперь Андрюша, Лева. Не вижу надобности писания того, что пишет Сергей или он». Сегодня Лев Львович уехал в Петербург, удрученный. В Петербурге политические события ему кажутся особенно важными; здесь видел, что им той важности не приписывают; что в деревне дворяне, крестьяне живут другими и более важными заботами; тут не нашел, кто бы с его взглядами согласился.

Л. Н.: Леву обидели.

Татьяна Львовна говорила, что он должен был остаться на праздники.

Сегодня первый теплый весенний день. Зеленая травка пробивается. Некоторые деревья уже распускаются; земля сохнет. Птички (дрозды) поют все живее. Красота яснополянского парка поразительная.

Придя вечером к чаю, я принес «The Monist» за апрель 1905 г.

Л. Н. спросил меня, что я читал. Я показал на реферат «The Slav Invasion (in U. S.)». Автор опасается иммиграции славян, которые так не ассимилируются, как германцы, и дети их (славян) в школах успевают лучше детей народов, говорящих по-английски [1].

Л. Н. прочел сам это заключение статьи и сказал:

— Генри Джордж был сначала врагом китайской иммиграции, а потом защищал ее. Увидел, что беда не в дешевой работе, а в несправедливом владении землей. Главный вопрос — земельный.

Л. Н. удивился слову «Slav» *.

— Это будет,— сказал,— новый американский способ писания в отличие от «Slave» **.

Пошел посмотреть английский словарь (Л. Н. каждое незнакомое английское, немецкое, вероятно и французское слово смотрит в словаре, не переставая таким образом совершенствоваться в знании языков).

Вернувшись, сказал:

— Как это Душан Петрович везде найдет, что касается славян! Вы предложили мне свои услуги,— обратился ко мне Л. Н.,— я не воспользовался ими, а могу вам дать переписать статью о Хельчицком. Будет вам по душе; перепишите для Черткова и Шкарвана.

— Что же Рожественский? — после короткого общего молчания спросил Л. Н.

Николай Леонидович: Вышел из французского порта Сайгон в восточной Индии. Японцы протестуют, что там так долго стоял, как по международному праву нельзя. Делькассе заболел, подал в отставку. Французы говорят, что, по их старинным законам, существующим со времен Американо-испанской войны, они могут оказывать гостеприимство иностранным судам.

Л. Н.: Международные законы существуют дотоле, пока их не нарушат.

Мария Алексеевна принесла тетради нот. Л. Н. смотрел их и читал около трех четвертей часа, пока Мария Алексеевна пела под аккомпанемент Татьяны Львовны.

Я читал английскую биографию Генри Джорджа, показал Л. Н. о нем (о Л. Н.) одно место.

Л. Н.: Есть и в русской (которую он как раз держал в руке) [2].

Л. Н. (*в половине двенадцатого*): Какая красивая ночь! Звезды ясные, пойду пройтись.

И пошел, я — за ним:

— Зачем? Не идите, пожалуйста,— сказал он мне,— я только на террасу.

13 апреля. Среда. Л. Н. своим простым отношением к людям оказывает влияние на гостящих в Ясной Поляне аристократов. Аристократы в Ясной Поляне ведут себя с людьми точно так же просто, как он.

Приехал Сергей Львович.

Л. Н. вечером ко мне:

— Как поживаете?

— Ничего.

— Мне все не работается. Печень. Теперь немножко поработал.

Написал рассказ, переписывала его Мария Львовна. Хвалила: хорош, красивый [1].

За обедом Сергей Львович рассказывал о террористе, убившем Сергея Александровича, что его приговорили к смертной казни. Он апеллировал, ссылаясь на то, что убил Сергея Александровича не как члена царской фамилии, а как губернатора [2].

— Мать спрашивала, не будет ли хуже от этой апелляции? — сказал Сергей Львович.

Л. Н.: В смысле нерешенности его судьбы. Ведь заключение — ужасная жестокость. Когда человек среди людей, он находится под их влиянием, влиянием событий, а в заключении — под влиянием тех мыслей, которые довели его до преступления. Не может от этих мыслей освободиться, всё винтят, винтят в голове.

За вечерним чаем Сергей Львович вспомнил, что в «Русском листке» интервью Романова.

---

* «славянин» (*англ.*).

** «раб» (*англ.*).

— Плохо написано. Такие слова: «папаша», «мамаша», обороты речи, каких ты не употребляешь,— сказал он.

Софья Андреевна: Ах, эти корреспонденты!

Л. Н.: Этот умный, серьезный.

Сергей Львович продолжал и привел (как пример точности) диалог между Генри Джорджем и юристом, записанный стенографом. Потом хотели поправить — нечего было, так точно высказали оба свои мысли в разговоре.

Л. Н.: Этот диалог и в книге Николаева [3].

Софья Андреевна: Бурдон как хорошо записал интервью [4].

Я: Стэд и Буайе очень хорошо записали [5].

Л. Н.: Стэд писал лист за листом, ничего не поправляя для печати. Журналисты умеют выбирать самое существенное и передавать его ясно, точно и коротко; это такое же искусство, как ораторство.

Л. Н. сказал о Генри Джордже (я хорошо не расслышал), что он прошел школу журналиста и оратора *.

Сергей Львович: Английский язык удобен для этого: ясный, точный. Русский — во-первых, длинные слова; во-вторых, в разговоре нужно повторять слова, которые уже раз употребил, потому что причастие к тем падежам не подходит.

Л. Н.: А англичане ставят в конце «of» **; приблизительный пример: the question what they spoke they of ***.

Сергей Львович: В Москве на каком-то собрании Герценштейн говорил против Генри Джорджа. Доводы: первое — что капитализм еще больше окреп бы, если бы все подати свалили на одну землю; второе — глупость, непонимание, что на выкуп земли нужно было бы десять миллиардов [6].

Николай Леонидович: По Генри Джорджу, выкупа не надо.

Л. Н.: Это такие несостоятельные доводы, как Янжула, что Single Tax **** не достиг бы высоты всех теперешних податей, доводы Янжула, принимавшего в расчет доход с земель в Шотландии, но упустившего землю городов [7].

Л. Н. ушел в свою комнату, через некоторое время вернулся и сказал:

— Эти доводы мне интересно знать, надо их опровергать.

Л. Н. хочет написать статью о Генри Джордже.

Л. Н. получил от Черткова письмо, в котором тот сообщает, что ходатайствует о разрешении приехать на три недели в Россию повидать Л. Н. и мать. До сих пор не получил ответа [8].

Еще Л. Н. получил письмо от сорокалетнего запасного, штундиста, крестьянина Тихона Кошевого, ушедшего с войны. В Ляояне он лежал в лазарете; там читал Евангелие и понял, что военная служба — грех. Оттуда он без копейки денег добрался до своей родины, Полтавской губернии. Просился у кондукторов, его сажали задаром. Дома он явился к военному начальству, его арестовали и посадили в сумасшедший дом. В письме к Л. Н. он описывает всю свою жизнь [9]. Все это рассказал сам Л. Н.

14 апреля. Четверг. Когда я возвращался из лечебницы парком, Л. Н. приветствовал меня с балкона и спросил, есть ли у меня шляпа.

— Пока ее у меня нет. В субботу поеду в Тулу и куплю,— ответил я.

— Возьмите из моих, у меня много,— сказал Л. Н.

В передней он предлагал мне шляпу. Велика она мне.

---

* В его английской биографии сказано, что он рекомендует журналистам специальное образование, курсы.

** об (*англ.*).

*** вопрос, который они обсуждали (*англ.*).

**** единый налог (*англ.*).

После завтрака Л. Н. просил найти книгу «The Great and Good. An Introduction to Rational Religion» by G. E. Comerford Casey, присланную автором. Сказал, где она может быть, но я не нашел [1].

Л. Н. читал Марии Львовне вечером за чаем из письма Casey характеристику Черткова, понравилась ему: «Now your Friend here is a grand Man: a great big Heart and a great big Soul and a great big Body» *.

За чаем Л. Н. сидел, согнувшись, в кресле на колесиках и попросил Марию Львовну, чтобы его подвезла к столу:

— Все мне нехорошо, спасаюсь массажем, тем способом, какой вы мне показали в Крыму,— сказал мне Л. Н. немного погодя,— делаю каждый день три раза.

М. А. Маклакова рассказала, что ее отец построил церковь и, пополам с земством, школу; сперва две-три зимы она сама учила, теперь есть учительница. В Московской губернии более чем достаточно школ, помещения просторные (на 60 человек, а ходят 20).

Татьяна Львовна: Больше, чем 20 детей, нельзя хорошо учить.

Сергей Львович: Московское земство имеет большие доходы с города.

Мария Алексеевна рассказывала, что она учит петь — два-три раза в неделю молодежь (из старших) — церковному пению. Иногда занимаются вечером от 10 до 12. И как охотно учатся, не хотят даже расходиться.

Л. Н. вспомнил, как, когда он учил, школьники жаждали учиться, учились охотно и увлекались, забывая, что уже время расходиться. Правда, не все, а некоторые. Некоторые спали под столом. Кроме школы у себя в доме, он устроил тогда несколько школ в окрестных деревнях. Л. Н. рассказывал, какие это были школы: маленькие избы, пола не было, в землю забивали столбы, на них клали тесины — вот и скамейки. Перечислял, вспоминая, учеников, называл по именам: тот и тот из «первой школы», тот и тот из «второй школы» [2]. Говорил, что и он учил церковному пению; вспоминал мальчиков, которые хорошо пели, особенно некоего Соколова; был он маленький и имел хороший голос. Раз на всенощной стояли на клиросе, надо было петь, а Соколова нет; был за толпой, давал знаки руками, не мог протиснуться. Л. Н. учил по циферным нотам, научился им в Париже и камертоном давал голос.

Мария Алексеевна учит не с голоса, а тоже по нотам — литерным.

Л. Н. вспоминал как знаменитого певца Гришку, отца Власа. (А Влас — уже седой мужик.) На это Александра Львовна расхохоталась, другие и сам Л. Н. за ней. Поправился, что Гришка был Власу дядей и что молодым умер. Но смешно было и это, и продолжали смеяться.

Л. Н. перешел на то, какое нынешнее молодое поколение слабое, болезненное, малого роста, какие заморыши; в 15 лет выглядят, как 12 лет, а шестилетние — крошки. Недоедают.

Николай Леонидович: Пьянствуют.

Мария Львовна: В Пирогове пьянствуют.

Сергей Львович: В Чернском уезде дурная болезнь.

Мария Львовна: И в Пирогове **.

Л. Н.: Здесь она редка, говорит Душан Петрович.

Татьяна Львовна: В Ясной только три семьи бедные, и здесь народ рослый, но у нас *** все дети выглядят, как после болезни: бледные, золотушные.

---

* «Друг ваш теперь здесь — большой человек: большое, благородное сердце, большая, благородная душа и большое, грузное тело» (*англ.*).

** Теперь уже семь лет, как они (пироговские крестьяне) купили землю — лучше стали жить, но раньше жили бедно, урезывали себя всю неделю, чтобы в праздник купить себе баранки.

*** В Кочетах, Новосильского уезда.

ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 1905
Рисунок (тушь, перо) Т. Л. Сухотиной

Сергей Львович рассказал, что раз он встретил плачущего мальчика. Тот кричал: «Дядя, дядя, ничего не вижу, покажи дорогу!» Было еще совсем светло, но мальчик ничего не видел после захода солнца. У него была куриная слепота. А эта болезнь бывает от плохого питания, недостатка жиров.

Я прибавил, что ко мне в лечебницу трое таких приходили.

Л. Н. попросил письмо из Киева штундиста Кошевого, будет отвечать [3].

Юлия Ивановна вспомнила письмо Новикова.

Мария Львовна спросила отца:

— Он тебе тяжел? Пишет, что начал было пить, но тоска еще больше становилась. Подумывает семьей обзавестись, но не решается, и о замыслах самоубийства пишет [4]. Ищет успокоения внешними способами.

Л. Н. согласился с Марией Львовной.

Сегодняшний вечер был такой тихий, поэтический. Не было ни малейшего спора. Не было ни одного даже на короткое время пришедшего чужого человека.

15 апреля. Пятница страстной недели. Третьего дня утром баба колола лед в проруби на пруду; вчера шел дождь; сегодня сухой, очень теплый день.

Эту ночь Л. Н. плохо спал, болела печень. Оболенские, помещающиеся внизу, под его комнатой — «под сводами», и Юлия Ивановна, помещающаяся через стену, слышали, как он охал, кряхтел, ходил.

Сегодня Л. Н. не выходил из дому.

Когда я пришел к завтраку и встретился с ним, он был в халате, подал мне руку и не сказал ни слова. От Марии Львовны я узнал, что он нездоров. Она послала меня к нему. После завтрака, войдя в гостиную, за кото-

рой находится его кабинет, я остановился и постоял минут пять, раздумывая, зайти ли к нему, не помешаю ли его работе или отдыху и что ему советовать. Наконец, подошел к двери, постучал и вошел. Л. Н. сидел в кресле у маленького круглого столика и раскладывал маленькими картами пасьянс.

— Мария Львовна сказала мне, что вы плохо спали,— сказал я.

— Да, печень болела тут (показал на край ребер) и тут (показал на девятое правое ребро в мамилярной * линии). Не выходил, компресс ставил, Виши пил — больше нечего делать,— сказал мне тоном, почти веселым.

Я стоял, молчал, всматривался в его лицо, не желтое ли оно, и соображал, что́ ему посоветовать. Не было оно ни бледное, ни желтое.

— Знобило? — спросил я.

— Да, знобило, пульс был нечастый, но перебои...

— Надо отдохнуть сердцу.

— Врачебной помощи мне не нужно, а вашей дружбы нужно.

Потом сказал:

— Приехал корреспондент; что с ним, о политике говорить? Что же стараться устраивать жизнь другим, а не самому себе, когда готовишься к смерти. Они (корреспонденты) передают выдернутые слова, весь ход мыслей не записывают. Правда, есть и такие, которые присылают корректуры, но тогда лучше самому написать.

Когда пришел корреспондент «Биржевых ведомостей», Л. Н. сказал ему:

— Разговариваю с вами не как с корреспондентом, но как с приятелем. Не пишите интервью [1].

Л. Н. сегодня получил два письма ругательные за то, что он, будто бы, как напечатал Романов в своем интервью, советует революционеров и либералов окатить холодной водой [2].

Вечером Л. Н. сказал мне:

— Как интересоваться тем, чтобы было больше славянских депутатов в венгерском парламенте? Что́ надо сеять, гнилой столб заменить здоровым — это понимаю, это важно. Можно возразить Коле да и мне, что я этим же самым занимаюсь, но я не для себя, а чтобы им показать, что когда они этим занимаются (политикой, как управлять народом), то опускают то, что основное: решение земельного вопроса. Читаю Генри Джорджа, снова хочу о нем писать. Да, «Социальных проблем» у нас нет? [3] А письмо ко Льву XIII читали?

— Да.

— Там хорошо, как по пунктам, разбивает его утверждения. Как относится к нему: видно, что старается с уважением, снисходительно. Бедный папа, попался.

16 апреля. Страстная суббота. Ночью были на светлой заутрене в церкви, в Кочаках (полторы версты от Ясной),— М. А. Маклакова, Александра Львовна и я. Сухо, звезды, теплая ночь. Торжественное, праздничное настроение. Народ празднично одет. Каждый держал в руке свечу. Bigotnosti **, страха, забитости в лицах людей не видно; напротив, видно спокойствие, мягкое обращение друг с другом. На иконах симпатичные лица, простые, человеческие, выразительные, написанные с мастерством; lahodný *** пение. Я сам был сегодня и без того торжественно настроен, сентиментально; торжественная обстановка в церкви меня еще больше умиляла.

---

* грудной (от лат. mamilla).
** Религиозной фанатичности (*словацк.*).
*** приятное (*словацк.*).

17 апреля. Сегодня первый день Пасхи. Приехал А. П. Алексеев из «Посредника», привез с собой гостинец — книги. Л. Н. проводит праздник совершенно так же, как будни, т. е. работает. У него, как у китайцев, нет праздников. Ему нездоровится и сегодня; Л. Н. вспомнил про старика-немца, воспитателя [1]; Карл Иванович вполне серьезно понимал христосование и дарение яиц так: «Hast du was, so kriegst du was, hast du nichts, so kriegst du nichts» *.

Сегодня Л. Н. надел белую холщовую рубашку.

В деревне хоровод. Две девушки прекрасно плясали. В кузминском доме угощение и подарки девочкам — ученицам Александры Львовны, потом пение, смелое, гармоничное, и танцы. Л. Н. некоторое время смотрел и подбадривал.

Л. Н. вспомнил, что получил письмо от саратовского священника, вероятно, молодого. Письмо доброе, жалеет Л. Н-ча, что заблуждается.

18 апреля. Понедельник Пасхи. Я встал в половине шестого, проводил М. А. Шмидт, Иосифа Константиновича, Алексеева. Написал сестре Ольге, что я не приеду до осени, и хозяйке. В амбулаторию пришла лишь одна баба — я готовил мази. После обеда я просматривал иностранные письма и был в Дёминке у больной бабы.

Среди дня были у Л. Н. в кабинете старик-слесарь из Тулы и двое молодых рабочих с оружейного завода и самоварной фабрики из Тулы. Были у Л. Н. в комнате, он долго с ними разговаривал и подарил им много книг — и чертковских, и «Посредника».

Разговор Николая Леонидовича с Сергеем Львовичем о дарвинизме. Николай Леонидович говорил, что Л. Н. не опровергает дарвинизма, только не признает его нужным.

Приехала француженка, восторженная анархистка-теософка [1], прожила три года в анархистской колонии Whiteway в Глостере в Англии. Разговаривала с Л. Н. о теософии, проповедующей братство всех людей («Хорошо»,— заметил Л. Н.), об оккультизме. Говорила восторженно о Седлаке. Л. Н. помнит его. (Был у Л. Н.) Он чех, анархист, очень даровитый. Рассказывала о колонии в Purleigh. Она существует, только несвободна, есть в ней хозяин. «Колония не решает смысла жизни, только приятно, свободно в ней жить».

Л. Н. согласился. Я с ней не разговаривал из-за усталости: с четверти восьмого до 11 часов я спал, потом я слушал игру Сергея Львовича и Марии Алексеевны. Л. Н. из своего кабинета похваливал. Потом вышел в залу, лег на софу и слушал Годара, Чайковского, Рубинштейна.

Л. Н.: Я в последнее время читал биографию Генри Джорджа — Николаева. В высшей степени интересная и новая мне тем, как трудно ему давался заработок и хлеб в молодые годы, какой энергией, предприимчивостью пробивался в жизни и образовывался. На своем горьком опыте изучил несправедливость и зло социальных условий (богатые — в изобилии, бедные в недостатке живут, не имеют возможности учиться и приобретать знания).

19 апреля. Вторник. Уехали Оболенские и Александра Львовна (в Кочеты). Теплое, ясное утро. Приехали Бутурлин, Д. В. Никитин. Третьего дня прошел срок составления телеграммы о Шиллере. Месяца полтора тому назад (из газеты «Die Zeit» — Вена) просили Л. Н. написать, какое влияние имел на него Шиллер, для помещения в «Schiller-Almanach», который издают по случаю 100-летия со дня смерти поэта [1]. Л. Н. хотел написать, сказал: «Может быть, напишу», и письмо отложил к тем, на которые надо

* «Если у тебя что-нибудь есть, то ты что-нибудь получишь, нет у тебя ничего — не получишь ничего» (*нем.*).

отвечать [2]. Приблизительно за неделю до 1 мая н. ст. он получил телеграмму из «Berliner Tageblatt», чтобы в телеграмме высказался о том же [3]: «Напомните мне, надо ответить», — сказал мне. Накануне срока ему напомнили.

В тот вечер и в следующую ночь, с 15 на 16 апреля, он особенно плохо себя чувствовал, да и раньше, с конца марта, был нездоров, а последние дни — в особенно сильной степени. И наплыв гостей к праздникам, и корректура, которую привезли из Москвы (первая потерялась). Так и случилось, что не ответил.

Просил принести из библиотеки Шиллера, чтобы почитать и возобновить впечатления. В библиотеке нашелся экземпляр — весь Шиллер в одном томе, издание Gotta, 1840 г.

Л. Н.: Эту книгу подарил мне доктор в Бухаресте, румын, который меня лечил и полюбил. На ней хорошая надпись [4].

Сергей Львович: Пропустила цензура?

Л. Н.: Я в Швейцарии купил Лессинга, Шиллера, Гете, отправил домой, не получил, пропало в цензуре. Хотелось бы так телеграфировать: «Шиллер живет, не умирает». У Лессинга — «Die Erziehung des Menschengeschlechts». Это философское — хорошо.

За обедом Л. Н. с Бутурлиным, Дмитрием Васильевичем, Татьяной Львовной, Юлией Ивановной и Марией Алексеевной. Л. Н. проехал сегодня более 25 верст и ездил три с половиной часа. Сначала по шоссе — «рассеяться», потом загнул на лесные дорожки; в одном месте шум, плясали нарядные бабы, девки с парнями, потом тишина. Не встретил никого.

— Когда один едешь лесом — это общение с растениями и животными!— сказал Л. Н.

В этом месте, между Ясной и Судаковом, ширина Засеки доходит до семи верст, место глухое. Если б с ним там случилось несчастье, мы бы не знали, в каком направлении его искать.

Вечером Л. Н. был усталый, хотел с Бутурлиным пройтись, но из-за усталости предпочел играть в шахматы. Хотел с Бутурлиным идти на деревню к Петру Осипову «пофилософствовать». Л. Н. говорил, что у Осипова желание пощеголять знанием старых греческих философов.

— А Тарас Фоканов,— сказал далее Л. Н.,— твердый и серьезный.

Бутурлин: А который сейчас у вас был, в лаптях, имеет Евангелие?

Л. Н.: Это странник, из тщеславия странствует — таких много.

— Я согласен с Ламеннэ,— сказал далее Л. Н.,— что можно всего ожидать только от рабочего народа.

20 апреля. Получена почта из Тулы, в ней — ругательная открытка.

Л. Н.: Это какой-нибудь последователь Иоанна Кронштадтского.

Бутурлин: Социалист Герценштейн читал лекцию о Генри Джордже; говорил, во-первых, что одного земельного налога будет недостаточно для покрытия государственных расходов; во-вторых, что если капитал не будет обложен податью, то тем большее бремя падет на земледельца. Возражал ему Николаев [1].

Л. Н.: Будет обложена не земля, а рента с земли. Как выразить по-русски рента — ценность?

Дмитрий Васильевич: Рента будет различна в Вологодской губернии и на Кузнецком мосту.

Л. Н.: Генри Джордж хочет не защиты известного сословия, а узаконения равных прав на землю. Нравственные требования незаметно и медленно растут и осуществляются не ломкой. У Сенеки уже есть намеки на несправедливость рабства... По-моему, теперь четыре нравственных требования должны быть решены: война, брак и отношение к семье, суд (наказывание), земельная собственность.

Бутурлин рассказал, что пишут в сегодняшних газетах: распечатали раскольничьи церкви; в Москве, в Рогожской раскольничьей церкви, через 49 лет впервые сошлись раскольники — это трогательно описано в «Русском слове» 19 апреля. И издан закон, по которому можно перейти из православия в другое христианское исповедание, кроме изуверских. Но не перечислены ни христианские исповедания, в какие можно перейти, ни те, какие между ними изуверские [2]. Искренняя ли уступка эта или только обманная, временная?

Л. Н. порадовало это известие, и он внимательно вслушивался.

Бутурлин рассказывал, что, может быть, раскольники купили этот закон, будто бы обещали за него миллиард взаймы без процентов. По другим слухам, будто бы 100 миллионов, половину последнего 5%-ного займа.

За чаем Л. Н. говорил о «Круге чтения», что, вероятно, целый год будет издаваться. Что за радость он чувствовал, когда составлял его! Прочел некоторые изречения Шопенгауэра, Торо, Сенеки о хороших книгах. Какой балласт уму и как мельчают от средних или плохих книг; надо читать хорошие, хороших никогда довольно не прочтешь.

Бутурлин перевел речь на «Ниву» Маркса, Софья Андреевна — на гонорары. Л. Н. вспомнил, какое предложение получил от «Concert Direction». Сказал:

— Какая мерзость — религию, мысли связывать с деньгами.

Л. Н. поручил Татьяне Львовне написать письмо в газеты, что он не говорил таких вещей, какие приводятся в интервью с ним Романова в «Русском листке» от 8 апреля, что это «сплошь выдумка» [3].

— Следующему корреспонденту — от «Биржевых ведомостей» — я отказал под влиянием письма, которое накануне получил,— сказал Л. Н.

Л. Н. рассказал Бутурлину о книге Таубе «Христианство и международный мир»: Таубе пишет, что всегда был идеал вечного мира, раз хотели его осуществить Римская империя, католическая церковь, Наполеон [4].

Л. Н. поручил мне ответить автору драмы «Jesus und Juda», что не может принять его — времени не хватает [5].

Софья Андреевна заговорила о докторах, сказала, что из ста один хороший.

Бутурлин (*оглянувшись на присутствующих, среди которых было вместе с ним три доктора* [6]): А сколько же, в таком случае, из трех?

— Хорошие доктора знают, как лечить, и хорошо лечат, а кто хорошие — это решает Софья Андреевна,— сказал Л. Н. с улыбкой.

Татьяна Львовна заговорила о русских курсистках в Лозанне: досадовала на их неряшливость и нечистоплотность.

Л. Н.: Это бедность.

Бутурлин подтвердил, что чистоплотность дорога́.

Татьяна Львовна: В газетах писали, что петербургские рабочие отказываются от водки, чтобы не дать правительству дохода. До сих пор две или шесть тысяч человек отказалось.

Бутурлин спросил Л. Н. о войне. Л. Н. сказал только то, что это большая схватка и что она проложит след в сознании людей. В первый раз идут воевать люди из всего народа без всякого интереса, против своей воли.

Уехали Мария Алексеевна и Дмитрий Васильевич.

21 апреля. Теплый день. Выставили в лечебнице окна. Много больных. Зеленя выбились из земли. Первый раз выгоняли скот на пастбище. Был гимназистик из Тулы (Константин Шангин, 7-й класс). Рассказывал: их двенадцать, хотят добыть сочинения Л. Н. и другие книги. Читают в третий раз «Крейцерову сонату».

После обеда Бутурлин рассказывал о том, что теперь в Москве развелось много дурного типа нищих — «хулиганов». Злые лица, видите требовательность. Иду по Кремлю. Подступает такой нищий, снимает шапку, другие два ему говорят: «Что снимаешь шапку?» На Девичьем Поле сидела девушка, подошел такой нищий, получил от нее деньги, потом подкрался сзади, стал душить ее и отнял у нее ридикюль.

Я тоже выразил удивление, какие здоровые люди попрошайничают. Вспомнил про того нищего из Дёминки, которого я вчера встретил. Бездельник, алкоголик.

Л. Н.: Генри Джордж говорит: есть три категории людей: одни живут милостыней, другие — воровством, третьи — трудом [1].

Татьяна Львовна отозвалась:

— Мы живем милостыней и воровством.

Л. Н.: Да, мы живем воровством.

К чаю Л. Н. пришел довольно поздно. Разговаривал с Бутурлиным. Спросил, не знает ли, кто первый предложил l'impôt unique? * Не Тюрго ли?

Бутурлин ответил:

— Может быть, Кене?

Я поискал в Брокгаузе и прочел вслух, что могло относиться к налогу.

Л. Н. негодовал на то, что в словаре нет статьи ни о едином налоге, ни о Лабоэти, а разные подробности биографий мелких русских писателей, например Сергеенко, есть [2].

Л. Н., впрочем, более или менее доволен Брокгаузом: вспомогательная книга.

Бутурлин сказал о каком-то незначительном городе, где есть восемь экземпляров Брокгауза.

Л. Н. рассказал о бугурусланских братьях-купцах, какие у них книги и чего они достигли самообразованием. Ему кажется, что по деревням и маленьким городкам больше занимаются чтением, самообразованием, нежели в столицах, где поверхностно...

Бутурлин: В последние годы в провинции появился новый состав читателей, самообразовывающихся.

Разговор о войне.

Бутурлин: Об эскадре Рожественского мало говорят и мало ею интересуются. Такие фатальные поражения, одно за другим.

Л. Н.: Мне кажется, все то, что читаю, слышу, сказочным; так далеко происходит, не видал раненых.

Бутурлин разговаривал с Немировичем-Данченко. Он вернулся с Дальнего Востока в промежутке между боями под Ляояном и Мукденом. Был брюнет, там поседел. Был хвастун, самодовольный, теперь стал иным, серьезным [3]. Говорят, Куропаткин тоже совсем поседел. Немирович-Данченко говорил, что русские укрепления в лоб взять невозможно. Японцы брали их обходом с фланга.

Бутурлин рассказывал новости из газет об убийствах и передал содержание одного недавно появившегося рассказа Серафимовича про убийство [4]. Как простой, обыкновенный мужик вез велосипедиста, который попросил взять его на телегу. Мужик спросил, что стоит машина-игрушка — 250 рублей. Сумма — как нам 200 тысяч, на которую мужик и корову купит, и дом поправит — все, что ему нужно. Мужик пытается убить велосипедиста, но сам гибнет под телегой.

— Рассказ хорош тем, что описано наваждение мыслей,— сказал Бутурлин.— Сдерживающий центр слабеет, и тогда совершают убийство.

---

* единый налог (*франц.*).

Л. Н.: Это я понимаю. В деревне Волохове, где я вчера был, случилось...

И Л. Н. передал историю, совершенно подобную истории Девкина, рассказанную им в «Воскресении» [5].

Затем Л. Н. сказал:

— У меня подобных наваждений мыслей (неотвязных) не бывало, но бывали иные — например, решения математических задач. Одну, очень частную, ничтожную, послал известному математику Буняковскому. Он поместил ее в свой труд [6]. Математические вопросы приходили мне ночью, не давали спать. Никак не освободишься от них. Сон — такая вещь, которая наступает помимо воли человека. Чем больше человек думает: «Надо спать», тем труднее заснуть. Заснешь, когда отсутствие всяких мыслей.

Л. Н. рассказал по Диккенсу историю из XVI или XVII столетия о том, как отчим убил богатого пасынка.

— Я хотел ее поместить в «Круг чтения»; хорошо описано, как приходили к нему сызнова и сызнова преступные мысли; конец нехорош [7],— сказал Л. Н.

Бутурлин: В «Образовании» я читал вашу переделку «Сорок лет» Костомарова [8].

Л. Н. сказал, что Костомаров ему неприятен:

— Не люблю его, он подражает Маколею.

Вчера Л. Н., между прочим, говорил, что от алкоголиков-родителей дети бывают никак не преступные или болезненные (нервно-дегенеративные):

— Раз,— сказал он,— читая статью Фореля об этом [9], я в мыслях перебирал яснополянские семьи. Дети алкоголиков здоровы.

Л. Н. рассказал, что 15-летний сын Сухотина, гимназист, редактирует в Петербурге журнал. 11-летний сын Святополка-Мирского написал туда «Психологический этюд» — о душевном состоянии Балмашева перед казнью. А 13-летний сын N. N. написал царю письмо, что его отец не либерал.

Говорили о Сергее Львовиче. Софья Андреевна жалела, что в карты играет и теперь, когда стал таким видным человеком. Бутурлин сказал, что он написал прекрасную статью о состоянии крестьянства. Картина эта страшна.

22 апреля. Пятница. Наплыв больных. Я был в Воздремах.

Чертков писал, что приедет 1 июня на три недели [1]. Л. Н. обрадовался. Был в очень веселом расположении духа. Софья Андреевна сказала, что, когда Чертков приедет, Л. Н. будет от радости плакать, что он будет волноваться, что доктор должен присутствовать при встрече.

Л. Н.: Получил какие-то письма к Шмиту о Толстом. Прочтите и отложите или верните. А то будут ругать, всегда так бывает. Кроме того, я получил рукопись, красиво написанную. Действие происходит в России, лица: Наташа, Серпуховский. Перевод ли это или переделка моего рассказа? Не Шкарван ли присылает? Эти лица в моих сочинениях имеются [2]. Посмотрите и скажите мне, что это такое.

Л. Н. вечером рассказывал разные воспоминания Бутурлину и Михаилу Сергеевичу. Потом сказал:

— Не так ли это, что вся жизнь — воспоминания? Когда случится радость, опасность, испуг, в первую минуту не чувствуешь ничего, а только когда сообразишь, что случилось, радуешься, опасаешься.

Уехал Бутурлин — кроме Стасова, Черткова (из старых) и младших, кажется, лучший друг Л. Н. Пробыл четыре дня. Он доктор медицины, симпатичный, тихий, очень даровитый. Изучал религию, теологию, историю, ботанику. Интересно говорит. Ночью читает, пишет до шести утра. Л. Н. удивлялся этому.

Завтра поедем в Тулу — всевозможные поручения.

23 апреля. Вечером были у Л. Н-ча Гринфельд, Ставровский с сыном, Булыгин с женой и учительницей. Ставровский говорил о праве и морали. Л. Н. возражал ему, что право — насилие.

— Несомненная истина, по Канту, такова, что если бы мы по ней жили, то и всем людям было бы хорошо,— сказал Л. Н.

Ставровский настаивал на том, что можно жертвовать жизнями других людей ради общего блага.

Л. Н.: Своей жизнью, но ничьей другой.

Молодой Ставровский говорил, что во Французской и других революциях погибли отдельные люди ради общего облегчения. Так можно и у нас.

Л. Н. опять сказал:

— Только своей жизнью можно жертвовать *.

Ставровский говорил, что самодержавное правительство и его законы стесняют нас.

Л. Н.: Если я несвободен, то никак не из-за того, что есть правительство, что меня стесняют, а причина этого — во мне. С собой нужно бороться, совершенствоваться.

Ставровский привел какое-то изречение Соловьева.

Л. Н.: Соловьев хочет, чтобы насилия (права) становилось все меньше и меньше, довести его до нуля. Но ведь христианство противоположно насилию.

Булыгин рассказывал Л. Н., как умирала его знакомая. Умирая, просила свечу, как Гете. Это потому, что у нее потемнело в глазах.

Л. Н. вспомнил о смерти Сергея Николаевича:

— Тоже просил свечу поднести к лицу. Генри Джордж умер со вздохом: «А, вот что», как будто просыпаясь.

24 апреля. Воскресенье после Пасхи. За обедом Кашевская, француженка из перлейской колонии. Михаил Сергеевич рассказывал, как ему дантистка излагала свои взгляды, что только революция поможет. Вспоминали вчерашних Ставровских. Л. Н. упомянул, как его Великанов распекает в письмах [1], и добавил:

— Что говорю разрушительного, что им (революционерам) выгодно, за то меня хвалят, а что говорю против них, христианского, созидательного, за то ненавидят меня. У них (у Сережи) idée fixe — конституция.

Михаил Сергеевич читал Л. Н. из газет о конфискации «Солдатской памятки», изданной по-немецки Гольцманом в Берлине [2], и о каком-то процессе в Германии из-за бюстов Л. Н-ча. Л. Н. выслушал молча.

Я принес Л. Н. «Social Problems», которые просил для него у Николаева. Л. Н. начал читать и воскликнул:

— Где откроешь, там интересно! «Suffrage universel» ** у людей, у которых нет права ни на сажень земли, укрепит мощь капиталистов, потому что зависимые люди будут выбирать тех, которых прикажут.

Кашевская: А при тайном голосовании и без ценза?

Л. Н.: Когда дело пойдет о существовании семьи, то они поддадутся. Когда у мужика будет 15 десятин земли, корова, он будет независим.

Я рассказал как иллюстрацию к этому о недавних выборах в Моравской Остраве, где рабочих принудили голосовать за кандидатов — владельцев копей.

Л. Н. мне рассказал, что няня говорила Александре Львовне: «Напрасно ты впрыснула себе морфия, надо пострадать».

— По-моему, она права,— сказал Л. Н.— Мечников говорит обратное.

---

* Позже Л. Н., вспоминая об этом, сказал: «Они уже решили, что и у нас можно так же, как во Франции».

** «Всеобщее избирательное право» (*франц.*).

Против болей можно или закалить себя, или с терпением переносить страдания. Первое — не в нашей власти, второе — с терпением переносить страдания — да. Вы скажете: «Надо и то и другое». Хорошо.

Л. Н. читал письма Немравы к Гроаку. Некоторые места из них прочел вслух Михаилу Сергеевичу [3].

С. Н. Кашевская сказала что-то о Ницше.

Л. Н. вкратце высказал свое мнение в следующих словах:

— Ницше утверждает противоположное aux lieux communs *. Тургенев сказал о таких людях, что они будут спорить против того, что вода течет, утверждая, что вода твердая. Так и Ницше утверждает противоположное христианским истинам. Меня удивляет, как люди могут интересоваться Ницше?

На какие-то возражения Кашевской Л. Н. ответил:

— Были прежние задачи — рабство (его уничтожение), есть au moment ** — наказания, суд, война (их уничтожение) и есть задачи в будущем.

Л. Н. сказал Софье Андреевне, что треснула плотина, часть ее может отвалиться. Сам позвал приказчика, поручил ему спустить пруд.

25 апреля. Утром приехал Сутковой.

Л. Н. с Михаилом Сергеевичем.

Л. Н.: Грингмут и его противники, издали кажется, стоят на одной высоте; только вблизи видно, что один почище, другой погрязнее.

Сухотин: Грингмут теперь вроде шулера, его именем пугают. Он получает угрожающие письма, таким во Французской революции головы рубили [1]. «Московские ведомости» расходились прежде в 50 000, теперь в 3 000 экземпляров.

Михаил Сергеевич читал вслух статистические данные о действительных тайных, и тайных, и действительных статских советниках: их около 4 000, и получают они около шести миллионов, и владеют огромными недвижимыми имуществами, в том числе землями, из которых почти пятую часть приобрели с тех пор, как служат [2].

Л. Н.: Мы шли в хвосте Европы, почему (нам) не идти в голове, не показать ей, что́ надо делать? Понимаю, что там, где 28 процентов земледельцев, а 72 процента фабричных рабочих, там могут домогаться перехода орудий труда в руки государства, а у нас, где 90 процентов земледельцев, главный вопрос — земельный. Вчера Душан Петрович рассказывал, как читал мою статью о Генри Джордже из «Вечерней почты» мужикам. Один из них после этого перекрестился. Он знает, что (ему) нужно, лучше интеллигента [3].

В восемь часов вечера Л. Н. пришел в мою комнату к Сутковому. Длинный, преинтересный разговор.

Л. Н.: Дети живут сперва животной жизнью; потом для славы людской, чтобы удивлять всех: няню, братьев и т. д.; потом, чтобы вызвать одобрение тех, которых уважают; потом — тех, которые кажутся им добрыми, и, наконец, начинают жить для бога (а не для славы людской).

Л. Н.: Можно с улыбкой, некоторым подтруниванием относиться к мнению людей. Когда я вернулся с Кавказа [4], брат Николай спал в этой комнате с товарищем, очень ограниченным и тщеславным. Тот мне рассказывал про Николая, как он трясется на лошади, как охотится, посмеиваясь над ним, и Николай улыбался. Не думал он о славе людской. Тогда мы спали просто: настилалась солома на пол.

Запись отдельных мыслей, высказанных Л. Н.:

---

* общим местам (*франц.*).

** нынешнее (*франц.*).

— Ненависть людей — пробный камень: озлобляет ли она тебя или нет, поступал ли ты для бога или не для бога.

— О будущей жизни. Цицерон говорит: «Возвращусь туда, откуда вышел, quo non nati jacent» *.

— Духовное — реальное, материальное — иллюзия.

— В «Учении 12-ти апостолов»: обличайте, молитесь, любите [5].

— Я иногда смотрю на себя чужими глазами.

— Весь мир — организм. Я — одна клеточка, которая должна исполнять свое (назначение).

26 апреля. Утром приехала Е. В. Молоствова из Тетюшей Казанской губернии. Она приехала поговорить с Л. Н.— о чем, не знаю. Приехала в четыре часа ночи и в полночь уехала обратно домой. Л. Н. дал ей поручения: Генри Джорджа читать и распространять, посетить Малеванного и о нем ему написать [1]. Малеванный — в отделении у Сикорского. Он одержим религиозной экзальтацией. Сикорский говорит, что у него паранойя. «Глупые слова»,— заметил на это Л. Н. и поручил ей еще что-то кому-то передать и советовал ей сблизиться с народом: «Увидишь свои вины; грех и его (народа) достоинства; меньше будешь его осуждать и себя оправдывать».

Она худощавая, милая, умное лицо и глаза; хорошо и интересно рассказывает и затрагивает всегда такие вопросы, что чувствуешь, что она сочувствует Л. Н., что она с богом. Вероятно, она и талантливая писательница. Когда рассказывала о психиатрической больнице в Казани, вспомнила, что нарочно спросила, нет ли у них больных по религиозным причинам. Ответили, что нет. Показали ей, дескать, всех больных, а по религиозным причинам больных там не видела.

Л. Н. рассказал, что когда он был в Москве в отделении психиатра Келлера, то разговаривал там с ремесленником, который сказал ему, что он говорил, что идолов в церкви не должно быть, и резко отозвался о почитании изваяний и икон. За это его посадили. А он был душевно здоров.

— Я,— сказал Л. Н.,— спросил Келлера, почему его держат? «Есть у него некоторые противоречия...» и т. д.,— ответил.

Вспоминал другого душевнобольного, который ему рассказал, как заболел и как в сумасшедшем доме выздоровел и просил врача, чтобы его отпустили. Врач посмотрел ему внимательно в глаза и стал говорить: «Вы успокойтесь». Этот тон его раздражал, и это раздражение было «доказательством» для врача, что он болен. Когда второй раз обратился к врачу с тем же, опять произошло то же.

— Как он потом должен был сдерживаться, чтобы не раздражаться! — добавил Л. Н.

Елизавета Владимировна рассказала, как врач водил ее по палатам, больные были милые, спокойные.

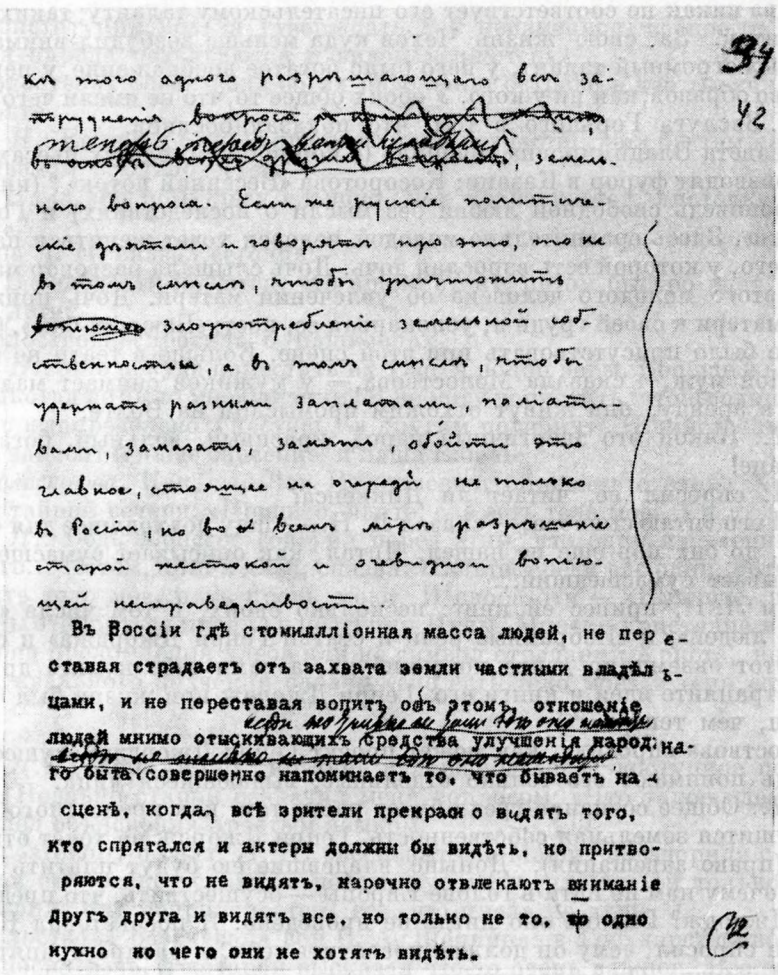
Л. Н. сказал:

— Когда студенты придут, сейчас становятся мрачными, не могут переносить, когда о них говорят, как о больных.

По поводу «Красного смеха» она сказала, что Андреев хочет там пугать и делает это точно так, как дети, а где начинает просто говорить, там оборвет.

---

* туда, где находятся нерожденные (*лат.*).



Въ Россіи гдѣ стомилліонная масса людей, не переставая страдаетъ отъ захвата земли частными владѣльцами, и не переставая вопитъ объ этомъ, отношеніе людей мимо отыскивающихъ средства улучшенія народнаго быта совершенно напоминаетъ то, что бываетъ на сценѣ, когда всѣ зрители прекрасно видятъ того, кто спрятался и актеры должны бы видѣть, но притворяются, что не видятъ, наперечно отвлекаютъ вниманіе другъ друга и видятъ все, но только не то, что одно нужно но чего они не хотятъ видѣть.

СТАТЬЯ «ВЕЛИКИЙ ГРЕХ», СТРАНИЦА, ЧАСТИЧНО ПЕРЕПИСАННАЯ МАКОВИЦКИМ И ПРАВЛЕННАЯ ТОЛСТЫМ

Апрель — июнь 1905 г.

Л. Н. прочел ей〈Молоствовой〉отрывки из своей новой статьи о Генри Джордже〈«Великий грех»〉».— Запись от 26 апреля 1905 г.

Л. Н.: Когда я читал первую работу Андреева, (впечатление было) то же самое — что он хочет пугать, а я не боюсь [2]. Я ему (это) замечал.

Разговаривали о Горьком. Ланин, у которого Горький служил письмоводителем, был у Л. Н-ча. Л. Н. его помнит. Горький был в Ясной Поляне как странник, еще не прославленный,— постоял у дома и ушел [3]. Говорил о том Л. Н-чу в Крыму.

Молоствова наблюдала, как Горький рос «на ее глазах». Короленко был сослан в Нижний Новгород, хотел там газету издавать, не разрешили ему это. Переехал в Петербург, где стал одним из редакторов «Русского богатства»; в нем Горький поместил свой рассказ «Челкаш», и сразу в той же книжке «Русского богатства» были разборы его рассказов, принесшие ему славу [4].

Л. Н.: Слава Горького растет, как ком снега, лавина. Я читал первые его рассказы, и бросился мне в глаза его искусственный народный язык [5].

Его слава никак не соответствует его писательскому таланту; таких, каков он, десяток. За свою жизнь Чехов куда меньше возбудил внимания, а Чехов был огромный талант, у него было богатое воображение, у него было богатство образов, как ни у кого. У обоих общее то, что не имели чего нового сказать. Заслуга Горького в том, что показал босяков.

Елизавета Владимировна говорила (с порицанием) о двух пьесах, которые производят фурор в Казани: Косоротова «Весенний поток» [6] (ницшеанская проповедь свободной любви без мысли о последствиях) и Горького «Дачники». Здесь сравнительно молодой человек хочет жениться на особе старше его, у которой есть взрослая дочь. Дочь слышала разговор матери и сестры этого молодого человека об увлечении матери. Дочь прижимает голову матери к своей груди и, успокаивая ее, поет: «Баюшки-баю». Стыдно и жалко было присутствовать при этой сцене. Больше в театр не пошла.

— Мой муж,— сказала Молоствова,— у мужиков снимает маленькие наделы в аренду, они живут отхожим промыслом на Волге.

Л. Н.: Какой это энергичный народ, красивый, вольный, богатый — поволжане!

Л. Н. спросил ее, читает ли Диккенса?

— Я его читаю сызнова,— сказал Л. Н.,— ищу подходящее для «Круга чтения», до сих пор еще не нашел. Читал, как описывает сумасшедшего, рассказывает сумасшедший...

Затем Л. Н. принес ей книг: несколько своих, в том числе «Мысли мудрых людей», и «Избранные речи и статьи Генри Джорджа» и сказал:

— Этот экземпляр дайте кому-нибудь, а сами себе купите другой и распространяйте идеи и книги его. Генри Джордж при жизни был больше известен, чем теперь.

Молоствова спросила, как может проект Генри Джорджа осуществиться? Ведь понимают его только отдельные, выдающиеся лица.

Л. Н.: Общее сознание греха будет расти так, как крепостного права, и разрушится земельная собственность. Генри Джордж не хочет отнимать землю (право завещания). Доныне владевшие ею будут платить (Single Tax). Почему нам не идти в голове Европы — осуществить, что предложил Генри Джордж? Вполне оно нигде не проведено. Я посоветовал Кросби, когда он спросил, чему он должен посвятить себя,— распространять идеи Генри Джорджа. Он за двенадцать лет сделал много. Я не думал, что мое замечание будет иметь такие последствия.

Л. Н. прочел ей отрывки из своей новой статьи о Генри Джордже [7]. Молоствова спросила его о Сютаеве.

Л. Н. напомнил ей о Ламеннэ [8]:

— Был, как наши славянофилы. Им жаль отказаться от могущественной организации церкви. Хотел ее реформировать. И наткнулся на неуступчивость и деспотизм. Боясь, что его на смертном одре захотят исповедовать, просил знакомых, чтобы от него не отходили. Умирая, сказал: «Ах, какая счастливая минута!» Его «Paroles d'un croyant» и «Les Evangiles» — выдающиеся сочинения [9].

Л. Н.: У меня в Крыму были времена, когда я бы спокойно умер. Монтень говорит, что о приближении смерти надо думать загодя [10]. Надо рассчитывать, что завтра помру, тогда отпадут соображения приличия, корысти. Мой брат [11], очень чуткий и очень умный, перед смертью спросил меня: «Как думаешь, причаститься ли, жена этого желает. На что?» Я сказал ему: «Причастись, если сделаешь жене более приятности, чем себе тягости от причащения». Он причастился и говорил, что ему легче. На следующий день умер.

Михаил Сергеевич читал Л. Н. свою речь, которую должен завтра произнести на земском собрании в Туле. В ней он определенно высказывается за ограничение самодержавия, за конституцию. Л. Н. сказал ему,

что конституции нельзя утверждать как неизменное, вечное, т. к. «воззрения народа развиваются и видоизменяются».

Молоствова рассказала об их надельном острове в две тысячи десятин на Волге.

Л. Н.: Если б я был Андрюшей (в его возрасте), жил бы там на острове Робинзоном в одиночестве.

Л. Н. (*о весне*): В лесу слышно, как трава растет, листочки падают шурша.

Еще Л. Н. сказал сегодня:

— В молодости кажется, что время стоит, потом быстро идет, а в старости летит.

Молоствова спросила о пашковцах.

Л. Н.: Мне некуда поместить их уже, я полон веры. Вообще же их учение никогда не было мне близким. Я не могу допустить, чтобы одним людям было предопределено спастись, а другим погибнуть. Единственно от нас самих зависит и наше спасение, и наша гибель.

Молоствова: Как вы, Лев Николаевич, объясняете слова Христа во время тайной вечери: «Придите, ядите, сие есть тело мое...» и т. д.

Л. Н.: Ведь Христос говорил перед этим, что один из учеников предаст его... Потом, ломая хлеб, сказал: «Ешьте, среди вас один, который будет есть тело мое, пить кровь мою». И слова эти — «Придите, ядите» — должны относиться именно к поступку Иуды. Многие христиане и смотрят на обряд преломления хлеба как на символ страданий Христа, не придавая буквального значения словам «сие есть тело мое» и «сия есть кровь моя».

Л. Н.: Теперь пишу краткое изложение веры, доступное почти для детей. Недавно старик озадачил меня вопросом: «Что такое идеал?» Еще не нашел объяснения простым языком.

К разговору о снах. Л. Н. рассказал сон Маши: повздорила с кем-то и сказала ему резкое слово, а потом, чувствуя, что это ей только снится, наговорила ему неприятностей, все, что имела на душе.

Молоствова рассказала сон С. А. Щепкина: в Государственном совете произносил речь, в которой высказал что-то очень важное. Все его поздравляли. Проснулся и записал. Сейчас же после этого заснул. Утром читает, что́ это он записал важного: «Воздух сух, как гвоздь».

Все дружно, громко рассмеялись. Л. Н. особенно весело.

Л. Н.: Сны важны в выяснении психических..... * Если бы ночь за ночью все одно и то же снилось, мы приняли бы его в воспоминании своем за реальность.

Сегодня Л. Н. получил книгу F. Rittelmeyer «Tolstois religiöse Botschaft»[12]. Понравилась ему цитатами, выбранными из разных его (Л. Н.) сочинений.

Л. Н. ездил верхом в Ясенки на почту, отвез заказное письмо Черткову[13].

27 апреля. Приехал С. Т. Семенов, недавно вернувшийся из Англии. Л. Н. с ним ходил гулять в лес. За обедом расспрашивал его о Черткове, о всех, живущих у них, спрашивал его об общественном движении (за конституцию) в деревне.

Семенов говорил, что крестьяне относятся к общественному движению поверхностно; интересуются им только те, что побывали в городах и ходили на сходки, но и эти мало оттуда вынесли. Старики (меньшинство) решительно против движения — дескать, «чему мы будем учить властей?» В Москве на собрании Герценштейн и другие говорили против Ген-

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ри Джорджа. Николаев горячо отстаивал его. Когда Николаев начал говорить, Герценштейн заткнул себе уши, прошел мимо Николаева и вышел вон. В Англии (у Чертковых), в Москве — ужасное напряжение, ожидание конституции: свободы слова, печати, совести. Говорил о Кропоткине. Он за то, чтобы Россия победила, и считает, что занятие (аренда) Порт-Артура (Россией) не было такой ошибкой, как думают.

Л. Н.: Что в Англии так тревожатся, мне понятно. Анна Константиновна склоняется к революционерам, Владимир Григорьевич — непреклонный христианин. Все эти Порт-Артуры, конституции — отведение глаз от настоящей задачи, от единого на потребу бога. Что мне или вам Порт-Артур? Это интересует 50 тысяч людей.

Сергей Терентьевич: Надо дать народу свободу собраний, возможность высказаться.

Л. Н.: Где она есть, там земля еще больше закреплена за господами, дальше от освобождения ее, чем у нас. Парламенты отводят внимание от коренного вопроса. Земельная собственность в наше время — то же, что прежде крепостное право. От Екатерины (начиная) крепостное право требовало решения, а инвентари и подобные им меры были только полумерами [1], такими же, как нынешние «крестьянские» банки, которые должны скупать землю для крестьян. Крепостное право было уничтожено, когда и крестьяне, и дворяне, и мещане прониклись несправедливостью крепостничества.

Л. Н.: Только представить себе, что перенес русский народ всего лишь с уничтожения крепостного права от хождения в города на службу, на фабрики, ссоры из-за кусков земли. Только себе представить, что совершится, когда можно будет оставаться дома, обрабатывать землю, а на фабрики пойдет работать — но плати три рубля.

— Я был счастлив, что смолоду любил русский народ и преклонялся перед народом,— сказал Л. Н.— Он духовно растет, идет вперед, только медленно; *он знает*; нам у него учиться. Я против него — говно, дрянь. Что пишут Горький, вы, я — чепуха, ничто; что же оно против того, чем бы мы должны были заниматься! Как же меня могут интересовать политические заключенные, пругавинский поп заключенный [2] (бог с ним, с попом, желающим компромиссно реформировать церковь), когда есть нужда 100-миллионного народа? Сегодня видел: мальчик десяти лет учился ходить босиком по жнивью (учился добывать хлеб, а не глупостям, как барские дети — грамматике); 70-летняя старушка, знаю о ней, что у нее выпадает матка, вела лошадь пахарю; люди недоедают, голодают. Ведь это — с чем же сравнить? — как если бы тяжелораненому, в крови хотели бы помочь тем, что причесали бы ему волосы или вымыли нечистые ноги. Знаю, как на моих глазах поправились пироговские крестьяне. На взятые в долг деньги купили землю, отказались от водки, начали дружно жить, друг другу помогать, завели плуги и добились достатка.

Л. Н. говорил это, задыхаясь, растроганный почти до слез и с некоторым раздражением.

Сергей Терентьевич говорил по-западнически, в духе либералов, что надо свободу слова, собраний, вот духоборам, как не дали по-христиански жить...

На это Л. Н. ему возразил:

— Просеяли их. Слабые отстали, сильные закалились. Власти против бога ничего не могут.

Сергей Терентьевич сказал, что народ портится, что отстает от веры и своих взглядов.

Л. Н.: Это некоторые поверхностные слои народа. Глубокие слои не портятся.

Л. Н.: Этого я не посмел написать: славянофилы правы, говоря, что русский человек скорее предпочитает терпеть от властей, чем самому быть участником власти. Западный народ добивается участия во власти. От этого участия — бурская война и нравственный упадок на Западе. Получил письмо от англичанина по поводу моей статьи в «Times» о «North American», что английское правительство хорошее [3] (русское — скверное); видно, кривит (душой), чтобы себя оправдать.

Семенов опять защищал освободительное движение, говорил, что нужны гарантии свободы слова, печати.

Вечером вернулся Михаил Сергеевич с дворянского собрания, где требовал высказаться определенно: за самодержавие или против него. И говорил нам об этом с воодушевлением.

Л. Н.: Тщета общественного движения. Все это общественное движение тщетное. Через 15 лет — вы, вероятно, доживете,— когда оглянетесь назад, увидите, какое ничтожное по последствиям оно было. Совестно будет смотреть — убогость мыслей. Нам не следует идти по этому пути, имея перед глазами пример Европы. Мечутся, им одинаково важно представительство, социализм, патриархат... Без религии это так и должно быть. Только религия показывает, что̀ главное.

Михаил Сергеевич рассказывал о дворянском съезде, на котором обсуждали адрес. Михаил Сергеевич не голосовал ни за, ни против. С ним несколько других. Он говорил о Хомякове.

Л. Н. интересовался им: сын Хомякова — уже тоже 60-летний — прямой, последовательный славянофил, как и его отец. Интересовался и другим Хомяковым, из «Посредника», который защищает чистоту русского языка.

— В этом,— сказал Л. Н.— я с ним согласен.

Сергей Терентьевич спросил Л. Н., не говорит ли он с мужиками о нынешних политических вопросах?

Л. Н.: Нет, я этого избегаю. Только раз с Бутурлиным я зашел к Петру Осипову. Он меня распекал за тебя, Саша,— обратился Л. Н. к Александре Львовне,— и это мне было очень полезно. Говорил мне: «Ты говоришь так (говорил мне «ты»!), а купил Телятинки, кругом окружил нас». Как крестьяне презирают, ненавидят господ! Когда мне было 17 лет, ходил в простом платье, слышал: «Господишки». В глаза: «Век за вас буду богу молиться, благодетель». А как отойдешь, ругают. И это естественно.

Завтра Л. Н. хочет прочесть статью о Генри Джордже Ивану Ивановичу и Сергею Терентьевичу. Завтра должен приехать Франк Робертсон (друг Брайана). На его телеграфный запрос, может ли приехать, Л. Н. ответил по-русски: «Милости просим» [4].

Сегодня запели соловьи. Я слышу их первый раз в жизни.

28 апреля. Четверг. Приехали Ф. А. Страхов и В. В. Нагорнова.

Страхов: В Москве пошли усы, закрученные вертикально кверху.

Л. Н.: Это — ⟨как⟩ конституция. Один сказал: «Нужна конституция», другие — за ним. Один начал носить усы так, другие — за ним.

Не видя в столовой Семенова, Л. Н. спросил, где он?

— Вчера узнал, что Семенов никак не может меня понять,— сказал Л. Н.— Ты меня понимаешь? — спросил он, обращаясь к Варваре Валерьяновне,— или, по крайней мере, притворяешься так искусно, что нельзя различить, и сама не знаешь, понимаешь ли меня или только притворяешься. У него (Семенова) есть нравственное настроение; в своих рассказах проводит нравственные принципы, русский язык у него хороший.

Страхов вставил:

— Глубины и яркого изображения у него нет.

Варвара Валерьяновна: Я люблю его читать.

Л. Н.: Его драма плоха [1]. Это, кажется, Иван Иванович согрешил, похвалив ее.

Страхов: У вас был плотник из.....*[2] Он сказал, что я его послал к вам, но нет. Вы его благословили на писательство. У него, по-моему, крупней талант, чем у Семенова, но глубины тоже нет.

Михаил Сергеевич: Вильгельм II сказал Барятинской: «У вас есть большой писатель. Его «Казаки» у меня всегда на столе, перечитываю».

Л. Н. сегодня получил письмо от болгарина, отказавшегося от воинской повинности, В. А. Бехтерева; пишет из-под ареста (в 6-м пехотном полку) из Софии.

— Отказов последнее время пропасть,— сказал Л. Н. голосом, в котором слышались и радость и скорбь.

Опять Л. Н. рассказывал об «A Tale of Two Cities» Диккенса [3]. Когда ему Варвара Валерьяновна хотела дальше рассказать: «Нет, нет, не рассказывай!» Не хотел слушать, чтобы не отбить у себя интереса. Спросил ее, когда умер брат Сергей Николаевич. «Времени не помню»,— сказал Л. Н.

Страхов спросил, выписать ли дочку из православного вероисповедания, чтобы в школе ее не учили закону божьему?

Л. Н. не поощрил. Высказался приблизительно так: «Этим формальностям не приписываю значения».

Л. Н.: Свободному от авторитета, нерелигиозному человеку безразлично стать баптистом (еврею — православным), когда имеет при том какую-нибудь выгоду. Религиозному нельзя. Ему и православие, и баптизм — и то и другое — заблуждение. И он останется скорее при старой вере православной, к которой привык. Совершенно так же человеку, который видит, какие последствия бывают от власти. Нельзя восхищаться конституцией Петрункевича.

Страхов вспоминал, что в Москве ходит в церкви слушать пение. В Урюпине не может, потому что его там знают.

Л. Н.: В Бегичевке, когда был голод, умер Раевский [4], мой приятель. Хотел я идти на похороны в церковь, ветер дул. Вернулся. Подумал — и еще раз пошел, но из-за ветра не мог. Вернулся. Священник там обо мне проповедовал, что я антихрист (голодных кормлю); бабы потом рассказывали: «Пробовал, пробовал в церковь пойти, нет, не впустил его «дух»».

За обедом Л. Н. хвалил «Дух времени» Авиловой, фельетон в «Русских ведомостях» [5].

Л. Н. (*Страхову*): Вы продолжайте эту мысль развивать, когда я умру,— что наука — та же церковь; как церковь в Средние века была непогрешима, так и наука непогрешима (считает себя такой). Усов смеялся над политико-экономами, что политическую экономию признают наукой, а они ему, естественнику, возражали, что одинаково смешно признавать наукой и естественные науки.

После обеда пошли гулять Л. Н., Варвара Валерьяновна, Федор Алексеевич, Сергей Терентьевич и я.

Вечером, в 7 часов, приехал Франк Ремонт Робертсон из Вальдена, штат Нью-Йорк, друг Брайана, 35 лет, симпатичный. Кажется, он много видел и читал, знающий, способный человек. Много путешествовал. Л. Н. с ним около часу гулял, и вечером около часу за чаем они беседовали.

Л. Н. ему сказал, что надеется, что он не журналист и что не будет о нем писать. Разговаривали по-английски. Робертсон говорил необык-

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

новенно отчетливо, я каждое слово мог понять. Л. Н. интересовало, что рассказывал ему Робертсон о Японии, где тот был пять раз, о Китае, но больше всего спрашивал о Брайане и его задачах.

Робертсон говорил, что был у Ли Хун-чжана. Л. Н. спросил его, был ли он у великого человека?

— У какого? — переспросил Робертсон.— Ли Хун-чжана?

Л. Н.: Есть один великий человек: маркиз Ито.

Робертсон сказал о нем, что был у него; очень сдержанный, дипломатичный человек. Робертсон был приятно удивлен той внимательностью, простой, милой встречей и интересом, с которым к нему Л. Н. отнесся.

Когда Робертсон в 10 часов вечера уехал, стали читать вслух «Великий грех».

Когда читали, Варвара Валерьяновна и Мария Александровна вздыхали, как женщины в церкви, когда их растрогают слова Евангелия или молитвы. И было чем растрогаться. На меня до сих пор ни одна из новых статей Л. Н. так сильно не подействовала, как эта. Читали сначала Федор Алексеевич, потом Сергей Терентьевич, потом Горбунов, больше всего же Л. Н. сам. Когда читал описание страданий народа от того, что негде работать на земле [6], сжимало ему горло от волнения, почти рыдал.

Горбунов рассказал, что Соболевский, редактор «Русских ведомостей», отклонил опубликование старой статьи Л. Н. о Генри Джордже [7], объяснив, во-первых, это тем, что у них с Л. Н. различные взгляды на земельный вопрос и что об этом вопросе пишет у них специалист Мануйлов; во-вторых, это надо было бы прибавить от редакции, что это теоретически верно, но практически неосуществимо.

Л. Н. рассказал, как сегодня на прогулке любовался пахарями. Тарасов сын (Фоканов), красавец, извозчик, в лаптях пахал; видно было, с какой охотой.

— Мне было радостно на него смотреть за этим занятием, как было бы жалко видеть его денщиком у офицера,— сказал Л. Н.

Вспоминали про Бочкарева, у которого Л. Н. учился столярному делу. Л. Н. о нем разное говорил: о том, как его ссылали, а когда у него спрашивали, почему его высылают, он говорил: «По казенной надобности». Затем Л. Н. рассказывал о том, как вместе несли тяжелые доски до Москвы-реки и как Бочкареву было трудно.

Иван Иванович вспомнил, что Бочкарев занимался тем, что делал косы, а когда ему Иван Иванович предложил даром опубликовать объявление в газете «Сельскохозяйственный листок», Бочкарев отказался от этого предложения, говоря, что нужно косы еще испробовать, что он их перешлет Семенову, чтоб узнать, хорошие ли они.

Варвара Валерьяновна рассказала, как люди в их местах (Чернский уезд, Тульской губернии), не имея земли, тянутся в города, больше всего в Екатеринослав, искать работу.

Л. Н.: Теперь единственное время сделать землю доступной народу, пока народ городской не забыл еще земельную работу. «Великий грех» я написал, главное, для молодежи,— сказал Л. Н.,— чтобы показать ей, куда приложить руки. Земельная собственность — источник зла, величайший грех, такой грех, которого нельзя взвесить... Проституция от него.

Л. Н.: Доброе письмо Генри Джорджа папе (римскому). Он говорит, что не хочет милостыни для рабочих, а справедливости и для рабочих и для богатых относительно земли [8].

Л. Н.: Два премилых богородицких крестьянина приходили советоваться, как купить землю у помещика. Крестьянский банк дает теперь из-за войны ссуду меньше на десятину, чем прежде, так и не могут купить. Как Генри Джордж прав! Известно, что земля помещикам не приносит пользы *, а все-таки все дорожает. На моей памяти такая перемена. Саша купила десятину по 200 рублей, я покупал по 40. Население прибавляется, цена повышается. Земельная собственность прекратится, когда сознание греха владения землею станет общим.

Все это Л. Н. говорил в ответ на замечания присутствовавших при разговоре.

Л. Н. со Страховым беседовали на философские темы. Л. Н. говорил, что движения нет, пространства не существует. Представим себе, что был бы один шар в бесконечном пространстве: где бы он ни был, везде был бы. Представим себе разрушение (гниение) дерева, камня... Где граница распадения?

Вчера и сегодня переносили шкапы из библиотеки ** снизу наверх, в комнату с большим окном к Чепыжу. Хотели этого Михаил Сергеевич и Андрей Львович, чтобы была свободная комната — спальня для гостей. Никто не протестовал против такого разрушения старого кабинета Л. Н., в котором он писал «Войну и мир» и даже «Анну Каренину», где оставались портреты на стенах и письменный стол. Этот стол унесен, сняты им самим повешенные фотографии дорогих ему людей, фотография сестры Марии Николаевны, брата Сергея Николаевича, Диккенса, Шопенгауэра, его самого с Тургеневым, Григоровичем, Островским, Панаевым, унесен бюст брата Николая. Спилена и оставлена только тонкая часть той перекладины на перегородке комнаты, на которой Л. Н. хотел повеситься, когда не находил смысла жизни и отчаивался в личной жизни [9]. В библиотеке, как сейчас называется эта комната, могли спать трое. Теперь смогут спать четверо. Но зато убавилась наверху другая комната, где тоже стояли кровать и диван.

29 апреля. Л. Н. рано встал, по привычке делал в кабинете гимнастику с гирями. В три четверти девятого он уже возвратился с прогулки по лесу.

Л. Н.: Бедный Брайан, ездит с 1 июня до октября раз в неделю читать о первенстве Америки над всем миром. Читает два часа десять минут, получает 200 долларов, следующую неделю даром («Glimpses on world's topics»***). Брайан рассчитывает, что через восемь лет будет президентом.

С 7 до 8.30 Л. Н. говорил со Страховым и Горбуновым, с 9.15 до 10 — со Страховым. Л. Н. поправлял «Круг чтения», решил выпустить «Чем люди живы?» и другие известные свои рассказы и заменить их Хельчицким, восемью «Недельными чтениями».

Уехал Страхов. Л. Н. послал его жене букет фиалок, им самим сорванных.

Л. Н.: Робертсон говорил, что Рузвельт увеличивает флот из миролюбивой цели. Это так. как я в Казани стрелял в птичку. Сторож меня ругает самым грубым, матерным образом. Слуга ему говорит, что я внук губернатора. Тогда выходит его жена и говорит: «Это он тебя не ругал, это у него такая поговорка». Когда я сказал Робертсону: «Si vis pacem, para bellum» ****,— не понял.

30 апреля. Утром Л. Н. получил письмо от Е. В. Оболенской, что посетила Кошевого в киевской больнице [1]. Разумеется, он душевно здоров.

---

* Л. Н., по-моему, имел в виду знакомых и вообще русских помещиков, у которых земля заложена.

** Комната в нижнем этаже с дверью на каменную террасу.

*** «Лучи света на мировые вопросы» (*англ.*).

**** «Если хочешь мира, готовься к войне» (лат. пословица).

Толстого не читал. В камере, где сидит, много таких отказавшихся от военной службы, как он.

Держат их до восьми месяцев, потом освобождают или отправляют в дисциплинарный батальон. Говоря это, Л. Н. добавил: «Очень трогают такие отказы. Молодой человек, семья, четверо детей, одинокий, без поддержки, откажется, и таких все более и более».

Я собирался в Тулу. Л. Н. дал мне 25 р., чтобы послать жене Кошевого, не упоминая его имени.

Вечером за чаем Л. Н.:

— Знаю, что вы, Душан Петрович, не согласны со мной во взглядах на конституцию; ⟨считаете⟩, что надо свободу религии, печати, слова. Свобода эта в Америке есть, а людям нечего нового печатать, нечего сказать и ходят по воскресеньям в церковь с молитвенниками. У нас же при несвободе есть что сказать и делать. В Англии сочинения Рёскина или какого-нибудь анархиста, который так же пишет, как я, не читаются. Не говорю, что свобода религии, печати, слова бесполезна. Но они к самой большой несправедливости — собственности земельной, которой в конституционных странах не видят, относятся так, как если бы человек, которого секут, жаловался, что у него нет сахарной воды (попить). Что же нового в Туле?

Я: Боятся беспорядков.

Андрей Львович: Тетя Таня (Т. А. Кузминская) и Маша (Эрдели) боятся поехать в Таптыково, боясь крестьянских волнений.

Л. Н.: Совершенно напрасно. Вчера были два мужика, хотят купить отрезок, который покупают священник и мельник. Крестьянский банк дает только 100 рублей, может быть, повысит до 120. И не думают о волнениях.

Андрей Львович: Что же ты теперь пишешь? Я не знаю, как землю делить крестьянам, по деревням и уездам? Вот Ясную Поляну — яснополянцам.

Л. Н.: Почему яснополянцам и не бабуринцам? И почему тулякам и не орловцам, если на границах уездов? Дать в пользу тем, которые хотят платить подать от ценности земли. От производства своих рук — построек — улучшений налога не будет.

Андрей Львович: Но помещики (платить) не будут в состоянии. Они откажутся от земли, а им потом ходить пятачки собирать? Ты или мы не можем обрабатывать землю, что нам делать?

Л. Н.: Можно идти в учителя, врачи, в должности полезные. Люди живут трудом, милостыней, воровством. Мы — воровством.

Андрей Львович: Не остается другого, как застрелиться.

Л. Н.: Это плохо — бояться справедливости. Теперь ходят крестьянские бабы по миру, а Гагарина сидит на 120 тысячах десятин. Землю, которая существовала тысячи и тысячи лет до ее рождения, она полагает своей. Самовар — изделие труда, им можно располагать тому, кто его сделал. Как же можно, чтобы Илью Васильевича, Юлию Ивановну или тебя кто-то называл своим и распоряжался бы, а так было при крепостном праве? Теперь то же с землей.

Андрей Львович: Жив Генри Джордж? Был он у тебя? Ты с ним в корреспонденции?

Л. Н.: Он умер. Мы писали друг другу [2].

Андрей Львович: Как же это будет? Я хочу на этом куске посадку, а другой хочет пшеницу сеять.

Л. Н.: Ту землю, которую до сих пор держишь, можешь держать и далее и даже завещать. Только надо налог от ее ценности платить.

— Как хорошо молчит Душан Петрович! Завидую ему. Думаете иногда о смерти? — спросил меня Л. Н.

Я: Изредка. Иногда утром, когда просыпаюсь. Тогда каюсь и зарекаюсь лениться, сердиться, обижать.

Л. Н.: Я сегодня ехал верхом, хотел умереть. Не то чтобы не ладилось что-то, или из отчаяния, или болел; я любовался природой, а все-таки явилось желание. Вы, врачи, особенно относитесь к смерти: привыкли на нее смотреть с точки зрения, нельзя ли помочь. В этот известный ящик кладете...

Окно было открыто, Л. Н. слушал соловьев, распевавших на все лады. Высунулся из окна и сказал:

— Тучи собираются, воздух сырой, соловьи поют, лягушки кричат — совершенно майская погода, перед дождем.

1 мая. Опасались волнений со стороны городских рабочих и крестьян. Но Л. Н. говорил, что, когда так долго о чем-то говорят, ничего не будет. И полиция приготовится. Приехала Софья Андреевна из Петербурга; рассказала, что в Москве, Туле тихо. Л. Н. встречал ее в Ясенках. Софья Андреевна ужасно исхудала.

2 мая. Сегодня утром к Л. Н. пришел Ф. Д. Быков из Боброва, Мещеринской волости, Коломенского уезда, станции Венницы (где живет Архангельский), плотник. Он рассказал мне про себя и свой взгляд на жизнь следующее:

— Люди думают, что надо жить для денег, а надо правильно жить, отличать правду от лжи. Никаких «Ведомостей» я не читал; когда другой вслух читал — не слушал; когда рассказывал, что̀ читал,— я не слушал, потому что и читатель рассказывает только то, что нашло отклик в его душе. Я читал только Евангелие и теперь «Мысли мудрых людей» *, имущества не собирал. Когда мне кто на чай давал, я возвращал или посылал обратно. Евангелие советовал мне читать наш священник, добрый человек, который знает, что я по-православному не верю, и не негодует. Дом полагаю там, где нахожусь. Сегодня здесь, завтра в ином месте — инде. Умереть мне нетрудно, охотно умру, минуты страдания не миную. А вся моя жизнь, что в ней совершил,— капля в море. Радуюсь, что посчастливилось повидать Льва Николаевича, в беседе с ним я получил больше.

Федор Денисович принес свои работы: изложение Евангелия и другие.

В них нет ни одного чужого слова, прекрасно говорит по-русски, кристально чистый, добрый старик.

Л. Н., прочитав его писания, сказал, что Быков пришел самостоятельно к той же вере, что и он (Л. Н.).

Сегодня Л. Н. ходил гулять пешком, и надо было послать за ним лошадь. Позабыли, и он прошел 14 верст пешком. Вернулся усталый [1].

Вечером приехал князь Д. Д. Оболенский. Я провожал Быкова на станцию.

3 мая. Приехал С. Д. Николаев и младший брат Павла Александровича Буланже.

После завтрака Сергей Дмитриевич говорил, что «Вечерняя почта» с социал-демократической точки зрения опровергает статьи Л. Н. о Генри Джордже [1]. Буланже рассказывал о забастовке в Сельскохозяйственной академии. Было около ста студентов, которые не хотели перестать посещать лекции. Но на сходке только 12 из них голосовало против забастовки.

Сергей Дмитриевич спросил Л. Н., не могла бы новая статья «Великий грех» появиться в России?

---

* Эту книгу подарил ему Л.Н. при его первом посещении. Теперь он приехал уже во второй раз.

Л. Н.: Да, могла бы. Она дает правительству проект о земельном вопросе [2].

Сергей Дмитриевич читал Л. Н. восторженный отзыв о Генри Джордже Глеба Успенского, который писал, что никто не учит молодежь от школьной скамьи до университета такому важному, как он. Глеб Успенский знал только одну статью Генри Джорджа [3].

Л. Н. понравился отзыв Глеба Успенского. Затем он спросил Николаева, как обстоит дело с доходом с земли? Янжул вычислил, что в Шотландии он не покрыл бы государственного и городского бюджета [4].

Сергей Дмитриевич: Эти вычисления не Янжула, а Гейденсона.

Л. Н. спросил:

— Это кто выбирал места из Карпентера? Очень хороши. Тут о науке [5]. Люди думают, что наука научит их назначению человека, как жить. Это все равно, как если бы человек изучал вагоны трамвая и думал, что через это узнает, куда ему идти.

После обеда Л. Н. говорил с Николаевым; рассказал ему, что от Робертсона слышал — влияние Генри Джорджа в Америке слабеет, сын его слабо действует.

Сергей Дмитриевич: Генри Джордж был талантливый публицист.

Л. Н.: Робертсон говорил о Рузвельте. Я ему сказал, что знаю о нем только то, что он империалист и милитарист. Робертсон сказал: «Ни то, ни другое. Рузвельт за мир, он только потому и увеличивает флот».

Сергей Дмитриевич: Кажется, Брайан лучше Рузвельта?

Л. Н.: Робертсон ездит с Брайаном. Брайан от июня до августа каждый день говорит речи о первенстве народов Соединенных Штатов. Во-первых, они имеют свободу слова, а во-вторых, признают христианский идеал. Христианский идеал включает в себя свободу слова. Брайан — умный и талантливый и даже с религиозным настроением, но эта каторжная работа политическая, газетная, споры,— он, наверное, за двадцать лет не подвинулся вперед, и не только не подвинулся вперед, но попятился. Катков рассказывал, что он 20 лет ни одной книги не читал, кроме своих статей.

3—5 мая. Л. Н. сказал:

— Земельный вопрос нынче то же, что был лет 70 тому назад вопрос крепостного права. Как тогда никакой реформы нельзя было предпринять, пока не разрешили коренного вопроса освобождения крестьян от господ, так и теперь. Наша обязанность — ⟨освобождение земли⟩. Русский народ может скорее решить земельный вопрос, чем другие, и по положению (потому что он преимущественно земледельческий), и по строю духовному. Он может идти во главе движения...

Л. Н. процитировал слова Даниэля, редактора маленького английского «Review»* в духе Толстого: «Ходить в собрания, слушать речи не советую».

— Ловкий оратор,— сказал Л. Н.,— так захватит публику, что серьезный, умный человек растеряется. Слышишь речь Урусова — впечатление. Прочтешь — чепуха. Оратор говорит чепуху, но берет интонацией, как у сумасшедших. Заметили, Душан Петрович, у сумасшедших интонация особенно сильная? Загипнотизирует. Можно излагать взгляды в статьях, где они разработаны, в беседах — two is company, three is none**. А в речах, спорах — ни то ни се, колебания. Я хотел в Ясной учредить университет в лаптях, учить без определенной программы мате-

---

* журнала (*англ.*).

** «Двое — это компания, трое — нет». Английская пословица, соответствует ей русская: «Где двое, там третий — лишний».— *Ред.*

матике, физике... В Туле было 30 тысяч денег для учительской семинарии, как раз годилось бы для этого; как гласный, я предложил это. После меня встал маленький, круглый, старый человек и произнес речь, что на эти 30 тысяч лучше построить памятник («матушке Екатерине»). Что же на это ответить? Замолчал [1].

Затем Л. Н. заговорил о газетной работе, о ее спешности, непродуманности.

—При упаковке товара,— сказал он,— и то нужно обдумывать. Нужно обдумывать и потом писать. Писать, чтобы иметь средства к жизни,— проституция. Мой сын (Лева) что пишет? Если ему возражать, каждое слово надо определять.

Потом опять говорили о земельном вопросе.

— Как рыбе вода, так крестьянам земля,— сказал Л. Н.

Л. Н. вспомнил «Открытое письмо папе» Генри Джорджа:

— Генри Джордж папе отвечает на возражения, которые бы могли быть. У Генри Джорджа политическая экономия слаба, где наткнется на науку, разбивает хорошо, а где хочет отдать дань времени (политическая экономия) — не выходит. Генри Джордж о китайцах хорошо пишет и характеризует их. «Прогресс и бедность» — путанно, слабо, а «Общественные задачи» — сильно[2]. «Вечерняя почта» возражала против Генри Джорджа — не по силам им. Статья цензурная.

Л. Н. утром стал работать в новой библиотеке, проходной комнате, т. к. в его кабинете солнце *.

О книге Риттельмайера Л. Н. сказал Николаеву, что́ можно бы перевести на русский язык.

Сегодня Л. Н. очень рано встал и вечером лег уже в половине десятого.

4 мая. Л. Н. встал в половине восьмого, занимался гимнастикой, взял почту, пошел к себе, а в половине десятого опять вышел.

За завтраком я застал его рассказывающим о Французской революции, как разъяренная толпа врывалась в тюрьмы и убила 1 100 арестованных [1].

Софья Андреевна: Это только французы могут.

Л. Н. рассказал про книгу священника К. С. Стефановича «Наболевшее сердце», которую получил с письмом от него [2].

— Очень хороша,— сказал об этой книге Л. Н.,— что я прочел, было хорошо. Не критикует. Священник, который горюет о том, что должен проповедовать суеверие и исполнять обряды, и тоскует, что не может проповедовать христианское простое учение. В авторе не чувствуется священник.

Я прочел книгу «Der Kulturwert des Russischen» von Dr P. Märkel [3]. Доброжелательная, правдивая. Вечером за чаем Л. Н. сказал о книжке Меркеля:

— Все знакомое. Он так себе. О японцах он низкого мнения. Война с Японией будет иметь огромные последствия. Как каждое великое событие имеет великие последствия. Сблизит...

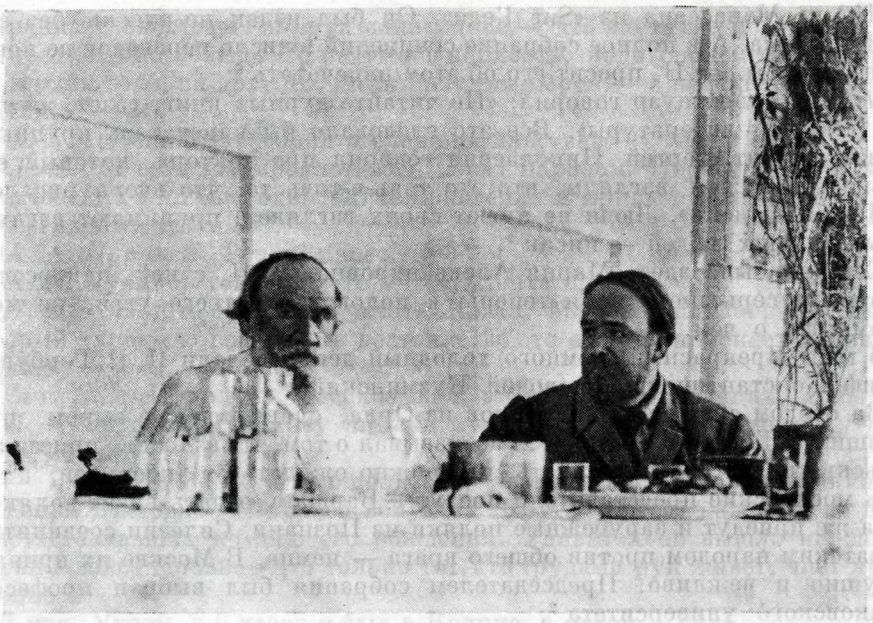
Приехал Михаил Львович.

5 мая. Утром был у Л. Н. Владимир Иванович. Я встретил его в саду, у него было рекомендательное письмо от Горбунова; он желал видеть Л. Н., как он выразился, до своего самоубийства и расплакался. Александра Львовна сказала о нем Л. Н.

— Только бы он не был алкоголик, те легко плачут,— сказал Л. Н.— Раз я с таким путешествовал поездом. В разговоре со мной плакал, а на каждой станции пил.

---

* Там работает всю весну и часть лета.



ТОЛСТОЙ И В. Г. ЧЕРТКОВ
Ясная Поляна, 30 мая — 4 июня 1905 г.
Фотография А. Л. Толстой

Л. Н. все-таки сошел к нему в сад, хотя уже хотел писать.

Пополудни был другой молодой человек, а потом еще и третий — все писатели или желающие стать писателями. Л. Н. советовал им заниматься другими делами: наборщику — набором и т. д.

К обеду приехала француженка-анархистка [1]; рассказала, что ест мясо из-за своих учениц, которые едят его.

Л. Н. (*шутя*): А если бы они были антропофаги, то и вы бы стали?— Еще рассказал два анекдота.

Была речь о какой-то Марии Ивановне. Л. Н. сказал, что она поступала так, как «дурень ты дурень» [2]. Когда облили красным вином скатерть, видела, как посыпают солью, и после того, когда рассыпали соль, она налила туда красного вина. У Олсуфьевых — большой, чисто содержащийся парк. Кто-то сказал, что лошади загадили дорожку. Она отозвалась: «Я знаю, кто это сделал: доктор проехал на велосипеде».

П. А. Сергеенко прислал Л. Н. для «Круга чтения»: 1) «Парамона» Глеба Успенского [3] (*Л. Н.*: «Не годится, длинно, монотонно, конец «либеральный», то есть умаляется здесь религиозная твердость человека»); 2) Из Диккенса о Стефене (*Л. Н.*: «Не годится»); 3) Из Герцена, о невесте Ивашева [4] (*Л. Н.*: «Годится»). Прочли вслух. Л. Н. нравится:

— Сжато, по-герценовски,— сказал он. Л. Н. попросил Иосифа Константиновича прислать ему всего Герцена *. Казалось ему, что Ивашев жил дольше, чем написано в присланной Сергеенко выписке из Герцена, и в этом Л. Н. хочет еще убедиться [6].

Какую-то полученную рукопись Л. Н. просил вернуть и написать, что некогда читать [7].

Адольфу Гессу, немецкому переводчику из Ольденбурга, поручил мне ответить, что рассказ «Дорого стоит», или «Тяжелое бремя» — не его

---

* Женевское издание H. Georg [5].

(Л. Н.), а Мопассана из «Sur l'eau». Он был издан по-русски без его, Л. Н., ведома. А в полное собрание сочинений в число переводов не попал из-за цензуры. Л. Н. просит его об этом напечатать [8].

Л. Н.: Шопенгауэр говорил: «Не читайте дурных книг, газет, журналов, текущей литературы». Все это следовало бы напечатать крупными буквами. Брат Сергей Николаевич говорил про доктора, который ему рассказывал свои взгляды, что это точь-в-точь то, что вчера писалось в «Новом времени». Люди не имеют своих взглядов, принимают взгляды самых худших людей — писак [9].

Сегодня была здесь Мария Александровна. Л. Н. с ней, как всегда, говорил о серьезном, но я теперь, в половине третьего утра, не могу вспомнить, о чем.

6 мая. Прекрасный, немного холодный день. Уехали И. И. Горбунов, Иосиф Константинович, молодой Кузминский.

За обедом судья А. А. Цуриков из Орла, славянофил, с сыном, приехавшим с Дальнего Востока [1]. Рассказывал о том, что в Москву приезжали польские представители узнать, что можно ожидать от либералов, а теперь московские представители поедут в Варшаву отдать визит полякам. Туда же приедут и зарубежные поляки из Познани, Силезии соединиться с братским народом против общего врага — немца. В Москве их приняли радушно и вежливо. Председателем собрания был выбран профессор Краковского университета [2].

Л. Н.: Соединение для новой вражды?

А. А. Цуриков: Не для новой, а для устранения междоусобной вражды.

— Это ведь франко-русский союз основан на той же ненависти к немцам,— сказал неодобрительно Л. Н.

Разговор перешел на другое. А. А. Цуриков говорил, какие зажиточные деревни около Засеки.

Л. Н.: Которые купили землю, стали на ноги — прекратилось пьянство, завели плуги под пару. Бабурино, Пирогово совсем другими стали.

А. А. Цуриков: Землю покупали при помощи Крестьянского банка?

Л. Н.: Да. Сегодня был в Бабурине в одном доме: две люльки и еще двое крошек, а ходит за ними девчонка десяти лет, наливала им молока. Отца убило на Лихвинской железной дороге. Остались старые родители, требуют возмещения — железная дорога дает им 200 рублей.

А. А. Цуриков: Могут получить 600, но суд продолжится несколько лет.

Л. Н.: Одному я выхлопотал шесть тысяч — работал в руднике, сломало ему спину.

А. А. Цуриков: Железные дороги судятся до крайности, вплоть до Сената. Сколько напрасных тяжб, а всему помогло бы страхование.

Л. Н.: Страхование отвратительно. У меня есть средство: полная свобода, разумеется, при освобождении земли от собственности. А несчастный случай — помогут добрые люди.

Л. Н. вспомнил, что слышал о каких-то погорелых. В разговоре с мужиками пожалел их, ему ответили: «Что же им, тот им дал то́, другой — то́, все им дали люди». Так бывало раньше. С того времени, как страховка, не стараются о несчастных.

Молодой Цуриков вспомнил выговор, который сделал Вильгельм II русским морским офицерам, когда те на разбитых судах, добравшись до Киао-Чао, закупили там все шампанское. «Читали?» — спросил он.

Л. Н.: Я газет уже восемь месяцев не читаю.

А. А. Цуриков: Я тоже нет.

Л. Н.: В «Вечерней почте» напечатана — опубликовали мои друзья — моя статья о Генри Джордже. В следующем номере писали против моего проекта, что я пишу о рабочих, стало быть, признаю капитализм. Что же такие люди, которые днем спят, в шесть обедают, а ночью спешат писать —

метранпаж вырывает из рук написанное,— что же такие могут написать путного? Когда хочешь что разумное написать, надо спокойствие, время, а у них ни того, ни другого. Самый длинный срок — в недельный номер — неделя.

А. А. Цуриков заговорил о славянофильстве.

Л. Н.: Я смолоду преклоняюсь перед народом. Недавно был у меня коломенский плотник, один читал Евангелие и пришел совершенно к тем же взглядам, что и я [3].

А. А. Цуриков: Таких много.

А. А. Цуриков говорил, что читает Конта.

Л. Н.: Не подобает вам читать Конта. Материалист, ограниченный, который тупоумие возносит в достоинство, то есть не признает духовных начал.

Сын А. А. Цурикова рассказывал о Монголии, китайцах, лошадях.

Л. Н. подарил Цурикову «Мысли мудрых людей», чтобы читал утром, когда не читает газет.

— Я читаю каждое утро с пользой,— сказал Л. Н. Дал ему еще книжки Генри Джорджа. И прочел вслух из «Круга чтения» каждому из пяти присутствовавших ко дню его рождения. Удивительно вышло каждому. Марии Александровне—что только тот, кто трудами рук живет, чист нравственно [4].

7 мая. Утром в 6 часов я был в Колпне, а потом в Туле.

В «Нижегородском сборнике» «Знания» за 1905 г.— восломинания Горького о Чехове, очень хорошие [1]. Их я должен использовать при составлении моих записок о Толстом.

Приехали Андрей Львович, Михаил Сергеевич, Наталья Михайловна. Вечером Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Михаил Сергеевич рассказал, что учреждены комиссии, которые должны определить убытки, причиненные помещикам крестьянами. Такая комиссия составляется из одного помещика и двух чиновников [2]. Какое плохое распоряжение!

Л. Н.: Когда я был посредником, я всегда останавливался у старосты и туда звал помещика. Раз меня заменял брат Сергей Николаевич; я рад был, что именно он, что не испортит моих дел. Вез его мой кучер и хотел с ним к старосте. Сергей Николаевич же поехал к помещику. Кучер потом рассказывал крестьянам, как они разговаривали; что Сергей Николаевич обещал помещику сделать все по его воле, что́ было вздором. Но это уже возбудило недоверие крестьян; так и это распоряжение.

Потом Л. Н. рассказал о том, как одного спившегося старосту он взял к себе и приставил к свиньям. Тогда у него был завод свиней, были всякие породы. Все свиньи вдруг заболели. А причиной этого было то, что бывший староста их не кормил, только когда заболели, стал давать им корм. Но они уже не хотели есть и дохли. Л. Н. узнал об этом и смеялся. Дело в том, что бывший староста считал для себя постыдным понижением — ходить за свиньями. А Л. Н. это в голову не приходило.

Софья Андреевна вспомнила, сколько у них было убытков в хозяйстве: когда завели коров для завода, 33 самых лучших коровы пали. Когда послали жеребца в Самару, то по пути утонул, и т. д. «Теперь доплачиваю на Ясную две тысячи в год».

Андрей Львович говорил, что он боится спать при закрытых дверях, а Душан Петрович их ночью закрывает.

Я сказал, что я думаю, что ему так поспокойнее, и потому закрываю в перегородке между нами дверь. (Мы с Андреем Львовичем спим внизу, в бывшей библиотеке, разделенной перегородкой на две половины: он в одной половине, я — в другой.)

Л. Н.: Достоевский говорил, что самое большое страдание для него в тюрьме было то, что он никогда не бывал один [3]. Я это понимаю.

Михаил Сергеевич вспомнил, что тульского губернатора Шлиппе назначили в Государственный совет.

Л. Н.: Удивляет меня, как правительство боится Витте, Дурново, Алексеева (содержит его и его штаб); хочет их отдалить — promoveatur ut amoveatur,* — а тысячи мужиков выселяет, разоряет **.

Михаил Сергеевич: Это оттого, что их боятся. Чиновник, который эту меру предлагает царю, сам же совершает грехи и не может других за них наказывать.

Л. Н. удивлялся, как московскими губернаторами подряд бывают люди ограниченные, перечислял их.

Говорил о письме Черткова, сообщающего, что приедет в Россию.

Л. Н.: Значит, Бригс приедет, будет с голой головой ходить, как многие англичане [4].

8 мая. За обедом Софья Андреевна жаловалась, что у нее от йодистого калия сделался насморк, глаза красные, желудок испортился. Л. Н. сказал ей, чтобы больше не принимала; что от него больше вреда, чем пользы; что она делает, как медведь, который булыжником убивает муху на лбу.

Л. Н. советовал Михаилу Сергеевичу читать Генри Джорджа, сказав при этом, что его «Моисей»[1] и диалог о едином налоге слабее других его статей. Л. Н. удивлялся, как легко читается Генри Джордж. «Easy reading makes hard writing» ***.

Затем Л. Н. привел некоторые факты из биографии Генри Джорджа. Издатель возвратил ему «Progress and Poverty», сказав, что хотя книга и хорошая, но агрессивная. Парнель и ирландцы отошли от него. Спенсер скупил все экземпляры первого издания своей книги, в которой писал против собственности на землю, и из второго издания выпустил эти места; чувствовал, что это против общественного мнения (общественное мнение — большая сила). В Лондоне Генри Джорджу отказали в зале [2]. У Генри Джорджа есть такое сравнение: цепь сильна самым слабым кольцом. Народ — так же, он так силен, как его самые бедные, слабые люди слабы. Хорошее сравнение.

Л. Н. (*Михаилу Сергеевичу*): Скажите Тане — мне нравится, что говорил Долгоруков: отрезать часть помещичьей земли для крестьян [3]. Это — паллиатив, но показывает самопожертвование, а его-то и надо. Освободили крестьян не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы. Декабристы принесли себя в жертву.

Софья Андреевна: Генри Джорджа проект не осуществится. Надо, чтобы проект исходил от министров. Сами помещики никогда не лишат себя земли.

Л. Н.: То же казалось при существовании крепостного права. *Надо было сознание.* Проект в конце. Нигде, кроме России, не уничтожали крепостного права дворяне. Доканчиваю «Великий грех». Желал бы, чтобы вышел в «Русской мысли» или «Вестнике Европы». Оратор был Генри Джордж до самого конца неловкий. Учился говорить перед двумя-тремя людьми.

Я напомнил Л. Н., что лет восемь тому назад Лев Львович его спросил, когда же идеи Генри Джорджа осуществятся, он ответил: «Лет через тридцать». Лев Львович стал горячо возражать и сказал: «Хоть бы через три тысячи». Мне тогда ваш срок тоже показался коротким [4]. Теперь же,

---

* хотя и возвышает, но отдаляет (*лат.*).

** Имелись в виду крестьяне, наказываемые за участие в беспорядках.

*** «Легко читается — трудно пишется» (*англ.*).

когда я лучше знаю Генри Джорджа, мне кажется, что его идеи скоро осуществятся.

Л. Н.: Теперь вопрос освобождения земли в том же положении, как было освобождение крестьян при декабристах. Николаев хорошо делает, что раздает книги Генри Джорджа...* Этому делу (Генри Джорджа) повредил наиболее всего социализм. Самые передовые люди оторвались от существенного и взялись за фантастическое. Как и когда перейдут орудия производства в общее владение, настанет коммунизм?

Михаил Сергеевич: Мужики думают, что царь отнимет у господ землю и отдаст крестьянам; им никто не разъяснит, что она и у них будет отнята.

Л. Н.: Надо им разъяснить, что отнимать землю не будут, что кто на ней работает, может оставить ее наследникам.

9 мая. Понедельник. Николин день. Уехал Михаил Сергеевич с дочерью Натальей Михайловной. Приехал Сергей Львович. Рассказывал об аграрном съезде. Председательствовал Петрункевич; говорили Долгоруков, Мануйлов, Герценштейн. Долгоруков говорил об отрезе барских земель, выкупе и отдаче крестьянам так, чтобы на душу по семь десятин пришлось. Герценштейн говорил против Генри Джорджа и отстаивал выкуп помещичьих земель [1].

Сергей Львович: Я ему возразил: почему он, стоящий против Генри Джорджа, употребляет его аргументы? Когда будет введен единый налог, часть капитала освободится. Капитала будет больше, он подешевеет [2]. Я нарочно попросил Петрункевича считать голоса. 13 — за единый налог, 18 воздержалось, прочие — за выкуп. Но мне казалось, что после съезда яснее стало, что выкуп невозможен, а что нужен единый налог. Ведь его можно и постепенно вводить.

Л. Н.: Да. Надо говорить не о национализации, а о едином налоге.

Л. Н. говорил о «Записках» Якушкина [3]:

— Какое было тогда самоотвержение для освобождения крестьян, так и теперь его нужно для освобождения земли.

— Долгоруков хоть немного говорил в этом смысле, и это хорошо,— сказал Сергей Львович.

Зашла речь о прогрессивном параличе и его самой частой причине — сифилисе. Л. Н. вспомнил Хохлова, больного параличом; потом перешли на сифилис, на жизнь молодого поколения, где случайно кто заболеет сифлисом и кто нет.

Л. Н.: Нет хуже, чем двубрачие. Я говорю, что дойдет до того, что в непотребном доме священник будет венчать...

Потом говорили об Андрее Львовиче.

— Михаил Сергеевич и даже Таня говорят: «Надо женить Андрея». Какое легкомысленное отношение! Надо переносить последствия своей преступности, а не легализировать ее,— сказал Л. Н.

Софья Андреевна ужасно похудела, по вечером головокружения, но все-таки поехала в Москву [4].

Софья Андреевна говорила, что Кони предвидит конституцию, так как иной русской формы правления нет выработанной, а так, наскоро ее выработать нельзя.

Сергей Львович: Но какую конституцию? Английская имеет только совещательный, а не решающий голос. Но весом общественного мнения король стал игрушкой при парламенте. А в Болгарии, где самая передовая конституция, мог властвовать неограниченно Стамбулов.

Вчера Л. Н. говорил:

---

* С. Д. Николаев перевел на русский язык почти все сочинения Генри Джорджа и всячески содействует распространению его идей. У него небольшой дом в Москве, из дохода с которого он отчисляет известный процент, и эту сумму (около 500 р.), не считая ее своей, целиком отдает на распространение книг Генри Джорджа.

— Цуриков проводит время в судебных заседаниях, изучении новых законов и распоряжений и в чтении газет, так и другие судьи.

Я сказал Л. Н., что в «Круге чтения» следовало бы поместить где-нибудь о судьях, чем они занимаются, как о врачах.

Л. Н. сказал, что ему досадно, что дал и о врачах [5].

— Судьи отстают, как и врачи (читают только свои медицинские газеты), а журналисты отстают пуще всех,— сказал Л. Н.

На днях говорил о Каткове:

— Он 20 лет ничего не читал, кроме «Московских ведомостей». Катков был даровитый, образованный, передовой человек (в молодые годы) из кружка Герцена... — Л. Н. рассказывал, что Катков в разговоре с ним (Л. Н.) мялся, не оканчивал предложений, говорил застенчиво, неопределенно. Не знаю, со всеми ли так,— сказал Л. Н.

Сегодня был инженер, принес стихи. Л. Н. сказал ему, что стихи его плохи, чтобы бросил писать. У него нет художественной оценки, не может критиковать себя, такой будет продолжать писать.

Потом Л. Н. рассказывал, что он встретил одного яснополянского мужика (он назвал крестьянина) и спросил его, что нового о земле. Тот ответил: «Слышно, отойдеть» [6].

В разговоре Л. Н. вспомнил, что на поляне, не доходя Трубы, по тропинке налево, была дуэль Писарева с Берсом [7]. Мужик видел их и не понимал, что делают: «Не по дрова ли?» Тут вынимают ящики и стреляются.

Был разговор о Достоевском.

Л. Н.: Достоевский стенографировал свои романы, что и видно: сначала хороши, в первых же главах высказано все, дальше — повторение.

Андрей Львович заболел: колотье в ладонях, подошвах, берцах. Думает, что от раны в голове. Л. Н., когда услышал, что Андрей Львович болен, но, не зная, чем, сказал:

— Не обидели ли мы его?

Л. Н.: Приедут сюда мои самые давние верные друзья: Владимир Григорьевич, Павел Иванович и Иван Иванович — основатели «Посредника», они и вместе жили. Черткову свыше 50 лет. Как мы стареем! Трепов ему разрешил приехать в Россию на три недели. Очень любезно он ему писал [8].

Эта весна очень сухая. В течение трех недель два дождя. Много зелени, листвы на деревьях, птиц. Записываю это — несутся песни из села, поют соловьи, кричат лягушки, воют собаки.

10 мая. Вторник. Сегодня пополудни приехал из Тулы Анатоль Леруа-Болье с женой *. Л. Н. застали на террасе одного, завтракающим. Л. Н. повел показать им деревню, привел их и в мою лечебницу, здесь присоединился к ним я, и мы все пошли в избу к Ромашкиным. Там посидели, поговорили с приветливой хозяйкой. Пошли домой, где встретили Александру Львовну; Л. Н. познакомил с ней своих гостей. Потом с четырех до шести с ними были Андрей Львович и я. В половине девятого они уехали в Тулу.

Они были у папы в Риме, потом в Риеке (Фиуме), Загребе, Белграде, Софии, Одессе, Киеве, теперь едут в Москву и Петербург. В России Леруа-Болье не был 20 лет. Он бледный, седой, с сицилийским орлиным носом, курчавыми волосами. Он был усталый; жена — бодрая, живая старушка. Оба приветливые, учтивые.

После обеда Л. Н. говорил с Леруа-Болье о религии, стараясь не употреблять слова «бог». Потом спросил у него о его вере. Он член общества

---

* Автор «L'Empire des tsars et les Russes», считающегося за границей самым основательным сочинением о России.

борьбы с атеизмом. Жена — верующая католичка. Л. Н. заговорил о Генри Джордже.

Леруа-Больe сказал:

— Для России это важно, для Франции — нет. Там 50 процентов земледельцев, и число их убавляется, несмотря на то, что земля сравнительно не дорожает. Где было 300 хозяев, теперь там 200. В России — наоборот, большинство народа — земледельцы.

Л. Н. ему сказал:

— Mais la justice * требует уравнения в правах на землю.

Они спрашивали Александру Львовну о ее школе (она эту зиму учила в школе), не забывают ли дети читать по выходе из школы? Им казалось, что учиться очень тяжело. Александра Львовна сказала, что нет, что дети понятливые.

Меня Леруа-Больe спрашивал о влиянии духовенства, заботятся ли они о пастве, не клерикальные ли они фанатики? Их дети составляют ли важную часть интеллигенции? Есть ли вокруг раскольники, сектанты? Спрашивал меня о словаках и сказал, что я первый словак, которого видит. Знал, что словаки между славянами имеют больше протестантов; спрашивал про отношения чешско-словацкие, о близости словацкого языка к польскому и малорусскому. Белорусы — чистые славяне, малорусы и великорусы — помесь с татарами и чудью. О благосостоянии здешних крестьян: оно выше, чем словацких; о достоинстве русских крестьян. Хотя они в пояс кланяются, но у них есть достоинство, как у восточных народов. Говорил о политике мадьярской: «Kossuth était d'origine slovaque, n'est-ce pas?» **

Из современных мадьярских политиков больше всех нравится ему Апоньи, но он тоже националист; их внутреннюю политику назвал аристократической и недальновидной.

Когда Леруа рассказывал, что были у папы, Л. Н. спросил:

— Vous êtes catholique?

Леруа-Больe: Oui, quoique pas un modèle catholique. Ma femme est pieuse. Ma mère était *** верующая католичка. Папа (Пий X) не такой реконцилиантный ****, как Лев XIII, сочувствовавший сближению церквей, соловьевской идее [1]. Мы говорили по-французски, но, видя, что он в «embarras» *****, я перешел на итальянский язык. Первый папа, который не говорит правильно по-французски.

Л. Н.: А какой же был прием, церемониальный?

Леруа-Больe: Нет, мы сидели с ним за столом, как с вами.

Вечером приехала С. А. Стахович на три часа, рекомендовала Л. Н. прочесть в декабрьской книжке «Русского богатства» за 1904 г. статью о тюрьмах в Европе и Америке [2].

— Какие ужасные тюрьмы, особенно в Америке и Англии,— сказала С. А. Стахович,— ужас! Верчение колеса, применение взглядов Ломброзо на преступников, казни гильотиной, розги.

Л. Н.: В Англии есть целая лига, которая добивается отмены розог для арестантов моложе 18 лет. В романе «A Tale of Two Cities» рассказано, что во французской тюрьме находится бумага, писанная угольной пылью с кровью. Писал ее доктор, заключенный за то, что восстал против нечеловеческого обхождения господ с крестьянской девушкой [3].

---

* Но справедливость (*франц.*).

** «Кошут был словак по происхождению, не правда ли?» (*франц.*).

*** — Вы католик?

— Да, хотя и не образцовый католик. Жена моя набожна, моя матушка была (*франц.*).

**** склонный к примирению (от франц. réconciliant).

***** затруднении (*франц.*).

— Когда приезжает в Россию богатый иностранец, привыкший к внешним удобствам, гостиницам, он уже заранее предубежден, что здесь плохие условия, а именно такие он и находит, так как он обращает свое внимание на внешнее. Я, наоборот, обращаю внимание — и мне кажется, это лучше — не на паразитов. Жизнь в России гораздо лучше, чем за границей, я имею в виду мужиков. Об этом я писал сегодня Иосифу Крофте. Русские крестьяне намного лучше живут, чем наши.

Л. Н. спросил С. А. Стахович, очень интересно рассказывающую:

— Читали ли «Записки» Якушкина?

Сергей Львович вставил:

— Говорят, что не пропустили по цензурным соображениям только восемь строк.

Л. Н.: Может быть, об Александре I, как он погнался с саблей за мужиком, который показался на параде между рядами войск [4].

Вечером приехал Илья Львович.

В половине двенадцатого Л. Н. просил Сергея Львовича сыграть ноктюрн Аренского, потом Шопена. Очевидно, хотел отдохнуть от разговоров. Потом сказал:

— Я устал, каждый вечер так устаю,— простился и ушел к себе.

11 мая. Среда. Засыпало в песочной яме яснополянского мужика, бывшего ученика Л. Н., старосту [1]. Вся деревня сбежалась. Откапывали его. Его сын рассказывал, как медленно его засыпало: сначала ноги, он стоял на лестнице, опущенной в глубокую яму, пытался высвободить ноги, но не мог, потом засыпало пояс, грудь и, наконец, голову. Во время этого медленного обвала он не метался, не кричал. Сын не мог ему помочь. Яма была узкая и обвалилась с боков. Не теряя времени, не суетясь, начали откапывать. Когда откопали, Л. Н. так хотел узнать, жив ли, как мать, когда умирает ее любимец. Сам ощупал его рот, два раза просил меня освидетельствовать его. Пробыли мы у песочной ямы больше трех часов. Жена жалобно выла над покойником; на всех лицах была глубокая грусть, все держали себя чинно, строго, серьезно, даже и дети.

За обедом Н. П. Иванова пожалела засыпанного, что тяжело умирал.

Л. Н.: Так, как должно. Герцен сказал о смерти Николая (I): «Зачислен по химическому» [2].

Л. Н. всегда, не глядя на часы, точно угадывает время. Но сегодня, когда расходились от песочной ямы, ошибся. Последние пять дней ему сильно нездоровилось. Теперь у него сердцебиение и боли в желудке.

— Но мне притом хорошо,— сказал Л. Н.— В молодости изредка болел, потом раз в месяц, в старости — каждые пять дней.

Л. Н. хвалил красоту природы пальцевского имения, куда ездил на прогулку [3].

12 мая. Четверг. Л. Н. один в шарабане съездил в Таптыково, за 18 верст; ездил с 2 до 7 пополудни. С кучером не хотел ехать, чтобы никого не утруждать. Вернувшись, немного отдохнул, пообедал, вышел на балкон, потом пошел гулять.

Юлия Ивановна, Андрей Львович, Надежда Павловна учили меня по-русски.

Вернувшись, Л. Н. сел на крыльце на скамейку и разговорился со мной.

Л. Н.: Я все еще не кончил свою статью («Великий грех»). Пишу. Получил письмо от Семенова. Упрекает меня, что я такого дурного мнения об интеллигенции либеральной. Что если «Великий грех» появится, то это будет «Московским ведомостям» орудие [1]. Может быть. Но я не вижу разницы между консерваторами и либералами. Я знаю либералов.

Я: Я думаю, что для консерваторов правление — хлеб, а между

либералами найдется достаточно людей, которые, не зная иного, все же хотят служить народу лучше, чем нынешнее правительство.

Л. Н.: Я знаю либералов. Это люди, одержимые тщеславием.

Я: Вы пишете, что в народе происходит своя духовная работа, что он идет вперед. Вы бы могли это объяснить в новой статье, в чем это проявляется?

— Вот коломенский старик [2] пришел сам к убеждениям, к которым я пришел. Сегодня получил письмо Цибульского *[3]. Духоборы — вот явление. Человек из народа сознает земельную неправду и видит в ней главное, что надо исправить.

— А есть ли духовный рост и у французского, немецкого народа? У нашего, словенского [4] (словацкого), по-моему, нет, скорее портится и идет назад.

— С французского, английского, немецкого народов пример брать нельзя. Французы вымирают. Леруа (который смотрит на русский народ, как на варварский, из учтивости проявляет уважение к нему, но видно, что презирает его) говорит, что во Франции цена на землю падает, когда у нас в короткое время ее цена увеличилась в 10, 20 раз и постоянно растет, потому что народ прибывает. То же самое и в Англии, потому что англичане живут искусственно: колониями. То же начинается в Германии, которая тоже приобретает колонии, садится на шеи другим народам, и, Zweikindersystem ** тоже их. Французы не имели в прошлом столетии ни одного философа. Вольтер, Руссо — последние; Амиель ничего нового не сказал. Жизни вашего народа не знаю, но интеллигенции христианство не по вкусу; она не хочет его, потому что оно отвращает от борьбы с венгерским правительством. Но в словацком (Л. Н. так выразился) народе ведь есть назарены, это важнее объединения Германии Бисмарком. Кто хочет добра народу — первое дело слезть с его плеч. Назарены ведь словаки? [5]

— Больше сербы. Среди чешского же народа есть движение спиритов; живут воздержно, не курят, не пьют; их около 100 тысяч.

— Они из протестантов?

— Кажется. В том крае, на северо-востоке Чехии, есть и протестанты. Это самый бедный край чешский.

— А занимаются они медиумизмом?

— Да.

Л. Н.: Знаете, почему они (спириты), люди ограниченные, приходят к таким удивительным мыслям, как Люси Малори или Львов? Я на днях записал себе в дневник мысль, что они тогда сосредоточивают мысль на духовном, которое соединяет людей, и он (человек) уже не один, а два и.....***[6].

Л. Н.: Я совершил круг в своей жизни: откуда вышел, туда и возвращаюсь, чем начал, тем кончаю. Я начал тем, что сознавал, что грешу, живя на плечах и из трудов, и из рук народа и воображая, что мы можем его учить. Рёскин — есть в «Мыслях» и в «Круге чтения» — говорит, что не верит в нравственность человека, не добывающего себе хлеб своими руками [7]. Как вы думаете?

— Десять лет тому назад мне это так казалось, а теперь — хуже.

— Нас наша испорченная жизнь удерживает от того (чтобы добывать хлеб своими руками). Мне, с моими восемьюдесятью годами, трудно исполнять этот закон, да и вы уж седой, сорок лет — половина жизни за вами, да есть врачебная специальность. Но хоть знать, что наша жизнь

---

* Сектант из Киевской губернии, Даниил Цибульский.

** система «два ребенка в семье» (*нем.*).

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

грешна, что так не следует жить... Революционерам удивляются, какие они бесстрашные, самоотверженные. А народ, как мы вчера видели, когда засыпало мужика и когда его выкапывали, постоянно в опасности, а сам собой жертвует без наград и без похвал. В метель поедут искать заблудившихся. Человек, который вчера выкапывал, был в опасности. Когда опасались и говорили, что обвалится, сказал: «Нет, тут ножка есть целая». Они знают это и, должно быть,— хорошо.

13 мая. Пятница. Вчера ночью уехала Юлия Ивановна в Москву, сегодня утром приехала Софья Андреевна.

С недавнего времени — кажется, с февраля 1905 г.— русские газеты печатают с пропусками короткие статьи и письма Л. Н., выходящие за границей. В «Нашей жизни» от 10 мая — «Три сына» [1], в «Сыне отечества» — «Письма к японцам» [2].

Сегодня приехали Гольденвейзеры и бельгиец, профессор французской литературы Эдинбургского университета Charles Sarolea [3], а позже вечером председатель Московской судебной палаты Н. В. Давыдов. Саролеа самоучкой научился по-русски, чтобы читать и переводить Толстого. Интересуется беллетристикой («Анну Каренину» прочел десять раз, она для него — «Одиссея»; Толстой-романист выше Шекспира) и, как он выразился, социальным и нравственным учением Л. Н.

За обедом разговор о Генри Джордже. Саролеа говорил, что в Англии его порядочно изучают и разделяют его взгляды. Л. Н. сказал: «Наверно, в cercle borné» *. Саролеа говорил о предшественнике Генри Джорджа — Уоллесе Рёсселе (Russel) — и о своем учителе, Эмиле Лавеле, единомышленнике Генри Джорджа. Хвалил книгу Анатоля Леруа-Болье о России [4]. Рассказывал о Иерусалиме (был там 12 дней), о Киеве — главное, о паломниках, о политических деятелях, которых посетил; говорил, что в России брожение, в городах революция; что либералы негодуют на Толстого за то, что не участвует в их движении.

Давыдов рассказал, что упразднили Министерство земледелия и государственных имуществ — хотели устранить Ермолова с министерского поста. Сделали такую штуку — часть (ведомства) разбросали и учредили какой-то бессмысленный департамент. Говорят, что хотят уничтожить и Министерство путей сообщения, а шоссейные дороги причислить к Морскому министерству [5]. Министра юстиции Муравьева сменили, а его послали послом в Италию [6].

Л. Н.: Кажется, на посту министра или посла не надо иметь особых знаний. Сапожник не может быть кучером, если раньше им не был, но военный министр может быть министром просвещения. Кто это все делает?

— Трепов,— отвечал Давыдов,— какой-то офицер Путята (?) и Николай. Они вместе и молятся... и представляют себе мистически, что русские победят. А после Мукдена дезертировало 60 тысяч солдат — не хотели повиноваться и заразили других неповиновением. А Рожественский пишет жене, — из перехваченного письма, рассказывал мне товарищ министра,— что экипажи, офицеры и матросы не хотят воевать, нет у них боевого духа. Учредили новый пост — начальника обороны внутренней и внешней.

— Как это шли на войну, так без ропота, столько людей, чудно́,— сказал серьезно Л. Н. (Но опять же казалось, что сведения о Мукдене и Рожественском были ему неприятны.)

Давыдов говорил, что в Москве должна была появиться новая политическая, либеральная, но не радикальная газета — «Московская неделя», под редакцией Трубецкого. За два дня до выхода первого номера ее запретили. Единственно потому, что требовала свободы печати [7].

---

* узком кругу (*франц.*).

Л. Н.: Им нечего говорить. Если бы им дали высказаться, был бы им конец. Это все — предлог. Правительство может дать свободу печати: оно имеет суды для преследования крайностей, как может дать и свободу вероисповедания, имея средства против скопцов, и т. п.

Давыдов: Радикально могут писать газеты, это не опасно, а либерально — нет. Это делает правительство.

Далее Давыдов рассказывал о частых убийствах, о мании убивать городовых (пять городовых в день убивают), губернаторов и т. п. О нелепости, что повесили четвертого дня в Шлиссельбурге убийцу Сергея Александровича; значит, незачем было ходить его (Сергея Александровича) вдове туда [8].

Л. Н.: Могли в Шлиссельбурге тихо оставить, как убийцу Елизаветы (Австрийской) [9]. Это было бы, с их точки зрения, приличнее.

Давыдов: Я написал статью о том, какой грех убивать невинных городовых: их семьи остаются без поддержки. «Русские ведомости» «вследствие несогласия», что нельзя критиковать частные случаи, не приняли ее.

Л. Н.: Сегодня, идя из Тулы по старой дороге, встретил Марию Александровну, женщину очень христианского настроения. Ходила в Тулу посетить племянников, 13 и 15 лет. Рассказала, что они горят желанием убить городового. Это гипнотизация газет, как были крестовые походы детей. Берусь решать только общие высокие вопросы. Всякое убийство — грех. На мою точку зрения смотрят как на что-то неожиданное, хотя 25 лет это проповедую. А это потому, что они (революционеры) из моего берут, что̀ им на руку — критику властей, самодержавия. Источника *не* знают.

Когда разговор зашел о сектантах и государственных исповеданиях, Л. Н. сказал:

— Читаешь, что католики, православные гордятся тем, что они верят в одно. Когда даже листья на дереве не одинаковы, каждый по-своему, тем более человек должен быть индивидуальным. Сектантство имеет это преимущество.

Саролеа: Les Russes sont plus ouverts que comme tous les autres. Prince * Трубецкой — какой сердечный человек.

Саролеа говорил, что читал Данилевского «Россия и Европа» [10]. Пушкин и все настоящие русские писатели «owe» to the russian people **. Об английских писателях Саролеа сказал, что они méprisent le peuple ***.

Л. Н. советовал Саролеа читать славянофилов и разговорился о них, о своем отношении к программе славянофилов — самодержавие, православие, народность [11] — сказал:

— Pas l'autocratie, pas le nationalisme — le troisième, je le partage: c'est l'estime pour le peuple, pour sa tâche, c'est comprendre ses tâches ****, задачи, желания — c'est l'admiration du peuple *****. Можно разделять и православие как церковь, наиболее широкую, терпимую. Самодержавие они оправдывают тем — как китайцы, что царь — совестливый человек, для которого существуют только общие интересы. Беда, что царями бывают люди эгоистических интересов. В славянофильстве — гегельянство, философское оправдание существующего; но славянофильство — самобытное, русское, система последовательная, выработанная, не принимает западных теорий, а ⟨главное в нем⟩ — преклонение перед народом.

---

* Русские гораздо откровеннее всех других. Князь (*франц.*).
** «многим обязаны» русскому народу (*англ.*).
*** презирают народ (*франц.*).
**** Не самодержавие, не национализм — третье я разделяю: это уважение к народу, к его делу, это значит понять его задачи (*франц.*).
***** это — преклонение перед народом (*франц.*).

Л. Н. говорил это с остановками, обдумывая каждое слово. Он сказал:

— Я знал всех выдающихся славянофилов, из них особенно высоко ставил Юрия Самарина, Хомякова, Аксаковых. Я сам admirateur * народа, был и остался им. Советую вам изучать особенно Хомякова, а из Хомякова особенное внимание посвятите la préface aux œuvres de Chomiakov [12]. L'aîné ** Аксаков лучше [13].

О славянофилах Л. Н. говорил с воодушевлением, с таким уважением, с каким при мне он не говорил ни о ком, кроме как о русском народе.

Саролеа говорил об убыли деревенского населения в Шотландии, гораздо более ужасной, чем во Франции; об ужасной нищете в английских городах; о том, что виды на будущее Англии внушают гораздо больше опасения, чем Франции; говорил о романе Рода из швейцарской крестьянской жизни [14] и Базена — французской [15]. Рассказывал о шотландских священниках, что подобных им не знает. Живут и работают для простого народа (для milieux ***, в котором живут). Они нонконформисты, пуритане; у них нет епископов, они зависимы только от коммун — эвентуально ****, иногда от патронов; жалования получают высокие, в среднем 300 фунтов.

Саролеа очень понравились русские паломники в Иерусалиме, видел их три тысячи (в иные годы их бывает 20 тысяч) и в Киеве — 15 тысяч. Лица осмысленные, видна самостоятельность, достоинство, вера. Спрашивал, нет ли о них литературы.

Л. Н.: Это известное состояние странничества, в котором они находятся. Кто лишается места, жена умирает, другое несчастье случится — идет странствовать. Имеет обеспечение — хлеб и кров. Щедрин писал о них, Лесков и другие [16]. Имеют выработанные пути, идут в Киев, к Полтаве... в Воронеж, Новый Афон на Кавказе... Легкий способ познать их — возьмите сумку, обуйте лапти и идите с ними.

Л. Н. читал вслух «Великий грех», медленно, выразительно, чтобы и Саролеа понял. Когда читал место, как крестьянин перекрестился, прослушав газетную статью о земле, стянуло ему горло. Прочитав, спросил: «Имеет ли кто что заметить?»

Александр Борисович сказал:

— Статья сильная, убедит многих.

Л. Н.: Я с тем и писал ее для молодежи, чтобы увидела дело, которое на очереди.

Николай Васильевич: Статья может появиться в России?

Л. Н.: Рад бы эту статью напечатать в «Русской мысли». Вы там еще сотрудничаете?

— Мало. Если желаете, я переговорю с редактором.

— С их точки зрения они могут полемизировать со статьей, но поместить ее могут. Когда эту статью кончу, больше не буду на современные вопросы отзываться,— прибавил затем Л. Н.

Разговор зашел о прессе.

Л. Н. сказал, что никогда ни одна газета не признается в неправде. Каждая утверждает, что она пишет правду, а другие ошибаются. Теперь такая печать в России, которая не захочет принять этой статьи («Великий грех»). Сегодня Л. Н. говорил, что партии в России, которые борются между собой, тоже каждая думает о себе, что только она заступается за правду.

---

* почитатель (*франц.*).
** предисловию к сочинениям Хомякова. Старший (*франц.*).
*** окружения (*франц.*).
**** при случае (от лат.: eventus).

Потом Л. Н. прочел письмо к лакею (Суворову). Начал его читать вслух по просьбе Л. Н-ча Давыдов, но у него не шло, не разбирал почерка, не мог читать быстро; продолжал и докончил Л. Н.

Николай Васильевич: Кто этот лакей? Писал вам с тех пор?

Л. Н.: Писал хвалу и благодарность, начал рассуждать широко и, как при том бывает у людей, имеющих только одну ясную мысль, запутался [17].

В сегодняшних газетах: священник убил околоточного.

Л. Н.: Недавно были здесь два брата Ставровские [18], сказали: «Почему же не убивать, жизнь не так важна!» Я им ответил: «Свою жизнь приносить в жертву — другое дело, чем отнимать ее». Долго держали бутылку закупоренной, теперь не остается ничего другого, как ждать, пока все выльется.

Саролеа: Надо требовать свободы печати, при ней можно будет проповедовать хорошие идеи.

Л. Н.: Правительство глупо, что не дает ее. Имеет возможность судебно преследовать злоупотребления. При свободе печати станет ясно, что либералам нечего сказать.

Из дальнейшего разговора:

Л. Н.: Нужно, главное, землю landvalue taxation, Single Tax *. Не люблю называть ⟨это⟩ национализацией. Паллиативы только отсрочат истинный прогресс. Русский народ смотрит на участие в правлении, как на грех. Совестные люди избегают должностей старосты и других. В народе нет arrouvement ** чиновничьей деятельности.

Саролеа: Левин в «Анне Карениной» был такого же мнения о земстве [19].

Л. Н.: Il avait raison***.

Саролеа: За границей — наоборот. Любят быть официальными лицами. У каждого народа такое правительство, которого он заслуживает [20].

Л. Н.: Мы не соучастники японской войны, как были избиратели-англичане — в бурской.

В полночь уехали Давыдов и Саролеа.

14 мая. Суббота. Л. Н. уже около двух месяцев страдает колитом, но говорит: «Я не жалуюсь». Он не поддается болям, слабостям, работает, невзирая на них, как мужик, который с начавшимся воспалением легких еще силится пахать. Л. Н. получил сегодня письмо от Ернефельта. Выражает согласие со статьей «Об общественном движении в России», особенно с мыслью о том, что текущие события и агитация за конституцию отвлекают внимание человека от нужной внутренней работы над самим собой [1].

Александр Борисович рассказал по воспоминаниям Вейнберга о посещении Харьковского университета Николаем Павловичем [2]. Л. Н. по этому поводу рассказал воспоминания университетских лет в Казани. Раз во время лекций он очутился один в коридоре. Профессора уже вошли в залы, он опоздал и не хотел входить, чтобы не мешать, да и запрещено это было. Ушел. Как вышел из ворот здания, встретил попечителя округа Мусина-Пушкина.

— Он меня знал, я ходил к нему,— сказал Л. Н.,— у него потребность кричать, и он начал кричать: «Как смеет кучер твоего брата носить галуны на шапке, это может только посланник!» Л. Н. добавил, что то было такое время, когда кричание составляло репутацию.

---

* обложить налогами по ее ценности, установить единый налог (*англ.*).

** одобрения (*франц.*).

*** он был прав (*франц.*).

Л. Н. с Гольденвейзером играли в шахматы гамбит. Приехала Мария Александровна.

Вечером Л. Н. нам:

— Читал биографию Генри Джорджа. Два раза его выдвигали в головы Нью-Йорка. Говорил через день по десять речей ради распространения своих идей. А все это напрасно. Мысль работает мимо. Идеи распространяются книгами.

Л. Н. спросил Марию Александровну:

— Как это мы с вами, Мария Александровна, познакомились?

Мария Александровна рассказала, что в 1883 г. пришла с приятельницей к Л. Н. просить «Евангелие»; она была тогда упорная православная, подруга ее читала «Евангелие» Л. Н-ча. Когда просила одолжить, та не дала ей, сказала, что продают в библиотеке. Мария Александровна не знала, что эта вещь запрещена, пошла туда покупать. Оттуда ее послали в книжный магазин, оттуда к Каткову, и везде ей доставалось, пока она не догадалась, что такую книгу не надо спрашивать при других. Но, не достав ее нигде, она пошла к самому Толстому [3].

Л. Н.: Как это удивительно, что я именно с вами и с Чертковым познакомился*. Чертков — красивый, богатый, из высоких кругов, знаком с царем, пил, в карты играл (раз проиграл 80 тысяч). Отец решил вывести его из круга гвардейских офицеров и поместил у пастора в Англии. Там он услышал о христианстве, хотя фарисейском, английском. Вернулся домой, жил в деревне, устроил потребительскую лавку, школу, больницу, занимался земством — бросил. Я его очень уважаю и люблю. Живет, конечно, благодаря — или, как Душан Петрович говорит,—«вследствие болезни жены, богато». Но, по отношению к своему имуществу, сказал, что то, что будет его, раздаст крестьянам.

Софья Андреевна: Кони говорит, что осенью будет свобода печати, тогда можно будет печатать все сочинения Льва Николаевича.

— Будут преследовать судом за оскорбление царя и так далее,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Давыдов просил статью о современных событиях в России для Новодворцева, которому она очень нужна. Как мало эта статья распространена в России! [4] Но Генри Джорджа тоже не знают. Евангелие печатается в миллионах экземпляров, а его не читают или не понимают. Мне прислал Николай Николаевич Страхов Эпиктета, начал его читать: «Все это старое, знакомое» — и не дочел. А с тех пор его раз тридцать прочел, а все новое в нем нахожу. (Л. Н. привел этот пример в доказательство того, что люди читают и понимают только то, что могут по своему духовному развитию, независимо от того, дозволено ли это правительством или запрещено.)

Софья Андреевна говорила, что отвезет письма к Л. Н. в Исторический музей [5]. В них выражено отношение к Л. Н. Будут важными документами. В числе их есть одно письмо Победоносцева после события 1 марта. Гольденвейзер спросил Л. Н., знал ли он Победоносцева.

Л. Н.: Я встретился с ним, и меня познакомили, но я не стал разговаривать [6]. Он с Чичериным, Соловьевым (историком)... были учителями Александра III, и так сделал карьеру.

Софья Андреевна: Он ходил к нам, я была тогда крошечка. Служил в Сенате, пока Сенат был в Москве. Мой отец был врачом Сената.

Л. Н.: Получил книжку — биографию Мошина, какой-то Крамеровой. Мошин — вероятно, богатый купец, хотящий создать себе писательскую славу. Эта биография на то рассчитана: хвала. Там и интервью Мошина со мной — показывает, какой он ограниченный. Я ему дал совет,

---

* С В. Г. Чертковым Л. Н. познакомился в 1883 г.

ТОЛСТОЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПОСЛЕ КУПАНЬЯ
Ясная Поляна, 25 мая — 4 июня 1905 г.
Фотография В. Г. Черткова

чтобы оставил писание [7]. Он написал книгу рассказов, но это не рассказы, а бессмысленная путаница [8].

Мария Александровна заговорила о Листовском и его письме, что трудно на него отвечать, что это у него временный упадок духа, как со всеми бывает. Л. Н. ему тоже будет писать, когда голова будет свежая; оставил письмо между теми, на которые должен отвечать [9].

Л. Н. спросил Гольденвейзера о его болезни, свыкся ли он с ней?

Л. Н.: Не в возрасте, а в покорности дело. Можно спокойно переносить самую тяжелую болезнь. Силы убавляются, убавляются, а человек приспособляется. Получил письмо от Русанова, у него сухотка спинного мозга. Вернулась к ним прислуга, которая у них жила 16 лет и ходила за ним. Для них это важно. Постороннему человеку кажется, что он несчастный, а он не чувствует себя несчастным, привык к своему положению [10].

Софья Андреевна: Что же такая жизнь, на что ему жить?

Л. Н.: Какое доброе влияние имеет на семью, на сыновей, как его уважают, любят! Как изменили свою жизнь под его влиянием, а он не перестает работать (переводит, выбирает изречения, помогает Л. Н.).

15 мая. Воскресенье. За обедом Л. Н. поел только немного каши и выпил красного вина. Обедали на веранде. Мимо веранды проходило много народу (нищих, прохожих, гуляющих дачников, посетителей к Л. Н.). Софья Андреевна, которая имела обыкновение работать внизу на террасе, недовольным тоном сказала, что она устроилась на балконе при своей комнате, т. к. тут, внизу, нет покоя. Двое пришли с рукописями своих рассказов, хотели их Л. Н. читать.

Л. Н. отказал: некогда.

— Ужас сколько этих писателей развелось,— сказал Л. Н.— К чему это приведет, не знаю. У артельщика пять сыновей, все они чай пьют, господами хотят быть. Брюхо толще, а ноги тоньше становятся. Когда-нибудь должны подломиться. На Западе этого не видно; Запад Индией, Америкой питается. И мы в числе тех рабов, которые работают на немцев. Россия же живет сама собой. Вот они, которые на нас работают,— сказал Л. Н., указывая на проходивших куда-то мужиков.

Поднялся разговор, в котором кто-то осуждал мужиков, что они глупые. Л. Н. спокойно выслушал и, подождав, не будет ли еще кто говорить, сказал:

— Чего, чего народ не знает! Когда откапывали заваленного в песочной яме, плеча ямы обваливались.— «Не опасно ли ему там копать?» — «Нет, нет, ножка крепка». Они знают, чем края держатся. Знают деревья, умеют дома строить, печи класть, землю копать, коров доить, лошадей держать, пахать, знают, в какую землю, когда сеять, по вкусу узнают, что в ней будет расти...

Л. Н.: Позавчера читал Давыдову и Саролеа «Великий грех», видел недостатки, поправлю.

Л. Н. пошел в дом за шляпой и палкой, вышел и обратился к лежавшей перед домом собаке: «Что, Белка, пойдем гулять?» А Белка — старая сибирская лайка — заволновалась, встала на старые, слабые ноги и, хромая, пошла за Л. Н. Собаки любят Л. Н., к нему ласкается даже и Жучка, особенно дикая и недоверчивая. С лошадьми и собаками Л. Н. обходится так, как наш словацкий крестьянин: разговаривает с ними, гладит и жалеет.

Мария Александровна сказала, что Л. Н. и болеет, и тоскует от своей роскошной жизни. Недавно он был с Бутурлиным у яснополянского философа-эпикурейца, мужика.

«Что вы перестали ко мне ходить?» — спросил Л. Н. — «Ты все только толкуешь, а землю кругом скупил и Телятинки, мы бьемся, как караси в сети» [1],— ответил тот.

— Когда пришел домой, два лакея мне прислуживали,— сказал Л. Н.

Вернувшись с прогулки, Л. Н. играл в шахматы. После лежал на кушетке в зале, читал письма, не разговаривал, чаю не пил, в 10 часов пошел к себе.

— Что тебе? — спросила его Софья Андреевна.

— Сильная изжога.

Софья Андреевна послала меня к нему.

— Не тревожь меня, Соня,— сказал Л. Н.

16 мая. Сколько босяков ходит! Теперь пришли двое. Оба бледные, один трясется; оба перенесли болезни. Мать одного работает в Москве на фабрике, а другого — в Бронницах. Он, вероятно, незаконнорожденный, об отце не говорит. Л. Н. послал им книжки и деньги, а Андрей Львович — по рубашке.

Утром Мария Александровна занесла «Великий грех» Л. Н. в кабинет.

— Какая хорошая статья! Какой у вас талант!

За обедом Л. Н. начал рассказывать о Николае Павловиче, о его собственноручно написанном предписании, как надо казнить декабристов. В это время к столу подошел лакей. Л. Н. прервал, сказав: «Потом», и больше не рассказывал.

Л. Н. играл в шахматы с Гольденвейзером.

Л. Н. (*мне*): Получил от Черткова, но только в одном экземпляре, «Письмо к лакею», а при нем два письма о Генри Джордже, о которых я позабыл [1]. Как бы хотелось, чтобы этого была тысяча экземпляров, чтобы распространилось. Кабы их прислали! Читаю биографию Генри Джорджа с большой пользой. Какая это агитация, утомительная и бесплодная (публичные выступления Генри Джорджа). Лучше — книгами. В Шотландии его встречали с духовыми инструментами, факелами, на эстраде 500 человек, (всем) подать руку — обмельчивает. В Австралии говорил ежедневно по две речи, коляски, торжества. Когда вернулся оттуда, имел афазию. Наверно, без последствий она не осталась. Спенсер, Тойнби, Гладстон были против него [2].

Софья Андреевна сегодня выбирала свои письма к Л. Н. (приблизительно с 1883 г.) из общих пачек, находящихся в шкафу на площадке лестницы. Затем еще письма об отлучении Л. Н. от церкви и по поводу 75-летия со дня рождения [3].

17 мая. Вторник. За обедом. На веранде. Ходили босяки.

Л. Н.: Босяков 100 тысяч. Что́ для них конституция, свобода печати? Цепь сильна самым слабым кольцом. Так и народ. Босяки — представители его самого слабого кольца.

Здесь Гольденвейзер. Приехал И. И. Горбунов с племянницей. Когда я пришел вечером, застал Горбуновых. Л. Н. говорил:

— Сочинения Генри Джорджа расходились в Европе в миллионах экземпляров. Видно, что *механическое* распространение — пример: миллионы библий — не действует, а ⟨только⟩ распространение духом. Механическая пропаганда в известной степени ослабляет идею, как теплица — растение. Вы не помните, когда вы были молоды, нельзя было двух слов сказать, чтобы не упомянуть Спенсера? А Генри Джордж — не ученый, типограф, напустился на него [1]. Тэйлор ему говорил: «В своей области вы сильны, но до философа Спенсера не дотрагивайтесь». А Генри Джордж разбил его. Спенсер вначале писал, что люди должны иметь равные права на землю. Потом скупал первое издание и во втором издании пропустил эти места. Завел связи с дюками* и поддался силе общественного мнения.

Иван Иванович рассказал о московской молодежи, сомкнувшейся в кружок для самообразования и отвергнувшей политическую агитацию. Читают Евангелие, сперва по «Предисловию» Л. Н. к Евангелию, потом хотят читать «Краткое изложение» [2]. Дальше Иван Иванович рассказал, что в «Русском богатстве» пишут о Ницше [3]. Брандес удивляется Ницше, что он разбивает христианство — веру, которой и так уже нет. Он (Ницше) ломится в открытые двери.

Л. Н.: Ницше был талантливый человек, но сумасшедший. Его статья о христианстве прекрасна; казалось бы, должен придти к признанию его. Однако, кончает тем, что оно рабство [4].

Иван Иванович вспомнил, что идет сражение на море. Телеграмм много, а ничего не говорят, никаких подробностей. Наверное, наших побили, как иначе и не может быть [5]. На Кавказе погромы; армян режут персидские курды. В Варшаве убивают городовых.

---

* герцогами (*англ.* dukes), здесь в смысле «знать».

Л. Н. рассказал Ивану Ивановичу о статье Н. В. Давыдова об убийствах городовых, что «Русские ведомости» не хотели напечатать ее, потому что этим осудили бы политические убийства, которые считают полезными.

Иван Иванович: Сегодня появился первый номер «Московской недели», стоящей за конституцию.

Л. Н.: Конституция хороша, если бы была достигнута без убийств, озверения. Но этот путь к ней — убийства тысяч, а хуже того, озверение сотен тысяч...

— Добрые книги нужны молодежи,— сказал Л. Н. — Юркевич, славянофил, философ, малоросс, полемизировал с Чернышевским. Чернышевский упрекал его, что он не читает модных книг (Л. Н. перечислил их), которых теперь никто не знает[6]. Так и нынешнее молодое поколение знает последние модные книги, которые полагает за самые лучшие.

Л. Н.: Раздражение, которое сеет революция, какие может иметь последствия? Не борьба сословий, а победа справедливости, принципа нужна. Во Французскую революцию государственной, монастырской и дворянской землей завладели мужики и владеют до сих пор. Они самые консервативные.

Л. Н. советовал приказчику пахать — старается и об этом.

Л. Н. рассказывал Ивану Ивановичу о Леруа-Болье:

— Я спросил его, какая его последняя работа? Ответил: «О сближении народов». Его жена — религиозная, славная старушка. Я спросил ее: каково ей, старой? — «Ах, как спокойно, становишься терпимее, снисходительнее к другим». О Генри Джордже он сказал, что он во Франции неизвестен, а я его и не спросил, знает ли он сам его, не желая привести его в смущение. Саролеа я прямо сказал: «Нам не брать примера с вымирающего народа и с англичан, живущих рабами, которых они не видят». Мы же видим своих рабов. Хотят, чтобы народ опролетарился, чтобы Россия стала фабричная. «Генри Джорджа ведь не знаете и Евангелия тоже не знаете». Он ответил: «Евангелие — правда, плохо, а Генри Джорджа хорошо знаю. В Шотландии на каждом либеральном митинге говорят о нем».

Л. Н.: В «Review of Religions» есть статья о браке у магометан (когда приедет Николаев, надо будет сказать ему, чтобы перевел эту статью). У них высшее (идеал) — моногамия, и только для слабых допускается урегулированная полигамия. Автор утверждает, что они выше церковных христиан, у которых настоящая полигамия [7]. А особенно хорошая статья о невнимании к стыду женщин со стороны врачей.

Вот еще записанные у меня слова Л. Н., сказанные им сегодня:

— Гете говорит: «Лучше думаю, чем говорю, лучше говорю, чем пишу, лучше пишу для себя, чем для публики»[8]. Я думаю, что наоборот: что пишу для опубликования яснее, полнее (определеннее) — обращаю внимание на точку зрения всех людей, чем то, что пишу для себя или что говорю. (В сказанном мешается хорошее — важное с бессодержательным, слабым.)

Приехал Михаил Львович на тройке; с большой дороги слышны песни цыган: там остановился табор. В парке множество соловьев.

Между письмами к Л. Н. есть от 25 июля 1897 г. от назарена Павла Амбруша, огородника из Бекеш-Чабы, написанное по-словацко-чешски. Спрашивает о духоборах.

Народ не говорит: «Ясная Поляна», но «Ясные Поляны».

В стенном календаре (Кирхнера?) 1897 г. 31 августа обидное изречение о женщинах, приписанное Толстому. То же и в книге, которую сегодня принес Сергей Львович.

Доктор медицины Э. Шиф, берлинский корреспондент «Neue freie Presse» — представитель этой газеты на медицинском конгрессе — просил 10/22 августа 1897 г. дозволения посетить Л. Н. в Ясной Поляне [9].

«Rabbi Joseph Krauskopf D. D., Philadelphia, Aug. 11, 1897. I came to Russia in 1894 to inquire into the condition of the Jews ⟨...⟩ We discussed the Jewish Problem. You told me that agriculture was the best solution, and advised me to visit the Jewish agricultural colonies in Southern Russia, and the Jewish agricultural School in Odessa ⟨...⟩ So favorably was I impressed with what I had seen, that upon my return to America. I started upon founding an agricultural School. It was recently consecrated»*.

18 мая. Несколько дней, как Софья Андреевна приводит в порядок письма, полученные Л. Н. до 1898 г. Хочет свезти их в Исторический музей. Помогают ей Гольденвейзеры, Н. П. Иванова и немного я.

Приехала Татьяна Андреевна с внучкой и гувернанткой. Живут на даче в Таптыкове. Шесть дней назад Л. Н. ездил к ней в шарабане в Таптыково — 18 верст (не в коляске, чтоб не утруждать лишних людей и лошадей). За обедом Татьяна Андреевна рассказывала, что в Корейском проливе из эскадры Рожественского погибло «Бородино» и еще три русских и семь японских судов. Ее сын и много родных и знакомых в эскадре.

Андрей Львович: Известия неясные.

Л. Н. спросил ее:

— Ты говоришь, что в Петербурге большинство за войну?

Татьяна Андреевна: Нет, но большинство не хочет позорного мира.

Л. Н.: Ведь это то же самое. Мало ли у кого там столько же близких людей, как у тебя.

Татьяна Андреевна: Невзирая на это, во мне патриотическое чувство возмущается при мысли, что победят нас эти обезьяны.

Л. Н.: Почему же обезьяны?

Татьяна Андреевна потом рассказала, как ужаснулась, когда узнала, что убили бакинского губернатора Накашидзе [1]:

—Я как на горячих угольях. Боюсь газеты читать. Вдруг то же самое может случиться с моим мужем. Он там в Баку производил ревизию. Как только он туда приехал, его просили удалить Накашидзе. Но это не входило в его компетенцию. Теперь он в Персии. В Баку разразилась забастовка на нефтяных промыслах среди рабочих, которые в мирное время выполняют самую тяжелую работу. Это персы.

Л. Н.: Инженер мне говорил о работе этих персов. Дескать, они очень крепкие и ловкие. Работают около источников. Когда винт лопнет, спускаются, привязанные за ноги к веревкам вниз головой, и исправляют испорченное.

Татьяна Андреевна: Мой муж поехал в Персию с персидским консулом.

За чаем Татьяна Андреевна прочла вслух напечатанное в газете известие о поражении Балтийской эскадры в Корейском проливе. Четыре тысячи пленных.

— Теперь уже войну продолжать нельзя, когда нет флота,— сказала она.

Л. Н.: Почему нет, можно на суше.

---

* «Раввин Джозеф Краускопф, д⟨октор⟩ б⟨огословия⟩, Филадельфия, 11 авг. 1897 г. Я приехал в Россию в 1894 г., чтобы узнать о положении евреев ⟨...⟩ Мы обсуждали еврейский вопрос. Вы сказали мне, что работа на земле — наилучший выход, и посоветовали мне посетить еврейские земледельческие колонии на юге России и еврейскую сельскохозяйственную школу в Одессе ⟨...⟩ Все, что я видел, произвело на меня такое благоприятное впечатление, что, по возвращении в Америку, я начал устраивать сельскохозяйственную школу. Ее недавно освятили» (*англ.*).

Софья Андреевна: Сколько несчастий за 50 лет в России! Ведь вдовы и сироты погибших останутся нищими, землю у них возьмут?

Татьяна Андреевна: Рожественский не хотел идти; говорил, что верная погибель. Переколоть бы их. 450-тысячная армия пропала.

Андрей Львович: Ты понимаешь самовар, а не войну.

Встал и отошел, нахмурившись, от стола к окну и зажег папиросу.

Софья Андреевна и Татьяна Андреевна продолжали с грустью говорить о том же.

Андрей Львович вернулся к столу и сказал:

— Поеду на Восток.

Софья Андреевна: Чтобы идти на верную погибель?

Андрей Львович: Поеду.

Л. Н. ничего не сказал, потом попросил принести карты и при свече сам нашел место морского сражения. Потом ушел к себе в кабинет. Был подавленный, грустный.

Л. Н. спросил меня, поеду ли завтра в Тулу.

Я: Почему ехать?

Л. Н.: Не почему, а зачем. Почему — warum, зачем — wozu. Философское почему — по какой причине, она уже была; зачем — с какой целью.

19 мая. Четверг. С четырех утра у Софьи Андреевны были сильные боли в животе с симптомами непроходимости кишок. Она страдала, но не будила никого до 6 часов. Подобное же случалось у Л. Н. Ночью, когда у него болела печень, он сам себе согревал воду.... Оба они для других жертвуют собою, а из-за себя беспокоить других не любят.

Пришлось впрыскивать ей атропин, кроме других средств. Посылала за священником. Л. Н. не проснулся, пришел к ней только в половине девятого.

Утром Л. Н. под вязом (прозванным П. А. Сергеенко «деревом бедных») прочел собравшимся прохожим и нищим письмо к лакею.

Софья Андреевна весь день спала. Перед обедом Л. Н. прошел к ней и запоздал к обеду. Тогда и я пошел посмотреть ее. Когда вернулся в столовую, Л. Н. с Марией Александровной говорили о войне.

Л. Н. сказал:

—Я вижу, в народе никакого чувства унижения нет (после Цусимы). Христиане, какие они ни испорченные, у них есть чувство, что война — не христианское дело. 50 лет тому назад его не было. Теперь везде сознается: общества мира... У японцев наоборот: их божества — божества войны, микадо — сын бога. Европейские народы гордились, что они одни знают военное искусство. Япония показала, что его за десять лет можно выучить и даже усовершенствовать. Ей нельзя не победить. Что русские плохо подготовлены — это неправда. Все побежденные плохо подготовлены. Так и англичане во время бурской войны. Когда была Крымская война, говорили про французов, что у них военное дело лучше поставлено, чем у всех. А после, когда были разбиты (1870 год), говорили, что они плохо были подготовлены.

Л. Н.: Беспокоили меня самые резкие выражения в «Едином на потребу». А теперь желаю, чтобы их как можно больше читали. Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Николай — священная особа. А надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы совершать то, что он совершает. Конечно, не сам он причина, но он себя чувствует причиной в той мере, в какой и мы его полагаем причиной. Ведь человеку в таком положении надо повеситься, или спиться, или с ума сойти [1].

Л. Н.: Генри Джордж приводит английскую поговорку, что истине предстоит пройти через три состояния: первое — глупости: «Не стоит об

этом и говорить»; потом: «Это против религии и нравственности», и, наконец, «Ведь это мы уже давно знаем!»

Андрей Львович дразнил Марию Александровну; говорил, что не может себе представить жизни без мяса.

Мария Александровна: Если бы тебе самому пришлось зарезать курицу для себя, ты отказался бы.

Андрей Львович: Не только курицу, и быка не зарезал бы, но застрелил бы.

Л. Н.: Верю, что застрелил бы. Если бы ты сам выращивал (кур), знал бы: это серая, это черная, или, как Игнат (который), когда мать продавала мяснику овцу, с которой он, когда она была ягненком, ⟨вместе⟩ спал, напал на мать и стал ее бить за то, что она дает резать овцу,— ты бы не ел мяса.

А. Д. Соанс, эстонец, много лет живущий в Ясной садовником, очень преданный Л. Н., узнал на телеграфе, что весь русский флот разбит, много судов потоплено и уничтожено. Рожественский в плену [2]. Потоплен «Нахимов» (на этом броненосце был племянник Софьи Андреевны, сын Т. А. Кузминской).

— Жаль мне Николая больше, чем погибших. Каково ему теперь на душе! — сказал Л. Н., всегда жалея больше делающих зло, чем терпящих его.

Сегодня Л. Н. ездил с Андреем Львовичем в Ясенки. Андрей Львович рассказал мне:

— Папа́ заглянул к женщине, которой вчера написал прошение, чтобы ее мужа вернули с войны. Она получала пособие, а оказывается, муж дома, руду копает. Из-за слабого здоровья его давно вернули со службы и вместе с тем перестали его жене выдавать пособие. Л. Н., шутя, спросил его сына-малыша, где отец, знает ли? А тот ответил: «Руду копает». Девочка спохватилась и сказала: «Только вчера пришел». Но соседи сказали, что он уже давно дома.

Андрей Львович негодовал на такое злоупотребление добротой Л. Н. Вчера яснополянский мужик упрекал Л. Н. за то, что, когда к нему приходят просить то-то и то-то, он отвечает: «Я не хозяин».

Тихая ночь. 12-й час. Из Ясной Поляны доносятся песни, особенно хороши грустные. Я был весь внимание.

Андрей Львович (*мне*): Чему вы радуетесь?

Я: Что в Ясной.

Андрей Львович: Папа́ мне сегодня сказал, что он вас ужасно любит. Вы рады?

Я: Как же не рад!

20 мая. Утром Л. Н. пришел ко мне разменять рубль и отдать долг.

Застал меня переписывающим «Корнея Васильева» [1], над которым он работал вчера.

— Вы это пишете, мне так совестно будет марать,— сказал Л. Н.

Перед своей прогулкой Л. Н. сказал:

— Думаю, что «Великий грех» окончательно кончил. Гольцев (редактор «Русской мысли») предложил приехать за рукописью сюда, будет ждать приглашения. Не буду звать пока, подожду.

—Опять буду писать о современном,— сказал далее Л. Н.,— хотя намеревался больше не откликаться на современные события. Разгром флота — событие, которое будет иметь, вероятно, последствием усиление революционного движения, если правительство не заключит мира, и подъем духа, в хорошем смысле, в России. В статье хочу сказать, во-первых, что у русских и сознательно, и бессознательно был христианский дух, нежелание воевать, у японцев — наоборот: геройство, война — выс-

ший идеал. Второе...* Третье — цивилизованные государства гордились, что военное искусство — что-то, добытое тяжелым трудом и только ими усвояемое. Японцы же доказали, что за десять лет его можно усвоить. Значит, нам надо учить мир более трудному — христианскому взгляду на жизнь [2].

Л. Н. пошел гулять. Вечером рассказал, что сегодня носил на Засеку 37 р. за почту**. Просил квитанцию с числом. Начальник почтовой станции обиделся и сказал грубо: «Когда вы мне не доверяете, как же мне вам доверять?»

— Я стал в недоумении,— рассказывал Л. Н. Видно было, что ему было неприятно, стыдно за грубость чиновника.

Софья Андреевна говорила, что больше любит «Войну и мир», чем «Анну Каренину», и больше всего «Детство» и «Отрочество», потому что искренние; потом — «Кавказского пленника» и «Казаков».

Л. Н. принял предположение, что у Софьи Андреевны, вероятно, неоплазма, так же, как крестьянин, когда градом побьет хлеб, спокойно: «Так должно быть. Не в моей силе изменить».

21 мая. За обедом Гольденвейзер говорил, что читал переписку Ницше с Брандесом в связи с изданием Брандесом какой-то книги Ницше податски. Но что оба пишут поверхностно, особенно Брандес.

— За что же он пользуется известностью? Кто он?— спросил Александр Борисович.

Л. Н. сразу не ответил, потом сказал:

— Он такой пошляк, за то и такая известность.

Гольденвейзер рассказал:

— В Тифлисском уезде была сходка крестьян, ее разрешили. Во-первых, прогнали уездных начальников, постановили: уничтожить все подати, кроме одной земельной (у кого заработок ниже 500 рублей, подати не платить), отменить всеобщую воинскую повинность.

— В России недавно ввели общую воинскую повинность,— сказал Л. Н.

— Когда же? — спросил кто-то.

Л. Н.: Лет двадцать <!> тому назад (1874 год). Это грех Милютина. Помню, как я удивлялся рабскому повиновению. Прошла незаметно.

Л. Н. сказал, что всеобщая воинская повинность — не только грех, развращение людей, но и с государственной точки зрения выгоднее: какие были раньше солдаты, служившие 25 лет, и какие теперь в Англии (наемные на долгий срок), и те, которых набирают теперь на короткий срок.

Л. Н.: Кузнецы на Косой Горе платят по 60 рублей крестьянину за аренду четверти десятины... Это бóльшая несправедливость, чем когда господа берут десять рублей с десятины. Как прав Генри Джордж — обложить землю по ценности.

Кто-то намекнул на то, как третьего дня ясенецкая баба обманула Л. Н.

Л. Н.: Говорят: «Какой обманщик русский народ!» Он кругом ограбляем господами. Он и смотрит на господ как на разбойников. Как вы (обращаясь к Гольденвейзеру), не стеснялись бы взять у разбойника из награбленного?

22 мая. Воскресенье. После обеда приехали тульский адвокат Б. О. Гольденблат и Д. Д. Оболенский.

---

* Не могу вспомнить, что.

** Тогда платилось в Засеке за каждое письмо, бандероль и пр., кроме газет, по 3 коп.

Я показал Л. Н. напечатанное в «Новом времени» сообщение о том, что какой-то помещик подарил крестьянам по десятине на двор [1]. Прочел и Оболенский и сказал: «Это глупость».

Л. Н.: Почему глупость? Хороший поступок.

Я: Такой же поступок, как дарование воли своим крестьянам Тургеневым, Герценом до уничтожения крепостного права [2].

Оболенский: Тургенев не отпустил, у меня его дела велись.

Л. Н.: На оброк отпустил.

Л. Н.: У японцев, по крайней мере, по тому, что я о них читал, нет никакой религии. Потому они, как пустой сосуд, вбирают в себя все чужое. У них есть приятная, милая жизнь, но распущенная в половом отношении. Это дурно.

Потом Л. Н. сказал:

— Этот разгром (русского флота японцами) — удар по голове. Может быть, спохватится Россия, а может быть, кожа огрубела, нужен будет еще более сильный удар. Западная культура — электрические звонки, двигатели, машины для смертных казней — материализм; духовного нет.

Гольденблат: Будет ли иметь война какое-нибудь культурное влияние?

Л. Н.: Делаете вопрос?

Гольденблат: Да.

— Огромное, но антикультурное. Культура европейская усваивается очень быстро, пример — японцы. Европейские культурные народы — сумасшедшие, стараются обзавестись колониями, чтобы иметь рынки для сбыта. Вооружаются. Одни покрывают суда броней в метр, другие — в полтора, потом в два, в два с половиной. Одни вооружат мужчин, другие и баб. Запасы динамита... Весь ум, энергия идут на приготовления к истреблению. Не сумасшествие ли это? У них не вижу культуры; у народа, по крайней мере, у нашего, русского, вижу. Истинная культура — это равенство, братство.

Л. Н.: Один московский купец сказал: «Как хорошо умереть, уйти из среды сумасшедших». Правду сказал.

Л. Н. рассказывал о своей прогулке:

— Сегодня ходил в глуши в лесу. Жалел, что никого не было со мной [3]. Остановился у старушки, не знала меня, говорила о солдате на Амуре, что пропал. Он узнал, что жена распутничает; велел сказать, что, если бы вернулся, он бы убил ее, стерву, и его бы сослали в Сибирь. Лучше не возвращаться домой. Я ей сказал: «Что же нам судить, мы люди старые». Она заплакала. Потом вспомнил слова няни, сказанные Александре Львовне: «Напрасно ты избавила себя от боли, терпеть надо». Вот у них есть религиозное, христианское, духовное *я*.

В 8 ч. 15 м. Л. Н. пошел с Оболенским и Гольденблатом пройтись. Перед чаем Л. Н. говорил с Гольденблатом о мужике, которого пьяного раздавило на Лихвинской железной дороге. Л. Н. рассказывал о своем опыте как мирового посредника, что мирил... Гольденблат сказал Л. Н., что он рад мирить враждующие стороны, чтобы до суда не доходило.

За чаем Л. Н. с Оболенским. Л. Н. рассказал ему, что «Русские ведомости» не хотели напечатать статью Давыдова против убийств городовых. Оболенский сообщил, что осталась ненапечатанной и его статья, в которой он писал: «Скобелев сказал, что наш враг — немцы», я же написал, что «враг России — чиновник: где ни сядет — в Крыму, в Батуме, народ разбегается». «Русские ведомости» не хотят таких статей печатать.

Оболенский: Замечаете, что в России начинает распространяться линчевание? Воров убивают, начальников разных, армян (в Эриванской губернии 50 деревень сожгли, многих армян убили татары и персидские курды). Об этом Л. Н. не знал. (В Варшаве громили непотребные дома, в первый день убито 36 сутенеров и 106 домов разгромлено.) Это озверение мне совсем непонятно.

Л. Н.: А мне оно совсем ясно. Люди живут общим религиозным жизнепониманием. Их общие интересы соединяет общее жизнепонимание. По мере того, как оно теряется, наступает внешнее насильственное соединение полицией (замена общего жизнепонимания «клеем» полицейских мер)... Но где полиция, там нужны полицеймейстер, министр и так далее. Создается сословие, тяготящее общество (народ), вроде как если обрушивающееся здание подпирают контрфорсами, эти опять другими, наконец, они своей тяжестью обрушивают здание.

Я спросил Оболенского, что слышно в высших сферах: будет ли война продолжаться?

Оболенский: Выходя из вагона, я встретил Николая Николаевича (великого князя). Говорит, что война будет продолжаться. Пять миллиардов неоткуда взять. О том же самом была речь на крестьянском съезде. Сказали: «Нам нужно стянуться к русской границе и защищать ее».

Андрей Львович: Послезавтра должен приехать Чертков. Я уеду [4]. Так как я мог бы его избить или же даже... Увидите, что будет с maman. Она нервозная, каково ей будет! Чертков ее не любит и не посмотрел бы даже на то, что она может умереть прежде времени. Он не знает, как Лев Николаевич дышит ею, он без нее жить не может, он ее ужасно любит.

С. Т. Семенов в длинном письме полемизирует с Л. Н. о том, что интеллигенты — не паразиты (со статьей «Великий грех») [5]. Вот цитата из его письма: «Как на пример правильно поставленной жизни крестьян, вы указывали мне на положение крестьян в Пирогове... Такое же устройство крестьянской жизни и у нас; только в большем размере ⟨...⟩ земля у них есть, есть и возможность применить свободно труд. В Пирогове это достигнуто при содействии доброго барина, у нас это благополучие насадило земство, под влиянием, конечно, интеллигенции ⟨...⟩ Грех интеллигенции заключается в том, что она заботится для народа только о благе внешнем и просвещает народ только умственно. Но ведь и вы в своем развитии шли по таким же путям и этапам ⟨...⟩ Когда вы занимались школами, вы верили, что это первое и нужное дело для крестьян».

23 мая. Вечером почта из Тулы. Л. Н. получил письмо от Е. В. Молоствовой о Малеванном [1]. Доктор сказал ей: «Выпустят его, когда начальство позволит». Значит, его держат не потому, что он душевнобольной, а потому, что этого требует начальство.

Л. Н., когда читал вслух об отказавшемся, приговоренном в дисциплинарный батальон на три года, расплакался:

— Когда читаю этакое, мне так ⟨тяжело⟩, как когда кто женится или умирает.

После обеда Л. Н. ходил с крестьянами к песочной яме сделать карьер. Из-за засыпанного человека грозят уголовным и гражданским судом.

Вечером приехал Илья Львович. За чаем был И. В. Ильинский, юрист, спорил с Л. Н. о конституции.

Он просил Л. Н. написать что-нибудь на книжке «Об общественном движении в России», которую Л. Н. подарил ему, и Л. Н. написал: «Познаете истину, и истина освободит вас, истину не научную, а религиозную.

Лев Толстой. 23-го мая, 1905 г.» [2].

Илья Львович спешил в Москву на съезд либералов.

Л. Н.: Илья, Петрункевич, которые не умеют устроить своей жизни, ни личной, ни семейной, ни денежной, хотят устроить жизнь 140-миллионного народа.

Говорили о самодержавии и конституции.

Л. Н.: Хуже Чемберлен, хитрая шельма, чем глупый Николай.

24 мая. Во время обеда неприятность: уезжал Андрей Львович, чтобы не встретиться с В. Г. Чертковым. После обеда в 7 часов приехал Владимир Григорьевич. Л. Н. шел к песочной яме и встретился с ним на прешпекте. Все домашние Л. Н. вышли навстречу Владимиру Григорьевичу. Л. Н. был тронут, вероятно, плакал. Девятый год, как не виделись.

Л. Н.: Вас, наверно, больше всего поражает Саша? Ей было двенадцать, а теперь двадцать.

Владимир Григорьевич рассказал, как его на границе обыскивали; он сказал офицерам, что жалеет их, что занимаются таким делом, а артельщикам, которым офицеры приказали обыскивать его, сказал, чтобы не делали подлости человеку, который им ничего не сделал. И двое артельщиков не послушались жандармского офицера и не обыскали его. Их, вероятно, уволят со службы. Один был седой. Позвали жандармов, и те обыскали его.

Владимир Григорьевич рассказал, что его пустили в Россию по просьбе матери. Сам он прошения не подавал, только спросил Трепова, с которым виделся в Петербурге, можно ли было бы ему вернуться в Россию. Трепов ответил ему, что если он хочет вернуться навсегда, то надо подать прошение. Владимир Григорьевич не хочет этого: «Не подаю, не признавая властей».

— Ну, а все-таки хотели...

— Когда меня разбойники схватят на дороге домой, я их буду просить, чтобы меня пустили, но я их не признаю, не отождествляюсь с ними. Трепов жалок. Он на очереди быть убитым. Как человек, он правдивый.

Л. Н. спросил про его отношения с Треповым. Владимир Григорьевич вспомнил, что они товарищи по полку и были когда-то друзьями. Теперь при встрече они сначала не говорили ни *ты*, ни *вы*, потом перешли на *вы*. Трепов грустен: убежден, что, употребляя жестокие насилия против революционеров, поступает, как должен. Он раньше интересовался взглядами Л. Н. и даже сочувствовал им.

Л. Н. сказал, что получил письмо Молоствовой о Малеванном. Его надо освободить, пока Трепов жив [1]. Потом рассказал, что у него был Леруа-Больe.

Владимир Григорьевич: Какой он человек?

Л. Н.: Узкий, односторонний, некоренный (некорневой), без гибкости духа, без восприимчивости, как западные люди. Его жена — славная старушка, а он сам тоже милый и добрый.

Заговорили о западных людях.

Владимир Григорьевич говорил, что англичане уже не прогрессируют:

—Думают, что достигли вершин прогресса. Теперь живут уже прошлым. Мне советовал какой-то англичанин, чтобы я идеи, которые распространяю, не выдавал за новые, а за старые. Тогда будут к ним внимательнее, охотнее их примут.

Л. Н. сказал об американцах, что они очень ограниченные, тупые люди.

— Был один с женой, хорош, он был и у вас.

Л. Н.: Иван Иванович, Павел Иванович и вы здесь встретитесь. На вас уже крест поставил.

Были на песочной яме. Возвращаясь домой, заговорили о Бригсе, интересующемся свободой воли. Л. Н. говорил:

— Начало, которого я ограниченная часть, свободно, но я не могу на него действовать. Когда от физического перехожу в духовную область,

то делаю так под влиянием... Только другой может на меня действовать и я на другого; сам на себя — нет. Не осуждать могу — и должен, но сам себя другим сделать не могу.

Л. Н. сказал, что читает биографию Генри Джорджа, и по этому поводу заговорил о переводчике Генри Джорджа на русский язык С. Д. Николаеве:

— Николаев — удивительный человек. Весь отдался распространению мыслей великого, замалчиваемого Генри Джорджа.

За чаем (собственно, и Владимир Григорьевич, и Л. Н. пили воду из колодца) Л. Н. спросил Владимира Григорьевича, что он будет делать.

Чертков: Я привез с собой работу о Ничше (Ницше). Значение его — учение, что нет добра и нет зла [2], что утверждает противное церковному христианству.

Л. Н.: Я выбрал из его последнего сочинения «О христианстве» мысли о католицизме. Он разбивает католические догматы, очищает истинное христианство и противопоставляет его католицизму. А потом говорит в другом месте, но в той же статье, что христианство — рабство, смирение. Кто-то писал или говорил мне, что Ницше читал мои сочинения. Некоторые выражения прямо как у меня взяты.

Говорили о японской войне.

Л. Н.: Этот débâcle — débâcle* не одной России, а и всего западного мира (западной цивилизации).

Владимир Григорьевич принес вырезку из «Нового времени» и прочел о капитане, произнесшем на судне во Владивостоке речь матросам, что воевать христианину не следует, и заявившем о своем выходе со службы.

— Между моряками,— сказал Владимир Григорьевич,— читаются ваши, Лев Николаевич, сочинения, покупают их по портам: в Адене и других.

Тон разговора между Л. Н. и Владимиром Григорьевичем был простым, и казалось, будто Владимир Григорьевич был намного старше и ближе к Л. Н.

25 мая. Утром Л. Н. пришел под вязы.

Л. Н.: Утром принес мне Илья Васильевич статейку из газеты о том, что Небогатову матросы не повиновались [1]. Страшно, но хорошо. Недавно мне прислал Николаев вырезку: 61 осетин-солдат предан суду — не хотят служить.

— Владимир Григорьевич еще не выходил? Он заработался и спит. Как я ему рад! Он мало изменился. Немножко потолстел и обрюзг.

Чтобы проверить сообщение об отказе командира судна во Владивостоке, Л. Н. взял в руки газету и, почитав немного, сказал мне:

— Какой это фальшивый, условный язык! Сколько я выиграл, не читая газет! Министр изволил то-то и то-то, государь распорядился так-то. Читаете статью и видите, что писавший ее совсем не верил в то, что писал, неестественный стиль. Человек портится. Я восемь месяцев не читал газет, мне так ясно их компромиссно-лживое писание.

Сегодня было много разговоров. Из них записываю только следующие.

Л. Н.: В войне для меня были три события, самые мучительные: потеря 30 пушек (Тюренчэн), сдача Порт-Артура и разгром Балтийской эскадры [2]. Жаль мне было, во-первых, убитых людей, второе — русских людей, и третье — ложно направленной покорности русского народа, приведшей к этим ужасным событиям. Этот разгром Балтийского флота будет иметь большое нравственное значение.

Л. Н. опять хвалил статью в «Review of Religions» о магометанском взгляде на брак: против лицемерия христианской моногамии.

---

* разгром — разгром (*Франц.*).

Дунаев рассказывал, что в московских газетах сообщено: с «Орла», военного судна, 140 тяжелораненых было сброшено в море, чтобы не деморализировались остальные. На судне же Небогатова было повешено 40 матросов (вероятно, за нежелание воевать). В машинное отделение этого судна попал снаряд и многих убил, остальные отказались работать. Кончилось тем, что матросы связали Небогатова и сдались [3].

Л. Н. сказал, что на войне, с военной точки зрения, такое возможно. Обстоятельно рассказал, как он в Севастополе поехал к месту, где происходило сражение (отразили атаку французов). В палатке были трое его знакомых: Голицын, Урусов и... (третьего я не запомнил). Приехал Ильинский. Увидев поваров, спросил пообедать. У него были медвежьи, обросшие руки, и он был страшный силач. За обедом молчал. Когда мы вышли из палатки, увидели его в ближней яме, где прежде тоже палатка была, спавшим. Урусов сказал мне: «Знаешь, что он только что сделал? Взорвал подминированный мыс, чтобы не достался французам». А на мысе лежало 500 самых тяжелораненых [4].

Говорили о Генри Джордже.

Л. Н.: И прежде я думал, что его проект — одно из лучших мне известных решений земельного вопроса. Теперь же, чем больше его читаю, тем больше убеждаюсь: я себе не могу представить другого решения, которое было бы так практично и мирным путем достижимо. Мы их, землевладельцев, выжмем *не насилием* — налогами. А налоги такие, которые идут на общественные нужды.

Владимир Григорьевич: Как осуществится проект Генри Джорджа?

Л. Н.: Свыше, высшим слоем, интеллигентным. Невозможно, чтобы через народ, даже физически невозможно. Должно установиться общественное мнение. И как дворяне (в прошлом) приносили жертвы, так должны и (теперешние) помещики. Может быть, и будут их сажать, как декабристов. Крестьянский банк, сдача крестьянам земель исполу (вместо собственной обработки) — это то же, что было, когда дворяне переводили крестьян на оброк вместо барщины. Надо, чтобы почувствовали, что это (сохранение существующего положения) совестно, как это было при мне с молодыми людьми. Главное — сознание, что это стыдно; а теперь этого нет. Панина дает 800 тысяч на устройство народного дома, не думая о том, откуда эти деньги, что надел ее мужиков — каких-нибудь три четверти десятины. Читал я Долгорукова, Герценштейна... Генри Джордж говорит: «Мне ни разу не пришлось возражать на делаемые мне возражения, потому что на все их опровержения найдут в моих сочинениях опровержения»*.

Л. Н.: Наука старая (Чичерин и др.) говорит: «Каждая собственность священна». Новая наука говорит: «В сущности, всякая собственность незаконна; весь труд должен принадлежать всем». Не делает разницы между произведениями труда отдельного человека и ценностью земли и откладывает решения обоих вопросов в долгий ящик.

Владимир Григорьевич: Получили ли вы, Лев Николаевич, Канта? Это лучшее издание [5].

Л. Н.: Да. Зимой буду читать его письма.

Владимир Григорьевич: Не был бы вам нужен и Фихте?

Л. Н.: Фихте? Не думаю, чтобы он меня увлек, а Фейербах — да. Его считают в России материалистом и всегда запрягают почему-то с Молешоттом, а ничего подобного нет.

Сегодня пополудни пришел смуглый, широкоплечий, высокий владимирец. Он хочет поселиться в общине, где осуществится идея братства.

---

* Так и Л. Н-чу.

«Все говорят,— сказал он,— о конституции, а нужен не устав конституции, а устав братства».

Владимир Григорьевич (*к Л. Н.*): Вы ему открыли глаза?

Л. Н.: Конечно, он ничего моего не читал. Я спросил его, почему он обратился ко мне? Ответил, что слышал, что я знаю про общины...

Л. Н. ездил сегодня верхом по Засеке около Саломасова по чудным местам, в таких, где раньше не бывал. Деревья старые, высокие и вазы папоротника. Далеко, семь верст. Хочет свезти туда Софью Андреевну. Лоб у Л. Н. поцарапанный. Александра Львовна спросила: «Не упал ли?»

Александра Львовна потом рассказала, как в прошлом году Л. Н. сознался Марии Львовне, что в лесу упал с лошади, лошадь ушла, и он остался в такой глуши, что думал, никогда оттуда не выберется. Но ему удалось поймать лошадь и добраться до дому. Софья Андреевна об этом не знает. В другой раз, тоже в прошлом году, на шоссе лошадь споткнулась, и Л. Н. упал боком на кучу щебня.

26 мая. В полдень купались. Молодой человек из «Посредника», Н. Н. Гусев, читал статью Черткова о Ницше, вторую часть ее.

Л. Н.: И такое учение могло пустить корни! (У римлян бы не пустило.) Главное, если бы оно было умное. Популярность Ницше портит читателей. Если бы не было популярности, так взяли бы и бросили читать. Это обвинительный акт образованному обществу! Такую болтовню называют философией! У Фихте — признаешь ли его взгляды или нет,— есть система, тут — никакой. Плохой фельетонист, утверждающий обратное общим положениям: «Вода мокрая».— «Нет, сухая». «Заратустра» начинается так: кто-то ходит по натянутым веревкам и говорит, чего нельзя понять [1].

Владимир Григорьевич: Молодежь читает Ницше. Теперь пускают книжечки о нем и в народ. Я получал письма от крестьян (от одного из Канады), спрашивающих про Ницше. Это меня побудило написать статью.

До и после обеда на веранде Гусев декламировал стихи Ф. Е. Поступаева, «толстовского Тютчева», как он его назвал. Горький хотел их опубликовать в «Знании». Л. Н. сказал о них, что «они очень хороши, не разжигают злобу, устанавливают правильное отношение» («Богатым», «Властям»). Особенно ему понравились стихотворения «Проклятье вам, века сидевшим» и «Вы, поправшие жизнь» [2]. Последнее он просил повторить два раза. Сошлось, кроме домашних, множество народу: Чертков, Дунаев, Бригс, И. К. Дитерихс, Макаренко, Гольденвейзеры, И. И. Горбунов, Юлия Ивановна, Кашевская с племянницей, Н. П. Иванова и много пришедших к Л. Н. просителей.

Вот уже две недели Софья Андреевна приводит в порядок письма к Л. Н. приблизительно с 1885 г., записывает и завязывает их в пачки по сто штук [3]. Нашлось с 1889 г. от А. М. Пешкова с двумя товарищами — просит Л. Н-ча, чтобы дал им в Ясной Поляне земли и для начала денег на обзаведение хозяйством, хотят работать [4]; от Крушевана насчет жизненного пути [5]. Дунаев говорил, что за три недели у Л. Н. попросили 84 тысячи рублей.

Вечером на веранде. Владимир Григорьевич рассказывал, что привез снимки с новой серии картин Холарека против войны, что он их издает с английским, французским и немецким текстами: «Удачные картины».

Л. Н. говорил Ивану Ивановичу, что картины на народ слабо действуют, также и книги, особенно беллетристика.

— Хорошо сказал Колечка Ге,— заметил Л. Н.,—что жизнь народа слишком серьезна. Философско-религиозные книги еще более всех имеют влияния, а уж публичные лекции, на которых Диккенс и Генри Джордж— особенно Генри Джордж — извели себя, имеют еще меньше влияния. То, что Генри Джордж написал, действует медленно, но верно, а его агитация, речи три раза в день ⟨не действуют, хотя⟩ ему казалось, что имеют огром-

ное влияние, потому что он был окружен на собраниях в Америке, Англии, Австралии людьми, которые казались ему его последователями. Теперь Иван Иванович хочет издавать газету, писать к сроку. Что же второпях напишешь?

Говорили о бывшем недавно у Л. Н-ча П. П. Новикове, брате Михаила Петровича.

Л. Н.: Он напоминает бывшего полового в «Мужиках» Чехова. «Мужики» Чехова — плохое произведение. Чехов колеблется. «Новая дача» — прямо отвратительна [6]. У Чехова была удивительная художественная память. Купеческие, архиерейские подробности быта как он помнил!

Владимир Григорьевич спросил Л. Н., воспользовался ли он для «Круга чтения» английскими простонародными пословицами? Имеют ли они какое-нибудь достоинство?...

Л. Н.: То же самое достоинство, как русские пословицы. Они повторяются.

Л. Н. хотел отдать рукопись статьи «Великий грех» Ивану Ивановичу, чтобы тот отвез ее Гольцеву для «Русской мысли». Владимир Григорьевич протестует против того, что будут допущены ради цензуры изменения и пропуски в этой статье, и, главное, говорил, что это единственное сочинение, в котором Л. Н. отступает от своей анархической точки зрения (признавая единый налог Генри Джорджа, вводимый государством), выйдет в России, а другие, в которых Л. Н. последовательно проводит анархические идеи, не появятся. Публика будет иметь ошибочное представление об образе мыслей Л. Н.

Ночью уехали Иван Иванович, Гусев, Макаренко.

27 мая. У Софьи Андреевны боли в левом бедре. Л. Н. этим встревожен, говорил со мной об этом и Чертков, и Мария Львовна об этом писала.

Софья Андреевна сегодня отправила в Исторический музей письма к Л. Н. за 1888—1902 гг. (приблизительно около 30 тысяч писем), свои выбрала, Чертков свои — тоже. Рассказала за обедом (Л. Н., Владимиру Григорьевичу, Юлии Ивановне), как Цветаев, директор Румянцевского музея, сказал ей, чтобы она увезла ящики с рукописями Л. Н., пока будут ремонтировать комнату, в которой они хранятся. Она ответила, что в музее есть куда их перенести. Он предложил запаковать ящики в рогожи и оставить на прежнем месте. Она не согласилась. На это он заявил, что другие места нужны для более ценных вещей. Тогда она ему сказала, что, хотя он так и думает, он не должен был бы ей, жене Л. Н., этого говорить, и увезла ящики. Она перевезла их в Исторический музей, где их приняли с большой охотой. Письма Тургенева, Фета доступны, от остального ключи только у нее. Купец Вахтеров купил разные относящиеся к Л. Н. картины, бюсты, фотографии, книги и подарил Историческому музею [1].

Пополудни Л. Н. и Владимир Григорьевич съездили верхом в Овсянниково. За обедом Л. Н. сказал, что у Марии Александровны — одноногий портной [2]:

— Знаю его пять лет, лицо прямое и энергическое.

Говорили о Кенворти. Владимир Григорьевич сказал, что он изменился и внешне, не только духовно.

Л. Н.: Он был и силен, и ловок, как прыгал!

Владимир Григорьевич: Пишет стихи, играет на фортепьяно дико и думает, что творит совершенные композиции. Спорщик.

Жалели его.

Л. Н.: Кросби мне писал о нем, что он в Америке. С вами (Владимиром Григорьевичем), с Моодом разошелся...

Потом говорили о Люси Малори.

Л. Н.: Как могут теософы постигать и высказывать такие глубокие истины: так, что у них устраняется личность и говорит общее, вечное.

В каждом номере «World's Advance Thought» нахожу замечательные изречения. Будет удивительно, когда в «Круге чтения» возле Канта и других часто будет Люси Малори, незнакомая особа из штата Орегон. В Орегоне мало землевладельцев. Лет десять тому назад пытались провести Single Tax, надеялись на успех, но провалился.

Владимир Григорьевич показывал Л. Н. серию Холарека — «Война», в фотографиях с рисунков пером. Л. Н. особенно понравилось «Прощание» [3], но и обо всех сказал, что хороши.

— Но я сомневаюсь,— сказал он,— в искусстве, чтобы оно, *наше* искусство, действовало на народ; у них, у народа, есть свое искусство, своя философия, своя религия.

Л. Н. с Владимиром Григорьевичем сыграли две партии в шахматы. Потом Л. Н. ушел к себе. Измаяли мы его. Усталый, не рад был говорить. Только когда отдохнет, может давать удовлетворительные для себя ответы.

Я спросил Владимира Григорьевича, что Л. Н. думает, говоря, что «сомневается в искусстве»? Владимир Григорьевич предполагал, что, с точки зрения Л. Н., теперь народу важнее иное (земля), а не искусство. Я же предполагал, что Л. Н. думает, что важнее личный пример. В это время вошел Л. Н.

Владимир Григорьевич: Мы говорим о вас. Когда я вернулся сюда после Англии, почувствовал, что тут народ — что-то другое (более самобытный, могущественный), чем в Англии. На Западе интеллигенция его портит, соблазняет большими потребностями и большими заработками. В России интеллигенция тоже гипнотизирует народ, но еще не так сильно, как на Западе. До поры ли?

Л. Н.: На моих глазах народ испортился. Но я перед русским народом благоговею. У него религия, философия, искусства свои.

Владимир Григорьевич: Но ведь то, что вы писали для народа,— это как бы его собственное, народ вполне это понимает?

Л. Н.: Нет, только то, что от народа взял — сказки — и возвратил ему. Что ему русская интеллигенция дает — не то, что ему надо. Диккенс целому английскому народу ⟨дает⟩ лучшее, что имеет. На Западе интеллигенция посмеивается над народом, презирает его речь; у нас — мы учимся речи у народа (посредством речи проявляется народ). Я из народа; полагаю, что я из народа; старался для него, в его духе писать.

За чаем Л. Н., Владимир Григорьевич, Софья Андреевна.

Владимир Григорьевич разговаривает с Л. Н. робко, как будто он намного моложе, чем на самом деле, и намного менее способный, чем на самом деле. Разговаривает с ним с какой-то робостью и застенчивостью — он мальчик, когда разговаривает с Л. Н.

Владимир Григорьевич (*о Мережковском*): Как он мерзко писал о Льве Николаевиче! Ведь ему перестали руку подавать. Как он мог после этого к вам приехать?

Л. Н. не выказал никакого недоброжелательства к Мережковскому.

Вчера Л. Н. сказал:

— Запрягают меня в дышло с разными Ницше, Иоанном Кронштадтским.

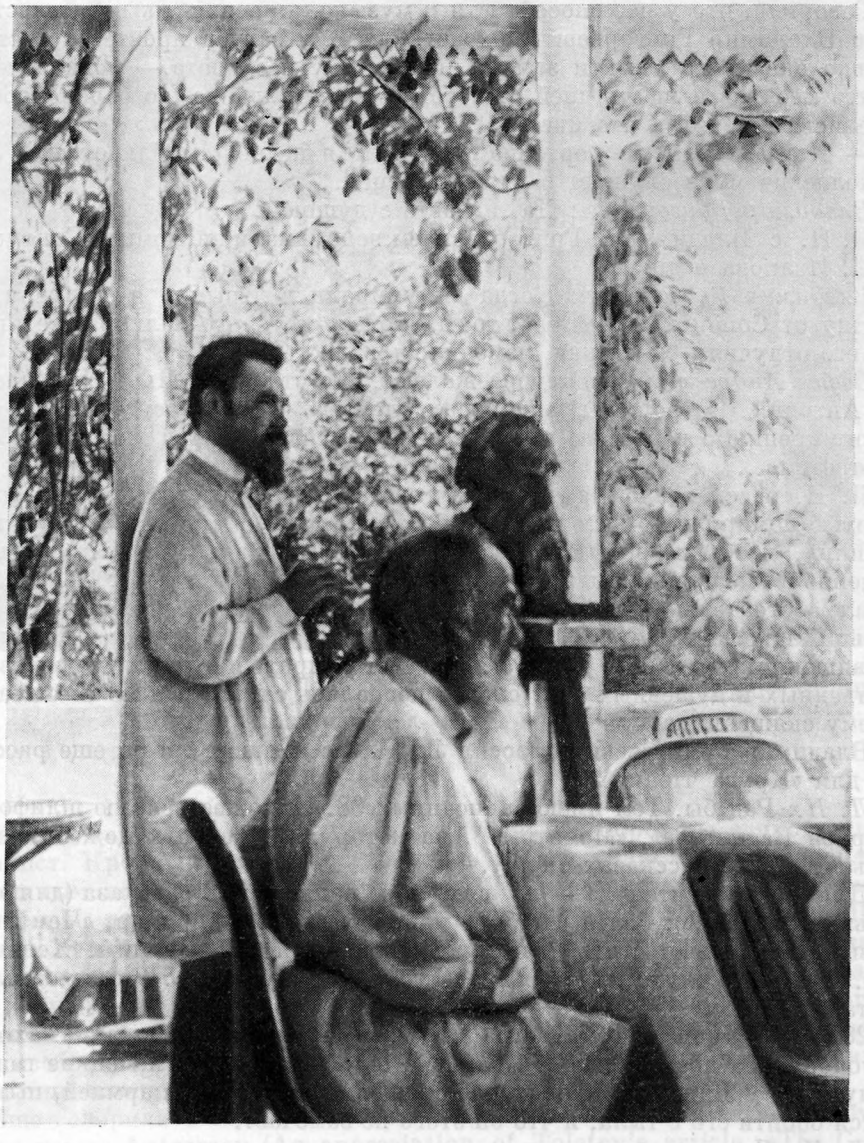
Софья Андреевна жаловалась на Сергея Львовича, что играет в карты до утра и много проигрывает.

По этому поводу говорили о карточной игре.

Владимир Григорьевич: Если человек хочет выигрывать, нужна выдержка — перестать играть, когда не везет, и выдержать, когда везет.

Л. Н.: Некрасов играл для выигрыша; звал меня в Английский клуб: «Там всегда можно выиграть»,— и он выигрывал. Жил с француженкой.

Владимир Григорьевич: Он, который так любил русский народ, жил



Н. А. АНДРЕЕВ ЛЕПИТ БЮСТ ТОЛСТОГО
Ясная Поляна, 30 мая — 4 июня 1905 г.
Фотография А. Л. Толстой

с француженкой! Это удивительно. Может быть, любовь к народу у него была только напускная?

Л. Н.: В стихотворении «Кому живется хорошо на Руси»[4] есть места, из которых видно, что он истинно любил русский народ. Раз он сказал мне, что одно из удовольствий — взять мелочь и пройтись по площади перед церковью и раздавать нищим. Эпикурейство.

Софья Андреевна рассказывала о себе:

— Если бы я в чем-нибудь упражнялась, то, может быть, я бы чего-нибудь и достигла. Но времени не было. 17-ти лет от роду я была в университете, а через год кончила учительские курсы. В возрасте 18-ти лет я вышла замуж.

Говорила, что у нее способности к музыке, живописи, к писательству. Если Владимир Григорьевич захочет, она ему завтра прочтет повесть [5]. Только она успела выйти замуж, началась у нее рвота,— родила через девять месяцев и шесть дней, а потом — то кормление, то беременность, переписывание того, что писал Л. Н.

— Когда играю на фортепиано (начала я недавно, я близорука), Лев Николаевич меня слушает с удовольствием.

Владимир Григорьевич: Да, играете с душою [6].

Л. Н. с Владимиром Григорьевичем вспоминали знакомых: Сопоцько, А. П. Иванова и др.

Владимир Григорьевич: Когда вы умирали в Крыму, я получил открытку от Сопоцько: «Умирает тот дьявол, у которого и лицо с тех пор, как его отлучили от церкви, изменилось».

Софья Андреевна: Они теперь жалеют, что отлучили Льва Николаевича. Антоний (митрополит) мне писал, чтобы я постаралась склонить его к примирению с церковью и чтобы он исповедался перед смертью. Я ему не ответила... [7]

Л. Н. рассказал о Ламеннэ, как его хотели принудить, чтобы перед смертью помирился с католичеством и причастился, и как он просил племянницу, чтобы к нему не пускали священников [8]. Чертков добавил: Ламеннэ и Мадзини одинаково благоговели перед народом. Л. Н. рассказывал обстоятельно, медленно. Мне казалось, что это говорилось для Софьи Андреевны (которая, когда неделю тому назад умирала, посылала за священником), чтобы, когда Л. Н. будет умирать и будет в упадке своих умственных и душевных сил, она не поддалась слабости и не позвала бы к нему священника.

Владимир Григорьевич спросил Л. Н., не напишет ли он еще рассказов для «Круга чтения»?

Л. Н.: Рад бы. Тем имею записанных 38. Художественную шлифовку «Корнея Васильева», «Молитвы» [9], на которую нужен и художественный подъем, в этих рассказах опущу.

Для «Круга чтения» — до сих пор написано 72 рассказа (для «Недельных чтений»): более слабые или известные, например, «Чем люди живы», можно выпустить [10] и заменить новыми рассказами и Хельчицким. Из него взято для восьми «Недельных чтений» [11]. Какие сильные места!

28 мая. Утром за чаем, когда Л. Н., вернувшись с прогулки, заходил в столовую за почтой, Юлия Ивановна сказала ему, что немецкие газеты пишут, что у Линевича происходят сражения с японской армией, пытающейся обойти его с тыла, и что он этого не замечает.

Л. Н.: Лучше не говорить.

Софья Андреевна жаловалась на меня, что, когда она спрашивает совета по поводу своей болезни, я все молчу. После завтрака пришел ко мне Л. Н. и сказал: «Вы плохой политик» [1].

Приехали Н. Д. Ростовцев, А. А. Корзиков, деревенский портной из Черниговской губернии, единомышленник Л. Н.

29 мая. Уехали Бригс, Иосиф Константинович, Корзиков.

Гольденвейзер: Лев Николаевич решил бросить «Великий грех». Третьего дня хотел его дать Ивану Ивановичу, а после замечания Черткова раздумал это делать.

31 мая. Сегодня Л. Н., держа в руке новое издание Академии наук, сказал:

— Академия издает десять таких томов в год: вот грамматика Пушкина, она никому не интересна, кроме писавшего ее [1]. Издает всякую невообразимую чепуху под видом науки.

Третьего дня была речь об анархизме (Пауле Эльцбахере).

Л. Н. об учителе из Богородицка [1], который был здесь с Булыгиным. Он задал Л. Н. вопрос, почему нельзя жертвовать жизнью за общее благо (революционерам, солдатам, сражающимся с японцами). «Разве жизнь так важна?» Л. Н. ему ответил, что *свою* жизнь в жертву приносить можно, чужую — нельзя. Последствиями нельзя оправдать поступки. Это Каиафа так рассуждал [2].

Владимир Григорьевич: Как их можно разубедить?

Л. Н.: Они не могут рассуждать иначе, как материалистически. У них аргументация скептицизма, а религиозно-нравственного у них нет. Но если его сегодня нет, оно может быть завтра, может пробудиться. Им можно сказать: «Ваши аргументы я все знаю и знаю еще, кроме этого, то, чего вы не знаете». Им бы следовало желать узнать это религиозно-нравственное.

Иосиф Константинович привез известие из Тулы: держится упорно слух: Линевич в плену, армия разбита.

Л. Н. говорил о политических убийствах, о том, что статью Давыдова против убийств городовых «Русские ведомости» не напечатали, потому что тогда все политические убийства (и Сергея Александровича) пришлось бы осудить, с чем они не согласны. Л. Н. сказал, что он не может понять людей, совершающих политические убийства.

Кашевская: А я лет десять тому назад одобряла политические убийства.

Л. Н. вспомнил двух своих родственниц (двоюродную сестру и тетку). Одна из них в притворе храма ждала с кинжалом Николая I [3]. Говоря о возражении Михаила Сергеевича Генри Джорджу, что его проект не может осуществиться потому, что задевает интересы помещиков, Л. Н. сказал, что этого не будет, как не было при освобождении крестьян. Некоторым было убыточно, иным не было. Ведь все другие подати и пошлины отпадут.

— Сумма податей уменьшится; чиновников, собирающих подати, нищих, полусытых убавится; жизнь помещиков опростится, начнут работать — нравственнее жить,— сказал Л. Н.

Говорили о Горьком.

Л. Н.: Заслуга Горького в том, что он показал психологию босяков, описал их жизнь с любовью, хотя иногда и неверно, показал хорошие стороны их души. Этим он и понравился, и от этого за границей имел успех, где на этих людей смотрели, как на потерянных и где не была затронута эта сторона никем. Достоевского «Записки из Мертвого дома» — то же самое.

Еще говорили о Сютаеве. Л. Н. сказал:

— Танина копия репинского портрета Сютаева очень хороша, мутные глаза — как живые. Иногда вечером смотрю на него. Хотелось бы писать о нем. Пругавин писал о нем поверхностно [4]. Я был у него с Бакуниным [5]. У них было все общее; старуха 52-х лет, здоровенная; спросил ее, чей платок у нее на голове, желтый.— «Невесткин».— А Сютаев сказал: «У нас, у мужчин, у каждого свое платье, а у них, у баб, сундук общий». Он был пастух, хотя сыновья зарабатывали по 50 рублей в месяц; он смотрел на скотину, как на меньших братьев, с которыми следует обходиться внимательно. Вез меня на телеге, лошади сытые, саврасая и серая. Спрашиваю: «А где у тебя кнут?» — «Нет, кнута не надо». Самобытный крестьянин, объяснивший себе,' как жить, с решительностью. Эмерсон говорил, что, когда человек впервые касается трудных вопросов, тогда он легче может решить их, чем когда вопросы старые, сложные; потому-то древние мыслители (Будда и другие) так ясно решили их.

— Он был без самомнения, кроткий? — спросил В. Г. Чертков.

— Да, кроткий, жизнерадостный. Говорил: «Давайте петь. Когда жизнь устроится, будем радоваться (петь)».

Л. Н. об учителе из Богородицка [1], который был здесь с Булыгиным. Он задал Л. Н. вопрос, почему нельзя жертвовать жизнью за общее благо (революционерам, солдатам, сражающимся с японцами). «Разве жизнь так важна?» Л. Н. ему ответил, что *свою* жизнь в жертву приносить можно, чужую — нельзя. Последствиями нельзя оправдать поступки. Это Каиафа так рассуждал [2].

Владимир Григорьевич: Как их можно разубедить?

Л. Н.: Они не могут рассуждать иначе, как материалистически. У них аргументация скептицизма, а религиозно-нравственного у них нет. Но если его сегодня нет, оно может быть завтра, может пробудиться. Им можно сказать: «Ваши аргументы я все знаю и знаю еще, кроме этого, то, чего вы не знаете». Им бы следовало желать узнать это религиозно-нравственное.

Иосиф Константинович привез известие из Тулы: держится упорно слух: Линевич в плену, армия разбита.

Л. Н. говорил о политических убийствах, о том, что статью Давыдова против убийств городовых «Русские ведомости» не напечатали, потому что тогда все политические убийства (и Сергея Александровича) пришлось бы осудить, с чем они не согласны. Л. Н. сказал, что он не может понять людей, совершающих политические убийства.

Кашевская: А я лет десять тому назад одобряла политические убийства.

Л. Н. вспомнил двух своих родственниц (двоюродную сестру и тетку). Одна из них в притворе храма ждала с кинжалом Николая I [3]. Говоря о возражении Михаила Сергеевича Генри Джорджу, что его проект не может осуществиться потому, что задевает интересы помещиков, Л. Н. сказал, что этого не будет, как не было при освобождении крестьян. Некоторым было убыточно, иным не было. Ведь все другие подати и пошлины отпадут.

— Сумма податей уменьшится; чиновников, собирающих подати, нищих, полусытых убавится; жизнь помещиков опростится, начнут работать — нравственнее жить,— сказал Л. Н.

Говорили о Горьком.

Л. Н.: Заслуга Горького в том, что он показал психологию босяков, описал их жизнь с любовью, хотя иногда и неверно, показал хорошие стороны их души. Этим он и понравился, и от этого за границей имел успех, где на этих людей смотрели, как на потерянных и где не была затронута эта сторона никем. Достоевского «Записки из Мертвого дома» — то же самое.

Еще говорили о Сютаеве. Л. Н. сказал:

— Танина копия репинского портрета Сютаева очень хороша, мутные глаза — как живые. Иногда вечером смотрю на него. Хотелось бы писать о нем. Пругавин писал о нем поверхностно [4]. Я был у него с Бакуниным [5]. У них было все общее; старуха 52-х лет, здоровенная; спросил ее, чей платок у нее на голове, желтый.— «Невесткин».— А Сютаев сказал: «У нас, у мужчин, у каждого свое платье, а у них, у баб, сундук общий». Он был пастух, хотя сыновья зарабатывали по 50 рублей в месяц; он смотрел на скотину, как на меньших братьев, с которыми следует обходиться внимательно. Вез меня на телеге, лошади сытые, саврасая и серая. Спрашиваю: «А где у тебя кнут?» — «Нет, кнута не надо». Самобытный крестьянин, объяснивший себе, как жить, с решительностью. Эмерсон говорил, что, когда человек впервые касается трудных вопросов, тогда он легче может решить их, чем когда вопросы старые, сложные; потому-то древние мыслители (Будда и другие) так ясно решили их.

— Он был без самомнения, кроткий? — спросил В. Г. Чертков.

— Да, кроткий, жизнерадостный. Говорил: «Давайте петь. Когда жизнь устроится, будем радоваться (петь)».

Вечером Сергей Львович долго играл венгерские танцы Брамса. Л. Н. поощрял его:

— Играй, играй. Я знаю его (Брамса) манеру.

Потом Сергей Львович играл Грига. Л. Н. сказал:

— Я люблю его очень.

4 **июня**. Утром с Л. Н. были Владимир Григорьевич, Бирюков, И. А. Беневский.

Л. Н.: Приедут либералы — Долгоруковы. Должен им сказать все, что думаю о либералах.

Владимир Григорьевич: Вы ставите революционеров с либералами на одну доску?

Л. Н.: Совершенно. Либералы мягче, революционеры же приносят жизнь в жертву. Это располагает к ним. Это известное настроение, как у офицеров, идущих на войну. Революционеры продолжительное время жертвуют собой — это труднее. У первых революционеров был христианский дух самоусовершенствования.

Л. Н. вспомнил, как приехали В. И. Алексеев и еще кто-то [1] и должны были жить во флигеле. Надо было почистить людскую. Это сделали сами, никак не допустили других делать за себя.

— От них можно было учиться,— говорил Л. Н.— Теперь либералы, революционеры хотят учить людей, стараются, как устраивать жизнь других людей, а сами живут дурно. Это как переделка луга. Потоптать луг — понимаю, но переделывать его — бурьяну рассадить; не должно быть.

Бирюков вспомнил старого революционера, сидевшего с молодыми революционерами, увидевшего плоды своей работы. Утром повесился.[2]

Вчера и сегодня был здесь офицер Ю. Л. Оболенский с женой. Сегодня приходила к Толстым П. Н. Бирюкова с детьми. Бирюковы поселились на лето в Ясной Поляне в избе у Фокановых.

Вечером в 11 часов уехали Владимир Григорьевич с Бригсом и Иосифом Константиновичем, Андреев, Мария Александровна. Провожая Владимира Григорьевича, Л. Н. от слез вернулся было в дом, потом опять вышел к коляске. После его отъезда Л. Н. сказал растроганным голосом:

— Рад, что с Чертковым все было благополучно (т. е. что власти к нему не придрались).

У Софьи Андреевны оставил приятное впечатление.

Михаил Сергеевич: Он мало переменился.

Л. Н.: Поумнел, посерьезнел. Чем он занимается! На митингах читает с Бригсом философию Паульсена. Есть его (Паульсена) книга у меня, довольно хорошая [3].

Сухотин: Кто этот Бригс?

Л. Н.: Унитарианский пастор. Чаннинг был тоже унитарианец, который, не веря во все унитарианское учение, не пошел в пасторы. Унитаризм пришел в Англию из Венгрии, а туда из Польши, а пошел он от славянских богомилов.

— Вот, Душан Петрович, славянство что создало,— сказал Л. Н.

Л. Н. о Николаевых:

— Живут без прислуги, четверо детей. У него дом в Москве, ренту со своей земли — 500 рублей — отделил и обращает на общее дело, на распространение идей Генри Джорджа.

Под конец разговора Л. Н. сказал:

—Мысли не клеятся, устал я сегодня.

Михаил Сергеевич: Много ездили. 20 верст по Засеке в Горюшино с Чертковым.

Л. Н.: Езда ничего, а разговаривал много.

5 июня. Воскресенье. Троицын день. Вечером Л. Н. хотел идти пешком в Телятинки. Я его уговаривал остаться дома, но после он поехал верхом. Разговаривая с Н. Б. Гольденвейзером, Л. Н. сказал:

— Удивляются, что с войны возвращаются сумасшедшие. Надо удивляться, что туда шли; ведь все были сумасшедшие.

Уезжая от Гольденвейзеров, звал Николая Борисовича с женой в гости в Ясную Поляну.

Дома вечером за чаем Л. Н. с П. И. Бирюковым. Возвращаясь к брошюре Александра Пе́тровича (Petrovic), о которой говорил у Гольденвейзеров («Der russische Umsturz und die Sozialdemokratie»), Л. Н. сказал:

— Пе́трович решил, что débâcle в России совершился. У нас бы ее (эту брошюру) цензура не пропустила. Книга интересная, очень хорошая. Науке придает большое значение, некоторые подробности неверные. Писал ее серб. От незнания придает значение ученым: Южакову, Волынскому, которых я знаю, кто они. Знает хорошо славянские дела. Прочтите.

Бирюков: Зачем приплел социал-демократию?

— Каутский говорит, что надо опролетариться.

— Пе́трович пишет,— сказал Л. Н.,— вполне правильно: У русских и декабристы, и либералы, и революционеры, и социал-демократы очень поверхностно касались народа. У него есть мир. Крестьяне (до освобождения) жили общиной самоуправно [1]. При освобождении,— добавил Л. Н.,— внесли в их самоуправление государственную власть — волости, которые до сих пор не принялись. Никто не знает, что они такое.

Бирюков заметил:

— Власть.

Об этой же книге у Н. Б. Гольденвейзера Л. Н. сказал:

— На полях Маньчжурии пролитая кровь вопит о низвержении династии.

Л. Н.: Мы, славяне, шли позади европейцев, не проделали все с ними, нам ⟨предстоит⟩ ввести христианство. И если у японцев есть технически-военное преимущество и при нем идеал — воинственный дух, так они должны победить русских, у которых есть хоть какой ни на есть христианский дух.

Татьяна Андреевна: Ты так думаешь, настанет лучше в России?

— Настанет, только не в ту сторону, в которую ожидается. Японцы показали, что, кто хочет, может скоро выучиться военному искусству и усовершенствовать его (цивилизация). А есть одна маленькая вещь — христианство.

— Когда нападут японцы, немцы, какую же христианство даст силу?

— Оно даст устройство жизни, которое привлечет всех.

— Но ведь японцы придут, захватят власть, посадят своего микадо в цари.

— Да ведь японцы — тоже люди. Если мы сознаем, что лучше мир, чем драка (война),— теперь сознают некоторые, может быть, еще будет война, две, и опять больше людей сознает, что войны не должно быть, и к этому придут и японцы...* [2]

Потом Л. Н. читал Бирюкову и Татьяне Андреевне как ответ ей на непонимание: «Письмо к лакею» (о перекувыркнутой телеге), первую часть.

Л. Н.: Этот лакей служит в том доме, где Стаховичи живут, в Петербурге. Смешное у него лицо, говорят [3].

Сегодня народный праздник. Песни, пляски, в белое одеты бабы. Домашние до двух часов ночи пели и плясали.

---

* М. С. Сухотин говорил, что Л. Н. думает, что эта война откроет человечеству глаза и больше войн не будет.

П. И. БИРЮКОВ С ДЕТЬМИ ОЛЕЙ И ЛЕВОЙ
Ясная Поляна, 1905
Фотография В. Г. Черткова
«Бирюковы поселились на лето в Ясной Поляне в избе у Фоканових». — Запись от 4 июня 1905 г.

6 июня. Приехал малеванец Е. Бахмач из Киевской губернии.

За обедом Кузминские, Сухотины.

Л. Н. сказал:

— Мне все вспоминается самое хорошее. То, что говорил Шопенгауэр, что и воспоминания дурны,— неправда [1]. Лихтенберг же твердит обратное [2]. И в воспоминаниях прошедшее даже лучше и интенсивнее чувствуется, чем было в действительности, в жизни.

Л. Н. рассказал о Малеванном, что его тринадцатый год морят в психиатрической больнице, как священники в Киевской губернии преследуют малеванцев (учение малеванцев в том, чтобы любить ближних).

Андрей Львович сказал Л. Н., что малеванец просил у него (Андрея Львовича) на лошадь.

Л. Н.: Это нехорошо, коли просит.— Через некоторое время:—Колеблюсь, дать ли.

Вечером А. Е. Звегинцева сказала:

— Кто бы думал год тому назад, что будет такая перемена?

Л. Н.: Это бутылка с перестоявшимся квасом, которую откупорили. Испорчено было все уже при Александре II и III. Должна была последовать катастрофа.

7 июня. Вторник после Троицы. Утром за чаем под вязами я сидел с Сергеем Львовичем. Пришел Л. Н.

— Как поживаете? — спросил он меня.

Я: Хорошо. А вы, Лев Николаевич?

— Я нехорошо, на душе нехорошо.

Потом взял меня под руку, и мы пошли вдоль по прешпекту.

— Главное, Сережа, который меня не понимает,— сказал Л. Н.— Я с ним уже не говорю. Но Михаилу Сергеевичу говорил: он (Сережа)

не для народа хочет конституции, а для себя. Отпадает и альтруистическое. Роскошь, в какой живу, шум... а для стариков, говорил Гете, ⟨нужен⟩ покой [1]. Молодые их не понимают. Два-три близких человека... Сашины Телятинки тоже мучают меня. Я думал: покупает, чтобы отдать крестьянам, а теперь молодой Сухотин перекупает 15 десятин. Но все это — слабость. Знаете, что я слаб, как все. Хочется исповедаться, облегчиться.

Утром Л. Н. купался в пруду, пополудни в речке. Два года не купался, а теперь, по его словам, кроме приятности, ничего не чувствует от купания. В березняке у Воронки учил Федю Бирюкова ездить верхом за то, что подержал лошадь Запорожца, пока (Л. Н.) купался.

В четыре пополудни в купальне Л. Н. говорил Кристи (потомку румынского господаря):

— Малеванцы — новое понимание жизни, роздали лишнее и так далее. И такая перемена сопровождается всегда экзальтацией. Сикорский, известный психиатр, я его знаю, ограниченный человек, признает Малеванного душевнобольным...

Л. Н. рассказал вчерашний случай с часами. Когда он купался, малый 18 лет с неприятным лицом заглядывал в купальню. Л. Н. ему сказал: «Что ты заглядываешь сюда? Не делай этого». Он: «Возьмите меня в лакеи». — «Не могу». — «Дайте мне пятачок на семечки. Ведь вы раздаете нищим».

— Когда я вышел,— рассказывал Л. Н.,— заметил, что забыл часы. Крикнул ему: «Висят на гвозде, принеси. Потом дам тебе пятачок».

Ответил, что их нет.

Действительно, не висели на гвозде. Л. Н. выговаривал ему, как нехорошо поступил, что их взял. «Взял их тот, что с вами купался, меня можете обыскать». Нашел их скрытыми за доской. Не отнесся к нему так, как у Виктора Гюго епископ к Вальжану [2]. Сегодня хотел к нему зайти, побеседовать с ним, на каком он пути.

Вечером был Цуриков с сыном, Кристи, Горбов. Горбов занимается обучением деревенских детей и вообще школьным делом.

Л. Н. (*ему*): Ваше занятие доброе, полезное. Принцип обучения арифметике, алгебре, геометрии и чужим языкам, истории, географии: чтобы одному из 80 с особенными дарованиями помогать, развивать его дарование, прочие же при нем учатся. Высшие школы для крестьянских детей — хорошее дело, но не с тем намерением, чтобы они поступали в гимназии и шли по ученой дороге. Разлучать ребенка с родителями нежелательно.

Горбов не соглашался с Л. Н., что больше нужно обращать внимания — и это главное — на наилучших учеников.

Л. Н. сказал, что при этом другие не ⟨должны быть⟩ в пренебрежении:

— Береза рассеивает миллионы семян, а вырастают только некоторые; и вы будете сеять во всех.

Вчера садовница рассказывала В. А. Кузминской, что один бродяга с волчьим паспортом, исполинского роста, которому Л. Н. дал пять копеек (а Александра Львовна рубль или два), подкарауливал Л. Н., хотел его избить. Сегодня Л. Н. писал два письма Молоствовой [3].

Когда уехали гости, в 11 ночи, Л. Н. читал нам четыре полученных им ругательных письма: от судьи-конституционалиста, от православного и от матери, бранящей его за то, что учит непротивлению, и из-за этого пошла японская война, революция в России, стреляние в народ и т. д. — все зло нынешней России; четвертое — от Венгерова о Дейче [4].

Бирюков рассказал аналогичное третьему письму: после того, как Бурдон по-французски патетически писал о Толстом, называя его Юпитером [5] и т. д., одна русская (кажется) женщина написала брошюру: «Pauvre Tolstoï» [6], в которой все хвалы Бурдона приписывает самому Толстому, будто бы он сам так восхваляет себя.

8 **июня.** Сегодня Л. Н. получил в подарок тисненный на дереве портрет Хаджи-Мурата [1].

— Такого я его себе представлял,— сказал Л. Н.

Хотел сравнить с рисунком, с изображением отрезанной головы, но не нашел его. Попросил Андрея Львовича вставить в раму, самую дешевую. Хаджи-Мурата Л. Н. сам не видел, но в то время, когда Хаджи-Мурат действовал и погиб, он был на Кавказе и живо интересовался им.

— Хаджи-Мурат — мое личное увлечение,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Самодержавие могло ⟨бы⟩ удержаться Генри Джорджем. Собрать из крестьян «орлов», при них затихли бы социал-демократы (в их аграрной программе). При существующем государственном (насильственном) строе Генри Джордж наилучше решил, как сравнять права на землю. Но можно систему Генри Джорджа ввести и в добровольном обществе, человек сам отдаст известную плату за пользование землей.

В «Руси» от 3 июня 1905 г., в статье «Негативы», Шебуев описал посещение Ясной Поляны. Софье Андреевне и Татьяне Львовне не понравилось [2]. В «Вечерней почте» (?) некто Туркин злобно распекает его за то интервью, что не заступился за журналистов.

Разговор о Диккенсе.

Л. Н.: Диккенс неподражаем для нашего брата. У него всегда образность, юмор. Описывает, что хочешь: снег, ветер, почтовых лошадей... «David Copperfield» — отделанное, «Bleak House» — набросанное. «Bleak House» — одно из лучших произведений против суда (рассказал подробности) [3]. У Диккенса бедные, забитые — героями. Лордов презирает. У Шекспира — наоборот: дюки важны, мужик — clown *.

Л. Н. возражали на сказанное про Шекспира. Л. Н. разговорился о нем и, между прочим, сказал, что старую драму о Лире он испортил. В старой драме Корделия до слез трогает [4].

Опять говорил Л. Н. о брошюре Пе́тровича.

Л. Н.: Немецкая брошюра (Пе́тровича) превосходна. То, что он за разложение общины,— это ложка дегтя.

Разговор о христианской жизни, перемене.

Л. Н.: Кто сапоги шьет, кто капусту растит — продолжай растить, только не делай дурного.

Приведу еще некоторые записанные мною слова Л. Н.

Л. Н.: Лучший способ распространения мысли — книги, а не газеты и не лекции.

Цуриков говорил о юридическом определении самодержавия.

Л. Н. (*на это*): Такому определению можно десять противопоставить. Надо брать факт, а факт тот, что какие-то немцы сидят ⟨наверху⟩, наряженные в мундиры; попы велят слушаться низших чинов, эти — слушаться высших, и выходит, что по воле центральной власти можно полмиллиона людей убить.

Л. Н. о либеральной и революционной борьбе с правительством:

— Можно бороться или бумажной войной, которая ни к чему не ведет, или террором, который может некоторых устрашить.

Л. Н. о бывшем у него малеванце:

— Он из бедных; приехал, чтобы повидаться. Их сто, только и думают о Малеванном. Надо ему прочесть письмо о Малеванном (Молоствовой).

9 июня. Л. Н. ездил верхом в Таптыково и обратно (36 верст). Поехал в час пополудни, вернулся в 10 ночи. Поехал туда потому, что из-за жары ему не работалось. Там и купался. Проводил его обратно Иосиф Константинович, опасаясь, чтобы с ним чего не случилось в дороге. Александра

---

* шут (*англ.*).

Львовна и Вера Александровна встретили Л. Н., как царя, с такими восторженными лицами.

Сегодня здесь Анна Ильинична, Надежда Павловна, Кристи.

Софья Андреевна: Когда Лев Николаевич нехорошо себя чувствует, всегда что-нибудь такое выдумывает. Раньше летом никогда не писал, и дети шесть недель не занимались. После охоты с борзыми осенью начинал опять работать. Теперь хочет каждый день работать, а уже стар, слаб. Сегодня писал, и в новой библиотеке, и в зале — везде ему было жарко.

Л. Н. просматривал книжку об Оптиной Пустыни. В этой книжке упомянуто и о его посещениях. Л. Н. был там четыре раза, как он сказал. Раз — православным, второй раз — в период колебаний, третий раз — в период спокойствия, четвертый раз — ради Софьи Андреевны.

— Раз ездил туда со Страховым,— сказал Л. Н.— Достаньте, Душан Петрович, из библиотеки книгу «История Оптиной Пустыни», надо поправить, что о моем посещении там написано [1].

Софья Андреевна (*Бирюкову*): Не стесняйтесь спрашивать Льва Николаевича.

Я спросил Л. Н., он ли в 1866 г. защищал солдата в Озерках? *

— Да,— сказал Л. Н.— Судьями были знакомые. Один был за освобождение, два — за расстреляние. Речь, которую ⟨я⟩ произнес, была чисто юридическая, так я и старался, чтобы была такая. Хорошо было то, что я, произнеся ее, расплакался. Прошение о помиловании — я забыл написать в нем, где полк стоит,— по этой причине и еще по той, что в то же самое время был другой подобный случай (оскорбление офицера солдатом), не было представлено государю. Разумеется, Милютин мог узнать, где полк стоит (Милютин был военным министром). Солдата расстреляли и закопали [2].

Бирюков показывал первое издание составленной Л. Н. русской и славянской книг для чтения с «Азбукой» Л. Н. 1872 г., с картинками, пространным изложением арифметики и с указаниями для учителей.

Софья Андреевна: О воробьях, «Как выучилась шить» и другие — это я написала, это не вошло в собрание сочинений Льва Николаевича.

Бирюков предлагал напечатать «Арифметику» отдельно. Есть особые взгляды в ней (второе издание «Азбуки» было отдельными книжками. Во втором издании «Азбуки» помещены сначала более короткие слова, в первом издании были и длинные) [3].

Софья Андреевна: Нет расчета.

Бирюков спросил Л. Н. о былинах, откуда их брал в «Книги для чтения»?

Л.Н.: У меня все были. Кое-что пришлось в них переменять (дополнить). За советами о поэзии, рифме я обращался к Аксакову, Бессонову— не знал, потом к Голохвастову, он советовал рифму держать [4]. С любовью делал.

Л. Н. разговаривал с Бирюковым и Кристи о том, что надо бы распространять книгу Сэндерленда о Библии, доказывающую, что Библия — это дело людских рук, что в ней дело в глубине мысли, а не в отдельных местах и что нельзя каждое слово Библии считать священным [5].

— Система Генри Джорджа,— сказал Л. Н.,— не христианская, имеет недостатки. У одного не уродится, болен, не обработал, а должен платить налог, как другой. Притча о виноградарях: кто пришел утром, кто в полдень, плата всем — рубль [6]. Это означает, что хозяин дал, кому сколько нужно, а не сколько сработал. Духоборы молоко сначала сливают, а потом раздают по числу членов семьи.

---

* Деревня в восьми верстах от Ясной Поляны.

10 июня. Л. Н. после вчерашней поездки не выглядит усталым. Перед обедом долго спал.

Л. Н. (*после обеда*): Жозя рассказал про ужасы в Ставрополе — резня старообрядцев-иконорушителей [1], в Эривани — сражение между мусульманами и войсками [2]. Гольденвейзер говорил, что в Иваново-Вознесенске 23 дня продолжалась мирная стачка; переодетый рабочим полицейский стрелял в казаков. Его узнали и стали бить. Казаки вмешались и убили 30 человек [3].

Я: Может быть, не все правда. О Симферополе писалось тоже, что было 30 человек убитых, среди них столько-то детей христианских и столько-то еврейских, а после оказалось, что не было ни одного убитого.

Л. Н.: Это газеты нарочно, чтобы правительству показывать все в худшем виде. Как рад, что не читаю газет; раздражает, помочь не могу.

Л. Н.: Жизнеопасная работа плотницкая — не крепко стоя, поднимать бревна... Между кольями доски, там глину бить с соломой; я, Маша, Павел Иванович [4].

— О чем вы? — спросил Л. Н. Варвару Валерьяновну, разговаривающую с Марией Александровной около круглого стола среди других дам, подсаживаясь к ним. Мария Александровна рассказывала, как она с приятельницей поехала на Кавказ поселиться на земле и как у нее последние четыре тысячи рублей украли. «Господь на нас оглянулся»,— прибавила Мария Александровна, рассказав это. Варвара Валерьяновна быстро вставила: «А с меня он глаз не спускает, у меня никогда денег нет».

Л. Н.: Это хорошо. Оттого ты так весела. Присяду к вам, у вас разговор хороший,— Л. Н. подвинул кресло и подсел к столу.

Вскоре затем Софья Андреевна стала рассказывать, как Л. Н., когда продал «Войну и мир», дал двум племянницам по десять тысяч [5].

Л. Н. встал и ушел, когда Софья Андреевна об этом заговорила.

Л. Н. принес корректуру «Круга чтения» и читал из нее вслух об искусстве [6].

Бирюков: Ауэрбах назвал музыку pflichtloser Genuß *[7].

Л. Н.: Хорошее прилагательное.

Разговор о какой-то книге. Бирюков сказал, что письма Жуковского о казни декабристов в новом ее издании нет. Издатель уважил суждение Л. Н. об этом письме (в нем Жуковский называет декабристов «сволочью»).

11 июня. Суббота. Л. Н. сегодня верхом ездил к Николаевым, которые живут на даче у Красноглазовой. Там в пруду Ливенцова купался.

Л. Н. получил хорошее письмо от японца Тамуры, которому он отвечал месяца два тому назад (я исправлял и, кажется, переписывал этот ответ), и дал письмо прочесть Кристи. Японец пишет, что он рад был узнать, что единая власть над нами есть власть высшей силы — одобрение собственной совести и что не нужно ничего сверхъестественного. В конце письма жалеет, что войне не предвидится конца [1].

Л. Н.: Сверхъестественное не может показать путь добродетели.

Л. Н. говорил о другом письме — от Листовского, который писал и Марии Александровне. Он падает, и это его мучит. Отвернулся от друга. Не выдержал. Л. Н. по поводу его письма:

— Дважды два — нельзя, чтобы было пять. Будешь жить по-божьему, будет хорошо; противно ⟨этому⟩ — плохо [2].

Андрей Львович рассказывал, что у него целая семья собак: два щенка, мать и отец — все убились на охоте. Л. Н. рассказал подобный же случай. Лучшая его собака борзая ударилась о межу и убилась, и ее щенки так же погибли.

---

* беззаботное наслаждение (*нем.*).

— Собака сердцем бежит, а не ногами,— добавил Л. Н.— И люди хорошие делают дело не умом, не руками, а сердцем.

Андрей Львович, рассказывая про охоту, не мог вспомнить какое-то охотничье выражение и спросил отца. Л. Н. вспомнил. Потом Андрей Львович с Л. Н. говорили, как у охотников называются хвосты разных животных: у лисицы — труба, у волка — полено, у зайца — цветок, у борзой — правило, у гончей — гон, у сеттера — перо, у пойнтера — прут, у дворняжки — хвост.

За чаем: Л. Н., Софья Андреевна, Илья, Андрей и Михаил Львовичи, Татьяна и Александра Львовны, Софья Николаевна с Аннушкой и Мишей, Варвара Валерьяновна, Вера Александровна, Кристи, Юлия Ивановна и я. Л. Н. читал вслух Диккенса (потом его заменила Татьяна Львовна) и после чтения сказал:

— Диккенс трогательно описывает. У Чехова этого нет.

Варвара Валерьяновна: У Чехова чаще смешное.

Разговор о «Кренкебиле» Анатоля Франса.

Л. Н. рассказал содержание: контраст мира уличного торговца овощами и юристов; как торговец под конец и сам начинает верить, что он нарушил что-то и что заслужил тюрьму; как ему адвокат советует взять на себя вину, хотя он не виноват, и т. д.

— Анатоль Франс — талант,— сказал Л. Н.— Его сочинения рекомендую читать, но он хочет удивлять.

Разговор о Ницше.

Л. Н.: Образованная толпа — дикая, ей по вкусу Ницше. Молодой человек пройдет гимназию и университет и думает: он все знает, а нравственно остается диким.

Л. Н. говорил по поводу статьи Черткова о Ницше, что в ней раскрыта во всей наготе вся его (Ницше) болтовня. Говорили о Викторе Гюго, о Пьере Лоти.

Ожидается приезд в Ясную Поляну художника Похитонова.

Л. Н.: Знаешь, Илюша, кто Похитонов? Его у нас не знают. Тургенев рассказывал мне про него года 24 тому назад, что его картины удивили Париж и кто-то купил все. Самородный художник. На маленьком полотне пишет много и чисто. У него так, как у Трубецкого, самобытность не потеряна. Трубецкой живет во Флоренции, в Риме не был, не хочет подпасть под его влияние. Крамской, Репин, Ге говорили, что школа самобытному художнику может очень вредить, нивелировать, а дает мало.

Разговор о князе Блохине. Он недавно умер *.

Разговор о Тургеневе — что он был веселый, хохотал.

Татьяна Львовна: Мне он казался грустным [3].

О священнике Петрове. Кто-то сказал, что он хорошо пишет. Л. Н. заметил:

— Нельзя это смешивать вместе: священничество и христианство.

12 июня. Воскресенье. Утром был в Скуратове у девочки, больной холериной. Отец, интеллигент (Булыгин), уехал, не в состоянии смотреть на страдания ребенка.

Разговор о войне.

Л. Н.: Эта война будет иметь огромное значение. Это — débâcle не одной России, а всей ⟨лжехристианской⟩ цивилизации, то есть ложного христианства, и продолжение римского права. Японцы показали, что цивилизацию — внешнее — очень легко можно усвоить, а в военном деле и перегнать. Христиан все-таки сдерживает что-то от воевания. Японцев—нет.

Потом Л. Н. очень обстоятельно разговаривал с Варварой Валерьянов-

---

* Сумасшедший нищий старик, ходивший по Крапивенскому уезду и называвший себя князем Блохиным. Л. Н. упоминает о нем в книге «Так что же нам делать?».

ТОЛСТОЙ В ГОСТЯХ У ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРОВ
Слева направо (сидят): Толстой, А. А. и Н. А. Гольденвейзер; стоят: Н. Б. и А. Б. Гольденвейзеры
Телятинки, 24 мая — 4 июня 1905 г.
Фотография В. Г. Черткова

ной о Диккенсе. Бирюков спрашивал, какие книги дать читать Феде, его 11-летнему приемному сыну. Л. Н. советовал «Les misérables» В. Гюго, одобрил Корнеля, которого Бирюков хочет дать, и о какой-то его драме сказал: «Христианская драма».

Л. Н. просил Варвару Валерьяновну достать у матери экземпляр «Истории Оптиной Пустыни» нового издания для Павла Ивановича (в ней описание посещений Пустыни Л. Н.).

Л. Н. рассказывал Булыгину об успехах духоборцев в Канаде: наряды женщинам покупают из общей кассы, молоко, муку делят по душам.

А. М. Булыгина: Это бы мне не нравилось. Одну десятую давать на общее, но не всё.

Я: По крайней мере, совесть спокойна, когда всё отдаешь.

Л. Н. согласился с этим и сказал:

— Тут есть доля инерции — *все* подчиняются — и деспотизм. Веригин велит натягивать струну до предела, пока она не лопнет.

13 июня. Понедельник. Множество больных. С утра почти что до 9 вечера в амбулатории. Сегодня приехал Снегирев с ассистентом Алексинским. Вызван к больной Софье Андреевне. Л. Н. был к ним очень внимателен. Пополудни не ходил гулять, только со Снегиревым пошел на Воронку, где Снегирев выкупался. Все свободное от занятий время с ними провел, также и вечером.

У Софьи Андреевны повторяющиеся припадки сильных болей в животе с жаром. Снегирев не исключает возможности неоплазмы. Назначил лечение и приедет опять.

Л. Н. говорил со Снегиревым, вспоминали кого-то.

Л. Н.: Я от него (по его рассказам) признал Миклухо-Маклая большим человеком. Я просил его написать о Флобере то, что мне рассказал. Говорили о крестьянских бунтах.

Снегирев рассказывал, что будто бы из Самарской губернии к орловским крестьянам пришли 200 агитаторов и приказали им сжечь их помещиков, «а если не будете жечь, мы вас сожжем». Эта угроза внушила крестьянам недоверие: «Какого же добра хотят они нам, когда готовы нас сжечь!» И крестьяне вместе с войском прогнали агитаторов.

Л. Н.: Эти подстрекательства крестьян ведут только к кровопролитию и огню, ни к каким другим результатам вести не могут, так как повсеместно сразу крестьян нельзя поднять (у них свои повседневные заботы). Городских рабочих скорее можно. Обещать можно, исполнить нельзя.

Ассистент Снегирева что-то сказал о необходимости свободы печати. Л. Н. ответил:

— Это вас касается, а 120 миллионов народа?..

Еще Л. Н. сказал по поводу революционных событий последнего времени:

— Месть не в духе русского народа.

Л. Н. спрашивал Снегирева о его приемном сыне. Он был 11 лет в Англии. Снегирев говорил, что он теперь на Дальнем Востоке, работает на беспроволочном телеграфе. Этот и другой сын — раньше оба работали в Англии на прядильной фабрике — говорят, что фабричным под Москвою живется лучше, чем в Англии.

Л. Н.: Там они «hands» *, человеческого отношения к ним нет.

Снегирев рассказывал, почему застрелился Морозов:

— Из-за нарушения самодовольства — когда забастовали его рабочие [1]. А он гордился, что его рабочие не забастуют, потому что он о них примерно заботился. Когда пришла 6-тысячная толпа, наобещал всяких уступок. Когда о них узнали другие фабриканты, пришли к его матери с жалобами, что Морозовы могут дать это рабочим, а они нет — разорятся. Мать уговаривала сына и воспретила ему сделать эти уступки (часть фабрики ее), и он потому, что не мог исполнить обещанного, застрелился.

Была речь о Канаде и Калифорнии. Л. Н. передавал слова Щербака, как ему нравилось в Калифорнии: климат мягкий, вода хорошая, жилища удобные, люди не задиры, лошади кроткие, собаки не кусаются, но от скуки — только повеситься.

Алексинский: Каждый год возвращаются тысячи русских еврейских девушек — не могут привыкнуть к Америке, тоскливо им. Не одним хлебом жив будешь.

Л.Н. стал рассказывать о своих заграничных путешествиях:

— В Швейцарии я не общался с крестьянами, в Германии — да. Я снизу вверх смотрел на немецких крестьян [2]. Немецкий крестьянин такой же самобытный, как и русский. У него есть чему поучиться. А у интеллигента (немецкого) нет, его ответ на любой вопрос вперед угадаешь, он будет взят из последнего номера газеты. Русскому тамошние интересы мелки, например английский парламент.

Алексинский: А для них парламент — гордость, наивысшее, наилучшее, академия.

Вечером за чаем Л. Н. читал вслух ответ лакею («Опрокинутую телегу») и «Ягоды». Контраст крестьянской трудной, осмысленной жизни и праздной господской.

— Это я только написал и не поправлял,— сказал Л. Н., когда начинал читать «Ягоды» [3].

Когда кончил, Софья Андреевна сказала:

— Вот господам досталось!

Когда Л. Н. прочел ответ лакею, он сказал:

---

* «(рабочие) руки» (*англ.*).

— Это мое profession de foi *, которое я выразил самым общедоступным способом [4].

Когда Л. Н. дочел, Алексинский сказал:

— Вот если бы была свобода печати!

Л.Н.: В Англии это появится в буржуазном журнале и будет подано под соусом либерально-буржуазным.

Софья Андреевна: Кони говорил, что в сентябре будет свобода печати. Он, бывший либерал среди консерваторов, оказался теперь консерватором среди либералов. Он хотел хоть цензуру нравственности сохранить, указывал на заграничные неприличные открытки — такие продаются на Невском. Отвергли.

Снегирев: Кони мне говорил, есть один самостоятельный человек — Лев Николаевич.

Во время чтения приехавший Сергей Львович — он слышал только конец — заговорил о шахматах, и о читанном не было больше разговора. Только Снегирев похвалил «Ягоды».

14 июня. Ночью и сегодня утром уехали все гости, кроме Сергея Львовича, Веры Александровны и Миши (сына Ильи Львовича). После обеда приехал пейзажист Похитонов.

Бирюков рассказывал мне, что Л. Н. ему сказал, что теперь он примирился с тем, что так много людей его любят. Раньше боролся с чувством радости от этого, а теперь видит, что это хорошо, что любовь происходит и в них, и в нем из одного центра — от бога.

Л. Н. сегодня в первый раз ездил на новой лошади, которую ему подарили Глебовы (его сваты). Хвалил ее Александре Львовне, потом сам позаботился о том, чтобы ей обмыли шею зеленым мылом и сулемой от коросты.

Л. Н. много гулял. Вечером раза три выбирался один. Ходил, как потерянная овца. Бирюковым занес свой фланелевый бинт для Левы, больного дизентерией, а несколько дней тому назад предложил им свое одеяло. Беспокоит его состояние Софьи Андреевны. Утром за чаем говорил мне:

— Снегирев то же сказал о ее состоянии, что и вы.

Вечером, когда я ставил Софье Андреевне пиявки, Л. Н. сказал:

— Покорно вас благодарю.

Софья Андреевна в нервном состоянии. Сегодня стала писать воспоминания детства, не хронологически [1].

Л.Н. с Похитоновым говорили о казацких, донских степях, о «ковылях». Об уральских казаках-старообрядцах:

— На моей памяти не было у них ни пяди необщей земли. С тех пор выделили офицерам и установили число голов скота, сколько кто может пасти. Нищих у них не было, были немыслимы.

Был студент из Тулы Шангин. Рассказывал мне, что с 10 до 13 сего месяца по ночам было у них в Туле десять поджогов, иногда сразу по 20 домов рабочих горело. Один казак бил нагайкой работниц-девушек. И рабочие по вызову студентов напали на него и разбили ему камнем голову. Скончался. Офицер велел стрелять в толпу, сперва холостыми. Толпа не двинулась. Потом — боевыми, но тут его товарищи-офицеры увели. Толпа благоразумно разошлась. На патронном заводе читали Л. Н-ча «Об общественном движении в России» и соглашаются с ним.

15 июня. Среда. Лева Бирюков очень плох. Пополудни был у него коллапс. Холерины ужасно много, в амбулаторию приносят по 20 детей в день. Сегодня и четвертого дня было 39 градусов на солнце. Около десяти дней не было дождя. Жарко.

Л. Н. жалеет Бирюковых, приехали сюда жить ради Левы.

---

* исповедание веры (*франц.*).

Приехал князь Долгоруков, интересуется земельным вопросом. Л. Н. подарил ему Генри Джорджа с тем, чтобы он..... *

Кто-то спросил Л. Н. (это было у Бирюковых), правда ли, что он написал новый роман из деревенской жизни, как о том извещает «Berliner Tageblatt» от 10 июня?

Л Н.: Это подразумеваются «Три притчи». Но пишу новые рассказы; один посвящу, хотя не имею обычая, Марии Александровне, другой — вам,— сказал Л. Н., обращаясь к П. Н. Бирюковой [1]. (Вероятно, Л. Н-чу нравится, что у них трое детей и что они не держат прислуги из нравственных соображений.)

Павла Николаевна отговаривалась, что она недостойна этого.

** Ночью 15 июня. Л. Н. с Долгоруковым.

Л. Н.: Славянофилы правы: нельзя преклоняться перед властью.

Долгоруков: Должны быть новые формы.

Л. Н.: Должно думать своим умом. Вы сейчас видите эту новую форму, я ее не вижу. Форм бесчисленное количество. Все те путы, на которые вы жалуетесь,— одна миллионная тех пут, в которых находится народ. Я никогда не слышал, чтобы мужики жаловались на самодержавие.

Долгоруков: В Германии, Англии с тех пор, как конституция, народ благоденствует.

Л. Н.: В Швейцарии, где конституция для всех, в женевском протестантском кантоне народ..... *** а в Савойе грязь. Религия.

Далее Л. Н. на какие-то слова Долгорукова сказал:

— Урусов говорил: «Русский народ был бы святой, если бы его не портили». Мы тут обедаем, а мужик чистит нам отхожие места, не обедавши, добродушный, совсем не озлобленный. А его хотят озлобить, хотят, чтобы он не был спокойным, чтобы требовал восьмичасовой рабочий день. Восьмичасовой рабочий день — это деспотизм.

Потом Л. Н. сказал:

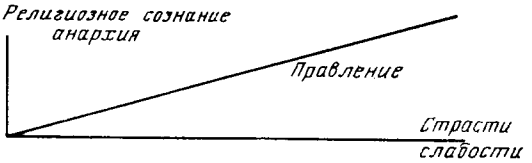
— Трое приходили с вопросом: почему нельзя убить одного человека ради блага многих? Славянофилы были люди, которые думали своим умом. У них не было шовинизма, была любовь и уважение к массе народа. Миросозерцание народа словами очень трудно выразить, но они имели основу того склада, миросозерцания народа. Одна бочка меду у них была — народность; две ложки дегтю — православие и самодержавие. Герцен в последней деятельности своей был совершенный славянофил. Герцен был самобытный. Кончил личным нравственным совершенствованием, уважением к народу. Он прошел все то, что теперешние революционеры.

Еще говорили о «Круге чтения»; Л. Н. сказал, что это будет указание на мысли хороших писателей, так что потом будут читать их самих.

По какому-то поводу заговорили о Евгении Маркове.

Л. Н.: Евгений Марков был претошный писатель. Стал консерватором и православным [2].

Свои мысли о том месте, которое занимают в жизни людей государственные формы и религиозное сознание, Л. Н. в разговоре с Долгоруковым иллюстрировал следующим чертежом:



* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

** Отсюда до конца дня переписано с листков 9 декабря 1913 г.

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

16 июня. Утром у Бирюковых. Лева поправляется. Не было больных. Я пошел в Козловку, в Скуратово к ребенку Юлии Ивановны, в Тулу за паспортом, телеграммы отослать бабушковцам и за одеждой.

Л. Н. вчера говорил Долгорукову, что свобода печати, конституция — только одна 10-миллионная часть нужды земельной. От нужды в земле народ голоден, пьянствует, закабален по фабрикам.

Я пришел с Козловки вместе с Иваном Ивановичем, С. Д. Николаевым, варшавянином [1].

Варшавянин за конституцию:

— Когда будет настоящая конституция,— говорил он,— не будут полицейские возить арестованных, стоя коленями на их груди, как теперь.

Рассказывал про события в Лодзи и Варшаве. В Лодзи разрушили 39 монополий из 250. Потом строили баррикады, множество убитых и до двух тысяч раненых.

Варшавянину, который говорил, что в Варшаве поляки ненавидят русских чиновников, солдат и им опасно показываться на улице, Л. Н. сказал:

— Вы читали Валишевского о Екатерине? Пишет, что русская (Екатерина была немка) не разбила бы Польшу на три части. ⟨Страна⟩ не имеет возможности соединиться.

17 июня. Пятница. Л. Н., рассматривая за черным кофе фотографию четырнадцати общественных деятелей, принятых царем, заметил о Шаховском (Д. П.):

— Он милый, а маньяк либерализма [1].

За обедом под вязами застиг нас дождь. Каждый взял свой прибор, и перешли на террасу. Ужасные удары грома.

Л. Н.: Удивительно, что такой могущественной силой так поздно воспользовались.

Ударило вблизи. Софья Андреевна хотела пари держать, что повалило березу на прешпекте. Ваня и две барышни вздрогнули.

Л. Н.: В молодости я боялся грозы, старался не показывать; после Севастополя страх прошел.

Л. Н. окончательно кончил «Единое на потребу» [2]. За чаем Бирюков, Похитонов, Гольденвейзер.

Гольденвейзер: В газетах пишут, что бежал эскадрон улан через австрийскую границу (160 человек).

Л. Н. просил прочесть об этом в газете. Я прочел в «Русском слове», 16 сего месяца [3]. Л. Н. сказал:

— Доказательство, как дисциплина рассеивается, это — гипноз, как черта мелом петуху.

Софья Андреевна рассказала, что в эту ночь, с 17 на 18 июня, двадцать один год тому назад родила Сашу. Л. Н. вечером ей сказал, что не может с ней жить и уходит, надел сумку и ушел. Повивальная бабка была уже в доме. В 6 часов утра вернулся. Оказалось, что ушел потому, что ревновал. Через час родила. Решила, что сама не будет кормить, и не заботилась о Саше. Возненавидела христианство Л. Н. Он тогда был на распутье. Трудно было.

18 июня. Совершеннолетие Александры Львовны, 21 год. Много молодежи за столом. Шампанское.

Л. Н. рассказывал:

— В Ярославле была сходка социал-демократов и социал-революционеров. Решили одним средством бороться: вооружением, революцией, возбуждением народа (крестьян).

Л. Н.: Получил письмо от Корзикова: приехали социалисты в деревню и возбуждают народ поджечь и разгромить Листовского.

Корзиков, услыша об этом, уведомил его. Листовский вызвал казаков; теперь ему, Корзикову, грозят, боится за себя и за семью [1].

Софья Андреевна: На станции разбросали прокламации, что сожгут усадьбу Толстого и всех дачников.

Л. Н. интересовался, опровергло ли правительство известие о дезертирстве эскадрона улан в Галицию? Если нет, стало быть, правда. Опровержения сегодня нет.

Гольденвейзер говорил, что ежедневно присуждают двух человек к повешению за покушения на жизнь городовых. Л. Н. ужаснулся так же, как недавно, когда Давыдов говорил, что ежедневно убивают четырех-пятерых городовых.

Пришло около десяти цыган, десять цыганок и около двадцати цыганят. Пели, плясали. Все — Татьяна Андреевна, Софья Андреевна — очень забавлялись этим. Л. Н. приходил смотреть. Ходит и в табор и любуется ими и с удовольствием слушает их пение.

Вечер. Гольденвейзер играл Шопена, Аренского и Шумана [2]. Шумана Л. Н. не любит: «искусственен». Любит Аренского, Моцарта, Гайдна и больше всех Шопена.

Л. Н. говорил с Бирюковым и Гольденвейзером о свободе воли и об алгебраических формулах.

Сегодня в доме очень шумно, Л. Н. трудно говорить. У него болит глаз.

19 июня. Воскресенье. Л. Н. нездоров. За обедом был Гвоздев, предводитель дворянства, приехал по делу Андрея Львовича, желающего стать земским начальником. Говорил Л. Н-чу:

— Помню, когда мне было пять лет, вы мне рассказывали об огурцах... Когда я читал ваши детские рассказы, потом другие книги, гордился, что вас знаю, что вы мне рассказывали.

Софья Андреевна: А, это Лев Николаевич рассказывал всем детям, сколько было огурцов? — Семь. [1]

Вспоминали кого-то.

Л. Н.: Когда был маленьким, тогда молился, стучал в икону: «Вы, бог, слышите, как я вам молюсь?» [2]

Л. Н. рассказывал, где он сегодня ездил по Засеке, около Провалов:

— Там прекрасное озеро. Десятки тысяч десятин леса — нетронутые места. Сразу — чистое озеро, посреди — остров. Камыш. Местами земля проваливается, и появляются озерки. Геологи говорят, что в эпоху ледников на ледяной слой попал слой земли. Близкий к поверхности земли слой льда тает, растаял, и земля на этом месте проваливается. Когда туда иду, думаю себе: «Если бы так провалился, было бы удовольствие попам».

Л. Н. (*к Гвоздеву*): Иван Павлович, можете со мной идти гулять. Разговаривать нельзя. Молча.

Татьяна Андреевна рассказала, что Рожественский телеграфировал царю, что берет на себя сдачу Небогатова с четырьмя судами. Думает, что в Россию из офицеров больше никто не вернется, не позволит им военная честь.

Л. Н.: Вся эта военная честь устарела. При Николае Павловиче она была, с тех пор воинский гипноз ослаб.

Муся Эрдели (восьми-девятилетняя двоюродная племянница) спрашивала Александру Львовну, вышла ли она замуж? Л. Н. услышал и сказал:

— Да, у нее семь человек детей, все девчонки.

Л. Н. спрашивал Гвоздева, что нового в политике.

Приехала Звегинцева, одетая амазонкой, верхом на прекрасной английской лошади, со сворой борзых на привязи.

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ
Ясная Поляна, 1—4 июня 1905 г.
Фотография В. Г. Черткова (Толстой держит за повод лошадь Черткова)

Л. Н. вечером играл с Татьяной Андреевной в шахматы, дал ей вперед королеву. Рано лег спать, узнав, что лежать хорошо при его болезни.

20 июня. Понедельник. Л. Н. не ходил гулять. В халате сходил три раза — утром, к завтраку и к обеду — на веранду, под вязы.

У Софьи Андреевны сегодня боли. Л. Н. говорил о ее болезни за обедом, ее не было, в это время спала.

Обедали Л. Н., Юлия Ивановна и Похитонов.

Когда Л. Н. шел к обеду, его остановил мужик, долго разговаривали. Л. Н. сказал:

— Нужно ему будет написать прошение — скрывал украденных лошадей. Вор, как это бывает, ускользнул от суда, не было свидетелей. Его приговорили к восьмимесячному заключению. Будет наказана его семья. Он не смотрит на свой поступок, как на грех. Судаковский помещик Шеншин, у которого были украдены лошади, богатый. Когда ⟨мужик⟩ выйдет из тюрьмы, будет только осторожнее, а не исправится. Какое разорение вводят эти заключения! Одно время были разорительны и для моего хозяйства, поддерживал ихние семьи.

Похитонов рассказывал об ужасах, совершаемых в Конго бельгийцами, которые, вымогая у негров каучук, истязают и убивают их, отрубают руки и т. д. Кто поступает туда на службу, тот дает присягу, что будет молчать о том, что там делается.

Потом говорили о том, что делают американцы с неграми и китайцами.

Л. Н.: Надо бы написать книгу о греховности христиан против так называемых нецивилизованных народов. Рёскин говорил, как безвозвратно губятся душевные задатки, способности диких.

Л. Н. читал вслух из книги Петра Оленина «На вахте» страницы о буре на Волге и хвалил, как живо описано. Книгу эту он читал сегодня до полудня, когда из-за болезни не работал [1].

Л. Н. спрашивал Похитонова подробно о Бельгии, потом сам рассказал:

— Я пробыл некоторое время в Брюсселе, ходил к Дондуковым, хорошая семья. Там же посетил Прудона, было письмо к нему (от Герцена), и Лелевеля, поляка, почтенного, всеми уважаемого человека. За границей я был последний раз в 1861 году. Из Лондона выехал в день, когда в газетах сообщалось об освобождении крестьян. Ехал без остановки <?> домой. Я был назначен в посредники.

Л. Н. с Похитоновым.

Л. Н. увидал в «Новом времени» портрет умершего Мордовцева [2], сказал, что его исторические романы хороши, он много писал, как Боборыкин, Золя.

Похитонов: Золя врет.

Л. Н.: Боборыкин лучше Золя. Когда меня сделали членом Академии и дали право предложить шесть других членов на три места, я на все шесть написал: «Боборыкин» [3].

О новейшем русском искусстве.

Л. Н.: Мой любимец — Орлов. Портреты Серова — не то, что Крамского, Репина. Касаткин, Пастернак выдумывают, к их картинам надо слова. К Орловым не надо. Сразу видишь, что̀ изображают.

В сегодняшних газетах новое непонятное сообщение: в Одессе сгорел порт, дома, суда. Вызвана эскадра из Севастополя, на одном судне погибло восемь офицеров, гранаты взрываются, город горит. Объявлено военное положение.

Был разговор о передовой статье «Русских ведомостей», в которой сказано, что японцы могут частью их эскадры блокировать балтийские порты [4]. Бирюков возразил: эта блокада повредит теперь только чужим кораблям, русских ведь нет, а Кронштадта взять нельзя.

Л. Н.: И Порт-Артур был неприступный. Японцы, как Чингис-хан, как Атилла. Думали, как их победить, а теперь — как лучше покориться.

Бирюков: При чем тут буддизм?

Л. Н.: Буддизм ниже христианства, буддизм — отрицание жизни, избавление от страданий, уничтожение: четыре основные правила о перенесении страданий и избавлении от них. Христианство выше и положительнее: кроме смирения — установление царства божия на земле.

Сегодня был у Л. Н-ча Крузе, чиновник сахарного акциза. Он хочет отказаться от своей должности, как отказался года два тому назад от должности по винной монополии. Говорил, что все должны перестать быть чиновниками, удорожающими сахар, и я должен начать. Каждый, кто так поступает, имеет доброе влияние на других. А нельзя рассуждать, что, так как один ничего не сделаешь, то можно остаться в том положении, которое считаешь дурным. Мне Крузе говорил, что Л. Н. утвердил его в таком решении.

Очень жаркое лето, все скоро зреет.

Столько мух, как в этом году, не помнят в Ясной. Л. Н. сказал сегодня:

— Этим годом все рано: липы цветут рано, начинает холодеть и воздух становится прозрачным, как бывает только в июле.

Сегодня у Софьи Андреевны боли, сама себя жалела и раздражена на меня, что я ей никакой помощи не даю. Л. Н. около нее долго сидел. Сам Л. Н. сегодня до обеда, и кажется, и после обеда не писал, только читал.

21 июня. Вторник. В газете известия об одесских событиях: офицер убил матроса [1].

Л. Н. встретил меня вопросом:

— Слышали, что происходит (в Одессе, Курске)?

Я: Да, это месть. Ужасно — облить вагон керосином! [2]

Л. Н.: Это та же озверевшая толпа, что тогда; теперь чувствуется сильнее. Я писал об этом, но не довольно сильно. Надо бы поизменить (то есть в «Великом грехе») [3]. Тут читал в «Новом пути»,— и прочел последнюю полстраницу — рассуждения Штильмана,— довольно бойко пишет: «Цусимское поражение указало на несостоятельность правительства», «поможет только представительное правление» [4]. Все одно и то же. После революции 48 года вышла конституция. Но ведь с тех пор прошло полвека. Теперь надо что-то, более обеспечивающее свободу народа, чем конституция.

Сегодня после полудня Л. Н. ездил в Тулу постричься. (Вчера целый день — в халате, выходил только к столу.) Соблазнила его новая лошадь — Кабардинец. Третий раз ездил на ней. Два часа ездил туда и обратно. Проездом [5] делает версту в пять минут.

Софья Андреевна второй день страдает болями.

— Вас мне больше жалко, чем себя, вы ведь должны за мной ухаживать,— сказала она.— Поскорее бы умереть. Иван Ильич тоже так начинал болеть. Доктора не знали, что̀ у него [6].

Л. Н. (*о Снегиреве*): Любезный человек и всё знает, что его наука достигла.

Снегирева ждут завтра утром.

Похитонов рассказывал об интеллигентных бельгийцах, что они фанатичные огородники и земледельцы.

Вчера Л. Н. сказал по этому поводу:

— Люди начинают дорожить житьем на земле, все больше интеллигентов обрабатывает землю.

А сегодня Л. Н. сказал:

— Все чаще случается, что люди из крайностей богатства, консерватизма переходят к простой жизни, к анархизму.

В какой-то связи Л. Н. упомянул из французских художников L'Hermitte [7] и Bonnat.

Л. Н. читал вслух часть рассказа «В чужой шкуре» из книги «На вахте» Петра Оленина, как директор акционерной компании становится писцом, потом чернорабочим. Описана жизнь рабочего: что значат 20 копеек для рабочего. Хорошо написано: выпукло, выставлена именно жизнь рабочего, а не происшествия. Софья Андреевна говорила, что на станции Засека были разбросаны листки, чтобы крестьяне свозили урожай себе, иначе Ясную Поляну сожгут, и что 29 июня подожгут усадьбу и дачу.

22 июня. Утром Л. Н. в легком пальто пошел по прешпекту навстречу Снегиреву, который должен был приехать. За чаем Л. Н. спросил его про новые политические события.

Снегирев: О них лучше не разговаривать.

Л. Н.: Совершенно согласен с вами.— И Л. Н. вспомнил слова бывшего у него коломенского старичка-плотника [1], а потом сказал:

— Война и другие современные события будут иметь огромные последствия, но не те близкие, которые предвидят: конституцию, ослабление России, — а разгром существующего лжехристианского строя не одной России, а всей Европы.

Снегирев рассказывал про Архангельскую губернию; там не было крепостного права, народ простой, с достоинством относится к чужим, неискушенный, доверчивый. Не поверить старику считают оскорблением.

КРЕСТЬЯНИН АРХИП ОСТАШКОВ

Рисунок (акварель, белила) С. А. Толстой, 1904

«Софья Андреевна нам показывала... прошлогодний рисунок... мужика-медвежатника, спасшего жизнь Л. Н.» — Запись от 25 июня 1905 г.

Интеллигенты, кроме докторов, туда не едут. Все хозяева. Мужчины уходят на рыбные промыслы, оставляют дома одних женщин, хорошие работницы. В монастырях и кругом них дичь кроткая, подходит к людям, и ее много. Чужестранцы просили охотиться — не позволили.

Л. Н.: Насилие возбуждает ложь, это самое худшее действие насилия.

Снегирев рассказывал про монастырскую жизнь там и в Оптиной Пустыни.

Л. Н. о том же. О старцах говорил почти то же, что о них в «Отце Сергии». Об одном, который 35 лет лежит, разбитый параличом, и говорит, что он, благодаря богу, счастлив. Л. Н-чу нравился Амвросий. Развращают монахов барыни, льстящие им. Они оказывают на них плохое влияние.

Говорили о войне. Снегирев думает, что надо ее продолжать. Если японцы и возьмут Владивосток — пускай, хотя бы по Иркутск. До сих пор сделали малые успехи и медленные. Русские, кроме никуда не годного флота, потеряли 100 тысяч убитыми и 200 тысяч ранеными.

Лев Львович [2]: Я был бы рад, если бы японцы начали обстреливать Кронштадт. Это понудило бы правительство к реформам. Проигрываем из-за нашей отсталости, бесчестности, воровства. На фоне одесской драмы тоже было воровство офицерами продовольствия матросов.

За обедом Л. Н. и Софья Андреевна удивлялись легкомыслию Бирюковых, что они с больными детьми странствуют. Л. Н. о их старшем сыне Боре:

— Он умный и ужасно конфузится. Это значит, что он сосредоточен на своем внутреннем. И Татьяна и Маша говорят про Бориса Бирюкова,

что он противный. Когда ожидают ⟨от детей плохого⟩, есть столько же шансов, что они плохие, как и то, что они добрые.

Говорили о чьем-то разводе. Л. Н. сказал:

— Были три фазиса брака: первый — смотрели на брак, как на прочное, неразрывное единобрачие; второй — как на неразрывный брак с романтической влюбленностью; третий — теперь, как покажется Анна Михайловна лучше Марии Павловны, давай бросать Марию Павловну и жениться на Анне Михайловне.

Лев Львович: Это было всегда так. Почему же ты не терпишь мою точку зрения, почему же ты мне не позволяешь свободно выразить ее?

Началось пререкание. Л. Н. сказал:

— Если хочешь продолжать грубиянить...

Вмешалась Софья Андреевна, заступилась за Льва Львовича. Когда вечером прощались, простили друг друга. Потом на прогулке Лев Львович мне сказал, что отец сердится на него, что он никогда не приезжал бы в Ясную, если бы здесь не было матери и Ясной Поляны.

После обеда Снегирев говорил, какую пустую жизнь ведет большинство людей. Л. Н. сказал, что не только пустую, это бы ничего, а загаженную.

Снегирев рассказал, как три хулигана бросились на карету, в которой ехала вдова Филатова. Ее избили. Одного схватили и судили. На суде он говорил: «Я был пьян, ничего не помню». Это второй подобный случай.

Л. Н.: Этого не бывало. Босяки, хулиганы — слово с английского — явились на моей памяти.

Снегирев (*о Л.Н.*): Он стал мягче, чем был десять лет тому назад, в своих требованиях, спорах, суждениях.

Вечером приехали Оболенские.

23 июня. Четверг. Вечером Мария Александровна, Горбунов. Он вспоминал какую-то книгу русской генеральши [1]— описывает Бенарес, святую жизнь некоторых браминов. Книга ему нравится.

Разговор о Киплинге. Л. Н. рассказал о нем, какие нелепости пишет. Передал содержание одного его рассказа, в котором сгнивший труп индуса провалился через потолок на стол...

Л. Н.: Празднуют столетие со дня рождения Мадзини. Его биография прекрасна. Видно по ней, как его политическая деятельность ослабила его личность. Мадзини выделяется из всех современников. Другие будут забыты, он останется. Так, как у нас плеяды петрункевичей будут забыты.

Лев Львович говорил о вегетарианстве; знает многих, которые, благодаря вегетарианству, избавились от болезней желудка и после двух-трех лет, вследствие этого, опять начали есть мясо.

Михаил Львович сказал о своем двоюродном племяннике, мальчике Мише, тоже вегетарианце, который, увидев рыбу на столе, вскрикнул: «Ведь живая!» Дети насилием учатся есть мясо. По природе они вегетарианцы.

Л. Н.: Вегетарианство перевалило на другую сторону, одолело карниворство *. (*Ко Льву Львовичу*): Помнишь, как Дора рассмеялась, когда услышала в первый раз о вегетарианстве, сказала: «Фантазия!» Удивительно, что Вестерлунд — умный гигиенист — стоит за мясо.

У Л. Н. болят глаза, очень плохо выглядит, аппетита нет. Больше читает, чем пишет.

25 июня. Суббота. Ветреный, немного прохладный день. Моросит. Л. Н. в пальто. Утром приехал Ф. И. Маслов, орловский помещик 65 лет, пред-

* мясоедение (от франц. carnivore).

седатель Судебной палаты, который оставил было службу, а теперь, когда родина в опасности, снова начал служить. Так рассказала про него Софья Андреевна. Его сестра занимается филантропией. Он похож на старого Кошута. Кажется, старые друзья с Л. Н. Разговаривали вдвоем сравнительно много. Л. Н. дал ему Генри Джорджа и Таубе («Христианство и международный мир»).

За обедом Л. Н. с Масловым о смерти и о страховании. Оба говорили, какое оно ничтожное. А Л. Н. сказал, что страхование безнравственно. Не расчет, а чувство должно руководить человеком. Надо помогать погоревшим, как яснополянские мужики N.N. (Л. Н. назвал его.) N.N. сгорел. «Что же с ним будет?» Ответил: «Я ему дам то, другой — то и другое, справится». В Финляндии страхование государственное, убыток к концу года распределяется на все застрахования. У нас губернская страховка дает 35 р. мужику, у которого сгорит на 300—500 р.

Маслов: Агенты не получают постоянной платы, живут с десяти процентов. Надувают общество.

Тут разговорились о разном.

Л. Н. рассказывал, что был замоскворецкий купец, художник Овчинников. Ему чиновники много зла натворили, в старости занимался тем, что разоблачал их поступки, мстил им. Когда сгорела у него лестница, позвал агента страхового общества, и угостил его шампанским, и дал в конверте 1000 р. Тот объявил его убыток, как если бы дом сгорел, а Овчинников выдал его. Ездил в святые места, пропадал год, за это время вел его купеческие дела другой. Прибыли было 30 тысяч. Тот их положил в банк, и, когда Овчинников вернулся, кроме прибыли было полторы тысячи процентов. Он удивился, откуда проценты взялись: «Посеял ты деньги и они взошли, что ли?» И не принял процентов.

Софья Андреевна проговорила:

— Аким из «Власти тьмы».

Вечером шахматы с Масловым. Ужасно шумели игравшие у другого стола в винт. Л. Н. с трудом слышал свой голос. Похитонов сегодня показывал свои виды Ясной Поляны — маленькие, обработанные, характерные, очень рельефные, особенно полянка, аллеи, фасад дома. Вечером нарисовал Л. Н. играющим в шахматы, нос ему большой нарисовал [1]. Софья Андреевна нам показывала свои рисунки молодых лет, великолепные. Еще показывала прошлогодний рисунок карандашом, а по нему акварелью мужика-медвежатника, спасшего жизнь Л. Н. Рисовала по фотографии, которую будто бы имеет Илья Львович [2].

Л. Н. в кресле, Бирюковы, Маслов, Похитонов, Мария Львовна и я. Бирюков рассказал, что сегодня был у него яснополянский мужик Степан Резунов, по прозванию Курзик; ему 83 года.

— Единственный старше меня в Ясной,— сказал Л. Н. —Вместе косили.— Л. Н. вспомнил, что тот отморозил себе пальцы, когда пьяный лежал. Хотели ему их отнять в Туле, он не согласился. Мягкие части с них облезли, остались одни кости, которые при движениях гремели. Тогда он взял топор и отрубил их.

Бирюков: Он ваших братьев и вашего отца, умершего в 1837 году, помнит.

Л. Н.: Я в воспоминаниях детства не описал сороковой год. Был голод. Следовало бы его описать. В 1839 году был неурожай, засуха и в 1840-м тоже. Это не то, как теперь, когда железные дороги, — подвезут. Мы с братьями завели себе лошадок и рвали им зеленый овес. Должно быть, мужикам было совестно на это смотреть [3].

Л. Н.: В своей жизни я видел три фазиса брака: 1) мой отец и его среда заключали брак как ненарушимый, прочный (впрочем, у мужчин невоздержание было до брака и после брака); 2) романтический фазис (в браке):

влюблялись и страдали от того; 3) теперь: как только не нравится жена или муж, бросает и женится на другой.

Потом Л. Н. читал из нового номера «The Crank» три мысли. Одна — Торо, из «On Civil Disobedience». Человек, который подчиняется людскому закону, подобен зрячему, который дает себя вести слепому. Не лучше ли зрячему самому искать себе дорогу? [4]

Л. Н. (*Марии Львовне*): «Bleak House» из его (Диккенса) лучших сочинений — тонкое, но чувственность есть в нем.

26 июня. Были здесь В. Н. Джонс, профессор химии Томского политехникума, с сестрой, женщиной-врачом. Л. Н. знакомит так: «Позволяю вас познакомить...»

Л. Н. с Джонсом и Бирюковым:

— Активная борьба с правительством поглощает все силы. Надеются, что, когда захватят власть, будут знать, что делать, но примеры революции показывают: придет Директория, Наполеон, а программы нового строя жизни — нет. Пассивная борьба с правительством — как гурийцы — создает сейчас свое самоуправление. В какой мере это создается, в такой мере вытесняется правительство, а если его совсем вытеснить, то уже готов другой строй жизни, соответствующий духу народа. —Это говорили, дополняя друг друга, Л. Н. и Бирюков: «Значит, активная борьба — напрасная трата сил».

Джонс делал вид, что он того же мнения, но видно было, что он либерал-революционер.

Л. Н.: Русская интеллигенция находится в гипнозе, что нужна конституция.

После обеда Л. Н. водил Джонсов и Николая Леонидовича в амбулаторию. «Дедушка был здесь сам-четвертый»,— сказали мне дети хозяйки амбулатории.

Вечером после отъезда Джонсов Л. Н. мне сказал, что доктор Джонс хвалил: «Как тут все аккуратно, чисто!»

В это время я был у больного Левы Бирюкова. Говорили об архангельских крестьянах. Павлы Николаевны сестра гордится, что она из свободных крестьян в 30 верстах к северу от Вологды. Они не подобострастны, нет гипноза, как там, где было крепостное право. Они о нем знали только по слухам, как если бы бывало в другом государстве. Надел имеют 30 десятин на душу, так что там на очереди другие вопросы, не земельный, на очереди — поднять уровень воспитания. Они суеверны. К нищим, прохожим очень хорошо относятся. «Здесь, в Ясной,— говорила Павла Николаевна,— наша хозяйка, когда ее сынок играет с нашими, всегда его унижает, а нашего восхваляет, а это не из искренности; ведь они нас, господ, презирают».

27 июня. Лев Львович, Александра Львовна, Илья Львович, Оболенские, Похитонов, Бирюков, Юлия Ивановна и я.

Приезжала дочь декабриста Завалишина, привезла его «Записки», которые она с сестрой издала за границей [1].

Л. Н. их читал, полулежа на кресле в зале, два-три часа подряд.

— Самохвальство, но интересно,— сказал Л.Н.,— как Муравьев, бывший губернатор тульский, заселял Амур. 30 тысяч человек сделал казаками. Как добывал золото для Николая I, все это возводят в подвиги, а это были ужасные насильственные дела, от которых гибли жизни. О Николае пишет, что от него можно было добиться всего, только внушить ему, что он либеральный и что это его мысль. Муравьев-Амурский попал туда по ошибке, вместо Муравьева-Карского и был глупый человек. (Л. Н. с Муравьевым-Карским 〈?〉 столкнулся на Кавказе, где тот командовал бригадой на Черноморском побережье и погубил ее.) Хотел завладеть Цицикаром, столицей Северной Маньчжурии.

Бирюков указал Л. Н. на 77-й том издания Академии наук, в котором напечатано «О трояком народе» Хельчицкого [2], и читал из него вслух Л. Н-чу. Нравилось им больше, чем «Сеть веры».

Л. Н.: Там сравнения длинные и труднопонятные. Тут сейчас сначала просто и живо. Прочту. Вот, по крайней мере, на что-нибудь понадобилась Академия.

Потом говорили о заграннце. Л. Н. вспомнил о своем заграничном путешествии:

— Я шел пешком с Боткиным из Швейцарии в Италию. Боткин был силач, правой рукой поднимал над головой пять пудов. Умер в помешательстве от белой горячки. В Неаполе мы жили в высоком бельэтаже. Хорошее было пение певцов по улицам. Один нехорошо одетый, плохо говоривший по-французски молодой человек позвал нас в театр в ложу. Мы пошли. Был, наверно, лакей-англичанин [3].

Похитонов рассказывал о Неаполе, о «фрутти дель марэ», как рыбаки их ловят, и, если волнисто, капают масло в море, и сейчас же ловят и продают живыми для еды. Перечислил названия некоторых: ежи и т. д. Выглядят, как комочек грязи, а превкусно.

Мария Львовна: А живые?

Похитонов: Да, живые.

Мария Львовна: Бр-р-р,— и все мы удивились и засмеялись. Похитонов тоже засмеялся.

Л. Н.: Это как дикаря спросили: «Как можно есть человечье мясо?» Он ответил: «С солью вкусно».

Александра Львовна поехала верхом одна в Тантыково. Оттуда приехал Лев Львович. Туда вернулся из Баку А. М. Кузминский. Рассказывал про бакинские события. Власти не были замешаны. Неправда, что они натравливали мусульман против армян.

Л. Н.: Ко мне в Москве приходили армяне, чтобы писал в защиту турецких армян, обижаемых турками, и говорили, почему их обижают... [4]

Кто-то рассказывал об армянах. Л. Н. добавил:

— Ехал я пароходом, как обыкновенно, в третьем классе. Мне было очень холодно, приплатил за первый. В каюте умывался армянин, толстый, с обросшими руками. Окрикнул меня и толкнул в грудь: «Что ты сюда лезешь, я тебя видел в третьем классе!»

Лев Львович: Объяснил ты ему потом, кто ты?

Л. Н.: Нет.

Разговор перешел на Румынию. Л. Н. сказал о Бухаресте, Яссах

— О Бухаресте, Яссах у меня осталось поэтическое впечатление [5]. В Яссах элегантное Корсо *, белые акации. После лагерной жизни, грязи было очень приятно. У извозчиков великолепные лошади, и они (извозчики) в то время все были русские скопцы.

Похитонов: Я там был лет 12 тому назад, и тогда так же было. Они богачи. Румыны не могут конкурировать с ними. Они по влечению ездят.

Лев Львович: Их везде много.

Л. Н.: Я всегда удивлялся их твердости в убеждениях. В Крапивне судили старого скопца за оскопление молодого. Я был за освобождение, купцы — против. Почтмейстер Н-ский решил в их ⟨скопцов⟩ пользу. Он был любителем хороших лошадей и высказал, что вырезанная лошадь толстеет, и этот малый тоже толстый, румяный, стало быть, ему на пользу. Я это передал судьям. Я был избран старшиной присяжных. И не покарали старика.

---

* Главная улица (итал. — corso).

Л. Н. рекомендовал Николаю Леонидовичу читать Токвиля о Французской революции:

— Он не за нивелировку людей, и я согласен с ним, а желает класс аристократов духа,— сказал Л. Н.— Токвиль пишет, что неизвестно, по каким причинам от Ирландии до Польши — везде установился феодально-рыцарский строй, который теперь разрушается. Французская революция была подготовлена работой умов и вне Франции; главное, чего хотела достичь, было уравнение людей, égalité *, в этом была религиозная сторона революции... [6]

Л. Н. советовал Николаю Леонидовичу прочесть также Завалишина.

28 июня. Л. Н. весь день в халате, не выходил из дому. Глаза впалые, усталый вид. Сидел в кресле.

— Что вам писал Шкарван? [1] — спросил меня.— Из цитат, которые он прислал мне, одна о педагогике хорошая, Шопенгауэра.

Л. Н. получил на мадьярском языке книжку «Толстой и свободомыслящие церкви» (унитары). Составила Флора Перцель Козма [2].

За обедом Мария Львовна и Лев Львович говорили о воспитании детей. Л. Н. заметил, что, как в уходе за сумасшедшими надо быть внимательным, чтобы не наделать вреда, так и в воспитании.

Л. Н.: Я читал у Токвиля, что мелкие крестьянские имущества были уже до революции [3]. Жадность французских крестьян до земли нельзя объяснить мелкой собственностью, как это описывает Золя в «La terre». Он несправедлив к французским крестьянам: предполагает у них преобладание чувственности, злобы и корысти.

Николай Леонидович: Дядя Сережа смеялся, когда в «La terre» родители и дети от трех до шестнадцати лет все идут сеять.

Л. Н.: Я не такой циник, не высказал этого, но чувствовал, когда Золя помер (как дядя Николай Николаевич, когда умер Вальтер Скотт): «Слава богу, не нужно будет читать его книг, которые бы еще написал». (Хотя Л. Н. читал поразительно мало Золя; первое его чтение —«La conquête de Plassans» с Софьей Андреевной, когда появилось.) [4]

— Получил письмо от Браха о Немраве,— сказал Л.Н.,— что он опять присужден к заключению в тюрьму. Буду писать Немраве [5].

Потом Л. Н. говорил про Чагу. Внешние обстоятельства его жизни тяжелые: хочет с духоборцами в Канаду, пустят ли его? Он еще только полтора года там (в Якутской области).

Правительство дает духоборам 17 тысяч на переселение, выхлопотали Чертков и Трепов.

Л. Н. говорил, что закон, по которому за отказ от военной службы ссылали на 18 лет в Якутскую область, был отменен перед манифестом о веротерпимости [6], но не заменен другим.

К чаю пришел Николаев. Л. Н. просил Николая Леонидовича прочесть из брошюры Бирюкова «Малеванцы» письма Малеванного:

— Сильно действующие, хорошие письма,— сказал Л. Н.— В них ничто не показывает, что их писал душевнобольной. И слова малеванки, что богатые не дознаются христианской правды, потому что за нее надо терпеть, а это могут только мужики [7].

Николаев: Почему же его держат в больнице?

Л. Н.: Молоствова писала: губернатор спросил министра, выпустить ли Малеванного? Министр ответил: «Нет, он может иметь вредное влияние на толпу; это те праведники в Содоме, из-за которых Авраам просил не разрушать Содома. Ими живет свет».

Николаев говорил о Васильеве, профессоре математики Казанского университета, разделяющем взгляды Генри Джорджа. Хочет приехать к

---

* равенство (*франц.*).

Л. Н. поговорить о них и желает, чтобы их разговор был записан и дополнен тем, что Л. Н. до сих пор писал о Генри Джордже.

Иосиф Константинович рассказал о том, что говорил А. М. Кузминский о Баку и Кавказе. Он «открывал Америку». Рабочий вопрос очень интересный. Персидские рабочие требовали минимума: мыла и спичек. Он большего богатства по соседству с лачугами нигде не видал; двадцатая часть государственного бюджета — из Баку. Десятина нефтеносной земли стоит полмиллиона рублей. Эксплуатация рабочих. Борьба между армянами и татарами * (армян — одна двадцатая, и у них больше имущества, чем у татар) экономическая, национально-религиозная, с революционными основами. Кузминский не нашел ни подстрекательства, ни попустительства, а только бездействие властей (за это восьмерых привлекли к суду). В Баку — отсутствие духовных интересов. Жизнь, как в Клондайке.

Иосиф Константинович рассказал спор по поводу наемных лугов между крестьянами и кулаками в двух селах Тульского уезда. Есть закон, по которому государственные земли можно сдавать в аренду без торгов, если есть желающие арендовать. В одно село прибыл губернатор с властями. Он разъяснил это крестьянам и дал им возможность заарендовать луга без торгов.

Л. Н.: Крестьяне не могут добиться ничего от правительства, надо захватить центральную власть, так было во Франции.

Разговор о крестьянах и что может произойти из их волнений. Вспоминали страхи Звегинцевой и т. д. Иосиф Константинович вспомнил из Герцена о Пугачеве, как тот был гостем у старушки-помещицы. Когда от нее уходил, его люди напали на него: «Всех помещиков вешаешь, а эту нет». Допустил [8]. Это говорилось к тому, что в эту ночь, с 28 на 29 июня, по прокламациям, должны были быть сожжены Тула и Ясная Поляна. Л. Н. слушал все это молча и сказал только одно: «Как они ненавидят господ!».

Л. Н. ушел; разговор на эту тему продолжался между Львом Львовичем, Софьей Андреевной и Иосифом Константиновичем. Говорили о Ясной Поляне, что жизнь и порядки продолжаются старые, барские. Лев Львович говорил, что он бы так не мог жить, что он бы устроил артель, совместно обрабатывали бы барские и общинные земли.

29 июня. День Петра и Павла. Эту ночь опасались Софья Андреевна и прислуга, что подожгут усадьбу. Л. Н-чу сегодня лучше, боли прошли. Съел кусок белого хлеба, кашу и желе. Ходил гулять на скотный двор, обогнул опушку леса и вернулся оттуда.

— Там,— рассказывал Л. Н.,— мелькнуло что-то белое за кустами и скрылось за ствол. Пошел туда, за пнем лежал навзничь крошечный мальчик, боялся меня.— «Чей ты? Как тебя зовут?»—«Коля».— «А маму?» Не знал.— «А отца?» — «Иван».— «Где живете?»— «За елками».

Мальчик оказался Минкиных. Л. Н. хотел идти гулять в Чепыж, но взял мальчика за руку и привел его в парк.

За чаем пополудни был Ваня Эрдели, приехал верхом из Таптыкова. Рассказал, что кучер прострелил себе руку из пистолета.

Л. Н.: От вас научился стрелять. Но лучше себе прострелить руку, чем чужую или галку.

Л. Н. (*за обедом*): Нынче занимался. Приятно.

Перед обедом приехал И. П. Накашидзе с женой своего брата. Л. Н. спрашивал у него про гурийцев и о кавказских событиях. Накашидзе рассказывал, что там страшно: гурийцы почти голодают, но все же помо-

---

* азербайджанцами.— *Ред.*

ТОЛСТОЙ С ПОСЕТИТЕЛЯМИ ИЗ ТУЛЫ
Ясная Поляна, 3 июня — 20 июля 1905 г.
Фотография П. И. Бирюкова

гают друг другу и добились снижения арендной платы (за землю). Батум — мертвый город: все фабрики прекратили работу.

Л. Н.: А какое влияние имела интеллигенция на это движение?

Накашидзе: Это следствие социал-демократических революционных забастовок в Батуме и Баку. Ужасные и частые убийства шпионов — собственных рабочих и русских казаков. Гурийцы настроены против русских. Вражда грузин к армянам за то, что они захватили их столицу; армян меньшинство, но богатство у них. Они господствуют в Думе и во всем Тифлисе. По той же причине враждуют с армянами и татары.

— Жалею, что у вас распри вместо соединения,— сказал Л. Н.

Девятилетняя девочка, приемыш Накашидзе, перевела сказку Л. Н. на грузинский язык — вообще хорошо.

И. И. Горбунов говорил, как униаты переходят в католицизм в Западном крае. Это доказывает банкротство православия.

Я сказал, что это означает фанатический прозелитизм католических ксендзов.

Л. Н. поддержал меня:

— Да, у них прозелитизм на первом плане, — сказал он. Потом Л. Н. вспомнил слова какого-то архиерея, который говорил, что католицизм — самая дикая секта.— «Католики,— сказал архиерей,— обижаются, когда католицизм называют сектой: их много, они — церковь, а кого мало — те секты. Но,— прибавил архиерей,— это самая важная секта, потому что имеет наибольшее число последователей». Торжествуют всегда направления, более пошлые, низменные; восторжествовало лютеранство, а не анабаптизм,— закончил Л. Н.

Третьего дня Бирюков сказал, что буддизм японцам не запрещает воевать.

Л. Н.: История всех великих истин одинакова. Буддизм так испорчен, стал такой же обрядовой верой, как и христианство.

Л. Н.: Мадзини был враг социализма. Вся его политическая деятельность была слабая сторона его жизни. Не сходится с его религиозными положениями.

Еще говорили о Герцене и Огареве.

— Огарев возле Герцена был незаметный,— сказал Л. Н.— Тургенев хвалил Огарева стихи, а в них ничего. Самые пустые, я в них ничего не находил.

По какому-то поводу заговорили о Буренине.

Л. Н.: Буренина «Стрелы» (?); там есть у него стихотворения превосходные, прекраснейшие.

30 июня. Приехала Александра Владимировна с детьми. Л. Н. вчера и сегодня заметно лучше. Софья Андреевна тоже сегодня отлично выглядит и говорила: «Быстро похудела, быстро оправилась». Бегала, как серна; хвалилась, как ей легко бегать, когда похудела. Пополудни за чаем читала Льву Львовичу и Андрею Львовичу из дневника о Тане и Леве, когда им было один — три года. Потом свое письмо к Л. Н. 1864 года — второй год после свадьбы. Сыновья ей сказали, что неинтересно: просто влюбленное письмо [1]. А мне все очень нравилось и хотелось дальше слушать. Но из приличия ушел. Обедали под вязами очень долго. Среди обеда приехала Софья Николаевна с четырьмя мальчиками. Мимо проехал, должно быть, случайно заблудившийся незнакомый священник с детьми, остановился и извинялся, что проезжает через усадьбу. На чье-то замечание начали смеяться за столом. Л. Н. сказал:

— Мне священническое сословие приятно, между ними много хороших людей.

За чаем Л. Н. с Похитоновым долго беседовал.

Л. Н. читал «Review of Reviews», июнь 1905, о книге Кропоткина: «Ideal and Realities in Russian Literature» (Duckevorte 7 s.).

День Л. Н. обыкновенно проходит так. Л. Н. встает около восьми, но очень часто и раньше, в восьмом или в седьмом часу, даже в шесть. Надевает туфли и халат, который, ложась спать, кладет на кресло у постели. Оттягивая занавеси на окнах, осведомляется, какой день (погода), сколько градусов показывает наружный на окне термометр. Потом обыкновенно садится на кровать и записывает в записную книжечку, которую вечером кладет на тумбочку около кровати и в которую ночью пишет, иногда по пять раз зажигая свечу, когда приходит ему ясная мысль, записывает мысли, иногда значительные сны. Потом очень тщательно и не торопясь моется у старого деревянного умывальника, сидя вытирается и аккуратно, довольно долго расчесывает волосы и бороду частым гребешком. Иногда не умывшись и в халате, садится за письменный стол и пишет Дневник или серьезную работу.

Затем Л. Н. выходит к нищим и просителям и уходит гулять, чаще всего один, иной раз с кем-нибудь из просителей, прохожих или посетителей.

1 июля. В полдень, после завтрака, на террасе Л. Н. дал Марии Львовне списать «Великий грех»; хочет его свезти на почту [1]. Разговаривал с Николаем Леонидовичем.

Николай Леонидович: Трубецкому ставят в упрек, что государю говорил иное, а не то, что его уполномочили говорить. Он должен был говорить за самодержавие.

Л. Н.: В «Review of Reviews» — я его только вчера читал — Перрис (был здесь) пишет о Трубецком, что это удивительный человек [2]. О Петрункевиче..... *[3]

Николай Леонидович: Петр Трубецкой слаб, он находится под влиянием брата. Петрункевич же говорун, тем берет.

Л. Н.: Петр Трубецкой и глуп. Петрункевич же был в кругу Бакунина, но там был незаметный. Там же, в «Review of Reviews», о японцах пишет японец, что народу рабочему все хуже и хуже живется. Свободы печати нет. О микадо и дворе писать нельзя, власть в руках представителей знатных и богатых. Япония — воинственная страна, нигде столько крови не лилось [4]. Картинка: микадо на обузданном медведе (России) — обидно [5]. Там же о китайцах. Не читали, Душан Петрович? Прочтите. Поэтически описана их земледельческая семейная жизнь. (Из нее вырывают людей на фабрики или на войну.) Это противопоставлено: вы хотите нас к фабрикам привязать?[6]

За обедом — длинный стол, я мало слышал. Л. Н. вспоминал кого-то: кормя ребенка, плакала, а на вопрос, почему плачет, ответила: «Там говорят о науке, а мне кормить ребенка».

Софья Николаевна: Я бы тоже не могла отдаться исключительно материнским обязанностям. Это обязанности телесные, а есть высшие, духовные, хочется почитать, книгу писать и тому подобное. Почему специализироваться на мать-воспитательницу?

Л. Н.: Воспитать детей — это *все* дело.— И потом сказал:— Книгу же писать — тоже телесная работа: умственная — мозга и телесная — рук. (Дальше я не расслышал.)

Л. Н.: Вчера получил письмо: «Как вам не стыдно в это тревожное время не писать о свободе женщин!» [7]

После обеда Л. Н. сидел на площадке для лаун-тенниса. Похитонов сбоку и сзади нарисовал его [8]. Потом Л. Н. пошел «писать письма». Я рассказал Л. Н. вкратце, что только что прочел в «Сыне отечества», как произошла резня на «Князе Потемкине». Матросы отказались есть тухлое мясо, их хотели принудить и велели одним матросам стрелять в других. Те отказались. После этого офицер застрелил одного матроса. Матросы бросились на офицеров и половину их перебили [9].

— Как часто стали проявляться отказы стрелять по команде!

Л. Н.: Да, это событие в области духовной; разрушается престиж ⟨власти⟩.

Л. Н., хотя глаза у него болят, читал вслух письмо к Бирюкову духоборца-фермера, вышедшего из общины. Недоволен общиной, пишет, что тяжело. Теперь некоторые духоборы приняли землю от канадского правительства и дали подписку огородить ее и выстроить фермы. Проповедовать ходят еще 20 человек. Веригин велит не пускать их в села. «Пусть идут проповедовать к тем, кто не знает, а мы знаем». Веригин — царь. С ним через переводчика говорят. Все мужчины от 17 до 45 лет

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ушли на работы; дома остались в каждой деревне только человек по восемь стеречь скот. Долгов у общины много.

Л. Н.: В Сибири Веригин руководил ими. Забрели в богатство, старая вера теперь кончилась.

Лев Львович: Стало быть, община распадается.

Л. Н.: Община началась в Карсе, сообща работали, выдавали хлеб по нужде. В Канаде муку, сапоги, ситцы выдают по душам. Это страшно тяжело, не житье — монастырь.

Л. Н. рассказал, как отправляли поселенцев в Сибирь, и об отношении народа к преступникам прежде и теперь. Один яснополянский мужик (Л. Н. назвал его), осужденный в Сибирь и на поселение, скрылся в избе в подполье, вся деревня про него знала, кормили его, долго скрывался там, пока не убежал. Другой яснополянский мужик, Рыбин (Курносенков) — вор, несколько раз бегал из поселения домой и возвращался. Последний раз пришел измученный, голодный, скрывался в лесу, дети боялись за грибами ходить. Зашел к сестре в сарай, попросил у нее поесть. Она донесла на него в волость. Какой контраст в отношениях произошел в продолжение пятидесяти лет!

2 июля. Приехали родные соседки Звегинцевой, князья Черкасские. За столом не было места, я ушел к круглому столу. Через полчаса Л. Н. подсел ко мне. Говорил про письмо к лакею в немецком переводе Адольфа Гесса, что оно плохо переведено, руссицизмов не понял [1].

— Как это Куропаткин меня совершенно не интересует,— сказал Л. Н., намекая на разговор с Черкасским, который адъютантом у варшавского генерал-губернатора. Наверно, ему этот великосветский блеск и шум были не по душе. Потом сказал:

— Крестьянская жизнь — теперь работа идет — меня всегда устыжает, особенно чем старше становлюсь, тем больше.

Спросил меня, и раньше уже несколько раз спрашивал, умею ли косить, вообще работать, и вижу, что Л. Н. во мне не нравится, что погосподски ленюсь, что я даже не пытался работать. Прямо не советует, но видно, что желает мне этого. А я все откладываю.

Черкасский рассказывал о Варшаве и Лодзи. По его словам, немцы, которым выгодно уничтожить Лодзь, подстрекают поляков к забастовкам и мятежам, чтобы в Польшу пошли их товары. В Лодзи ранено и убито 1500 человек. Л. Н. спрашивал его, есть ли признаки польского восстания, как было в 1863 году? На это Черкасский не сумел ответить. Л. Н. вспомнил, что Манделькерн (американец) рассказывал ему, что польские революционеры ему говорили, что за ними — 27 миллионов [2]. Л. Н. спрашивал, подразумеваются ли тут немецкие и австрийские поляки?

Сергей Львович с Черкасским говорили, что теперь самое ужасное было бы, если бы убили царя; что царь не злой, только колеблющийся, безвольный; что надо всей аристократии соединиться, и пусть будет конституция, хотя бы республика.

— Высокопоставленные... ужасно легкомысленные,— сказал Николай Леонидович.

Сергей Львович: Сипягин какой был ограниченный, и Плеве тупой. А Витте тоже не особенно выдающийся — только как одноглазый между слепыми.

3 июля. Пополудни приехал А. М. Кузминский из Баку, с сенаторской ревизии. Я не был, когда он рассказывал об армяно-татарских столкновениях. Вечером он, между прочим, заметил, что русские тоже настроены против армян. Присутствовавшие удивились, что не против татар.

Л. Н.: Татары простодушные.

Кузминский спросил Л. Н., что выйдет из войны?

Л. Н.: Никогда не стараюсь вперед заглядывать. Занавес.

Татьяна Андреевна: Ведь быть побежденным не может быть хорошо?

Л. Н.: Почему нехорошо?

Татьяна Андреевна: Ужасное несчастье. 80 000 пленных, и что хорошего будет? Одни бедствия.

Л. Н.: Все бедствия, которые меня постигали, впоследствии оказывались на благо. Как же и это огромной важности событие не будет хорошо? При бедствии сознание работает. Но там-то нам видно, здесь — нет. Сколько раз в болезни я это испытал. Здоровье все хуже — духовно все свободнее и свободнее. Японцы теперь уже с трудом удерживаются, не напасть ли и на французские и немецкие владения.

Получено письмо от Снегирева, что завтра приедет [1].

Л. Н.: Как все врачи-специалисты, Снегирев — невежественный человек, он ничего не знает; притом пьяница и православный; верующий и вместе с тем желает узнать правду.

Но на днях Л. Н. сказал о Снегиреве: «Любезный человек и все знает, до чего наука дошла».

Мария Львовна с Софьей Николаевной говорили о споре с Павлой Николаевной по поводу брака.

Л. Н.: В супружестве надо соблюдать тишину и спокойствие, как на лодке в бурном море, а то все погибнет, не только сам [2].

А. М. Кузминский: В Баку в один день бросили три бомбы и убили нескольких прохожих, баб и так далее. Полиция открыла три склада бомб. Армяне приготовляли их для самозащиты на случай повальной резни.

Л. Н.: Вчера рассказал Черкасский, что в Варшаве дали 15-летнему мальчику книгу, чтобы бросил ее в народ, а то была бомба — он не знал — убило 15 человек. «Настанет мор, и охладеет любовь...» [3] Эти времена теперь.

Л. Н.: «Записки декабриста» Завалишина так самохвальны, что противно читать. Могу только понемногу за раз. Его дочь сказала, что в России они не могли появиться, потому что Стасов — враг этой книги. Он весь во власти маленького Гинцбурга [4].

— Витте по-английски не говорит, по-французски плохо,— сказал А. М. Кузминский. Он рассказывал о Баку, будто бы дает государству 100 миллионов дохода. Правительство дает землю в аренду на срок до вычерпания нефти, т. е. навеки. Воронцову-Дашкову лет десять тому назад подарило правительство десять десятин, которые дали ему в один год 250 тысяч.

Л. Н. говорил о книге Карпентера «Цивилизация, ее причина и излечение». Цивилизация достигла зенита. «Мы его перевалили», ничего нового в искусстве, философии — нервозность, бесплодие...

Похитонов начал было рассказывать о том, какие средства употребляют во Франции против бесплодия. Л. Н. не дал ему докончить...

Л. Н.: Ехал с кузнецом из Оренбурга, был у нас с ним интимный разговор. Нет у них детей. Рассказал ему о французском искусственном оплодотворении. Он плюнул и сказал, что если так, не хотел бы иметь детей. Вот естественное отношение.

Похитонов: Человечество идет назад.

Л. Н.: Нет. Наша цивилизация — одна из многих, она идет к концу. Надо начинать с нового пути.

Лев Львович говорил о том, что надо бы издавать газету для народа.

Л. Н. ему возражал, что это не необходимо, что Сытин издаст два миллиона плохих книг, «Посредник» столько же неплохих и тем парализует деятельность Сытина.

Лев Львович: Но распространение Евангелия было бы невозможным без книгопечатания.

Л. Н.: «Британское общество» распространяет миллионы Библий, а какое действие?

Бирюков: Пока не было печати, дух Евангелия больше действовал.

Л. Н.: Нужно своей жизнью действовать: лечить как можно лучше, сына воспитать, землю пахать. За две тысячи лет много ли новых мыслей придумают?

А. Б. Гольденвейзер: Лихтенберг говорит — за десять лет одну [5].

Л. Н.: А сколько есть людей, писателей с большим самомнением!

Через голову Л. Н. спорили Бирюков и Кузминский. Л. Н-чу было шумно, ушел. Когда Л. Н. опять вернулся, Похитонов рассказал ему, что доктор Якобий из Харькова пишет в газете, кажется, «Русские ведомости», что нынешний революционный дух (стрельба в казаков и прочее) — психическое явление, массовое, заразительное [6]. Осуждения нет, везде эпидемии убийства. Священник убивает околоточного; третьеклассный пассажир-интеллигент — кондуктора.

Л. Н.: Примеры ⟨таких эпидемий⟩: крестовые походы или когда за один тюльпан платили до 20 тысяч гульденов.

Л. Н.: Сегодня был у меня, с тульским старообрядцем, слесарь 21 года, социалист; рассказал, что их пять тысяч (?) вооруженных револьверами. Говорил: «Сколько наших побили в Вознесенске!.. Шувалова убили поделом [7]. Если был добрый человек, почему принял такую должность?» Спрашивал меня о революции. Я дал ему «Как освободиться рабочему народу?». Но знаю, что не будет читать.

Павел Иванович: Социалисты-революционеры говорят: «Наше дело — уничтожить существующие власти. Как это устроится — будет дело народа».

Л. Н.: Чтобы социалисты-революционеры, признающие центральное правительство, пришли к власти, ⟨они⟩ должны захватить центральную власть... А это немыслимо. Другое дело гурийцы, которые, устраняя центральную власть, творят свое.

4 июля. Понедельник. Позавчера годовщина смерти А. П. Чехова. В газете пишут, что он принимал близко к сердцу несчастья войны и это ускорило его смерть [1].

Сегодня был здесь Снегирев. Улучшение здоровья Софьи Андреевны приписывает пиявкам, мушке.

Уехали Кузминские и Сергей Львович.

За обедом Л. Н. сказал Марии Львовне о Николае Леонидовиче, что он все знает, что́ происходит; что с его слов можно записывать летопись революции. Она, революция-то, уже есть.

Л. Н.: Я только сомневаюсь в том, как завладеют центральной властью. Хотя оно не пойдет так, как во Франции. Россия слишком большая, и народ ее слишком другой.

Вечером Павел Иванович, как всегда, заходил к Л. Н. Сегодня три-четыре раза и оставался там довольно долго.

Л. Н. слушал за вечерним чаем статью доктора Якобия в «Русских ведомостях», что убийства, революционное настроение — психическое явление. Он нашел, что статья написана с добрым намерением, но неубедительна.

Как-то на днях Л. Н. сказал: «Газеты читать — бесполезное утруждение мысли».

5 июля. Вторник. Утром уехал И. П. Похитонов к сыну в Намюр, в Бельгию; пополудни Александра Владимировна с детьми — в Чифировку.

Похитонов пробыл три недели в Ясной, написал шесть-семь картинок, которые всем понравились. Софье Андреевне подарил один пейзаж, довел ее до восхищения: изображение части леса, где зарыта зеленая палочка. Это место показал ему Л. Н.[1] Похитонов — приятный, добряк. Л. Н. говорил, что он как настоящий художник, имея перед собою идеал, стремится все к большему и большему совершенствованию своих работ.

Утром, за чаем, привезена почта. Л. Н. просматривал голландский толстовский журнал «Vrede»[2], выходящий чуть ли не восьмой год.

— Еще существует, все продолжается источник воды, живой, маленький, — сказал Л. Н.

За обедом Л. Н. с Софьей Николаевной; упрекал ее, что занимается политикой, т. е. борьбой с правительством; борьба происходит оттого, что хотят изменить правительство, а оно не хочет и только желает: «Дайте время опомниться».

— Это психоз — вообразить себе, что мы можем управлять другими,— сказал Л. Н.— По какому праву мы хотим управлять другими? Занимайся кухней.

Л. Н. говорил почти раздраженно. Софья Николаевна оправдывала ь, утверждала, что она не за борьбу с правительством.

Л. Н. (*ей*): Но ваши сходки теперь, разговоры глупые, вредные, результат их — борьба.

После обеда Л. Н. сходил к Бирюковым, поиграл с их детьми, а вчера с детьми Михаила Львовича. Феде Бирюкову сделал приятное, дав ему оседлать свою лошадь. Павел Иванович сказал Л. Н., чтобы передал Софье Андреевне, что Лева, который был больной, уже ходит. Л. Н. не забыл передать.

С половины девятого до десяти Л. Н. разговаривал с балкона с Андреем Львовичем, который вернулся от Черкасских и Меньшиковых, со Львом Львовичем и П. И. Бирюковым.

Л. Н. вспомнил статью доктора Якобия из Харькова, сказав, что она поверхностная; что пишет напыщенно, без всяких доказательств, что «исследует» религиозные и политические настроения.

— Исследовать можно больные легкие, а не это,— сказал Л. Н.

Сегодня опять разбросали прокламации в Ясной, чтобы мужики урожай с барских полей свезли к себе. А Бибиков хочет с напоенными мужиками угнать скот из Телятинок и сжечь усадьбу. Этот слух принесла Александра Львовна.

Софья Андреевна не сомневается, что Бибиков и телятинские могут так поступить. О яснополянцах же думает, что они поведут себя разумно.

Л. Н.: Нельзя предсказать. Теперь заряжаются одни от других, как электрическое напряжение.

Павел Иванович: Может произойти буря.

Софья Андреевна: Им не расчет. Нас, стариков, убьют, придет войско, им плохо будет. После нас же у них не будет таких господ. И Тула близка, есть охрана.

На эти слова Софьи Андреевны Л. Н. сказал:

— Духовные отношения, духовные начала охраняют людей, а не войско. Будет 25 человек, и взять эти начала и поставить 10 тысяч войска, будет хуже.

Слух, что в Туле должна быть забастовка и что везде среди крестьян распространены прокламации.

Говорили о возможности мира с японцами.

Лев Львович полагает, что мир невозможен.

Павел Иванович говорил, что мир будет, т. к. оба правительства уже послали своих посланников для переговоров в Вашингтон[3].

Л. Н.: Я не предугадываю, а так попросту — кажется, мира не будет. Осрамление полное: весь флот потерян, Порт-Артур, 80 тысяч пленных. И удивительно, как во Франции поражение в войне подняло революционный дух, ⟨возникла⟩ Коммуна, так же и у нас. У нас вода все поднимается, революция усиливается.

Лев Львович: В этих переговорах двигателем Витте [4]. Он тщеславный и корыстолюбивый человек. Поведет дело так, что ничего не выйдет, и тогда — в случае успеха революции — выдвинется как человек, который хотел мира.

Л. Н.: Он ведь богатый. Рокфелллер, Ротшильд — их понимаю, что хотят больше. У них капиталы в деле, сами работают. А кто с малого разбогател — ему некуда девать богатство. С трудом прожить можно 50 тысяч в год. Еще Давид Копперфилд сказал: «У меня сапоги и шляпа столько же стоят, как у Ротшильда». Куда им девать деньги? Да, если покупать лошадей, картины...

— Эрнест Кросби,— сказал затем Л. Н.,— прислал сегодня свою книжку о Шекспире, в которой пишет о грубом отношении Шекспира к рабочему народу. У Шекспира clown* означал мужика. Пишет, что желал бы, чтобы моя статья была предисловием к его книге [5]. Я затем и написал ее.

Александра Львовна: Какая она была сперва короткая!

Стали говорить о том, как обрушатся на Л. Н. за эту статью.

Л. Н.: Пусть! Да и Чертков желает, но поднимется на меня ругань.

Софья Андреевна: Англичане будут писать, что ты с ума сошел.

Л. Н.: Статья может появиться и в России, нецензурного в ней нет[6].

Л. Н. дал мне читать «The Monist», July, 1905 (Chicago. The Open Court Publ. C°): «Conflict of Religion and Science». By Yujiro Motora (p. 398—408) [7].

В последнем номере «Scena Illustrata» Л. Н. ужаснулся гадости картинки «Бал» и заглавной картинки и похвалил французскую картину «Перевязка раненых в русском лагере во время сражения», сказав:

— Какие русские лица! Должно быть, по фотографиям [8].

Софье Андреевне сказал:

— Как бегаешь; как 16-летняя девица!

Л. Н. поздно лег.

6 июля. Среда. За завтраком Л. Н. поручил мне ответить Роберту Браху о Немраве. Брах пишет, что Немрава опять приговорен к двум годам тюрьмы, что он остается последователем Л. Н. и что своих взглядов не изменит, если только его к тому не будет склонять Л. Н-ч. Л. Н. поручил мне написать Браху: «Как я ни сострадаю, никак не могу влиять на его, Немравы, убеждения и только с любовью и уважением смотрю на него. Могу ли ему чем-нибудь помочь, очень рад был бы».

Сегодня пришел тифлисский старик, А. И. Пузанов. Четыре года тому назад приезжал в Тулу посетить родных и зашел к Л. Н., чтобы его видеть и книг получить. Книги читал и воспринял. Теперь опять пришел. Ему 62 года, православный. Он сторожем на железной дороге (получает 15 р. в месяц). Он понимает христианство, как Л. Н., и говорил, что его сыновья с ним согласны. Очень желал бы иметь «Изложение Евангелия», уже четыре года добивается его. В Тифлисе есть один экземпляр — ходит из рук в руки. Имел неприятности от полиции за то, что давал читать сочинения Л. Н. Очень был рад, когда увидел Бирюкова. Л. Н. побесе-

* шут (*англ.*).

довал с этим стариком. Повторил нам, что от него слышал: «Сильное и важное — невидимое, это вечно, а видимое — преходящее».

После обеда приехали Мария Александровна и Иосиф Константинович. Л. Н. им рассказывал о записках Завалишина:

— Завалишин «поправляется», сначала очень восхваляет себя, дальше не так. Он не был дружен ни с одним декабристом и пишет про их теневые стороны. Они, как пострадавшие люди, были другими идеализированы, сами тоже выставляли себя с доброй стороны. Читая, находишь середину между этими двумя точками зрения. Завалишин пишет о них, что им хотелось не свободы, а власти. Так же, как и нынешним (домогающимся конституции), хочется не свободы народа, которого они не знают, не любят, даже ненавидят, а участия во власти. Я не говорил, я не сознавался в этом еще до пробуждения. Но я, грешный человек, думал о Кузминском, тогда прокуроре: как же он заботится о пользе отечества, когда я знаю, что он любит хорошо пообедать и выпить и думает только о том, самое лучшее, чтобы его детям хорошо было. Нашим домогающимся конституции хочется того же — участия в правлении.

Вечером были под вязами Л. Н., Софья Николаевна, Мария Александровна, Иосиф Константинович и я.

Л. Н.: Славянофилы правы; их положения — народные: первое — что земля не может быть собственностью; второе — что лучшие люди избегают участия во власти. Гораздо лучше жить под самой свирепой властью, чем самому властвовать. У Карамзина, которого «Историю государства Российского» не люблю за придворный тон, есть одно изречение, окупающее все его сочинения. Другу, соболезновавшему ему, что болеет и из-за болезни не может продолжать писать историю, ответил: «Важно не писание русской истории, а важно то, как хорошо жить» [1].

Старшая дочь Завалишина, учащаяся в Цюрихе на медицинских курсах, писала Л. Н., прося помочь издать Записки отца. Л. Н. не ответил. Младшая, которая привезла ему экземпляр Записок, понравилась ему и Юлии Ивановне. Она славная. Говорила Л. Н.: «В России не разойдется. В Россию книга не имеет доступа, потому что против нее Стасов».

Далее Л. Н. рассказал о получении им письма от И. А. Беневского.

Л. Н.: Беневский писал — он религиозный,— во-первых, что Иисус — бог; второе, что рад, что я молюсь. Я ему ответил: «Если бы Иисус был бог, то для меня разрушилось бы понятие о боге. И что хотя я молюсь каждый день, но считаю, что это — слабость» [2].

Л. Н.: Огорчаюсь, что Бирюковы уже через две недели уедут. Как они без прислуги ходят за детьми? И Николаевы также, а у них пятеро детей.

Мария Александровна: Федя — хороший малый.

Иосиф Константинович: В нем есть что-то швейцарское.

Л. Н.: Нет. Он в отца и, думаю, не будет благодарен Бирюковым, которые его взяли и воспитали, как своего. (Мать у него умерла, отец о нем не заботится.) Это так и бывает, что родители не дождутся от детей благодарности, да и вообще не жди благодарности ⟨от того⟩, кому делаешь добро. Тот, кто поступает, как должно, имеет уже благодарность в своем сознании бóльшую, чем та, которую он мог бы получить от людей, но не получает.

Софья Николаевна: Я не наблюдала неблагодарности.

Л. Н.: Всегда.

Софья Николаевна: Я наблюдала, что к строгим, несправедливым родителям дети (девушки) с благодарностью относятся. Этого нельзя объяснить.

Л. Н.: Можно. Дети, у которых хорошие родители, принимают все

ихние старания как что-то должное. У детей же с христианскими воззрениями родители становятся их ближними, и отношение к ним этим переменяется в любовное, благодарное.

Пришел П. И. Бирюков.

Л. Н. с Бирюковым хотели выразить арифметически что-то, но не сошлись в выражении. Л. Н. говорил, что человека можно выразить дробью, числитель которой — его свойства, знаменатель — его мнение о себе. Знаменатель может быть ноль; тогда $\frac{n}{0}$ = бог. Знаменатель может быть и бесконечность — ∞. Но этих крайностей не бывает. И доброта, и правдивость, и смирение в человеке имеют цену, только если он себя не ценит [3].

Л. Н. говорил со старым яснополянским мужиком о прокламациях, которые были разбросаны в деревне. Об этом разговоре Л. Н. рассказал нам:

— Герасим Фоканов получил прокламацию, не выдал ее уряднику. Но говорил, что мужики двоякого мнения: одни — везти урожай к себе, другие — нет. Он же думает, что надо подождать и мирным путем сделать полюбовный договор: в аренду снять землю или как. Но из этого ничего доброго выйти не может (т. е. из насильственного отобрания у помещиков урожая и земли). В соседстве останется по-старому. И как же делить землю? При общем покосе между ними всегда ссоры, надо общее правило, по которому распределить пользование землей.

Л. Н.: Молоствова писала, как ясен Генри Джордж. Возражает ему только в том, что, если освободить капитал, может произойти усиление капитала, и он будет давить на обрабатывающих землю [4]. Это она, наверно, слышала от кого-то; пустое возражение. Дело не в облегчении или не облегчении капитала, а дело в уничтожении несправедливости. Когда дело шло об уничтожении крепостного права, можно было наполнить целую книгу подобными соображениями. Этого опасаться нечего. Когда идет речь об уничтожении несправедливости, нельзя думать о могущих произойти последствиях. Сама несправедливость требует одного: ее уничтожить, и какие выйдут из этого последствия, в этом мы не сведущи.

Л. Н. (*Александре Львовне*): Андрюша влюблен. Как он размягчел, все находит хорошим, заикается.

Когда мы сидели сперва на террасе, потом под вязами, мужики свозили сено на телегах. Телеги высоко наложены сеном, лошади, в сравнении с нашими северовенгерскими, высокие, полные, крепкие. Говорят, что возит не лошадь, а овес, а доится не корова, а сено.

В половине девятого, записывая, слышал стройное, бодрое пение, не выдержал в комнате, пошел слушать. У скотного двора догнал трех девок бочком верхом на лошадях и парня, возвращающихся с работы с песнями, как раз самые лучшие яснополянские певуньи.

В парке недалеко от дома калужские мужики делали дорожки. Сегодня кончают работу и уходят на месяц домой. Л. Н. пошел с ними поговорить, и они очень понравились ему.

Л. Н. три дня не писал. Сегодня ему слепни и мухи мешали доехать до Булыгина. Лошадь беспокоилась, нельзя было спокойно думать ему на ней, надо было их отгонять; повернул из Головенек в Засеку — и там слепни и мухи. Красивые места там, в Засеке!

7 июля. Четверг. Уехал Иосиф Константинович.

Ходили со Львом Львовичем по Горелой Поляне, встретили Л. Н. в одной фланелевой рубахе и штанах из серого холста. Быстро ходит, похудел.

Л. Н. посетил на днях Николаевых. Лариса Дмитриевна жаловалась ему, что не может ничем другим заниматься, так поглощено все ее время и силы детьми. Когда оба близнеца кричат, не знает, где голова у нее.

Л. Н. ей сказал, что, воспитывая детей, делает самое главное и все, что должна делать.

Вечером Л. Н. играл с Гольденвейзером в шахматы. Затем Гольденвейзер читал вслух последний рассказ Горького «Тюрьма» [1]. Когда он кончил, Л. Н. сказал:

— Как хорошо читаете, быстро и с правильной интонацией! Начало хорошее, но где рассуждения — слабо. Если рассуждения не совсем ясны, то они неуместны (в художественном произведении), как ораторский пафос в области философии, религии и математики. Они на месте в описаниях путешествий, природы. Горький сначала все тот же — талант. Изобретательность почти такая же, как у Чехова, но чувства меры у него нет, и не верен психологически.

Софья Николаевна говорила Л. Н., что читала хороший рассказ Куприна «Поединок». Нельзя слова выпустить из него. Жалела, что не привезла [2].

— Да, Куприн хорошо пишет,— согласился Л. Н.

Л. Н.: Будем читать вслух из Завалишина описание бунта. Нигде не читал так хорошо описанным. Это можно объяснить так: Завалишин был в недружелюбных отношениях с Рылеевым и с другими. Они были снисходительны друг к другу, а он не участвовал ⟨в восстании⟩. Он еще 10 декабря вращался в высшем обществе, знал по слухам от других, как все произошло, и после жил с ними в Сибири, знал от них. Писал стариком. Их намерение не удалось по чистой случайности. Не было хороших распоряжений.

Бирюков: Трубецкой отпал, изменил им.

Л. Н.: Не заняли крепость, ⟨а⟩ их войско было в крепости, не заняли дворец, ⟨а⟩ их войско было во дворце, артиллерией не воспользовались. Южная организация была за республику, не примкнула к ним. Смерть Александра застала их врасплох.— После некоторого молчания:— Из декабристов уже никого нет в живых. Прошедшее — точно, когда едешь и оглядываешься назад — то, что вдали, уходит, сжимается, скрывается. Что мне наполеоновские войны — вам Крымская.

Бирюков: Освобождение крестьян — уже историческое событие. Я родился за два месяца до него. Дворовых еще помню.

Павел Иванович и Гольденвейзер в 11 ушли. Софья Николаевна и Юлия Ивановна пошли в кабинет Л. Н. перевесить новую, в рамке, увеличенную фотографию Сергея Николаевича, которая Л. Н. очень умиляет верным выражением лица [3]. Я остался с Л. Н. один в столовой. Спросил меня о Леве, сынишке Бирюковых. С ним час тому назад случился припадок холерины.

Л. Н.: Беспокоюсь за него.

Я спросил Л. Н., могу ли я ответить от себя саксонскому учителю.

Л. Н.: Милое письмо, да, ответьте ему, у меня земли нет [4].

Я: Хочу ему сообщить адреса чешских друзей, послать «Жизнь Дрожжина» [5].

Л. Н. согласился. Посоветовал послать ему, кроме «Жизни и смерти Дрожжина», письма Ольховика, книжку Изюмченко «В дисциплинарном батальоне» [6], голландский журнал «Vrede».

Я: Шкарвану хочу предложить, чтобы он составил книгу об отказах от воинской повинности. Туда поместить ваши письма и статьи по этому вопросу. Такая книга нужна отказывающимся.

Л. Н.: Да, хорошо. Помню, первый случай отказа был Залюбовский [7]. С тех пор все больше. Увеличивается, как конус, обращенный вершиной вниз.

Л. Н. принялся писать статью «Силоамская башня» — о японской войне, главное значение которой Л. Н. видит в небывалом проявлении

неповиновения властям. Сегодня написал семь страниц. Л. Н. просил Юлию Ивановну сказать Александре Львовне, чтобы не переписывала, потому что много написал, но она уже часть, если не все, пополудни переписала [8].

Сегодня в «Daily Chronicle», что в Одессе из солдат-бунтовщиков 24 повесили в разных тюрьмах и еще повесят 17.

8 июля. Пятница. Знойный день, ветерок, вечером ливень. После него ясно, тепло. Л. Н. ездил верхом в Таптыково. Ехал на Делире шагом, проехал 18 верст за 2 часа 25 минут в один конец. В половине 11-го вернулся. Рассказывал подробности про дорогу. Хвалил длинный шаг Делира. В Тихонском (деревня в половине дороги) пьяный мужик, которого вела баба; сказала мужику: «Граф едет».— Мужик ответил: «Он себе граф, а я себе граф».

Л. Н. позволил Черткову печатать «Божеское и человеческое» и «О Шекспире» [1]. Софья Андреевна укладывала книги с полок второго шкафа в стене в новый шкаф № 2. Павел Иванович предлагал из дома сделать музей Л. Н., собирать сюда все, касающееся Л. Н. В доме не жить.

Цыганский табор, 18 семейств у шоссе.

* П. И. Бирюков задавал Л. Н. вопросы к его биографии.

Л. Н.: Малиновая Засека? Кажется, она за Тулой.

Бирюков: Какие вы нашли письма матери недавно?

Л. Н.: Это ее работы: ее переводы, ее сочинения о путешествии [2].

— Рассказ Погодина! [3]

(Павел Иванович читал прямо из Погодина.)

Л. Н.: Все совершенно верно.

Бирюков: Учителя яснополянские живы?

— Эрленвейн, Томашевский.

Отвечая на вопросы Павла Ивановича о своей кавказской жизни, Л. Н., между прочим, сказал:

— Старый Юрт было необыкновенное место. Был аул 1500 душ; серный горячий ключ над аулом разбивается на несколько потоков. У Сережи была собака, упала в горячий ключ, обварилась. Это красивое было место. Даже запах этот был приятный. В Пятигорске нет таких горячих ключей.

Л. Н.: Скороходова теперь ожидаю. Чага теперь в Сибири. Недавно получил письмо от И. И. Попова — редактора «Восточного обозрения». О Чижове пишет, что он почти там же, где Чага [4].

Говорили о верующих православных. Л. Н. сказал:

— Безграмотная старушка какая-нибудь... Как ей знать все те ужасы, которые делались церковью и продолжают делаться?! Инквизиция... А образованные люди — им надо закрывать глаза, не могут признать, что они ошиблись. Они все свои ошибки должны признать, как что-то святое. Как это мстится! Как только поставишь истину не на внутреннем сознании, а на внешнем авторитете, так оно кончено...

9 июля. Суббота. Л. Н. забыл вчера передать Александре Львовне привезенное им из Таптыкова письмо насчет кухарки для Татьяны Андреевны (она со Львом Львовичем и Митей утром поехала в Таптыково) [1]. Поэтому пополудни сам поехал верхом в Овсянниково нанимать кухарку. Потом купался в пруду со мной.

Я переписывал Хельчицкого.

За обедом Л. Н., Софья Андреевна, Юлия Ивановна и я. Софья Андреевна приводила в порядок журналы из второго шкафа. Л. Н. уговаривал ее, чтобы перестала, отдохнула [2]. Софья Андреевна говорила, как она

---

* Отсюда до конца дня восстановлено Маковицким с черновых записей через несколько лет.— *Ред.*

подробно помнит все, что было в первый год их супружества. Удивительная память!

Под вечер приехал Иван Иванович с Клечковским. Он недавно читал лекцию о воспитании детей. По этому поводу говорил с Л. Н-чем. Л. Н. резюмировал: учить детей надо, воспитывая себя. Родители ведут праздную, безнравственную жизнь и хотят, чтобы учитель (или они же) научил детей доброй жизни. Это так, как если человек сойдет с ума вследствие дурной жизни семейной, а его отдадут для излечения в сумасшедший дом. Ребенка надо воспитывать так, чтобы он служил ⟨людям⟩, а не чтобы он чувствовал себя барином, чтобы ему служили.

10 июля. Воскресенье. Утром в 6 часов поехал я в Тулу за корректурой «Великого греха» и за лекарствами. В половине первого вернулся и до 6 часов был в приемной.

Под вечер приехала Мария Николаевна, сестра Л. Н. Ожидал встретить строгую, молчаливую, немножко даже суровую монахиню, а она самая милая, разговорчивая старушка, напоминающая откровенностью, добротою свою дочь Варвару Валерьяновну. Сестра Л. Н. и по духу. Хорошо, образно говорит, и так просто, правдиво, как Л. Н.

Все домашние пошли с ней гулять по парку. Мария Николаевна показывала, где стояла оранжерея; на том месте остановились. Л. Н. нравился вид отсюда, и он хотел здесь построить беседку. Мария Николаевна сказала, что тут происходило то, что описано в «Детстве». В саду мы встретили Ивана Ивановича, Сергея Дмитриевича, И. П. Накашидзе, И. П. Мельгунова. Иван Иванович привез пуд книжек Генри Джорджа. Мельгунов, сотрудник «Русских ведомостей», интересуется сектантами, приехал из Павловок. Рассказал Л. Н-чу о павловцах, как их власти преследуют [1]. Тодосиенко был, по мнению Мельгунова, бессознательный агент-провокатор. Про манифест о веротерпимости павловцы не знают, а местные власти его не признают.

Николаев говорил Л. Н. о Генри Джордже, ренте: цена земли под Нью-Йорком вычислена в три миллиарда долларов, под Берлином в три миллиарда марок, под Москвой для ипотек в 600 миллионов рублей.

Сергей Львович: В Москве одна квадратная сажень в Хомяковском саду стоит тысячу рублей [2].

Л. Н.: В Нью-Йорке земля под постройку 25 футов в фасаде, 100 глубины ⟨стоит⟩ один миллион 200 тысяч ⟨долларов⟩.

Николаев: В Англии рента с земли в городах превышает ренту с земли вне городов. В Германии — равна ей, в России — меньше ее. Для Москвы эта рента была бы 30 миллионов рублей, городской бюджет — 20 миллионов рублей.

Павел Иванович расспрашивал Марию Николаевну о детстве Л. Н. Она охотно рассказала. Между прочим, как Сергей Николаевич в Гамбурге и Висбадене проиграл все свои деньги в рулетку, купили ему билет и послали домой. А он опять приехал. Во Франкфурте сел не в тот поезд и опять приехал туда, откуда уехал [3]. Дмитрий Николаевич был вспыльчивый; Л. Н.— нет.

Л. Н. сказал, что Николай был наружностью похож на Ю. Л. Оболенского.

Потом Мария Николаевна рассказывала, как Сергеенко приехал в их Шамординскую обитель и перепугал монашек, спрашивая их, почему пошли в монастырь и нашли ли успокоение. Не снял картуза в церкви, о недостроенных зданиях сказал: «Это мы закончим». Монашки думали, что Сергеенко с толстовцами разрушат монастырь. Своей бестактностью и случайными, присоединившимися к этому обстоятельствами (появились прокламации) так расстроил покой монастыря, что Мария Николаевна чуть не ушла из него.

Когда Мария Николаевна рассказывала о «преступлении» П. А. Сергеенко, Л. Н. сказал ей с улыбкой:

— Ну, это еще не преступление... Это был не Сергеенко, это был капитан Копейкин.

Софья Андреевна рассказывала про Сергеенко, что у Л. Н. он ищет пороки, извращает происшествия из жизни Л. Н. так, как ему это нравится.

Софья Андреевна терпит — как она сама говорит — Сергеенко только лишь потому, что для него это — хлеб. Софья Андреевна рассказывала Марии Николаевне, как Л. Н. в первые годы супружества усердно молился.

Затем Л. Н. в разговоре на балконе с Горбуновым, Накашидзе, Николаевым, Мельгуновым, Бирюковым и Львом Львовичем сказал:

— Будет ли от книг «Посредника» польза — вопрос. Когда же садишь капусту, то наверное знаешь, что будет. Духовное неизмеримо, его польза невидима, а материальное измеримо.

Говорили о книге про отца Амвросия, изданной монастырем Оптина Пустынь. В ней разговоры Амвросия с Л. Н. [4]

Л. Н. рассказал:

— Когда прощались, Леонтьев мне сказал: «Вы безнадежны», а я ему: «А вы надежны» (т. е. можете прийти к истине) [5].

Л. Н.: Когда вспоминаю, очень устаю, даже больно становится. Машенька до того слаба, что от интересного разговора устает.

Вечером Л. Н. передал Ивану Ивановичу рукопись о хлыстах, присланную Беневским. Говорили о ней, что очень интересна, написана человеком, который вышел из хлыстовства, пережив его. Хлысты — то же, что шекеры. Л. Н. желал бы, чтобы Чертков напечатал ее [6].

11 июля. Понедельник. Л. Н. ездил с Николаевым. Вечером Николаев с Накашидзе принесли корректуру «Великого греха». Два предложения были выпущены Чертковым. Л. Н. их опять вставил [1].

Приехала М. Нарышкина, подруга Александры Львовны. Вечером Гольденвейзер играл Шопена и растрогал Л. Н. [2] Мария Николаевна понимает музыку очень тонко. Мария Николаевна, Л. Н., Гольденвейзер и Софья Андреевна разговаривали о музыке.

Л. Н.: Желал бы, чтобы вы сыграли что-нибудь из новых композиторов, чтобы иметь понятие о них. Так, я попросил Чайковского у него на квартире. Он сыграл из своих композиций и других [3]. Из новых лучший — Аренский: он прост, мелодичен, но однообразен в хорошем смысле, как Шопен, то есть характерен, сейчас его узнаешь.

Л. Н., кажется, из всех композиторов больше всего любит Шопена.

Гольденвейзер рассказал, что у Стасова бывают музыкальные вечера и что Стасов хвалит подряд все.

Л. Н.: Стасов ничего не понимает в музыке.

Л. Н. спросил Гольденвейзера, когда он придет:

— Завтра?

— Нет.

— Понимаю, что не придете, будет много народу.

Софья Андреевна тоже боится завтрашнего вечера, будет шумно. (Мартыновы, Черкасские, Кузминские сойдутся, завтра уезжает Лев Львович.)

12 июля. Вторник. Приехали Кузминские, семь человек, и под вечер ожидали князей Черкасских и Мартыновых. Л. Н. будет шумно, жалко Л. Н. Мы вместе с Л. Н. купались в Воронке. Л. Н. принес небольшую охапку травы, мне неизвестной, цветок которой, когда оторвешь и опустишь на землю, разрывается и выбрасывает из себя семена далеко. Л. Н. долго и далеко гулял.

ВЪЕЗД В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

Этюд маслом И. П. Похитонова, 16 июня 1905 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

«Похитонов пробыл три недели в Ясной, написал шесть-семь картинок, которые всем понравились».— Запись от 5 июля 1905 г.

13 июля. Среда. В «Русском слове» появилось известие о том, как на «Потемкине» подняли бунт [1].

Л. Н. (*за завтраком*): Читая «Записки» Завалишина (он был в недружеских отношениях со всеми декабристами и показывает их теневые стороны; один Муравьев⟨-Апостол⟩ остался у него чистым), только теперь я хорошо понял декабристское движение. Как они были могучи! Вся южная армия и половина петербургской были на их стороне. Не удалось — по нерешительности и несогласию между северной и южной организациями. Последняя хотела республику, первая — конституцию. Их рассуждения об избирательном праве, о палатах напоминают современные. Нынешние ни в чем не впереди их, даже позади. Они не так образованны, как были декабристы. Декабристы читали Руссо, Вольтера, Монтескье. А нынешние... Недавно шел близ шоссе около Воронки. Местность красивая, день ясный. Смотрю, на хворосте сидит девица в белом платье и читает. Оказалась Надежда Павловна Иванова. Что она читала? — Скабичевского — критику на Добролюбова! Ведь надо сечь, чтобы заставить читать эту глупость [2].

Приехали Илья Львович с младшим Раевским из Бегичевки. За обедом Илья Львович рассказывал о волнении крестьян в Калужском уезде, вызванном возмущением против управляющего одного имения. Был покос, мужики были все пьяны и пошли громить управляющего. Управляющий убежал, переплыл Оку и позвал полицию. Мужики стали кирпичами бросать в дом, ворвались в первый этаж и разгромили его. Семья управляющего заперлась во втором этаже, туда мужики не могли проникнуть. Наутро пришли девять вооруженных полицейских со становым и урядниками. Видя, что мужики идут толпой, они решили, стреляя, отступать. Мужики подошли и одного урядника ударили камнем по плечу.

Тот готовился выстрелить, но в этот момент из-за кустов вышло войско, и солдаты сами стали заряжать ружья. Но офицер не позволил им стрелять. Мужики разошлись по домам; были расставлены солдаты, которые не давали им сходиться. Тогда они подожгли овин, чтобы сбежался народ из соседних деревень тушить. Но солдаты не пустили. Полиция арестовала 15 человек. Мужики сначала волновались, а потом сказали, что в них бес вселился.

Л. Н. с выражением страдания слушал, но не хотел продолжения подобных рассказов, сказал:

— Мне жаль не помещиков, а их, крестьян.

Илья Львович: У нас опять неурожай, но не такой, как был в последний раз. Яровое уродилось, ржи нет. Но от этого нельзя ожидать, как в городах думают, волнений. Мужики очень умно, осторожно ведут себя. Вспышки могут быть местами, но не огульно.

Л. Н.: Мужиков взбаламутить можно, но волнения, беспорядки только повредят. Их ведь легко подавить войском. А если бы восстание крестьян стало общим, тогда ведь вооружатся против них и те либералы, ⟨и⟩ революционеры, которые их теперь подстрекают. Если бы крестьяне и добились земли, как же ее поделить? Тут нужна организация.

Младший Раевский звал Л. Н. играть в лаун-теннис. Л. Н. пошутил, что пойдет, если ему будет партнером М. М. Нарышкина. Та отказалась, потому что не играет. Илья Львович сказал Л. Н., что Раевский — знаменитый игрок, первый русский игрок в лаун-теннис.

— Какой знаменитый,— недоверчиво сказал Л. Н.— Спросите англичанина: «Играете в теннис?» Он скажет небрежно: «Играю», а играет лучше всех нас. У них это не удивительно... Недавно поднял кусок английской газеты, на одной стороне объявления: «Молодой человек..., молодая, красивая, способная девушка ищет»... 15 раз. Это все рабы, ищущие работы, и, наверно, не все найдут ее. А на другой стороне реферат о состязании футболистов, господам нечего другого делать, умеют только в футбол играть.

Вечером за чаем Л. Н. с П. И. Раевским. Л. Н. говорил ему, что судебные вскрытия трупов и напрасны, и отвратительны, и напоминают судебные наказания людей. Раевский возражал, что они полезны для науки. Операторы этим укрепляются в знании анатомии и упражняются в искусстве оперировать. И перевел разговор на тему: полезны ли операции или нет.

Л. Н. сказал:

— Когда врач не умеет сделать операцию, пусть ее не делает. Как лучше отпустить сто виновных, чем наказать одного невиновного, так лучше пусть умрут сто неоперированных, чем один умрет вследствие операции.

Я сказал, что иногда упрекаю себя, что не делаю судебных вскрытий, что этим мог бы иногда содействовать уменьшению наказания судимым.

Л. Н. на это ответил, что тогда надо лгать, а если сказать правду, то судья, по этим словам врача, будет судить и наказывать.

Я: Но мне кажется, что я мог бы обратить внимание суда на некоторые облегчающие вину обстоятельства, на которые другой доктор не обратит внимания.

Л. Н.: Это дилемма.

Дальнейший разговор был прерван вошедшими в залу. Софья Андреевна принесла части карточного каталога библиотеки и негодовала на беспорядок в нем. Л. Н. ее успокаивал и стал ей помогать пересортировывать карточки по алфавиту.

Мария Николаевна рассказывала Павлу Ивановичу о молодых годах Л. Н-ча. Л. Н. присел к ним и слушал, дополнял. Потом вместе вспоми-

нали; кое-что вспомнил Л. Н., чего Мария Николаевна не помнила, и наоборот. О стрижке головы записано у Берса, не помнили оба [3]. Но Мария Николаевна помнила, что Л. Н. остриг себе брови, после чего они стали густые и длинные, и что его очень мучило его некрасивое лицо [4].

Мария Николаевна вспомнила о слепом, который рассказывал сказки их бабушке, когда та не могла заснуть. Какой у слепого был чуткий слух, когда говорил: «Теперь мышка подошла к лампадке»; действительно, мышь подходила к лампадке и пила масло из нее [5].

В дальнейшем разговоре Л. Н., между прочим, сказал:

— Activité politique pèche *..... **

Л. Н.: Шопенгауэр пишет, что женщины кокетничают или плечами и станом, или, видя, к чему стремится известная среда, притворяются, выставляют на вид эти стремления. Теперь пошли на Дальний Восток (некоторые из душевной потребности). У хохлов есть поговорка: «Все девушки хороши, откуда же такие злые бабы берутся?» Когда девушка выходит замуж, отбрасывает напускное. Вот Наташа (Н. Л. Абрикосова) хочет жить не для своего удовольствия, а для пользы другим. Это у нее так и останется.

Софья Андреевна: Ты ее идеализируешь, ты художник, сделал себе о ней идеальное представление, не расстанешься с ним. Если б я тебе сказала про Таню (Т. А. Кузминскую), что она курит или что-то подобное, ты бы не допустил, так как это тоже не сходится с твоими идеальными представлениями о ней.

Л. Н. настаивал на своем.

Софья Андреевна негодовала на мужчин, что не умеют ценить своих жен. В ней муж не ценил ни красоты, ни художественных дарований, только подавлял их. «Я это все запишу в мои мемуары»,—сказала она***.

Л. Н. повернулся к Павлу Ивановичу и сказал ему:

— Вот хорошая школа для терпения ****.

Татьяна Андреевна: Кто же своей жизнью доволен? Такого нет.

Л. Н., который в это время, отвернувшись, разговаривал с Павлом Ивановичем, услышал слова Татьяны Андреевны (как он умеет слушать сразу несколько разговоров и из нескольких слов понять весь разговор) и сказал:

— Что говоришь? Я совершенно доволен всем, что произошло в моей жизни.

Татьяна Андреевна негодовала на англичан, которые втихомолку, под коммерческими предлогами, захватили столько земель, а русских не хотят допустить до этого, а русским самим это не удается.

Л. Н.: Разница в том, что русские commettent des crimes sans en tirer de profit *****. Англичане tirent de profit ****** из своих преступлений. Славянофилы и в этом правы. Они восставали против этого подражания Западу.

14 июля. Уехали Лев Львович и старики Кузминские.

Спор Л. Н. с Андреем Львовичем. Андрей Львович сказал, что у русского народа те же идеалы наживать деньги, что и у господ: хорошо жить, как можно меньше работать.

Л. Н. огорчился и резко ответил, что, может быть, часть молодого поколения испорчена господами *******.

Были Горбуновы с детьми.

---

* Политическая деятельность грешит... (*франц.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

*** Слова эти в подлиннике записаны и по-венгерски.— *Ред.*

**** Этого я не слышал, а рассказал мне на другой день Павел Иванович.

***** совершают преступления, не извлекая из этого выгоды (*франц.*).

****** извлекают выгоду (*франц.*).

******* Я не присутствовал при споре, рассказала мне Надежда Павловна.

Стефан Маккенна, парижский корреспондент «New York World», интервьюировал Л. Н-ча. Л. Н. вечером рассказал Бирюкову, что передал корреспонденту содержание новой статьи [1]. Движ ние, которое в России происходит, будет иметь последствия, но не те, какие Великая французская революция — история не повторяется,— не замену одной насильственной формы правления другой насильственной формой (конституцией), но освобождение от насильственного правления, которое если при первой попытке и не удастся, то может удасться лет через 30. Признаки: неподчинение требованиям власти отдельных лиц, частей войск под Мукденом, на «Потемкине», у Небогатова, в Калуге. Одновременно с этим процессом идет другой — устройство своего управления. Русский народ отличается от западных: во-первых, тем, что не признает права собственности на землю; во-вторых, отвращением к правлению (власти). Он покорился власти и ждал от нее уничтожения крепостного права, как теперь ждет освобождения земли от собственности. Видя, что правительство не делает этого, проявляет пассивное противление его требованиям. Третье отличие — способность самому управлять своими делами (без центрального управления). Четвертое — религиозное... Знал Евангелие на пять столетий раньше западных народов.— Это пишу— сказал Л. Н.,— чтобы показать, в чем должна молодежь содействовать, помогать, не разрушать. Последствия движения в России будут огромные для всего мира.

Л. Н. получил письмо от Трегубова с образцами революционных статей (Хилкова и других), возбуждающих к убийству [2].

Вечером приводили в порядок карточный каталог библиотеки. Л. Н. спрашивал меня про тиф, который начинается в Ясной Поляне; опасается его распространения.

15 июля. Л. Н. получил почту из Тулы. Читал нам вслух описание бунта на «Потемкине» из «Le Journal» и брошюру Хилкова о том, как народу свергнуть правительство и забрать землю.

Л. Н.: Что́ на место правительства поставить, о том не говорит, ни о том, как распределить землю; к тому была бы нужна центральная организация, власть. Когда пишет против толстовцев, недобросовестно замалчивает, что они, пассивно не противляясь злу, вместе с тем создают отношения, не нуждающиеся в насильственной опеке правительства. Статья написана умно. Я хотел ему написать о ней, что она создает одно зло. Народу нельзя бороться с миллионом солдат. Карлейль рассказывает, что в Манчестере 80 солдат усмирило четверть миллиона рабочих.

Л. Н. читал еще из «Записок» Завалишина. Декабристы вспоминают жизнь в Чите как приятную. Жили совсем не как каторжные, только некоторые внешние формы соблюдались. Библиотека у них была — полмиллиона книг, одних медицинских — 4 000.

Я читал сегодня в первый раз «Силоамскую башню», но под измененным названием «Конец века».

Л. Н. спросил меня, что тифозные? Я же сегодня не посетил их. Надо быть совестливее в должности врача.

Вечером дал себя склонить и поехал провожать уезжающих барышень в Козловку, а следовало дома остаться, или слушать разговоры Л. Н. с Марией Николаевной, Софьей Андреевной, Павлом Ивановичем, или письма писать.

Л. Н. начал поправлять «Биографию» Бирюкова и писать от себя воспоминания. Пишет о себе в третьем лице [1]. Л. Н. сказал Александре Львовне, что завтра будет ей диктовать воспоминания.

Вчера Л. Н. сказал:

— Какие историки! О Хельчицком в истории нет и помину.

Бирюков: У меня есть толстая история моравских братьев. И там Хельчицкий не упомянут [2].

16 июля. Забыл день. Приехал Фролов, одушевленный идеями Л. Н., приезжавший в прошлом году; тогда — воспитанник Киржачской учительской семинарии, теперь — учитель. Л. Н. долго говорил с ним и остался доволен им.

Фролов привез свое философское сочинение. Л. Н. сказал о нем, что оно совсем плохое.

Вечером с 10 до половины 12 Л. Н. диктовал Павлу Ивановичу и Александре Львовне свои кавказские воспоминания для «Биографии» [1].

Л. Н. сказал мне:

— Как вы состарились со времени, как вы здесь! Подвижной, элегантный старичок.

17 июля. Воскресенье. Сегодня было у Л. Н. около 12 человек посетителей. Из них пять старообрядцев, три социалиста, один рабочий, три толстовца. Социалист (Рындин) указывал на их старания улучшить положение народа, на жертву этого старания — Журавлева.

Журавлев, рабочий, представился Л. Н. словами:

— Теперь я крещеный, то есть побыл в тюрьме (40 дней), и выслали меня из Москвы из-за ничего.

Л. Н. это не понравилось. После сказал нам о нем:

— «Теперь я крещеный»! Как не будешь бунтовать, когда такого человека хвалят. Вот такие люди имеют влияние на рабочих. А у социалистов-революционеров их деятельность, идеи — от праздности, тщеславия. И тут слабость людская.

Л. Н.: Стараться о Льве Николаевиче, как мне, Льву Николаевичу, справиться со своими пороками и жить по-божьи; все остальное приложится. А не стараться устраивать жизнь других.

Рындин: Вы ведь пишете письмо царю о Генри Джордже? [1]

Л. Н.: Это тыканье носом. Царь при власти, ⟨ я хочу⟩ ему показать, если уже властвуешь, как должен поступать. О Генри же Джордже обществу ⟨пишу⟩, что не видит самого главного в его социально-экономической программе. Я говорил Черткову, что моих сочинений печатать не нужно. Если пишу правду, она сама себе найдет ход.

Рындин опять заговорил о Журавлеве:

— Какая несправедливость — лишить человека, работавшего 17 лет на заводе, работы, пенсии! Теперь страдает. Что ему делать? В караульщики идти?

— Если вы это делали для бога, страдания должны радовать,— возразил Л. Н., обращаясь к Журавлеву.— Христос — пример. Если же для похвалы этих господ-интеллигентов, повторяющих только то, что пишут десятки лет заграничные газеты, тогда — страдание. Вы русский человек...

Рындин: Но правительство ведь зло поступает.

Л. Н.: Это известно, что такое правительство,— шайка разбойников!

Л. Н. с Рындиным заспорили ужасно. Л. Н-чу голос отказал, и он ушел, не договорив. На Журавлева это ужасно угнетающе подействовало. Он оправдывался, что не такой, не революционер.

Л. Н. мне вечером, играя в шахматы, сказал:

— Рассердился, нехорошо. Я в 77 лет не умею справиться со своими пороками. А вы в ваши года сколько вопросов еще и не затронули.

Позднее Л. Н. сказал:

— Я Хилкову написал, что его полемика с толстовцами (их не знаю — знаю Толстого) и социал-демократами меня тронула.

18 июля. Понедельник. Утром за чаем Л. Н. спросил:

— Что нового?

Иосиф Константинович прочел ему об американских работодателях-королях. Потом рассказал, как в Америке эксплуатировали не столько

духоборов (они были объединены), сколько галичан. Давали им подписать контракты, запирали снаружи вагоны, чтобы не могли уйти, и увозили их далеко на работу. При нем такой вагон загорелся, и люди в нем сгорели.

Ушли Дитерихс и Накашидзе.

Александра Львовна рассказывала, что третьего дня Л. Н. диктовал воспоминания о Кавказе добрый час с четвертью; когда кончил, махнул рукой и сказал: «Все чепуха».

Говорили о рассказах Чехова.

Мария Николаевна — о чеховском рассказе, герой которого списан с доктора Кувшинникова [1].

Л. Н. о другом рассказе — «Супруга»:

— Безобразный нравственно. Бывает так, но художник не должен описывать. Читает телеграмму к ней, узнает об измене. Ужасная сцена: она просит 25 рублей. У Чехова есть хорошие рассказы про детей: «Беглец», «Детвора» [2].

Л. Н. читал на днях в «Журнале для всех» воспоминания «Об А. П. Чехове» его брата [3]. Нравились ему, и рассказал:

— Ему ⟨Чехову⟩ присылали так же книги, как мне. Он все их отправлял в Таганрог, в библиотеку [4]. К чему вспоминаю о нем?.. Да! Он интересовался Ляпуновым — настоящим поэтом [5]. Я ему говорил об нем. (Перед этим была речь о Вере Арбузовой, вдове В. Д. Ляпунова.) Он даровитый был человек, шутя говорю: Некрасов «подражал» ему. Когда сопоставить Некрасова с Ляпуновым — Ляпунов больше владеет мужицким языком.

Вечером приехали Михаил Львович с доктором Голицыным (его свояком).

Л. Н. разговаривал за круглым столом, где сидела Мария Николаевна и поправляла для Павла Ивановича свои воспоминания. До этого я дал Л. Н. читать о пассивном сопротивлении — бойкоте китайцами американцев и американских товаров в Китае, чтобы добиться равноправия китайцев в Америке, и сообщение «Русских ведомостей» о попытках революционеров в Нижнем Новгороде возбудить народ к демонстрациям и забастовке [6]. Некоторые рабочие не хотели, боясь лишиться хлеба. Л. Н. прочитал в кабинете, вернулся в залу с вырезкой и номером «Русских ведомостей»:

— Страшное, лучше не читать! Я не напрасно сторонюсь газет.

Потом с отвращением и грустью сказал:

— Душан Петрович дал мне курить... махорку,— и замолчал, как если бы колебался, говорить ли дальше, или нет.

Мария Николаевна (ко мне): Как, вы дали ему курить? Ведь это вредно.

Я: Дал газету читать...

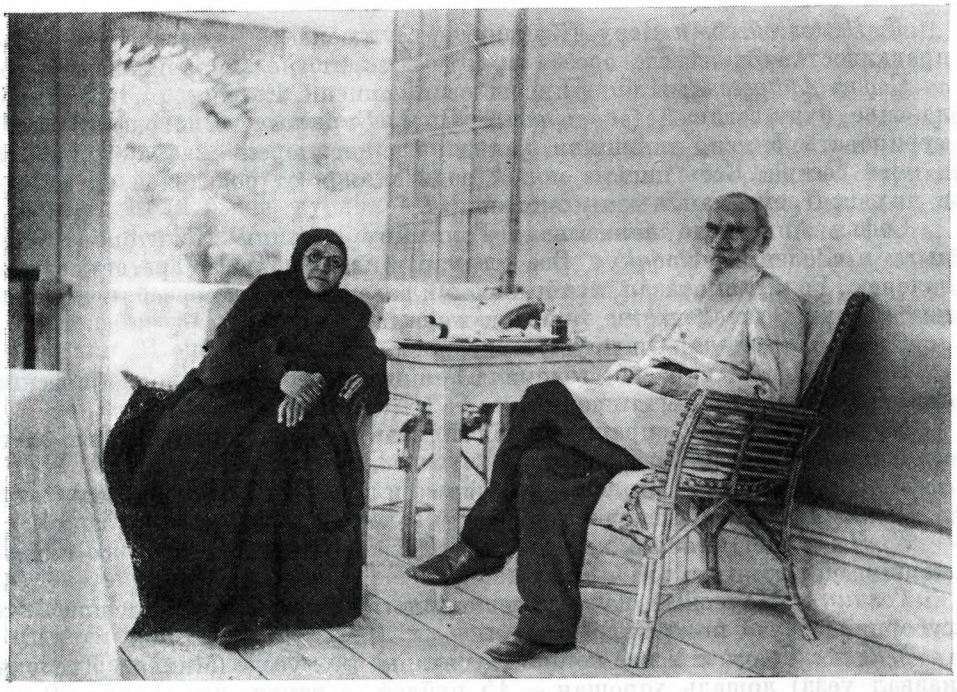
Л. Н. о беспорядках в Нижнем Новгороде.

Л. Н.: Получил письмо от Лебрена. Он разочаровывает меня, опровергает меня о гурийцах. Пишет, что батумские рабочие, распропагандированные социалистами, вернулись в деревню и подняли аграрное движение, и сейчас начали убивать [7]. Но так необъяснимо единодушие: выборы десятских, сходки в пять тысяч человек, успех — то, что арендную плату с 45 рублей понизили до 10 рублей. Образовалась артель дворян-пахарей.

Голицын два года тому назад приехал с Кавказа, интересовался гурийцами. Софья Андреевна стала ему рассказывать о письмах, о том, что вписала 160 новых книг в каталог, и т. п.

Л. Н. спросил Михаила Львовича, останется ли?

— А то,— сказал он,— мои сыновья приедут — и сейчас же уезжают, как фельдъегеря.



ТОЛСТОЙ И М. Н. ТОЛСТАЯ
Ясная Поляна, 26—31 июля 1905 г.
Фотография С. А. Толстой

«Под вечер приехала Мария Николаевна, сестра Л.Н. Ожидал встретить строгую, молчаливую, немножко даже суровую монахиню, а она самая милая, разговорчивая старушка...Сестра Л. Н. и по духу».— Запись от 10 июля 1905 г.

Софья Андреевна: Николай Павлович, прочитав «Севастополь в декабре», послал фельдъегеря, чтобы Л. Н. оттуда отозвать.

Бирюков: Этот факт сомнителен. «Севастополь в декабре» был напечатан позже.

Л. Н.: Нет, это так было. «Севастополь в декабре» был читан у императрицы, тетушки жили во дворце. Мне начальник артиллерии сказал, что ⟨мой перевод состоялся⟩ по приказанию государя. Я написал в декабре, и очень скоро появилось. Но, может быть, он в рукописи читал [8].

Потом Л. Н. позвал Павла Ивановича в комнату Александры Львовны и сказал, что будет диктовать на ремингтон свои воспоминания. Когда вернулись, Л. Н. спросил Марию Николаевну, где они жили в 1839 году? В 1837 году умер отец, в 1838-м — бабушка.

Мария Николаевна утверждала, что жили в Москве в каком-то доме не на Плющихе, а где-то в другом месте. Л. Н. сомневался [9].

Мария Николаевна вспомнила, как Л. Н. выпрыгнул из мезонина и остался лежать без сознания [10].

Павел Иванович: Пробовал летать?

Мария Николаевна: Нет. Чтобы удивить всех.

Л. Н. подтвердил это, а Софья Андреевна сказала:

— Правда, разумеется, чтобы удивить всех. Это так было.

Вспоминали врачей: Раевского, Бутурлина.

Л. Н.: Бутурлин напоминает мне Юрия Самарина, не исполняет то, чего бы можно было ожидать от него. Даровитый, умный, образованный. По медицине, что спросишь, знает, по истории, религии, философии...

Л. Н. (*за обедом*): Веру (Кузминскую) люблю за ее бессознательную правдивость, она всегда о себе правду говорит, не замалчивает ничего.

Софья Андреевна: Я буду писать свои записки, главное, о Льве Николаевиче, буду с вашей (*обращаясь к П. И. Бирюкову*) «Биографией» конкурировать. У меня источники, каких у вас нет: переписывала его письма к моей сестре. Есть письма мои к родителям и от родителей ко мне — в них вся семейная жизнь описана [11].

Софья Андреевна показывала Голицыну картины Похитонова «Чепыж» и «Зеленую палочку». Все его картины перейдут в Третьяковскую галерею. Голицын сказал, что нынешний заведующий галереей — поклонник модерна, декадентства — и покупает такие картины [12].

Софья Андреевна: Он друг Похитонова.

Потом Софья Андреевна говорила Голицыну про свои фотографические снимки. У нее 800 негативов, вписала их в каталог [13].

Михаил Львович спрашивал Л. Н., как покупали в голодный год хлеб и как кормили голодающих.

Л. Н.: Вагонами. Столовые устраивали в избах самых бедных [14].

Михаил Львович: Теперь тоже будет голод.

Л. Н.: Будет смят войной, то есть из-за войны не заметят его надлежащим образом.

Голицын: Неурожай на малых, но многих площадях 18-ти или 22-х губерний, карта пестрая.

Михаил Львович: У нас копна с десятины. В... уезде (Михаил Львович назвал уезд) лошадь хорошая — 15 рублей, а такая, что стоила 40,— теперь 8 рублей. Продают, пока есть подножный корм, боясь, что позже еще меньше дадут.

Голицын: Мужики разоряются, распродают скот.

За обедом говорили о Балацком, который уже три года, иногда каждый день подряд, присылает Л. Н. ругательные письма и неприличные картинки. На днях прислал посылку наложенным платежом на 90 коп. и письмо с предложением перемирия за 5 р. В посылке был ландшафт с голыми женщинами [15].

*Л. Н. расспрашивал Голицына про его жену, которая воспитывает сирот. Напомнил ему слова Сютаева о 50 тысячах безработных в Москве: «Разберем их по себе. Я возьму двоих» [16].

О земельной собственности Л. Н. сказал:

— Крепостное право было одно из злоупотреблений земельной собственности. Но корень зла — в земельной собственности. Крепостное право было уничтожено, когда нравственные требования не выдержали его; теперь начинает разрушаться земельная собственность.

19 июля. За завтраком Л. Н. с доктором Голицыным говорили о дяде Голицына. Л. Н. рассказал, что, встретившись с ним после долгого промежутка, первый вопрос, который он от него услышал, был: «Слышали о чуде? Какое случилось... с мощами?»

Голицын: Да, он с 60-х годов не двигался: как был славянофил, так и остался.

Л. Н. разговорился о славянофилах:

— У них на первом плане стояло самодержавие; на втором — православие; на третьем — народность. Уважение к русскому народу. Самодержавие представляли себе так, что царь — беспристрастный, третейский судья. О православии был между ними раскол: может ли оно развиваться. За то, что оно может развиваться, были Платонов, Соловьев. Уважение к народу... Западничество отталкивает,— сказал Л. Н.— Что скажут на Западе, повторяют у нас уже по тому ⟨одному⟩, что там

---

* Записано позднее.— *Прим. Н. Н. Гусева.*

сказано... А потом люди были прекрасные: Самарин, Аксаков-старший...

Голицын: Между западниками были тоже — Грановский, Герцен...

Л. Н.: Грановский ничтожный, как и Белинский. А Герцен был самобытный. Кончил славянофильством. Прошел через все то, что теперь делают революционеры, и к концу: нравственное совершенствование, уважение к русскому народу. Его писание прямое, блестящее, сверкает юмором. Если бы не дурацкое отношение правительства к Герцену, не было бы половины того революционного движения, какое было и есть...

Софья Андреевна перебила. Прочла, как в Курской или Харьковской губернии была экзекуция 20 крестьян, били розгами, и говорила, что все-таки везде повторяются нерешительные, насильственные действия крестьян. И еще прочла: «На площади поделили овес, иные увезли, другие сейчас начали возвращать его...» [1]

— Здесь пишут,— сказала Софья Андреевна,— что ты осуждаешь битье, а законом оно уже отменено.

Л. Н. (*после минутного молчания — ему больно было слышать про истязания крестьян*): Учат крестьян пока поступать с барским урожаем и землей, как со своими, как советует Хилков в своих двух брошюрах, а потом окажется, что не знают, как ее оставить за собой. И он ⟨Хилков⟩ — даровитейший между ними (революционерами). Его статьи написаны блестяще. Был так называемым толстовцем; переехав за границу (он был отпущен туда в Вейсенштейн из ссылки), подпал под влияние революционеров. Хотел возвратиться. Теперь показывает им (крестьянам): если уж делаете, так вот как.

Л. Н. сегодня был у Николаевых — проститься с Накашидзе и поговорить с Журавлевым, сгладить тяжелое впечатление от вчерашнего разговора.

Л. Н. говорил, что Рындин был у него в Москве и разговаривал с ним два часа.

— А я не помню его,— сказал Л. Н.,— должно быть, не показался близким, а то помнил бы.

Как любезны *все* Толстые к Бирюкову, Горбунову, Николаеву, Гольденвейзеру, ко мне!

Вечером после обеда Л. Н. пошел к Бирюковым проститься с ними. (Они уезжают.) По возвращении Л. Н. говорили о том, как живут мужики; что в Ясной Поляне в каждом доме есть вши.

Л. Н.: Когда я учил в школе, бывали и у меня вши, но я не очень обращал внимания на них. Когда сын Сютаева работал в Москве, на бурении артезианского колодца, по колена в воде целый день, и вечером был у нас, и я его оставлял ночевать,— ⟨он⟩ не хотел: «Потому я напущу вшей» [2]. То было бы освящением нуждой, вшами комнат, где праздность, роскошь, пресыщенность.

При расставании поцеловал детей Бирюковых.

С Марией Николаевной и Бирюковым за круглым столом вечером. Л. Н. старался установить, где они (Толстые) бывали в 1837—42 годах, и рад был, когда им удалось это сделать. Потом резюмировал итог. Павел Иванович записал себе. Вспоминал своих учителей: Федора Ивановича, Сен-Тома и Поплонского, который говорил: «Сергей и хочет, и может, Дмитрий хочет, но не может, а Лев и не хочет и не может» [3].

Мария Николаевна такая спокойная, уравновешенная, какие редко бывают. Выражение глаз, как у Герцена на портрете Ге [4], или у Кропоткина: правдивые глаза прямо глядят через очки.

Андрей Львович говорил отцу, что описания войны, военной жизни в «Войне и мире» поразительно подходят к маньчжурской войне. Читал вслух Марии Николаевне, и она думала, что читает о маньчжурской войне. Теперь то же осуждение медленности и отступления Куропаткина,

как тогда — Кутузова, тот же страх перед могущественными адъютантами.

Л. Н.: Только теперешнее отступление не кончится победой.

20 июля. Уезжали Бирюковы. Утренний чай они пили вместе с нами на террасе.

Навел Иванович: Не захватили ли мы тиф? (Брат хозяйки той избы, в которой они жили, болел этой болезнью.) Сколько дней инкубационная стадия? Мы старались проветривать, уходили.

Павла Николаевна: Случалось, я ходила за больным, когда никого дома не было. Раз видела, пошел на двор, упал; подымала его. В каких тяжелых условиях они живут! Корова мало молока дает, вши.

Л. Н.: Надо так пожить с ними тесно, как вы жили, чтобы увидать их бедность. В географии читаешь о Копенгагене, но есть ли он и что он такое, хорошо узнаешь, только если в нем побывал. О бедности народа слышишь, но узнаешь ее, убедишься в ней, только если с ним вместе пожил и особенно если приехал, как вы, из такой страны, как Швейцария, где бедных нет,— бросается бедность народа в глаза. Когда постоянно живешь с ними, приглядишься, не видишь, не замечаешь. Как это мне видно при моих условиях — как я живу чисто, просторно, сыто, а они...

Приехал В. А. Буланже. Л. Н. сказал о нем:

— Он второй (другой — сын Сергеенко), которого я знаю, который работает с работниками на земле.

Вечером Лебрен с Марией Александровной. Лебрен уезжает из Батума, где пробовал жить на земле. Земля не плодородная, фруктов тоже нет. Батум вымер от забастовок (и матросы бастовали). В стычках побито много народу.

Говорили о греческом языке.

Л. Н.: Только ленивый человек не выучится по-гречески. Если начать учиться со слов греческих, употребляемых в русском языке, то легко.

Лебрен привез подарки Л. Н., между ними — полотенце от женщины из секты прыгунов, живущей в прислугах, которая, прочитав «В чем моя вера?», с благодарностью посылает этот подарок. Лебрен не знал, что такое прыгуны, кроме того, что они признают рай в этом мире и Христа считают человеком.

Л. Н.: Прыгуны — это хлысты. Я о них читал хорошие записки человека, бывшего хлыстом [1].

Лебрен: Они любят читать Буниана. Что это такое?

Л. Н.: И пашковцы, баптисты, шекеры, квакеры любят его читать. Эта книга после Евангелия самая распространенная. Аллегорическое описание путешествия по «городам» зависти, покорности... Скука невообразимая! Мильтона тоже любят читать в Англии, а я никогда не мог дочесть. Так же и Данта (тоже аллегория). (Из-за аллегоричности же Л. Н. не понравился «Лабиринт света и рай сердца» Яна Амоса Коменского.) Хлысты, шекеры качаются, бегают, прыгают — для чего, не знаю. Квакеры сходятся молчать, и только если на кого «дух снизойдет», тот говорит, но это правило ведет к искусственному говорению.

Мария Александровна, Иван Иванович рассказывали о Нижнем Новгороде, как толпа врывалась в дома революционеров и расправлялась с ними; у нападающих были их адреса. От кого их получили? — От полиции.

Л. Н.: Они (революционеры) бежали в дома перед толпой, а она за ними. В «Русских ведомостях» читал. Полиция, правительство не такие злые, как о них судят. Везде, у Гольденвейзера, от ⟨его⟩ брата постоянно слышу брань на полицию, приписывание ей всяких злонамеренных планов. Когда армян режут, говорят, что турецкое правительство натравляет на них курдов. Я этому не верю. Правительство не может желать

истребить целый народ. О Баку то же самое говорили, что власти науськивали татар против армян. Мне было очень приятно слышать от Кузминского, что ничего подобного не было. Он получил письмо от революционеров с жалобой. Он выслушал 80 свидетелей, и ему хотелось узнать правду, в том я уверен, и он не нашел ничего другого, кроме бездействия властей.

Лебрен: Ведь этого достаточно.

Л. Н.: Я его спросил, как он себе объясняет эту междоусобную резню? Ответил: растерянностью и трусостью. Городовые, видя толпу с кинжалами, ружьями, побоялись ⟨вмешиваться⟩.

Лебрен сравнивал революционное движение на Кавказе с землетрясением.

Л. Н.: Скорее это не землетрясение, а весеннее наводнение, потоп. Думаешь, как это разрешится? Сделается, что нужно, и будет хорошо.

Лебрен: Надо бежать в горы.

Л. Н.: В Евангелии сказано, что настанет конец века. Под «веком» я понимаю мировоззрение. Конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей. Настанет голод, смуты, и охладеет любовь [2]. Теперь охладела любовь. Надо ли бежать в горы? — никуда не надо бежать. Оставаться, где есть. Свойства народа и «конституция» уже выбраны для нас. Сам не имеешь никакой заслуги в том, что бога лучше знаешь. Он сам открывается. Нет причины ни быть гордым, ни осуждать других. И свобода воли только в этих ограничениях. Не быть ни на той, ни на другой стороне, а на стороне бога. Нельзя нам знать, что будет завтра с нами. Как же предвидеть и хотеть устраивать ⟨жизнь народа⟩! ⟨Думать⟩, какое будет правительство, что выйдет из правительства?!

21 июля. Четверг. Утром Л. Н. гулял по саду. Утром приехал Страхов и уехали Лебрен и Мария Александровна. После обеда чрезвычайно интересный разговор Л. Н. со Страховым. Вечером были Гольденвейзеры, Александр и Николай Борисовичи с женами. Были до 12.30. Очень долго. Старший брат излагал философию, наверно, все то, что у Л. Н. в мизинце — широко, далеко. Л. Н. слушал из уважения.

Записываю только некоторые слова Л. Н.:

— «Сколько ног у козявок — знание таких вещей занимает место, нужное для иных знаний»,— говорит Лихтенберг [1].

— Мне математика очень трудно далась, потому я был хорошим учителем математики.

— Какое время у наших антиподов теперь, когда у нас 10 часов вечера, можно по телеграфу спросить: 10 часов завтрашнего ли или вчерашнего дня,— не знаю, и так и умру, не узнав.

П. А. Картавов из Петербурга прислал Л. Н. 11 номеров «Современника» 1852 г., где появилось «Детство» [2]. Мария Николаевна рассказала, как Тургенев у них читал вслух эту повесть, когда она только что появилась, а они с Сергеем Николаевичем переглядывались:

— Кто же это мог написать, ведь это описание нас, как мы жили в Ясной Поляне? Решили, что это писал Николай.

Им и в голову не приходило, что это мог написать Л. Н-ч.[3] Л. Н. тогда шатался в Туле, проиграл в карты большой дом, потом Николай позвал его на Кавказ.

Л. Н. говорил о математике, тригонометрии, о философии Канта с Николаем Борисовичем и Страховым.

Л. Н.: В математике требуется точность, а в философии — религиозно-нравственность, она так же нужна.

Л. Н. (*Страхову*): У меня фантазия, что евреи в старые времена (ветхозаветные) были передовым религиозным народом, а со времен Христа потеряли способность понимать высшие религиозные истины.

Страхов: А Иисус ведь из них же вышел.

Л. Н.: Да. Я сказал, что это у меня фантазия.

22 июля. Сегодня Софья Андреевна с Александрой Львовной уехали в Таптыково, а вчера Юлия Ивановна — в Пирогово. Остались дома Л. Н., Мария Николаевна, Страхов.

Л. Н. нашел в «Вопросах жизни» статью о Леонтьеве, и Страхов читал ее вслух [1].

Л. Н.: Леонтьев стоял головой выше всех русских философов.

Был разговор о женщинах.

Л. Н.: Прежде было, и теперь у магометан: жена под насильственным внушением мужа. У нас ⟨сейчас⟩ наоборот. Все ряды полны предметами роскоши для женщин... Хорошая женщина желает рожать детей и поэтому в духовной жизни не может равняться мужчине. Должна добровольно подчиняться внушению мужчины.

Л. Н. читал за обедом письмо Лебединского, бывшего вчера. Пишет ему, что он, Л. Н., на стороне губителей (консерваторов), а что он (Лебединский) готов уничтожить своих детей, лишь бы содействовать освобождению страны.

Л. Н. принял его вчера холодно — еще тогда не получил его письма. Лебединский — бывший учитель; вероятно, параноик. Раньше писал Л. Н-чу, что нуждается в двух тысячах рублях для устройства свободной школы, а когда их не получил, написал Л. Н-чу ругательное письмо, после которого явился к нему с улыбкой, между тем как его другое злое письмо было в дороге [2].

Л. Н. сегодня нарушил свой режим — читал газету: в «Новом времени» фельетон о Французской революции. Резюме Тэна: Марат был сумасшедший; сумасшедшие имеют влияние на толпу [3].

Открыв журнал «Вопросы жизни», Л. Н. прочел из него стихотворение и сказал: Удивительная чепуха! [4]

Мария Николаевна удивлялась, на что идет бумага, труд типографов, работа. Л. Н. сказал, что на «Вопросах жизни» видно, до какого декадентства дошло искусство.

Страхов спросил об отношении нравственности к искусству.

Л. Н.: В воспоминаниях об Антоне Павловиче Чехове читал, что он на такой вопрос ответил: нравственность для художника то же, что большой или маленький нос [5]. Я Чехова понимаю: у художника впечатления сильнее, он может их выразить... Нравственность — чувство... При отсутствии религии и нравственности живопись пейзажей могла достичь такого значения. Ведь пейзаж — только фон... Можно бурю нарисовать, когда изображаешь какое-нибудь злодеяние...

— Вы компонируете? — спросил Л. Н-ч Страхова.— Не надо. Предоставьте ⟨это⟩ выдающимся композиторам. Когда слушаешь романсы Сережи, Чайковского и сравнишь их с романсами Шуберта, некоторыми Шумана, в глаза бросается разница.

Вечером Страхов читал свои статьи Л. Н-чу. Л. Н. их критиковал, делал замечания и предлагал поправки.

Вчера, когда Л. Н. просматривал «Современник» 1852 года, сказал, что на тогдашних писателях видно хорошее влияние Диккенса.

Сегодня Л. Н. посетил тифозных больных в Ясной Поляне (в шести дворах десять больных).

Л. Н. «в пятидесяти словах», как он выразился, рассказал Марии Николаевне сущность освобождения земли по Генри Джорджу. Можно сейчас начать и в десять лет постепенно осуществить. Если бы царь на что годился, сделал бы это.

23 июля. Суббота. Приехали братья Софьи Андреевны [1] и Кузминская с дочерью и сыном. За обедом Л. Н. читал вслух «Тяжелое бремя» (так

прежде называлось «Дорого стоит») о Монте-Карло своим шуринам, любящим туда ездить. Смеялись. Сергей Львович и Страхов играли на фортепьяно. Сергей Львович играл «Венгерку» Брамса, в ней словацкие песни; Страхов сказал ему, чтобы не играл, что он этого не любит.

Л. Н.: А я очень люблю.

Страхов спрашивал о свободе воли и после разговора он резюмировал:

— Значит, человек в свободе воли зависит от бога (он в божьей воле). Когда ей подчиняется, свободен; значит, опять детерминизм, но не материальный.

Татьяна Андреевна сомневалась в вечной жизни.

Л. Н.: Как варение (приготовление пищи) не сразу придумано, а веками совершенствуется, так и религиозно-нравственное учение. Эпиктет, Марк Аврелий и т. д. Медленно развивается.

Вчера Л. Н. со Страховым разговаривали о фельетоне «Нового времени» от 20 июля — «Царство толпы» С. Смирновой.

Л. Н.: Толпа, даже если состоит из умных, развитых людей, много ограниченнее каждого из них в отдельности.

Л. Н. сегодня бежал от стола под вязами к дому «наперегонки» с шуринами.

24 июля. Воскресенье. Приехал Абрикосов с женой.

Л. Н.: В «Times» появился «Великий грех». Слово «грех» перевели не «sin» (это что-то личное), а «iniquity»*[1]. В «Daily Chronicle» реферат довольно плохой [2].

25 июля. Л. Н-чу нездоровится. За обедом удивлялся, что мясоедение так держится.

— Инерция. Как ответить ребенку, когда ему внушаем не мучить зверей, птиц, кошек, на вопрос: «Почему режем животных для еды?»

26 июля. Вторник. Утром я был у Страхова в Овсянникове. Работа над корректурой «Круга чтения» радует его. Пополудни в Телятинках — у Гольденвейзера. Пришел пешком туда и Л. Н.— а жара — поиграть в шахматы. Когда пил чай, Л. Н. поблагодарил Гольденвейзеров за то, что обратили его внимание на рассказ Герцена «Долг прежде всего» [1].

— Вечером будем читать его вслух,— сказал Л. Н.

Поговорил со старшим Гольденвейзером, Николаем Борисовичем, о Канте [2]. Л. Н. сказал приблизительно так, что его, Канта, главная мысль в «Критике практического разума»: нравственный закон — основа всего. Свобода нужна ради него. Отсюда гипотеза, что если есть нравственный закон, то должен быть и создатель его — бог.

Надежда Афанасьевна (Гольденвейзер) подошла с газетой и сказала что-то о беспорядках, об опровержении какого-то убийства.

Л. Н.: Давайте говорить об орфографии, не о политике.

За обедом С. А. Стахович, Мария Николаевна, Абрикосовы, Софья Андреевна, Александра Львовна и я. Софья Александровна рассказывала о статье Мережковского в «Русском слове», посвященной Чехову. Мережковский хвалит его простоту, которой не достигли ни Тургенев (мало старался), ни Толстой (слишком старался), и его несравненное искусство художественно описывать природу. Приводит примеры, но как раз самые искусственные, неестественные [3].

Л. Н., в связи с Мережковским, вспомнил, что́ декадентского читал в «Вопросах жизни», и сказал:

— Все это декадентство — полное сумасшествие. Тут некоторая ограниченность — не преувеличиваю — есть и малообразованность, пожалуй; необразованности нет.

---

* несправедливость (*англ.*).

Там же читал о Константине Леонтьеве, славянофиле. Он был в Оптиной Пустыни в послушании у Амвросия (Абрикосов сказал: «Предшественник Амвросия — Макарий, которого описал Достоевский» [4]).

— Я его знал (Леонтьева), очень интересный человек,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Вечером, если будет охота слушать, будем читать рассказ. Герцена «Долг прежде всего». Нет ничего подобного в русской литературе. «Кто виноват?» — робкое, это — бойкое...

С. А. Стахович рассказывала о брате Александре, что должен был ехать в Маньчжурию, а не поехал, потому что ждет, что будет в Петербурге с Земским собором.

Л. Н. пошутил о конституционном Земском соборе в том смысле, что не надо о нем говорить.

Софья Александровна дальше говорила о брате, какой он хороший отец, с каким доверием к нему относятся дети, все тайны ему поверяют.

Софья Андреевна: Лев Николаевич, и когда писал романы, находил время обширно и часто писать детям. Всегда старался, заботился о них. Если Миша двойку получал в Петербурге, огорчало его [5].

В половине десятого Л. Н. не было.

Софья Андреевна: Где старик? Ушел по направлению к лесу и не возвратился. Все время так делает!

Я пошел его искать; когда вернулся, Л. Н. уже был дома, взял меня за руку и повел в кабинет:

— Искал вас, нарочно заходил к вам, хотел поговорить с вами, не трудно ли вам?

— Нет, бывает, как я вам уже говорил: тогда, когда я собой недоволен.

Х. Н. Абрикосов говорил о матросах с «Потемкина», оставшихся в Румынии: один из них писал, что пять дней голодали и что в Румынии им дадут по пяти десятин.

Л. Н.: С радостью им дадут.

Софья Александровна рассказывала о подстрекательстве народа где-то и о радости газет из-за неудач правительства.

Л. Н.: Подстрекательство это ужасно неприятно, потому что видишь, что люди, которые делали пакости в тысячу раз хуже, радуются, когда могут упрекнуть правительство, и обвиняют его в делах, где оно не виновато. Похитонов рассказывал, как на его глазах в Минске убили пристава и в тот же день троих полицейских из-за угла. ⟨Убийцы⟩ скрылись. Как же полицейским не бояться! В кишиневских событиях обвиняют правительство, будто бы ⟨было⟩ письмо Плеве. Я этому не верю. Лебединский мне писал: «За свободу готов убить родителей, жену, детей». Письмо Ивана Михайловича (Трегубова) о стачках. Стачки — всегда столкновение. Это ужасное настроение молодых людей [6].

(Л. Н., когда писал «Великий грех», имел в виду русскую молодежь, чтобы указать ей поприще для работы, а «Великий грех» появился в «Times» и прошел незаметно. А в «Русской мысли», где появился по-русски в июле, редактор оговорил в примечании, что редакция не согласна со статьей, но из большого уважения к Л. Н. помещает ее [7].)

Л. Н.: Писал и пишу о декабристах. Декабристы хотели освобождения крепостных и готовы были жертвовать своим положением (помещичьим). Теперешним же нужно право болтать [8].

Я подал Л. Н. «Новое время» с двумя интересными статьями.

Л. Н. не взял: бог с ним!

А когда Софья Александровна посоветовала ему прочесть эти статьи, сказал:

— Как отвыкший курить, дорожу чистотой, свежестью умственной. Нет ни запаха табаку, ни коричневого цвета усов. Татьяна Андреевна читала газеты,— продолжал Л. Н.— Ну что? — спросил я ее.— «Газеты

ДОМ М. Л. ОБОЛЕНСКОЙ В ПИРОГОВЕ
Фотография М. Л. Оболенской, 1904

«За обедом было решено сегодня же ехать в Пирогово (35 верст)». — Запись от 2 августа 1905 г.

теперь скучные».— «Как скучные? — отозвался Сережа,— ведь убили Быстрова».

Софья Александровна: В Англии дама спрашивает читающую газету: нет ли nice death? *

Л. Н. (*Софье Александровне*): Рад бы вам дать книгу Завалишина. Это удивительная книга. Писать о декабристах, не зная этой книги, нельзя. Открывает глаза.

Еще говорили о теперешних разводах.

Л. Н.: На своем веку пережил три отношения к супружеским несчастьям. Первое — период чести: ни о чем не разговаривать, терпеть и не думать, что можно переменить (борьба и страдание). Второй фазис — романтический взгляд (40-х годов) — страдания. Третий — страдания, разногласия не переносить, а сейчас же развод.

За чаем Л. Н. читал вслух растроганным голосом первую главу из «Долга прежде всего» Герцена. Об участи крепостных.

— Я это помню: обоз с дровами (привезли барину в Москву) — эта первая глава превосходная, удивительная [9],— сказал Л. Н.— Это читать теперешней молодежи. Далее скабрезно.

Л. Н. любит все быстро делать — например, читать вслух.

Л. Н. как-то сказал:

— Какая завидная работа у мужиков — молотьба: чистая солома, зерно [10]. Но и самая трудная работа эта.

27 июля. Среда. Приехали два генерала: Кун, директор тульского оружейного завода, и Бестужев-Рюмин, бывший директор этого же завода. Бестужев — панславист и спорил все время о том, чего Л. Н. не утверждал. Говорил за обедом и за чаем о Генри Джордже, о стачках на оружейных заводах, о конституции, об униатах, о веротерпимости.

Бестужев-Рюмин говорил, что в «Times» была статья о Толстом и его проекте разделить землю между обрабатывающими ее своим трудом.

---

* приятной смерти (здесь: казни) (*англ.*).

«На какой ступени Россия, если Толстой предлагает такие неосуществимые меры»,— пишут в «Times» [1].

Л. Н.: Этого я не писал. «Times» — газета консервативная. В том же номере, где моя статья («Великий грех»), разбивает меня вдребезги, приписывая мне другие мысли, чем те, какие есть в моей статье. Недобросовестность ужасная. Генри Джордж предлагает освобождение земли. Это огромный писатель. Это эпоха умственной жизни. Он замолчан. Его разрешение земельного вопроса так практично, это на всю жизнь человеку — посвятить себя этой работе.

Софья Андреевна изложила вкратце суть проекта Генри Джорджа, добавив, что она против него, потому что ее дети, которые жили до сих пор с земельной собственности, лишились бы ее.

— А ваши генеральские дети не лишились бы пенсии, ни дети фабрикантов — фабрик,— сказала она.

Л. Н.: Если бы они тут жили, то находили бы средство для жизни с доходности земли, так и их дети жили бы. Землю отнимать не будут.

Л. Н.: Мы здесь видим рабов, которых мы сделали (которые на нас работают), а англичане их не видят — они в Индии. Николаев хотел возражать Герценштейну на его статьи, но я ему отсоветовал [2]. Это так глупо, это такое вранье, как вы сказали... Дам вам книгу Генри Джорджа, прочтите. Излагать не буду. Проект Генри Джорджа, как закон тяготения Ньютона (гравитация), который в его время вызывал возражения.

Бестужев-Рюмин рассказывал о стачке на оружейном заводе в Сестрорецке, как ее раздули газеты, а была вызвана агитацией мальчишки Фейнштейна и еще двумя студентами. Газеты, дело которых денежное, раздувают, сеют злобное раздражение, неспокойствие.

Л. Н.: Революция задерживает эволюцию. Из тех идеалов, которме поставила себе задачей Французская революция, некоторые только теперь начинают осуществляться (подоходный налог, отделение церкви от государства...). Уничтожение сословий, равенство перед законом установлено давно.

Говорили о заработках рабочих на тульском оружейном заводе.

Л. Н.: Слесари — аристократы среди рабочих.

Кун: Зарабатывают до 200 рублей в месяц. 30 рублей не считается для них заработком.

Л. Н.: Переворот происходит нравственный. Выйдет то, чего нельзя предвидеть (неожиданное и хорошее). Есть страдания, как боли при родах. Надо со смирением переносить их.

Была речь о статье Леруа-Болье в «Courrier Européen». Он пишет, что русские интеллигенты просят французов не предоставлять займа русскому правительству, пока оно не даст конституции и не заключит мир с Японией[3].

Л. Н.: Леруа-Болье и западные люди — староверы, старообрядцы, воображают, что без конституции нельзя. А конституция что может? Похитонов — очень милый человек, жил в Париже 20 лет — рассказывал: выборы в парламент стоят 100 тысяч франков, судьи подкупные. Славны бубны за горами! Лебединский продавал чертковские издания около русского собора в Париже, был выслан из Франции, узнал «свободу»[4].

Л. Н.: Интеллигенция русская прошла весь путь, который сделал Запад. Русский народ пока не тронут.

Бестужев-Рюмин говорил по поводу закона о веротерпимости, что русским попам воспрещает обращать униатов в православие, а католикам в католицизм позволяет, т. е. католики о том стараются; значит, закон нехороший.

Л. Н.: Дает равные права (по существу). Так и должно быть. Нам ли это говорить? Что делали в Остзейских провинциях: ссылали пасторов, венчавших лютеран, числившихся православными. Если же католики делают что противозаконное, на это есть уголовный закон. Аналогично в имущественном вопросе — нужна равноправность. Если евреи, кулаки допускают нарушения, в том не виноват закон равноправия. Какая же вера может быть гонима? Вера — отношение человека к богу; если его (верующего) будут преследовать, тем сильнее будет его вера. Стало быть, вы говорите не о вере, а о каком-то внешнем деле — хождения в церковь. Какая веротерпимость? Вера в душе каждого человека. Вера — то, во имя чего живут. Вы говорите: «Униатов выдали католикам!» У католиков давно была инквизиция, но теперь ее нет. У нас же — за последние три царствования — тюрьмы, ссылки за веру. Миллионы хлыстов и других ⟨сектантов⟩ скрываются под именем православных. Теперь по закону о веротерпимости павловцам как живется! Был здесь Мельгунов, рассказывал [5]. Читайте Пругавина...

Когда Бестужев-Рюмин с Куном уходили, Л. Н. просил Бестужева-Рюмина прислать ему письма его дяди-декабриста, одного из пяти казненных, которые у него есть в копиях [6].

28 июля. Четверг. Л. Н. заблудился в лесу, сокращая путь от Лихвинской железной дороги. Должен был вернуться в половине пятого к купальне, а вернулся в 6. Сделал 15 верст. Обедали без него, он спал. Софья Андреевна рассказывала, как Мария Николаевна дешево продала крестьянам землю (по 90 р. за десятину).

Мария Николаевна: Это меня Лев и Коля (Н. Л. Оболенский, внук) к тому уговорили.

Софья Андреевна: Ее дети бедны, а крестьяне благоденствуют. Варенька беднее любого мужика, а она продала по 90 рублей десятину.

Л. Н-ча посетил В. А. Медведев, москвич. Хотел работать в Ясной. Л. Н. ему отсоветовал резкую перемену городской жизни на деревенскую. До сих пор в деревне нет интеллигентного общества.

Софья Андреевна ему сказала:

— Вы представляете себе Льва Николаевича все еще работающим в поле, а он перестал года три-четыре тому назад. А раньше, до 1881 года, летом не писал. Так и проводил все лето за хозяйством, с детьми, гостями, за чтением.

Вечером Л. Н. читал вслух вторую главу «Долга прежде всего» Герцена.

Л. Н. с сестрой разговорился о священниках.

— Прежние,— сказал Л. Н.,— были люди своей среды, теперешние испортились. Они мировоззрения светского, никакой разницы между ними и интеллигенцией. Пироговский батюшка мне говорил: «Как приятно весной босым пахать, земля греет!» Теперешние бы не пахали.

29 июля. Пятница. Коллапс у Ильи Цветкова, 17-летнего единственного работника семьи, хотя и пропойцы. Л. Н. им нанял работника-косца и дает молоко и т. д. Вся семья, мать и три ее дочери, больны тифом.

Вчера Л. Н. говорил, что, когда была итальянско-французско-австрийская война, сражение у Сольферино, все хвалили французское войско как образцово вооруженное и обученное. Когда их пруссаки победили, сейчас же французское войско оказалось плохо вооруженным и обученным

В сегодняшних газетах: в Херсонском дисциплинарном батальон солдаты убили начальника из-за бесчеловечного обращения и воровства одежды, продовольствия.

Приехал Лебрен, долго беседовал с Л. Н. за обедом. Был еще молодой человек, привезший чертковские книги.

Потом Лебрен читал «Великий грех» и говорил Л. Н., в чем не согла-

сен. Первое — в том, что русские, вообще славяне, призваны сказать новое слово.

Л. Н.: Это я не раз высказываю, оно так мне кажется.

Лебрен: Второе — что русский народ более христианский, чем другие.

Л. Н.: Это не ясное сознание отдельных лиц, а непосредственное чувство большинства, массы. Кто-то рассказывал, что небогатовские матросы отказались стрелять в японцев и начали только тогда, когда в них стали стрелять свои, русские. Об этом докладывал Рожественский. Под Мукденом сдался целый корпус.

Л. Н. благодарил Лебрена за замечания, поправит кое-что по ним [1].

Л. Н.: Я читал «Буши-до» («Душа японского народа»). Это кодекс нравственности самураев: преданность микадо, рыцарская честь, харакири, даже освящение мести... Оно написано намеками и насмешками над христианством и поверхностным щеголянием знаниями. Трудно читать, но оно все-таки самое лучшее, что читал японского [2]. А стараюсь читать все японское, ища хорошего.

Записываю еще некоторые слова Л. Н., сказанные сегодня:

— Война, колонии, все обостряющаяся борьба сословий — сумасшествие. Молодым людям, которые хотят поступать в университет, говорю: «Идите, куда хотите, только не в университет. Это такое образование, где все ужасы, самые скверные, представляются естественными мерами».

— Во Франции, когда смута надоела всем, выдвинулся Наполеон. Надоест всем беспокойство, как уже нам начинает надоедать (события в Нижнем Новгороде и по деревням, где противятся подстрекателям), у нас тоже так будет. Будет династия Петрункевичей: Петрункевич I, у него есть наследник,— говорил со смехом Л. Н.

Вечером читали вслух Герцена: «Доктор, умирающий и мертвые». Первую главу читал Гольденвейзер, остальные — Л. Н., медленнее, чем обыкновенно, с большим воодушевлением [3].

30 июля. Я был у Николаевых. Сергей Дмитриевич занят статьей о Генри Джордже, опровергает нападки Герценштейна. Хотя Л. Н. отсоветовал ему писать, говоря, что это не нужно, но Сергей Дмитриевич хочет попросить его поправить статью и уверен, что Л. Н. поправит.

Л. Н: Завтра приедет французский католический аббат Морель, был в Богучарове у Хомякова, это отчасти рекомендует его.

— Как по-французски «искупление»? — спросил Л. Н.— Rédemption?! Этого слова иногда не могу вспомнить, а в разговоре нужно будет.

Гольденвейзер: Как въелось это «искупление»! Без того, чтобы не затронуть этого вопроса, разговор со священником не обойдется.

Л. Н.: Да. В беседах с пашковцами, баптистами я говорил: «Я готов согласиться, что Иисус своей святой жизнью и принесением себя в жертву за правду дал нам пример, как жить, искупил нас».— «Нет, нет, он искупил нас своей кровью»,— возражали.

Л. Н.: Перед обедом были три слесаря из Тулы, два умных, а один недалекий, который говорил только о том, что не может больше заработать. Я начал им читать «Как освободиться рабочему народу?» и дал им. Был и мужик-погорелец, настоящий серый. Я им сказал: «Если бастовать, то вот кому надо, мужикам. Вы вот в каких пиджаках, выпили уже и водочки, вы в сравнении с ним — господа». Согласились.

Привезли с почтой четыре огромных тома «Истории Александра Первого» Шильдера [1]. Много картинок. Л. Н. просмотрел и сказал:

— История Александра Первого интересна в начале и конце, но в ущерб им отводится много места и внимания войнам 1807—1814 годов.

Взглянув на портрет Павла, сказал:

— Он очень мил [2].

ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ М. Л. ОБОЛЕНСКОЙ
На террасе – М. А. Шмидт
Ясная Поляна, 26—31 июля 1906 г.
Фотография В. Г. Черткова

Софья Александровна: Лицом?

Л. Н.: Просто личностью, не хуже Александра Первого. (Об Александре Первом Л. Н. говорил, что тот вел развратную жизнь.)

Увидя портрет Филарета [3], Л. Н. сказал:

— Я его посетил в Москве. Посетил тогда трех знаменитостей: Ермолова, Филарета, Ивана Яковлевича... (я не расслышал фамилии) [4]. Филарет благословил меня образом. Горчакова, которая меня водила, даже ревновала: ее двух сыновей не благословил.

Потом читал вслух из Герцена какой-то рассказ, начинающийся воспоминаниями детства [5]. Герцен, Тургенев — сверстники, их воспоминания простираются до времени Екатерины, наши — до Александра.

О рассказе Герцена Л. Н. сказал:

— Все это удивительно хорошо и просто рассказано.

Софья Андреевна: Должна прочесть, чтобы видеть, как я должна писать воспоминания. Лев Николаевич ездил с двумя милыми учениками,

Черновым и Морозовым, в Оренбургскую губернию. Возвращаясь, он оставил их у нас в Кремле и был очень доволен, как за ними барышни ухаживали [6].

Л. Н. дал мне для ответа два письма.

— Третье,— сказал Л. Н.,— на него сам отвечу. Жалуется на импотенцию; хочу ему ответить, что ведь это должно быть желательно [7].

Гольденвейзер играл Марии Николаевне Бетховена и Шопена [8].

31 июля. Воскресенье. Уехала Мария Николаевна, не бывшая в Ясной до нынешнего приезда два года. Прощаясь с Л. Н., оба поплакали, их осталось уже только двое: Сергей Николаевич умер прошлой осенью. Звала Л. Н. посетить ее в монастыре. Л. Н. сказал, что будет рад побывать у нее. Мария Николаевна говорила, что их игуменья его уважает, она бывшая гувернантка.

Л. Н. сказал, что в Пирогове не был со смерти брата.

— Должен посетить Машу, Веру, Марию Михайловну и Мишу. Жутко мне думать о Пирогове без брата.

С Марией Николаевной всем было очень приятно. У нее глаза правдивые и добрые, как у Кропоткина. Ее добрая улыбка, спокойствие каждому милы. Софья Андреевна говорила, что за 43 года замужества никогда ничего не было между ней и золовкой.

Л. Н. рассказывал:

— Моя сестра видит во всем таинственное, вот почему она это видит также и в основании женского монастыря. Ходили к отцу Амвросию две барышни с прислугой; он сказал им, чтобы так не ходили, а лучше, чтобы купили имение Шамордино недалеко от монастыря, в 12 верстах, и там жили. Они так и сделали. Умерли от дифтерита, и из Шамордина вырос женский монастырь, в котором живет 700 монахинь.

Под вечер приехали Страхов и Горбунов. Л. Н. был им рад, и, когда кончили занятия над корректурой и «Недельным чтением» «Круга чтения», он им сказал: «Друзья мои милые!»

Л. Н. говорил о Герцене:

— Какой художник! Как он описывает французскую революцию 48 года! Пишет, что, если бы Кавеньяк и не подавил ее грубым насилием, она все равно бы лопнула, так как у нее не было никаких других идеалов, кроме социально-экономических <!>[1]. В нашей революции то же отсутствие идеалов, даже требования революции 48 года помельчали; тогда имелся в виду коммунизм, в теперешнее же время — социализм: вместо девяти — семичасовой рабочий день. Великая революция после освобождения от крепостничества, после освобождения от попов.....*

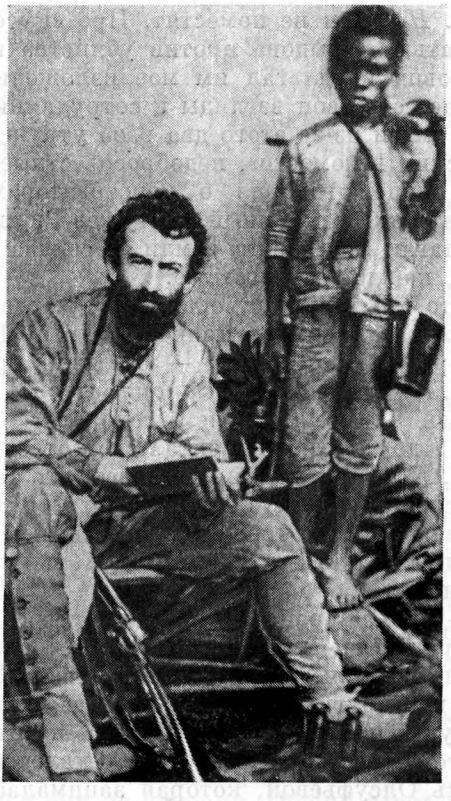
Потом нам: Ивану Ивановичу, Страхову и мне — прочитал из Герцена характеристику революционеров (профессиональных), написанную с юмором. Смеялся над названием революционеров «консерваторами в революции» [2]. Точь-в-точь наши консерваторы либерализма — консервативные либералы. Они набрались европейского духа и остановились.

Горбунов сказал, что «Новое время» напечатало бы эту статью, если бы ему на нее показали. Недавно перепечатало из Герцена статью «Америка и Сибирь», в которой предсказывается двум юным народам будущность [3].

Я попросил Ивана Ивановича переслать корректуру «Круга чтения» Габриэле Фоустковой для чешского перевода [4]. Горбунов обещает, только не знает, хватит ли оттисков (делается десять экземпляров: три — Черткову, один — Шкарвану, два — Л. Н.). Жалел Иван Иванович, что Чертков не делает английский перевод и что совсем не интересуется «Кругом чтения», только новыми тремя рассказами в нем. Как ему англий-

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*



Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ
Переснимок М. Конарского (Москва) с фотографии 1870-х годов

«Вечером Л. Н. просматривал фотографии, сделанные Софьей Андреевной, и другие (около 200)... Рассматривая их, Л. Н. рассказывал о разных лицах»... О Миклухо-Маклае: «Это человек, который совершил величайший подвиг: поехал к диким, уничтожил оружие и стал с ними жить и запретил им воевать; они послушали его.»—Запись от 10 августа 1905 г.

ский издатель отказал от условия «No rights reserved» *, махнул рукой. И к «Великому греху» отнесся безалаберно, Гольцеву поздно послал рукопись, не известив его, когда появится в английском переводе. Если послать «Круг чтения» Мооду, который бы его охотно издал, что бы сказал на это Чертков? Спорят между собой: чей Толстой, как церкви — чей Христос. Грустно, что это так.

В полночь Л. Н. пошел гулять по парку. Софья Андреевна вышла послушать на балкон, не возвращается ли он. Услышав его в парке, окликнула его:

— Это ты свистишь? Я в первый раз в своей жизни услышала, как ты свистишь.

1 августа. Утром Л. Н. поручил Страхову прочесть Хельчицкого и по своему усмотрению сделать поправки. Страхов нашел Хельчицкого великолепным, нечего поправлять, но совсем нецензурным — из-за него может цензура всю книгу [1] задержать.

Л. Н.: Я был у Николаевых. Он придет вечером читать свою статью. Она длинная. Герценштейн — тупоумие, наглость, невежество. Тупоумие, глупость, присущая именно ученым-профессорам. Не знает Генри Джорджа, а пишет про него; не знает, что такое «рента». Николаев взял его в когти и не выпустит, он умница, логично, последовательно рассуждает. Я хочу написать предисловие, чтобы обратить на его статью внимание.

Софья Александровна: Куда поместите ее, в те же «Русские ведомости», где Герценштейн писал? [2]

---

* «Перепечатка разрешается» (*англ.*).

Л. Н.: Они не поместят. Про «Русские ведомости» знаю два факта: 1) статью Давыдова против убийства городовых не поместили; 2) Иван Иванович предлагал им мое изложение Генри Джорджа, не приняли. «У нас есть свои взгляды и сотрудники по земельному вопросу»,— ответили ему и из-за этого два раза утруждали его в редакции. Они, то есть «Русские ведомости», недобросовестные, они консерваторы либерализма, как Герцен говорил о консерваторах революционизма. Герценштейн спорит так, как умный Бестужев-Рюмин. Он прочитал в «Times», что я предлагаю разделение земли, и сейчас же высказал свои противные доводы, каждому известные.

Что это так, подтвердилось в заглавии статьи в «Courrier Européen», который только что принес Андрей Львович. Там есть статья «Tolstoï et le partage de la terre» — «Великий грех» почти целиком.

Л. Н. (*спокойно, грустно*): Вот оно! Как они понимают, вникают в мою статью. То самое, о чем говорю.

С 7 до 8 Николаев читал свой ответ Герценштейну.

Л. Н.: Герценштейн не знает, что такое рента. Упускает из виду, что с десятины на Кузнецком мосту, стоящей миллион, была бы рента 40 тысяч; когда говорит, что ренты с земли не хватало бы на покрытие государственных нужд, имеет в виду только доход с обрабатываемой земли.

— Что за вранье,— сказал далее Л. Н.,— что капиталисты будут конкурировать с мелкими хозяевами. Мелкие хозяева всегда имеют больше дохода с земли, чем крупные землевладельцы, не только у нас: и во Франции, и в других местах. Крупные землевладельцы с мелкими хозяевами конкурировать не могут. Помню, я читал сперва «Progress and Poverty», а потом с великой легкостью, с увлечением: «Social Problems» [3] и дал их читать Олсуфьевой, которая занималась социально-политической экономией. Знала всех профессоров политической экономии. Воейков ей сказал, что это писал не ученый, и она не стала читать. Какое свойство толпы — не понимать простое и ясное! А хитрое — это все знают. Был лакей у нас. Говорил, что нашел такую книгу — ни слова нельзя понять.

Л. Н.: Какими путями решит народ освобождение земли — неизвестно. Герценштейны далеки от него.

— Когда будете с Николаем Алексеевичем Хомяковым,— обратился он к Софье Александровне,— узнайте, насколько он еще славянофил.

Софья Александровна: Он славянофил, как был.

Л. Н.: Чем больше живу, тем более ценю, что́ они, славянофилы, сделали. Власть захватывают пустые, дерзкие люди. Я ожидал, что Гапон захватит ее, настолько он дерзкий и ограниченный, и при помощи обстоятельств (священнический сан) такие люди захватывают власть.

Мы сидели на скамейке в узкой, темной аллее, где Похитонов написал Л. Н. и где, по словам Бирюкова, Л. Н. имеет обыкновение по утрам во время прогулки молиться.

Л. Н.: Нынче удивительное лето. Как хорошо! Десять раз в день слышишь, это говорят. А прошлым летом только раз похвалили погоду... Это лето я мало работал. Когда печень болела, и утром, и в эти жары — отсутствие энергии. Занимался выписыванием из записной книжки [4]. Наши понятия так сложны, внутренняя работа (идет), передача ее словами... Вполне откровенным можно быть с одним богом.

Л. Н. удерживал Страхова еще на завтра.

2 августа*. Тиф в Ясной все больше свирепствует: заболели еще четыре двора.

---

* Числа 2—7 августа переписаны мною с черновых записей на листках через семь лет.

Приехал Август Шереньи, молодой мадьярский еврей, сотрудник «Budapesti Hírlap», журналист, интервьюировать Л. Н. Поразительно мало знает Л. Н., об учении его (им, впрочем, и не интересуется) почти никакого понятия не имеет, а об особе Л. Н. знает из газет больше выдумок, клеветы — вроде того, что Л. Н. «в ссоре» с Горьким, что он не принял какого-то немца-теолога, даже пригрозил ему полицией, и т. п.

Я его повел в свою комнату, скоро вошел к нам Л. Н., вернувшийся с прогулки и узнавший от Ильи Васильевича о приезде «не знающего по-русски» посетителя. Я оставил их одних. Когда Л. Н. вышел, он поманил меня к себе и сказал:

— Что это — журналистика! Человек, которому дела нет до вопросов, которые задает, который это делает только ради денег, пишет о них. Отправляется в Россию без знания языков — ни немецкого, ни французского. Наружность непривлекательная. Что этот напишет!

Сказав это, Л. Н. пошел спать перед обедом. Мы с Шереньи пошли погулять в Чепыж и на Отвод. Я перевел его вопросы к Л. Н., на которые Л. Н. и ответил ему за обедом по-немецки. Он задал Л. Н. следующие вопросы:

1. Принимает ли он в какой-либо форме участие в теперешнем политическом движении в России и если да, то в чем состоит это участие?

2. Каким, думает, будет исход нынешнего внутреннего кризиса?

3. Какое будет воздействие войны, теперь происходящей, на внешнюю политику России? Не предполагает ли он, что с Востока Россия снова поднимет восточный вопрос?

4. Считает ли он нужным для сохранения русского государства железную руку монархии?

Вопросы эти Шереньи предлагал Л. Н. на мадьярском языке. Я переводил их на русский. Л. Н. отвечал ему по-немецки. Общий ответ Л. Н. на все вопросы был следующий:

— Was Sie mich fragen, alles dies negiere ich. Das sind Fragen, die mich gar nicht interessieren, und ich glaube, daß ich kein Recht habe darüber zu urtheilen; ich bin zu alt und nicht genug leichtsinnig, um solche Fragen zu beantworten *.

Шереньи настаивал на каком-нибудь объяснении. Л. Н., подавляя в себе недовольство, ответил:

— Ich habe darüber geschrieben, daß die wichtigste Frage, die jetzt solviert werden kann, das ist die Landfrage (Bodenfrage). Das Land (Boden) kann nicht Privateigenthum sein. Das ist die einzige Antwort, die ich Ihnen geben kann **.

На дальнейшие вопросы Шереньи Л. Н. ответил:

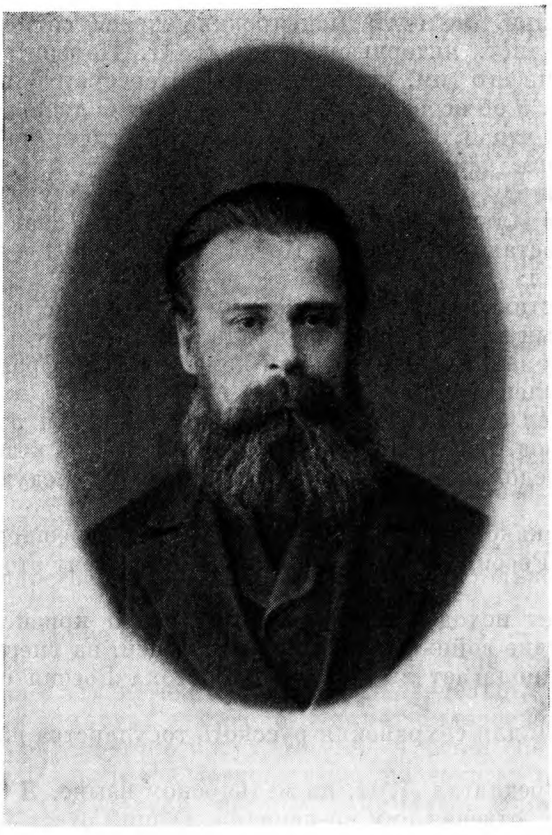
— Das, was wir wünschen solleu, ist, daß das Volk sich befreit von aller Regierung, muss aufhören sich den Regierungen unterzuordnen. Jetzt sieht man in Russland was die Regierung ist. Es ist Zeit die ⟨monarchische⟩ Regierung abzuschaffen in Russland, in Deutschland, in Frankreich — die respublikanische ***.

---

* Все, о чем вы меня спрашиваете, я отрицаю. Это вопросы, которые меня совершенно не интересуют, и я полагаю, что никакого права не имею судить об этом; я слишком стар и недостаточно легкомыслен, чтобы отвечать на такие вопросы (*нем.*).

** Я писал о том, что важнейший вопрос, который теперь может быть разрешен, это — вопрос земельный. Земля не может быть частной собственностью. Это единственный ответ, который я могу вам дать (*нем.*).

*** То, чего мы должны желать, это чтобы народ освободился от всякого правительства, перестал повиноваться правительствам. В России теперь видно — что́ такое правительство. Пора уничтожить — в России и в Германии ⟨монархическое⟩ правительство, во Франции — республиканское (*нем.*).



В. ФРЕЙ
Петербург. 1886 (?).
Фотография Г. Перла
К записи от 10 августа 1905 г.

Шереньи спросил, к каким результатам приведет теперешнее общественное движение в России. Л. Н. ответил:

— Man kann nicht in voraus wissen. Wär ich 18 Jahre alt... Jetzt weiss ich, daß ich in voraus nichts wissen kann *.

Шереньи во второй раз спросил и особенно желал узнать, считает ли Л. Н-ч Вильгельма гением. Л. Н., наконец, сказал:

— Ein großer Dummkopf ist er und sehr dreist. Er kann dem russischen Volke nichts thun. Was er thut, das hat keinen Einfluß auf russischen Volk **.

Шереньи совсем не ожидал услышать такое мнение, не верил своим ушам, вопросительно глядел на Л. Н., переводил взгляд с него на нас и, наконец, стал превозносить государственный ум Вильгельма и говорить о том, какие бедствия он может в данное время принести России.

Шереньи еще спросил Л. Н., нужно ли России, по его мнению, открытое море, т. е. свободный проход через Дарданеллы.

Ответом ему был дружный смех сидевших за столом (большинство молодежь).

Шереньи был удивлен, что Л. Н., его домашние и гости так мало интересуются политикой.

В заключение разговора Л. Н. сказал Шереньи:

— Sie hätten besser getan, wenn sie um dasselbe Geld, was sie auf

---

* Вперед нельзя предвидеть. Если бы мне было 18 лет... А теперь я знаю, что я вперед ничего не могу знать (*нем.*).

** Он большой дурак и очень наглый. Русскому народу он не может ничего сделать. То, что он делает, не имеет никакого влияния на русский народ (*нем.*).

М. Н. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА
Брюссель. 1860-е годы
Фотография братьев Jhomar
«Мери Дондукова. Живет в Петербурге... ходит в тряпье, все раздала, по бедным бегает». — Запись от 10 августа 1905 г.

die Reise verwendet haben, meine Bücher über diese Fragen sich angeschafft und gelesen hätten *.

Судя по этой записи (ответы Л. Н. на немецком языке записаны мною почти вполне точно), может показаться, что Л. Н. был грубым с Шереньи. Но это не так. Л. Н. был с ним доброжелателен, добродушен, особенно к концу разговора.

— Все ⟨дело⟩ не в том, чтобы свергнуть правительство,— сказал еще Л. Н.,— а чтобы не повиноваться ему. Народ теперь видит, куда привело его правительство: к маньчжурской войне (к войне с японцами), к порабощению на фабриках...

За обедом было решено сегодня же ехать в Пирогово (35 верст). Андрей Львович настаивал на коляске, Л. Н. не хотел: «Не по чину» — и согласился только на пролетку. Потом хотели, чтобы я по очереди с Александрой Львовной правил тройкой, на что я, никогда не правивший тройкой, не соглашался, не желая брать на себя ответственность везти Л. Н. В самую последнюю минуту Л. Н. сказал подавшему лошадей кучеру Адриану, что тот повезет.

Собрались быстро. Уезжая, Л. Н. пожалел, что не мог еще поговорить с Лебреном, проститься. Оставлял его до своего возвращения из Пирогова.

Вечер был теплый, ветерок сзади. Первых верст двадцать с лишним ехали по большаку, остальные — по проселочным дорогам. Там, где боль-

---

* Вы лучше бы сделали, если бы те деньги, которые вы истратили на поездку, употребили на то, чтобы приобрести и прочесть мои книги по этим вопросам (*нем.*).

шак пересекает Киевское шоссе, уцелело еще несколько лозин из окаймлявших большак лозиновых аллей, посаженных при Екатерине. Дорога, хотя нигде не шоссированная, мягкая и гладкая.

— Только в самый лучший санный путь так без тряски, как теперь,— заметил Л. Н.,— читать можно.

От самого прешпекта (яснополянского) и почти до самой усадьбы пироговской кучер пускал лошадей рысью и, спускаясь в Диготню и поднимаясь из нее, ища по изрытому вымоинами большаку дорогу.

Выехали в половине седьмого, приехали в четверть десятого. Л. Н., как сел без пальто, так и не надевал его всю дорогу. Сперва надел темные очки от острого воздуха и от пыли, но снял, сказав:

— Скучно (темный горизонт).

Посматривал на пристяжных, замечал все перекрестки, рассказывал, куда ведут дороги,— в связи с прежними поездками к брату, с охотой. В семи верстах от Ясной, в одной из лощинок за Старой Колиной, Л. Н. сказал: «Тут начинается чернозем, пыль черная».

Влево осталась деревня Городня, где жила молочная сестра Л. Н. Александре Львовне рассказывал о Ф. А. Страхове и о его жене:

— Какой человек Федор Алексеевич! Самого скромного мнения о себе, смиренный, глубокоумие, образованность, доброта! Как замечательно пишет — например статья, в которой доказывает из слов самого Евангелия — это для простых людей, которые Евангелием руководствуются,— что Христос — не бог.

Было полнолуние. Огромный месяц над самым краем земли.

Когда подъезжали к усадьбе Малое Пирогово, нас встретили Оболенские, Мария Львовна с Николаем Леонидовичем, и И. К. Дитерихсом, гостящим у них, а также гуляющие перед домом (женская прислуга). Оболенские живут сравнительно просто и скромно. На них действует пример Л. Н.

3 августа. Пирогово. Л. Н. чувствует себя слабым. Но сам убрал свою комнату и ходил гулять в Большое Пирогово, версту с лишним (в один конец). Там поплакал с Марией Михайловной, вдовой умершего месяцев десять тому назад брата Сергея Николаевича.

Л. Н. купался в речке, у того места, где в нее втекает глубокий ключ; этот хороший ключ навел Л. Н. на мысль лет 50 тому назад выбрать это место для будущей усадьбы; вымерил аллеи и дороги и обсадил их деревьями. Через несколько лет здесь построилась Мария Николаевна.

Разговор о плохом урожае (недороде) в здешних местах. На посев получили рожь от земства, доставленную комиссионером из Курска по 75 коп. пуд, 80 возов, рожь гнилая, мужики недовольны, Гвоздев (председатель управы) утишил. Поздно сеяли. Тяжело хозяйничать.

Разговор о судах и о том, как господа стали далеки от крестьян. Николай Леонидович рассказал (в качестве примера), как старуха, степенная баба, была приговорена к пяти дням ареста за то, что сказала мужику, что он бродяга.

Л. Н. по этому поводу сказал, что такие люди, как Андрюша, который ничего не знает, будут судить старика.

— Как суды, попы портят народ! — сказал Л. Н.— Бобринская, крестьянка *, говорила: «Как мы господ ненавидим!»

Л. Н.: Вчера были погорелые, я им дал серебром; потом мне показалось, что я дал им мало: дал золотом и взял серебро обратно. Оказалось его на 40 копеек больше. Это что? Оказалось, Ваня ** дал им 40 копеек.

Еще Л. Н. говорил о романе Диккенса «Martin Chuzzlewit» [1]:

---

* Жена В. Бобринского, бывшая учительница из крестьян.

** Лакей, 19-летний яснополянский парень.

— Нехорошее сочинение: кроме одного, всё недобрые характеры.

4 августа. Л. Н. слаб. Приезжала Александра Владимировна, невестка Л. Н., жена Михаила Львовича, со своей сестрой, Любовью Голицыной, основавшей и содержащей приют для сирот. Л. Н. поинтересовался им:

— Вы заботитесь о материальном благосостоянии сирот, а нравственное воспитание даете им?

— Бывает, что дети отца-пьяницы, видя пример отца, не пьют, дочери распутной матери — то же самое. Что́ и как действует в нравственной области воспитания на человека — загадка.

До полудня Л. Н. писал предисловие к статье С. Д. Николаева о Генри Джордже, а может быть, поправлял «Конец века». Написал много.

За обедом спросил Николая Леонидовича, что будет в Земском соборе. Услышав, что на 520 депутатов из крестьян будет 90, сказал:

— Крестьян будет одна шестая, а их девять десятых!

А на право Собора выработать новый проект, заметил:

— Но уже будет Петрункевич I.

Л. Н. спрашивал о детях дочери Сергея Николаевича, Марии Сергеевны (Бибиковой). Мария Львовна хвалила их. Л. Н. сказал:

— Дети у всех молодых хороши: у Бибиковых, у Горбуновых...

Л. Н. пошел к знакомым мужикам и к Марии Михайловне. Согласился, чтобы за ним прислали шарабан.

Говорили о довольстве англичан своей жизнью. Потом о Карпентере, что он наследник Карлейля и Рёскина. Из всех книг Карлейля меньше всего нравится Л. Н. (отталкивает его) «Sartor Resartus» [1].

Мария Львовна: У Карпентера в книжке «Civilisation: its Cause and Cure», которую ты мне дал перевести, в самом начале та же мысль, что у Герцена: мы стараемся о спасении других, а надо нам самих себя совершенствовать [2].

Л. Н. спросил Александру Владимировну, что́ читает, и посоветовал ей читать Герцена. Прочел вслух выписку из его статьи о 48-м годе: «Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасать мир, спасать себя; вместо того, чтобы освобождать человечество, себя освобождать,— как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества». Сказал:

— Выписку эту поместить в «Круг чтения» *[3].

Л. Н.: Если бы Кавеньяк и не подавил революцию, и так свелась бы на нет, потому что имела только остатки идеалов Великой революции. Конституция — форма правления, только орудие осуществления идеалов.

Л. Н.: Крестьян будет в Государственной думе одна шестая, а их девять десятых; и какие это будут представители крестьян! Если бы туда попали и настоящие заступники крестьян, как же им обсудить: продолжать ли маньчжурскую войну, или нет? Какое дело кавказцу, архангельцу, самарцу до Маньчжурии? Сибиряки — те высказались бы за нее. Нынешняя Россия — уродливое чудовище, как ваш приют, Любовь Владимировна. Почему ваши девочки брошены? Причина, что ввергла их матерей в ложную жизнь,— алкоголь, разврат. Крестьянские представители могут решать свои домашние дела, а не маньчжурские вопросы.

Еще говорили о будущем Земском соборе. Николай Леонидович говорил, что, если там окажется большинство крестьян, будут бояться, что не удастся проводить западные реформы.

Разговор о кликушестве. Л. Н. сказал, что оно выводится.

— Кликуша хохочет, плачет, кличет того, кто ее испортил.

Говорили об Абрикосовых.

---

* Помещена на 30 июня.

Л. Н. сказал, что он советовал Н. Л. Абрикосовой, чтобы они не строили дом, а жили в старом.

Мария Львовна: Как же им жить? Тесно. Одна комната. Как трудно было Илье (так тесно жить), когда женился!

Л. Н.: Как трудно? Прекрасно.

— Когда мы были у них, девочка спала в передней на полу.

— Это от беспорядка.

— Абрикосовы хотят выстроить дом с электричеством, водопроводом, линолеумом, чтобы потом не нужно было прислуги.

— Это как духоборы заводят дорогих лошадей, машины. Но ведь нужно или приобрести богатство, то есть разбой, или в долг, и чтобы его выплатить,— аферы... Абрикосов и Наташа были сами по себе хорошие, как шипучие порошки, а как соединились — пшш!

Николай Леонидович мне рассказал, что Берте Зутнер Л. Н. ответил о Вильгельме II, что он — l'idiot couronné *[4], а Волконскому (Григорию Михайловичу) на корректуры его статьи, которые он Л. Н. присылал, прося совета, может ли печатать их (о союзе России, Франции и Германии, чтобы принудить Англию прекратить войну в Трансваале, и в ней остро писал про Вильгельма), Л. Н. ответил, что мог писать острее о нем [5].

5 августа. Утром Л. Н. слаб, болит печень. Ночью не спал до двух часов, решал математическую задачу.

Л. Н.: Всегда, когда я в дурном настроении, решаю ее и никогда не дочисляю до конца [1]. Это — пункт сумасшествия.

Между прочим, говорили о кокетстве.

— Одна кокетничает плечами, это простительно, а другая добродетелями, это отвратительно,— сказал Л. Н.

6 августа. Пирогово. Л. Н. здоров, в бодром, веселом настроении. Съездил верхом в Чифировку, к Михаилу Львовичу. Там было шумно, 16 человек гостей, между ними и Софья Андреевна.

За обедом Л. Н. разговаривал больше с приехавшим сегодня П. И. Бирюковым о воспитании.

Л. Н. смотрел (взяв в руки) книгу Моода о нем:

— Интересная тем, что в ней мысли самого Моода [1].

Вечером Л. Н. был в пасмурном настроении, вероятно, от печени, распухшей от ослабления сердца и тряски на лошади.

7 августа. Пирогово. Утром у Л. Н. большая слабость. На вопрос Марии Львовны, как себя чувствует, ответил:

— Хорошо, идет, куда следует.

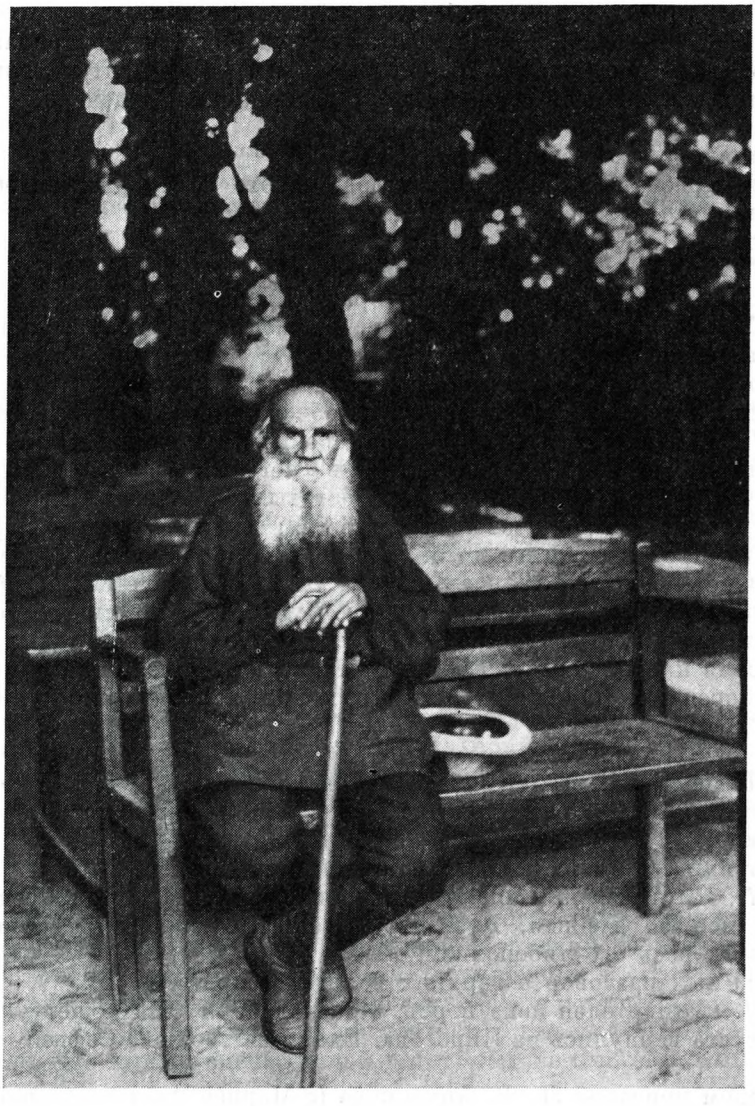
Мария Львовна рассказала мне, как она переписывала Л. Н-чу. Первое, что помогала переписывать,— «В чем моя вера?». Копии писем Л. Н. стала делать, когда ей было 12—13 лет. Читая, думала: «Какие хорошие письма! Спишу их себе». Потом Чертков поощрял ее. Софья Андреевна тогда восставала против того, что писал Л. Н. Переписчика Александра Петровича прятали от нее. Он приходил иногда пьяный, черновики Л. Н. дарил, продавал или отдавал за водку. Из черновиков «Войны и мира» и «Анны Карениной» мало сохранилось: Софья Андреевна ими заклеивала окна. (Софья Андреевна сама вспоминает, что по незнанию не дорожила ими. Если бы Л. Н. ей напомнил хоть одним словом, что надо хранить![1])

8 августа. Л. Н. спрашивал Николая Леонидовича о Государственном совете. Заговорили о Magna Charta. Л. Н. не мог вспомнить, когда она была издана [1].

Л. Н.: Историю забываю, она мне неинтересна. Меня интересует психологическая сторона, а когда это было — меня не интересует.

---

* коронованный идиот (*франц.*).



ТОЛСТОЙ
Ясная Поляна, 11—16 августа 1905 г.
Фотография Д. А. Олсуфьева

Я спросил Л. Н. (по поводу его письма к Воинову [2]), каким образом из признания существования в людях ограниченного духовного начала можно вывести существование духовного начала безграничного, включающего в себя начала ограниченные?

Л. Н. ответил, что ему кажется это натуральным (само собой разумеющимся). Духовное сознание стремится разрушить свое ограничение.

— Об этом,— сказал Л. Н.,— что вы меня спрашиваете, я много писал в дневниках. Два-три года занимался этим: духовное ограничение в пространстве и времени. Метафизический узел, как говорит Шопенгауэр. Это ограниченное духовное — жизнь.

По какому-то поводу Л. Н. сказал сегодня:

— Все художественные работы — всё только *младость*.

Когда Л. Н. говорит, молодежь не слушает его, разговаривают друг с другом, даже перебивают его. Он не служит таким центром внимания, как, например, в нашей семье отец, когда приезжает к дочери.

Начинается утомление от волнений.

В Риге рабочие избили агитаторов, одного до смерти, подобно как в Нижнем Новгороде.

Николай Леонидович рассказал:

— В Балашове съезд врачей. Казаки эскортовали их перед толпой, один из казаков ударил нагайкой врача Львова.

И. К. Дитерихс: Помещики доживают свои дни. Кулаки, купцы еще могут сыграть роль.

Николай Леонидович: Надо сравняться с мужиком *.

Сегодня говорили, между прочим, об общинном землевладении.

Л. Н.: Теперь в высших кругах намерение уничтожить его, потому что в Европе его нет. Чичерин был против него из-за этого довода. Как его уничтожат, будет скупка земель богатыми у бедных. Теперь, когда бедный уходит в город, надел его остается; он имеет на что вернуться. Лева тоже против общины, потому что в Швеции ее нет, а там земледелие усовершенствовано. Но ведь и у нас оно усовершенствуется при общинном владении. Лева, когда выскажет одну глупость, готов сказать еще сто, чтобы отстоять ту (первую)... Если будет Государственная дума, то найдется целая партия, которая будет отстаивать общинное владение, а этак (при теперешних порядках) министр может непродуманно уничтожить старый добрый обычай.

Еще Л. Н. сказал:

— На моей памяти, лет пятьдесят тому назад, лес рубили и корчевали. Брат Сергей много корчевал. С тех пор — нет. Озер и болот было больше, высыхают.

Говорили об американских политических деятелях:

Л. Н.: Я о Рузвельте низкого мнения. Брайан находит в Соединенных Штатах кое-что дурным, Рузвельт — нет. Его обращение с неграми... показывает весь его либерализм.

Вчера был разговор о верхних палатах (парламентов).

Л. Н.: Удивителен ценз пэров. Кто награбил, тот может управлять.

8 августа вернулись из Пирогова. Ехали на тройке с Софьей Андреевной [3].

Вечером приехала Л. Ф. Анненкова (с Марией Александровной), ради которой Л. Н. и Софья Андреевна поспешили домой. Миловидная, сердечная особа. Хорошее впечатление.

Кросби пишет Л. Н-чу, что Стэд хочет приехать[4], оба имеют намерение первый номер «Review of Reviews» посвятить Толстому.

Софья Андреевна решила печатать 15-й том [5], первая статья о Шекспире. «Календаря» не будет [6].

Софье Андреевне Николаев советовал напечатать в 15-м томе «Великий грех».

9 августа. Вечером были Лебрен и Николаев. Николаев прочел и поправил предисловие Л. Н. к его статье, вычеркнув похвальное выражение: «знаток» литературы по земельному вопросу [1].

Л. Н. читал нам письмо Кросби, в котором пишет, что не раз высказывал ту же мысль, что и Л. Н.,— что Россия укажет всему миру путь к разрешению земельного вопроса [2].

---

* До этого места запись 8 августа восстановлена Маковицким впоследствии по черновикам.— *Ред.*

Л. Н. рассказал про тульских слесарей и других рабочих, уволенных с заводов, которые его сегодня посетили. Один, который зарабатывал 30 р., жаловался, что не может найти работу.

— Работу на 6—15 рублей я нашел бы ему,— сказал Л. Н.,— но я не сказал ему этого.

Далее Л. Н. продолжал:

— Когда мы ехали в Пирогово, встречали людей с котомками — шли в Тулу искать работы. Слышали, что рассчитали забастовщиков. Другой мне говорил, что был у Куна — узнать, почему его рассчитали. Кун ему сказал, что это дело его совести. Наверно, тот был социалистический агитатор, и Кун хотел оградить от его влияния прочих рабочих. У этого рабочего вопроса религии не существует. Заняло все социалистическое учение о материальном устройстве. Десять часов без отдыха работают, от семи до пяти.

Сергей Дмитриевич рассказал о крестьянине, социалисте-революционере из Геленджика, который, под влиянием Юшко, заявил на социал-революционном съезде, что надо национализировать землю, помещикам дать пенсию и тем решить земельный вопрос. Николаев спросил его: «Почему не провести национализацию по системе Генри Джорджа?» Ответил: «Не знаю его, хотя сам распространяю его книги, а не читал их».

Л. Н.: У них все старое дурно, наскоро же и кое-как придуманное на его место новое — не сомневаются — будет хорошо; правительство самодержавное — дурно, конституционное — хорошо; обязательное обучение — хорошо; брак — дурно, а развод — хорошо.

Л. Н. рассказал:

— После Крымской войны посылали в Китай людей. Приятель уговаривал меня пойти в инструкторы артиллерийских офицеров. Помню, я очень колебался. Товарищ поехал Колумчек (?), который получил и другие предписания; с восточными народами поступают хитро. Стал позже послом [3]. Может быть, и я стал бы послом.

Вечером Николаев, Анненкова. Софья Андреевна раздражена; завела речь о том, что последние статьи Л. Н. взял Горбунов, а они были в единственном экземпляре, что этого раньше не могло быть. Бранила отсутствующих Александру Львовну и Юлию Ивановну, потом Горбунова, Сытина за то, что наживают деньги на сочинениях Л. Н. Потом пошла к Л. Н., и слышно было, как, не сдерживаясь, в истерическом припадке упрекала Л. Н. Долго у него пробыла (через три дня Софья Андреевна рассказала, что вышла сцена, какой десять лет не было. Л. Н., дескать, упрекал ее [4]).

10 августа. Приехал Сергей Львович. Приходила Л. Д. Николаева проститься.

Сегодня с Лебреном приводили в порядок амбулаторию. Много тифозных. Александра Львовна купила для них лимоны и сахару.

Вечером Л. Н. просматривал фотографии, сделанные Софьей Андреевной, и другие (около 200), которые она принесла [1].

Рассматривая их, Л. Н. рассказывал о разных лицах:

— Волконский... Промотал большое имущество, получил должность, жил с семьей на маленькое жалованье, в квартире, которую сделали так, что переделили высокую комнату потолком. Окна были наполовину переделены. Пока был бедным, был милейшее существо. Тогда они жили, как голуби счастливые [2].

О Миклухо-Маклае:

— Это человек, который совершил величайший подвиг: поехал к диким, уничтожил оружие и стал с ними жить и запретил им воевать; они послушали его. Великий человек остался незамеченным. Мне говорил Орлов, он слыхал от старика, что дикие возмущаются, замечая, как ма-

тросы чувственно смотрят на их нагие тела. А для Миклухо-Маклая этого не существовало. Был святой. Я видел фотографию умирающего Миклухо-Маклая, лежит на боку спокойно[3].

Сергей Львович: Мне рассказывал, не помню кто, какой-то матрос, что причалил туда английский корабль; туземцы прибежали и кричали: «Маклай, Маклай!», а матросы по ним стреляли, как по диким зверям.

Л. Н.: Тютчева дочь [4]. Считалась самой умной женщиной, а родить не умела. Раз была беременна. Читала об окаменелых плодах; вообразила себе, что и у ней так. Брала горячие ванны, преждевременно родила.

— Мери Дондукова. Живет в Петербурге, верит во всевозможные веры, ходит в тряпье, все раздала, по бедным бегает [5].

— Фрей. Дал себе это прозвище* за границей, чудесный человек. Решил: нельзя жить в России, эмигрировал в Америку, принял веру — учение Конта, обращал меня в контизм. Потом жил в Англии с женой и двумя детьми на какие-то 10 копеек в сутки [6].

— Келлера я привез из-за границы. Потом стал учителем немецкого языка в гимназии [7].

Когда просматривал фотографии, вздохнул:

— Это целый мир воспоминаний.

Л. Н. спросил Анненкову о муже:

— Пишет мемуары,— ответила она.

Л. Н.: Мемуары лучше, чем законы писать. Это хорошо. Жизнь всякого человека интересна. Если бы кто умел ее правдиво рассказать! До женитьбы так грязна, пишущий невольно останавливается на том, односторонне выходит, ⟨но⟩ надо писать то, что стыдно. Хороши Руссо мемуары [8].

Лебрену Л. Н. говорил, что «Психологию» Геффдинга находит лучшей; что, когда писал «Воскресение», читал много «Психологий» и эту нашел лучшей [9].

11 августа. Утром уехал Сергей Львович, вечером — Анненкова. Приехал Д. А. Олсуфьев из Японии. Обедал Forbes, слушатель Оксфордского университета. Вечером был Николаев. Л. Н. дал ему свое письмо — предисловие к его ответу Герценштейну, который Сергей Дмитриевич хочет послать в «Сын отечества».

Л. Н. спрашивал Форбса о русских профессорах в английских университетах.

Форбс: Виноградов читает в Оксфордском университете о положении русского крестьянства в XIII веке.

Л. Н.: И ничего другого?

— Ничего другого.

— А имеет слушателей?

— Много.

— Праздных людей много.

Потом Л. Н., обращаясь к Сереже, сыну Варвары Валерьяновны:

— Ты будешь читать о положении башмачников в Шлезвиг-Гольштейне в XI веке?

Софья Андреевна: Виноградов выслан?

Л. Н.: Нет, лестно быть профессором Оксфордского университета [1]. Там был Мэтью Арнольд. Написал статью о том (в ответ на хвалебную статью о республиканском правлении), что в Соединенных Штатах есть только отсутствие государственного устройства. Естественно, что самостоятельные государства соединяются в федерации. Там был Макс Мюллер, свободомыслящий немецкий эмигрант 1848 года. (О нем Л. Н. говорил с уважением и любовью.)

---

* frei — свободный, вольный (*нем.*).

ТОЛСТОЙ В КРУГУ РОДНЫХ И ЗНАКОМЫХ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
Слева направо: Толстой, С. А. Толстая, В. В. Нагорнова, М. И. Толстой, Д. А. Олсуфьев, Т. А. Кузминская, И. И. Эрдели и А. М. Кузминский. 13 августа, 1905 г.
Фотография Д. А. Олсуфьева

12 августа. Снегирев, Черкасский, Олсуфьев. Вечером Кузминские с двумя сыновьями. Двое Языковых, Варвара Валерьяновна, Гольденвейзер.

В «Русской мысли» «Великий грех» прошел [1]. Радость Николаеву и Л. Н-чу. Николаев уже получил письмо от революционера, что с восторгом принял решение земельного вопроса, предложенное в «Великом грехе».

Л. Н. поправлял Николаеву стиль его статьи — как внимательно, метко, быстро.

***13 августа.** Д. А. Олсуфьев вернулся из японского плена: Мукден, Инкоу, Шанхай, Одесса. Он говорил Л. Н.:

---

* Отсюда и до слов: «значение добродетели» — внесено Маковицким позднее, по черновым записям. Текст сохранился в машинописи, подготовленной Н. Н. Гусевым, на трех листах, с пометой: «29 Кочеты, 30 Кочеты, 31 Кочеты» — в начале дня 13 августа.— *Ред.*

— Проигрываем не потому, что нехорошо воюем, но потому, что японцы лучше воюют.

Л. Н.: Вы говорите то, что я написал, даже теми самыми словами.

Дмитрий Адамович: Они (японцы), когда шрапнель разрывается — разбегаются, перед штыками уступают, чувствуя себя слабыми. Они жесточе наших. Не заботятся о тяжелораненых, на которых нет надежды, чтобы они выздоровели, тогда как мы (наши сестры милосердия) душу за них кладем. На нас смотрят с подобострастием, как на высшую расу.

Л. Н.: В этом сомневаюсь.

Дмитрий Адамович: О них не могу сказать ничего, кроме как самое хорошее: с нами были приветливы, услужливы, обходительны. С китайцами поступают хуже, чем мы.

— Дух армии,— сказал Л. Н.,— главное. В 1877—78 годах шли охранять христиан от агарян [1]... <?> В «Буши-до» восхваляется харакири. Наши тоже топились с кораблями, а не сдавались.

Дмитрий Адамович: Теперь сдались.

Л. Н.: Слава богу, зачем же губить жизнь. Virtus означало (у римлян) мужество, а не добродетель. Но как христианство шаг за шагом заменялось язычеством (языческими понятиями), так и Virtus получило значение добродетели.

Вчера и сегодня я переписывал черновые «Конца века» [2]. Очень трудно читать. Пополудни катались Кузминские, Софья Андреевна, Варвара Валерьяновна, я. У станции Рвы встретили Л. Н. с Олсуфьевым верхами. Старая Тульская дорога тянется среди великолепного старого леса. Л. Н. нам указал сросшиеся березу с дубом на границе наших владений и казенных.

Кузминский был так очарован красотой мест, что сказал:

— Сколько ни путешествовал (по России, Финляндии и Кавказу), ме́ста, красивее Ясной Поляны, не видел.

Николаев приходил прощаться, уезжает с дачи в Москву.

Л. Н.: Герцену Чичерин не нравился. У Чичерина нет ничего своего. Он талантливый компилятор. У Владимира Соловьева тоже нет ничего своего, а что есть — то самые слабые места его писаний. Но блестяще подает чужие мысли.

Олсуфьев рассказывал, что он начинает разубеждаться в том, что русский народ скажет новое слово; что он начал оставлять славянофильство. А теперь прочитал «Конец века», оживают надежды.

На какие-то замечания Олсуфьева Л. Н. заметил:

— Маркс в переписке с каким-то русским допускал, что в России социальное развитие пойдет другим путем, чем в Англии [3].

Кузминский рассказал:

— Государь, прочитав письмо к нему Льва Николаевича из Гаспры, велел передать ему, что «благосклонно принял» [4].

Л. Н.: Я писал ему — если хочет сохранить самодержавие, надо поднять вопрос самый важный (о земле), как было при освобождении крестьян. Надо вперед вести народ, а не задерживать.

Олсуфьев: Мария Федоровна говорила Кривошеину, товарищу министра внутренних дел, что у них, в Дании, где каждый владеет своим клочком земли, есть спокойствие и что так должно быть и в России.

Л. Н. (*с изумлением*): Роковое влияние на устройство земельное русского народа может иметь шлюха!

Олсуфьев: Она со своей точки зрения добра хочет. Кривошеин ее не послушается.

Л. Н.: Как не послушается?! Евгения-шлюха [5] была причиной войны.

Л. Н. (*вчера Грауберге́ру*): Я анархист, но думаю, что русскому народу свойственно самодержавие, а потом анархия. Конституция — будет хуже.

Затем Л. Н. рассказывал о старцах: Амвросии, Иннокентии... Потом вспоминал, как был в Киеве в довольно поношенном платье. В монастыре не было места. Привратник предложил ему свою постель в башне. Привратников было двое, чередовались по ночам, и потому одна постель была пуста. Один — толстый малый, бессарабец, другой — малоросс, высокий, длинноволосый, богатырь-красавец, был солдатом, унтер-офицером, ходил на Сербскую войну с турками и вернулся опять в монастырь, спокойный. Радовался, что бог привел воевать против агарян. Там в келье был вятский мужик, разговаривал с ним (Л. Н.) о похоти: рекомендовал читать и сам читал в такие минуты псалтырь. Но беспокоили его мысли, боролся с ними... [6]

Л. Н. рассказывал с художественной ноткой, с восхищением, с радостью вспоминая это.

14 августа. Л. Н. вчера и сегодня в добром, веселом настроении.

Среди просителей — мужик, просящий помощи, чтобы взять жену на поруки или, по крайней мере, добиться свидания с ней: она в предварительном заключении из-за подозрения в поджоге.

За обедом Гольденвейзеры, Олсуфьев, Л. Н., Софья Андреевна, Андрей Львович и я. Л. Н. вспоминал, как началась консерватория.

— Собственно, он был ее учредителем,— вставила Софья Андреевна.

Л. Н. вспоминал, как в Петербурге он, Аркадий Столыпин и Алексей Толстой устраивали музыкальные вечера, трио, квартеты. (Вечер обходился рублей в 100.) В Москве, у Киреевых на Никитской, каждую неделю один концерт [1] (Софья Андреевна помнит эти концерты, ей было 15 лет). Из этих концертов образовалась консерватория.

Л. Н. спросил Олсуфьева:

— Знаете, что такое régime professionnel? * У вас его нет? Советую вам... При соблюдении ее слабые люди, как Кант, доживают до глубокой старости. «Herr Staatsrath Kant»... ** — Тут Л. Н. рассказал про правильный образ жизни Канта.— По нему поверяли часы... А в старости становится неизбежным.

Потом Л. Н. говорил, отвечая Олсуфьеву на его вопрос (говорил и цитировал что-то из Пушкина): что вдохновения не ждет, каждый день равномерно работает, но не одинаково напряженно, что это у него очень различно. В 20 дней один день совсем ничего не пишет.

Я переписывал «Конец века» — нет ни Юлии Ивановны, ни Александры Львовны. В зале играли Гольденвейзеры симфонию Гайдна. Л. Н. был в восторге, умилялся.

Л. Н.: При менуэте плясать хочется, если б его слышали крестьянские бабы, наверно бы им понравился. Симфония эта напомнила мне, во-первых, деда и мать, которые играли это, и я это также играл; во-вторых, Германию хорошую, истинную, с маленькими княжествами, вроде Гольштейна, с центрами образованности, тонкости, а не соединенную, грубую Германию; в-третьих, Федора Ивановича Рёсселя с его добротой... Музыка при Гайдне, Бетховене — в первых его вещах — достигла зенита. С тех пор не то чтобы падала, но не прогрессирует... Чтó нынешние русские, французские композиторы против старых?!. Аренский выше Чайковского.

Л. Н. читал вчера на ночь Герцена, ищет для «Круга чтения». Казалось ему, что нашел сцену из истории декабристов [2], но Завалишин ее совсем иначе описывает.

— А Завалишин будет прав,— сказал Л. Н.

Л. Н.: Герцен был гегельянец, потом *освободился* от гегельянства. К концу жизни политическими взглядами он склонялся к славянофильству.

---

* правильный трудовой режим (*франц.*).

** «Господин статский советник Кант» (*нем.*).

Когда я был в Лондоне, зимой, недель шесть — восемь, почти каждый день бывал с ним. Был бойкий, веселый [3].

Дня четыре тому назад Л. Н. сказал:

— Герцен мне говорил: «Я тут стал генералом: являются ⟨ко⟩ мне полковники, офицеры, у которых еле погоны на плечах обсохли». И Л. Н. рассмеялся над этим богатством юмора.

Л. Н.: Герцен не уступит Пушкину. Где хотите, откройте, везде превосходно. В своем возрасте на Пушкина не могу смотреть иначе, как на мальчика. Проза его лучше стихов. «Пиковая дама» хороша...

Олсуфьев: Пушкин подражал Мериме...

Л. Н.: Пушкин выше его: у Мериме хорош один рассказ, «Кармен».

С Олсуфьевым Л. Н. говорил о современной европейской цивилизации.

Л. Н. (*Олсуфьеву*): Цивилизация катится под гору. И религия, и философия, и наука, и все искусства ослабели. Через 50 лет кто-нибудь вспомнит Толстого... Ницше в конце концов проповедует эгоизм и распущенность...

Л. Н. говорил про Ницше, что его «Антихриста» поместил в «Круг чтения», что Ницше сравнивает католицизм с христианством и отбрасывает в христианстве смирение и кротость.

Л. Н.: По-моему, европейский мир кончился, должны прийти другие народы, варвары.

Л. Н. (*Олсуфьеву*): Вам 45 лет ... — И что-то говорил ему о женитьбе, между прочим, что сватанье было хорошо, теперь нашли его смешным, но ничего смешного в нем нет: родители устраивали браки; молодые не смели признаться друг другу и даже не имели иногда случая познакомиться.

Олсуфьев: Через неделю должны начаться занятия в университетах. Начнутся ли и не прекратятся ли скоро опять?

Л. Н.: Меня интересует, скоро ли совершится этот психологический процесс — что всем надоест раздражение; теперь можно говорить, пока это ново... Ах, Никифоров! (Сына Л. П. Никифорова, знакомого Л. Н., на днях казнили [4]; напомнил про него Гольденвейзер.)

Л. Н. вспоминал юмор Бибикова-отца, бывшего владельца Телятинок, как тот рассказывал об Александре II.

15 августа. Утром приехал Рейнак [1]. Л. Н. гулял с ним по парку. Остался на завтрак, потом и на обед, и на вечер. Олсуфьев и Л. Н. жаловались, что устали от него.

Софья Андреевна: Лев Николаевич записывал себе выражения, обороты речи у странников; пока был православным, много с ними общался. Говорил: «Странники живут без средств, религия их соединяет».

Рейнак говорил о Гамбетте подробно, обстоятельно. Л. Н. перевел речь на земельный вопрос.

Рейнак: Во Франции мало крупных имений.

Л. Н.: Это утверждал и Анатоль Леруа-Болье; национализация там была бы как раз на очереди — мелкие хозяева. ⟨Надо⟩ сделать землю доступной рабочим заводским, фабричным. Не было бы несправедливостью лишение земли тех, которые ее унаследовали или купили.

Вечером Горбунов.

Рейнак с «научной» точки зрения оправдывал войну. Л. Н. сказал ему:

— Представление ученых, что они знают ход исторического прогресса и что на основании этого то-то и то-то можно делать (например, вести войну с Пруссией), это представление ужаснее, чем была инквизиция. А мы должны смотреть так, что это грех и мы не должны его совершать. Война — грех. В Маньчжурии, и в Москве, и в Ясной Поляне (если бы сюда пришли японцы).

Разговор об уменьшении прироста населения. Рейнак говорил, что это

вопрос экономический — меньше расходов семье. Много детей считают роскошью. И привел слова из драмы Ожье «Luxe d'un garçon».

Говорили о японцах. Л. Н. сказал:

— Их книги философско-религиозные («Буши-до») sont très peu forts *.

** Л. Н. сказал, что надо писать Булыгину (министру внутренних дел), чтобы освободить павловцев от стеснений. Такие добрые люди, в экзальтации дали подбить себя на насильственный поступок, теперь страдают за него. Того человека, который привел их к этому, зовут искусителем.

Рейнак — оперившийся (жирный). Разговор за обедом был формальный. Не было в нем души Л. Н-ча. Темы разговоров за обедом были искусно навязанные. Оживляли его Софья Андреевна и Олсуфьев. Л. Н. участвовал из учтивости, но больше молчал. Шестичасовое присутствие человека незнакомого, его обильные речи и бесплодные разговоры с ним утомили Л. Н.

16 августа. Спас. Был американский мичиганский профессор Эдсон Валкер (Walker),— не ответили ему на его телеграфный запрос за недосугом. Приехал, просил автограф, цветы, которые должен был сорвать Л. Н. Просил Л. Н-ча помахать двумя привезенными американскими флагами; желает этого его сын. Фотографировались вместе с Олсуфьевым [1].

Л. Н. рассказал, что от Овсянникова ехал с мужиком, настоящим серым [2]. Заговорил с ним о земле, сейчас улыбка на лице. Изложил ему систему Генри Джорджа. Когда Л. Н. ушел от него, мужичок ему вслед кричал: «Приложите трудов!»

Получена телеграмма, просят Л. Н., чтобы поддержал просьбу «Le Matin» к Рокфеллеру [3].

Л. Н., Олсуфьев, Гольденвейзер говорили о требованиях японцами контрибуции — один миллиард; о высоких процентах, на каких банкиры соглашаются дать деньги русскому правительству с условием, что даст евреям в России равноправие.

Л. Н.: Как постыдно, что то, что должно было быть давно сделано, настанет под давлением заграничных банкиров.

Говорили о том, что немцы побуждали русских занять Порт-Артур.

Олсуфьев рассказывал о войне, о русских неустройствах: возле вокзала, чуть ли не в Мукдене или Харбине, ужасная мостовая, по ней возили больных, раненых. Разные ведомства не могли между собою столковаться, которому ее починить. Так и осталась непочиненной. Мука в Мукдене в три раза дороже, чем в Харбине. А вагонов, в которых эвакуировали больных в Харбин и которые шли обратно пустыми, не давали для подвоза муки. Пьянство и проч. Хвалил Владивосток по сравнению с Иркутском, Хабаровском (он, как Константинополь). Где чужие народы, там город живой. Хвалил чужие города и порицал русские.

Л. Н. ему сказал, что он не так думает.

Олсуфьев рассказывал художественно.

Софья Андреевна переписывала свои письма к Л. Н. в книгу [4]. Между ними письмо к ней от Ванечки, когда ему было пять лет, диктовал его. Не удержалась и прочла вслух, но как бы для себя. Великолепное, интересное, длинное письмо [5].

17 августа. Среда. Переписывал Л. Н-чу [1]. Дождь, холод, мало больных в амбулатории. Ездил с Александрой Львовной в Тулу.

За чаем Л. Н., Софья Андреевна, Андрей Львович и я.

Вечером получена неподписанная телеграмма из Москвы: «Слава богу, мир заключен». Андрей Львович пошел с ней к Л. Н. в кабинет. Выйдя после этого из кабинета, Л. Н. сказал:

---

* очень незначительны (*франц.*).

** Остальной текст, до конца дня, восстановлен Маковицким позднее по черновым записям.— *Ред.*

— Какая важная новость! Мне стыдно, но хочется высказать, что я борюсь с чувством патриотизма. Я должен сознаться, что во мне патриотическое чувство есть и я все надеялся, что русские победят. А коли мир заключен, тогда и политическая победа японцев над нами окончательная. Какой переворот это будет! Во-первых, успокоятся мысли, внутренние волнения. И теперь уже получил два письма от революционеров. Один цитирует Чехова. «Надо учиться, учиться науке спасения» 〈?〉. Искусственная, насилу придуманная фраза, которой он, Чехов, закончил какой-то рассказ. Они видят в Чехове (как видят в Горьком, Андрееве — в том их великое влияние, придаваемое им значение) таинственные пророчества. Я в Чехове вижу художника, они — молодежь — учителя, пророка. А Чехов учит, как соблазнять женщин [2]. Во-вторых, настанет общение с японцами: они нахлынут к нам, наши — к ним. Знаете оборотную сторону письма «Matin» к Рокфеллеру? «Matin», наверно, подкупленный, обращается к Рокфеллеру, чтобы ради прекращения кровопролития между двумя великими народами дал три миллиарда за Россию Японии, чем он составит вместе с Рузвельтом славу Америке [3]. Профессор Шкляревский из Киева прислал мне телеграмму; сперва меня превозносит, потом просит, чтобы я поддержал «Matin»[4]. Рокфеллер — нефтяной король. Он уже прежде инкогнито ездил в Петербург, хочет приобрести монополию на Сахалине лет на 30—40, а приобретет ее, только если Сахалин не будет японским. Как надо быть осторожным!

Л. Н. получил письмо от Тамуры из Токио: «Не глупое, но и не значительное» [5].

Л. Н. четыре дня в очень хорошем настроении.

Л. Н. получил «Рассказы об инквизиции». Исторический очерк Н. Н. Гусева, изд. «Посредника». Просмотрел, понравился ему и рекомендовал читать [6].

Сообщил нам из этой книжки, что инквизиция осудила 340 тысяч человек. Из них 32 тысячи сожгла.

Л. Н. об уехавшем Олсуфьеве:

— Он простой и правдивый (нет в нем ни позы, ни фальши). У него в Смоленской губернии шесть тысяч и в Саратовской шесть тысяч десятин. В Смоленской хочет продать лес; я советовал ему, чтобы он сам сводил его, наняв приказчика. Я два раза так делал.

18 августа. Утром приехала М. В. Сяськова. Привезла вечерний «Московский листок» с известием о заключении мира [1]. Л. Н. прочел и сказал:

— Кажется, здесь 〈действует?〉 Рокфеллер, а Рузвельт 〈выступает〉 как его компаньон. Северная часть Сахалина, которая остается в России, наверно, та часть, где нефть.

Пополудни возвратилась Юлия Ивановна из Пирогова. Вечером пришли Гольденвейзеры. Л. Н. принес книжку Гусева об инквизиции и сказал, что это краткая история ересей.

— Настоящее христианство,— сказал Л. Н.,— в ересях. Следовало бы написать подробную историю ересей. Что называется историей христианства — это история церкви, одной из самых извращенных видов ересей.

Л. Н.: Есть у меня толстая «Ketzergeschichte».

Н. Б. Гольденвейзер: У Канта есть о ересях [2].

Л. Н.: Вот об альбигойцах — и Л. Н. прочел соответствующее место из книги Гусева, сказав: — Самое высокое учение, какое может быть: нельзя ни прибавить, ни убавить ничего. Гусев как славно изложил.

Н. Б. Гольденвейзер: Они и убийство животных считали грехом. А епископ Арльский возбуждал крестоносцев: «Беспощадно бейте всех (в Лангедоке), бог там разберет, кто еретик, кто нет».

Л. Н.: Книжка — 30 копеек, дорогая — 15 копеек следовало бы [3].

Он с одушевлением, как юноша, говорил о книге Гусева.

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ
Ясная Поляна, 13 августа 1905 г.
Фотография Д. А. Олсуфьева

Сегодня получен полный экземпляр «Великого греха» в издании В. Г. Черткова.

Умерла жена Русанова Антонина Алексеевна. Л. Н. написал Гавриилу Андреевичу соболезнующее письмо трогательное [4].

Сегодня был 12-летний мальчик, сказал, что из Гамбурга и что идет на Дальний Восток на войну. По выговору было видно, что он из прибалтийских провинций или славянин (чех, поляк). Л. Н. разговаривал с ним правильно и плавно по-немецки. Дал ему позавтракать и 50 копеек. Вечером Л. Н. жалел, что дал ему. Мальчик врал, случайно встретился ему.

Вечером Л. Н. играл в шахматы, потом согласился на винт с Андреем Львовичем и Гольденвейзерами.

19 августа. Тиф в 16 дворах Ясной Поляны. Л. Н. сегодня вечером говорил, не надо ли закрыть на время колодцы и вычерпать всю воду. Он согласился со мной, что частные веревки и частные ведра — вещь плохая.

За обедом Л. Н. с Гольденвейзером-отцом говорили о князе Черногорском Николае.

— Он,— сказал Л. Н.,— переводил и мое что-то, он и поэт.

Н. Б. Гольденвейзер добавил:

— И издатель «Гласа Црногорца», сам издает.

Потом говорили о славянских языках и способах письма.

Н. Б. Гольденвейзер: Чешский язык самый далекий от русского.

Я поправил:

— Словинский [1].

Л. Н.: Я думал, что буду понимать по-чешски, взял их прославленную «Краледворскую рукопись»...

Намекая на предстоящий концерт Гольденвейзера, Л. Н. потом сказал:

— Как правило, музыка играет в мысли после исполнения, а у меня — перед. Когда натягиваю сапоги, мне все слышится менуэт Гайдна.

Все рассмеялись.

Л. Н.: Чешский квартет играл «Жаворонка» Гайдна, прекрасно [2]. Но я предпочитаю трио квартету, а дуэт — трио. Чем меньше инструментов, тем точнее игра. У квартета больше дисгармонии. На струне есть только одна математическая точка, которая издает идеальный звук, правее или левее уже звук нечистый. Тут все в мелочах. В темпе четырем нельзя так совпадать, как двоим, и двоим нельзя, чтобы их мысли одинаково, ритмически действовали.

Александр Борисович: Шуман не любил оркестр, все слышал дисгармонию.

Л. Н.: В красках то же. Я знал «Тайную вечерю» Ге по копии Крамского пером, тушью, она в Румянцевском музее. Когда увидел оригинал в красках, не понравился мне [3].

Вечером Гольденвейзер с женой играли третью (?) симфонию Гайдна.

Л. Н.: Чудесно! Прелестная симфония! — и хлопал. Благодарил.

С Гольденвейзером-отцом Л. Н. говорил о «Review of Reviews». Л. Н. заметил, что журнал содержит самые разнообразные *короткие* статьи, после которых остается хаос, сумбур в голове. Стэд — по сегодня полученному «Новому времени» — в Петербурге [4], через своего друга писал, что хочет приехать. Л. Н. ему не ответил.

Л. Н.: Стэд — ловкий человек, он мне не понравился. Был давно, сначала у Александра III, потом у меня [5]. Поднял вопрос о разврате в Англии и ради разоблачения его сам ухаживал за девушкой, но не обольстил ее (not abused her). Писал об этом в «Pall Mall Gazette», которую сам основал (?). Но все это было денежное дело. Нефть, золото можно копать ради наживы, но писательством деньги наживать — безнравственно.

О мире. Газеты пишут, что японцы приняли русские условия (они пишут «ультиматум»).

Юлия Ивановна: «Новое время» сердится на заключение мира. Суворин пишет, что Россия никогда не заключала такого позорного мира [6].

Л. Н.: Как же! А Парижский? [7] А потом мы не можем знать, правда ли, что газеты пишут об условиях мира. Больше вероятия, что это вранье.

А. Б. Гольденвейзер: Теперь газеты так читаются, что перестают читать не только книги, но и журналы.

Л. Н.: Что «Новое время» пишет, это читателям — источник их знания, вершина их ежедневного образования! Образованные люди читают «Новое время»! Все это ложь...

Был разговор о Н. Ф. Федорове, библиотекаре Румянцевского музея. Л. Н. обстоятельно рассказывал про него. Он был знаток литературы по истории, философии, юриспруденции и проч. Советовал охотно каждому

книги, которые нужно читать по его предмету. Библиотекарство было для него священным долгом.

— Кто под его руководством читал книги в библиотеке, уже, наверно, были лучше образованны, больше знали, чем окончившие университет, чем те, которые слушали лекции,— сказал Л. Н. — Он и мне помогал. Жил в каморке, спал на сундуке на «Новом времени», но оно ему не повредило. Был целомудренной, святой жизни. Все раздавал бедным. Дожил до 80 лет. Верил, как Достоевский, Соловьев, в материальное воскресение, что все люди будут жить ⟨после смерти⟩ и достигнут блаженства. Это сделает наука. В библиотеках, музеях хранятся труды ученых, которые мы должны усваивать. У него было смешение начал религиозного сознания с грубым материализмом. Меня не любил за мое нематериальное, духовное понимание жизни.

Еще был разговор о Пшибышевском, о Канте.

Н. Б. Гольденвейзер сказал о Пшибышевском, что он ницшеанец, его герои делают то, чего желает их тело...

Л. Н.: Я Пшибышевского не читал. Верлен, Брет Гарт напивались и писали в таком состоянии.

Николай Борисович о Канте.

Л. Н.: Я его «Критику практического разума» выше ставлю «Критики чистого разума».

Николай Борисович: Кант говорит, что есть *одна* религия (Евангелие) [8].

Л. Н.: И Гюго в стихотворении «Religions et religion» говорит то же самое. В этом стихотворении он сравнивает грехопадение Адама с ниспровержением бога во Французской революции [9].

Посетители, желающие приехать: англичанин, рекомендованный Львом Львовичем и Барятинским. Л. Н. ему отказал: «Сожалею, не могу вас принять». Потом он писал, что хочет посоветоваться, как поступить со своими подданными в Индии (100 тысяч человек живет в его имении) [10]. Мандельштам телеграфировал — принял.

20 августа. Суббота. Л. Н. за обедом:

— Сегодня был у Шеншина. Не нашел никого, возвратился. Тут бежит за мной ⟨человек⟩ и кричит: «Барыня велят возвратиться!» Вышла мне навстречу, просила подождать, пока предупредит мужа. Когда вошел в его комнату, увидел: сидит старушка. Ищу его, а это он так постарел, похудел, стал похож на старушку или на Плюшкина. Был такой толстый, красивый, здоровый. Он расшибся о луку седла, когда лошадь оступилась в засыпанную яму. Теперь опухоль кишки, врачи говорят: рак. Снегирев говорит: не рак — и посылает его в Швейцарию на операцию к Кохеру. Я согрешил немножко, рекомендовал вас позвать,— сказал Л. Н., обращаясь ко мне. Л. Н. рекомендовал меня, вероятно, из желания — хотя надежда была небольшая — помочь ему. Точно так же поступил бы мой батюшка или же другой старый добряк-словак, хотя, если бы он посоветовался со своим разумом, то убедился бы, что это напрасное дело.

За столом сидели Александра Львовна, Надежда Павловна, Юлия Ивановна, М. В. Сяськова и я с Л. Н-чем. Л. Н. спрашивал дам, сколько лет каждой, и заметил, что они сидят в порядке старшинства. У Толстых часто спрашивают женщин об их летах. У нас это не принято.

Вечером на великолепной лошади за мной приехали от Шеншина. Домой в 11 ночи.

Л. Н.: Я виноват, что вас позвали,— и спросил, что у Шеншина.

Я: У него саркома, вырезать немыслимо, так что ездить за границу бесполезно, а проходимость кишки восстановить и здесь можно. С ней (женой) можно все открыто говорить.

Л. Н.: И с ней нет, а с больным тем менее. Мне говорил Захарьин, что такие больные не любят, когда им не дают надежды.

Я: Как вы описывали болезнь Ивана Ильича? Изучали учебники?

Л. Н.: Не помню. Кажется, расспрашивал докторов. Напишите, пожалуйста,— сказал мне Л. Н.,— два немецкие письма — к Кросби [1] и Боде (Боде прислал статью о посещении Л. Н-чем Веймара [2]). «Правильно описано»,— сказал про эту статью Л. Н.

Л. Н.: Сегодня были у меня двое, один — учитель-ницшеанец. Говорит: все — в характере, в силе.

21 августа. Л. Н. получил книгу «Japan» by Lafcadio Hearn [1]. Вероятно, ее послал Рейнак, т. к. он говорил о ней.

—Различает три степени шинтоистской государственной религии японцев,—сказал Л. Н. и кратко познакомил нас с этими степенями. Первая степень — личная, духи умерших; вторая — общинная: глава семьи становится патриархом; третья... — (эту) «chapitre» * я еще не читал — духи микадо самые высокие.

Мария Александровна: Бога не имеют?

Л. Н.: Не имеют. Скудная религия. Теперь после мира скоро приедут ко мне японцы.

Я сказал Л. Н., что теперь было бы время отменить дисциплинарные батальоны и что напишу об этом Меньшикову.

Л. Н.: Да, ему это будет удобно. Либералы думают, что стало везде свободнее, вольнее, а там, в глуши, закостеневшая каторга, дисциплинарные батальоны. Я написал министру Булыгину о павловцах [2].

Л. Н.: Третьего дня говорил с колпненским безграмотным мужичком о мире и о земле, об отмене податей на сахар, железо, чай, водку. *Все понял.* Это упрощение ему очень понравилось. Когда мы разошлись, крикнул еще мне вслед: «Приложите трудов, постарайтесь об этом!»

Софья Андреевна: И водки? Будут больше пить.

Л. Н.: Я помню, когда в Малороссии свободно по домам курили водку и меньше пили, чем теперь. Водка дома есть, но богатые меньше пьют, а пьют бедные из-за нужды. При едином налоге нужда стала бы меньше.

22 августа. Рождение Софьи Андреевны. Л. Н. посещает тифозных из дома в дом. Я был три раза у Шеншина. Деятельный человек, организатор, каких среди русских мало. Вечером были Кузминские, Митя (их сын), семья Эрдели, А. А. Берс, Мария Александровна, Надежда Павловна, Мария Васильевна. Эрдели играл венгерские танцы Брамса. Л. Н. просил повторять, топал ногой в такт. Татьяна Андреевна пела романсы. Сидели до часу ночи. Все было без всяких условностей, натянутости, как если бы не было дня рождения, а просто собрались родные, гости. Л. Н. с Кузминским интересно разговаривали о Баку, армянах, татарах, грузинах.

В «Русских ведомостях» 21 августа статья об июльской книжке «Русской мысли», где между прочим сказано: «Внимание читателя привлекается прежде всего подписью Л. Н. Толстого под помещенной в июльской книжке статьей «Великий грех». Редакция «Русской мысли» поместила статью, сделав примечание, что она расходится с автором ее по существенно важным вопросам. «Великий грех», о котором говорит Л. Н.,— «грех земельной собственности». Великий писатель земли Русской, излагая учение Г. Джорджа и считая это учение неопровержимым, далеко уходит от тех воззрений, которые он проводил когда-то, задаваясь вопросом «сколько мужику земли нужно». Воззрения, выраженные в статье, имеют интерес, главным образом, благодаря громкому имени знаменитого автора» [1].

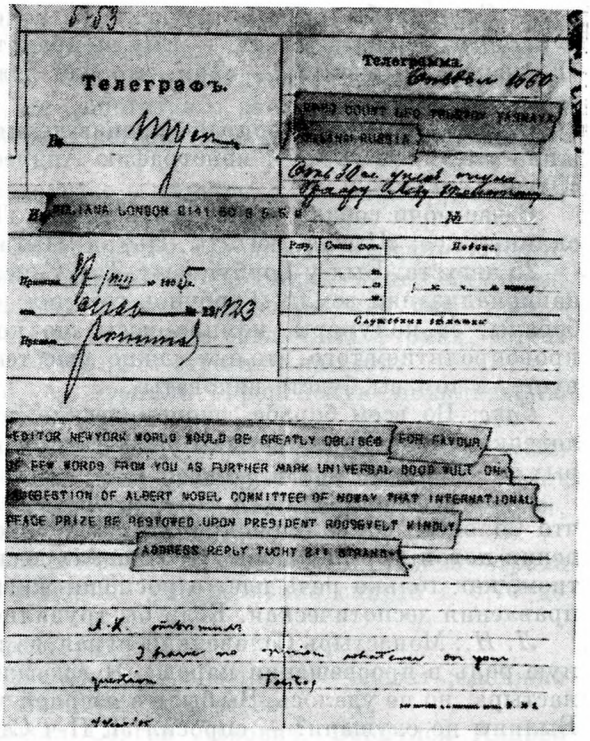
23 августа. Дождливый, пасмурный день. А у меня на душе тоже пасмурно. Я читал «Tagebuch einer Verlorenen» Margarete Böhme [1]. Писал письма, много: восемь. Я отчаивался, что батюшку огорчаю, что еще ос-

---

* «главу» (*франц.*).

ТЕЛЕГРАММА ТОЛСТОМУ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK WORLD» ОТ 27 АВГУСТА 1905 Г.

Внизу ответ Толстого от 4 сентября 1905 г., записанный рукой Маковицкого


Телеграфъ.

Телеграмма.

EDITOR NEWYORK WORLD WOULD BE GREATLY OBLIGED FOR FAVOUR OF FEW WORDS FROM YOU AS FURTHER MARK UNIVERSAL GOOD WULT ON SUGGESTION OF ALBERT NOBEL COMMITTEE OF NOWAY THAT INTERNATIONAL PEACE PRIZE BE RESTOWED UPON PRESIDENT ROOSEVELT KINDLY ADDRESS REPLY TUCHY 211 STRAND

таюсь, а когда отсюда уеду, куда пойду? В клинику мне не хочется. Получил письмо от отца, зовет домой, просит, настаивает. Мне трудно ему отказывать, но не хочется ехать.

Л. Н. играл в шахматы, в винт. Заметил, что я грустный, и спросил про мое здоровье. Потом дал мне письмо Черткова, который просит Л. Н., чтобы писал, главное, о религии, о положении человека в мире. Присылает ему книгу о Японии и книгу «Prince Bulbul» (написанную английским пастором, сделавшимся единомышленником Л. Н. и вследствие этого оставившим пасторство) — о персиянине, приехавшем в Англию узнать христианство [2].

Л. Н.: Во вчерашних «Русских ведомостях» сообщается, что я раньше мужикам меньше земли сулил. Никакого земельного надела им не определял. Эта сказка, «Много ли человеку земли нужно» [3], христианская. Христианину не нужно земельной собственности. Как это видно, как им эти мои взгляды не по шерсти!

Я: Я написал ночью заметку по этому поводу и послал в «Русские ведомости» [4].

Л. Н.: Меня интересует то, что вы написали...

Л. Н. сегодня получил книгу Андреевича «Толстой». Собраны статьи Андреевича о нем; хороши его беседы с Л. Н-чем. Андреевич—псевдоним[5].

Л. Н. показывал Кузминскому «Историю Александра I» Шильдера.

Л. Н.: Моя — разумеется, не исполню — мечта — написать историю Александра Первого с точки зрения Кузмича, как если б он ее писал [6].

24 августа. Кузминские и Эрдели только сегодня уехали.

За обедом Л. Н. сказал:

— Читаю «Japan» и «Bulbul in Search of a Religion». Хорошие. Я хочу предложить Маше перевести «Japan» и «Bulbul». «Japan» испорчен ученостью, но автор рассуждает... До сих пор он наполнен спенсеризмом, надо выпускать.

— Сегодня был у меня студент Технологического института петербургского, — сказал Л. Н. — Ему не нравится революционное движение. Я спросил: «Почему?» — «Тем, что зло делают при том». — Я дал ему несколько книжек.

Софья Андреевна собирает произведения Л. Н. для XV тома. Отложила «Великий грех» и монографию Андреевича «Л. Н. Толстой». В ней «Ответ Синоду» Л. Н.

В час ночи собака лаяла перед домом. Л. Н. вышел на балкон и тихо окликнул ее: «Цыган, чего ты, Цыган, Цыган!»

25 августа. Был у Горбуновых. Там Сакс, социал-демократ. Он против национализации земли. Горбунов говорил: «Вы, социал-демократы и либералы, за полумеры, компромиссы, но когда народ будет домогаться кровопролитием того, что ему можно уже теперь дать, а вы воспрепятствуете, в том вы будете виноваты».

Сакс: Во всем борьба, экономические условия. — Рассказывал о Соловецком монастыре, что там эксплуатируют годовиков (рабочих), которых там бывают тысячи в год.

В это время приехал Л. Н. Услышав о Соловецком монастыре, сказал что Соловки, социал-демократизм, духоборство — все это попытки заведения новой формы жизни. В Соловках деспотизм и у духоборцев деспотизм, как только речь идет о роскоши жизни, ⟨устанавливается⟩ форма правления деспотическая. Если бы трудились...

Л. Н.: Монастырь Соловецкий играл, да и до сих пор играет заслуженную роль в просвещении народа. Я всю жизнь желал в Соловецкий монастырь, но не удалось. Вы были в озерной части Олонецкой ⟨губернии⟩? Былины не слушали? — спросил Л. Н-ч Сакса.

Горбунову я говорил, что Чертков побуждает Л. Н. написать христианский катехизис и не отвлекаться работами на злободневные темы.

Л. Н. никогда не напишет катехизиса. Он не может переделывать, он все вперед идет и творит. Начнет катехизис, и получится новая работа о религии.

За обедом Софья Андреевна:

— Я сегодня думала о том, что ты сказал, что те умирают трудно, у кого воображение. Это неправда. Надо сказать: «У кого воображение на неправую сторону направлено».

Л. Н.: Жизнь — постоянное умирание. Дети Горбуновых — умирают Надо жить так, чтобы легко было умереть.

Софья Андреевна: Почему надо постоянно думать о смерти? Надо радоваться жизни.

Л. Н.: То, что мы, живя, приближаемся к смерти, математически верно. Это не исключает радостей, они будут от такого сознания чистые, непреходящие... Мы родимся, чтобы умирать. Когда знаешь, что идешь в Архангельск, то глядишь, куда идешь — в Архангельск, а не в Мамадыш.

Потом говорили о Саксе, как он по-марксистски понимает жизнь. Все сводит на экономические условия и на борьбу классов. По его мнению без борьбы классов достичь ничего нельзя. Крестьянам надо обеспечиться таким государственным строем, при котором они могли бы добывать и отстаивать добытые права.

Затем Л. Н. перевел разговор на другое:

— Цыган видели? Укрылись от ветра в овраг.

Л. Н. (о Саксе): Он (Сакс) путешествовал с учениками (десять учеников Тенишевского училища). В Соловках не обращал их внимания на старцев, на духовную жизнь монахов, странников, на вегетарианство (запрещают убивать дичь, лисицы приходят в монастырь); видел и показывал им только, как грязно живут годовики, как много работают. Это могут видеть в Петербурге, и работу тяжелее, и нужду. Ученикам пользы

не было, а скорее вред от такого учителя. Он говорит, что дольше года не остаются там годовики, что они недовольны, а я знаю, что туда охотно идут и довольны. Дома сноха, сын ему нагрубит, кабак, брань, заботы. Там не слышит брани, не заботится о завтрашнем дне, верит в святую жизнь монахов — спокоен. Постится весь год, не убивает животных.

После прочли в Энциклопедическом словаре о Соловках [1], затем я ушел к больному на Отводе.

Вечером Л. Н. читал нам долго книгу «Japan» by Lafcadio Hearn. Рассказал нам, что прочел в ней о японских церемониях. У них есть предписание не того, чего нельзя делать, а что надо делать, как надо поступать с другими. Обращение на «ты» в девяти различных формах, «отец» тоже в девяти разных способах. Рубанком строгают на себя.

Л. Н.: Как радостно жили, а переняли европейскую цивилизацию с фабриками и войной.

— Читаю Канта,— сказал далее Л. Н. — В первый раз его «Die Religion in Grenzen der Vernunft». Кант различает три стороны в человеке: животную — инстинкты; человеческую — рассудочную, как у пчел, общественную; третью, личную — persönliche [2].

Я показал Л. Н. в Энциклопедическом словаре данные, как *за первые годы монополии* в России уменьшилось употребление спирта с 0,70 до 0,49 (ведра) на человека [3].

Л. Н.: Неужели это от монополии?

Л. Н. не верилось, чтобы внешняя мера могла это сделать; должно быть, в народе сознание греха пьянства усилилось.

26 августа. Пятница. Приехал Сергей Львович. Вернулся Андрей Львович из Москвы. Вечером пришли Горбуновы.

Л. Н. (за обедом): Получил два письма о «Великом грехе» из Америки. В России тихо, до сих пор ни одного письма, отзыва. Адвокат из Нью-Йорка пишет: «Вы правы, что против Генри Джорджа заговор. Кроме чикагской «Public», ни одна газета не перепечатала целиком «The great iniquity» из «Times». Проект Генри Джорджа осуществится». Другой — фермер 68-ми лет — пишет: «Я охотно отдал бы 10 акров общине, учрежденной на началах Генри Джорджа, и оставил бы себе для обработки только 11-й (только один акр я в состоянии обработать)».

Вчера читали вслух повесть Льва Львовича, напечатанную в «Ниве» [1].

О толстой книге «Аграрный вопрос» различных профессоров Л. Н. отозвался недоброжелательно [2].

Вечером Горбунов рассказывал, что Мартенс — один из русских представителей на конференции в Портсмуте — сказал, что Россия теперь после урока будет осторожнее на Дальнем Востоке [3].

Л. Н.: Они (правители России) видели обирание чужих народов с помощью какой-то тонкой операции. «Когда англичане обирают народы, почему и нам не обирать, тут ничего худого, можем и мы». И они прямо полезли в карманы, а тут их по морде. А тут умные Мартенсы глубокомысленно заключают: «Не захватывать слишком много».

Горбунов прочел Л. Н. письмо Щербака из харьковской тюрьмы. Пишет, что за 20 лет тюрьмы в России ни в чем не изменились.

Его поймали обманом, полиция обманула стороживших его крестьян [4].

Л. Н.: Розги в XVII веке не были так чувствительны, как теперь тюрьмы. Ваши внуки будут удивляться, как это сто лет тому назад люди могли ловить людей, заключать их и не выпускать?! Как Щербак из Калифорнии, где у него семья, хозяйство, ⟨мог⟩ очутиться в тюрьме!

На столе были новые книги о декабристах, привезенные Сергеем Львовичем.

Сергей Львович: Пытали декабристов?

Л. Н.: Нет. Но заточили их в сырой подвал, что же больше? Это Черкасский проговорился: «Убийцу Плеве надо бы попытать; застрелить мало, стреляют и солдат».

Л. Н. нездоровилось три дня. Когда ему нездоровится, утром при свидании спрашивает меня: «Как поживаете?», чтобы я его не расспрашивал о здоровье.

Углубляли и чистили пруд. Чтобы копачи не заболели, сначала влили в него для дезинфекции шесть ведер раствора марганцевого кали.

27 августа. Суббота. Теплый день. Завтракали и обедали на веранде. Приехала Софья Николаевна с третьим сынком [1].

После обеда пришел ко мне Л. Н. и сел у постели.

— Что делаете? Живой ли вы, Душан Петрович? Как холодно у вас, не сердитесь ли?

И, действительно, здесь холоднее, чем в его кабинете. Они (семейные) были правы, перемещая Л. Н. на второй этаж, внизу сыро.

— Да, сержусь, только на себя.

Л. Н.: Получил «Public» с «The great iniquity» и критику на него в «Spectator» [2], и письмо Кросби. У его жены 1000 акров земли не приносят дохода. Затрачивают на нее 10 тысяч. Когда сдали в аренду, получали 400 долларов, а арендатор потерял свое. На Broadway у них есть участок — отец лет 60 тому назад купил за 10 тысяч. С этого участка платят налогов 20 тысяч, стоит полтора миллиона... Письмо Кросби — play for Henry Georgeism *, и в «Public» есть в этом духе статья [3].

Кросби в своем письме благодарит Л. Н., что обратил его внимание на Ллойда Гаррисона и Генри Джорджа, которых он раньше не знал (Гаррисона совсем).

Из письма Кросби от 22 августа: «I like your way too of combining the doctrines of the Single Tax with those of non-resistance. The inconsistency troubled me for years, but I settled it just as You have. People are going to collect taxes whether we wish them or not. That being the case, it is better that they should collect them justly than unjustly, and scientifically than foolishly» ** [4].

Л. Н. было холодно в моей комнате, пошел наверх в свою, где гораздо теплее, хотя двери на балкон были открыты. Отдал мне еще письмо редакции «Echo de Paris» и приложенный к нему «Questionnaire» ***.

Л. Н.: Интересный «Questionnaire», прочтите. В пункте первом: «Полагаете ли вы смертную казнь законным правом общества?». Во втором: «В каких случаях она допустима?». В третьем: «Если не признаете смертной казни, то не предпочитаете ли ей одиночное заключение?». Это для нас, русских, славян, непонятно, как можно об этом разговаривать. Его (редактора) фамилия Sauvage, он и есть sauvage ****. Я так и хотел ему написать [5].

Оленин прислал Л. Н. свой роман (переписанный на ремингтоне) и просит отзыва. Л. Н. ему ответил, что нет у него времени и сил читать, и поручил вернуть рукопись [6].

Софья Николаевна пела, Сергей Львович аккомпанировал, Л. Н. слушал через открытую дверь из своего кабинета. Спрашивал о газетах и о том, где Портсмут? В атласе Маркса его нет [7]. За чаем неинтересный разговор. Завтра будет много гостей, будут приезжать ночью.

---

* за джорджизм (*англ.*).

** «Мне нравится, как вы сочетаете учение об едином налоге с непротивлением. Я годами мучился от несовместимости их, но нашел разрешение точно такое, как и вы. Налоги все равно собираются, хотим мы этого или нет. А раз так — лучше, чтоб их собирали справедливо, нежели несправедливо, по-ученому, а не глупо» (*англ.*).

*** «Вопросник» (*франц.*).

**** дикарь (*франц.*).

28 августа. 77 лет со дня рождения Л. Н. Утром я был у Шеншина. У него асфиксия. Спросил меня, опасно ли это. Я ответил, что нет. Как я ему это ответил, стало совестно, что умирающему, с таким доверием ко мне обращающемуся, говорю неправду. Просил еще приехать. Пополудни в три с половиной часа, когда я приехал, он уже скончался.

Жена его не плакала, не потерялась, сказала: «Вы были такой хороший. Зачем он умер?». Для меня с Шеншиным умер *близкий друг*, хотя мы друг друга едва знали, но такой откровенный и простой человек! После я рассказал Л. Н., как я не сказал умирающему правду и как это мучило и мучает меня.

Л. Н.: По-моему, надо было сказать.

Приехали Сухотины, Илья Львович с Софьей Николаевной и Анночкой, А. А. Берс, С. А. Бибикова, Мария Александровна, Горбуновы, Коншин, Булыгин, А. Н. Дунаев, княгиня Волконская, князь Черкасский и его мать (?), Гольденвейзеры.

Л. Н. сказал Булыгину:

— Почему же вы приехали тогда, когда меня дома нет? — намекая на шум и обязанности внимания к другим гостям. Черкасский, адъютант Максимовича, рассказывал Л. Н. о Варшаве. Л. Н. внимательно слушал и очень жалел поляков.

— Русские,— сказал Л. Н., — виноваты перед ними. Несчастные, натрое разорванные поляки! Если наши (поляки) и станут сами себе господами, Пруссия своих никак не выпустит.

Речь о Варшаве, где военное положение, забастовки, резня. Потом о Баку, где новая страшная резня и горят нефтяные промыслы (всего там 2 500 нефтяных вышек). Л. Н. сочувствует и полякам, и кавказцам (он за федерализацию).

Вечером Кузминский читал вслух «Корнея Васильева».

Л. Н.: Историю эту мне рассказал Петрович (В. П. Щеголенок)... В общем эпический рассказ, как библейский, без приключений [1].

Л. Н., как был, так и остался художником, разве еще выше поднялся.

Потом Юлия Ивановна читала «Конец века», который Л. Н. сегодня хочет закончить [2].

И. И. Горбунов послал телеграфные известия о сегодняшнем дне в «Русские ведомости» и «Сын отечества». Посылал ради друзей, которым эти известия драгоценны [3]. Мы забываем про них. Мы эгоистичны, не сообщая сведений о Л. Н. Общество теперь очень мало внимания обращает на Л. Н. 50-летие его литературной деятельности, 75-летие со дня рождения прошли тихо, почти незаметно. Для нас так лучше, но для широкой публики — нет.

Сегодня повесили вывеску на книжном магазине «Посредника» в Москве [4]: будут иметь, кроме изданий «Посредника», книжки детские, школьные и избранные книги других издательств.

Шампанское, шахматы, винт, балалайка, пляска; Софья Николаевна пела, аккомпанировал Сергей Львович. Л. Н. ради собравшихся гостей старался шутить. А. А. Берсу запрещал смеяться по-генеральски. Настроение у всех распущенное, не соответствующее дню. Только Мария Александровна вела себя, как следует, тихо, сдержанно в еде и питье, скромно. Воодушевления не было. Торжественных поздравлений, речей — тоже нет: они русским — настоящим — не по духу. Л. Н. терялся в шумном обществе.

Между прочим Л. Н. сказал:

— Прудон (Герцен меня к нему направил) устраивал рабочие собрания; ни к чему не вели. Все начинали болтать, ораторствовать Не то, чтобы имели о чем говорить, а искусственно.

29 августа. У Л. Н. был П. Ф. Безверхий, телеграфист из Асхабада, из крестьян Харьковской губернии. Очень симпатичный, хочет идти к крестьянину в работники и отказаться от воинской повинности. Л. Н. ему первое отсоветовал — советовал ему остаться в положении, в каком есть. В Асхабаде у него два единомышленника.

Вечером шумно, около 20 человек. Л. Н. поздно вечером читал вслух Герцена.

Л. Н.: Он разочаровался в европейской цивилизации; в России есть одно (сулящее надежду): «общинное владение землею», взгляд на землю, что она не того, кто не работает на ней, и незакоснелость во взглядах, искание, готовность. Герцен 40 лет тому назад видел: главный вопрос русского народа — земельный [1].

— А Бакунин? — спросил кто-то.

Л. Н.: Бакунина не люблю. Бакунин — такой революционер. Герцен — это поэтическая натура и философская.

Л. Н. читал вслух рассказ Герцена «Поврежденный» и восхищался им. (Историческое развитие — morbus endemicus * Европы, который распространяется отсюда по миру, как желтая лихорадка с устьев Миссисипи, холера с берегов Инда [2].)

Л. Н.: В мыслях «Поврежденного» Герцен высказывает свои мысли, которые он не берет на себя, чтобы прямо высказывать, а так это можно кидать необдуманно, смело. «Поврежденного» надо всего в «Круг чтения» [3].

Какой Л. Н. упорный в работе! Чтобы найти в «Круг чтения» что-нибудь, перечитывает *всего* Диккенса, *всего* Герцена.

Л. Н.: А как он ехал с немцем от границы, когда первый раз проезжал (читал в третий раз вслух до того места, где рассказывается о «собственноручном носе» немца)! [4]

Нравится Л. Н-чу. Потом Л. Н., чередуясь с Дунаевым, читал из Герцена о славянах и о немцах.

30 августа. Был Тимофей Тарханов из Екатеринодара. Много говорил. Л. Н. дал ему «В чем моя вера?». Когда он уехал, Л. Н. сказал нам:

— Этот был философ, а вчерашний (Безверхий) — христианин. Вчерашний получает 50 рублей, а тяготится, что живет чужим трудом.

Вечером Штанге. Приехал поговорить о крестьянском съезде, на котором был. Крестьяне все были за то, чтобы не было земельной собственности, только в том расходились — выкупить ли ее у помещиков, или отнять и дать им пенсию. Приехал поучиться у Л. Н., но против каждого слова Л. Н. спорил.

Для Штанге единый налог — это малая мера: остается дом, капитал, не обложенные налогами; отнятие земли — это слишком радикально; будут строить 28-этажные дома в городах, чтобы эксплуатировать землю.

Л. Н.: Это делают и теперь, переселенцы должны будут сразу платить налоги с земли и т. п.

Л. Н.: Придумайте лучшее, я охотно приму.

Штанге: Что же, земля будет принадлежать государству?! Или общинам?!

Л. Н.: Пусть они между собой распределят пользование.

Штанге: Оценка домов в городах легка, через пять лет по аренде вычисляют, а землю как будут оценивать?

Л. Н.: Генри Джордж говорит: «Земля не может быть собственностью. Рента с земли пусть будет общая, пусть идет в пользу всех, пусть все имеют равные права на нее, это можно и при анархическом строе».

---

* эндемическая болезнь (*лат.*).

ТОЛСТОЙ НА ПРОГУЛКЕ
Ясная Поляна, 1 сентября 1905 г.
Фотография С. А. Толстой

Л. Н.: Если бы при освобождении крестьян выдумывали подобные возражения, ведь им конца нет, ведь это так же могли бы, как теперь (против Генри Джорджа).

Штанге спорил, как Бестужев-Рюмин, обо всем. Л. Н. ему сказал словами Диккенса об английском парламенте, что он (Штанге) старается how not to do it *, а Штанге повторял, что пришел поговорить о национализации, чтобы ее Л. Н. не отметал.

Л. Н. ему, наконец, сказал:

— Не стоит с вами говорить, придумайте лучший проект, я его приму. Генри Джордж — какой ум, душа христианская. Посвятил 20 лет этому вопросу, но его и в Америке, и у нас замалчивают. «Times» к моей статье сделал примечание, что проект Генри Джорджа устарелый, оставленный.

Л. Н.: Американские газеты — conspirative reticence **. Одна «Public» напечатала полностью «Великий грех». «Русские ведомости» и «Московские ведомости» — одно и то же в смысле лжи.

На возражения Сухотина и Штанге Л. Н. сказал:

— Как не хотели напечатать статью Давыдова об убийстве городовых, так консерваторы и радикалы-либералы сошлись на замалчивании Генри Джорджа. Но решат земельный вопрос не они, а те, которые работают, — калужские мужики, которые сегодня пруд копали и усталые легли спать. Как это случится (или какие будут последствия Русско-японской войны), ничего не предвижу. Это как берег под водой. Видна только гладь воды, вода опадает, а берег постепенно открывается. Так, как в духовном бог открывается.

---

* как бы не делать этого (*англ.*).
** заговор молчания (*франц.*).

Говорили о современной культуре.

Л. Н.: Самое выгодное — железом крытая изба, паровые плуги, бетонная плотина, автомобиль, но есть пределы приобретения их. Как тот мужик сказал, что скорее дойдет, куда ему нужно, пешком, чем ⟨доедет⟩ по железной дороге, потому что на билет надо, во-первых, заработать деньги. Так и на плуг, на сеялку. Мужики, которые их заводят, это кулаки или такие, которым это при насильственном порядке жизни возможно. Человек, который может другого заставить работать на себя, может покупать паровую молотилку, как Сухотины, за семь тысяч рублей на тысячедесятинное хозяйство.

— Это глупость, что мы сделали,— сказала Татьяна Львовна.

— Как подмосковные мужики,— продолжал Л. Н.,— заводят плуги, железные крыши и пр. — это предмет сложного исследования, они живут деньгами, получаемыми из Москвы, с дачников,— (деньгами), которые получаются насилием, как деньги англичан с Индии, Египта.

Духоборы купили паровые плуги, влезли в долги, а на перевоз якутских (180 духоборов, к которым поехал два месяца назад Конкин) не было денег.

— Были, через мои руки прошло 20 тысяч, — возразил Дунаев.

Л. Н.: У меня искали. Духоборцы, тысяча человек, до сорока лет, отлучаются от семейств и идут на заработки. Каждому приходит вопрос: для чего? Чтобы были паровые плуги, престиж; чикагская фирма послала им плуги для рекламы.

Веригину выстроили комфортабельный дом, имеет слуг. Деспотическое правление. Конкин — его министр. Все это распадется. Голые спасут.

Еще Л. Н. говорил о современном разделении труда.

— Графины — практичная вещь, но гибнут мальчики, производящие их. *Только в нормальном обществе можно будет определить, что можно производить, чего нельзя.* Когда не будут насилием заставлять одни других на себя работать. Автомобиль это лучше всего иллюстрирует. Сколько врач отдает труда, а сколько получает? Вчерашний крестьянин (Безверхий) служит телеграфистом на железной дороге в Асхабаде, тяготится 50-рублевым жалованьем.

Л. Н.: Симон говорил китайцу, что могут машинами уменьшить себе труд. Китаец ответил: «Мы хотим трудиться» [1]. Когда человек в день не работает пять-шесть часов, он уже ненормально живет.

Еще говорили об окончании войны и заключении мира.

Л. Н.: Сперва мир задел во мне патриотические чувства, что он позорный, что мы слишком много уступили, но потом утешился и не перестаю радоваться. Именно так нужно. Унижение и неозлобление. — Затем Л. Н. с истинной радостью и умилением: — Если бы немцы отдали Киао-Чао, англичане — Вэйхайвэй, то было бы торжество мирного разума. Если вернут, что отняли, то будет торжество их поведения, подобно тому, что случилось со штундистами.

— Собственно с Сютаевым,— вставил я.

Л. Н.: Православные из соседних деревень пришли и разграбили их имущество. Штундисты не препятствовали им силой. Когда привезли домой, раздумали и отвезли обратно.

Л. Н. об окончивших высшие учебные заведения сказал, что не имеют оригинальных мыслей. Витте имеет их. Хотел распустить земства: на что они, когда есть Трепов?

Л. Н.: Люди, которые оканчивают университет, не придумают ничего оригинального. Это говорил и Тургенев. Я это слышал от крапивенского купца.

Заговорили о Государственной думе, что не успокоит интеллигентов, а рабочие туда не попадут.

Штанге упомянул, что Родичев — тверской земский деятель (нынче адвокат) — всецело за Генри Джорджа.

Л. Н. сказал, что Юшко пишет, что не может осуждать убийства, поджоги, и просит от Л. Н. строгого, прямого ответа [2].

Дунаев со Штанге и Ильей Львовичем уехали в полночь.

М. С. Сухотин спросил Л. Н., зачем здесь был Штанге?

Л. Н.: Он хотел, чтобы я ему подтвердил, что правда то, что он думает, ⟨и⟩ что неправда — государственное владение землей. Он социал-демократ.

31 августа. Приехали П. И. Бирюков с сынишкой Борей и Саломон. Уехал М. С. Сухотин. Вечером Л. Н. с Саломоном и Бирюковым.

Л. Н.: Когда будут за границей говорить, что бакинские резни вызвало правительство, знайте, что это неправда. Как неправда то, в «Times» писали, будто существовало письмо Плеве, призывавшее к кишиневскому погрому, — никакого письма не было [1], — так и в Баку была одна растерянность, испуг властей, полиции против вооруженной толпы.

1 сентября. Вечером Татьяна Львовна говорила отцу, что в «Едином на потребу» и в других его новых статьях он патриот и что этого не должно быть.

Л. Н.: Это я нарочно делаю, внушаю особенность русского народа интеллигентам, которые смотрят на Запад и заимствуют все оттуда.

С П. И. Бирюковым.

Павел Иванович: По мирской оценке, большая разница между умным (konkurrenzfähig) * и глупым. По религиозной же оценке, если в них бог, то они одноцентричны, разница только в длине радиусов, которые они видят. Глупый видит близкий круг, умный — дальше.

Л. Н.: Вы все любите геометрически выражаться: человек смиренный — в центре, самонадеянный — в радиусе.

Л. Н. получил письмо из Техаса от Pastoriza, который за свой счет распространяет в английском переводе «Великий грех» [1]. Получил второе письмо от Шопова, неприятное; тот находит в «Едином на потребу» противоречие в том, что в войне, по словам Л. Н., не повинны ни солдат, ни генерал, ни царь. Л. Н. сказал:

— Если бы дочитал до конца... в конце ведь стоит об этом [2].

В России ни одного отзыва о «Великом грехе».

Татьяна Львовна сегодня каялась, что играла в Монако.

Л. Н.: Самое худшее раскаяние — это то, когда человек кается, что не воспользовался случаем в мирских делах.

Л. Н. спрашивал о тифе в деревне, всегда просит меня больше ходить по больным.

Уехал Павел Иванович с Борей. Софья Андреевна жаловалась на гостей, что одолели; желает без них пожить. Софье Андреевне я передал список сочинений Л. Н. для XV тома. Составили Николаев и я.

2 сентября. Утром пришли с Козловки А. М. Хирьяков и Maurice Gannier, французский еврей, больной волчанкой, профессиональный попрошайка; очень элегантный господин. Он разжалобил Л. Н., и тот дал ему письмо к Дунаеву и сказал, что готов похлопотать перед Морозовой, чтобы ему можно было лечиться у Финсена [1].

Говорили о Черткове.

Л. Н.: Совестно перед Чертковым — сколько ему работы было с изданием «Единого на потребу» и «Великого греха» — корректуры, пе-

---

* конкурентоспособным (*нем.*)

реводы,— более утруждать его не буду. Надеюсь, что эта — «Конец века» — будет последняя статья.

Л. Н-чу прислал буковинский раввин свою Festrede * в связи с семидесятипятилетием Франца-Иосифа.

Л. Н.: Почему я должен читать Festrede? Это ваш возлюбленный.

Л. Н. (*о ком-то*): Он самой противной мне веры — толстовской.

Александр Модестович рассказал Л. Н. про Кропоткина, что, когда ему заметили: «Если русское правительство проведет национализацию без выкупа, оно утвердится», он ответил: «Бог с ним, с правительством. Лишь бы народу земля стала доступной».

Л. Н.: Даже представить себе не могу многосторонние, огромные последствия этого. Жаль,— сказал еще Л. Н.,— потерялось письмо ко мне, подписанное «гражданкой»; пишет: «Если народ будет благоденствовать, что́ тогда делать интеллигенции?».

Еще сегодня Л. Н. сказал:

— Японский аргумент захвата Кореи — перенаселение — давал бы право Италии захватить Францию.

Третьего дня Л. Н. заметил:

— Гоголь почему-то посмеивался над сватаньем, маленькими городками...

3 сентября. Приехали С. Э. Мамонова и баронесса Боде. Л. Н. попросил меня поискать «О непротивлении» в его сочинениях [1].

За обедом Л. Н. рассказал про Бирюка, жившего на Овсянниковском хуторе,— он умер внезапно, на шоссе, перед монополией. Л. Н. его видел через полчаса после смерти: спокойное лицо. Труп все еще лежит там. Л. Н. раньше про него говорил, что он Робинзон. Где бы он ни поселился, все для себя сам сделает. Татьяна Львовна дала ему земли.

Л. Н.: Он ее огородил, построил домик, покрыл, развел землянику, малину, посадил сливы. В пять часов встанет Мария Александровна — он ей: «Вы только встали, а я что уже поделал». При том отвратительно ругался (только вначале). Из найденного железа делал ведра, ковшики; из лыка лапти; стругал ульи, сани. Всегда был веселый, довольный. Изредка запивал и по два дня пьянствовал. У него был и пункт — мания величия. Рассказывал, что его звал император и разговаривал с ним: «Бирюк, ну что, как?» Л. Н. сказал, что желал бы написать «Робинзониаду» ⟨этого⟩ человека [2].

— Софья Эммануиловна рассказала о баронессе Боде:

— Какая она феминистка! Негодует, что не будет выбирать в Государственную думу, хотя у нее такое же хозяйство, как и у мужчин. И в земскую управу могла бы выбирать. В России женщина имеет больше прав, чем во Франции. Француженка, как выйдет замуж,— рабыня. Немка — «marsch in die Küche! **»

Л. Н.: Три «К»: Küche, Kinder, Kleider ***.

Софья Эммануиловна и Татьяна Львовна: Все-таки женщинам следует дать политические права: *которая хочет*, пусть пользуется этой *обязанностью*. Ведь это обязанность, а не право. Комитеты жалуются, что иногда не могут собрать заседания, никто не является; стало быть, это не легкое развлечение, а обязанность.

— Не так ли, Лев Николаевич? — спросила Софья Эммануиловна.

Л. Н.: Я должен сказать, отчего происходит эта болтовня. Вследствие праздности, оттого, что работу — кормить себя — свалили на других. Если бы работали на себя, то этим не занимались бы.

---

* торжественную речь (*нем.*).
** «ступай на кухню!» (*нем.*).
*** Кухня, дети, платья (*нем.*).

Софья Эммануиловна: Но ведь это они делают для блага народа. Есть между ними хорошие, бескорыстные.

Л. Н.: Народ их об этом не просит. Они это делают, чтобы иметь влияние на управление. Они такие же хорошие люди, как бывают хорошие чиновники, а те служат ради жалованья.

Я: Разве вы не знали бескорыстных политических деятелей: Самарина, Киреевского?

Л. Н.: Самарин, Киреевский были писатели, Иван Аксаков был чиновник, но небескорыстный(?).

«Великий грех» появился в «Русской мысли» при следующих обстоятельствах. Гольцеву, редактору «Русской мысли», ездившему нарочно в цензуру в Петербург по поводу «Великого греха», цензор сказал: «Вам разрешаем печатать «Великий грех», потому что ваш журнал читают одни благонамеренные люди». Если бы читали учителя (как «Русское богатство») и народ, никаким образом не позволили бы...

И действительно, ни одна газета не перепечатала статьи — казалось бы, по этой причине (цензурным условиям), но ни одна обстоятельно, добросовестно и не рецензировала — здесь уже причина та, что не хотят.

4 сентября. Воскресенье. Дождь. Л. Н. ходил в непромокаемом плаще, а пополудни ездил в Ясенки на Делире, заблудился в поле — он, который так знает дороги. За обедом оживленно разговаривал с Софьей Эммануиловной. Л. Н. говорил о Солье, книги которого получил, о его методе лечения истерии, о теории памяти [1].

Софья Эммануиловна: Если б он мог лечить истерию и сумасшествие! Что такое сумасшествие?

Л. Н.: У меня теория, что сумасшествие — эгоизм. Сумасшедшие — люди, занятые самими собой; есть предел, за которым считается занятие самим собой сумасшествием. И самый крайний предел сумасшествия — мания величия. Утрата умственных сил. Есть и другие причины — испорченность мозга, как при прогрессивном параличе.

На возражение Татьяны Львовны, что не всегда эгоизм — сумасшествие, и на приведенный ею пример о каком-то знакомом Л. Н. сказал:

— Если покопаешься, найдешь эгоизм.

К Софье Эммануиловне:

— Между человеком и другими есть связь, которая держит человека. Когда она эгоизмом уничтожится, человек теряет равновесие.

Я каюсь, что мешаю Л. Н. свободно разговаривать с посетителями. Мне любопытно узнать его мысли, сижу при разговоре, а ему при мне неловко повторять беседы, которые он вел и с другими посетителями при мне же. Сегодня я по этой причине ушел, когда Л. Н. говорил с Софьей Эммануиловной. И впредь буду уходить и лучше буду читать его сочинения, пусть и более ранние.

Л. Н. спросил у Софьи Эммануиловны, что читала. Она ответила:

— Карлейля «Кромвеля» [2], его переписку, очень интересную.

Л. Н.: У Карлейля одна хорошая книга — «Past and Present». Первую часть читал в русском переводе [3]. Перевод плохой, с одним лексиконом нельзя переводить, надо знать дух языка.

Софья Андреевна: Ге рекомендовал мне читать записки жены Карлейля.

Софья Эммануиловна: Она вышла за него не по любви, а чтобы помогать писателю-гению, а он был несносный. Я думаю, есть сходство между ним и Горьким. — И начала разбирать семейные дела Горьких, которых хорошо знает. Ее (жену) хвалила. Горький страдает тем, что не принадлежит ни к какой среде; из среды отца вышел и вспоминает о ней с ужасом. Хочет будущей зимой поселиться в Москве, чтобы там завести семейные связи и детям — друзей.

Л. Н.: У людей, вышедших из крестьянства,— Горького, Коншина, Дунаева, Абрикосовых, отца и сына, Четверикова (знаю этих, больше не знаю), у ⟨людей⟩ этой среды есть чистая, нравственная жизнь, а это пересиливает все. Есть и совсем обратное — Савва Морозов.

За чаем Л. Н. разговаривал с Софьей Эммануиловной о Фонвизине, декабристе, ее предке. У него был славянофильский взгляд на общинный уклад. Он был одним из самых старших среди них, 40-летний, генерал. О Завалишине:

— Его злоба дала хорошие плоды. Этот повешенный Рылеев... Чья рука подымется на него? А Завалишин писал о нем, не стесняясь, бесцеремонно, по-своему, горькую правду [4].

Русские разбивают себе головы в борьбе против самодержавия, а Кросби пишет Л. Н-чу 4 августа [5]: «Russia is to lead the world in settling the land question... In Russia too the land question is far more obvious than in our industrial system here — and under *Your* government it can be much more readily altered»*.

5 сентября. У Л. Н. грипп без повышения температуры, без кашля. Унылый, мрачный. В халате, не выходил.

Его дожидался ломовой извозчик из Тулы. Он возил медь на патронный завод, поймали его при краже меди. Полиция отняла у него паспорт. Пришел просить у Л. Н. помощи. Другой — 30-летний мужик из-за Тулы — просил на бедность. Я сказал Л. Н. о них (надо было бы мне самому первому объяснить, а другому помочь).

Л. Н.: Да что же я могу сделать? Поговорю с ними.

Сколько их обращается за материальной помощью к Л. Н.!

Вчера Л. Н. получил два письма. Одно от крестьянина, другое от лавочника; просят у него его заграничные произведения. Л. Н. обоим ответил и написал еще шесть писем [1]. Уже вступил в 78 год и такой бодрый, свежий духовно и телесно. За чаем он мне сказал:

— Доношу вам это — у меня грипп.

Вечером Софья Эммануиловна играла «Травницы» — словацкие народные песни в обработке Францисци. Л. Н. делал замечания на некоторые: «Это венгерская, эту самую и взял Брамс». О двух песнях («Червене яблучко на яблони» и «Дзе ты идзешь, козаче?») сказал, что это малорусские мотивы. Про «Орала, орала» — «Это гимн». Я сказал, что это искусственная, а не народная песня [2].

Л. Н.: Да, искусственная.

О словацкой речи Л. Н. сказал:

— Затрудняет ударение.

Потом:

— Языки — как вавилонская башня.

Затем Л. Н. читал вслух Герцена Софье Андреевне, Татьяне Львовне, Юлии Ивановне, Александре Львовне, Софье Эммануиловне и мне.

Л. Н.: Как Герцен писал в 1867 году! Как предвидел, что последует! («Вы не хотели социализма — будет война» [3].) И была в 1870—71 году.

Потом читала вслух Софья Эммануиловна следующую статью — об Александре I и маркизе Позе (В. Н. Каразине) [4].

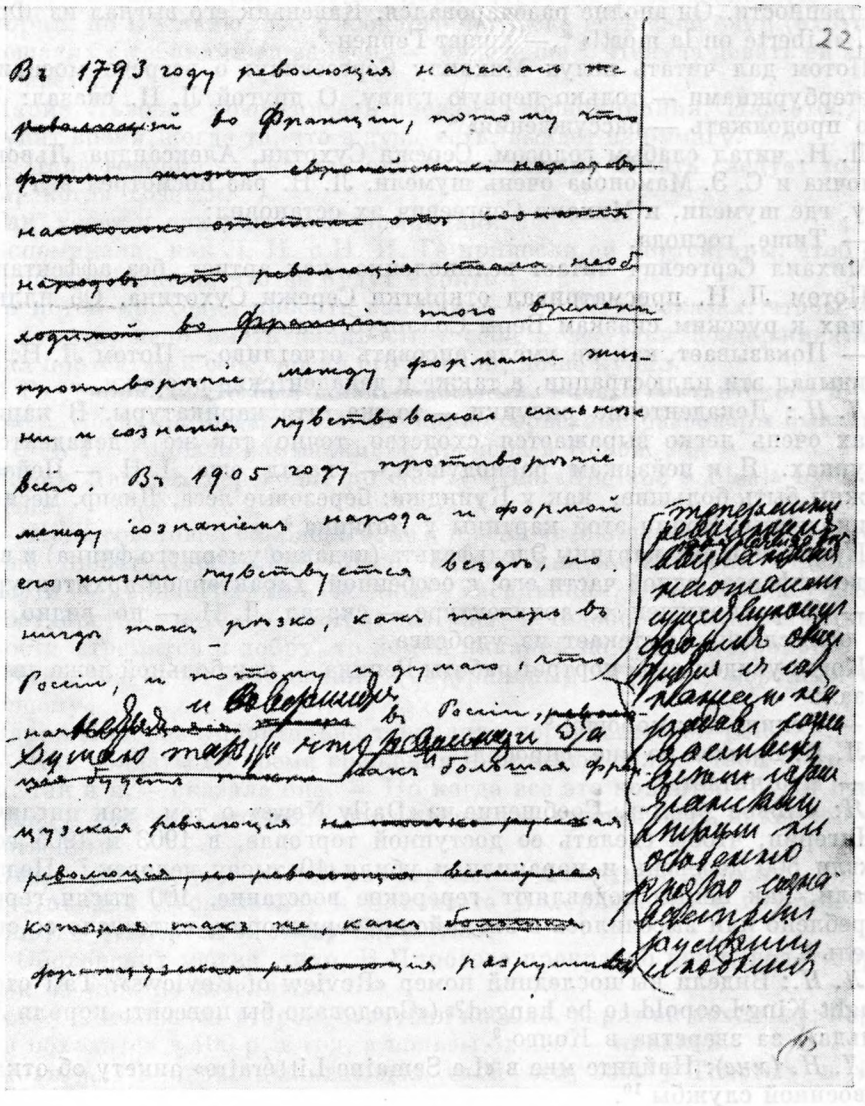
Л. Н. спросил Софью Эммануиловну, читала ли «Кренкебиля» Анатоля Франса?

Софья Эммануиловна: Ведь он пишет легенды, и он социалист.

Л. Н.: Жаль, что он социализмом увлекся. Он самый лучший писатель теперь.

---

* «Россия укажет всему миру путь к разрешению земельного вопроса... В России, кроме того, земельный вопрос стоит гораздо острее, чем в нашей индустриальной стране, и с *вашим* правительством его легче разрешить» (*англ.*).



ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «КОНЕЦ ВЕКА», 1905

Копия рукой Маковицкого с исправлениями Толстого

«Я переписывал «Конец века» — нет ни Юлии Ивановны, ни Александры Львовны. Л. Н. все продолжает «Конец века»».

Запись от 14 августа и 12 сентября 1905 г.

6 сентября. Вторник. Л. Н. чувствует себя лучше, немного кашляет. Вечером о Гете.

Л. Н.: Я в молодости восхищался его отвратительными драмами. Л. Н. вообще не любит Гете.

Л. Н.: Что пишет Герцен о Гете: два разговора в разное время разных лиц с Гете, хорошие [1], прочтем.

За вечерним чаем Л. Н. читал вслух отрывки из Герцена об ученых. Герцен говорит, что они, как пауки, любят одиночество, покой, пыль [2].

Л. Н.: Какое уважение к духу русского народа и разочарование в западной цивилизации, где был безземельный пролетариат и священность

собственности. Он вполне разочаровался. Кавеньяк его выгнал из Франции. «Liberté ou la mort!» *,— пишет Герцен [3].

Потом дал читать вслух Михаилу Сергеевичу: о встрече москвичей с петербуржцами — только первую главу. О другой Л. Н. сказал: «Не надо продолжать — рассуждения» [4].

Л. Н. читал слабым голосом. Сережа Сухотин, Александра Львовна, Анночка и С. Э. Мамонова очень шумели. Л. Н. раз посмотрел в ту сторону, где шумели, и Михаил Сергеевич их остановил:

— Тише, господа.

Михаил Сергеевич читает великолепно, как артист, без аффектации.

Потом Л. Н. просматривал открытки Сережи Сухотина. Об иллюстрациях к русским сказкам Веры Соллогуб сказал:

— Показывает, как не умела рисовать отчетливо.— Потом Л. Н. уже откидывал эти иллюстрации, а также и декадентские рисунки.

Л. Н.: Декадентские рисунки — то же, что карикатуры. В карикатурах очень легко выражается сходство, точно так же в декадентских рисунках. Я к пейзажам равнодушен,— сказал еще Л. Н. — Пейзажи должны быть большие, как у Куинджи: березовые леса, Днепр, месяц — великолепны. Копия этой картины у Боткина [5].

Нравились ему картины Эдельфельта (недавно умершего финна) и виды Гельсингфорса, одной части его, с особенной, характерной архитектурой.

— Я равнодушен к архитектуре,— сказал Л. Н.,— но видно, что эта осмысленна, вытекает из удобства.

Когда увидел свой портрет работы Репина — как больной лежа читает, сказал:

— Репин, как хорошо! [6]

Л. Н. пришел ко мне, спросил:

— Что читаете?

Я: «Новое время». Сообщение из «Daily News» о том, как англичане в Нигерии, чтобы сделать ее доступной торговле, в 1903 и 1904 годах сожгли 500 деревень и поранили и убили 10 тысяч человек [7]. Недавно писали, как немцы подавляют герерское восстание. 100 тысяч гереров истреблено или выселилось в английские территории, вытеснено со своих земель [8].

Л. Н.: Видели вы последний номер «Review of Reviews»? Там статья «Ought King Leopold to be hanged?» («Следовало бы повесить короля Леопольда») за зверства в Конго [9].

Л. Н. (*мне*): Найдите мне в «La Semaine Littéraire» анкету об отказах от военной службы [10].

Л. Н. начал читать о Стэде в «Новом времени» [11].

Л. Н.: Непонятный язык, какие-то намеки.

Софья Эммануиловна уехала.

7 сентября. Меня вызвали телеграммой в Пирогово. Вернулся 12 сентября **[1].

Л. Н. сегодня сказал, что кончил «Конец века» (когда я это сообщил Марии Львовне, она воскликнула: «Стало быть, будет дополнять и переделывать еще месяц или два!»).

Л. Н. сказал:

— Сегодня был очень интересный человек, геккельянец. В кармане — «Вестник знания», очень вредный журнал.

Мне, уезжающему к Марии Львовне (больной), Л. Н. сказал:

— У меня большая охота поехать в Пирогово, но боюсь стеснить их.

Сегодня я во второй раз в Пирогове. Говорили о том, как Александра

---

* «Свобода или смерть!» (*франц.*).

** Следующий далее текст, до конца дня, записан позднее. — *Ред.*

Львовна увлекается фортепиано. Мария Львовна рассказала, что Л. Н. повторял, по Паскалю, что у каждого человека есть свой заяц (охотятся на лошадях с собаками за зайцем) — увлечение [2]. Некуда девать ей энергию, время.

Мария Львовна хочет писать дневник, воспоминания. Надеется, что наступит время, когда то, что в душе есть, выйдет на бумагу.

— Папà говорил,— сказала она,— что письма писать следует только тогда, когда хочется.

Так хочет и она писать воспоминания [3].

Вспоминала, как Л. Н. с Н. Н. Ге принесли ей портсигары, чтоб она их спрятала, заявив, что не будут курить.

Ге потом приходил просить папиросы, а Л. Н. ей сказал: чтобы бросить курить, надо иметь папиросы у себя и все-таки воздерживаться. И взял портсигар к себе, носил его с собой, но не курил.

О Ге говорила, что был жизнерадостный, ничего сектантского в себе не имел. Когда он бывал в Ясной, какие серьезные разговоры бывали у него с Л. Н. То были самые живые времена в Ясной.

Мария Львовна переводит по совету отца «England's Ideal» by Edw. Carpenter.

— Папá советовал сокращать, но я предпочитаю переводить все. Очень хорошо пишет Карпентер... Весь смысл книги, что если отдельные личности — меркантильные, жадные, насильники, что же может выйти из государства, которое состоит из них, и, наоборот, если отдельные личности стремятся к добру, то ломки никакой не будет, устройство государственное будет постепенно (натуральным образом) переменяться к лучшему.

Мария Львовна удивительно терпеливо переносит свой рок.

— Как солдаты во время сражения напрягают силы, чтобы быть бодрыми, так и я,— сказала она. — Но когда все это кончится, будет очень грустно. Я уверена, что, если нет физических причин, есть какие-нибудь нравственные.

(Она, кажется, уже шестой раз беременна и опять не доносит.)

И Николай Леонидович, и Елизавета Валерьяновна с грустью, но безропотно относятся к этому несчастью.

У Оболенских уютно, тихо. В Пирогове прекрасно поют, водят хороводы и беззаботно веселятся.

Есть у Оболенских старая, беззубая кобыла, варят ей похлебку; кормление обходится в 100 р. в год, а пользы от нее — никакой.

Такая же лошадь, доживающая свой век, есть у Толстых в Ясной.

12 сентября. Я вернулся из Пирогова, поезд опоздал на три часа.

В вагоне я читал вслух «Великий грех». Туляк: «Земля и так отойдет крестьянам — работник дорог, 100 рублей, а сработает барину на 50. Если работает крестьянин с ним вместе, то на 150 сработает. Через 50 лет помещичья земля будет крестьянской».

В Ясной опять обокрали погреб и кладовку.

Когда я вернулся, Л. Н. подробно расспрашивал о Марии Львовне, бодрая ли, спокойно ли переносит.

Татьяна Андреевна читала вслух «Биографию» Л. Н. (Бирюкова) [1]. Присутствовали: Сергей Львович, Андрей Львович, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Михаил Сергеевич, Сергеенко, Анночка Ильинична, Сережа — сынок Сергея Львовича.

Л. Н. все продолжает «Конец века».

Он разговаривал с Сергеенко.

Софья Андреевна: Долгоруков требовал к себе таких людей, как Пашков, и N.N. привозил его. Прислал N.N. и за Львом Николаевичем. Лев

Николаевич ему поручил передать: «Если хочет меня видеть, пусть приедет ко мне, мне его не нужно» [2].

Л. Н. рассказывал о Ярошенко, художнике-полковнике. Где-то он встретился с каким-то генералом. Генерал, зная, что Ярошенко — художник, учтиво относился к нему, но сквозь эту учтивость сквозило и то, что «Я, мол, генерал, а вы полковник». Ярошенко дал ему отпор, холодно отвечал.

Получена почта из Тулы.

— Tollemache Sinclair опять толстое письмо пишет,— сказал Л. Н. — Я ему не ответил, он чудак. 82-х лет, пишет, «мог бы жениться и детей иметь, готов отдать 32 тысячи акров в Шотландии». В статье в «Times» учтиво возражает ⟨мне⟩. Присылает вырезки о подарке граммофона working house *[3]. Л. Н. читал вслух, смешно.

Л. Н. о Гончаренко:

— Я писал о нем трем знакомым: Кони, Стасову и ⟨Олсуфьеву⟩. Он полтавский, настроили его. Он отказался для славы людской. Его сослали в Якутскую область. В Омске задержан, жена последовала за ним. Теперь его присудили на два года в разряд штрафованных в дисциплинарный батальон [4].

Л. Н. (*раскрывая бандероль*): Получил «Вестник знания», который портит рабочих. Имеет теперь большое влияние на рабочих [5]. У меня был такой. Спрашивал: «Какая разница между Ницше и Христом?». Все говорил о Дарвине, происхождении от обезьян, электричестве...

Л. Н. сказал затем:

— Письмо от Стэда. Обиделся, потому что я ему написал, что его статья обо мне is not serious **,— самое неприличное восхваление; газетная болтовня. Приедет [6]. Из Рильского монастыря письмо эсперантское.

Л. Н. начал его читать и подал Сухотину, который не знает эсперанто, со словами:

— Ведь это все можно понять. Автор просит на дорогу в Америку.

Л. Н. говорил о почте, о том, чтобы получать почту не в Засеке, а в Ясенках. В Засеке посылки и денежные переводы не принимаются. В Засеке платят с письма и бандероли, не газетной, по три копейки, в месяц — 15 рублей. Андрей Львович против этого. Жалко лишних пять верст делать на лошадях.

Л. Н. рассказал Татьяне Андреевне о француженке, купленной матерью декабриста Ивашева ему в жены. Она так мало знала его, что, приехавши, бросилась на шею доктору, принимая его за Ивашева. Потом повенчались.

— Тут нет ничего безнравственного,— сказал Л. Н. — Мать замечала, что сыну она нравилась, его положение без жены было труднее, чем других.

Завалишин это описывает так (а не поэтически, как до сих пор) [7]. Интересно. Он всем враг, и они его не любят.

Сергей Львович: «Единое на потребу» в «Times» всё прошло? И о королях английских?

Л. Н.: Чертков писал, что всё. О Кромвеле возбудило негодование, так как его свободомыслящие высоко ценят [8]. О маленьком Сереже, сыне Сергея Львовича, которому семь лет, Л. Н. сказал, что он теперь в таком возрасте, что на вершине приятности.

Сергеенко рассказывал о том, как он пишет о Л. Н. Записывает себе характеристические слова, а диалог и все остальное сочиняет сам. В диалог — ответы на возражения противника — можно поместить и такие высказывания Л. Н., которые он в статье не напишет.

---

* работному дому (*англ.*).

** несерьезна (*англ.*).

13 сентября. Пополудни Л. Н. сказал Сухотину, который спросил его о книге Добролюбова:

— Глупости, актер принадлежит к тем, которые хотят удивлять. Швыряет словами как попало, чего в художественном произведении нельзя так же, как и в религиозно-философском. Он — как Метерлинк, но у него намерения хорошие. У него (Добролюбова) прекрасное лицо, он здесь был. Его книгу мне прислали [1].

Под вечер П. А. Сергеенко рассказывал Л. Н., что Достоевский хотел с ним познакомиться. Раз Тургенев помешал, раз Страхов замешкался их свести. Раз будто бы сам Л. Н. отказал. Этого Л. Н. не помнит: «Не могло быть». Жена Достоевского говорит, что Достоевский горел желанием познакомиться с Л. Н. [2]

Сергеенко (*мне*): Николай (брат Л. Н.) имел живое воображение. Когда хотел, мог рассказывать. По пути из Казани в Ясную рассказывал две недели художественно, с характеристическими подробностями. Льву Николаевичу было интересно слушать. Сергей Николаевич был скептик: «милый эгоист», как его Лев Николаевич назвал, и тоже умел рассказывать великолепно. Был старше Льва Николаевича. Его рассказами о нем (Л. Н.) никто не воспользовался. Никто их не записал. Погибли. Л. Н. рассказал, что Достоевский вместе со Страховым был на публичной лекции Соловьева. Соловьев говорил о душах, заселяющих небеса, о Софии, наконец, прочел свою поэму.

— Чепуха... — сказал Л. Н. [3]

Михаил Сергеевич рассказал что-то о видении Соловьева.

Л. Н. (*на это*): Со мной ничего ужасного не случалось и не может случиться.

Смысл в том, что Л. Н. видит во всех жизненных проявлениях естественное, и то, что постигло других, может случиться и с ним.

Татьяне Андреевне Л. Н. напомнил о письме М. А. Эрдели, говоря, что ее почерк похож на почерк Х. Н. Абрикосова и характер похож.

— Ляня скромный, разумный, доброта, смирение, он во всех людях видит доброе.

П. А. Сергеенко начал говорить о графологии.

Л. Н.: Я тоже умею судить о характере человека по его почерку. Ключ простой: знаю похожий почерк другого человека — и характер будет такой же. Почерк изменяется — и характер. На мой почерк похож почерк Саши и Буланже. У Михаила Сергеевича «безнравственный» почерк, дает много труда другим для разбирания.

Михаил Сергеевич: Я смотрю с отвращением на свой почерк.

Играли в винт. Л. Н. вчера и сегодня не в духе.

За столом Софья Андреевна спросила Л. Н.:

— Что с Андреем? Дать ему десять тысяч? Это ему будет на несколько месяцев. Ему одна поездка в Москву обходится в 200 рублей.

Л. Н. ответил:

— Я не знаю.

Л. Н. спрашивал меня о Жидковых, где девочки болеют тифом. Ночью старшая умерла.

14 сентября. Уехал П. А. Сергеенко. Л. Н. работал до трех и подписал (докончив) «Конец века» [1]. За завтраком читал «Land Values»—«The Monthly Journal of the Movement for the Taxation of Land Values». Glasgow, XII year, № 136. В нем обширный реферат и целые столбцы выдержек из «The great iniquity» и «Deutsche Volksstimme». Organ der deutschen Bodenreformer. A. Damaschke. Berlin, где также напечатан в немецком переводе «Великий грех» с таким примечанием редактора: «Die «Times» brachte am 1. Aug. von L. Tolstoy einen Artikel «The great iniquity». Der Artikel erregte ungeheueres Aufsehen. Es gibt wohl kein grös-

seres Blatt zu beiden Seiten des Ozeans, das nicht in irgendeiner Weise davon Notiz genommen hat» *. В Германии уже только три города более чем со 100 тысячами жителей: Галле, Альтона, Ганновер — не ввели у себя поземельный налог (Communale Taxe). Л. Н. было приятно это, и он отдал мне эти периодические издания, чтобы послать Николаеву. О «Deutsche Volksstimme» сказал:

— Социалистическая немецкая газета пишет, что в Шотландии Генри Джордж ⟨пользуется влиянием⟩, что я в этом ошибаюсь. Дай бог!

Я читал в «Современнике» 1857 года «Охоту на Кавказе» Н. Н. Т. (это Н. Н. Толстого), описан старый казак Епишка (он же у Л. Н. — Ерошка) и кое-что о наибе, что у Л. Н. в «Хаджи-Мурате», которого я читал в рукописи у Черткова. Описано великолепно, так, как если бы это Л. Н. описал [2].

Пополудни за чаем Татьяна Андреевна читала из биографии Бирюкова роман Л. Н. с судаковской барышней В. В., его и ее письма.

Л. Н. и тогда был такой же правдивый в своей личной жизни, как теперь. Различал в себе разумного и глупого человека. Разумному велел уехать от той, к которой влечет глупого [3].

17 сентября **. Говорил о вере. На одно замечание Софьи Андреевны Л. Н. сказал:

— Баба Акулина верит слепо, а ты в силу своего разума и образования не можешь так верить, когда есть Кант.

Привожу другие записанные мною и сказанные Л. Н. сегодня мысли о религии:

«Конфуций сказал: «Когда не знаем, как жить в этой жизни, зачем нам гадать о будущей?». Это занавес, который открылся при рождении и опустится при смерти...»

«Арий не признавал икон, божество Христа. Арианцев было больше, они преследовали своих противников. Потом меньшинство опять взяло верх, и мы теперь в этом течении...»

«Чаннинг — унитарианец. Унитарианцы Англии — все образованные люди...»

«В жизни Христа ничего особенного нет. Есть много жизней разных святых, мучеников, гораздо лучших. Он ничего не делал особенного. Вегетарианец Страхов его упрекает за то, что пяткой бил ослицу, рыбу ел. В уста Христа вложено — как его учение — самое высшее».

«Кант сказал, что все, что в вере — не поведение, есть суеверие» [1].

«Вера должна во мне самостоятельно вырасти. Христос, Будда, Канты могут только помогать. Богородица, иконы мешают истинной вере...»

22 сентября. С утра 18-го по вечер 22 сентября был в Пирогове у Марии Львовны (третий или четвертый раз). 22 вечером вернулся в Ясную Поляну. Л. Н. с Михаилом Сергеевичем играли в шахматы. Я рассказал кратко о болезни Марии Львовны. Софья Андреевна читала ее письмо вслух, читала похвальные слова обо мне [1]. Татьяна Львовна звала меня послушать сердце ее девочки... Л. Н. кажется мне ослабевшим и осунувшимся. У него грипп. Татьяна Львовна сшила ему шапочку. Л. Н. вспомнил Стэда, что тот ему советовал вечером надевать slippers — туфли суконные, а то ноги зябнут. Михаил Сергеевич выиграл партию, раньше Л. Н. у него выигрывал. Гостит одна П. Н. Ге. Очень приятный, тихий вечер.

Михаил Сергеевич читал корректуру «Круга чтения». Л. Н. попросил поискать La Boëtie, читал из него вслух и указывал, какой тяжелый для

---

* «1 августа в «Times» напечатана статья Л. Толстого «Великий грех». Статья произвела неслыханную сенсацию. Пожалуй, нет ни одной крупной газеты по обе стороны океана, которая не преминула бы так или иначе на нее откликнуться» (*нем.*).

** Запись 17 сентября оформлена позднее.— *Ред.*

перевода слог, неправильный, местами непонятный, язык, орфография XVI века.

Софья Андреевна спросила:

— Ты переводил?

— Да,— ответил Л. Н.

Он хочет написать для «Круга чтения» короткую биографию Лабоэти и о его значении [2]. В Брокгаузе нет Лабоэти. Надеется найти в письмах Монтеня и в маленьком томике «Discours sur la servitude volontaire» par Etienne De La Boëtie в Bibliothèque Nationale [3].

Л. Н. сказал, что в его комнате летучая мышь летает и ловит мух, ударяясь о стену. Михаил Сергеевич о летучих мышах сказал, что они зимой спят.

Л. Н.: И медведи, хорьки, кроты и другие. Медведица и ощенится в спячке, спячка для нее — хлороформ. Медведь, как снег выпадет, отыщет себе берлогу в лощинке между павшими деревьями, оставит себе отверстие для воздуха... В лесу ветер много их навалит. Я сам отыскивал по снегу. По следу в снегу их медвежатники-мужики и отыскивают и продают купцу в Москве или Петербурге... Собаками их поднимают и стреляют.

— Мне два явления непонятны,— сказал Л. Н. — Первое: спящие индейцы.

Михаил Сергеевич: То есть индусы.

Л. Н.: Индусы, которые велят себя похоронить.

Татьяна Львовна: И на них пшеница растет.

Л. Н.: Это выдумано Габорио, Дракото <?> — я хотел его шеститомное сочинение купить, мне отсоветовали, говоря, что это вранье.

Второе — олени, которые сплетаются хвостами.

Юлия Ивановна: У них зудят хвосты, обтирают их друг о друга и ложатся, прижимая их, и те ранами срастаются. Потом всячески хотят разорвать их, даже вешаются на них и погибают. Михаил Сергеевич по поводу спящих индусов заговорил о Блаватской.

Л. Н.: Это удивительная вещь — жена офицера приобрела большое уважение среди индусов и американцев. Теперь издается большой журнал с ее направлением [4]. В прошлом году издательница его писала мне длинное письмо [5].

Михаил Сергеевич рассказал об «Армии Спасения», как в Швейцарии представительница «Армии» говорит такую речь, над ней посмеиваются, а она дальше — ничего не видит, ничего не слышит.

Софья Андреевна: Что такое «Армия Спасения» — теософия?

Л. Н.: Нет. Они спасение человека поставили во главу угла, как пашковцы. Что они так могут свои обряды совершать — это новые формы гипноза, которые есть в католицизме, в православии и вновь народились на наших глазах.— И Л. Н. стал говорить про эти формы гипноза в православии: черные иконы, пение...

Михаил Сергеевич: В известные праздничные дни бывает такое сильное воздействие, что беременные выкидывают.

Л. Н.: Когда я привел Келлера в церковь, он не мог удержаться от смеха (над иконами), выбежал.

Татьяна Львовна: Но у «Армии спасения» главное дело — благотворительность. Деятельная любовь, помощь. Они выбрали один из догматов, что вера в искупление спасает человека.

Л. Н.: У них основа — вера. Она привлекает деятельность. Стэд мне говорил, что «Армия спасения» имела бы успех в России. Нет, не будет иметь — другой склад ума. Проповедники их, знаю двоих: здоровый немец, окончивший Дерптский университет,— верит; другой — немец, говорящий по-английски, притворяется.

Потом Л. Н. вспоминал, как был в работном доме вблизи Мясницкой на проповеди. Старик-священник, сидя, читал Нагорную проповедь и объяснял: «Не убий, но на войне — да».

— У меня забилось сердце, задыхался. Как же тут не отозваться? Но посмотрел на старика, увидел, что у него был паралич, еле мог говорить, читал написанную проповедь, и я в середине ушел.

Л. Н. рассказал, что еще в каком-то приюте он слышал подобную же проповедь.

С Татьяной Львовной Л. Н. говорил о том, что̀ он читал у Диккенса. Ей сказал:

— У тебя вид лучше, не знаю, какое внутреннее ощущение. Сло̀ва «самочувствие» терпеть не могу.

Меня Л. Н. спрашивал, что я делал в Пирогове, что читал.

Я: Герцена.

23 сентября. Л. Н. перед обедом с Михаилом Сергеевичем в шахматы. Была Звегинцева со своими гостями с обеда и до половины первого ночи [1]. Л. Н. после обеда опять играл в шахматы. Песни в библиотеке и пляска (Андрей Львович), потом винт в гостиной (Л. Н., Звегинцева, Татьяна Львовна). Перед этим граф Корвет представлял в зале разные сцены. Л. Н. смеялся, хлопал. Потом опять пение с фортепьяно. Л. Н. пришел на минуту, похлопал и потопал ногой в такт и ушел.

За обедом разговор про тараканов, мышей и пр.:

Л. Н.: Я тараканов, мух не жалею, но и не убиваю. Кто-то говорит, что сострадание к животным пропорционально их величине. В вегетарианстве — тоже градация: есть кожуру яблока можно, зерна ореха — нельзя.

Еще говорили о том, как красят апельсины.

Л. Н.: Это суеверие, что красят апельсины, подобное тому суеверию, что медведь бросается на человека, поднявшись. Ведь тогда легко было бы в него прицелиться. Он набежал на меня, свалил и стал грызть меня [2].

Л. Н. сегодня выглядывал сосредоточенным, усталым, говорил мало, но очень мило. Шум, общество были ему не по душе. Скучал.

24 сентября. Утром приехал, получив заранее по телеграфу согласие, Лепсиус — директор берлинской евангелической миссии, направляющийся для проповеди евангелизма русским крестьянам и в Турции — магометанам. Лепсиус из лужицко-сербской семьи (лепс — значит береза). С ним А. И. Стефанович, миссионер [1]. Андрей Иванович сказал о Лепсиусе, что он позитивист, единственный из позитивистов, которого Гарнак уважает. Гарнак — историк, не философ и не теолог и ритор, не верит ни во что. При первой встрече Л. Н. с ними я не был. Я застал Лепсиуса и Стефановича сидящими с Михаилом Сергеевичем за завтраком и разговаривающими. В 1.30 вышел Л. Н. и, не позавтракав, позвал всех нас гулять. У крыльца стояла баба в ожидании помощи, и Л. Н. ей дал и сказал обступившим его и глядевшим на него гостям и домашним: «Die Linke soll nicht wissen, was die Rechte tut» *. Баба или хотела еще что-то сказать, или ей казалось мало — с недоумением и со слезами на глазах смотрела на Л. Н., но мы, Михаил Сергеевич, два пастора и я (все христиане), все чувствовали неловкость положения (мне очень хотелось подать ей, но присутствие других смущало меня),— мы отошли от нее и ее сына, умыв руки, как Пилат от Христа, т. е. пренебрегши более важным — тем, чтобы вникнуть в ее просьбу и в ее положение и помочь ей хоть милостыней,— ради менее важного: нас больше интересовал академический разговор, интервью с Л. Н-чем. Стефанович не хотел идти гулять, жалуясь на астму. Л. Н. его

---

* «Левая рука не должна знать, что̀ делает правая» (*нем.*).

ТОЛСТОЙ И С. А. ТОЛСТАЯ В СОРОК ТРЕТЬЮ ГОДОВЩИНУ СВОЕЙ СВАДЬБЫ
Ясная Поляна, 23 сентября 1905 г.
Фотография С. А. Толстой

уговорил. Стефанович сперва задыхался, после двухчасовой прогулки вернулся, легко дыша, и курил. Мы прошли через Чепыж к Воронке, к барсучьим норам. Л. Н. говорил по-немецки, немного затрудняясь; некоторые выражения спрашивал у меня или Стефановича, но мы не могли быстро вспомнить. С Андреем Ивановичем был простодушно мил, как с каким-нибудь юношей. Было очень скользко. Моросил дождь. Приходилось перепрыгивать через лужи, овраги, взбираться на крутые места. Л. Н. все это проделывал необыкновенно легко, ловко. Старался, наверное, не осознавая этого, показать старческую свежесть. Л. Н. водил нас по самым глухим местам. Михаил Сергеевич заметил, что, по словам Софьи Андреевны, Л. Н. будто так делает, когда приезжают издалека гости,— «заходит гостей». Л. Н. ходил с Лепсиусом; Стефанович, Сухотин и я — за ними.

Лепсиус: В Германии Ницше, социал-демократия уже перешли зенит. Беллетристика, религия, философия, живопись со времен французской войны в упадке. Философа еще нет. Wir zehren noch an Kant und Hegel *. Один Эдуард фон Гартман — философ отрицания.

Л. Н.: Успех Ницше для меня был непонятен. Это проповедь эгоизма. Он не философ. У него нет ни идеи, ни системы: это плохой фельетонист, декадент... Декадентство теперь во всем: в философии, литературе, живописи (Саша Шнейдер), музыке (Вагнер). Есть у него (Ницше) одно место, где критикует и отвергает католицизм и ставит против него христианство. Это он хорошо написал.

Л. Н. спросил Лепсиуса, знает ли он роман фон Поленца «Der Pfarrer von Breitendorf».

Лепсиус: Нет.

Л. Н.: Это обличение протестантских пасторов [2].

Лепсиус: Мы жили Золя, Ибсеном, Толстым, теперь и Горьким. Горького «На дне» играли в одном театре 250 раз, и великолепно. Думаю, лучше, чем в Петербурге. Играла его артель актеров без спекулятивных целей. Горького успех daß er moralisch religiöse Fragen aufwirft **. Когда спрашивают на сцене: «Giebt es Gott?» ***,— бывает так тихо, что слышно было бы, как падает булавка, и отвечают не так плохо, а как широкие массы думают [3].

Лепсиус с Л. Н. говорили о вере. Со стороны Лепсиуса не было попытки отстаивать протестантство.

Лепсиус, между прочим, сказал о Киркегарде, что трудно читается.

Л. Н.: Kierkegaard ist ein christlicher Philosoph [4].

Лепсиус: Wird die Philosophie an den Universitäten gelehrt?

Л. Н.: Ja, und leider auch Theologie.

Лепсиус: Und welche Philosophie?

Стефанович: Nitzsche, Hegel, Schelling, Wundt.

Лепсиус: Das sind mit Ausnahme Hegels keine Philosophen ****.

Л. Н. говорил Лепсиусу о Лихтенберге.

Потом говорили о современном общественном движении в России.

Л. Н. сказал, что революция в России не приведет к западным формам правления; что народ (90 процентов) о них не знает; что, по Тэну, внешние формы жизни должны соответствовать духу народа — нельзя их сверху вводить искусственно; что русский народ не хочет никакого правительства, власти, умеет сам управлять собой, и прибавил: «Die christliche Lehre ist eben eine solche Lehre, die in allen Verhältnissen (gesellschaftliche, Familienleben, Problem des einzelnen Menschen) eine Richtschnur ist» *****.

Л. Н. советовал Лепсиусу читать Генри Джорджа.

В Баварии, Пруссии земледельцев около 50 процентов, в Англии 20, в России 83—90.

Л. Н.: Also, Sie kennen nicht Henry George. Lesen Sie ihn ******.

Л. Н. кликнул далеко отставшего, уставшего Стефановича:

— Как вас зовут? Андрей Иванович?

---

* Мы еще питаемся Кантом и Гегелем (*нем.*).

** в том, что он поднимает религиозно-нравственные вопросы (*нем.*).

*** «Есть ли бог?» (*нем.*).

**** Киркегард — христианский философ.

— Преподается ли в университетах философия?

— Да, и, к сожалению, богословие также.

— А какая философия?

— Ницше, Гегель, Шеллинг, Вундт.

— За исключением Гегеля, это вовсе не философы (*нем.*).

***** «Христианское учение именно и есть такое учение, которое в любых обстоятельствах (общественных, семейных, личной жизни) является руководящим началом» (*нем.*).

****** Значит, вы не знаете Генри Джорджа. Прочтите его (*нем.*).

Подождал его и, когда тот подошел, стал расспрашивать про его жизнь. (Лепсиус между тем разговаривал с М. С. Сухотиным.) Андрей Иванович рассказал: ему 45 лет, попович, был красив, кончил семинарию, понял нелепость догматики, поповской жизни. Отец нашел ему невесту, такую толстую, что не захотел ни жениться, ни быть попом. Отец сказал ему: «Ну, так будь ты проклят!» Пошел добровольцем на войну с турками, стал офицером, переехал в Болгарию. Когда в 1885 году Александр III вытребовал русских офицеров обратно, стал болгарским подданным. Там его нашел Лепсиус и уговорил перейти в протестантство и вступить в евангелическую миссию. Теперь в Берлине учителем в миссионерской школе, где Лепсиус директор.

Л. Н.: Вы бы описали свою жизнь, интересна.

Андрей Иванович: Глупая.

Л. Н.: Все мы глупы, только скрываем нашу глупость. Вы бы написали.

Андрей Иванович: Я уже написал для Лепсиуса, появилась,— и сердечно, как и Л. Н., смеялся над своей жизнью, полной приключений.

В разговоре с Л. Н. он был самим собой, не было напускного, будто верит в лютеранские догмы, в осмысленность и пользу своей деятельности. Перед Л. Н. был Андреем Ивановичем, добродушным русским человеком, а не деревянной фигурой протестантского теолога-позитивиста.

Л. Н. спросил Андрея Ивановича, знает ли он Шопова?

– Знаю.

Л. Н.: Шопов, мне кажется, легкомысленный человек.

Андрей Иванович говорил Л. Н. о Стояне Ватральском как достойном его приверженце и о Георгии Стефанове. Он знает и Абрикосова, Чертковых — был в Крайсчерче. Через него миссия помогла многим русским сектантам перебраться в Америку (но это говорил тоном, скорее кающимся).

Они с Лепсиусом раньше были в Палестине и в Армении. Лепсиус говорил и писал об армянских погромах, нарушая волю императора Вильгельма. Собрал для армян, пострадавших от турецких погромов, четыре миллиона марок [5]. Основал у них миссии и школы.

За обедом Л. Н. о Лепсиусе:

— Интересно рассказывал о курдах. Оседлые курды не нуждаются в правительстве, подати собирают у них шейхи, а не мытари. Их три с половиной миллиона, и они арийцы, как персы. Свежее племя, смесь магометанской, христианской, языческой веры. Курдов-номадов развращает правительство, чтобы они тревожили мирное население (армян и др.) (клин между спокойными). В Турции земля — по Генри Джорджу — государственная, платят одну десятую с продуктов в продуктах. Мытари, которые берут на откуп собирание десятины, притесняют народ. Лепсиус — оптимист, доволен Бисмарком, что не централизовал Германию, не ослаблял меньшие города: Мюнхен, Гамбург, Веймар, Дюссельдорф. Как мы презираем немцев, а они что делают для армян — тысячи детей воспитывают. Хорошее дело.

Михаил Сергеевич: Стефанович — ремесленник.

Л. Н.: Он (Стефанович) способный, легко выучился на профессора теологии. Гарнак слаб. «Das Wesen des Christentums» [6] — неполное. Его главное сочинение: «Die Dogmengeschichte»... Устал говорить по-немецки: забыл.

Вечером Л. Н. играл в шахматы. Потом читали — сперва он, потом Татьяна Львовна, Софья Андреевна и докончил Л. Н. — «Конец века». Михаил Сергеевич и я сделали замечания, которые Л. Н. принял. Михаил Сергеевич предложил выпустить про «Потемкина» как пример нежелания служить, потому что там именно была насильственная революция. Л. Н.

согласился и выпустил это место [7]. Я ему сделал три замечания. Все принял. Про четвертую поправку мне сказал на следующий день. Позвал меня поподробнее объяснить, что правительство, санкционированное общественным мнением, органы правления делают больше зла, чем они делали бы без этого санкционирования, не считаясь с ним, стоя над ним [8].

Л. Н.: Редко бываю так доволен работой, как этой. Ни одна работа мне столько радости не дала, как эта. Я уверен, что это пассивное противление начинается. До сих пор русский народ не участвовал во власти. Революция русская будет состоять в том, что народ будет противиться исполнять требования власти, не будет ее уважать. Я чувствую единение с народом, предсказываю (в этой статье), что ему предстоит делать. Сравнение 36-этажных домов с пирамидами мне очень нравится. Свет отнимают, даже качаются [9]. А проституция в нашей цивилизации христианской как может существовать?

Л. Н. сегодня не завтракал:

— Мне под восемьдесят лет,— сказал он,— надо воздержаться от пищи, потому что так не мешает духовной работе.

Софья Андреевна: Надо дать в газеты, как о Викторе Гюго, когда ему исполнилось 80 лет, что не принимает [10].

Сегодня была немка-баварка, проститутка. Офицер заразил ее сифилисом. Приехала из Тифлиса спросить Л. Н., возвратиться ли ей к офицеру, или нет. Сегодня вечером было очень приятно, уютно en famille * Присутствовали М. С. Сухотин, П. Н. Ге.

25 сентября. Воскресенье. Л. Н. вышел в залу в четверть четвертого в халате, здоров. Ночью в 5 часов вставал, записывал мысли. Сегодня весь «Конец века» перечел с начала и исправил.

Михаил Сергеевич сообщил ему о письме Бирюкова к Софье Андреевне, что жалеет выпустить из биографии Л. Н. ту главу, т. е. роман Л. Н. с В⟨алерией⟩. «Тут Софья Андреевна не должна запрещать, не спросивши В.».

Л. Н.: Надо ему спросить В⟨алерию⟩ позволения печатать [1]. У Бирюкова много испытаний в жизни, ведь и жена с ним не согласна, она не религиозная. Между женщинами, которых я знал, не было ни одной хорошей композиторши и ни одной религиозной. Маша (дочь) подходит наиближе.

— А Мария Александровна? — спросил Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Мария Александровна — совершенно, и Анненкова — близко. Павла Николаевна, Анна Константиновна — они не христианки. Павла Николаевна — прекрасная женщина, несет добровольно тяжелую жизнь, но она на нее решилась из других соображений. Алехин жил воздержанно и сразу все бросил, стал головой городка; стало быть, делал не из религиозного убеждения.

Л. Н. вышел из дому в четыре часа и поехал верхом на Делире, вернулся в пять часов. Вечером к чаю вышел поздно. Спрашивал меня о родных, о венгерских политических стремлениях. Михаила Сергеевича — о Швеции, Норвегии.

Я ему читал мнение Ницше о России.

Л. Н.: О том уже Герцен писал.

— Ницше ведь поляк? — спросил Л. Н.

Я: Да, кашуб-протестант.

Л. Н.: О кашубах не слышал, что есть такие протестантские поляки.

Л. Н. дал мне «The City Record» со сведениями об обложении недвижимости и движимости Нью-Йорка [2] и просил выделить данные о земельной ценности и поблагодарить приславшего и послать отчет Николаеву.

Л. Н. читает Тэна «L'ancien régime».

---

* в семейном кругу (*франц.*).

26 сентября. Утром был 20-летний гимназист, сидел у меня. Пока он дожидался Л. Н., я дал ему читать «Единое на потребу», но, видимо, он не заинтересовался этим. Л. Н. пришел в 12 часов, искал его и сказал мне: «Был гимназист, очень неприятный. Запутанный такой. Говорил, что влюблен в девушку, но брак не нужен: половую похоть можно удовлетворять неестественно (самому); что убивать можно. Я зашел, думал, что он здесь, хотел извиниться, что был с ним резок, но он ушел».

Пополудни Л. Н. ездил на Вороном к Марии Александровне. Там какой-то старик рассказывал о Хрисанфе Николаевиче и жаловался на него.

Л. Н.: По выражению лица, по речи я видел, что виноват был старик, но как только имущество — без столкновений нельзя. С копачами пруда было тяжело; спасибо, Андрюша взял на себя дело с ними.

Андрей Львович и Михаил Сергеевич приехали из Тулы, привезли известие о стачке типографщиков, о трамвайной стачке в Москве, о тяжелом поранении жандармского ротмистра, о 500 раненых, об отозвании сотни казаков из Ефремова в Москву — там не хватает. В «Русских ведомостях» выбили окна. Директор тульской гимназии поехал в Петербург; гимназисты требуют обращения на *вы*, свободного пользования библиотеками, свободного хождения в театр, родительских собраний и т. п. Л. Н. пожалел о событиях и сказал:

— Дай бог, чтобы это было преувеличено. Это эпидемия, и плохая, кончается убийствами [1]. Гимназист, который сегодня утром был (я говорил ему о вегетарианстве), сказал: «Убийство выходит по Дарвину, значит, возможно».

Вечером за чаем Л. Н. сказал:

— Ах, эти студенты (московские)! (*К Варваре Валерьяновне*): Они заявили, что университетской свободой хотят пользоваться для пропаганды революционной. Речь Трубецкого напоминает мне Золя — заискивание, подличание перед женщинами и молодежью [2]. Молодежь хороша как молодежь скромная, но, когда она гордится собой,— противна. Припоминаю сравнение Юрия Самарина, что это самовыставление: «Мы — молодежь» (о чем надо молчать) — такое же противное, как когда девушка кричит: «Вот я, невинность!»

Софья Андреевна собирается в Москву печатать вторую «Книгу для чтения» и XV том [3]. А теперь там стачка наборщиков, нельзя будет печатать.

Михаил Сергеевич: В прибалтийских провинциях сколько хотите можете печатать, и дешевле. Туда будут посылать московские издатели.

Л. Н.: Ничто нагляднее не показывает полную несостоятельность стачек, как это, когда можно в другом месте найти дешевле рабочих. Сегодня был, побираясь, типограф, я дал ему свою лепту и спросил, знает ли, что происходит в Москве, и куда он идет? Знает и рад тому: «Добьются уменьшения часов работы».

М. М. Сухотину Л. Н. сказал:

— Почему ты читаешь Чичерина [4], а не прямо Руссо, Лабоэти, Канта? Что он пишет о них, это бессознательно, недобросовестно. Чичерин — человек тупой, классифицирует... Если будешь читать самого Руссо и вникнешь в него, в его точку зрения, сделаешь шаг вперед.

У ремингтона испортился звонок. Л. Н. предложил Александре Львовне отвезти его для поправки в Тулу. Татьяна Львовна сказала, что ее ремингтон лучше и что на этот ремингтон Мансурова дала ей 250 рублей.

Л. Н. (*о Мансуровой*): Богатая княжна, вдова профессора накожных болезней, чудачка. Жертвовала на безболезненное убиение животных, на больницу для животных. Тане дала на ремингтон потому, что будет распространять мои сочинения о вегетарианстве и добром обхождении с животными. Раз я с ней ехал. Не дала вожжами дернуть. Весь ее огромный дом был полон животными, больше больными. Дала на открытие вегетарианско-

го ресторана тысячу рублей. Другой чудак был Давыдов, богатый курский помещик. Написал сочинение — невозможным языком — о всемирном университете, который решал бы, как люди должны жить. Бирюков его издал, никто его не покупает [5]. Третий: Кудрявцев. Издал «Спелые колосья» [6]. У него был обыск, посадили его в тюрьму, после того затих.

Андрей Львович принес гири: все их поднимали, и Л. Н. Рассказал, что с двумя пудами в одной руке мог перекреститься и медленно поднять над головой и что самое полезное упражнение — легкими гирями.

(Его пудовые гири увез Боря, сын В. В. Нагорновой.)

Софья Андреевна уехала в Москву.

27 сентября. Утром получил письмо от Оболенских о высланной марле.

Как деликатно Оболенские дали мне знать! В мое письмо вложили письмо к Л. Н. Письмо от Л. Ф. Анненковой.

Татьяна Львовна: Ее муж — юрист, человек неверующий; по ее просьбе подарил каждому двору той деревни, где находится их имение, земли и леса.

Вечером были только свои: Л. Н., Татьяна Львовна, Варвара Валерьяновна, Александра Львовна, Юлия Ивановна и я. Татьяна Львовна и Варвара Валерьяновна долго раскладывали пасьянс, какой-то сложный. Л. Н. долго возле них сидел и советовал: он один знал этот пасьянс. Играл на бильярде, спрашивал, что нового в газетах.

В Москве что-то ужасное происходит. Слух, что тысяча раненых и 40 убитых.

Л. Н.: Сегодня разговаривал с двумя мужиками из Рязанской губернии. Шли домой. Оба были ранены 9 января, будто бы из пулемета.

Привезли почту из Тулы; в числе книг было издание Академии о Пушкине [1]. Л. Н. посмотрел и отложил, сказав: «Бесполезные книги». Были еще какие-то книги.

Л. Н.: Я желал бы узнать от революционеров, к чему приведут эти мятежи? Теперь достигли того, чего желали: Государственной думы. Л. Н. спрашивал Варвару Валерьяновну, что она прочитала в «Песьих мухах» Гнедича [2]. Она рассказала сюжеты четырех рассказов.

Л. Н.: Бессодержательно, но интересно, с юмором рассказано. Ему сказать нечего. Ничто его за сердце не хватает.

Один рассказ был на странную и ужасную тему.

Л. Н. (*о нем*): Есть такие странности. Что это печатается, что это печатается! Этого в моей молодости не бывало. Впрочем, было у Виктора Гюго в «Jargal» [3] (безобразина, урод в Исландии хватает людей, женщин). Виктор Гюго — такой великий человек огромных дарований, у него разные вещи (есть и слабые). «Notre-Dame» меня в молодости очень трогало [4], видел эту историю и в балете «Эсмеральда» [5]. И этот балет мне нравился, как никакой другой.

Варвара Валерьяновна рассказала всю историю Квазимодо, Эсмеральды. Л. Н. удивлялся ее памяти. Она сказала, что Гюго и Диккенса хорошо помнит.

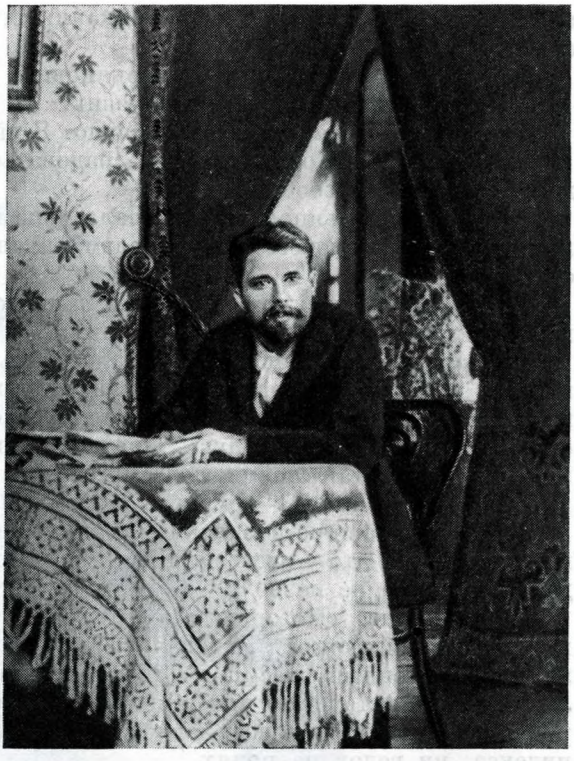
Л. Н.: Я выделяю этих двух писателей потому, что они на стороне угнетенных, уродов, бедных, страдающих.

Сегодня Л. Н. получил письмо от еврея, который просит позволения переводить его сочинения на еврейский язык [6].

Л. Н.: Лепсиус, человек образованный и патриот, говорил, что в Германии пишут изящно, но нечего им сказать нового. Играют подряд Горького, Ибсена, Бьёрнсона. Ни в философии, ни в искусстве нет ничего нового.

Я: Он говорил даже, что и в теологии нет ничего нового. Что Гарнак подтрунивает над догматами.

Л. Н.: Не подтрунивает, а просто он неверующий.



Д. В. НИКИТИН
Фотография, 1900-е годы
«Утром приехали А. С. Бутурлин, Д. В. Никитин и Г. М. Беркенгейм... все им были очень рады». — Запись от 3 октября 1905 г.

28 сентября. Среда. Утром пролетели на юг дикие гуси. Пополудни — журавли в четырех стаях. Утром — один градус мороза. Иней. Приблизительно за месяц первый ясный день, и солнце грело. В прошлые дни сильные ветры оборвали листву — сперва с лип, вязов, дубов, теперь падает уже с берез. В парке слышно громыхание телег по шоссе. Вчера и сегодня прилежно копают и сушат картошку. Здесь растет огромная картошка. Урожай сам-шесть.

Л. Н. ходил пешком гулять. Он за последнюю неделю ослабел. Голос стал слабее, меньше ест, не соблюдает обычного времени работы. Позже садится за нее, раньше встает.

За обедом Л. Н., Татьяна Львовна, Александра Львовна, Варвара Валерьяновна, П. Н. Ге, Юлия Ивановна.

Л. Н. по поводу английских и американских джорджистских журналов, которые поручил мне переслать Николаеву:

— Отошлите Николаеву «The Public» с «Land Values» [1]. В Америке фермеры — временные жители полей. Это иммигранты, которые в первое время становятся фермерами. Обратное нашему. В Германии в разных союзных государствах земледельческого населения 50—20 процентов, в Америке его почти что нет, на зиму перебираются в города. У нас рабочие в городах временные. В «Public» опять мнение, высказанное уже третьим, четвертым лицом, что революция в России будет иметь для Европы и для всего мира последствия более глубокого значения и более глубоко действующие, чем имела Французская революция. Это пишет R. Heber Newton, он оригинальный мыслитель. Прежде писал Кросби и еще кто-то. В том же номере «Public» о взносе «New York Life Insurance» в избирательный фонд Мак-Кинли в 1896 и 1900 годах (по 150 000 долларов). Рузвельт молчит. Рузвельт отличился храбростью в войне и плавал первым в под-

водной лодке. За такие дела американцы его отметили и выбрали в президенты [2].

Л. Н. спросил Варвару Валерьяновну:

— Что, бог хорошо устроил жизнь?

Варвара Валерьяновна: Да, хорошо. Я ей радуюсь.

Л. Н.: Это наша обязанность — радоваться и быть счастливым не каждому отдельно, а сообща.

Варвара Валерьяновна рассказала, как видела сегодня в поле пьяного мужика, рассуждавшего вслух и размахивавшего руками; может быть, досель там стоит.

Л. Н. сказал, что тоже встретил пьяного, шел с горы, качался, наконец так закачался, что упал. «Осилила»,— сказал.

Варвара Валерьяновна рассказала очень живо: в Москве видела двух пьяных мужиков, которые стукнулись друг о друга и остались стоять, припертые друг к другу лбами. Хотели разойтись, не могли, т. к. тотчас опять падали. Так держались. Она вошла в булочную покупать, а когда вышла, они все так стояли, совсем косо.

— И досель стоят?— смеясь, спросил Л. Н.

Л. Н.: Вчерашние рязанские мужики, раненные 9 января в Петербурге, рассказали, что у них земли нет, отец выписался из общества, дом продал. Старшина не позволял ему выписываться.

Л. Н. принес «Историю Александра I» Шильдера; досадовал, что у книги большой формат, тяжелая бумага, большие поля, что не переплетена (переплетенный экземпляр увез Кузминский), что кривые страницы. Л. Н. рассказал сперва интересное об Александре I. Читал его на пюпитре, очень неудобно в руках держать. Потом главы не озаглавлены. Нет ни индекса, ни годов на полях.

Потом Варвара Валерьяновна по желанию Л. Н. прочла вслух о воспитании Александра. Воспитывал его республиканец Лагарп, швейцарец. Бабка — деспотка, читавшая Вольтера, но непоследовательная, как бывают женщины. Он замечал, как бабка мерзко жила. Все эти влияния действовали на него разлагающе [3].

Л. Н. говорил, как хотел бы начать историческую работу, но сомневался, удастся ли ему.

В 11 ночи меня отозвали к больной. Л. Н. с Варварой Валерьяновной читали об Александре I за полночь.

29 сентября. Днем мы с Варварой Валерьяновной убирали газеты. Л. Н. сказал: отдать их в деревню. Он позвал меня собрать рассыпавшийся первый том Шильдера, который он уронил.

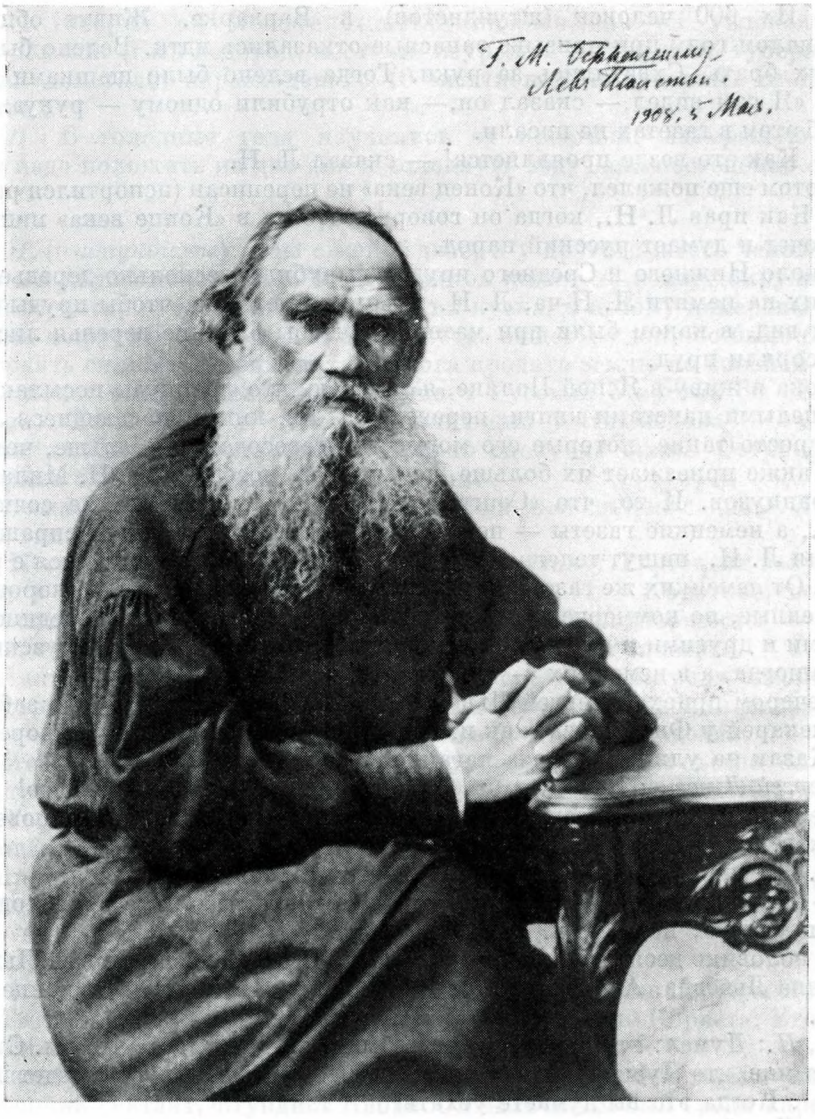
Вечером Варвара Валерьяновна и Иосиф Константинович читали вслух по просьбе Л. Н. «Поединок» Куприна.

Л. Н. вчера и сегодня целый день читал «Александра I».

Л. Н. о Петре III и Павле, которых убили:

— Историки пишут, что они были сумасшедшие. А Павел был лучше, чем все они: Александр I, Николай I. Как вступил на престол, велел выкопать тело отца и похоронить его вместе с телом Екатерины II. Издал указ, чтобы крестьяне не работали барщину больше трех дней в неделю. Об этом в истории только упоминается, а о том, что Александр I уничтожил приказ носить круглые шляпы и ⟨иметь⟩ известного фасона экипажи [1], об этом историки много расписывают и именуют это облегчением. (Они имеют в виду те слои, для которых это делало правительство.) То же самое, как теперь, что нужна 140 миллионам народа земля, об этом молчат. А что нужно миллиону интеллигентов — конституция, уничтожение цензуры,— о том шумят.

— Газет в деревне хватит,— сказал Л. Н., когда увидел, как мы с Варварой Валерьяновной приводим их в порядок.



ТОЛСТОЙ

Москва, 1896

Фотография фирмы Шерер и Набгольц с дарственной надписью: «Г. М. Беркенгейму. Лев Толстой. 1908, 5 мая».

30 сентября. Утром Иосиф Константинович, приехала Мария Александровна и штундист из деревни Варварки. Он уже был года два тому назад у Л. Н., но остался незамечен, его холодно приняли. Теперь приехал с рекомендацией Наживина, который, между прочим, пишет Марии Александровне: «Пусть вас не смущает его внешний вид (крахмальная рубашка и господское платье), он был такой, с завинченными усами, он так нарядился ради наших господских друзей, а он простой крестьянин».

Л. Н. с ним прошелся в 10 часов. Потом штундист уехал с Иосифом Константиновичем в Тулу.

За завтраком Л. Н. о нем:

— Их 600 человек (штундистов) в Варварке. Живут общиной. В прошлом году при призыве запасные отказались идти. Велено было силой их брать. Схватились за руки. Тогда велено было шашками рассекать. «Я сам видел,— сказал он,— как отрубили одному — руку».

Об этом в газетах не писали.

— Как это везде проявляется! — сказал Л. Н.

Потом еще пожалел, что «Конец века» не переписан (испортился ремингтон). Как прав Л. Н., когда он говорит, что он в «Конце века» пишет то, что́ хочет и думает русский народ.

Около Нижнего и Среднего прудов вырубили несколько деревьев, выросших на памяти Л. Н-ча. Л. Н. изъявил желание, чтобы пруды имели такой вид, в каком были при матери, и чтобы близкие деревья листьями не засоряли пруд.

Пока я живу в Ясной Поляне, я замечаю, что французы посылают часто и целыми пакетами книги, переводы Л. Н., книги, касающиеся Л. Н., или просто такие, которые его могут заинтересовать,— больше, чем немцы. Также приезжает их больше, чем немцев, посещать Л. Н. Милая черта французов. И то, что «Courrier Européen» печатает новые сочинения Л. Н., а немецкие газеты — нет. Французские газеты, когда спрашивают мнения Л. Н., пишут телеграммы учтиво, любезно и не считаются с расходами. От немецких же газет, если и получаются телеграммы, то коротко составленные, по-коммерчески. Английские же телеграммы посередине между теми и другими и всегда с оплаченным ответом, что во французских бывает иногда, а в немецких — никогда.

Вечером приехал Сергей Львович из Москвы. Рассказывал о забастовках пекарей у Филиппова, как их повели в полицию, а там на дворе избили. Казак на улице два раза нагайкой ударил их.

Сергей Львович: Вот если бы был револьвер, направить в него!

Сергей Львович рассказывал со страшным негодованием о поведении казаков.

Л. Н., скорбя о рассказанном Сергеем Львовичем, сказал:

— Так ничего не достигнешь. Нужно сторониться, где происходит избиение, злоба, ненависть.

В половине десятого я взбежал наверх. В зале сидели Сергей Львович, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Юлия Ивановна и в конце стола Л. Н.

Л. Н.: Думал: кто это, и приятно было, когда увидел, что вы. Страхов пишет мне, что Душан Петрович, когда будет уезжать, пусть заедет в Урюпино [1]. Когда это вы думаете уехать?

— Я собирался в апреле, а теперь думаю в октябре, мне все думается, что я вам нежелателен.

Л. Н.: Как же нежелателен, лично очень приятен.

Татьяна Львовна говорила о своей беременности, о трудностях своего положения. Obsession *.

Л. Н.: Надо о другом думать. Избегать думать об одном этом.

Татьяна Львовна: Хочу поговорить с тобой — Михаил Сергеевич настаивает на этом,— как ты относишься к искусственным преждевременным родам? (У нее в конце беременности все дети умирали, а ей хочется родить живого ребенка.)

Л. Н.: Не надо вмешиваться в это. Это дело будущего, нам неизвестного. Как жизнь отнять нам нельзя, так и дать ее, и неизвестно, родится ли жив.

Татьяна Львовна: Я тоже так думаю. Хотя насчет того, что ребенок неживой родился бы, не опасаюсь. Только как долго останется потом жив.

---

* Неотступная мысль (*франц.*).

Л. Н. говорил об Иосифе Константиновиче, как он увлекся земскими делами. (Был недород, местами неурожай в Тульской губернии, и земство помогало, израсходовало 10 миллионов, полученных от правительства.)

Л. Н.: В голодные года научились от крестьян: замерзшую картошку надо положить на два дня в холодную воду, она постепенно оттаивает.

Л. Н. (*о штундисте*): «Мы с женой двое, а у другого шесть человек детей, и мы делим поровну». 600 штундистов живет на земле, окруженной землей герцога, а тот не хочет продать ни куска, и потому намерены переселиться в другую губернию. В этом случае общество должно было бы подействовать сильнее и принудить герцога продать землю по сносной цене. Припоминает выкуп Шевченко у немца [2]. Русский отпустил бы его без ⟨выкупа⟩. Типы: Берг и немец-управляющий у Нехлюдова [3].

Татьяна Львовна вспомнила какую-то сцену из драмы Островского. Поспорила с Л. Н., из какой она комедии.

Татьяна Львовна утверждала, что из «Не в свои сани не садись». Л.Н.— что не там:

— Когда появилось в «Современнике», я читал у Тургенева вслух комедию, в которой была эта сцена,— сказал Л. Н.— Короткое, веселое можно прочесть [4]. «Не в свои сани не садись» и «Доходное место» — переходные, еще из хороших, потом последовали драмы слабее.

Начали искать в «Не в свои сани не садись», пересмотрели десять томов Островского, не нашли. В некоторых томах оглавления впереди, в иных — сзади [5]. Н. Н. Страхов будто из-за этого негодовал.

Сергей Львович рассказал, что 14 сентября на земском съезде были поляки, требовали автономии. Русские ораторы им ее пожелали. Кто-то сказал: «Тогда и Остзейскому краю, Кавказу, Финляндии, Малороссии». Голосовали, и большинством принята федерализация России. Очень мало было против. Только Гучков высказался за теперешнее положение против автономии [6]. Когда расходились, подошел к нему купец (Карягин) и отвесил ему земной поклон: «Польше — да, но Кавказ — другое дело: Грузия добровольно присоединилась к России».

Л. Н. рассказывал об Александре I. Потом говорил с Сергеем Львовичем о Гагарине-иезуите. Еще рассказал историю Магне Корвета. Его отец женился на русской, обобрал ее и уехал во Францию.

1 октября. Суббота. Утром приехал М. А. Стахович с племянницами и вчерашний сектант, штундист Кабак. Он мальчиком был среди карсских духоборцев, там поучился. Я спросил Л. Н., когда вечером он с радостью говорил о них:

— Они ведь верят в искупление?

Л. Н. говорил о них, штундистах кавказских:

— Нет, ни в божество Христа не верят. Они совершенно свободные все.

Л. Н. со Стаховичем о китайцах. Стахович рассказывал Л. Н. о китайцах, живущих около Харбина. Они отлично понимают по-русски.

Л. Н.: Судьба! Никогда не говорил с китайцем.

— Желал бы писать о китайцах [1],— прибавил Л. Н.

Стахович рассказывал о смерти С. Н. Трубецкого, ректора Московского университета [2], о смутах в университете. Студенты пользуются свободой собраний, на их собраниях бывают две трети посторонних. Повторяют бесконечное число раз точь-в-точь то, что пишут газеты и что 120 лет тому назад писали энциклопедисты.

Л. Н.: При Александре I Строганов, Чарторижский лучше высказывали, что́ делать правительству: ⟨если⟩ понемножку уступать — не успо-

коить: будут все новые требования. Дать полнейшую свободу и потом выдержать напор смуты [3].

Стахович: Теперь везде открыто проповедуется и практикуется насилие, раньше этого не бывало. В газетах прошел слух, будто бы царь помиловал Никифорова (убившего в Нижнем Новгороде полковника Грешнера), но помилование опоздало на несколько часов.

Л. Н.: Если это так, то это ужасно.

Л. Н. вспомнил, что читал у Шильдера, какой притворщик, актер был Наполеон I: топал ногами перед австрийскими послами и этим запугал их. Вышел в другую комнату и не мог удержаться от смеха. То же самое пробовал и с русскими, но Александр поручил передать, что его гнева не боится [4].

Софья Андреевна вспоминала, как раньше скромно жили:

— У папá были кожаные подушки, удивлялся коврам перед постелями; ели железными вилками.

На днях были возвращены старые права Финляндии [5]. (Еще и от выкупа за отмену воинской повинности отказались.) Л. Н. был прав, когда в конце 1902 г. сказал, что Николай обожжется (на финляндском вопросе) [6].

2 октября. Воскресенье. Вечером уехали девицы Стахович. Л. Н. читал «Александра Первого», не выходил до 11 вечера.

Л. Н. волнуется из-за Татьяны Львовны. Раньше волновался из-за Марии Львовны, оттого настроение у него бывает грустное.

3 октября. Утром приехали А. С. Бутурлин, Д. В. Никитин, Г. М. Беркенгейм. Софья Андреевна, Татьяна Львовна, Александра Львовна, Юлия Ивановна — все им были очень рады. Л. Н. спросил их, до каких пор останутся, чтобы знать, как может ими располагать. Я весь день был занят больными и вернулся только к вечеру.

Вечером за чаем Л. Н. задавал вопросы Бутурлину о войне.

Бутурлин, между прочим, сказал, что у японцев есть солидарность и сильно развит дух патриотизма.

Л. Н.: Олсуфьев говорил, что они смотрели на русских снизу вверх — может быть, из приличия. Они корректны.

Бутурлин: Да, они свое дело выполняют корректно, но сухо, сердечного отношения к больным у них нет.

Л. Н.: Я так и думал, потому употребил слово «корректны». Хищения были?

Бутурлин: Были, но в бóльшей мере расточительность: не вовремя закупали дрова — переплачивали в пять раз; неумело заготовляли солонину — пропала, и т. п.

На вопрос о Рузвельте Бутурлин ответил, что Рузвельт очень старался, раз 20 должны были кончиться переговоры, и всё он их налаживал. Ужасно много телеграфировал то в Петербург, то в Токио. В маньчжурской армии известие о мире было принято радостно, не было уверенности в победе [1]. Особенно против войны настроены были санитарные части после Ляояна, Мукдена.

Л. Н.: Я думаю, что тут сделка; у меня сложилось такое впечатление.— И Л. Н. рассказал про заинтересованность американских финансистов в том, чтобы север Сахалина остался за Россией. Русское, петербургское правительство этого не сознает.

Говорили о современном общественном движении.

Л. Н.: Сравните положение крестьянина или среднего мещанина при Иоанне Грозном и Эдуарде VII; кто был свободнее? При Иоанне он мог строиться, как хотел, жить, как хотел, а при Эдуарде VII за мнимое участие в самоуправлении, что в три года раз подаст голос, порабощен законами — законы на законах, которые — ужас! — он признает священными.

При Иоанне могли ему отрубить голову, но это был случай, как теперь в больших городах попасть под электрическую железную дорогу. Свобода перед нами, только захотеть ее, а я буду себе воображать, что я свободен, потому что принимаю участие в составлении законов. А придет урядник и велит мне послать лошадей в Ясенки: приезжает такое-то и такое-то лицо.

Григорий Моисеевич (*Л. Н-чу*): А не думаете ли вы, что свобода, которую даст конституция,— небольшой этап на пути к свободе внутренней?

Л. Н.: Нет, напротив, направляются умственные способности на ненужное, пускается вода не на то колесо... Нам добиваться конституции — того, что есть на Западе (на Западе, где различие между господином и рабочим такое закоренелое), незачем. Это так, как если бы французы вместо égalité, fraternité *, чем до сих пор живем, хотели бы уничтожить поповскую власть, хотели бы произвести Реформацию. А времена Реформации уже были пережиты. Реформация уже сделала свое, она осуществлялась медленно; так и революция сделала уже свое: подоходный налог, равенство, отделение церкви от государства...

Бутурлин: Но может вторгнуться Трепов и отправить нас...

Л. Н.: А Марат отправлял еще в другое место, а Людовик XVIII, а Наполеон III? Милюкову это очень неприятно, но интересов народа он не касается. Интересы народа нам так чужды, мы их не знаем и не хотим (и не можем) знать... (Освобождение земли нигде не осуществлено.)

Бутурлин: Вы на эти вопросы смотрите философски.

Л. Н.: В моем возрасте иная мерка. Пятилетний ребенок помнит то, что было два года назад, и думает на два года вперед. Вам 60 лет, вы видите на 55 лет назад и вперед. Мне 80 лет, я дальше вижу. Об этом пишу в «Конце века», очень радовала меня эта работа.

Бутурлин спросил Л. Н. о великом князе Николае Михайловиче.

Л. Н.: Вы меня затронули за больное место. Я думал ему написать: «Вы богач, великий князь, а я отношусь к богатству, к царю..... ** Лучше нам не быть в общении». Хотел это написать, как ⟨вдруг⟩ получил от него с Кавказа длинное письмо, что «Великий грех» ему по душе. Но я все-таки написал ему так, как думал [2].

Бутурлин: Ну, а что он ответил?

Л. Н.: Ответа до сих пор еще не могло быть [3].

Никогда еще при мне Л. Н. не высказывался так резко анархически, как сегодня. Когда Л. Н. ушел, все призадумались, и разговор долго не завязывался. Бутурлин поражался ясности его ума, глубине захвата вопросов.

Л. Н. ложится около часу, встает около восьми с четвертью. Л. Н. теперь дочитал третий том Шильдера. «Записки» Завалишина он считает самыми важными из записок о декабристах. В новом номере «The Public» сообщается, что комитет хочет издать «Великий грех» по-английски в миллионе экземпляров. Там же карикатура: Л. Н. показывает американцам их величайшего человека — Генри Джорджа [4].

4 октября. *** Сегодня говорили, между прочим, о социалистических агитационных брошюрах для крестьян. Л. Н. сказал:

— Там очень мало крестьянского. Я ни одного не могу себе представить крестьянина, который прочел бы социальную брошюру. Я тут знаю всех.

Потом говорили о положении крестьян при крепостном праве. Л. Н. рассказал про какого-то помещика (Киселева или Шереметева):

---

* равенства, братства (*франц.*).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

*** Следующий далее текст, до слов: «нельзя вполне согласиться» — восстановлен Маковицким по черновым записям через несколько лет. — *Ред.*

— Завел родильный дом и написал и правила, как ходить за младенцами, и это вводил палками, штрафами. Я уверен, что крестьяне у него «благоденствовали». Лентяев — в солдаты, в Сибирь. Это было аракчеевское.

Потом Л. Н. рассказал, что сохранился составленный Аракчеевым в 14 пунктах проект освобождения крестьян *с землей*. В Лифляндии, Эстляндии, Курляндии их освободили без земли; во Франции тоже.

На вопрос о здоровье Л. Н. ответил:

— Жару у меня нет, а скорее сердце. Angoisse * была вчера и сегодня.

Об общем своем состоянии Л. Н. сказал:

— Утром мне лет 60, а вечером — 90, не сгибаются члены, а лечить нечего,— видя перед собой четырех докторов, прибавил он.

— Лев Николаевич, читали вы Байрона? — спросил Бутурлин.

— За последние десять лет не читал. Какая это глупость, какая болтовня!.. Может быть, прелесть формы.

На замечание Бутурлина, что у крестьян происходит перемена взглядов, Л. Н. сказал:

— Сапожник был сегодня из Телятинок,ужасно оборванный, висят лохмотья. Я спросил его: «Смерти ты боишься?» — «Как же от Него отступиться, бояться?» — «От кого?» — «От кого мы взялись».— Эта покорность высшему закону человечества, которым мы живем, в котором есть смерть, есть любовь к ближнему, это внутреннее сознание подчинения, это просвещение — дороже всего,— заключил Л. Н.

Позднее Л. Н. сказал:

— Я газет не читал, а читал Герцена, Диккенса, Канта — себя образовывал. Кант — такая удивительная глубина! Его «Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft»— это его сочинение, по которому в религии все, кроме нравственной жизни, есть Aberglaube **. У Канта и у Конта есть одна сторона, признанная современной наукой, другая сторона не признана,— сказал Л. Н., имея в виду нравственное учение этих философов.

Вообще же про Конта Л. Н. сказал Бутурлину:

— Не подобает вам Конт — ограниченный материалист, позитивист, который тупоумие возводил в достоинство.

— Но ведь и из Канта вы мало себе полезного извлекаете, менее, чем из Диккенса, из Герцена,— сказал Бутурлин.

— Да,— подтвердил Л. Н.,— с Кантом нельзя вполне согласиться.

Гостят второй вечер Бутурлин, Никитин, Беркенгейм. Вчера утром, когда меня не было, разговаривали с Л. Н. о славянофильстве; сегодня об общественном движении, защищая его; оно в их глазах имеет целью добиться влияния общества на правительство.

Л. Н.: Если бы тут было доброе дело, религиозный закон, если ваше движение не нарушает этот закон, так милости просим...

Бутурлин передавал рассказы Шипова о деятельности Красного Креста на войне — что нужно было бы не увозить больных, а там, на поле сражения, работать. Начальником перевозки был князь Хилков, сын министра путей сообщения, и он старался действовать через чиновников в министерстве, через отца, и ничего не выходило. И делал так, что давал стрелочнику 25 р. Больших злоупотреблений не было. Линевич говорил Шипову: «На войне нужно учреждение, где солдат чувствует себя человеком».— Бутурлин рассказывал об одной выдающейся деятельнице Красного Креста.

---

* Тоска (*франц.*).

** суеверие (*нем.*).

Л. Н.: Есть тип, склад женщин — общественных — они дурочки, и они исчезают.

Говорили про множество людей.

Меня поражает память Л. Н.: сколько он помнит и знает лиц, семей, связей семейных. Рассказывал про яснополянских Болхиных. Их деды шалили. Были очень сильные. Воровали, тащили возы в лес.

Л. Н. просил Бутурлина достать ему книжку — мемуары Эдлинг (Стурдзы) [1].

Говорили про Самарина, что он был одарен сильным философским умом и способностью к практической деятельности (*Бутурлин*: «Шипов таков, только он самодержец»). Он к иезуитам и немцам (механическое обрусение Прибалтийского края) несправедлив [2].

Л. Н.: Он был сухой, у него была мозговая страстность, которая влекла его к резким несправедливостям.

Л. Н. удивлялся Бутурлину, что он курит, да еще сколько: до 100 папирос в день. (Когда Бутурлин уехал, Л. Н. говорил мне о его большом уме и обширных и серьезных знаниях, сравнивал его с Юрием Самариным.)

Говорили о здоровье Л. Н. Софья Андреевна ему:

— Я — ноября, ты — февраля боишься.

(Л. Н. за последний месяц заметно постарел. Избегает шума, общества, голос у него стал слабее и становится тише, он больше шепелявит, меньше ест, прогулки его и верховые поездки становятся короче, и он не соблюдает так строго, как прежде, распределения времени работы. Утром позже садится за работу и пишет или долго, даже до 3.30, или очень мало, до 1.30. Иногда не завтракает.)

Л. Н.: В журнале «Crank» нехорошая статья, перепечатана из «Daily News» (1 sept.); он (автор) выставляет все мои резкие слова о царях и подчеркивает их [3].

Л. Н. спросил Татьяну Львовну, дочитавшую «Review of Reviews», что́ пишет В. Стэд о России?

Татьяна Львовна: Пишет о царе, что он не такой «commonplace» *, как кайзер, и что Лев Николаевич потому такого худого мнения о нем, что не знает его, а он, Стэд, три раза с ним разговаривал [4].

Л. Н. выслушал и ничего не сказал на это.

Бутурлин заговорил о «Записках» Пирогова. С возрастом религиозные вопросы занимали его все больше. Жалеет, что делал вивисекции, что причинял страдания животным, что был несправедлив к ним [5].

Л. Н.: Якоби, который ненавидел вивисекции, говорил мне о каком-то французском физиологе, который утверждал, что вивисекция ничего нового не дала науке, а только вводила в заблуждение. Это понятно.

Далее Л. Н. сказал:

— Я дочел «Александра». Он все портится.

Бутурлин: Он был хуже Николая (I).

Л. Н.: Со всеми разорвал связи, с одним Аракчеевым дружил до конца. Аракчеев же был льстец. После чугуевского бунта Александр приговорил к засечению 40 солдат, и каждого эти же самые солдаты били. И в письме к Аракчееву жалел, что ему будет тяжело исполнять это; ханжа. Он (Александр) стал на колени и целовал руки у Фотия, у квакеров целовал руки; в Рим не пустила его мать.

Л. Н.: Читаете Hearn?

Бутурлин: Да.

Л. Н.: Иезуиты в Японии и в Китае восторжествовали бы, если бы не восстали по приказанию папы против почитания предков.

---

* Здесь: «посредственность» (*англ.*).

Бутурлин: А ведь почитание предков — это что-то абстрактное [6].

Л. Н.: Почитание предков у китайцев настоящее, а не абстрактное.

Бутурлин: Да вы к нему склонны, вы сами мне сказали, что у вас есть le culte des ancêtres *.

Л. Н. спросил Бутурлина, что пишет его сын, орнитолог в Колымском крае?

Бутурлин: Жене пишет. Переносит много лишений, но собирание птиц удается ему. Там голод, и власти бездействуют. Он послал нарочного за 3000 верст в Якутск с телеграммой в 345 слов министру. В телеграмме описывает положение. Послал и письмо жене. Оно шло с 15 апреля до июля. После его телеграммы им разрешили выдавать из магазинов муку и, главное, рыбацкие снасти. Около Верхнеколымска казаки объякутились. Около Нижнеколымска юкагиры обрусели. Но русские дегенерировали от скрещивания и от стужи и лишений. Лопочут, как дети, и очень нервозны. Сын там нашел политическую ссыльную, фельдшерицу, она была прежде в Шлиссельбурге. Она со своим ребенком живет в одной избе с пятью сифилитиками, кормит их своим хлебом и на перевязку их ран разорвала свое белье и белье ребенка. Теперь, на их несчастье, ей дали свободу. Тем людям без нее будет плохо. В том доме, где она жила, окна с одной рамой, вместо стекол — газетная бумага, а там мороз — 30 градусов.

Л. Н. звал нас, докторов, пройтись, но потом пошел один. Бутурлин не хотел пойти за ним, потому что Л. Н. любит гулять один. Мы с Бутурлиным пошли вдвоем.

Выходя из Елочек, встретили Л. Н. Величавая фигура, красное лицо, взгляд сосредоточенный (о чем-то думал), на дорогу обращенный, так что он заметил нас, только когда мимо него проходили.

Бутурлин сказал, что Л. Н. становится с годами все красивее. И, вспомнив вчерашние и сегодняшние беседы с ним, добавил: «Льва Николаевича сколько лет знаю, все новое и новое». Затем передал мне свой разговор с Л. Н. Он сказал ему: «Как это вы так старательно исправляете свою работу?» Л. Н. ответил: «Я всегда так».

Бутурлин шутя спросил: «А почему же вы так скверно пишете?» (т. е. не можете сразу написать так, чтобы после не переделывать). «А он мне говорит: «Вот подите же!»».

5—6 октября. ** Бутурлин, Никитин, Беркенгейм продолжали говорить с Л. Н. о войне, революции, а именно: какую пользу можно ожидать для России от нынешнего освободительного движения. Причины неуспеха в войне, говорили, в том, что не действовали вместе части войск (их начальники), была плохая организация. Говорили, что надо изменить государственный строй к лучшему.

Л. Н.: Да ведь если бы это было возможно так делать доброе дело. Но ведь это только борьба; что из нее выйдет, не видно... Улучшат правительство, тюрьмы, казни (электричеством убивать ли, или головы рубить), призывные комиссии...

Беркенгейм: Но пока симптоматическое лечение.

Л. Н.: Там, где будет насилие, там будут злоупотребления властью... Ведь мы к этому привыкли. Мы сидим здесь, и Витте нас пошлет в Мамадыш, и пойдем, или назначит нас в комиссию брать в солдаты... Нужно только не хотеть подчиняться.

Л. Н. говорил дальше, что в этой борьбе за реформы власти отомрет истинная свобода, сознание достоинства человеческого, которое есть у русских.

Говорили о борьбе.

---

* культ предков (*франц.*).

** Записано 13 мая 1911 г.— до слова: «жизнью».— *Ред.*

Л. Н. сказал, что в ней мотив личный, а нет самоотверженности.

Бутурлин: Как нет самоотверженности? Виселицы, тюрьмы полны.

Л. Н.: Как шел флот на верную погибель... Это гипноз толпы. Я все вспоминаю тюльпаны (увлечение ими) в XVI веке; платили 15 000 гульденов за тюльпан. Крестовые походы детские... Это эпидемия. Этим балластом руководится толпа — не ясностью доводов, а в чью сторону настроение большинства.

Говорили о возможной забастовке врачей, о которой думают в некоторых земствах.

Л. Н.: При религиозном отношении к жизни невозможно человеку, врачу забастовать.

Потом обратился к Бутурлину:

— Напрасно вы, Александр Сергеевич, против общины. Земледельческая община по существу, по свойству своему, бойкотирует правительство, ей оно не нужно. Симбирская деревня, если правительство и исправники провалятся, будет жить своей жизнью.

* Сегодня опять говорили о хищениях на войне, о Японии, о Рузвельте.

— Рузвельт много хлопотал,— сказал Бутурлин.

— О Рузвельте нынче письмо получил,— сказал Л. Н.— Такие подвиги, восхваления...

О хунхузах А. С. Бутурлин сказал, что они в 99 случаях из ста — сочинение русских.

— Кого же они убивают? — спросил Л. Н.

— Мирных жителей. Это пограничная стража сочинила.

— Нельзя себе представить, что это ошаление власть производит,— сказал Л. Н.

Л. Н. рассказывал о бывшем у него в прошлом месяце Лепсиусе и, между прочим, сказал:

— Лепсиус хорошо знает восточные секты: бабизм. Сыновья Бега Уллы разделились на два толка (но больше личное, чем принципы их разделяют): на бабистов и бегаистов; бегаисты мало имеют будущего. Это рационализм магометанский.

Заговорили о музыке.

Л. Н.: Старая музыка была осмысленна. Музыка у Гайдна была в зените, уже у Бетховена — тут меня осуждают — была испорчена и у Моцарта **. Гольденвейзер с женой хотел приехать. Сам Гольденвейзер — прекраснейший музыкант...

И далее:

— Гайдн — прелесть в четыре руки; плясать хочется, и вас бы разогрел...

Еще говорили о Горьком.

— Успех Горького мне непонятен,— сказал Бутурлин.

— Для меня загадка,— сказал Л. Н.— Лепсиус мне помог его себе объяснить. Он говорил о Горьком, что он затрагивает важные вопросы и отвечает на них так, как думает толпа.

— Какого мнения вы о Гаазе? — спросил Бутурлин Л. Н-ча.

— Кони выдумал,— ответил Л. Н.— Преувеличение, это был ограниченный человек [1].

По какому-то поводу разговор зашел о заграничном путешествии Л. Н-ча. Л. Н. рассказал:

---

* Следующий далее текст до слова «магометанский» восстановлен по черновым записям через несколько лет. — *Ред.*

** Следующий далее текст до слов «белой горячки» — восстановлен по черновым записям через несколько лет. — *Ред.*

— Герцен меня рекомендовал Лелевелю, Прудону, Дондукову... Сколько поляков ни знал, все были очень хороши. Лелевель очень такой опустившийся, развалина был. Он был профессор истории в Варшавском университете. После восстания в 30-м году вроде парламентера был послан к Николаю. Николай его не принял...

— Дондуков пригласил меня в Италию,— рассказал далее Л. Н.— Сангвиник, любил поесть, вино... В Риме мы застали Михаила Боткина, Иванова... Очень плохой художник Михаил Боткин... Мы с ним путешествовали пешком через Бернар. Он был самый сильный человек в мире,— улыбаясь сказал Л. Н.— Умер от белой горячки [2].

Л. Н. рассказал Бутурлину свою идею, как намерен описать Александра I. «Конец века» не переписывался начисто восемь — десять дней, потому что ремингтон был испорчен. Сегодня, наконец, переписали.

За это время Л. Н. прочитал четыре тома Шильдера «Александра» и начал читать его «Николая» [3] и записки Порошина о Павле [4]. Читая эти книги, выбирает из них материал для своей намеченной работы. Где находит место интересное, отмечает его на полях чертой и туда вкладывает длинную бумажку (вроде рецепта), а на ней делает пометки — о чем, и в тексте делает пометы. Л. Н. написал вчера пять писем, Татьяна Львовна от его имени — столько же [5].

7 октября. Уехали Бутурлин, Никитин и Беркенгейм. Они все так любят Л. Н.! Приезжали, чтобы услышать от Л. Н. хоть малейшее одобрение стремлений российского общества, выражающихся в освободительном движении. Но Л. Н. не одобрил борьбы за политические свободы, а повторял, что религиозному человеку нужно добиваться свободы в себе.

Бутурлин сказал Л. Н., что он проповедует то, что Христос 1900 лет тому назад: «Может быть, вам видно дальше, чем нам, вы проповедуете, что будет в будущем, может быть, через 900 лет, а до тех пор как нам руководствоваться, каким правительством?»

Л. Н. старается уяснить то, что мыслит и хочет русский народ, а для народа полагает себя как интеллигента паразитом.

Бутурлин заметил, что Л. Н. огорчается тем, что так долго живет.

Был Буткевич (пчеловод с сыном?).

Разговор о жизни в Казани против острога [1].

Л. Н. заключил:

— Немецкий солдат стреляет, русский ругательствами старается заставить не переступать требования закона.

8 октября. Суббота. Гостит П. Н. Ге.

У Л. Н. печень, желудок болят, желчь задерживается. В обед мало ел. Принял прованское масло с лимонным соком. Вечером к чаю вышел в халате. Много зевал. Уже вчера было видно по страдающему лицу и усталости в разговоре, что нездоров.

После обеда Л. Н. рассказывал Татьяне Львовне о женитьбе Павла I. Привели ему трех сестер, великих княжен дармштадтских, он выбрал вторую. Она не могла родить, в родах и умерла. У нее было искривление позвоночника. Потом обвиняли посланника, который советовал взять ее, в том, что он хорошо не рассмотрел [1].

Вчера Л. Н. рассказывал о записках Порошина о Павле:

— Если бы не было Геродота, не было бы греческой истории. Книга Порошина прелестная. Он был художником; записывал такие черты, которых другие не замечают. Павел младенцем ужасно потел, а в комнате бывал покрыт двумя меховыми одеялами. В раннем детстве около него была няня и ее родственники. Когда Панин стал им заниматься и отстранил их, Павел плакал. Когда его начали учить грамоте, посадили и их за стол, как будто бы и они учились.

Сегодня в 10 часов дня забастовали железнодорожные служащие Московско-Курской линии. (Поездов из Москвы нет.) Татьяна Львовна и Юлия Ивановна жалеют, что не задержали умирайл до сегодня. «Умирайлами» называют китайцы врачей.

В 11 часов вечера за чаем Л. Н. читал в новом номере «The Open Court», заметив, что в этом журнале всегда есть интересное: первое — статью редактора о религии; второе — об Индии, об индийских женщинах; есть картинки: «Браминки».

— Какая малоизвестная нам страна! — сказал Л. Н.— 250 миллионов жителей. Люди глубоко религиозные, стройные, красивые.

Третье — о воспитании в Японии.

— Ваши японцы, Юлия Ивановна, плохи,— сказал Л. Н.— Новый катехизис — правила для школ. Автор против обоготворения микадо, преподает несвязанные правила о гигиене тела, о пользе знания, ремесел. Это их (японцев) последнее слово [2].

Потом говорили о газетных известиях из Баку и о рассуждениях газет насчет того, что правительству выгодна резня между армянами и татарами и что полицейские во время этой резни бездействуют,— так им приказано. Л. Н. заметил:

— Полицейские опасаются, видя людей, которым кишки выпустили.

М. С. Сухотин рассказал, что редактор «Русского архива» П. И. Бартенев, который держал корректуру первого издания «Войны и мира», говорил ему, что Л. Н. в корректурах этого романа выпустил столько, что из пропусков составился бы целый том.

Получено письмо от некоего Козлова [3]. Л. Н. с Юлией Ивановной говорил о нем.

Софья Андреевна говорила, что желала бы в будущем году поехать в Париж учиться живописи. Татьяна Львовна и Юлия Ивановна ей говорили, что она и так не слушает советов и что дело в практике. В пейзаже главное — схватить общий тон, а Софья Андреевна каждую вещь срисовывает отдельно, без соображения с общим тоном.

9 октября. Воскресенье. У Л. Н. грипп. Не выходил; завтрак: прованское масло с лимонным соком и белым хлебом.

Сегодня никакой почты не получено.

Л. Н. (*мне*): Как хорошо без газет! Отдохнешь.

За чаем пополудни Л. Н. сказал:

— Я все время читал (про) Павла Петровича; какой хороший человек! Он с 18 до 42 лет жил, зная, что он должен царствовать, что его мать безнравственная, убила его отца и узурпаторски правит. Когда поехал в Австрию, то посланник просил во время его пребывания там не играть «Гамлета» [1], и в России при Екатерине II его не играли, а при Елизавете Петровне — играли. Был нравственный человек. Со второй женой (Марией Федоровной) нарожали десять человек детей: шестерых девочек, четырех сыновей, и всех огромного роста.

Под вечер Л. Н. прошелся по аллеям.

Вечером читали вслух «Поединок» — повесть Куприна [2]. Первые 51 страницу, не отрываясь, одним духом прочла Софья Андреевна. Л. Н. внимательно слушал, каждое нерасслышанное слово переспрашивал.

— Мне интересно описание военной жизни,— произнес Л. Н.— Он хорошо знает быт военный.

Когда читали выговор полковника пьянице-капитану, сперва начальнически строгий, потом человеческий, мягкий, Л. Н. похвалил: «Хорошо».

Вошла Александра Львовна пить чай.

Л. Н. спросил ее:

— Ты читала? До конца?

Александра Львовна: Да.

Татьяна Львовна спросила Л. Н.:

— Ты знаешь Куприна?

Л. Н.: Познакомили меня с ним на пароходе при отъезде из Ялты; мускулистый, приятный [3].

— А Скиталец какой неприятный, и наружностью (длинная шея, покатые плечи!), и самомнением,— сказала Юлия Ивановна.

Л. Н. читал для себя в той же книге (где «Поединок») стихотворения Скитальца и с негодованием повторял: «Ужасное что-то!» [4]

— Хорошо, весело, только, где пускается в философию, неинтересно,— прибавил Л. Н. о «Поединке».

Я заметил:

— Неверно поклонение статуе Аллаха. У магометан нет статуй [5].

Л. Н.: Черемисы — идолопоклонники, а у них один язык с татарами. Аллах...

От лестницы доносился странный шум, как если бы что-нибудь катилось с нее. Это птичка билась об окно. Илья Васильевич открыл окно и поймал ее. Перепелка. Юлия Ивановна выпустила ее из окна зала, но она не улетела и продолжала биться об окно. Холод, голод или свет заставляли ее проситься внутрь?

Л. Н. поинтересовался устройством барометра-анероида.

Когда читали любовное письмо капитанши к офицеру, Л. Н. произнес с отвращением:

— Даже изжога от него делается.

Л. Н. слушал чтение Софьи Андреевны, лежа на кушетке. Во время обеда ел только суп да смоленскую кашу. Вечером ни до чего не дотронулся. Должно быть, боли у него сильные (не показывает этого), сосредоточенный, страдающий вид у него. В полночь прогуливался по комнате.

Сегодня Софья Андреевна, Александра Львовна, Прасковья Николаевна ездили с возом за грибами-рыжиками в Черту. За час собрали несколько пудов.

10 октября. Понедельник. Л. Н. вчера пораньше пошел спать, около четверти двенадцатого, а сегодня поздно встал. Вышел в час. Со станции Засека пришли застрявшие там пассажиры двух поездов, чтобы увидеть его. Л. Н. поговорил с ними около часа с четвертью. Потом был старичок из Кишинева, желавший «видеть графа Толстого в «боголице»». Он анархист-христианин. И Л. Н-чу и всем говорит *ты*. Потом (из Тулы) приехал доктор Каиров, симпатичный человек, раз уже бывший у Л. Н.

Вечером: Каиров, И. К. Дитерихс, М. В. Булыгин. У Л. Н. до 11 вечера боли в печени. Несмотря на это, он все время, с 6 до 12 часов, оживленно разговаривал. Расспрашивал Каирова про Уссурийский край, Маньчжурию и читал вслух Герцена.

Л. Н. говорил, что с разных сторон слышал — хвалят «Поединок» Куприна.

— И как все военные «Поединком» довольны,— сказал кто-то.

— Да, превосходный,— заметил И. К. Дитерихс,— но одни негативные типы выведены.

Л. Н.: Полковой командир — прекрасный позитивный тип. Какая смелость! Как это цензура пропустила и не протестуют военные? Пишет, как Ромашов (молодой офицер) мечтает — метит высоко: во-первых, стрелять в бунтующий народ (чтобы получить благодарность начальства и награды); во-вторых, идти шпионом-шарманщиком в Германию; в-третьих, отличиться на войне. Куприн выше Горького и Андреева.

Л. Н. с возмущением вспомнил читанный шесть дней тому назад рассказ Горького о каторжнике, в котором Горький хочет доказать, что, если тебе делают добро, можешь и ты делать добро, если зло — так зло [1].

Каиров рассказывал про Уссурийский край, что он плодородный. У крестьян бывает до 600 ульев, пчелы семь раз в год роятся, и один улей дает три — семь пудов меду. Гречиху сеют в конце июля, и в конце августа она созревает. Трава выше человека. Кабаны, медведи, тигры; огромные липовые листы в четыре ладони. Очень интересно рассказывал о японцах, как они вытесняют русских из Маньчжурии. Японки — отличные работницы. С детьми за спиной (а они в полгода, в год — необыкновенно большие) грузят уголь, бросают вверх корзины в 30 фунтов, носят на коромысле две посудины, такого же размера, как они сами. Японцы — тоже ловкие работники. Каторжных на Сахалине японцы, по слухам, казнили отсечением головы, поселенцев распустили. Японцу платье обходится рубль в год, кимоно — 70 коп., соломенная шляпа, пояс, сандалии — 30. Топлива им не нужно, также и построек для скота и урожая.

На слова Каирова, что Маньчжурия и Уссурийский край отойдут к Японии, Л. Н. сказал:

— Ну, будет Государственная дума. Как она решит: остаться в Маньчжурии или нет? Не могут решить. Николай Александрович — тем менее. Единственный способ, если люди не будут покоряться властям (идти в солдаты), скажут: «Я хочу заботиться о семье, спокойно хозяйничать». Так некрасовцы (казаки-раскольники) жили в Турции.

Л. Н. упрекал русское правительство в том, что слышал от Беркенгейма:

— В Китае опий запрещен; в Маньчжурии разрешен; и дома́, где курят опий, обложены сбором по числу трубок.

Л. Н. вспомнил, какое он письмо получил: «Бедствия в России происходят оттого, что вы отвергаете Евангелие. Ваш внимательный читатель» [2].

Каиров рассказывал, что начавшаяся третьего дня стачка железнодорожных служащих произошла так: начальство отчисляло известный процент жалованья в фонд вспомоществования, а его нет. Депутацию, просившую разъяснения, посадили под арест.

Л. Н. возразил:

— Это не верится (чтобы посадили под арест).

Каиров: Может быть, это только слухи.

Л. Н., недоумевая, спрашивал, чего они хотят добиться стачкой? Более высокой заработной платы, меньшего рабочего дня? Но ведь потом опять могут требовать вместо шестичасового — пятичасового дня. Тут только одно средство: сделать так, чтобы люди не были вынуждены идти в рабство на фабрики. Забастовка — насилие. Никитин рассказывал, как в Союзе союзов обсуждалось предложение врача с немецкой фамилией, чтобы врачи забастовали: или вполне, или только не принимали и не лечили в государственных учреждениях. Это то же, что человека взять за ногу и бить им других. Никитин не согласился на это, как на меру безнравственную, а предложил не исполнять правительственных требований, поступать так, как если бы правительства не было. За него было четыре голоса, против — 19.

Потом Л. Н. говорил о Герцене:

— Герцен в «С того берега» передает разговоры степенного человека с пылким революционером [3] — говорит такое, что в наше время следовало бы читать. Но Герцена не знают. Литературная среда знает только то, что пишется в газетах, но мудрецов — Канта, Спинозу — не знают. У Герцена уже можно прочитать: внешнее движение — пустое, только внутренней работой освобождается человек. Вера в прогресс, что когда-то будет хорошо и до тех пор можем, как попало, неразумно устраивать себе и другим жизнь,— суеверие. Прогресс ведь бесконечен, и путь к нему такой (же). У Герцена иные слова: вместо «бог» у него — природа, вместо «рели-

гия» — наука, вместо «церковь» — христианство, но мысли его — те же, что у религиозных мыслителей. Будущего ждать не надо, а теперешней жизнью ⟨следует⟩ вполне пользоваться. Каждый момент тут — настоящее.

11 октября. Вторник. Л. Н-чу легче. В Ясной Поляне (деревне) 51 случай брюшного тифа. Заболел Архипка Макаров, помощник садовника. Много работы с больными. Третий день никакой почты из-за забастовки железнодорожников. Старинные способы передвижения. Извозчики тройкой берут 100 р. из Тулы в Москву. Пополудни приехал из Черни Сергей Львович на лошадях с членом земской управы.

Вечером продолжали читать «Поединок». Читал Иосиф Константинович приятным, звучным басом: бал и учение солдат. Л. Н. о бале сказал: «Прежнее было лучше»; об учении сказал: «Это хорошо описано» [1]. Вспомнил Куприна: бывший офицер, теперь издает «Мир божий»; прежде, говорят, сильно кутил, силач.

Когда Иосиф Константинович дочел вторую (из сегодняшних) главу, Татьяна Львовна остановила его: «Двенадцатый час». Но Л. Н. предложил прочесть еще и сам прочел полторы страницы.

Потом говорили о священниках. Л. Н. сказал, что нужно бы такое же разоблачение поповского быта, как Куприн сделал военного: как совершают обряды... Вспоминал письма, которые он получал от священников: постом молодой поп — у него на руках родители и еще родня — писал, как ему стыдно, он, как заяц, прячется перед истинно верующими крестьянами, когда совершает то, во что не верит (обряды). Написал три письма, потом замолчал [2]. А приезжают (в Ясную Поляну) такие попы, у которых место религии ничем не заполнено. Один хотел поступить в техническое училище.

Софья Андреевна: Ведь Потапенко описывает поповскую жизнь.

Л. Н.: Но как?

Разговор коснулся духоборов. Сергей Львович спросил Иосифа Константиновича, есть ли у него записки о сношениях с ними и не думает ли обработать их. Л. Н. поощрял его к этому.

Софья Андреевна: Я все письма о духоборах отделила, они в Историческом музее.

Сергей Львович сказал, что он желал бы заняться ими и что у него и свои записки есть. (Сергей Львович, Иосиф Константинович и Сулержицкий ездили с тремя духоборческими партиями в Канаду.[3])

Член Управы с Л. Н. и Софьей Андреевной о неурожае. Тульская губерния получит семь миллионов рублей пособия. Вспоминали 35 вагонов гнилой ржи, доставленной Тульской земской управе комиссионером для посева ржи. В мешках наверху рожь получше, внизу гнилая.

Л. Н.: Читаю Шильдера о Павле. Павел был бешеный, и в таком состоянии он готов был на все. Но во все свое царствование проводил самые либеральные меры. Был против разделения Польши, освободил пленных поляков и лично посетил Костюшко. Ненавидел все, что сделала его мать, Екатерина II.

Л. Н. просил Сергея Львовича, чтобы в Москве попросил Бутурлина достать ему какую-то французскую книгу о Павле и другие книги, о которых говорил Бутурлин.

Потом говорили о земле. Иосиф Константинович сказал, что крестьяне понимают Генри Джорджа, а помещики инстинктивно против него настроены. Сергей Львович вспомнил свой разговор с Мануйловым, который стоит за то, чтобы передать помещичьи земли мужикам. «Каким? — возразил ему Сергей Львович.— Они разные, есть между ними и богатые, которые вдов лишают земли». Я ему сказал: «Тогда и вы должны уравнять себя с босяками».

Л. Н.: Маша пишет, что пироговские мужики, купившие землю Марии Николаевны и разбогатевшие (по три лошади у них на двор), хотят больше земли, жадны на землю.

Л. Н.: Я боюсь, что ложные взгляды собьют с толку крестьян, надо бы ⟨выступить⟩ против этих взглядов... Они выбирают в Государственную думу шорника (плохого человека). Брошюры революционеров на это бьют: овладеть барской землею... Как Генри Джордж прав: подати и земля связывают людей. Он подати уничтожает, землю освобождает. Какой ужас неправды! Одно: подати берет кто-то, другое: земля! Если общество (мир, мужики) — при круговой поруке — отбирают у вдовы землю, то это потому, что она не осиливает тех податей, которые с нее взимают. Если она останется без земли при едином налоге, то хоть податей (на керосин, железо, сахар...) не будет платить, легче ей будет жить.

12 октября. Среда. Вечером Л. Н. и Сергей Львович продолжали читать вслух «Поединок». Я проспал первую главу. Сергей Львович пришел за мной, и Л. Н. мне вкратце пересказал ее содержание (об офицере, у которого был целый зверинец), прибавив: «Хорошо написано». Потом Л. Н. сам читал вслух об обучении солдат. Это — обучение — читал Л. Н. удивительно хорошо. Когда устал, взялся читать Сергей Львович. Читал любовную главу, останавливался, перескакивал, видно было, что ему стыдно. Предлагал Юлии Ивановне дочитать ее. Хотел пропустить семь страниц. Но Софья Андреевна и Татьяна Львовна запротестовали, и Сергей Львович читал дальше.

Л. Н. (*ему, смеясь*): Я подкузьмил тебя.

Но эта сцена была ужасно растянута.

Л. Н. сделал к ней замечание:

— Горький, Андреев виноваты в ненатуральных описаниях (т. е. увлекли и Куприна).

«Зеленые точечки» — разве это дает представление о звездах, особенно первых? [1]

Потом опять читал Л. Н. про смотр полка [2]. Читал с пылом, с интересом, как если бы сам был молодым солдатом. Когда читал о том, как перед самым смотром солдаты должны были зубрить, как им начальники давали оплеухи, почти прослезился от произведенного на него впечатления.

Об этом разговорились. Татьяна Львовна сказала, что это, наверно, так и есть, как он описывает.

Л. Н.: Наверно, наверно.

Закончив главу, Л. Н. заключил:

— Куприн в слабого Ромашова вложил свои чувства.

Сергей Львович: Корпусной командир — Драгомиров.

Л. Н. подтвердил.

Сергей Львович: Куприн почерпнул из Ростовцева? [3]

Л. Н.: Новый писатель пользуется старыми приемами. «Поединок» дает живое представление о военной жизни.

Л. Н. спросил меня, понимаю ли все, когда вслух читают.

Потом говорили о стачке железнодорожников, которая теперь широко распространилась; о слухах, которые Сергей Львович привез из Тулы, что в Тифлисе бросают бомбы в казацкие казармы, и т. д.

Л. Н. в течение нескольких лет пишет в дневнике, в конце записи, завтрашнее число и «Е. б.ж.», т. е.: «Если буду жив». Но притом Л. Н. не пропускает дня, чтобы не делать гимнастику в своей комнате — с гирями.

13 октября. Четверг. За обедом Л. Н. рассказывал Татьяне Львовне о Похитонове, что он умеет видеть и рассказывать; что он приятный, добросовестный человек; наружностью, походкой на медведя похож.

— Живописцы бывают приятные люди: Репин, Прянишников,— сказал Л. Н.— Жаль, что ты его (Похитонова) не застала. Мне о нем рассказывал Тургенев.

Смотрели его картины и хвалили (между прочим, «Столбы»; видно, что солнечный, ясный день).

Вечером Л. Н., Татьяна Львовна, Сергей Львович дочитали до конца «Поединок».

Л. Н. сделал замечания: после разговора Ромашова с Назанским — сказал: «Жалкое это рассуждение Назанского, это Ницше» (Л. Н. выговаривал: «Ничче»). После сцены письма и драки в офицерском собрании: «Очень сильно написано».

Когда Л. Н. начал читать предпоследнюю главу, как Шурочка пришла к Ромашову, Л. Н. усмехнулся:

— Теперь я попался,— и не читал ее вслух (присутствовали девицы), только прочел рапорт о дуэли, которым повесть кончается.

— Ужасно мрачно — драка, битье солдат. Думаю, столько битья солдат не бывает,— сказал я.

— По-моему, бывает,— возразил Сергей Львович,— я слышал...

Л. Н.: Драка, это бы ничего... Не цельно, напихано много лишнего. Впечатления нет. Не рад, что читал. Ужасно тяжело.

На одной странице, где Куприн описывал природу, Л. Н. останавливался на неисправностях речи*, вроде «тишина звучала» [1].

Татьяна Львовна заговорила о последней сцене с Хлебниковым, Л. Н. подтвердил, что она фальшива.

— Сегодня я читал «Копперфилда»,— сказал Л. Н. Сергею Львовичу.— Дядя Сережа говорил: «Когда начнешь читать Диккенса, как из грязного кабака попадешь в хорошее общество».

Я заговорил о Хлебникове, выведенном в «Поединке»: непонятливый, тщедушный, с грыжей, и все-таки взят в солдаты; об ужасной смертности в русской армии. В русской армии смертность приблизительно в восемь раз больше, чем в германской. В Германии народ становится здоровее, процент годных для военной службы увеличивается, в других государствах (Австрии, России) падает. Л. Н. сказал, что за это германцы заслуживают похвалы.

14 октября. Пятница. За обедом разговор о забастовке железнодорожников. Татьяна Львовна говорила, что одно из их требований — не принимать женщин на службу, что они сбивают плату и заработок их идет на наряды.

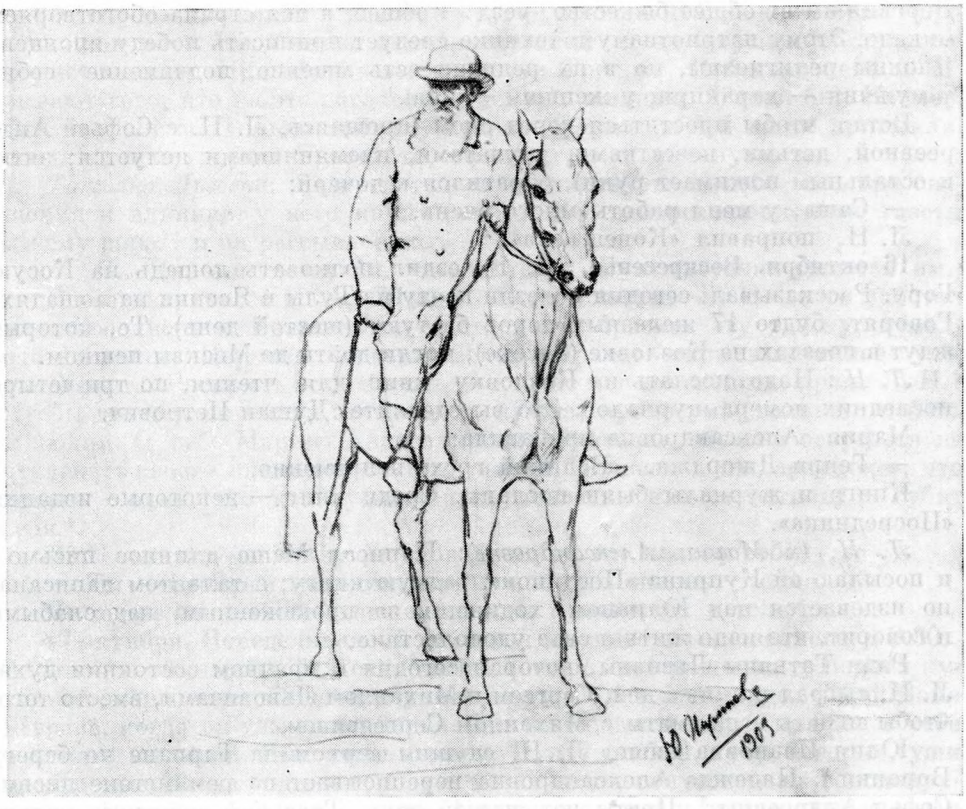
В связи с этим разговор о «женских правах». «Чем мне жить, когда меня не кормит ни отец, ни брат?» — сказала Надежда Александровна, ремингтонистка. Говорили, что яснополянские девки из своего заработка не отдают домой, готовят себе приданое.

Л. Н.: Лучшего отношения к женщинам, чем было в Средние века, не придумают. Рыцари презирали женщин, а потому были к ним чересчур почтительны. От брата, Николая Николаевича, слышал и от.....**, что жены у магометан имеют большее влияние в семье, чем у нас. Стремление магометан — моногамия и строго соблюдают ее.

---

* Л. Н. был очень чуток к точности выражений и чистоте (русского) языка. Раз, в ожидании приезда Наживина, Л. Н. взял себе труд отметить в его каком-то рассказе все ошибки; на иной странице до 20! Наживин, помнится, тогда не приехал и не увидал этих страниц, испещренных отметками и замечаниями Л. Н. Какие они были интересные, поучительные, не только для писателей, но и для всех читателей! Поразительно, как мы свыклись с испорченным языком. Не замечаем его. Те страницы перепечатывать бы в учебниках русского языка, в энциклопедических словарях и даже календарях.— *Позднейшее примечание Маковицкого.*

** Я не расслышал.



ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ
Ясная Поляна, 1905
Рисунок (уголь) Ю. И. Игумновой

Софья Андреевна обмела и разложила на столе в гостиной портреты, которые висели в старой библиотеке*. (Н. Н. Страхов, группа шести с Тургеневым, Григоровичем, Островским; Фет, Некрасов, Лелевель, Сергей Николаевич, Волконский с женой, Татьяна Львовна девочкой [1] и др.). Л. Н., смотря на эти портреты, произнес: «Это мои настоящие приятели».

Просил повесить в своем кабинете, откуда, сказал, можно удалить портреты Брайана, Шпира, Джонса (голову американского города Толидо) и др. Софья Андреевна хотела снять и портрет Сютаева. Л. Н. не позволил [2].

По какому-то поводу Татьяна Львовна сказала, что она будет долго жить, что она из такого рода.

Л. Н. поспешно остановил ее, прикрикнув:

— Не говори! Я знал двоих — Страхова, Захарьина,— которые говорили: «Я, Лёв Николаич, долго буду жить»,— сказал Л. Н., подражая Страхову.

Л. Н. рассказывал о Японии по книге Lafcadio Hearn «Japan». Там четыре класса: 1) самураи, 2) земледельцы, 3) ремесленники, 4) купцы.

* Угловая комната внизу, углом на восток, раньше была кабинетом Л. Н., в последние годы — спальней для гостей и библиотекой; почти половина шкапов с книгами в ней помещалась, теперь шкапы переносят наверх, в комнату с большим окном на северо-запад.

Деревня имеет общее божество, уезд — общее, а вся страна обоготворяет микадо. Этому патриотизму и технике следует приписать победу японцев. Японцы религиозны, но в их религии есть мщение, подчинение себя: у мужчин — харакири, у женщин — jigai [3].

Встав, чтобы проститься перед сном (прощаясь, Л. Н. с Софьей Андреевной, детьми, невестками, внучатами, племянницами целуется; зятю и остальным пожимает руки), обратился к дочери:

— Саша, у меня работы много очень.

Л. Н. поправил «Конец века».

16 октября. Воскресенье. Л. Н. ездил подковать лошадь на Косую Гору. Рассказывал: сегодня повезли почту из Тулы в Ясенки на лошадях. Говорят, будто 17 железных дорог бастуют (шестой день). Те, которые ждут в поездах на Козловке (Засеке), могли дойти до Москвы пешком.

Л. Н.: Надо послать на Козловку книг для чтения, по три-четыре последних номера журналов. Это вы сделайте, Душан Петрович.

Мария Александровна прибавила:

— Генри Джорджа, «Великий грех» непременно.

Книги и журналы были посланы. Среди книг — некоторые издания «Посредника».

Л. Н. (*к Марии Александровне*): Написал Маше длинное письмо [1] и посылаю ей Куприна «Поединок», гадкую книгу; с талантом написана, но издевается над Юлианом, ходившим за прокаженным, над слабыми и говорит, что надо жить в свое удовольствие.

Ради Татьяны Львовны, которая сегодня в мрачном состоянии духа, Л. Н. сыграл в винт с ней, Сергеем и Михаилом Львовичами, вместо того, чтобы играть в шахматы с Михаилом Сергеевичем.

Юлия Ивановна пишет Л. Н. едущим верхом на Тарпане по берегу Воронки [2]. Надежда Александровна переписывает на ремингтоне письма Софьи Андреевны [3]. Почты нет шестой день. Телеграф действует только для правительства.

Снег глубокий, не растаял. Минус два градуса. Мария Александровна осталась. Под вечер приехал из Тулы, где застрял на вокзале, присяжный поверенный из Петербурга, Беренштам, который защищал убийцу Сергея Александровича и бунтовавших якутских политических ссыльных. Л. Н. гулял с ним по Чепыжу и к самой Воронке. Пригласил обедать, но тот не остался. Вечером Л. Н. просматривал книгу Беренштама «За право!», которая появилась во втором издании, но была арестована цензурой. Читал ее минут 10—15, потом отложил — собственно, отбросил:

— Это очень плохо. Не стоит читать. Он защищает (*я не расслышал, что, показалось*: «*убийство*»). Напыщенные слова. Все из того мира запутанного [4].

Сегодня Л. Н. поправлял присланное ему в корректуре Чертковым «Божеское и человеческое». Работал до четырех часов пополудни [5]. Говорил, что хочет еще короче и понятнее народу написать то, что в «Великом грехе».

Вечером за чаем Л. Н. читал вслух из серии «Записки декабристов» «Записки» И. Д. Якушкина [6].

Потом Л. Н. рассказал про событие, о котором сообщил ему Беренштам: в Двинске в городского голову стреляли сразу четверо молодых людей, скрылись в толпе. Сыщик донес, что один из них был Маньковский, молодой еврей. Голова признал его, и его приговорили к смертной казни. Подали апелляцию. Его совсем освободили, потому что нашли одного из действительных виновников, Дейча, а тот утверждал, что Маньковского между ними вовсе не было. Доказали, что у сыщика была личная ненависть к Маньковскому, и предположили, что обвиняет его из ненависти.

Л. Н.: Мы тут сидим в покое, а кругом вражда. В Западном крае убийства, как на войне. Социал-демократический Бунд еврейский стал террористическим. Приговаривают к смерти Трепова, Победоносцева и вызывают того, кто на это согласен. Рискуют жизнью. Такой был Каляев. Это как война. Только война — старая форма, к ней люди привыкли, солдаты принуждены присягать, офицеры тоже обмануты.

Татьяна Львовна: Лазарев теперь торжествует. У него большие сношения и влияние, у него кипит работа. Все эти революционные газеты к нему шлют, и он рассылает их.

Л. Н.: Да, они достигли, чего хотели. (Бунты, стачки удаются им.)

Я разговаривал с М. А. Шмидт. По ее словам, Л. Н. долго работал над «Соединением Евангелий». Часто хотел бросить эту работу: думал, что не осилит. Церковь в течение веков старалась скрыть истинное учение Христа. Раскрыть всю ее ложь — кто же мог это сделать, кроме Л. Н.? Чтобы довести до конца эту работу, нужна, кроме ума, великая любовь к людям. О себе Мария Александровна сказала, что она старается не отвлекать своего внимания от того, что Л. Н. писал в «Ассархадоне», что жизнь — одна; что кто губит жизнь человека или животного — губит себя [7].

Л. Н. сказал мальчику Хохловой, когда тот ласкал собаку:

— Ты — славный мальчик, помни одно: что жизнь — одна.

По шоссе оживленное движение: едут в колясках и телегах.

17 октября. Понедельник. Л. Н. встал (позднее обыкновенного, в 8.30). Занимался гимнастикой. Когда, вынося ведро, возвращался, у первой кухонной двери ведро выскочило у него из рук. Упал. Его увидел лакей Ваня Шураев, когда он уже поднимался. Сам встал, взял ведро, пришел к себе и прилег на диван. Был очень бледен. Пульс слабый, губы бледные, уши прозрачные. Когда поднял голову и хотел сесть, почувствовал головокружение. Потом голове стало легче. Полежал спокойно около часа и начал было заниматься, но потом опять прилег и подремал от 10 до 12-ти и от часу до 6-ти.

Вечером говорил, что это с ним уже бывало.

— Помню, с Гротом шел по Пречистенке, шатался. Пошатнулся, прислонился к стене и постоял. Теперь уже четыре дня шатало меня, только не сильно. Неужели это слабый удар был?

Софья Андреевна предлагала Л. Н. разные средства, но он сказал:

— Ничего не нужно: ни льду, ни горчичника. Мне нужно спокойствие.

Вернулся из Тулы Михаил Львович, рассказывал о собрании забастовавших железнодорожников. Когда один оратор заявил, что они хотят обсуждать свое экономическое положение, другие стали кричать: «Не экономическое, а политическое положение!». Правительства в Туле нет. Губернатор и вице-губернатор сидят, не знают, что делать. В тюрьме арестанты выломали дверь; солдаты стреляли в них, троих застрелили. Из Москвы привезли «Русские ведомости», очень революционные. В Москве, говорят, тоже нет правительства.

Л. Н. сказал мне:

— Я думал о том, что рассказывал Миша. Слышали? Революция началась. Чтобы она удалась, чтобы они захватили власть, нужна организация. Нужны большие перевороты... Правительства выросли исторически. Пока есть насильственное правительство в Австрии, Франции, должно быть насильственное правление и в России. В Пруссии конституция, а все-таки своеобразное прусское правительство.

Михаил Львович передавал слух, что яхта царская стоит наготове, котел топится.

Обедал Л. Н. у себя в кабинете, съел много супа, воздушного пирога, выпил рюмку вина и чашку кофея, потом стал читать Диккенса.

В 9 вышел в залу с палкой в руке и лег на кушетку. Юлия Ивановна и Н. А. Лютецкая (переписчица) говорили о революции.

Л. Н. сказал:

— Усмирение солдатами — самое страшное, что может случиться.

— Что будет с Польшей, с Финляндией, с Кавказом? — спросила Н. А. Лютецкая.

— Они хотят автономии,— сказал Л. Н.— Я за автономию. Но есть патриоты, которые против.

— Если Николай убежит в Данию, тогда ему капут,— сказала Татьяна Львовна.

— Капут,— согласился Л. Н.— Но Николай, должно быть, остался. Он по своему характеру не трус.

Мне Л. Н. сказал:

— Мне сегодня так хорошо думалось. В болезни, в страданиях отпадает суеверие материальной жизни, а появляется сознание реальной духовной жизни: чтобы здесь, сейчас исполнять волю бога, а учение материалистов утверждает как раз противоположное: они суеверием считают духовную жизнь. Мне стало ясно, почему легко умирают и самые эгоистичные люди: потому, что суеверие материальной жизни отпадает.

Александре Львовне Л. Н. сказал:

— Хотел тебе диктовать мысли, были необыкновенно ясны, но боялся повредить себе. Завтра утром [1].

Татьяна Львовна сказала, что в такое страшное время, как теперь, не радость рожать. Л. Н., смеясь, сказал ей:

— Если родится мальчик, назвать Бунт; если девочка — Революцией Михайловной. Революция — это как у человека болезненное сердцебиение, высокий пульс: надо держаться осторожно. Революция — испытание человеку. Тут, чтобы не повредить, нужно ни слова не сказать лишнего, ни одного поступка легкомысленного не сделать...

Потом Л. Н. спросил Софью Андреевну, позволила ли она П. И. Бирюкову напечатать письма Л. Н. к В. ⟨Арсеньевой⟩. Софья Андреевна раздраженно ответила, что нет и что она сама будет писать об этом, а Бирюков сухо пишет.

— Лучше никто не напишет,— сказал Л. Н.,— у него одинаковые ⟨со мною⟩ взгляды и любовь к делу.

Меня Л. Н. спросил:

— У Черткова есть «Хельчицкий» и «Предисловие» к «Учению 12-ти апостолов»? Надо ему послать для его издания «Круга чтения». Соберите книги из Публичной библиотеки — только одна мне нужна, эту оставьте — и пошлите Стасову.

Собрать их оказалось нелегко, т. к. на них нет штемпеля.

18 октября. Л. Н. встал, как обыкновенно. У него язык обложен, горечь во рту. Появилась желтизна на белках глаз. Голова еще кружится, но слабее. Натощак пил эмс. Пополудни гулял; прошел через Елочки мимо колодца к купальне и по дороге в купальню домой.

Сегодня десятый день железнодорожной забастовки и ее конец, тронулись поезда.

Мы десять дней не получали почты.

— Завтра будет нужно за почтой телегу послать,— сказал Л. Н.,— одних газет будет 100 номеров.

Булочные в Туле закрыты.

Меня Л. Н. спрашивал о тифозных в деревне. В числе их и Архип, помощник яснополянского садовника. Л. Н. предложил отпускать ему молоко из экономии, сказав, что будет платить за него.

Л. Н. (*позднее*): Читал биографию Диккенса в Ефроне [1]. Хорошо написана. Диккенс до 14 лет только два года ходил в школу. После налеплял яр-

лыки на ваксу. Так что не имел школьного образования; а какая тонкость, глубина мысли! «Пиквик» написан с веселостью, которая сияет из лиц.

Л. Н., вспомнив тут актеров, сказал:

— Были актеры: Мартынов, Бурлак, Живокини — и фамилия итальянская, и сам был, как итальянец,— живой. Он был насыщен комизмом.

Татьяна Львовна рассказывала о тишине и скуке во французских швейцарских городах: в 10 часов спит все.

Л. Н. вспомнил, как они с Тургеневым ехали в Гренобль [2], Тургенев — лечиться. Л. Н. там доканчивал свою работу, не помнит, что — может быть, «Люцерн» [3]. Там, в Гренобле, офицеры в кофейне играли в домино без азарта.

Л. Н. играл с Татьяной Львовной в кабалу. Написал письма: Стасову, Черткову [4].

19 октября. Л. Н. ездил верхом к Туле. Не доезжая пяти верст до Тулы, повернул обратно. Встречные рассказывали ему, что в Туле по улицам ходят толпы народу. Распустили фабричных рабочих на четыре дня. Читали манифест, раздают его. В нем провозглашена полная конституция, свобода слова, печати, собраний [1].

Л. Н.: Худого в этом нет.

Встречные рассказывали, что на улицах ставят столы, ящики, влезают на них и ораторствуют. Губернатора просили выпустить из тюрьмы политических. Ответил, что не может, пока не получит приказа сверху.

Л. Н. спрашивал мужика, что будет? Мужик говорил: «Свобода будет».

Александра Львовна, вернувшись из Тулы, со двора кричала Юлии Ивановне на второй этаж сильным, звонким голосом: «Жюли-и! В Туле манифестации, по Киевской нельзя проехать. Музыка «Марсельезу» играет. Зато поручений ни одного не могла исполнить! Все заперто, и даже аптеки!»

Когда я пришел к обеду, Л. Н. сказал мне:

— Поздравляю вас с конституцией.

Тут его перебила Софья Андреевна:

— В Туле мирные манифестации, но в Москве, вероятно, насилие.

Юлия Ивановна прочла вслух царский манифест.

За вечерним чаем Л. Н. дал Татьяне Львовне прочесть полторы главы из «David Copperfield», которые ему особенно нравятся.

— Огромный талант,— сказал Л. Н., когда Татьяна Львовна дочитала.— Я знаю, у писателей есть минуты вдохновения, когда им все удается... Описывая красавца, образованного, богатого, Диккенс не на его стороне...[2] Диккенс был высокого роста, лицом такой, как на портрете в гостиной [3].

Юлия Ивановна хвалила «Холодный дом».

Приехала акушерка к Татьяне Львовне, тулячка, Анна Павловна, серьезная, симпатичная. Рассказывала, что вчера казаки били толпу на тротуарах. И ей досталось. Вице-губернатор Хвостов извинялся, говорил, что это было сделано не по его приказанию. Анна Павловна негодовала на казаков и на толпу, обшарившую ее, чтоб убедиться, есть ли на ней крестик.

Л. Н.: Вчера закрывали булочные, разливали керосин — причина была... Казаки — милые люди, семейные. На постоялом дворе, где я привязывал лошадь, уезжал казак, прощался сердечно с хозяином: «Слава богу, мирно простояли, никакого греха не было...»

Л. Н. прочел вслух из петербургского журнальчика «Человеческая жизнь» (июль — август 1905) статью «Одна из ближайших задач» — о не-

обходимости христианской религии. Выдержка из книги Р. Эмерсона «К вопросу о старости и смерти».

Л. Н. сегодня ужасно много переменял в «Конце века»*.

Вечером по случаю конституции, приезда акушерки и получения телеграммы М. С. Сухотина, что завтра приедет, было веселое настроение.

Татьяна Львовна обрадовалась и заразила радостным настроением остальных.

Л. Н. с Татьяной Львовной играли в кабалу.

20 октября. Четверг. Л. Н-чу лучше, ездил к Звегинцевой. Вечером спросил Татьяну Львовну, не хочет ли прочесть из «David Copperfield» опять несколько глав, и рассказал о мисс, которая, приехав в Лондон, боялась пожара и испорченных съестных припасов; даже к курам относилась с подозрением [1].

Татьяна Львовна заметила, что кур кормят падалью.

Л. Н.: Возле Парижа на одной ферме я спросил, на что им столько кляч? «На корм курам»,— ответили.

Я читал в Брокгаузе статью «Переселения» [2]. Л. Н. спросил, что я вычитал там, и осведомился, сколько переселилось в Ташкент.

— Я этим занимался,— сказал Л. Н.,— читал бумаги из архива Министерства государственных имуществ. Переселение шло вопреки правительству; правительство своими мерами только препятствовало ему. Переселенцы, которые надеялись на помощь правительства, приехали в Бузулук, сели и ждали. Другие же поехали дальше, нанялись башкирцам сено косить из части, продали и поехали дальше. Читал даже про таких, которые взяли с собой семена, осенью посеяли рожь, собрали, продали и на деньги, вырученные за эту рожь, ехали дальше. До урожая косили траву башкирцам. Бедные, как это всегда бывает, успевали благодаря своей энергии. Богатые беднеют. В Самарской губернии знал семью переселенцев. Старик приехал в кибитке, сам-одиннадцать, из Пензенской, другие, более зажиточные, поехали дальше, он должен был остаться. Он уже был слеп, его сын был церковным старостой. Земли у них купленной — 500 десятин.

— Помогать переселенцам, как голодным, с пренебрежением к правительственной системе ведения переселения,— заметил Л. Н.— Я занимался этим — тяжелое дело... Брат Сергей Николаевич говорил, что эта помощь голодным — вроде машины для кормления кур, которая была на выставке. Машина из пищи делает жижу, выпускает ее тонкими струями, сосульками, а куры сидят, только рты открывают. Здесь, в Ясной, Пирогове, тиф, а все-таки мужики сами добывают себе хлеб. Калужские мужики копали пруд по колена в грязи, ложились, мокрые, на пол, на печку, вставали мокрые — ничего с ними не случилось. Если бы выбирать: дать ли каждой семье по три коровы, три лошади и т. д., или дать капли, которые сделали бы, чтобы у них поднялась энергия,— то это лучше. Всякое средство, которым можно поддержать энергию, самое драгоценное.

Я рассказал Л. Н. о бывшем сегодня паломнике, ходившем в Сергиеву Лавру. Он говорил, что в Москве народ пьянствует, ругает царя, бушует, бесчинствует по станциям, а жандармы и полицейские только просят потише шуметь, не ругать царя. Я спросил его, что сказано в царском манифесте. Ответил: «В манифесте царь говорит: «Я православный народ землей вознагражу»».

---

* За период 1904—1910 гг. Л. Н. ни из одной статьи столько ценного не выпустил, как из этой. После высказал желание, чтобы Чертков выбрал лучшее из пропущенного и напечатал отдельно.

Л. Н.: Я об этом думал; бедные радуются манифесту, а вдруг про землю в нем ничего. Они этому не поверят.

Л. Н. хочет (пробует) написать короткий популярный листок об освобождении земли [3].

21 октября. Пятница. Я получил телеграмму с родины от брата: «Отец слаб, желает тебя видеть...» (дальше в телеграмме неразбериха, перевранo) [1].

Л. Н.: Дай бог, чтобы тревога была фальшивая. (Я предположил, что старик-отец высказал это желание видеть меня под впечатлением известий из России.)

Вечером приехал Н. Н. Гусев, сотрудник «Посредника». Привез известие о вчерашнем побоище в Туле. Была демонстрация революционеров, на которую напала черная сотня. Во вчерашнем номере «Русского листка» телеграфные известия о таких же побоищах во многих других (30—40) городах России.

В Москве была перестрелка между демонстрантами, возвращавшимися с похорон социал-демократа Баумана, и казаками [2].

Л. Н. ранили в сердце эти известия.

Гусев, читавший телеграммы из «Русского листка», вздыхал: «Ужасно, ужасно!»

Л. Н.: Ужасно, но радостно жить!

Потом Л. Н. говорил с Гусевым о Думе, о Витте, о Трепове, какая разница между ними.

— Свободу мысли, главный двигатель жизни, они не могут ни запретить, ни освободить,— сказал Л. Н.— Дорожу мыслью, которую я когда-то писал о Щедрине. Сережа — нет, другие дети были маленькие, я сказал им, чтобы поймали «зайчика» на шкапу. Открыли и захлопнули дверь шкапа и хлопнули рукой по зайчику, а зайчик — на руку. Так и свобода мысли и слова... Витте — человек дня. Трепов хоть последовательный...

Софья Андреевна: В деятельности царя, правительства нет откровенности, ясности, простоты отношений.

Л. Н.: В Думе будет каша: либералы, консерваторы, социал-демократы... Витте* воспользуется обстоятельствами и поднимется.

Л. Н. давно говорит, что революция на достижении конституции не остановится.

Л. Н. извинялся, что так говорит, сказал:

— «Гнилой Запад», а из него гнилоба русской интеллигенции. Вся надежда на русский народ. Свобода печати — задорные глупости читать, когда могу Канта, Диккенса, Гегеля, Герцена... Не говорю, что от них бóльшая польза (??), но и не меньшая. Надо быть дальше от злобы, правду говорит мой знакомый старик **.

Вчера, когда Александра Львовна рассказывала о тульских гимназистах, Л. Н. сказал:

— Надо спросить совета у Илюшка***,— все моложе и моложе те, кто вмешивается в политику. Витте назначен на пост премьер-министра.

Прошлой ночью приехал М. С. Сухотин. Рассказывал разные новости. Ехал с Бутурлиным, братом А. С. Бутурлина. Тот ругал Куропаткина за то, что проиграл два выигранных сражения.

Л. Н.: Кто, несмотря на разгром, на убитых, раненых, все наступает, тот побеждает. Так выигрывались все сражения. Наполеон так поступал.

О людях, которые захватывают власть, Л. Н. сказал:

---

* Витте намечен на пост премьер-министра.

** Л. Н. намекал на коломенского Быкова.

*** Семилетний внук Л. Н., сын Андрея Львовича.

— Картуш, Бисмарк, Наполеон и подобные им жестокие люди это умеют. То же самое ожидает и нас. Придет какой-нибудь sans foi ni loi*, разгонит Государственную думу и захватит власть...

Л. Н. к событиям:

— Надо только вспомнить начало наполеоновских войн, как гусары вторглись в пограничное герцогство, вывезли duc d'Enghien** чуть ли не с постели, поставили на колени и расстреляли.

Михаил Сергеевич: Наполеона отдали за это под суд. Но так как он видел, что это одна формальность, перестал отвечать на вопросы судей.

22 октября. Сегодня я ездил к больному в Рудаково (деревня на полдороге в Тулу). Много народу шло из Тулы. С одним 50-летним мужиком я разговорился. Работал на фабрике, ее закрыли, другой работы не найти, идет домой; с ним — другой, из той же деревни (верст 40 от Тулы). Он рассказал мне, что в Туле стало опасно, на улице застрелили 120 человек. Я ужаснулся и усомнился в этой цифре. Он подтвердил, что сам своими глазами видел на улице целые ряды трупов. Его товарищ тоже подтвердил это. Говорили так просто, убежденно; видно было, что сами верят тому, что говорят.

Я спросил рудаковского священника. От него и от других я услыхал, что убито 19 человек, почти все залпом солдат. Первым затоптан молодой Дреэрг [1], сын врача, будто бы стрелявший в портрет государя; убит и продавец суворинского киоска.

Л. Н.: Никогда не надо верить слухам.

Л. Н. сомневается, чтобы Дреэрг стрелял. Он будто тихий, добрый человек, только ярый революционер.

Вечером Л. Н. с Гусевым читал вслух «Конец века» (по рукописи). Л. Н. читал вслух «Конец века», кажется, два раза; замечания ему делали Гусев и я. Потом его прочли и проредактировали Бутурлин с Никитиным и Беркенгеймом, потом Гусев, потом М. С. Сухотин ***.

Потом Л. Н. читал вслух из «Писем из Франции и Италии» Герцена — одиннадцатое письмо.

Л. Н.: Как Герцен писал о том, что̀ теперь нужно, полвека тому назад. Под «социалистом» понимал не что-то определенное, вроде нынешних социал-демократов, но человека, который видит несправедливость экономического положения и хочет равенства.

Особенно понравилось Л. Н. следующее место (стр. 339): «Уничтожение авторитета — начало республики. Первое условие ее — свободные и самобытные люди; авторитет убивает независимость разума. Республике нет нужды в других началах, как в необходимых началах всякого общежития; она основана на тех существенных, всеобщих и необходимых условиях, без которых всякое общество делается невозможным» [2], и т. д.

— Письмо это писал Герцен после переворота Кавеньяка,— сказал Л. Н.— Герцен говорил про свободных людей 50 лет тому назад, а теперь они воображают себя свободными, добиваясь *права* выбирать представителей; готовы подчиняться законам, которые ими избранные представители издадут, не зная вперед, какие это будут законы. Они законами связаны по рукам и ногам, воображают себя свободными!

Л. Н., читая Герцена, высказал и свою оригинальную мысль, что, как, по словам Герцена, в 1792 г. нельзя было быть гугенотом, так в 1848 — ⟨недостаточно было быть⟩ республиканцем, а в 1905 — конституционалистом [3]. Читал быстро, выразительно.

---

* без стыда и совести (*франц.*).

** герцога Энгиенского (*франц.*).

*** Позднейшая приписка Маковицкого: «Вспоминаю из прошлых дней».

Сегодня Л. Н. для себя читал Диккенса, Герцена, Канта, Фонвизина (декабриста).

Л. Н.: Фонвизин был западник, но вместе с тем со славянофильским уважением к народу, к общине.

Неделю тому назад возвратился И. К. Дитерихс из путешествия и привез Л. Н. привет от его старинного друга молодости. Л. Н. сказал решительно, что не знает и не знал его.

Тревожное, полное важных событий, впечатлений время! Посетители рассказывают интересное, гости, газеты. Л. Н. на все отзывается. Я очень мало, и то отрывочно и совсем несвязно записываю. Взвинчен и устал. Днем очень устаю с больными в амбулатории и с тифозными в домах. На этой неделе в деревне Ясной Поляне умер пятый из 60 заболевших тифом. Почти каждый день разъезжаю и по другим деревням. Больны Софья Андреевна и Л. Н. Татьяна Львовна в ожидании родов. Множество прохожих, безработных и всяких несчастных приходит. В доме политическими событиями все встревожены, расстроены, горячатся, спорят.

Л. Н. все еще нездоровится. Измученное лицо, но не говорит о болезни.

Татьяна Львовна сегодня ждет родов.

Михаил Сергеевич пел романсы, куплеты. Было дико, шумно, весело.

Я позабыл, что отец мой, быть может, умирает, и плясал. Л. Н. сторонился меня из-за этого. Наверное, ему это было неприятно; непристойно, с моей стороны, похоже на дурака.

Вчера Александру Львовну не хотели пускать в Тулу.

23 октября. Воскресенье. Утром приехал Илья Львович. Вошел в залу со словами к Л. Н.:

— Удираю с семьей от побоища. В Калуге толпа громит и была направлена на меня и на доктора Дубенского, виноватого только тем, что хороший человек.

Илья Львович думает, что губернатор науськал толпу на них. Чужие люди прислали ему лошадей, чтобы уезжал [1].

Л. Н. с недоумением отнесся к словам Ильи Львовича, расспрашивал его, но остался как будто не понимающий чего-то или не доверяющий его словам.

Мария Александровна дала знать Л. Н., что и на него собираются напасть. Разумеется, Л. Н., несмотря на это, сегодня опять выехал верхом один.

Вечером Татьяна Львовна встревожена газетными сообщениями об ужасах в России: в разных местах до 500 убитых; в Томске манифестанты сожжены в здании железнодорожного управления; в Туле 20 убитых; Финляндия вооружилась, требует полной самостоятельности; Гурия отрезана [2]. Татьяна Львовна зла на черную сотню.

Михаил Сергеевич хотел было читать Л. Н. из газет об этих событиях; Л. Н. отказался:

— Не хочу слушать. Бог с ними! Не надо интересоваться кровопролитием. Интересом к ненависти, злобе, убийству пробуждаем задор, который есть в душе каждого человека, развиваем в себе зародыш ненависти, вражды.

«Вот мы, каждый — составная часть этого движения,— несколько дней тому назад сказал Л. Н.,— нам надо соблюдать спокойствие, не раздражать ни себя, ни других ни словом, ни поступком».

Татьяна Львовна: Ведь либералы хотят только перемены правительства.

Л. Н.: Мало ли чего хочешь или не хочешь...

Софья Андреевна сказала, что читала в газетах, что 92 дела возбуждены против офицеров, не хотевших стрелять в народ или в демонстрантов [3].

Л. Н.: Вот это знаменательно.

Михаил Сергеевич передавал последние новости: Витте сказал депутации железнодорожных служащих, что повышением им заработной платы обременится крестьянство. Витте готов на уступки либералам, амнистирует политических, но с запинками.

Л. Н.: Очень плохо. Или полная свобода, или не уступать.

На сообщение новости, что Оболенский стал обер-прокурором Синода, Л. Н. сказал:

— Оболенский слаб. В Ялте с ним виделся; припомнил мне, что с детства помнит, как я в разговоре с его отцом сравнивал православие с ленточкой над стрелкой компаса.

Потом Л. Н. читал вслух о русских славянах из Фонвизина «Древней русской истории» [4] — одной из двух огромных книг, которые ему привез Сергей Львович,— «Декабристы: Фонвизин, Оболенский, Штейнгель».

Фонвизин пишет, что у славян было народное управление, без самодержавия. Дмитрий Донской в Москве первый ввел смертную казнь и самовластие и не позволял выбирать тысячных. C'est le despotisme qui est nouveau, la liberté est ancienne*.

Л. Н. читал долго, потом сменил его Михаил Сергеевич, а потом опять читал Л. Н. Читая у Фонвизина цитаты из Карамзина, сказал:

— Когда читаю Карамзина — одышка меня берет. — После древней русской истории читал историю от Петра III до убийства Павла Петровича. Когда во время чтения кто-либо вставал или ходил, Л. Н. невольно оборачивался в ту сторону: это волновало его, но взгляд его не был раздраженный, а только страдающий.

Был разговор о польском восстании 1863 г. и о роли Герцена и других в нем.

24 октября. Понедельник. Мороз. Я дал Л. Н. прочесть письмо Черткова ко мне, в котором он просит переписать ему дневник Л. Н-ча [1]. Л. Н. позволил переписать и велел у Александры Львовны спросить (дневник).

В «Русских ведомостях» два письма — прапорщика и офицера — об их трудном положении vis-à-vis** братьев, в которых должны стрелять [2].

Либеральные газеты неистовствуют по поводу патриотических контрманифестаций и нападений на революционных демонстрантов. До сих пор над убийствами (правительственных лиц, городовых) дико ликовали.

Л. Н.: Как будет писать историк о современных событиях? Нам самим, современникам, в них не разобраться. Сколько здесь разных влияний! В истории выражается точка зрения историка, а никак не картина.

Михаил Сергеевич приехал из Тулы, рассказывал: был у губернатора, который гордится тем, что не было больше жертв. От казачьих выстрелов и шашек пострадали одни черносотенцы; убито на месте 19 человек, и еще несколько умерло в больнице.

За чаем Софья Николаевна читала вслух из газеты, что Тан и Эфрос требуют отдать под суд полицейских, возбуждавших толпу против студентов, и приводят имена.

Михаил Сергеевич рассказал, чего требует стачечный комитет (делегация всех рабочих организаций): всеобщего, прямого, равного избирательного права.

Л. Н.: Suffrage universel?*** Это самое мошенническое, можно подделать его. Подкупы. Им был избран Наполеон III, Рузвельт... Непгу

---

* Нов деспотизм, а свобода была искони (*франц.*).

** относительно (*франц.*).

*** Всеобщее избирательное право? (*франц.*).

Crawford из Австралии пишет мне, что у них главная причина бедственности положения рабочих та, что возлагают надежду на парламент [3].

Еще Михаил Сергеевич говорил Л. Н., что в Московской городской думе Сергей Львович предложил, чтоб она ходатайствовала об отставке Трепова. Предложение отвергли.

Л. Н.: Ему что за дело? Не понимаю. Глупости!

25 октября. Я получил телеграмму об отце, что ему лучше, опасности нет.

Л. Н.: Получили хорошее известие?

Вечером Михаил Сергеевич говорил Л. Н., что Витте вел переговоры с либералами: Львовым, Головиным и Кокошкиным. Львов потребовал Assemblée constituante * и полную амнистию по политическим делам. Витте не согласился. Михаил Сергеевич высказал мнение, что со стороны Львова это было рискованно.

Л. Н.: Великодушно. С либералами революционеры могут поступить, как с жирондистами.

Татьяна Львовна рассказала сообщение из газет: в Твери служащие земства были избиты около управы, а управа сожжена [1].

Позднее Михаил Сергеевич сказал мне:

— Л. Н. стал в последнее время консервативным.

Я сообщил Л. Н., что мне пишет о «Круге чтения» Шкарван, переводящий его на немецкий и словацкий языки.

Л. Н.: Было много в корректурах поправлено, надо ему послать.

— Шкарван спрашивает,— сказал я,— откуда вы брали в «Круг чтения» мысли Лихтенберга.

— Лихтенберга я брал из «Избранных мыслей», в библиотеке есть два тома [2].

Потом Л. Н. спросил о Черткове, который должен напечатать «Круг чтения» за границей по-русски, а Л. Н. надеется, что и по-английски.

— Что Чертков с «Кругом чтения»?

Когда я ответил, что не знаю, Л. Н. тоном, в котором слышалось сожаление о том, что эта дорогая ему книга не появляется за границей, и желание оправдать Черткова, сказал:

— Он занят другими делами.

26 октября. По сведениям из полученных сегодня газет, в Калуге в первый день процессия, шедшая с лозунгом «бей студентов!», растерзала студента-техника, которого встретила, и еще убила человек десять. Громили христианские лавки, пили водку бутылками, ослабевали, падали. Один студент крикнул: «Да здравствует свобода!» и вбежал в магазин. Магазин сейчас же разгромили. На второй день два раза были на квартире Ильи Львовича. Губернатор после всего, что случилось, сам шел с «патриотическим» шествием.

По лондонским сведениям, в Одессе убито и ранено 5 000 человек, застрелено казаков 100. В Кишиневе убито 35 евреев и 25 христиан.

В газетах сообщается почти из 100 мест о побоищах или погромах. В некоторых городах убивали кавказцев, принимая их за евреев.

За обедом Л. Н. рассказал, что́ слышал от Марии Александровны, к которой заезжал на прогулке. Овсянниковский мужик говорил ей, что тульский полицмейстер, поравнявшись с революционным шествием, взял под козырек («Тот полицмейстер, который их, мужиков, гнет в бараний рог»,— прибавил Л. Н.). Мужик был этим недоволен.

Анна Павловна (акушерка) ездила проведать сестер в Тулу и возвратилась. Ее сестры ранены: одна в плечо, когда делала повязку раненому

---

* Учредительного собрания (*франц.*).

на улице (она сестра милосердия); другая более тяжело пострадала и лежит теперь в больнице, избитая, все тело у нее в синяках; на улице сорвали с нее кофточку и обшарили, чтоб установить, есть ли на ней крестик (она не носит); было неприятное ощущение шарящей руки; потом, не найдя крестика, ее избили. Анна Павловна рассказывала об этом без всякой злобы на кого бы то ни было, с терпением и покорностью судьбе, чисто русскими.

Л. Н.: Представляют себе, что правительство сильно, величественно, опирается на войско, а оно очень сознает несправедливость своего положения. Видно, как оно уступает из своей власти. Попробовать у Тараса отобрать пчел — он умрет, не допустит, потому что это его труд.

Еще Л. Н. сказал:

— Надо собирать газеты.

27 октября. Софья Андреевна, кашляя и жалуясь на трудность для нее этой работы, привела в порядок журналы, записала в каталог книги, полученные в последние месяцы, и разложила их по шкафам, распорядилась о сохранении газет. Очень быстро и аккуратно работает. Это ее заслуга, что библиотека в Ясной Поляне цела. И те брошюры и книги, которые Л. Н. исключил, сохранила.

В Белёве волнуются крестьяне.

Вечером Михаил Сергеевич рассказал Л. Н., что еврейские иностранные банкиры, приехавшие в Петербург для заключения нового государственного займа русским правительством, после еврейских погромов последних дней не дают взаймы и покинули Петербург.

Л. Н., помолчав, сказал:

— Жду, когда в один прекрасный день народ заявит: «Мы не должны». Как же платить долги предков? Филька * платит за Севастопольскую войну Николая, и платит *жизнями* (недоедает; дети, старики вымирают от нужды).

Михаил Сергеевич возражал, что обязательства, которые берет на себя одно правительство, переходят по наследству к другому.

Л. Н.: Для меня государства, как и церкви, нет. Государство — наполовину суеверие, наполовину — обман, традиция. Что нам Финляндия, Гурия, Закаспийский край?

Михаил Сергеевич: Вильгельм придет и захватит нас. Лева писал два письма царю о современных событиях и ждал его приезда в Петербург [1].

Л. Н.: Лева — «Берс», ⟨как и⟩ Софья Андреевна,— они всё знают [2].

Еще говорили о евреях. Л. Н. сказал:

Л. Н.: Интересно было бы прочесть историю евреев.

Михаил Сергеевич: Ренана?

Л. Н.: Не Ренана, а беспристрастную (с непредвзятой мыслью).

— Ге в маленькой комнате (в московском доме),— сказал далее Л. Н.,— лежа на диване, читал Евангелие, и сюжетом для своих картин он выбирал промежутки между действиями (евангельскими), где художник более свободен. Выход с «Вечёри»: террасы, виноградники, яркий свет луны... так себе представлял Палестину.

28 октября. Днем приехал И. Ф. Наживин.

В 3.15 Л. Н. вышел (из кабинета) со словами:

— Заработался. Кончил «Конец века» и поправил «Божеское и человеческое».

Наживин рассказывал новости: в Гурии бросили бомбу, убила 100 пластунов. В Одессе бросают бомбы [1]. В Москве такое же озверение, какое было в Париже при подавлении Коммуны.

---

* Простоватый конюх в Ясной Поляне.

В Москве завтра ждут восстания. Казаки пьяны и нервны, *«всё в службе»*, не разбирают, кого бьют: женщин, детей. Наживин рассказывал, как убивают черносотенцев, какие это жалкие оборванцы. На митингах собирают на вооружение, и барышни жертвуют свои золотые кольца. Какое озлобление! Как реалисты 12-летние ходят с красными лентами. На еврейских домах кресты: евреи боятся избиений. Своей жене не дает газет — над ними плачет (она еврейка). Рассказал про ужасы еврейских погромов, про ужасные случаи, приводимые газетами.

Л. Н. пожалел евреев, сказал что-то об их ужасном положении и спросил меня:

— Как вы, Душан Петрович, об этом думаете?

Я: Вы мне от души говорите. Согласен с вами.

Наживин стал говорить о борьбе с правительством либералов и революционеров и пытался вызвать одобрение их деятельности Л. Н-чем.

Л. Н.: Я между офицером, жандармом и либералом не вижу разницы.

Софья Андреевна: Заразились все убийством.

Л. Н.: Давно говорю, что все эти приятные разговоры Долгоруких и других приведут к озлоблению, к кровопролитию, как и привели.

Наживин: Но нельзя отрицать, что между ними (либералами) есть хорошие, самоотверженные люди.

Л. Н.: Это кощунство: какие хорошие?! Как они берутся устраивать жизнь других? Пусть стараются сами жить хорошо. И какие у них идеалы? Во Французской революции был идеал — равенство. Спросите теперешних, что вам скажут? *Впереди* нет у них идеала, а есть то, что уже прошлое, и то, что там, где осуществилось, не оправдало себя,— в 1789 году было. Они идут, не зная, куда... Руководятся тем путем, который (люди, человечество) прошли.

Когда Наживин стал ссылаться на преимущества либералов перед нынешними правителями, Л. Н. возразил:

— У них тщеславие, желание стать у власти.

Наживин: А самопожертвование? У них есть туманная идея, что хотят действовать для блага народа.

Л. Н.: Это гипноз, как солдаты идут на штурм; и у солдат есть туманная идея, что они это делают для блага, за царя и отечество. И Трепов, и Витте думают так же.

Михаил Сергеевич заговорил о том, что было бы, если бы в России уничтожилась государственная власть, и, между прочим, сказал:

— Финляндия отойдет.

Л. Н.: Нам что за дело до Финляндии?! Во-первых, распадется государство на меньшие, потом эти на еще меньшие единицы, агломераты. Яснополянцы, живущие временно в городах неестественной жизнью, оторванные от земли, пойдут домой и будут жить себе... Михаил Сергеевич! Я верю в то, что пишу. Суеверие государства; государство для меня не существует, его нет. Люди очнутся. Зачем им подати платить, в городах жить, на фабриках...

Наживин: Рязанский мужик мне говорил: «Да, почему мы платим подати?»

На какие-то другие утверждения Сухотина Л. Н. сказал:

— Есть только одна точка опоры: религиозная. Кант говорит, что как только мысль выяснится в сознании, то она как будто бы уже осуществлена [2]. Как есть известные возрасты человека: Миша — мальчик, студент, семейный человек, воспитатель детей, старик,— так есть и рост человечества. Что была Римская империя, феодализм, Наполеон — это мы уже пережили, это не может повториться, а что будет через 20 лет?.. У Го-

голя христианство переплетено с православием, у Герцена со скептицизмом, наукой естественной *. Он слишком большой вес придает естественным наукам. Мы по времени за ними, нам это видно, мы можем о них судить.

Наживин: Я теперь читаю Герцена. Выписываю из него места, которые могут относиться и к современным событиям.

Л. Н.: Я тоже им наслаждаюсь. Помещу «Поврежденного» с некоторыми выпусками в «Круг чтения» и напишу к нему предисловие о Герцене. Его теперь не читают, все умнее его. Думается, что он был бы теперь с нами,— добавил Л. Н.

Наживин попросил Л. Н., чтобы написал предисловие к Карпентеру и еще, не могу вспомнить, к чему. Переводит Карпентера. Получил от него письмо и два портрета, передал от него привет и глубокое уважение Л. Н.

Л. Н.: У Карпентера славное лицо, и живет он хорошо.

Наживин: Трудом английского крестьянина (т. е. сам обрабатывая землю).

Л. Н. отметил, чтобы выпустить, некоторые места из сочинений Карпентера, которые Наживин переводит. Наживин говорил, что должен их оставить из каких-то соображений: цензурных или ради автора.

На просьбу Наживина написать предисловие к его переводу книги Карпентера Л. Н. сказал:

— Мне в моем возрасте, под 80 лет, особенно ясно видно, что я — маленькое орудие бога для исполнения его задачи, и все больше имею определенной работы, вижу перед собой, и меньше сил — и потому от всего, что меня отвлекает, рассеивает, должен воздерживаться. Я ужасно берегу свои силы.

Заговорили о тоне газет. Л. Н. вспомнил, как Н. В. Давыдову не удалось поместить в газетах статью против убийства городовых.

Наживин: Все газеты революционные. Горбунов хочет издавать христианскую газету.

Л. Н.: Иван Михайлович написал «Воззвание христианское». Оно хорошее, но с частью его я не согласен. Я телеграфировал и писал ему, чтобы согласные с ним не заявляли мне о своем согласии.

(Иван Михайлович в «Воззвании» написал без ведома Л. Н., чтобы те, кто согласен с ним, свои подписи присылали Л. Н. [3])

Наживин рассказал, как в революционной прессе обрушились на С. Д. Николаева из-за Генри Джорджа, на которого дико нападают, между прочим, Ландер, руководящий «Вечерней почтой»**[4]; Сергей Дмитриевич очень этим убит. Хотел приехать.

Л. Н.: Жаль, я бы его ободрил. Что нападают на Генри Джорджа — хороший признак. За истину надо пострадать. Хотеть и истину отстаивать и быть за это признанным, даже вознагражденным, этого нельзя. Радуйся, что стоишь за истину, довольно и этого.

Наживин: Но вместе с тобой терпит и истина, это тебя мучает.

Л. Н.: Истина постоит за себя.

Наживин: Обрушились и на меня из-за «В сумасшедшем доме» Горький, Андреев и компания.

---

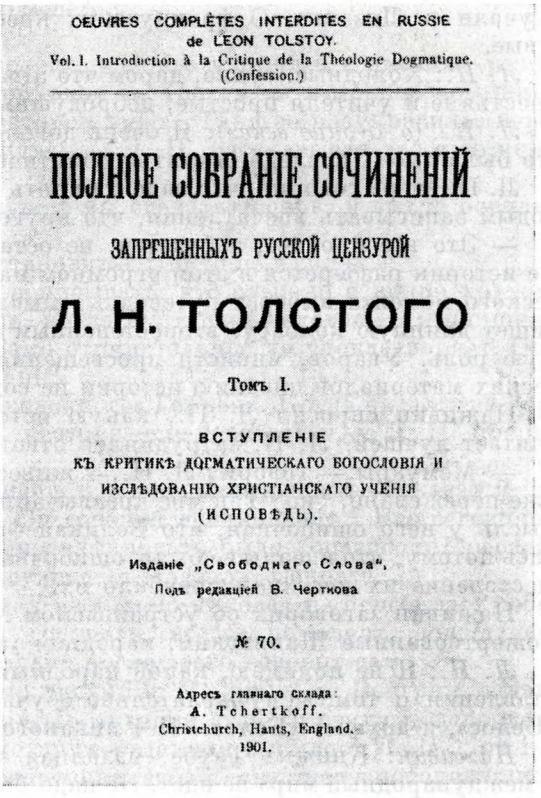
* Для характеристики отношения Л. Н. к Герцену приведу следующую выдержку из письма П. П. Николаева, автора книги «Понятие о боге как совершенной основе жизни» от 18 апреля 1911 г.: «Вспомнилось мне одно из свиданий моих со Львом Николаевичем в Москве зимою 1899 г. Зашел разговор о Герцене, и Л. Н. очень хвалебно о нем отзывался. Между прочим, сказал, что вера Герцена в возможность и полезность насильственного переустройства социальных форм жизни не была в нем органической верой» (*PNP*).

** Из московских газет самая ярая.

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ЗАПРЕЩЕННЫХ РУССКОЙ ЦЕНЗУРОЙ», Л. Н. ТОЛСТОГО. ИЗДАНИЕ «СВОБОДНОГО СЛОВА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ЧЕРТКОВА

Christchurch, Hants (Англия), том I, 1901

Титульный лист



OEUVRES COMPLÈTES INTERDITES EN RUSSIE
de LÉON TOLSTOY.
Vol. I. Introduction à la Critique de la Théologie Dogmatique.
(Confession.)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЗАПРЕЩЕННЫХЪ РУССКОЙ ЦЕНЗУРОЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО

Томъ I.

ВСТУПЛЕНІЕ
КЪ КРИТИКѢ ДОГМАТИЧЕСКАГО БОГОСЛОВІЯ И
ИЗСЛѢДОВАНІЮ ХРИСТІАНСКАГО УЧЕНІЯ
(ИСПОВѢДЬ).

Изданіе „Свободнаго Слова",
Подъ редакціей В. Черткова

№ 70.

Адресъ главнаго склада:
A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1901.

Наживин рассказывал об устроительнице социалистических собраний Варваре Бобринской, о Ландере, 22-летнем юноше, играющем первенствующую роль в этом движении.

Л. Н. заметил на это:

— В смутные времена (в такие эпохи) выдвигаются люди, у которых глупость и смелость в глаза бросаются. Таковы Киреевская (возле Гладстона), Варвара Бобринская. Ландер...

Наживин сообщил о разоблачениях Иоанна Кронштадтского в «Петербургском листке» в 18 статьях и что он уже добровольно в Соловках. Там, между прочим, напечатано, что последователи Иоанна Кронштадтского, «иоанниты», рассказывают, как богородица кронштадтская сидит в золотой короне на золоченом троне, за ней — электрический магический свет; когда она возвращается из церкви домой, ее сопровождают ангелы, архангелы, херувимы.

Л. Н., слушая это, смеялся над ограниченностью Иоанна Кронштадтского и идолопоклонством его последователей.

Татьяна Львовна его упрекнула, что смеется над этим.

Л. Н. ей сказал, что не ради смеха смеется. Шопенгауэр говорит: контраст вызывает смех.

Наживин хочет перевести книгу Eltzbacher «Anarchismus» и советовал в предисловии к ней поместить статью Л. Н. «К политическим деятелям»[5].

Разговоры эти происходили частью на прогулке (Л. Н. водил нас по 35-летнему березняку — Абрамовской посадке; местами, где не было топко, советовал Михаилу Сергеевичу такой лес сажать; десятина — 700 р.), частью за обедом и за вечерним чаем.

Наживин рассказывал о своих путешествиях по Франции, Англии, Бельгии, Греции, Турции и т. д. Удивлялся Сухотиным, как они не

скучали в Лозанне. О французских крестьянах говорил, что они черствые.

Л. Н.: Холодные, сухие, даром что aimabilité* на словах. Баварские крестьяне и учителя простые, добродушные.

Л. Н. (*о «Конце века»*): Я очень доволен «Концом века». Думаю, что это была ⟨моя⟩ последняя статья политическая.

Л. Н. вчера говорил, что надо собирать газеты, а сегодня советовал молодым записывать впечатления, что̀ кругом делается.

— Это все пройдет, забудется, не оставит следа,— сказал он.— Как же историк разберется в этом огромном материале? Как из этого исторического момента выберет путеводные мысли? Ограниченный историк напишет длинную колбасу, второстепенным событиям уделит первенствующую роль. Уваров, министр просвещения, говорил: «Изобилие исторических материалов писанию истории не содействует. Историк теряется».

Наживин спросил Л. Н., какую историю Французской революции считает лучшей? Л. Н. затруднялся ответить.

— Мемуары,— говорил Л. Н.,— живее передают настроение; у Тэна уже пережевано, ⟨но⟩ Тэн мне чрезвычайно нравится **, только основная мысль у него ошибочная, что Великая французская революция не удалась потому, что идеалы ее были ошибочны. Идеалы ее были верны, а осуществление их *насилием* погубило их.

Наживин заговорил об устраиваемом Московской думой на средства, пожертвованные Шанявским, народном университете.

Л. Н.: Я не понимаю, какой народный университет? Никакого представления о том, чему желательно обучать, не имеется. Один скажет: «Белое», и другие: «Белое». Нет никакого идеала, чему учить.

Наживин: Книжка Таубе, изданная «Посредником», «Христианство и международный мир» не идет. Не надо бы давать на титуле «*Христианство*».

Л. Н.: Надо бы издать Евангелие, заменив название на «Мысли Горького и Андреева».

Михаил Сергеевич прибавил:

— И роман Шаляпина.

Наживин: Николаева переводы Генри Джорджа тоже не идут.

Л. Н.: Прекрасно: так и следует— писать, печатать в запас.

После минутного молчания Л. Н. проговорил:

— Как хорошо все!

На вопрос Наживина, что̀ он теперь читает, Л. Н. ответил:

— Читаю Канта, пока не работаю; Герцена — полуотдых; Диккенса — отдых, я прочел его всего. Теперь в который раз «Копперфилда», сосу, как карамельку... Канта «Religion in Grenzen der Vernunft» переводит Николай Борисович Гольденвейзер. Был воспитателем у Катковых; отец ведет заграничную рубрику «Московских ведомостей»; брат — прекрасный музыкант, милый, умный, образованный человек... Кант обещал прусскому королю Фридриху-Вильгельму, который его упрекал, что разрушает религию: «Как ваш подданный, никогда не буду читать и печатать ничего такого». Подразумевал под словами: «как ваш подданный»: пока король будет жив.

---

* любезность (*франц.*).

** Николай Леонидович Оболенский рассказывал мне в 1913 г.: «Лев Николаевич Тэна не любил и всегда бранил (у Сергеенко в книге «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» есть об этом [6]). А я Тэна любил. Когда в 1904 г. летом он (Л. Н.) к нам приехал, я ему у постели, как будто нечаянно, положил Тэна. Он стал читать и пришел в восторг, взял с собою в Ясную Поляну и там дочитывал «Les origines de la France contemporaine. II. La Révolution, Tome I. L'Anarchie». Из этого тома Л. Н. читал вслух, когда были Звегинцевы с гостями.

Наживин: А кто прожил дольше?

Л. Н.: Кант пережил всех.

Л. Н. рассказал об офицере, который его укорял и в письмах ругал за то, что пишет о боге. Приходил в гостиную в московском доме, т. е. в переднюю, где со всех сторон дуло. Таня ее разукрасила, переделала в гостиную, мы покорились,— Л. Н. рассказывал это с детским смехом.

Наживин спрашивал, что нужно бы сделать теперь, в вихре революции?

Л. Н.: Кто же в силах это остановить? Никто не в силах...

Татьяне Львовне советовал записывать, что̀ слышно и видно кругом.

— У Диккенса читаю теперь, когда выступает человек... (я не понял имени). Неприятное чувство. Само отрицательное не удовлетворяет. Оно идет к положительному, как тень.

Л. Н. читал вслух из «Поврежденного» Герцена. Когда читал, где Герцен говорит о толпе, что это — настоящее человечество, у Л. Н. прерывалось дыхание, почти рыдал [7].

— Есть основание ⟨в⟩ той жизни, к какой привык народ,— сказал Л. Н.

Сегодня Л. Н. был в ударе. Он говорил великолепно. Его сегодняшний разговор с Наживиным стенографировать было гораздо интересней, и звучал убедительней, чем рассуждения Платона, Сократа.

Я заметил, что Л. Н. в спорах не только никогда не перебивает собеседника, но, когда тот кончит говорить, всегда помолчит, дожидаясь, не скажет ли он еще чего, и только после этого говорит сам.

29 октября. Сегодня получено письмо от Людмилы из Венгрии, отданное на почту 13 дней тому назад, 16 октября старого стиля [1], и лондонская газета «Daily Chronicle», которую редакция высылает Л. Н., от 1—3 ноября нового стиля. Десятидневная забастовка железнодорожников только медленно ликвидируется. Уже неделя, как она прекратилась, а еще не успели вручить все посылки. С товаром по железным дорогам то же самое.

Сегодня вечером здесь Мария Александровна.

Л. Н. за шахматами с Михаилом Сергеевичем:

— Странная война с Японией! Бутурлин, брат Александра Сергеевича, говорил, что оба большие сражения были выиграны русскими и что Куропаткин по ошибке уступил. Эта война — ряд несчастий русских и счастья японцев — им везде везло. Как игрок, когда ему не везет, теряет надежду, так и Куропаткин.

Я спросил Л. Н. о том, что он вчера говорил о либералах и революционерах, что их доброта — кощунство, что ими руководят личные интересы. Наживин и я это не совсем поняли и просили Л. Н. разъяснить где-нибудь.

Л. Н. сказал, что либералы, революционеры — люди, лишенные религиозного чувства, не доросшие до этого состояния; они служат, как умеют; их убедить нельзя.

— Соблюдаю осторожность,— сказал Л. Н.,— не хочу вызвать раздражения и потому не пишу о некоторых вопросах: о феминизме, об этом... (заданном ему вопросе). Об этом я осторожно коснулся в «Письме к либералам» [2].

Мария Александровна заметила:

— Их власть, деятельность (либерального) губернатора, судьи основана на насилии; как же она может быть доброй?

В 11 часов Л. Н. пришел пить чай. Сказал, что читал Фонвизина, и прибавил:

— Как Герцен прав, отзываясь с такой любовью о декабристах! Как они относились к народу! Они, как и мы (*Л. Н. вспомнил и Кропоткина*),

через нянек, кучеров, охотников полюбили народ. Фонвизин и другие декабристы принесли жертву, освобождая крепостных и тем лишаясь единственного своего богатства. Наживин, Абрикосов поступают так же, лишаясь привилегий богатства. Сергей Николаевич — сам консерватор, но как он понимал, любил поэзию, эстетику, этику народа! У французов этого чувства к народу — связи сердечной с прислугой, с народом — тоже нет. Англичане, когда пишут о народе, передают язык народа исковерканным, то же самое и французы. У немцев народу надо учиться hochdeutsch *, а не литераторам у народа его языку. А мы все *учимся* у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин — до Пушкина, Гоголя, и даже о Чехове можно это сказать, да и я. Как вижу эти лапти...

Татьяна Львовна: Полушубок...

Л. Н.: Обдерганные портки, посконную рубаху, сермягу — так он мне мил, так он мне дорог!

Л. Н. не может без слез говорить о крестьянах. Так он их любит. Их простодушие. Главное — непосредственность.

В полночь привез Адриан-кучер почту из Тулы.

Михаил Сергеевич прочел вслух из «Русских ведомостей» последние события. В Кронштадте из 22 тысяч матросов взбунтовалось 14 тысяч из-за червей в солонине. Отказались повиноваться начальству, устроили разгром и бросились на офицерское собрание. Офицеры ушли черным ходом. Матросы сожгли собрание; вместе с ним сгорели целые кварталы города. Прибыла пропасть войск с пулеметами. Потом Михаил Сергеевич прочел сообщения об аграрных бунтах в Саратовской, Тамбовской и других губерниях; о перемене в правительственной политике: Витте не встречает поддержки. Струве переносит издание «Освобождения» из Парижа в Петербург [3].

— Кронштадтское дело ужасное. Это никогда еще подобного не было,— сказал Л. Н., до тех пор молча пивший чай. Встал, простился и ушел к себе.

30 октября. «Русь»: «28 октября. *В Кронштадте.* Город горит в 36 местах. К треску и грохоту от пожаров примешивается дробь выстрелов. Паника».

Л. Н. (*Марии Александровне*): Очень тяжелое время мы переживаем. Грустить не надо. Это как роды; мучения — как они предстоят Тане — после них будет радость. Люди перерождятся; эти самые несчастья натолкнут их на духовное сознание. А думать, что умрешь, не сегодня — завтра умрешь, что же делать, надо быть готовым.

Мария Александровна: Лев Николаевич уже в «Так что же нам делать?» писал, что мы живем в революции. Тогда же было слышно то, что теперь: идут (в Москве) мужики оборванные, в лаптях, против них господа в колясках: «Ах, эти дармоеды!»[1]

Л. Н.: Кончатся тем все эти смуты, что какой-нибудь страшно жестокий человек заберет власть в свои руки и страшною жестокостью — ему сто тысяч жизней погубить нипочем будет — прекратит беспорядки.

Приехал Андрей Львович. Рассказывал, что по Тамбовской губернии разъезжает человек, весь в орденах, со свитой и жжет помещичьи усадьбы, вроде Пугачева.

Юлия Ивановна пишет Оболенским предлинное письмо о том, что́ творится в России, что̀ рассказывают гости в Ясной Поляне, о чем пишут в письмах к Л. Н., в газетах и что̀ Л. Н. высказывает по этому поводу. Чтобы имели известия раньше, чем забастуют железные дороги.

Л. Н.(*ей*): Вы напишите, что̀ будет!

---

* немецкому литературному языку (*нем.*).

Передают, что железнодорожные (служащие) намеревались забастовать 1 ноября, но так как в этот день получают жалование, отложили начало забастовки на 2-е число.

— Как им это выдают жалование во время забастовки? — продолжал Л. Н.— При решительном правительстве следовало бы не давать.

Вечером, придя к нам, Л. Н. сказал:

— Читал Тэна. Какое сходство в событиях Французской революции и теперешней! Аристократы были тогда филантропами, о Contrat social*, говорили, как теперь о социализме; как теперь Государственная дума, так и тогда, только тогда после ее установления пошло волнение, у нас — до нее.

Вспоминаю из прошлых дней:

Когда учредили Государственную думу, Л. Н. сказал: «Слава богу, кончилось волнение».

Л. Н.: В Кронштадте 20 000 взбунтовавшихся солдат. Толчок был... Чего они хотят? Нельзя за них придумать мотива.

Потом Л. Н. прочитал вслух следующую выдержку из письма к нему Хирьякова: «Очень тяжелое время мы переживаем. Волна ненависти прорвалась и все растет, так важно чем-нибудь ее задержать. Мне кажется, что единственное средство, это — найти какой-нибудь выход для накопившейся общественной энергии ... Мне хотелось бы создать самое широкое общество народного образования, общество для взаимной поддержки всех работающих над просветлением человеческого сознания, для организации народного просвещения, независимо от деятельности какого-бы то ни было правительства. Что вы скажете по этому поводу? Могли ли бы вы оказать содействие такому обществу?» [2] После продолжительного молчания Л. Н. сказал:

— Постараюсь дело уладить, его избавить от этого.

Сегодня Л. Н. был в радостном настроении, хотя уже вчера и сегодня мало ел, и ночью объяснилось, почему: накопилась желчь, печень болела.

31 октября. Пополудни приехал харьковский крестьянин Щербак (из Калифорнии) [1]. Приехал посоветоваться с Л. Н. об «освобождении земли от панов», возвращении ее крестьянам. Он уверял, что в Сумском уезде и, вероятно, еще в четырех уездах Харьковской губернии в марте земля отойдет в пользование крестьянам. Рассказывал, что в нынешнем году благодаря его агитации тамошние крестьяне перестали арендовать помещичью землю с отработкой (раньше крестьяне, арендовавшие землю исполу, кроме того еще отрабатывали полдесятины), сено с помещичьих лугов свезли себе; начали интересоваться общественными вопросами. На помещиков стали смотреть, как на всех людей, а помещики стали готовы на всякие уступки. Теперь северная часть Сумского уезда выдерживает стачку 14 дней. Правительство прислало солдат для охраны помещиков. План Щербака: поделить уезд на волости по 15 000 десятин (на 10 000 душ), 100 десятин отвести под сельскохозяйственную школу, а остальное — общинам в полное распоряжение; земля не может быть заложена, продаваема, арендуема.

Щербак производит очень сильное, внушительное, ошеломляющее впечатление. (Таким я себе представляю воздействие Бакунина.) У Щербака могучая, крупная фигура, черные, сверкающие глаза; лицо подвижное, как у актера; меткие, энергичные движения, голова с черной гривой и кулачищи; громогласен и речист; убежденный (и убедительный) тон, с каким провозглашает, долбит свою «непогрешимую» программу, внушительный.

---

* общественном договоре (*франц.*).

Л. Н. после сказал о нем: «Saint-Just революции».

Л. Н. внимательно и спокойно выслушал потоки его речей. Когда Щербак остановился, чтобы получить ответ, Л. Н. высказал ему сжато, ясно, вразумительно свои взгляды на его мысли и деятельность и на революцию вообще, добавив (одно, что он одобряет у него):

— Хорошо, что удерживаете от насилия.

Щербак, мне показалось, сразу понял Л. Н., не спорил с ним, а только склонял его быть снисходительным к временным мерам революции; признавая учение Л. Н. как «великое», как единственный путь в будущем.

Л. Н.: Если что во мне великого есть, так это то, что рассуждаю, как простой мужик.

Между прочим, Л. Н. сказал Щербаку:

— При таком важном деле для всего народа надо внимание к большинству народа, а не к тому, чего хочет малая кучка интеллигенции. А большинству народа нужна земля.

Под вечер приехала А. Е. Звегинцева с дочерью А. Н. Волконской и родственником. Они все консерваторы, притом озлобленные против революционеров: Анна Евгеньевна потому, что ими недавно убиты ее охотник и стражник; после охотника осталась большая семья; Анна Николаевна — за погромы имений в Тамбовской губернии, где находится имение ее мужа; родственник, если не ошибаюсь, адъютант варшавского генерал-губернатора,— за нападение на полицейских и администрацию в Варшаве. А все вместе — за гибель одного их родственника, убитого бомбой во время покушения.

Щербак в кружке около него сидящих продолжал развивать свои революционные планы. Услышав, что Анна Евгеньевна за столом, где играли в винт, высказывает уверенность, что и ей не миновать быть сожженной, Щербак поднялся со своего места в конце длинного обеденного стола и джентльменски успокаивал ее, говоря, что, пока он на свободе, в тех местах, где он имеет влияние на крестьян, нечего опасаться разгромов и насилий.

Л. Н. ушел в кабинет и вернулся с книгой. Присев к столу, обтянутому зеленым сукном, где только что кончили партию винта, прочел вслух А. Е. Звегинцевой и другим гостям и домашним из H. Taine: «L'ancien régime». Tome II, chapitre I (5, 7), где мастерски описано la haute société* Франции 80-х годов XVIII в. и предсказана его гибель[2].

В чтении Л. Н. в переживаемое теперь тревожное время, похожее на то, о котором пишет Тэн, глава произвела чрезвычайно сильное впечатление.

В последнее время бывает очень много гостей, постоянная перемена.

3 ноября. Утром приехали: малеванец Бахмач по пути в Петербург просить об оставлении волости в их селе и И. В. Гуляев из Грибоедовки (почтовое отделение Долгоруковка) Орловской губернии. Читали «Единое на потребу» и «Конец века».

Когда они уехали, Л. Н. сказал об Иване Васильевиче:

— Он чистый, религиозный человек. Политические события, забастовки его не интересуют — только нравственные, религиозные вопросы. Он сын крестьянина, ретушер у фотографа, получает 50 рублей в месяц. Отец хотел его женить, нашел невесту; сошлись гости — он не захотел жениться.

Бахмачу Л. Н. дал письмо ко Льву Львовичу [1].

Л. Н. (*мне*): Получил семь томов своих сочинений от Черткова прямо, цензура дозволила [2]. Вероятно, в это время (14 дней) сама не знает, что ей делать.

---

* высшее общество (*франц.*).

Илья Львович: А все-таки, не будь либералов и социал-демократов, мы не имели бы конституции, и что было бы в будущем? Они, эти партии, добьются своего.

Л. Н.: Я никогда не предугадываю, что̀ будет в будущем, не думаю и не хочу думать о будущем. Я доволен нынешним моментом. Не хочу, чтобы был ни Николай, ни Витте с парламентом, ни республика с Горьким [3].

Л. Н. прибавил, что для Витте выгодно, чтобы не было истинной свободы. Тогда он не удержался бы на первом месте. Теперь он господин России.

* *Л. Н.*: До сих пор либеральная пресса свободно писала, все было гладко, а теперь повсюду чувствуется движение, надо считаться ей с народом.

Михаил Сергеевич говорил о Польше; по газетным слухам, там тоже революция [4]. Михаил Сергеевич предполагает, что Пруссия не позволит русскому правительству дать Польше автономию и что правительство с восторгом накинется на Польшу, чтобы отвлечь внимание от внутреннего недовольства.

— Можно надеяться на великодушие Франции,— прибавил Михаил Сергеевич.

Л. Н.: Ведь Франция боится, уступает перед Пруссией. А Австрия, как всегда, будет балансировать, где выгоднее. Я Польше от всей души желаю, чтобы освободилась. У меня есть старая патриотическая закваска, пробивалась в японской войне, но тут — как могу желать, так желаю...

Сегодня Л. Н. передал всем ⟨?⟩ «Конец века» [5].

5 ноября. Суббота. М. С. Сухотин вечером, вернувшись из Тулы, привез известия: что забастовали русские железные дороги с требованием автономии Польши; что польские забастовщики струсили, потому что Вильгельм двинул 200 000 войск к границам и они не хотят подпасть под власть Германии; им выгоднее быть с Россией [1].

Л. Н.: Особенно теперь, когда правительство будет слабее.

Михаил Сергеевич: Обнародован царский манифест о прекращении выкупа (выкупных платежей) с нового, 1906 года, наполовину, с 1 января 1907 — полностью.

Еще рассказывал Михаил Сергеевич об озлоблении против забастовщиков тех рабочих, которые не хотят бросать работу. Вице-губернатор Хвостов говорил ему, что грозят перерезать их семьи.

Л. Н.: Есть такая книга — Евангелие, которую никто не знает, где все это предсказано — «Поднявший меч от меча погибнет»[2]. Забастовщики собирают плоды.

— Ужасно в это время,— говорил дальше Л. Н.,— короткая память. В борьбе двух партий (либералов и революционеров) образуется третья, которой нет дела ни до той, ни до другой: sans-culottes (во Французской революции), черная сотня (у нас). И из боязни перед ней из тех партий выдвигается диктатор, Наполеон, которому не совестно расстрелять десятки тысяч. Версальцы убили 30 000. Такой будущий диктатор будет оправдывать свои жестокости (жертвы) тем, что они нужны для установления порядка,— приблизительно в таком смысле говорил дальше Л. Н.

** Еще Л. Н. сказал:

— Надо ясное общее начало, и тогда подробности сложатся сами собой. Мы не можем никаких форм осуществлять, а можем только стремиться к идеалу. А идеал — полная свобода. Предугадать же будущее мы никак

---

* Дальнейшее, до окончания записи этого числа, восстановлено мною с черновых записей на листках через шесть лет.

** Дальнейшее, до окончания записи этого числа, восстановлено мною с черновых записей на листках через восемь лет.

не можем. Кто бы мог при распадении Римской империи предсказать будущие формы, Карла Великого?

Кроме того, Л. Н. восхищался тем, как Тэн описывает толпу.

Ездивший в Тулу приказчик рассказывал, что там ходит слух, будто в Ясной Поляне скрывают разных социалистов, и мужики, наверное, придут к нам бить и грабить. Л. Н. встретил три раза какого-то незнакомого человека, который глядел в землю [3].

Андрей Львович: Мы тут говорим, что грех быть землевладельцами, панами, а живем по-пански, одна Мария Александровна живет своими трудами.

У Строганова перерезали жеребцов. Андрей Львович также боится разгрома Ясной Поляны.

6 ноября. Сегодня в полдень Татьяна Львовна родила живую девочку. Софья Андреевна с утра весь день сильно страдала висцеральными невралгическими болями.

А. К. Черткова мне пишет: «На днях, читая с Олей ужасы, совершающиеся в разных городах, мы говорили: «Хорошо, если Л. Н. не читает газет,— можно просто заболеть от волнения». Я тоже предпочитаю не читать многих описаний, в особенности о зверствах черных сотен над евреями и интеллигенцией» [1]. Я показал это письмо Л. Н.

Сегодня Л. Н. работал меньше обыкновенного; то ходил к Татьяне Львовне, то к Софье Андреевне и волновался. Мне казалось, что у него слезы на глазах. В 3 часа дня меня позвали к жене священника в Кочаки. Я поехал не сразу, боясь оставить страшно стонущую Софью Андреевну, а запросил письмом о болезни попадьи.

Узнав об этом, Л. Н., которому, наверно, было тяжело сознавать, что из-за близких ему доктор не посещает других больных, пошел гулять в ту сторону и осведомиться у священника о больной.

Александра Львовна хотела ехать в Телятинки спросить старосту, правда ли, что он слышал в Туле, будто 10 ноября собираются громить Ясную Поляну. Это рассказывала Звегинцева, и Михаил Сергеевич настаивал, чтобы спросили старосту. Юлия Ивановна и я отговаривали Александру Львовну. Л. Н. за дневным чаем сказал ей тоже, что не надо ходить туда, прибавив тихо, как бы для себя:

— Глупости! Надо делать свое дело, а они пусть делают свое дело.

Л. Н. (*немного погодя, мне*): Снегирев пишет Софье Андреевне остроумное, бойкое письмо. Университеты образовали союз «ничегонеделания», и этот союз процветает [2].

Александра Львовна по приглашению Варвары Бобринской собирается ехать помогать голодающим в Ефремовский уезд. Спрашивала Л. Н., где он помогал голодающим в 1891—1893 гг. [3]

Л. Н. ответил не сразу и запинаясь, как если бы вспоминал что-то тяжелое и неприятное, и сказал:

— Нехорошо! Перемена места — как перемена правительства.

Александра Львовна: Почему? Начнешь новую жизнь.

Л. Н.: Это роскошь, баловство, никогда не хвалил. Делали это близкие мне люди. От себя не уйдешь. Надо себя переменить (не место).

Л. Н. спросил меня:

— Как Таня и девочка? Здоровы ли? Как я рад, что так — что родила живого! Диета Комба все-таки помогла? Как вы думаете?

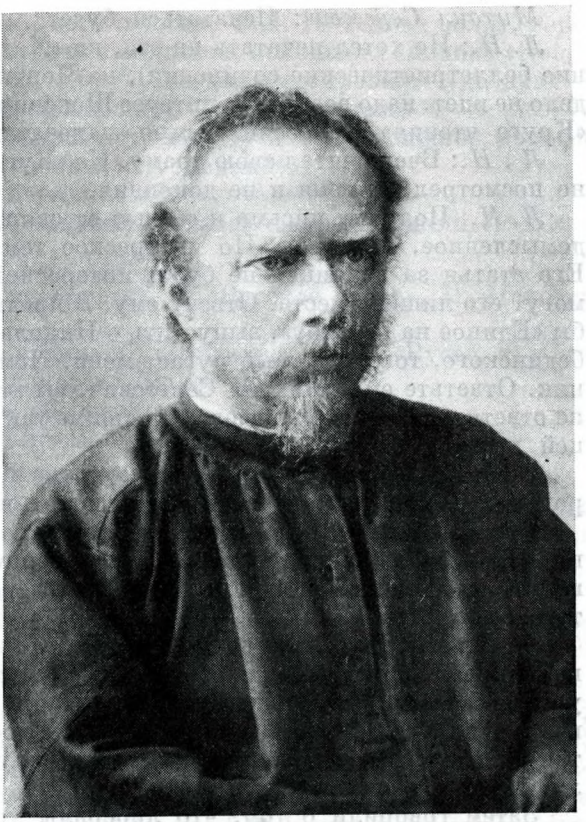
Я: Опыты его, которые он описывает в книге, дают результаты, как на заказ, а сами по себе не внушают доверия, и выводы из них, по-моему, искусственно построены.

Л. Н.: Я сказал то, в чем сомневался. Тоже думаю так, (как вы).

Л. Н. за обедом подсчитал, что это у него 15-й внук.

Вечером явились к чаю только Л. Н., Михаил Сергеевич да я.

И. И. ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ
Фотография фирмы Шерер и Набгольц. Москва, 1906



Л. Н. сказал:

— Времена переживаем чреватые событиями и имеющие большое значение для внутренней жизни. Вот как роды Тани — важное событие. С Сашей говорил о том, о чем с вами вчера,— обращаясь к Михаилу Сергеевичу, сказал Л. Н. о перемене места: — Испортишь атмосферу около себя — переезжаешь на другое место, а там опять испортишь. Суть в тебе. То же, что желание переменить форму правления. Был деспотизм, его загадили подобострастием, взяточничеством; переменим его на другую форму правления, которую загадим подкупами, тщеславием, наглостью.

Л. Н.: Искал в Ефроне «Военные поселения» — нет! Читал два тома Шильдера. В отношении Аракчеева к Александру Павловичу была собачья преданность. А Аракчеев был женат! Жена-красавица, но лицо чувственное. Он скоро развелся с нею. Его незаконного сына узаконил Александр Павлович и сделал его адъютантом. Он (Аракчеев) не принял Андреевскую ленту, чтобы показать, что служит не из-за наград. Он был против военных поселений и отговаривал Александра от них; но так как Александр настаивал на их учреждении, Аракчеев всю ответственность взял на себя, бунты подавлял жестоко. Шильдера книга дурно написана.

Михаил Сергеевич: Это набор материала. Трудно быть историком без таланта.

Л. Н.: Да, как это Карамзин перебрался через документы всей русской истории!

Н. А. Лютецкая принесла переписанное на ремингтоне «Божеское и человеческое».

Л. Н.: Как хорошо, чисто переписано! Не поднимается рука перемарать.

Михаил Сергеевич: Печататься будет?

Л. Н.: Не хотел печатать ни это, ни «Хаджи-Мурата» (ни другие поздние беллетристические сочинения), но Чертков желает [4]. Истратил 30 000, дело не идет, надо возбудить интерес Шекспиром или рассказами, которые в «Круге чтения» в России нельзя напечатать...

Л . Н.: Вчера читал свою драму. Не «Купон» [5] ... — начал было Л. Н., но посмотрел на меня и не докончил.

Л. Н.: Получил письмо и статью от священника Лебединского, свободомысленное, задорное. Но интересное тем, что священник его пишет. Его статья за границей не будет интересной; если же здесь напечатать, могут его лишить места. Отвечу ему. В предисловие к его статье годилось бы «Единое на потребу», выпустить о Николае, Макиавелли... Он брат Лебединского, того, который ругает меня. Помню, у него был брат-священник. Ответьте ему, Михаил Сергеевич, вы это знаете. Обидится, если ему не ответить; а отвечать нечего. Статья не так значительна, чтобы за границей пошла... [6]

7 ноября. Понедельник. После завтрака Л. Н. позвал Марию Александровну и Софью Николаевну и беседовал с ними в кабинете.

Позднее Софья Николаевна сказала, что один из калужских революционеров, раньше ходивший с револьвером, говорил, что это опасная шутка, что он не будет больше с револьвером ходить: кто выстрелит, на того бросаются.

Л. Н.: Михаил Сергеевич рассказал, что в типографию «Русского листка» пришел забастовщик требовать, чтобы все забастовали. Послали его к управляющему, тот не принял его; уходя, проводил его служащий; он выстрелил в служащего, но не попал. Кто носит заряженное ружье, у того так руки и зудят, чтобы выстрелить, в собаку ли: «Я одну убил»,— в галку ли. Дети стреляют в птиц.

Затем говорили о том, что либералы хотели установить буржуазное правительство: на словах — свобода, собрание представителей народа, а на деле — деспотия высшего миллиона. Либералы играли в свои требования и воображали, что они представители всего народа и что то, что́ они признают нужным, то и есть нужное, а тут явилась черная сотня.

Мария Александровна сказала, что ее поражает терпеливость русского народа. Все недовольство народа происходит оттого, что господа не хотят отстать от своей роскошной, греховной жизни, и им надо не осуждать, а жалеть людей за их теперешние поступки, надо и самим слезать с шеи народа.

Л. Н. сказал про Витте, что он и своими распоряжениями несимпатичен. В манифесте 3 ноября сказано: «Сожалею, что крестьяне возмущаются; уменьшаются им выкупные платежи» [1]:

— За то, что вы бунтовали, вы получаете льготы — прямой вызов к мятежам. Николай (II) слетит с быстротой,— прибавил Л. Н.,— что ни шаг, то не в ту сторону.

Л. Н.: Я читал, что в Крапивенском и Чернском уездах крестьянские беспорядки, а тут (на самом деле) тихо [2]. Прочтет это кто-нибудь в Пензе и скажет: «Уже и там (в Крапивенском, Чернском уездах) волнения».

Мария Александровна рассказала, что дочь Мирона Егорыча, лесного сторожа на хуторе Татьяны Львовны, горничная в Москве, пишет, что была на митинге с подругой, что их там чуть не убили, но, говорят, там так интересно, что еще пойдут.

Л. Н.: Счастливые те, которые далеки, которых не затягивает, и те, которые заняты. На крестьян потому не наложат петлю, что их жизнь осмысленная: то надо скотину поить, то иное...

Сегодня уезжала Софья Николаевна с детьми. Л. Н. играл с пятисемилетними внуками в шашки. Софья Николаевна, Анночка, Александра

Львовна пели. Л. Н. просил их петь «вовсю». У Л. Н. голова болит, вероятно, оттого, что вчера до полуночи занимался: исправлял сызнова «Конец века». Поправки послали Черткову [3]. Сегодня переправил — да как! — вторую половину корректуры «Божеского и человеческого» [4].

Андрей Львович несколько дней тому назад дал Л. Н. большое, дорогое издание Евангелия, просил сделать ему надпись.

Л. Н.: Его отношение к церкви.....*

Следующие периодические издания посылаются редакциями Л. Н.:

I. Газеты:

Московские: 1) «Русские ведомости», 2) «Русское слово», 3) «Новости дня», 4) «Вечерняя почта».

Петербургские: 5) «Новое время», 6) «Наша жизнь», 7) «Русь», 8) «Сын отечества», 9) «Биржевые ведомости» (малое издание).

Иркутское: 10) «Восточное обозрение».

Лондонская: 11) «Daily Chronicle».

II. Еженедельные и ежемесячные русские журналы:

1) «Неделя», 2) «Заря», 3) «Русская мысль», 4) «Мир божий», 5) «Русское богатство», 6) «Образование», 7) «Вестник знания», 8) «Сибирский вестник» (Томск),

«Свободное слово» Черткова.

Изредка по отдельным номерам приходят заграничные русские революционные газеты.

III. ⟨Иностранные журналы:⟩

«Le Courrier Européen», Paris; «The Public», Chicago; «The Open Court»; «The World's Advance Thought», Oregon; «The Review of Rellgions», Islam, India; «La Revue Franco-Russe», Paris; «The Anglo-Russian Society Proceedings», London; «Free Trade Broadside» (?), published by The American «Free Trade League», Boston. Mass. U. St.; «Review of Reviews», London; «Vrede», Haag; «L'Ère Nouvelle», Paris (раньше приходили); «Les Temps Nouveaux»)?; «La Scena Illustrata»; «Das Banner der Freiheit» (Monatsschrift von Gottfr. Schwarz, Karlsruhe). Не постоянно: «Deutsche Volksstimme». Organ des deutschen Bodenreformer. Berlin; «Theistic Sermons» (Voyscey) preached at the Theistic Church by rev. Charles Voyscey.

Характерно, что Л. Н. не получает ни одной католической, протестантской и еврейской газеты.

8 ноября. Именинник Михаил Сергеевич, рожденье Анны Павловны. Сидели за завтраком. Вошел Л. Н. Михаил Сергеевич напомнил ему:

— 25 лет тому назад в Пасху я поздравил вас с христовым воскресеньем и поцеловал вас. Вы мне сказали: «Я Мишу Сухотина поцелую, но при чем же тут «Христос воскрес»?» Были Истомин, Орфанов, с которыми вы тогда горячо спорили.

Л. Н.: Сютаев, когда к нему ⟨обращались⟩ с христосованьем, говорил: «Давай так жить, чтобы Христос воскресал в нас на деле, а не на словах».

Михаил Сергеевич: Вы мне поручили водить Сютаева по Москве. Хороший, интересный был старик. Встретили нищего — я дал ему двугривенный (больше, чтобы показать себя Сютаеву). Сютаев мне: «Что ты делаешь? Ты ему это дал, чтобы отпихнуть его от себя. Надо с ним поговорить, вникнуть в его положение, а не стараться освободиться от него» [1].

Александра Львовна рассказала, что вчера читала мужикам у телятинского старосты манифест. Один из слушавших понял его так, что к ним отойдет барская земля, и отозвался: «Стало быть, с весны пахать ее?»

Вечером за чаем Михаил Сергеевич и я беседовали о том, как русские писатели изображают евреев, например Гоголь в «Тарасе Бульбе». Миха-

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

ил Сергеевич упомянул, что он искал в энциклопедическом словаре Брокгауза Тараса Бульбу (когда были набеги казаков по Черному морю на Анатолию)и не нашел. Нет там Тараса Бульбы.

Вошел Л. Н. Спросил, о чем разговариваем, и сказал:

— Таких евреев в лапсердаках уже нет. Теперь Таны во французском платье.

Говорили об избирательном праве женщин. Л. Н. сказал, что женщина и мужчина равноправны. Но большинство хороших женщин не пожелает избирательного права. Несправедливо, возмутительно, что жена наследует 1/7, 1/14 часть. Л. Н. еще заметил:

— Между мужчиной и женщиной больше физической разницы, чем между животными (медведем и медведицей, волком и волчицей).

Сергей Николаевич рассказывал Л. Н., как ехал на охоту на бугры, где водились лисицы; смотрит — видит четырех волчат. Тут навстречу ему и собакам бежит волчица и отводит собак от волчат.

Л. Н.: Маша (сестра) написала мне письмо. Она читает «Московские ведомости», а они выставляют меня виновником всего зла, происходящего в России [2]. Она, по словам Евангелия, «По плодам познаете их» [3], думает, что я грешник, который согрешил, и молится за меня. Мне жалко ее, она прямо страдает [4].

9 ноября. И. К. Дитерихс, Мария Александровна и М. С. Сухотин долго разговаривали с Л. Н. Кроме того, Л. Н. сегодня целый день возился с корректурами «Конца века», «Божеского и человеческого» (жалел Юлию Ивановну, что доставляет ей столько работы). Сухотин читал вечером, от 11.30 до 12, новые поправки (стиля и другие) в «Божеском и человеческом». Л. Н. обыкновенно дает читать свои новые сочинения Михаилу Сергеевичу и спрашивает его советов.

И. К. Дитерихс рассказывал о тульских евреях, как прятали детей от погрома. Мария Александровна восхищалась их умом, трезвостью и тем, что они не ругаются. Сухотин рассказал о мальчике в Орле, который в течение двух лет не мог попасть в гимназию из-за процентной нормы. Все негодовали на отношение христиан к ним. Я заметил, что, по Брокгаузу, евреев принимают в русские университеты вдвое больше того, что соответствовало бы процентному отношению числа евреев ко всему народонаселению России.

Л. Н.: Постоянно получаю письма от них: «Я хочу учиться».

Далее Л. Н. говорил о том, что успех во всех мирских делах достигается борьбой и евреи в этой борьбе берут верх своим умственным развитием, упорством. У них умственная развитость, богатство — добродетели.

— Когда в Самарской губернии были скачки киргизских лошадей, Воронцов привел туда английских, и тут они киргизских далеко за собой оставили. Если ставить целью скорость, то тут не приходится обижаться, английские лошади будут первыми. Так и нашему христианскому обществу не следует обижаться на евреев, если оно ставит себе мирские цели, а нужно поставить другие. Я уже не доживу до того, как человечество выберется, выкарабкается, как люди освободятся, выпутаются из фальши (мошенничества, лжи), в которой живут горожане, купцы. Один крестьянский труд свободен от нее. Как выпутается так называемое христианство нашего мира из того ужасного положения, в которое оно само себя поставило, при котором во всех родах и отраслях занятий человек принужден считаться с разного рода установившимися обманами, при которых нет никакой возможности действовать по совести. Так в торговле — обман, в журналистике — вынужденная ложь, в театральном мире, в мире искусств — разные подлости, гадости и т. д., и остается только один труд, труд земледельческий, при котором человека эксплуатируют, но сам он не вынужден жить непременно обманом.

И. К. Дитерихс рассказывал, что поступающие на оружейный завод в Туле должны давать взятки старым мастерам, как домовладельцы — исправникам, полиции; М. В. Булыгин рассказал, как один раз привез земледельческие продукты на базар в Тулу; обступили его барышники (но он им не хотел продать), тогда они стали ругать его товар — другие не стали покупать.

Л. Н.: Ведь на Западе, в Италии, все продукты фальсифицированы.

По поводу рассматриваемой картинки, представляющей католическую процессию в Пиренеях, когда крестьяне в капюшонах, в каких рисуют инквизиторов, несут на спине тяжелые кресты, причем некоторые падают в обморок, Л. Н. сказал:

— Сколько усилий теряется на глупости. Если бы хотя одна сотая этих усилий тратилась на уничтожение ужасных суеверий и на установление чистого христианства!

Л. Н.: Какая торжественность, достоинство, спокойствие есть у магометан (татар и других)! В «Review of Beligion» *, магометанском журнале (журнал дрянной, все полемизирует с христианством, и есть у них какой-то пророк), был ряд статей против христианского фальшивого единобрачия. У магометан правило — единобрачие, в известных же случаях, по слабости (богатым), позволяется многоженство. Но зато уж домов терпимости у них нет, как у христиан.

Сухотин: Но ведь они для холостых?!

Л. Н.: И это брак, многобрачие. Как через сто лет будут удивляться, что могли существовать дома терпимости!

10 ноября. Л. Н. переменил название «Божеского и человеческого» на «Еще три смерти» [1].

В эту эпидемию брюшного тифа в Ясной Поляне заболело 64 человека, умерло 7.

Сегодня тихий день в доме. Ни одного гостя.

Михаил Сергеевич рассказал Л. Н., что революционеры заняли типографию «Нового времени» для печатания своих прокламаций [2].

Л. Н.: Полицейские на постах, если и видели, не посмели противодействовать.

Сегодня Л. Н. получил длинную анонимную телеграмму (из Тулы?), упрекающую его, что он виновник волнений в России.

11 ноября. Приехал Л. М. Сухотин на крестины Машеньки **, рассказывал, что «Московские ведомости» перестали выходить, наборщики отказались их набирать. Зубриловку (?), именье знакомой помещицы Сухотина в Балашовском уезде Саратовской губернии, толстенный барский дом сравняли с землей. Ее брат, помещик, много занимался благотворительностью (больницы, пенсии вдовам). По Москве столько ходит здоровых нищих, что выгодно ездить на извозчике (т. е. не давая милостыню). В Варшаве без военного положения немыслимо.

Приехал Михаил Львович. Л. Н. в хорошем настроении, как и вчера. За столом рассказывал анекдоты. Вспоминал, что он мало бывал в ложах, но сколько раз ни был, всегда раньше попадал в семь других лож, прежде чем находил свою.

За обедом Михаил Львович рассказывал, что в книжном магазине брата Левы книги не идут, читают одни газеты и социалистические брошюры в красных обложках; в некоторых книжных магазинах все книги в красных обложках. И. И. Горбунов то же самое писал Л. Н.

---

* Издаваемом в Индии.

** Танечка Татьяны Львовны была первые дни Машей в честь бабушки и тетушки, сестры Татьяны Львовны и матери Михаила Сергеевича. Л. Н. подошел к Татьяне Львовне и сообщил ей, что сегодня так живо (ясно) видел во сне Татьяну Александровну, что рожденную надо назвать ее именем.

Горбунов просил Л. Н. проверить «Деньги», хочет их издать, но Л. Н. не будет проверять их. Так ответил Горбунову [1].

В газетах приводится подсчет жертв погромов [2]. Больше всего жертв было 17—22 октября во Владивостоке (182 убитых и раненых), в Томске убитых на улицах 57 и 12 пропало без вести, несколько сот сожженных в доме железнодорожного управления. В Одессе — 130, в Риге, Кишиневе — 55 (25 христиан), в Симферополе, Екатеринославе — 40, в Туле — 21. В газетах речь Щербака на заседании Крестьянского союза в Москве (там он не был овечкой, как в Ясной. Призывал к насилию) [3].

Л. Н.: Даже в Англии сажают за призыв к насилию. Бурцев за это сидел.

Сухотин говорил о том, как писать латинским шрифтом их фамилию, чтобы ее не произносили иначе.

Я сказал, что по чешскому правописанию — Suchotin. Оно принято лингвистами для слов санскритского, вогульского и других языков.

Л. Н.: Меня за границей звали Tolstoa.

Сегодня Л. Н. написал письма Молчанову, Бирюкову, Горбунову, Русанову, Марии Львовне и Гольденвейзеру [4].

12 ноября. Суббота. Л. Н. третьего дня упал. Спина у него болит. Когда идет гулять, Татьяна Львовна спрашивает его, куда он пойдет. Сегодня был детский врач Стрельбицкий у Машеньки Татьяны Львовны. Настаивал на материнском кормлении. Кормилица — разврат.

Еще говорили про забастовку гимназистов-табльдотистов. Кто не хочет, пусть не ходит учиться в гимназию, меньше людей будет на шее у народа.

Л. Н., разговаривая со Стрельбицким, спросил его:

— Вы одной десятой своей специальной литературы не успеваете читать?

Стрельбицкий: Одной сотой.

Л. Н. говорил ему о генриджорджевском решении земельного вопроса и дал ему книжки об этом.

Крестины Тани. Звали ее до сих пор Машенькой, а окрестили Танечкой. Дьячок привез купель.

12—13(?) ноября. Приехали Горбунов и Николаев. Рассказывали о съезде Всероссийского крестьянского союза в Москве; на нем было 60 делегатов-крестьян, 40 интеллигентов, 20 социалистов-революционеров, которые руководили крестьянами (из наших единомышленников были Ракович и Семенов). Больше всех ораторов отличался и вышел победителем Щербак. Крестьяне смотрели на него с упованием. Все думают, что первым вопросом Учредительного собрания или Государственной думы будет земля. Помещики-либералы оказались без почвы, появились новые политические факторы, с которыми они не считались.

Либералам предстоит либо примкнуть к правительству, либо пойти навстречу народу в вопросе о земле. Революция народная — за землю — скоро перерастет в революцию социал-демократическую, городскую. Все совершается быстро. Генри Джорджа принимали с радостью [1]. Не знали о нем. 13 октября московские типографии постановили не печатать того, что прошло через цензуру, а служащие в книжных магазинах — не продавать до определенного срока книги, прошедшие через цензуру, и бойкотировать такие магазины, которые их будут продавать.

За обедом Горбунов рассказывал Л. Н.:

— Решения некоторых крестьян во Всероссийском крестьянском союзе сходятся с вашими взглядами, высказанными в обращении «К рабочему народу».

Л. Н.: Я могу только радоваться.

Горбунов: «Великого греха» (по 2 с половиной коп.) мы издали 30 000 экземпляров и напечатали бы еще больше и скорее (теперь печатается

«О жизни», «Исповедь»), если бы у нас была ротационная машина. Хотели бы мы издать обращение «К рабочему народу», «Мысли о боге» [2].

Л. Н.: Я думаю, там («К рабочему народу») надо бы смягчить некоторые выражения и издать вместе с «Концом века». Страхов писал мне, что был у него молодой Сухотин, который хочет издать мои у Черткова появившиеся сочинения [3].

Л. Н.: Очень милые офицеры в плену в Японии собрали деньги и послали их мне через Николая, епископа, главу тамошней миссии* [4].

Горбунов рассказывал, как негодуют социал-демократы на Л. Н.

Л. Н.: На днях я получил письмо, в котором мне пишут, что я, вероятно, ничего не читал, а только на днях прочел Генри Джорджа и так восхитился им, а завтра прочту что-нибудь другое и тем восхищусь.

Горбунов рассказал о Ландере, что он без работы. Пока был нужен «Вечерней почте», работал в ней по 16 часов (за 3 коп.). Теперь «Вечерняя почта» может вырезáть смелые, резкие статьи из других газет, не нуждается в нем. Нас сторонится, будто поссорился, а у нас мог бы получить работу.

Л. Н. пошутил, что, по английской пословице, для того, чтобы была ссора, нужны двое, а Ландер один, а ссора все-таки есть.

Горбунов: Сейчас есть: кадеты, серые (социал-революционеры), седые (социал-демократы), монархисты.

Андрей Львович: Я записался в члены Союза монархистов Грингмута.

Николаев принес свою статью о Генри Джордже [5], читали ее вслух в кабинете Л. Н.

Л. Н. жалел, что «Social Problems» Генри Джорджа не появились по-русски **.

— Маша начала переводить; надо ей написать, чтобы перевела [6]. Damaschke мне прислал французскую книгу (перевод своей немецкой) ***: избранные места из Генри Джорджа, краткое изложение, применение единого налога в Киао-Чао и в Новой Зеландии [7].

Софьи Андреевны не было [8]. (Были только Л. Н., Юлия Ивановна, Мария Александровна, Горбунов, Николаев, я, акушерка и ремингтонщица.) Тихо, спокойно. Л. Н. в хорошем расположении духа. Рассказывал, с кем повстречался: молодой тульский рабочий, говорящий точь-в-точь, как пишут газеты: «Если бы мы не бастовали, не было бы свободы слова» ...

Меня Л. Н. спросил, что пишут английские газеты о событиях в России.

14 ноября. У Л. Н. продолжает болеть спина (от падения) да еще коленки, а сегодня и правая ступня (от узкой обуви) — подагра. Александра Львовна вчера поехала, а сегодня вернулась из Пирогова. Рассказывала: прислуга и у Оболенских, и у Толстых каждый вечер уходит в деревню политиканствовать. Землю крестьяне у Веры Сергеевны не купили, ждут, что достанется им даром. Хотели ее купить недели две тому назад; пришел агитатор, отговорил их. Николай Леонидович страдает от того, что происходит. Он желал бы земского съезда. Ему хочется сказать земцам, что нехорошо заниматься политикой, забывая бога, справедливость. Но у него перебои сердца, и он боится выступать. Мария Львовна больна хиагрой [1]. Хотят поехать в Cannes. Николай Леонидович не спит, сочиняет ночью статьи; Мария Львовна жалеет, что он не пишет их.

Л. Н. тоже пожалел, что Николай Леонидович не пишет:

---

* На какое дело, у меня не записано.

** Николаев начал переводить их, но ему было некогда, и бросил.

*** «La Réforme agraire» par Adolph Damaschke. Traduit d'après la III éd. allemande. Paris V-e. V. Giard E. Brière, 1906. Издатель джорджевского журнала «Die Bodenreform».

— Какое хорошее письмо написал (Николай Леонидович и Маша недели две тому назад о черной сотне), не читали вы его, Иван Иванович? Прочтите [2].

Л. Н. высказался еще в том смысле, что надо не в Канн уезжать, не беречь себя ради сердца, а действовать. Он изучил Тэна.

— Они живут хорошо,— продолжал Л. Н. об Оболенских,— иногда скука. Но ведь скука — это рамка деятельности, приготовление к ней.

Александра Львовна рассказывала о том, какое тревожное настроение в Пирогове, как Мария Михайловна * пугается, когда кошка прыгает; уже берет валенки (которые у нее всегда наготове), чтобы спасаться. Думают переехать в Тулу. «Мужики,— говорила Александра Львовна,— ни один не своротил с дороги», и все делали замечания по ее адресу. Надежда Александровна (ремингтонщица) подтвердила, что, когда ездили в Телятинки, она то же самое заметила.

Л. Н. рассказал Марии Александровне, что начал было писать для народа о земле и о Генри Джордже, но неудачно, разорвал. Сказал, что «надо ждать, пока бог не заговорит» в нем [3].

Вечером беседа с Горбуновым о «Посреднике», об издательской работе, о людях, о предполагаемом Горбуновым издании журнала (Горбунов хочет свободный от авторитетов, правительства и партий еженедельник, куда бы стекалось все то, что пишут Л. Н. его корреспонденты, а также и то, что ему не решаются писать); он с Николаевым его редактировали бы [4].

Л. Н. говорил:

— Трудно выбирать из предлагаемого. (Он знает, что ему пишут из тщеславия, из желания высказаться, выставить свои мысли, совсем не важные. И, кроме того — поспешность работы.) Мне жалко,— сказал Л. Н.,— что вы обремените себя новой работой, когда не успеваете делать прежнюю. Вы точно как лошадь, впрягшаяся в молотилку. Отчасти хорошо быть постоянно занятым.

Иван Иванович: Уже теперь Поступаев (поэт) подготовляет вырезки из газет и журналов — «Посредник» многие получает — для их еженедельной газеты.

Л. Н.: Современное — хорошо сохранить.

По поводу рассказа Надежды Александровны о быках Л. Н. вспомнил, как тут, в Ясной, два быка затоптали до смерти старика и забодали работника.

— Случилось это от того, от чего всегда с быками случается,— сказал Л. Н.,— с ними надо обращаться мягко, а мальчики их дразнят. Я был в Самаре, когда бык забодал работника. Приехал судебный следователь допрашивать меня. Я ужасно рассердился, хотел писать Александру Николаевичу (Александру II).

О другом случае Л. Н. рассказал так:

— Прихожу в конюшню — он сидит, скорчившись; поднял рубаху — кишки наружу. Я поскакал в Тулу за доктором. Когда я его привез, скотница уже вправила кишки и зашила рану. Доктор успокоился на этом. В то время еще так не соблюдали чистоту. На другой день его раздуло, и помер [5].

Горбунов говорил, что хочет предложить Софье Андреевне свое содействие при составлении и издании XV тома Сочинений Л. Н-ча. Л. Н. ему сначала не советовал, потом поблагодарил и сказал:

— Она теперь разумнее относится к этому делу, не спешит так с печатанием новых сочинений, как раньше. Горбунов хочет издать «Суратскую кофейную» под заглавием «Бог один у всех» и «Мысли о боге» [6]. Эти по той причине, что распространено мнение, что Л. Н.— безбожник.

---

* Вдова С. Н. Толстого, старушка 75-ти лет.

Л. Н.: Я тоже получаю письма... что «вы перестали верить в бога».

Горбунов читал Л. Н. письмо Архангельского о том, что нужна была бы газета (нашего направления).

Л. Н.: Прекрасное, хорошее письмо. Он живет богом... Коля (Николай Леонидович), как Архангельский, много читает, много думает, видит яснее.

Л. Н. дал Горбунову первые 20 дней «Круга чтения для народа» и просил его, чтобы поскорее прислал гранки (июль) «Круга чтения» (старого). Дал ему «Конец века», «Хельчицкого», «Предисловие к «Учению 12-ти апостолов»» и «Поврежденного» Герцена [7].

У Льва Николаевича футляр с материалом к «Декабристам» [8] («Поврежденный» Герцена).

Горбунов: Сегодня в газетах сообщение о матросских беспорядках в Севастополе. Туда посланы войска из Одессы [9].

Л. Н.: Этого, чтобы войска не повиновались, при прежних революциях не бывало. Это черта русской революции.

15 ноября. Приехали со съезда Всероссийского крестьянского союза Семенов и А. А. Стахович. Начали о нем рассказывать Л. Н.

Л. Н.: Мне это неинтересно, болтовня.

Семенов: Как же болтовня, там были представители, делегаты народа.

Л. Н.: Делегаты — самозванцы. Никто вас не призывал, не просил. Но и делегаты, самым лучшим образом выбранные, не могут представлять народа. Может быть, из ста избирающих — 51 глупых против 49 умных; человек не может представлять другого человека: вчера он так думал, сегодня — иначе, человек развивается. Вы (Семенов) или вы (Стахович) — меня ⟨не можете представлять?⟩. Англичане не хотели войны с бурами, а Чемберлен ее уже начал. Представительство — кукольная комедия. Герцен лет 50 тому назад писал о представительстве[1].— Л. Н. прочел место из Герцена и прибавил:— Мы *на пороге*, а толкают нас, чтобы мы пошли туда, куда Европа. Америка дошла до стены: тресты, 10 миллионов бедных, не имеющих крова, одежды, еды достаточно, и — миллиардеры.

Я: В 1900 г. в Соединенных Штатах было шесть миллионов двести тысяч безработных, то есть 10% всего населения.

Семенов: Все-таки в Англии легче жить, чем в России.

Л. Н.: Англичане, приезжающие сюда, чувствуют себя у нас свободней; дома они связаны законами, которые сами через представителей установили и которым они повинуются, воображая себе, что они свободны. Здесь же я таких законов не устанавливал и им не повинуюсь, я свободнее. Николай может забодать, но это случайность, как может бык забодать или кирпич на голову упасть.

Семенов: Стрельба на улице нам видна, а что в застенках делалось, то не бросалось так в глаза. Либералы, революционеры — самоотверженные люди, для себя ничего не хотят — имеют в виду только благо народа.

Л. Н.: Покажите мне такого человека (который для себя ничего не хочет). Я на такого богу буду молиться. Такого нет, а кто так болтает — таких пропасть. Наше время огромной важности, пора людям быть свободными, не повиноваться и не подчиняться. Мужик сам сознает, что он себе жизнь сам устраивает: «Я сам ее, жизнь свою, устрою». Но он этого не умеет высказать.

Семенов назвал мужиков невеждами.

Л. Н.: Не невежды народ; все хорошее мы восприняли от него. А в Государственной думе кто будет? Профессора, адвокаты, журналисты.

Семенов: Что же, мужики сами будут решать? Есть три класса... Мужики — это стадо.

Л. Н.: Мужики — стадо, а это три хромых ягненка за стадом прихрамывают. У народа религиозное отношение к жизни. Недавно был сапож-

ник из Телятинок, оборванный до крайности. Я его спросил: «А смерти не боишься?»

— Как же, от Него (бога) не отпереться.

— Этого не поймет ни один профессор. Профессора — самые глупые люди. В разговоре с американцем [2] я произнес слова «scientific stupidity» *. Американец мне сказал, что теми же словами Ruskin характеризует то же самое, что я. Герцен говорит **, что, если бы одна сотая усилий, которые употребляют на перемену государственного строя, обращалась бы на совершенствование самого себя, достигли бы несравненно большего [3]. Только бы от бога и нравственности не отступать.

Семенов защищал представительство и бранил полицию, обвиняя ее в том, что она нанимает черносотенцев и натравливает их против революционеров.

Л. Н.: Меня спрашивать о представительстве — это похоже, как папу — не папу, а монаха — спрашивать о проституции (как ее упорядочить) или как меня спрашивал французский журналист о смертной казни... Что полиция нанимала отдельных лиц, все это жалко...

Говоря о теперешнем всеобщем возбуждении в интеллигентных кругах, Л. Н. сказал, что это похоже на следующий случай:

— Косили луг за Чертой; как всегда при общинном покосе, напились, поругались. Возвращались с бранью, только один мужик сидел смирно и молчал. Я подумал, это рассудительный, умный. Оказалось, он был немой. Теперь главное — не согрешить ни словом, ни помыслом — не раздражать. Не стать ни на ту, ни на другую сторону, быть строгим к себе, чтобы не согрешить. Не знаю, что будет (выйдет что-то, чего не ожидал, но никак не то, чего ожидают). Ожидают конституцию, республику.

На какой-то сдержанный ответ Семенова (он как бы оглядывался на присутствующего Стаховича) Л. Н. сказал ему:

— Не бойтесь говорить нелиберально.

Семенов: На Всероссийском крестьянском съезде один из делегатов сказал: «Царство божие внутри нас. А мы этими зажигательными речами, насилием ничего не добьемся».

Л. Н.: Поднявшие меч... [4] Убийства городовых... *** «Кроме дурного, тут ничего нет». Кто-то сказал: «Казаки все — дурные люди». А студенты — хорошие.

Семенов рассказал, как штундист на Всероссийском крестьянском съезде описывал еврейский погром.

Стахович: Ужаснее всего бушевала толпа в Томске.

Л. Н.: Ох, когда страсти поднимутся!

Семенов рассказал Л. Н. о новой драме Горького, кончающейся тем, что борющихся за свободу людей избивают досками (?) по голове... [5]

— На меня драма произвела такое (удручающее) впечатление, точно меня по голове ударили,— сказал Семенов.— Скоро будут играть «Ткачей» [6].

Л. Н.: «Ткачи» в России малоуместны, только среди городского населения будут иметь успех.

Стахович рассказал о поляках (23), участвовавших на съезде земских деятелей. Один видный поляк торопился домой на следующий день, и ради этого поспешили решить польский вопрос и решили дать полякам то, чего они желали [7].

---

* ученая тупость (*англ.*).

** Герцен так же говорил о «цеховых ученых», что они «изумляют сочетанием огромных сведений со всесовершеннейшей тупостью».

*** Убийства городовых тогда часто происходили уже несколько месяцев. В некоторых городах — Белостоке, Варшаве, Москве и других — были перебиты десятки городовых.

Л. Н.: Что же съезд может с польским вопросом сделать? Кто может вырвать сознание греховности раздела Польши?

Стахович: Говорят, что Вильгельм II вмешивается в польские дела, не хочет, чтобы русские сделали уступки полякам, готовится к войне [8].

Л. Н.: Так набросились и на Францию после революции. Русская революция расшатала все основы, на которых они стоят (Вильгельм и западные государства). Ведь это слава богу.

— Что делает несчастный Николай? — спросил Л. Н. у А. А. Стаховича.

Стахович: Выяснилось, что во время его вступления на престол ему не были поданы адреса ни тверского земства, ни других, а только донос Победоносцева на них (адреса), на что и последовали слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях». Он (Николай II) очень хороший человек, но он кукла, всегда согласен с тем, с кем он говорил с последним. Анекдот: Глазов докладывал и советовал что-то. Николай II: «Я согласен с вами»; за ним Сипягин — противное (обратное). Николай II: «Я согласен с вами». Присутствовавшая мать (царица) ему сказала: «Как же ты согласился и с Глазовым, и с Сипягиным; ведь они противоположного хотят?» Николай II: «Я согласен и с тобой». Александр III был добрый, силач, но ограниченный человек.

Л. Н.: Я все получаю письма, чтобы я написал царю, что ему делать.

Л. Н. теперь пишет о том, как осуществить решение земельного вопроса по Генри Джорджу в России [9]. Говорили об этом долго, подробно с Семеновым. Семенову казался вопрос разрешимым без Генри Джорджа простым разделом и раздачей всей земли. Спор был горячий. Семенов не уступал, отстаивал свое, но в конце концов признал, что нужна система Генри Джорджа. Л. Н-чу во время разговора выяснились подробности решения. Л. Н. перерабатывает и свое письмо к Бондареву о Генри Джордже, которое вышло у Венгерова в «Словаре русских писателей» [10] и которое было забыто. Обратил на него внимание вчера вечером Николаев. Л. Н., который начал было писать о Генри Джордже краткую листовку для народа, теперь перерабатывает это письмо к Бондареву, и кажется, что получится из него желанная листовка.

Стахович упомянул о Герценштейне.

Л. Н.: Герценштейна читать нехорошо. Он недобросовестный, невежда.

Стахович: Он вычисляет, что рента (единый налог с земли) не покроет государственных расходов.

Семенов заговорил о газете для народа, которую хочет издавать Горбунов [11].

Л. Н.: Я боюсь, он много забот берет на себя. Но надо бы издавать и христианско-крестьянскую. Не следует им (крестьянам) свои требования навязывать и к ним побуждать крестьян, как это делается, а нужно отыскивать их запросы (требования) и отвечать на них. Вы бы годились в редакторы.

Семенов: На Всероссийском крестьянском съезде встал один рабочий и сказал: «Уж если говорите, что вам наше благо важно, так хоть выражайтесь тогда по-русски».

Л. Н.: Очень хорошо!

Стахович: Наша партия тоже хочет издавать газету для народа, редактором будет Короленко. Теперь книги, брошюры социалистические, политические в ходу. Восемь миллионов их разошлось — земства распространяют.

Л. Н.: Короленко хороший и такой приятный, классический народник, старого закала.

Семенов: Председательство на съезде Всероссийского крестьянского союза предложили Златовратскому, который присутствовал в течение

первых нескольких часов. Он поблагодарил, но не принял [12]. Он добрый человек.

Л. Н.: Поступаева-поэта в «Посреднике» — знаете? Мне он тоже нравится.

Л. Н. дал прочесть Семенову и Стаховичу одно очень хорошее письмо крестьянина («Ведь он говорит то же самое, что я») и другое, консервативное, неподписанное (два литографских экземпляра), но от крестьянина с проектом многих пунктов, как устроить Россию. Один экземпляр Стахович взял себе, понравился ему и мне тоже.

Стахович рассказал:

— Когда на Крестьянском съезде кричали Щербаку (он и священник из Черниговской губернии выделялись из всех ораторов: священник призывал к террору и говорил, что Христос был бы социалистом): «Вас в президенты республики!»,— был смех в зале [13].

Л. Н.: Смех жалок, при таком деле ⟨которое может⟩ кончиться кровью.

Стахович: Говорят тоже, что Тан будет президентом. Он умен. Он объезжал Саратовскую губернию до волнений. Как вам он нравится?

Л. Н.: Тан мне противен. Давайте поговорим о том, что *нам* делать, а не устраивать жизнь других.

Семенов начал говорить о кредите, что крестьянам он нужен. Стахович подтверждал.

Л. Н.: Не понимаю. Кредит — самое пагубное условие. Сельское хозяйство должно само, своей прибылью улучшаться, а не вкладыванием в него капиталов. Мои сыновья, Олсуфьев напрасно так делали.

Семенов: У нас [14] бедным помогают богатые, совершенно бескорыстно: на посев зерна, на покупку теленка... одолжат.

Л. Н. (*с радостной улыбкой, удивлением*): Свобода печати — даже не верится, так привыкли к цензуре. Еще ее (свободу) урежут.

Стахович: Нет!

Л. Н. (*о политике*): Теперь такая каша, выхода нет. Какой-нибудь бессовестный Кавеньяк расстреляет 20—30 тысяч народу, и настанет покой. Не знаю, что будет, но никак не то, что ожидают. Ожидают конституцию, республику. Выйдет то, чего не ожидают.

Л. Н. говорил это медленно, предложение за предложением, углубляясь в свои мысли.

Л. Н. было тяжело, что Семенов, человек из народа, знающий его жизнь и его нужды, стал интеллигентом, не думает сам своей головой, а слепо идет за фразами газет *.

16 ноября. Вчера вечером бабы и дети таскали дрова с барского двора. Сказано им, что то, что́ натащили, это им прощается, но чтобы больше не таскали. Сегодня — опять. Приказчик позвал понятых, настиг мужиков на улице и начал отбирать. На него напал яснополянский парень Сережа Макаров, приказчик ускакал верхом. Грозят, что придут разносить усадьбу, что приказчика убьют, требуют землю в аренду. Приказчик заявил Софье Андреевне: «Можете меня рассчитать, я со двора больше не выйду».

Софья Андреевна не хочет ни в аренду отдать землю, ни позволить деревья рубить, подаст, мол, на вредителей в суд. (Илья Цветков, бесшабашный яснополянский парень, погрозил старосте дворовому, когда рубил липу, что ему голову разрубит.)

Софья Андреевна за обедом разразилась на «российских, диких» мужиков. Объявила мужикам через Андрея Львовича, что если будут бунтовать, то она призовет казаков. (Л. Н. вставил: «Кому это из тех, кто рубит лес, в чем-нибудь помешает?»)

---

* Вспоминая в 1911 г. в разговоре со мной это свидание с Л. Н., Семенов назвал то время «хмельным».

— Меня пусть убьют, мне все равно! — В своих обязанностях — они ведь мужские — будет поступать по-мужски, решительно.— На мне, женщине, и издательство книг, и хозяйство, и сохранение Ясной Поляны для сыновей, и домашнее хозяйство, и заботы о Л. Н. и обо всех. Мне никто не поможет. Сыновья шляются.

Вчера Л. Н. рассказывал Стаховичу о том, как на днях он заходил в деревню, чтобы поговорить с мужиками и узнать, как на них отзываются нынешние события и что у них в мыслях. Поговорил с несколькими. Заходил к одному бывшему своему ученику, мужику лет 50 с чем-то, исправному хозяину и хорошему семьянину, которого он путем продолжительных усилий отвел от водки. Т⟨арас⟩ Ф⟨оканов⟩ — тихий, умный и много читавший человек. Из других яснополянских мужиков Л. Н. в последнее время как-то выделял его. Тарас Фоканов горячо нападал на него, говоря ему ты *. «Вот в каком я фальшивом положении, — говорил Л. Н-ч Стаховичу.— Крестьяне смотрят на меня как на хозяина, не признают, что земля принадлежит Софье Андреевне и детям. И то мне в вину ставят, что купил Телятинки, а купила их дочь против моей воли».

Л. Н. дал мне прочесть письмо «Польки» (так подписано), в котором сообщается о том, что во время мобилизации в Волковыске расстреляно пять артиллеристов, а 12 осуждено в Сибирь за нежелание идти на войну, и присланные ему три воззвания к полякам, польскому народу, к запасным, чтобы не шли на убийство, чтобы не служили. «Сегодня мы запротестуем, завтра присоединится к нам Россия, послезавтра двинется человечество». На двух подпись «Polka», на одном «Sabińska».

Л. Н.: Как это идет неожиданно, быстро!

Пополудни с Александрой Львовной был у Марии Александровны. Александра Львовна нарассказала ей новостей: Сергей Львович проиграл сорок тысяч, именье пойдет с молотка. Плакал, просил у матери шесть тысяч, дала одну.

Кто-то сказал:

— Витте теперь все недовольны и не доверяют ему. Когда манифест, надо было сейчас же Учредительное собрание. Правительство делает все плохо. Все недовольны, а оно всем подчиняется.

Л. Н.: Так это было и во Французскую революцию. Правительство металось из стороны в сторону, и его распоряжения были несоответственные («Quos vult deus perdere, vult dementat prius») **[1].

Сегодня был у Л. Н. редактор «Berliner Tageblatt». Утверждал, что сообщения русских газет о том, будто бы Вильгельм двинул войска к границе и вмешивается в польские дела, неправдивы; что у них мнение, будто русская революция захватила деревню; что ему говорили, будто опасно ехать в деревню, но что он все-таки поехал. Л. Н. коротко с ним поговорил.

Перед вечерним чаем Л. Н. засиделся у Татьяны Львовны, сегодня два-три раза у нее был. В десять вышел в столовую; сел в кресло у рояля и рассказывал (была Мария Александровна, Юлия Ивановна и я) историю убийства Павла Петровича*** (Л. Н.: «По ⟨некоторым⟩ соображениям может пригодиться»). Л. Н. сказал, что Павла простые солдаты любили,

---

* Тарас Фоканов и другие бывшие ученики Л. Н. и крестьяне, которые помоложе, говорили Л. Н. *вы*, и многие постарше — *ваиясу* (ваше сиятельство). Старики же и дети, иногда и другие, которые попроще (старинного склада), и многие бабы говорили ему *ты*. Л. Н. говорил всем *ты*. Единственное исключение, которое я знаю, то, что Л. Н. 19-летнему парню, поступившему в 1904 г. лакеем в яснополянский дом, говорил *вы* (не помню, с самого ли начала, или после того, как он женился).

** «Кого бог хочет погубить, того лишает рассудка» (*лат.* пословица).

*** Вспоминая теперь частые беседы Л. Н. о Павле Петровиче, я должен сказать, что рассказы эти оставили во мне общее впечатление, что Л. Н., всегда очень интересовавшийся Павлом, любил его, он был ему симпатичен (1911).

яо повиновались офицерам. Пален и Панин уговорили Александра Павловича убить его отца, и тот согласился. Павел устроил себе дворец с подъемными мостами — Михайловский дворец.

— Вы знаете его? — спросил Л. Н. у М. А. Шмидт.

Мария Александровна: Я никогда не была в Петербурге.

Л. Н.: Какая счастливая! Панин с Зубовыми, Бенигсеном и другими,— продолжал Л. Н.,— выпив шампанского, вошли одним входом, Пален вошел со двора — но нарочно опоздал так, чтобы в случае неудачи мог бы рассказывать, что он шел защищать Павла. Павел Петрович подписал отречение, весь трясся, и тут его задушили и тащили труп по комнате, надругались над телом.

Мария Александровна рассказывала, что она удивляется, что Мария Михайловна так боится насильственных действий со стороны крестьян. Она — нет.

Л. Н.: Сейчас лишь усилилось негодование, и потому явилось сознание недовольства. Причины есть. Пьянство.

Л. Н.: Мария Александровна, помните Агафью Михайловну? Я всегда относился к людям (прислуге) учтиво, сдержанно. Раз повар выпил и буянил; я пошел в буфет, а оттуда были двери в кухню. Агафья Михайловна меня остановила и сказала, чтобы не входил туда. После рассказывала, что повар грозил меня зарезать. Она тем, что меня туда не пустила, очень гордилась. Отца Миташи Оболенского поваренок, выпивши, когда тот делал ему выговор из-за обеда, зарезал.

Мария Александровна: Повар у Левы, который долго жил у вас, смирный, выпивши, тоже хотел его зарезать.

Л. Н.: Убийство при таких обстоятельствах непреднамеренное, совершают его часто смирные люди. Стачки прислуги в Москве (кухарок, горничных, швей, половых, все трактиры закрыты) — словно все ошалели.

Я: По газетам, в Петербурге 12 ноября рассчитали 19 000 рабочих и закрыли 13 заводов. В Донецком округе — 3 000 [2].

Юлия Ивановна рассказывала, что севастопольские матросы (взбунтовавшиеся третьего дня) разрушили в двух местах железную дорогу между Симферополем и Севастополем. Они теперь исполняют службу, только не признают начальства. Их требования чисто экономические [3].

Л. Н.: Главная черта нынешнего движения — сознание возможности неповиновения.

17 ноября. Л. Н. почти что не выходил после вчерашних и позавчерашних длинных разговоров с Горбуновым, Николаевым, Семеновым, Стаховичем, отвлекавших его от работы. А сегодня возместил чтением и работой потерянное.

Софья Андреевна сегодня успокоилась и говорила, что не боится ничего, что бы ни случилось. Посмотрела на дело с другой стороны.

— Мы, богатые, разорены; я работать умею, пойду в контору,— сказала она. (И Татьяна Львовна примирилась со своим экономическим положением.) Угнетало ее больше всего разорение Сергея Львовича. Шесть тысяч перевела в берлинский банк, остальные деньги у нее в бумагах, которые страшно упали в цене (22 000 в бумагах Крестьянского банка, а он больше не существует), земля не дает дохода, дом продать нельзя — никто не купит; остаются одни книги.

18 ноября. Забастовали почта и телеграф. Не получаем ни писем, ни газет.

За обедом Л. Н.:

— Забастовку чувствует городское население. Крестьян не касается забастовка почты, железных дорог. Керосин подорожает, но хлеб, молоко у них есть.

Л. Н. (*Александре Львовне*): Я перемарал «Еще три смерти».

— Ведь вы обещали больше не марать и уверенно это сказали,— смеясь, но почти с упреком сказала Надежда Александровна Л. Н-чу.

Александра Львовна смеялась.

Л. Н. промолчал с таким видом, как будто чувствовал себя виноватым или выше этого: не ведают бо, что творят.

Александра Львовна рассказывала, как Мария Александровна боялась съехать по крутому спуску к мосту по новой дороге к Козловке, держалась за сани.

Л. Н.: Страх соответствует силам.

Сегодня к Л. Н. приезжал солдат (малоросс) из Бреста (из крестьян, кончил гимназию) поговорить о Думе. Он желал бы, чтобы Л. Н. был на месте Витте.

Л. Н. (*о нем*): Ничего не читал, наивный.

Л. Н. говорил с ним три четверти часа. Потом сказал:

— Как это мысль работает во всей России, как устроить государство.

19 ноября. Приехала С. А. Стахович. За обедом рассказывала о крестьянских волнениях в их краях (Елецкий уезд Орловской губернии), как пришли к ее отцу (старику 75 лет, к тому же больному грудной жабой) пьяные. В деревнях вообще все время пьянство; рассказывала о том, как одна деревня другой не позволяла рубить помещичий лес, предполагая, что этот лес при дележе отойдет к ней, а не к той деревне; о том, как с разрешения нарубленные дрова четыре дня не могли поделить из-за пьянства. Мужики, которые это делали, были из дальних деревень; между ними были однодворцы и даже один такой богатый, у которого есть своя паровая мельница. Их спрашивали: «Почему так делаете?» — «Не хотим отстать от других, всюду делают — и мы делаем, и хорошие отношения помещика к крестьянам тут не считаются».

Потом С. А. Стахович рассказывала о съезде Всероссийского крестьянского союза, какие зажигательные речи там говорили.

Л. Н.: Семенов рассказал характерное. Было сделано предложение — до тех пор, пока землю не поделят, не пить. Один молодой делегат встал и сказал: «Нельзя не пить, потому что, пока я не пью, я не способен на насилие, мне надо выпить, тогда я могу и убить».

Софья Александровна: Меньшинство на съезде были (какие-то) звери. И газеты — «Нашу жизнь», «Вечернюю почту», «Русское слово» — читать нельзя. Так лгут и озверело пишут.

Л. Н.: Раньше лгали правительственные ⟨газеты⟩, теперь наоборот.— После паузы: — Все хорошо, жизнь идет!

Софья Александровна: Полное сумасшествие!

Л. Н.: Почему вы мне это говорите? Я говорил, что и при Александре III был сумасшедший дом, и при Николае — японская война. Полмиллиона людей вкатило туда.

Софья Александровна горячо запротестовала против этих слов Л. Н. и стала рассказывать про сумасшествие в городах. Околоточный или студент стреляют без причины, куда попало.

— Мой брат подошел поговорить к начальнику станции, стоявшему на платформе перед отходом поезда, и вдруг тот падает мертвым. Из поезда кто-то выстрелил в него. Виновного не нашли.

— Личные страсти не сделают одной сотой тех бедствий, как честолюбие, властолюбие,— сказал Л. Н.— Как хорошо жить здесь, в покое, тишине. Я не желал бы жить в Петербурге.— Затем Л. Н. рассказал, с каким умным мужиком сегодня встретился: знает про Генри Джорджа, что́ Л. Н. о нем писал; читает газеты. Он говорил, что помещиков разорять не надо, придется по мере овса на двор, не больше. Есть три партии: одна— самодержавная; другая— та, которая хочет уравнять всех: и третья — та, которая ходит с красными флагами.

Вечером Софья Андреевна рассказывала С. А. Стахович о проигрыше Сергея Львовича.

Л. Н.: Перестанет (играть), когда появятся другие интересы в жизни. Разумеется, надо заплатить долги.

В Севастополе погибло 1 200 матросов, стреляла северная батарея в южную.

20 ноября. Татьяна Львовна попросила вынести себя в залу — сегодня четырнадцатый день после родов — к обеду. Беспокоилась о маленькой: что она?

— Как если бы шла нить от меня к ней,— сказала Татьяна Львовна.— Первые ночи не спала, когда не было слышно ее дыхания; боялась, что она умерла.

Позже:

— Без материнского чувства нельзя было бы воспитывать детей: и хлопотно, и беспокойно, и грязно.

Софья Андреевна: Многое испытаешь, сколько забот!

Татьяна Львовна: Я боюсь ее без всех взять в руки.

Л. Н.: Ужасно эту маленькую птичку взять в руки. Я боюсь. Как хорошо, что я не рожаю детей!

Софья Андреевна: Не было бы тогда «Трех смертей» и «Еще трех смертей».

Л. Н. рассказывал о тульском рабочем и еврее, социал-демократах, бывших у него пополудни; хотят издавать в Туле социал-демократическую газету, приглашали его сотрудничать.

Л. Н.: Они говорили: «Если бы не социал-демократия, не было бы теперь такого положения (т. е. не было бы уступок со стороны правительства)». Я им сказал: «Это эпидемия».

Пришли пешком из Тулы. Я им дал книжек.

Александра Львовна была пополудни у соседней помещицы Звегинцевой; рассказывает, что Звегинцева, у которой имения в Тамбовской губернии, где были крестьянские волнения, опасается таких же и здесь. Продает всю скотину, отпустила садовника и дворню, кроме дворового старосты. Ему велела в случае надобности отдать землю крестьянам, лишь бы не трогали усадьбы. Капиталы перевела за границу, сама уезжает туда же. Портреты и другие ценные вещи хотела закопать в землю, но потом решила взять с собою.

Софья Андреевна: Если будет такой закон, тогда отдам и я землю.

Вечером С. А. Стахович, Юлия Ивановна, Л. Н.

Л. Н. дал читать вслух всем письмо М. П. Новикова [1]. Он пишет, что земля господская нужна крестьянам. Как же быть с прежней надельной, которая переходит путем прекращения выкупа в собственность? Оставить ее, как есть, т. е. у кого по скольку ее оказалось по день прекращения выкупа (его сосед — сам-четверт, у него три надела, он ⟨Новиков⟩ — сам-сем, у него две трети надела), или же переделить снова? И еще он пишет, что крестьяне будут бойкотировать землевладельцев, как это Л. Н. советует в «Письме к крестьянину».

Софья Александровна: Вы проповедуете бойкот, а ведь он такое же насилие, как забастовка?!

Л. Н. ответил приблизительно так:

— Если считаешь по нравственным причинам дурным работать на помещика, тогда этого не делай. Это будет постепенно улучшать положение. Ты не будешь поступать дурно и помещика усовестишь. А из корыстных целей бойкотировать нехорошо.

Сегодня был Стрельбицкий; рассказывал о том, как в Севастополе взбунтовавшиеся матросы перестреливались с войсками. Погибло свыше

тысячи жизней и несколько военных кораблей [2]. В Туле сегодня ждут еврейского погрома. Л. Н. ужаснулся этому.

Софья Александровна рассказывала, какие нерусские приемы усваиваются. В Одессе тело матроса, который грубо выразил недовольство пищей офицеру и которого тот застрелил, вынесли на берег, отдавали ему почести, на ночь снесли на корабль («Потемкин»), и так в течение трех дней [3]. Городские девушки вешают на себя кумачовое тряпье, красные ленты... В «Новой Руси» напечатано: молодой человек ранил кинжалом генерала, выходившего с женой из дому, и тут же попросил у него извинения, что ошибся,— он хотел убить генерала Семеновского полка, который стрелял в народ, но жандармы его на месте зарубили. Из «Новой Руси» перепечатали все газеты. Генерал послал в «Новую Русь» опровержение, что покушавшегося не только не зарубили, но даже волоса на голове не тронули, а арестовали, и просил напечатать в «Новой Руси» и перепечатавших газетах. «Новая Русь» напечатала через пять-шесть дней, другие газеты совсем не перепечатывали.

Л. Н.: Leroy-Beaulieu прав, когда определяет длинный срок революции.

Л. Н. (*о Кропоткине*): Кропоткин — смирный человек, он просто ученый.

Софья Александровна - не знаю, по какому поводу,— сказала, что ее брат Александр Александрович относится с уважением к ученым, к знанию.

Л. Н.: Какое знание! Каждый человек воспринимает опыт и знание из окружающей среды, и та среда, в которой живет земледелец, наверное, гораздо серьезнее и интереснее, чем городская среда (школа, библиотека). Те, которые живут с природой, знают опыт предков, имеют общение с животными, знают разные работы, имеют семью, приобретают более важные знания, а количество знания у народа и у ученых равное. Крестьянское знание очень важное. У Глеба Успенского, которого я невысоко ставлю, есть одна хорошая статья: «Власть земли» — о том, что земля имеет свойство формировать работающего на ней человека. Я много приобрел от этих людей, а от ученых ничего не приобрел. У ученых есть специальное тупоумие, и не может быть иначе. Ученого должно интересовать все, что по его предмету пишется, должен все изучать. Это скучно. Был у меня Hunter, секретарь Моррисона, друг Рёскина, и я говорил про scientific stupidity *. Он мне сказал: «То ⟨же⟩ самое выражение употреблял Ruskin».

Софья Александровна заговорила о священнике Петрове:

— Он говорит, что вы рекомендуете его читать и выписываете его книги.

Л. Н.: Я его выписывал?! Нет.

В девять вечера пришел ко мне Л. Н. и спросил, что поделываю.

Я: Ищу в «Daily Chronicle» о России и делаю вырезки для вас, но нахожу все время только известия и никаких рассуждений.

Л. Н.: Не стоит. Я только спросил, есть ли что интересное.

Я: Русские события, наверное, отзываются у других народов, например у поляков, у нас и в Австрии. Я читаю только русские газеты и в них только о внутреннем положении. Не слежу за заграничными.

Л. Н.: Саша говорит, вы собираетесь в среду своих посетить [4].

— Да.

— Как долго вы у нас?

— С Рождества.

— Почти год. Не сердитесь на нас, если...

Я перебил его:

— Вы на меня не сердитесь?

---

* ученую тупость (*англ.*).

— Вы были полезным, не мне, слава богу, мне не было нужно, но другим. Зайду к Тане.

Тихо, тактично, мило. Добрый, добрый старик. Немного скучает.

21 ноября. Приехали премилые Оболенские с матерью Елизаветой Валерьяновной. Мария Львовна бодро себя чувствует, но, как всегда, бледная.

Был доктор Adolf Hess, писатель из Ольденбурга, переводит новые произведения Толстого, Чехова и других русских писателей. Симпатичный, хотя педантичный. У Л. Н. сегодня разболелась печень, вот уж десять дней болят спина и ноги от падения. Л. Н. за обедом смешно рассказывал из Диккенса, смеялся до слез, потом — из романа «Little Dorrit» о том, как деньги, которые Уильям Доррит получил, были несчастьем не только для того, кто их получил, но и для других [1].

— Как хорош Диккенс! Хотелось бы о нем написать,— сказал Л. Н.

Мария Львовна: Ты его все читаешь, тебе без него скучно. Ты уже писал о нем [2], в разговоре Стэда с тобой есть твой отзыв о Диккенсе *[3].

Л. Н. (*Софье Александровне, которая завтра уезжает в Петербург*): Пишите о царе — ничего о нем не знаем.

Софья Александровна: Никто о нем ничего не знает. Постараюсь.

Александра Львовна приехала от Звегинцевой. Звегинцева слышала, что тросненские и телятинские мужики говорят, что у Л. Н. есть миллион для голодающих, а он его припрятал; что придут за этими деньгами и будут громить усадьбу. Звегинцева советует Л. Н. уехать в Петербург. Сама туда же едет, берет с собой ценности и два шкапа по 2 000 р. (и одну вырезную дверь и т. д.). Она страшно перепугана, Александре Львовне писала по-французски, также и разговаривала с ней при закрытых дверях. Сеять в будущем году не будет; говорит, что многие помещики не будут.

Оболенские рассказывали басню о царе, распространенную среди народа, будто солдаты с револьверами заставили его подписаться, что отрекся от престола. Их сосед-помещик приготовил на случай восстания старую колымагу, на которой можно уехать с детьми.

Л. Н.: Ничего не будет. Я думаю, ничего не будет, весной будут сеять.

Несколько дней тому назад Л. Н. сказал:

— Деревня не зависит от забастовок.

Оболенские: Мужики очень трусливы.

Из их деревни двое убиты в Туле, один в Москве. Родные убитых долго не решались ехать в Тулу. Сейчас возвращаются из городов потерявшие работу.

После обеда Л. Н. долго беседовал в семейном кругу (я, не желая мешать, ушел). Вечером я рассматривал в английском журнале снимок с картины Крамского — «Return from War» **.

Л. Н. подошел и сказал:

— Ах, как хорошо! Я эту картину ужасно люблю. Все высказано, как на ладони. Мальчик смотрит торжественно, няня с некоторым тупоумием, а мать страдает [4].

Л. Н., мне кажется, немного скучает без шахмат и винта.

22 ноября. У Татьяны Львовны утром — 38,5, вечером — 39.

Л. Н.: Вечером мне показалось, не будет ли тиф у Тани?

Мария Львовна встревожилась. Она не приезжала сюда, потому что боялась тифа, а только что приехала — это случилось. В Ясной Поляне в деревне много (65) тифозных.

За чаем после завтрака Елизавета Валерьяновна с Софьей Александровной удивлялись тому, как Л. Н. спокоен в это тревожное время.

---

* «Annual of Review of Reviews», Christmas 1905.

** «Возвращение с войны» (*англ.*).

Л. А. СУЛЕРЖИЦКИЙ
Крым. Фотография 1902—1903 гг.
Музей А. М. Горького, Москва
«Приехал Л. А. Сулержицкий с актером В. Э. Мейерхольдом...» — Запись от 26 ноября 1905 г.

— Он живет не так, как мы, внешними событиями,— говорили они,— источник его жизни — это он сам, внутри его. То, что вокруг него происходит, для него имеет гораздо меньшее значение, чем для нас.

Л. Н. (*дворнику Степану*): Твой родитель вчера сильно выпивши был, я его видел. Сказал ему: «Хороша шапка у тебя!». «У меня еще лучше есть» — ответил он.

Л., Н. разговаривал с Ильей Васильевичем об избирательном законе в Австрии, где добиваются всеобщего избирательного права. Илья Васильевич читает газеты, знает до мельчайших подробностей о шествии венских рабочих [1] раньше, чем Л. Н. узнает о внутреннем положении России (о забастовке телеграфа и почты).

Л. Н.: Мне кажется, все это так легко исправить, и всем будет хорошо: не надо повиноваться правительству.

За обедом Александра Львовна говорила, что встретила мужика, который нес дрова из лесу и смутился при встрече с ней, а потом Софья Андреевна о том, что в этом году четыре раза обкрадывали погреба. Прекратили, сказала она, с тех пор, как она выставила недоконченный портрет Саши в погреб.

Все засмеялись — как преувеличивает!

Софья Андреевна: Мы, двое стариков, живем одни в доме, в лесу. Надо удивляться, что не трогают нас.

Л. Н.: А мужики как счастливы, что мы их не убили.

Софья Александровна, которая знает наизусть массу стихов, декламировала какие-то стихи А. С. Хомякова.

Л. Н.: Тургенев, а за ним и другие решили, что у Хомякова нет поэтического таланта, а он его имел.

Софья Александровна: А про Некрасова вы написали, что он не имел поэтического таланта, и обратили внимание публики на Тютчева [2].

Л. Н.: А уж совсем не имеют его Жемчужников, Величко.

Вечером за чаем Л. Н. спросил Софью Александровну, продолжает ли ее дядя писать мемуары, и советовал, чтобы она его к этому побуждала.

— Многие в молодости живут бурно, а в старости становятся разумными и очень раскаиваются,— сказал Л. Н. Потом разговаривали о Киреевских.

Софья Александровна говорила еще, что теперь в Петербурге будут жить с отцом и с нею два брата (как будущие депутаты Думы) [3].

Л. Н.: Думы не будет.

Николай Леонидович: Будет Учредительное собрание.

Л. Н.: Что будет, не знаю (нельзя предвидеть, спущен занавес). Будет что-то неожиданное.

Софья Александровна: Теперь к Николаю ездили подряд многие и многие либералы, все советовать ему, что́ делать.

Николай Леонидович рассказывал, как в Киеве, где служит офицером его брат, вывели недавно солдат на смотр без оружия, только офицеры были вооружены.

— У нас постоянное сомнение в солдатах, в армии,— сказал Николай Леонидович. — Ведь во времена декабристов треть армии была в заговоре. Как легко распространяется пропаганда среди офицеров!

Софья Александровна: В Пирогове всегда ветер. Тургенев (в Мценском уезде жил) говорил, что у них всегда ветер и всегда в лицо.

Л. Н.: Люди, не имеющие основы для своих взглядов, очень непостоянны. Вчерашний немец * говорил, что в Германии правительство прочно стоит. Наверное, и во Франции.

Л. Н. написал сегодня Г. М. Беркенгейму длинное письмо, наверное, по просьбе больной Татьяны Львовны [4].

23 ноября. У Татьяны Львовны вчера вечером — 38,0. Сегодня утром — 37,5. Приехал посланный от И. И. Горбунова поэт Ф. Е. Поступаев с письмом от него [1], в котором он просит «Христианское учение» Л. Н.[2], «Жизнь и смерть Дрожжина» Е. И. Попова [3] и другие издания Черткова, которые он хочет перепечатать. Почта не ходит. Посылка Л. Н. с письмом к Ивану Ивановичу застряла. Поступаев привез газеты. Из них Софья Андреевна узнала про севастопольские события и ужасалась; узнала также про забастовку, приносящую миллионные убытки. Николай Леонидович рассказал, что служащие у Мюра и Мерилиза явились на собрание, где выступал В. А. Маклаков, и объявили, что нужно вооруженное восстание, что нельзя удовлетворяться не чем другим, как демократической республикой [4].

Л. Н. принес корректуру «Круга чтения» и отдал Николаю Леонидовичу, чтобы прочесть вслух 30 июня. Пока читал, похваливал: «Все годится для сегодняшнего дня» [5].

Вечером приехал Левкович, 30-ти лет, уездный предводитель дворянства в Киевской губернии.

Он читал Л. Н. свое сочинение о христианском учении. Очень застенчивый, волновался. «Недостаточно обдуманное»,— сказал ему Л. Н.

Левкович привез газеты; по их сведениям, в Петербурге уволили до 16 ноября 110 000, в Москве — 60 000 (58 634), в Ревеле — 8 000, во Владимире — 16 000, в Варшаве — 9 234 рабочих; многие фабрики, заводы закрыты.

За обедом Николай Леонидович негодовал на лживые известия в газетах («Наша жизнь», «Русские ведомости», «Сын отечества»).

---

* Dr. Adolf Hess.

Левкович рассказывал, что в Киеве взбунтовалось в крепости 1 000 солдат, они отправились в город, подговаривали других солдат присоединиться к ним, там их окружили казаки и войско и арестовали [6]. Еще рассказывал, на каких ничтожных клочках земли живут в их уезде крестьяне: на четверти десятины!

Л. Н.: Русский народ не ведет интенсивного хозяйства, не обрабатывает вглубь землю, пока видит рядом со своей землей ⟨огромные⟩ пустующие земли Орловых-Давыдовых. Главные усилия его направлены на то, как бы получить эти земли. Он тогда начнет усерднее обрабатывать их, когда увидит, что прирезков не будет, что с этой земли, какая есть, должен существовать. Я знаю, как различно обрабатывают землю: в Новгородской губернии тщательно (снопы кладут на островья), на юге где-то снопы обивают над веретьем, прежде чем наложат на воз; в южной Франции выбирают колосья, из них средние зерна для посева; здесь — кое-как, а в Самарской молотят лошадьми так плохо, что бедные еще раз берутся молотить за 1/10 часть умолота.

Приехали Н. Н. Гусев с Марией Александровной.

Поступаев упоен успехами освободительного движения, рассказывал с жаром о съезде Всероссийского крестьянского союза, его организации.

Л. Н.: Организация — это внешнее объединение. Как будет борьба, так сейчас будет и повиновение.

Поступаев рассказал, как на съезде некоторые проповедовали насилие и огромного эффекта добились. Богатый мужик (очевидно, скряга) сейчас же после их речей сказал, что отказывается от своей земли, но нашлись и такие, которые протестовали против насилия.

Поступаев и Гусев возражали против «единого налога» Генри Джорджа. Они говорили, что система Генри Джорджа недостаточно радикальна — во-первых, потому, что не касается фабричного производства, капитала; во-вторых, не уравнивает положения земледельцев. Надо сделать общей не только землю, но и остальное производство; пусть общины обрабатывают землю сообща и продукты делят поровну.

Л. Н.: Это вы хотите, как духоборцы делают. Вы предполагаете слишком много, что люди святые. Это фантазия, что мужик откажется (от своего большего надела), а там в Скуратове поп скажет: «Это моя земля» (50 десятин). Пусть народ поймет, что это вопрос сложный. Вы смотрите так: или все святые, или деспотизм Николая Павловича.

Поступаев: Богатые мужики в силу логики откажутся.

Л. Н.: В силу логики никакое красное вино не может душу мою спасти. Они (мужики) при насильственном отнятии земли обидят друг друга.

Николай Леонидович: Да и помещиков. Я хочу жить на земле, а мужикам внушают, что вся земля должна быть их. Название книжки Генри Джорджа, изданной «Посредником», «Земля для народа» [7], должно бы быть изменено на «Земля для всех». В Пирогове рубили рощу Веры Сергеевны. Приехали соседние мужики тоже рубить. Их пироговские не пустили (прогнали): «Этот лес на земле, которая отойдет нам».

Поступаеву единый налог Генри Джорджа кажется слишком малой реформой. Он говорил о «всеобщей повинности» работать на земле.

Л. Н.: Не все люди будут землю обрабатывать. Кто гармоники делает [8], презирает мужицкую, земледельческую работу. Христос, апостолы не обрабатывали землю. Сделать труд обязательным, священным нельзя. Это было бы рабство. Кто хочет песни петь, кто неспособен к труду, как Фадей?* Проект Генри Джорджа переходный. Для людей, которые служили другим добровольно, как первые христиане, отдавали свое, не надо его. Они будут жить без всякого людского земельного закона.

---

* Нищий, побирающийся в окрестностях Ясной Поляны.

Поступаев все возражал, повторяя по пятнадцать раз одно и то же — что Л. Н. приписывает слишком большое значение проекту Генри Джорджа, который очень недостаточен, и что надо стараться осуществить высший идеал, доступный нам в распределении земли.

Л. Н.: Это сразу нельзя — добиться идеала. Будут злые люди, будет и зло. С практической точки зрения есть три основных неправды: подати, земельная собственность, солдатчина. Проект Генри Джорджа устраняет две из них. Он может быть приложен ad libitum * и в самой свободной общине. Теперь такой момент, когда в России нет никакого правительства: крестьянам надо показать, что они могут жить без всякого правительства.

Поступаев говорил много о съезде Всероссийского крестьянского союза и изображал некоторых ораторов, говоривших с азартом.

Гусев читал некоторые речи, записанные им стенографически.

Л. Н. не нравилось и самое название Всероссийского крестьянского союза, и постоянное употребление членами его и говорившими на съезде ораторами иностранных слов: «мандаты», «делегаты», «диктатуры».

— И думать, и говорить,— сказал Л. Н.,— надо своим умом и своими словами и говорить русскими выражениями. Надо, чтобы понятия были свои, русские. Тогда и слова найдутся (русские).

24 ноября. Был проездом Сергей Львович. Он стал правее, чем был. Он за двухстепенные выборы и против восьмичасового рабочего дня. Предсказывает три года волнений: при выборах в Думу, летом — крестьянские бунты и зимой — при новых выборах.

Л. Н. ездил в Ясенки, где слушал мужика-рассказчика. Потом он слушал там же (пение) крыльцовского крестьянина, «второго Шаляпина», к которому хотел еще раз заехать.

25 ноября. Л. Н. вспомнил вчерашнего шатающегося крыльцовского Шаляпина; сказал, что Шаляпиных в народе тысячи.

Л. Н. рассказывал, что читал Диккенса «American Notes». Он отмечает, что в Америке приговоренного к смерти не выпускают, а у них (в Англии) дают ему гулять, есть, что́ он хочет.

— Как он (Диккенс) умел путешествовать,— сказал Л. Н.— В Нью-Йорке он пошел в арестантскую при полиции. Там в низком, маленьком помещении лежат, стоят двадцать пять мужчин и женщин, забранных ночью на улице... [1] Он пошел прямо на кухню...

Николай Леонидович: И Гладстон в Италии ходил по тюрьмам и так увлекся изучением их, что написал большую книгу, благодаря которой изменили многое [2].

Л. Н.: Об Америке слышишь, что люди живут там в довольстве, чуть ли не у каждого рабочего — фортепиано. Кто же это устраивает? Миллионы ирландцев. Чтобы до фортепиано дойти, нужно 20 лет черной работы.

Я проверял с Александрой Львовной переписанную начисто повесть «Еще три смерти». Она от частого переписывания знает эту повесть наизусть, слово в слово. Когда кончили: «Слава богу, надоела мне эта гадость!»— сказала Александра Львовна [3].

За вечерним чаем Мария Львовна спросила Л. Н., почему он против того, чтобы Александра Львовна поехала с графиней Бобринской помогать голодающим.

— Фальшивое положение?

Л. Н.: Да, и одинокая жизнь... Это уже лет семь, как мы этим занимались?

Мария Львовна: Двенадцать.

— Время уж не то, крестьянство изменилось. Бедные еще больше обеднели и ушли, а богатые больше разбогатели.

---

* по желанию (*лат.*).

Мария Львовна: Я не могу себе представить, чтобы я теперь ходила из избы в избу, расспрашивала и записывала. Иногда я при этом чувствовала фальшь положения, но было и много отрадного.

Л. Н.: Как же не было!

Мария Львовна: Но ты не вспоминаешь те времена с большой радостью, не гордишься той деятельностью?

Л. Н.: Почему ты это спрашиваешь? Я как раз об этом думал. Но у меня был другой какой-то мотив, чтобы вспомнить об этом. Миша [4] увлечен своим устройством столовых для голодающих; думает, что из-за этой деятельности будут отношения крестьян к нему лучше. А этого не будет, наоборот. Всякие такие отношения с народом вызывают недобрые чувства. Крестьяне не верят, чтобы богатые бескорыстно это делали. И во время освобождения крестьян мировые посредники не встречали доверия, а наоборот.

Мария Львовна: Мужики говорят, что это царские деньги расточают.

Л. Н. спросил Николая Леонидовича:

— Что нового?

Николай Леонидович: В Батуме захватили австрийское судно и требуют выкуп. Прямо грабеж! Торопятся составить закон о земле, хотят в три месяца, до весны, его выработать. А на это нужен более долгий срок— нужно оценить землю, назначить выкуп. Они (правительство) земельный вопрос берут не как главный, а торопятся ввести закон о земле только как меру для успокоения. Горемыкин проектирует размежевание; Витте — право продажи крестьянами надельной земли. Он полагает, что слабые хозяева будут продавать свою землю более состоятельным, вследствие чего площадь земли ⟨последних⟩ увеличится. Слабые же пойдут на заработки в города.

Л. Н.: Как зло цепляется за зло! Шильдер (его история нехороша, он беден мыслями, но эту одну мысль проводит): убийство Иоанна повлекло за собой три следующих убийства [5].

26 ноября. Утром в передней Л. Н. сказал мне:

— Какой ужасный год и время у нас! Революция, ужасная осень, тиф, голод. Впрочем, это разделилось: у нас голода нет.

Приехал Л.А. Сулержицкий с актером В. Э. Мейерхольдом из Художественного театра. Они поговорили с Л. Н. о предполагаемом журнале (двухнедельнике) Горбунова, в котором намерен сотрудничать и Мейерхольд (в отделе театральной критики), а также и Бальмонт, Минский!.. Мейерхольд и Сулержицкий сами признали, что в журнале возьмет верх декадентство. Журнал должен быть христианско-анархический [1].

Л. Н.: Иван Иванович берет на себя непосильную работу. Я очень не одобряю журнала. Как же писать к сроку, к пятнице? На что это нужно? Досуг, спокойствие, отсутствие волнующих тебя обстоятельств — все это необходимо писателю; при журнальной же работе — наоборот. Ночью пишут статьи — что в них может быть хорошего? Тут есть одно средство — не читать их, но это средство — палка о двух концах, применяют его и к Евангелию. Тут были на днях Гусев и Поступаев, чтобы поговорить о том же (о журнале). Поступаев мне понравился, но он не годится в редакторы, слишком увлекается. Читали стенографически записанные речи на съезде Всероссийского крестьянского союза — очень неверное название,— такие речи, которые Поступаева приводили в восторг, а мне были ужасны. Хотят это напечатать в журнале. Надо поскорей замолчать их; люди, которые эти речи произносили, были заблудшие, распропагандированные.

Сулержицкий шутил, представляя так удачно в лицах, что Л. Н. от всего сердца смеялся. Потом с Мейерхольдом пошел в свой кабинет. Мей-

ерхольд читал Л. Н. составленную им программу журнала. Л. Н. остался ею недоволен: полемическая.

— Свобод слова, печати и т. д. нет,— говорил Л. Н-ч Мейерхольду.— Есть одна свобода, и не та, которую консерваторы определяют как отсутствие препятствий, и отсюда выводят необходимость государства, которое не допускает, чтобы одни делали препятствия другим,— а свобода, основанная на боге, на сознании его, служении ему.

Мейерхольд: Кропоткин ее признает?

Николай Леонидович: У Кропоткина главное — внешнее, добровольное соединение людей. Он указывает как на пример на международные компании, почту, торговлю.

Сулержицкий и Мейерхольд рассказывали московские новости: забастовке почтово-телеграфных служащих не предвидится конца; она продолжается уже две недели, начинают колебаться. Всех почтово-телеграфных служащих немного, и притом только меньшинство желало бастовать; большинство же только уступало им. Правительство не только ни в чем не уступает стачечникам, но даже прибегает к репрессиям и производит аресты; железнодорожные служащие хотят прийти им на помощь, забастовать в свою очередь.

Мейерхольд: Театры не работают, нет посетителей: опасно ночью ходить. В настоящее время есть более широкие интересы, которые занимают публику, чем пьесы, написанные для замкнутого круга.

Л. Н. спросил, какие есть новые хорошие драмы.

Мейерхольд: Ни русских, ни иностранных нет. В Германии нравится «На дне», у нас — не очень, а во Франции и Англии совсем не нравится[2]. Новая драма Горького «Дети солнца»— в конце совершенно без всякой связи, ради сценического эффекта происходит избиение интеллигентов. Когда в театре ставили «Дети солнца», в публике ходил слух, что ворвется черная сотня. А когда на сцене началось избиение, подумали, что она ворвалась на сцену. Сделалась паника, некоторые хотели из браунингов стрелять на сцену [3]. Немирович вышел и успокаивал. Теперь готовимся играть драму Андреева [4].

— Напишите вы пьесу,— сказал Л. Н-чу Мейерхольд.

Л. Н. не ответил. Помолчав немного, он сказал:

— В старости является уменье распоряжаться ⟨своим⟩ временем. В молодости сколько его швырял напрасно! («Я свою работу не успеваю делать (т. е. большую работу о религии), все современные события отвлекают»,— сказал несколько дней тому назад Л. Н. Пишет «Три неправды».)

— Хорошие пьесы,— сказал далее Л. Н.,— есть и у нас, и у других народов, как и хорошие рассказы; но это не те, которые признаются критикой и пользуются славой. О них не знают. Средние драмы Потехина лучше Чехова, Горького и др. Чехов — несомненный талант, но пьесы его плохие. В них не решаются вопросы, нет содержания. Внешняя техника выработана. Метерлинк, Ибсен, даже Бьёрнсон — одно: неясность, путаница, бесцельная игра на чувствах. Нравственное чувство устарело (для них). Его нет, о нем не спрашивают. Пишут волнующее. В «Чести» Зудермана нравственность буржуазной семьи: что с женщиной из рабочей среды позволительно делать то, чего с княжной нельзя. В «Ткачах» Гауптмана есть что-то... Другие его пьесы (Л. Н. назвал две — я не расслышал) плохи, ничего в них нет, путаница.

Мейерхольд: У меня мечта — народный театр среди природы (*Я*: Как в «Bournemouth'е»), играть для народа.

Л. Н.: Если бы актер играл для всего народа, какие перемены, какое развитие в его игре получили бы! Держать во власти в течение трех часов тысячу людей! Как бы теперь можно было влиять драмой на тот нравст-

венный, общественный переворот, который происходит! У греков все драмы были религиозные. Были мистерии. (Религиозные пьесы были бы теперь на очереди, было бы время для религиозных пьес.) Обедни — это тоже театральные представления. Даже Шекспир,— продолжал Л. Н.,— выше современных драм. Даже Шекспир, которого я смолоду не люблю, спорил о нем с Тургеневым... Он презирает мужиков (у него мужик clown *), носителями добродетелей у него являются dukes **. Короля Лира он испортил. Я читал старую драму — «Короля Лира» — там рассказывается, как он поехал во Францию к дочери Корделле и она его не узнала; трогательная сцена, как Иосифа с братьями [5].

Сулержицкий рассказывал: он поехал в Харбин, в дворянский отдел Красного Креста, чтобы его не призвали из запаса на действительную службу. Но по пути и там, в Харбине, ему стало ясно, что Красный Крест — это ремонтная мастерская войны. И по собственному желанию вернулся оттуда. Ему была противна среда Красного Креста и офицеров армии. У них отсутствие какого бы то ни было представления о том, из-за чего они воюют; это тупое стадо, не связывающее причины со следствием.

— Живу пятый год против своих убеждений, занят в Художественном театре ради заработка, хочу переехать на землю. Я привык к одинокой земледельческой жизни, два года прожил один на хуторе над Днепром.

Л. Н.: Я против перемены среды. Внутренний рост пусть проявляется на том месте, где живешь. Однако случается, что внутренняя перемена выпирает среду.

Сулержицкий: Жизнь запуталась в клубок, и никак не распутать.

Л. Н.: Жизнь распутает все это в гробу. Не унывайте и все-таки старайтесь распутать клубок; в этом состоит вся наша жизнь.

Сулержицкий плясал (как!), пел (и как хорошо пел!), артист, словно сам для себя, сам наслаждался, а мы подтягивали. Шутил и с Л. Н.— первый человек (которого я видел), который это себе позволил. Когда подавал Л. Н-чу свою книгу о духоборцах — «Позвольте с автографом!» [6] — и выпалил ему неловкий комплимент.

Л. Н. хохотал над его шутками. Мария Львовна и Александра Львовна очень хорошо играли на гитарах и балалайке.

Сулержицкий, между прочим, с успехом представлял канадского проповедника «Армии спасения», жующего табак во время проповеди. Про себя рассказывал Юлии Ивановне: «Я на баррикадах — около университета были и с волчьими ямами — застрелил семь человек и одного городового». К нему все это ужасно идет. Не сдерживался даже и перед Софьей Андреевной. Сулержицкий рассказывал Л. Н-чу, который очень интересуется китайцами, как переселялось китайское семейство, как аккуратно укладывало вещи. Старики плакали. Про монголо-китайцев — рослые, женщины их красивые. Очень хорошее впечатление произвели на него эти китайцы, а янзыцзянские — нет.

— Очень рад был вас видеть,— сказал Л. Н-ч Сулержицкому при прощании.— Я думал, что вы в большом городе и в театре, как рыба в воде, а теперь убедился, что вы стремитесь к земледельческой жизни.

Получена телеграмма от брата Николая Леонидовича, Юрия Леонидовича, офицера в Киеве, что у его тестя из всех трех усадеб (в Курской губернии) остались голые стены (сожжены).

— Жили богато, больницу, ясли устроили и содержали, — добавила Елизавета Валерьяновна с тихой грустью.

---

* шут (*англ.*).

** герцоги (*англ.*).

Л. Н. рассказал, что получил письмо от киевского крестьянина из Парижа. Пишет, что он покинул несвободную страну, чтобы пожить в свободной. Но разочаровался: убежала от него продавщица гранатов (когда увидала городового — у нее не было разрешения); видел, как городовой вынул из кармана ручные кандалы и надел их на арестованного [7].

27 ноября. Пополудни был С. Л. Дмитриев, новгородский крестьянин, бывший студент Лондонского университета, и И. П. Ювачев (Миролюбов), с кротким выражением бледного лица. С 1883 до 1889 г. пробыл в Шлиссельбурге и на Сахалине (восемь лет каторжным); был приговорен к смерти (но переменили ему наказание) за то, что был знаком с Фигнер и еще с кем-то, с которыми на самом деле знаком он вовсе не был ни лично, ни по переписке. Приехал поговорить с Л. Н. о вере; он близок к православию, верит в личного бога. Отрицает насилие и знает многих бывших революционеров, которые отошли от насилия... На одном съезде в Петербурге Караулов, просидевший 24 года, высказался против современных способов борьбы. Другие, не любящие шумных собраний, не выступают.

Ювачев рассказывал, что творится в Петербурге; что социал-демократы хотят ввести диктатуру пролетариата. Они надеются, что если пролетариат захватит власть в России, то вслед за Россией то же самое произойдет и в других государствах. А 80% крестьян не имеют понятия о социализме: они хотят земли, а социалисты смотрят на земельную реформу как на средство привлечения крестьян на свою сторону.

Николай Леонидович: Захватить власть не удастся. До сих пор были только бунты, драки. В Севастополе сдались после трехчасового боя, из них ничего не выйдет.

Речь о Петербурге. Еще Ювачев рассказывал, что в Петербурге шайки вооруженных людей врываются в дома. Охрана удвоена. Барышням опасно ходить по улицам.

Л. Н.: Не могу перестать благодарить бога, что живу в деревне, в стороне от всей этой злобы, раздоров.

Николай Леонидович: Если даже и ничего не случится, психическое настроение все же ужасно депримируется * вымышленными историями и напугиванием одних другими.

Зашел разговор о религии.

Ювачев спросил Л. Н.:

— Каково ваше отношение к откровению?

Л. Н.: Откровение постоянно совершается, чем чище душа..... **

Ювачев рассказывал, что в детстве он был очень религиозен, в юности стал атеистом, в тюрьме опять вернулся к религии. Это его товарищи сочли за сумасшествие, а когда он с Сахалина приехал в Америку, были удивлены, ведь считали его сумасшедшим.

Первой книгой, которую получил в одиночке, было Евангелие, страшно ему обрадовался. Понравилось ему IV, от Иоанна. Потом ему дали Библию.

После смертного приговора ждал пять дней казни. Владимир Александрович отказал в помиловании, царь помиловал. Первую группу осужденных казнили, а вторую, в которой был Ювачев и его товарищи из Морского корпуса, помиловали. Когда его посадили в Шлиссельбурге в одиночку, решил не грешить. Не думать о греховном, не лгать, не сердиться, не ненавидеть. Сейчас же, в первый день — соблазн перестукиваться (надо подкрасться к двери, прислушаться к шагам сторожа,

---

* подавляется (от франц. déprimer).

** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

а когда сторож заглянет в окошко, делать вид, словно не перестукивался, т. е. лицемерить).

Ювачев рассказывал о своем процессе и заключении в Шлиссельбурге (очень похоже на то, как Л. Н. описал Светлогуба в «Еще трех смертях») *, скольких перевешали, сколько перемерло, сошло с ума, какие это все были самоотверженные, энергичные, чистые люди.

Л. Н.: Странно, что деятельность прежних (вашего поколения и предыдущего) революционеров против правительства не привела ни к каким результатам. Нельзя даже сказать, чтобы их работа содействовала теперешнему движению. Успех теперешних удивительный, без борьбы все им удалось.

Ювачев хвалил статью Татьяны Львовны в «Вестнике Европы» прошлого года «Друзья и гости Ясной Поляны». «Ге» вышел, о Тургеневе, Страхове еще нет [1].

Ювачев (*Софье Андреевне*): Я понимаю искусство (писательство) так, чтобы творить (описывать) новое (что еще не описано). А не так, как пишет романы Ольга Шапир,— все одно и то же, или как Потапенко.

Ювачев рассказывал еще про Сахалин, где прожил восемь лет. Сахалин богат углем, рыбой, на юге родится пшеница. Сахалин был бы житницей всего Востока. (Описание Сахалина Чеховым мрачное, так как должно было соответствовать требованиям либералов [2].) Ювачев рассказывал об уральских казаках, отказавшихся от военной службы. Они до сих пор не приписаны ни к казакам, ни к мещанам, ни к крестьянам. Живут по реке Сыр-Дарье и Аму-Дарье.

Л. Н. знает и хорошо помнит историю их отказа. У него есть чье-то описание этого события в рукописи, отпечатанной на ремингтоне. Л. Н. дорожит этой рукописью, бережет ее у себя в кабинете. Раз он приносил ее в столовую и давал читать каждому [3]. Другой раз рассказывал Л. Н. кому-то о них с большим преклонением перед ними. Действительно, их стойкость и смирение, с каким они перенесли жестокие преследования, удивительны. Жаль, что событие это так мало известно, несравненно меньше духоборческого отказа 1895 г., с которым оно так сходно.

Л. Н. вспоминал, что в тот год, когда он был в Самаре, посетил Столыпина, товарища по войне [4]. Он проехал всю Уральскую область (величиной с Португалию).

— Того больше никто не увидит, что я видел,— сказал Л. Н.— Три полосы: с этой стороны пашня, луга (река). Общинное землевладение и ловля рыбы. В определенный день начиналась пахота, ⟨кто⟩ где хотел; в определенный день сенокос, каждый мог два дня косить. Каждый мог нахать, где хотел. Пароходов на реке не допускали. Построили плотину, ловили осетров. Ни одного нищего между ними не было, даже ни одного небогатого...

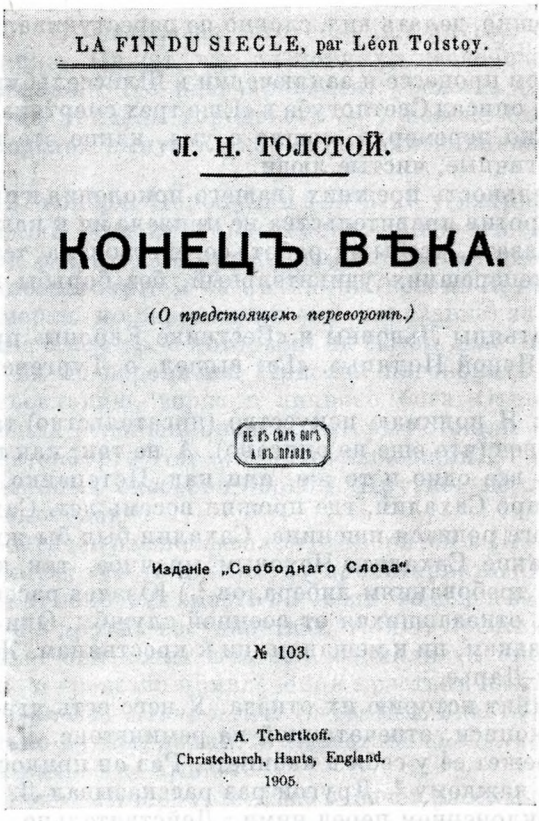
— Спасибо вам, что вы мне так подробно рассказали про движение (неповиновение уральских казаков властям),— сказал Л. Н-ч Ювачеву, прощаясь с ним.

Л. Н. вчера и третьего дня какой-то вялый, сегодня устал слушать Ювачева, голова у него болела.

Мне Ювачев очень понравился — один из самых милых людей, которых я видел в Ясной Поляне.

Мария Львовна рассказывала Прасковье Николаевне хорошо про заграницу. Сначала рассказывала о детстве, как Л. Н. их брал за руки вечером или ночью и бегали босиком из комнаты в комнату по всему дому. Как бегали из угла в угол, прятались, а Л. Н. страшным голосом: «Кто

* Ювачев объяснил мне это тем, что, вероятно, Л. Н. воспользовался для своей повести составленным Ювачевым описанием своей жизни в крепости, которое он несколько лет тому назад послал Л. Н.


LA FIN DU SIECLE, par Léon Tolstoy.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

КОНЕЦЪ ВѢКА.

(О предстоящемъ переворотѣ.)

НЕ ИЗЪ СИЛЪ БОГЪ А ИЗЪ ПРАВДЫ

Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 103.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1905.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. «КОНЕЦ ВЕКА (О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПЕРЕВОРОТЕ)». Издание «Свободного слова». Christchurch, Hants, (Англия), 1905

Титульный лист

«Я привез 15 экземпляров «Конца века» чертковского издания. Л. Н. еще не видел его». — Запись от 31 декабря 1905

идет? Кто идет?»— и опять перебегали в другой угол, и опять сначала. Как их клал в корзинку, накрывал, ставил корзинку в разные места (например, на окно за опущенную штору), и они не знали, где очутились. Как их водил — глаза у них были зажмуренные — в лес, а когда открывали глаза, должны были угадать, где они. Однажды вечером пришли с Козловки англичанка, Таня и Мария Львовна. Подойдя к саду, услышали страшный рев, испугались, побежали назад. Тут Л. Н. за ними, звал, чтобы вернулись, что это он.

28 ноября. Сегодня в амбулаторию приехало больных на 20 санях. Вчера мне минуло 39 лет; думаю, что через год опять буду жить дома и семейной жизнью.

Л. Н. вчера простудился, кашель; жару нет.

После обеда я заметил Л. Н-чу:

— Какое сходство между историей одиночного заключения Ювачева и Светлогуба!

Л. Н.: Я описание одиночного заключения Ювачева читал — было хорошее,— но не помню его; о Евангелии не писал [1]. Ювачев по умственному характеру (такой же, как и характер лица) напоминает мне Урусова: он тоже математик, и есть у него теории исторические. Ювачев православный, у него теория с запинкой, как была у Хомякова. Мне его теория православия очень нравится. Согласно его учению, после Христа были две церкви — иудейская и христианская. Иудейская разрушилась, когда богу было угодно, когда был разрушен храм 70 в году. Теперь же есть православная церковь и церковь свободных христиан; существуют одна возле другой. Православная разрушится, когда богу будет угодно; нападать на нее не надо.

— Как Поступаев напоминает Орлова! Поступаев меня совсем загипнотизировал, я его только после раскусил...

Елизавета Валерьяновна: Ювачев просидел четыре года в одиночке, как это можно выдержать?!

Л. Н.: Это как болезнь, приспособишься, понемногу проходит.

Николай Леонидович: Батеньков 15 лет просидел, его забыли в тюрьме [2].

Елизавета Валерьяновна: Хилков вернется теперь?

Л. Н.: Вряд ли. Он призывает к насильственному восстанию, хотя теперь, кажется, все могут вернуться.

Николай Леонидович: Он социалист-революционер.

Л.Н. (*после короткой паузы*): Как люди делают зло людям! Ювачев, Лопатин — Лопатин был полон энергии — теперь сломленный старик,— говорил Ювачев. До недавнего времени еще мучили политических в заключении, теперь их выпустили, и ничего от этого не случилось. Сколько раздражения, зла, желания мести было от их заключения, в сто раз больше, чем они сами сделали бы на свободе.

Николай Леонидович: Алексеев перевел свои миллионы, которые нажил на Дальнем Востоке, за границу и поселился во Франции. За ним и другие все. Теперь уж и народ вынимает деньги из банка. Перед банком стоят вереницы людей.

Л. Н.: Смотрел в Брокгаузе «Государство» *[3] — ничего определенного не сказано. И что оно от бога и... ни за что нельзя ухватиться.

Вечером за чаем Л. Н. в халате, ломанным от ларингита голосом рассказывал, что дочитал «American Notes» Диккенса. Он упрекает американцев в трех свойствах: 1) в недоверии к человеку, 2) smartness (ловкости), 3) торговле (в том ее значении, какое она у них имеет). Они все с точки зрения выгоды рассматривают. Ужасается развращенности американской прессы; сравнивает ее с английской, которая не так развращена. В Америке государственные деятели, чтобы достичь влияния, должны льстить прессе.

— У нас,— сказал Л. Н.,— Витте считался с прессой, с «Новым временем» (писал туда) и выдвинулся с ее помощью. У нас начинается то же самое подчинение прессе. Все робеют перед Ландером, которому нужны деньги.

Елизавета Валерьяновна: «Русское слово» — самая распространенная газета, а какой грубый у нее тон и как она выдумывает, клевещет!

Потом Л. Н. прочел вслух одну-две-три страницы из «American Notes» Диккенса о прессе и о рабах-неграх. Диккенс приводит на трех страницах (прибавляя, что мог бы продолжать на тысячах страниц) объявления об убежавших рабах, в том числе женщинах, мальчиках, с указанием их примет: кандалы, ошейник, клейма, раны на спине и т. п., с обещанием вознаграждения за доставку. Или: ловили негров, утверждавших, что они отпущены на свободу; сажали их в тюрьму и искали владельцев. Если владельцы не находились, тогда негров обыкновенно продавали в рабство, чтобы возместить расходы за их содержание в тюрьме. Таков был закон! [4] Эти ужасы были во времена Эмерсона, в 40-х годах!

— Фонвизина читал? — обратился Л. Н. к Николаю Леонидовичу. — Он пишет, и все историки знают, что крепостного права в России не было (до XVII века), что оно началось с Петра, Екатерины [5].

Л. Н. вспомнил Мануилова из Казани и.....** тоже из Казани (им принадлежит дом против тюрьмы, где в нарочно для них пристроенном флигеле жил Л. Н. с братьями и сестрой)[6]. Мануилов хорошо умирал.

---

* Наверное, нужно ему для статьи, которую с воскресенья пише «Три неп авды».

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Л. Н. вспомнил Теплова, который, будучи неврастеником, застрелился, а до того застрелил своего пятилетнего сына, чтобы не болел, как он, не стал таким неврастеником. «Вот наука!» — воскликнул Л. Н.

Александра Львовна спросила отца, не написал ли что-нибудь, что нужно переписать.

Л. Н.: Ничего не делал, и очень приятно было.

Софья Андреевна: А я, когда ничего не делаю, мне неприятно.

Гостившая П. Н. Ге уезжает утром за границу. Все прощались с ней сердечно.

29 ноября. Пополудни за чаем Софья Андреевна, Александра Львовна, Мария Львовна, Николай Леонидович, Юлия Ивановна, ремингтонщица, Елизавета Валерьяновна.

Л.Н. вошел в халате, еще хрипит, шутил; как и вчера, сегодня не будет выходить из дому.

Л. Н.: Предсказываю снег и мороз, потому что барометр падает, а температура не меняется.

Меня с другого конца стола спросил:

— Жи́лина * без вас не состарилась?

Мария Львовна сказала, что собаки на прогулке с ней выгнали зайца.

Л. Н.: Откуда? — сейчас же заинтересовался и прослушал ее рассказ.

Потом Надежда Александровна рассказывала, что и с ней гулявшие собаки выгнали зайца. Л. Н. опять очень заинтересовался.

Речь зашла о погоде.

Л. Н.: Когда 25 градусов морозу, гуляешь, и покажется, что ослабеешь (ослабеет сердце), можно сесть, посидеть и пойти дальше. Но на таком морозе коченеешь. Рукам, большим пальцам холодно становится. В прошлом году было несколько дней один за другим так холодно.

Софья Андреевна: Вот мне всю жизнь мученье: куда он пошел гулять? (Я подумал, что этой зимой надо бы в холодные дни ходить за Л. Н., когда он гуляет.)

Потом Л. Н. принес роман Диккенса с иллюстрациями и показывал их Елизавете Валерьяновне.

— Я люблю картинки в романах,— сказал он.— Эти плохие [1].

После обеда мы с Марией Львовной проверяли копии Александры Львовны дневника Л. Н. с декабря 1904 по март 1905.

Из Тулы привезли купленные там газеты. Забастовало пять железных дорог. В Петербурге рассчитали 2 000 почтовых служащих. Деньги из государственных и других банков продолжают забирать. Женщина убила генерала Сахарова, прибывшего подавлять крестьянские волнения в Саратовской губернии [2].

Л. Н. сегодня много написал, Александра Львовна переписывала [3]. Пока Л. Н. раскладывал пасьянс, Мария Львовна читала вслух фельетон Буренина в «Новом времени» о Горьком. Горький осуждает «мещанские души» Достоевского и Толстого, учащих покорности и смирению. Буренин остроумно, но слишком задевает Горького и Минского. Буренин цитирует из «Великого греха» место о том, что либералы оправдывают все, что они делают, служением народу, как попы оправдывают все служением богу [4].

Л. Н.: В «Русской мысли» выпустили самые резкие места о либералах. Иван Иванович не заметил этого, перепечатал оттуда. Буренин слишком ругается, этим ослабляет статью. Мог бы удовольствоваться такими козырями, как цитаты из Достоевского и из «Великого греха».

---

* Žilina — городок в Словакии, где я жил и куда на днях собираюсь поехать — посетить родных и друзей.

Николай Леонидович:] А в «Русской мысли» и не оговорили, что пропустили.

Л. Н. сказал, что нам тут легко, вдали от водоворота. Горькому же необходимо так поступать, потому что к нему предъявляют требования: «Вы руководитель».

Потом Мария Львовна читала вслух статью Меньшикова — против общинного землевладения, в защиту личной собственности на землю [5].

Л. Н.: Как это необоснованно! Свои необдуманные мысли приписывает крестьянам. Около городов богатые из мужиков желают личного землевладения, но в захолустьях, в степях — нет.

Николай Леонидович: Мужики ненавидят общину, потому что есть круговая порука, которой правительство воспользовалось как средством для сбора податей. Фискальная сторона сплетена с общинным землевладением.

От лестницы в комнату Л. Н. послышались тяжелые, размашистые шаги.

Елизавета Валерьяновна заметила с улыбкой:

— Это как бы Саша во множественном числе.

Позднее Юлия Ивановна сказала:

— Душан Петрович все твердит, что финансы России прекрасны. Он оптимист.

Л. Н.: Оптимист? Прекрасно! Можно сказать, что Россия в самом разгаре революции. Мы сидим на островке, куда волны революции случайно не докатились.

30 ноября. Приехал М. С. Сухотин с Натальей Михайловной и Дориком.

Юлия Ивановна утром рассказывала ему очень живо про последних гостей, политику.

Михаил Сергеевич спросил, не повернули ли посетители Ясной вправо.

Юлия Ивановна: Да, Сергей Львович и Бутурлин.

Михаил Сергеевич опоздал на шесть часов по такой причине: пришел поезд с солдатами из Маньчжурии. Двое солдат с ружьями стояли на локомотиве. Солдаты потребовали, чтобы их поезду было дано предпочтение перед всеми, и его пустили раньше всех. Когда Николай Леонидович рассказал об этом Л. Н., а также о том, что в Петербурге забастовавшие почтовые чиновники стреляли из револьверов в служащих, которые вынимали письма из почтовых ящиков, нападали на них с ножами и одного закололи, Л. Н. сказал:

— Полная дезорганизация! По всем швам трещит. Маньчжурские войска не примкнут к революционерам, между ними такие же..... *

Л. Н. написал сегодня 12 писем [1], докончил статейку (письмо Бондареву) — краткое изложение Генри Джорджа — и статью «О свободе» (краткое изложение «Конца века») [2].

Л.Н.: Вчера ругал газеты, а сегодня написал письмо в газету о Гончаренко, Иконникове и третьем в дисциплинарном батальоне [3]. Там их бьют. Я себя чувствую, как будто я причастился. Остались всего три письма для ответа, и они отлежались. Как хорошо, что писем нет! Не надо писать. Утром был у меня композитор и певец, еврей. Хочет бросить свое занятие, жить иначе, просил совета. (И о погромах разговаривал с Л. Н.)

Николай Леонидович разбирал шансы военного восстания, захвата власти. В газете «Вечерняя почта» открыто собирают деньги на вооружение; надеются, что маньчжурские войска и часть здешних примкнут к их стороне [4].

---

* Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

Николай Леонидович: Если — максимум — половина к ним примкнет, где же им выиграть? У правительства останутся финансы, арсеналы. Оно и с одной третью армии их побьет.

После обеда Л. Н. вспоминал об отце Елизаветы Валерьяновны: хорошо говорил по-немецки, по-французски; разошелся с женой.

— Тут,— сказал Л. Н.— он был так виноват! Я ему написал дружеское письмо, хотел поддержать хорошие отношения после того, как все от него отвернулись [5]. Он мне ответил холодно. (*Николай Леонидович*: Это письмо у меня есть [6]). Как это бывает: чем больше виноват, тем больше оправдывается, и становится совершенно неприступен.

Сухотин рассказывал, как не мог получить 400 р. ремонтных за лошадей, потом получил 200, жулик украл остальные 200.

Из высказываний Л. Н. в этот вечер:

— В мои времена были редки люди без религии, теперь редки с религией.

— Как давно были декабристы, а как в старости в воспоминаниях близки, живы. Я от отца слышал о них, он был со многими из них знаком.

— Кант написал «Kritik der reinen Vernunft» — философское, «Kritik der praktischen Vernunft» — религиозное (Кант, I том, II том). У Канта высокая нравственность, но метафизически не обоснована.

1 декабря. Л. Н. сегодня, после двух дней, проведенных в доме, выехал на прогулку. Опять все написанное вчера перемарал. За чаем после обеда дочери разговаривали о том, как пишет отец.

«Фальшивый купон» (тема — карты) (брошен) [1]. Александре Львовне он из всего наиболее нравится.

Вечером приехал А. А. Стахович. Когда вошел, Л. Н. сказал ему, чтобы о чем угодно разговаривал, только не о политике.

Л. Н. играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем, Стахович рассказывал Николаю Леонидовичу и другим с большим апломбом о Всероссийском крестьянском съезде.

Л. Н. не выдержал и откликнулся из-за другого стола:

— Как можно приписывать серьезное значение речам пятидесяти дрянных, грубых и дерзких людей, которые там выступали и воображали, что говорят от имени русского народа?

Александр Александрович: Там были и настоящие крестьяне и произносили и мирные речи [2].

Л. Н.: Мне читали «самые мирные» стенографированные речи, и они были отвратительны, ужасны. Там говорили, что должны водку пить, чтобы совершать насилия.

Стахович: Действительно, один сказал это. Но злой дух играл Щербаком. Он лгун, но такой, который, сочиняя, верит тому, что сочиняет.

Перед ним говорил саратовский делегат; речь кончил словами: «Мы добились всего, добились мирным путем, мы никаких насилий не совершали, только нескольких помещиков и управляющих убили, защищаясь от них» [3]. Там был и Семенов, а ведь он прекрасно описывает крестьянский быт и любит его!

Л. Н.: Семенов — умный, но испорчен. Он либерал и ренегат. Детей воспитывает в институтах не как крестьян, а как бар. Из всех участников съезда самый умный был лакей, который отворял двери, потому что он ничего не говорил. Щербак — шут гороховый. Перестанем говорить о Крестьянском съезде.

Л. Н. все это говорил с раздражением, в запальчивости и закончил:

— Давайте кадриль плясать, вот Таня, Маша, Юлия Ивановна будут танцевать.

Л. Н. в своем кабинете читал письмо к царю, которое сегодня в один день продиктовал Александре Львовне [3]. Советует ему опередить требо-

вания интеллигенции, сделать радость справедливости, освободить землю; этим успокоит умы (спасете от кровопролития и диктатуры), привлечет к себе лучших из интеллигенции, из помещиков и 100-миллионный народ. Пусть провозгласит путем опубликования манифеста, что земля принадлежит всему населению *, и пусть созовет в каждом уезде комитеты из интеллигенции и народа, которые разработают этот вопрос.

Присутствующие: А. А. Стахович, Сухотин, Николай Леонидович, Татьяна Львовна, Мария Львовна, Елизавета Валерьяновна, Юлия Ивановна и я. Была торжественная тишина. Для всех присутствующих это означало жертву, все они — помещики, но все готовы (Сухотин, Татьяна Львовна и Стахович в меньшей мере) пожертвовать земельным имуществом для справедливости.

На какое-то возражение Стаховича Л. Н. ответил:

— Не для того, чтобы спастись, а во имя справедливости освободить землю. Вопрос был не в Александре II, а в уничтожении несправедливости крепостного права.

Стахович возражал, что тогда надо сделать общими и дома, орудия производства и что в Германии земля менее ценна, чем то, что на ней.

Л. Н.: То, что есть на земле (постройки, машины),— это произведение труда, может быть собственностью, а земля не является произведением труда. В Америке ** две трети ренты — в городах (т. е. платят ее фабриканты, купцы и т. д.).

Потом Л. Н. сказал:

— Значение революции в том, что будет неповиновение власти. Это — *главное*. Но пока надо поддерживать справедливость при помощи тех средств, которыми мы располагаем.

Л. Н. просил Стаховича (он уезжал в Москву и в Петербург) дать в газету («Русские ведомости» или же в другую, но такую, с которой правительство считается) письмо о заключенных и избитых в дисциплинарных батальонах: Гончаренко, Иконникове и третьем..... ***

Когда отдавал Олсуфьеву письмо для передачи царю[4], то, будто бы, Олсуфьев (рассказывал Л. Н.) ответил: «Je suis une boîte aux lettres» ****.

31 декабря. Я (возвращаясь из Словакии) доехал до Тулы. На вокзале встретил Г. М. Беркенгейма; он рассказывал новости из Ясной. Л. Н. здоров. За него не боятся, скорее за Софью Андреевну, которая страдает приливами крови к голове и у которой эмфизема за время пребывания ее в Москве ухудшилась.

— Как прежде остро писал против правительства,— рассказывал Григорий Моисеевич про Л. Н.,— так теперь остро пишет против революционеров.

Вечные споры Н. Л. Оболенского, М. С. Сухотина и его, Беркенгейма. О чем днем спорили, говорили, о том Л. Н. вечером писал в своей статье[1] . По этой причине Григорий Моисеевич не писал дневника. Я просил Григория Моисеевича писать дневник. Михаил Сергеевич записывает; он старается описывать Л. Н., каким он есть в данное время [2]. Михаил Сергеевич видает Л. Н. от времени до времени. Гостей в Ясной бывало мало из-за стачки на железных дорогах.

Как поговорил с Григорием Моисеевичем, сразу мне стало так радостно, легко, как если бы я домой ехал; повеяло яснополянским духом. Из дому еду домой! В Ясной, действительно, сразу мне было как дома.

---

* Так исправил Л. Н. после возражения Сухотина и Софьи Андреевны. Раньше стояло: «всему народу».

** Л. Н. вместо: «Соединенные Штаты» всегда говорит: «Америка», как словаки, народ.

*** Пропуск в подлиннике.— *Ред.*

**** «Я — почтовый ящик» (*франц.*).

Л. Н., Софья Андреевна, Сергей Львович, Татьяна, Мария, Александра Львовна, М. С. Сухотин, Н. Л. Оболенский, Е. В. Оболенская, Ю. И. Игумнова, И. К. Дитерихс, молодые Сухотины, экономка Авдотья Васильевна, Илья Васильевич, Ваня — все меня мило приветствовали. Я приехал перед самым обедом. За обедом шум — в одно время в трех местах разговаривали. Л. Н., кажется мне, говорит тише и более шепелявит, чем месяц тому назад. Разговаривал с Иосифом Константиновичем, сидевшим против него. Что́ рассказывал Иосиф Константинович, Л. Н., как всегда, интересовало. Я в конце стола из-за шума мало разбирал.

Л. Н. говорил:

— Иван Иванович Горбунов не издает ни «Единого на потребу», ни «Конца века». Правительство арестует — новая мера — типографию. Так сделали в Петербурге [3].

Я привез 15 экземпляров «Конца века» чертковского издания [4]. Л. Н. еще не видел его.

— Не по заслугам мне такой издатель — друг... Он лучше знает мои мысли, чем я. Это оттого, что у нас один центр действует,— говорил Л. Н. о Черткове.

— Я должен делать усилие больше не осуждать революционеров строго. У консерваторов — эгоизм, у революционеров самопожертвование, уверенность, дерзость [5].

— Какую важность приписывали кучке людей, сошедшихся на съезде Всероссийского крестьянского союза! — говорил Л. Н.

Л. Н. тогда и всегда негодовал, до раздражения, когда Иван Иванович, Н. Н. Гусев, Ф. Е. Поступаев, С. Т. Семенов, А. А. Стахович говорили об этом съезде с каким-то трепетом, подобострастием.

Л. Н.: Миташа Оболенский заявил прокурору, чтобы он преследовал их за такие речи, что надо сжечь Тульскую губернию. И надо бы взяться за это прокурору, но взялась администрация.

Л. Н. говорил так, вероятно, под впечатлением газетных известий о повсеместных погромах усадеб.

Говорили о фельетоне Езерского в «Русских ведомостях» 3 декабря об аграрном движении [6]. Иосиф Константинович говорил, что помещики не будут сеять, а у крестьян нет инвентаря, чтобы их, помещичью, землю обработать, и даже нет семян. Будет недород.

Ко «Всемирному вестнику» за 1905 г. издатель Сухонин обещает приложение: 50 нелегальных статей Л. Н., записки некоторых декабристов, Бебеля [7].

Аля Сухотин с Иосифом Константиновичем разговаривали. Иосиф Константинович возражал ему, что будет не русификация Персии, а — персификация России.

Л. Н. подошел, спросил их, о чем разговоривают, и сказал им с грустной улыбкой: «Есть легенда о крестнике. Баба вытирала мытую посуду грязной тряпкой, сказано ей: «Вперед выполоскай свою тряпку, потом вытирай» [8]. *Наша тряпка совсем грязная*».

Сказав это, Л. Н. отошел к другому столу, а мы задумались, как это Л. Н. может несколькими словами разъяснить вопрос. О том, должны ли и почему должны русифицировать, и не размышляем, а думаем только о способе — «как». Это аналогично сравнению, сделанному Л. Н., с турецкими пашами, которые советуются, как собирать подати. Им и в голову не приходит думать: имеют ли право собирать их и почему.

ПРИМЕЧАНИЯ

26 октября

[1] Маковицкий посетил Т. в Гаспре 15—16, 27—29, 31 дек. 1901 г. и 1 янв. 1902 г.

[2] Письмо Черткова от 1 нояб. н. с. На него и на письма от 22 нояб. и 2 дек. н. с. Т. отв. 27 нояб. (т. 88, с. 343—344).

[3] Высланный за оказание помощи духоборам, Чертков выехал вместе с семьей в Англию 13 февр. 1897 г. Т. приехал 7 февр. в Петербург проститься с ними и пробыл там до 12 февр.

[4] В это время Т. изучал материалы для задуманного им художественного произв. из эпохи Екатерины II, Александра I, Николая I и о декабристах. 25 окт. он просил В. В. Стасова прислать ему «об Екатерине книг, описывающих ее пакости» (т. 75, с. 178—179). См. запись 25 дек.

[5] Т. намерен был написать «катехизис нравственности» для детей (см. т. 55, с. 93).

[6] Япония объявила войну России 28 янв./10 февр., но воен. действия начались еще накануне.

[7] Германия в 1874—1875 и 1887 гг. намеревалась начать превентивную войну против Франции, но этому помешала Россия.

[8] 9/22 окт. воен. корабли 2-й Тихоокеанской эскадры, следовавшей на Дальний Восток, обстреляли в Северном море англ. суда гулльского рыболовного общества, приняв их в тумане за япон. миноносцы.

[9] P. Kropotkin. Mutual Aid. A Factor of Evolution. L., 1904.

[10] Неточная цитата из «Былого и дум» (*Герцен, Женева*, т. X, 1879, с. 100; *Герцен*, т. XI, с. 512—513).

[11] Ф. О. Масарик посетил Т. 19 апр. 1887 г. в Москве, 27—29 апр. в Ясной Поляне и около 28 марта 1888 г. снова в Москве. См. I. Silberstein. L. N. Tolstoj und T. G. Masarik («Slavische Rundschau», 1935, № 3).

[12] *Чешские*, или *богемские братья* — религ. секта, основанная в Чехии в серед. XV в. последователями П. Хельчицкого. Учение их требовало жизни в бедности, непротивления злу насилием, отказа от воен. и гос. службы.

[13] В янв. Ясную Поляну посетил зам. ред. венской газ. «Zeit» Г. Ганц. Вскоре вышла в свет его кн.: H. Ganz. The Land of Riddles (Russia of to-day). N. Y. and L., 1904, 3 гл. к-рой посвящены Т. («A visit to Tolstoï». XXVIII—XXX). На материале этих гл. в *Р. вед.*, № 224, 13 авг. была опубл. заметка «Немецкий журналист в Ясной Поляне»; в ней излагалось содерж. беседы Ганца с Т. о лит-ре и философии.

[14] Kant. Gesammelte Schriften. Bd. I, III, IV. B., 1902—1904 (*ЯПб*). Лонд. изд. и книгопродавцы Вильямс и Норгэт прислали Т-му по поруч. Черткова кн. Т. написал им 21 окт. (т. 75, с. 173).

[15] Материалы, по ценз. условиям не вошедшие в «Круг чтения» 1906 г., см. в т. 42, с. 423—438, 439—469.

[16] «Последнее письмо» Т. к Николаю II от 16 янв. 1902 г. (т. 73, с. 184—197) Чертков напечатал в *Св. сл.*, № 14, дек.

[17] М. Н. Толстая была монахиней.

[18] «Браминское доказательство Пифагоровой системы, которое пересказывал Т.» (*Прим. Гусева*).

[19] *Назарены* — религ. секта, распространенная тогда, гл. обр., в Венгрии и Сербии; учение их требовало отказа от воен. службы.

[20] Маковицкий до 1901 г. участвовал в изд. произв. Т. на словацк. яз.

[21] С. Н. Толстой умер 23 авг.

[22] О задуманном Т. произв. на еванг. сюжет («Крик беса при приближении Христа») см. в т. 54, с. 177, 178, 203 и 341. Замысел остался неосуществленным.

27 октября

[1] Мин. вн. дел Д. С. Сипягин был убит 2 апр. 1902 г. студентом-революционером С. В. Балмашевым по поручению боевой группы эсеров.

[2] Одно из загл. незаконч. ст. (т. 55, с. 75, 91, 482), вошедшей в текст ст. «Единое на потребу».

[3] J. Ruskin. Unto this Last. Four Essays, on the First Principles of Political Economy. 4-th ed. Orpington, Kent, 1884 (*ЯПб*, пометы); J. Morrison Davidson.

That Great Lying Church. L., 1903 (*ЯПб*, дарств. надпись); «The Wisdom of Winstanley the «Digger». Being Outlines of the Kingdom of God on Earth». L., 1904 (*ЯПб*).

[4] К этому абз. С. А. Толстая сделала след. прим.: «Мысли о музыке не могли принадлежать Сергею Николаевичу. Он не любил музыку, признавал только русские и цыганские песни. Эти мысли, принадлежащие какому-то писателю, часто повторяла я, Софья Андреевна. А определение музыки как *стенографии чувств* принадлежит Льву Николаевичу».

[5] Письмо от 4 сент. н. с. Т. отв. 23 окт./5 нояб. (т. 75, с. 176—178).

29 октября

[1] J. Morrison Davidson. The New Book of Kings: A Republican Counterblast. L., 1902 (*ЯПб*, помета)).

[2] В *ЯПб** хр. кн. Моррисона-Давидсона «The Old Order and the New. From Individualism to Collectivism. 5-th ed. L., s. a.

[3] Статуты Генриха VIII 1530 и 1536 гг. против крестьян, согнанных с земли и отдававшихся в принудительном порядке на разные работы.

[4] J. Morrison Davidson. The Annals of Toil. L., 1899 (*ЯПб*). См. письмо Т. к автору от 1/13 авг. 1900 г. (т. 72, с. 420—421).

[5] V. Tchertkoff and F. Holah. A Short Biography of William Lloyd Garrison. L., ⟨1905⟩. В основу кн. положена 4-томная биография Гаррисона, написанная его сыновьями: W. Ph. and F. J. Garrison. William Lloyd Garrison. 1805—1879. The Story of his Life told by his Children. N. Y., 1885—1889 (*ЯПб**, дарств. надпись, пометы).

[6] О кн. W. H. Prescott. Geschichte der Eroberung von Peru. Bd. I—II. Lpz., 1848 (*ЯПб*). С чтением этой кн. связано, возможно, возникновение наброска Т. «Прогресс» 2 нояб. 1868 г. (т. 7, с. 130, 368).

[7] Кн. сохр. в *ЯПб*. См. запись 18 авг. 1905 г.

[8] Включено в «Круг чтения» — т. II, с. 241 (т. 42, с. 64).

30 октября

[1] Опубл. под загл. «Друзья и гости Ясной Поляны. По личным воспоминаниям. I. Николай Николаевич Ге» (*ВЕ*, № 11; т. VI). Эта гл. и восп. об И. С. Тургеневе вошли в кн. Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923. См. также Т. Л. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1976. Восп. о Репине и Стасове написаны не были.

31 октября

[1] Кн. А. С. Пругавина «Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства». Вып. 1⟩ (Сютаевцы.— Апостол Зосима.— Еретики). СПб., 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).

[2] Т. читал в рук. «Кому служить?» А. И. Архангельского. Отр. из нее за подп. *Бука* помещены в «Круге чтения». Впервые на рус. яз. напеч. в Бургасе (Болгария) в 1911 г.; в России: «Кому служить?» С вступ. ст. И. И. Горбунова-Посадова. М., 1920.

[3] Х. Н. Абрикосов приезжал в дек. 1901 г. к Маковицкому в Словакию и познакомился с его друзьями, среди к-рых был, вероятно, и Гавлас.

[4] Дн., 22 окт. (т. 55, с. 96).

[5] «Иоанн-Воин. Рассказ из времен первых христиан». М., «Посредник», 1886 (*ЯПб*).

[6] Письмо А. Шкарвана к Маковицкому от 23 нояб. 1891 г. со сведениями о венг. назаренах в «Круг чтения» не вошло. Ст. о назаренах была составлена для «Круга чтения» Х. Н. Абрикосовым — т. II, с. 596—599 (т. 42, с. 386—389).

1 ноября

[1] Два отр. с небольшими изменениями, внесенными Т., вошли в «Круг чтения» под загл. «Орел» и «Смерть в госпитале» — т. I, с. 505—507, 372—374 (т. 41, с. 434—436, 322—323).

18 декабря

[1] Днем Сильвестра на Западе называется канун Нового года, 31 дек. (н.с.).

19 декабря

[1] А. Шкарван прислал свой пер. ст. E. H. Schmitt «Anarchie» (из журн. «Religion des Geistes», 1895).

[2] Т. включил в «Круг чтения на каждый месяц» из кн. «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача» (Purleigh, Essex, England, 1898) «Письмо военного врача А. Шкарвана, отказавшегося от военной службы в 1894 году» и отр. «Почему

нельзя служить военным врачом». Однако по ценз. соображениям они были исключены из рус. изд. «Круга чтения»; материалы эти вошли впервые в нем. изд. «Für alle Tage»; пер. сделан А. Шкарваном — Dresden, 1906 (*ЯПб*, дарств. надпись А. Шкарвана; см. т. 42, с. 405—408; *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 122, 148—149).

[3] Письмо А. Шкарвана к Т. от 14 дек. н. с.

[4] «Круг чтения» — т. II, с. 590—591 (т. 42, с. 239—240).

[5] См. письмо Т. к Г. А. Русанову от 19 дек. (т. 75, с. 195).

[6] Т. правил гл. XXIII и из воспоминаний Хаджи-Мурата исключил сцену восхождения Юсуфа (первоначально — Магомы) на гору с соколом на руке (см. т. 35, с. 296).

[7] Мережковские были в Ясной Поляне 11—12 мая.

[8] Письмо Яначека (в своем пер.) Маковицкий послал Черткову, к-рый на его основе опубликовал сообщ. о Немраве в *Св. сл.*, № 15, янв. и февр. 1905.

[9] A. H a i g. Life and Food. L., 1903, p. 13 (*ЯПб*).

[10] В *ЯПб* к тому времени было еще 5 кн. Хэйга: «The Causation, Prevention and Treatment of Gout». L., 1901; «Diet and Food. Considered in Relation to Strength and Power of Endurance, Training and Athletics». 4th ed. L., 1902; «The Etiology, Prevention and Treatment of a Common Cold». L., 1904; «Truth, Strength and Freedom, or Mental and Spiritual Evolution». L., 1902; «Uric Acid. An Epitome of the Subject». L., 1904 (дарств. надпись). Хэйг продолжал присылать свои кн. и в дальнейшем.

[11] После утраты боеспособности Тихоокеанской эскадрой на Дальний Восток была направлена новая, 2-я Тихоокеанская эскадра; началось формирование и 3-й эскадры, вышедшей в море лишь в февр. 1905 г.

[12] Письмо от 21 нояб. н. с.; Т. отв. 19 дек. (т. 75, с. 193).

[13] Известно 9 писем Т. от 19 дек. (т. 75, с. 190—196).

20 декабря

[1] Телегр. запрос Д. Макгоуана и отв. Т. неизв. Письмо Макгоуана от 24 дек. явствует, что отв. Т., был пространнее, чем приведенный Маковицким (ср. т. 75, с. 196). О письме Т. к Николаю II см. записи 26 окт. и 29 дек.

[2] Моск. губ. предводитель дворянства П. Н. Трубецкой обратился от имени моск. земцев с письмом к мин. вн. дел. кн. Д. П. Святополку-Мирскому и с верноподданническим адресом к царю, в к-ром говорилось об угрожающей стране революции и необходимости введения конституции для ее предупреждения.

[3] Мысль Спинозы вошла в «Круг чтения» на 5 июня — т. I, с. 444 (т. 41, с. 382).

[4] Н. Н. Страхов прислал Т. соч. Эпиктета в авг. 1882 г. (см. т. 63, с. 104).

[5] Мысль эта принадлежит Э. Лесиню и лишь изложена Моррисоном-Давидсоном: M o r r i s o n D a v i d s o n. Anarchist Socialism v. State Socialism. L., 1896, p. 7. Цитата вошла в «Круг чтения» — т. I, с. 522 (т. 41, с. 448—449).

21 декабря

[1] См. «Review of Reviews». Illustrated, vol. XXX, № 180, Dec., p. 573 (*ЯПб*).

[2] В *Списке* (т. 75) письмо Х. Н. Абрикосова не отмечено.

[3] № 12 (*ЯПб*).

22 декабря

[1] Я. А. К о м е н с к и й. Лабиринт света и рай сердца. Пер. с чеш. Н. П. Степанов. СПб., 1904 (*ЯПб*).

[2] В *ЯПб* хр. 2 кн. Дж. Буниана (Баньяна): J. B u n y a n. The Pilgrim's Progress. With one hundred illustrations. L., s. a.; The Pilgrim's Progress from this World to that which is to come. New ed. L., s. a. (2-я не сохр.).

[3] Очевидно, М. А. Маклакова не выполнила этой работы, и Т. поручил ее В. А. Кузминской. В февр. 1905 г. Т. полностью переработал составл. ею текст. Очерк о Паскале вошел в «Круг чтения» за подп. *Л. Н. Толстой* — т. II, с. 20—28 (т. 41, с. 477—484).

[4] Рассказ М. П. Арцыбашева «Смерть Ланде».

23 декабря

[1] На письмо Э. Кросби от 16 июля н. с. Т. отв. 31 июля /13 авг. (т. 75, с. 151).

[2] В серед. 1904 г. начались выступления земств за ограничение самодержавия и за введение в России представительного правления. Ред. филадельфийской газ. «North American Newspaper» запросила телегр. от 25 нояб. н. с. мнение Т. о «значении, цели и вероятных последствиях земской агитации». Т. отв. 18 нояб. (т. 75, с. 181—182). *М. вед.* опубликовали содержание отв. Т. (№ 331, 30 нояб.)

24 декабря

[1] М. А. Шмидт жила в имении Т. Л. Сухотиной Овсянниково.
[2] См. запись 16 июля 1905 г.
[3] Эту мысль Герцена из гл. VII «С того берега» — «Omnia mea mecum porto» (*Герцен, Женева*, т. V, 1878, с. 143; *Герцен*, т. VI, с. 119) Т. включил с небольшим изменением (или случайной ошибкой) в «Круг чтения» — т. I, с. 523 (т. 41, с. 450). У Герцена: «для освобождения человека», а не «человечества».
[4] «Круг чтения» — т. I, с. 522—523 (т. 41, с. 449).
[5] 2 нояб. в Москве состоялось совещание либеральных земцев, членов Союза освобождения и Союза земцев-конституционалистов для выбора делегатов на I Общеземский съезд. Он состоялся в Петербурге 6—9 нояб. 1904 г. (участвовало 104 делегата от 33 губ.).
[6] W. J. Bryan. Under Other Flags. Travels, Lectures, Speeches. Lincoln, Nebraska, 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись). В кн.— ст. «Tolstoy the Apostle of Love».
[7] 1-ю корр. «Круга чтения» Т. получил 6 февр. 1905 г. Печатание продолжалось до окт. 1906 г. Т. не только держал корр., но в процессе печатания вносил в текст много изменений и дополнений.
[8] Порт-Артур был сдан 20 дек.

25 декабря

[1] О содерж. этого несохр. письма Т. можно судить по отв. письму Тургенева от 8/20 янв. 1883 г. (*Тургенев*. Письма, т. XIII, кн. 2, с. 151). Помочь сыну раввина Минора Т. просил также В. В. Стасова в письме от 3(?) янв. 1884 г. (т. 63, с. 147).
[2] Т-го в Гаспре лечил К. В. Волков (из Мисхора); позднее, с марта 1902 г., при нем неотлучно находился Д. В. Никитин; из Ялты приезжали И. Н. Альтшуллер и С. Я. Елпатьевский; на консилиум из Москвы и Петербурга — В. А. Щуровский и Л. Б. Бертенсон.
[3] Н. Макиавелли. Государь (Il Principe) и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Пер. с итал. под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869 (*ЯПб*, пометы). Т. прочел вслух отр. из гл. V, с. 21. Отмеч. Т. в этой кн. места приведены в ст. «Единое на потребу» (т. 36, с. 174—177). Маковицкий записал их неточно.
[4] Т. читал кн., присланную В. В. Стасовым: K. Waliszewski. Autour d'un trône. Catherine II de Russie. P., 1894, p. 446.
[5] В письме от 28 окт. В. В. Стасов привел содерж. рук. XVIII в. (неустановл. автора) о распутстве Екатерины II и ее фаворита, гвардейца Измайлова.
[6] Начиная с 1892 г. Т. посетили: Кониси Масутаро, учившийся в России (впоследствии — видный ученый и публ.), Токутоми Иитиро (Сохо) — глава изд-ва и журн. «Кокумин-но томо», и Фукаи Эйго, впоследствии директор банка.
[7] 1 дек. Т. начал ст., озагл. «Кто я?», а 7 дек. — «Изложение веры» (т. 55, с. 104). Впоследствии оба эти первоначально не связанные друг с другом наброска были объединены и вошли в ст. «Зеленая палочка» (при жизни Т. не печаталась) — т. 36.

26 декабря

[1] О путешествии по Волге в 1851 г. см. С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. (В октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск, 1894, с. 8—9.
[2] Это было в февр. 1854 г.
[3] Э. Кросби впервые посетил Т. в Ясной Поляне 12 мая 1894 г.В хамовническом доме он побывал на след. день.
[4] В *ЯПб* сохр. кн. Д. С. Мережковский. Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1902. В 1900 г. в «Мире искусства» Т. мог читать работу Мережковского «Лев Толстой и Достоевский».
[5] Письмо З. Н. Гиппиус неизв., но об этом писал и сам Д. С. Мережковский (а не Гиппиус) в письме к Т. от 28 мая.

27 декабря

[1] Министрами-генералами, определявшими правит. политику в то время, были: мин. вн. дел кн. П. Д. Святополк-Мирский, воен. мин. В. В. Сахаров и мин. нар. просвещения В. Г. Глазов.
[2] Вероятно, Т. имел в виду написанные им в Севастополе в янв.-февр. 1855 г. «Записку об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» (т. 4) и «Проект о переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками» (т. 90).
[3] Т. резко осудил «Солдатскую памятку», составл. ген. М. И. Драгомировым (см. т. 34, с.281, 284—285).

[4] В письме от 5 янв. 1905 г. Н. Попов сообщил, что изд-во А. Ф. Маркса не возражает против перепеч. этих соч., но хочет получить «письменный запрос» от Т. (см. письмо Т. к Л. Ф. Маркс, вдове изд., от 9(?) февр. 1905 г.— т. 75, с. 218—219). В «Круг чтения» включены рассказы Чехова «Душечка» и «Беглец» и Тургенева «Морское плавание», «Воробей», «Живые мощи» — т. I, с. 181, 421—433; т. II, с. 112, 200—207, 305—316 (т. 41, с. 161—162, 363—373, 550—551; т. 42, с. 25—31, 119—128).

[5] Уезжая из Лондона, Т. не успел взять у Герцена рекомендательных писем к П.-Ж. Прудону и И. Лелевелю (см. *ЛН*, т. 41-42, с. 494—495). Письма эти неизв.

[6] См. ст. Т. 1862—1863 гг. «Прогресс и определение образования» (т. 8).

[7] Т. работал над ст. «Единое на потребу» (т. 36).

29 декабря

[1] О 1-м запросе Черткова см. запись 26 окт. Вторично Чертков просил Маковицкого узнать у Т., можно ли опубликовать его письмо к царю, в письме от 22 нояб. (*PNP*).

[2] *Св. сл.*, № 14, дек.

[3] Письмо С. Т. Семенова к Т. из Англии от 15 дек.

[4] Письмо часового мастера Г. Соколова со ст. Минеральные Воды от 24 или 25 дек. Приложено стихотв. «К юбилярам на 19-е февраля». Подп. *Юрко Плюгавый.* Т. отв. 14 янв. 1905 г. (т. 75, с. 204—205).

[5] См. об этом: ⟨С. С. У в а р о в.⟩ О Гете. В торжественном собрании Императорской С.-Петербургской Академии наук читано президентом Академии 22 марта 1833. М., 1833, с. 20—21.

30 декабря

[1] При письме от 3 янв. н. с. 1905 г. Чертков прислал вырезку из «Times» от того же числа, где под загл. «Tolstoy and the tsar» опубл. письмо Т. к Николаю II от 16 янв. 1902 г.

31 декабря

[1] Об этом Бирюков писал в «Биографии Л. Н. Толстого» (т. I, ч. IV, гл. XI): в 1858 г. весной Т. «основывает музыкальное общество в Москве с содействием Боткина, Перфильева, Мортье и других ⟨...⟩ Из этого общества впоследствии образовалась Московская консерватория» (с. 169).

[2] W. J a m e s. The Varieties of Religious Experience. 3-d impression. L.—N.Y.—Bombay, 1902.

[3] Ценз. историю «Записок маркера» и «Севастополя в мае» см. в т. 3, с. 322—323; т. 4, с. 388—392.

[4] 2 вар. стихотв. «Эй, Марьяна, брось работу!..», явившегося зерном повести «Казаки», и 3 др. стихотв., написанные в 1852—1854 гг., см. в т. I, с. 298—302. Работая над повестью «Беглец» (раннее назв. «Казаков»), Т. записал в Дн. 14 июня 1856 г., что хочет попробовать «из казачей ⟨!⟩ песни сделать стихотворение» (т. 47, с. 82. См. также т. 6, с. 277—278).

[5] Рассказанный Т. эпизод отражен в заготовленном Т. продолжении повести «Казаки» как эпизод из жизни Кирки (см. т. 6, с. 153—161, 175), в конспектах (с. 257—260), вариантах (с. 217—218).

[6] Роман Б. Ауэрбаха «Spinoza. Ein Denkerleben» (1837). Т. мог его прочесть в кн. B. A u e r b a c h. Gesammelte Schriften. Bd. X—XI. St. u. Augsburg, 1858 (*ЯПб*).

[7] Т. е. в биогр. труде Бирюкова о Т.

[8] См. т. 34 («Воспоминания»).

[9] H. T a i n e. Les origines de la France contemporaine. II. «La Révolution», t. III. «Le gouvernement révolutionnaire». P., 1885, I, p. 6—20.

1905

1 января

[1] «Свободная школа», «свободное воспитание» — течение в педагогике, близкое к педагогическим взглядам Т. Наибольшее развитие это течение получило в период революции 1905 г. и в последующие годы.

[2] См. т. 62, с. 197, 199, 202. В 1878 г. Т. был поглощен работой над «Декабристами», но, не закончив это произв., в 1879 г. принялся за «Исповедь».

[3] P. C h e l č i c k ý. Siet'viery.— В кн. *Сб. ОРЯС*, т. LV, 1893. Там же «Содержание «Сети веры» по главам» (пер. Ю. С. Анненкова).

2 января

[1] Т. работал в это время над ст. «Единое на потребу» (т. 36), но подобные суждения о монархич. и конституц. формах правления высказаны им в ст. «Об общественном движении в России», к-рую он начал писать 13 янв. (т. 36).

3 января

[1] Вероятно, рассказ «Далекое путешествие» («Рассказы и очерки». 1850—1859) и гл. «Буря» из романа «Давид Копперфилд». Об этой гл. есть отзыв Т., записанный С. А. Стахович: «Просейте мировую прозу, останется Диккенс, просейте Диккенса, останется «Давид Копперфилд», просейте «Копперфилда», останется описание бури на море» (И. К а т а р с к и й. Диккенс в России. М., 1966, с. 302).

4 января

[1] Завещание приложено к письму А. Йина от 3 дек. н. с. 1904 г.
[2] Предст. австро-венг. славян на I Славянском съезде в Москве (1867).
[3] B. K i d d. Social Evolution. L., 1894 (*ЯПб*, пометы).
[4] А. Л. Толстая перепечатывала на пишущей машинке ст. Т. «Единое на потребу». На обл. помета ее рукой: «Черновик 4 янв. 1905 г. 4/1».
[5] Н. М. К о р к у н о в. Русское государственное право. Тт. I—II, изд. 5-е. СПб., 1904—1905. Возможно, что именно в это время Т. вписал в черн. ред. ст. «Единое на потребу» рассуждения, вызванные чтением этой кн. (т. 36, с. 455). В т. 36, с. 655 ошибочно названа др. кн. Коркунова.

5 января

[1] На письмо Горбунова-Посадова (б.д.) отв. Маковицкий 5 янв. (т. 42, с. 610).
[2] Т. не раз повторял, что «огорчает его в Чехове отсутствие определенного миросозерцания» (*Гольденвейзер* I, с. 31), т. е. интереса к религиозно-нравственным вопросам, занимавшим самого Т.
[3] М. Л. и Т. Л. Толстые помогали Т. в его работе на голоде в Рязанской губ. в 1891—1893 гг.
[4] А. Б. Гольденвейзер играл этюд Шопена, ноктюрн Аренского и произв. Шуберта (*ЕСТ*, 5 янв.).

6 января

[1] К письму Маковицкого от 5 янв., адресованному Горбунову-Посадову, Т. сделал приписку (т. 75, с. 199). Запись Маковицкого дает основание исправить дату этой приписки с 5 на 6 янв.
[2] Вместо «Предисловия» Т. написал «Послесловие» и включил его в «Круг чтения» вслед за рассказом — т. I, с. 434—438 (т. 41, с. 374—377).
[3] В связи с событиями на Дальнем Востоке Б. Бьёрнсон выступил в нем. периодической печати с предложением запретить предоставление займов воюющим сторонам (ср. *Р. сл.*, № 26, 28 янв.).
[4] Письмо ученика Киржачской учительской семинарии (Владимирская губ.) В. Д. Фролова от 3 янв. (почт. шт.). Т. отв. 14 янв. (т. 75, с. 201).
[5] А. Н. Фролов в письме от 3 янв. из Саратова писал, что в ст. «Одумайтесь!» нет толстовского мастерства изложения, и заподозрил, что это «аляповатая подделка».
[6] Письмо Г. Крауфорда от 13 нояб. н. с. 1904 г. из Мельбурна. Т. отв. 14/27 янв. (т. 75, с. 199—200).

7 января

[1] Вероятно, *Илл. прилож. к НВ*, №№ 10360 и 10364 (1 и 5 янв.), с. 7, 10.
[2] Из соч. Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» в «Круг чтения» вошла только одна мысль — т. II, с. 538 (т. 42, с. 337).
[3] Кн. выпущена «Посредником» в 1906 г., с предисл. Т.
[4] 9—13 авг. 1902 г. в Ясной Поляне гостил Э. Моод, к-рого Т. просил прислать списки англ. изд. Диккенса. 3 окт. и. с. Моод выслал список повестей и небольших рассказов, не входивших ни в одно из изданных собр. соч. Диккенса. 11 окт. Т. письменно выразил ему благодарность (т. 73, с. 306).
[5] Ни одна выдержка из соч. Диккенса в «Круг чтения» не вошла.
[6] См. запись 26 февр., прим. 2.
[7] *Еванг. от Луки*, III, 12: «Пришли и мытари ⟨...⟩ и сказали ему: «Учитель! Что нам делать?»»
[8] С. Ардитти поздравил Т. с Новым, 1905 г. (б. д., открытка: Т. и Чехов в Гаспре, 1901).

[9] Письмо Анны Фейвар от 20 дек. н. с. 1904 г.
[10] Письмо Э. Моода от 21 дек. н. с. 1904 г.

8 января

[1] Ch. Dickens. The Old Curiosity Shop, vol. II, ch. LXI. L., 1848.
[2] По просьбе Маковицкого его друзья, Я. Яначек, К. Велеминский и др., присылали материалы для «Круга чтения». Слова Бисмарка, сказанные им перед смертью, Т. включил в «Круг чтения» — т. II, с. 91 (т. 41, с. 534): «Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже себя самого. Много-много наделал я зла... Я был виновником трех больших войн. Из-за меня погибло более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, сестры, вдовы... И все это стоит между мною и богом». Это высказывание Т. хотел ввести и в ст. «О значении русской революции» (см. т. 36, с. 535).
[3] К. Калал.
[4] В конце 1901 — начале 1902 г. в Гаспре Маковицкий подарил Т. альбом графич. работ чеш. художника Э. Холарека: E. Holárek. «Réflexions sur le catéchisme. 50 compositions à la plume». Prague, comp. en 1895, v Praze 1901 (*ЯПб*). Позднее Чертков издал в Англии на рус. и англ. яз. цикл рис. Холарека о войне с текстами Т. и др. авторов: E. Holarek. War. Pictures. With Readings on the Subject from the Writings of Leo Tolstoy and others. Christchurch, 1906 (*ЯПб**, см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 599—601).

9 января

[1] В *ЯПб* хр. след. кн. Д. И. Иловайского: «Руководство ко всеобщей истории. Средний курс», изд. 23-е. М., 1891 (пометы); «Руководство к русской истории. Средний курс», изд. 31-е. М., 1891; «Коронный мечник Яблоновский. Очерк из истории польских сеймов XVII века». Оттиск из *РВ*, 1862, № 3; «Древняя история. Курс старшего возраста». Изд. 20-е. М., 1893.
[2] Рассказы для «Недельных чтений» в «Круг чтения».
[3] Т. писал ст. «Единое на потребу».
[4] А. С. Пругавин. Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства. Вып. 1—2. М., «Посредник», 1906 (*ЯПб*).
[5] Пересказ библ. легенды о Валааме (*Числа*, XXII—XXIV) Т. включил в «Послесловие» к «Душечке».
[6] См. запись 23 дек. 1904 г., прим. 2.
[7] Письмо П. В. Великанова из Новгорода от 27 дек. 1904 г.
[8] Л. Л. Толстой. Падение Порт-Артура, Англия и мы (*НВ*, 1904, № 10352, 24 дек.).
[9] См. запись 23 дек. 1904 г., прим. 2.
[10] Особое денежное вознаграждение, дававшееся государством за выслугу лет.
[11] Изд-во «Посредник» основано в нояб. 1884 г. Первые 4 кн. вышли в марте 1885 г.
[12] О замысле Т. в начале 1885 г.— издавать «народную городскую газету» или журнал см. в его письмах к К. М. Сибирякову, Бирюкову и Черткову (т. 63, с. 239—240, 245, 255, 273—275, 287—288, 296; т. 85, с. 152, 184, 189, 242).
[13] Чертков входил в состав ред. «Посредника» с 1885 по 1894 г.
[14] В. В. Стасов. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., «Посредник», 1904 (*ЯПб*). В 1906 г. «Посредник» издал соч. Т. «Исповедь» и «В чем моя вера?» (*ЯПб*).

10 января

[1] Известны 15 учителей, преподававших в школах Крапивенского у. Тульской губ. под руководством Т. с нояб. 1861 по 19 дек. 1862 (см. т. 8, с. 505—520). А. С. Суворин среди них не значится, но в педагогическом журн. Т. «Ясная Поляна» напечатан (без указания автора) очерк Суворина «Никон» (М., 1862, авг.— см. т. 62, с. 85 и «Дневник А. С. Суворина». М.— Пг., 1923, с. 86). Мировым посредником Т. был с 16 мая 1861 по 26 мая 1862 г.

11 января

[1] За время отсутствия А. Л. Толстого С. А. Толстая дн. не вела. Наверно она читала сыну свой «Ежедневник».
[2] Т. передает содерж. кн. Ch. Dickens. A Child's History of England, vol. I—II. Lpz., 1853—1854 (*ЯПб*). Этой кн. Т., вероятно, пользовался при работе над ст. «Единое на потребу» (ср. т. 36, с. 170).
[3] На самом деле 9 янв. было убито свыше 1 000 чел., ранено несколько тысяч.
[4] Мин. вн. дел. кн. П. Д. Святополк-Мирский проводил «политику доверия» к обществу и обещал ряд реформ (был уволен в отставку как «слишком левый» 18 янв.).

12 января

[1] О воззвании геленджикских колонистов писали Т-му М. П. Кожушко — 17(?) нояб., Р. В. Юшко — в окт. 1904 г. и А. К. Ракович 12—14 дек. 1904 г. (ср. т. 75, с. 180, 182—183, 202).

[2] 9 янв. н.с. А. К. Черткова писала Т., что его телегр. о полит. агитации земств «смутила и огорчила многих», в том числе ее и О. К. Толстую, и «дала повод злорадствовать таким мракобесам, как «Московские ведомости»». Чертков в письме от 3 янв. н. с., соглашаясь с телегр. Т. по существу, считал причиной неблагоприятного впечатления, произведенного ею, краткость самой телегр. формы ответа.

[3] См. Ch. Dickens. A Child's History of England, vol. II. Ср. ch. XXVII—XXVIII. Обращение к королю (Карлу I, а не Генриху VIII) его главного фаворита — «his Sowship» — p. 188.

13 января

[1] 12 янв. на многих моск. улицах была вывешена телегр. «Латинского агентства из Парижа» с ложным сообщением, будто рабочие волнения в Петербурге, Либаве и Севастополе были организованы англо-япон. провокаторами с целью помешать отправке рус. эскадры на Дальний Восток (*Р. вед.*, № 13, 15 янв.).

[2] См. H. Taine. Les origines de la France contemporaine. II. «La Révolution», t. II. «La conquête jacobine». P., 1890, II, p. 207—209. Приводится неточно.

[3] Осенью 1904 г. в Москве происходили совещания крупных промышленников; на них утверждались «петиции» (записки) правительству с требованием установления конституционных свобод. С. Т. Морозов активно участвовал в их составлении.

14 января

[1] Ст. б. подп. «Победоносцев» (*Брокгауз*, кн. 46; *ЯПб*).

[2] Известно 7 писем Т. от 14 янв. (т. 75, с. 199—204).

15 января

[1] В письме от 6 сент. 1904 г. М. Розенталь просила Т. прочитать и дать отзыв о введении к труду ее покойного мужа, А. Розенталя, «Политический космос». 10 янв. н.с. 1905 г. она повторила свою просьбу.

[2] «*Табачной державой*» называл самодержавное пр-во и церковь крестьянин М. М. Максимов, перешедший из православия в старообрядчество. Т. повторяет эти слова в Дн. 1 сент. 1894 г. (т. 52, с. 137; ср. т. 42, с. 209, 223—224).

[3] Свой разговор с В. К. Сютаевым, происходивший в начале 1880-х гг., Т. включил в трактат «Так что же нам делать?» (т. 25, с. 233—234).

[4] Имеются в виду молокане, к-рые, следуя примеру духоборов, просили разрешения переселиться за границу (см. т. 72, с. 351—354).

[5] Г. Успенский. Скучающая публика, IV. Трудами рук своих (*РМ*, 1884, № 11).

[6] E. Carpenter. Civilisation: its Cause and Cure and other Essays. L., 1903 (*ЯПб*). В пер. Наживина: Эд. Карпентер. Цивилизация, ее причина и излечение и другие статьи. СПб., 1905 (*ЯПб*).

[7] Вероятно, Т. забыл о 1-м чтении этого соч.—Э. Карпентер прислал свою кн. Т. в окт. 1896 г. И тогда Т., видимо, прочитал первые 2 ст. из нее: «Civilisation» и «Modern science» (см. т. 69, с. 173, 174—175, т. 84, с. 265). В конце янв. 1905 г. Т. вновь читал эту кн. и был «восхищен ею»; «Я знал из нее только «Modern science»,— писал он Э. Мооду 31 янв. (т. 75, с. 214).

[8] Ст. «Modern science» из кн. Карпентера перевел С. Л. Толстой. Опубл. с предисл. Т. в *СВ*, 1898, № 3. В том же году вышло отд. изд. с ошибочным указ.: Э. Карпентер. Современная наука. Пер. гр. Л. Н. Толстого. М., 1898. Наживин повторил эту ошибку в изд. 1905 г. Исправлена она лишь в изд. «Посредника». М., 1911.

[9] Ср. «Круг чтения» — т. II, с. 264 (т. 42, с. 82—83).

[10] Запись связана с отъездом О. К. Толстой в Англию, после разрыва ее с А. Л. Толстым.

17 января

[1] Восп. о чеченце С. Мисербиеве относится к 1851—1852 гг., когда Т. жил в Старом Юрте (ср. т. 59, с. 145—151).

[2] «Севастопольская песня» Т.— «Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г.» (т. 4).

[3] В. О. Ключевский. Лекции по русской истории, ч. 1—3. ‹СПб., 1902›, ч. 3, гл. «Сперанский и его преобразовательный план» (с. 267—273).

[4] *Коза* — прозвище немца Ивана Яковлевича, героя рассказа «Томленье духа

(из отроческих воспоминаний)» (Н. С. Л е с к о в. Полн. собр. соч., т. XVI. Изд. 3-е. СПб., 1903; *ЯПб*, пометы). Т. начал править рассказ 24 февр.

[5] «На краю света» (Н. С. Л е с к о в. Указ. изд., т. VII. СПб., 1902).

[6] См. запись 26 окт. 1904 г., прим. 8. В дек. 1904 г. в Париже была создана междунар. следственная комиссия для разбора «гулльского инцидента». В серед. янв. заседания комиссии продолжались.

[7] K. K á l a l. Die Unterdrückung der Slovaken durch die Madyaren. Prag, 1903 (*ЯПб*, 3 экз., на одном пометы Маковицкого). Кн. прислана Т-му Маковицким в 1903 г.

18 января

[1] Разговор велся, видимо, в связи с работой Т. над «Послесловием к рассказу Чехова «Душечка»».

[2] А. Г. Штанге ехал в Петербург с предложением созыва Земского собора.

[3] Подобная мысль Г. Джорджа приведена в «Круге чтения» на 30 янв.— т. I, с. 78—79 (т. 41, с. 71).

19 января

[1] Интервью М. Дэвитта опубл. в «Standard» 3 II; Маккенна — в «New York World» в тот же день. См. ниже запись от 24 февр. 1905 г.

[2] Впервые М. Дэвитт посетил Т. 9 июня 1904 г.

[3] Т. с 13 по 24 янв. писал ст. «Об общественном движении в России», в к-рой резко отзывался о рус. правит. (ср. т. 36, с. 157, 162). Закончив эту ст., Т. продолжал работу над ст. «Единое на потребу», где дал царю уничтожающую характеристику, назвав его человеком, «стоящим ниже среднего уровня», «малоумным гусарским офицером», и т. п. (т. 36, с. 168, 169).

[4] Ф. Р. Робертсон приезжал к Т. 28 апр. 1905 г.

[5] Намек на Л. Л. Толстого, в связи с его обращением к царю о созыве Земского собора (ср. т. 75, с. 206—207).

[6] Письмо Л. Ф. Анненковой от 9 янв. Т. отв. 19 янв., советуя ее мужу не читать газет (т. 75, с. 206).

[7] «National Review», 1904, vol. XLIV, № 262, Dec. (*ЯПб*).

[8] Ив. Н а ж и в и н. В сумасшедшем доме (*ЕЖдВ*, № 1; *ЯПб*).

[9] Г. М. Попов (из Канады) обратился с этой просьбой к Т. 20 дек. н. с. 1904 г. В *Списке* (т. 75) отв. Маковицкого не учтен.

20 января

[1] См. запись 24 февр.

[2] Т. в 1901—1902 гг. жил в Гаспре, на даче падчерицы И. И. Петрункевича, С. В. Паниной.

[3] Л. А н д р е е в. Жизнь Василия Фивейского. München, 1904.

[4] Неточная цитата из «Фауста» Гёте, ч. 1. «Пролог в театре». В подл.: «Greift nur hinein in's volle Menschenleben! ‹...› Und wo ihr's packt, da ist's interessant» («Загребайте же из гущи жизни, и, где ни схватите, везде будет интересно»).

[5] Т. написал предисл. к рус. пер. романа В. фон Поленца «Крестьянин». М., «Посредник», 1902 (*ЯПб*; см. также т. 34).

[6] L. A n z e n g r u b e r. Der Schandfleck. Eine Dorfgeschichte. Lpz., 1899 (*ЯПб*).

[7] Неточная передача мысли Торо, включенной в «Круг чтения» на 1 янв.— т. I, с. 8 (т. 41, с. 12).

[8] Т. встречался с Е. Н. Карамзиной весной 1857 г. в Кларане (Швейцария).

[9] «Kritik der reinen Vernunft». — В кн.: K a n t. Gesammelte Schriften, Bd. III. B., 1904, S. 55, 59 (*ЯПб*).

[10] *Еванг. от Иоанна*, VIII, 58.

[11] См. запись 8 янв., прим. 2.

[12] Отв. Т-го В. П. Гаррисону от марта — апр. 15(?) 1886 г. (т. 63, с. 343—346). Содерж. письма Гаррисона Т. приводит в трактате «Царство божие внутри вас» (т. 28, с. 3—4).

[13] Квакеры Дж. Беллоуз и Э. Брукс приезжали в Россию в дек. 1899 г. просить правит., чтобы духоборам, сосланным в Якутскую обл., разрешили выехать за границу. Их ходатайство было отклонено, о чем они сообщили Т. 29 дек. 1899 г. (ср. т. 88, с. 185—186).

[14] S. G. V e r u s. Vergleichende Übersicht der vier Evangelien. Lpz., 1897.

[15] Возможно, что Т. резюмирует высказывания Гете о Евангелии, записанные Эккерманом (И. П. Э к к е р м а н. Разговоры Гете, собранные Эккерманом. СПб., 1905, записи от 13 февр. 1831 и 11 марта 1832 г.).

[16] В *ЯПб* сохр. «Книга житий святых». Кн. I—XII. М. ‹1864›; (кн. V и кн. III; кн. III отсутствует, пометы).

[17] Письмо А. Б. Котаткара из Пуна-Сити (Индия) от 12 янв. н. с.

21 января

[1] Рассказ «Волк» и 2 наброска — «У Зелениных» и «Калека» — впервые опублик. в *РМ*, № [illegible] (*ЯПб*).

[2] Этот случай с любимой собакой Булькой Т. описал в рассказах «Булька и волк», «Конец Бульки и Мильтона» («Азбука» — т. 22, с. 407—409, 412—413).

[3] Это происшествие послужило сюжетом для рассказа Т. А. Кузминской «Бешеный волк» (*ВЕ*, 1886, № 6). Т. читал его в рук. и собирался править, но намерения своего не осуществил (см. т. 63, с. 288—289 и т. 83, с. 513—514, 530).

[4] Депутация была принята царем 19 янв.

22 января

[1] См. ст. «Солдатская памятка» (1901) и «Офицерская памятка» (1901) — т. 34.

[2] Источник этого выражения, характеризующего слепую веру,— трактат Тертуллиана «О плоти и крови Христа», 5.

[3] Письмо Л. Ф. Анненковой от 9 янв.; см. прим. 6 к записи 19 янв.

23 января

[1] В тексте неточность: законом о престолонаследии, введенным Павлом I, отменялся установленный Петром I в 1722 г. порядок, к-рый предоставлял царю право произвольно назначать себе преемника.

[2] Ср. «Война и мир», т. IV, ч. 3, гл. XII (т. 12, с. 152—153).

[3] Митрополит моск. и всея Руси Филипп 22 марта 1568 г. обратился с амвона Успенского собора к Ивану IV, прямо обвиняя его в кровопролитиях и беззакониях опричнины. Филипп был отправлен в Тверской отроческий монастырь, где вскоре был задушен Малютой Скуратовым.

[4] А. М. Горький был заключен в Петропавловскую крепость 12 янв. по обвинению в призыве к свержению самодержавия.

[5] 12—15 янв. рус. армия вела бои в р-не дер. Сандепу с целью охвата левого фланга противника, но успеха не имела.

[6] 22 янв. Т. выслал Черткову ст. «Об общественном движении в России», считая, что закончил ее (т. 89, с. 10), но в тот же день написал дополнения, к-рые были посланы в Лондон 24 янв. (см. т. 89, с. 12).

24 января

[1] Ср. письма В. А. Жуковского Николаю I (1830, 1837 гг.).— *РС*, 1902, № 4, с. 75, 101.

[2] 20 янв. в Москве открылось очередное губ. дворянское собр., на к-ром были составлены и 22 янв. прочитаны А. Д. Самариным и П. Д. Долгоруковым верноподданнические адреса царю (*Р. сл.*, № 21, 23 янв.).

[3] Список сюжетов, намеченных для рассказов в «Круг чтения», см. в т. 55, с. 301—302.

[4] Все перечисл. в списке худож. произв. вошли в «Круг чтения» в качестве «Недельных чтений», за исключением Диккенса. Остальные же замыслы осуществлены не были.

25 января

[1] R. L. B r e m n e r. The Modern Pilgrimage from Theology to Religion. L., 1904 (*ЯПб*, пометы).

[2] A. R. W a l l a c e. Darwinism. An Exposition of the Theory of Natural Selection with some of its Applications. L.— N. Y., 1889.

[3] С вел. кн. Николаем Михайловичем Т. встречался в Гаспре в 1901—1902 гг.

[4] Т. путешествовал по Швейцарии весной 1857 г.

26 января

[1] Письмо П. И. Пестеля могло быть среди докум., привезенных Бирюковым от В. В. Стасова. Но, возможно, здесь оговорка Т.: Пестель вместо Рылеева. В тот же день С. А. Толстая записала в *ЕСТ*: «Читали Рылеева секретную бумагу вслух».

[2] Вероятно, отв. Бирюкову, собиравшему материалы для «Биографии» Т.

[3] «Душа одного народа. Рассказ английского офицера Фильдинга о жизни его в Бирме». Пер. с англ. П. А. Буланже. М., «Посредник», 1902, с. 227—229 (*ЯПб*, дарств. надпись П. А. Буланже).

[4] *Торунь* (нем. Торн) — находилась на бывшей границе Пруссии и Царства Польского.

[5] *Пашковец* — член религ. секты пашковцев. «Искупление» Христом рода человеческого — основной догмат христианства.

27 января

[1] E. de La Boëtie. De la Servitudë volontaire, ou le Contr'un, Biscours. P., 1901, с. 36, 38, 40—45 (*ЯПб*, пометы). Одна выдержка из этого соч. в пер. Т. включена в ст. «Единое на потребу» (т. 36, с. 171—173); другая — в «Круг чтения» — т. I, с. 496—504 (т. 41, с. 426—434). Упом. Т. суждение о Лабоэти принадлежит Ш.-О. Сент-Бёву (в его кн. «Critiques et portraits littéraires»).

[2] В 1-е путешествие за границу Т. выехал 29 янв. 1857 г.

[3] Т. ехал с Кавказа в Ясную Поляну в 20-х числах янв. 1854 г. через Новочеркасск и донские степи.

[4] Рассказ «Кренкебиль» вошел в «Круг чтения» под загл. «Уличный торговец» — т. I, с. 281—295 (т. 41, с. 246—259).

[5] A. Hess. Aus unveröffentlichen Briefen und Schriften des Grafen Leo N. Tolstoi («Deutsche Rundschau», № 1; *ЯПб*).

29 января

[1] Рассказ М. К. Кипнани, записанный Маковицким, опубл. в *Св. сл.*, № 16, март и апр., под загл. «О гурийском движении»; перепеч.— *ЯЗ II*, с. 12—13, см. также письмо Т. к И. П. Накашидзе от 1 февр. (т. 75, с. 215—216).

[2] При письме от 20 янв. П. М. Ледерле прислал Т. письмо к Т. матросов М. П. Захарова и Т. С. Трегубова. Т. отв. Ледерле 30 янв. (т. 75, с. 210—211).

30 января

[1] Член Палаты депутатов монархист Г. Сиветон покончил самоубийством в дек. 1904 г. в связи с грозившим ему судом за развращение падчерицы. Дело вызвало большой шум. Полит. единомышленники Сиветона старались представить самоубийцу жертвой клеветы республиканцев.

[2] L. J. Rosenberg. Mazzini: The Prophet of the Religion of Humanity. With a Biographical Sketch; also Mazzini's Oration «To the Joung Men of Italy». Chicago, 1903 (*ЯПб*, дарств. надпись, помета).

[3] Т. был знаком с произв. братьев Маргеритов: P. et V. Margueritte. Le Désastre. P., 1897 (*ЯПб*, дарств. надпись); Les deux vies. P., 1901—1902 (*ЯПб*); П. Маргерит. На закате. СПб., 1894 (*ЯПб*, дарств. надпись пер.; P. Loti. Vers Ispahan. Voyage en Perse. P., 1904 (см. также *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 36, 75).

[4] В письме к Т. от 15 янв. Л. Дикий из Тулы просил разрешения приехать, чтобы лично поговорить с ним.

[5] О. Сабатье, протестантский богослов, автор религ. трудов: «Esquisse d'une philosophie de la religion d'après la psychologie et l'histoire», 7 éd. P., 1903; «Les religions d'autorité et la religion de l'esprit». 2me éd. P., 1904.

[6] В *ЯПб* сохр. кн. J. Michelet. Tableaux synchroniques de l'histoire moderne. Bruxelles, 1835; Th. B. Macaulay. The History of England from the Accession of James the Second, vol. I — VIII. Lpz., 1849—1855.

[7] A. Maude. A Peculiar People the Doukhobórs. N. Y., 1904 (*ЯПб*). Т. поблагодарил Моода в письме от 31 янв. (т. 75, с. 214).

[8] Ст. А. Шкарвана «Словаки» написана по предложению Горбунова-Посадова для «Посредника». Гектогр. экз. рукописи был прислан им в Ясную Поляну, но не был опубликован вследствие возражений Т. Впервые — на словацк. яз.—в ст. S. J. Kolaf a. Albert Skarvan o slovenské otázce v knize «Slováci» (Сб. «Literárny archív 1969». Martin, 1970). Рус. текст ст. Шкарвана хр. в *ЦГАЛИ*.

[9] Вероятно, «Сеть веры».

[10] 28 янв. (почт. шт.) Горбунов-Посадов послал пробный образец набора. Т. отв. 30 янв. (т. 75, с. 213).

31 января

[1] В «Круг чтения» вошло 2 отр. из «Сети веры» под назв.: 1) «Закон бога и закон мира сего», 2) «Христианство и разделение людей» — т. II, с. 330—338 и 443—449 (т. 42, с. 142—149 и 240—246).

[2] Кн. Э. Карпентера «Civilisation: its Cause and Cure...» прислал И. Ф. Наживин с письмом от 20 янв. Т. отв. Наживину 30 янв. (т. 75, с. 212). В «Круг чтения» включены 2 отр.— т. I, с. 41 и т. II, с. 109 (т. 41, с. 548 и т. 42, с. 194).

[3] См. письмо Т. к И. П. Накашидзе от 1 февр. (т. 75, с. 215—216).

[4] Т. говорит о ст. Шкарвана «Словаки».

[5] Биогр. П. Хельчицкого была составл. Я. Яначеком для «Круга чтения» по просьбе Маковицкого. На материалах этой работы Т. написал рассказ «Петр Хельчицкий» для «Круга чтения» — т. II, с. 220—225 (т. 42, с. 46—50). Один из рук. списков рус. пер. ст. Яначека сделан Маковицким, хр. в *ГМТ*.

1 февраля

[1] Письмо Т. к И. П. Накашидзе от 1 февр. (т. 75, с. 215—216).

[2] Э. Кросби сообщил об этом 20 и 23 янв. н.с. (см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 398 и 400).

[3] Л. С. Винер в письме от 21 нояб. н.с. 1904 г. просил прислать недостающие ему для пер. на англ. яз. произв. Т., в том числе «Часовщика» (см. т. 75, с. 193—194). Под этим загл. неоднократно печатался отр. из письма Т. к Н. Л. Озмидову от 4 окт. 1886 г. (см. т. 63, с. 382—386). Отр. этот набирался и для «Круга чтения», но в корр. Т. исключил его (см. т. 75, с. 222—223).

[4] «The Hidden Words». 9. Chicago, s. a. (*ЯПб*, помета).

2 февраля

[1] А. К. Черткова или О. К. Толстая.

[2] *Сиогун* — титул япон. верховного военачальника. С конца XII в. Япония фактически управлялась сиогунами. В 1868 г. должность сиогуна была упразднена, и власть перешла к императору (микадо).

[3] *Улемы* — мусульм. ученые, посвящающие себя изучению Корана или религ. службе.

[4] Маковицкий получил от своего словацк. друга новые сведения о Немраве, к-рыми и поделился с Т.

4 февраля

[1] Чеш. изд. «Rukopis Králodvorský i Zelenohorský. Zpěvopravné Básně. Vydánie patnácté Václava Hanky». Praha, 1865 (*ЯПб*, помета). Полемика о происхождении этих рук. разгорелась в 1880-х гг. Подложность их неопровержимо доказывается в кн. M. Ivanov. Záhada rukopisu královédvorského. Praha, 1970.

[2] Подлинность «Слова о полку Игореве» признается в наст. время всеми наиболее авторитетными исслед., как советскими, так и зарубежными.

[3] А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собр. в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа, т. I. М., 1904 (*ЯПб*).

[4] Т. перечитывал роман «Торговый дом Домби и сын» и рассказал содерж. гл. VI («Вторая утрата Поля»). В *ЯПб*: Ch. Dickens. Dealings with the Firm of Dombey and Son, vol. I. Lpz., 1847.

[5] Моск. ген.-губ., вел. кн. Сергей Александрович, был убит 4 февр. в Кремле членом боевой организации партии эсеров И. П. Каляевым.

[6] Свой взгляд на Земский собор Л. Л. Толстой высказал в ст. «Мысли и жизнь» (*НВ*, № 10387, 4 февр.).

5 февраля

[1] «*Порка*» — первонач. назв. картины Н. В. Орлова «Недавнее прошлое». Т. одобрил ее замысел (см. т. 75, с. 84). Летом 1904 г. Орлов заканчивал эту картину в Ясной Поляне. Экспонировалась на XXXIII Передв. выставке; находится в *МР*.

[2] Об отношении Т. к Земскому собору см. его письмо к Л. Л. Толстому от 20 янв. (т. 75, с. 206—207).

[3] Итал. король Гумберт I был убит 17/29 июля 1900 г. В связи с этим Т. в июле—авг. написал ст. «Убийство Гумберта», получившую впоследствии загл. «Не убий» (т. 34).

[4] *НВ* не выходило с 8 по 14 янв.

[5] W. S. Blunt. The Shame of the Nineteenth Century. A letter to the «Times». 1900, 24 XII (*ЯПб*).

[6] В 1903—1904 гг. Англия предприняла вооруженную интервенцию в Тибет и заняла Лхассу.

[7] В. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. Вып. 1—3. Р., 1894—1898 (на обл.: 1899). Переизд. в 1903 г. в Штутгарте.

6 февраля

[1] Письмо Е. Н. Чирикова от 22 янв. было вызвано появлением в этот же день, в *НВ*, № 10374, сообщ. об интервью Т-го Дэвитту, опубл. в «Standard» 3 февр. н.с.

[2] 1-й судеб. процесс за распространение соч. Т., изд. Чертковым. Приговор был объявлен в Харькове 11 окт. (См. А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах. М., 1911, с. 305, 323).

[3] Высказывания Торо и Шопенгауэра см. в «Круге чтения» на 1 янв.— т. I, с. 8—9 (т. 41, с. 12—13).

[4] Сохр. 2 идентичных экз. «Списка избранных рассказов Чехова, составленного Л. Н. Толстым». Написаны рукой Х. Н. Абрикосова, возможно, в начале 1903 г., когда во время болезни Т. возле него дежурил Абрикосов. Копия списка — в письме И. Л. Толстого к Чехову от 25 мая 1903 г. (*ЛБ*). См. *Зап. ЛБ*, вып. 8. 1941, с. 71.

[5] Запись на отд. листке, сохр. в бумагах Маковицкого.
[6] См. «Послесловие к рассказу Чехова «Душечка»».— «Круг чтения», т. I, с. 437 (т. 41, с. 374—375).
[7] 9 (?) февр. Т. все же написал об этом Л. Ф. Маркс, вдове изд. А. Ф. Маркса (т. 75, с. 218).
[8] См. запись 26 окт. 1904 г. и 17 янв. 1905 г. Капитан Н. Л. Кладо был гл. свид. рус. стороны в комиссии по «гулльскому вопросу». 1 февр. *Р. сл.* (№ 30) сообщало, что «русское заключение устанавливает следующие пункты: 1) открытие огня вызвано приближением двух миноносок; 2) снаряд только случайно задел рыбаков».

7 февраля

[1] Беседа Т. с корресп. «Matin» Бурденом напечатана с сокращ. в *НВ* (№ 10398, 15 февр.). Отзыв Т. об этом корресп. см. *ЛН*, т. 37-38, с. 556.
[2] Вероятно, свободная вариация мысли Б. Паскаля: «Есть только три разряда людей: одни обрели бога и служат ему; люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут его; эти безумны и несчастны. Третьи не обрели, но ищут его; эти люди разумны, но еще несчастны».— «Круг чтения», т. I, с. 60 (т. 41, с. 56).

8 февраля

[1] Запись Маковицкого — единственное свид. о несохр. письме Т. к Бурдену.
[2] Письмо И. Б. Файнермана к Т. из Одессы от 17 янв. (почт. шт.).
[3] Обв. акт по делу Н. Д. Ростовцева см. в кн. А. С. Пругавина «О Льве Толстом и о толстовцах». М., 1911.

9 февраля

[1] «Кровавая драма в Благовещенском переулке» (*Р. сл.*, № 37, 8 февр.).
[2] См. Дн. от 26 мая 1881 г. (т. 49, с. 40).
[3] Не совсем точная цитата из письма И. Ф. Наживина к Т. от 27 янв. В отв. Наживину от 2 марта (т. 75, с. 225) Т. не коснулся этого вопроса.

10 февраля

[1] Т. был в Лондоне 18 февр.— 4(?) марта 1861 г.; в Кенсингтонском музее он слушал лекцию Диккенса о воспитании. Ср. запись П. А. Сергеенко (*ЛН*, т. 37-38, с. 557).
[2] Коллекция фотогр. П. А. Сергеенко хр. в *ГМТ*.
[3] Вероятно, корресп. «Беспорядки в Баку (По телеграфу)».— *Р. сл.*, № 38, 9 февр.
[4] В. Ольховский. Назарены в Венгрии и Сербии. (К истории сектантства). М., «Посредник», 1905 (*ЯПб*, пометы Т. и Маковицкого). Извлеч. из кн., отредактированные Т., вошли в «Круг чтения» под загл.: «О секте назарен, распространившейся в Венгрии, Сербии и Хорватии» — т. II, с. 596—599 (т. 42, с. 386—389).
[5] На похороны вел. кн. приехала его сестра, вел. кн. Мария Александровна, жена герц. Эдинбургского. Т. встречался с нею у А. А. Толстой, к-рая в 1866—1874 гг. была ее воспитательницей (ср. «Круг чтения» на 26 янв.— т. I, с. 65).

11 февраля

[1] Народное восстание на Кубе в 1895 г. и Испано-кубино-амер. война за передел колониальных владений (1898).
[2] Материалы эти присылал Т-му В. В. Стасов.
[3] «Что такое анархизм?», VI. В. Тэккер (*Св. сл.*, № 15, янв. и февр., стлб. 18—22).

12 февраля

[1] Письмо А. де Вогюэ из Москвы от 11/24 февр. Телегр. Т. неизв. Наст. запись — единственное свид. о ней.
[2] Письма Мельхиора де Вогюэ к Т. также неизв.
[3] Ряд высказываний Люси Малори Т. включил в «Круг чтения».

14 февраля

[1] Неточная передача внесенного в «Круг чтения» изречения Шопенгауэра — т. I, с. 134 (т. 41, с. 119).
[2] Рассказ, написанный Т. для «Круга чтения»,— т. II, с. 392—429 (т. 42, с. 194—227).
[3] В *ЯПб* сохр. кн.: J. L e g r a s. Au pays russe. P., 1895 (дарств. надпись). См. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 8—18.

[4] См. «Избранные мысли Канта». М., «Посредник», 1906, с. 72; «Круг чтения», т. I, с. 130 (т. 41, с. 116).

[5] О. Роден работал над памятником Гюго с 1886 г. и сделал неск. его вариантов. В 1909 г. памятник был установлен в саду Пале-Рояля в Париже (мрамор), фигура обнажена. В 1939 г. перенесен в Музей Родена.

[6] Т. относил «Une vie» к лучшим произв. Мопассана. В окт. 1910 г., покинув Ясную Поляну, Т. просил прислать ему среди других книг и этот роман (см. т. 82, с. 216).

[7] В трактате «Что такое искусство?» Т. причислил произв. Л. Лермита, Ж. Бретона и Ж.-Ф. Милле к «лучшим произведениям искусства», к-рые «передают чувства, влекущие к единению и братству людей» (т. 30, с. 161, 177); особо отметил он рисунок Милле «Отдыхающий копач» («Человек с мотыгой»).

[8] В письме от 20 февр. н.с. А. Хэйг сообщал Т. о распространении вегетарианства и о своих посланных кн.: «Truth, Strength and Freedom, or Mental and Spiritual Evolution». L., 1902; «Life and Food». L., 1903; «Science, or the Rule of Mind». L., 1905 (*ЯПб*). Т. отв. 7/20 марта (т. 75, с. 232).

[9] П. Дерулед был у Т. 15 июля 1886 г. См. также *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 535—541.

[10] Т. цит. соч. Ренана «Vie de Jésus», 12-me éd. P., 1864 (*ЯПб*, пометы); ср. т. 62, с. 413. Резко отрицательное суждение Т. о драме Ренана «L'Abbesse de Jouarre» см. в «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» (т. 30, с. 17).

15 февраля

[1] E. M. de V o g ü é. Jean d'Agrève. Aube. Midi. Soir. Nuit. P., 1897, и Les morts qui parlent. P., 1899.

[2] E. M. de V o g ü é. Le roman russe. P., 1886. Эта кн., в к-рой Вогюэ дал высокую оценку рус. лит-ре, особенно Тургеневу и Т., принесла ему широкую известность. Член Франц. Академии с 1888 г.

[3] Т. работал над ст. «Единое на потребу» (по июнь).

[4] Большая выдержка из кн. Н. Макиавелли «Государь» включена в «Единое на потребу» (т. 36, с. 174—177).

16 февраля

[1] А. М. Кузминский.

[2] На письмо А. Е. Маневича от 8 февр. из Гродно Т. отв. 3 марта (т. 75, с. 226—227).

[3] Араб. поговорка: «Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания». — «Круг чтения», т. I, с. 152 (т. 41, с. 134).

[4] Горький входил в состав либер. депутации, пытавшейся уговорить пр-во накануне 9 янв. принять петицию рабочих и не отвечать выстрелами на демонстрацию. О «нелепейшем обвинении» Горького и др. членов депутации в намерении сорганизовать «временное правительство России» писал В. И. Ленин в ст. «Трепов хозяйничает» («Вперед», № 5, 7 февр.). — В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 9, с. 239.

[5] Л. А н д р е е в. Красный смех. Отрывки из найденной рукописи. — «Сб. т-ва «Знание» за 1904 г.», кн. 3. СПб., 1905 (вышел в свет 22 янв.). 17 нояб. 1904 г. брат Л. Андреева (вероятно, П. Н. Андреев) привез Т. машинопись рассказа (*ЯПб*, дарств. надпись) и письмо от 16 нояб. (опубл.: «Толстой и о Толстом», сб. 2. М., 1926, с. 69—70). Л. Андреев хотел поговорить с Т. о войне, но не решался приехать после выступления в печати С. А. Толстой против его рассказа «Бездна» (*НВ*, 1903, № 9673, 7 февр.). Т. в отв. письме от 17 нояб. положительно оценил «Красный смех» и выразил желание встретиться, когда будет свободнее (т. 75, с. 181).

17 февраля

[1] На конв. письма Й. Юлиха от 6 февр. н.с. из Нью-Йорка помета Маковицкого. Об отв. Маковицкого см. т. 75, с. 269.

[2] См. гл. XXXV — «Повесть Эстер».

[3] Текст этот в «Круг чтения» не вошел.

[4] Упом. Ф. А. Страховым мысли Шопенгауэра см. «Круг чтения», т. I, с. 17—18 (запись 7 янв.).

[5] Текст *Еванг. от Матф.* (XXII, 39) и текст из Паскаля были в результате этих замечаний разъединены. 1-й помещен в «Круг чтения» на 14 янв., 2-й — на 18 февр. — т. I, с. 36 и 126 (т. 41, с. 35 и 110).

[6] «Berliner Tageblatt» обратилась 15/28 янв. к предст. нем. науки, лит-ры и искусства с воззванием «Спасите Горького!». Подписалось 269 чел. Эти свед. были перепечатаны *Р. вед.*, № 45, 16 февр. — Горький был освобожден из Петропавловской крепости 14 февр. под залог в 10 000 р., внесенных К. П. Пятницким из средств т-ва «Знание». См. прим. 13 к записи 22 февр.

[7] См. запись 8 янв., прим. 2.

18 февраля

[1] Ранний вар. гл. II с характеристиками царей см. в т. 36, с. 462—463. Позднее, под давлением Черткова, Т. дважды переработал эту гл., смягчив нек-рые выражения (см. т. 36, с. 642, и т. 89, с. 18).

[2] L. T o l s t o y. Sur l'importance du refus du service militaire («Courrier Européen», № 16, 24. II). Перевел по рук. И. В. Бинштока.

19 февраля

[1] Маковицкий готовился к отъезду, т. к. он первоначально был приглашен С. А. Толстой только на 3—4 мес.

[2] Ст. «Об общественном движении в России».

[3] Т. прибыл в Севастополь 7 нояб. 1854 г. и явился к нач. 6 арт. дивизии Л. С. Кишинскому, к-рого называет «преемником» главнокомандующего А. С. Меншикова (на самом деле им был Н. Д. Горчаков).

[4] Сказка «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Впервые — *ОЗ*, 1869, № 2.

[5] «Рождественская сказка» Салтыкова впервые появилась в 1886 г. в *Р. вед.*, № 354. Ф. А. Страхов предлагал включить сказку в «Круг чтения». О переговорах Черткова с Салтыковым по поводу изд. его произв. в «Посреднике» см. *ЛН*, т. 13-14, с. 515—517; Собр. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина (т. XVI, кн. 1. М., 1974, с. 426—427).

[6] Письма Т. к Александру III от 8—15 марта и к К. П. Победоносцеву от 15(?) марта с просьбой передать письмо царю, а также отв. Победоносцева от 15 июня 1881 г. с отказом выполнить просьбу Т. см. в т. 63, с. 44—59. Письмо Т. передал Александру III вел. кн. Сергей Александрович.

[7] 26 февр. н.с. Б. Эйленштейн из Баден-Бадена просил Т. прислать ему нем. пер. тех мест из «Воскресения», где говорится о Г. Джордже и его реформе, а также из последних соч. Т. по этому вопросу. Отв. Маковицкий (см. т. 75, с. 269).

[8] Ср. запись 25 дек. 1904 г., прим. 4.

[9] Письмо Тамура от 13 янв. н.с. из Токио. Т. отв. 1/14 марта (т. 75, с. 223—225).

20 февраля

[1] 18 февр. был дан «высочайший рескрипт» на имя мин. вн. дел. А. Г. Булыгина о разработке проекта совещательной Гос. думы и выборов в нее.

[2] Проверялись 1-е лл. «Круга чтения». Цитата из Г.-Х. Лихтенберга включена в «Круг чтения» на 15 янв.— т. I, с. 41. Взята из кн. G. Chr. L i c h t e n b e r g. Ausgewählte Schriften. Lpz., s. a., S. 67 (*ЯПб*, пометы).

[3] «Круг чтения» на 1 февр.— т. I, с. 83 (т. 41, с. 76).

[4] О смерти своей матери Марии Шкарвановой Шкарван сообщил Маковицкому 27 февр. н.с. Чертков познакомился с матерью Шкарвана в Перли (Англия), куда она приезжала к сыну в начале 1898 г. Т. знал об этом из писем Черткова и Шкарвана.

[5] Т. рассказывает о сыне Генриха IV, Генрихе V (эпизоды из пьесы Шекспира «Генрих IV»).

21 февраля

[1] В. Д о р о ш е в и ч. Толстой и сегодняшний день (*Р. сл.*, № 49, 20 февр.).

[2] П. Д. Боборыкин был предложен в поч. академики Т-м в письме вице-президенту АН — М. И. Сухомлинову 2 мая 1900 г. (т. 72, с. 350). К. К. Арсеньев был поч. академиком с 1900 г.

[3] Ср. запись 27 окт. 1904 г., прим. 4.

[4] Такой бумажный журавлик находится в Музее-квартире А. Б. Гольденвейзера (Москва).

22 февраля

[1] *Р. сл.* от 20 февр., с фельетоном В. Дорошевича.

[2] В каждом № *Р. сл.* сообщалось о количестве проданных экз. Так, № 50 от 21 февр. разошелся в 152 981 экз. (объявление в № 51, 22 февр.). В этой газ. печатались ст. либерального свящ. и писателя Г. С. Петрова.

[3] Ср. Г. Х. Л и х т е н б е р г. Афоризмы. СПб., 1899, с. 107. Высказывание это Т. включил в «Круг чтения» — т. I, с. 300—301 (т. 41, с. 266).

[4] «*Шуба*» — это «Под Рождество обидели (житейские случаи)» (1890), «*О людях, которые ждали пришествия Христа*» — «Обнищеванцы» (1881); «*Крестьянин, который верил*»,— возможно, «Христос в гостях у мужика» (1881); «*Кова*»—«Томленье духа».

[5] См. в «Воскресении», ч. I, гл. XXXIV.

[6] *О кучере* — рассказ Л. Авиловой «Первое горе» (*РБ*, 1900, № 8). Т. переработал его и включил в «Круг чтения» — т. I, с. 470—481 (т. 41, с. 403—413). «Без привычки» — из кн. Авиловой ««Счастливец» и другие рассказы». СПб., 1896. Оба рассказа Авилова послала Т. при письме от 1 марта (почт. шт.).

[7] Рассказ «Обнищеванцы» был напеч. не в *ПГ*, а в *Р.*, 1881, №№ 16—21, 24, 25—28 февр.— 4 апр., 25 апр., 2 мая. По просьбе Т. его искала для «Круга чтения» Авилова. 17 марта она сообщила Т., что не нашла его.

[8] *«Пролог»* — древнерус. сб. кратких житий, поучений и назидательных рассказов, восходящих в своей основе к визант. первоисточнику. Нек-рые сюжеты «Пролога» получили отражение в произв. Лескова. Ему принадлежит также исслед. женских типов «Пролога» — «Легендарные характеры. Опыт систематического обозрения» (Полн. собр. соч. Н. С. Лескова, т. XXXI, изд. 3-е. СПб., 1903; *ЯПб*).

[9] Т. имел в виду «жизнепонимания» Светлогуба, старика-сектанта и Меженецкого.

[10] В отв. на просьбу Т. (письмо от 31 янв.— т. 75, с. 214—215) Э. Моод при письме от 21 февр. н.с. прислал след. соч. Карпентера: «England's Ideal and other Papers on Social Subjects». N. Y, 1895; «Angel's Wings. A Series of Essays on Art and its Relation to Life». L., 1899; «Civilisation: its Cause and Cure and other Essays». L., 1903 (последние 2 кн. сохр. в *ЯПб*).

[11] Альвин Бишоп (Alvin B. Bishop) писал Т-му из Ватерлоо (США) 27 янв. К письму приложено стихотв. «To count Leo Tolstoi. The Light of Russia».

[12] Irène Michalino в письме от 18 янв.

[13] Воззвание было вложено в письмо Кири от 8 февр. н.с. (почт. шт.) с обр. адресом: «Wien IX, Gunthergasse, 2». В петициях в защиту Горького участвовали и бурж. журналисты. В 1906 г. в связи с памфлетом Горького «Прекрасная Франция» они напомнили ему о своей помощи. 11 дек. 1906 г. в № 968 «Humanité» Горький ответил им в открытых письмах под загл. «Моим клеветникам!» (*Горький*, т. 23. М., 1953, с. 406—409, 457—458).

[14] Отр. из письма Баба Премананда Бхарати от 27 янв. н.с. из Бостона. К письму приложен обзор речи Баба Бхарати на Междунар. конференции мира в окт. 1904 г. в Америке («Boston Evening Transcript», 1904, 5.X).

[15] Письмо от 28 янв. н.с.

[16] Письмо от 28 янв. н.с. с обр. адресом: «Decatur, Ind. USA».

23 февраля

[1] «Тао те кинг» Лаоси (Перевод с китайского). — *ВФиП*, 1894, кн. 3 (23), май, (*ЯПб*, пометы), с предисл.: Д. Конисси. Философия Лаоси (там же, с. 363—379). Начало предисл.— в том же журн., 1893, кн. 3 (18), май (*ЯПб*).

[2] В № 339 *Р. вед.*, 6 дек. 1904 г., сообщалось: «Художественный журнал «Epreuve» открывает подписку на устройство в Париже памятника Л. Н. Толстому. Сооружение памятника поручено кн. Трубецкому ‹...› Парижане надеются даже увидеть на готовящемся торжестве самого Толстого...» Замысел не был осуществлен. Памятник Т. в Париже (работы А. Гюрджана, 1914) был поставлен только в июле 1955 г. (см. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 218—219).

[3] В Урюпине, на Сев. Кавказе, находилась колония толстовцев.

24 февраля

[1] Г. Вильямс посетил Т. 20 янв.

[2] Ст. Т. «Об общественном движении в России» (т. 36). Она появилась в «Times», № 37652, 11.III.‹26.II ст. с.› под назв.: «The Crisis in Russia». Translated by V. Tchertkoff and I. F. M‹ayo›. См. запись 23 дек., прим. 2.

[3] Маковицкий приводит список изменений, внесенных Т. в текст рассказа Лескова «Томленье духа» (т. XVI). В конце рассказа Маковицкий приписал: «Л. Н. отметки эти делал 24. II 1905 г.» (с. 156).

[4] Письмо К. Баррето от 4 янв. н.с. (почт. шт.) из Парнамбуко (Бразилия).

[5] Н. Вельтер при письме от 6/19 янв. послал Т. стихотв. на нем. яз.— «Проклятие матерей — псалом», написанное под впечатлением кн. Ж. Бурдона (G. Bourdon. En écoutant Tolstoï. Entretiens sur la guerre et quelques autres sujets. P., 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись. — См. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 39—61) и «волнующих страниц Толстого о настоящей войне». Вельтер просил разрешения у Т. посвятить ему это стихотв.

[6] См. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 445.

[7] В *Кн. корресп.*, III, есть помета февр. 1905: «Старцев. Просит заступничества, Баку».

[8] В *Списке* (т. 75) отв. Остергаарду не отмечен.

[9] Этот масонский журн., издававшийся в Берлине (*ЯПб*), был прислан Т-му автором назв. ст., Веркскагеном, при письме от 4 марта н.с. Т. отв. 7/20 марта (т. 75, с. 231). Далее Маковицкий цит. выдержки из этой ст.

[10] Рассказ Чехова «Смерть чиновника» (1883). По словам М. П. Чехова, сюжет этого рассказа был сообщен Чехову директором моск. имп. театров В. П. Бегичевым («Вокруг Чехова», изд. 4-е. М., 1964, с. 150).

[11] Отв. смоленского мужика Т-му на вопрос, что́ он думает о войне (см. *Св. сл.*, № 13, сент.-нояб., 1904, стлб. 26).

25 февраля

[1] В ст. 1904 г. «Одумайтесь!» Т. писал: «Буддийский ученый, начальствующий над 800 монастырями, Сойен Шакю, объясняет, что, хотя Будда и запретил убийство. он сказал, что он не будет спокоен до тех пор, пока все существа не будут соединены в бесконечном, любящем сердце, а потому, чтобы привести находящиеся в беспорядке вещи в порядок, нужно воевать и убивать людей» (т. 36, с. 142).

26 февраля

[1] 24—28 февр. Т. работал над ст. о Б. Паскале для «Круга чтения» — т. II, с. 20—28 (т. 41, с. 477—484).

[2] И. К. Дитерихс и Д. В. Никитин помогали Т. составлять календарь для народа. Сохр. гранки «Круга чтения» (1—19 янв.) с правкой Т., желавшего популярно изложить содерж. этой кн. (см. т. 42, с. 532—553, 576).

27 февраля

[1] Мукден был занят японцами 25 февр.

[2] Неточное излож. эпизода из романа «Торговый дом Домби и сын», гл. XXXIII («Контрасты»).

[3] Поход в Венгрию 1849 г. закончился в 7 недель.

[4] См. гл. XI и VI (т. 36, с. 199—202, 181—189).

[5] См. запись 3 марта.

[6] Работа над ст. продолжалась до 17 июня.

28 февраля

[1] С. Л. Толстой женился на М. К. Рачинской 10 июля 1895 г.; за границей они пробыли до конца дек. того же года.

[2] Лодиан был у Т. в сент. 1897 г. (см. т. 84, с. 290—291).

[3] Далее опускается текст медиц. отчета, составл. Д. В. Никитиным, о болезни Т. в 1902 г.

1 марта

[1] Биографию К. П. Победоносцева Т. читал в *Брокгаузе*, кн. 46, где упомянуто собр. ст. Победоносцева, изд. им под назв. «Московский сборник» (1896; *ЯПб*).

[2] По свидетельству Маковицкого, составил этот документ для Т. «один офицер». См. запись 21 марта.

[3] Далее Маковицкий цит. в рус. пер. выдержки из письма Аннеты Герман от 1 марта н.с.

2 марта

[1] Отв. Т. от 1/14 марта (т. 75, с. 223—225) на письмо Тамуры от 13 янв. н.с.

[2] Подборка «О мукденских боях» (*Р. сл.*, № 57, 1 марта). В той же газ., № 51, 52, 22, 23 февр., под рубрикой «Война», печ. подборки «Сражения под Мукденом».

[3] На письмо А. Хэйга от 20 февр. н.с. Т. отв. 7/20 марта (т. 75, с. 232).

3 марта

[1] В письме от 6 марта н. с. Б. Бувье, основатель и в 1904—1912 гг. предс. Société Jean-Jacques Rousseau, просил согласия Т. «стать членом этого общества». 7/20 марта Т. отв., что «с большим удовольствием» записывается в члены общества, с благодарностью принимает это предложение (т. 75, с. 234—235).

[2] Л. Магрини (не сын Мадзини, а секретарь юбилейного комитета) из Милана 4 марта н.с. просил Т. прислать «статью, даже фразу или слово» для сб., выпускаемого итал. писателями и полит. деятелями к 100-летию со дня рожд. Дж. Мадзини. Отказываясь от более близкого участия в сб., Т. в отв. письме от 7/20 марта выразил симпатию и уважение к покойному итал. революционеру (т. 75, с. 233).

[3] Вероятно, речь идет о памятнике Вольтеру в селении Ферне работы Э. Ламбера (1890) с надписью: «Фернейскому патриарху, 1694—1758—1778». Факт посещения Т-м Ферне его биографами не отмечен. Т. мог побывать там в 1857, 1860—1861 гг., живя в Женеве, близ к-рой расположена эта резиденция Вольтера. Надпись: «Deo erexit Voltaire MDCCLXI» была начертана на фасаде церкви, выстроенной Вольтером у въезда в Фернейский замок. Упоминаемый Т. памятник (пирамида) — саркофаг, в форме усеченной пирамиды, в к-ром до 1864 г. хр. урна с сердцем Вольтера. Саркофаг стоял в одной из мемориальных комнат замка Ферне.

[4] На письмо Е. И. Попова от 5 марта н.с. из Крайсчерча Т. отв. 3 марта (т. 75, с. 228—229). «Душечку» для нем. изд. «Круга чтения» подготовила Эмма Мандельбаум («Für alle Tage». Dresden, 1906).

[5] 26 февр. (11 марта н.с.) в «Times» Чертковым была опубл. ст. Т. «Об общественном движении в России» («The crisis in Russia»). 1 и 2 марта в обр. пер. с англ. яз. напеч. в *БВ* (№ 8695) и *НиБГ* (№№ 52—53—«Письмо гр. Л. Н. Толстого»). Ст. получила широкий отклик в рус. прессе.

[6] Вероятно, ст. «Единое на потребу».

4 марта

[1] Участник револ. движения, писатель и ученый-этнограф В. Г. Богораз-Тан после отбытия ссылки выехал через Японию в Америку, откуда в 1904 г. вернулся в Россию. 28 окт. 1904 г. он писал Т. из Петербурга, прося разрешения навестить его. На конв. его письма помета: «М. Л. отв.». М. Л. Оболенская отв. Тану в начале нояб. 1904 г., по поруч. отца, приглашая приехать (т. 75, с. 267).

[2] Тан составил «Областной словарь колымского русского наречия». (*Сб. ОРЯС*, т. LXVIII, № 4, 1901; *ЯПб*); «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе». СПб., 1900.

[3] В *ЯПб* сохр. 2 кн. Э. Арнольда: «Светило Азии, или Великое отречение». Поэма. Пер. с англ. И. М. Сабашникова (И. Юринского). Изд. 2-е. СПб., 1895 (дарств. надпись изд. М. М. Ледерле); «Свет Азии». Пер. в стихах А. М. Федорова. М., 1895 (дарств. надпись пер.).

5 марта

[1] Рассказ «Первое горе» (*ЕСТ*), рекомендованный Т-му братом писательницы, Ф. А. Страховым. Позже Авилова прислала Т. оттиск рассказа при письме от 28 апр.

[2] Сообщение об этом событии, происшедшем 28 февр. в г. Волковыске, было перепеч. из «Варшавского дневника» в *Р. вед.*, № 61, 5 марта.

6 марта

[1] Н. К л а д о. Можно ли было предвидеть результаты морской войны на Дальнем Востоке (*НВ*, № 10415, 4 марта).

[2] «Неизданный дневник Марии Башкирцевой и переписка с Гюи де Мопассаном». Пер. с франц. под ред. М. Гельрота. Ялта, ‹1904› (*ЯПб*).

7 марта

[1] Слух оказался ложным.

[2] Прус. полк. и воен. писатель Р. Гедке во время Рус.-япон. войны состоял при рус. армии корресп. «Berliner Tageblatt». Его корресп. о мукденском сражении были перепеч. рядом рус. газет.

[3] Т. в 1903 г. дважды писал Куропаткину (24 мая и 6 сент.) — в то время воен. мин., по поводу М. Н. Волкова, приговоренного в дисциплинарный батальон (см. т. 74, с. 135—136, 176—177, 200).

[4] Скульптура работы М. Клингера, изображающая Бетховена в кресле, находится в Лейпцигском музее.

[5] Андреев сделал в этот приезд 2 слепка: бюст пишущего Т.— бронза, *ГТГ* (С. А. Толстая записала в *ЕСТ* 7 марта: «Бюст Льва Ник-а плох, грубо и непохоже»), и «Толстой Л. Н.» — Голова. Гипс (*ГМТ*).

8 марта

[1] *Епишка* (Епифан Сехин), с к-рым Т. встречался в станице Старогладковской в 1851—1854 гг., послужил прототипом дяди Ерошки в «Казаках» (ср. гл. XXVIII повести — т. 6, с. 106—107).

[2] И. Б о д у э н д е К у р т е н э. Из моих военных воспоминаний.— «Наши дни», № 30, 27 янв.-Газ. не выходила с 5 февр. по 7 дек.

[3] Илл. помещены в ст. H. R. E v a n s. The Romance of Automata (с подп.: *The Automaton Chess Player*).— «Open Court», vol. XIX, № 3, March, p. 132 (*ЯПб*).

9 марта

[1] «Кто я?» — набросок гл. I будущей ст. Т. «Зеленая палочка» (т. 36); начал 1 дек. 1904 г.; 8—9 марта Т. продолжал работу.

[2] Возможно, что последние страницы восп. Т. о брате Дмитрии (гл. IX), а также «Фанфаронова гора» и «Брат Сережа» были написаны им в первых числах марта. Их, по-видимому, и переписывала 8 марта М. Л. Оболенская (т. 34, с. 379—388).

[3] В *ЯПб* хр. 2 изд. кн. E. C r o s b y. Edward Carpenter: Poet and Prophet. Philadelphia, 1901*; «Edward Carpenter: Poet and Prophet». 2-d ed. L., 1905.

[4] E. H. Crosby. Tolstoy and his Message. The Simple Life Press. L., 1904. Ch. VI, p. 76—81.
[5] Биография была написана Я. Яначеком.
[6] И. Ягич. Введение в сочинения Хельчицкого (*Сб. ОРЯС*, т. LV, 1893; *ЯПб* *, пометы).
[7] По последн. данным, годы жизни Гуса: 1371—1415; Хельчицкого: 1390—1460. Гл. труды Хельчицкий написал после смерти Гуса — в серед. XV в.
[8] Т. пробыл на Кавказе с 30 мая 1851 г. по 19 янв. 1854 г.
[9] А. Хаханов. О современном положении грузин (*Р. вед.*, № 62, 6 марта).

10 марта

[1] Gr. Klíma. Zákon o školách menšinových («Pokroková Revue», Březen).
[2] В «Круг чтения» включены 2 мысли Кальвина и одна Лютера — т. I, с. 192; II, с. 237 (т. 41, с. 171; т. 42, с. 60—61).
[3] Т., вероятно, имел в виду след. отр. в пер. Ю. С. Анненкова: «...народилось множество мошеннических сбродов, которые в свою очередь дерут сеть веры ‹...› Каждый из этих сбродов стремится господствовать...» (с. 350; ср. с. 390—392). В чеш. ориг. слово «rota» — большое скопление людей.
[4] 26 февр. н.с. 1888 г. из Праги Ф. О. Масарик сообщал, что просил проф. Н. Я. Грота доставить Т. экз. «Сети веры». 30 мая 1889 г. Н. Н. Страхов привез Т. часть еще не напечатанных, но сверстанных лл. «Сети веры», вышедшей только в 1893 г. (см. т. 64, с. 250).
[5] О возможном влиянии на Хельчицкого средневековой секты вальденсов писал И. В. Ягич во «Введении в сочинения Хельчицкого», с. XXXII—XXXIV.
[6] После женитьбы на Н. Л. Оболенской Х. Н. Абрикосов уже не помогал, как прежде, Т. в работе.
[7] М. Л. Оболенская и Л. Л. Толстой были в Самарской губ. в мае 1893 г.
[8] Этот эпизод вошел в гл. XV повести «Поликушка» — сон старика Дутлова (т. 7, с. 48).

11 марта

[1] Рук. в *ГМТ*.
[2] З. Пиннер просил Т. написать предисл. к его пер. на нем. яз. отрывков из кн. Crosby «Swords and Plouwshares» и «Plain Talk in Psalm and Parable». На его письма от 30 окт. н.с. 1904 г., 6 янв. и 19 марта н.с. 1905 г. отв. Маковицкий (т. 75, с. 269).
[3] *Брокгауз*, кн. 37.— Ф. Левинсон-Лессинг. Метеориты, с. 168—171 (*ЯПб*).
[4] Ch. Dickens. The Life and Adventures of Nicnolas Nickleby. Lpz., 1843 vol. I—II (*ЯПб*).
[5] E. Denis. Fin de l'indépendance bohême, t. I—II. P., 1890 или «Huss et la guerre des hussites». P., 1878.
[6] E. H. Crosby. Tolstoy and his Message, Ch. VI, p. 77—78.
[7] «Сеть веры» в рус. пер. Ю. С. Анненкова изд. «Посредником»; 2-е изд.—1907 г.

12 марта

[1] *Р. вед.*, № 67, 11 марта. Освобождено было 562 чел.
[2] См. «Малеванцы. История одной русской секты». Состав. П. Бирюковым.— *Св. сл.*, №12—14, 1904, июль — дек.; В. Б‹о н ч›-Б‹р у е в и ч›. Русское правительство и Кондрат Малеванный.— «Рассвет» (Женева), 1904, № 1, а также *Св. сл.*, № 12, 1904, июль и авг., № 13, сент.-нояб., № 14, дек.
[3] *РЛ*, №№ 58, 63, 66—1, 6, 9 марта.
[4] В *Р. вед.*, № 67, 11 марта, были перепечатаны свед. из газ. «Düna Zeit».
[5] Возможно, «Единое на потребу». На одной из обложек черновых рук.— дата переписчика: «9—13 марта».
[6] Герцен. Былое и думы, ч. I, гл. III. «Смерть Александра I и 14 декабря».— *Герцен, Женева*, т. VI, 1878, с. 60—68, *ГМТ* (пометы); *Герцен, т. VIII*, с. 56—62. То же и в ст. «О развитии революционных идей в России», гл. V («Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года»).— *Герцен*, т. VII, с. 214—215.
[7] А. А. Корзиков.
[8] М. Л. Оболенская вспоминает о работе на голоде в 1892 г., в Бегичевке, Рязанской губ.

13 марта

[1] Т. правил корр. этого предисловия.
[2] См. также запись 10 марта, прим. 2.
[3] «Сеть веры» в *Сб. ОРЯС*, т. LV. СПб., 1893.

14 марта

[1] 23 марта 1900 г. Т. Л. Сухотиной, болевшей фронтитом, делали операцию в моск. университетской клинике проф. А. А. Остроумова.

[2] 1 марта н.с. Х.-Б. Сонлер, гл. ред. нью-йоркского «Globe», писал Т., что газ. открывает дискуссию на тему «Общественная проблема разводов».

15 марта

[1] *Голомя* — давно, давненько, даве, давеча — но того же дня, за неск. часов. Т. знал и употреблял это слово в своих произв. См., напр., в «Дьяволе» (т. 27, с. 485, 487).

[2] Не совсем точная цитата из высказ. немецкого республиканца К.-П. Гейнцена, приведенная в «Былом и думах» (ч. 5, гл. XXXVII, «Немецкие Umwälzungsmänner'ы» (*Герцен, Женева*, т. VIII, 1879, с. 282—283; *ГМТ*, пометы); *Герцен*, т. X, с. 60—61.

[3] Почитатель Т., англичанин Солано, писал Т. 21 февр. из Петербурга, что «был бы счастлив» рассказать ему о своих рабах и услышать его суждение об «обязанностях по отношению к ним».

[4] В *Списке* (т. 75) учтены след. письма, к-рые могли быть написаны после 15 марта: Ф. Е. Терентьеву (Москва), А. Островскому (Тамбов), Л. С. Винеру (Германия).

[5] В письме от 17 марта н. с. из Парижа И. М. Трегубов просил Т. помочь его знакомой евр. девушке поступить на Моск. женские медиц. курсы и спрашивал, не был ли Т. в общении с Гапоном.

[6] Э. Г. Шмит 21 марта н.с. писал Т., что русские извлекут из войны «гораздо большую нравственную пользу, чем японцы».

[7] В дек. 1900 г. в Ясную Поляну приезжал А.-С.-Н. Энгеленберг (см. т. 72, с. 507—510).

[8] K. W a l i s z e w s k i. La dernière des Romanov Élisabeth Ire, impératrice de Russie. 1741—1762. P., 1902, p. 64—80 (ср. т. 75, с. 194, 226).

[9] Х. Рока де Тогорес в письме к Т. от 17 марта н.с. просил дать отзыв о его работе «Le cuestion social (Cartos á un amigo)», опубл. в журн. «Revista contemporáneo», четыре № к-рого Тогорес послал Т. (*ЯПб*).

16 марта

[1] С этой просьбой к Т. обратился 8 марта н.с. Л. Дебарж, ред.-изд. еженедельника «Semaine Littéraire».

[2] Пастор Э. К. Литтл в письме от 20 янв. н.с. (почт. шт.).

[3] Литератор (не священник) П. Г. Луазон, сын известного религ. деятеля Père Hyacinthe. Письмо его от 4 февр. н.с. опубл. в *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 444—447.

[4] Ст. «В чем моя вера?», напеч. в 1884 г. в *РМ*, была запрещена ценз. Издавалась за границей. В России впервые появилась в 1906 г. (см. т. 23).

[5] L. T o l s t o y. The Christian Teaching. L., ed. by V. Tchertkoff, 1898.

[6] О своих неудачах Н. В. Орлов сообщил Т. 15 марта (почт. шт.) и 21 апр. Картина «Недавнее прошлое» («Перед поркой») экспонировалась на XXXIII Передв. выставке, но на 4-й день была снята. Хр. в *МР*. Картина «Освятили» была отправлена в 1904 г. на Всемирную выставку в США; там она пропала (см. С. И. С о ф р о н о в. Художник-передвижник Н. В. Орлов. М., 1965, с. 76—80, 59—68).

[7] Выставка картины «Что есть истина?» за границей принесла Ге большой материальный ущерб.

[8] Ю. И. Игумнова ответила Орлову 18 марта (т. 75, с. 270).

[9] «*Распятие*» — картина Н. Н. Ге. См. о ней письма Т. к Ге (т. 66, с. 229, 365, 408, 452); т. 67, с. 81—82). Сохр. 2 вар. картины: 1892 г. (Франция) и 1894 г. (Швейцария). См. сб. «Н. Н. Ге». М., 1978, с. 336.

[10] «В Гефсиманском саду» (1896) — *ГТГ*.

[11] «Выход с тайной вечери» (1889) — *РМ*. См. письмо Т. к Н. Н. Ге от 21 апр. 1889 г. (т. 64, с. 248—249).

[12] Цитатно: *МО*, 1903, № 8 (май), № 10 (июнь), № 11 (июль).

17 марта

[1] Учебн. заведения были закрыты из-за студенч. забастовок.

18 марта

[1] Л. Л. Толстой в ст. «Мысли и жизнь» выступил против заключения мира и за продолжение войны *НВ*, *веч. вып.* 7 марта), утверждая, что Россия должна двинуться к океану, а желтая раса слиться с русскими (*НВ*, № 10421, 10 марта). Защитникам войны и возражала в своей ст. С. А. Толстая. 18 марта она отметила в *ЕСТ*:

«Написала письмо о моем взгляде на войну и на мир и послала Черткову напечатать». 28 апр. н. с. Чертков поместил это «Частное письмо» в «Times» и отправил во Францию П. Буайе и в Германию Р. Левенфельду для опубликования в газетах.

[2] С. Соловьев. История России с древнейших времен, тт. XIX—XX. М., 1869—1870 (*ЯПб*, пометы; т. XIX отсутствует). О Елизавете — «История России в царствование императрицы Елисаветы Петровны» (т. XXI — XXIV). М., 1871—1874.

[3] J. Dicenta. Sueños de Apostol. Como se hará la Revolución («Mundo», № 2413, 6.III; *ЯПб*, пометы). Перепеч. из «Liberal»: «Старый Толстой, славянский мистик, остается верным своей доктрине, невозмутимым в своих проповедях ‹...›, в то время как ‹...› кровь безоружных людей безжалостно пролита казаками, солдатами и полицейскими перед дворцом царя ‹...› Творчество Толстого было бы более совершенным, более действенным и гуманным, если бы мистицизм не ослабил его» (приведенный текст подчеркнут Т.).

19 марта

[1] Трактат Т. «Так что же нам делать?» (т. 25).

[2] Письмо И. А. Бодуэна де Куртенэ Маковицкому от 4/17 марта на польск. яз. по поводу ст. Т. «Об общественном движении в России» (*LAMS*).

[3] М. Н. Муромцева-Клементова (*ЕСТ*, 19 марта).

[4] Русский ун-т в Париже, или Высшая русская школа соц. наук, основан в 1901 г. проф. М. М. Ковалевским.

[5] На представлении оперетты Тургенева и Полины Виардо «Последний колдун» 11/23 сент. и 7/19 окт. 1867 г. в баденском доме Тургенева присутствовала прус. королевская чета. Тургенев исполнял роль колдуна (см. *ЛН*, т. 73, кн. 1, с. 177—224; *И. С. Тургенев. Письма*, т. VI, с. 308, 324).

[6] Т. мог прочесть об этом в *Илл. прилож. к НВ*, № 10423, 12 марта, с. 11. П. Виардо было 84 г. (род. в 1821 г.).

[7] К. Д. Бальмонт виделся с Т. в Гаспре 14 и 22 нояб. 1901 г., затем писал ему, посылая свои кн.

20 марта

[1] Ред. «Leslies Magazine» телеграфировал из Нью-Йорка 24 янв. н.с.: «Сообщите американцам о страданиях и надеждах русских». Венская газ. «Zeit» 24 марта н.с., собираясь издать спец. №, посвящ. памяти Шиллера, писала, что была бы счастлива получить от Т. что-нибудь для этого №; изд. флорентинского журн. «Scena Illustrata» Н. Поллацци, много лет посылавший свое изд. Т., просил у него «несколько страничек» (14 янв. н.с.).

[2] Об этом просил Дж.-Х. Кёзинс из Дублина 12 янв. н.с.

[3] Об отказе от воинской повинности писали: И. Кордес (Гейдельберг — 28 янв.); Е. Е. Гончаренко (Омск) — 10 и 26 янв. и 13 марта (Т. отв. 12 февр.— т. 75, с. 222); А. Е. Маневич (Гродно) — 8 февр. (Т. отв. 3 марта — т. 75, с. 226—227).

[4] «New scraps from Thoreau» (раздел «Hindooism versus Judaism»).—«Review of Reviews», vol. XXXI, № 183, March, p. 292—293 (*ЯПб*, пометы). Отчеркнуто слева вдоль всего приведенного письма — p. 293.

21 марта

[1] Мысль Ф. А. Страхова из «Круга чтения» — т. I, с. 209.

[2] «Im österreichischen Reichsrat» («Simplicissimus», № 51, 14. III).

[3] В ст. В. Каллаша «Литературные дебюты А. П. Чехова» (*РМ*, № 3, с. 124) приведены отр. из раннего рассказа Чехова «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь. Роман в одной части с эпилогом, посвящаю Виктору Гюго» (*ЯПб*).

[4] О сходном делении людей на разряды, но по признаку религ.-нравственных исканий, см. в рассуждении Паскаля в «Круге чтения»— т. I, с. 60 (т. 41, с. 56).

[5] Кн. Дж. Моррисона-Давидсона, о к-рой см. в прим. к записи 29 окт. 1904 г.

[6] А. Б. Гольденвейзер и Б. О. Сибор приехали 25 марта.

[7] Т. виделся с оренбургским ген.-губ. Н. А. Крыжановским в Оренбурге 8—14 (?) сент. 1876 г.

23 марта

[1] В *ГМТ* хр. письма Дж. Юнга начиная с 1900 г. Упомин. письма среди них нет, но в *Кн. корресп.* это письмо отмечено.

[2] Письмо изд-ва Carbonell ∝ Esteva от 31 марта и. с.

[3] Письмо Т. Матсумото от 24 нояб. н. с. 1904 г.

[4] Письмо от 12 марта н. с. с прилож. вырезки из неустановл. газ. со ст. Элен Бингем о Т.—«Russia's «Grand Mujik»», представляющей собой текст ее публ. выступления в г. Сан-Рафаэле.

[5] Письмо Э. Кросби к Т. от 26 февр. н. с. из Чикаго с выпиской из газ. «Chicago».

[6] На это письмо от 15 марта н. с. Т. отв. 18/31 марта отказом, т. к. его убеждения не совпадали с прогр. комитета (т. 75, с. 238—239).

24 марта

[1] В письме от 16 марта крестьянин Тверской губ. М. Д. Суворов, служивший лакеем у вдовы мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстого, спрашивал: «Долго ль многонаселенные серые сермяги тащить будут перекувыркнутую телегу» (см. т. 90, с. 371). Над своим отв. Т. работал с 24 по 28 марта. 5 апр. отв. был отправлен адресату и одновр. в Англию Черткову для публик. Вышел в виде отд. брошюры (с датой 25 марта) под загл.: «Как освободиться рабочему народу?» — «Листки для народа», № 13, изд. *Св. сл.*, 1905 (*ЯПб*). В России под тем же загл. в «Обновлении», 1906, № 10 (конфисковано) (*ЯПб*). Впоследствии Т. переработал ст., озаглавив ее: «Истинная свобода» (т. 90, с. 69—74; 77—82).

[2] Т. Л. Сухотина ждала ребенка.

[3] Т. путешествовал по Швейцарии весной 1857 г.

[4] *Еванг. от Матф.*, V, 38—39.

[5] М. Э. Здзеховский псевд. *М. Урсин*), переписывавшийся с Т., посетил Ясную Поляну 28 авг. 1896 г.

25 марта

[1] Заседания съезда О-ва русских врачей в память Н. И. Пирогова проходили 21—23 марта. На них говорилось и о соц. условиях, способствующих развитию эпидемии.

[2] В *ECT* 25 марта записано: «Превосходно играли весь вечер: 3 сонаты Вебера; 2 — Моцарта, 2 — Бетховена («Крейцерову»), 1 — Шуберта; и еще мелкие вещи».

[3] Местонахождение этого фотопортрета Т. неизв.

[4] 3 марта, после смещения А. Н. Куропаткина, на пост главнокоманд. был назначен ген. Н. П. Линевич.

[5] 12 февр. конные стражники в Курске избили демонстрацию учащихся (см. Н. Ш е б у е в. Негативы.— *Р*, № 58, 7 марта).

[6] О бакинских событиях см. запись 10 февр.

[7] *Л. С.* Из поездки в Гурию (*СО*, № 30, 24 марта).

[8] Экономическая и политич. обстановка страны в 1-й полов. 1880-х гг. заставила правит. Александра III провести ряд реформ для улучшения материального состояния крестьянства: снижение выкупных платежей, отмену подушной подати и др. Практическое значение реформ было, однако, невелико, а последовавшие затем «контрреформы» закрепили бесправное положение крестьянства.

26 марта

[1] Л. С у л е р ж и ц к и й. В Америку с духоборами (из записной книжки). М., «Посредник», 1905 (*ЯПб*). См. о др. экз. прим. 6 к записи 26 нояб.

[2] Д. Я. Суровцев. О рассказе Тана — см. запись 4 марта.

[3] К. Н о с и л о в. По Гурии. Озургеты (*НВ*, № 10436, 25 марта).

[4] Такой сб. издан не был.

27 марта

[1] См. *Р*, №№ 76—77, 25—26 марта.

[2] Синод ходатайствовал перед царем о созыве Собора для избрания патриарха (см. «О патриаршестве». — *Сл.*, № 105, 25 марта; Н. С и м б и р с к и й. К церковной реформе.— *Р*, №№ 76, 77, 25, 26 марта).

28 марта

[1] *Еванг. от Матф.*, XX, 1—16.

30 марта

[1] Автором краткого предисл. к «Сети веры» П. Хельчицкий не был. Оно появилось в 1-м чеш. изд. «Сети веры» (1521; см. его в *Сб. ОРЯС*, т. LV, 1893, с. 341).

[2] Изд. газ. не осуществилось.

[3] В «Круг чтения» вошли 2 отр. из Хельчицкого: «Закон бога и закон мира сего», «Христианство и разделение людей»— т. II, с. 330—338, 443—449 (т. 42, с. 142—149; 240—246).

31 марта

[1] Впервые «Сеть веры» напеч. по-чеш. в 1521 г. братьями Вацлавом и Гинком из Перкнова. Новое чеш. изд. осуществлено Э. Сметáнком только в 1912 г.

[2] «Petra Chelčického Postilla». Díl I—II. Praha, 1900—1903. «Постилла» — своего рода «Круг чтения». Хельчицкий дал в ней свое толкование Библии для самостоятель-

ного чтения (1434—1436). 1-е изд.— в 1522 г., в Праге, на чеш. яз. Нем. изд. появилось уже в XX в.: P. Chelčický. Von Frieden Gottes. Aus der Postille übersetzt von A. S. Mógr. Lpz., 1920.

[3] «Предисловие» к «Учению 12-ти апостолов» и пер. его вошли в «Круг чтения» как «Недельное чтение» на 8 дек.— т. II, с. 524—531 (т. 42, с. 318—324).

1 апреля

[1] См. письмо Т. к Черткову от 17 апр. (т. 89, с. 14—16).

[2] «Одиночество» Мопассана включено в «Круг чтения» — т. II, с. 125—130 (т. 41, с. 562—567).

[3] Ст. «Петр Хельчицкий» включена в «Круг чтения» — т. II, с. 220—225 (т. 42, с. 46—50).

[4] «Учение двенадцати апостолов. Новооткрытый памятник древней церковной литературы в пер. с греч., с введением и прим. К. Попова», изд. 2-е, испр. Киев, 1885 (*ЯПб*, пометы). Т. пересказывает содерж. отр. из гл. XI (с. 36).

[5] В письме из Торонто от 1 апр. н. с. П. В. Веригин сообщал о своем намерении приехать к Т. вместе с проф. Дж. Мэвором. Т. отв. 28 мая (т. 75, с. 245).

[6] 1-е предисл. к «Учению 12-ти апостолов» написано Т. в 1885 г. (т. 25, с. 416—428).

[7] Письмо В. А. Лебрена к Маковицкому от 16 марта (*PNP*).

2 апреля

[1] Журналист М. Романов рассказал Т. о созданном 1 нояб. 1904 г. в Москве о-ве «Надежда», цель к-рого — улучшение условий жизни рабочих (см. М. Романов. Гр. Л. Н. Толстой о рабочем вопросе (Открытое письмо московским рабочим).— *РЛ*, № 90, 2 апр.)

[2] Ср. «Круг чтения» на 1 янв.— т. I, с. 8—9 (т. 41, с. 12—13).

[3] Письмо Т. к Черткову об этом неизв.

[4] О выступлении С. Д. Николаева в Москве на съезде земских агрономов и статистиков (конец марта) Горбунов-Посадов писал Т. 31 марта.

[5] А. М. Кузминский был командирован в Баку для расследования происходивших там в начале февр. столкновений между арм. и мусульм. населением.

[6] Крушение под Борками произошло 17 окт. 1888 г.

[7] Экзекуция над крестьянами Орловской губ. была произведена в 1892 г. Описана Т. в заключ. части соч. «Царство божие внутри вас», гл. XII (т. 28, с. 222—225).

[8] Историей переселения крестьян в 1820-х гг. в Оренбургскую губ. и в Сибирь Т. занимался еще в 1878 г., работая над романом «Декабристы». Дела о переселениях из арх. Мин. гос. имущ. посылал ему В. А. Ислявин (см. т. 62, с. 392, 398, 399; *ДСТ I*, с. 41).

3 апреля

[1] Т. отв. А. Н. Шараповой 3 апр. (т. 75, с. 239—240).

[2] Вышло в изд. «Посредник». См. «Учение 12-ти апостолов». Пер. с греч. Л. Н. Толстого. М., 1906, с предисловием Т. (с. 3—4) (*ЯПб*).

[3] «Единое на потребу» появилось в изд. *Св. сл.* (№ 99), июль или авг. (см. т. 36, с. 652). Отв. крестьянину М. Д. Суворову напечатан в том же изд. См. запись 24 марта.

[4] Далее опускается текст рец. В. Стэда из «Review of Reviews», vol. XXXI, № 181, Jan. (*ЯПб*) на кн. H. Ganz. Downfall of Russia, в к-рой рассказывается о встрече Г. Ганца с Т. и приведен в излож. Ганца отзыв Т. о Шекспире.

[5] Г. Джордж. Положение трудящихся. Открытое письмо к папе Льву XIII.— В кн. «Избранные речи и статьи Генри Джорджа». Пер. с англ. С. Д. Николаева. «Посредник». М., 1905, с. 326 и 357—358 (*ЯПб*). Письмо к папе (1891) — отклик Джорджа на «Окружное послание папы Льва XIII по вопросу о положении трудящихся», направленное против учения Джорджа (там же, с. 361—391).

4 апреля

[1] Это произошло в с. Терновские Плавни, Тираспольского у., Херсонской губ., во время переписи 1897 г. Раскольники были замурованы заживо по собственному желанию, спасаясь от переписи, к-рую приняли за знак «пришествия антихриста». Доронцевич назвал свой фельетон «Трагический водевиль» и ввел в него юмористический элемент (В. Дорошевич. Петербург.— *Р. сл.*, № 90, 3 апр.).

[2] Письмо «Концертной дирекции Жюля Закса» (Берлин) от 12 апр. н. с.

5 апреля

[1] A. S. Prugawin. Die Inquisition der russisch-orthodoxen Kirche. Die Klostergefängnisse. Mit einem Geleitwort von M. von Reusner. B.— Charlottenburg, 1905. Пер. работы А. С. Пругавина «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством»,

опубл. в газ. «Право» (1902—1904). Отд. изд. «Посредник», 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись). О В. О. Рахове, жителе Архангельска, заключенном в тюрьму при одном из суздальских монастырей в 1894—1902 гг. без суда и следствия — за благотворительную деятельность, по подозрению в сектантстве, см. в одной из ст.: «Монастырские затечения последнего времени».

[2] Ближайшая по времени работа П. А. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой». Изд. 2-е. М., 1908 (1-е изд.— 1898 г; *ЯПб.*, дарств. надпись).

[3] Рассказ И. Л. Толстого «Одним подлецом меньше», опубл. под псевд. *Илья Дубровский* (*РМ*, № 9, *ЯПб*). См. запись в Дн. 30 марта и 24 мая (т. 55, с. 130 и 143).

[4] Отв. на эту телегр. не указан в *Списке* (т. 75, с. 270—271).

[5] Письмо Э. Кросби к Т. от 30 марта н. с.

[6] В № 10445 *НВ*, 3 апр., под рубрикой «Среди газет и журналов», рец. на ст. Ив. Захарьина (Якунина). Гр. А. А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания (*ВЕ*, № 4). Ст. Захарьина (Якунина) основана на выписках из восп. А. А. Толстой; цитаты перепеч. и в заметке *НВ*.

[7] См. об этом Н. Н. Апостолов. Лев Толстой и русское самодержавие. М.— Л., 1930, с. 102—103. Мин. вн. дел и шеф жанд. В. К. Плеве был убит 15 июля 1904 г. эсером Е. Сазоновым.

[8] Т. читал ст. Dr. Clifford. In praise of passive resisters («Review of Reviews», vol. XXXI, № 184, Apr., p. 384; *ЯПб*).

[9] Закладка храма Христа Спасителя состоялась в Москве 10 сент. 1839 г.

[10] Д-ский. Аграрные неурядицы (*ВП*, № 102, 3 апр.).

[11] В ст. «Maxim Gorky. A character sketch interview» («Review of Reviews», vol. XXXI, № 184, Apr., p. 372; *ЯПб*) сообщ. о напечатанной в «Fortnightly Review» беседе (автора ст.— R. L.) с Горьким в Петербурге после освобождения его из крепости. Горький выступал не «против революции», а против использования буржуазией револ. в своих целях, как это не раз случалось на Западе.

6 апреля

[1] *Р. вед.*, № 93, 6 апр.

[2] Обзорная ст. «The progress of the world» («Review of Reviews», vol. XXXI, № 184, Apr.; *ЯПб*).

[3] «The New volumes of the Encyclopædia Britannica», vol. XXXIII. Edinburgh.— L., 1902, p. 360—369.

[4] В 1906 г. в Праге вышел т. 25-й чеш. энциклопедии «Ottův Slovnik naučný»; в нем 8 стлб. посвящено Т.

[5] Общество трезвости было основано Т. и его последователями в дек. 1887 г.

8 апреля

[1] С 5 по 8 апр. в Петербурге проходил I Всероссийский съезд журналистов. На засед. 5 апр. обсуждались ст. Устава о печати, касающиеся ценз. (*Р. вед.*, № 94, 7 апр.).

[2] Узнав из газ. об освобождении сосланных в Сибирь духоборов, Э. Моод в письме к Т. от 7 апр. н. с. предлагал помочь им в переселении на Запад из денег, полученных за изд. англ. пер. «Воскресения» (см. т. 75, с. 270).

[3] A. Maude. A Peculiar People the Doukhobórs. Упом. изд.

[4] Далее опускается текст письма к Т. неуст. лица на англ. яз. и стихи Ф. И. Тютчева: «Дума за думой, волна за волной», «Эти бедные селенья», «Encyclica», «Умом Россию не понять» и «Славянам».

[5] Неточный пересказ эпизода из «Жития» св. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (Дм. Ростовский. Жития святых, ч. I. М., 1789).

[6] Т. читал отр. из разд. «Воспоминание о юности и молодости старца Зосимы еще в миру. Поединок» (ч. II, кн. 6, гл. II — Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XIII. СПб., 1882, с. 331—334) (*ЯПб*, пометы). В «Круг чтения» отр. не вошел.

9 апреля

[1] М. Романов. Л. Н. Толстой о последних событиях в России (*РЛ*, № 96, 8 апр.).

[2] Письмо И. П. Накашидзе от 27 марта.

10 апреля

[1] Далее Маковицкий приводит перечень помет Т. на тексте рассказа Чехова «Душечка» (Полн. собр. соч. А. П. Чехова, т. XII. Изд. 2-е. СПб., 1903, с. 14—26; *ЯПб*). Перед текстом (с. 14) запись Маковицкого: «Отмечено собственноручно Львом Николаевичем, февр. 1905 г.», т. е. при подготовке рассказа для «Круга чтения».

11 апреля

[1] H. Jr. George. The Life of Henry George by his son. N. Y., 1900 (*ЯПб*, дарств. надпись 25 июня 1901 г., помета).
[2] *СО*, № 45, 8 апр. Свящ. Г. И. Цветков в 1901 г. по распоряж. Синода был заточен в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь; в декаб. 1903 г. переведен в монастырскую келью под строгий надзор.
[3] E. Peterson. An Ideal City for an Ideal People. Published by the Author. Missouri, 1905 (*ЯПб*). Кн. послана автором при письме от 9 апр. н. с.
[4] Editor ‹P. Carus›. «Chinese Script and Thought. Communication of Thought» («Monist», vol. XV, № 2, Apr.; *ЯПб*).
[5] *Айны* — народность, живущая на острове Хоккайдо и на Южном Сахалине: Editor ‹P. Carus›. The Ainus («Open Court», vol. XIX, № 3, March. Фото стариков — p. 165, 173 (*ЯПб*). Т. ошибочно назвал др. журн.
[6] Т. посетил А. И. Якобия 12 марта 1885 г., проездом из Крыма (см. т. 83, с. 492—494).
[7] См. т. 34, с. 377 и 385.
[8] См. записи 26 окт., 25 дек. 1904 г. и 26 апр. 1905 г.
[9] G. Eliot. Middlemarch. A Study of Provincial Life, vol. I—IV. B., 1872—1874 (*ЯПб*).
[10] *Карма* — буддийское верование. См. его определение Т. в прим. к сказке «Карма» (1894) (т. 31, с. 47).
[11] Этого словаря в *ЯПб* нет.
[12] «Petit Larousse», 27-me éd. P., 1876 (*ЯПб*).
[13] «Encyclopédie moderne, ou Dictionnaire abrégé des sciences, des lettres et des arts, vol. I—XXVI. P., 1829—1832 (*ЯПб* *).
[14] Автор ст. «Религия» — кн. С. Н. Трубецкой (кн. 52); Вл. С. Соловьев — автор ст. «Свобода воли» (кн. 57; *ЯПб*).
[15] Ст. «Национализм» написана Вл. С. Соловьевым (кн. 40; *ЯПб*).
[16] Намерения своего В. В. Стасов и И. Я. Гинцбург не осуществили.
[17] Выступление Горького на митинге в Публ. б-ке 9 янв. 1905 г.
[18] См. запись 16 февр., прим. 4.

12 апреля

[1] «The Slav Invasion. Mr. Frank Julian Warne's view of the situation» («Monist», vol. XV, № 2, Apr.) (*ЯПб*).
[2] В кн. отмечалось, что Т. «с величайшей похвалой отзывался о сочинениях Джорджа» (H. Jr. George. The Life of Henry George by his son. Уном. изд., p. 514 и ‹С. Д. Николаев›. Генри Джордж. Биографический очерк.— В кн. «Избранные речи и статьи Генри Джорджа», с. 81).

13 апреля

[1] По-видимому, Т. не «написал», а поправлял свой рассказ «Корней Васильев».— «Круг чтения», т. I, с. 234—250 (т. 41, с. 205—220). Переписанная М. Л. Оболенской рук. датир.: «Апр. 1905» (т. 41, с. 600).
[2] 5 апр. И. П. Каляев был приговорен к смертной казни. В газ. появилось ложное сообщ., что на приговор будет подана кассационная жалоба.
[3] См. цит. выше кн. «Избранные речи и статьи Генри Джорджа», с. 159—177 и 72.
[4] G. Bourdon. En écoutant Tolstoï. P., 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы). Бурдон посетил Т. в марте 1904 г.
[5] W. T. Stead. Truth about Russia. L.—P.—N. Y. and Melbourne, 1888 (*ЯПб*, дарств. надпись). Отр. в рус. пер. см. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 98—111. Стэд был у Т. в мае 1888 г.; P. Boyer. Chez Tolstoï («Temps», 1901, 27—29. VIII. Рус. пер. *ТВС II*). Буайе был у Т. 16—18 июля 1901 г.
[6] 12 апр. в Москве, на собр. пом. присяжных поверенных, проф. с.-х. ин-та М. Я. Герценштейн прочел доклад «О национализации земли, Крестьянском банке и выкупной операции» (*Р. вед.*, №№ 98—99, 11—12 апр.).
[7] См. И. Янжул. Открытое письмо Генри Джорджа к папе Льву XIII (*СВ*, 1892, № 1).
[8] Письмо Черткова от 18 апр. н. с.; Т. отв. 17 апр. (т. 89, с. 14—16).
[9] Письмо Т. Н. Кошевого из Киева от 9 апр. опубл. в *Св. сл.*, № 17 и 18, май — сентябрь, стлб. 9—10.

14 апреля

[1] Далее опускается текст письма бывш. свящ. и учителя Кази, автора кн., присланной Чертковым ранее, о чем он упоминает в письме от 18 апр. н.с. См. письмо Т. к Черткову от 17 апр. (т. 89, с. 14 и 16).
[2] Народные школы были созданы Т. в Ясной Поляне в 1849 и в 1859—1860 гг.
[3] Т. отв. Т. Н. Кошевому 30 апр. (т. 75, с. 243).
[4] Письмо крестьянина П. П. Новикова от 10 апр.

15 апреля

[1] Корресп. это интервью [все-таки напечатал: П. Б а р к о в. В Ясной Поляне (*БВ*, № 8791, 26 апр.).
[2] Письма эти были вызваны ст. М. Романова. См. запись 9 апр.
[3] H. George. Social Problems. L., 1884 (*ЯПб*, пометы).

17 апреля

[1] Ф. И. Рёссель, воспитатель Т. и его братьев, выведен Т. в «Детстве» и «Отрочестве» под именем Карла Иваныча.

18 апреля

[1] С. Н. Кашевская (*ЕСТ*).

19 апреля

[1] 100 лет со дня смерти Шиллера исполнялось 26 апр. Письмо получено было месяцем ранее. См. прим. 1 к записи 20 марта.
[2] Письмо Т. в «Zeit» неизвестно.
[3] Эту телегр. Т. получил 5 апр.
[4] S c h i l l e r. Sämmtliche Werke in I-em Bande. St.— Tübingen, 1840 (*ЯПб*, пометы; на форзаце — шт. «Libraire commissionaire A. Danielopoulo a Buckarest»). После огл.— факсим. воспроизведение автографа письма Шиллера к одному из его друзей (1794).

20 апреля

[1] О своем возражении Герценштейну на съезде земских агрономов и статистиков 5 апр. С. Д. Николаев писал Т.: «Мне, постороннему человеку, удалось все же сказать несколько слов о Джордже и прочесть ваш очерк его проекта из обращения «К рабочему народу»».
[2] См. ст. Вл. Гиляровского «Возрождение Рогожского кладбища» (*Р. сл.*, № 105, 19 апр.). Там же — «Именные высочайшие указы правительствующему Сенату» (от 17 апр.).
[3] Было ли написано Т. Л. Сухотиной такое письмо в газ., неизвестно.
[4] Барон М. А. Т а у б е. Христианство и международный мир. М., «Посредник», 1905 (*ЯПб*), с. 10, 19 и 48.
[5] В письме от 15 апр. из Москвы К. фон Бёттихер просил разрешения приехать, чтобы прочесть Т. свою драму об Иисусе Христе и Иуде. Отв. Маковицкий (т. 75, с. 271).
[6] *Три доктора* — А. С. Бутурлин, Д. В. Никитин и Д. П. Маковицкий.

21 апреля

[1] См. «Избранные речи и статьи Генри Джорджа», указ. изд., с. 302, 294.
[2] О П. А. Сергеенко — *Брокгауз*, кн. 58 (*ЯПб*).
[3] Вас. И. Немирович-Данченко был воен. корресп. *Р. сл.*
[4] А. С е р а ф и м о в и ч. В пути («Сб. т-ва «Знание» за 1903 г.», кн. 1. СПб., 1904).
[5] Ср. «Воскресение», ч. 3, гл. X (т. 32, с. 387).
[6] В окт.-нояб. 1872 г. Т. послал акад. В. Я. Буняковскому письмо с просьбой рассмотреть «математическую часть» «Азбуки». 17 дек. Т. сообщал Н. Н. Страхову: «От Буняковского получил на 20 страницах письмо об арифметике. Он хвалит и критикует дельно в том отношении, что я напрасно в дробях исключил все прежние приемы» (т. 61, с. 349).
[7] См. запись 17 янв.
[8] Легенду Н. И. Костомарова «Сорок лет» (1881) Т. в 1886 г. отредактировал и написал к ней заключ. гл. (см. *Толстой-редактор*, с. 162—199). Неточно и с сокращ. опубл. в «Образовании», 1902, № 2 (*ЯПб*). См. также т. 26, с. 114—118, 692—702.
[9] Dr. A. F o r e l. Die Trinksitten, ihre hygienische und sociale Bedeutung, ihre Beziehungen zur akademischen Jugend. St., 1891 (*ЯПб*); Ф о р е л ь. Против пьянства. М., «Посредник», 1893 (*ЯПб*).

22 апреля

[1] Письмо Черткова к Т. от 26 апр. н. с.
[2] *Наташа* — героиня романа «Война и мир», *Серпуховской* — герой повести «Холстомер».

24 апреля

[1] Учитель П. В. Великанов, ранее близкий Т. по взглядам, послал ему 2 и 14 марта, а также 17 апр. резкие письма, осуждая за отрицание полит. борьбы. В письме от 21 апр. он упрекал Т. за ст. «Об общественном движении в России».

[2] О конфискации «Солдатской памятки», изданной в Берлине, см. в *Р. вед.*, № 108, 23 апр., и *Р. сл.*, № 109, 23 апр.

[3] Р. Брах писал Т. 29 апр. н. с. из Оломоуца об отказе Немравы от воен. службы и приложил 6 писем Немравы к Гроаку, прося вернуть их, что, очевидно, и было выполнено. Браху отв. Маковицкий (в *Списке* — т. 75 — не учтено).

25 апреля

[1] В те дни имя Грингмута, черносотенца, повторяли многие газ. (см. *СО*, № 57, 23 апр., *Р. сл.*, № 109, 23 апр. и др.).

[2] См. *Р. вед.*, № 109, 24 апр.

[3] Маковицкий читал опубл. Горбуновым-Посадовым в *ВП*, № 117, 20 апр., ст. под загл.: Л. Н. Толстой. О разрешении земельного вопроса по проекту Генри Джорджа (выдержки из ст. Т. «К рабочему народу», 1902). Маковицкий был в Туле 23 апр. Эпизод этот описан Т. в гл. VII ст. «Великий грех» (т. 36, с. 225—226).

[4] Т. возвратился в Ясную Поляну 2 февр. 1854 г.

[5] «Учение 12-ти апостолов», гл. 2.— «Круг чтения», т. II, с. 529 (т. 42, с. 322).

26 апреля

[1] См. запись 23 мая.

[2] Об этом ставшем «крылатым» выражении Т. см. в кн. Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова, изд. 2-е. М., 1960, с. 437—438.

[3] Горький приходил в апр. 1889 г. в Ясную Поляну, а затем в моск. дом, но не застал Т. (см. письмо Горького к Т. от 25 апр. 1889 г.— *Горький*, т. 28. М., 1954, с. 5—6). Знакомство Т. и Горького состоялось 13 янв. 1900 г.

[4] М. Горький. Челкаш. Эпизод (*РБ*, 1895, № 6.— В этом № впервые назван Короленко среди ред. журн.). Рецензий на рассказы Горького в № 6 *РБ* не было. 1-я рец.— в *РМ*, 1895, № 8, с. 410—412, отдел: «Периодические издания».

[5] Об отношении Т. к языку Горького см. в очерке Горького «Лев Толстой» (*Горький*, т. 16. М., 1973, с. 268—269, 279).

[6] А. И. Косоротов. Весенний поток. СПб., 1905.

[7] «Великий грех» (т. 36). 1-я ст. о Г. Джордже — «К рабочему народу», 1902 (т. 35).

[8] См. очерк Т. «Ламенэ» в «Круге чтения» — т. II с, 357 (т. 42, с. 164).

[9] Lamennais. Paroles d'un croyant. P., 1903 (*ЯПб*, пометы); «Les Evangiles». P., 1846.

[10] Ср. «Круг чтения», т. II, с. 435.

[11] С. Н. Толстой.

[12] Кн. изд. в Ульме в 1905 г.

[13] Письмо от 24 апр. (т. 89, с. 18).

27 апреля

[1] «Инвентарные правила», введенные в 1847 г. в зап. губ., определяли крест. повинности в соответствии с размерами и качеством отводимых участков. Действовали до серед. 1850-х гг.

[2] Г. И. Цветков.

[3] Ч. В. Стэнфорд в письме к Т. от 11 марта н. с., пересланном Т-му Чертковым (см. т. 89, с. 14, 16), возражал против осуждения Т. англ. пр-ва в ст. «Об общественном движении в России» («The crisis in Russia».— «Times», № 37652, 11.III).

[4] Отв. Т. на телегр. Ф. Робертсона изв. только по этой записи Маковицкого (т. 75, с. 242).

28 апреля

[1] С. Т. Семенов. Надежда Чигалдаева (Преступники). М., «Посредник», 1904 (*ЯПб*).

[2] Ф. Д. Быков.

[3] Ch. Dickens. A Tale of Two Cities. Lpz., 1859 (*ЯПб*).

[4] И. И. Раевский умер 26 нояб. 1891 г. от инфлюэнцы, во время работы с Т. на голоде в дер. Бегичевке.

[5] *Р. вед.*, № 109, 24 апр.

[6] «Великий грех», гл. I (т. 36, с. 207—210).

[7] Выдержки из ст. Т. «К рабочему народу».

[8] См. «Положение трудящихся».— В кн. «Избранные речи и статьи Генри Джорджа», с. 333, 322, 344, 346, 348.

[9] См. «Исповедь», гл. IV (т. 23, с. 12).

30 апреля

[1] Письмо Е. В. Оболенской неизв.

[2] На письмо Г. Джорджа от 15 марта н. с. 1896 г. Т. отв. 8 апр. н. с. (т. 69, с. 76—77).

2 мая

[1] Т. ходил в Дёминку к С. Д. Николаеву (*ЕСТ*).

3 мая

[1] В. Н и к о л а е в. О взгляде Л. Н. Толстого на аграрный вопрос (*ВП*, № 129, 2 мая).

[2] Ст. «Великий грех» почти одновр. появилась в Англии («Times», 1. VIII н. с.) и в России (*РМ*, № 7, июль; *ЯПб*).

[3] Г. Успенский был знаком с кн: Г. Джорджа «Прогресс и бедность» (см. его письмо к А. В. Успенской от 11 февр. 1883 г.— Г. И. У с п е н с к и й. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1951, с. 302).

[4] Говоря о несостоятельности теории «единого налога» Г. Джорджа, И. И. Янжул привел в пример Великобританию («В поисках лучшего будущего. Социальные этюды И. И. Янжула». СПб., 1893, с. 291).

[5] Т. просматривал первые корр. листы «Круга чтения» на янв. Мысли Карпентера о смерти и рождении вошли в чтение на 15 янв.— т. I, с. 41 (в т. 41 не вошло). О науке есть запись б. п.— на 18 янв.— т. I, с. 47—48 (т. 41, с. 44—45).

3—5 мая

[1] Упом. события относятся к 12 дек. 1876 г. (см. т. 62, с. 302).

[2] H. G e o r g e. Progress and Poverty. L., 1885 (*ЯПб*, пометы) и N. Y. ⟨1888⟩ (*ЯПб*, дарств. надпись); Social Problems. L., 1884 (*ЯПб*, пометы).

4 мая

[1] «Сентябрьские события» в Париже в 1792 г.

[2] К. С. С т е ф а н о в и ч. Наболевшее сердце. М., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись). Прислана из Елисаветграда с письмом автора от 28 апр.

[3] Кн. вышла в Берлине в 1905 г. (*ЯПб**).

5 мая

[1] С. Н. Кашевская (*ЕСТ*).

[2] Слова из сказки «Дурень», включ. Т. в «Азбуку» (т. 22, с. 109—113).

[3] Г. У с п е н с к и й. Парамон юродивый (Из детских лет одного «пропащего»).

[4] См. «Былое и думы», ч. 1, гл. III. В «Круг чтения» не вошло.

[5] Это изд. (*Герцен, Женева*), принадлежавшее Черткову, было доставлено И. К. Дитерихсом Т-му «Œuvres d'Alexandre Herzen», tt. I—X (*ГМТ*, пометы).

[6] Герцен писал, что Ивашев «умер ровно через год» после смерти своей жены (*Герцен, Женева*, т. VI, 1878, с. 66; *Герцен*, т. VIII, с. 60). Действительно К. П. Ивашева умерла 30 дек. 1839 г., а В. П. Ивашев — 28 дек. 1840 г.

[7] 14 апр. Т. получил письмо от 13 апр. с рук. от учителя А. П. Кутасова из Кубанской обл. На конв. помета: «Т. Л. отв. Рукопись отослана зак. бандер⟨олью⟩». 15 апр.— письмо о 13 апр. с рук. из Москвы от ученика реального училища И. А. Бровкина. На конв.— аналогичная помета (см. т. 75, с. 271).

[8] «Дорого стоит. Быль. Рассказ по Мопассану» (т. 27). Пер. и обработка «Sur l'eau» Мопассана. В 1905 г. рассказ вышел в Харькове под загл. «Тяжелое бремя (Быль)». Л. Н. Толстого (*ЯПб*), без ссылки на Мопассана. С этого изд. А. Гесс сделал пер. на нем. яз.— «Eine schwere Last» — и прислал Т. при письме от 12 мая н. с. (об отв. Гессу см. в *Списке* — т. 75, с. 271). Просьбу Т. напечатать опровержение, что рассказ не его, а Мопассана, Гесс исполнил, о чем сообщил в письме от 3 июня н. с.

[9] Ср. «На каждый день», чтение на 25 сент. (т. 44, с. 177).

6 мая

[1] В *ЕСТ* 6 мая записано: «Приезжал А. А. Цуриков с сыном Левой, интересно рассказывавшим о войне, где был при Красн⟨ом⟩ Кресте».

[2] В начале апр. в Москве происходило совещ. рус. и польск. обществ. деятелей о нуждах польск. края и польско-рус. отношениях (*Р. вед.*, № 98, 11 апр.).

[3] Ф. Д. Быков был 2 мая.

[4] Мысль Дж. Рёскина, включенная в «Круг чтения» на 19 февр.,— т. I, с. 130 (т. 41, с. 116).

7 мая

[1] М. Г о р ь к и й. А. П. Чехов. Отрывки из воспоминаний («Нижегородский сборник». СПб., 1905).

[2] «Указ 10 апреля» Сенату о временных комиссиях для расследования крестьянских волнений («Моск. неделя», № 1 и 2, 12 мая).

[3] «Записки из Мертвого дома» (ч. 1-я — «Мертвый дом»). См. Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. IV. СПб., 1883, с. 9 (*ЯПб*).

[4] Письмо Черткова от 26 апр. н. с. В. Бригс приезжал в Ясную Поляну с Чертковым. См. записи 26 и 28 мая.

8 мая

[1] H. George. Moses. A lecture. N. Y., 1897 (*ЯПб*).
[2] См. С. Д. Николаев. Генри Джордж. Упом. изд., с. 46, 58—59, 69.
[3] На совещании обществ. деятелей и ученых по агр. вопросу, проходившем в Москве 28—29 апр., П. Д. Долгоруков говорил о необходимости коренной реформы в области землевладения, но мирным путем (*Р. вед.*, № 116, 1 мая).
[4] Маковицкий слышал эти слова Т., вероятно, во время своего 2-го посещения Ясной Поляны, 28—29 нояб. 1897 г.

9 мая

[1] См. «Вестник сельского хозяйства», №№ 17—24, 1 мая — 12 июня.
[2] С. Л. Толстой выступил в прениях 29 апр. (*Р. вед.*, № 117, 3 мая).
[3] «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина». Лейпциг, 1874. В 1905 г. стало возможным переиздание кн. в России. 13 апр. *Р. вед.* сообщали, что «на днях» она поступит в продажу (№ 100).
[4] С. А. Толстая выехала в Москву в связи со смертью своей знакомой В. И. Масловой (*ЕСТ*, 9 мая).
[5] «Этот день (О врачебном искусстве) при окончат. ред. ‹«Круга чтения»› был выпущен Л. Н-чем» (*Прим. Гусева*).
[6] Бывший ученик Т., «богатый, степенный и умный, грамотный крестьянин». Свой разговор с ним Т. привел в гл. 1 ст. «Великий грех» (т. 36, с. 209—210).
[7] Дуэль брата С. А. Толстой, А. А. Берса, с С. А. Писаревым 12 окт. 1884 г. у ст. Козловка.
[8] Чертков сообщил об этом Т-му 26 апр. и 12 мая и. с.

10 мая

[1] Лев XIII (папа с 1878 по 1903 г.); Пий X (папа с 1903 по 1914 гг.).
[2] Мих. Гернет. Старое в новом (Из современной борьбы с преступностью). — *РБ*, 1904, № 12, с. 36—37, 42—43 (*ЯПб*).
[3] Герой романа Диккенса «Повесть о двух городах», доктор А. Манетт, заключенный в Бастилию (кн. 3, гл. X).
[4] Как и предполагал Т., в изд. 1905 г. был опущен эпизод, имевший место в Петергофе в 1814 г. (с. 3). Выпущенные строки см. в изд. «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина». Лейпциг, 1874, с. 4—5.

11 мая

[1] С. В. Фоканов.
[2] «Былое и думы», ч. V. «Русские тени». II. «Энгельсоны». Точный текст: «тяжелый тиран в ботфортах, наконец, зачислен по химии» (*Герцен, Женева*, т. IX, 1879, с. 164; *Герцен*, т. X. с. 361).
[3] В имении Пальцева Т. был вместе с С. А. Толстой 8 мая (*ЕСТ*).

12 мая

[1] С. Т. Семенов писал 7 мая по поводу ранней ред. ст. «Великий грех» (т. 36, с. 464, 658—659), к-рую Т. прочел вслух 28 апр.
[2] Плотник Ф. Д. Быков.
[3] Письмо от 8 мая (из Маньковки, Киевской губ.).
[4] Т. обычно говорил: «словенский», а не «словацкий».
[5] Движение назаренов на территории Венгрии возникло в 1-й пол. XIX в. Маковицкий, по совету Т., написал ст.: «Nazarénové v Uhrách» («Naše Doba», 1896, № 11 и 12, с. 961—973 и 1076—1084).
[6] Ср. запись в Дн. от 21 апр.: «Удивительны мудрые и верные мысли, выражаемые спиритами. Я записал п‹отому›, ч‹то› имел объяснение этого, а теперь забыл» (т. 55, с. 136).
[7] См. запись 6 мая, прим. 4, а также «Мысли мудрых людей, на каждый день. Собраны гр. Л. Н. Толстым». М., «Посредник», 1903, с. 144 (т. 40, с. 124).

13 мая

[1] Притча Т. «Три сына» (L. Tolstoï. Trois fils. Conte inédit) была перепеч. из «Revue» (vol. LVI, № 10, mai 15, p. 169—171) не *НЖ*, а *БВ* (№ 119, 15 мая — «Новый рассказ Л. Н. Толстого»).
[2] «Из переписки Льва Толстого» (*СО*, № 71, 10 мая — перепеч. Т. и ред. газ. «Хеймин Шимбун-Ша» Изо-Абэ).
[3] Ш. Саролеа в письме из Севастополя от 12 мая н. с. просил у Т. разрешения посетить его.

[4] A. Leroy-Beaulieu. L'Empire des tsars et les Russes, vol. I—II. P., 1897—1898.

[5] 6 мая мин. земледелия и гос. имуществ было преобразовано в Гл. управл. землеустройства и земледелия. Тогда же ушел в отставку мин. земледелия А. С. Ермолов. Мин. путей сообщ. реорганизовано не было.

[6] Мин. юстиции Н. В. Муравьев был смещен 14 янв.

[7] 1-й № «Моск. недели» был задержан и вышел (в виде жури.) сдвоенным (№ 1-2) 12 мая, а последн. № 3—24 мая. Н. В. Давыдов значился в списке сотр. газ. (см. *Р. вед.*, № 121, 7 мая, с. 1).

[8] И. П. Каляев был казнен 10 мая. Свидание его с вел. кн. Елизаветой Федоровной состоялось по ее желанию 7 февр. в арестном доме Пятницкой части (Москва).

[9] Анархист Луккени, убивший в 1898 г. в Женеве австр. императрицу Елизавету, был приговорен к пожизненному заключению; в 1910 г. покончил с собой.

[10] Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. Изд. 4-е. СПб., 1889 (*ЯПб*).

[11] Формула «самодержавие, православие, народность» представляет собой кредо т. наз. «официальной народности», не во всем совпадающей с учением славянофилов.

[12] А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., тт. I—IV. М., 1861—1873, т. I (собр. отд. ст. и заметок разнородного характера) — под ред. И. С. Аксакова; 2-е изд.— 1878—1882; 3-е— 1900—1906; 4-е — 1900—1914.

[13] *L'aîné Аксаков* — С. Т. Аксаков.

[14] В *ЯПб* сохр. след. кн.: E. Rod. La course à la mort. P., 1885; L'eau courante. P., 1902 (дарств. надпись); Les trois cœurs. P., 1890 (дарств. надпись).

[15] R. Bazin. La terre qui meurt. P., 1899.

[16] М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки. Богомольцы, странники и проезжие (*РВ*, 1857, № 7; Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова, изд. 5-е. СПб., 1905. Прилож. к журн. «Нива» на 1905 г., т. III (*ЯПб*). Возможно: Н. С. Лесков. Вдохновенные бродяги (Удалецкие «скаски»).— Сб. «Нивы» за 1903 г. Полн. собр. соч. Н. С. Лескова, т. XXI. Изд. 3-е. СПб., 1903 (*ЯПб*).

[17] Во 2-м письме — от 9 апр.— М. Д. Суворов поблагодарил Т. за его письмо от 5 апр.

[18] Ставровские были у Т. 23 апр.

[19] См. «Анна Каренина», ч. I, гл. VIII, и ч. 3, гл. III (т. 18, с. 29, 259—261).

[20] Известное выражение Ж. де Местра (перефразировка афоризма Монтескье).

14 мая

[1] В письме от 11 мая н. с. из Виркби А. Ернефельт поблагодарил Т. за его «последние писания и за телеграмму американской газете...» (см. запись 23 дек. 1904 г.).

[2] П. Вейнберг. Харьковский университет в пятидесятых годах. (Из моих воспоминаний).— *РБ*, № 2 (*ЯПб*).

[3] М. А. Шмидт и О. А. Баршева, в то время классные дамы Моск. Николаевского сиротского уч-ща, пришли к Т. впервые не в 1883 г., а 20 апр. 1884 г.

[4] Ст. Т. «Об общественном движении в России» напеч. Чертковым в «Times». В № 58 *Р. вед.*, 2 марта, под загл. «Л. Н. Толстой — о кризисе в России» дано ее излож. См. записи 27 февр., 3 марта.

[5] 1 сент. 1887 г. С. А. Толстая передала часть рук. Т. в Румянцевский музей. В янв. 1904 г., в связи с ремонтом Рук. отд. музея, она переправила их в Историч. музей, где они хр. до 1915 г. Туда же С. А. Толстая стала перевозить и письма к Т. (*ДСТ III*, с. 224—225, запись 18 янв.). Затем рук. и письма вновь были переданы в Румянцевский музей.

[6] О знакомстве Т. с. К. П. Победоносцевым см. в записках И. М. Ивакина (*ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 59).

[7] Ан. К-р. Алексей Мошин. Краткая критико-биографическая заметка. СПб., 1905, с. 5—9. В той же кн. «Беседы с В. Г. Короленко и Л. Н. Толстым А. Н. Мошина в комментариях русской печати», с. 15—18, 22—24 — о посещении Т. (*ЯПб*). Интервью с Т. было издано в кн.: А. Мошин. Штрихи и настроения. Вместо предисловия: Беседа с гр. Л. Н. Толстым. Изд. 2-е, дополн. М., 1903 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[8] А. Мошин. Гашиш и другие новые рассказы. СПб., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[9] Т. написал С. И. Листовскому 28 мая (т. 75, с. 246). Листовский отв. 8 июня (почт. шт.), поблагодарив Т. за «громадную нравственную поддержку».

[10] Г. А. Русанов писал об этом Т. 11 мая, предлагая свою помощь в работе над «Кругом чтения».

15 мая

[1] Имение Телятинки купила А. Л. Толстая у соседки-помещицы А. Е. Звегинцевой.

16 мая

[1] Письмо Т. к Т. Бондареву от 23 июня 1894 г. (т. 67, с. 158—160). См. прим. 1 к записи 24 марта.

[2] Г. Джордж читал лекции в Шотландии в окт. 1884 г., а в Австралии выступал с речами в 1890 г.

[3] 16 мая С. А. Толстая записала: «Усиленно занималась разборкой книг и писем к Льву Никол. для того, чтобы свезть в Москву, в Исторический музей» (*ЕСТ*).

17 мая

[1] С Г. Спенсером Джордж познакомился в Ирландии в окт. 1881 г.

[2] «Предисловие» Т. и «Краткое изложение Евангелия» (т. 24) были распространены в рук. и литогр. изд. В 1890 г. вышло на рус. яз. в изд. М. Элпидина (Женева), в 1905 г.— в изд. *Св. сл.* в Англии.

[3] А. Г〈о р н ф е л ь д〉. Ничше и Брандес (*РБ*, № 4; *ЯПб*, пометы).

[4] Ф. Н и ц ш е. Критика высших ценностей (*НП*, 1904, № 9). (*ЯПб*). Выдержки из ст. в перераб. виде (пер. отредактирован Ф. А. Страховым) под загл. «Католицизм и христианство» вошли в «Круг чтения» как «Недельное чтение» после 18 авг.— т. II, с. 144—146 (т. 41, с. 580—582).

[5] 14—15 мая происходило Цусимское сражение, закончившееся полным поражением рус. Тихоокеанской эскадры. Сообщ. об исходе сражения появились в печати 18—19 мая.

[6] См. ст. Н. Г. Чернышевского «Полемические красоты. Коллекция первая» (*Совр.*, 1861, № 6, с. 458, 468—478; *Чернышевский*, т. VII. М., 1950).

[7] «Polygamy».— «Review of Religions», vol. IV, № 5, May. Т. передает содерж. ч. 3 — «Objections against polygamy refuted», p. 164, 174. Начало ст.— в № 3 (*ЯПб*).

[8] Ср. Г е т е. Путешествие в Италию. III. Второе пребывание в Риме. Альбано, 5 октября 1787 г.

[9] На конв. этого письма помета Т. Л. Сухотиной: «Отв〈ечено〉».

18 мая

[1] Губернатор Накашидзе был убит 11 мая. О расследовании, проводившемся А. М. Кузминским, см. в *Р. сл.*, № 120, 5 мая.

19 мая

[1] Наиболее резкие выражения Т. по адресу русских царей в ст. «Единое на потребу» (см. в вариантах ст.: т. 36, с. 440—463) были несколько изменены после замечаний Черткова (см. т. 36, с. 641—642). См. запись 18 февр.

[2] Адм. З. П. Рожественский был ранен в Цусимском сражении и взят японцами в плен 15 мая.

20 мая

[1] Сохр. 2 переписанные Маковицким страницы начала рассказа со значительной правкой Т. (см. т. 42, с. 600, 604).

[2] 1-е свид. о замысле ст. «Конец века» (т. 36), работа над к-рой началась в июне. Т. излагает содерж. 1 и 2 гл.

22 мая

[1] «Разумная мера» (*НВ*, № 10492, 20 мая).

[2] Герцен отпустил на волю своих дворовых людей в 1846 г. Осенью 1859 г. Тургенев перевел всех своих крестьян на оброк.

[3] В *ЕСТ* записано 22 мая: «Ездила за Льв. Ник. на шоссе к мосту. Он принес ландыши и васильки».

[4] В мае Чертков написал А. Л. Толстому, чтобы тот не приезжал в Англию к оставленной им семье, живущей у Чертковых.

[5] Письмо С. Т. Семенова от 7 мая.

23 мая

[1] Письмо от 11 мая. Частично опубл. в *Св. сл.*, №№ 17—18, май—сент.: «Свидание с сектантом Малеванным в Казанской психиатрической больнице (Из частного письма от 11 мая 1905 г.)», стлб. 12—14. Т. отв. Молоствовой 7 июня (т. 75, с. 248).

[2] Местонахожд. подл. неизв. Текст дарств. надписи опубл. в ст. И. Ильинского «Из воспоминаний о поездках в Ясную Поляну» (*Р. вед.*, 1913, № 257, 7 нояб.).

24 мая

[1] К. А. Малеванный был освобожден в авг.

[2] В. Ч е р т к о в. О значении Ничше (*Св. сл.*, № 16, март—апр. и № 17-18, май—сент).

25 мая

[1] Вероятно: *Р. сл.*, № 137, 23 мая («Из иностранной печати»). Перепеч. из «Matin» ложных слухов об отказе матросов во время Цусимского сражения продолжать бой. В действительности Небогатов дал приказ о прекращении огня, вопреки желанию экипажа, и сам сдался в плен.

[2] Бой у Тюренчэна (Цзюляньчэна) на реке Ялу произошел 18 апр. 1904 г. Рус. армия потеряла 2 200 чел. и 22 орудия. Порт-Артур был сдан 20 дек. 1904 г. *Разгром Балтийской эскадры* — Цусимское сражение — 14—15 мая 1905 г.

[3] Об этом см. *Р. сл.*, №№ 138—139, 24—25 мая («Из иностранной печати»). Перепеч. ложных слухов из нем. газ.

[4] Капитан-лейтенант Д. В. Ильинский взорвал Павловский форт в Севастополе 28 авг. 1855 г. (ср. «Севастополь в августе 1855 года» — т. 4, с. 117—118).

[5] См. запись 26 окт. 1904 г., прим. 14.

26 мая

[1] Ф. В. Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого. Символическая поэма. В рус. пер. М. Ю. Антоновского. СПб., 1898 г.

[2] Стихи Ф. Е. Поступаева были изд. «Посредником»: Ф. Поступаев. У земли и у котла. Песни трудовой жизни. М., 1906 (*ЯПб*), под загл. «Не всем»—с. 63—64.

[3] 26 мая в *ЕСТ* записано: «Кончили вписывать письма».

[4] 1-е письмо А. М. Горького к Т. от 25 апр. 1889 г. (*Горький*, т. 28. М., 1954, с. 5—6).

[5] П. А. Крушеван в письме от 9 апр. 1887 г. излагал Т. историю своей жизни. К письму приложена рук. его романа «В хаосе сомнений» (1885).

[6] Т. был недоволен изображением крестьян и крест. быта в повести «Мужики» и рассказе «Новая дача».— Поли. собр. соч. Ант. П. Чехова, т. XI. Изд. 2-е. СПб., 1903 (*ЯПб*).

27 мая

[1] Вероятно, А. Бахирев (см. «Отчет имп. рос. Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1883—1908 годы». М., 1916, с. 171 — «Дарители музея»).

[2] А. А. Корзиков.

[3] См. запись 8 янв., прим. 4.

[4] Поэма «Кому на Руси жить хорошо».

[5] В 1861 г. С. А. Толстая сдала экзамен на звание домашней учительницы при Моск. ун-те. Ее повести «Чья вина? (по поводу «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого. Повесть «женщины» (1892—1893) и «Песня без слов» (1895—1900) остались неопубл.

[6] 27 мая в *ЕСТ* записано: «Вечером поиграла немножко, пальцы не идут, а Чертков хвалил мою игру. И музыка подняла бурю в душе».

[7] Письмо митрополита Антония к С. А. Толстой в Гаспру от 11 февр. 1902 г. Сохр. черновой неотпр. отв. С. А. Толстой (б. д.).

[8] См. очерк Т. «Ламенэ».— «Круг чтения» на 20 окт., т. II, с. 353—357 (т. 42, с. 160—165).

[9] «Молитва» включена Т. в «Круг чтения» на 25 февр., «Корней Васильев» — на 31 марта — т. I, с. 145—151, 234—250 (т. 41, с. 128—133, 205—220).

[10] Рассказ «Чем люди живы» в «Круг чтения» не вошел.

[11] Для 1-го изд. было приготовлено 80 произв., к-рые должны были войти в «Недельные чтения», но вошло только 63. Т. предполагал ввести еще и «Месячные чтения»; в рус. изд. этого он не осуществил. В нем. изд. включено 12 произв. в качестве «Месячных чтений».

28 мая

[1] С. А. Толстая опять заболела (*ЕСТ*, 28 мая).

31 мая

[1] Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина.— *Сб. ОРЯС*, т. LXXVII, 1904, № 4, вып. 1; № 5, вып. 2; № 6, вып. 3 (*ЯПб*).

[2] Автор ст.— Изабелла-Фивие Майо («Crank», vol. III, № 5, May; *ЯПб*).

3 июня

[1] *Учитель из Богородицка* — Ставровский. См. запись 23 апр.

[2] По еванг. легенде, иудейский первосвящ. Каиафа подал совет убить Христа: лучше, «чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (*Еванг. от Иоанна*, XI, 48—50).

[3] Гр. Е. Г. Черткова на миниатюре неизв. художника в изд. «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1907, т. III, № 124 (*ЯПб*), изображена с кинжалом у пояса. В 1878 г., работая над «Декабристами», Т. записал в Зап. кн. «Б» («Материалы

к роману «Декабристы»): «*Лизавету*, за Алекс⟨андром⟩ Дм⟨итриевичем⟩ Чертковым с кинжалом» (т. 17, с. 448).

[4] А. Пругавин. Алчущие и жаждущие правды (*РМ*, 1881, №№ 10 и 12; 1882, № 1). См. также: «Религиозные отщепенцы. (Очерки современного сектантства». Вып. 1. СПб., 1904 (*ЯПб*, дарств. надпись, пометы).

[5] Т. вместе с А. С. Пругавиным посетил В. К. Сютаева осенью 1881 г. в Тверской губ. Останавливался в имении Бакуниных Прямухино (*Летопись I*, с. 541).

4 июня

[1] Вероятнее всего, А. К. Маликов.

[2] «Это из «Божеского и человеческого»» (*Прим. Гусева.* См. также т. 42, с. 224—227).

[3] F. Paulsen. System der Ethik. Bd. I—II. B., 1894.

[4] Характер. унитаризма здесь не точна. Расцвет унитаризма в Венгрии и Польше падает на XVI в.

5 июня

[1] A. Petrovic. Der russische Umsturz und die Sozialdemokratie. B., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись). На с. 68 отчеркнуто Т. сказанное автором о рус. деревенской общине — «мире»: «Agrar Kommunismus» — «Mir»; ««Мир» означает воплощение древнейшего принципа человечества: права на землю. «Мир» — это экономическая община в самом строгом смысле этого слова».

[2] Этот разговор с Т. А. Кузминской Т. воспроизвел в одной из черн. ред. ст. «Конец века» (т. 36, с. 487)

[3] См. запись 24 марта.

6 июня

[1] Ср. А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы. Мысли. Пер. [Ф. В. Черниговца, т. I, изд. 4-е. СПб., 1892 («Афоризмы для усвоения житейской мудрости», гл. V, с. 178).

[2] Афоризм Г. Х. Лихтенберга: «Печаль прошедшая становится в воспоминании приятной...» введен в «Круг чтения» — т. II, с. 165 (т. 41, с. 573).

7 июня

[1] Ср. «Разговоры Гете, собранные Эккерманом», ч. 2. СПб., 1905, с. 66, запись 11 марта 1828 г.

[2] См. В. Гюго. Отверженные, ч. 1, кн. 2, гл. XII («Епископ за работой»).

[3] Изв. 1 письмо к Е. В. Молоствовой от 7 июня в отв. на ее письма от 1 и 11 мая (т. 75, с. 248).

[4] С. А. Венгеров в письме от 4 июня просил Т. выступить в защиту 19-летнего двинского рабочего М. А. Дейча, к-рый был приговорен к смертной казни (замененной потом каторгой) за покушение на пристава, разгонявшего мирную демонстрацию. Венгеров повторил свою просьбу 11 июня. Т. отв. 18 июня (т. 75, с. 258—259).

[5] См. G. Bourdon. En écoutant Tolstoï. Упом. изд.

[6] *A. de P.* Pauvre Léon Tolstoï. Genève, 1905.

8 июня

[1] 4 июня комиссионер петерб. Публ. б-ки П. А. Картавов послал Т. портрет Хаджи-Мурата, «рисованный с натуры и литографированный Корradини». В письме от 16 июня Т. поблагодарил Картавова за портрет и за № 9 *Совр.* 1852 г. с 1-й публ. «Детства», присланный Картавовым в 1902 г. с письмом от 10 дек. (т. 75, с. 256).

[2] Н. Шебуев. Негативы (*Р*, № 146, 3 июня).

[3] Ch. Dickens. Bleak House, vol. I—IV. Lpz., 1852—1853 (*ЯПб*, пометы).

[4] Вероятно, Т. имел в виду пьесу неизв. англ. драматурга: «Подлинная хроника об истории короля Лира и его трех дочерей, Гонориллы, Реганы и Корделлы, как она многократно исполнялась в недавнее время» (1605).

9 июня

[1] Т., возможно, просматривал «Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии)». Вновь составленное Е. В. Изд. Оптиной Пустыни, 1902. На с. 126—130 упом. 3 посещения Т.: 22 июля 1877 г. с Н. Н. Страховым, в 1881 г. с конторщиком и учителем, в 1890 г. с женой, тремя детьми и сестрой. О 4-й поездке, в 1896 г., есть запись в «Моей жизни» С. А. Толстой (1896, с. 39—42). Он просил достать из библиотеки кн.: ⟨Л. Кавелин⟩. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., изд. 3-е, 1876. (*ЯПб*) О посещении Т. Пустыни в этой кн. свед. нет.

[2] Это произошло в конце июня — начале июля 1866 г. (см. т. 37, 67—75 <«Воспоминания о суде над солдатом»>. Там же — речь Т.— с. 473—477).

[3] «Азбука графа Л. Н. Толстого». СПб., 1872, была впервые изд. в одном томе и состояла из 4-х кн. 2-е изд. представляло собой переброшюровку на 12 кн. нераспроданных экз.; 2-е изд. вышло в 1874 г. под загл.: «Азбука», Первая—Четвертая русские книги для чтения; Первая—Четвертая славянские книги для чтения. «Арифметика. Четыре правила», «Арифметика. Дроби», «Руководство для учителя». В *ЯПб* сохр. только кн. «Арифметика. Дроби». СПб., 1874. Каждая русская кн. для чтения заканчивалась былиной в обработке Т.

[4] Для «Азбуки» Т. сокращал и перерабатывал былины из кн. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I. М., 1861 (*ЯПб*, пометы). Письма Т. к И. С. Аксакову и П. А. Бессонову о былинах неизв. Письмо к П. Д. Голохвастову от 1—2 нояб. 1874 г.— т. 62, с. 119—120.

[5] Т. Сэндерлэнд. Библия. Ее происхождение, развитие и отличительные свойства. Пер. с англ. под ред. В. Черткова, изд. *Св. сл.* Christchurch, 1904.

[6] См. *Еванг. от Матф.*, XX, 1—15.

10 июня

[1] 7 июня толпа православных жителей Ставрополя пыталась расправиться со старообрядцем, хулившим иконы. В результате стрельбы по толпе были убитые и раненые (см. *Р. вед.*, № 153, 9 июня).

[2] В одном из селений Эриванской губ. арм. население и войско были осаждены татарами-мусульманами. В разгоревшемся бою казаков с осаждающими было много убитых (*Р. вед.*, № 149, 5 июня).

[3] Стачка рабочих в Иваново-Вознесенске происходила 12 мая — 23 июля под руководством иваново-вознесенской группы Сев. комитета РСДРП; во главе ее стояли М. В. Фрунзе, Ф. А. Афанасьев, Е. Дунаев и др. В стачке участвовало около 70 000 чел. Гольденвейзер передает содерж. сообщ. из *Р. вед.*, № 152, 8 июня.

[4] Вероятно, Т. вспоминает, как он вместе с М. Л. Толстой и Бирюковым в июле 1888 г. строил избу для А. Копыловой.

[5] 22 июня 1867 г. Т. заключил контракт с владельцем типогр. Ф. Ф. Рисом на напеч. «Войны и мира» отд. изд.; получив гонорар около 37 000 р., он дал по 10 000 племянницам — В. В. Нагорновой и Е. В. Оболенской.

[6] В т. I «Круга чтения», к-рый печатался в это время, теме искусства посвящен день 28 февр.— т. I, с. 155—156 (т. 41, с. 136—138).

[7] Это выражение, принадлежащее Канту, Б. Ауэрбах высказал применительно к музыке в разговоре с Т. 21 апр. 1861 г. (см. т. 48, с. 35; т. 55, с. 148, 510).

11 июня

[1] В письме от 13 мая н. с. Тамура поблагодарил Т. за письмо от 1/14 марта (т. 75, с. 223—225). См. ст. Г. С. Тамура. Влияние на меня Толстого (*МТА*, с. 341—344).

[2] В письме от 8 июня С. И. Листовский выразил благодарность Т. за письмо от 28 мая (т. 75, с. 246) и за «громадную нравственную поддержку».

[3] И. С. Тургенева в Ясной Поляне Т. Л. Сухотина видела 8—9 авг. и 2—4 сент. 1878 г., 2—4 мая 1880 г. и 5 июня 1881 г. (см. ее кн. «Друзья и гости Ясной Поляны». М., 1923, с. 11—19).

13 июня

[1] С. Т. Морозов покончил самоубийством 13 мая.

[2] О путешествии Т. по Швейцарии в 1857 г. см. запись 25 янв. Общение Т. с крестьянами в Германии относится к его 2-му загр. путешествию в 1860—1861 гг.

[3] Рассказ «Ягоды» Т. написал 10—11 июня. Включ. в «Круг чтения» — т. I, с. 524—535 (т. 41, с. 450—460). См. также т. 42, с. 614.

[4] См. запись 24 марта.

14 июня

[1] «Моя жизнь» (рук. и машинопись в *ГМТ* и *ЯПб*). Начата в февр. 1904 г.

15 июня

[1] В мае—июне Т. писал рассказы «Молитва», «Корней Васильев», «Ягоды». Опубл. в «Круге чтения» без посвящ.

[2] «Полемику с Е. Л. Марковым по вопросам воспитания см. в ст. Л. Н. «Прогресс и определение образования» (в «Педагогических статьях»)» (*Прим. Гусева*; см. т. 8).

16 июня

[1] Крузе (*ЕСТ*).

17 июня

[1] В *Илл. прилож. к НВ*, № 10518, 15 июня, фотогр. А. Монюшко «Земские и городские деятели, представлявшиеся государю императору в Фермерском дворце и Петергофе 6 июня». Они обращались к царю с просьбой о созыве народных предст. для решения вопроса о мире.

[2] «Единое на потребу» переделывалось Т. после замечаний Черткова (см. т. 36, с. 641—642 и 652). 16 июня Т. сообщил Черткову, что «описание царей ‹...› изменил» по его совету (т. 89, с. 18—19).

[3] Эскадрон улан дезертировал, чтобы избежать участия в Рус.-япон. войне (*Р. сл.*, № 160, 16 июня).

18 июня

[1] А. А. Корзиков писал об этом 14 июня.

[2] В *ЕСТ* записано 18 июня: «Гольд‹енвейзер› играл вечером «Карнавал» Шумана, прелюды Шопена».

19 июня

[1] См. А. Сергеенко. Как Л. Н. Толстой рассказывал сказку об огурцах. М., 1958.

[2] Эту запись И. К. Дитерихс впоследствии дополнил след. вставкой: «Л. Н. вспомнил мужа и жену Тулубьевых. Он — видный либеральный земский деятель, и оба — свободомыслящие люди. Сыну-ребенку не давали религиозного воспитания, и он рос под влиянием няньки, которая научила его молиться иконам. Однажды он на молитве был рассеян и не повторил за нянькой слова. Та пригрозила ему гневом божьим, который все слышит и его накажет. Ребенок попросил ее поднять его до иконы и стал пальчиком стучать в стекло и спрашивать: «Боженька, вы слышите меня?» Не получая ответа, он сказал няньке: «Если боженька слышит — отчего не отвечает?» Тулубьевы рассказывали об этом Л. Н. и спрашивали его мнение — как им быть дальше в деле религиозного воспитания ребенка. Л. Н. рассказ этот страшно взволновал, и он расплакался, говоря им: «Подумайте только, чему мы детей учим, мы образованными считаем себя, просвещенными людьми. Какой ужас!..»

20 июня

[1] П. Оленин. На вахте. Очерки и рассказы. СПб., 1904 (*ЯПб**, дарств. надпись).

[2] *Илл. прилож. к НВ*, № 10521, 18 июня, с. 5. Д. Л. Мордовцев скончался 10 июня.

[3] Т. был избран поч. акад. 8 янв. 1900 г. К избранию в поч. академики Т. назвал П. Д. Боборыкина (см. запись 21 февр.), к-рый был избран в 1902 г.

[4] *В. М.* Неизбежность мира (*Р. вед.*, № 162, 18 июня).

21 июня

[1] В *Р.вед.*, № 164, 20 июня, сообщалось о прибытии 14 июня в одесский порт броненосца «Князь Потемкин-Таврический» с трупом Г. Н. Вакуленчука, возглавлявшего восстание на корабле.

[2] На ст. Курск 17 июня поручик зарубил шашкой солдата, к-рый отказался ехать дальше с эшелоном, следовавшим в Киев; толпа облила керосином и подожгла вагон, в к-ром находился поручик (*там же*).

[3] См. черновую ред. 1-й гл. ст. «Великий грех» (т. 36, с. 468—470 и 660). Исключена по инициативе Черткова.

[4] Г. Н. Штильман. Внутреннее обозрение. «Потеря способности управляться» («Вопросы жизни», № 6, с. 396—397; *ЯПб*).

[5] *Проезд* — название аллюра — между шагом и рысью.

[6] *Иван Ильич* — герой повести Т. «Смерть Ивана Ильича».

[7] Т. высоко ценил жанровые картины Л. Лермита из крест. жизни и причислял его к лучшим художникам нового времени. См. «Что такое искусство?» (т. 30, с. 160—161; 177).

22 июня

[1] Ф. Д. Быков (приезжал к Т. 2 мая).

[2] Л. Л. Толстой приехал 21 июня (*ЕСТ*).

23 июня

[1] Возможно, соч. Е. П. Блаватской.

25 июня

[1] Большая часть работ И. П. Похитонова находится в зарубежных коллекциях. Названные пейзажи и портрет Т. неизв.

[2] Рис. С. А. Толстой экспонированы в ее комнате, в Музее-усадьбе Ясная Поляна, и в кабинете Т.

[3] Ср. т. 34, с. 344, 401.

[4] «Crank», vol. III, № 6, June, p. 183 (*ЯПб*). 3 мысли о государстве: Торо, Бэкона, М. Арнольда. Маковицким записана мысль Бэкона.

27 июня

[1] «Записки декабриста Д. И. Завалишина», т. II. München, 1904 (*ЯПб*), с. 328, 326—328, 315, 318, 329.

[2] P. Chelčický. O trogiem lidu rzec — o duchownych a o swietskych.— В *сб. ОРЯС*, т. LXXVII, 1904, № 1; там же — рус. пер. Н. В. Ястребова — «Речь о трояком народе — о духовных и светских» (*ЯПб*).

[3] Т. вспоминает о своем путешествии вместе с Вл. П. Боткиным с 3/15 по 11/23 июня 1857 г. (см. т. 47, с. 134—137). В Неаполе Т. был в начале янв. 1861 г. Свед. о его пребывании там ограничиваются данной записью Маковицкого и упом. С. Л. Толстого (*Очерки былого*, с. 117).

[4] 29 дек. 1896 г. Г. А. Джаншиев приходил к Т., но Т. не мог его принять. 30 дек. 1896 г. и 7 марта 1897 г. Г. А. Джаншиев обращался с письмами к Т., прося его принять участие в благотворительном сб. в помощь армянам. 17 апр. 1897 г. Т. отв. отказом из-за болезни (т. 70, с. 69). Факсимиле письма Т. воспроизведено в сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1897, с. XLVIII (*ЯПб*).

[5] Т. был в Яссах в авг. 1854 г., по пути из Бухареста в Севастополь.

[6] A. de Tocqueville. L'ancien régime et la Révolution. I. P., 1857, p. 47—48; 53—55.

28 июня

[1] А. Шкарван писал Маковицкому 6 июля н. с.

[2] Perczelne Kozma Flóra. Tolsztoi és a szabadelvü egyházák. Budapest, 1905.

[3] См. указ. соч. Токвиля, II, p. 59—60.

[4] Кн. вышла в Париже в 1874 г. В дн. В. Ф. Лазурского (*ЛН*, т. 37-38, с. 458) приводится утверждение Т. 1894 г. о Золя, что он «перечитал почти все его романы». Ср. *Очерки былого*, с. 95.

[5] Р. Брах в письме от 3 июля н. с. просил Т. написать Немраве и уговорить его принять присягу, чтобы избежать двух лет тюрьмы. По поруч. Т. отв. Маковицкий. См. запись 6 июля и т. 76, с. 272; текст письма Т. изв. только по записи Маковицкого. В отв. письме от 1 авг. н.с. Брах сообщил о помещении Немравы в крепость Терезин и поблагодарил Т. за письмо от 20 июля. В «Списке писем Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен» (т. 76, с. 268) это письмо не отмечено.

[6] Закон о веротерпимости введен 17 апр.

[7] «Материалы к истории русского сектантства», вып. 9. «Малеванцы». История одной секты. Составл. П. Бирюковым. Изд. *Св. сл.* Christchurch, 1905, с. 16—19, 26.

[8] Об этом Герцен писал в ст. «Император Александр I и В. Н. Каразин» (гл. IV. Прародительский грех; *Герцен, Женева*, т. X, 1879, с. 169—170; *Герцен*, т. XVI, с. 61—62).

30 июня

[1] Письма С. А. Толстой за апр.— дек. 1864 г. см. в *ПСТ*, с. 6—54.

1 июля

[1] Послед. ред. ст. Т. послал Черткову на след. день (см. т. 89, с. 19-20).

[2] G. H. Perris. An Interview with father Gapon («Review of Reviews», vol. XXXI, № 186, June, p. 614; *ЯПб*). «Удивительным человеком» автор называет Гапона, а не П. Н. Трубецкого. 26 июня 1904 г. в *ЕСТ* записано: «Приехал англич〈анин〉 Parris».

[3] В том же журн., в ст. «The first russian parliament. Sketches of its leaders», приведены очерки Диллона из журн. «Contemporary Review» (June), в к-рых характеризуются предст. земств, в т.ч. М. И. и И. И. Петрункевичи (p. 608).

[4] Там же — анон. ст. «The seamy side of Japan. Painted by a japanese socialist», знакомящая с работой япон. социалиста Китчи Канеко о положении рабочих в Японии (p. 632).

[5] Там же — в ст. «The «white peril»»— изображен микадо на медведе. Под ним подп.: «Японская мечта о победе. Медведь в цепях, несет на себе победителя, который наслаждается огромной военной контрибуцией» (p. 610).

[6] В ст. «The «white peril»» приведено содерж. ст. Дж. Линча из журн. «Nineteenth Century and after» о жизни кит. народа (р. 610).

[7] Т. неточно цитирует письмо из Москвы от 27 июня, подписанное: *Русские женщины*. На конв. помета Т.: *Б. о.*

[3] Во время пребывания в Ясной Поляне И. П. Похитонов сделал ряд портретов Т. Изв. 4 портрета (*ГМТ*): «Портрет Л. Н. Толстого в розовом кресле», «Портрет Л. Н. Толстого в кресле», «Портрет Л. Н. Толстого», «Толстой с дочерью М. Л. Оболенской-Толстой в Ясной Поляне». Воспроизв. последней пастели и портретов «Толстой» пастель из собр. *ГМТ* и Толстой верхом, этюд маслом, собр. А. П. Скафтымова. Саратов — см. в *ЛН*, т. 69, кн. 2, с. 181, 184 и 185. Еще 1 портрет Т. находится в частной коллекции (Франция); авторская надпись: «Лев Николаевич Толстой на террасе. Ясная Поляна. Июль. 1905-й г. И. П о х и т о н о в» (см. «Иван Павлович Похитонов. 1850—1923. Каталог». М., 1963, с. 27).

[9] *СО*, № 113, 28 июня. О восстании матросов на броненосце «Потемкин» Т. упомянул в ст. «Конец века» среди событий, ведущих к разрушению престижа власти (т. 36, с. 249).

2 июля

[1] *Письмо к лакею* — ст. «Как освободиться рабочему народу?» (1905) (т. 90).

[2] Дж. Мендельсон посетил Т. 24 июня (*ЕСТ*).

3 июля

[1] Письмо В. Ф. Снегирева к С. А. Толстой от 2 июля; приехал в Ясную Поляну 4 июля.

[2] Ср. в «Анне Карениной», ч. 5, гл. XIV (т. 19, с. 48).

[3] *Еванг. от Матф.*, XXIV, 7, 12.

[4] Кн. была позднее изд. в России: «Записки декабриста Д. И. Завалишина». 2-е рус. изд. СПб., б.г.

[5] См. Г.-Х. Л и х т е н б е р г. Афоризмы. Упом. изд., с. 137 («Моральные заметки»).

[6] Д-р П. Я к о б и й. Харьков. К черноморским событиям (Письмо в редакцию).— *Р. вед.*, № 176, 2 июля.

[7] Моск. градоначальник, ген.-майор П. П. Шувалов, был убит бывшим сельским учителем в своем доме, когда принимал просителей (*Р. вед.*, № 173, 29 июня).

4 июля

[1] Годовщина со дня смерти Чехова 2 июля. Упом. ст. В. Гольцева «А. П. Чехов» (*Р. вед.*, № 176, 2 июля).

5 июля

[1] Этюд маслом И. П. Похитонова «Ясная Поляна. Чепыж» подарен художн. С. А. Толстой 28 июня (*ЕСТ*). См. его воспр. в *ЛН*, т. 69, кн. 1, с. 45. Хр. в Ясной Поляне. Похитонову принадлежит также картина: Толстой стоит «на том месте, где им была зарыта «зеленая палочка»» («Иван Павлович Похитонов», упом. изд., с. 9). Местонахождение ее неизв. Этюд Похитонова см. на стр. 341.

[2] Журн. сохр. в *ЯПб* с № 3 1903 г. (за 1905 г. 42 номера).

[3] Сообщ. об этом было в *Р. вед.* Предст. японской стороны был бар. Канеко; предст. русской — бар. Розен (*Р. вед.*, №№ 172—173, 28—29 июня).

[4] О назначении С. Ю. Витте 1-м уполномоч. на конференцию о мире в США сообщ. в газ. 2 июля (см., напр., *Р. вед.*, № 176).

[5] Кн. Э. Кросби («Shakespeare's Attitude toward the Working Classes. 〈Syracuse〉, s. a., *ЯПб*) была прислана с письмом от 1 июля н.с. Ст. Т., получившая впоследствии назв. «О Шекспире и о драме» (т. 35), начата была осенью 1903 г. как предисл. к кн. Кросби. Работа над ней продолжалась до янв. 1904 г. В указ. письме Кросби, задумавший издать в Англии свою кн., отправил ее экз. Т. и просил написать вступление к ней (см. т. 76, с. 4—5; *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 400—402). Вследствие просьбы Кросби Т. решил напечатать свою ст. (т. 89, с. 20). В пер. на англ. яз. вышла вместе с кн. Кросби в сб. «Tolstoy on Shakespeare». I. «Shakespeare and the Drama». By Leo Tolstoy. II. «Shakespeare and the Working Classes». L., 1907 (*ЯПб*).

[6] Ст. «О Шекспире и о драме» в России впервые напеч. в *Р. сл.*, 1906, № 277—282, и 285, 12, 14—18 и 23 нояб.

[7] Этот № журн. сохр. в *ЯПб*.

[8] «Scena Illustrata», № 155, № 13—14, 1—15 VII (*ЯПб*). На с. 20 — рис. художн. О. Блюма «Meissen» (сц. бала); на обложке изображение обнаженной женщины, обвитой змеей; на с. 12—13 — рис. Р.-К. Вулфила с подп.: «Русские раненые в сражении при Мукдене».

6 июля

[1] «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. По поруч. ОРЯС издали с прим. и указ. Я. Грот и П. Пекарский». СПб, 1866 (*ЯПб*); ср. письмо 22 окт. 1825 г., с. 408.
[2] Письмо И. А. Беневского из Харькова от 11 июня с восн. о недавнем посещении; Т. отв. 18 июня (т. 75, с. 257—258).
[3] Это высказывание см. в «Мыслях мудрых людей на каждый день» (т. 40, с. 143); «Круг чтения» на 9 нояб. (т. 42, с. 236—237).
[4] Письмо от 30 июня. Т. отв. 6 июля (т. 76, с. 5).

7 июля

[1] М. Горький Тюрьма. («Сб. т-ва «Знание» за 1904 г.», кн. 4. СПб., 1905). Впоследствии Горький сократил свои рассуждения (см. А. А. Тарасова. Из творческой лаборатории М. Горького. М., 1964, с. 96—98).
[2] А. Куприн. Поединок («Сб. т-ва «Знание» за 1905 г.», кн. 6. СПб., 1905).
[3] Фотогр. С. Н. Толстого, снятая М. Л. Оболенской, находится в кабинете Т. (Музей-усадьба Ясная Поляна).
[4] В. Шеффер в письме от 14 июля н.с. осведомился, не может ли он поселиться вблизи Т. и заняться земледельческим трудом. Отв. Маковицкий (т. 76, с. 272).
[5] Е. И. Попов. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. 1866—1894. С послесл. Л. Н. Толстого. Изд. 3-е. Christchurch, 1903 (*ЯПб*).
[6] Н. Т. Изюмченко. В дисциплинарном батальоне. Записки. Изд. *Св. сл.* Christchurch, 1905.
[7] Ал. П. Залюбовский отказался от воен. службы в нояб. 1884 г. Т. узнал о нем из письма его брата Анатолия (б/д, 1885 г.). См. *Летопись* I, с. 619.
[8] «*Силоамская башня*»— первонач. загл. ст. «Конец века» (т. 36). Т. работал над ней с июня по дек.

8 июля

[1] См. письмо Т. к Черткову от 6 июля (т. 89, с. 20).
[2] Арх. М. Н. Толстой (матери Л. Н.) хр. в *ИРЛИ*.
[3] Рассказ о проигрыше Ф. Г. Кнорринг см. в письме Т. к М. П. Погодину от 22 авг. 1872 г. (приведено в кн. Погодина «Простая речь о мудреных вещах». Изд. 4-е. М., 1884, с. 170).
[4] Штундист С. П. Чижов был выслан в Восточную Сибирь. Я. Т. Чага, отказавшийся от воен. службы, 3 окт. 1903 г. был приговорен к 18 гг. ссылки в Якутскую обл. И. И. Попов писал Т-му 24 марта 1904 г., что Чижов из Иркутска выехал в Якутск.

9 июля

[1] В дер. Таптыково жила на даче Т. А. Кузминская (*ЕСТ*, 9 июля).
[2] 9 июля в *ЕСТ* записано: «Весь день убирала книги в одиночестве. Чувствую себя рабой обстоятельств и жизни, и тоскливо. Всем праздник, мне всегда — труд».

10 июля

[1] Крестьяне-сектанты с. Павловки, Сумского у., Харьковской губ., разгромили в сент. 1901 г. православную церковь; неск. десятков из них было сослано на каторгу; речь идет об оставшихся.
[2] *Хомяковский сад* — правильнее, Хомяковская «роща» — садик посреди Кузнецкого пер., в центре Москвы, разбитый владельцем Хомяковым перед своим домом. См. о нем В. А. Гиляровский. Москва и москвичи. М., 1968, с. 341—342.
[3] Случай этот произошел в авг. 1860 г.
[4] «Жизнеописание в бозе почившего оптинского старца Иеросхимонаха Амвросия», ч. 1. М., 1900, с. 95—96. Упом. 1-е посещение Т. Оптиной Пустыни в 1877 г.
[5] Т. вспоминает о посещении Оптиной Пустыни 28 февр. 1890 г., когда он встретился там с К. Н. Леонтьевым (см. т. 51, с. 23 и «Памяти Константина Николаевича Леонтьева». Лит. сб. СПб., 1911, с. 135).
[6] При письме от 11 июня И. А. Беневский прислал рук. одного сектанта «Жизнь Алексея Мироненко» (см. т. 75, с. 258 и т. 55, с. 148). Опубл. под загл. «Жизнь Алексея» в «Материалах к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества», под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, вып. 4. СПб., 1910. *Шекеры* — члены религ. секты в США.

11 июля

[1] Корр. ст., печатавшейся в *РМ*, № 7 (см. т. 76, с. 6 и т. 36, с. 662—663).
[2] 11 июля в *ЕСТ* записано: «...Гольденвейзер играл весь вечер Chopin. Соната о Marche funèbre удивительна!».

[3] Т. познакомился с П. И. Чайковским в дек. 1876 г. в Москве и был у него «несколько раз и в том числе провел два целых вечера. Я ужасно польщен и горд интересом, который ему внушаю, и с своей стороны вполне очарован его идеальной личностью»,— писал Чайковский своей сестре А. И. Давыдовой 23 дек. того же года (П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, с. 116).

13 июля

[1] М. Э-л ь. Броненосец «Потемкин» и судно «Веха» (*Р. сл.*, № 186, 12 июля); ср. *Р. сл.*, № 185, 11 июля.
[2] «Н. А. Добролюбов, его жизнь и литературная деятельность». Биографический очерк А. М. Скабичевского. СПб., 1901 (на обл. — 1902).
[3] С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Указ. изд., с. 6.
[4] Это вошло в кн. *Бирюков* I, с. 48.
[5] См. «Воспоминания» Т. (т. 34, с. 360—361). Вошло в кн. *Бирюков I*, с. 5—6.

14 июля

[1] Ст. «Конец века», гл. III, VI, VII (т. 55, с. 152—153).
[2] И. М. Трегубов в письме из Парижа от 22 июля н.с. (почт. шт.) послал вырезки из «Journal» о событиях на броненосце «Потемкин», а также брошюру Д. А. Хилкова «О свободе и о том, как она добывается». Изд. партии соц.-рев. (б.г.). Отв. Т.— 16 июля (т. 76, с. 6—7). Возможно, что им же раньше была послана ст. Хилкова «Революция и сектанты». Изд. партии соц.-рев. (б.г.). См. там же, с. 8.

15 июля

[1] Т. исправлял т. I кн. Бирюкова. Его вставки и замечания см. в т. 34, с. 394—400; см. также *Бирюков I*, с. 4, 9, 38, 51, 53, 56 (в сносках под строкой). Машиноп. копия «Биографии» с испр. и вставками Т. хр. в *ГМТ* (см. т. 34, с. 605).
[2] Возможно, И. Пальмов. Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия, т. I, вып. 1-й. Главнейшие источники и важнейшие пособия. Прага, 1904. Хельчицкий здесь упоминается, но его учение не анализируется.

16 июля

[1] Известны только 2 вставки (автограф), сделанные Т. к т. I, ч. III, гл. VII, кн. Бирюкова,— с. 73—74, 104 («Кавказ»). Опубл. в т. 34, с. 398—400.

17 июля

[1] См. записи 26 окт., 29 и 30 дек. 1904 г.

18 июля

[1] «Попрыгунья».— Поли. собр. соч. Ант. П. Чехова, т. IX. Изд. 2-е, СПб., 1903 (*ЯПб*).
[2] «Супруга»— там же, т. XI. «Супруга», «Беглец» (т. III) и «Детвора» (т. III) вошли в список 30 любимых Т. рассказов Чехова (1-го сорта). См. запись 6 февр., прим. 4.
[3] Михаил Чехов. Об А. П. Чехове (*ЕЖдВ*, № 7).
[4] См. в том же № журн. ст. Б. Лазаревского «А. П. Чехов. Личные впечатления», с. 427.
[5] 1-е стихотв. В. Д. Ляпунова «Пахарь» опубл. в *РМ*, 1898, № 1, с отр. из письма Т. в ред. журн. (см. т. 70, с. 161). Ляпунов лечился от чахотки в Ялте (где и умер 10 февр. 1905 г.). Он виделся там с Чеховым. В записной кн. Чехова (конец 1901 г.) есть помета: «Ляпунову — вентиляция» («Из архива А. П. Чехова. Публикации». М., 1960, с. 121). Возможно, Чехов заботился о Ляпунове как член Попечительства о приезжих больных.
[6] «Беспорядки в Нижнем Новгороде. От департамента полиции» (*Р. вед.*, № 191, 17 июля).
[7] Письмо В. А. Лебрена от 20 июня.
[8] Бирюков включил эти свед. в кн. со ссылкой на Александра II и Александру Федоровну, без упом. о Николае I (*Бирюков I*, с. 118, 122; ср. *Гусев. Материалы I*, с. 560—561).
[9] В 1837—1838 гг. Толстые жили в д. Щербачева на Плющихе (№ 11); затем, после смерти П. Н. Толстой, переехали в маленькую квартиру в д. Гвоздева в том же р-не (точное местонахождение дома неизв.); в 1839 г.— в д. № 4 по Большому Каковинскому пер.
[10] См. *Бирюков I*, с. 47.

[11] С. А. Толстая вскоре разрешила Бирюкову воспользоваться семейной переп., что он отметил во «Введении» (к 1-му изд.) «Биографии» (с. XIV).

[12] Третьяковской галереей управлял в это время Совет во главе с попечителем. Им в 1905 г. был И. С. Остроухов. В галерее хр. ряд работ Похитонова, в т.ч. портрет Тургенева (1882).

[13] С. А. Толстая в 1903—1904 гг. составила каталог своих фотогр., к-рый она пополняла в последующие гг. В 1906 г. записано было уже 890 негативов (*ГМТ*).

[14] Речь идет о голоде 1891—1892 и 1898 гг.

[15] А. Балацкий из Одессы писал Т., начиная с 1901 г. За 1905 г. сохр. лишь 7 писем, но в *Кн. корресп.* их отмечено гораздо больше.

[16] Ср. ст. Т. «Так что же нам делать?» (т. 25, с. 234).

19 июля

[1] В ночь на 20 февр. крестьяне с. Романово, Гламаздинской вол. увезли хлеб и овес из экономии дворянина А. Мытаревского («Судебная хроника. Харьковская судебная палата. Аграрное дело».— *Р. сл.*, №№ 190, 192 и 193—16, 18 и 19 июля).

[2] И. В. Сютаев был у Т. в Москве 7—13 (?) нояб. 1884 г. (см. т. 85, с. 118).

[3] Запись Бирюкова см. в т. 34, с. 401—402. Свед. эти вошли в «Биографию» Бирюкова (т. I, с. 23, 38, 47, 53, 56).

[4] Портрет Герцена работы Н. Н. Ге (1867) находится в *ГТГ*.

20 июля

[1] См. запись 10 июля.

[2] *Еванг. от Матф.*, XXIV, 3, 7, 10—12.

21 июля

[1] Ср. Г. Х. Лихтенберг. Афоризмы. Упом. изд., с. 217.

[2] В письме от 13 июля П. А. Картавов послал Т. квитанцию на комплект *Совр.* за 1852 г. (*ЯПб*).

[3] Рассказ М. Н. Толстой включен в кн. *Бирюков I*, с. 97. Гусев опровергает этот факт (*Гусев. Материалы I*, с. 422).

22 июля

[1] Николай Бердяев. К. Леонтьев — философ реакционной романтики «Вопросы жизни», № 7; *ЯПб*).

[2] Письма И. Ф. Лебединского от 26 июня, 3 авг. и 17 сент. 1902 г. После 3-хлетнего перерыва, в письме от 19 июля 1905 г., он в резких выражениях обвинял Т. в том, что тот «играет в руку дворян, будучи сам граф и ultraдворянин».

[3] С. Смирнова. Царство толпы (*НВ*, № 10553, 20 июля).

[4] Вероятно, № 7 журн., в к-ром помещ. след. стихотв.: В. Брюсов: Озимя (1. К Деметре, 2. Антоний, 3. Последний пир, 4. Вечер после дождя, 5. Маргерит); А. Белый. Калека. Пир; А. Ремизов. Наташе; Вяч. Иванов. Астролог, а также стихотв. Г. Чулкова, Ф. Сологуба и «Дионисовы дифирамбы» Ф. Ницше в пер. Н. Полилова (*ЯПб*).

[5] См. Б. Лазаревский. А. П. Чехов. Личные впечатления (*ЕЖдВ*, № 7, с. 425).

23 июля

[1] У Толстых 23 июля гостили А. А. и П. А. Берсы (*ЕСТ*).

24 июля

[1] «A great iniquity» by Leo Tolstoy («Times», № 37774, 1.VIII).

[2] «Count Tolstoy's views» («Daily Chronicle», 2.VIII).

26 июля

[1] *Герцен, Женева*, т. IV, 1878; *Герцен*, т. VI.

[2] Н. Б. Гольденвейзер переводил Канта на рус. яз.

[3] Д. Мережковский. Свирель Антона Бедного (Памяти Антона Чехова) (*Р. сл.*, № 198, 24 июля). Приведено описание грозы из повести «Степь».

[4] В июне 1878 г., начав работать над «Братьями Карамазовыми», Достоевский вместе с В. С. Соловьевым посетил Оптину Пустынь. Впечатления от бесед с настоятелем монастыря Амвросием, в к-рых, вероятно, упоминался и Макарий, повлияли на изображение монастырского быта и на образы монахов в романе.

[5] М. А. Кузминский с 1881 г. жил с родителями в Петербурге.

[6] И. М. Трегубов писал об этом Т. 24 июля из с. Кобеляны Полтавской губ. Т. отв. 20 авг. (т. 76, с. 16).

[7] См. *РМ*, № 7, с. 247.
[8] См. «Великий грех» (т. 36, с. 228, 224—225).
[9] *Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 5—13; *Герцен*, т. VI, с. 249—255.
[10] В этот день в Ясной Поляне была уборка овса (*ЕСТ*).

27 июля

[1] Публикуя ст. «Великий грех», «Times» выразила свое отношение к ст. Т. и теории Г. Джорджа в ред. ст. «London. Tuesday, August. 1. 1905», закончив ее словами: «Этого достаточно, чтобы судить о духовном состоянии русского народа, если такой человек, как Лев Толстой, не может проповедовать ему ничего лучшего» (№ 37774, 1 VIII).
[2] С. Д. Николаев вскоре выступил против М. Я. Герценштейна: С. Николаев. Ученая критика Генри Джорджа (*СО*, №№ 169—170, 31 августа — 1 сент.)
[3] M. A. Leroy-Beaulieu. La France et le futur emprunt russe.— «Courrier Européen», № 38, 28 juillet (*ЯПб*).
[4] Ср. т. 72, с. 441—442 и 449—450.
[5] И. П. Мельгунов был в Ясной Поляне 10 июля.
[6] По-видимому, письма М. П. Бестужева-Рюмина интересовали Т. в связи с замыслом рассказа, отмеч. в списке сюжетов «Рассказы к воскресеньям» («Круг чтения»): «Бестуж⟨ева⟩-Рюмин⟨а⟩ казнь» (Зап. кн.— т. 55, с. 302); ср. т. 71, с. 310—311.

29 июля

[1] В. А. Лебрен был недоволен концами гл. IX и V (т. 36, с. 230, 222). Им переписана рук. № 16 (с. 674) —«Значение волнений, происходящих в России».
[2] Иназо Нитобэ. Бу̀ши-до̀ (Душа Японии). Мысли, собранные японским ученым. Пер. с подлинника А. Салмановой. М., 1905, с. 99—117 (*ЯПб*).
[3] Опубл. впервые в кн. «Œuvres posthumes D'Alexandre Herzen. Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Женева, 1870, с. 223—263.

30 июля

[1] Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, кн. 1—4. Изд. 2-е. СПб., 1904—1905 (*ЯПб*).
[2] В кн. 1-й 3 портрета Павла I: с гравюры И. С. Клаубера (1797), с портрета В. Л. Боровиковского и с гравюры Р. Дункортона, сделанной с портрета С. С. Щукина (1798).
[3] Портрет митрополита моск. Филарета с гравюры начала XIX в.— в т. 4 Шильдера, с. 381.
[4] И. Я. Корейша, знаменитый в то время моск. юродивый.
[5] Вероятно, начало «Былого и дум»— ч. I, «Детская и университет (1812—1835)», гл. 1 — *Герцен, Женева*, т. VI, 1878, с. 7—28; *Герцен*, т. VIII, с. 15—31.
[6] Т. ездил с Е. Черновым и В. С. Морозовым в Оренбургскую губ. в мае — июле 1862 г.
[7] Маковицкий отв. на письма В. Павловского и Я. П. Рублева (т. 76, с. 273). На письмо Владимирова от 28 июля отв. сам Т. 20 авг. (там же, с. 12).
[8] «Вечером Гольденвейзер играл сонату Бет⟨ховен⟩скую 6-ю, баркаролу и этюды Шопена. Хорошо» (*ЕСТ*, 30 июля).

31 июля

[1] О револ. 1848 г. и причинах ее поражения Герцен писал во многих своих соч., но полнее всего в «Письмах из Франции и Италии»: «Письме девятом»— *Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 276—303; *Герцен*, т. V, с. 132—152.
[2] Характер. Ледрю-Роллена, Ламартина, Блана, Альбера, Барбеса, Бланки см. в «Письме десятом» (*Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 311—328; *Герцен*, т. V, с. 159—172). Выражение «революционный консерватизм»— в «Письме тринадцатом» (*Герцен, Женева*, с. 366; *Герцен*, с. 203).
[3] «Америка и Сибирь» (статья А. И. Герцена)— 1859 г. (*НВ*, № 10557, 24 июля; ср. *Герцен*, т. XIII, с. 398—403).
[4] «Круг чтения» на чеш. яз. перевел А. Шкарван. Пер. этот уточняли Г. Фоусткова, И. Галек и К. Велеминский. Им посылал по просьбе Маковицкого Горбунов-Посадов корр. «Круга чтения». Кн. вышла в Праге в 1906 г.: L. Tolstoj. Kruh četby (*ЯПб*).

1 августа

[1] «Круг чтения».
[2] М. Герценштейн. Национализация земли и условия ее применения в России (*Р. вед.*, № 186 и 190—12 и 16 июля).
[3] Кн. Г. Джорджа «Progress and Poverty» и «Social Problems» Т. читал в февр. 1885 г. (см. т. 83, с. 480 и 482 и т. 85, с. 144).

[4] Мысли, внесенные кратко в Зап. кн., к-рая всегда была при Т., он обычно переписывал, иногда расширяя их, в Дн.

3 августа

[1] Ch. Dickens. The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit, his Relatives, Friends and Enemies, vol. I — II. Lpz., 1844 (*ЯП6*).

4 августа

[1] T. Carlyle. Sartor Resartus; the Life and Opinions of Herr Teufelsdröckh. Boston, 1856 (*ЯП6*). Прислана Н. Н. Страховым в 1884 г. Рус. пер.: Т. Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли герр Тейфельсдрека в трех книгах. Пер. с англ. Н. Горбова. Изд. 2-е. М., 1904 (*ЯП6*).

[2] См. запись 15 янв.

[3] См. запись 24 дек. 1904 г.

[4] Излагая свой взгляд на войну в письме к Б. Зутнер от 15/28 авг. 1901 г., Т. назвал Вильгельма II «cet idiot bavard et cruel» («этот болтливый и жестокий идиот») — т. 73, с. 125, 126.

[5] Письмо к Г. М. Волконскому от 4/16 дек. 1899 г. (т. 72, с. 254—256).

5 августа

[1] См. т. 55, с. 152, 304—305, 315, 319, 321 и 596.

6 августа

[1] Вероятно, A. Maude. Tolstoy and his Problems. L., 1901 (*ЯП6*).

7 августа

[1] Сохр. около 8 000 л. рук. обоих романов Т. Гл. переписчицей была в те годы С. А. Толстая, к-рая их сберегла. Из черн. «Войны и мира» и «Анны Карениной» утрачена только незначительная часть (см. *ОР I*, с. 95—162, 187—234).

8 августа

[1] «Magna Charta Libertatum»—«Великая хартия вольностей»— была подписана королем Иоанном Безземельным в 1215 г.

[2] Письмо от 11 нояб. 1902 г. (т. 73, с. 320—321).

[3] Т. и Маковицкий уехали в Пирогово 2 авг., 7 авг. туда приехала С. А. Толстая. В Ясную Поляну вернулись втроем.

[4] Вероятно, писал не Кросби, а Моод. 16 авг. н.с. он сообщал Т., что ред. «Review of Reviews» В. Стэд собирается посвятить Т-му рождественский № своего журн. и просит разрешения приехать в Ясную Поляну. 20 авг. Т. в письме к Мооду выразил желание видеть Стэда (т. 76, с. 15). Стэд и сам написал Т. 11 сент. н.с. Т. отв. 4 сент. (т. 76, с. 24—25).

[5] С. А. Толстая надеялась издать доп. томом новые соч. Т., написанные после выхода 11-го изд. Соч. в 14 ч. (1903). Этот замысел не был осуществлен.

[6] «*Календарь*»— «Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день года» (выборки мыслей из «Круга чтения») ⟨СПб.— Ясная Поляна⟩ был опубликован в «Полн. собр. соч. гр. Л. Н. Толстого, печатавшихся до сих пор за границей» (тт. I — III. СПб., 1906—1908). В него включены ст. «О Шекспире», «Великий грех» и др. См. запись 26 февр., прим. 2.

9 августа

[1] В черн. тексте письма, написанного рукой неустановл. лица, было: «Моего приятеля, переводчика и великого знатока не только Г. Джорджа, но и всей литературы о Г. Джордже и земельном вопросе — Николаева». Зачеркнуто и сверху рукой Т.: «Статья эта принадлежит моему приятелю Николаеву, переводчику и большому знатоку и сочинений Г. Джорджа, а также и литературы о нем и вообще о земельном вопросе». В печ. вар. несколько изменено (*СО*, № 169, 31 авг.; т. 76, с. 9).

[2] Письмо Э. Кросби от 4 авг. н.с. (*ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 402). На конв. помета Т.: «Напишите, что получил письмо». Отв. Маковицкий; см. запись 20 авг.

[3] В словацк. ориг.—«Колумчек», в пер. Шкарвана — «Колумзек». Сохр. поправка рукой Гусева (по свед. Н. П. Чулкова): «По-видимому, речь идет о полковнике Льве Федоровиче Балюзеке (1822—1879), который был товарищем Л. Н. Толстого по Севастополю и был министром-резидентом в Пекине в 1860-х гг.».

[4] 9 авг. в *ЕСТ* записано: «Вечером тяжелый разговор с Л. Н. Несправедливые упреки, злоба, и опять тоска жизни...»

10 августа

[1] 10 авг. в *ЕСТ* записано: «Вечером разбирали старинные фотографии, и Л. Н. радовался на них, вспоминая старину. Мы опять дружны».
[2] На обор. этой фотогр. надпись рукой С. А. Толстой: «Кн. Волконский» (Ясная Поляна).
[3] В *ГМТ* есть копия фотогр., на к-рой изображен Н. Н. Миклухо-Маклай с мальчиком-туземцем (фото М. Конарского). (См. на с. 361.)
[4] Фотогр. с надписью на обор. рукой С. А. Толстой: «Аксакова, рожденная Тютчева» (*ГМТ*).
[5] Фотогр. также хр. в *ГМТ* с надписью С. А. Толстой: «Мери Дондукова». (См. на с. 365.)
[6] Фотогр. В. Фрея (В. К. Гейнса) с дарств. надписью: «Л. Н. Толстому на память от В. Фрея, 24 февраля 1886 г.»; и еще 2 фотогр. 1886 г. (*ГМТ*). См. на стр. 364
[7] На фотогр. подпись С. А. Толстой: «Келлер, привезенный из Германии Л. Н. в 1861 г. Г. Ф.» (*ГМТ*).
[8] J. J. Rousseau. Les Confessions. Genève, т. II, 1782 (*ЯПб*) и P., s. a. (*ЯПб*, пометы).
[9] Г. Гефдинг. Очерки психологии, основанной на опыте, изд. 3-е. СПб., 1898. Т. читал эту кн. в марте 1900 г. (см. т. 54, с. 15, 18).

11 августа

[1] Проф. Моск. ун-та, историк-медиевист П. Г. Виноградов, в 1902 г., после конфликта с мин. нар. просвещ. П. С. Ванновским, переехал в Англию; с 1903 г. стал проф. Оксфордского ун-та.

12 августа

[1] Ст. опубл. в № 7 журн.

13 августа

[1] Русско-турецкая война.
[2] В неск. рук. есть страницы, переписанные Маковицким (см. т. 36, с. 670—672).
[3] В перев. К. Маркса с рус. корресп., например, в письме в ред. *ОЗ* от нояб. 1877 г., в письме к В. И. Засулич от 8 марта 1881 г. и др., встречается ряд высказываний о возможности некапиталистического развития России. Однако Маркс, как и Энгельс, всегда указывал, что такая возможность может превратиться в действительность только при условии победы пролетарской револ. на Западе (см. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Изд. 2-е. М., 1951, с. 221, 301 и др.).
[4] Письмо Т. к Николаю II от 16 янв. 1902 г. (т. 73, с. 184—197).
[5] Франц. императрица, с 1852 г.— жена Наполеона III.
[6] Т. был в Киево-Печерской лавре 14—16(?) июня 1879 г. (см. т. 83, с. 270—271).

14 августа

[1] См. запись 31 дек. 1904 г. Т. нередко посещал эти концерты в 1857—1858 гг.
[2] См. «Былое и думы», ч. 1, гл. III. «Смерть Александра I и 14 декабря» (*Герцен, Женева*, т. VI, 1878, с. 63—68; *Герцен*, т. VIII, с. 59—62).
[3] Т. был в Лондоне с 18 февр. по 4 (?) марта 1861 г.
[4] См. т. 76, с. 15—16. Сохр. замечание С. А. Толстой к этой записи Маковицкого: «Сын Никифорова не застрелился, а облил себя керосином и сгорел в тюрьме».

15 августа

[1] С. А. Толстая записала: «...умный и живой француз Joseph Reinack»(*ЕСТ*).

16 августа

[1] В письме от 8 окт. н.с. Э. Валкер вспоминал о поездке с Т. верхом по направлению к Туле и просил прислать «адрес господина, сфотографировавшего их на лужайке». «Я жажду ее (фотографию) получить».
[2] В Овсянниково Т. провожал Валкера (*ЕСТ*, 16 авг.).
[3] Телегр. от проф. А. С. Шкляревского из Киева (см. запись 17 авг.).
[4] Перед сдачей в Историч. музей на хранение перев. Т-го С. А. Толстая снимала копии со своих писем. Сохр. 2 общие тетр.— «Книга 5» и «Книга 6», содержащие копии писем с 5 мая 1893 г. по 11 мая 1905 г.
[5] Сохр. 2 длинных письма к С. А. Толстой от 9 и 16 сент. 1894 г., написанные Т. Л. Толстой под диктовку Ванечки.

17 августа

[1] Черн. рук. «Конца века».
[2] По-видимому, Т. имеет в виду рассказ «Дама с собачкой», к-рым он бы недоволен (см. т. 54, с. 9).

[3] Газ. «Matin» обратилась к Рокфеллеру с просьбой уплатить за Россию контрибуцию Японии (об этом сообщали рус. газ.; см., напр., *Р. вед.*, № 220, 15 авг.).
[4] Телегр. А. С. Шкляревского от 16 авг.
[5] Письмо от Тамуры от 29 июня н.с., написанное под впечатлением от чтения религ. соч. Т.
[6] Н. Г у с е в. Рассказы об инквизиции. Исторический очерк. М., «Посредник», 1906, с. 68—75 (*ЯПб*, дарств. надпись 6 авг. 1905).

18 августа

[1] «К заключению мира с Японией» (*МЛ*, № 228, 18 авг.).
[2] I. K a n t. Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft. Lpz., s. a., S. 114, 202 (*ЯПб*, пометы).
[3] «Посредником» было напечатано 2 изд. этой книжки: одно — в 30, другое — в 12 коп.» (Прим. Гусева в машинописном тексте).
[4] О смерти своей жены Г. А. Русанов сообщил 15 авг. Т. отв. 17 авг. (т. 76, с. 11).

19 августа

[1] Южнославянский яз.
[2] Сохр. записка Маковицкого: «Чешский квартет. Исполнители: Карл Гофман — 1-я скрипка, Иосиф Сук — 2‹-я скрипка›, Оскар Недбал — альт; Ганс Виган — виолончель. Играли у Толстых в Москве между 4 февр. и 20 марта 1899». В дн. В. Ф. Лазурского указано, что 19 дек. 1895 г. исполнялись квартеты Бетховена, Шуберта, Гайдна и Танеева (*ЛН*, т. 37-38, с. 486). О. Недбал в ст. «Россия вчера и сегодня» вспоминал о своем посещении Т. в 1895 г., в день св. Сильвестра (Архив Национального музея в Праге).
[3] Копия И. Н. Крамского (уголь, соус), к-рая была в Румянцевском музее, находится в Музее русского искусства в Киеве. «Тайная вечеря» Ге (масло, 1863) — *ГРМ*; уменьшенное повторение (1866) — *ГТГ*.
[4] *НВ*, № 10581, 17 авг.
[5] В. Стэд был у Т. в сент. 1888 г.
[6] В *НВ*, № 10581, 17 авг. сообщалось: «Японцы приняли русский ультиматум».
[7] Парижским мирным договором, подписанным 18/30 марта 1856 г., завершилась Крымская война.
[8] K a n t. Kritik der praktischen Vernunft. B., s. a. (*ЯПб*., пометы, кабинет Т., полка над письменным столом; тит. л. отсутствует). «Die Religion...», S. 113.
[9] По-видимому, сб. V. H u g o. Religions et religion, 11-e éd. P., 1880 (*ЯПб*, пометы). Однако стихотв., упом. Т., в этом сб. нет.
[10] Е. Дж. Солано писал Т. 21 февр. (см. запись 15 марта). Отв. Т. известен только по наст. записи. См. т. 76, с. 12, где обозначено: «Неизвестному (англичанину)».

20 августа

[1] Об отв. Маковицкого на письмо Э. Кросби к Т. от 4 авг. н. с. см. в т. 76, с. 274.
[2] 15 авг. н.с. д-р В. Боде послал Т. корр. ст. «Tolstoj in Weimar». На конв. Т. написал конспект отв. (см. т. 76, с. 274). Ст. опубл. в журн. «Säemann», Sept.

21 августа

[1] Кн. изд. в Нью-Йорке в 1904 г. (*ЯПб*).
[2] 20 авг. Т. обратился к мин. вн. дел А. Г. Булыгину с просьбой вернуть с каторги крестьян с. Павловки Сумского у. Харьковской губ. (см. т. 76, с. 18). Просьба выполнена не была.

22 августа

[1] *Р. вед.*, № 226, 21 авг.—«Внутренние известия».

23 августа

[1] Кн. изд. в Берлине в 1905 г. (*ЯПб*).
[2] Письмо Черткова от 12 авг. н.с. Присланная кн. ‹A. A n d e r s o n›. Bulbul in Search of a Religion. L., s. a. (*ЯПб*).
[3] «Много ли человеку земли нужно?» (т. 25).
[4] Заметка Маковицкого в *Р. вед.* не появилась.
[5] А н д р е е в и ч (Евг. Соловьев). Л. Н. Толстой. Монография. СПб., 1905 (*ЯПб*, дарств. надпись изд. А. Е. Беляева).
[6] Начиная с 1890 г. среди сюжетов, к-рые Т. намеревался обработать, много раз упоминается «Александр I — Кузмич». Работа же над задуманным произв. началась лишь в конце 1905 г. Готовясь к ней, Т. читал «с отметками» кн. Н. К. Шильдера «Император Александр Первый, его жизнь и царствование», тт. I—IV, изд. 2-е. *СПб.* (*ЯПб*, пометы). Над произв., получившим загл. «Посмертные записки старца Федора Кузмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири близ Томска на заимке купца Хромова», Т. работал до 27 дек. Оно осталось незаконч. (см. т. 36, с. 59—74, 584—586).

25 августа

[1] Вероятно, ст. *Н. Л.* ‹Н. В. Латкина.› «Соловецкий ставропигиальный монастырь (Соловки)».—*Брокгауз*, кн. 60 (*ЯПб*).
[2] I. Kant. Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft. Text der Ausgabe 1793. Lpz., s. a., S. 25—27 (*ЯПб*, пометы).
[3] Б. Брандт. Питейная торговля (*Брокгауз*, кн. 46, с. 728; *ЯПб*).

26 августа

[1] Л. Л. Толстой. Одно ли из двух? — Ежем. прилож. к «Ниве», № 8 (*ЯПб*).
[2] Сб. «Аграрный вопрос». М., 1905.
[3] 25 авг. в *Р. вед.*, № 230 и *НВ*, № 10589 опубл. интервью с проф. Мартенсом.
[4] Сохр. след. заметка Маковицкого: «Из Калифорнии бывший у Л. Н. Щербаков ‹!› неукротимого, разгульного характера». Щербак был арестован в конце мая в Сумах, после составл. петиции о земле от Сумского с.-х. о-ва (см. *Св. сл.*, № 17 и 18, май — сент., стлб. 45).

27 августа

[1] И. И. Толстой.
[2] L. Tolstoy. A great iniquity («Public», № 385, 19.VIII, p. 311—319 (*ЯПб*); «Spectator», 5 VIII; ср. т. 55, с. 157 и 158).
[3] J. H. Dillard. Tolstoy and George («Public», № 385, 19.VIII, p. 307; *ЯПб*).
[4] Цитата из письма Э. Кросби от 22 авг. н.с.
[5] Письмо одного из ред. газ., Л.-Ф. Соважа, от 1 сент. н.с. В *Списке* (т. 76) отв. Маковицкого не отмечен (ср. т. 55, с. 158).
[6] П. А. Оленин-Волгарь послал Т. 24 авг. рук. запрещенного ценз. романа «Тайна Володи-мальчика». Т. отв. 26 авг. (т. 76, с. 20). Рук. была отослана. Это же письмо Т. ошибочно включено как письмо «Неизвестному» в «Список писем Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен» (т. 76, с. 268).
[7] А. Гикман и А. Ф. Маркс. Всеобщий географический и статистический карманный атлас. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1903 (*ЯПб*, кабинет).

28 августа

[1] Летом 1879 г. Т. записал рассказ сказителя В. П. Щеголенка (Щеголенкова) «Иван Павлов» (т. 48, с. 201). Неск. раз, составляя списки сюжетов, к-рые он намеревался обработать, Т. называл «Рассказ Петровича — мужа, умершего странником». И только через 26 лет, в февр. — мае 1905 г., на этот сюжет был им написан рассказ «Корней Васильев», включ. в «Круг чтения» — т. I, с. 234—250 (т. 41, с. 205—220).
[2] Работа над ст. была закончена в дек.
[3] В посланных телегр. Горбунов-Посадов сообщал, что 77-ю годовщину Т. «встретил здоровый и бодрый», получил много приветствий и к этому дню закончил ст. «Конец века сего». Опубл. в *Р. вед.*, № 234, 29 авг. и в *СО*, № 168, 30 авг.; 50-летие лит. деят. Т. — 6 сент. 1902 г. (50 лет со дня выхода повести «Детство»); 75-летие Т. — 28 авг. 1903 г.
[4] Кн. магазин «Посредник» П. А. Буланже находился в 1905 г. в Москве, в Петровских линиях.

29 августа

[1] Ср. предисл. Герцена (1858) к «Письмам из Франции и Италии» (*Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 119—126; *Герцен*, т. V, с. 9—14).
[2] *Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 102; *Герцен*, т. VII, с. 374.
[3] «Поврежденный» — в «Круге чтения» на 22 дек. — т. II, с. 572—581 (т. 42, с. 366—374). Сокращен Т., целиком выпущены 1-я и последн. гл., из гл. 2-й изъято 6 абз. Список сокращ., сделанных в корр., см. в т. 42, с. 668. См. также: *ЛН*, т. 41-42, с. 518.
[4] См. «Былое и думы», ч. V, гл. XXXIV — *Герцен, Женева*, т. VIII, 1879, с. 212—216; *Герцен*, т. X, с. 11—15.

30 августа

[1] ‹А. А. Гатцук.› Как живут китайцы. Составлено по книге Симона, бывшего французского консула в Китае. М., «Посредник», 1891, с. 46—49 (*ЯПб*).
[2] Письмо А. В. Юшко от 22 авг. Он сообщал, что его выступления в защиту угнетенных крестьян вызвали дикую злобу у помещиков и полиции. Т. отв. 4 сент. (т. 76, с. 26—27).

31 августа

[1] Кишиневский погром произошел 6—7 апр. 1903 г. В связи с ним мин. вн. дел В. К. фон Плеве выпустил циркуляр, к-рым вопрос о погроме был изъят из обсуждения печати.

1 сентября

[1] Дж. Дж. Пасториза из Хьюстона послал Т. 25 авг. н.с. вырезку из «Progress» от 24 авг. под загл. «A great iniquity». Ст. Т. под тем же назв. из «Public» (19 авг.) он напечатал за свой счет в неск. тысячах экз. На конв. помета Маковицкого: «Отв. Д.П.М». В *Списке* (т. 76) этот отв. не учтен.

[2] В 1-м письме — от 23 авг. ст.с. из Софии — Г. С. Шопов писал Т. о противоречиях «в письме к царю и комментарии В. Черткова к нему». Во 2-м — от 24 авг.— он упрекал Т. за противоречия в «Едином на потребу». На конв. письма от 24 авг. помета Маковицкого: «Удивляется, что в ст. «Единое на потребу» Л. Н. винит государственное устройство, а не царя — солдат в войне». «Единое на потребу» появилось в Англии и др. странах 16 и 18 авг. Обвинение пр-ва — в конце ст. Т. (т. 36, с. 205).

2 сентября

[1] Об этом посещении Ганнье см. *ВВ*, № 9020, 8 сент. Письмо Т. к А. Н. Дунаеву от 2 сент. неизв. (см. т. 76, с. 268). Письма Т. к В. А. Морозовой и А. Н. Дунаеву от 4 сент.— т. 76, с. 21—22.

3 сентября

[1] Под загл. «О непротивлении злу злом...» печаталось письмо Т. к М. А. Энгельгардту от 20 (?) дек. 1882—1883 г., 20 (?) янв. (см. т. 63, с. 112—124). «О непротивлении. Письмо к американцу Кросби» — от 4—12 янв. 1896 г. (т. 69, с. 13—23). В начале работы над трактатом «Царство божие внутри вас», 1890—1893 (т. 28) Т. называл его «О непротивлении».

[2] Замысел этот осуществлен не был.

4 сентября

[1] Dr. P. S o l l i e r. Le Problème de la mémoire. Essai de psycho-mécanique. P., 1900 (*ЯПб*). Кн. прислана при письме Солье от 7 сент. н. с. Т. отв. 4/17 сент. (т. 76, с. 23—24). В *ЯПб* есть еще кн. Солье: «Genèse et nature de l'hystérie. Recherches cliniques et expérimentales de psycho-physiologie», vol. 1—2. P., 1897. «Le mécanisme des émotions». P., 1905; «Les phénomènes d'autoscopie». P., 1903.

[2] Th. C a r l y l e. Oliver Cromwell's Letters and Speeches: with Elucidations. Lpz., 1861 (*ЯПб*).

[3] Th. C a r l y l e. Past and Present. L., 1843. Рус. пер. Т. К а р л е й л ь. Загадка Сфинкса (из «Past and Present»). Пер. Л. П. Никифорова. М., 1900 (*ЯПб*, пометы). Т. читал эту кн. в 1904 г. и выдержки из нее включил в «Круг чтения» (см. т. 42, с. 587).

[4] «Записки декабриста Д. И. Завалишина», т. I, ч. 2, с. 290, 293.

[5] См. *ЛН*, т. 75, кн. 1, с. 402.

5 сентября

[1] «*Крестьянин*» — И. В. Гуляев (см. т. 71, с. 372). Его письмо от 5 авг. «*Лавочник*» — А. А. Широков из Клинцов, Черниговской губ. На конв. его письма от 20 авг. рукой Т.: «Выслать, что можно, и просьба возвратить». Отв. Т.— 4 сент. (т. 76, с. 25—26). За 4 сент., кроме отв. И. В. Гуляеву и Широкову, известно еще 6 писем Т. (А. Н. Дунаеву, В. А. Морозовой, П. Солье, В. Стэду, Черткову, Р. В. Юшко и одна телегр. в ред. «New York World») — см. т. 76, с. 21—27.

[2] «Trávnice. 100 slovenských národných piesni». Na klavir pristrojil M. Francisci, sešit 1—2, s. a.

[3] Не совсем точная передача обращения Герцена к консерваторам: «...вы не хотели даже и такой бледной республики, как февральская, не хотели подслащенной демократии 〈...〉 Вы хотели *порядка*. Будет вам за то война, семилетняя, тридцатилетняя...» («Былое и думы», ч. VIII; *Герцен, Женева*, т. X, 1879, с. 100; *Герцен*, т. XI, с. 512—513).

[4] «Император Александр I и В. Н. Каразин» (*там же*, с. 133—190. Пометы Т. на с. 136—137 и 189 (*ГМТ*); *Герцен*, т. XVI, с. 38—77).

6 сентября

[1] Ср. «Записки одного молодого человека» (*Герцен, Женева*, т. VIII, 1879, с. 69—77; *Герцен*, т. I, с. 307—314; ср. также «Первая встреча» — *РМ*, 1882, № 1, б. п., под загл. «Германский путешественник»; *Герцен*, т. I, с. 112—117. Запись не точна).

[2] Ср. «Концы и начала». Письмо четвертое (*Герцен, Женева*, т. X, 1879, с. 236—237; *Герцен*, т. XVI, с. 162—163).

[3] См. в ч. VI, гл. IX «Былого и дум» Герцена — «Роберт Оуэн» (*Герцен, Женева*, т. IX, 1879, с. 313; *Герцен*, т. XI, с. 237).

[4] Возможно, «Москва и Петербург» (*Герцен, Женева*, т. III, 1878, с. 277—289; *Герцен*, т. II, с. 33—42 или «Станция Едрово», гл. 1 — *Герцен*, т. II, с. 177—185).

[5] Картины Куинджи: «Украинская ночь» (1876), «Березовая роща» (1879), «Лунная ночь на Днепре» (1880) или «Днепр утром» (1881) — *ГТГ*. Музей акад. М. П. Боткина находился в Петербурге, на Васильевском острове.

[6] Вероятно, фотогр. с рис. Репина 1891 г.— «Толстой в яснополянском парке» (*ГМТ*).

[7] *НВ*, № 10599, 4 сент. «Внешние известия».

[8] *Гереры* — жители Юго-Западной Африки (бывш. нем. колонии) и Анголы.

[9] Интервью с англ. миссионером Дж. Г. Гаррисом («Review of Reviews», vol. XXXII, (Sept. № 189, p. 246—248; *ЯПб*).

[10] Анкета была приложена к ред. ст.: «Le refus de service militaire pour motif de conscience» («Semaine Littéraire», № 587, 25.III — *ЯПб*).

[11] О ст. В. Стэда «Английские либералы и монархия», опубл. в *Р. вед.*, № 238, 2 сент., говорилось в обзоре «Среди газет и журналов» (*НВ*, № 10599, 4 сент.).

7 сентября

[1] Маковицкий ездил к М. Л. Оболенской в связи с ее беременностью, завершившейся рождением 19 сент. мертвого ребенка (*ЕСТ*).

[2] В кн. «Pensées de Pascal», p. 164—166, эта мысль отчеркнута Т. (*ГМТ*). Упом. в черн. ред. «Конца века» (т. 36, с. 485).

[3] После смерти Марии Львовны дн. ее был сожжен ее мужем Н. Л. Оболенским. О восп. М. Л. Оболенской свед. нет; вернее всего, она их не писала.

12 сентября

[1] В этот день С. А. Толстая записала: «Читали вслух Льва Никол. воспоминания об отце и тетеньке Татьяне Александровне Ергольской. Превосходно, художественно, полно чувства...»(*ЕСТ*). Эти восп. Бирюков включил в т. I «Биографии» Т. (с. 14—16, 24—26).

[2] В связи с арестом в 1887 г. М. А. Новоселова, у к-рого было найдено около 30 экз. гектографированного изд. ст. Т. «Николай Палкин», моск. ген.-губ. было поручено «пригласить к себе графа Л. Н. Толстого и, сделав ему должное внушение, предложить вместе с тем представить немедленно все имеющиеся у него экз. «Николая Палкина»». Приглашение явиться было передано через знакомого Т., управл. канц. губ. Истомина. Т. приехать отказался (см.: Б. Н-с к и й. Л. Н. Толстой и департамент полиции.— *Б*, 1918, № 9, с. 210—215).

[3] Дж. Т. Синклер послал Т. 18 авг. н. с. машинописную копию своего письма к изд. «Times» с возражениями против ст. Т. «Великий грех». К письму прилож. вырезка из неустановл. газ.— «Пожертвования баронета (работному дому в Вондсворте)».

[4] Т. отв. Е. Е. Гончаренко 7 сент. и в тот же день написал о нем А. Ф. Кони (к-рому послал письмо Гончаренко о приговоре), В. В. Стасову и А. В. Олсуфьеву— ген.-адъютанту Николая II (т. 76, с. 28—31). В письме от 25 сент. Кони сообщил, что дело о Гончаренко затребовано в Петербург для пересмотра.

[5] «Вестник знания», № 9 (*ЯПб*).

[6] Письмо Стэда от 11 сент. н. с. из Петербурга. Отв. Т. 4/17 сент. (т. 76, с. 24—25). 24 сент. н. с. Стэд сообщил, что приедет.

[7] «Записки декабриста Д. И. Завалишина», т. II, ч. 3, с. 157. Речь идет о приезде в 1833 г. в Петровский Завод к декабристу В. П. Ивашеву его невесты, француженки К. Ледантю. Ивашев, по утверждению Завалишина, не помнил ее, а она бросилась на шею доктору Вольфу (ср. «Былое и думы», *Герцен, Женева*, т. VI, 1878, с. 64—66; *Герцен*, т. VIII, с. 59—61).

[8] 12 авг. н. с. Чертков писал Т., что ред. «Times» принимает ст. «Единое на потребу». Резкие оценки Т. англ. королей Генриха VIII, Карла I, а также Кромвеля см. в т. 36, с. 170.

13 сентября

[1] А. Д о б р о л ю б о в. Из книги невидимой. М., 1905 (*ЯПб*). Добролюбов был у Т. 5—6 сент. 1903 г. (см. т. 54, с. 191).

[2] В марте 1905 г. Т. просил П. А. Сергеенко посетить А. Г. Достоевскую по делам, связанным с подготовкой к изд. «Круга чтения». 12 марта Сергеенко сообщал Т.: «...она рассказала мне о мечтах и страданиях Достоевского в связи с вами. Достоевский жаждал познакомиться с вами, собирался поехать к вам. Но всегда что-нибудь мешало. Но дважды «счастье казалось так близко». Один раз в Петербурге (на лекции Вл. Соловьева), другой — во время пушкинских торжеств в Москве. Но первый раз помешал Н. Н. Страхов (сказав, что вы уклоняетесь от всякого знакомства); второй раз — Тургенев. Достоевский совсем уже собрался в Ясную, как приехал Тургенев и напугал Достоевского вашим мрачным настроением». О не состоявшемся по вине Страхова знакомстве Т. с Достоевским на лекции Вл. С. Соловьева см. А. Г. Д о с т о е в с к а я. Воспоминания. М., 1971, с. 319—320. По поводу неосуществленной поездки в Ясную Поляну в 1880 г. Достоевский писал жене 27 мая со слов Григоровича, что «...Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и

даже, может быть, совсем сошел», и в ту же ночь: «Юрьев подбивал меня съездить к нему в Ясную Поляну ‹...› Но я не поеду, хотя ‹бы› очень бы любопытно было» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. IV. М., 1959, с. 154 и 156. См. об этом также П. Сергеенко. Толстой и его современники. М., 1911, с. 35—39).

[3] Лекция Вл. С. Соловьева о религии (из цикла «Чтения о богочеловечестве») состоялась 10 марта 1878 г. (см. «Лит. Россия», 1976, № 16, 16 апр.; ср. т. 62, с. 392—393, 400).

14 сентября

[1] На рук. № 14 (т. 36, с. 674) авт. дата: *14 сентября*. Работа над ст. была закончена в дек.

[2] Н. Н. Толстой. Охота на Кавказе (Подпись: *Н. Н. Т.*).— *Совр.*, 1857, №№ 1—2. В гл. II — «Окрестности Кизляра» описан казак Епифан Сехин (Ерошка — в «Казаках» Т.) — с. 177; гл. VII — «История Саип-Абрека» — с. 225—226, 228—229. Из этого рассказа Т. включил в «Хаджи-Мурата» сюжет песни о плененном соколе (т. 35, с. 102).

[3] В *ECT* 14 сент. записано: «Негодовала на биографию Л. Н., написанную Павл. Иван. Бирюковым. И Л. Н. недоволен ей. Нескромно письма к В. В. Арсеньевой».

17 сентября

[1] I. Kant. Die Religion..., S. 164.

22 сентября

[1] М. Л. Оболенская писала родственникам: «Душан очень милый и прекрасный доктор, внимательный, ловкий и даже строгий. А главное — дружественный. Мы бесконечно ему благодарны». Вложено в письмо Е. В. Оболенской к С. А. Толстой (б. д. ‹19? сент.›). Т. отв. 22 (?) сент. (т. 76, с. 33—34).

[2] Под загл. «Добровольное рабство» вкл. в «Круг чтения» на 23 июня 2 выдержки из соч. Лабоэти «Рассуждение о добровольном рабстве». Отправляя 25 сент. Горбунову-Посадову корр., Т. писал об испр. пер. Лабоэти и о приписанном к нему «маленьком сведении о личности Лабоэти» (т. 76, с. 34). Краткое «сведение» опубл. в «Круге чтения» в виде подстрочного прим. к тексту «Добровольного рабства» (т. I, с. 496; т. 41, с. 426). Автограф этой заметки неизв. Сохр. текст, написанный рукой Т. Л. Сухотиной (быть может, он ею и составлен), с испр. Т.

[3] Montaigne. Essais suivis de sa correspondance et de la Servitude volontaire d'E. de La Boëtie. Edition variorum accompagnée d'une notice biographique, de notes historiques, philologiques, etc. et d'un index analytique par Ch. Louandre. P., (s. a.). T. I—IV (*ЯПб*, пометы); E. de La Boëtie. Упом. изд. (*ЯПб*).

[4] Вероятно, журн. «World's Advance Thought».

[5] Письмо Люси Малори от 8 авг. н. с. 1904 г., на к-рое Т. отв. 21 авг. того же года (т. 75, с. 158—159).

23 сентября

[1] Гости были по случаю 43-летия со дня свадьбы Т.

[2] Т. рассказывает о том, что случилось с ним в дек. 1858 г. (см. об этом *Бирюков I*, с. 174). Этот эпизод Т. изложил в рассказе «Охота пуще неволи», включенном в «Азбуку» (т. 21, с. 281—287).

24 сентября

[1] Запрос И. Лепсиуса и отв. Т. неизв. (см. т. 76, с. 268). Сохр. визитные карточки: «Pastor A. I. Stephanowitsch», «Dr. Johannes Lepsius. Direktor der Deutschen Orient Mission».

[2] W. von Polenz. Der Pfarrer von Breitendorf. B., 1893; В. Поленц. Деревенский священник. Роман. Пер. с нем. В. Величкиной. М., «Посредник», 1903.

[3] «На дне» А. М. Горького поставлено в Берлине М. Рейнхардтом, режиссером и директором Kleines Theater. Премьера состоялась 23 янв. 1903 г.

[4] S. Kierkegaard. Richtet selbst! Zur Selbstprüfung der Gegenwart anbefohlen. 2te Reihe. Übersetzt von A. Dorner und E. Schrempf. St., 1896 (*ЯПб*).

[5] D-r Lepsius. Armenien und Europa. B., 1896. Рус. пер. из этой кн. в сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», 2-е изд. М., 1898.

[6] A. Harnack. Das Wesen des Christentums. 4-te Aufl. Lpz., 1901 (*ЯПб*).

[7] В примерах неповиновения пр-ву Т-м снята фамилия Небогатова и ссылка на броненосец «Потемкин» (рук. № 16). В окончат. ред. упоминаются только «бунты моряков в Черном море» (ср. т. 36, с. 249).

[8] В той же рук. вычеркнуто: «государственной» (насильнической властью) и вписано: «поддерживаемые» (общественным мнением) (ср. т. 36, с. 254, строки 29—33).

[9] См. «Конец века» — гл. XI (т. 36, с. 266).

[10] 80-летие В. Гюго отмечалось 26 февр. 1882 г.

25 сентября

[1] С. А. Толстая послала Бирюкову ультимативное письмо с запрещением печатать перев. Т. с В. В. Арсеньевой. 19 сент./2 окт. Бирюков отв.: «Сейчас же пишу Черткову и другим переводчикам об исключении этой главы. Мне придется заменить эту чудную главу сухой передачей самого факта». Т. сам сожалел об этом (см. в его письме к Бирюкову от 18 окт.— т. 76, с. 43). В 1-е и 2-е изд. кн. перев. с В. В. Арсеньевой не вошла. Письма эти помещены только в 3-ем изд. (Берлин, 1921).

[2] Дж. Мендельсерн прислал Т. (с письмом от 18 сент. н. с.) «Отчет города Нью-Йорка», содерж. свед. о гор. налогах, об обложении движимого и недвижимого имущества и пр. хозяйственных и финансовых вопросах, к к-рым Т. проявил интерес в беседе с Мендельсерном при посещении им Ясной Поляны. «Отчет» был отправлен С. Д. Николаеву.

26 сентября

[1] 19 сент. в Москве началась забастовка печатников, затем булочников, мебельщиков, табачников, трамвайщиков. Из экономической стачка переросла в полит. 23—25 сент. произошли столкновения с казаками и войсками. С 23 сент. по 5 окт. почти ни одна моск. газ. не выходила из-за стачки тип. рабочих.

[2] 22 сент. ректор Моск. ун-та С. Н. Трубецкой выступил перед студентами, убеждая их прекратить митинги: «Подумайте, как много дает вам университет, и не требуйте от нас невозможного» (ст. «В университете».— *Р. вед.*, № 259, 23 сент.). Упом. о Золя, вероятно, вызвано его обращением «К молодежи» («Figaro», 1896, 7.II; ср. Э. З о л я. Собр. соч., т. 26. М., 1967).

[3] С. А. Толстая хлопотала о 27-м изд. «Второй русской книги для чтения» (вышла в 1906 г.).

[4] Б. Н. Ч и ч е р и н. Положительная философия и единство науки. М., 1892 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[5] 〈В. Н. Д а в ы д о в.〉 Опыт социологии науки устройства человечно-счастливого сообщежития. Сочинение О. Че-ка. Genève, 1883. Сам Т. содействовал изд. этой кн. (т. 72, с. 126, 145—146).

[6] «Спелые колосья. Сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого». Составил с разрешения автора Д. Р. Кудрявцев. 〈Вып. 1 и〉 2. Carouge (Genève), 1895.

27 сентября

[1] Вероятно, «Пушкин и его современники. Материалы и исследования». Вып. III. СПб., 1905.

[2] П. П. Г н е д и ч. Песьи мухи. Из записок моего соседа Скалопендрова, т. I. СПб., 〈1905〉 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[3] «Bug-Jargal».

[4] V. H u g o. Notre-Dame de Paris. Отмечено в списке кн., произведших «о〈чень〉 большое» впечатление на Т. в возрасте «с 20-ти до 35-ти лет» (см. т. 66, с. 68).

[5] «*Эсмеральда*» — балет Ц. Пуни, либретто Ж. Перро (по роману В. Гюго «Собор Парижской богоматери»). В России поставлен впервые 21 дек. 1848 г. в петерб. Большом театре; в моск. Большом театре — в 1850 г.

[6] Письмо от Я. Богуславского из Николаева от 22 сент. Отв. Маковицкий (см. т. 76, с. 275).

28 сентября

[1] См. запись 14 сент. и R. Heber Newton. George's day is in the future; «Editorial». Presidential slush funds («Public», № 390, 23 Sept., p. 394—395, 385; *ЯПб*).

[2] Т. Рузвельт избран президентом в 1904 г.; см. указ. № «Public», p. 387 («The president's weak side»).

[3] Рассказанное Т.— т. I, гл. 3, с. 34—48 и гл. 7, с. 122.

29 сентября

[1] «Император Александр Первый», т. I, гл. 10, с. 146—147, 151, 160; т. II, гл. 1, с. 11.

30 сентября

[1] Письмо Ф. А. Страхова от 28 сент. из станицы Урюпинской. Возможно, просьба эта была вызвана болезнью жены Страхова. Отв. Т.— 5—6 окт. (т. 76, с. 39—40).

[2] Т. Г. Шевченко выкуплен у помещика Энгельгардта в 1838 г.

[3] *Берг* — персонаж из «Войны и мира»; *немец-управляющий у Нехлюдова* — Василий Карлыч из романа «Воскресение».

[4] 9 дек. 1855 г. Т. читал у Тургенева сц. из народной драмы «Не так живи, как хочется», опубл. в «Москвитянине», 1855, № 17 и 18. В *ЯПб* изд. И. Д. Сытина. М., 1888.

[5] В *ЯПб* сохр. изд. А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. I—VIII. СПб., 1885—1886; т. IX. М., 1878; т. X. СПб., 1884.

[6] Совещание гор. и земских деятелей в связи с предстоящими выборами в Гос. думу открылось 12 сент. в Москве.

1 октября

[1] Ср. т. 76, с. 62—64.

[2] С. Н. Трубецкой, выехавший 29 сент. в Петербург «хлопотать относительно более широкой свободы собраний», умер 30 сент. (см. *НВ*, № 10625, 30 сент.).

[3] См. Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, т. II, гл. 5, с. 110 и т. III, гл. 7, с. 140.

[4] Ср. Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, т. I, гл. 7, с. 178.

[5] См. «Новые уступки финляндским политикам» (*НВ*, № 10624, 29 сент.). Манифестом от 22 окт. была восстановлена автономия Финляндии.

[6] Возможно, письмо к Николаю II от 16 янв. 1902 г., где Т. назвал его «распоряжения о Финляндии» в числе поступков, к-рые имели целью вернуть народ «к прежнему, пережитому состоянию» (т. 73, с. 188).

3 октября

[1] Портсмутский мирный договор был заключен 23 авг.

[2] Письмо вел. кн. Николая Михайловича из Боржома от 28 авг. (*ЛН*, т. 37-38, с. 320). Отв. Т. от 14 сент.— т. 76, с. 31—32.

[3] Вел. кн. Николай Михайлович в своем отв. Т-му от 1 окт. согласился на прекращение перев. (см.: *ЛН*, т. 37-38, с. 321). В 1906 г. их иерев. возобновилась.

[4] См. на обл. сент. № журн. сообщ. «Tolstoy to-day's Greatest Single Tax propagandist», подп. В. Л. Гаррисоном, Э. Кросби, Г. Джорджем-сыном и др.— № 391, 30 Sept. (*ЯПб*). На с. 416 — карикатура с подп.: «Сэр, этот мраморный бюст воздвигнут в честь величайшего американца XIX века!»

4 октября

[1] «Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza)». М., 1887. Кн. нужна была Т. в связи с задуманным им произв. «Посмертные записки старца Федора Кузмича». О ней же Т. просил А. Ф. Кони в письме от 5 окт. (т. 76, с. 37, с ошибочным указ. имени — Эдмонд).

[2] См. «Сочинения Ю. Ф. Самарина», т. 7. «Письма из Риги и История Риги». М., 1889, с. 154—155.

[3] «Inviolable (a Protest)».— «Crank», vol. 3, № 10, Oct. (*ЯПб*). Анон. автор выражал возмущение оскорбительными характер. царей в «бунтарской» ст. Т. «Единое на потребу». «Заводы, изготовляющие бомбы в Москве,— заявил он,— выглядят невинной шуткой по сравнению с идеями, исходящими из Ясной Поляны», p. 314. Вслед за ст. напеч. пространная заметка Майо в защиту Т.

[4] W. T. Stead. Letters from Russia. I. («Review of Reviews», vol. XXXII, № 190, Oct.; раздел — «The real Tsar»; *ЯПб*).

[5] Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (*РС*, 1884, №№ 9—11; *ЯПб*).

[6] L. Hearn. Japan. N. Y.—L., 1904, ch. III. The Ancient Cult, p. 27—38 (*ЯПб*).

5—6 октября

[1] См. А. Ф. Кони. Федор Петрович Гааз. По новым материалам. Оттиск из *ВЕ*, 1903, № 12 (*ЯПб*, дарств. надпись); Федор Петрович Гааз. Биогр. очерк. Изд. 3-е, доп. СПб., 1904 (*ЯПб*).

[2] Речь идет не о художнике М. П. Боткине (ум. в 1914), а об одном из его старших братьев, Николае (коммерсанте) или Владимире, с к-рым Т. путешествовал по Швейцарии. В 1869 г. Н. П. Боткин разбился насмерть при падении из окна.

[3] Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, указ. изд.; Император Николай Первый, его жизнь и царствование, тт. I—II. СПб., 1903.

[4] «Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича». Изд. 2-е, испр. СПб., 1881 (*ЯПб*). Т. читал эти кн. в связи с давно задуманными им «Посмертными записками старца Федора Кузмича» (т. 36, с. 59—74), над к-рыми начал работать во 2-й пол. нояб. Закладки эти хр. в *ГМТ*, сделанные на них записи опубл. в т. 55, с. 516—517.

[5] Изв. 4 письма Т. от 5 окт. (т. 76, с. 37—39) и 3 письма по поруч. Т. от начала окт. (т. 76, с. 275).

7 октября

[1] В *ЕСТ* 7 окт. записано: «Лев Ник<олаевич> бодр, прекрасно рассказывал. Поминал, как в Казани они жили против острога, и он думал, как бы интересно узнать жизнь каждого живущего там».

8 октября

[1] См. Н. К. Шильдер. Император Павел Первый. СПб., 1901, с. 84—85, 103.
[2] 1) Pro Domo (P. Carus). How far have we strayed from Christianity? 2) Christina Albers. Modern India. Фотогр.: «Высокая каста браминов», «Индусская женщина», «Дети из касты браминов»; 3) «The new japanese education». В посл. статье кратко изложен кодекс этики «хорошего японца» («Open Court», vol. XIX, № 593, Oct.— *ЯПб*).
[3] Письмо В. Г. Козлова от 6 окт. Козлов, побывавший у Т. и получивший материальную помощь, просил помочь ему найти работу.

9 октября

[1] См. об этом Н. К. Шильдер. Император Павел Первый, с. 158—159.
[2] А. Куприн. Поединок («Сб. т-ва «Знание» за 1905 г.», кн. 6. СПб., 1905, с. 18—20).
[3] Т. познакомился с А. И. Куприным 26 июня 1902 г.
[4] Скиталец «Мы плыли с тобою навстречу заре»; «От вашей мерзости спасался я в пустыню»; «Легенда (По Гейне)», «По Беранже» («Сб. т-ва «Знание» за 1905 г.», кн. 6).
[5] Замечание Маковицкого относится к сцене, когда денщик Ромашова, черемис Гайнан, молится перед статуэткой Пушкина, к-рую выпросил у Ромашова, с. 97.

10 октября

[1] М. Горький. Букоемов, Карп Иванович («Сб. т-ва «Знание» за 1905 г.», кн. 6).
[2] Письмо за подп.: «*Внимательный читатель*» от 29 сент. (почт. шт.: «Гора Кальвария, Варшав. губ.»).
[3] «С того берега», гл. IV. «Vixerunt!» (*Герцен, Женева*, т. V, 1878, с. 71—100; *Герцен*, т. VI, с. 64—85).

11 октября

[1] И. К. Дитерихс прочитал гл. VIII—XI, с. 98—146.
[2] См. запись 17 апр.
[3] См. С. Л. Толстой «Мое участие в эмиграции духоборов в Канаду. П. А. Кропоткин» (в кн. *Очерки былого*, с. 191—212).

12 октября

[1] Замечание Т. относится к след. выражению в гл. XIV: «На небе дрожащими зелеными точечками загорались первые звезды» (с. 179).
[2] Т. прочитал начало гл. XV, с. 184—185.
[3] Я. И. Ростовцев, автор «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений». СПб., 1849.

13 октября

[1] Вероятно, имеется в виду след. контекст в гл. XVI: «...всё было погружено в чуткую, крадущуюся тишину, от которой гулко шумело в ушах» (с. 219).

14 октября

[1] Фото Н. Н. Страхова; группы писателей — сотрудников журн. *Совр.* (работы С. Л. Левицкого), с автографом на паспарту — 1856; А. А. Фета, Н. А. Некрасова, И. Лелевеля; большой портрет С. Н. Толстого, сделанный за 2 года до его смерти; дагерротипы кн. А. А. Волконского и его жены Л. И. Волконской («маленькая княгиня» в «Войне и мире») — кабинет писателя; Т. Л. Толстая (девочкой) — рис. Соколовской, 1870-е гг.— в настоящее время находится в «комнате для приезжающих» (Музей-усадьба Ясная Поляна).
[2] Фотопортрет В. Брайана остался в «комнате для приезжающих». О фотопортрете Джонса сохр. след. заметка Маковицкого: «Mayor Samuel M. Jones of Toledo USA. О нем Л. Н. иногда говорил, и его портрет висел в кабинете». Портрет В. К. Сютаева — копия с портрета маслом работы Репина — в кабинете у окна. Фотогр. Шпира — над столом.
[3] Самоубийство женщин путем перерезания горла (L. Hearn, op. cit., p. 314—318).

16 октября

[1] Письмо к М. Л. Оболенской от 15 окт. (т. 76, с. 41—43).
[2] Картина Ю. И. Игумновой хранилась в *ГМТ*. Погибла во время налета фашистской авиации в окт. 1941 г., когда в музей попала бомба. Другой вариант —

«Л. Н. Толстой верхом на Тарпане». Масло, холст. Музей-усадьба Ясная Поляна. Фонды.

[3] Н. А. Лютецкая приглашена была С. А. Толстой для перепеч. ее писем к Т. А. Кузминской. Приехала 6 окт. (*ЕСТ*).

[4] В. Берентам. За право! 2-е, испр. изд. СПб., 1905.

[5] Т. работал над корр. повести «Божеское и человеческое» до конца нояб. (см. т. 89, с. 25, 27—29 и т. 55, с. 167, 169—170).

[6] «Записки декабристов», вып. 1. Записки И. Д. Якушкина. Лондон. Вольная русская типография, 1862.

[7] «Ассирийский царь Ассархадон» (1903) (т. 34).

17 октября

[1] Об этом Т. написал в Дн. 23 окт. (т. 55, с. 168—169).

18 октября

[1] См. К. Л〈ьдов〉. Диккенс (*Брокгауз*, кн. 20; *ЯПб*).

[2] Т. ошибочно называет Гренобль вместо Дижона, где Т. и Тургенев пробыли с 25 февр. по 2 марта 1857 г.

[3] Т. писал в Дижоне повесть «Пропащий» («Альберт» — т. 5).

[4] Письма В. В. Стасову и Черткову от 18 окт. см. в т. 76, с. 45 и в т. 89, с. 25.

19 октября

[1] «Высочайший манифест» от 17 окт. опубл. в газ. 18 окт.

[2] В *ЯПб* хр. 2 англ. изд. романа: Ch. Dickens. The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger, vol. I—III (в *ЯПб* только vol. III). Lpz., 1849; 2-й экз.— Lpz., 1850. Вероятно, т. I, гл. XIX и XX.

[3] Портрет Диккенса находится теперь в кабинете Т., слева от двери, в Музее-усадьбе Ясная Поляна. См. с. 165.

20 октября

[1] Мисс Бетси Тротвуд (гл. XXIII).

[2] А. Кауфман. Переселения (*Брокгауз*, кн. 45; *ЯПб*).

[3] Две ред. незавершенной ст. «Три неправды» см. в т. 36.

21 октября

[1] Телегр. П. Маковицкого от 21 окт. ст. с. из г. Ружомберока (*АВМ*).

[2] Н. Э. Бауман был убит 18 окт. Похороны состоялись 20 окт. Возле здания ун-та «около 50-ти человек пали жертвами дикого произвола и возмутительного насилия» (*Р. вед.*, № 276, 21 окт.).

22 октября

[1] «Этот слух оказался неверным: Дреэрг был сильно избит, но остался жив» (*Прим. Гусева*).

[2] *Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 334—350; *Герцен*, т. V, с. 177—189.

[3] *Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 335; *Герцен*, т. V, с. 177—178.

23 октября

[1] Погром в Калуге был организован черносотенцами (см. *Р. вед.*, № 283, 28 окт.).

[2] См. *Р. вед.*, № 277—278, 22—23 окт.

[3] См. *Р. вед.*, № 276, 21 окт.— «По телефону».

[4] М. А. Фонвизин. Обозрение проявлений политической жизни в России.— В кн. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I. СПб., 1905, с. 103—104, 110, 112, 125, 131—142.

24 октября

[1] Письмо Черткова от 21 окт. (н. с.) сохр. в *PNP*.

[2] См. «Письма в редакцию» за подп. «Маньчжурский офицер» и «Прапорщик» — по поводу избиения охотнорядцами студентов ун-та 20 окт. (*Р. вед.*, № 277, 22 окт.).

[3] Письмо Г. Крауфорда от 12 сент. н. с.

25 октября

[1] Разгром тверской земской управы был организован черносотенцами (см. *Р. вед.*, № 276 и 278, 21 и 23 окт.).

[2] G. Ch. Lichtenberg. Ausgewählte Schriften. Lpz., s. a. (*ЯПб*, пометы). Ср. запись 20 февр., прим. 2. и «Vermischte Schriften». Bd. I—IV. Göttingen, 1800—1802; Bd. I—II, 1800—1801 (*ЯПб*, пометы).

27 октября

[1] См. запись 19 янв.

[2] Характеристику Берсов, к-рых Т. делил по цвету волос на «черных» и «белых», он дал в письме к С. А. Толстой от 7 дек. 1864 г., отмечая «уверенность, иногда некстати» «черных» Берсов (т. 83, с. 86).

28 октября

[1] О событиях в Озургетском у., в Гурии, и в Одессе см. в *Р. сл.*, № 281, 26 окт. и *Р. вед.*, № 282, 27 окт.

[2] См. записи 13 и 20 янв.

[3] В письме от 22 окт. И. М. Трегубов просил Т. исправить составл. им «Братское воззвание», призывающее отказаться от насилия, вражды, убийств, и хотел, чтобы желающие подписаться под воззванием присылали свои подписи в Ясную Поляну. Т. отв. 26 окт. (т. 76, с. 46—47). Телегр. его неизв. (см. т. 76, с. 269).

[4] К. Л<андер>. Вопрос о национализации земли (*ВП*, №№ 187—188, 1—2 авг.).

[5] Ст. Т. «К политическим деятелям», 1903 (т. 35).

[6] См. П. Сергеенко. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898, с. 17 (*ЯПб*).

[7] «...то, что вы называете толпой, это-то и есть человеческий род...» — слова гл. героя повести — «поврежденного» (*Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 104; *Герцен*, т. VII, с. 376).

29 октября

[1] Письмо от сестры Маковицкого, Л. Бениач, из Ружомберока от 29 окт. н. с. (*ADM*).

[2] Под загл. «Письмо к либералам» печаталось письмо Т. к А. М. Калмыковой от 31 авг. 1896 г. (т. 69, с. 127—138).

[3] См. *Р. вед.*, № 284, 29 окт.

30 октября

[1] См. т. 25, с. 302—305.

[2] Письмо А. М. Хирьякова от 27 окт. из Петербурга.

31 октября

[1] О судьбе Щербака см. запись 26 авг., прим. 4.

[2] H. Taine. Les origines de la France contemporaine. I. L'ancien régime. P., 1885, I, II—V, p. 117—146.

3 ноября

[1] Письмо Т. к Л. Л. Толстому от 3 нояб. с просьбой помочь Е. Бахмачу (т. 76, с. 47).

[2] Какое из двух вышедших за рубежом под ред. Черткова изд. было получено, не установлено. В *ЯПб* хр., II (1903), IX (1903), X (1904).

[3] См. также записи 16 февр., прим. 4 и 11 апр., прим. 18.

[4] В газ. сообщалось о введении в Польше воен. положения в связи с происходившими там массовыми забастовками рабочих и требованиями автономии страны (см., напр., *Р. вед.*, № 289, 3 нояб.).

[5] На след. день Т. сделал новые поправки к ст. (см. т. 89, с. 26).

5 ноября

[1] См., напр., *Р. вед.*, № 291, 5 нояб.

[2] *Еванг. от Матф.*, XXVI, 52.

[3] 5 нояб. Т. «ездил верхом к заставе» (*ЕСТ*).

6 ноября

[1] Письмо А. К. Чертковой от 10 нояб. н. с. (*PNP*).

[2] Письмо В. Ф. Снегирева к С. А. Толстой от 5 нояб.

[3] Т. оказывал помощь голодающим крестьянам в с. Бегичевка Данковского у., Рязанской губ.

[4] «Божеское и человеческое» вошло в «Круг чтения» — т. II, с. 392—429 (т. 42, с. 194—227). «Хаджи-Мурат» при жизни Т. опубл. не был.

[5] Драма «И свет во тьме светит». Замысел ее относится к февр. 1890 — июлю 1891 г. Т. работал над этой драмой в янв.— марте 1896 г., затем время от времени возвращался к ней (в последн. раз в окт.— нояб. 1902 г.). Осталась незавершенной (т. 31).

[6] 26 окт. А. Ф. Лебединский из с. Столбищи, Нижегородской губ., посылая Т. свою ст. «Разрушьте храм сей», просил помочь напечатать ее в «иностранной периодической печати». На конв. помета: «Отв. М. С. Сухотин» (т. 76, с. 276—277).

7 ноября

[1] Вольная передача части манифеста 3 нояб.

[2] Сообщ. в *Р. сл.*, № 285, 30 окт. об этих волнениях оказались ложными. В № 287, 1 нояб., тульский губ. Осоргин поместил опровержение.

[3] В письме к Черткову от 10 нояб. Т. сообщал об отпр. ранее «варианте к «Концу века»», 10 нояб. посылал «еще прибавочку» (т. 89, с. 28).

[4] В окт. Т. получил от Черткова корр. повести «Божеское и человеческое» и в течение окт.— нояб. работал над ними (см. т. 55, с. 167, 169—171 и т. 89, с. 25—29).

8 ноября

[1] Об отношении В. К. Сютаева к денежной помощи см. в ст. Т. «Так что же нам делать?», гл. XIV (т. 25, с. 233—234).

[2] Возможно, ст. Д. Цертелева «Письмо к русским людям» («Моск. ведомости», № 293, 4 нояб.).

[3] *Еванг. от Матф.*, VII, 16 и 20.

[4] Письмо М. Н. Толстой от 1 нояб. из Шамордина адресовано С. А. Толстой.

10 ноября

[1] См. т. 89, с. 28 и т. 76, с. 48, 51. За границей повесть была опубл. Чертковым на англ. яз., под загл. «Божеское и человеческое, или Еще три смерти»: «The Divine and the Human, or Three More Deaths». Translated by V. Tchertkoff and E. A.— В журн. F«ortnightly Review», 1906, May — June, p. 960—976, 1160—1172 (*ЯПб*). См. также: T o l s t o y. The Divine and the Human and other Stories. Christchurch, s. a. Позднее, в 1906 г., при изд. «Круга чтения», Т. решил оставить прежнее загл.

[2] *НВ* не выходило с 3 по 7 нояб. включительно.

11 ноября

[1] От письма Горбунова-Посадова, датир. 9 нояб., сохр. лишь конв. На нем помета Ю. И. Игумновой карандашом: «Корректура «Круга чтения»». Под загл. «Деньги» опубл. отд. кн. (гл. 17—20 ст. «Так что же нам делать?»). Genève, 1890. В «Посреднике» изд. не было.

[2] См. *Р. вед.*, №№ 292, 294, 295, 6, 8, 9 нояб.

[3] Делегат от Харьковской губ. А. П. Щербак выступал на заседании Всерос. крест. съезда в Москве 9 нояб. (см. «Крестьянский союз».— *Р. вед.*, № 296, 10 нояб.).

[4] См. т. 76, с. 48—52.

12—13(?) ноября

[1] С 6 по 10 нояб. в Москве происходили заседания Всерос. крест. съезда (съехалось около 160 делегатов). Съездом было выдвинуто требование передачи «всей земли в общую собственность всего народа» и созыв Учредительного собрания — не позднее февр. 1906 г. (см. «Крестьянский союз».— *Р. вед.*, №№ 292, 294, 296, 6, 8, 10 нояб.).

[2] Л. Н. T o л с т о й. Великий грех. М., «Посредник», 1905 (*ЯПб*). Из указ. кн. вышли в изд. «Посредника» в 1906 г. «Исповедь», «Мысли о боге» (*ЯПб*), «О жизни» (изд. 2-е, 1907, *ЯПб*).

[3] Этот проект осуществлен не был.

[4] 4 окт. группа пленных рус. офицеров из г. Сидзуока послала Т. через епископа Николая, основателя рус. православной миссии в Японии, письмо и деньги для голодающих. Николай переправил их Т. из Токио 8 окт. Т. отв. офицерам 30 нояб. (см. т. 76, с. 59).

[5] Очевидно, ст. С. Д. Николаева «В защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа», к-рая печаталась в «Посреднике» с предисл. Т. Вышла в 1906 г.

[6] Кн. эта позднее была изд.: Г. Д ж о р д ж. Общественные задачи. Пер. с англ. С. Д. Николаева. С предисл. Л. Н. Толстого. М., «Посредник», 1907 (*ЯПб*).

[7] A. D a m a s c h k e. Die Bodenreform. Grundsätzliches und Geschichtliches zur Erkenntnis und Überwindung der sozialen Not. B., 1903 (*ЯПб*, дарств. надпись).

[8] С. А. Толстая уехала в Москву вечером 11 нояб., вернулась 16-го (*ЕСТ*).

14 ноября

[1] *Хиагра* — подагрическое воспаление суставов кисти руки.

[2] Отв. Т. на письмо Н. Л. и М. Л. Оболенских от 11 нояб., с условной датой 13 нояб.— т. 76, с. 52.

[3] Для задуманной ст. Т. решил использовать свое письмо к Т. М. Бондареву от 23 июня 1894 г. (т. 67, с. 158—159). Полностью перераб. текст и явился «Кратким попу-

лярным листком» о земле. Впервые опубл. в «Листках «Посредника»», № 1, под загл. «Письмо Л. Н. Толстого к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)» (т. 90).

[4] Изд. журн. не осуществилось.

[5] 1-е событие произошло в 1872 г. (см. т. 61, с. 314—318).

[6] Л. Н. Толстой. Бог один у всех. По Бернарден де Сен-Пьеру. М., «Посредник», 1905; Мысли о боге. М., «Посредник», 1906 (*ЯПб*).

[7] «Конец века» в «Посреднике» изд. не был. Назв. произв. Хельчицкого и Герцена вошли в «Круг чтения».

[8] Копии с арх. докум., присылавшихся Т-му для работы над «Декабристами», сохр. в *ГМТ*.

[9] См. *Р. вед.*, № 299, 13 нояб.

15 ноября

[1] В произв. 1840-х — 1860-х гг. Герцен неоднократно подчеркивал свое отрицательное отношение к «всеобщему избирательному» праву. Так, в «Письмах из Франции и Италии» («Письмо четвертое») он писал, что франц. буржуазия в период Июльской монархии «отреклась от всего либерального, кроме кукольной комедии представительной камеры, представлявшей опять ее же самоё» (*Герцен, Женева*, т. IV, 1878, с. 190; *Герцен*, т. V, с. 63).

[2] Р. Хёнтер посетил Т. 29 июня 1903 г. вместе с англичанином Кокреллем, хорошо знавшим Рёскина (см. т. 88, с. 300).

[3] Это высказывание Герцена приведено более точно в записи 24 дек. 1904 г., прим. 3.

[4] *Еванг. от Матф.*, XXVI, 52.

[5] Драма Горького «Дети солнца» впервые поставлена 12 окт. в театре В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге, а 24 окт.— в МХТ. В печати пьеса появилась 28 нояб. («Сб. т-ва «Знание» за 1905 г.», кн. 7, СПб., 1905).

[6] Драма Г. Гауптмана «Ткачи» (1892—1893) в России поставлена только после Октябрьской революции.

[7] Польск. делегаты выдвигали требование автономии Польши (см. *Р. вед.*, №№ 294—295, 8—9 нояб.).

[8] Слухи о воен. приготовлениях Вильгельма II в связи с волнениями в Польше (см. *Р. вед.*; № 287, 1 нояб.).

[9] См. письма Т. к Горбунову-Посадову от 17(?) и 22(?) нояб. (т. 76, с. 53, 54).

[10] См. «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», т. V. СПб., 1897, с. 447—453.

[11] Изд. осуществлено не было.

[12] Н. Н. Златовратский был избран почетным предс. (см. *Р. вед.*, № 294, 8 нояб.).

[13] См. ст. «Крестьянский союз» (*Р. вед.*, № 296, 295 — 10, 9 нояб.).

[14] «В Волоколамском уезде Московской губ.» (*Прим. Гусева*).

16 ноября

[1] Вошедшее в поговорку выражение из «Антигоны» Софокла; в разных вар. встречается и у др. писателей.

[2] См. *Р. вед.*, № 299, 13 нояб.; №№ 279, 301, 24 окт., 15 нояб.

[3] См. *Р. вед.*, № 301, 15 нояб.

20 ноября

[1] Письмо от 14 нояб.

[2] Восстание на броненосце «Очаков» под руководством лейтенанта П. П. Шмидта произошло 16 нояб.

[3] О событиях на броненосце «Потемкин» см. записи 21 июня, 1 и 13 июля.

[4] Маковицкий уехал на родину 5 дек.

21 ноября

[1] Ch. Dickens. Little Dorrit. With fifty-eight Illustrations by J. Mahoney. L., s. a. (*ЯПб*).

[2] Спец. ст. о Диккенсе у Т. нет. Но в Дн. и письмах Т. встречаются многочисленные отзывы о Диккенсе. См. также «Что такое искусство?» (т. 30, с. 160, 177).

[3] См.: «Truth about Russia», указ. изд., p. 452. См. также: W. T. Stead. On Books and their circulation («The Review of Reviews Annual», 1906, p. 34; *ЯПб*). См. *ЛН*, т. 75, кн. 2, с. 108.

[4] См. в том же № журн. p. 19 — «The return from the war» (Kramskóy). Об этой картине (1879; хр. в Ивановском обл. худ. музее) Т. упоминает в трактате «Что такое искусство?» (т. 30, с. 160).

22 ноября

[1] В Вене и провинциальных австрийских городах 15 нояб. происходили забастовки и массовые мирные демонстрации рабочих с требованием всеобщего избирательного права (см. *Р. вед.*, № 303, 17 нояб.).

[2] См. «Предисловие к роману В. фон Поленца «Крестьянин»» — т. 34, с. 275. Ср. т. 30, с. 364.
[3] Чл. 1-й Гос. думы были М. А. и А. А. Стаховичи.
[4] Это письмо Т. к Г. М. Беркенгейму неизв. Не отмеч. оно и в «Списке писем Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен» (т. 76).

23 ноября

[1] Письмо Горбунова-Посадова от 22 нояб.
[2] «Христианское учение» (1894—1896) — т. 39. См. также запись 16 марта, прим. 5.
[3] Е. И. П о и о в. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Упом. изд.
[4] См. *Р. вед.*, № 307, 21 нояб.
[5] 24 нояб. Т. писал Горбунову-Посадову: «Хорошо бы напечатать листок из «Круга чтения» 30 июня, как образец имеющей выйти книги» (т. 76, с. 55). См. «Круг чтения» — т. I, с. 521—523 (т. 41, с. 447—450). Тема — тщетность внешних усилий и важность внутренней работы человека.
[6] 18 нояб. в Киеве саперы 5-го понтонного батальона отказались заменять бастующих почтово-телегр. служащих и устроили демонстрацию (*Р. вед.*, № 309, 23 нояб.).
[7] Г. Д ж о р д ж. Земля для народа. Перев. с англ. С. Д. Николаева. М., «Посредник», 1905.
[8] «Этот промысел развит в окрестных деревнях Ясной Поляны» (*Прим. Гусева*).

25 ноября

[1] См. Ch. D i c k e n s. American Notes for General Circulation. Lpz., 1842 (*ЯПб*).
[2] Кн. W. E. G l a d s t o n e. Two Letters to the Earl of Aberdeen... L., 1851 (очудовищном состоянии тюрем в Неаполитанском королевстве).
[3] В тексте рус. тетр. Маковицкого рукой А. Л. Толстой вписано: «Никогда не говорила. А. Т о л с т а я».
[4] М. Л. Толстой приезжал в Ясную Поляну вечером 25 нояб. (*ЕСТ*).
[5] Сын Анны Леопольдовны, Иван Антонович, заточенный в 1741 г. в Шлиссельбургскую крепость, был в 1764 г. убит, во время попытки Мировича освободить его; убийство Петра III в июле 1762 г.; убийство Павла в марте 1801 г. (см. Н. К. Ш и л ь д е р. Император Павел Первый, упом. изд., с. 53—54, 253).

26 ноября

[1] Изд. не осуществилось.
[2] Об успехе спектакля «На дне» в Германии см. запись 24 сент.
[3] Премьера пьесы М. Горького в МХТ состоялась 24 окт.
[4] Первая пьеса Л. Андреева, поставленная в МХТ Станиславским,— «Жизнь Человека» (1907).
[5] История Иосифа из Библии (*Бытие*, 37—50).
[6] На этом экз. кн. Л. Сулержицкого «В Америку с духоборами (из записной книжки)». М., «Посредник», 1905, дарств. надпись: «Дорогому Льву Николаевичу от автора» (*ЯПб*).
[7] Письмо Л. Е. Ковтуна из Парижа от 29 окт./11 нояб. имеет загол.: «Л. Н. Толстому. Голос из свободной страны русского человека».

27 ноября

[1] См. примеч. к записи 30 окт. 1904 г.
[2] «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Во время пребывания писателя на Сахалине он, очевидно, встречался с Ювачевым, т. к. упоминает о нем (гл. X) при описании поселка Рыковское: «...бывший мичман, человек замечательно трудолюбивый и добрый; он исправляет еще также должность церковного старосты» (А. П. Ч е х о в. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1948, с. 125). Ювачев неофициально заведовал метеорологической станцией.
[3] См. об этом записи 1 и 21 марта.
[4] Т. навестил в Уральске А. Д. Столыпина в серед. июня 1862 г., по пути из Самары.

28 ноября

[1] И. П. Ювачев писал Т. 25 февр. 1900 г., посылая ему 2 первые кн. *ИВ* за тот же год со своей ст. «Восемь лет на Сахалине». Свое пребывание в Шлиссельбурге Ювачев описал в ст.: И. П. М и р о л ю б о в (псевдоним). В затворении (*ИВ*, 1902, № 1; см. также т. 42, с. 646).
[2] Декабрист Г. С. Батеньков провел в одиночном заключении в Алексеевском равелине 20 лет.

[3] А. Я ⟨ н о в с к и й ⟩. Государство (*Брокгауз*, кн. 17; *ЯПб*).
[4] «American Notes for General Circulation» Диккенса. Lpz. 1842 (*ЯПб*). Т. передает содерж. гл. XVIII («Несколько слов в заключение») и читает вслух гл. XVII («Рабство»).
[5] См. М. А. Ф о н в и з и н. Обозрение проявлений политической жизни в России.— В кн. «Общественные движения в России в первую полбвину XIX века», т. I, с. 101, 111, 124—125.
[6] В Казани братья Т. одно время жили в д. Горталова против острога (см. «Воспоминания», т. 34, с. 381).

29 ноября

[1] Ч. Д и к к е н с. Иллюстрированные романы в сокращенном пер. Л. Шелгуновой. СПб., 1890 (*ЯПб*).
[2] *Р. вед.*, №№ 310—311, 24—25 нояб.
[3] В *ЕСТ* 1 дек. записано: «Л. Н. пишет: «Свобода и свобода» и еще мелкие статьи» (Т. писал вставку к корр. «Конца века»). «Свобода и свобода» — гл. XII «Конца века».
[4] Ст. В. Буренина «Критические очерки» (*НВ*, № 10667, 25 нояб.) вызвана ст. Горького «Заметки о мещанстве» («Новая жизнь», №№ 1, 4, 12, 18—27, 30 окт., 13, 20 нояб.) и Н. Минского «Свободные речи» (там же, № 1).
[5] См. М. М е н ь ш и к о в. Письма к ближним.— «Буржуазия и свобода» (*НВ*, № 10669, 27 нояб.).

30 ноября

[1] Изв. 8 писем Т. от 30 нояб. (т. 76, с. 56—60).
[2] Добавл. к «Концу века», посланное 2 дек. Черткову (т. 89, с. 29).
[3] Это письмо Т. неизв.
[4] В ряде №№ *ВП* (№ 289, 24 нояб.— № 296, 1 дек., с. 3—4) публиковалось объявление Моск. союза рабочих печатного дела с просьбой посылать через ред. пожертвования в «Фонд пострадавших в борьбе за свободу печати». Там же публиковались отчеты о пожертвованиях в пользу голодающих, безработных, стачечников, освобожденных полит. заключенных.
[5] Письмо Т. к В. П. Толстому (неотпр.) от 24 (?) февр. 1864 г. (т. 61, с. 38—39; см. также т. 61, с. 36—38).
[6] Отв. В. П. Толстого от (5 сент. 1857 г. на неизв. письмо Т. о разрыве отношений с М. Н. Толстой).

1 декабря

[1] Над «Фальшивым купоном» Т. работал с большими перерывами (конец 1880-х гг.— 1898, 1902—1904) (см. т. 36, с. 557—559).
[2] О выступлении делегата из Саратовской губ. см. в ст. «Крестьянский союз» (*Р. вед.*, № 295, 9 нояб.).
[3] Автограф неизв. (см. т. 36, с. 700). Сохр. 6 машинописных лл. Загл.: «Царю и его помощникам». На обложке рукой Ю. И. Игумновой: «Первая версия»; в окончат. ред. 6 машинописных лл. Начало с обращением к правительству, вошедшее в ст. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу», 1906 (т. 36).
[4] См. запись 12 сент., прим. 4.

31 декабря

[1] По-видимому, речь идет о возобновлении работы над ст. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (см. т. 55, с. 174 и т. 89, с. 34—36).
[2] Вел ли дн. Г. М. Беркенгейм, не установлено. Дн. М. С. Сухотина — *ЛН*, т. 69, кн. 2.
[3] В письме б. д. ⟨дек. 1905 г.⟩ Горбунов-Посадов сообщал, что изд. ст. Т. опасно для изд-ва.
[4] Л. Н. Т о л с т о й. Конец века. О предстоящем перевороте. 2-е, дополн. автором изд. *Св. сл.*, Christchurch, 1905.
[5] В последующие дни, работая над ст. «Обращение к русским людям...», Т. в гл. II смягчил некоторые резкие высказывания о революционерах.
[6] Н. Е з е р с к и й. Аграрная опасность (*Р. вед.*, № 319, 3 дек.).
[7] В № 12, *ВВ* было объявлено, что в 1906 г. в журн. будут напеч. соч. Т., изд. за границей (около 50 работ); «Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого», «Женщина и социализм» А. Бебеля.
[8] Легенда о крестнике использована Т. в рассказе «Крестник» (т. 25) и в трактате «Царство божие внутри вас» (т. 28).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ К ПРИМЕЧАНИЯМ

Все ссылки на тексты Толстого даются по изданию: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах («юбилейное»). Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.— Л., 1928—1959 с указанием только томов и страниц.

Б — журнал «Былое».

ВВ — газета «Биржевые ведомости».

Библиотека в ЯП — «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне», ч. 1—2. М., 1972—1975.

Бирюков I—IV — П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. I—IV. М.— П., 1922—1923.

Брокгауз — Энциклопедический словарь изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1890—1907.

Булгаков — В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1957.

ВВ — журнал «Всемирный вестник».

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВО — журнал «Вегетарианское обозрение».

ВП — газета «Вечерняя почта».

ВФиП — журнал «Вопросы философии и психологии».

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954—1965.

Герцен, Женева — «Сочинения А. И. Герцена», т. I—X. Женева, 1875—1879.

ГМ — журнал «Голос минувшего».

ГМТ — Государственный музей и архив Л. Н. Толстого (Москва).

Г. Москвы — газета «Голос Москвы».

Гольденвейзер — А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959.

Горький — Полное собрание сочинений, тт. 1—25. М., 1968—1976.

ГРМ — Государственный русский музей (Ленинград).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Гусев I — Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912.

Гусев II — Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928.

Дн.— Дневники Л. Н. Толстого.

ДСТ I—IV.— Дневник С. А. Толстой. М., 1928—1936.

ЕЖдВ — «Ежемесячный журнал для всех».

ЕСТ — «Ежедневник» С. А. Толстой (рук., *ГМТ*).

Жиз. д. В — журнал «Жизнь для всех».

Зап. кн.— Записные книжки Толстого.

Зап. ЛБ — «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина».

ИВ — журнал «Исторический вестник».

Изв. ОРЯС — журнал «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук.

Илл. прилож. к НВ — Иллюстрированные приложения к «Новому времени».

Кн. корресп.— «Книга записи корреспонденции» (*ГМТ*).

Летопись I—II — Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890 и 1891—1910. М., 1958 и 1960.

Летописи ГЛМ 2 — Государственный литературный музей. Летописи, кн. 2, «Л. Н. Толстой». М., 1938.

Летописи ГЛМ 12 — Государственный литературный музей. Летописи, кн. 12, «Л. Н. Толстой», т. II. М., 1948.

ЛН — «Литературное наследство».

МБ — журнал «Мир божий».

МВ — газета «Московские ведомости».

МГ — журнал «Минувшие годы».

МЛ — газета «Московский листок».

МО — журнал «Миссионерское обозрение».

МР — Музей революции (Москва).

МТА — Международный толстовский альманах «О Толстом». М., 1909.

НВ — газета «Новое время».

НГ — газета «Наша газета».

НД — газета «Новости дня».
НЖ — газета «Наша жизнь».
Н и БГ — газета «Новости и Биржевая газета».
НП — журнал «Новый путь».
НР — газета «Новая Русь».
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
ОР — «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого». М. 1955.
Очерки былого — С. Л. Толстой. Очерки былого. Изд. 3-е. Тула, 1965.
ПГ — «Петербургская газета».
ПСТ — С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910. М., 1936.
ПТС — «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906». Л., 1929.
Р — газета «Русь».
РА — журнал «Русский архив».
РБ — журнал «Русское богатство».
РВ — журнал «Русский вестник».
Р. вед. — газ. «Русские ведомости».
РЛ — газета «Русский листок».
РМ — журнал «Русская мысль».
РС — журнал «Русская старина».
Р. сл. — газета «Русское слово».
РУ — газета «Раннее утро».
СО — газета «Сын отечества».
Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». СПб.
СВ — журнал «Северный вестник».
Св. сл. — журнал, издательство и листки «Свободное слово».
Сл. — газета «Слово».
СМ — журнал «Современный мир».
Совр. — журнал «Современник».
Список — Список писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого (в томах писем Полного собрания сочинений Толстого).
Сухотин — «Толстой в последнее десятилетие своей жизни. По записям в дневнике М. М. Сухотина» («Лит. наследство», т. 69, кн. 2).
ТВС I—II — «Толстой в воспоминаниях современников», т. I—II. М., 1960.
ТЕ — «Толстовский ежегодник». М., 1912 и 1913.
«Толстой-редактор» — сборник «Толстой-редактор». М., 1965.
Тургенев, Письма. — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах.— Письма в тринадцати томах. М.— Л., 1961—1968.
УР — газета «Утро России».
Шифман — А. И. Шифман. Толстой и Восток. М., 1971.
ЯЗ I, II — «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Вып. I—II. М., 1922—1923.
ЯПб — Яснополянская библиотека.
*ЯПб ** — книга описана по рук. каталогу Яснополянской библиотеки (*ГМТ*).
Ясб. — «Яснополянский сборник».
ADM — Архив Д. Маковицкого (племянника) в г. Братислава.
B.— Berlin.
L.— London.
LAMS — Literárny archív Matice slovenská (г. Мартин).
Lpz.— Leipzig.
N. Y.— New York.
Op. cit. — цитируемое произведение.
P. — Paris.
PNP — Музей «Památník národního písemnictví» (Прага).
s. a. — без года.
St.— Stuttgart.

Все упоминаемые в примечаниях (без особой оговорки) рукописи Толстого, а также письма к нему хранятся в *ГМТ*.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

СТАТЬИ

ТОЛСТОЙ В ДНЕВНИКЕ МАКОВИЦКОГО. ЭПОХА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, БЫТ
Статья В. Ф. Асмуса 11

Д. П. МАКОВИЦКИЙ
Биографический очерк С. Колафы 32

«ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ». ИХ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ДНЕВНИКОВ О ТОЛСТОМ.—ОБЗОР ОСНОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ.—ПРЕДЫСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ.
Статья Э. Е. Зайденшнур 50

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.—ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ.—БИБЛИОГРАФИЯ
Эдиционно-текстологическая справка редакции «Литературного наследства» 79

ДНЕВНИК

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 89

1904

Октябрь 93
Ноябрь 102
Декабрь 102

1905

Январь 121
Февраль 158
Март 197
Апрель 230
Май 266
Июнь 301
Июль 329
Август 361
Сентябрь 392
Октябрь 413
Ноябрь 446
Декабрь 480

ПРИМЕЧАНИЯ

1904 485
1905 489

«Литературное наследство». Том 90

«У Толстого» (1904—1910).— Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого
Книга первая (1904—1905)

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редакторы издательства *Е. В. Белова, В. Ч. Воровская, Г. А. Гудимова*
Художественный редактор *С. А. Литвак*. Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *Л. И. Кириллова, О. В. Лаврова*

ИБ № 5498

Сдано в набор 11.04.78. Подписано к печати 21.03.79. А-00901. Формат 70×108¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 47,8
Уч.-изд. л. 51.6 Тираж 15 000 экз. Тип. зак. 478. Цена 6 р. 80 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

6р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

6 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·